

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

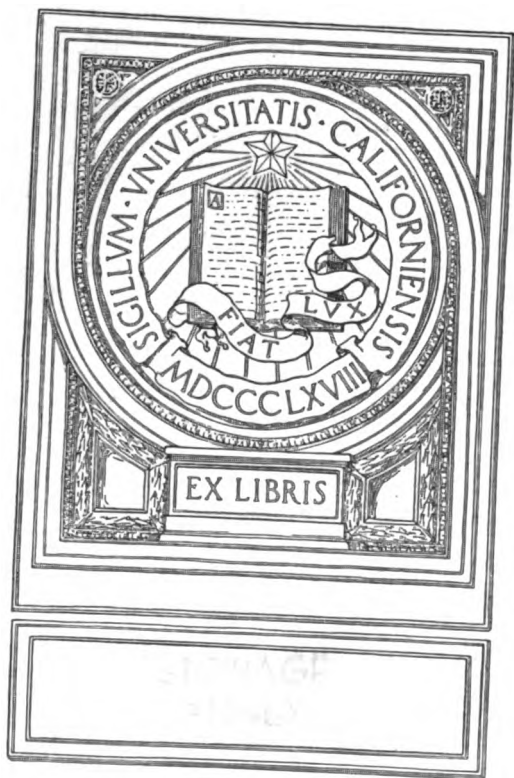
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia. Min. нар. прос.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ ССЛXIX.

1890.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

L451
A4
v. 269

Бюджетный заказ № 80.
2014.

762

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХІХ.

1890.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.
1890.

Екатерининскій кан., № 80.
2014.

*Журн.
40.*

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (6-го февраля 1890 года). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній для инородцевъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній для инородцевъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній для инородцевъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ, мнѣніемъ положилъ:

І. Проекты положенія о Симбирской чувашской учительской школѣ и штата сего учебнаго заведенія представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

ІІ. На покрытіе исчисленнаго по упомянутому въ отд. І штату расхода, въ размѣрѣ 10.940 руб., отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ суммѣ (5.524 р. 50 к.), ассигнуемой нынѣ на содержаніе чувашской школы въ г. Симбир-

ствѣ, по пяти тысячъ четыреста пятнадцати рублей пятидесяти копѣекъ ежегодно, со внесеніемъ означеннаго расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ обязательной пересылкѣ по почтѣ корреспонденціи правительственныхъ установлений, предоставить Симбирской чувашской учительской школѣ пользоваться правомъ бесплатной почтовой пересылки на условіяхъ, общихъ для всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній.

IV. Въ дополненіе къ суммѣ въ 33.950 руб., назначенной по Высочайше утвержденному 27-го марта 1872 года штату Казанской учительской семинаріи, отпускать ежегодно на содержаніе означенной семинаріи по четыре тысячи шестисотъ рублей, въ томъ числѣ: а) 4.000 руб. на хозяйственные расходы, б) 300 руб. на увеличеніе жалованья учителю пѣнія и в) 300 руб. на вознагражденіе за обученіе воспитанниковъ семинаріи скрипичной игрѣ.

V. Вносить ежегодно въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія по одной тысячѣ сто тридцать два рубля пятидесяти коп. на содержаніе въ Вятской губерніи центральной школы для вотяковъ.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ С.-Петербургѣ, 6-го февраля 1890 года.

Положеніе о Симбирской чувашской учительской школѣ.

1. Симбирская чувашская учительская школа имѣетъ цѣлью приготовленіе учителей для начальныхъ чувашскихъ училищъ въ видахъ распространенія религіозно-нравственнаго, православно-русскаго просвѣщенія среди чувашскаго населенія.

2. Чувашская школа есть заведеніе закрытое.

3. Въ школѣ обучаются крещенные и некрещенные чуваши въ количествѣ сорока казеннокоштныхъ воспитанниковъ.

4. Кромѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ допускаются, на сколько позволяеть помѣщеніе и педагогическія условія школы, стипендіаты земства, сельскихъ обществъ, частныхъ учреждений и лицъ, а также своекоштные воспитанники, которые должны жить въ школѣ

вмѣстѣ съ казеннокоштными воспитанниками на одинаковыхъ съ ними условіяхъ.

5. Для практики въ русской рѣчи и для сближенія инородцевъ съ русскими, въ школу могутъ быть принимаемы, какъ казеннокоштными воспитанниками, такъ и частными стипендіатами, русскіе мальчики въ числѣ, опредѣляемомъ педагогическимъ совѣтомъ (§ 14 п. б.).

6. Средства школы составляютъ: а) суммы, отпускаемыя ей изъ казны по штату; б) плата за содержаніе частныхъ стипендіатовъ и своекоштныхъ воспитанниковъ (§ 4), и в) случайныя пожертвованія въ пользу школы отъ общества и частныхъ лицъ. Суммы, поступающія на основаніи п.п. б и в, причисляются къ спеціальнымъ средствамъ школы.

7. Школа состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Казанскаго учебнаго округа.

8. Управление школой возлагается на инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа. Въ помощь ему назначается попечителемъ округа одинъ изъ штатныхъ преподавателей наукъ, который называется завѣдывающимъ школою и получаетъ по этой должности особое добавочное вознагражденіе.

9. Наставники избираются инспекторомъ чувашскихъ школъ: законоучитель—по предварительному соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, изъ духовныхъ лицъ, получившихъ богословское образованіе въ духовной академіи или семинаріи, а преподаватели наукъ—изъ лицъ православнаго исповѣданія природныхъ чувашъ, основательно знающихъ русскій языкъ, или изъ русскихъ, свободно говорящихъ по чувашски. Тѣ и другіе должны имѣть званіе учителей городскихъ или начальныхъ училищъ. Всѣ наставники утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа.

10. Врачъ избирается инспекторомъ чувашскихъ школъ съ утвержденія попечителя учебнаго округа, а учителя церковнаго пѣнія, чиstopисанія, черченія и рисованія, гимнастики и ремесль, а равно экономъ и смотритель дома опредѣляются инспекторомъ.

11. Законоучитель и преподаватели наукъ пользуются правами и преимуществами по службѣ, а равно пенсіей и единовременными пособиями, предоставленными учителямъ городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

12. При школѣ имѣется домовая церковь, настоятель которой избирается попечителемъ Казанскаго учебнаго округа по соглашенію съ епархіальнымъ архіереемъ.

13. Совѣтъ школы образуется, подъ предсѣдательствомъ инспектора чувашскихъ школъ, а въ его отсутствіе—завѣдывающаго школой учителя, изъ законоучителя, прочихъ наставниковъ школы и учителя пѣнія. По вопросамъ гигиеническимъ и врачебнымъ приглашается въ засѣданіе совѣта, съ правомъ голоса, состоящій при школѣ врачъ.

14. Къ обязанностямъ совѣта относятся: а) приемъ и увольненіе воспитанниковъ; б) опредѣленіе числа русскихъ учениковъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ (§ 5); в) выдача окончившимъ курсъ свидѣтельствъ на право учителей начальныхъ училищъ; г) выборъ учебниковъ и руководствъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности; д) распредѣленіе учебныхъ предметовъ между наставниками; е) распредѣленіе по классамъ учебнаго курса преподаваемыхъ предметовъ; ж) выборъ и выписка книгъ для фундаментальной и ученической библіотекъ; з) составленіе предположеній о размѣрѣ платы за содержаніе частныхъ стипендіатовъ и своекоштныхъ воспитанниковъ; и) составленіе ежегодно смѣты расходовъ по содержанію воспитанниковъ; і) расходованіе штатныхъ суммъ согласно счету уставу министерства народнаго просвѣщенія; к) опредѣленіе расходовъ, производимыхъ изъ специальныхъ средствъ школы и л) изысканіе мѣръ, могущихъ вообще служить къ благоустройству и успѣхамъ заведенія въ учебно-воспитательномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Постановленія совѣта, касающіяся предметовъ, обозначенныхъ въ п. п. д, е, ж, и, в, л, представляются на утвержденіе попечителя учебнаго округа, а предположенія о размѣрѣ платы за содержаніе частныхъ стипендіатовъ и своекоштныхъ воспитанниковъ (п. з) представляются чрезъ попечителя округа на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

15. Въ школѣ преподаются: законъ Божій, русскій и церковнославянскій языки и ариметика съ методическими указаніями въ концѣ курса относительно преподаванія двухъ послѣднихъ предметовъ въ начальныхъ сельскихъ училищахъ, главныя основанія геометріи съ элементарными свѣдѣніями изъ землѣмѣрія, русская исторія, краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, необходимѣйшія свѣдѣнія по естествовѣдѣнію, чистописаніе, черченіе и рисованіе, церковное пѣніе; сверхъ того, воспитанники обучаются, по мѣрѣ возможности, гимнастикѣ и ремесламъ по выбору совѣта, а въ лѣтнее время занимаются огородничествомъ и садоводствомъ.

16. Полный курсъ ученія продолжается шесть лѣтъ и распредѣ-

ляется по тремъ классамъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ.

17. Послѣдній годъ шестилѣтняго курса назначается на практическія занятія учениковъ по преподаванію подъ руководствомъ наставниковъ въ одномъ изъ чувашскихъ начальныхъ училищъ въ г. Симбирскѣ.

18. Приемъ учениковъ допускается только въ первый и второй классы, при чемъ въ первый классъ принимаются дѣти не моложе 12 лѣтъ отъ роду со свѣдѣніями не ниже курса начальныхъ народныхъ училищъ, а во второй—ученики соответствующаго возраста, оказавшіе на испытаніи достаточныя свѣдѣнія въ пройденномъ на первомъ курсѣ.

19. Въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ зачисляются по опредѣленію совѣта на имѣющіяся вакансіи ученики, оказавшіе при испытаніяхъ лучшіе успѣхи.

20. Воспитанники, окончившіе съ успѣхомъ курсъ, получаютъ, по удостоенію совѣта, свидѣтельства на званіе учителя начального училища и за все время служенія своего въ этой послѣдней должности освобождаются отъ всѣхъ личныхъ повинностей.

21. Казеннокоштные воспитанники, окончившіе курсъ, съ званіемъ учителя, назначаются учителями въ сельскія чувашскія училища съ обязательствомъ прослужить шесть лѣтъ въ должности учителя въ начальныхъ чувашскихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа. Тѣ же которые за недостаткомъ учительскихъ вакансій или по особымъ уважительнымъ обстоятельствамъ не будутъ опредѣлены на учительскія должности, освобождаются, по ходатайству педагогическаго совѣта школы и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, отъ обязательной службы безъ всякаго денежнаго взыскапія за полученныя ими стипендіи.

22. Воспитанники школы, по отбыванію воинской повинности, пользуются льготами, предоставленными воспитанникамъ учительскихъ семинарій.

23. Школа имѣетъ печать, утвержденнаго для губернскихъ установленій образца, съ надписью вокругъ государственнаго герба „Симбирская чувашская учительская школа“.

24. Льготы, которыми пользуется школа относительно платежа пошлинъ, гербоваго и иныхъ сборовъ, а также по отправленію государственныхъ, земскихъ и городскихъ повинностей, опредѣляются въ подлежащихъ уставахъ.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайль.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
„*Быть по сему*“.

Въ С.-Петербургѣ.
6-го февраля 1890 года.

Ш Т А Т Ъ

Сибирской чувашской учительской школы.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсиямъ.
		Жило-ванья.	Столо-выхъ.				
Законоучителю при казенной квартирѣ	1	400	200	600	—	—	По учеб-ной службѣ.
Учителямъ	4	400	200	2.400	IX	IX	
Одному изъ преподавателей за завѣдываніе школой добавочныхъ.	—	—	—	200			
Учителю пѣнія	1	—	—	300			
Учителю чистописанія и рисо-ванія	1	—	—	240			
Врачу и на расходы по боль-ницѣ	1	—	—	360	VIII	VIII	По меди-цинской службѣ.
Эконому при казенной кварти-рѣ платы	1	—	—	240			
На расходы по обученію ого-родничеству, садоводству, гимна-стикѣ и ремесламъ	—	—	—	400			
На содержаніе 40 воспитанни-ковъ казенныхъ стипендіатовъ, по 80 руб. каждому	40	—	—	3.200			
На наемъ писца и канцеляр-ские расходы	—	—	—	360			
На библиотечку и прочія учебныя пособія, а также на награды во-спитанникамъ	—	—	—	400			
На хозяйственные расходы по содержанію и ремонту дома и на наемъ прислуги	—	—	—	2.000			
На содержаніе церкви	—	—	—	240			
Итого	—	—	—	10.940			

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

2. (13-го февраля 1890 года). О правахъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа по воспитанію дѣтей на казенный счетъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа по воспитанію дѣтей на казенный счетъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа по воспитанію дѣтей на казенный счетъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Законоучителямъ среднихъ учебныхъ заведеній изъ воспитанниковъ духовныхъ академій и священнослужителей, служащихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа, на которыя не распространяется дѣйствіе пол. объ особ. преим. гражд. службы (св. зак. т. III, изд. 1886 г.), предоставляется, безъ различія мѣстныхъ отъ пріѣзжихъ жителей, право на помѣщеніе дѣтей ихъ на учрежденныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края казенныя вакансіи и стипендіи.

2) Сыновья пользующихся правомъ воспитанія дѣтей на казенный счетъ законоучителей, служащихъ въ Кавказскомъ краѣ, зачисляются кандидатами на существующія въ Кавказскомъ учебномъ округѣ при пансіонахъ среднихъ учебныхъ заведеній казенныя вакансіи, положенныя для дѣтей русскихъ чиновниковъ,—если отцы ихъ туземцы.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(13-го февраля 1890 года). О расходѣ на устройство и содержаніе кабинета по анатоміи и физиологіи растений при Императорской Академіи Наукъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о рас-

ходѣ на устройство и содержаніе кабинета по анатоміи и физиологіи растений при Императорской Академіи Наукъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходѣ на устройство и содержаніе кабинета по анатоміи и физиологіи растений при Императорской Академіи Наукъ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) сдѣлавъ надлежащее распоряженіе объ учрежденіи при Императорской Академіи Наукъ кабинета съ лабораторіею по анатоміи и физиологіи растений, занесенные къ условному отпуску по п. б. ст. 2 § 18 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1890 года на устройство, содержаніе и наемъ помѣщенія для означеннаго кабинета четыре тысячи восемьсотъ рублей и по п. а ст. 1 § 18 той же смѣты тысяча двѣсти рублей на содержаніе лаборанта при семъ кабинетѣ, обратить на предметъ ихъ прямого назначенія, и 2) вносить, начиная съ 1891 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія: а) по одной тысячѣ рублей въ годъ на содержаніе кабинета съ лабораторіею и на издержки по производству опытовъ, б) по одной тысячѣ двѣсти рублей на содержаніе лаборанта и в) впредь до перевода лабораторіи въ одно изъ академическихъ зданій, по восьмисотъ рублей на наемъ помѣщенія для означенной лабораторіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Тульскомъ реальномъ училищѣ трехъ стипендій.

Въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Его Величества отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года, Тульская городская дума, въ засѣданіи 23-го марта 1889 года, постановила учредить при Тульскомъ реальномъ училищѣ три стипендіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей цѣли названною городскою думою капитала,

въ одну тысячу пятьсотъ рублей, съ присвоеніемъ наименованія стипендіямъ: „Имени его Императорскаго Величества Государя Императора, Имени Ея Величества Государыни Императрицы и Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 24-й день февраля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій и повелѣлъ благодарить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(16-го декабря 1889 года). Производится за отличіе: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янкевичъ—въ тайные совѣтники, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ службы, и съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный (Высочайшее повелѣніе 30-го ноября 1889 г.).

Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Ворошиловъ—ректоромъ сего университета, на четыре года, экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, надворный совѣтникъ Великій—временно исправляющимъ должность ректора сего университета, съ 16-го октября 1889 г. (Высочайшее повелѣніе 16-го октября 1889 г.), дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: VI класса, статскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцyna и VIII класса, коллежскій совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, первый—дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента, а второй—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Утверждаются: адъюнкты Императорской Академіи Наукъ, коллежскій совѣтникъ Залеманъ—экстраординарнымъ академикомъ сей академіи по исторіи и словесности азіатскихъ народовъ, съ 4-го ноября 1889 года, титулярный совѣтникъ Маврокордато, поручикъ запаса кавалеріи Рафаловичъ, дворянинъ Милорадовичъ и потомственный почетный гражданинъ Поповъ—почетными попечителями гимназій на три года: Маврокордато—Одесской второй, Рафаловичъ—Одесской третьей, Милорадовичъ—Прилукской и Поповъ—

Шуйской, оберъ-камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Нарышкинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Безпальчевъ и потомственный почетный гражданинъ Журавлевъ—вновь почетными попечителями реальныхъ училищъ на три года: первый — Тамбовскаго, второй—Роменскаго и послѣдній—Новгородскаго.

Командируются съ ученою цѣлью: въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Минаевъ—по 1-е сентября 1890 года.

За границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на 28 дней, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Овсянко-Куликовскій—на восемь мѣсяцевъ, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Половцевъ—на одинъ годъ, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михайловъ и кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Сперанскій—на два года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: сверхштатному учителю Порховскаго уѣзднаго училища Моренгольдъ—по 3-е августа 1890 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Новиковъ—по 9-е января 1890 года.

Въ Россіи и за границу: старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ Делленъ—на семь мѣсяцевъ (Высочайшее повелѣніе 28-го октября 1889 г.).

За границу: почетные попечители гимназій: Киевской второй, Терещенко—на шесть мѣсяцевъ и Одесской второй, Маврокордато—на семь мѣсяцевъ.

Увольняются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ—за выслугою срока, отъ должности ректора сего университета, директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Струве, согласно прошенію, отъ службы.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершихъ дерптскаго 2-й гильдіи купца Петра Ивановича Рундальцева и жены его Ольги Михайловны Рундальцевой при Дерптскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждаются при Дерптскомъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи имени дерптскаго 2-й гильдіи купца Петра Ивановича и жены его Ольги Михайловны Рундальцевыхъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ р., завѣщаннаго Рундальцевымъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти облигаціяхъ III-го восточнаго займа, по сто руб. каждая, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, обращаются на взносъ платы за ученіе за двухъ изъ воспитанниковъ училища.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Дерптскаго городского училища.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

2. (22-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени маіора Василя Николаевича Чубровскаго при Александровской Борисоглѣбской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго маіоромъ Василіемъ Чубровскимъ капитала въ десять тысячъ семьсотъ рублей, заключающагося въ государственныхъ бумагахъ, учреждаются при Александровской Борисоглѣбской прогимназіи четыре стипендіи съ наименованіемъ: „стипендіи маіора Василя Чубровскаго“, одна въ 168 руб. и три по 100 руб. каждая.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Борисоглѣбской мужской прогимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Остатки отъ процентовъ съ стипендіального капитала, а также могущія образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій или по другимъ причинамъ сбереженія обращаются: а) на расходы по обмѣну государственныхъ бумагъ, въ случаѣ выхода ихъ въ тиражъ, и на уплату расходовъ за новые купонные листы, и б) на увеличеніе размѣра стипендій.

§ 4. Въ стипендіаты избираются бѣднѣйшіе изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанниковъ прогимназіи, безъ различія сословій, при чемъ преимущество отдается дѣтямъ жителей города Борисоглѣбска и его уѣзда.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ, согласно волѣ завѣщателя, педагогическому совѣту Борисоглѣбской мужской прогимназіи.

§ 6. Стипендіи производятся, за вычетомъ установленнаго, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, государственнаго налога, изъ ежегодныхъ процентовъ и выдаются стипендіату или его роднымъ для уплаты взноса за право ученія, приобрѣтенія учебныхъ пособій и вообще на нужды ученика, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 7. Отъ педагогическаго совѣта зависитъ лишеніе стипендіи ученика вслѣдствіе его малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія или какихъ-либо другихъ причинъ (напримѣръ, выбитіе ученика изъ прогимназіи, улучшеніе матеріальныхъ средствъ его родителей и проч.).

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (8-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени камергера Двора Его Императорскаго Величества Александра Васильевича Шереметева.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Орловское общество взаимнаго кредита опредѣлило учредить при Александровскомъ Орловскомъ реальномъ училищѣ стипендію съ наименованіемъ ея: „стипендія камергера Двора Его Императорскаго Величества Александра Васильевича Шереметева“, на что и послѣдовало 3-го мая 1876 года, Высочайшее соизволеніе.

§ 2. Капиталь стипендіи состоитъ изъ трехъ 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска: одного въ 5.000 руб. и двухъ по 100 руб. каждый, всего въ суммѣ 5.200 руб., хранится въ Орловскомъ губерн-

скомъ казначействѣ и числится по спеціальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 3. Получаемыя училищемъ съ означеннаго капитала процентныя деньги, за вычетомъ суммы, слѣдующей за право ученія стипендіата, выдаются ему на руки помѣсячно.

§ 4. Избраніе стипендіата производится педагогическимъ совѣтомъ Александровскаго Орловскаго реальнаго училища. При семъ избраніи преимущество должно отдаваться дѣтямъ лицъ, служившихъ въ Орловскомъ обществѣ взаимнаго кредита.

§ 5. За безуспѣшность въ наукахъ или за неодобрительное поведеніе стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 6. Выдача стипендіи прекращается съ окончаніемъ курса наукъ въ училищѣ или вообще съ выbytіемъ изъ него стипендіата по какимъ-либо причинамъ.

4. (8-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы ротмистра Маріи Петровны Шугуровой при Тверской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Тверской Маріинской женской гимназій учреждается одна стипендія имени вдовы ротмистра Маріи Петровны Шугуровой, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи руб., завѣщанныхъ ею съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка 2-го выпуска, по 1000 руб. каждый, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ женской гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, и за исключеніемъ суммы, подлежащей уплатѣ въ гимназію за право ученія стипендіатки, выдаются помѣсячно стипендіаткѣ на ея содержаніе.

§ 4. Право избранія стипендіатки изъ дѣтей лицъ православнаго исповѣданія безъ различія сословій, но по преимуществу изъ числа

сиротъ или полусиротъ разночинцевъ Тверской губерніи, принадлежить попечительному совѣту Тверской Маріинской женской гимназіи.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія стипендіей до окончанія полного курса гимназій или до выхода изъ оной по какой-либо причинѣ.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ, происходящей отъ нерадѣнія, или неодобрительнаго поведенія, стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ, лишается права пользоваться стипендіей, и на мѣсто ея избирается другая стипендіатка.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го ноября 1889 года, № 9. Утверждаются: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Розенъ и Московскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: Герье и Клейнъ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора: первый — съ 1-го августа, второй — съ 14-го сентября и третій — съ 10-го октября 1889 г., профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабзинъ — въ званіи заслуженнаго профессора, съ 1-го сентября 1889 г., ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Гаусманъ — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета на три года, съ 20-го сентября 1889 г., экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейдингъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ каедрѣ судебной медицины, съ 15-го октября 1889 г., приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Ивановскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по каедрѣ международнаго права, съ 22-го октября 1889 г., исправляющій должность директора Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Васильевъ — въ сей должности, съ 7-го октября 1889 г., исправляющій должность инспектора Плоцкой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Абрамо-

вичъ — директоромъ Сѣдлецкой мужской гимназіи, съ 1-го октября 1889 г., исполняющій обязанности инспектора Московской 5-й гимназіи, статскій совѣтникъ Рожанковскій — директоромъ Митавской гимназіи, съ 15-го октября 1889 г., исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Свирѣлинъ — директоромъ Шавельской гимназіи, съ 21-го октября 1889 г., инспекторъ Гродневской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Мелѣорамскій — директоромъ Несвижской учительской семинаріи, съ 30-го сентября 1889 г., директоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Николаевскій — директоромъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, съ 12-го сентября 1889 г., инспекторъ народныхъ училищъ Астраханской губерніи, статскій совѣтникъ Красевъ — директоромъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, съ 28-го сентября 1889 г., помощникъ инспектора Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Тапперъ — инспекторомъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Новой Александріи, съ 26-го октября 1889 г., консультанты клиническаго института великой княгини Елены Павловны, доктора медицины: дѣйствительный статскій совѣтникъ Биддеръ, коллежскій совѣтникъ Донбергъ и надворный совѣтникъ Оттъ — почетными профессорами сего института, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ князь Волконскій — почетнымъ попечителемъ Борисоглѣбской Александровской мужской прогимназіи, на три года.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Зигель — исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета, по кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ, съ 24-го сентября 1889 г., экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Цѣзянѣ, магистръ русской словесности Соколовъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ русскаго языка и литературы, съ 8-го сентября 1889 г., сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Кузьминъ — штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ кафедрѣ госпитальной хирургіи, съ 15-го октября 1889 г., приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ гражданскаго права Ефимовъ — экстраординарнымъ профессоромъ

сего университета, по кафедрѣ римскаго права, съ 23-го сентября 1889 г., докторъ химіи Эльтековъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владимира, по кафедрѣ химіи, съ 17-го сентября 1889 г., учитель Виленской 2-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ Ивановскій — исправляющимъ должность директора Мозырской прогимназіи, съ 21-го октября 1889 г., староначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, титулярный совѣтникъ Покрываловъ — правителемъ сей канцеляріи, съ 1-го октября 1889 г., дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Вильевъ — исправляющимъ должность правителя канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа, съ 1-го октября 1889 года.

Опредѣляются: старшій ассистентъ хирургическаго отдѣленія Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Тилингъ — профессоромъ хирургіи сего института, экзекуторъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Лаутеръ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ковалевскій — дѣлопроизводителями департамента народнаго просвѣщенія: первый — VII класса, съ 4-го октября 1889 г. и второй — VIII класса, съ 21-го октября 1889 г., дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Новицкій — экзекуторомъ сего департамента, съ 4-го октября 1889 г., кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Всеволодъ Солнцевъ и Иванъ Сабинъ-Гусъ — на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному; первый — съ командированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Вибліотеку, съ 12-го октября и второй — съ 26-го октября 1889 г., изъ отставныхъ статскій совѣтникъ Сафоновъ — вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 19-го октября 1889 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: оставленный за штатомъ, по случаю закрытія химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса при Калужскомъ реальномъ училищѣ, учитель сего училища, надворный совѣтникъ Владиміръцевъ, воспитатель Императорскаго училища правовѣдѣнія, надворный совѣтникъ Виноградовъ, и почетный смотритель Тарскаго уѣднаго училища коллежскій секретарь Щербаковъ; первый — съ 1-го іюля, второй — съ оставленіемъ на службѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, съ

8-го октября и третій—съ оставленіемъ въ настоящей должности съ 26-го октября 1889 года.

Переводится: доцентъ Казанской духовной академіи, священникъ Бѣликовъ—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ профессоромъ богословія Императорскаго Томскаго университета, съ 22-го октября 1889 года.

Оставляютъ на службѣ: на одинъ годъ: директоръ Курскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Радкевичъ, съ 20-го сентября 1889 года.

По 1-е іюля 1891 года: директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, статскій совѣтникъ Меландеръ.

На два года: директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, статскій совѣтникъ Ѳедосѣевъ, съ 12-го октября 1889 г.

По 1-е іюля 1892 года: директоръ Кишиневской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ.

На пять лѣтъ: окружные инспекторы учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мохначевъ, съ 1-го августа, и Кіевскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко, съ 29-го сентября, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Розенъ, съ 1-го августа, Варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гойеръ, съ 19-го сентября и Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ, съ 26-го сентября, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кросновскій, съ 1-го октября, директора мужскихъ гимназій: Псковской, статскій совѣтникъ Новоселовъ, съ 19-го августа, Кіевской третьей, статскій совѣтникъ Воскресенскій, съ 3-го сентября и Харьковской третьей, статскій совѣтникъ Бѣлицкій, съ 30-го сентября, директоръ реальнаго училища при евангелическо-реформатской церкви, въ г. Москвѣ, статскій совѣтникъ Висневскій, съ 18-го августа и директоръ народныхъ училищъ Олонеккой губерніи, статскій совѣтникъ Артемовъ, съ 5-го октября 1889 года.

Продолжается срокъ отпуска: въ Россіи: преподавателю Якутской мужской прогимназіи Петрову—на два мѣсяца, ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Безсонову—по 2-е декабря 1889 года.

За границу: учителю Ташкентской мужской гимназіи статскому совѣтнику Мюллеру—на одинъ мѣсяць.

Увольняются въ отпускъ, за границу: ученый хранитель зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, коллежскій совѣтникъ Моравицъ и архитекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета Бернардацци—на двадцать восемь дней, почетный смотритель Рогачевскаго городского училища, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ фонъ-Верманъ—на одинъ мѣсяць, учитель Рижскаго городского реального училища Бергенгринъ—съ 7-го декабря 1889 года по 10-е января 1890 года, ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета: статскіе совѣтники: Рельманъ и Мукке и не имѣющій чина Кюстнеръ—на время предстоящихъ зимнихъ вакацій, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Вейраухъ—на два мѣсяца, сверхштатный ординаторъ офтальмологической клиники Императорскаго Харьковскаго университета, лѣкарь Незнамовъ—на три мѣсяца, врачъ Могилевскаго, Подольской губерніи, реального училища, надворный совѣтникъ Кѣтлинскій и причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскіе секретари: Здѣховскій и Пановъ—на четыре мѣсяца.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: статскій совѣтникъ Исаевъ—по случаю назначенія его преподавателемъ Императорскаго Александровскаго лицея, съ 1-го сентября 1889 года и коллежскій секретарь Яковлевъ—согласно его прошенію, съ 4-го октября 1889 года.

Увольняются, согласно прошеніямъ: директоръ клиническаго института великой княгини Елены Павловны, тайный совѣтникъ Эйхвальдъ, отъ настоящей должности, съ 8-го октября 1889 г., ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейеръ, отъ должности декана историко-филологическаго факультета сего университета, съ 20-го сентября 1889 г., заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Будаевъ, отъ службы при семъ университетѣ, съ 23-го сентября 1889 г., директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ, директоръ Сѣдлецкой мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пономаревъ и ординарный профессоръ Императорскаго Варшав-

скаго университета, статскій совѣтникъ Барсовъ, отъ службы: первый—съ 12-го сентября, второй и третій—съ 1-го октября 1889 г., съ дозволеніемъ имъ носить въ отставку мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенныя.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Георгіевскому, члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Галахову; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: члену того же комитета Дмитріеву, директору частной гимназій, въ С.-Петербургѣ, Гуревичу, окружнымъ инспекторамъ С.-Петербургскаго учебнаго округа: Гельбеке, Мохначеву и Муромцеву и директору учительскаго института, въ С.-Петербургѣ, Сентъ-Илеру, законоучителямъ: С.-Петербургскихъ гимназій: 6-й, протоіерею Петрову и 1-й, священнику Виноградову и С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, священнику Налимову, статскимъ совѣтникамъ: членамъ упомянутаго комитета: Игнатовичу и Белларминову, учителю русскаго языка и словесности С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища Срезневскому и учителю исторіи С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища Анонимову, коллежскимъ совѣтникамъ: инспектору С.-Петербургскаго 1 реальнаго училища Билибину и учителю рисованія того же училища Шеміоту и приватъ-доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета Пташицкому—за труды по составленію учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ для реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, начальницѣ Алатырской женской прогимназій Ивановой — за многолѣтнюю и полезную ея дѣятельность по сей прогимназій, учителю рисованія Кронштадтской гимназій Николаеву—за особые труды по изготовленію иконы, сооруженной въ сей гимназій въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и всей Его Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 г., симбирскому купцу Чебоксарову — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія, ораніенбаумскому городскому головѣ Рубакину—за заботы его объ Ораніенбаумскихъ городскомъ мужскомъ и женскомъ приходскихъ училищахъ, старорусскому уѣздному предводителю дворянства, коллежскому секретарю князю Васильчикову — за заботы его о народномъ образованіи въ Старорусскомъ уѣздѣ, почетному блюстителю Кундышево-Володинскаго сельскаго двухкласснаго училища, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, коммерціи-совѣтнику Кундышеву-Володину и попечителямъ сель-

скихъ училищъ, той же губерніи: Шестихинскаго, Мышкинскаго уѣзда, купцу Дурдину, Шипиловскаго, того же уѣзда, купцу Сивохину, Иловенскаго и Вѣтринскаго, Мологскаго уѣзда, графу Мусину-Пушкину, Ракобольскаго, Пошехонскаго уѣзда, землевладѣльцу Гладкову и Васильевскаго, Рыбинскаго уѣзда, купцу Жеребцову—за значительныя ихъ пожертвованія въ пользу именованныхъ училищъ, почетному попечителю Курскаго реального училища графу Клейнмихелю—за его пожертвованія и попеченія о нуждахъ сего училища, представителю торговаго дома и фабрики Баче-Шене Шену и директору фабрики Гинцбурга Масловскому—за пожертвованія ихъ въ пользу Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, попечительницѣ Ялтинской женской прогимназіи, вдовѣ почетнаго гражданина Базановой—за ея пожертвованія въ пользу сей прогимназіи, Днѣпровскимъ уѣзднымъ земству и управѣ—за сочувственное отношеніе къ Каховскому двухклассному сельскому училищу министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Руководство для преподаванія римско-католической литургіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Тираспольской римско-католической епархіи. Изданіе 2-е. Одесса. 1889. Стр. 100 + 17. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія при преподаваніи римско-католической литургіи ученикамъ-католикамъ, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Тираспольской епархіи съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи слѣданы были исправленія какъ указанныхъ ученымъ комитетомъ, такъ и многихъ другихъ мѣстъ, требующихъ исправленія.

— Книги: „А. Н. Острогорскаго, изданныя книгопродавцемъ Луковниковымъ: 1) У рабочихъ людей. Сборникъ разказовъ, съ рисунками. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Стр. 180. Цѣна 1 руб. — 2) Дѣтскій альманахъ. Сборникъ разказовъ, съ рисунками. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1889. Стр. 180. — 3) Листокъ бумаги и старья книги. Два разказа. С.-Пб. 1889. Стр. 20. Цѣна 10 коп. — 4) Безпокойная ночь. Разказъ. С.-Пб. 1889. Стр. 18. Цѣна 10 коп.—

5) Георгъ Браббъ — англійскій поэтъ. С.-Пб. 1889. Стр. 15. Цѣна 10 коп.“ — одобрить: первую для ученическихъ библиотекъ гимназій и училищъ (кромя начальныхъ и сельскихъ), мужскихъ и женскихъ, и для наградъ учащихси, а прочія для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Сборникъ ариметическихъ правилъ, примѣровъ и задачъ. Учебное руководство для учениковъ старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ М. Г. Кучерскій. Черкассы. 1888. Стр. 54. Цѣна 35 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи ариметики въ старшемъ отдѣленіи приготовительныхъ классовъ городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: „В. П. Юрѣва, преподавателя Вятской маріинской гимназій: 1) Состояніе города Вятки въ царствованіе императрицы Екаторины II. Очеркъ изъ исторіи городского общественнаго управленія. Вятка. 1885. Стр. 175. Цѣна 25 коп. — 2) Вятка въ рукописныхъ памятникахъ старины. Вятка. 1885. Стр. IV + 48. Цѣна 20 коп. — 3) Исторія герба города Вятки. Историческое разысканіе по не изслѣдованнымъ документамъ. Вятка. 1886. Стр. 31. Цѣна 15 коп.—4) Народное образованіе въ Вятской губерніи въ царствованіе императрицы Екаторины II-й (1786—1886). Вятка. 1887. Стр. 132. Цѣна 30 коп. — 5) Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ (1811—1819 г.). Вятка. 1888. Стр. 18. — 6) Историческое описаніе Благовѣщенской церкви села Ржанополомскаго Вятскаго уѣзда. Вятка. 1888. Стр. 29. — 7) Вятская старина. Матеріалы для исторіи Вятскаго края первой четверти XVIII вѣка. Выпускъ I. Вятка. 1888. Стр. 154“. — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Вятской губерніи и для фундаментальныхъ библиотекъ только среднихъ учебныхъ заведеній всего Казанскаго округа.

— Книги: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ф. Брандтъ. 4-е, переклданное изданіе. С.-Пб. 1890. Стр. 294. Цѣна 1 руб.“ и „Deutsche Chrestomathie für russische Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen und sachlichen Erklärungen und einem deutsch-russischen Wörterbuche von Friedrich Brandt. 2-te umgearbeitete Auflage. St.-Petersburg. 1884. Стр. 305+90. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — одобрить первую въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ, а вторую въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи

нѣмецкаго языка въ среднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „П. Смирновскій. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для подготовительнаго класса при гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и вообще для начинающихъ. С.-Пб. 1889. Стр. 63. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ качествѣ руководства въ подготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей. Выпускъ V. Составилъ В. Покровскій. Москва. 1889. Стр. VII+562. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ — допустить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Бойевенъ. Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перевелъ со втораго нѣмецкаго изданія, обработаннаго Эмилиемъ Санто, К. Зембергъ, и. д. инспектора Одесской 2-й гимназіи. Рига. 1890. Стр. 76.“ — одобрить для гимназій министерства народнаго просвѣщенія какъ весьма полезное пособіе не только при чтеніи авторовъ, но и при преподаваніи исторіи древней Греціи, а также и для ученическихъ библиотекъ.

— Книжку: „А. Воронежскій. Учебникъ всеобщей географіи въ трехъ курсахъ. Курсъ третій. Европа. С.-Пб. 1890. Стр. 62. Цѣна 40 коп.“ — одобрить въ видѣ руководства для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданную директоромъ Казанской учительской семинаріи Н. Ильминскимъ книгу: „Святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа. Древне-славянскій текстъ. Казань. 1889“ — на основаніи утвержденнаго оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода опредѣленія учебнаго комитета допустить въ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Дополнительныя статьи алгебры, съ предшествующею статьею „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Курсъ VII (дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. 4-е изданіе, передѣланное согласно со вновь утвержденными программами. Составилъ Я. Блюмбергъ, преподаватель при Ревельской губернской гимназіи. С.-Пб. 1890. Стр. 41+74. Цѣна 1 руб.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О заговорѣ Катилины (de conjugatione Catilinae)

Саллюстія. Съ словаремъ и объясненіями издалъ для гимназій Д. Нагуевскій, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 2-е, переработанное и дополненное. Рига. 1889. Стр. XIV + 107. Цѣна 80 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „И. Нагуевскій. Энеида Вергилія (Vergilii Aeneis). Часть II. Книга IV—VI. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. Казань. 1890. Стр. 132. Цѣна 80 коп.“ — Часть III. Книга VII—IX. Казань. 1890. Стр. 130. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по латинскому языку въ гимназіяхъ министерства.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Составилъ Конст. Ѳеодор. Петровъ. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 127 стр. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанныя недостатки.

— Книгу: „Арифметика на счетахъ. Составилъ М. Н. Кудрявцевъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. М. 1889. Въ 8-ку 79 стр. Цѣна 45 коп.“ — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, въ качествѣ учебнаго пособия, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Разные гады. О пользѣ и вредѣ ихъ. Составилъ по Брему и Франклину Ив. Шрамченко. Съ 15 рисунками. Екатеринославъ. 1890. Въ 8-ку 56 стр. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя Н. И. Позняковымъ книги: 1) „Почитать-бы! Разказы и стихотворенія для дѣтей. Съ рисунками. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 192 стр. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 75 коп.“ и отдѣльно изданныя четыре разказа изъ этой книги: 2) „Кичливая и счастливая. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 19 стр. Цѣна 10 коп.“, 3) „Безъ

елки. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 8 стр. Цѣна 5 коп.“, 4) „Св. Николь. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 20 стр. Цѣна 20 коп.“ и 5) „Малышъ. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 10 стр. Цѣна 5 коп.“; и брошюру „Мятежъ (разказъ). С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 28 стр. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Царь Алексѣй съ соколомъ. Историческій разказъ Г. П. Данилевскаго. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 24 стр. Цѣна 5 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. 2-го и 4-го минувшаго марта земскія начальныя училища: мужское и женское въ Вытегорскомъ погостѣ, Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, и мужское въ Бадожскомъ погостѣ, тѣхъ же губерніи и уѣзда, преобразованы въ одноклассныя начальныя народныя училища сего министерства.

ПОПРАВКА.

Въ напечатанномъ на 12-й страницѣ мартовской книжки Журнала Мин. Нар. Просв. за нынѣшній годъ заглавіи брошюры Е. Богословскаго вмѣсто: „Интересъ изученія древней литературы“ должно быть: „Интересъ изученія древней русской литературы“.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (8-го апрѣля 1890 года). О причисленіи однокласнаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ фортѣ Александровскомъ, Закаспійской области, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Руководствуясь Высочайше утвержденнымъ 19-го ноября 1877 года мѣнѣемъ государственнаго совѣта о порядкѣ причисленія училищъ къ IV разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, министр народнаго просвѣщенія, по предварительномъ сношеніи съ главноначальствующимъ гражданскою частію на Кавказѣ и по соглашенію съ военнымъ министромъ, призналъ возможнымъ причислить однокласное начальное училище министерства народнаго просвѣщенія въ фортѣ Александровскомъ, Закаспійской области, въ отношеніи таковыхъ льготъ къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Объ этомъ министр народнаго просвѣщенія, 8-го апрѣля 1890 года, донесъ правительствующему сенату.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (23-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени супруги шталмейстера двора Его Императорскаго Величества Юліи Михайловны Судѣнко при Владимірской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го апрѣля 1890 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу четыреста руб-

лей, собраннаго потомственными дворянами Владимірской губерніи, учреждаются при Владимірской женской гимназій двѣ стипендіи имени супруги шталмейстера двора Его Императорскаго Величества Юліи Михайловны Судіенко, въ память ея заботъ, какъ попечительницы, о нуждахъ названной гимназій и ея сердечнаго отношенія къ воспитанницамъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ 2-го выпуска, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ означенной гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, обращенію въ казну, употребляются на взносъ платы за право ученія избранныхъ стипендіатовъ; могущій же затѣмъ образоваться остатокъ выдается стипендіатамъ поровну, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и прочія нужды.

§ 4. Правомъ на полученіе стипендій пользуются воспитывающіяся въ гимназій дочери недостаточныхъ потомственныхъ дворянъ Владимірской губерніи, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу, успѣвшія, хотя бы во время кратковременнаго обученія, выказывать прилежаніе, хорошіе успѣхи и отличное поведеніе.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ г-жѣ Судіенко, пока она имѣетъ пребываніе въ г. Владимірѣ, а послѣ ея отъѣзда изъ сего города право это переходитъ къ владимірскому губернскому предводителю дворянства.

§ 6. Разъ избранныя стипендіатки пользуются стипендіею во все время пребыванія въ гимназій и могутъ быть ея лишены, по постановленію педагогическаго совѣта, только по малоуспѣшности въ наукахъ, обусловленной недостаточнымъ прилежаніемъ или неодобрительному поведенію.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (27-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи при Тамбовской гимназій въ память столѣтія со дня открытія, 22-го сентября 1786 года, Тамбовскаго главнаго народнаго училища.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго бывшими воспитанницами и служащими Тамбовской гимназій, учреждается при Тамбовской гимназій стипендія въ память столѣ-

тія со дня открытія, 22-го сентября 1786 года, Тамбовскаго главнаго народнаго училища, что нынѣ означенная гимназія.

§ 2. Обязывающій стипендію капиталъ, заключающійся въ закладныхъ 5% листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Тамбовской гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Тамбовской гимназіи, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ, по выбору педагогическаго ея совѣта.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются пополугодно стипендіату для уплаты денегъ за право ученія и для расходовъ на учебныя и другія потребности.

§ 5. За неодобрительное поведеніе или безуспѣшность въ наукахъ ученикъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи. Выдача стипендіи прекращается также въ случаѣ улучшенія матеріальнаго положенія стипендіата.

§ 6. Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена лишь по особо уважительнымъ причинамъ (продолжительная болѣзнь) и только разъ въ продолженіе всего учебнаго курса.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи и на покрытіе расходовъ по обмѣну купоновъ.

§ 8. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ со стипендіальнаго капитала и обмѣномъ билетовъ, въ случаѣ выхода ихъ изъ обращенія, на новыя государственныя процентныя бумаги, а также отчетность въ расходахъ возлагаются на хозяйственный комитетъ гимназіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (27-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи Ковенскаго окружнаго суда, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей Имъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семьсотъ рублей, пожертвованнаго членами Ковенскаго окружнаго суда, а также присяжными

повѣренными, ихъ помощниками и частными повѣренными, состоящими при названномъ судѣ, учреждается одна стипендія при Ковенской мужской гимназіи, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей Имъ опасности 17-го октября 1888 года.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа и государственныхъ 5⁰/₀ банковыхъ билетахъ, хранится въ Ковенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ковенской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ облигацій восточнаго займа или банковыхъ билетовъ, они должны быть обмѣнены на государственныя же или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, которыя приносили бы не меньшій доходъ, чѣмъ тѣ бумаги, въ которыхъ находится нынѣ пожертвованный капиталъ.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну суммы, слѣдующей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, въ сборъ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, употребляются въ пособіе при взносѣ платы за ученіе одного изъ приходящихъ воспитанниковъ гимназіи, заслуживающаго того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Стипендія предоставляется по усмотрѣнію общаго собранія отдѣленій Ковенскаго окружнаго суда ученику изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ, служащихъ или ранѣ служившихъ въ Ковенскомъ окружномъ судѣ, или изъ дѣтей бѣднѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ или же частныхъ повѣренныхъ, состоящихъ или ранѣ состоявшихъ при окружномъ судѣ, безъ различія вѣроисповѣданій.

§ 6. Избранный на означенную стипендію воспитанникъ именуется стипендіатомъ Ковенскаго окружнаго суда въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей Имъ опасности 17-го октября 1888 года.

§ 7. Каждый стипендіатъ пользуется предоставленной ему стипендіей до окончанія гимназическаго курса или до выбытія по какому бы то ни было причинамъ изъ заведенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Ковенской мужской гимназіи, пожертвованная сумма обращается, на вышеупомянутыхъ основаніяхъ, въ

пользу того учебнаго заведенія, которое будетъ учреждено взаи́мнѣ существующаго.

§ 10. Въ случаѣ закрытія Ковенскаго окружнаго суда, выборъ и назначеніе стипендіата, на основаніяхъ, изложенныхъ въ 5-мъ пунктѣ сего положенія, предоставляется тому судебному учрежденію, которое будетъ открыто взаи́мнѣ окружнаго суда.

8. (28-го апрѣля 1890 года). Положеніе о пожертвованномъ Императорскому Московскому техническому училищу капиталѣ имени умершаго коммерціи совѣтника Васи́лія Александровича Кокорева.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталу въ двадцать тысячъ рублей, завѣщанному Императорскому Московскому техническому училищу инженеръ-технологомъ Егоромъ Васильевичемъ Кокоревымъ для увековѣченія добрымъ дѣломъ памяти отца его коммерціи совѣтника Васи́лія Александровича Кокорева присвоивается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго, въ 23-й день апрѣля 1890 года, наименованіе: „капиталѣ имени умершаго коммерціи совѣтника Васи́лія Александровича Кокорева“.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 4% непрерывно-доходныхъ билетахъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, ежегодно употребляются на взносъ платы за ученіе бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, чисто русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

Примѣчаніе. Воспитанники русскаго происхожденія изъ старобрядцевъ также пользуются правомъ на полученіе пособій.

§ 4. Выборъ воспитанниковъ, могущихъ воспользоваться пособіемъ на взносъ платы за ученіе, изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, изложеннымъ въ п. 3 сего положенія, и назначеніе размѣра пособій предоставляются рѣшенію педагогическаго совѣта названнаго техническаго училища.

§ 5. Въ случаѣ закрытія Императорскаго Московскаго техническаго

училища капиталъ имени умершаго коммерціи совѣтника Василия Александровича Бокорева долженъ быть переданъ на вышеизложенныхъ условіяхъ въ другое какое-либо московское техническое училище по указанію попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 6. Пользованіе пособиями не налагаетъ на получающихъ оныя никакихъ обязательствъ.

9. (28-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Ѳедоровича Крамсакова при Новочеркасской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго статскимъ совѣтникомъ Ивановъ Ѳедоровичемъ Крамсаковымъ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждаются при Новочеркасской гимназій двѣ стипендіи имени жертователя.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, назначаются для взноса платы за право ученія за двухъ учениковъ Новочеркасской гимназій. Пользующіеся этими стипендіями ученики именуются стипендіатами статскаго совѣтника И. Ѳ. Крамсакова.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ областномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть только дѣти бѣднѣйшихъ родителей какъ донскихъ казаковъ, такъ и не войсковаго сословія, и преимущественно сироты, не имѣющіе родителей, или имѣющіе только одну мать, вдову. Если въ гимназій будутъ воспитываться родственники завѣщателя, то имъ должно быть дано право на стипендію преимущественно передъ прочими воспитанниками гимназій.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Новочеркасской гимназій.

§ 6. Выдача стипендіи прекращается: а) въ случаѣ неодобрительнаго поведенія стипендіата и б) въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата. Если стипендіатъ остается въ томъ же классѣ на второй годъ, продолженіе или прекращеніе стипендіи предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Новочеркасской гимназій.

§ 7. Могущіе оказаться, за выдачею двухъ стипендій, остатки отъ

процентной суммы причисляются къ капиталу для образованія новой стипендіи для взноса годовой платы за ученіе за третьяго ученика.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Высокопреосвященный Іосифъ (Съмашко), митрополитъ Литовскій и Виленскій. Сочиненіе преподавателя Литовской духовной семинаріи и законоучителя Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, священника Николая Извъгова. Вильна. 1889. Стр. 235. Цѣна 1 руб. 30 коп.“ — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки (для старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній).

— Изданіе: „В. В. Бобынинъ. Русская физико-математическая библіографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшимъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Томъ I. Выпускъ I. Періодъ мѣсяцеслововъ. Москва. 1886. Стр. 102. Цѣна 1 руб. — Выпускъ II (1726—1745). Москва. 1889. Стр. 115. Цѣна 1 руб. — Выпускъ III. Москва. 1890. Стр. 161. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Нѣмецко-русскій горно-технической словарь. В. Века. С.-Пб. 1890“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ реальныхъ и промышленныхъ училищъ (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ), а въ реальныхъ и среднихъ техническихъ училищахъ и для ученическихъ библіотекъ.

— Книгу: „Уроки по „Пространному христіанскому катихизису православныя католическія восточныя церкви“. Въ двухъ книгахъ. Составилъ протоіерей Георгій Титовъ. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Цѣна каждой книги 2 руб.“ — на основаніи утвержденного оберъ-прокуроромъ св. синода опредѣленія учебнаго комитета, одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Классная бібліотека греческихъ и римскихъ авторовъ: Ксенофонъ. Отступленіе десяти тысячъ (*Kóroo ἀνάβασις*). Греческій текстъ съ введеніемъ и двумя указателями: предметовъ (съ рисунками) и собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ, учителемъ Московской 3-й гимназіи. Съ приложеніемъ карты Малой Азіи. Москва. 1890. Стр. 222. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ по новѣйшимъ пособиямъ Н. Д. Малашкинъ, преподаватель Рязанской прогимназіи. Рязань. 1889. Цѣна 35 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и для двухклассныхъ городскихъ училищъ.

— Изданіе: „F. W. Putzger. Historischer Schul-Atlas zur alten, mittleren und neuen Geschichte in 59 Haupt- und 57 Nebenkarten. Aufgeführt in der geographischen Anstalt von Velgagen und Klassing in Leipzig. Vierzehnte Auflage. Bielefeld und Leipzig. 1888. Цѣна 2 маркя“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и какъ учебное пособие для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавательскій языкъ нѣмецкій.

— Книгу: „Au coin du feu (У камина) par Emile Souvestre. Съ этюдомъ, примѣчаніями и словаремъ издалъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ третій. С.-Пб. 1890. Стр. 143. Въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп.“ — одобрить какъ учебное пособие для курсорнаго чтенія въ V классѣ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, а также для домашняго чтенія учащихся, если въ указанномъ классѣ читается какое-либо другое сочиненіе.

— Альбомъ К. Далматова: „Русскія вышивки, исполненныя по атласу цвѣтнымъ шелкомъ, для мягкой мебели, а также по полотну, для карнизовъ стѣнъ и дверей русскаго терема въ паркѣ королевскаго замка Фреденсборга въ Даніи. С.-Пб. 1889. Цѣна 3 руб. безъ пересылки“ — допустить какъ учебное пособие въ тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподаются женскія рукодѣлія.

— „Курсъ кройки, новѣйшее практическое руководство къ изученію кройки бѣлья, дамскихъ, дѣтскихъ, верхнихъ платьевъ и дру-

гихъ нарядовъ безъ посторонней помощи, со многими чертежами и выкройками, составлено по французскому покрою Вѣрой Васильевной Шишмаревой. С.-Пб. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1889. Въ 4-ку 51 стр. и 75 №№ чертежей въ особомъ альбомѣ. Цѣна 2 руб.“ — одобрить для основныхъ библиотекъ тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ преподается курсъ кройки.

— Книгу: „Ревизоръ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. В. Гоголя. Первоначальный сценической текстъ, извлеченный изъ рукописей Николаемъ Тихонравовымъ. Съ приложеніемъ четырехъ снимковъ. Москва. 1886. Въ 16-ю д. л. стр. LIV+231. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Lucianus Samosatensis. Избранные разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ, для употребленія въ гимназіяхъ издалъ Ив. Млинаричъ, инспекторъ Тульской гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное. М. 1890. Стр. 128. Цѣна 70 коп.“—допустить какъ учебное пособіе для 5-го класса гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Л. Фишманъ. Сборникъ примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Рига. 1890. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе при начальномъ обученіи ариметикѣ.

— Книжку: „Richard Kalnin. Methodisch-geordnete arithmetische Aufgaben für das Tafelrechnen. Fiertes Heft. (Kursus der dritten Klasse.) St.-Petersburg. 1890. S. 86+XXVII. Preis 60 kop.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Русская греко-униатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. С.-Пб. 1890.“ — одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (для старшаго возраста) библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

• — Книгу: „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова. С.-Пб. 1889“ — на основаніи утвержденного оберъ-прокуроромъ св. синода опредѣ-

ленія учебнаго комитета, одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Проф. Э. К. Брандтъ. Популярная зоологическая энциклопедія. Млекопитающія. С.-Пб. 1890. Цѣна 5 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Е. Сысоева. Актеа. Повѣсть изъ древней греческой и римской жизни. Изданіе 2-е, исправленное. Съ 2 рисунками. С.-Пб. 1890. Стр. 123. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, безъ внесенія оной въ нормальный каталогъ.

— Сочиненія А. Н. Острогорскаго: 1) „Въ своемъ кругу. Повѣсти и разказы. Съ рисунками. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Стр. 227. Цѣна 1 р. 25 коп.“—2) „Прерванная вечеринка. Разказъ. С.-Пб. 1889. Стр. 18. Цѣна 10 коп.“—3) „Дробинка. Разказъ. С.-Пб. 1889. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“—4) „Рыбы. Два разказа. С.-Пб. 1889. Стр. 15. Цѣна 10 коп.“—5) „Рыбаки на Волгѣ. Три разказа. С.-Пб. 1889. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“—одобрить для ученическихъ (младшаго возраста) бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, со включеніемъ оныхъ въ нормальный каталогъ; а 6) „Друзья и враги сельскаго хозяина. С.-Пб. 1889. Стр. 18. Цѣна 10 коп.“—допустить въ означенныя бібліотеки, безъ включенія въ нормальный каталогъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Начальная физика для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Составилъ С. Ковалевскій. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку XII+165 стр. Цѣна 75 коп.“—допустить какъ учебное пособие для означенныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Лучъ. Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ. Составилъ Г. М. Дьяченко. Изд. 2-е. Москва. 1890. Въ 8-ку 105 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ, для внѣкласснаго чтенія.

— Книгу: „Гайавата (The song of Hiawatha). Сказка изъ жизни

сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Генри Лонгфелло. Переводъ и предисловіе Д. Л. Михайловскаго. Съ 30 рисунками Н. Каразина. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку XIV+151 стр. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей. Москва. 1890. Въ 12-ю д. л. 135 стр. Цѣна 80 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальная книжка для обученія рускому языку. Руководство для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ и сельскихъ училищъ. Хрестоматія. Начатки грамматики. Письменные задачи. Составилъ Левъ Поливановъ. Изд. 3-е. Москва. 1889. Въ 8-ку 215 стр. Цѣна 50 коп.“—одобрить для употребленія въ городскихъ и сельскихъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Первая помощь до прихода лѣкаря. Составилъ Н. Н. Богословскій. Изданіе „Народной Библіотеки“. Москва. 1885. Въ 8-ку 32 стр. Цѣна 6 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Передѣлана съ французскаго Ек. Векетовой. Съ 10-ю рисунками. С.-Пб. 1890. Въ 6. 8-ку 92 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкою“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Курсъ практической педагогики, съ 37 рисунками въ текстѣ. Для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Составилъ С. А. Бобровскій. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Москва. 1890. Въ 8-ку 330 стр. Цѣна 1 рубль“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Основы обученія рускому языку въ народной школѣ. Изд. 2-е, дополненное статьей „Книга для класснаго чтенія“. Н. Горбова. Москва. 1890. Въ 12-ю д. л. 77 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи (родиноуздѣніе). Составленъ Иваномъ Можайскимъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ картою губерніи. Новгородъ. 1890. Въ 8-ку 79 стр. (Цѣна не обозначена)“—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищахъ Новгородской губерніи, въ качествѣ учебнаго по-

собія, и въ бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній прочихъ губерній.

— Составленная учительницею народнаго училища Е. Г.: 1) „Пропись правописанія. Элементарная практическая грамматика для народныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, а также для домашняго обученія. Тетрадь 1-я. Тверь. 1889. Въ 8-ку 24 стр. Цѣна 7 коп.“ и 2) „Руководство къ „Прописи правописанія“ и диктанты. Книжка для учащихся. Тетрадь 1-я. Тверь. 1889. Въ 8-ку 12 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а второе—въ учительскія бібліотеки тѣхъ же училищъ.

— Книгу: „Задачникъ и ариметика для начальныхъ училищъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Составилъ учитель И. С. Виноградовъ. Москва. 1890. Въ 8-ку 300 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ же изданіи пополненъ былъ листокъ опечатокъ.

— Книгу: „Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества Франсиса Бѣрнета. Переводъ съ англійскаго „Little lord Fountle-go“, подъ редакціей Е. Сысоевой. Съ 17 рисунками. Изд. А. Девриена. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 141 стр.“—допустить въ ученическія бібліотеки гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, для чтенія учениковъ средняго возраста.

— Книгу: „Учебникъ русскаго языка. Отдѣлъ теоретическій. Часть I. Этимологія. Составилъ Алексѣй Новопащенко. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку 68 стр. Ц. 20 коп.“—допустить въ качествѣ учебника для городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Еженедѣльный литературно-художественный журналъ „Сѣверъ“, издаваемый въ С.-Пб. статскимъ совѣтникомъ Всеволодомъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ; цѣна за годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкой 5 руб. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города 6 руб.—одобрить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ семинарій и институтовъ и въ учительскія бібліотеки городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ, кромѣ приложенія къ журналу за 1889 г., озаглавленнаго: „Альманахъ „Сѣвера“ на 1890 годъ“.

ТРИНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
УЧРЕЖДЕННЫХ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, на 1890 годъ назначена была, по разряду гимназій, группа „языки латинскій и греческій, съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-латинскаго словаря“. Къ опредѣленному Положеніемъ о сихъ преміяхъ сроку, 1-го ноября 1889 года, поступило въ ученый комитетъ только три сочиненія: одно рукописное и два печатныя.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при основномъ отдѣлѣ ученаго комитета была учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. Х. Лемовіуса, особая коммиссія, въ составъ которой избраны: членъ ученаго комитета И. П. Хрущовъ, экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ф. Зѣлинскій и преподаватели С.-Петербургской 3-й гимназіи Э. Э. Кесслеръ и П. А. Сидоровъ.

Коммиссія, разсмотрѣвъ переданныя ей конкурсныя сочиненія и опредѣливъ абсолютное и относительное достоинство ихъ, въ виду научныхъ требованій и дидактической примѣнимости, установила пункты, на основаніи которыхъ потомъ составлены два отзыва о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ. По этимъ отзывамъ, какъ рукописи статскаго совѣтника Мусселіуса, такъ и печатныя книги проф. Миллера въ научномъ отношеніи оказались трудами почтенными, заслу-

живающими полного одобрения. Но при сопоставлении их другъ съ другомъ относительно приложеннаго къ ихъ составленію труда и практической ихъ пригодности, комиссія пришла къ слѣдующему заключенію:

Принимая въ соображеніе, что

1) „Русско-латинскій словарь“ г. Мусселиуса, при полномъ отсутствіи у насъ равностепенныхъ ему предшественниковъ, является трудомъ совершенно новымъ и по сухости и копотливости работы требовавшимъ высшаго самоотверженія автора, тогда какъ Комментарій къ Горацию и „Метрика“ г. Миллера представляютъ предметъ, многократно обработанный въ иностранныхъ литературахъ и поддерживающій дѣятельность составителя своею большею занимательностью;

2) Трудъ г. Мусселиуса, обнимая весь запасъ латинскаго языка, удовлетворяетъ воіюющимъ требованіямъ всѣхъ классовъ гимназій, въ которыхъ идутъ переводы съ отечественнаго языка на латинскій; а изданіе Горация, составленное г. Миллеромъ, не содержащее въ себѣ притомъ полнаго собранія произведеній римскаго поэта, по своей практической примѣнимости, ограничивается лишь однимъ классомъ, въ которомъ читается Гораций, не говоря о Метричѣ г. Миллера, которая не столько пригодна въ видѣ пособія для учащихся, сколько въ качествѣ настольной книги для преподавателей, — комиссія не могла не признать преимущества рукописи г. Мусселиуса предъ книгами г. Миллера какъ по свойству труда, такъ и по объему ожидаемой отъ него пользы. Если же, по этимъ соображеніямъ, г. Мусселиусъ оказалъ нашимъ гимназіямъ гораздо большую услугу, чѣмъ г. Миллеръ, то рѣшеніе вопроса о правѣ того или другаго на премію становится уже совершенно несомнительнымъ въ виду объявленія отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по поводу вызова на соисканіе премій Императора Петра Великаго за истекшій годъ; въ этомъ объявленіи сказано: „На 1889 г. группа „языки латинскій и греческій, съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-латинскаго словаря“.

Посему комиссія признала трудъ г. Мусселиуса заслуживающимъ большой, а трудъ г. Миллера малой преміи Императора Петра Великаго.

Ученый комитетъ, обсудивъ вышеизложенное заключеніе комиссіи и представленныя ею подробныя рецензіи о рассмотрѣнныхъ ею трудахъ гг. В. Мусселиуса и Л. Миллера, опредѣлилъ:

1) Статскому совѣтнику В. Мусселиусу за его „Русско-латинскій

словарь" присудить большую премию Императора Петра Великого (въ 2.000 рублей);

2) Профессору Л. Миллеру за издание „*Notatii Flassii sagmina. Ody и Эподы Горация, съ примѣчаніями. Изд. 2-е. 1880*“ присудить малую премию (въ 500 рублей).

3) Въ вознагражденіе трудовъ гг. предсѣдателя В. Х. Лемониуса и членовъ И. П. Хрущова, О. Ф. Зѣлинскаго, Э. Э. Кесслера и П. А. Сидорова по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Заключеніе ученаго комитета съ подробными отзывами о конкурсныхъ сочиненіяхъ было представлено на благоусмотрѣніе господина министра народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

Подробные разборы сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій Императора Петра Великого въ 1890 году.

I.

Русско-латинскій словарь, составленный В. *Musseliusomъ*. Рукопись въ 4-ку.

Въ русской учебной литературѣ давно уже ощущается недостатокъ въ хорошемъ русско-латинскомъ словарѣ. Давнишніе словари, въ родѣ, на примѣръ, словаря проф. Ивашковскаго, при всей своей полнотѣ, значительно устарѣли отчасти въ виду развившихся потребностей школы, отчасти и вслѣдствіе нѣскольکو измѣнившагося состава русской рѣчи. Самая насущная необходимость едва удовлетворялась такими произведеніями, какъ краткіе словарьчики-вокабулярии при учебникахъ (на примѣръ, База, Зубкова, Кюнера, Раймана), или очень полный, но совершенно негодный для употребленія словарь г. Орлова, вышедшій въ Москвѣ въ 1876 году. Хорошій, на сколько можно было судить по первымъ выпускамъ, словарь начали составлять гг. Ходобай и Виноградовъ: значительная полнота, удовлетворительная систематизація значеній словъ и изобиліе синонимическаго матеріала составляли преимущества этого словаря предъ другими. Но, къ сожалѣнію, на буквѣ *же* этотъ трудъ прекратился, и составители въ качествѣ продолженія его дали только маленькій вокабулярій въ родѣ вышеупомянутаго словаря г. База.

При такомъ положеніи русско-латинской лексикографіи, каждый, принимающійся за составленіе учебнаго русско-латинскаго словаря,

принужденъ работать на машинѣ: ему приходится не улучшать существующее, не выбирать изъ готоваго матеріала нужное для себя,—а все создавать самому. Представленный книжъ на разсмотрѣніе комисіи русско-латинскій словарь г. В. Мусселиуса доказываетъ, что составитель его вышелъ съ честью изъ труднаго предпріятія.

При словарѣ, къ сожалѣнію, не оказалось предисловія, въ которомъ бы составитель, съ одной стороны, высказался о программѣ и цѣли своего труда, съ другой стороны—далъ бы нѣкоторыя указанія о томъ, какъ имъ пользоваться. О томъ и о другомъ пришлось судить, на сколько это возможно было, по самому труду.

По видимому, г. Мусселиусъ имѣлъ въ виду дать русскому юношеству словарь исключительно для учебныхъ цѣлей, то-есть, такой, который съ удобствомъ и съ пользой ученики могли бы употреблять при всевозможныхъ школьныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій.

Такъ какъ, въ настоящее время въ нѣмецкой лексической литературѣ, при огромномъ богатствѣ матеріала, выработались прекрасные типы нѣмецко-латинскихъ словарей для различныхъ потребностей науки и школы, то составитель русско-латинскаго словаря, зная нѣмецкій языкъ, конечно долженъ былъ пользоваться нѣмецкими источниками для латинской части своего труда. Преобладающими по надежности и практичности изъ нѣмецкихъ словарей являются теперь труды Георгеса (большой и малый словари), Гейнрихена, Мильмана и, наименьшій по объему, Ингерслева. По сличеніи словаря г. Мусселиуса со всѣми этими трудами, оказалось, что и по духу, и по матеріалу г. Мусселиусъ наиболѣе тѣсно примыкаетъ къ третьему изъ вышеназванныхъ словарей, именно Гейнрихена (*Deutsch-Lateinisches Schulwörterbuch mit synonymischen und stylistischen insbesondere anti-barbaristischen Bemerkungen von Friedr. Ad. Heinichen. 1887, dritte Auflage*). Нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ выбору г. Мусселиуса, потому что именно этотъ словарь наилучше приспособленъ къ потребностямъ средней и высшей школы; не говоря уже о безупречномъ въ научномъ отношеніи исполненіи труда: единодушныя похвалы всей нѣмецкой компетентной критики сопровождали появленіе каждаго новаго изданія словаря Гейнрихена. Для насъ достаточно будетъ сослаться на отзывъ такого знатока дѣла, какъ Klotz въ *Jahn's Jahrbücher 1879 г., p. 59*

На сколько удалось г. Мусселиусу согласовать свой трудъ съ пред-

положенной задачей, видно изъ слѣдующихъ заключеній комиссіи относительно достоинствъ и недостатковъ словаря.

Относительно русской части словаря комиссія высказала слѣдующее:

А) Выборъ словъ, сдѣланный г. Муссаліусомъ, нельзя не признать, въ общемъ, правильнымъ: нѣтъ въ виду цѣли, исключительно практическія, учебныя, онъ совершенно устранилъ изъ своего словаря цѣлыя категоріи словъ:

1) всѣ техническія выраженія, слова, имѣющія отношеніе только къ спеціальнымъ ремесламъ и инымъ занятіямъ;

2) всѣ русскія слова, существующія въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, мѣстныя выраженія, равно какъ и слова и выраженія, замѣтванныя изъ церковно-славянскаго языка;

3) слова и выраженія, свойственныя исключительно обшденно-разговорной рѣчи и имѣющія тривіальный оттѣнокъ,

и 4) неологизмы, то-есть, обозначенія такихъ предметовъ или понятій, которыя или вовсе не имѣютъ соотвѣствующихъ словъ въ латинскомъ языкѣ, или, если они и существуютъ, то эти слова не старше среднихъ вѣковъ.

Въ исполненіи этой части программы комиссія отмѣтила нѣкоторыя, не особенно впрочемъ, существенныя погрѣшности,

Такъ, 1) иногда составитель словаря пропускалъ слова; слишкомъ смѣло пропущены, напримѣръ, всѣ собственныя имена, изъ которыхъ многія, въ особенности относящіяся къ древней исторіи, мнѳологіи и географіи, должны были бы имѣть мѣсто въ учебномъ словарѣ; да-дѣе такія слова, какъ: жерло, зазорный, клевать, колодезь, жерновъ, нажирусъ, некаръ, пелена, пенати, пармезъ, парча и нѣкоторыя другія.

2) Съ другой стороны, попадаются слова, которыхъ можно было бы и не помѣщать въ словарь, какъ подходящія подъ одну изъ вышеупомянутыхъ четырехъ рубрикъ, или какъ вообще неупотребительныя. Таковы:

- „ваило“,
- „лицепріемный“,
- „огорчительный“,
- „вгорячахъ“,
- „пахотныя орудія“,
- „пай“,
- „зрительная труба“,

„коранъ“,

„карманъ“,

„крестовный походъ“ и немногія другія.

3) Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что по временамъ, хотя очень рѣдко, составителю не совсѣмъ удавалось эмансипироваться отъ вліянія нѣмецкаго языка, что впрочемъ естественно могло случиться при пользованіи нѣмецкими источниками, тѣмъ болѣе, что, при извѣстной склонности нашего языка къ адоптаціи и ассимиляціи чуждыхъ элементовъ, они не сразу бросаются въ глаза. Таковы:

„землякъ“ понято во всѣхъ значеніяхъ нѣмецкаго слова Landsmann = уроженецъ (напримѣръ, какой землякъ? — *cuias*);

„багажъ“ въ знач. *Bagage*—поклажа;

„парусъ“ въ знач. *Segel*—судно;

„парадная лошадь“ въ знач. *Paraderferd*—богато, красиво убранная лошадь“;

„вода падаетъ“ въ знач. *das Wasser fällt*—вода спадаетъ;

„жаркій день“ въ знач. *ein heisser Tag*—трудный, тяжелый день;

„платить жалованье“—*milites* или *exercitum alere*—подъ вліяніемъ нѣмецкаго „*im Solde haben*“;

„заключать“ — „враждебно“ нѣмецкое „*vom feindlichen Einschliessen*“;

„перебивать кого“ въ значеніи нѣмецкаго *überbieten*—перебивать у кого;

„важность“, „нѣтъ никакой важности“—*von Keinem Belang sein*—вовсе не важно.

В) Не менѣе, чѣмъ выборъ словъ, заслуживаетъ одобренія и то, что сдѣлано г. Мусселиусомъ для объясненія всѣхъ значеній каждаго русскаго слова. Составитель не ограничивается тѣмъ, что при отдѣльных словахъ, спорадически, какъ это дѣлалось доннынѣ въ большинствѣ словарей, отмѣчаетъ указаніемъ или ссылкой частное значеніе разбираемаго слова: онъ систематически расчленяетъ весь объемъ употребленія слова, поясняя синонимами и примѣрами отдѣльныя значенія, переходитъ отъ общаго значенія къ частному, отъ обыкновеннаго къ болѣе рѣдкому. Особенно хорошо въ этомъ отношеніи разработаны союзы и глаголы, при которыхъ очень часто поставлены различныя дополненія для выясненія разницы въ конструкціи между русскимъ и латинскимъ языкомъ. Такимъ образомъ разбираемый словарь тѣсно примыкаетъ къ грамматикѣ, синонимикѣ и стилистикѣ.

Разсматривая трудъ г. Мусселиуса съ этой стороны, то-есть, со

стороны полноты и точности систематизации русских значений, комиссия отметила некоторые недосмотры.

1) В нескольких словах разобраны не все значения, в других прибавлены неясныя или неточныя толкованія. Таковы, например:

- „ораторъ“ прибавлено „какъ учитель краснорѣчія“;
- „замолчать“ объяснено „совершенно опровергнуть“;
- „забываться“ пропущено значеніе „переходить границы приличія“ *sui oblivisci*;
- „какъ“ пропущенъ способъ перевода при приложеніи;
- „исключительный“ принято не во всѣхъ значеніяхъ;
- „идти впередъ“ переведено *antecedere, antegredi, praegrere*: но все эти слова обозначаютъ „идти впереди“, а нѣтъ перевода для значенія „идти впередъ“;
- „обязательство“—не во всѣхъ значеніяхъ;
- „народность“—не во всѣхъ значеніяхъ;
- „настаивать“ пропущена конструкція „на томъ что“;
- „неточность“ понято только какъ качество лица—*indiligentia*;
- „отличаться“ прибавленіе „дѣлаться отличнымъ“ не ясно;
- „уединенная жизнь“ *vita modesta*. Это слово соответствуетъ нѣмецкому *eingezogen*; но „уединенная жизнь“ можетъ обозначать и „*einsames Leben*“;
- „первенецъ“ не переведено въ первомъ значеніи: первый сынъ;
- „паразитъ“ не взято въ переносномъ значеніи;
- „паденіе“ неполно разработано;
- „палата“ приведено только въ единственномъ числѣ; притомъ переведенное выраженіе „Оружейная палата“ есть скорѣе имя собственное.

Относительно латинской части словаря комиссия замѣтила слѣдующее:

А) Матеріалъ заимствованъ почти исключительно изъ классическихкихъ писателей, притомъ главнымъ образомъ изъ сочиненій Цицерона, Цезаря и Ливія, рѣже изъ поэтовъ и другихъ прозаиковъ. Къ другимъ источникамъ составитель прибѣгалъ только въ случаѣ отсутствія нужнаго слова въ сочиненіяхъ классическихкихъ писателей; слово, конструкція или выраженіе, заимствованное изъ сочиненій позднѣйшихъ писателей, составитель отмѣчалъ особымъ знакомъ, какъ неологизмъ. Вообще слѣдуетъ признать, что выборъ латинскихъ словъ, конструкцій и оборотовъ очень правильный и хорошій.

Незначительныя отступленія отъ этого общаго правила отмѣчаны въ слѣдующихъ словахъ:

„жалъ“ *incommodè accidit, ut* вмѣсто обыкновеннаго *quod*;

„жучій“ *urgens, mordens*; относительно такого способа перевода русскихъ прилагательныхъ посредствомъ латинскихъ *participia praesentis* слѣдуетъ замѣтить, что не вполнѣ удобно указывать эти *participia* безъ объекта, потому что это можетъ повести къ ошибочному употребленію этихъ причастій, отъ котораго предостерегается Naegelsbach (§ 117, p. 81);

„ждать“ на первомъ мѣстѣ поставленъ переводъ „шагере“: по Георгесу, это слово собственно языку востическому; находитъ его и у Теренцъ;

„желаніе высказывать“ *optare c. inf.*, ср. Krebs *Antibarbarus* подъ словомъ *optare*;

„я желалъ бы“ *voluissim.* Драегер *Hist. Synt.* не оказывается ни одного примѣра *Comi. Plusqu. Potentialis*;

„жмануться“ *putide se gerere* слѣдовало бы отмѣтить, какъ позднѣйшее выраженіе;

„жить“ *incolere in Gallia*: Krebs *Antibarbarus*: „... *incolere nemals in aliquo loco*“;

„имѣю, на что жить“ *copiam* или *rem provisam habere*. Объ этомъ выраженіи Thielman „*Archiv für lat. Lexicographie*“ II, 394, приводитъ единственное мѣсто изъ *Epist. Plinii et Traiani* 62. Между тѣмъ у Теренція *Ad. 5, 9, 24 habeo unde vivam*;

„задумывать“ *in animum induco*—такъ у Ливія и Саллюстія, между тѣмъ какъ у Цицерона обыкновенно *animum induco*;

„заливаться слезами“ *in lacrimas effundi*; слѣдовало бы отмѣтить, что такой оборотъ встрѣчается только у новтовъ и позднѣйшихъ писателей;

„олеге“—„заидхнуть“—приведено только въ конструкціи съ *abl.*, но не менѣе употребителенъ при этомъ глаголѣ и *accusativus*;

„имя“—*quid tibi nomen est* встрѣчается у Плавта и Теренція; обыкновенно же *quod tibi nomen* (Krebs *Antibarbarus*);

„игра“—„*Olympia vincere*“—„оставаться побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ“ (Krebs *Antibarbarus*: „*nirgends bei Cicero und Caesar—Olympia vincere, doch bei Ennius, Plinius*“);

„исполнимый“—*promptus ad efficiendum*—напрасно не приведемо цитаты, чтобы можно было узнать, гдѣ встрѣчается такое выраженіе;

„кладбище“—*Coemeterium*—не отмѣчено, какъ встрѣчающееся только у церковныхъ писателей;

„конецъ вѣнчаетъ дѣло“—*finis coronat opus*. Krebs *Antibarbarus* предостерегаетъ отъ такого перевода, называя его *Modern-Latein*;

„лицо“—„представлять какое-нибудь лицо на сценѣ“—переведено прежде всего выраженіемъ *personam agere*, тогда какъ это выраженіе употребляется только начиная съ Сенеки;

„любимецъ“—*acceptus prae ceteris*—по Krebs *Antibarbarus praeter ceteros*;

„любопытный“ переведено между прочимъ *aliquantum ad rem est avidior*: такъ какъ это выраженіе заимствовано изъ Terent. *Eunuch.*, 131, а въ обыкновенной прозѣ *avidus* употребляется с. *genit.*, то слѣдовало бы, по образцу Георгеса, отмѣтить цитатой, откуда взята эта конструкция;

„младшій“—„изъ двухъ“—*junior*, см. Krebs *Antibarbarus* это слово.

„на канунѣ“ *pridie, quam venerat*, вм. *venit*: по этому поводу см. Hoffmann, *Zeitpartikeln*, p. 186 и 6. Schmalz, *Syntax. bei Iwan Müller, Handbuch der klassischen Alterthumsw.* B. 2, p. 344;

„невольнo“—*volentī alicui*, не описка ли это вмѣсто *ablativus*?

„нейтральный“—*ae medium gerere*: это такое рѣдкое выраженіе, что при немъ слѣдовало бы отмѣтить источникъ, изъ котораго оно заимствовано *Liv.* 2. 27. 3.

„необходимый“—„это необходимое слѣдствіе того“—*inde sequitur*. Krebs *Antibarbarus* называетъ это выраженіе *spätlatein.*; Georges—*„pachaugusteisch“*;

„обращаться съ молитвой къ Богу“—*dato*, между прочимъ, выраженіе *„precari ad Deum“* не классическое;

„оскорбленіе“ величія (не лучше ли величества?) *crimen laesae maiestatis*—обыкновенно *laesae* пропускается, см. Krebs *Antibarbarus*;

„оставаться“—„ожидать“—*praestolari adventum alicui*, см. Krebs *Antibarbarus*;

„отнынѣ“—*„inde ab hoc tempore, Krebs Antibarbarus inde a bei einer Zeitangabe ist sehr selten ohne vorgesetztes iam. Plaut. Trinum. 2. 2. 4“*.

В) Синонимическими и стилистическими указаніями латинская часть словаря не менѣе богата чѣмъ русская. Составитель многія слова иллюстрируетъ примѣрами, приводимыми часто *in extenso* изъ источниковъ. Особеннаго одобренія заслуживаютъ такъ-называемыя антибарбаристическія указанія, которыхъ составитель словаря даетъ много въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неумѣстное употребленіе приведеннаго слова можетъ повести къ составленію неправильнаго или некрасиваго

предложенія, Возьмемъ для примѣра первое попавшееся слово, на примѣръ, „рабъ“, и приведемъ его значенія по словарю г. Мусселиуса.

„Рабъ *servus; servulus; mancipium; verna* (родившійся въ домѣ своего хозяина); *puer* (прислужникъ); *familia* (всѣ рабы, принадлежащія одному господину); быть рабомъ *servum* или *in servitute esse, servire*; чьимъ-нибудь рабомъ *servire alicui* или *apud aliquem*; сдѣлать кого рабомъ *aliquem in servitute redigere* или *servitute afficere, alicui servitute iniungere*; перен. быть рабомъ своихъ страстей *servum libidinum esse, servire cupiditatibus*“.

Сравнительно со словаремъ г. Гейнхена, словарь г. Мусселиуса долженъ въ разбираемой отрасли представлять значительныя преимущества, потому что нѣмецкій лексикографъ для различенія латинскихъ синонимовъ, часто ссылается на свой латинско-нѣмецкій лексиконъ, тогда какъ въ русско-латинскомъ такихъ смысловъ не могло быть.

Ниже приводятся отдѣльные случаи, въ которыхъ оказались упущенія въ синонимико-антибарбаристической части словаря. Эти упущенія слѣдующихъ видовъ: 1) или почему-нибудь не приведено синонимическихъ объясненій при словахъ, которыя между тѣмъ могутъ быть различены; 2) или такія объясненія есть, но не въ достаточномъ количествѣ, не достаточно ясны или не хорошо формулированы; 3) или, наконецъ, приведены такіе синонимы, которые не совпадаютъ вполне съ русскимъ значеніемъ слова, и потому могутъ повести къ ошибочному переводу. Таковы:

Мѣстоименія неопредѣленныя *quidam, aliquis, nonnulli* и проч вовсе не разграничены по употребленію.

Вообще очень мало удѣлено вниманія такъ-называемымъ *realia*, не сдѣлано, на примѣръ, объясненій при словахъ, какъ „занавѣсъ“, „бирка“, „кладбище“, „карета“ и т. п.

„жалоба“ *questus* (громкимъ крикомъ) не точное объясненіе, см. *Schmalfeld, Synonymik, 464: questus ist der einzelne Act des Klagens; Schulz, Synt., 218: questus sind mehr Ausbrüche als Ausdrücke des Schmerzes, Klagen in Jönen.*

„животное“ *animans* „только то, которое имѣетъ жизнь и дыханіе“; не ясно; гораздо лучше у Гейнхена: „mit Hinsicht auf seinen Zustand, insofern es noch lebt und athmet“;

„землемѣръ“ *decempedator*, не объяснено; *ars dimettendi* оставлено безъ дополненія;

„земля“ 8) „страна“ и „область“ не разграничены понятія;

„жидецъ“ только „*inquillinus*“—слѣдовало бы еще прибавить „*habitator*“;

„жирный“—не упомянуто о примѣненіи слова „pinguis“ и „optimus“ къ почвѣ;

„житница“—пропущено „cella penaria“, напримѣръ, о Сициліи у Цицерона Ver. II. 2;

„не затворяться“—fores hiant, не точно и не ясно;

„заманивать“—пропущены слова allicere, illicere;

„избирать“—cooptare—не упомянуто, что такъ говорится только объ избраніи себѣ товарища;

„извѣстіе“—significatio—недостаточно объяснено словомъ „извѣщеніе“;

„извѣстіе“—auctoritas—недостаточно объяснено словомъ „надежное, „неложное“;

„интересъ“ „возбуждать“, „имѣть общій интересъ“—latius patere—не ясно;

„жесткій“—нѣсколько переводовъ безъ синонимическихъ объясненій;

„заемъ“—не различены слова mutuum dare и commodare;

„залогъ“—не различены fiducia sui и pignus;

„запечатать“—не различены obsignare и consignare;

„извѣстно“—constat—безъ объясненія;

слово „жалѣть“ г. Мусселіусъ различаетъ въ двухъ значеніяхъ:

1) въ буквальномъ и 2) въ болѣе широкомъ, переносномъ значеніи: а) быть недовольнымъ, сожалѣть, б) раскаиваться. При послѣднемъ только приведено „poenitet“, которое между тѣмъ вполне подходитъ и подъ значеніе а) быть недовольнымъ, сожалѣть, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ подъ словомъ „недовольный“ приводитъ „poenitet“ (Cic. suae quaeque fortunae poenitet);

„занимать“—complecti—„занимать со всѣхъ сторонъ“—не ясно. Составитель имѣетъ въ виду мѣсто изъ Caes. Bell. Gall. 772: complecti tantum spatium;

„destinati operi“ (изъ Caes. Bell. Gal.) переведено черезъ „занятые шанцевыми работами“; это неточный переводъ, потому что при глаголѣ destinare имѣется еще въ виду занять (можетъ быть, подъ влияніемъ Георгеса и Гейнихена, гдѣ сказано beschäftigt bei, а не mit);

„заранѣе“—пропущено значеніе „ante“;

„зачеркивать“—дано только значеніе „delere“;

„идолъ, идолопоклонникъ“—слѣдовало бы привести и слово „idolum“, встрѣчающееся у отцовъ церкви;

„избави насъ Богъ отъ этого“—di meliora!—у Георгеса „Deus“,

у Гейнхена есть по крайней мѣрѣ оговорка, что такъ выражались древніе;

„кое-гдѣ“ — *passim*. Krebs *Antibarbarus* предостерегаетъ отъ употребленія слова „*passim*“ въ значеніи „кое-гдѣ“, такъ какъ оно обозначаетъ „повсюду“;

„колыбель“ — „дѣтя въ колыбели“ — *puer vagiens* — слѣдовало пояснить букввальное значеніе выраженія;

„валь“ — не различены синонимы;

„панцирь“ — слѣдовало бы прибавить „*thorax*“;

„лицеприемный“ (?) *ambitiosus* — неточно понято русское слово;

„машина“ — не различены синонимы;

„между прочимъ“ — *in his certior factus* — не ясно и можетъ повести къ неправильному употребленію; понятнѣе было бы, еслибы, какъ у Георгеса, были приведены полныя примѣры, напримѣръ, *Saes. V. Q. 225*.

„*lucescere*“ — „мерцать“ — не покрывающіяся, не соответствующія понятія;

„мученической смертью умереть“ „*mortem gloriosam оссмаbere*“; слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, какъ у Георгеса и Гейнхена, прибавить *pro re, pro re Christiana*, иначе переводъ неясный, да и неточный;

„мѣсто между домомъ и улицей“ — *vestibulum*. Странны какъ мысль поимѣчать такое русское выраженіе, такъ и переводъ его!

„мѣстами“ — ср. примѣчаніе къ слову „кое-гдѣ“;

„награбить“ — *conspicere* — не точно;

„надлежать“, „надо“ — не сравнены синонимы;

„назначать кого чѣмъ“ — на первомъ мѣстѣ переводъ „*deferre alicui aliquid*“;

„намѣреніе“ — пропущено выраженіе „исполнять намѣреніе“;

„нападеніе“ — *impetus* — не слѣдовало перечислять формъ, которыя не встрѣчаются; иначе онѣ легко запечатлѣваются въ памяти ученика;

„по настоянію кого“ — *impulsore*, слѣдовало бы непремѣнно поимѣстить еще *impulsore*;

„находить“ — *pallescere* — безъ необходимаго объясненія;

„недоставать“ — не различены синонимы;

„незамѣтно“ — *qui oculis vix serpi potest*: въ этомъ переводѣ слишкомъ сужено понятіе слова „незамѣтно“;

„немного“ — безъ необходимыхъ объясненій;

„ненавидѣть смертельно“ — *odio* или *invidia alicuius ardere*; ту же

- мысль лучше передаю бы выражение: *capitali odio prosequi aliquem*;
- „неумѣстно“ — пропущенъ переводъ „alieno loco“, „alienus“;
 - „несообразно“ — *dare*; слѣдовало бы прибавить и *demittere*.
 - „обветшалый“ — дано только „*guinosus*“;
 - „обдумывать“ — неполно и безъ необходимыхъ объясненій;
 - „обнимать, обозначать“ — не различены латинскіе синонимы;
 - „общезвѣстный“ *omnibus passeribus notus*, *Cic. de sen. 2. 75.*
- Хотя это выражение помѣщено и у Гейнхена, и у Георгеса, и въ *Arch. für d. lat. Lexicogr. 3.66*, однако А. Otto (*Arch. lex. 3. 393*) доказалъ, что это выражение нельзя употреблять вообще обо всякомъ общезвѣстномъ фактѣ, такъ какъ у Цицерона въ указанномъ мѣстѣ оно имѣетъ очень узкое, специальное значеніе;
- „общество“ — не различены синонимы;
 - „объявленіе“ „объяснять“, „обмысливать“, „ограбить“, „однѣ“, „однажды“, „оказываться“ — безъ необходимыхъ объясненій при латинскихъ словахъ;
 - „одолжать“ — пропущены переводы „*mutuum dare*“, „*commodare*“, „*stedere*“;
 - „окружать“ — слѣдовало бы привести антибарбаристическія замѣчанія о „*circumdare*“ по Krebs *Antibarbarus*;
 - „окружать“ — *stipare* — пропущено указаніе на густоту толпы при этомъ.
 - „опредѣлять предѣлы въ дружбѣ“ — неясное выраженіе;
 - „основательный“, „останавливать“, „охладѣвать“, „очертаніе“ — безъ необходимыхъ объясненій;
 - „на мою отвѣтственность“ *me auctore*, лучше *meo periculo*;
 - „отвѣчать“ — *respondeo*: относительно употребленія *ut* неудачно формулировано синтаксическое правило;
 - „дать кому отдохнуть“ — *lassitudinem sedare*; есть болѣе простыя и естественныя выраженія;
 - „отличаться“ *existere* — вѣроятно, описна какая-нибудь;
 - „отнимать“ — *aufferre* — „съ употребленіемъ силы“ — объясненіе не совсѣмъ точное;
 - „отсутствіе“ — не приведенъ способъ перевода черезъ *nullus*;
 - „заносить снѣгомъ“ — („безл.“) *orplere nivibus* — лучше бы *orpleri*;
 - „заочный“ — *absente aliquo factus, dictus*; для выраженія одновременности слѣдовало бы еще присовокупить переводъ „*quod fit, dicitur*“;
 - „запахивать“ *complicare, componere togam* — едва ли эти выраженія подобозначуши съ русскими.

„заплетать“ „волосы“—дано только *componere* (*capillos*, по Гейнхену *flechten*); лучше у Георгеса *comam in gradus frangere* или *formare* (*Suet. Ner. 51. Quinct. 1. 6. 44*) *caput in gradus atque anulos comere* (*Quinct. 12. 10. 47*);

„зарекаться“—переведено через *eiugare*, что собственно значить „отрекаться“;

„кайма“—„*clavus*—тоги“; тутъ двѣ неточности: вонервыхъ, тунники, а не тоги, вонторныхъ, *clavus*—полоса, а не „кайма“, которая можетъ быть только по краю какого-либо предмета.

Вполнѣ хорошее, въ общемъ, расположеніе нѣсколькихъ латинскихъ значеній при одномъ русскомъ словѣ, при нѣкоторыхъ словахъ, очень немногихъ впрочемъ, требовало бы перестановки. Такъ, иногда, сложный глаголь стоитъ послѣ несложнаго, хотя послѣдній по смыслу менѣе подходитъ, наиримѣръ, „отводить“—*ducere, abducere*;

„отдавать“—*dare, reddere*;

„относить“—*ferre, deferre*;

„исполненный“—*accensus, plenus*;

„звать“—цѣлый рядъ глаголовъ въ безпорядкѣ;

„отпускать“—*sinere aliquem abire, dimittere*.

Суммируя вышеназложенныя указанія, можно сдѣлать выводъ, что словарь г. Мусселиуса, представляя собою солидный, самостоятельный трудъ, въ то же время составитъ полезный, важный вкладъ въ нашу учебную литературу: толковый выборъ словъ и выраженій, какъ русскихъ, такъ и латинскихъ, богатый синонимическій матеріалъ, ясность и наглядность изложенія, правильная система сочетанія русскихъ и латинскихъ словъ—съ избыткомъ выкупають тѣ немногочисленные и несущественные промахи, которые указаны выше. Въ заключеніе комиссія считаетъ долгомъ обратить вниманіе г. составителя, что его словарь можетъ еще улучшиться, если, съ одной стороны, онъ воспользуется, до печатанія, матеріаломъ указаній, собраннымъ комиссіей, съ другой стороны—приложитъ стараніе, чтобы печать ясностью и наглядностью содѣйствовала удобству пользованія словаремъ.

II.

Q. HORATI FLACCII CARMINA. Оды и эподы Горация, съ примѣчаніями *Лукиана Миллера*. Изданіе второе, дополненное и исправленное. С.-Пб. 1889. XII+208 стр.

Громкое имя Л. А. Миллера, одного изъ первостепенныхъ знатоковъ римской поэзіи, а также и условія, поставленныя соискателямъ премій императора Петра Великаго избавляютъ насъ отъ необходимости распространяться о научныхъ достоинствахъ представленнаго труда. Въ настоящемъ отзывѣ предполагается, поэтому, остановиться на его педагогическомъ значеніи, то-есть, обсудить вопросъ—на сколько книга г. Миллера можетъ считаться пригоднымъ пособіемъ при чтеніи Горация съ учениками нашихъ гимназій.

Общее впечатлѣніе, производимое этою книгой, можетъ быть названо вполне благопріятнымъ. Издатель сдѣлалъ удачный выборъ среди безконечныхъ матеріаловъ, которыми располагаетъ каждый толкователь Горация; нельзя упрекнуть его въ одностороннемъ пристрастіи къ той или другой группѣ этихъ матеріаловъ. Г. Миллеръ не упускаетъ случая указывать на особенности Гораціева языка, главнымъ образомъ на его отличія отъ прозаической рѣчи; но онъ не увлекается формальной стороною своей задачи, подобно столькимъ издателямъ, которые, вмѣсто того чтобы дать ученикамъ объясненіе труднаго мѣста, ставятъ ихъ въ самое жалкое положеніе, преподнося имъ цѣлый рядъ цитатъ, небезынтересныхъ, быть можетъ, для специалистовъ, но положительно неумѣстныхъ въ школьномъ изданіи. Книга г. Миллера отличается несомнѣннымъ тактомъ въ этомъ отношеніи, и въ этомъ заключается ея первое достоинство. Точно также нельзя не похвалить его за мѣру, соблюдаемую имъ въ объясненіи отдѣльныхъ мѣстъ. Онъ самъ называетъ въ предисловіи „краткость“ и „ясность“ въ числѣ необходимыхъ для учебниковъ качествъ, и нельзя не согласиться, что онъ, говоря вообще, исполнилъ обязательство, которое онъ принялъ на себя этимъ заявленіемъ.

Переходя къ частностямъ, можемъ разбить матеріалы, которые намъ даетъ издатель, на слѣдующія группы:

1) Примѣчанія грамматическія. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ ограничивается тѣми случаями, въ которыхъ грамматика Горация расходится съ общею грамматикой латинскаго языка, обязательно извѣстною ученикамъ старшихъ классовъ. Въ большинствѣ слу-

чаевъ его объясненія и вѣрны, и толково выражены; все же есть нѣсколько мѣстъ, въ объясненіи которыхъ съ нимъ согласиться нельзя. Такъ, къ I, 1, 4, *collegisse iuvat* г. Миллеръ замѣчаетъ: „потому что человекъ, испытывающій радость при исполненіи своего намѣренія, радуется и послѣ его исполненія“; независимо отъ своей странности, это объясненіе не идетъ къ такимъ мѣстамъ, какъ *Ov. Metam. VIII, 733 tetigisse timerent*. Слишкомъ неопредѣленно правило къ I, 2, 8, *egit... visere*: „римскіе поэты часто соединяютъ глаголы съ *infinit.*, между тѣмъ какъ въ прозѣ требуются другія конструкціи“; слѣдовало сказать „глаголы движенія“.—I, 13, 6 правило „*manere* съ *acc.* значить ожидать, съ *dat.* оставаться“ заключаетъ невѣрную антитезу; въ первомъ значеніи глаг. *manere*—переходящій, во второмъ не переходящій.—III, 1, 9 объ *est ut virgo vir latius ordinet* и т. д. сказано: *est ut*, какъ у грековъ ἔστιν ὅπως, что не вѣрно, такъ какъ *ut* въ этомъ значеніи греч. ὅσπερ (ὁμοειπείν ὅσπερ). Вообще же случаевъ, гдѣ къ грамматическимъ объясненіямъ г. Миллера можно придраться, очень немного.

2) Примѣчанія метрическія. Изданію одъ и эподовъ предпосланъ (стр. IX и сл.) списокъ размѣровъ, употребляемыхъ Горациемъ, со схемами строфъ, и къ началу каждой оды сдѣланы ссылки на этотъ списокъ. Сверхъ того, въ своихъ примѣчаніяхъ авторъ не преминулъ обратить вниманіе ученика на всѣ вольности Горация въ этомъ отношеніи и вообще на всѣ интересныя съ метрической точки зрѣнія мѣста. Вѣтъ можетъ, не всѣ согласятся съ догматизмомъ издателя (напримѣръ, къ III, 5, 17) въ метрическомъ отношеніи; но конечно, никто не станетъ отрицать, что г. Миллеръ имѣлъ полное научное право проводить свои собственные взгляды въ области, которая ему лучше извѣстна, чѣмъ кому бы то ни было. Не вдаваясь, поэтому, въ полемику съ г. Миллеромъ по этому вопросу, укажемъ только на одно обстоятельство, нѣсколько умаляющее практическую пригодность изданія. Г. Миллеръ очень часто, вмѣсто того, чтобы объяснить метрическую особенность какаго-нибудь мѣста, ограничивается ссылкой на свою „метрику“. Положимъ, что онъ написалъ эту „метрику“ для гимназій; все же не могъ онъ рассчитывать, что всѣ ученики будутъ приобрѣтать ее, подобно, напримѣръ, грамматикамъ.

3) Примѣчанія пояснительныя. Такъ называются здѣсь тѣ примѣчанія, цѣль которыхъ—объяснить особенно темныя (помимо представляемыхъ ими грамматическихъ затрудненій) и запутанныя мѣста текста. Такихъ мѣстъ у Горация, благодаря его любви къ

прегнаемости, къ сиблымъ гипербатамъ, къ быстрымъ переходамъ, довольно много; можно даже сказать, что именно такого рода особенности наиболѣе затрудняютъ его чтеніе и наиболѣе заставляютъ учениковъ обращаться къ помощи толкователя. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ этой области наиболѣе трудно опредѣлить требованія, которымъ долженъ удовлетворять объяснительный комментарий; можно съ нѣкоторой объективностью установить уклоненія писателя отъ общей грамматики и метрики; но относительно вопроса, какія мѣста слѣдуетъ считать легкими, какія — трудными и гдѣ тотъ предѣлъ, съ котораго помощь толкователя представляется желательною — относительно всего этого возможны только болѣе или менѣе субъективныя соображенія. Если, поэтому, выборъ, сдѣланный г. Миллеромъ, далеко не всѣмъ покажется удачнымъ, то это будетъ совершенно въ порядкѣ вещей, и только неопытные люди въ состояніи будутъ упрекнуть г. Миллера въ томъ, что его взгляды на трудность даннаго мѣста не тождественны съ ихъ взглядами. Не выдавая, поэтому, своего мнѣнія за голосъ самой истины, замѣтимъ только, что, на нашъ взглядъ, г. Миллеръ оставилъ не объяснимымъ очень много такихъ мѣстъ, которыя безъ пояснительнаго перифраза остаются непонятными даже для способныхъ учениковъ. Такъ, труднѣйшіе стихи III, 5, 13—20 hoc caverat mens provida Reguli..., III, 30, 10—13 dicar; qua violens obstrepit Aufidus остались не объясненными; за то, напримѣръ, I, 9, 17, morosa sanities — простая метонимія, возможная и въ русскомъ языкѣ — объясняется обстоятельно: „потому что старость дѣлаетъ насъ угрюмыми“. Такихъ примѣровъ можно бы привести много, но по изложенной выше причинѣ мы не считаемъ уместнымъ останавливаться на нихъ.

4) Примѣчанія реальныя. Въ такого рода объясненіяхъ оды и эподы нуждаются, правда, гораздо менѣе, чѣмъ сатиры и посланія, но все же довольно часто, благодаря встрѣчающимся въ нихъ многочисленнымъ намекамъ на исторію и въ особенности — мифологію, а равно и нѣкоторыя стороны частной жизни. Въ большинствѣ случаевъ г. Миллеръ не оставляетъ читателя безъ отвѣта, хотя и краткаго, но яснаго и толковаго, на такого рода вопросы; все же можно найти мѣста, въ которыхъ его объясненія окажутся неудовлетворительными. Мы не говоримъ здѣсь о явныхъ опіскахъ, подобно, напримѣръ, I, 1, 14 „островъ Миртосъ“ вм. Мирто (Mortō); или III, 7, 21 „островъ Иваръ“ вм. Икаріа. Но врядъ ли г. Миллеръ хорошо выразилъ свою мысль — довора осторожно — I, 1, 21 viridi sub arbuto, viridi потому

что земляничная ежевика отличается зеленымъ цвѣтомъ листьевъ“; I, 2, 39 „марсы были самыми храбрыми союзниками римлянъ; I, 18, 1 „виноградная лоза, по величинѣ своей, можетъ быть причисляема къ деревьямъ“; I, 34, 7: „при ясномъ небѣ разразилась гроза; такое явленіе считалось древними чудеснымъ“ (еще бы!); I, 35, 7 *Vithupa sagina*: „Віонія въ то время вела оживленную торговлю съ Италіей“ (правильнѣе было бы сослаться на *Pontica pinus, silvae filia nobilis*); II, 16, 21 *aeratas naves*: „потому что носъ корабля былъ обитъ желѣзомъ“; III, 10, 5 *omnis inter pulchra satum tecta* „разумѣется *viridarium* во дворѣ внутри дома (*cauaeum*)“; III, 29, 40 *quieti amnes* „напримѣръ, Наръ и Аніо“. Особенно часто приводятъ насъ въ недоумѣніе міеологическія примѣчанія издателя. I, 1, 33 „Эвтерпа изобрѣла игру на флейтѣ“—и помимо непохвальной брахилогіи неправильно. I, 3, 1 „такъ какъ Венера вышла изъ пѣны морской, то ее и считали покровительницей мореплаванія“ (на оборотъ!); I, 27, 34 „Возлюбленная сравнивается съ Химерой по своему непостоянству въ любви“; III, 4, 2 *regina Calliope*: „такъ какъ у грековъ прежде всего развилась эпическая поэзія, то Калліопа считалась первѣйшей изъ музъ“; IV, 11, 15 „Венера, по преданію, въ Апрѣлѣ была рождена моремъ“.—Это, разумѣется, только мелочи; крупнѣе промаховъ у г. Миллера нѣтъ, да и ожидать ихъ нельзя.

5) Примѣчанія эстетическія. Не смотря на свое стремленіе къ краткости, г. Миллеръ нашелъ мѣсто въ своемъ комментарий и для эстетическихъ примѣчаній, полагая вполне резонно, что толкователь не долженъ оставлять ученика безъ указаній въ той части его умственной дѣятельности, въ которой заключается конечная цѣль чтенія повтовъ. Боимся однако, что именно эта часть примѣчаній г. Миллера будетъ признана наименѣе удачною. Конечно, въ поэзіи Горация находятся, кромѣ общечеловѣческихъ, и условные элементы: одаренный вкусомъ и пониманіемъ поэзіи толкователь можетъ и даже долженъ указывать ученикамъ на эти послѣдніе, чтобы развивать въ нихъ способность судить о предметахъ искусства съ исторической точки зрѣнія. Но эстетическая критика г. Миллера ограничивается тѣмъ, что онъ одну оду называетъ „удачною“, а въ другой находитъ „недостатки“. „Неудачно“ будто бы выраженіе *metaque fervidis evitata rotis* I, 1, 5; прелестная ода о пѣснѣ Нерей (I, 15), по мнѣнію издателя, „имѣетъ нѣкоторые недостатки“; а какіе? „страннымъ кажется то обстоятельство, что вовсе не упоминается о по-

едини́къ между Парисомъ и Менеласомъ; далѣе, вовсе не названъ въ числѣ главныхъ греческихъ героевъ Аяксъ, сынъ Теламона, Ахиллъ же—только въ самомъ концѣ—издатель какъ будто забываетъ, что передъ нимъ не эпитоматоръ Илиады, а поэтъ. „Послѣдняя строфа (33 — 36 *irascunda diem proferet Ilio... classis Achillei*) неудачна, такъ какъ гнѣвъ Ахилла продолжался только нѣсколько дней: дѣйстви́е Илиады обнимаетъ собой всего 51 день“; но не даромъ же со-вѣтуютъ *μη παρὰ τὴν εὐχὴν Περσίδι τὴν σοφίην*.

6) Примѣчанія критическія. Само собою разумѣется, что текстъ г. Миллера представляетъ собою самостоятельную рецензію: вполне понятно, поэтому, желаніе его объяснить читателямъ, почему онъ принимаетъ или отвергаетъ данное чтеніе. Не ясно, однако же, почему онъ помѣстилъ эти объясненія въ комментарий, а не въ особомъ критическомъ приложеніи, какъ это принято дѣлать теперь. Надобно полагать, что онъ считалъ полезнымъ ознакомить со своими взглядами на критику Горация не только специалистовъ, но и учениковъ. Въ этомъ, однако, съ нимъ согласиться трудно. Въ исключительныхъ случаяхъ и критическіе экскурсы могутъ быть интересны и полезны для ученика—именно тогда, когда вопросъ самъ по себѣ интересенъ, а доводы критика и вполне понятны, и вполне убѣдительно. Но, можно ли сказать это о примѣчаніи къ I, 2, 9—12 *ris-cium et summa genus haesit ulmo* и т. д. „недостойная Горация вставка, частью заимствованная у Ovid. Met. I, 296?“ Или о примѣчаніи къ I, 12, 37—44 *Regulum et Scauros* и т. д. „слѣдуютъ двѣ строфы, не принадлежащія Горацию, такъ какъ въ указываемыхъ здѣсь историческихъ примѣрахъ вовсе не соблюденъ хронологическій порядокъ и второй примѣръ приведенъ совсѣмъ невстаті“. Ученики спросятъ толкователя, съ какихъ же поръ соблюденіе хронологическаго порядка въ историческихъ примѣрахъ обязательно для поэтовъ; болѣе начитанные между ними укажутъ на III, 6, 33—36, гдѣ хронологическій порядокъ также не соблюденъ (1 пуническая война—Пирръ—Автіохъ—Аннибалъ), а *venustiores* пожалѣютъ, что прекрасныя слова *animaeque magnae prodigum Paullum* отнимаются у Горация.

Сказанное до сихъ поръ относится къ *inventio*, такъ-сказать, экзегетическихъ матеріаловъ издателя; объ *elocutio* надобно поговорить особо. Какъ извѣстно, первое изданіе книги г. Миллера заставляло многого желать въ этомъ отношеніи, въ чемъ былъ виноватъ не столько самъ г. Миллеръ, сколько неумѣлый переводчикъ, услугами котораго онъ пользовался. Во второмъ изданіи г. Миллеръ отнесся

съ должнымъ вниманіемъ къ этой части своей задачи; благодаря главнымъ образомъ содѣйствію О. А. Шебора, которому издатель воздастъ за это должную честь въ предисловіи, примѣчанія теперь свободны отъ грубыхъ ошибокъ противъ языка. Все же чистотою слога они не отличаются и теперь, и читатель выносить убѣжденіе, что г. Миллеру слѣдовало бы подвергнуть свой комментарий не простой *diorthosis*, а коренной *diastrophē*, по части языка, предоставляя своему помощнику полную волю въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, что значать слова г. Миллера къ I, 3, 1: „sic—sic, служить выраженіемъ настоящаго положенія?“ Или II, 5, 10 *immitis uvae*: „immitis; сравнаше „зеленый“ = незрѣлый?“ Вѣроятно, издатель имѣлъ здѣсь въ виду выраженіе „saure Trauben“. Сюда же относится и IV, 11, 11 *trepidare* (о пламени) = „пылать“ (ср. нѣмецкое *flackern*). Можно привести еще много неловкихъ оборотовъ, въ родѣ I, 1, 8 „самая связь обыкновенно указываетъ на пропущенную приставку“; I, 1, 27 „Горацийъ въ одахъ весьма рѣдко употребляетъ уменьшит. слова, но тѣмъ чаще они встрѣчаются въ эподахъ“; I, 5, 3 „sub вмѣсто in, если существительное обозначаетъ высокій или выведенный сводомъ предметъ“; I, 8, 13 „Ахиллъ былъ спрятанъ Фетидой, чтобы отнять у него возможность участія въ войнѣ“; I, 27, 6 *vino et lucernis Medus asinaces: immane quantum discrepat*: „перевести: удивительно какъ“; II, 16, 30 „Теононъ въ старости съжилса“. Укажемъ еще на пристрастіе издателя къ нарѣчію „весьма“ и предлогу „по“ (извѣстный по своей храбрости“, „богатый по своему плодородію“ и т. д.).

При всемъ томъ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изданіе г. Миллера остается очень почтеннымъ и полезнымъ сочиненіемъ и что оно, поэтому, вполне заслуживаетъ той преміи, къ соисканію которой оно представлено.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Для сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, назначенъ по разряду гимназій слѣдующій порядокъ:

На премію 1891 года—группа „математика, математическая географія и физика“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по математической географіи.

На премію 1892 года—группа „языки нѣмецкій и французскій“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію систематической грамматики нѣмецкаго языка.

На премію 1893 года — группа „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ.

На премію 1894 года—группа „исторія и географія, всеобщая и русская“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ примѣнительно къ потребностямъ русской школы (Славяне и Византія).

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Учебныя руководства и пособія принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ РОМАНѢ ¹⁾.

III.

Великорусскихъ былинъ, въ которыхъ выступаетъ князь Романъ, три: 1) былина о набѣгѣ на владѣнія Романа двухъ племянниковъ короля Литовскаго (Рыбниковъ, I, № 73, 74, 75; III, № 51, IV, № 17; Гильфердингъ, № 12, 42, 61, 71); 2) былина о похищеніи жены князя Романа Марьи Юрьевны (Кирѣевскій, V, стр. 92 — 96 и 96—99) ²⁾; 3) пѣсня о томъ, какъ „князь Романъ жену терялъ“ (Кирѣевскій, V, 100—102, 102—104, 104—105, 106—108, 108—111, 111—112) ³⁾.

Первая изъ этихъ былинъ, о нападеніи королевскихъ племянниковъ, слагается изъ слѣдующихъ эпизодовъ:

¹⁾ *Окончаніе*. См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Оба пересказа записаны г. *Максимовымъ* въ Архангельской губерніи. Изданы были первоначально въ сборникахъ *П. Якушкина*: а) Русскія народныя пѣсни, собр. *П. И. Якушкинымъ*, съ предисл. *Буслаева* (*Лѣтописи р. литер. и древн.*, т. I), стр. 122—125 и 119—122; б) Русскія пѣсни, собр. *П. Якушкинымъ*, С.-Пб. 1860, стр. 62—66 и 66—68; в) Народныя русскія пѣсни изъ собранія *П. Якушкина*. С.-Пб. 1865. (Первые листы этого сборника, стр. 1—106, взяты изъ предшествоющаго изданія 1860 г.). Въ сборникѣ *Безсонова* („Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*“) пѣсни перепечатаны изъ послѣдняго сборника Якушкина.

³⁾ Пересказъ 4-й взятъ изъ Новиковскаго пѣсенника съ разнорѣчiami изъ пѣсенника Чулковскаго; пересказъ 5-й — изъ сборника Кирши Данилова; пересказъ 6-й — изъ „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордочевой* и *Н. И. Костомаровымъ*“ (*Лѣтоп. р. лит. и древн.*, т. IV). Можно еще указать пересказъ въ сборникѣ *Сулянова*: Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилову. С.-Пб. 1840, № 2. Нѣмецкій переводъ далъ *Goetze*: *Stimmen des russischen Volks in Liedern*. 1828, № 55: „Кнjas Roman“. Вариантъ этой же пѣсни, но безъ имени князя, у *Рыби.* III, № 64, стр. 342—344.

а) Передъ Чимбаломъ, (=Чембаломъ, Чумбаломъ, Цимбаломъ, Чолпаномъ), королемъ Литовскимъ (=королемъ Политовскимъ да земли Польскіи), появляются два его племянника „два брата, два Ливика“ (Рыбн., I, 73; Гильф., 42, 61), иначе: „два малыхъ два витвича“ (Гильф., 12) или „два витника—советника“ (Рыбн., I, 74; Гильф., 71). Королевичи просятъ позволенія отправиться въ походъ противъ князя Романа:

Ахъ, ты дялюшка нашъ, Чимбалъ король,
Чимбалъ, король земли Литовскіи!
Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
Дай-ка намъ казны сто тысячей:
Поѣдемъ мы на святую Русь
Ко князю Роману Митріевичу на почетный пиръ (Рыбн.,
I, 73).

Иначе:

. . . не можемъ болѣ терпѣть славы великіи
Про Московскаго князя Романа Дмитріевича,
Давай-ка намъ прощеньице-благословеньице,
Силу-войско, латниковъ-кольчужниковъ,
Силу войско на добрыхъ коняхъ (ib. 74).

Пересказъ Гильф. № 12 соединяетъ Москву съ Золотою ордой:

Политовскій король да земли польскіи!
Думаемъ мы думушку нунъ крѣпкую,
Крѣпкую мы думу заединую,
Ѣхать намъ во матушку во каменнѣю Москву
Въ каменнѣю Москву, да въ золоту орду.

Имени князя въ этомъ вариантѣ нѣтъ. Въмѣсто Романа выступаетъ „старый Никитушка Романовичъ“¹⁾. Король не даетъ согласія:

Ай же вы, два брата, два ливика,
Королевскіихъ два племянника!
Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
И не дамъ прощеньица-благословеньица,
Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
Ко князю Роману Митріевичу на почетный пиръ.
Сколько я на Русь не ѣживалъ,
А счастливъ съ Руси не выѣживалъ. (Рыбн., I, 73).

¹⁾ Въ пересказѣ Гильф. № 42 королевскіе племянники просятъ позволенія „ѣхать на святую Русь, къ Роману Митріевичу на почетный пиръ“, но въ дальнѣйшемъ изложеніи вмѣсто Романа выступаетъ царь Иванъ Васильевичъ: „перепала тутъ вѣсточка нерадостная грозному царю Иванъ Васильевичу“ и т. д.

Вмѣсто набѣга на владѣнія Романа король совѣтуетъ племянникамъ отправиться „во землю во Левонскую“ (Рыбн., I, 73, 74) или „Лимоньскую“ (Гильф., 71).

Поѣзжайте вы во землю во Левонскую
 Ко тому ко городу ко Красному,
 Ко тому селу-то ко Высокому:
 Тамъ молодцы по спальнымъ засыпшися,
 А добры кони по стойламъ застоляшися,
 Цвѣтно платьице по вышкамъ заляжалося,
 Золота казна по погребамъ запасена.
 Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
 Тамъ получите добрыхъ коней,
 Тамъ получите цвѣтно платьице,
 Тамъ получите безсчетну золоту казну (Рыбн., I, 73).

Въ другихъ пересказахъ вмѣсто Левонской земли упоминается Кіевъ (Рыбн., I, 75), Индія богатая — Корела проклятая (Гильф., 12) или просто „чисто поле“ (Гильф., 42). Въ пересказѣ Гильф., 61 совѣтъ короля опущенъ.

Въ пересказахъ Рыбн., I, 74, и Гильф., 12, 71 бесѣда короля съ племянниками соединяется съ разказомъ о пирѣ: у короля было столованье

На своихъ-то на пановой,
 На пановой на улановой

Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, только два королевскіе племянника

Не пьютъ они, не кушаютъ,
 Вѣлой лебеди не рушаютъ,
 Повѣшены буйны головы
 Няже плечъ своихъ могучинхъ.

Король спрашиваетъ: отчего они не веселы. Оказывается, что они не могутъ „терпѣть славы великія“ князя Романа Дмитріевича.

Упоминаемые въ этомъ разказѣ „панове и уланове“ измѣнились въ нѣкоторыхъ пересказахъ въ названіе мѣстности: „на Паневѣ было на Улановѣ“ (Рыбн., I, 73; III, 51; Гильф., 61).

б) Походъ въ землю Левонскую (=Индію богатую) былъ удаченъ:

Во землѣ во Левонской на бою имъ пришла Божья помощь:
 Тни города они огнемъ сожгли,
 Какъ оттуда они погнали добрыхъ коней стадмы-стадомъ,
 Добрыхъ молодцовъ рядмы-рядомъ,
 А красныхъ дѣвушекъ, молодыхъ молотушекъ

Повели оттуль толпичами:
 Несчетной золотой казны
 Насыпали телѣги ордынскія,
 Красна золота, чиста серебра, сватна жемчуга. (Рыбн., I, 74).

Или:

А поѣхали они да во Индѣюшку,
 А въ ту было Индѣю во богатую,
 А въ ту было Корелу во проклятую

 Разорили тутъ Индѣю всю богатую
 Разорили всю Карелушку проклятую,
 Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли (Гильф., 12).

Въ пересказѣ Рыбн., I, 75, и Гильф., 61, нѣтъ разказа о походѣ въ Левонскую землю или Индію. Пересказъ Гильф., 42, замѣняетъ походъ поѣздкой въ чисто поле.

в) Предостереженіе короля пропало даромъ. Племянники его отказались отъ рѣшенія напасть на владѣнія князя Романа. Послѣ побѣды въ землѣ Левонской

... Выѣхали два брата—два Ливика
 Во далече-далече чисто поле,
 Развернули шатры полотняные,
 Начали ѣсть, пить, веселиться
 На той на великой на радости;
 Самн говорятъ таково слово:
 Не честь-хвала молодецкая
 Не съѣздить намъ на святую Русь
 Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ (Рыбн.,
 I, 73).

Сказано — сдѣлано. Польскіе королевичи опустошили три села, принадлежащія Роману ¹⁾, и взяли въ плѣнъ княгиню Настасью Митріевичну съ „младенцемъ двумѣсячнымъ (=трехмѣсячнымъ, трехлѣтнимъ). Княгиня называется то женой (Рыбн., I, 75), то сестрой (Рыбн., I, 74; Гильф., 61, 71), то племянницей (Гильф., 12) Романа.

Набѣгъ королевичей не встрѣтилъ отпора, потому что (какъ за-

¹⁾ Села называются Славское, Корочаево, Переяславское (Рыбн., I, 73); Ярославское, Переславское и Косы Улицы (Гильф., 12); Ярославское, Катеринградское, Косоульское (Гильф., 61). Въ переск. Рыбн., I, 74 и Гильф., 71 упоминаются четыре села: Славское, Переславское, Корачаево, Косоулицы (Рыбн.), Лягово, Коротяево, Карачаево и Косы Улицы (Гильф.). Въ пересказѣ Рыбн. I, 75 вмѣсто сельъ называются улицы города Сребрянскаго: Березяна, Крестовая, Красныя Лавицы.

мѣчено въ нѣкоторыхъ пересказахъ) князя Романа не было въ то время дома:

И тая побѣда учинилася,
Дома князя не случилось (Рыбн., I, 75).

Или:

А въ ты поры было, въ то время
Князя Романа Митріевича при домѣ не случилось.
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ (ib., 73).

г) Романъ узнаеть о случившейся бѣдѣ:

А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку (Гильф., 12).
Пережала тутъ вѣсточка нерадостна (ib., 42).

По большей части пересказовъ, эту вѣсточку нерадостну приносятъ Роману какая-нибудь птица (воронъ, голубъ и голубка, жаворонокъ).

А тутъ князь Романъ Митріевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовый столъ,
О дубовый столъ, о кирпичень мостъ,
Сквозь кирпичень мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты, тварь, ты, тварь поганая,
Ты поганая тварь, нечистая!
Вамъ ли щенкамъ насмѣхаться?
Я хочу съ вами со щенками управиться“ (Рыбн., I, 73).

Въ другихъ пересказахъ негодование Романа выражается менѣе бурно:

Завручинился князь, запечалился,
Повѣсилъ буйную голову
И рветъ свою сѣдую бороду:
„Ахъ ты, старость моя, старость глубокая!
Налетѣла изъ чиста поля чернымъ ворономъ,
Садилась на плечушки на могутныя.
А молодость моя, молодость молодая!
Когда-жь ты была на моихъ плечахъ,
Такъ не смѣялся воръ — самъ король,
А теперича насмѣхаются два королевича, два выблѣдка“.
(Рыбн., I, 75).

Нужно освободить семью изъ плѣна. Князь Романъ созываетъ свою дружину (40.000; 9.000) и выбираетъ изъ нея отрядъ наиболѣе

надежныхъ людей, которые, какъ показали нѣкоторыя примѣты, устоятъ въ бою, не будутъ ни убиты, ни ранены. Съ этимъ отборнымъ отрядомъ Романъ отправляется въ походъ. Приблизившись къ лагерю королевичей, онъ оставляетъ войско въ засадѣ, приказавъ ему двинуться въ путь по данному знаку:

Ай же вы, дружинишка хоробрая!
 Какъ заграю во первый наконъ
 На сиромъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
 Какъ заграю я во второй наконъ
 На сиромъ дубу чернымъ ворономъ,
 Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
 Какъ заграю я въ третій наконъ,
 Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ
 Во далече-далече во чистомъ полѣ“ (Рыбн., I, 73).

д) Романъ проникаетъ въ непріятельскій станъ, обернувшись сначала сѣрымъ волкомъ, а потомъ горностаемъ:

Самъ князь обернется сѣрымъ волкомъ,
 Побѣждалъ-то князь во чисто поле,
 Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ,
 Забѣждалъ онъ въ конюшни во стоялыя
 У добрыхъ коней глоточки повыхваталъ,
 По чисту полю поразметалъ;
 Забѣждалъ онъ скоро въ оружейную,
 У оружищевъ замочки повывертѣлъ,
 По чисту полю замочки поразметалъ;
 У тугихъ луковъ тетивочки повывкусалъ,
 По чисту полю тетивочки поразметалъ;
 Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
 Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлой шатеръ (Рыбн., I, 73).

Узнаетъ Романа его малолѣтній сынъ (=племянникъ):

Сидитъ княгиня Настасья Митріевична .
 Со малымъ со отрокомъ двумѣсячнымъ,
 И говоритъ Настасья Митріевична:
 „Была бы у твоего батюшки прежняя молодость,
 Повыручилъ-бы тебя съ полону великаго;
 А старость застигла глубокая,
 Не выручитъ тебя съ полону великаго“.
 И говоритъ малый отрокъ двумѣсячный:
 „Ай же ты, Настасья Митріевична!
 Нашъ батюшко ходитъ—дѣло дѣлаетъ
 Малымъ бѣлымъ горностаюшкомъ“ (Рыбн., I, 75).

Королевичи хотятъ поймать горностаю:

Какъ тутъ-то сила пробуждалася,
 Пробуждалася она, перепалася,
 Какъ вешняя вода всколыбалася:
 Стала имать горностаю во шатрикахъ,
 Соболиными шубками призажидывать.¹
 Онъ по шубкамъ, по рукавчикамъ выскакивалъ,
 На улупшѣ обернулся чернымъ ворономъ,
 Вылетѣлъ во сырой дубъ,
 Самъ загалгъ во всю голову (ib., 74).

Бросились къ оружію, чтобы убить ворона. Оружіе оказалось поломаннымъ. А между тѣмъ по данному знаку подоспѣла дружина Романова:

Какъ наѣхала силушка Романова,
 Большему брату глаза выкопали,
 А меньшему брату ноги выломали,
 И посадили меньшаго на большаго,
 И послали къ дядюшкѣ
 Цимбалъ-королю земли Литовскія,
 Самъ-же князь-то приговаривалъ:
 „Ты, безглазый, неси безногаго,
 А ты ему дорогу показывай“ (ib., 73)

Этою расправой обыкновенно и оканчивается былина о Романѣ. Но въ нѣкоторыхъ пересказахъ присоединены въ концѣ слѣдующія подробности:

Какъ приходятъ во землю во литовскую,
 Увидѣлъ ихъ дядюшка Цимбалъ-король.
 „Ахъ вы, любезные два витника, два советника!
 Говорилъ я вамъ, удалымъ молодцамъ:
 Не ходите вы на святую Русь
 Ёо князю Роману Дмитріевичу.
 Князь Романъ хитеръ-мудеръ,
 Знаетъ онъ языки воронинные,
 Знаетъ языки всѣ птичіе,
 У меня была пора—сила великая,
 И терпѣлъ я славу вѣкъ по вѣку,
 А вы теперь получили безчестье велико:
 Великое безчестье, на вѣки верушное!“
 Говорятъ они таковы слова:
 „Ай же ты, родный нашъ дядюшка!
 Не можемъ мы терпѣть безчестья великаго
 Казни насъ казнью своеручною:
 Руби намъ буйны головы,

Копай насъ во матушку сыру землю*.
 Онъ какъ брать сабельку вострую
 Рубилъ имъ буйны головы,
 Копалъ ихъ во матушку сыру землю,
 Теперь-то двумъ витникамъ, двумъ советникамъ
 Славу пошть (Рыбн. I, 74; ср. Гильф., 71).

Пѣсня о похищеніи жены князя Романа рассказываетъ, подобно разобранной уже былинѣ, о набѣгѣ на Романовы владѣнія литовскихъ людей, но это происшествіе обставлено здѣсь новыми подробностями:

Жилъ-былъ князь Романъ Митріевичъ,
 Съ женой спалъ, и ей прищавилось ночью,
 Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
 Съ праваго перстечка съ мезеночка
 И разсыпался на мелкія зернотка.
 Она всё собрала, одного не могла отыскать.
 „Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ,
 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 Чтобы твой сонъ разсудили,
 Чтобы твой сонъ рассказали“.
 — Я свой сонъ сама разсужу,
 Я свой сонъ сама разкажу:
 Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
 Три червленыхъ три корабля,
 Увезутъ меня, Марью, за сине море,
 За сине море за соленое
 Къ тому Мануилу сыну Ягайлову.
 Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
 Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
 Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ (Кир., V, стр. 92).

Въ другомъ пересказѣ вмѣсто посланцевъ Ягайла называются „поганы татарове“. Романъ увѣждаетъ „сбирать дани за тѣ годы за старыя“. Вѣщій сонъ сбывается.

Она сѣла къ окошечку косивчату
 И глядитъ: бѣжать изъ-за моря,
 Изъ-за моря изъ-за синя
 Три черныхъ три корабля,
 Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную (ib., 93).

Марья убѣгаетъ въ чисто поле и „засѣла подъ яблонь кудреватую“. Но ее отыскали тамъ, забрали на корабль и отвезли къ Мануилу сыну Ягайлову (царю Батышу Батурьевичу).

Онъ встрѣчаетъ ее съ честью съ радостью,
 Онъ бралъ Марью за руки за бѣлья,
 За тѣ ли перстни злеченны,
 Онъ хочеть цѣловать ее въ сахарны уста.
 Говорить ему Марья Юрьевна:
 — У насъ до трехъ годовъ не цѣлуются,
 Не цѣлуются, не обнимаются (ib., 94).

Разъ Мавуилъ Ягайловичъ отправился на охоту:

Пойдучи матери наказывалъ:
 „Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
 Ежели она закручинится“.

Романова жена дѣйствительно закручинилась:

Мать дала ей няничекъ-служаночекъ
 (Няничекъ-служаночекъ) въ сады гулять,
 И дала вапикговъ всякихъ разныхъ,
 И дала козла любимова Моналинова.
 Она напоила нянекъ до пьяна,
 Что няньки лежать сами бѣзъ себя;
 Вотъ она взяла козла-зарѣзала,
 Пришла Марья на гору високою,
 Скидывала свое платье цвѣтное,
 Надѣвала на лѣсночку и пошла съ горы.
 Ей на встрѣчу быстра рѣка,
 И быстра рѣка идетъ, что громъ гремитъ.
 И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
 — Ой же ты, мать Дарья рѣка!
 Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
 Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе
 Пропустите меня, Марью Юрьевну!
 И рѣка Марью послушалась:
 Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
 Перебрела она черезъ быстру рѣку,
 Пошла она впередъ попадать.
 И пришла ей больше того рѣка,
 Она видитъ, что перейти нельзя;
 Смотритъ,—плаваетъ на другой сторонѣ
 Плаваетъ колода бѣлодубова;
 И взмолилась Марья той колодѣ бѣлодубовой:
 — О же ты, колода бѣлодубова!
 Перебези меня черезъ быстру рѣку,
 А выйду на святую Русь,
 Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 На мелки кресты, на чудны образы,
 И вызолочу червоиннымъ краснымъ золотомъ.

И колода ее послушалась:

Перевезла ее черезъ быстру рѣку (ib., 95—96).

Добравшись до дому, княгиня разказала мужу про чудесную колоду. Вывезли колоду на святую Русь, вырѣзали на мелки кресты и на чудны образы, позолотили ихъ и разслали по церквамъ.

Третья изъ указанныхъ выше пѣсенъ говоритъ о томъ, какъ князь Романъ ¹⁾ жену терялъ.

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Тѣло терзаль, во рѣку бросаь,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравныя;
Откуль взялся младъ сизой орель,
Увесь онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ (Жир., V, стр. 108).

Дочь Романа спрашиваетъ его о матери. Отецъ даетъ противорѣчивые отвѣты, лживость которыхъ скоро открывается.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
„Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?“

Романъ отвѣчаетъ:

Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и бѣлится,
А въ цвѣтно платьѣ наряжатися
.
Пошла она молода княжна
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла найдти своей матушки.

Снова спрашиваетъ она отца о матери. Романъ говоритъ:

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленой садъ,
Во вишенъе, во орѣшенъе.

¹⁾ Одинъ изъ пересказовъ (изъ сборника *Мордочевой и Костомаровъ*) имя Романъ замѣняетъ именемъ: Демьянъ.

И это указаніе оказалось ложнымъ. По нѣкоторымъ вариантамъ, Романъ старается утѣшить дочь обѣщаніемъ подарковъ:

„Ты сударь, ты мой батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
— Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка,
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазами.
„Мнѣ не надо золота перстня,
Золота перстня со алмазами.
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
— Твоя мать въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платьѣ наряживатся и т. д. (ib., 104)

Дѣло раскрывается съ появленіемъ орла, который приноситъ отрубленную руку Романовой жены.

Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтахъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ
Во тотъ ли зеленой садъ;
А втапоры нявюшки-мамушки
Подхватили онѣ рученьку бѣлую,
Подавали онѣ молодой княжнѣ
Молодой—душѣ Аннѣ Романовнѣ;
А втапоры Анна Романовна
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула (ib., 110).

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ орелъ не только приноситъ руку, но и разказываетъ о преступленіи:

Что летить-летить птица грозная
Птица грозная, младъ сизой орелъ.
.....
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала громкимъ голосомъ:
„Ой же ты, птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ!
И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?
— Ой же ты, Марья дочь Романовна!
Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,

Онъ терзалъ-терзалъ и тѣло терзалъ,
 Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
 Во тоѣ ль во рѣку во Смородинку" (ib., 101; ср. 103, 107).

Въ одномъ вариантѣ вмѣсто орла приносятъ руку и сообщаютъ
 вѣсть объ убійствѣ волки.

Пошла дочь во темный гѣст,
 На встрѣчу ей волки сѣрые,
 Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ (105).

Романъ пытается успокоить дочь:

Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
 Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ
 Я складу тебѣ печь муравленую.
 Я солью тебѣ золотъ перстень,
 Я сошью тебѣ кунью шубу
 Приведу я къ тебѣ молодую мать

 — Ты стори, стори, новъ высокъ теремъ,
 Провалися ты, печь муравленая,
 Растопися, мой золотъ перстень,
 Ты сотгѣй, моя шуба куньяя,
 Ты умри, моя молодая мать,
 Молодая мать, злая мачиха,
 И ты встань-проснись, родная матушка (102).

Въ пересказѣ Новиковскаго пѣсенника разговоръ Романа съ до-
 черью переданъ такъ:

Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
 Не я терзалъ, не мои руки:
 Потеряло ея слово противное.
 Приведу я тебѣ матушку любезную.
 Что возговорить молода княжна:
 „Не желаю матушки любезныя,
 Желала бъ свою матушку родиную“ (108).

Вариантъ Кирши Данилова вмѣсто заключительнаго разговора
 отца съ дочерью даетъ разказъ о похоронахъ убитой: княжна по-
 слала нянюшекъ-мамушекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ отыскать
 тѣло матери:

Нашли они пугу голову,
 Сбирали они съ пустою головою
 А всѣ тутъ вости и ребрушки;
 Хоронили они и пугу голову

Со тѣми костями, со ребрушка,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ (111).

Изъ пересказанныхъ былинъ о князѣ Романѣ я постараюсь прежде всего выдѣлать тѣ вѣщескія картины и подробности, которыя встрѣчаются въ другихъ памятникахъ въ иныхъ сочетаніяхъ, и которыя поэтому безъ особыхъ доказательствъ не могутъ быть признаны принадлежностью основнаго, первоначальнаго состава разсматриваемыхъ пѣсенъ.

І. Хромецъ и слѣпецъ. Дружинники Романовы

Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему-то брату по колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя
Садкли безногаго на безглазаго,
Отпущали къ Цимбалу королю Литовскому (Рыбн., I, стр. 437).

Подобнымъ же образомъ расправляется съ врагами Илья Муромецъ въ былинѣ о Калинѣ царѣ ¹⁾.

Тутъ Илья взялъ,—сломалъ ему бѣлы руки,
Еще сломалъ собаку рѣзвы ноги,
Другому Татарину ошь сильному
Домалъ ему бѣлы руки,
Выкопалъ ему ясны очи,
Привязалъ собаку за плечи Татарину,
Привязалъ его, самъ выговаривалъ:
„На-тео, Татаринъ, неси домой
А ты, собака, дорогу показывай“ (ib., 106).

Это изображеніе хромца на слѣпцѣ повторяется во множествѣ вариантовъ, отысканныхъ и на востокѣ, и въ греко-римскомъ мірѣ, и въ средневѣковой письменности восточной и западной Европы, и въ ново-европейскихъ литературахъ ²⁾.

¹⁾ Ср. въ былинѣ о Кострюкѣ:

Михайла расхѣдился,
Михайла рассѣрдился,
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ (Рыбн., II, стр. 229).

²⁾ Указанія относительно многочисленныхъ пересказовъ притчи о хромцѣ и слѣпцѣ такі: *Kurz* (Esopus v. B. *Waldis*, II Th., B. IV, № 61, S. 145, 168), *Oesterley* (*Kirchhof*, *Wendunmuth*, B. V, S. 131, № 124, въ *Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart*, B. 99; *Gesta Romanorum*, S. 723, 71), *Liebrecht* (*Germania*, XXV, 1880, 3, 298 — 299), *Perles* (*Monatschrift für Geschichte und*

Къ восточнымъ вариантамъ принадлежать: арабскій разказъ о чудѣ Иисуса Христа, арабскій же разказъ о судѣ Божиѣмъ надъ людьми, подобный же разказъ еврейскаго Талмуда, одна изъ сказокъ Тысячи и одной ночи. Въ литературѣ греческой извѣстно на ту же тему небольшое стихотвореніе Филиппа Фессалоникійскаго (современника Августа), внесенное въ Антологію. Подобное же стихотвореніе есть у Авзонія (IV вѣка). Въ средневѣковой литературѣ можно указать на пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ, внесенныя въ *Gesta Romanorum*, въ *Sresulum magiae* Винценція изъ Бове и др. Въ ново-европейскихъ литературахъ эта повѣсть повторяется писателями XVI, XVII, XVIII (Геллертъ, Флоріанъ) вѣковъ.

Въ старорусской письменности разказъ о хромцѣ и слѣпцѣ передается въ „Притчѣ о тѣлѣ человѣчествѣ и о души и о въскресеніи мертвыхъ“. Эта притча помѣщается въ спискахъ „Пролога“ подѣ 28-мъ сентября; другой ея пересказъ, представляющій маловажныя отличія отъ проложнаго варианта, встрѣчается съ именемъ Кирилла Туровскаго ¹⁾. Та же притча перенесена была на дубокъ и вошла въ рядъ такъ называемыхъ народныхъ картинокъ ²⁾.

Отдѣльно отъ притчи стоитъ сказка „Безногіи и слѣпой богатыри“ ³⁾. Въ сказкѣ передается между прочимъ, какъ „слѣпой богатырь, славный своимъ бѣгомъ, . . . находитъ безногаго Кятому, и вздумали они жить и кормиться вмѣстѣ: безногіи служитъ слѣпому своими глазами, а слѣпой безногому своими скорыми ногами“ ⁴⁾.

Всѣ отмѣченные пересказы повѣсти о хромцѣ и слѣпцѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, на два извода ⁵⁾. Образцомъ пер-

Wissenschaft des Judenthums, 1873, Febr.), *Сухомлиновъ* (Соч. Кирилла Туровскаго, XLVI—LI; Повѣсть о судѣ Шемяки въ XXII т. *Зап. Ак. Наукъ*, 34—35. Два семитическія сказанія, встрѣч. въ памятникахъ русской литературы, II—въ *Запискахъ Ак. Наукъ* 1873), *Ровинскій* (Русскія народныя картинки, кн. IV, стр. 574—576, въ *Сборн. 2-ю отд. Ак. Наукъ* т. XXVI). Пр. *Вовводскій* (Этнологическія и миеологическія замѣтки въ XXV т. *Зап. Новор. Унив.*, 75—76) едва ли удачно сближаетъ сказочныхъ хромца и слѣпца съ „греческими могущественными богатырями близнецами Молионами“, которые представляли „олицетвореніе верхняго и нижняго жернова“.

¹⁾ Соч. Кирилла Туровскаго, ред. *Сухомлинова*, 136—141, XLVI—LI.

²⁾ *Ровинскій* I. с.

³⁾ *Лавнасьевъ*, Сказки, изд. 2-е № 116. Малорусскій вариантъ въ *Записк. о южной Руси Кулиша*, II, 59—82.

⁴⁾ *Лавнасьевъ*, IV, стр. 258.

⁵⁾ Поэтому, если принять, что родиною повѣсти былъ востокъ, придется

ваго извода можетъ служить стихотвореніе греческой антологіи и Авзоніева эпиграмма.¹

Πηρὸς ὁ μὲν γυίοις, ὁ δ' ἄρ' ὄμμασιν ἀμφοτέροι θε
εἰς αὐτοὺς τὸ τύχης ἐνδεῆς ἤρανισαν.
τοφλὸς γὰς λιπόγειον ἐπωμάδιον βάρος αἴρων,
ταῖς κείνου φωναῖς ἀτραπὸν ὠρθοβατεῖ,
πάντα δε ταύτ' ἐδίδαξε πικρὴ παντόλμος ἀνάγκη
ἄλλήλοισ μερίσαι τοῦλλιπὲς εἰς ἔλεον. (Anthol. LXIX).

Insidens caeco graditur pede claudus utroque.
Quo caret alteruter, sumit ab alterutro.
Caecus namque pedes claudo gressumque ministrat,
At claudus caeco lumina pro pedibus. (Epigr. CXXVI).

Смыслъ притчи указанъ греческимъ стихотвореніемъ: нужда учить, вызываетъ находчивость и чувство взаимопомощи. Та же мысль лежитъ въ основѣ 71-й главы „Римскихъ Дѣяній“: богатый человѣкъ устрояетъ пиръ и зоветъ на него всѣхъ желающихъ; слѣпой беретъ себѣ на плечи хромого и такимъ образомъ оба попадаютъ на пиръ ¹). Позднѣйшіе европейскіе варианты представляютъ подражаніе греческому и латинскому стихотвореніямъ. Для примѣра укажу на Wendunmuth Кирхгофа: Solchs haben die Griechen in einer feinen pictur und bildniss gantz artig vorgestellt, also dass ein blinder einen kruppel auffgefasset und dahin er begehret, tragen wolte, diewelt aber dem blinden der weg unkantlich, unterstund sich der lame, ihm den weg anzuzeigen, und thet ein teglicher so viel er vermöchte. Слѣдуютъ затѣмъ versiculi de caeco et claudo (эпиграмма Авзонія) и вольный ихъ переводъ ²).

Къ этому изводу притчи о хромецѣ и слѣпецѣ примыкаетъ и наша сказка о слѣпомъ и хромомъ богатыряхъ.

Образцомъ втораго извода можетъ служить сказка „1001 ночи“.

допустить даъ переноса ея на европейскую почву, какъ это предполагается относительно нѣкоторыхъ другихъ сказокъ (Benfey, Rantschatantra, I, 359 — 361. Ср. въ моей книгѣ „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, стр. 33—36, примѣч.). Но этотъ двойной переносъ не надо ли представлять въ такомъ видѣ: басня съ европейской почвы переносится на востокъ, а оттуда въ неизмѣненномъ видѣ снова возвращается въ Европу?

¹) Морализація басни гласить: слѣпецъ-богачъ, хромецъ-нищій; только помогая бѣднымъ, богачъ можетъ достигнуть небеснаго царства: certe elemosinas eis dando et in eorum necessitatibus subveniendo, hoc est pauperes portare, et fideliter viris ecclesiasticis decimas dare (изд. Oesterley, стр. 386).

²) V Buch, 124 (B. III, S. 361—362 въ изд. Oesterley).

Привожу эту сказку въ передачѣ акад. Сухомлинова: „Визирь спросилъ у принца: душа и тѣло одинаково ли подлежатъ награждѣ и наказанію?“ „Ихъ ждетъ одинаковая участь, ибо и здѣсь они дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда хромой и слѣпой“. „Что это за исторія?“ „Хромой и слѣпой жили въ дружбѣ и вмѣстѣ просили милостыню; разъ какъ-то выразили они желаніе, чтобы какой-нибудь богатый человѣкъ приставилъ ихъ къ своему саду. Услышавши это, какой-то добрякъ съжалился надъ ними, взялъ ихъ въ свой садъ, нарвалъ имъ плодовъ, и оставляя ихъ въ саду, просилъ только ничего въ немъ не портить. Но плоды до того пришлись имъ по вкусу, что они едва отвѣдали ихъ, имъ захотѣлось еще болѣе, хромой и слѣпой сообщили другъ другу свое желаніе и вмѣстѣ сожальніе, что одинъ не видитъ плодовъ, а другой не можетъ подойти къ нимъ. Пришедшій на ту пору сторожъ спрашиваетъ о причинѣ ихъ унынія, и узнавши въ чемъ дѣло, вскрикиваетъ: „Горе вамъ! развѣ не слышали вы, какъ хозяинъ предостерегалъ васъ ничего не портить въ саду? Обуздайте свои желанія, иначе онъ выгонитъ васъ изъ сада“. Но они возражали: „Мы хотимъ плодовъ во что бы то ни стало, и хозяинъ ничего не замѣтитъ; не выдай только насъ, и укажи способъ удовлетворить наше желаніе“. Сторожъ, видя, что не хотятъ слѣдовать его совѣту, сказалъ слѣпому: „Возьми хромого къ себѣ на плечи; онъ будетъ руководить тебя своими глазами, а ты своими ногами донесешь его до дерева; я уйду, и вы можете наслаждаться“. Слѣпой сейчасъ же взялъ хромого на плечи, принесъ его къ дереву, и они принялись срывать плоды, наломали вѣтвей и перепортили весь садъ. Но какъ только хозяинъ воротился домой и увидѣлъ садъ въ такомъ безпорядкѣ, онъ съ гнѣвомъ обратился къ нимъ: „Что вы надѣлали? Это ли награда за то, что я пустилъ васъ въ садъ свой и надѣлилъ плодами? Можно ли было такъ злоупотреблять моимъ довѣріемъ?“ Они отвѣчали: „Господинъ, ты вѣдь знаешь, что мы ничего не могли испортить, потому что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ“. Но онъ возражалъ: „Или вы еще думаете заператься, и полагаете, что я не знаю, какъ вы это сдѣлали; еслибы вы сознались въ своей винѣ, я отпустилъ бы васъ во-свои; но такъ какъ вы запераетесь, то и заслуживаете наказанія“. Онъ выгналъ ихъ изъ сада и заключилъ въ темницу, гдѣ они и погибли. „Значеніе этой притчи“, продолжалъ принцъ,—„слѣдующее: Слѣпой представляетъ тѣло, хромой — душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сто-

рожь—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. Посему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію⁴.

То же основное содержаніе (сравненіе человѣка, грѣшащаго душой и тѣломъ, съ слѣпымъ и хромымъ ворами, дѣйствовавшими заодно) находимъ въ талмудическомъ и мусульманскомъ сказаніяхъ о Божіемъ судѣ¹⁾ и въ притчѣ Пролога, пересказанной Кирилломъ Туровскимъ. Старо-русскій вариантъ (предполагающій, конечно, греческій оригиналъ) заканчивается изображеніемъ суда надъ ворами: „Тогда господинъ, сѣдъ на суднѣмъ столѣ, начатъ има судити, и рече: якоже еста крада, тако да всядетъ хромецъ на слѣпца. Всѣдшу же хрому, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити“²⁾. Изображеніе казни враговъ въ нашихъ былинахъ о Калинѣ царѣ и о князѣ Романѣ навѣяно, конечно, этимъ приточнымъ судомъ.

II. Выборъ дружины. Собравъ войско у рѣки Березины, Романъ

Припущалъ силушку пить во рѣку во Березину.

Начала силушка пить во рѣкѣ во Березины:

Котора сила пѣла нападкою,

Говорилъ князь Романъ Дмитріевичъ:

¹⁾ Рабби Іегуда, говорится въ талмудѣ, объясня императору Антонину Пію ученіе о будущемъ судѣ Божіемъ за грѣхи, разказалъ ему притчу о хрому и слѣпцу. Хозяинъ обворованнаго виноградна посадилъ хромого на слѣпца и наказалъ ихъ обоимъ вмѣстѣ. Такъ поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, пожьщаетъ ее вторично въ плоть и наказываетъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ. Мусульманское преданіе изображаетъ судящаго людей Господа *ragabolan illis prorsusiturum coeci et claudi*. Хромецъ и слѣпецъ, вмѣстѣ обокравшіе садъ, вмѣстѣ и наказаны; такъ наказываются душа и плоть, обѣ принимавшія участіе въ грѣхѣ. Въ арабскомъ разказѣ о дѣтствѣ Іисуса Христа воровство хрому и слѣпца понято не какъ *parabola*, а какъ реальный фактъ. *Dixit Wahab Ibn Mamba, cui propitius sit Deus: Hoc quoque est ex miraculis Jesu. Aedes Dacani, ad quem Maria et Jesus diverterant, ingressus est fur et abstulit quidquid in illis erat. Tristis ergo Dahcânus inquit Jesu: Indica mihi, quis opes meas abstulerit. Respondet Jesus: convoca mihi totam familiam tuam. Quod cum fecisset, inquit Jesus: Ubi est coecus ó ðeivca? (supple: et claudus ille? замѣчаніе переводчика) His ergo adductis, inquit Jesus: Isti duo sunt fures, qui tua omnia abstulerunt. Haec cum miraretur populus, inquit illis Jesus: claudus iste adjutus fuit viribus coeci et coecus visu claudi; claudus enim manu sua funem tenebat in fenestra, dum singula (coecus) afferret et ad ipsum rediret (Evangelium infantiae ed. H. Sike, 40—43; *Thilo*, Codex apocr. novi testam. 145—146).*

²⁾ Соч. Кир. Тур. L.

„Той силы на бою мертвой быть“;
 Отпущалъ назадъ тую силушку ¹⁾.
 Котора сила пила шеломами да черепушками.
 Тую силу съ собой бралъ (Рыбн., I, стр. 435).

Иначе:

Стала сила пить воды:
 И которая сила колпакомъ пьеть,
 И которая сила шеломамъ пьеть,
 И которая сила нападчи пьеть.
 Которая сила нападчи пьеть,
 Тая сила будетъ мертвая;
 Которая сила колпакомъ пьеть,
 Тая сила будетъ полоненая;
 А которая сила шеломамъ пьеть,
 Тую силу съ собой беретъ (ib., 441).

Этотъ былинный эпизодъ—вариантъ всѣмъ знакомаго библейскаго разказа о Гедеонѣ: „Героваалъ, онъ же и Гедеонъ, всталъ по утра и весь народъ, бывшій съ нимъ, и расположились станомъ у источника Харода; Мадіамскій же станъ былъ отъ него къ сѣверу у холма Море въ долину. И сказалъ Господь Гедеону: народа съ тобою слишкомъ много, не могу я предать мадіанитянъ въ руки ихъ, чтобы не возгордился Израиль предо Мною, и не сказалъ: моя рука спасла меня. Итакъ провозгласи вслухъ народа и скажи: кто боязливъ

¹⁾ Въ сказкѣ о морскомъ царѣ и Василисѣ Премудрой говорится, какъ нѣкій царь возвращался изъ далекаго путешествія въ свое государство. „Напала на него жажда великая: что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видитъ недалеко большое озеро; подѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилегъ на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьеть и не чуетъ бѣды, а царь морской ухватилъ его за бороду“ и т. д. (*Дом. Сказки*, изд. 2, II, 335; ср. ib. 192, IV, 292). Такой же способъ питья въ припадку нѣтъ мѣсто въ странномъ обрядѣ, описанномъ въ *Topographia Hibernica Giraldi Cambrensis* (Dist. III, с. ххv): *Est igitur in boreali et ulteriori Ultoniae parte, scilicet apud Kenelcunnil, gens quaedam, quae barbaro nimis et abominabili ritu sic sibi regem creare solet. Collecto in unum universo terrae illius populo, in medium producitur jumentum candidum. Ad quod sublimandus ille non in principem, sed in beluam, non in regem, sed exlegem coram omnibus bestialiter accedens, non minus impudenter quam imprudenter se quoque bestiam profitetur. Et statim jumento intercepto et frustatim in aqua decocto, in eadem aqua balneum ei paratur. Cui insidens, de carnibus illis sibi dilatis circumstante populo suo et convalescente, comedit ipse. De jure quoque, quo lavatur, non vase aliquo, non manu, sed ore tantum circumquaque haurit et bibit. Quibus ita rite, non recte completis, regnum illius et dominium est confirmatum* (*Gir. Camb. opera*, v. V въ изданіи *Rerum britann. medii aevi scriptores*).

и робокъ, тотъ пусть возвратится и пойдетъ назадъ съ горы Галаада. И возвратилось народа двадцать двѣ тысячи, а десять тысячъ осталось. И сказалъ Господь Гедеону: все еще много народа: веди ихъ къ водѣ, тамъ Я выберу ихъ тебѣ. О комъ Я скажу: пусть идетъ съ тобою, тотъ пусть идетъ съ тобою, а о комъ скажу тебѣ: не долженъ идти съ тобою, тотъ пусть и не идетъ. Онъ привелъ народъ къ водѣ. И сказалъ Господь къ Гедеону: кто будетъ лавать воду языкомъ своимъ, какъ лакаетъ песь, того ставъ особо, также и тѣхъ всѣхъ, которые будутъ наклоняться на колѣна свои и пить. И было число лававшихъ ртомъ своимъ съ руки триста человекъ; весь же остальной народъ наклонялся на колѣна свои пить воду. И сказалъ Господь Гедеону: тремя стами лававшихъ Я спасу васъ, и предамъ мадіанитянь въ руки ваши, а весь народъ пусть идетъ каждый въ свое мѣсто". (Книга Судей, гл. VII, ст. 1—7).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о князѣ Романѣ (Рыбн., 1, 73; Гильф., 42) выборъ по способу питья замѣненъ выборомъ по жребію: дружинники Романовы рѣзали жеребья липовы, всякъ на своемъ жеребѣ подписывалъ. Бросили потомъ жеребья въ рѣку: у однихъ они поплыли по теченію, у другихъ—противъ, у третьихъ ко дну пошли.

Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
Которы жеребья каменемъ ко дну,
Тая сила будетъ убитая;
Которы жеребья противъ быстрымъ пошли,
Тая сила будетъ поранена;
Которы жеребья по воды пошли,
Тая сила будетъ здравая.
Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
А надобно столько три тысячи (Рыбн., I, стр. 426).

Пересказъ Гильф. 61 соединяетъ оба способа выбора: испытаніе питьемъ и бросаніе жребія.

III. Жалоба на старость. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей,

Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ;
Ахъ ты молодость моя молодецкая!
Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молодую пору,
По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою.

Ахъ ты, старость моя глубокая,
 Да не въ пору молодца старость состарила!
 У меня ль головка состарѣла,
 Сердце молодецкое соржавѣло,
 Русы кудри посѣдатыли (Рыбн., I, стр. 434).

Такая же жалоба читается въ одномъ изъ пересказовъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца:

Бздить-то старь по чисту полю,
 А самъ себѣ старой дивуется:
 „Ахъ ты, старость, ты, старость, ты старая.
 А старая старость глубокая,
 А глубокая старость триста годовъ,
 А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
 Застала ты стараго въ чистомъ поли,
 Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,
 А съла ты на мою буйную голову.
 А молодость моя, молодость молодецкая!
 Улетѣла ты молодость во чисто поле,
 А во чисто поле да яснымъ соколомъ. (Гильф., ст. 946).

Далѣе та же жалоба на старость влагается въ былинахъ въ уста Никиты Романовича:

Ай же, молодость, ты, моя молодость,
 Улетѣла отъ меня да во чисто поле,
 Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
 Ай же, старость моя, старость глубокая!
 Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
 Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ
 Садилась на плечика могучіе ¹⁾. (Рыбн., стр. 408—409.

Г. Безсоновъ сопоставляетъ эту жалобу съ знаменитымъ золотымъ словомъ Святослава въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Се ли створисте моей сребренией сѣдинѣ?... А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду“. Ср. еще въ Иліадѣ рѣчь Нестора на тривнѣ Патрокла (XXIII, 629—645).

IV. Птица-вѣстница. Князь Романъ получаетъ извѣстіе о набѣгѣ королевичей отъ птицы:

Прилетѣла пташечка со чиста поля,
 Она съла пташица на бѣлой шатеръ,
 На бѣлой шатеръ полотняненькой,

¹⁾ Ср. Рыбн., IV, 95.

Она начала пташица пѣть — жупѣть,
 Пѣть — жупѣть, выговаривать:
 „Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
 Спишь ты, князь, не пробудишься,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
 Пріѣхали два брата, два Ливина,
 Королевскіихъ два племянника,
 Разорили оны твоихъ три села“ и т. д. (Рыбн., I, стр. 427—429).

Птица - вѣстница — одинъ изъ самыхъ распространенныхъ образовъ народной поэзіи. Изъ множества отмѣченныхъ вариантовъ этого эпического мотива ¹⁾, оставившаго слѣдъ въ извѣстной поговоркѣ: „сорока на хвостъ принесла“, укажу хоть два примѣра. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины объ отъѣздѣ Добрыни вѣсть о готовящейся свадьбѣ его жены приносятъ богатырю птицы. Добрыня отдыхаетъ въ шатрѣ, разбитомъ подъ дубомъ:

На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубь съ голубушкой,
 И голубь со голубушкой стали оны прогуркивать:
 „Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 Спишь ты да проклаждаешься,
 Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 Твои-то молода жена Настасья Микулична,
 За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
 За того Олешеньку Поповича“ (Рыбн., I, стр. 163).

Въ малороссійской колядкѣ:

Ой ластовонька та приѣтае,
 Господаренька та пробуждае:
 „Ой, устань, устань, господареньку,
 Побуди усю челядоньку“ (Голов., II, 32).

Въ былинѣ о томъ, какъ князь Романъ жену терзаль, орель-вѣстникъ выступаетъ съ особымъ значеніемъ обличителя преступленія, свидѣтеля убійства:

А князь Романъ жену терзаль,
 Жену терзаль, онъ тѣло терзаль,
 Тѣло терзаль, во рѣку бросаць

 Откуль взялся младъ сизой орель,

¹⁾ *Umland's Schriften*, III, 109—128, *Вселовскій*, Южнор. былины, II, 9—10, 403—406. Ср. *Grimm*, *D. Mythol.* II, 558—563 и III, *Nachträge*; *Ананасъевъ*, *Поэтыч. возр.* I, 509—511.

Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Орелъ приноситъ руку княжнѣ и извѣщаетъ о совершенномъ убійствѣ.

Подобную же картину находимъ и въ другихъ пѣсняхъ. Въ малорусской пѣснѣ объ убитомъ казакѣ:

Десь узався сивоперий орелъ,
Та взявъ руку зъ козацького трупу,
Та повісь руку у чистее поле,
Тай ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Болибъ сее отецъ и мать знали
Вони бъ сее тіло поховали.

Въ великорусской пѣснѣ о падшемъ воинѣ: „изъ-за лѣса летить орелъ и несетъ въ когтяхъ руку молодецкую“¹⁾.

Уландъ приводитъ шотландскую балладу, въ которой разказывается о рыцарѣ, убитомъ его ревнивою подругой; птица открываетъ преступленіе и указываетъ мѣсто, гдѣ брошенъ трупъ: „Hier erinnert man sich, замѣчаетъ Уландъ,—sonst bekannten Sagen von der Mordklage, die in Ermanglung andrer Zeugen den Vögeln obliegt, von den Kranichen des Ibycus an bis zu den Raben des heiligen Meinrad und dem Adler, der seinen Flügel in das Blut des Erschlagenen taucht und damit in die Wolken auffliegt“²⁾.

V. Вызовъ дружины троекратнымъ звуковымъ сигналомъ. Извѣстнѣйшій примѣръ такого вызова находимъ въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Соломонъ, отправившійся отыскивать свою похищенную жену, проникаетъ въ городъ, гдѣ она находилась; дружина оставлена въ засадѣ. Когда Соломону грозитъ бѣда, когда онъ уже приведенъ къ висѣльницѣ, онъ проситъ позволенія поиграть на трубѣ. Позволеніе дано. Соломонъ трубитъ три раза, является его дружина и справляется съ врагами³⁾.

¹⁾ *Костомаровъ*, Историч. знач. южно-русскаго народнаго пѣс. творчества, 24 — 25 (*Бесѣда* 1872, IV). — Сочиненія *К. Аксакова*, I, 396. Тотъ же „образъ извѣщенія родственниковъ убитаго посредствомъ принесенія орломъ или ворономъ руки съ перстнемъ пользуется довольно широкимъ распространеніемъ въ славянской (сербской, болгарской) народной поэзіи“. (*Халанскій*, О сербскихъ нар. пѣсняхъ Косовскаго цѣла, 56—59, въ *Р. Филол. Вѣстникъ* 1883 г.).

²⁾ *Schriften*, III, 127; ср. *Benfey*, *Pantschat*, I, 573; *Grimm*, *Märchen*, III, 196.

³⁾ *Литоп. р. лит. и дресн.*, т. IV, отд. 2, 119 — 121, 144 — 147, 151 — 153; *Памятники стар. р. литер.* 3, 68; *Буслаевъ*, *Истор. хрестом.*, 718 — 721.

Прѣхали къ релю во дубовня,
Становился Саламанъ на первой ступень

Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ:
Сила то вся сколыбается,
Скоро сѣдали добрыхъ коней

Ступилъ Саламанъ на второй ступень,
Затрубилъ въ турій рогъ во второй разъ:
Сила то вся сколыбалася,
Скоро садлись на добрыхъ коней

Вступилъ Саламанъ на третій ступень,
Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратному:
Сила то вся оболѣгла,
Будто ясны совопы облетѣли,
Будто сѣрне-то волки обрыскали и т. д. ¹⁾.

Подобный же способъ извѣщенія о грозящей бѣдѣ находимъ въ русской сказкѣ „Балдакъ Борисьевичъ“ ²⁾, въ нѣмецкой сказкѣ „Der treue Johannes“, въ поэмѣ о Ротерѣ ³⁾ и т. д. Въ былинѣ о князѣ Романѣ игра на трубѣ замѣнена троекратнымъ крикомъ:

Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Какъ заграю во первый наконъ
На сырмъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы сѣдайте скоро добрыхъ коней;
Какъ заграю я во второй наконъ
На сырмъ дубу чернымъ ворономъ,
Вы садитесь скоро на добрыхъ коней,
Какъ заграю я въ третій наконъ,
Вы будьте на мѣстѣ на порядкемъ
Во далеке-далече во чистомъ полѣ (Рыбн., I, стр. 426—427).

VI. Герой пѣсни — оборотень. Романъ проникаетъ въ станъ королевичей, оборачиваясь волкомъ и горностаемъ. То же находимъ опять въ сказаніяхъ о Соломонѣ ⁴⁾. Далѣе, подобное же превраще-

¹⁾ *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, № 52, 53; III, № 56. Ср. *Худяковъ*, Сказки, № 80, 83.

²⁾ *Аванасьева*, Сказки, № 180; IV, 459. Ср. *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, ССCLII—ССCLVII.

³⁾ *Веселовскій*, Сказанія о Соломонѣ и Квитоврасѣ, 297; Разысканія въ области р. дух. стиха, V, 84—88, 99—102; *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., мартъ (въ разборѣ книги Gaster'a); *Кирпичниковъ*, Повмы ломб. цика, 183—184. Ср. *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, СССIV.

⁴⁾ *Веселовскій*, Соломонъ и Квитоврасъ, 233.

ніе находимъ въ былинахъ объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ, о Вольгѣ, о Никитѣ Романовичѣ:

Обернулся Ванька горностаемъ
Смануль Ванька въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обернулся добрымъ молодцемъ (ib. 444).

О Вольгѣ:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горностаюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную,
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленія стрѣлы всѣ повылломалъ,
И у оружей замочки всѣ повывертѣлъ,
Въ боченкахъ порохъ перезолилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ.
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (ib. 5—6).

О Никитѣ Романовичѣ:

Обернулся тонкіимъ бѣлымъ горностаемъ
И бѣжалъ то онъ по славной каменной Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магази въ оружейные,
Отъ оружія онъ замочки прочь выщалкивалъ.
Обернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадинныя,
У коней онъ глоточки повывторкалъ (ib. 409).

Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ упоминается особая наука оборотничества:

Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога (Кирша, 47).

Въ былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ:

Царь Афромей Афромеевичъ
Скоро онъ вражду чинилъ,
Обернется гнѣдымъ туромъ,

Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ (ib. 142).

Король Литовскій говоритъ о князѣ Романѣ:

А какъ ѣтъ да хитѣрь-мудѣрь:
А какъ знать языки какъ ужь птичьи,
Знать ѣтъ языки какъ вранинши,
А какъ ѣтъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
А ѣ по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
А по крутымъ горамъ скакать чернымъ да горносталюшкомъ,
А ѣ какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой ¹⁾ (Гильф., стр. 401).

VII. Описательное обозначеніе осени. Королевичи Литовскіе, послѣ опустошительнаго набѣга на Романовы волости, раздѣлили шатры бѣлополотнаны:

И стоять—дожидаютъ осени богатны,
Богатыя осени хлѣбородны,
Когда будетъ баранъ тучень, овесъ ядрень,
Когда повырутуть пшеницы бѣлоаровы,
Тогда еще грозятъ заѣхати
Во матушку во славну каменну Москву.

(Рыбн. 1, стр. 432; Гильф., 402).

Такое же обозначеніе осени находимъ въ народной сказкѣ о Мамѣ безбожномъ: „когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнать, у коня подъ копытомъ и трава, и вода, вѣтпоры стану Русь воевать“. Эта угроза, по замѣчанію Аванасьева, „напоминаетъ обычныя выраженія крымскихъ грамотъ XVI и XVII столѣтій ²⁾“.

VIII. Пиръ. Былина о набѣгѣ королевичей на Романовы земли открывається, по нѣкоторымъ пересказамъ, описаніемъ пира у короля:

Во той земли, въ хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго,
Какъ было столованье почестень пиръ
На своихъ-то на пановой,
На пановой, на улаковой.
Собралися-сѣѣжались на почестень пиръ

¹⁾ Въ спискѣ „ложныхъ книгъ“ упоминается книга „Чаровникъ“: „се же есть первое—тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ, и истребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ лютымъ заѣремъ, и вепремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ змиемъ, и рыщутъ рысью и медвѣдемъ“. (Дят. зан. археол. комм., I, отд. 1, стр. 42—43). Ср. Аванасьева, Поэтич. возвр., I, 793—796; III, 525—568.

²⁾ Сказки, изд. 2, III, № 182; IV, стр. 466.

Всѣ его князья-боярину,
 Всѣ дьяки его думные,
 Всѣ паны и уланове
 И вся поленица удалая.
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на пиру напивалися,
 Похвальбами всѣ похвалялися
 Король по палатунѣ показиваетъ,
 Ажно увидѣлъ двухъ своихъ витниковъ-советниковъ,
 Двухъ любезныхъ королевскихъ племянничковъ,
 Увидѣлъ за столами за дубовыми:
 Не пьютъ они, не кушаютъ,
 Бѣлой лебеди не рушаютъ:
 Повѣшены буйны головы
 Ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Притушены очи ясныя во кирпиченъ полъ.
 Говорилъ король такovy слова:
 „Ай же вы, два витника-советника,
 Королевскихъ два племянника!
 Что же вы не пьете, не кушаете,
 Бѣлой лебеди не рушаете,
 Повѣсили буйны головы
 Ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Притушили очи ясныя во кирпиченъ полъ?
 Какую же вы невзгодушку свѣдали,
 Что же нехоршее призаслушали?
 Али васъ мужикъ—деревенщина,
 Либо васъ голь кабацкая,
 Либо мурза-татаринъ поганый
 Обнесъ васъ словами неразумными?
 Али вѣстунки мои не по нраву,
 Напиточки мои не по обычаю?“

Племянники отвѣчаютъ королю, что никѣмъ они не обижены:
 нравится имъ и угощенье королевское, а невеселы они оттого, что
 не-могутъ болѣе терпѣть славы князя Романа Дмитриевича. (Рыбн., I, 74.
 Гильф., 12, 71).

Этотъ разказъ о пирѣ и о задумавшихся гостяхъ — букввальное
 повтореніе тѣхъ описаній пировъ князя Владиміра, которыя такъ часты
 въ богатырскихъ былинахъ. Вотъ начало былины объ Иванѣ Гости-
 номъ сынѣ:

Въ стольнѣмъ красномъ Киевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Былъ то у него почестенъ пиръ
 На многихъ на князей, на бояровъ,

На русскіихъ могучіихъ богатыревъ.
 Все на пиру да наѣдалися,
 Все на пиру да напивалися,
 Все на пиру да порасхвасталися.
 Умный хваста одцемъ, матерью,
 Ой безумный хваста молодой женой,
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Сидить-то онъ, не ѣсть, не пьеть,
 Не ѣсть, не пьеть,—ничѣмъ не хвастаетъ.
 Сговоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
 Душка, Иванъ Гостинный сынъ!
 Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь,
 Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 Бѣды лебеди не рушаешь?
 Мѣсто ли было тебѣ не по любви,
 Хлѣбъ да соль не по души,
 Царой тебя поббошли,
 Пьяница не надсмѣялась ли? и т. д. (Гильф., ст. 698).

Ср. был. объ Иванѣ Гоудиновичѣ (ib., № 293, ст. 1262), о Данилѣ Игнатьевичѣ (ib., № 192, ст. 927). Вопросы о причинѣ недовольства подобные тѣмъ, которые находимъ въ нашихъ былинахъ, обычны также въ ново-греческихъ пѣсняхъ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о набѣгѣ королевичей встрѣчаемъ еще упоминаніе пира съ тѣмъ символическимъ значеніемъ битвы, которое знакомо намъ по Слову о полку Игоревѣ:

Ахъ, ты, дядюшка нашъ, Чимбаль король,
 Чимбаль, король земли Литовскія!
 Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
 Дай-ка намъ казны сто тысячей,
 Поѣдемъ мы на святую Русь
 Ко князю Роману Митріевичу на почетный пиръ.
 (Рыбн., I, № 73; ср. Гильф., 42; 61).

Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за землю Русскую“. Комментаторами Слова указано много примѣровъ подобнаго же изображенія битвы въ образѣ пира въ памятникахъ народной поэзіи.

IX. Описательное обозначеніе роскоши. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ разказывается, какъ послы Владиміра входятъ въ палату бѣлокаменную и привѣтствуютъ бывшую тамъ женщину:

¹⁾ *Дестунисъ*, Был. объ Армури, стр. XVIII. Ср. *Вселовскій*, Южно-русск. былины, II, 8—9.

„Здравствуй, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова Матушка!“

Говорить она таковы слова:

„Не есть я Дюкова матушка,
„А есть я Дюкова рукомошница“.

Послы идутъ дальше. Въ другомъ покоѣ опять встрѣчаютъ они женщину и повторяютъ свое привѣтствіе.

Говорить она таковы слова:

„Не есть я Дюкова матушка,
„А есть я Дюкова портомойница“.

Въ третьемъ покоѣ—новая встрѣча и прежняя ошибка:

„Не есть я Дюкова матушка,
„А есть я Дюкова столыница (Рыбн., I, стр. 294).

Эта ошибка при отыскиваніи хозяйки повторяется въ былинѣ о похищеніи жены кн. Романа. Похитители

Приходили въ высокъ теремъ,
Тутъ ходитъ Марьяна протомойница.

Ее спрашиваютъ:

„Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьяна протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
„Я есть Марьяна протомойница“.

Далѣе—встрѣча съ ключницей:

И говорила имъ Марьяна ключница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьяна ключница“ (Кир., V, стр. 98).

X. Сонъ о кольцѣ. Жена Романа видитъ во снѣ,

Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезѣночка
И рассыпался на мелкія зернотка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать ¹⁾.

Символика сна такъ ясна, что для объясненія его княгинѣ вѣтъ на добности въ знахаряхъ:

Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разкажу:

¹⁾ *Лит. р. лит.*, I, отд. 2, 122. Въ перепечаткѣ и. *Безсонова* (Пяси Кир., V, 92) послѣдній строка пропущена.

Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
Три червленыхъ, три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море ¹⁾.

Подобный же сонъ упоминается въ одной пѣснѣ въ сборникѣ Сахарова:

Какъ вечеръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось.
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня, у младешеньки,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень ²⁾.

Въ другой пѣснѣ говорится, что дѣвушка обронила золото кольцо. Это предвѣщало ея милому „вѣсть не добрую—горько разлученьице“ ³⁾. Ср. въ Краледворской рукописи стихотворение „Роза“.

Usnuch, snieše mi se ve sně, jakoby mně nebožce na pravej ruce z prsta svlekl se zlatý prstének, zmekl se drahý kamének. Kamének nenadidech, Zmilitka se nedoždech	Я заснула, мнѣ приснилось, Что съ руки-то у бѣдняжки, Перстенечекъ спалъ завѣтнѣй, Выпалъ камень самоцвѣтнѣй. Не нашла я камня снова, Не дождалась я милова!
--	---

XI. Переправа черезъ рѣку. Жена Романа, возвращаясь изъ плѣна, подходитъ къ рѣкѣ:

Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ
Плаваетъ колода бѣлодубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
„Ой же ты, колода бѣлодубова,
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на святую Русь,

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ:

.... спалъ у меня, у Марьюшки, злачень перстень
Со меньшова перста, съ мизеночка
И рассыпался на мелкія зерновка, на мушенки;
Тутъ изъ далеча, далеча, чиста поля
Прилетѣло стадо вороновъ
Расклевали мой Марьюшкинъ злачень перстень.

Тотъ же образъ въ иномъ примѣненіи встрѣчается во многихъ народныхъ пѣсняхъ (*Потебня*, Объясненіе малор. и сродныхъ нар. пѣсенъ, 160—169).

²⁾ Пѣсни семейныя, № 12 (въ Сказ. р. народа, т. I).

³⁾ Русское національное пѣснопѣніе, 179—180.

Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 На мелки кресты, на чудны образы,
 И вызолочу червонымъ краснымъ золотомъ.
 И колода ее послушалась:
 Перевезла ее черезъ быстру рѣку. (Кпр., V, 95—96).

Княгиня исполняетъ свое обѣщаніе. Колода пошла на кресты.

Переправа черезъ воду (переплываніе, переходъ въ бродъ, или по мосту)—одинъ изъ самыхъ любимыхъ и часто употребительныхъ образовъ народной поэзіи. Обычное символическое значеніе этого образа — вступленіе въ бракъ, проявленіе любовныхъ отношеній ¹⁾. Поэтому и возвращеніе плѣнницы къ мужу, восстановление нарушенныхъ семейныхъ отношеній могло символизироваться въ подобномъ же образѣ. Менѣе яснымъ съ точки зрѣнія эпической символики представляется употребленіе колоды на кресты. Едва ли мы не имѣемъ здѣсь передъ собою реминисценціи изъ сказаній о крестномъ деревѣ. По одному изъ такихъ сказаній дерево, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, служило сначала мосткомъ черезъ потокъ; царица Савская, прибывшая къ Соломону, не рѣшается вступить на этотъ мостокъ и объясняетъ будущее священное употребленіе лежавшей черезъ потокъ колоды ²⁾. Подобное же отраженіе сказаній о деревѣ, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, видятъ въ образѣ малороссійской колядки: „райское дерево плыветъ“ ³⁾.

¹⁾ Обильный матеріалъ, объясняющій пѣсенное употребленіе этого символа, собранъ пр. *Потебней*: (*Древности*, археологич. вѣстникъ, изд. Московск. археол. общества, 1868 г., т. I, 254—266: „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“; „Объясненіе малорос. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“, 132—151; ср. Обзоръ повтнч. мотивовъ колядокъ и щедрив., указатель).

²⁾ *Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христ. легенды II, 1 (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876, февраль 245); Разыск. въ области русск. дух. стиха, X, 383, 417—418.

³⁾ *Потебня*, Обзоръ повт. мот. колядокъ, II, 234. Нужно впрочемъ припомнить еще замѣчаніе пр. *Буслаева*, сблизившаго бѣлодубовую колоду, упоминаемую въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа, съ представленіями о гробѣ-ладѣ: „Извѣстно, что колода (у Нестора клада) была древнѣйшимъ у насъ названіемъ гроба, равно какъ и до нашихъ временъ раскольники и простой народъ кое-гдѣ кладутъ покойниковъ въ дубовыя колоды. Извѣстно также, что древнѣйшій обрядъ похоронъ совершался спущеніемъ мертвеца на воду въ ладѣ. На этомъ вѣроятно основывается древне-чешское выраженіе: „йти до *navi*“, то-есть, до корабля или лодки (слич. лат. *navis*, санскр. *navi* и проч.); сюда же должно отнести древне-болг. *navi*—царство мертвыхъ, тартаръ, древне-русское *навѣ*—покойники и выраженіе: „въ навѣ зрѣти“ въ извѣстной муромской легендѣ. Такъ какъ на

ХП. Похищенная жена. По былинѣ о двухъ Ливикахъ, жена Романа захвачена въ плѣнъ во время набѣга. По другой былинѣ, она похищена пріѣхавшими изъ-за моря людьми:

И прибѣгали три кораблика три черныхъ
 Прямо въ гавань корабельную,
 Подбирали парусы полотняны,
 И метали якоря булатные,
 И выпущали шеечки шелковые.
 И спушали на воду шлюпку легкую,
 И сажались въ шлюпочку, пріѣхали
 Прямо въ гавань корабельную.
 И шли въ палаты бѣлокаменны
 И искали Марью: не могутъ найти.
 Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтнушка,
 Не искомъ ищеть—слѣдочки выправливаетъ.

Дѣтнушка отыскалъ Марью

И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
 За синее море за Соленое. (Кир., V, стр. 93—94).

Такимъ же образомъ похищается и жена Соломона, при чемъ въ нѣкоторыхъ пѣсенныхъ пересказахъ этого эпизода выступаетъ тотъ же дѣтнушка поваренный, какъ и въ пѣснѣ о женѣ кн. Романа.

Василій Окулевичъ ищетъ себѣ жену красавицу. Помочь ему вызывается

. . . . дѣтина поваренный,
 Поваренный, помаранный (Рыбн., II, стр. 289, 278) ¹⁾.

Нужно, конечно, замѣтить, что увозъ похищенной женщины на кораблѣ встрѣчается не только въ сказаніяхъ о Соломонѣ, наиболѣе близкихъ къ нашей былинѣ, а повторяется въ цѣломъ рядѣ памятниковъ ²⁾.

ладѣ же прибываютъ изъ невидимаго міра новорожденные эпическіе герои, а иногда и взрослые, только все же изъ міра таинственнаго, какъ напримѣръ, *Рыцарь лебедя* или малорусскій *Ивася*: то въ чудесной *священной* колодѣ Марьи Юрьевны исследователь древнѣйшихъ эпическихъ преданій не безъ вѣроятности можетъ усмотрѣть любопытный остатокъ сказаній, относящихся къ упомянутымъ выше первобытнымъ обрядамъ и мифологическимъ представленіямъ" (*Лит. р. лит.*, I, отд. 2, 91—92; *Очерки р. нар. слов. и искусства*, I, 427).

¹⁾ Ср. *Весел.* Соломонъ и Китовр., 239.

²⁾ *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. ц., 178—179; *Ор. Миллеръ*, Илья Муромецъ, 560; *Халанскій*, Великор. былины, 160—165.

Изъ трехъ пѣсенъ о князѣ Романѣ двѣ имѣютъ, какъ мы видѣли, близкое сходство, а именно: былина о набѣгѣ королевскихъ племянниковъ и былина о похищеніи жены Романовой. Въ той и другой пѣснѣ рѣчь идетъ о захватѣ Романовой жены и о возвращеніи ея на родину ¹⁾. Въ былинѣ о похищеніи этимъ разказомъ объ удаленіи и возвращеніи княгини исчерпывается все содержаніе пѣсни; въ былинѣ о набѣгѣ упомянутый разказъ соединяется съ другимъ: о походѣ Романа въ Литовскую землю. Третья пѣсня (объ убійствѣ жены) стоитъ особнякомъ, хотя и въ ней дѣйствующими лицами выступаютъ князь Романъ и его жена.

Чтобы выяснитъ себѣ основной составъ и постепенное развитіе пѣсенъ, связанныхъ съ именемъ князя Романа, остановимся прежде всего на послѣдней пѣснѣ.

Пѣсня о томъ, какъ князь Романъ убилъ жену, имѣетъ видъ какого-то отрывка. Она начинается довольно необычно для народной пѣсни, безъ вступленія, прямо упоминаніемъ о совершенномъ убійствѣ:

Какъ князь Романъ жену терзалъ,
Терзалъ-терзалъ, въ рѣку бросагъ,
Во ту рѣку во Смородину.

За чтó князь убилъ жену, при какихъ обстоятельствахъ? Пѣсня о Романѣ молчитъ объ этомъ. Иначе представляется дѣло въ тѣхъ безыменныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ въ положеніи князя Романа является „казакъ“, или „молодой маіоръ“, или просто „добрый моло-

¹⁾ Въ пересказахъ былины о нападеніи на Романа польскихъ королевичей взятая ими въ плѣнъ женщина называется, какъ мы видѣли, то женой, то сестрой, то племянницей Романа. Слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отдать предпочтеніе первому обозначенію а) на основаніи сравненія былины о нападеніи польскихъ князей съ былинной о похищеніи Марьи Юрьевны: въ этой послѣдней былинѣ, передающей эпизодъ похищенія отдѣльно отъ другихъ подробностей, изложенныхъ въ былинѣ о нападеніи, похищенной представляется именно *жена Романа*; б) на основаніи сравненія пѣсни о нападеніи королевичей съ отмѣченными выше сказаніями о похищенныхъ женахъ (о женѣ Соломона). Подробности этихъ послѣднихъ сказаній могли оказаться въ былинахъ о Романѣ только въ томъ случаѣ, если похищенной изображалась *жена*. Любопытно, что въ югославянскихъ пѣсняхъ о похищеніи жены Марка королевича встрѣчается подобная же замѣна: вмѣсто жены называется въ нѣкоторыхъ вариантахъ сестра. Первое обозначеніе признается и здѣсь первоначальнымъ (*Халанскій*, *Замѣтки по слав. нар. повѣи*, 27—43).

дець¹⁾. Въ этихъ безыменныхъ пересказахъ пѣсня начинается не ех абгурто, а открывается вступительною картиною, знакомою по многимъ другимъ памятникамъ народной поэзіи:

У ключа было у гремачаго
Донской казакъ коня понлъ (Кир., V, 113).

Въ малорусскомъ вариантѣ:

Коло колодезя, коло дубового,
Ой тамъ козакъ коні наповавъ (Чуб., V, 795).

Въ одномъ рядѣ пересказовъ вслѣдъ за этою вступительною картиною слѣдуетъ разказъ объ убійствѣ:

Гдѣ коня понлъ, тутъ жену терялъ.
(Кир., V, 113, ср. 114, 115, 117. Чуб., 1 с.)

Или:

У колодезя у студенаго
Добрый молодецъ тутъ коня понлъ,
Онъ понлъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
„Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!“
Во вусту, во вусту во ракивовомъ,
Тутъ Донской казакъ жену терялъ.
(Кир., V, стр. 120, ср. 120—121, 123).

Въ другомъ рядѣ пересказовъ вступительная картина распространяется новою чертой:

У колодца у студенаго
Молодой маіоръ коня понлъ,
Красная дѣвица воду черпала (ib., 127).

Эта красная дѣвица представляется или только свидѣтельницей преступленія, или соумышленницей убійцы:

Изъ-подъ камушка—камня бѣлова
Протевала тутъ рѣка быстрая.
Какъ по той ли по рѣченьки
Плыла легка лодочка.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ,
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.

¹⁾ Пѣсня *Киргеская*, V, 113—127 (13 пересказовъ). Нужно еще указать малорусскій вариантъ (*Чубинскій*, Труды экспед. въ зап.-русск. край, V, стр. 795, № 369).

Она мылася и бѣлилася,
И бѣлилася, и румянилася,
Нарумянившись, на гору взшла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, жену терялъ. (Кир., 123—124, ср. 119).

Иначе:

Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоа коня сталъ думу думать,
Думу крѣпкую съ красною дѣвкою:
„Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ быть, какъ жену сгубить?“ (126, ср. 122).

Послѣ вступительной сцены въ пѣснѣ передается послѣдняя просьба несчастной жены:

Жена мужу взмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
„Мужъ мой, батюшко, Донской казакъ,
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать полягутся,
Наши дѣтушки угомонятся“.

По утру дѣти ищутъ мать, не находятъ ея, спрашиваютъ отца и т. д., какъ въ знакомой намъ пѣснѣ о князѣ Романѣ.

Въ одномъ изъ пересказовъ пѣсни о женоубійствѣ отецъ говорить дѣтямъ:

Ваша матушка распутная,
Пошла гулять съ полюбвишкой (ib. 114).

Это обвиненіе, передаваемое въ одномъ только пересказѣ, представляетъ лишь одну изъ тѣхъ отговорокъ, которыми отвѣчаетъ убійца на вопросы дѣтей о матери. Видѣть въ этихъ словахъ указаніе на причину убійства нельзя. Истинный мотивъ преступленія опредѣляется вступительною сценою. Приближеніе къ колодезю, поеніе коня—символическая картина, встрѣчаемая обыкновенно въ пѣсняхъ при описаніи любовнаго свиданія ¹⁾. Поэтому упоминаніе о встрѣчѣ

¹⁾ „У криницы“, говоритъ Костомаровъ,—„мѣсто первой любви и вообще любовныхъ свиданій... Особенно любимый народномъ поэзію образъ: казакъ поить коня, а дѣвица беретъ воду; тутъ между ними происходитъ разговоръ: казакъ проситъ дѣвицу напоить коня изъ криницы, а скромная дѣвица отвѣчаетъ, что она еще не принадлежитъ ему, чтобы поить его коня“ (Бесѣда, 1872, V, 111, въ ст. „Историч. значеніе ю.-р. нар. творчества“. Ср. В. Миллеръ, Слово о полку Игоревѣ, 236—238.

героя пѣсни съ красною дѣвицей (хотя и опускаемое въ нѣкоторыхъ пересказахъ) нужно считать существенною и первоначальною чертою пѣсни объ убійствѣ жены. Пропускъ этой подробности лишаетъ вступительную часть пѣсни ея истинно-эпического значенія: сцена у колодца получаетъ при этомъ видъ случайной обстановки, при которой совершено убійство, а такая случайность не имѣетъ мѣста въ произведеніяхъ народнаго творчества. Кромѣ того, указаніе на встрѣчу героя пѣсни съ красною дѣвицей, указаніе на новую любовь, которая и вызвала убійство постылой жены, вполне отвѣчаетъ заключенію пѣсни: отецъ, утѣшая дѣтей, говоритъ, что приведетъ онъ имъ „молодую мать“ (118. 127). Пѣсня такимъ образомъ получаетъ законченность и опредѣленный порядокъ: женатый человѣкъ, полюбивъ другую (сцена у колодца), убиваетъ жену и собирается жениться на дѣвушкѣ, возбудившей его позднюю страсть.

Примѣненная къ князю Роману, эта пѣсня потерпѣла существенное измѣненіе: вся первая часть (сцена у колодца, рѣчь жены) оказывается отброшеною, не будучи замѣнена никакою новою добавкою. Это важное измѣненіе не можетъ быть признано случайнымъ, потому что оно повторяется во всѣхъ пересказахъ пѣсни о Романѣ, а такихъ пересказовъ, записанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, сохранилось не мало. Ясно, что въ сознаніи пѣвцовъ примѣненіе первой части пѣсни о женоубійствѣ къ князю Роману оказывалось неудобнымъ, неумѣстнымъ, а это въ свою очередь съ очевидностью показываетъ, что князь Романъ, введенный въ пѣсню о женоубійствѣ, не былъ для пѣвцовъ только именемъ, которое можно было подставить для того, чтобы какъ-нибудь назвать пѣсеннаго героя, а былъ живымъ и опредѣленнымъ эпическимъ образомъ, съ которымъ приходилось считаться, къ которому нужно было прилагивать пѣсню, дѣлая соотвѣтствующія измѣненія въ ея составѣ. Ясно также съ другой стороны, что и самое примѣненіе къ Роману той или другой пѣсни, при необходимости допустить опредѣленное эпическое значеніе этого имени, могло состояться только въ томъ случаѣ, если содержаніе примѣняемой пѣсни могло дать къ этому поводъ, если между этою пѣсней и тѣмъ, что извѣстно было о Романѣ, оказывалось нѣкоторое соотвѣтствіе.

Въ пѣснѣ о женоубійствѣ, примѣненной къ Роману, отброшена вступительная сцена, изъ которой мы узнаемъ, что убійство вызвано было не виной жены, а несчастною страстью мужа. Ясно, что эта сцена, а слѣдовательно, и указанная въ ней причина убійства, не

могли быть примѣнены къ князю Роману. Для убійства, совершеннаго Романомъ, предполагался очевидно какой-то другой мотивъ. Какой же?

Пѣсня о Романѣ изображаетъ расправу его съ женой не только какъ убійства, но какъ истязаніе, терзаніе:

Ужь какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ—терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль—терзаль и во рѣку бросаль (100).

Это указаніе на терзаніе повторяется во всѣхъ вариантахъ съ именемъ Романа (102, 104, 106, 108). Ни въ одномъ, напротивъ, безыменномъ пересказѣ подобнаго выраженія нѣтъ. Далѣе, въ одномъ изъ вариантовъ убійство, совершенное Романомъ, представлено такъ:

Въ чистомъ полѣ подь ивкою,
Подь ивкою, подь ракилкою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ,
Пускалъ руду во смру землю,
Металь тѣло по чисту полю (100).

Это разбрасываніе тѣла вполне отвѣчаетъ той картинѣ отысканія частей трупа, которую находимъ въ пересказѣ Кирши Данилова (111). Такихъ подробностей нѣтъ также ни въ одномъ изъ безыменныхъ вариантовъ.

При разказѣ о томъ, какъ жена поплатилась жизнью за преступное увлеченіе мужа, картина истязанія была, конечно, рѣшительно неумѣстна. Влюбленному убійцѣ не за что было терзать свою жертву. Въ иномъ видѣ представляется убійство, совершенное Романомъ. Если онъ не убиваетъ только, а еще терзаетъ жену, то очевидно, его преступленіе имѣло, по мысли пѣвцовъ, иной смыслъ, вызвано было инымъ мотивомъ, чѣмъ преступленіе „добраго молодца“. Романъ убиваетъ въ гнѣвѣ, изступленіи; онъ не убиваетъ, а мучительно казнить. Гнѣвъ былъ же чѣмъ-нибудь вызванъ; казнь послѣдовала за какую-нибудь вину. По одному изъ пересказовъ Романъ говоритъ дочери:

Ахъ свѣтъ, моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки:
Потеряло ея слово противное (108).

Придавать этой Романовой отговоркѣ рѣшающее значеніе нельзя не только потому, что подобное указаніе дано однимъ только вариантомъ, но и по рѣшительному несоответствію вины и наказанія. Народный эпосъ нерѣдко изображаетъ намъ расправу мужа съ женой, расправу, оканчивающуюся смертью, но эта расправа всегда вызы-

вается одною, самою тяжкою, по мысли пѣснотворцевъ, женскою виной—измѣной, невѣрностью. Такъ именно истязаетъ и губить свою преступную жену Иванъ Годиновичъ:

Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ ей бѣлы рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно:
Обнимали поганого Татарина“.
Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно:
Цѣловали поганого Татарина“.
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
„Этыхъ мнѣ ножечекъ не надобно:
Охажали поганого Татарина“ (Рыбн., I 201).

Подобно Ивану Годиновичу губить Добрыня Марину Игнатьевну (Кир. II, стр. 60). Инымъ, еще болѣе жестокимъ способомъ расправляется съ невѣрною женою Потокъ:

Настасью, Лебедь Бѣлую, дочь Лиходѣвну
Къ семи жеребцамъ къ хвостамъ привязалъ:
По чисту полю ея раздернули (Рыбн., I, 227).

Такое же значеніе мучительной казни измѣнницы должно представлять то женоубійство, которое изображается въ пѣснѣ о князѣ Романѣ. Но какъ объяснить появленіе такой пѣсни? Измѣненія, которымъ подверглась пѣсня о женоубійствѣ въ примѣненіи къ Роману, заставили насъ признать, что имя князя Романа связано было въ мысли пѣвцовъ съ какими-то опредѣленными преданіями, вліяніемъ которыхъ и можно только объяснить упомянутыя перемѣны. Пѣсенныя преданія о князѣ Романѣ знакомы намъ теперь по былинамъ о захватѣ въ плѣнъ Романовой жены. Если эти былины и пѣсня о женоубійствѣ Романа не представляютъ лишь случайнаго сходства въ имени героя, а дѣйствительно относятся къ одному и тому же эпическому лицу, то между означенными былинами и тѣми измѣненіями, которыя отыскиваются въ пѣснѣ о женоубійствѣ, приуроченной къ Роману, должно оказаться извѣстное соотвѣтствіе.

Такое соотвѣтствіе дѣйствительно есть. Былины о похищеніи жены могутъ объяснить пѣсню объ убійствѣ. Намъ нужно при этомъ остановиться прежде всего на одномъ эпизодѣ былины о двухъ ко-

ролевичахъ. Былина говоритъ о тоекратномъ сигналѣ, которымъ вызываетъ свою дружину князь Романъ, пробравшійся къ похитителямъ своей жены. Эта подробность, какъ было уже замѣчено, встрѣчается и въ другихъ памятникахъ и притомъ въ такомъ же сочетаніи, какъ и въ былинѣ о Романѣ: тоекратнымъ сигналомъ вызываетъ дружину мужъ, отыскивающій похищенную жену. Похищенная оказывается обыкновенно измѣнницей. Типическимъ образцомъ такого рода сказаній могутъ служить повѣсти о Соломонѣ. У этого мудраго царя похищена была жена. На чужбинѣ она успѣла привязаться къ похитителю. Соломонъ, пробравшійся къ измѣнницѣ, схваченъ и по ея совѣту приговоренъ къ повѣшенію:

И приходитъ прекрасный царь Василій Окульевичъ!

И заходитъ въ палату бѣлокаменну.

Говоритъ царица Саламанія:

„Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!

Кого мы боялись съ годъ поры,

И кого мы боялись по два года,

Тотъ замкнулъ нонь въ окованъ ларець.

Ты поди-тка во славное чисто поле,

Поставь-ка два столбика точеныхъ,

И клади-тка ступеньшки кленовыя,

И клади-тка грядочку орлевою,

Наладь-ка петелку шелковую;

И мы повѣсимъ-ка царя Саламона.

Во эту во петелку шелковую“ (Рыбн., II, 283—284).

Когда Соломона ведутъ на казнь, онъ проситъ позволенія три раза поиграть на трубѣ; вызванная этимъ сигналомъ дружина выручаетъ царя изъ бѣды и помогаетъ ему расправиться съ врагами. Соломонъ казнить похитителя и его помощника, а потомъ и свою невѣрную жену:

И повѣсили царицу Саламанію

Во тую во петелку шелковую (ib. 287).

Замѣчено, что совершенно сходное приключеніе (отыскиваніе жены и казнь ея за измѣну) разказывается въ нѣкоторыхъ памятникахъ европейскаго эпоса (французская поэма о Bastard de Buillon, португальскія преданія о королѣ Рамиро ¹⁾). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что указанная выше подробность проникла въ лѣсни о князѣ

¹⁾ См. выше стр. 22—23. Ср. *Миллеръ*, *Илья Мур.*, 372.

Романъ именно какъ реминисценція такихъ сказаній объ отыскиваніи похищенной жены, какъ сказаніе о Соломонѣ. Но пѣсня о плѣнѣ Романовой жены останавливается при этомъ, такъ сказать, на полпути: жена Романа не похожа на Саламанію; она любитъ мужа и остается вѣрна ему. Пѣсня о женоубійствѣ Романа идетъ дальше въ смѣшеніи сказаній. Она пытается дополнить разказы о Романѣ такою чертой, которая подсказывалась аналогіей сказаній о похищенныхъ женахъ ¹⁾. Въ этой пѣснѣ Романова жена оказывается такою же измѣнницей, какъ и похищенные жены типа Соломоновскихъ сказаній. Припомнимъ, что близкое сходство пѣсенъ о Романѣ съ сказаніями о Соломонѣ замѣчается и въ другихъ пунктахъ. Такъ, въ былинѣ о похищеніи Романовой жены приключеніе это изображается какъ мы видѣли, въ чертахъ, напоминающихъ похищеніе жены Соломона (корабль; дѣтинушка поваренный). Былина о набѣгѣ короле, вичей изображаетъ Романа проникающимъ къ похищенной оборотнемъ; къ оборотничеству прибѣгаетъ и Соломонъ, отыскивающийъ жену. Быть можетъ, и самое соединеніе въ одну былину двухъ разказовъ изъ жизни Романа (возвращеніе изъ плѣна Романовой жены и война съ Литвой) явилось не безъ вліянія литературной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что пѣсня о похищеніи и возвращеніи Романовой жены разказываетъ эти событія, не упоминая ни о набѣгѣ сосѣдей-враговъ, ни о походѣ противъ нихъ Романа. Видѣть въ этой былинѣ обособившійся эпизодъ быliny о набѣгѣ едва ли можно, потому что трудно указать причину или поводъ такого выдѣленія. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Романовой женѣ и о походѣ Романа въ Литовскую землю имѣли первоначально видъ отдѣльныхъ разказовъ, которые только позже слились въ одну былину по аналогіи сказаній о похищенныхъ женахъ.

¹⁾ Въ сказаніи о похищеніи жены Соломона разказывается, что Соломонъ, пробравшійся во владѣнія похитителя, встрѣчается прежде всего съ служанкой, черпавшею воду: „пріиде въ садъ, гдѣ черпають воду Китоврасу царю, и выведе дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ, и рече Соломонъ: „дай же ми, дѣвица, изъ сего кубца испита“ и т. д. (*Веселовскій*, Разысканія, V, 78). Та же подробность повторяется въ пѣсняхъ о женѣ Марья Королевича (*Халанскій*, I. с.). Можно бы предположить, что этотъ эпизодъ встрѣчи съ служанкой могъ дать поводъ къ сближенію пѣсни о женоубійствѣ, открывающейся сценой у колодца, съ пѣснями о похищеніи жены, къ которымъ примкнула и былина о женѣ кн. Романа; но этой догадкѣ мѣшаетъ отсутствіе упоминанія о встрѣчѣ съ дѣвицей во всѣхъ тѣхъ вариантахъ пѣсни объ убійствѣ жены, гдѣ выступаетъ кн. Романъ.

Но это воздѣйствіе литературной аналогіи, такъ ясно выступающее въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ, не дошло однако, какъ видимъ, до уподобленія одного сказанія другому. Рядомъ съ чертами сходства отыскиваются и черты различія. Подъ вліяніемъ аналогіи пѣсня о женоубійствѣ Романа разказываетъ о казни измѣнницы. Но былины о набѣгѣ и о похищеніи не знаютъ этой подробности. Развязка этихъ былинь совсѣмъ иная, чѣмъ въ сказаніи о Соломоновой женѣ, и т. п. Если ближе присмотрѣться къ былинамъ о Романѣ, то въ нихъ отыщется нѣсколько такихъ подробностей, которыя являются неумѣстными въ пѣсняхъ о похищенной женѣ, и присутствіе которыхъ указываетъ на нѣкоторую традицію, которая сдерживала и ограничивала вліяніе аналогіи. Слѣды этой традиціи даютъ намъ возможность разглядѣть первоначальныя очертанія пѣсенъ о Романѣ, просвѣчивающія сквозь слой позднѣйшихъ измѣненій. Такимъ, напримѣръ, остаткомъ первоначальнаго вида пѣсенъ о Романѣ слѣдуетъ признать упоминаніе похищенной малютки въ былинѣ о набѣгѣ королевичей. Нечего и говорить, что въ пѣснѣ на тему о похищеніи замужней красавицы эта черта совершенно лишняя: похитителю нужна чужая жена, а не чужая семья. Очевидно, въ первоначальномъ видѣ пѣсенъ о Романѣ условія, при которыхъ удалялись на чужбину, а потомъ возвращались домой жена князя и его ребенокъ, не имѣли ничего общаго съ сказаніями о похищенныхъ женахъ. Позже, при измѣненіяхъ пѣсни подъ вліяніемъ эпической аналогіи, указанная подробность (похищенный ребенокъ) утрачивала смыслъ и должна была исчезнуть. Она и исчезла въ самомъ дѣлѣ въ пѣснѣ объ увозѣ Романовой жены, потому что пѣсня эта въ большей степени подверглась дѣйствию литературныхъ вліяній, чѣмъ пѣсня о набѣгѣ королевичей. Въ пѣснѣ объ увозѣ ясно выраженъ мотивъ похищенія, мотивъ совершенно сходный съ сказаніями Соломонова типа:

И пришелъ дѣтинушка поваренный
 Къ Манулу сыну Ягайлову.
 Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
 Онъ бралъ Марью за руки за бѣлья,
 За тѣ ли перстни значаея,
 Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста.
 Говоритъ ему Марья Юрьевна:
 „У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
 Не цалуются, не обнимаются“ (94).

Въ былинѣ о нападеніи королевичей нѣтъ такихъ подробностей. Далѣе, между пѣснью о похищеніи Романовой жены и былиной о

набѣгѣ польскихъ князей есть еще другая любопытная разница. Въ пѣснѣ объ увозѣ похититель одинъ; тѣ люди, которые захватываютъ Марью Юрьевну, только исполняютъ волю этого похитителя. Это вполне отвѣчаетъ разказу о похищеніи Соломоновой жены. Въ былинѣ о набѣгѣ похитителями являются два брата, два королевича: обстоятельство, исключющее тотъ мотивъ похищенія, который слышится въ пѣснѣ объ увозѣ. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ остаткомъ такого разказа объ удаленіи на чужбину Романовой жены, который былъ построенъ совершенно иначе, чѣмъ разказъ о похищеніи замужней красавицы.

Такимъ образомъ въ пѣсняхъ, связанныхъ съ именемъ кн. Романа, ясно замѣчается борьба двухъ теченій. Одно теченіе позднѣйшее, опредѣлявшееся вліяніемъ эпической аналогіи, втягивавшей пѣсни о Романѣ въ кругъ сказаній Соломонова типа. Другое теченіе древнѣйшее, теченіе исторической традиціи, опредѣлявшейся первоначальнымъ составомъ были о кн. Романѣ и его семьѣ. Мы видѣли, въ чемъ именно сказалось вліяніе аналогіи, видѣли также, что комбинаціи, данныя этимъ позднѣйшимъ вліяніемъ, не вездѣ хорошо прилажены къ составу пѣсенъ о Романѣ, не вездѣ оказываются умѣстными. Ясно, что преданіе успѣло прочно установить основные факты сказаній о Романѣ; позднѣйшая обработка пѣсенъ могла внести новые мотивы и подробности, но остовъ пѣсенъ оставался неизмѣннымъ. Этотъ традиціонный остовъ сводится къ слѣдующимъ фактамъ:

1) Князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя сосѣдними князьями, родными братьями: дружины этихъ сосѣдей вторгаются въ русскія области; кн. Романъ отплачиваетъ за этотъ набѣгъ походомъ въ землю непріятелей.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они—въ плѣну у тѣхъ именно князей, съ которыми борется Романъ. Позже княгиня и юный князь возвращаются на родину.

Въ историческихъ чертахъ былинъ о кн. Романѣ, въ ихъ географической и этнографической терминологіи, замѣчается такая же двойственность, такая же борьба двухъ теченій, какъ и въ подробностяхъ, касающихся состава былинъ. Одно теченіе указываетъ на западно-русскія отношенія: выступаютъ польско-литовскій король, польскіе князья, русскій князь Романъ, владѣнія котораго сосѣдять съ землей

Польской. Другое теченіе приносятъ черты восточно-русскихъ отношеній: Романъ — князь Московскій; его враги — татары; въ нѣкоторыхъ пересказахъ появляются, какъ дѣйствующія лица, Никита Романовичъ и Иванъ Грозный. Едва ли нужно доказывать, что первое теченіе есть древнѣйшее, первоначальное, основное. Стоитъ только прочесть тѣ мѣста былинь о Романѣ, гдѣ встрѣчаются историческія и географическія упоминанія, чтобы тотчасъ замѣтить, что московскія черты являются несомнѣнною и очевидною примѣсью, притомъ же плохо примѣненною и ясно отдѣляющеюся. Вотъ примѣры:

У того же короля да Литовскаго
Пированьцо было на третій день.

Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тихихъ поганиихъ Татарина (Гильф., ст. 100).

Или:

Ай какъ у Чембала ¹⁾ короля у Литовскаго
Ай какъ было столованье почестень пирь
А для своихъ какъ для пановъевъ для улановъевъ
А для бурзовъ поганиихъ татаровъевъ (ib., 399).

Что упоминаніе здѣсь татаръ неумѣстно и неудачно, ясно само собою. Припомнимъ при этомъ, что дядя „двухъ витниковъ“ во всѣхъ пересказахъ называется королемъ. Въ былинь объ увозѣ Романовой жены лицомъ, для котораго совершается похищеніе, называется Мануйло Ягайловичъ (Кир. V, 94), имя несомнѣнно связанное съ воспоминаваніями изъ польско-литовской исторіи; въ другомъ пересказѣ въ томъ же положеніи выступаетъ Батышъ царь Батурьевичъ, властитель „земли Бусурманской“ (ib. 99). Что первое обозначеніе слѣдуетъ признать отзвукомъ отношеній, изображавшихся въ первоначальномъ сказаніи о Романѣ, а второе — позднѣйшимъ измѣненіемъ, это подтверждается всѣмъ складомъ русскаго былевого эпоса. Враги, съ которыми борются обыкновенно наши былинные воители, — татары. Перенесеніе этихъ постоянныхъ враговъ въ пѣсню, изображавшую первоначально инья отношенія, — явленіе понятное и нерѣдкое ²⁾. Обратное измѣненіе, то-есть, замѣна татаръ Литвой, болѣе употреби-

¹⁾ Имя Чимбалъ напоминаетъ имя татарскаго царя Кумбала въ былинь о Суровцѣ-Суздальцѣ. Выраженіе: „панове-уланове“ встрѣчается и въ другихъ былинахъ (см., напримѣръ, Пѣсни, собр. *Киртесскимъ*, III, 16).

²⁾ Подобное же смѣшеніе Татарщины съ Литвой и Польшей — въ пѣсняхъ о женитьбѣ Ивана Грознаго (*Вейнбергъ*, Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, 12—13). Упоминаніе враждебной Литвы не рѣдко и въ малор. пѣсняхъ (*Потебня*, Объясненіе пѣсенъ, 35—36).

тельного наименованія менѣе употребительнымъ, представляется явленіемъ маловѣроятнымъ. Далѣе, что касается главнаго героя разсматриваемыхъ пѣсенъ, то нельзя не обратить вниманія на замѣчательную устойчивость его имени. Его постоянное, неизмѣнное имя — князь Романъ. Князь этотъ представляется въ былинахъ владѣющимъ „каменной Москвой“, называется прямо „Московскимъ княземъ“ (Рыбн. I, № 74); но нечего и говорить, что московскія историческія преданія не могли подсказать этого имени. Это имя могло удержаться только въ силу пѣсенной традиціи, указывающей, вопреки упоминанію Москвы, на иной край Русской земли, на иную, не-московскую эпоху. Отыскать этотъ край и эту эпоху не трудно. Изъ князей, носившихъ имя Романа, можно указать только одного, воспоминанія о которомъ могли дать такое эпическое отраженіе, какое мы видимъ въ разсматриваемыхъ былинахъ. Это — князь Галицкій и Волынскій Романъ Мстиславичъ, знакомый намъ уже по лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ.

Остается еще коснуться обозначенія той страны, куда направляетъ своихъ племянниковъ Польскій король. Въмѣсто того, чтобы нападать на владѣнія могучаго князя Романа, король совѣтуетъ племянникамъ идти въ землю Левонскую (Рыбн., I, 73; 74) или Лимоньскую (Гильф., 71). Въ этомъ названіи не трудно конечно угадать землю Ливонскую. Черты, въ какихъ изображается въ былинахъ эта „Левонская земля“, вполне совпадаютъ съ тѣмъ представленіемъ о Ливоніи, которое составилось у русскихъ людей послѣ ближайшаго знакомства съ этою страной во время походовъ Ивана IV. Въ былинѣ о землѣ Ливонской говорится такъ:

Поѣзжайте вы во землю во Левонскую.

Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,

А добры кони по стойламъ застоялися,

Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,

Золота казна по погребамъ запасена.

Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодець,

Тамъ получите добрыхъ коней,

Тамъ получите цвѣтно платьице,

Тамъ получите безсчетну золоту казну (Рыбн., I, стр. 423).

Или:

А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую.

Ай какъ та земля есть пребогатѣюща,

Ай какъ въ той землѣ много есть краснаго золота,

Ай какъ въ той землѣ много есть да чиста серебра,

Ай какъ много есть мелкаго скатвяго да жемчугу,
А силы-рати въ ней мало можется.

Ай какъ можете тую землю въ половъ-то взять.

(Гильф., ст. 401).

Очень сходное съ этимъ изображеніе Ливоніи находимъ у Курбскаго въ его исторіи Ивана IV: „И воевахомъ ее (Ливонію) мѣсяць цѣлый, и нигдѣже опрочаса намъ битвою; точію со одинаго града изошли сопровтивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмь ихъ землею, воююще вдоль вѣще четьредесять миль, и изыдохомъ въ землю въ Лифляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмь совсѣмъ здраво съ ихъ земли ажъ на Иванъ-градъ, вколо ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: повеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили, и обычаевъ, и дѣлъ добрыхъ праотець своихъ, но удалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь къ пьянству многому, и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣломъ послѣдовати“¹⁾. Такое же сужденіе о положеніи Ливоніи влагаеть Курбскій въ уста „славнаго начальника Лифляндскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка“. Вотъ что говорилъ этотъ Филиппъ: „Нынѣ, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ, и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру новозобрѣтенную, и затѣмъ въ невоздержаніе ко широкому и пространному пути вдахомся, вводящему въ погибель: и явственно нынѣ обличающе Господь грѣхи наши и казняще насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки вамъ, врагомъ нашимъ. И аже сооружили были прародители наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и дворы пресвѣтлыя, вы, о томъ не трудившись, ни проторовъ многихъ полагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же и виноградовъ нашихъ не насадивше наслаждаетесь, и другихъ таковыхъ устроений нашихъ домовыхъ ко житію потребныхъ. — А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ побрасте? Другіе жъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія туне внидоша, ни мало ни въ чесомъ же трудившесь, общавающе намъ помощь и оброченіе. Се добра ихъ помощь, иже стоимъ предъ враги связаны“²⁾. Такимъ образомъ,

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 47—48.

²⁾ Ibid. 65—66.

не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что земля Левонская—Ливонія, „земля Лифляндская“. Но рядомъ съ этимъ упоминаніемъ Ливоніи, навѣяннѣмъ московскою эпохой, пересказы былины даютъ другія географическія названія, указывающія на то, что мѣстомъ дѣятельности „двухъ витниковъ“ была первоначально не Ливонія, а какая-то другая область. Въ пересказѣ Рыбн., I, № 75 вмѣсто Ливоніи упоминается Кіевъ ¹⁾. Въ переск. Гильф. № 12 король направляетъ своихъ племянниковъ въ Индію богатую, въ Корелу проклятую:

„Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
„А во ту Корелушку проклятую“.

Племянники

А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки, матераго,
А того же короля да Политовскаго,
А поѣхали они да во Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Разорили тутъ Индѣю всю богатую,
Разорили всю Корелушку проклятую.
Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли (ст. 101)²⁾.

Эта Индія-Корела хорошо знакома намъ по другимъ былинамъ, гдѣ она обыкновенно соединяется съ другимъ названіемъ, съ „Волинцемъ-Краснымъ Галичемъ“. Напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ:

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волянъ-земли богатя,
Да изъ той Корелы изъ упряме,
Да изъ той Сорочины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатые
Не ясенъ соколъ тамъ пролетывалъ и т. д. (Гильф., ст. 1068).

Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Изъ Волинца города изъ Галица,
Изъ Волянъ-земли невѣрныи,
Изъ той Корелы изъ упряме
Лежала дорожка широкая и т. д. (ib., 1165).

Въ пѣснѣ о сорока каликахъ:

Изъ Волинца-города, изъ Галича,

¹⁾ Въ пересказѣ Гильф. № 42 названіе страны, куда должны отправиться королевичи, забыто. Упоминается просто „чисто-поле“.

²⁾ Ср. въ Сл. о Полку Игоревѣ: „смагу мычючи въ пламянѣ розѣ“.

Изъ той же Корелы изъ богатя,
 Во ту ли во пустыню во Данилову
 Собиралося, собрунялося
 Сорозъ каликъ со каливою (Кал. пер., I, 21).

Такимъ образомъ, сочетанія Волынь-Галичь и Индія-Корела представляютъ какое-то общее мѣсто нашихъ былинъ, а это наводитъ на догадку, не явилась ли и въ былинѣ о Романѣ Индія-Карела изъ сочетанія съ Волынцемъ-Галичемъ, что указывало бы въ свою очередь на первоначальную географію пѣсни? Но допустивъ это, мы должны будемъ признать, что упоминаемые въ пѣснѣ два похода королевичей (въ землю Левонскую и во владѣнія Романа) представляли первоначально только два эпизода изъ исторіи отношеній кн. Романа и его польскихъ сосѣдей. Это соединеніе двухъ эпизодовъ въ одномъ разказѣ явилось, быть можетъ, плодомъ той компилятивной работы, которую мы предположили въ основѣ пѣсни о двухъ Ливикахъ. Въ пѣснѣ этой слиты были два разказа: о войнѣ Романа съ Польшей и объ удаленіи на чужбину семьи Романовой. Тотъ и другой разказъ могъ отрываться упоминаніемъ о набѣгѣ: а) польскіе князья нападаютъ на владѣнія Романа; Романъ отплачиваетъ за это походомъ въ Польскую землю; б) польскія дружины вторгаются въ земли Романа; семья Романа принуждена удалиться на чужбину. Диаскевасты пѣсни о двухъ витникахъ, соединяя эти разказы, поставили въ связь удаленіе семьи Романа и его походъ въ Польшу; но при этомъ оставался не приуроченнымъ къ общему ходу событій другой польскій набѣгъ, который въ подробностяхъ могъ представлять своеобразныя черты, а потому и не могъ быть безслѣдно опущенъ. Приходилось повторить разказъ о набѣгѣ два раза; пѣвцы такъ и дѣлаютъ, отличая одинъ набѣгъ отъ другаго чертой, которая могла быть дана и первоначальнымъ сказаніемъ: одинъ набѣгъ сдѣланъ съ согласія короля, даже по его совѣту; другой — противъ его воли. Различеніе набѣговъ по мѣстности могло быть дѣломъ позднѣйшихъ пересказчиковъ. Въ этомъ случаѣ могла оказать вліяніе своеобразная историческая аналогія, слѣды которой наблюдаются въ былинахъ о Романѣ. Передъ мыслью народныхъ пѣвцовъ открывалось какое-то сходство между содержаніемъ пѣсенъ о Романѣ и явленіями московской исторической жизни XVI вѣка. Этою только аналогіей и можно объяснить, какъ въ былинѣ о Романѣ пробрались Никита Романовичъ и самъ Грозный царь Иванъ

Васильевичъ ¹⁾). Этою же аналогіей объясняется и упоминаніе Левонской земли. Въмѣсто „Краснаго Галича“ явилось такимъ образомъ два названія: побѣдитель Романъ — владѣтель „каменной Москви“; завоеванная сосѣдями страна „земля Левонская“.

Имя князя Романа, нѣкоторыя подробности бытія о немъ напомнили намъ образъ Галицко-Волинскаго князя Романа Мстиславича. Но это сопоставленіе пѣсеннаго и историческаго Романа все еще имѣетъ значеніе только догадки, хотя и вѣроятной. Нужно, чтобы не имя, не отдѣльныя подробности, а тотъ рядъ фактовъ, который составляетъ основу пѣсенъ о Романѣ, могъ найти себѣ объясненіе въ историческихъ преданіяхъ о Галицкомъ князѣ.

Такое объясненіе дѣйствительно отыскивается. Припомнимъ основные факты пѣсенъ о Романѣ и пересмотримъ ихъ параллельно съ историческими извѣстіями и преданіями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ.

1) Эпическій князь Романъ ведетъ борьбу съ двумя братьями, племянниками короля Польскаго. Въ жизни историческаго Романа важное, роковое значеніе имѣла его борьба съ родственными ему польскими князьями, двумя братьями Лешкомъ и Конрадомъ Казимирчичами. Въ 1194 г. кн. Романъ выступилъ съ своими войсками на помощь этимъ юнымъ князьямъ, „королевскимъ двумъ племянникамъ“, которые боролись съ своимъ дядей Мечиславомъ († 1202). Раненый въ битвѣ при Мозгавѣ, Романъ долженъ былъ отступить и удалился въ свое княжество. Но этотъ походъ на помощь Лешку и Конраду далъ Роману основаніе требовать отъ этихъ князей вознагражденія: ему хотѣлось присоединить къ своимъ владѣніямъ область Люблинскую, которая находилась подъ польскою властью. Получивъ отказъ, Романъ измѣнилъ свои отношенія къ королевичамъ: „*Nam et negotiantes, говоритъ Длугошъ, in terris suis Polonos singulis fortunis dispoliat et commercia illis cum suis subditis de caetero interdicit. Ad haec terras Sandomiriensem et Lublensem suis finitimas primum clandestinis, mox etiam publicis excursionibus invadit et vexat. In plerisque quoque locis praesidia locat, et milites in frequenti numero illis imponit, terras Leszconis vastaturus.* Лешко требуетъ, чтобы Романъ прекратилъ набѣги. Получивъ отказъ, *repressalibus Leszko uti coepit et vicissitudinaris ordinatis praesidiis,*

¹⁾ Гильф., № 12 и 42.

Ruthenos temere progressos et ad spolia effusos aliquot certaminibus prosperis stravit eorumque insolentiam brevi composcuit ¹⁾. То же разсказывается Бѣльскій. Романъ нападаетъ на Сендомирскую область. Изъ Сендомира отвѣчаютъ вторженіемъ въ Романовы владѣнія. Затѣмъ когда Романъ услышалъ, что противъ него идутъ Лешко и Конрадъ, онъ выступилъ противъ нихъ, при чемъ во время похода дѣйствовалъ съ безпощадною жестокостію ²⁾. Видимъ такимъ образомъ, что борьба вызывала чередованіе нападеній: то русскія дружины нападали на польскія земли, то польскія войска вторгались въ Романовы владѣнія. Пѣсня вѣрно передаетъ общій характеръ борьбы Романа съ сосѣдами, удерживая даже точное опредѣленіе противниковъ Галицкаго князя (два королевича). Но при такомъ сходствѣ между пѣсней и историческими извѣстіями о Романѣ есть и существенное различіе. Послѣдній походъ Романа противъ польскихъ князей окончился, какъ извѣстно, несчастно: Романъ былъ убитъ въ битвѣ при Завихостѣ. Пѣсня же заканчиваетъ борьбу Романа побѣдой и страшною расправой съ противниками. Открывается такимъ образомъ рѣзкая, не переходимая, по видимому, грань между пѣснейю и исторіей, между былинной и былью. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ историческими преданіями о кн. Романѣ рѣзкія очертанія этой грани сглаживаются. Дѣло въ томъ, что въ ряду извѣстій о послѣднемъ походѣ Романа мы находимъ и такіе разказы, которые носятъ несомнѣнные слѣды своеобразнаго патріотизма, не примирявшагося съ пораженіемъ и смертію знаменитаго князя. Таковъ разказъ, переданный Татищевымъ: „Въ концѣ лѣта сего (1205) Романъ, вида, что отъ полякъ никоего ему удовольствія не учинено, собравъ войско, паки пошелъ въ Польшу къ Люблину и взявъ два города и часть войска, отпустилъ въ разѣздъ къ Сендомиру для разоренія земли и множество селъ пожегъ; но услыша, что поляки идутъ противу его, самъ совсѣмъ пошелъ къ Сендомиру, и перешедъ чрезъ Вислу, ставъ на берегу, посылалъ всюду разѣзды о войскѣ польскомъ провѣдывать, но не могъ никакой подлинно вѣдомости получить. Тогда пріѣхали къ нему паки послы о мирѣ, и онъ имѣя съ ними разговоры, и познавъ, что они никакой власти о договорѣ не имѣютъ, послалъ съ ними своихъ пословъ къ Лешку увѣдать о подлинномъ намѣреніи польскомъ, приказавъ,

¹⁾ Подъ 1204 г.

²⁾ Kronika Polska (1830), II, 72—73.

что онъ до полученія подлиннаго отвѣта будетъ стоять на томъ мѣстѣ, и разорать болѣе не будетъ; а Лешковы послы договоромъ съ клятвою его увѣрили, что съ ихъ стороны никакого дѣйства военнаго до съѣзда пословъ или отказа не будетъ, что имѣло быть въ десять дней. На сіе Романъ обнадѣлся, велѣлъ всѣхъ посланныхъ по земли для разоренія, разъѣзды возвратить къ полкамъ, и ожидая отвѣди той, до урочнаго дня былъ безопасенъ, не думая, чтобъ за положеннымъ договоромъ могло кое отъ полякъ нападеніе учиниться. Но въ седьмый день послѣ отъѣзда пословъ, октября 13-го дня, поѣхалъ съ малыми людьми на псовую охоту прогуляться; и какъ былъ недалеко отъ полковъ, тогда нѣсколько поляковъ стояло въ лѣсу, и усмотря его, тотчасъ отъѣхавъ отъ полковъ, напали на него. Романъ, видя такое злоключеніе, мужественно оборонялся, и нѣсколько поляковъ побилъ, доколѣ въ его поляхъ увѣдавъ, на помощь къ нему поспѣшали. Между тѣмъ Романъ проколотъ былъ тяжело коньемъ, и едва отнять его могли и привезли въ обозъ едва жива. Поляковъ же оныхъ едва кто ушелъ, всѣхъ ухвата порубили безъ милосердія, а Романъ того дня скончался. Ты сяцкій Романовъ, взявъ тѣло его, возвратился со всѣмъ войскомъ къ Галичу; Лешко же съ польскимъ войскомъ хотя не далѣ полудня былъ, но наступить не смѣлъ и возвратился¹⁾ Оказывается такимъ образомъ, что Романъ вовсе не потерпѣлъ пораженія. Онъ, правда, былъ тяжело раненъ во время нечаяннаго нападенія на охотѣ²⁾, но подоспѣвшая дружина жестоко отплатила врагамъ за рану князя. Поляки были побиты, такъ что едва ли и спасся кто-нибудь изъ нихъ. Это пораженіе навело такой страхъ на Лешка, что онъ поспѣшилъ отступить. Романъ умеръ побѣдителемъ. Слѣды подобнаго же изображенія послѣдняго Романова похода находимъ въ замѣткѣ такъ-называемой „Подробной лѣтописи“: „По семь великій князь и самодержецъ Романъ животь смертію премѣни и по гребень бысть во Владимірѣ Волынскомъ честно“³⁾. Въ извѣстномъ сборникѣ былей и небылицъ, носящемъ заглавіе „Россійской исторіи“ О. Эмина, говорится, что Романъ удачнымъ набѣгомъ на польскія земли добился своего: Люблинская область была ему отдана,

¹⁾ Исторія рос., кн. 3, 346—347.

²⁾ При нѣкоторой свободѣ домысла съ этимъ разказомъ объ охотѣ, во время которой подоспѣвають къ Роману его войска, можно бы сопоставить былинный эпизодъ о Романовыхъ превращеніяхъ.

³⁾ Часть I, стр. 118.

„Тогда послы, именемъ своего государя согласясь на его требованія, уступили ему Люблинскую провинцію во владѣніе до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ требуемой княземъ Романомъ суммы. Тогда же Романъ удалился въ городъ Галичъ, гдѣ годъ цѣлый владѣвъ мирно скончался, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ первороднаго своего сына Данилу“ ¹⁾. Эти разказы указываютъ на существованіе преданія, въ которомъ развязка борьбы Романа съ польскими князьями представлялась совсѣмъ не такъ, какъ изображается она въ памятникахъ польской историографіи. Что касается народной пѣсни о Романѣ, то въ ней нельзя и ожидать иной развязки, кромѣ той, какову находимъ въ сохранившихся былинахъ. Пѣсня заканчиваетъ походъ Романа такъ, какъ этотъ походъ долженъ бы окончиться, какъ оканчивались другія, болѣе раннія столкновенія Романа съ его сосѣдями.

2) Семья Романа, его жена и малолѣтній сынъ, принуждены удалиться на чужбину; они въ плѣну у тѣхъ королевичей, съ которыми враждуетъ Романъ; позже княжичъ и княгиня возвращаются однако на родину. Такъ разказываетъ пѣсня. Судьба Романова семейства намъ извѣстна. Послѣ Романа остались два малолѣтнихъ сына: Даниилъ 4 лѣтъ и Василько 2 лѣтъ. Даниилъ, по смерти отца, провозглашенъ былъ княземъ Галицкимъ, но недолго пользовался этимъ титуломъ. Рюрикъ Ростиславичъ въ союзѣ съ Ольговичами Черниговскими двинулся къ Галичу ²⁾. Узнавъ объ этомъ, вдова Романа вмѣстѣ съ дѣтьми поспѣшила во Владиміръ Волынской, но скоро ей пришлось покинуть и этотъ городъ. Боясь угрозъ утвердившагося въ Галичѣ Владиміра Игоревича, который хотѣлъ „искоренити племя Романово“, княгиня рѣшилась отдаться въ руки враговъ ея мужа, которые еще не прекращали войны съ Галичемъ, съ которыми еще не былъ заключенъ миръ. „Княгини... съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ, и на ночь бѣжаша въ Ляхы. Данила же возмя дядька передъ ся, изыде изъ града, Василка же Юрью поплъ съ кормилицею возмя, изыде дырею градною, не вѣдаду бо камо бѣжаще, бѣ бо Романъ убоенъ на Ляхохъ, а Лестько мира не створилъ“ ³⁾. Лешко и Конрадъ могли быть довольны: Романа не стало, семья его шла къ нимъ въ добровольный плѣнъ. „Богу же бывшю поспѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія

¹⁾ Т. III, 433.

²⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 405.

³⁾ П. собр. р. лѣтописей, II, 156.

ятровь свою и дѣтатѣ, сожализвѣ си и рече: яко дѣволъ есть повергль вражду сію межн нами¹⁾. Выказавъ великодушн побѣдителя, Лешко не думалъ однако оказатъ дѣятельную помощь искавшимъ его покровительства князьямъ. Даниль отправленъ былъ къ Угорскому королю; вдова Романа съ младшимъ сыномъ осталась въ Польшѣ²⁾. Спустя нѣкоторое время Василько и его мать выбрались на Русь по просьбѣ жителей Бреста: „и прїѣхаша Берестыяне ко Лестькови и просиша Романовой и дѣтате... и вдасть имъ, да владѣть ими; они же съ великою радостью срѣтоша ѿ, яко великаго Романа жива видяще“³⁾. Позже вернулся въ Галичъ и Даниль. „Тогда же прїѣха княгини великая Романовая видить сына своего присного Данила. Тогда же бояре Володимирьстїи и Галичкыи... посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа“⁴⁾. Въ пѣсенномъ отраженїи удаленїе на чужбину Романовой семьи представляется плѣномъ, каковымъ оно въ сущности и было. Жители Бреста привѣтливо встрѣтили маленькаго князя, возвратившагося вмѣстѣ съ матерью изъ Польши, „яко великаго Романа жива видяще“. Привѣтствїе могло быть облечено въ форму величальной пѣсни, въ форму обрядоваго славенья. Былина рассказываетъ также о возвращенїи изъ плѣна жены Романа и его маленькаго сына, но пѣсня не знаетъ лѣтописнаго „яко жива“. Романъ дѣйствительно живъ⁵⁾. Его врагамъ не долго удалось торжествовать. Жена⁶⁾ и

¹⁾ Ibid.

²⁾ Лешко и Конрадъ продолжали между тѣмъ вѣшнваться въ дѣла русскаго княжества. По просьбѣ Александра Всеволодовича, Романова племянника, Лешко двинулся къ Владимиру и, овладѣвъ этимъ городомъ, отдалъ его Александру. Походъ сопровождался грабежомъ и жестокостями. „Возведе Олександръ Лестька и Кондрата. Придоша Ляхове на Володимеръ и отвориша нѣ врата Володимерци, рекуще: „се сыновець Романови“. Ляхове поплѣниша городъ весь. Олександру молящюся Лестькови о останцѣ града и о церкви святѣй Богородици; твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могоша и съѣчи, донелѣже Лестько прїѣха и Кондратъ и возбѣста Ляхы свои; ти тако спасена бысть церква и останокъ людїи“ (П. С. Р. Лѣт., II, 156).

³⁾ Ibid., 157.

⁴⁾ Ibid., 158.

⁵⁾ Припомнимъ впрочемъ приведенное выше замѣчанїе професс. Буелава о значенїи „колоды бѣлодубовой“. Пѣсня въ первоначальномъ ея видѣ могла соединить разказъ о возвращенїи Романовой семьи съ воспоминаемъ о прибитїи Романа.

⁶⁾ Въ большей части пересказовъ былины о двухъ королевичахъ жена Романа называется Настасья Дмитрїевна. Любопытно, что то же имя встрѣчается

сынъ Романа, поповише въ плѣнъ, благополучно возвращаются на родину.

Въ заключеніе нужно еще обратить вниманіе на тѣ черты, которыми обрисовать въ былевыхъ пѣсняхъ образъ князя Романа.

Романъ—могучій и грозный князь, съ которымъ опасно вступать въ борьбу. Польскій король говоритъ своимъ племянникамъ:

Ай же вы, два любезныя племянника!
 А у меня была пора—сила великая,
 Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь,
 А ко князю Роману Митріевичу (Гильф., ст. 401).
 Сколько я на Русь не ѣзживалъ,
 А счастливъ съ Руся не выѣзживалъ (Рыбн., I, стр. 423).

Въ этомъ изображеніи не трудно узнать лѣтописнаго „великаго князя Романа, присинопамятнаго самодержца ¹⁾ всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ“.

Пѣсенный Романъ—человѣкъ необыкновенный:

А какъ ѣнъ да хитѣрь мудѣрь,
 А какъ знать языки какъ ужъ птичьи,
 Знать ѣнъ языки какъ вранины,
 А какъ ѣнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
 Ай по полямъ скакать да онъ сѣрымъ волкомъ,
 А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
 А по крутымъ горамъ скакать да горностаюшкомъ,
 Ай какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой
 (Гильф., 401).

въ подложныхъ грамотахъ, данныхъ будто бы Романомъ монастырю Печерскому: „се азъ князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимерскій, Луцкій и инымъ земель русскихъ обладатель съ женою моею княгинею Анастасією надали есмь“ и т. д. (*Востоковъ*, Описание рукописей Румянцевскаго музея, стр. 114).

¹⁾ Этотъ эпитетъ „самодержецъ“ получаетъ надлежащій смыслъ, если припомнимъ, что въ польскихъ извѣстіяхъ о Романѣ князь этотъ изображается напротивъ ставленникомъ и вассаломъ польскихъ владѣтелей. Кадлубекъ, упоминавъ о томъ, что Романъ при помощи Лешка занялъ столъ Галицкій, прибавляетъ: *Quod beneficii qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur* (Monum. Poloniae, t. II, 440; разказа о пораженіи Романа у Кадлубка, какъ мы знаемъ, нѣтъ). Позднѣйшіе историки прямо называютъ Романа вассаломъ Лешка „in rebellionem... versus, pensa hactenus denegat tributa et se non vasallum, neque subjectum, sed hostem infestum Leszkoni et suis Ducatibus declarat (Другошъ подъ 1204 г.). Сужденіи польскихъ историковъ повторяетъ Густынская лѣтопись: „Романъ же съѣдъ на князствѣ цѣлова крестъ Лешку королю, яко послушенъ ему быти“ (П. собр. р. лѣтописей, II, 326, подъ 6707—1199 г.)

Лѣтопись говоритъ о Романѣ Мстиславичѣ: „устремилъ бо ся бяше на поганя, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бѣ, яко и туръ“ ¹⁾. Подобныя выраженія могли быть и въ пѣсняхъ о Романѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Ср. въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „счочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда“; „счочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ“; „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше“; „а Игорь князь посчочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣвржеся на брѣзъ комонъ и счочи съ него босымъ вълкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мглами“; „коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече“. Народная пѣсня замѣняетъ такія образныя выраженія реальнымъ изображеніемъ оборотничества.

Пѣсенный Романъ—человѣкъ суровый и мстительный. Въ гнѣвѣ онъ не помнитъ себя. Получивъ извѣстіе о набѣгѣ польскихъ князей,

Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кишчалнище,
Бросалъ онъ о дубовый столъ,
О дубовой столъ, о кирпиченъ мостъ,
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты тварь, ты тварь поганая!
Ты, поганая тварь, нечистая!
Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
Я хочу со вами со щенками управиться“.

(Рыбн., I, стр. 425).

Съ побѣжденными противниками Романъ учиняетъ страшную расправу: вырѣзываетъ глаза, ломаетъ ноги и при этомъ издѣвается:

Самъ же князь-то приговаривалъ:
„Ты, безглазый, носи безногаго,
А ты ему дорогу показывай“ (ib., 428—429).

Припомнимъ разказы о Романѣ польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ за преувеличеніями и прикрасами скрывается, конечно, исторически вѣрная основа. Утвердившись въ Галичѣ, Романъ расправляется съ противниками: „quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, non-

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 155.

nullos prius exenterat, quam interimit" ¹⁾). Во время послѣдняго похода въ Польшу Романъ „okazował wielkie okrucieństwo nad ludem p̄bpolitim w ciagnieniu, nie przepuszczając wszelkiemu stanowi, a na więcey karłany dziwnemi mękami trapił, kościoły palił, dziewczęzki gwałcił, gorzej niż kiedy poganin" ²⁾). Съ этими извѣстіями можно сопоставить приведенныя выше слова лѣтописи: „сердитъ же бысть яко и рѣсь, и губяше, яко и коркодилъ". Татищевъ приводитъ такое описаніе наружности и нравственныхъ качествъ Галицкаго князя: „Сей Романъ Мстиславичъ, внукъ Ивяславовъ, ростомъ былъ хотя не весьма великъ, но широкъ и надмѣрно силенъ, лицемъ красенъ, очи черныя, носъ великъ съ горбомъ, власы черныя и коротки, вельми яръ былъ во гнѣвѣ, косенъ языкомъ, когда осердится, не могъ долго слова выговорить, много веселился съ вельможи, но пьянъ никогда не бывалъ, много женъ любилъ, но ни одна имъ владѣла, воинъ былъ храбрый и хитрый на устроение полковъ... всю жизнь свою въ войнахъ препровождалъ, многи побѣды получилъ, а единою побѣжденъ былъ, того ради всѣмъ окрестнымъ былъ страшенъ. Когда шелъ на полякъ, то сказалъ: или полякъ побѣжду и покорю, или самъ не возвращусь, и збылося послѣднее" ³⁾). Это изображеніе не имѣетъ конечно цѣнности достовѣрнаго историческаго извѣстія, но оно любопытно, какъ попытка возстановить образъ грознаго Галицкаго князя, который долго продолжалъ тревожить народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ.

Польскія пѣсни о Романѣ Мстиславичѣ извѣстны намъ только по упоминанію Длугоша. Русскія пѣсни о знаменитомъ Галицкомъ князѣ сохранились и на югѣ, и на сѣверѣ нашей земли.

Основы малорусскихъ и великорусскихъ пѣсень о князѣ Романѣ восходятъ къ одной и той же исторической были XIII вѣка, но судьба этихъ пѣсень была не одинакова. Малорусская пѣсня о вортарѣ, связанная съ игрой, могла измѣняться сравнительно мало, допуская лишь примѣсь изъ другихъ игорныхъ пѣсень. Сѣверно-русскія пѣсни о Романѣ носятъ слѣды болѣе глубокихъ измѣненій. За-

¹⁾ Mon. Pol., II, 440.

²⁾ Бѣльскій, Kronika Polska (1830), II, 73.

³⁾ Ист. Росс., III, 347—348.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ РОМАНѢ.

хваченныя широкимъ потокомъ нашего былеваго эпоса, пѣсни эти подвергались и взаимному слиянiю, и разнообразнымъ воздѣйствiямъ литературной и исторической аналогii. Изучая былины о Романѣ, я пытался опредѣлить, что именно слѣдуетъ признать въ нихъ принадлежащимъ первоначальной основѣ, и въ чемъ можно видѣть слѣды позднѣйшихъ измѣненiй. Нѣкоторые пункты этихъ измѣненiй, можетъ быть, опредѣлены неудачно, но указанный выше ходъ литературной исторiи былинь о князѣ Романѣ кажется мнѣ соответствующимъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданiй объ этомъ князѣ, и составу сохранившихся о немъ пѣсенъ.

Ив. Звдановъ.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ ВЫЛИНАМЪ ¹⁾.

XVI

Илья-шахъ.

Слѣдующими сообщеніями я обязанъ любезности проф. В. Д. Смирнова ²⁾; Илья-шахъ заинтересовалъ меня своими возможными отношеніями къ нашему Ильѣ. Первый является въ числѣ витязей поздняго компилятивнаго романа, въ подражаніе Шахъ-намѣ, сохранившагося въ одной турецкой рукописи бібліотеки С.-Петербургскаго университета подъ заглавіемъ: „Исторія, излагающая, на основаніи сказаній древняго мудреца Тартуса, обстоятельства древнихъ временъ“. Подъ Тартусомъ разумѣется Abu-Thahir Ibn-Hasan Ibn-Ali Ibn Musa-ét Tharṭūsī или Tarsūsī, плодovitый арабскій компиляторъ романовъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ эпической и баснословной исторіи Персіи. Ему приписываются обширные романы: Dāgāb Nāmeḥ, Kaherman Nāmeḥ и Kigān Nāmeḥ; турецкій переводъ послѣдняго сдѣланъ былъ въ XV вѣкѣ: единственный terṭīnus a quo для опредѣленія времени Тартуса, произведенія котораго, кажется, много читались. Въ одной персидской рукописи Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ сохранился съ его именемъ романъ объ Александрѣ Македонскомъ съ примѣсью

¹⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ мартовскую книжку.

²⁾ См. его сообщеніе въ собраніи ориенталистовъ, *Голосъ* 1876 г., № 240. Свѣдѣнія о Тартусѣ я заимствовалъ, по указанію проф. Залемана, у *Mohl, Livre des rois I, Préface*, стр. LXXXVI слѣд., и изъ *Catalogue of the turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888, стр. 219—222.*

именъ и приключеній изъ Шахъ-намэ; „Исторія“ университетскаго списка могла быть переводомъ или пересказомъ подобной же компиляціи: имена дѣйствующихъ лицъ (Самъ, Заль, Рустемъ, Афросьябъ и др.), мифологическихъ существъ (Симургъ, Аждагакъ и др.) и мѣстностей (Туранъ, Иранъ, Кафъ = Кавказъ и др.) относятся насъ къ Шахъ-намэ; другія подробности (имена Адама, Соломона, Идриса, Хызра и т. п.; упоминаніе Торы и Псалтыри) принадлежатъ мусульманину. Разказъ ведется прозой, иногда перемежающеюся стихами; такъ, напримѣръ, вся переписка витязей въ стихахъ; содержаніе романа: повѣсти о богатырскихъ подвигахъ, не всегда вяжущіяся другъ съ другомъ. Изъ эпизодовъ особое вниманіе обращаютъ: разказъ о борьбѣ хорасанскаго витязя Кагира поочередно съ Рустемомъ, Залемъ, и наконецъ, Самомъ, который оказывается отцемъ Кагира, о чемъ противники узнаютъ отъ другихъ лицъ въ роковой моментъ борьбы; разказъ о войнахъ упомянутыхъ богатырей съ грузинами, при чемъ приводятся имена грузинскихъ пеглевановъ и царя Шиганоса.

Илья-шахъ упоминается часто, въ первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ то время, какъ Заль и Рустемъ, разлучившись съ Самомъ, пришли въ диванъ Сулеймана (пророка Соломона) и, получивъ дозволеніе, собрали сорокъ тысячъ войска, джинны принесли имъ даятки и кибитки. Затѣмъ Заль поцѣловалъ Рустема въ очи и сказалъ: „Смотри, краешекъ печени моей, не зѣвай на счетъ Хорасановъ, будь остороженъ“. Рустемъ сказалъ: „Эй, отецъ, слава Богу! въ настоящее время храбрость, богатырство пришло роду Кагриманову, а на остальныхъ стоитъ ли обращать вниманіе!“ Заль увидѣлъ, что Рустемъ гордится и сказалъ: „Ну, дай Богъ ему добра“.

Они разстались; Рустемъ отправился въ Багдадъ, гдѣ пребывалъ Илья-шахъ. Когда достигъ города, увидѣлъ два расположенные лагеремъ войска. Войско Рустема стояло на берегу Шата; узнавъ о прибытіи Рустема, Илья-шахъ выѣхалъ ему на встрѣчу, свидѣлся съ нимъ и прижалъ его къ своей груди. Когда Рустемъ пришелъ въ диванъ Ильи-шаха, увидѣлъ, что на мѣстахъ его предводителей сидятъ то джинны, то люди, то какіе-то аснемгяны, а самихъ-то никого нѣтъ. На его вопросъ, что съ ними стало, Илья-шахъ вздохнулъ и сказалъ: „О сынъ богатырскій! Эти серверы (главары) теперь плѣнниками въ хорасанскомъ войскѣ; таковы-то дѣла, содѣянные Кагиромъ“ (шахъ Хорасана). Рустемъ пришелъ въ ярость и сказалъ: „О шахъ! Богъ дастъ, я расправляюсь съ нимъ“. По его приказу, Ка-

гиру написано письмо съ требованіемъ выдачи плѣнныхъ главарей и послано съ пѣшеходомъ.

Изъ непосредственно слѣдующаго эпизода оказывается, со словъ „Тартуса-мудреца“, что Кагирь полонилъ Картуса: Кей-Кауса Шахъ-намѣ, Киркоуса нашей сказки о Русланѣ.

Кагиру сообщаютъ, что отъ Ильи-шаха прибылъ вѣстникъ; читаютъ письмо, требующее, чтобы Кагирь выдалъ плѣнныхъ и подѣловалъ тронъ Ильи-шаха, коли хочетъ быть цѣль; не то, пусть завтра выходитъ на мейданъ. Кагирь выѣзжаетъ вооруженный, туда же является и Рустемъ съ Ильей-шахомъ, съ народомъ сыновъ Израиля, ихъ беками и арабскими главарами. Выѣхавъ впередъ, Рустемъ и Кагирь поздоровались, спросили другъ у друга о родѣ-племени и вступили въ борьбу, перешедшую въ общій бой. Подъ конецъ Кагирь спѣшивается, подходитъ къ Рустему и говоритъ: „Мы вѣдь были съ тобой пріятелями!“ „Ахъ ты цыганъ“, отвѣчаетъ ему Рустемъ, „какая можетъ быть у меня съ тобою дружба!“ Потомъ они сговорились, что кто храбръ, тотъ долженъ быть и благороденъ; сошлись и стали пировать. Рустемъ сообщилъ свою родословную, сказалъ, что онъ равенъ въ мужествѣ Саму, но не знаетъ, гдѣ онъ, и заплакалъ. Тогда Кагирь сказалъ, что онъ сынъ Сама, и оба витаяя плачутъ отъ радости.

Рустемъ не вернулся къ войскамъ. „Гдѣ онъ?“ спрашиваетъ Илья-шахъ и остолбенѣлъ, узнавъ отъ джинновъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ „индѣйцемъ“ (Кагиромъ) уѣхалъ къ хорасанскому войску. „Что значить отъѣздъ Рустема съ тѣмъ „цыганомъ?“ (зевги) спрашиваетъ Илья-шахъ Картуса (освобожденнаго Рустемомъ). „А это значитъ, что цыганъ одолѣлъ Рустема, который и покорился ему“.

Между тѣмъ Рустемъ съ Кагиромъ прибыли во дворецъ послѣдняго, одѣлись и восѣли на тронѣ въ диванѣ Джемгура, которому Кагирь и представилъ Рустема. По его совѣту, Джемгуръ пишетъ Ильѣ-шаху письмо, въ которомъ онъ названъ арабскимъ царемъ (шаги-арабъ) и приглашается покориться, чтобы позже не пришлось ему плохо. Илья-шахъ закручинился, пишетъ письмо къ Сулейману и посылаетъ съ джинномъ вмѣстѣ съ посланіемъ Кагира. По приказу Сулеймана, Заль собралъ сорокъ тысячъ войска и отправился въ Багдаду, гдѣ сталъ на берегу Шата. Когда онъ явился къ Ильѣ-шаху, увидѣлъ всѣхъ главарей на своихъ мѣстахъ: это Рустемъ освободилъ ихъ. Узнавъ объ его удаленіи, Заль пишетъ ему укорительное письмо,

на которое отвѣчаетъ разгнѣванный Кагирь; на послѣдовавшій затѣмъ мейданъ Заль съ Ильей-шахомъ являются до разсвѣта; ихъ войско расположилось, войско дивовъ и джинновъ утвердилось въ воздухѣ, а надъ ними парилъ Симургъ. Сраженіе, въ которомъ Заль раненъ, кончается мировой; по распоряженію Ильи-шаха обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла написано письмо пророку Сулейману.—Новый походъ Залья и Ильи-шаха на хорасанское войско, и новое посланіе съ докладомъ Сулейману.

Послѣ многихъ битвъ и сраженій разказывается слѣдующее: возвратившись, Самъ пришелъ въ палаты Ильи-шаха. Вѣн, пили и благодарили. Илья-шахъ говоритъ Саму: „Ты крѣпко бился съ этими злодѣями, но почему же не привелъ ихъ?“ „Потому что всѣ люди съ сердцемъ: еслибы я привелъ ихъ, ни тебѣ, ни намъ не было бы пользы“. „Что же ты самъ не приходишь доселѣ?“ „Потому что не слѣдовало, не одолѣвъ вполне“.

Хорасанцы разбиты; Картусъ взялъ въ плѣнъ Джемгура и множество казны. Шахи джинновъ ушли съ дивами кандагарскими; Илья-шахъ, Самъ, Заль и Рустемъ съ беями кандагарскими пришли въ палаты Джемгура, Илья-шахъ возсѣлъ на его тронъ, Самъ у подножія, прочіе по своимъ мѣстамъ. Обо всемъ дали знать Сулейману; къ нему же отправили и военно-плѣнныхъ, которыхъ онъ помиловалъ.

Сулейманъ пишетъ письмо Саму и Рустему: „О Рустемъ, завоевывай владѣнія твоего отца и дѣда до могилы Адама, страны Индъ и Синдъ, а на мое мѣсто признавайте каймакамомъ Илью-шаха“.

Далѣе разказъ переходитъ къ грузинамъ: развѣдчики Шиганось-шаха встрѣчаютъ Залья и его спутниковъ и спрашиваютъ: кто они? Тѣ отвѣчаютъ, что они—послы Сама и Ильи-шаха.

Война съ грузинами; Илья-шахъ говоритъ Саму, что надо извѣстить Сулеймана: пусть пошлетъ на помощь дивовъ или птицъ. Сулейманъ сообщаетъ объ этой просьбѣ Симургу; тотчасъ приготовили двѣсти паръ птицъ, которыя и полетѣли на помощь Саму. Тамъ увидѣли птицъ величиною съ гору, длиною въ фарсахъ (персидская миля); передъ ними шла огромная двуглавая птица. Грузины съ своей стороны также изготовились къ бою.

Романъ не конченъ.

Профессоръ Смирновъ относитъ время написанія рукописи, то-есть, основной ея части, за исключеніемъ подновленій, приблизительно ко

второй половинѣ XVIII вѣка; въ числѣ орудій битвы, упоминаемыхъ въ разказѣ, встрѣчаются барабаны и пушки. Языкъ памятника близокъ къ турецкому малоазіатскому нарѣчію, почеркъ въ болѣе древней части рукописи также турецко-малоазіатскій, въ новой—крымско-татарскій. Географія, среди которой развивается дѣйствіе романа, широкая: Іерусалимъ—и „островъ влюбленныхъ“; Кафъ, Грузія, Багдадъ на берегахъ Шата, гдѣ властвуетъ Илья-шахъ. Если признать въ послѣднемъ отраженіе русскаго Ильи, то это указало бы намъ на какія-нибудь южно-русскія эпическія преданія о немъ, случайно введенныя въ связь съ канвой Шахъ-намѣ—и Сулейманомъ. Провѣрить это предположеніе мы не въ состояніи: въ Ильѣ-шахѣ нѣтъ ничего кромѣ имени, что напоминало бы наши былинны; даже бой съ сыномъ, мотивъ, привязавшійся къ Ильѣ въ русскомъ эпосѣ, отнесенъ въ романѣ къ другимъ лицамъ. Да и вообще Илья-шахъ мало дѣятеленъ: онъ больше присутствуетъ при событіяхъ, чѣмъ участвуетъ въ нихъ; между тѣмъ въ эпизодѣ борьбы съ хорасанцами онъ садится на престолъ побѣжденнаго Джемгура, а Сулейманъ указываетъ на него, какъ на своего преемника. Этотъ приемъ скорѣе всего свидѣтельствуетъ о компиляторѣ, который могъ слышать объ имени и эпической славѣ Ильи, но не былъ знакомъ съ матеріаломъ сказаній о немъ. Не забудемъ однако, что всѣ эти соображенія основаны исключительно на тожествѣ имени, и что, на примѣрѣ, богатырь Ильюнь встрѣчается въ турецкой эпопее Сейидъ-Батталъ-Гази¹⁾: „Были у Кесаря два гаура, одинъ по имени Ильюнь, а другой Гаманъ“. Въ нашемъ романѣ Илья-шахъ—правовѣрный мусульманинъ, творящій намазъ.

Болѣе подробное обслѣдованіе турецкаго романа, пересказаннаго нами, было бы не бесполезно, хотя бы затѣмъ, чтобы убѣдить насъ, что въ Ильѣ-шахѣ нечего искать Илью русскаго. Важнѣе всего было бы опредѣлить отношенія турецкой компіляціи къ предполагаемому имъ подлиннику Тартуса, если упоминаніе этого имени можетъ быть истолковано въ смыслѣ дѣйствительнаго подлинника, а не эпическихъ матерій вообще, которыя обработывалъ Тартусъ. Въ томъ и другомъ смыслѣ выяснилось бы значеніе эпизода объ Ильѣ-шахѣ, ибо для вопроса, насъ интересующаго, не безразлично, принадлежитъ ли онъ оригиналу турецкаго пересказчика, или ему самому.

¹⁾ Die Fahrten des Sadjid Batthal, von Hermann Éthé, Leipzig, 1871, стр. 75—77.

XX.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егорія съ змѣемъ (см. Разысканія, II, стр. 125), русская народная поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (I. с., стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (I. с., стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помѣшалось послѣ мученія¹⁾, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертію угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя въ апокрифѣ являютъ какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притянуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

Не измѣняя этому воззрѣнію, я попытаюсь пойдти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развитъ былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большого стиха. Разказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянице заключаетъ его въ погреба, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ—и ѣдетъ отплатить дружбу прежнюю своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особенно интересуетъ: на пути къ Демьяницу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ: горы толкучія, лѣса, рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; змѣй или змѣи, съ которыми Егорій бьется; чудесная птица Нага (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ, Черногаръ; Нага Астрахиръ, Острафиягъ, Стратимъ), сидя-

¹⁾ Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ белорусскій сборникъ Чукова монастыря № 62—264, XVI вѣка. Сл. *Чтенія съ Импер. Общ. Исторіи и Древностей* 1889 г., III: Виблюграфическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: Я³ же Покрѣ. . . . во слѣдѣ свої гѣа страданню. І ѿ всѣхъ нѣвѣстно на память христоукейскѣ стѣтополбннѣкѣ вчннѣй.—Л. 621 лиц.: Чѣ стго вѣгорьга ѿ змѣи. Нач. Како ѣрекѣ страшнѣй ѣ пресманѣю сию тѣмѣж.—„Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи“ (рукописная замѣтка А. Н. Попова, I. с., стр. 55).

пая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д. вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьянища (Безсоновъ, Калѣки, I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ прѣзжаго „во чисто поле—Малымъ дѣтяхъ на стѣденіе“ (I с., стр. 473, въ примѣчаніи). Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьянища стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипеть по змѣиному, какъ змѣя летаетъ; онъ даже названъ однажды Горнымъчемъ: это „глубокой змѣй“ апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище званы дублетами—и ясно, что приращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорію мирно: горы и дѣса расходились, разступались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, птица—и змѣй Демьянище. Такъ и въ эпизодѣ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюбѣ: птицы влевучія—и змѣище Горынчище (Южно-русскія быliny, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но имя птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-нагаи нагрянули на Молдавію, жители поспрались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открыли ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чириваньемъ. Пиголица и зовется поѣтому татарскою птицей, татарскою собакою—и Nagăţu, Nogăţu ¹⁾.

Предположенный нами древній планъ большого стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица—насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Бирѣвскимъ (Пѣсни, I, приложение стр. I—IV), напечатана у Аонасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: а) Ильѣ сидень (эпизодъ о дѣтствѣ), ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣча: баба-яга, ея сестра, и б) Соловей; в) бьется съ змѣемъ и освобождаетъ царевну, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, изсосалъ.

¹⁾ Новыя книги по народной словесности, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 213—214.

2) Вариантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и разказы, стр. 248—249) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ живетъ съ нею. Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья Швецъ, она посылаетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликовскаго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Краков. 1879, стр. 6—8) начинается также съ а) эпизода объ Ильѣ сиднѣ. Старикъ, давшій ему силу, говоритъ: пусть попроситъ отца—купить ему у поля паршиваго жеребенка, изготovitъ желѣзную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ выростетъ съ коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. б) Илья ѣдетъ; встрѣча съ Соловьемъ; в) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжнъ: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; Илья убилъ змѣя своею шляпою и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницкій (Очерки по исторіи запорожскихъ казачковъ и Новороссійскаго края. С.-Пб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую сказку того же содержанія: а) Илья сидень б) выѣздъ и бой съ змѣемъ, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на „пожраніе“. Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ царевну, которая надѣваетъ ему на палецъ кольцо. На обратномъ пути она засыпаетъ, положила голову („а голова словно бочка“) на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудитъ его, уколешь иглой въ ятэу. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: „Брось ты Илью, поѣди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти“. Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а проиглу и забыла. Бондарь отрубилъ Ильѣ голову, а дѣвушку привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человекъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, догадуясь на него, и онъ ожилъ. „Ну долго же я спалъ!“ говоритъ Илья. „Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы“. Илья идетъ на свадьбу: царевна сидитъ, надрыивается, увидѣла на порогѣ человека, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе—этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ змѣборцѣ къ былинамъ о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, а въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя, его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ моихъ „Южнорусскихъ былинахъ“, гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ обнасилничалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; Идолище не даетъ воли князю съ княгиней, „у княгини держать руки въ пазухѣ“ (Жир., IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (I. с., стр. 354) подновленіемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шапши Апраксѣевны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатири освобождали княгиню отъ того и другаго „змѣвнича“, ибо какъ за Тугариномъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропитъ, Скоропѣвичъ, не что иное, какъ тотъ же змѣвничъ (I. с.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага „змѣвнича“; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣборствѣ: змѣй залегаетъ воду, и дѣвушка назначена ему въ жертву (№№ 3, 4); № 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе—извѣстнымъ въ схемѣ змѣборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй—насильный любовникъ, №№ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментировалъ № 1 Аванасевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка № 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ №№ 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ быliny, не на оборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеально отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣборца, спасающаго дѣвушку, былъ на столько популяренъ въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибы въ немъ дана была

точка ея отправленія. Попробуемъ остановиться на этомъ направленіи эволюціи.

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ вариантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, въ которому привязана легенда о другомъ змѣборцѣ, Кириллѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ тождественныхъ съ Драгомановскимъ вариантомъ: царевна послана къ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирилл Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аванасьева, Народныя русскія сказки, № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ усмошведомъ Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; Илья Швець варианта Драгоманова сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошведѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасшемъ какую-то царевну или царицу отъ насильника „змѣевича“, могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрощеннаго любовника, змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣборцахъ:—Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья Швець напомнилъ намъ Несторова усмошвеца; разказывая о его силѣ, отецъ говоритъ: „единою бо ми ѥ сварящу и оному мьнушу усние, разгнѣвавъсе на мя, преторже черви руками“. Укажу по этому поводу на богатыря Чоботка, котораго, по словамъ Кальвофойскаго, народъ смѣшивалъ съ Ильей, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, февраль: Документы, извѣстія и замѣтки, стр. 345): „Да еще человекъ именемъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святого мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ“. Я предположилъ (Южно-русс. былины, вып. I, стр. 32, прим. 2) въ названіи Ильи „чеботкомъ“ отраженіе какой-нибудь эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого народнаго прозвища съ Швецомъ Драгомановскаго варианта, съ черевями Несторовой легенды? Это позволило бы намъ

отнести основы разказа объ Ильѣ-Швецѣ-змѣборцѣ къ XVII вѣку; былины объ Ильѣ въѣ связи съ сказочнымъ змѣемъ были бы древнѣе.

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолицѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 и слѣд.) въ № 1 и 3 эпизодъ о Соловѣѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолицѣ; въ № 2: Соловей, Идолице. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ ¹⁾ а) Илья сиденъ; его выѣздъ; какой-то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидитъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — б) Соловей: Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городъ ходитъ с) Чудовище Обжора, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по 40 ведеръ пива. Илья убиваетъ его.—Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолицу отвѣчаетъ Прожора: а) Илья сиденъ; б) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго Сокола побивать“. Приѣхалъ въ царство царя Прожора. „Енъ по дзесаць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягідный Соколъ яму доставлявъ ѣсъ. Енъ, нягідный Соколъ, якъ свисьни, дакъ на двананцать версть даленій чаловѣкъ упадая — крѣпко сялянъ бывъ. И доставлявъ аму, царю Прожору, по дзесаць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тѣй нягідный Соколъ на двананцати дубахъ одзинъ, и ў яго двананцать роговъ“. Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю с) Прожору. Тотъ услышалъ, что кто-то ѣдетъ: Кого это мой Соколъ допустилъ? Илья показываетъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатиудовою шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понятно, какъ очищеніе благаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Побожѣвъ три дня, онъ преставился „и поступивъ у свѣтъ—святій Ильюшка“. „Вотъ, говора, буду громовой тучей завѣдуваць“. Его скоронили въ склепѣ. „Господзь такъ давъ: никто яго не знавъ, на видзѣвъ, — отиравився ѣнъ водою у

¹⁾ *Верещанинъ*, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

склепи у Києвъ, у пещеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявился, и получивъ сабѣ свѣтъ у пещеры“ (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Києвъ „во гробѣ“, сл. Буслаева, Очерки, II, 194).

Если Идолище Скоропѣвичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣборцѣ №№ 1 и 2: Соловей, Змѣй — Соловей, Идолище—Чудовищная птица и змѣй Демьянище духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканія, II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ вариантахъ нашего стиха змѣя высыпается „на гаденыши, на червеныши“ (I. с., стр. 147—148, прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепель сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси, II, стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Києвъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ Чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія, VIII, стр. 352—353).

Былины не знаютъ при Ильѣ змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолищѣ-змѣѣ, которые сказки могли привести во внутреннюю связь, либо въ связь послѣдовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выразившей ее цѣльной былины—къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго—къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы выставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолище—змѣй финскія, бѣлорусская и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколь) — и Идолище или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, которую можно вмѣнить пра-былинѣ, лишь впоследствии распавшейся на

отдѣльные пѣсенные эпизоды. Въ этой схемѣ Идолище могъ являться насильникомъ-богатыремъ, „змѣвичемъ“, богатыремъ являлся и Соловей, имя котораго лишь впоследствии было понято, какъ нарицательное птицы. Такая былина могла быть выраженіемъ какихъ-нибудь историческихъ памятей; фантастическій элементъ, обратившій „змѣвича“ въ подлиннаго змѣя, соловья въ чудовищную птицу, присталъ къ ней позже. Если такъ, то въ такой былинѣ, уже осложненной элементомъ баснословія, мы нашли бы источникъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ—и могли бы искать первообразъ схемы, по которой въ большемъ стихѣ о Егоріи обработана его развязка, не предусмотрѣнная его житіемъ: Демьянище-змѣй явился въ роли Идолища-змѣя, сестры Георгія, только названна въ апокрифическомъ житіи (Разысканія, II, стр. 141), освобождались Георгіемъ отъ власти насильника, какъ Илья освобождалъ царевну, княгиню; наконецъ птица Нага, Черногонъ и т. д., встрѣчаемая Егоріемъ на пути ко врагу и не объяснимая изъ житія, отвѣтила бы Соловью.

III.

Мотивъ объ освобожденіи Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Илинѣ¹⁾—въ смѣшеніи съ другими: Илья сидеть; идетъ смотрѣть на свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три встрѣчи (Соловей, Идолище, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аванасьева²⁾: три брата, либо три богатыря на поискахъ за царевной (матерью № 71 b. c, царевнами № 80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ—Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Змѣемъ Черноморскимъ (№ 72), Змѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чаны съ сильной и малосильною водою и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ,

¹⁾ *Treilantъ*, Латышскія народныя сказки (Москва. 1887), № 99.

²⁾ Сл. *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine, №№ XIX и LII и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, приложеніе стр. 20 слѣд.) и грузинскую о Ломъ-Каци (I. c., вып. X, отд. III, стр. 54 и слѣд.: Судьба).

пересказанной Трусовичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4):—Вытащивъ изъ подземелья красавицу, вырученную богатыремъ, его товарищи обрубилъ ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но впоследствии выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесною птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илинъ встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырываетъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ сажень. Помѣрившись съ ними силой, Илинъ ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, съѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается зацепить бороду хищника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ пещерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илинъ и бьется, обмѣнявъ мѣстами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубилъ ремни. Его выносятъ бѣлый гусь; нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой змѣборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ нихъ вдвойнѣ. Рустамъ или Ломъ-Каци (чудесно рожденный отъ блока) идетъ въ товарищахъ съ силами: одинъ надѣлъ два жернова на ноги и мелетъ муку (или догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ справляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Дѣвушка предвидитъ измѣну и предупреждаетъ своего освободителя: въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, вороного и сиваго (либо бѣлаго барана и чернаго козла); коли перепрыгнетъ черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись одинъ, богатырь перепуталъ эти указанія—и очутился подъ землею. Онъ проситъ у одной старухи напиться; та говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ чело-вѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то ежедневно какой-

нбудь подарокъ: сегодня очередь нести его за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спитѣ богатыря, котораго по тому и узнали. Когда однажды онъ повойтса подъ деревомъ, видитъ лисицу—или змѣю, подкрадывавшуюся къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцевъ; онъ убиваетъ хищника и благодарная мать выноситъ его на своихъ крыльяхъ ¹⁾. По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда богатырь отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хромаетъ, она извергла кусокъ мяса, привела, куда слѣдуетъ, помазала перомъ,—и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ—братьяхъ Илья попалъ уже въ качествѣ змѣеборца, какъ св. Георгій-змѣеборецъ въ такую же схему недавно изданной болгарской легенды ²⁾.

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь, и люди, и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платьѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнавъ по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормитъ ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ

¹⁾ О мотивѣ героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у *Cosquin*, I. с., I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Ильѣ — Удовкинѣ см. въ (Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 51); *Mariani*, Ornitologia, I, 137 слѣд. и *Radloff*, Proben, IV, стр. 26 слѣд., гдѣ птица Züzölö свила гнѣздо на семи тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она стянула вмѣстѣ. См. *О. Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 273, и далѣе болгарскую сказку о Георгіѣ.

²⁾ Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. I (Софія. 1889), Народни умотворенія, стр. 118—120.

птицѣ: оттого у людей выемва подѣ ступней. Это такая же *légende des origines*, какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; и идетъ съ ними въ лѣсъ, расколочъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, даетъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

Братья Георгія извѣстны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Digne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ *Huon de Bordeau* и у автора втораго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122); но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ ¹⁾, гдѣ Георгій является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей ²⁾: его отецъ поймалъ рыбу, которая наказываетъ ему — раздѣлить ее на шесть частей; двѣ пусть съѣстъ его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадитъ за воротами сада (*quintal*). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ—Георгій (*Jorge*), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копыя. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвиги; расставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (*gamo de saçerçião*): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступать въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь. Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіѣ-змѣборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (I. с., стр. 123—124 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдитрихѣ, змѣборцѣ, ратующимъ за красавицу (вдову Ортнита), крестникѣ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ. 1) Въ основѣ ле-

¹⁾ *Coelho*, *Contos populares portuguezes*, № 49.

²⁾ Разысканія, II, стр. 113 слѣд.

жали пѣсни болѣе историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолище), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кievскимъ приуроченіемъ Ильи: Соловей залегалъ ему дорогу къ Киеву, Идолище являлось въ Киевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей—Идолище. Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Киевѣ, Царьградѣ и Иерусалимѣ; оно—поганое, жидовское (такъ въ Буслаевомъ спискѣ былинны о „семи богатыряхъ“), — хотя, быть можетъ, и не въ томъ смыслѣ, какой я придавалъ былинному Жидовину-нахвалящнику, съ которымъ борется Илья. Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій ¹⁾ устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ Хазариномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ-исполнѣ и врагѣ, на существованіе въ Сербіи и Болгаріи такихъ же „жидовскихъ гробищъ“, какія я указалъ въ Румыніи, наконецъ на томъ обстоятельстве, что сербы различаютъ жидъ: *judaeus* и жидъ: *gigas*, болгары еврейна отъ жиды: *gigas*. Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: *gigas* = гигъ („гигово поле“ въ Видѣніи Исайи), откуда *джигъ и, подъ влияніемъ созвучія, между прочимъ, съ жидъ: *judaeus*, — джндъ, джидовина: гигантъ, имя и образъ котораго могли пройти, напримѣръ, черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Жидовинъ, какъ еврей, принадлежитъ, стало быть, русскому усвоенію, какъ и „жидовская могила“ въ Подольской губерніи на берегу Днѣстра²⁾ Странно, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ = *gigas* отличенъ отъ еврейна, кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ еврейномъ-великаномъ ³⁾, а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана-людобѣда. Я полагаю, что гипотеза *gigas*: жидъ освятить намъ не столько южно-славянскія повѣрья объ исполинахъ, сколько загадочное усвоеніе славянами слова *judaeus* въ формѣ: жидъ.

2) Вторую ступень развитія были обѣ Ильѣ представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей—Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ

¹⁾ *Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1890 г., № 1-й, стр. 7 и слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

²⁾ *Качановскій*, Пам. болг. народн. творчества, № 162. Сл. жѣлто Еврейче у Миладиновыѣ, № 164.

популярны были легенды о змѣборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня-сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ, по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ послыкахъ: 1) Сказка, какъ комплексъ, продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны, отсутствіе мѣстнаго приуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ перемѣнъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинь вслѣдствіе ихъ циклизаціи вокругъ Кіева и Владимира. 2) Илья въ Ортнитѣ — внѣ связи съ Владимиромъ, и въ Тидрексагѣ—въ связи съ нимъ—не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, напримѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣборецъ Ортнитъ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе исторической, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе. 3) Вторая часть большого стиха о Георгіѣ не предусматрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; ея своеобразную схему (Нага—Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей—Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

Александръ Веселовскій.

ВЕЗКОНЕЧНОЕ АНАКСИМАНДРА ¹⁾.

Представитель учения о простомъ среднемъ началѣ.

Философа, признававшего за начало простое среднее между водою и воздухомъ вещество, Аристотель, очевидно, не относитъ къ крупнымъ представителямъ философской мысли, но онъ и не считаетъ его совершенно ничтожнымъ, лишеннымъ всякаго значенія мыслителемъ. Онъ обычно поименовываетъ его начало при перечняхъ монистическихъ принциповъ, и такимъ образомъ упоминаніе о немъ дѣлается и въ *Метафизикѣ* и во всѣхъ сочиненіяхъ натур-философскаго характера: въ *Физикѣ*, въ сочиненіи *О небѣ* и *О рожденіи и разрушеніи*; при этомъ нигдѣ не высказывается презрительнаго отношенія къ мыслителю, его представлявшему, тогда какъ Аристотель никакъ не относится къ критикамъ, которые сдерживались бы при выраженіи своей оцѣнки научнаго значенія лицъ, которыхъ ставятъ они не высоко: припомнимъ суровыя отзывы его о Гиппонѣ, Мелиссѣ, даже Ксенофанѣ. Въ *Phys. I, 6* онъ даже отдаетъ явное предпочтеніе принявшимъ вообще τὸ μεταξὺ ὕδατος καὶ πυρός (то-есть, оба среднія) передъ другими монистами на томъ основаніи, что принципы послѣднихъ сплетены съ противоположностями, и это одобреніе должно относиться къ простому среднему еще въ большей степени, чѣмъ къ составному, потому что по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія самого Аристотеля объединеніе противоположностей въ τὸ μεταξὺ должно давать среднюю качественность, стоящую, по его мнѣнію, все же въ относительной противоположности къ обѣимъ крайнимъ. И если мы при своей оцѣнкѣ взглядовъ философскихъ стали бы ру-

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

ководиться не извѣстностью или безвѣстностью мыслителей, высказывавшихъ ихъ, а научнымъ значеніемъ самыхъ этихъ взглядовъ, то признаніе началомъ простаго средняго между стихіями бытія едва ли покажется намъ ничтожнымъ. Имъ уравнивалось достоинство фактически данныхъ стихій по крайней мѣрѣ съ стороны ихъ происхожденія: всѣ онѣ одинаково оказывались вторичнымъ, производнымъ бытіемъ. Въ мыслителѣ, который говорилъ объ этомъ началѣ, нельзя не признать способности, при уясненіи послѣднихъ основаній бытія, отрѣшаться отъ чувственно конкретныхъ представленій, и при составленіи понятія объ единой сущности разнообразнаго вещества полнѣе обстригивать специфическія свойства этого разнообразнаго бытія. Среднее между стихіями вещество, чуждое ихъ противоположныхъ качествностей, есть въ существѣ дѣла общее или родовое понятіе стихіи, поставленное только какъ предметъ способный къ обособленному существованію въ мірѣ чувственномъ; по первому своему признаку то-есть, по близости къ родовому понятію стихіи, оно все же родственно Аристотелеву понятію объ ὕλη¹⁾, поэтому-то онъ, какъ было уже сказано, и останавливаетъ на немъ особое вниманіе, когда хочетъ указать отличіе своего собственнаго понятія отъ мнѣній другихъ; поэтому-то для яснаго и вполне опредѣленнаго отличенія своего взгляда на субстратъ отъ этого ученія о простомъ среднемъ онъ ставитъ только одинъ признакъ—признаваемую имъ самимъ неспособность ὕλη къ обособленному существованію, вѣчное соединеніе ея съ качествами какъ субстрата этихъ качествностей²⁾. И то

¹⁾ Gen. et. corr. I. F. 324, b. 6—7: τὴν μὲν γὰρ ὕλην λέγομεν ὁμοίως ὡς εἰπεῖν τὴν αὐτὴν εἶναι τῶν ἀντικειμένων ὁποτέρουοῦν, ὡς περ γένος ὄν.

²⁾ Ibid. II. 1. 329, a. 24—26: ἡμεῖς δὲ φαιμέν μὲν εἶναι τινα ὕλην τῶν σωμάτων τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ ταύτην οὐ χωριστὴν ἀλλ' αἰετ' ἐναντιώσεως, ἐξ ἧς γίνεται τὰ χαλοῦμενα στοιχεῖα. Если въ Metaph. I, 8, 989, b., см. выше, онъ ставитъ особенно на видъ Анаксагорова вещество какъ ближайшее къ ученію о томъ же предметѣ позднѣйшихъ (а вмѣстѣ и къ своему собственному), то это, конечно, на томъ основаніи, что *при послѣдовательномъ проведеніи* Анаксагорова ученія о веществѣ (а не въ томъ видѣ, какъ развивалось оно самимъ Анаксагоромъ), абстракція должна была идти далѣе: ученіе о простомъ среднемъ веществѣ, отрицающая въ немъ противоположности, которыми всего болѣе характеризовалось тѣло въ представленіи древнихъ, оставляло за нимъ извѣстную степень плотности, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, протяженностью и, будетъ ли то сознательно или несознательно, способность противодействовать внѣшнему напору и давленію; вещество же Анаксагора въ идеализированномъ Аристотелевомъ пониманіи οὔτε γὰρ ποῖόν τι οἶόν τε αὐτὸ εἶναι οὔτε ποσόν οὔτε τι.... τὸ ἀρίστην πρὶν ὀρίστηναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός.

основаніе, которое приводилось въ пользу чуждаго противоположностей простаго начала, именно мысль, что безконечное, имѣющее ту или другую изъ противоположныхъ качественностей, не допустить существованія качественности, себѣ противоположной, имѣло безспорно большее значеніе въ глазахъ Аристотеля: на него, какъ мы уже видѣли, онъ самъ ссылается при опроверженіи безконечнаго, имѣющаго составную природу, одна изъ частей которой была бы безконечна. Ясно, что философъ, говорившій о простомъ среднемъ началѣ, никакъ не можетъ быть названъ на столько ничтожнымъ мыслителемъ, чтобы можно было признать дѣломъ вполне естественнымъ совершенную утрату даже имени его въ исторической традиціи, которая сохранила намъ не мало именъ дѣйствительно ничтожныхъ мыслителей.

Черты, которыми отличалось его ученіе, довольно определенно, по видимому, указываютъ на періодъ, къ которому относится его жизнь. Выше мы уже сказали, что основаніе, которое приводилъ онъ противъ безконечности какой-либо изъ стихій, плохо мирится съ вѣкомъ гилозоизма; на позднѣйшее время указываетъ и слишкомъ абстрактное представленіе о веществѣ чуждомъ тѣмъ противоположныхъ качественностей, которыя для древнихъ составляли существенные признаки тѣлеснаго бытія, а еще болѣе — близость этого представленія къ Платоно-Аристотелеву ученію о веществѣ, для котораго, оно, по видимому, представляетъ естественную переходную ступень отъ представленія вещества древними, то-есть, отъ отождествленія вещества или съ одною изъ стихій, или съ объединеніемъ ихъ, будетъ ли то въ смыслѣ Анаксимандра или Эмпедокла и Анаксагора. Есть еще и особая основанія предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ философомъ, слѣдовавшимъ уже за Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. На это время указываетъ сложившееся уже ученіе о стихіяхъ, которое, какъ выше было сказано, предполагается приводимымъ у Аристотеля доказательствомъ его ученія. Еще рѣшительнѣе указываетъ на то же время то отношеніе, въ которомъ должно было стоять это ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій, веществѣ къ Анаксагорову ученію о смѣшеніи. Что оно совершенно естественно могло выродиться изъ критики послѣдняго,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Аристотель, какъ мы видѣли, сводитъ Анаксагорово понятіе о смѣшеніи къ понятію безусловно неопредѣленнаго вещества, къ своему понятію *ἄλγ*. Почему предшествующій ему мыслитель, не достигшій той высшей сту-

пени абстракции, на которой стоит Аристотель, не могъ бы сводить тоже понятие о смѣшеніи къ понятію вещества чуждаго противоположныхъ качествностей? Понятіе о смѣшеніи въ первый разъ въ системахъ Анаксагора и Эмпедокла явилось въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ философскихъ понятій и было заимствовано изъ мысли обыденной, не критической. Удивительно ли, что при первой же попыткѣ анализа оно должно было обнаружить противорѣчія, въ немъ заключающіяся? И не было никакой нужды въ критическомъ талантѣ Аристотеля для того, чтобы всплыли наружу эти противорѣчія. Аристотель самъ извѣщаетъ насъ, что понятіе смѣшенія подвергалось уже критикѣ до него ¹⁾). Критика эта говорила, что смѣшеніе разнообразнаго есть понятіе невозможное: если части разнообразнаго послѣ смѣшенія сохраняютъ свои качествности, то состояніе смѣшенія ничѣмъ не будетъ отличаться отъ состоянія не смѣшанности; если же разнообразное при смѣшеніи переходитъ въ иное бытіе, то на дѣлѣ будетъ существовать это лишь послѣднее, а разнообразное уже не существуетъ, а слѣдовательно, и смѣси какъ смѣси въ наличности опять не будетъ. Кому бы ни принадлежала эта критика понятія смѣшенія ²⁾, она могла сдѣлаться извѣстною позднѣйшимъ физикамъ и въ такомъ случаѣ должна была, совершенно естественно, перевести у кого-либо изъ нихъ Анаксагорово понятіе смѣшенія, въ которомъ ничто не должно было выдѣляться по своей качествности, въ понятіе единаго простаго чуждаго противоположныхъ бытія. Но, на оборотъ, было бы совершенно невѣроятно предположить, чтобы Анаксагоръ остановился на своемъ двусмысленномъ понятіи о смѣшеніи, еслибы уже ранѣе его была высказана мысль о простомъ бытіи такого рода. Анаксагоръ могъ имѣть позади себя Анаксимандра съ его единымъ безконечнымъ, заключающимъ въ себѣ

¹⁾ Gen. et corr. I. 10. 327. а. кон.: ἀδύνατον γάρ ἐστι μίχθῆναι τι ἕτερον ἐτέροφ καθ' ἑπὲρ λέγουσι τινες: ὄντων μὲν γάρ ἐτι τῶν μίχθέντων καὶ μὴ ἠλλοιωμένων οὐδὲν μᾶλλον ὄνν μεμίχθαι φασιν ἢ πρότερον, ἀλλ' ὁμοίως ἔχειν, θατέρου δὲ φθαρέντος οὐ μεμίχθαι, ἀλλὰ τὸ μὲν εἶναι τὸ δ' οὐκ εἶναι, τὴν δὲ μίξιν ὁμοίως ἔχόντων εἶναι: τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον καὶ εἰ ἀμφοτέρων συνελθόντων ἐφθαρται τῶν μίγνυμένων ἑκάτερον: οὐ γάρ εἶναι μεμιγμένα τὰ γε ὅλως οὐκ ὄντα.

²⁾ Прятякъ въ своемъ изданіи П. гев. х. фд. въ примѣчаніи къ цитованному мѣсту относитъ эту критику понятія смѣшенія къ позднѣйшимъ элеатамъ и именно къ Зенону, или къ старшимъ Мегарцамъ. Первое изъ этихъ предположеній вполне подходило бы къ высказываемому здѣсь взгляду: критика Зенона, который немного моложе Анаксагора, могла касаться и Анаксагоровыхъ понятій и вліять на позднѣйшихъ элеатовъ.

разнообразное. Такъ какъ яснаго различенія (сдѣланнаго лишь позднѣе Аристотелемъ) между потенциальнымъ и актуальнымъ существованіемъ быть въ то время не могло, то Анаксимандрово понятіе фактически даннаго однороднаго бытія, въ которомъ тѣмъ не менѣе предполагалось какимъ-то образомъ существующимъ или заключающимся разнородное, должно было казаться явно противорѣчивымъ и вызывать нужду поставить иначе разнородное, если считается желательнымъ сохранить мысль о его предсуществованіи въ первоначальномъ бытіи. Понятіе о смѣшеніи разнороднаго могло казаться подходящимъ для этой цѣли: оно давало дѣйствительную реальность разнообразному, и не примиримое, какъ казалось, съ этимъ разнообразіемъ понятіе единаго безконечнаго замѣняло понятіемъ нераздѣльности, слитности существованія этого разнообразнаго, не дѣлая изъ него прямо одной природы; въ то же самое время оно оставляло для мірообразовательнаго процесса почти ту же задачу—превратить эту нераздѣльность или слитность существованія въ бытіе раздѣльное, обособившееся ¹⁾). Такимъ образомъ Анаксагорово понятіе о смѣшеніи могло даже явиться въ качествѣ необходимой поправки къ Анаксимандрову понятію о безконечномъ, такъ какъ мысль о нераздѣльномъ, слитномъ существованіи разнообразнаго, имѣющаго субстанціальное бытіе, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе все же менѣе очевидное, чѣмъ мысль объ однородной природѣ, выдѣляющей изъ себя разнородное. Другое дѣло представленіе о простомъ, чуждомъ противоположностей бытіи: оно должно было сдѣлать ясными неопредѣленность и противорѣчіе, заключающіяся въ самомъ Анаксагоровомъ понятіи о смѣшеніи. Это смѣшеніе въ одно и то же время и содержало въ себѣ разнородныя качественности, такъ какъ онѣ считались вѣчными и неизмѣнными, и не содержало ихъ, такъ какъ въ смѣшеніи онѣ признавались еще не выдѣлившимися, не обособившимися другъ отъ друга; оно было, слѣдовательно, въ одно и то же время и качественно опредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ полно было самаго разнообразнаго содержанія, и безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ, такъ какъ въ дѣйствительности въ немъ не оказывалось ни одной

¹⁾ Эмпедоклъ и въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, обнаруживаетъ слабость своего философскаго таланта: давая субстанціальность разнообразному, онъ не перестаетъ въ то же время говорить объ единомъ, въ которомъ оно соединяется, никакъ не ослабляя, а дѣлая еще ярче то противорѣчіе, которое должно было обнаружиться у Анаксимандра.

качественности. И мы не видимъ у Анаксагора никакой попытки, никакого стремленія къ указанію выхода изъ этихъ противорѣчій. Все, что даетъ онъ, ограничивается понятіемъ невидѣнности качественностей. Но что разумѣть подъ этою невидѣнностью? Идетъ ли рѣчь о невидѣнности только для зрителя вслѣдствіе ничтожности частицъ, на которыя дробится смѣшанное, тогда какъ все само въ себѣ опредѣлено? Но еслибы ясно было, что ученіе Анаксагора таково именно и есть, то Аристотель не могъ бы утверждать, что Анаксагоръ хочетъ сказать, что все само въ себѣ было безусловно неопредѣленно. Подразумѣвалась ли въ самомъ дѣлѣ подъ невидѣнностью безусловная неопредѣленность всего самого въ себѣ, въ самомъ своемъ бытіи? Но въ такомъ случаѣ какъ можно было говорить о вѣчности и неизмѣнности всего, совсѣмъ не объясняя, въ какомъ смыслѣ можно приписывать эту вѣчность и неизмѣнность существованія тѣмъ качественностямъ, которыя оказываются рѣшительно не данными въ ихъ различіи другъ отъ друга? Ясно, что понятіе невидѣнности поставлено было смутно въ его сознаніи, безъ раздѣльнаго представленія признаковъ, которые даны въ этомъ понятіи. Этого-то именно не могло бы случиться, еслибы уже до него было выработано понятіе о простомъ чуждомъ противоположностей бытіи. Послѣднее необходимо сопоставлялось бы тогда въ его мышленіи съ его понятіемъ о смѣшеніи, и это сопоставленіе не могло бы не вызывать въ немъ потребности точнѣе уяснить себѣ то, что называетъ онъ общею невидѣнностью качественностей, которая вѣдь также превращала всю эту смѣсь во что-то единое и неопредѣленное, подобно тому какъ въ подобное же неопредѣленное бытіе превращало стихію лишеніе качественностей противоположныхъ качественностямъ другихъ стихій; его понятіе о невидѣнности качественностей въ смѣси должно было бы въ такомъ случаѣ носить на себѣ явные слѣды отличія своего отъ неопредѣленности единого и простаго бытія. Въ какомъ направленіи пошла бы мысль Анаксагора при такомъ различеніи смѣшенія отъ чуждаго противоположностей вещества, мы этого не знаемъ; можетъ быть, мы имѣли бы тогда качественный атомизмъ въ различіе отъ геометрическаго атомизма Левкиппа, то-есть, можетъ быть, Анаксагорово смѣшеніе превратилось бы въ хаотическое соединеніе качественно отличныхъ другъ отъ друга атомовъ, а изъ невидѣнности вышла бы простая недоступность качественностей этихъ атомовъ человѣческому воспріятію вслѣдствіе незначительности ихъ объема и разсѣянности однородныхъ атомовъ

между неоднородными; можетъ быть, его геній отличилъ бы фактическую неопредѣленность вещества отъ потенціальной его определенности, и поэтому изъ его смѣси въ различіе отъ простаго чуждаго противоположностей бытія развилось бы понятіе фактически единого, но потенціально разнообразнаго бытія, нѣчто въ родѣ Аристотелевой $\delta\lambda\eta$; можетъ быть, какое-нибудь иное направленіе приняла бы его мысль; но рѣшительно не возможно, чтобы тогда его смѣшеніе не давало никакого отвѣта на вопросъ, чѣмъ его невыдѣленность отличается отъ простой неопредѣленности единого вещества.

Дошедшія до насъ извѣстія древности говорятъ о двухъ физикахъ, младшихъ сравнительно съ Анаксагоромъ, которые, правда, судя по извѣстіямъ о нихъ, къ выдающимся мыслителямъ не относились, однако и не считались, очевидно, совершенно ничтожными мыслителями. Это были Діогенъ Аполлонійскій и Архелай, котораго называютъ ученикомъ Анаксагора. Мнѣніе Николая Дамаскена и Порфирія о томъ, что ученіе о τὸ μεταξὺ принадлежало первому изъ нихъ, было въ свое время съ достаточною основательностью опровергнуто уже Симплиціемъ ¹⁾, а историко-философскія работы новаго времени ставятъ несостоятельность догадки Дамаскена и Порфирія вѣ всякаго сомнѣнія. Къ Архелая ученіе о среднемъ веществѣ никто не относилъ, конечно, въ виду рѣшительнаго, повидимому, несоотвѣтствія подобнаго предположенія съ извѣстіями, какія мы имѣемъ о принципахъ Архелая. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь указать именно на Архелая какъ на представителя ученія о простомъ среднемъ веществѣ.

Если высказанныя выше соображенія доказываютъ, что философъ, принимавшій простое среднее вещество, не считался Аристотелемъ и не былъ дѣйствительно ничтожнымъ мыслителемъ; если поэтому дѣлается мало вѣроятнымъ, чтобы историческое преданіе совсѣмъ не сохранило его имени и какихъ-либо свѣдѣній объ его ученіи, то остается предположить, что эти свѣдѣнія постигла какая-то несчастная историческая случайность, вслѣдствіе которой они дошли до насъ въ слишкомъ искаженномъ видѣ. Внимательно всматриваясь въ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о принципахъ Архелая, мы несомнѣнно можемъ утверждать, что подобную же участь испытали и они. Совершенно справедливо не придаютъ значенія свидѣтельству Епифанія, по которому началомъ всего Архелай считалъ землю ²⁾, такъ

¹⁾ Simpl. in Phys. 151. 20—153. 24.

²⁾ Dox. Diels. 590. 1—3.

как оно не только не согласно со всеми другими известиями об Архелай, но и явно противоречит словам Аристотеля ¹⁾, который утверждает, что не было философов, признававших землю за единственную стихию, и между началами, принимавшимися физиками-монистами, перечисляет лишь огонь, воздух и воду. Все остальные свидетельства о началах, принимаемых Архелаем, можно разделить на три группы. Гипполит и Симплиций согласно говорят, что Архелай признавал те же начала, как и Анаксагор; Гипполит упоминает при этом о смешении, Симплиций о гомеомериях ²⁾. В согласии с этими свидетельствами комментатор Александр и Августин также говорят об гомеомериях, признаваемых Архелаем ³⁾. Другую группу свидетельств представляют известия Plut. Plac., Стобая, Юстина и Секста Эмпирика ⁴⁾; все они говорят о бесконечном воздухе как начале всего по Архелая. В отличие от обихих этих групп Диоген Лазертский и Гермий указывают на два начала, и именно Диоген—на теплое и сырое, называя их причинами рождения, Гермий—на теплое и холодное, называя их причинами всего ⁵⁾. Два последних известия можно, впрочем, растолковать в таком смысле, что они не будут стоять в прямом противоречии с известиями обихих первых групп. Писатели второй

¹⁾ Metaph. I. 8. 989. а. 5—6.

²⁾ Dox. Diels. Hippol. 563. 14—17: οὗτος εἶπεν τὴν μίξιν τῆς ὄλης ὁμοίως Ἀναξαγόρα, τὰς τε ἀρχὰς ὡσαύτως. Simpl. in Phys. 27. 23—28: καὶ Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς αὐτὰς ἀποδίδωσιν ἄσπερ Ἀναξαγόρας· οὗτοι μὲν οὖν ἄπειρους τῶ πλήθει καὶ ἀνομογενεῖς τὰς ἀρχὰς λέγουσι, τὰς ὁμοιομερείας τιθέντες ἀρχὰς.

³⁾ Zeller, Phil. d. Griech. 1. 927. № 1: „Alex. Aphr. De mixt. 141. b. m.: Анаксагоръ и Архелай были того мнѣнія ὁμοιομερῆ... τινα ἄπειρα εἶναι σώματα ἐξ ὧν ἢ τῶν αἰσθητῶν γένεσις σωμάτων γινομένη κατὰ σύγκρισιν καὶ σύνθεσιν, повтому оба причисляются къ тѣмъ, которые считаютъ смѣшеніе ва хаотическое соединеніе субстанціально раздѣльныхъ веществъ“. Dox. Diels. (August.) 174. 6—9: Anaxagorae successit auditor ejus Archelaus, etiam ipse de particulis inter se similibus, quibus singula quaeque fierent, ita putavit constare omnia, ut inesse etiam mentem diceret, quae corpora aeterna id est illas particulas conjungendo et dissipando ageret omnia.

⁴⁾ Ibid. 280. 9—13. Plut. Plac. и Stob: Ἀρχέλαος... ἀέρα ἄπειρον. То же ibid. выше изъ Юстина. Sext. Emp. adv. math. IX. 360: καὶ τῶν σώματα φαρμένων (τὰ τῶν ὄντων στοιχεῖα) ...ἔλεξε πάντων εἶναι ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον... Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος... ἀέρα.

⁵⁾ Diog. L. 11. 4. 37. 10—11: ἔλεγε (Архелай) δὲ δύο αἰτίαι εἶναι γένεσις, θερμὸν καὶ ψυχρὸν. Dox. Diels. 653. 26—27. Негт: καὶ μὴν οὐκ εὐδοκμεῖ Ἀρχέλαος ἀποφανόμενος τῶν ὄλων ἀρχὰς θερμὸν καὶ ψυχρὸν;

группы говорятъ о происходящихъ, по Архелая, изъ воздуха огнѣ и водѣ; въ извѣстїи Гипполита также дается значеніе водѣ и огню ¹⁾; а поэтому, если предположить, что у Діогена и Гермїя мы встрѣчаемся съ вторичными, а не первичными началами всего по ученію Архелая, то прямое противорѣчіе останется лишь между свидѣтельствами первыхъ двухъ группъ; неясными впрочемъ и въ отношеніи къ извѣстіямъ третьей группы останутся два обстоятельства: вслѣдствіе какихъ причинъ вторичныя, производныя начала заняли въ нихъ не подобающее имъ мѣсто началъ первыхъ, и какія извѣстія точнѣе выражаютъ мысль Архелая о вторичныхъ началахъ, огнѣ и водѣ, тѣ ли, которыя называютъ ихъ теплымъ и холоднымъ, или тѣ, которыя называютъ ихъ теплымъ и сырмъ ²⁾. Что касается свидѣтельствъ, принадлежащихъ къ обѣимъ первымъ группамъ, то, противорѣча одни другимъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ въ противорѣчіи и съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о космогонїи Архелая. По свѣдѣніямъ о космогоническомъ процессѣ, довольно согласно передаваемымъ Гипполитомъ и Діогеномъ Лазертскимъ, воздухъ у Архелая возникалъ изъ воды ³⁾; въ такомъ случаѣ, конечно, началомъ онъ быть не могъ. Еще рѣшительнѣе свѣдѣнія о космогоническихъ взглядахъ Архелая противорѣчатъ извѣстію о значеніи у него смѣшенія. Принимать первоначальное вещество за смѣшеніе разнообразныхъ качественностей, подобно Анаксагору, значитъ считать эти качественности непроеизводными; отсюда мірообразовательный процессъ необходимо становится процессомъ выдѣленія изъ смѣшенія существующихъ въ немъ качественностей. Гипполитъ дѣйствительно, по видимому, говоритъ объ отдѣленіи у Архелая другъ отъ друга тепла

¹⁾ Цит. см. выше.

²⁾ Последнее обстоятельство имѣетъ еще и особый интересъ въ виду того, что упоминаніе вскользь Аристотелемъ о признававшихъ за начала смрое и сухое въ *Phys. I. 5. 188. b. 33*, очевидно, возбуждало недоумѣнія у комментаторовъ; Симплицій, in *Phys. 188. 28—33*, говоритъ: καὶ τὸ μὲν θερμὸν καὶ ψυχρὸν Παρμενίδης φησὶ, τὸ δὲ ὑγρὸν καὶ ξηρὸν Ἀλέξανδρος μὲν ἦτοι αὐτὸν φησὶ εἰρηχέναι τὸν τὸ θερμὸν καὶ ψυχρὸν εἰπόντα ἢ Ἐμπεδοκλέα πρὸς τῷ νεῖκει: καὶ τῇ φιλίᾳ τὰ τέτταρα ἀρχὰς θάμενον. ὁ μὲντοι Πορφύριος οἰκειότερον εἰς Ἀναξίμενην (по Philop. in *Phys. 125 27—28: Ζενοφάνην*) τὴν δόξαν ἀνέπεμψε ταύτην εἰπόντα.

³⁾ *Dox. Diels. 563. 18—20.* Hipp: Τηχόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μεσον ρεῖν, ἐν ᾧ (καὶ) χιτακατόμενον ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν. *Diog. L. II. 4. 37. 14—16:* τηχόμενόν φησι (Архелай) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρῶδες συνίσταται, ποιεῖν γῆν καθὸ δὲ περὶ ρεῖ, ἀέρα γεννᾶν. Этотъ же взглядъ, какъ мы видѣли выше имѣется въ виду и Аристотелемъ въ *Meteor. II. 2.*

и холода ¹⁾. Но, вопервыхъ, писатели второй группы ясно и рѣшительно называютъ огонь и воду, то-есть, первое возникающее бытіе, которое должно соотвѣтствовать теплу и холоду этого извѣстія Гипполита, разрѣженіемъ и уплотненіемъ первичнаго вещества ²⁾; вовторыхъ, въ описаніи происхожденія земли и воздуха, которое даетъ самъ Гипполитъ а также и Діогенъ, ни понятія ἀκρίνεσθαι, ни какихъ-либо другихъ соотвѣтствующихъ ему понятій совершенно нѣтъ; здѣсь, на оборотъ, идетъ рѣчь о расплавленіи тепломъ или огнемъ (τηχόμενον, ἀποκαίόμενον, κατακαίόμενον), то-есть, о чисто качественномъ измѣненіи, а у Діогена обуславливаемый этимъ измѣненіемъ самый процессъ перехода воды въ воздухъ характеризуется какъ растеченіе воды во всѣ стороны (περιρρεῖ), слѣдовательно, какъ разрѣженіе ея, а переходъ ея въ землю какъ тѣснѣйшее соединеніе ея, сплотненіе (συνίσταται). Наконецъ, втретьихъ, фраза, въ которой говорится у Гипполита объ отдѣленіи другъ отъ друга тепла и холода, лишена грамматическаго смысла, она, слѣдовательно, несомнѣнно, искажена; о свидѣтельствѣ же такого рода, особенно когда оно не согласуется съ подробностями космогоническаго процесса, имъ же самимъ сообщаемыми, всегда законенъ вопросъ: проблематически даваемый ему смыслъ, какъ бы онъ ни казался вѣроятнымъ по самому тексту, отвѣчаетъ ли все же дѣйствительно его первоначальному смыслу? Изъ всего этого ясно, что извѣстія, какія мы имѣемъ о началахъ, принимаемыхъ Архелаемъ, испытали какую-то печальную судьбу, и положиться на нихъ при установкѣ его ученія нельзя.

Сравнительно наиболѣе твердый пунктъ въ разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ о философіи Архелая представляетъ послѣдовательное проведеніе теоріи разрѣженія и уплотненія въ важнѣйшихъ моментахъ космогоническаго процесса. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія фактъ, что на нее указываютъ извѣстія всѣхъ группъ иногда даже въ явное противорѣчіе съ тѣми началами, которыя они усваиваютъ Архелая. Plut. Plac. и другіе писатели той же группы прямо говорятъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженіи и уплотненіи начала. Важнѣйшіе представители первой и третьей группъ Гипполитъ и Діогенъ описываютъ происхожденіе земли и воздуха такъ, что теорія

¹⁾ Dox. Diels. 563. 16—17. Hipp: εἶναι δ' ἀρχαί τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν.

²⁾ Въ Plut. Plac., у Стобѣя и Юстина къ цитованнымъ выше словамъ прибавлено: καὶ τὴν περὶ αὐτὸν (ἀέρα) πυκνότητα καὶ μάνωσιν τούτων δὲ τὸ μὲν πῦρ τὸ δὲ ὕδωρ.

выдѣленія прямо не подходитъ къ описанію; послѣднее, на оборотъ, ясно говорить о качественномъ измѣненіи, о разрѣженіи и уплотненіи. Симплицій, который о принципахъ Архелая говоритъ почти тѣми же словами, какъ и Гипполитъ, слѣдовательно, черпаетъ изъ источника близко родственнаго источнику, которымъ пользовался Гипполитъ, не только вполне умалчиваетъ о выдѣленіи, но тутъ же употребляетъ такую фразу, которая какъ будто бы наводитъ на мысль о признаніи Архелая теоріи противоположной теоріи выдѣленія. Онъ говоритъ, что въ ученіи о происхожденіи міра и въ остальномъ Архелая отличался отъ Анаксагора ¹⁾; въ виду рѣшительнаго несогласія описаній космогоническихъ процессовъ съ теоріей выдѣленія невольно возникаетъ вопросъ: чтó разумѣть въ этихъ словахъ Симплицій подъ отличіемъ ученія Архелая отъ Анаксагорова ученія о происхожденіи міра, только ли детали мірообразовательнаго процесса или и самый способъ происхожденія разнообразнаго изъ первооснованія? Еслибы дѣло шло только о деталяхъ мірообразовательнаго процесса, почему бы Симплицію не ограничиться однимъ выраженіемъ ἐν τοῖς ἄλλοις? По крайней мѣрѣ когда онъ сообщаетъ и въ совершенно подобной же фразѣ о различіи Метродора отъ Демокрита, онъ ограничивается словами περὶ τῶν ἄλλων ²⁾, хотя въ подробностяхъ мірообразовательнаго процесса ученіе Метродора не мало отличалось отъ Демокритова. Еслибы мы захотѣли сдѣлать выводъ относительно началъ, принимаемыхъ Архелая, на основаніи извѣстій объ ученіи его о происхожденіи остального бытія, которыя по крайней мѣрѣ въ своихъ общихъ чертахъ представляютъ болѣе согласія и, слѣдовательно, все же болѣе надежны, чѣмъ противорѣчація имъ и другъ другу извѣстія о самихъ началахъ, то мы должны были бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Кто послѣдовательно проводитъ теорію уплотненія и разрѣженія въ космогоническомъ процессѣ, тотъ долженъ призывать принципомъ одно вещество, а не смѣшеніе разнороднаго. О предположеніи, что разнородныя качества существуютъ, не можетъ быть и рѣчи, если считается возможнымъ и описывается происхожденіе ихъ чрезъ качественное измѣненіе. Если, дагѣ, первыми произведеніями изъ первоначальнаго вещества признаются огонь и вода, и первый считается утонченіемъ, а вторая

¹⁾ Simpl. in Phys. 27. 23—25: καὶ Ἀρχέλαος ὁ Ἀθηναῖος ... ἐν μὲν τῇ γενέσει τοῦ κόσμου καὶ τοῖς ἄλλοις περὶ αὐτῶν τι φέρειν ἴδιον, τὰς ἀρχὰς δὲ κτλ., см. выше.

²⁾ Ibid. 28. 27—30: καὶ Μητρόδωρος δὲ ὁ Χίος ἀρχὰς σχεδὸν τι τὰς αὐτὰς τοῖς περὶ Δημόκριτον ποιεῖ... περὶ δὲ τῶν ἄλλων ἴδιαν τινὰ ποιεῖται τὴν μέθοδον.

уплотненіемъ первичнаго вещества, то само оно, несомнѣнно, должно было быть плотнѣе огня и тоньше воды. Изъ четырехъ стихій есть стихія, которая занимаетъ по своей плотности промежуточное положеніе между огнемъ и водою, это воздухъ. Но въ Архелаевой космогоніи воздухъ происходилъ изъ взаимодействія первыхъ порожденій начала, огня и воды, слѣдовательно, началомъ быть не могъ; отсюда слѣдуетъ, что само начало по своей плотности должно было занимать промежуточное мѣсто или между огнемъ и воздухомъ, или между воздухомъ и водою. Разнорѣчіе въ терминахъ, которыми обозначаются первыя возникшія изъ начала качества то какъ теплое и холодное, то какъ теплое и сырое, очевидное продолженіе той спутанности, которую видѣли мы въ извѣстїяхъ о самомъ началѣ, затрудняютъ и рѣшеніе въ одну сторону вопроса о томъ, какое именно среднее между стихіями вещество должно было подразумѣваться Архелаемъ. Но среди этой сбивчивости опять есть пунктъ довольно опредѣленный. Сказавъ о происхожденіи воздуха и земли, Гипполитъ продолжаетъ: первый стремится вверхъ, послѣдняя становится подъ нимъ, внизу ¹⁾. Но понятно само собою, и изъ Аристотеля мы знаемъ ²⁾, что за безконечное вещество, которое должно было распространяться безпредѣльно во все стороны, признавали только такое вещество, которому не усвоилось стремленія вверхъ или внизъ. Если самъ воздухъ, по Архелаю, несется вверхъ, то и среднее по плотности вещество между нимъ и огнемъ, должно было бы также стремиться вверхъ, какъ болѣе тонкое сравнительно съ нимъ, и, слѣдовательно, началомъ оно также быть не могло ³⁾. Такъ, если опи-

¹⁾ Dox. Diels. 563, 19—20. Hippol.: ἀέρα γίνεσθαι καὶ γῆν, ὡν τὸν μὲν ἄνω φέρεσθαι, τὴν δὲ ὑπίστανθαι κάτω. Это, какъ мы видѣли выше, отвѣчаетъ въ Arist. Meteor. II, 2 расширенію неба.

²⁾ Arist. Phys. III, 5, 205, а 25—29.

³⁾ Ученіе объ образованіи стихій по двѣ одновременно, сначала огня и воды, потомъ воздуха и земли, также, по видимому, предполагаетъ отнесеніе воздуха къ стихіямъ тонкимъ: естественно, что сгущенію, сплотненію одной части начала, соответствуетъ разрѣженіе, уплотненіе другой. Съ этимъ согласно также и то, что Архелай, очевидно, тончайшему усвоить значеніе активнаго начала, какъ это видно на значеніи теплаго или огня въ мірообразовательномъ процессѣ; но воздухъ, несомнѣнно, отнюдь не у него въ дѣятельнымъ началамъ; по Стобѣю, Dox. Diels. 387: Ἀρχέλαος (τὴν ψυχὴν) ἀέρῳ. По Diog. L. 37, 16—17: ἡ μὲν (ἡ γῆ) ὑπὸ τοῦ ἀέρος, ὁ δὲ (ὁ ἄρ) ὑπὸ τῆς τοῦ πυρός περιφορᾶς κρατεῖται. Отсюда же вышло, конечно, и неточное извѣстіе Стобѣя Dox. Diels. 302. 9—10: Ἀρχέλαος ἀέρα καὶ νοῦν τὸν θεὸν οὐ μέντοι κοσμοποιὸν τὸν νοῦν.

ратся на космогоническіе взгляды Архелая, нужно, по видимому, прийти къ выводу, что началомъ онъ считалъ промежуточное вещество между воздухомъ и водою, то-есть, упоминаемое Аристотелемъ простое вещество, особое отъ стихій. Можно указать на два обстоятельства, благопріятствующія этому выводу. Если мы сравнимъ космогоническій взглядъ Архелая съ подобнымъ же взглядомъ королібо изъ другихъ древнихъ философовъ, напримѣръ, Анаксимандра, къ которому обыкновенно относятъ ученіе о простомъ, особомъ отъ стихій веществѣ, то увидимъ, что у перваго на первый планъ выступаетъ борьба стихій, огня и воды, такъ что у Гиппокрита очень мѣтко мірообразовательный процессъ, въ которомъ расплавление и раскаленіе играютъ первенствующую роль, называется *πύρωσις* ¹⁾). Подобный взглядъ во всякомъ случаѣ очень хорошо подходилъ бы къ философу, который, по извѣстію Аристотеля, на разрушительныя дѣйствія стихій другъ въ отношеніи къ другу смотрѣлъ какъ на доказательство невозможности какую-либо изъ нихъ признать безконечною. Другое обстоятельство, которое можетъ также говорить въ пользу отождествленія Архелая съ философомъ, признававшимъ простое особое отъ стихій вещество, состоитъ въ томъ, что при такомъ пониманіи Архелая взгляда само собою разрѣшается другое давнее историческое затрудненіе. Всегда казалось удивительнымъ, что Аристотель нигдѣ не упоминаетъ объ ученіи Архелая. Выше мы уже видѣли, что въ *Meteor. II. 2* Аристотель имѣетъ въ виду космогонію Архелая; теперь приходимъ къ заключенію, что, если судить объ его ученіи о началахъ по извѣстіямъ о космогоническомъ процессѣ, то оказывается, что Аристотель обращаетъ вниманіе и на его метафизическіе взгляды соотвѣтственно тому значенію, какое придаетъ этимъ взглядамъ.

Однако что же мы станемъ дѣлать съ прямыми извѣстіями о началахъ, принимаемыхъ Архелемъ? Пусть на нихъ нельзя положиться вслѣдствіе ихъ взаимнаго противорѣчія и вслѣдствіе несогласія ихъ съ извѣстіями о важнѣйшихъ космогоническихъ его взгля-

¹⁾ *Dox. Diels.* 563, 20—22. Hippol.: τὴν μὲν οὖν γῆν... καίθει δ' ἐν μέσῳ οὐδὲν μέρος οὐσαν, ὡς εἰπᾶν, τοῦ παντός, ἐκθεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως. Интересно передаваемое Стобеемъ объясненіе Архелая τῶν βροντῶν, ἀστραπῶν и пр. *Ibid.* 368, 22—24: Ἀρχέλαος ταῦτο λέγει παρατίθει τὸ τῶν διαπόρων λίθων καθιζήμενων εἰς ψυχρὸν ὕδωρ πάθος, такъ что и здѣсь исходнымъ пунктомъ при объясненіи берется явленіе, которое представляетъ борьбу противоположныхъ свойствъ.

дахъ; тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ они идутъ несомнѣнно изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ и свѣдѣнія объ его космогоническомъ ученіи, а поэтому, и сами по себѣ представляя любопытную загадку, въ то же время стоятъ на пути къ твердымъ выводамъ изъ послѣднихъ. Попробуемъ всмотрѣться въ нихъ повнимательнѣе. Дилсъ разъясняетъ важное значеніе тѣхъ главъ *Philosophum*. Гипполита, къ числу которыхъ относится и глава объ Архелаѣ. Совершенно вѣрно видитъ онъ въ тождественныхъ выраженіяхъ Гипполита и Симплиція о началахъ Архелая фрагментъ изъ Теофраста. Мнѣ кажется, можно идти далѣе и указать то мѣсто въ сочиненіи Теофраста, откуда ведутъ свое происхожденіе эти выраженія. Симплицій передаетъ извѣстную выписку изъ Теофраста, въ которой сопоставляются Анаксагоръ съ Анаксимандромъ и съ которою намъ еще придется имѣть дѣло. Тождественныя выраженія Симплиція и Гипполита о принципахъ Архелая должны были слѣдовать у Теофраста тотчасъ же за этимъ мѣстомъ. На это указываютъ слѣдующія три обстоятельства. 1) Симплицій сейчасъ же за этою выпискою говоритъ: καὶ Ἀρχέλαος и т. д., употребляя здѣсь и общія у него съ Гипполитомъ выраженія объ Архелаѣ. 2) Выписка оканчивается сведеніемъ *μῆτις* Анаксагора къ *μία φύσις ἀόριστος κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος*, изъ чего выводится, что онъ принималъ *δύο τὰς ἀρχάς* и, слѣдовательно, вещественную стихію представлялъ сходно съ Анаксимандромъ. Гипполитъ разъясненіе принциповъ Архелая начинаетъ тѣмъ же понятіемъ *μῆτις*, за которымъ слѣдуетъ и *ἀρχαί*, и самое разъясненіе имѣетъ смыслъ также отождествленія но уже Архелаевыхъ принциповъ съ Анаксагоровыми; на понятіи *μῆτις* основано было у Теофраста сближеніе Анаксагора съ Анаксимандромъ; совершенно естественно, что это понятіе тотчасъ же и употреблено было въ качествѣ исходнаго пункта для новаго сближенія Анаксагора съ Архелаемъ, и слѣдъ этого остался на фразѣ Гипполита, начинающаго съ *μῆτις*; вѣрность этого послѣдняго соображенія подтверждается и тѣмъ, что при изложеніи Гипполитомъ Анаксагорова ученія, непосредственно предшествующемъ у него изложенію Архелаева ученія, слово *μῆτις* не употреблено ни одного разу. Наконецъ, 3) Климентъ Александрійскій, перечисливъ и подвергнувъ критикѣ взгляды философовъ, признававшихъ за начала стихіи, продолжаетъ: τῶν δὲ ἄλλων φιλοσόφων θεοὶ δὲ στοιχεῖα ὑπερβάντες ἐπολοπραγμόνησάν τι ὑψιλότερον καὶ περὶ τὸ ἄνω οἱ μὲν αὐτῶν τὸ ἄκρον καθόμνησαν и перечисляетъ здѣсь

Анаксимандра, Анаксагора и Архелая ¹⁾. Ясно, что въ древнемъ источникѣ, изъ котораго заимствуется эти историко-философскія свѣдѣнія Климентъ, въ противоположность философамъ, говорившимъ объ опредѣленныхъ стихіяхъ, сопоставлялись Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай, которымъ усвоилось ученіе о началѣ безконечномъ и отличномъ отъ стихій, которое могло обозначаться просто тѣмъ же словомъ: но Симплиціева выписка изъ Теофраста содержитъ подобное же по существу сопоставленіе ученій о веществѣ Анаксагора и Анаксимандра, гдѣ недостаетъ только упоминанія объ Архелай, которое Симплицій тотчасъ же дѣлаетъ отъ своего лица, отождествляя, какъ и Гипполитъ, его начала съ Анаксагоровыми, такъ что едва ли можно сомнѣваться, что первымъ образцомъ для сопоставленія всѣхъ трехъ философовъ служило это мѣсто Теофраста въ его цѣльномъ видѣ, и изъ него оно перешло въ тотъ источникъ, которымъ пользуется Климентъ. Установивъ этотъ пунктъ, обратимся теперь къ свидѣтельству Гипполита. Оно для насъ цѣннѣе Симплиціева свидѣтельства и по тому, что оно полнѣе его, и по тому, что Гипполитъ обращается къ источнику, изъ котораго обильно черпаетъ историко-философскія свѣдѣнія, никакъ не для философски экзегетическихъ цѣлей, какъ Симплицій, или второе лицо, у котораго Симплицій заимствуетъ, а для цѣлей христіански-апологетическихъ; ему нѣтъ никакой нужды добираться до точнаго смысла того или другаго извѣстія, нѣтъ нужды опускать то, что показалось бы страннымъ или непонятнымъ, перетолковывать или исправлять текстъ, если онъ даже замѣтилъ бы въ немъ что-нибудь возбуждающее недоумѣніе; онъ прямо передаетъ то, что можетъ прочесть. И онъ передаетъ въ дѣйствительности вотъ что: οὗτος (Архелай) ἔφη τὴν μίξιν τῆς ὕλης ομοίως Ἀναξαγόρα τὰς τε ἀρχὰς ὡσαύτως· οὗτος δὲ τῷ νῦν ἐνοπάρχων τι εὐθέως μίγμα, εἶναι δ' ἀρχὰς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν. Каждое изъ трехъ этихъ предложеній способно возбудить недоумѣніе. Никто не сомнѣвается, что послѣднее предложеніе лишено грамматическаго смысла, и существуетъ даже нѣсколько опытовъ поправокъ его. Но я удивляюсь, какъ не останавливается на себѣ вниманія среднее предложеніе; на него даже считаютъ возможнымъ ссылаться для доказательства того, что Архелай признавалъ, подобно Анаксагору, τὸν νοῦν, но не отдѣльный отъ вещества, какъ было то у Анаксагора, а примѣшенный къ веществу. Однако фраза

¹⁾ Cohort. ad. gent. ed. *Migne*, VIII, p. 169, A.

Гипполита этого не говорить, она говорить не о томъ, что умъ примѣшанъ къ веществу, а о томъ, что вещество находится въ умѣ; а это такой взглядъ, котораго не только Архелаю, но и никому изъ величайшихъ философовъ классическаго времени мы приписать не можемъ. И, потому, если идетъ здѣсь дѣло объ отношеніи мірозидательнаго ума къ веществу, то къ чему стоитъ здѣсь εὐθέως? Можно ли придать въ такомъ случаѣ этому предложенію какой-нибудь смыслъ, при которомъ было бы понятно существованіе этого εὐθέως? Представляется, по видимому, яснимъ по крайней мѣрѣ первое предложеніе Гипполита, которое прямо говорить о началахъ у Архелая и поэтому имѣеть наибольшую важность. Однако на дѣлѣ возбуждаетъ недоумѣніе и оно, особенно если сличить его съ соотвѣтствующею фразой Симплиція. Симплицій говорить: 'Αρχέλαος... τὰς ἀρχὰς δὲ τὰς αὐτὰς ἀποβέβαιν αἶς κερ 'Αναξαγόρας. Подъ этими ἀρχὰς Архелая мы, конечно, должны понимать одно изъ двухъ: или одни многочисленныя вещественныя начала, или ихъ вмѣстѣ съ дѣятельнымъ принципомъ, умомъ. Но Гипполитъ разрушаетъ нашу иллюзію. Когда онъ, также упоминая объ ἀρχὰς, на первомъ мѣстѣ ставитъ τὴν μίξιν, которое должно обнимать въ себѣ всѣ въ совокупности вещественныя начала, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ насъ права понимать ихъ же и подъ слѣдующимъ затѣмъ τὰς ἀρχὰς. Но кромѣ τὴν μίξιν у Анаксагора, а слѣдовательно, и у Архелая, ученіе котораго здѣсь отождествляется съ Анаксагоровымъ, въ значеніи ἀρχῆς долженъ бы остаться лишь ὁ νοῦς, который одинъ, конечно, не можетъ быть названъ ἀρχαί. Между тѣмъ существованіе слова τὰς ἀρχὰς въ древнемъ источникѣ и пониманіе подъ нимъ въ этомъ первомъ предложеніи Гипполита именно первыхъ началъ подтверждается не только фразой Симплиція, въ которой оно находится и несомнѣнно имѣеть это значеніе, но и тѣмъ, что это предложеніе должно было, очевидно, у Теофраста связывать предшествующее сличеніе началъ Анаксагора и Анаксимандра съ слѣдующимъ за тѣмъ сопоставленіемъ Анаксагора съ Архелаемъ, а въ первомъ сличеніи встрѣчается тоже слово ἀρχὰς и въ смыслѣ первыхъ началъ. Съ другой стороны, и слово τὴν μίξιν, какъ мы уже видѣли, также идетъ изъ древняго источника. Итакъ, въ древнемъ источникѣ то и другое слово было, но они должны были быть поставлены тамъ въ какое-то иное соотношеніе, и вся фраза потеряла передѣлку. Что же именно говорилось въ этомъ источникѣ? Какая явилась нужда замѣнять фразу подлинника иною фразой? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ дѣйствитель-

ный смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, очевидно, подвергшихся какому-то случайному искаженію? Разъясненный выше взглядъ Архелая на начало въ связи съ тѣмъ, что было сказано о мѣстѣ, гдѣ говорилось у Теофраста о принципѣ Архелая, даетъ намъ отвѣтъ на первые два вопроса, а исправленіе случайной и ничтожной ошибки, исказившей смыслъ дальнѣйшихъ двухъ предложеній, представитъ косвенное подтвержденіе сдѣланныхъ выводовъ. Критика понятія смѣшенія, какъ сказано было выше, явилась рано, вѣроятно, вскорѣ послѣ появленія системы Анаксагора. Она говорила, что если смѣшеніе перешло въ иное однородное бытіе, то оно уже не существуетъ на дѣлѣ, а существуетъ только это иное бытіе, а поэтому говорить о существованіи смѣшенія какъ смѣшенія уже будетъ нельзя. Если точнѣе примѣнить эту критику ко взгляду Анаксагора (она могла имѣть въ виду вмѣстѣ и другіе взгляды, напримѣръ, Эмпедокла), который говорилъ, что въ первоначальномъ смѣшеніи ни одна качественность не выдѣляется, то-есть, что смѣшеніе представляетъ что-то одинаково неопредѣленное на всемъ своемъ протяженіи, то выходило, что Анаксагорово вещество фактически не есть смѣшеніе, а чуждое противоположныхъ качественностей, то-есть, неопредѣленное со стороны этихъ качественностей бытіе. Убѣдительность этой критики нельзя было не признать, если не было выработано яснаго понятія о различіи между потенциальнымъ и актуальнымъ бытіемъ. Припомнимъ, что и Діогенъ Аполлонійскій смѣшенію уже не училъ. Но Діогенъ шелъ инымъ путемъ: онъ обратился къ Анаксименову воздуху. Ученикъ Анаксагора Архелай, который долженъ былъ сознавать силу этой критики, естественно искалъ выхода изъ затрудненія въ томъ направленіи, которое указано было самимъ Анаксагоромъ. Имѣя исходнымъ пунктомъ Анаксагорово ученіе о смѣшеніи, онъ долженъ былъ ясно и открыто высказать, что Анаксагорово смѣшеніе ничѣмъ инымъ и не могло быть кромѣ неопредѣленнаго бытія, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать началомъ однородное и простое вещество, чуждое тѣхъ противоположностей, которыя у Анаксагора предполагались слитно въ немъ существующими и изъ него выдѣляющимися. Въ интересахъ сближенія сродныхъ философскихъ мнѣній (по большому отрывку De sens. мы знаемъ, что Теофрастъ охотно дѣлалъ сопоставленія мнѣній философовъ по ихъ сходству и противоположности) Теофрастъ, указывая на Анаксагорово *μίξιν*, сводилъ его къ *μίαν φύσιν ἄοριστον κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος*; затѣмъ онъ, естественно, упоминалъ, что подоб-

нымъ же образомъ говорилъ объ этомъ смѣшеніи Архелай, что, конечно, должно было означать, что Архелай прямо признавалъ, что это смѣшеніе ничѣмъ инымъ не можетъ быть кромѣ однородной природы, совсѣмъ чуждой противоположныхъ качественностей; отсюда Теофрастъ, въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ это дѣлалъ онъ непосредственно передъ симъ относительно Анаксагора и Анаксимандра, долженъ былъ сдѣлать выводъ о тождествѣ началъ Анаксагора и Архелая. Когда древній компиляторъ дѣлалъ извлеченіе изъ Теофраста мнѣній древнихъ физиковъ, онъ замѣнилъ Теофрастовъ порядокъ изложенія своимъ; у Теофраста мнѣнія различныхъ философовъ по одному и тому же вопросу были сгруппированы вмѣстѣ и излагались особо отъ мнѣній тѣхъ же философовъ по другимъ вопросамъ: компиляторъ хотѣлъ соединить всѣ вмѣстѣ мнѣнія каждаго философа и отдѣлать ихъ отъ мнѣній другихъ философовъ. Понятно, что изложеніе Архелая мнѣнія о началахъ должно было быть вырвано изъ той связи, въ которой оно стояло у Теофраста; начальныя слова Теофраста *ὁμοίως τὴν μίξιν* въ такомъ случаѣ потребовали поясненія, о какомъ именно сходствѣ шло дѣло; тотчасъ слѣдующее за тѣмъ утверженіе о тождествѣ началъ Архелая съ Анаксагоровыми, по видимому, ясно указывало на того философа, сближеніе съ которымъ Архелая имѣется въ виду у Теофраста; для разъясненія *ὁμοίως* требовалось, казалось, лишь отнести *Ἀναξαγόρα* не ко второму только предложенію, но и къ первому, а вмѣстѣ съ тѣмъ слить оба предложенія въ одно, поставивъ для нихъ одно общее подходящее сказуемое. Эту-то передѣлку фразы Теофраста мы и имѣемъ въ первомъ изъ выше выписанныхъ предложеній Гипполита. Такъ явились другъ подлѣ друга въ качествѣ какъ будто особыхъ предметовъ *τὴν μίξιν* и *τὰς ἀρχάς* и, однако, къ удивленію, каждое съ своимъ особымъ дополненіемъ одно съ *ὁμοίως*, другое съ *ὡσαύτως*. Смыслъ подлиннаго мѣста оказался совсѣмъ затемненнымъ. Виною этому, впрочемъ, могъ быть и не одинъ только недостатокъ сообразительности или даже просто внимательности у компилятора. Не имѣя возможности восстановить фразу Теофраста въ точномъ ея видѣ, мы, конечно, не имѣемъ возможности и судить о томъ, насколько допускала она сама, при бѣглой компиляціи, возможность ея перетолкованія; но все же несомнѣнно, что дальнѣйшія два предложенія, если мы предположимъ, что ошибка, съ какою являются они у Гипполита и которая совсѣмъ исказила ихъ смыслъ, вкралась уже въ списокъ Теофрастова сочиненія, никакъ не могли указать

компилятору надлежащую дорогу, а скорѣе затемняли для него дѣло. Какъ бы это впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, есть возможность добраться до ихъ настоящаго смысла. Ихъ порчу едва ли ищутъ тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать. Если имѣть въ виду, что непонятны они оба, а не одно только изъ нихъ, то всего естественнѣе, казалось бы, предположить, что порчѣ подверглось первое слово послѣдняго предложенія εἶναι δ', такъ какъ порча въ одномъ этомъ словѣ должна была сдѣлать безсмысленными оба предложенія заразъ: это εἶναι δ' даетъ второе, совершенно излишнее сказуемое въ томъ предложеніи, къ которому оно относится, оно же замѣнило собою и то выраженіе, которое должно было связывать съ этимъ предложеніемъ предшествующее ему, и вслѣдствіе того отняло смыслъ у послѣдняго. Мнѣ кажется, въ εἶναι δ' образовалась изъ οα, а δ' есть несомнѣнно простая, древняя или позднѣйшая, вставка, которая оказалась необходимою, какъ скоро чрезъ указанное искаженіе порвана была естественная связь двухъ предложеній, и вслѣдствіе того потеряны былъ ихъ смыслъ ¹⁾. Предлагаемая поправка менѣе значительна, чѣмъ тѣ поправки, которыя предлагались къ этому мѣсту другими ²⁾; между тѣмъ она не только восстанавливаетъ грамматическій смыслъ послѣдняго предложенія, что исключительно имѣютъ въ виду всѣ другія поправки, но и даетъ возможность понять смыслъ предложенія предшествующаго, о восстановленіи котораго эти поправки совсѣмъ не заботятся. Въ исправленномъ видѣ оба эти предложенія читались бы такъ: οὗτος δὲ (ἔφη) τῷ νῶ ἐνυλάρχειν τι εὐθέως μῦμα, εἰ νοεῖ ἀρχάς τῆς κινήσεως ἀποκρίνεσθαι ἀπ' ἀλλήλων τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν. Совершенно естественное, но, какъ мнѣ кажется, совершенно ошибочное сближеніе τῷ νῶ, о которомъ говорится здѣсь, съ умомъ у Анаксагора вводило въ ошибку какъ древнихъ компи-

¹⁾ Въ старыхъ изданіяхъ *Philosoph.* δ', по видимому, не было: Брандисъ (*Handb. d. Gesch. gr. röm. Phil.* 1, 291. l.) читаетъ текстъ безъ δ'; его нѣтъ въ *Orig. op. omni. ed. Delur.*, Paris. 1739. Въ изданіи *Dunck. et Schneid.* и въ изданіи *Cruic.* при словѣ δ' ἀρχήν (вмѣсто δ' ἀρχάς) замѣчается: ἀρχήν Roer. ἀρχάς vulgo. Дальше въ *Doxogr.* читаетъ δ' ἀρχάς, но не указываетъ вариантовъ рукописей къ этому мѣсту; онъ подъ строкой даетъ лишь собственную его поправку и поправки другихъ, но здѣсь δ' какъ чья-либо поправка не отмѣчается. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что δ' есть въ рукописяхъ и во всѣхъ?

²⁾ По самой позднѣйшей изъ поправокъ, именно, поправкѣ Дильса, мѣсто должно читаться: εἶναι δὲ (δύο) ἀρχάς τῆς κινήσεως, (ἄς) ἀποκρίνεσθαι κτλ.

ляторовъ, такъ и новыхъ ученыхъ. Не о міроизводительномъ умѣ, а о человѣческой мысли, о необходимой связи въ мышленіи понятія о смѣшеніи съ понятіемъ о выдѣленіи шла рѣчь въ этомъ мѣстѣ. Сознавая необходимость свести Анаксагорово смѣшеніе къ понятію одной, чуждой противоположныхъ качествъ природы, Архелай естественно чувствовалъ потребность объяснить ту иллюзію, вслѣдствіе которой эта чуждая противоположныхъ качествъ бытіе выступало у Анаксагора въ качествѣ смѣшенія, хотя уже Анаксимандръ училъ объ единомъ началѣ, отличномъ отъ непосредственно данныхъ въ мірѣ стихій. Эта иллюзія, по его мнѣнію, возникала изъ ученія о способѣ происхожденія производнаго бытія изъ первоначальнаго, во взглядѣ на продуктивный процессъ какъ на процессъ выдѣленія. На мѣсто одной неопредѣленной природы, говорилъ Архелай, тотчасъ оказывается налично даннымъ въ мышленіи какое-то смѣшеніе (то-есть, представленіе о какомъ-то смѣшеніи), если оно (мышленіе) представляетъ, что въ качествѣ началъ движенія отдѣляются другъ отъ друга теплое и холодное, какъ думалъ Анаксагоръ¹⁾. Теофрастъ, высказавъ общую мысль, что Архелай подобнымъ же образомъ говорилъ о смѣшеніи, то-есть, смотрѣлъ на него какъ на одну неопредѣленную по виду природу, и сдѣлавъ отсюда общій выводъ о тождествѣ его ученія о началахъ съ Анаксагоровымъ, естественно, хотѣлъ разъяснить затѣмъ точнѣе отношеніе Архелая къ Анаксагорову понятію о смѣшеніи, чтобы дать представ-

¹⁾ Отсюда ясно, что, говоря объ отдѣленіи другъ отъ друга теплаго и холоднаго, Архелай имѣлъ въ виду мысль Анаксагора (Simpl. in Phys. 156, 29—30 передаетъ слова Анаксагора ἀποκρίεται... ἀπὸ τοῦ ψυχροῦ τὸ θερμόν); если теплое и холодное названы здѣсь началами движенія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что для Архелая, который отрицалъ обособленное существованіе ума, а между тѣмъ въ то же время во многомъ раздѣлялъ космогоническія воззрѣнія своего учителя, Анаксагора, должно было быть уже ясно то, на что указываетъ Plat. Phaed. 98. В, именно, что Анаксагоръ въ космогоническомъ процессѣ (за исключеніемъ перваго его акта) совсѣмъ не пользуется умомъ, и что дѣйствительными причинами у него служатъ воздухъ, огонь и пр. Въ виду этого Архелай, который, какъ было сказано, самъ признавалъ холодное и теплое активными стихіями, конечно, не чувствовалъ никакого затрудненія съ своей точки зрѣнія назвать первыя выдѣленія изъ Анаксагоровыя смѣшенія ἀρχὴς τῆς κινήσεως. Не понятое отношеніе по взгляду Анаксагора терминовъ теплаго и холоднаго, которые упоминаются въ неважныхъ предложеніяхъ, а вѣсть и смѣшеніе дѣятельныхъ стихій по Архелая (огня и воздуха) съ первыми возникшими, по его мнѣнію, стихіями (огнемъ и водою), вѣроятно, произвела и ту спутанность извѣстій о вторичныхъ началахъ, о которой говорено было выше.

леніе объ особенностяхъ его взгляда, и съ этою цѣлью приводилъ его объясненіе смѣшенія какъ неизбѣжной иллюзіи, соединенной съ теоріей выдѣленія. Само собою понятно, что при этомъ Теофрастъ долженъ былъ прибавить, что самъ Архелай объяснялъ уже инымъ образомъ происхожденіе міра изъ безконечнаго (Симплиціево ἐν μὲν γένεσι τοῦ κόσμου... παρὰ τὴν τὴν φέρειν ἴδιον), точно такъ же, какъ и изъ другихъ мѣстъ его сочиненія, гдѣ говорилось о космогоническихъ мнѣніяхъ древнихъ, было ясно, что способъ происхожденія всего по Архелая состоитъ въ разрѣженіи и уплотненіи первоначальнаго вещества. Этимъ объясняются другія двѣ редакціи извѣстій о началахъ у Архелая Симплиціева съ Александровой и Plat. Plac. съ средними ей Стобэевой и др. Когда смыслъ главнаго извѣстія Теофраста объ Архелая въ древней компиляціи былъ затемненъ передѣлкой одной фразы и случайнымъ искаженіемъ другой, было совершенно естественно авторамъ, пользовавшимся этою компиляціей, изъ полнаго извѣстія брать только фразы, которыя не представляли сомнѣнія по своему смыслу, то-есть, фразы о тождествѣ началъ Архелая съ Анаксагоровыми и о какой-то особенности перваго въ ученіи о происхожденіи міра; а изъ тождества началъ съ Анаксагоровыми сдѣлалось затѣмъ и прямо ученіе о гомойомеріяхъ. Авторъ, извѣстія котораго объ Архелая лежатъ въ основаніи извѣстій Plut. Plac. и пр., хотѣлъ, очевидно, выйдти изъ неприятнаго положенія, созданнаго мало-помалу накопившимися уже противорѣчіями въ свѣдѣніяхъ объ Архелая, сдѣлавъ самостоятельное заключеніе о началѣ, имъ принимаемомъ, на основаніи свѣдѣній объ его космогоніи, также, вѣроятно, шедшихъ первоначально отъ Теофраста; изъ нихъ онъ узнавалъ, что первыя порожденія начала, огонь и вода возникали — первый чрезъ разрѣженіе, послѣдняя чрезъ уплотненіе начала, и отсюда онъ заключилъ, что само начало должно было быть воздухомъ, то-есть, стихіей среднею по плотности между огнемъ и водою; ясный слѣдъ такого именно происхожденія этого мнѣнія лежитъ на самомъ извѣстіи писателей, его сообщающихъ, такъ какъ они тотчасъ же за этимъ извѣстіемъ упоминаютъ объ огнѣ и водѣ какъ разрѣженіи и уплотненіи воздуха. Что касается, наконецъ, редакціи извѣстій объ Архелаявомъ началѣ, сообщаемыхъ у Діогена и Гермія, то происхожденіе ея совершенно объясняется стремленіемъ какого-либо древняго составителя біографій, какимъ между прочимъ несомнѣнно пользовался Діогенъ по выводамъ Дильса, отдѣлаться отъ темнаго и запутаннаго вопроса, начавъ изложеніе ученія Архелая прямо со взгляда его на вторичныя

начала. Однако и при всемъ разнорѣчии извѣстій объ ἀρχή Архелая остается слѣдъ того пониманія его, по которому считалось удобнымъ вслѣдствіе его отличія отъ конкретно опредѣленныхъ, данныхъ въ опытѣ предметовъ, назвать его просто τὸ ἄπειρον подобно ἀρχή Анаксимандра. Этотъ слѣдъ живо чувствуется въ сведеніи у Климента принципа Архелая вмѣстѣ съ принципами Анаксимандра и Анаксагора къ τὸ ἄπειρον, которое противопоставляется опредѣленнымъ стихіямъ. Тотъ же слѣдъ, хотя и очень слабый, можно примѣтить въ извѣстіяхъ писателей второй группы, когда они къ ἀήρ, который они называютъ ἀρχή Архелая, прибавляютъ ἄπειρον, чего они не дѣлаютъ, говоря о воздухѣ Анаксимена, хотя несомнѣнно безконечнымъ считался и онъ. Совершенно особымъ образомъ проявляется подобный же слѣдъ у Діогена: очень не систематически изложивъ взгляды Архелая, касающіеся довольно разнообразныхъ предметовъ, онъ неожиданно прибавляетъ καὶ τὸ πᾶν ἄπειρον. Таковы ближайшія причины разнорѣчія и ошибочныхъ показаній позднѣйшихъ писателей о принципѣ Архелая. Этими ближайшими причинами не ограничивается все дѣло. Есть еще одно условіе, безъ котораго и эти причины не получили бы важнаго значенія и вся запутанность вопроса не объ Архелая только, но и объ Анаксимандрѣ была бы невозможна. Это условіе станетъ для насъ ясно изъ слѣдующей главы.

Взглядъ Теофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго.

О взглядѣ Теофраста на природу Анаксимандрова безконечнаго мы можемъ заключать, во первыхъ, по той выпискѣ Симплиція изъ Теофраста, въ которой сближается Анаксагорово ученіе съ Анаксимандровымъ, и, во вторыхъ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ писателей объ Анаксимандровомъ безконечномъ, не упоминающихъ, правда, о Теофрастѣ, но несомнѣнно зависящихъ отъ его сочиненія. Въ Симплицевой выпискѣ мы имѣемъ подлинныя слова Теофраста, однако взятая не изъ того мѣста Теофрастова сочиненія, гдѣ рѣчь шла прямо объ Анаксимандрѣ, но высказанная по случаю изложенія Анаксагорова ученія. Въ основаніи позднѣйшихъ ученій лежитъ, конечно, извѣстіе Теофраста, непосредственно касавшееся Анаксимандра, но оно прошло уже черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ явилось въ сочиненіяхъ большинства дошедшихъ до насъ писателей.

Разъяснивъ, какъ обыкновенно полагаютъ, по Теофрасту ученіе

о началахъ, принимаемыхъ Анаксагоромъ, то-есть, о гомойомеріяхъ и умѣ, Симплицій указываетъ между прочимъ на то, что по взгляду Анаксагора на вещество все существуетъ во всемъ, а частныя вещи получаютъ опредѣленность по частицамъ въ нихъ преобладающимъ. Подтвердивъ это ученіе собственными словами Анаксагора, Симплицій тотчасъ за тѣмъ продолжаетъ такъ ¹⁾: и этому—говорить Теофрастъ—скодно съ Анаксимандромъ учить Анаксагоръ, ибо первый (ἐκεῖνος) говоритъ, что при раздѣленіи безконечнаго сродное несется другъ къ другу, и такъ какъ во всемъ (ἐν τῷ παντί) ²⁾ существовало золото, возникаетъ золото, такъ какъ существовала земля, возникаетъ земля, равнымъ образомъ и все остальное, какъ бы оно не рождалось вновь, а существовало ранѣе (въ томъ, изъ чего возникаетъ); въ качествѣ же причины движенія и рожденія прибавилъ (уже) Анаксагоръ умъ, чтобы (?) раздѣляемое имъ вещество породило

¹⁾ Simplic. in Phys. 27. 11—23: καὶ ταῦτά φησιν ὁ Θεόφραστος παραπλησίως τῷ Ἀναξίμανδρῳ λέγειν τὸν Ἀναξαγόραν ἐκεῖνος γάρ φησιν ἐν τῇ διακρίσει τοῦ ἀπείρου τὰ συγγενῆ φέρεσθαι πρὸς ἀλλήλα, καὶ ὅτι μὲν ἐν τῷ παντί χρυσὸς ἦν, γίνεσθαι χρυσόν, ὅτι δὲ γῆν, γῆν ὁμοίως δὲ καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον, ὡς οὐ γινόμενων ἀλλ' ἐνυπαρχόντων πρότερον· τῆς δὲ κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἰτίον ἐπέστησε τὸν νοῦν ὁ Ἀναξαγόρας, ὅφ' οὗ διακρινόμενα τοὺς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν. (Дальнѣйшее Симплицій приводитъ также и въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на τὴν Φυσικὴν ἱστορίαν Теофраста, *ibid.* 154. 15—24. Мы отмѣчаемъ варианты въ скобкахъ) καὶ οὕτω μὲν (οὖν), φησί, λαμβανόντων δόξαιεν ἂν ὁ Ἀναξαγόρας (ὁ Ἀναξ. нѣтъ, ибо имя Анаксагора упоминается въ словахъ, непосредственно предшествующихъ выпискѣ) τὰς μὲν ὕλικὰς ἀρχὰς ἀπείρους ποιεῖν (ὡσπερ εἰρηται), τὴν δὲ τῆς κινήσεως καὶ τῆς γενέσεως αἰτίαν μίαν τὸν νοῦν (τὸν νοῦν нѣтъ). εἰ δὲ τις τὴν μίαν τῶν ἀπάντων ὑπολάβοι μίαν εἶναι φύσιν ἀόριστον καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος (ὅπερ ἂν δόξειε βούλεσθαι λέγειν) συμβαίνει δύο τὰς ἀρχὰς αὐτὸν λέγειν τὴν τε τοῦ ἀπείρου φύσιν καὶ τὸν νοῦν ὥστε (πάντως) φαίνεται τὰ σωματικὰ στοιχεῖα παραπλησίως ποιῶν Ἀναξίμανδρῳ.

²⁾ Въ приведенныхъ Симплиціемъ передъ этою выпиской словахъ Анаксагора ἐν παντί παντός μοῖρα ἔνεστι „все“ означаетъ всякое или каждое въ частности бытіе, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ словахъ Теофраста ὅτι ἐν τῷ παντί χρυσὸς ἦν „все“ означало также каждое бытіе въ частности, а не τὸ πᾶν въ смыслѣ всеединого: рѣчь идетъ у него о раздѣленіи не безчисленныхъ вещей, а (единого) безконечнаго, изъ котораго онѣ возникаютъ, и которое есть, слѣдовательно, τὸ πᾶν, въ которомъ онѣ преисшествуютъ. Когда Симплицій предъ своею выпиской изъ Теофраста характеризуетъ взглядъ Анаксагора даже не его собственными словами, а своими, заимствуя, конечно, свое объясненіе изъ Теофраста, онъ говоритъ πάντων μὲν ἐν πᾶσι (а не ἐν τῷ παντί) ὄντων. Въ каждой изъ частицъ τοῦ ἀπείρου содержится, конечно, все разнообразіе качествъ, только эти частицы не отличны одна отъ другой, а воцѣлы однородны.

міры и природу остальнаго бытія ¹⁾. Правда ²⁾, говорить Теофрастъ, даже когда такъ принимаютъ, казалось бы, что Анаксагоръ признаетъ вещественныя начала безчисленныя, единою же считаетъ причину движенія и рожденія—умъ; но если понять, что смѣшеніе всего есть единая природа неопредѣленная какъ по виду, такъ и по величинѣ, то выходитъ, что онъ говоритъ о двухъ (только) началахъ, о природѣ безконечнаго и объ умѣ, такъ что оказывается, что тѣлесныя (вещественныя) стихіи представляеть онъ сходно съ Анаксимандромъ⁴. Въ первой половинѣ этой выписки Анаксимандру приписывается ученіе о томъ, что раздѣленіе безконечнаго сопровождается возникновеніемъ разнообразнаго бытія, на которое поэтому нельзя смотрѣть какъ на возникающее въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оно предполагалось предсуществующимъ уже въ самомъ безконечномъ. Во второй сближеніе безчисленныхъ началъ Анаксагора съ безконечнымъ Анаксимандра, не смотря даже на предсуществованіе въ послѣднемъ разнообразнаго содержанія, признается возможнымъ лишь подъ условіемъ сведенія вещества Анаксагора къ *μία φύσις*. Этимъ показывается, что безконечное Анаксимандра, не смотря на предсуществовавшее въ

¹⁾ Вызываетъ недоумѣніе слово *ἐγέννησαν* въ фразѣ *ὅφ' οὗ διακρινόμενα τοὺς τε κόσμους καὶ τὴν τῶν ἄλλων φύσιν ἐγέννησαν*. Дилсъ въ *Dox.* 479 по нѣкоторымъ кодексамъ исправляетъ его въ *ἐγέννησεν*, но въ своемъ изданіи *Simpl. in Phys.* вновь ставитъ *ἐγέννησαν*, вѣроятно, въ виду того, что *ἐγέννησεν* нѣкоторыхъ кодексовъ обнаруживаетъ поправку изъ *ἐγέννησαν*. Видѣть съ тѣмъ въ той же фразѣ страннымъ представляется слово *τοὺς κόσμους*, такъ какъ Анаксагоръ, по видимому, признавалъ единство міра, что утверждаетъ и самъ Симплицій *in Phys.* 178. 25—26. По видимому, текстъ этой фразы испорченъ.

²⁾ Во второй редакціи этого мѣста къ *μὲν* присоединено *οὖν*. Если этому соединенію частицъ придавать здѣсь значеніе (какъ это встрѣчается не только при отвѣтахъ на вопросъ въ діалогахъ *Plat. Crit.* 44. В. *Gorg.* 446. А. Е, но и при монологической формѣ рѣчи, напримѣръ, *Arist. Rhet.* II. 23. 1399. 15. 23) поправки, ограниченія передъ тѣмъ высказанной мысли, то оно здѣсь было бы допустимо, предполагая, конечно, что даже слѣдующее *δέ* (*αὶ δέ τις κτλ*) имѣетъ смыслъ снятія этого ограниченія. Судя по большому отрывку изъ Теофраста *De sens.*, Теофрастъ очень охотно употреблялъ *μὲν οὖν* при переходахъ отъ изложенія взглядовъ того или другаго философа къ ихъ опроверженію (см. *Dox. Diels.* 512. 11; 513. 28; 522. 26); во всякомъ случаѣ, хотя при этомъ употребленіи это соединеніе частицъ и можетъ быть толкуемо въ смыслѣ перехода къ новой мысли, въ немъ слышится все же нѣкоторое противоположеніе новаго предсущствующему; это, по видимому, подтверждается и тѣмъ, что въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, гдѣ *μὲν οὖν* было употребить неудобно, такъ какъ это именно соединеніе частицъ употреблено было въ заключенія изложенія взгляда, подлежащаго критикѣ, оно замѣнено частицей *δέ* (528. 28).

немъ (до его раздѣленія) разнообразіе, было *μία φύσις*. Если выразить эти мысли въ Аристотелевыхъ терминахъ, то это будетъ означать, что безконечное Анаксимандра было *ἐν ὁμοιομερέις*, хотя и *ζώνδεται*. Самая связь мыслей въ этомъ отрывкѣ очень напоминаетъ связь мыслей въ важнѣйшемъ извѣстнн Аристотеля объ Анаксимандрѣ въ *Phys. I. 4*. Въ *Phys. I. 4*. учение *ἐξ ἑνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι*, приписываемое непосредственно Анаксиманду, переносится тотчасъ затѣмъ на (Эмпедокла и) Анаксагора: въ отрывкѣ Теофраста также устанавливается сходство Анаксагорова ученія съ Анаксимандровымъ, понятымъ въ этомъ именно смыслѣ. Аристотель, перенося на Анаксагора Анаксимандрово ученіе о видѣленіи изъ единого, характеризуетъ при этомъ Анаксагора какъ философа, принимавшаго *ἐν καὶ πολλὰ*, то-есть, ставить на видъ, что онъ особо полагалъ единое и особо—многое и, слѣдовательно, вещество превратилъ въ многое, и эта черта ученія Анаксагора (и Эмпедокла) вызываетъ Аристотеля на разъясненіе права приписывать ему видѣленіе изъ единого: въ соотвѣтствіе съ этимъ Теофрастъ говоритъ, что Анаксагоръ прибавилъ *τὸν νοῦν* (къ безконечному Анаксимандра), то-есть, Аристотелево *ἐν*, и также приводитъ возраженіе противъ сближенія ученія обоихъ философовъ, основанное на безчисленности вещественныхъ началъ у Анаксагора. Аристотель разъясняетъ возможное недоумѣніе, указывая на смѣшеніе вещества у Анаксагора: и Теофрастъ разрѣшаетъ возраженіе, разъясняя, что смѣшеніе есть единая природа. На отрывокъ Теофраста можно смотрѣть какъ на комментарий слишкомъ сжато выраженной мысли Аристотеля.

Въ борьбѣ мнѣній относительно природы Анаксимандрова безконечнаго слова Теофраста, приводимыя Симплиціемъ, обращали на себя особенное вниманіе и подвергались разнообразнымъ толкованіямъ. Ученые, которые смотрѣли на это безконечное, какъ на хаотическое смѣшеніе, видѣли въ первой половинѣ Симплиціевой выписки рѣшительное подтвержденіе своего мнѣнія. Но этотъ взглядъ стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ послѣднею половиною ея, въ которой сведеніе Анаксагорова вещества къ *μία φύσις* ставится условіемъ сближенія его съ началомъ Анаксимандра. Съ другой стороны, историки, ставившіе на видъ это противорѣчіе, признавая простоту этого начала, не могли не чувствовать затрудненія при объясненіи первой половины отрывка. Отсюда возникло и твердо поддерживается и доселѣ мнѣніе, что подъ *ἐκεῖνος*, которому въ этой половинѣ приписывается ученіе о раздѣленіи безконечнаго и о предсуществованіи въ

немъ всего остального бытія, разумѣется не Анаксимандръ, а Анаксагоръ, хотя такое толкованіе ἐκείνος противорѣчитъ и обычному употребленію этого слова, и грамматическому правилу, опредѣляющему исключенія изъ этого обычнаго словоупотребленія, такъ какъ имя Анаксагора въ текстѣ стоитъ ближе имени Анаксимандра къ ἐκείνος и такъ какъ оно ближе и къ мысли Теофраста какъ главный предметъ его рѣчи, въ которую Анаксимандръ вводится лишь для сравненія съ нимъ ¹⁾. Важнѣйшій мотивъ, который долженъ оправдывать это удивительное, такъ сказать, исключеніе изъ исключенія состоитъ въ противорѣчии понятія смѣшенія, которое будто бы въ этихъ словахъ приписывается ἐκείνῳ съ понятіемъ μία φύσις, упот-

¹⁾ Нейгаузеръ, An. M. 48—49, не отрицаетъ, что исключенія изъ обычнаго употребленія ἐκείνος встрѣчаются въ древней литературѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ближайшее къ нему по мѣсту понятіе есть въ то же время болѣе отдаленное въ отношеніи къ мысли лица, употребляющаго въ своей рѣчи слово ἐκείνος; но онъ думаетъ, что представленіе объ Анаксимандрѣ, явившееся въ мысли Теофраста для сравненія съ Анаксагоромъ, должно чрезъ это сдѣлаться болѣе близкимъ къ ней, чѣмъ представленіе объ Анаксагорѣ. Нейгаузеръ не представляетъ примѣровъ, подтверждающихъ его мысль; однако дѣйствительное употребленіе слова ἐκείνος при сравненіяхъ одного предмета съ другимъ никакъ не оправдываетъ его взгляда, сл. Arist. Metaph. I. 4. 985. a. 14—15; De Meliss. Xen. et Gorg. 11. 975. b. нач.; Plat. Quaest. conv. VIII. 8. 4. p. 981. 9—10; и вообще едва ли можно сомнѣваться, что главный предметъ рѣчи долженъ быть ближе къ мысли говорящаго, чѣмъ предметъ, упоминаемый для сравненія съ нимъ. Целлеръ Phil. d. Gr. 1. 193 № 3, отрицаетъ всеобщность самаго правила для исключеній изъ обычнаго употребленія слова ἐκείνος; въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на Arist. Metaph. XII. 7. 1072. b. 23; ibid. X. 2. нач. Plat. Phaedr. 233. E. Но все эти примѣры не на столько ясны и рѣшительны, чтобы на основаніи ихъ можно было отрицать правильность обобщенія, оправдываемаго многочисленными примѣрами. Въ Plat. Phaedr. 233. E. проσαγορεύεας, на которое указываетъ ἐκείνος, стоитъ, правда, ближе къ ἐκείνοι, чѣмъ φίλους, и составляетъ ближайшій предметъ рѣчи; но оба эти понятія вводятся лишь за тѣмъ, чтобы приравнять къ нимъ—именно къ проσαγορεύεας; испытывающихъ страстное влеченіе, къ φίλους, не испытывающихъ такого влеченія, а къ послѣднимъ относитъ себя лицо говорящее, и это составляетъ причину, по которой проσαγορεύεας оказываются далѣе отъ него, такъ что примѣненіе къ нимъ ἐκείνοι не нарушаетъ правила. Это случай въ существѣ дѣла аналогичный съ Plat. Phaedr. 233. A. и съ Sext. Rurr. 1. 213, а на оба послѣднія мѣста, извѣстныя Целлеру, онъ не считаетъ возможнымъ сослаться для подтвержденія своей мысли. Что касается Metaph. XII. 7. 1072. b. 23, то это мѣсто относится къ такимъ неяснымъ мѣстамъ, на которыя едва ли можно сослаться при установленіи грамматическихъ правилъ и исключеній изъ нихъ; во всякомъ случаѣ мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что ἐκείνο здѣсь указываетъ не на какое-либо изъ понятій предшествующаго

требленнымъ Теофрастомъ во второй половинѣ цитаты ¹⁾. Однако на самомъ дѣлѣ ни о какомъ смѣшеніи, а тѣмъ болѣе о смѣшеніи въ

этому слову предложенія, а на общій предметъ изслѣдованія этой главы, на неподвижнаго двигателя, который обозначается этимъ же словомъ нѣсколько строкъ выше (ὄψω γάρ ἀεὶ ἐκείνῳ ἐστίν); какъ тамъ ему приписывается вѣчная, такъ здѣсь ему же приписывается совершеннѣйшая энергія мысли сравнительно съ человѣческой мыслью; непосредственно же предшествующее слову ἐκείνῳ предложеніе, устанавливающее различіе между τὸ βεβηκὸν τοῦ νοῦτος ἢ ἐνεργεί, кажется мнѣ однимъ изъ вводныхъ разъясненій послыши, изъ которой выводится совершенство энергіи ἐκείνου. Въ Metaph. X. 11 послѣ установленія дилеммы между взглядами на единое Пифагорейцевъ и Платона съ одной стороны и физиковъ—съ другой и послѣ краткаго указанія на частныя разногласія послѣднихъ между собою, Аристотель имѣетъ непосредственно дѣло со взглядами первыхъ и въ связи съ опроверженіемъ ихъ развиваетъ свое собственное мнѣніе; это показываетъ, что вниманіе Аристотеля во всемъ этомъ разсужденіи обращено на опроверженіе Пифагорейско-Платонова взгляда, который и составляетъ главный предметъ его мысли, а физики введены при установкѣ вопроса лишь какъ историческіе представители неизбежнаго втораго члена дилеммы, которые теперь не останавливаются на себѣ его вниманія со стороны специальныхъ особенностей въ развитіи принадлежащаго имъ взгляда, а потому, конечно, они для него ἐκείνοι. Дилемма въ своемъ изданіи Simpl. in Phys. въ примѣчаніи къ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста указываетъ на одинъ случай у Симплиція (ibid. 131. 16), гдѣ ἐκείνος отнесенъ къ ближайшему понятію. Но самое значеніе этого примѣра, слѣшкомъ поздняго, если дѣло идетъ о времени Теофраста, обуславливается принятіемъ Дильсова предположенія, что слово τὸν Ἀναξαγόραν, стоящее непосредственно передъ ἐκείνος, есть вставка самого Симплиція въ слова Теофраста. Впрочемъ и сходство между примѣромъ, приводимымъ Дильсомъ, и случаемъ, о которомъ идетъ рѣчь, возбуждаетъ большое сомнѣніе: Александръ, къ которому отнесено ἐκείνος въ этомъ примѣрѣ, правда, ближайшее по мѣсту къ ἐκείνος понятіе, но не главный предметъ рѣчи въ этомъ мѣстѣ Симплиція, а находится въ придаточномъ предложеніи, которое къ тому же не стоитъ въ прямой логической связи съ предложеніемъ, содержащимъ ἐκείνος. У Симплиція встрѣчаются мѣста, гдѣ при изложеніи мнѣнія того или другаго философа въ интересахъ разъясненія его указывается на мнѣнія другихъ философовъ, подобно какъ въ отрывкѣ Теофраста; когда тотчасъ за предложеніемъ, высказывающимъ такое сопоставленіе, является необходимость указать на философа, привлеченнаго лишь для сопоставленія съ другимъ, у него встрѣчается ἐκείνος даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ этотъ философъ поименованъ былъ послѣ того лица, для сличенія съ которымъ упоминался, следовательно, ближе по мѣсту къ ἐκείνος, Simpl. in Phys. 28. 7; 34. 5; но когда за предложеніемъ, содержащимъ сопоставленіе, должно слѣдовать указаніе на главный предметъ рѣчи, является ὄψω даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ предметъ болѣе удаленъ отъ ὄψω, чѣмъ привлеченный для сравненія съ нимъ, ibid. 25. 4 и 21, а равно оба предш. цит., гдѣ ὄψω слѣдуетъ за ἐκείνος.

¹⁾ Это доводъ общій, который или прямо высказывается, или подразумевается всеми, относящими первую часть Теофрастова отрывка къ Анаксагору.

Анаксагоровомъ смыслѣ Теофрастъ здѣсь не говоритъ; онъ говоритъ о безконечномъ, въ которомъ предсуществуетъ (*ἐνοπαρχούτων πρῶταρον*) разнородное, возникающее при его раздѣленіи, точно также какъ Аристотель, характеризуя взглядъ Анаксимандра, говоритъ объ единомъ, изъ котораго возникаютъ существующія въ немъ противоположности. Важнѣйшее различіе между тѣмъ и другимъ извѣстіемъ сводится къ тому, что названное у Аристотеля противоположностями у Теофраста обозначается какъ земля, золото и остальное. Но, съ одной стороны, несомнѣнно, что Аристотель во всемъ своемъ разсужденіи о числѣ началъ, къ которому относится и это извѣстіе, и даже въ самомъ этомъ извѣстіи употребляетъ понятіе противоположности въ такомъ широкомъ смыслѣ, что тѣмъ же словомъ называются не только стихіи Эмпедокла, но и гомойомеріи Анаксагора, то-есть, все качественно отличное другъ отъ друга. Съ другой стороны, при разъясненіи Анаксимандрова ученія о выдѣленіи мы уже видѣли, что Анаксимандръ понятіе выдѣленія примѣнялъ не къ теплomu только и холодному, а пользовался имъ вообще въ космологическомъ процессѣ, такъ что теплое и холодное также должны были, по его

Но приводилась различными лицами и особая основанія для доказательства той мысли, что взгляды, приписываемые *ἐχεινφ* не могутъ принадлежать Анаксимандру. Лютце, *Ueb. Arist. An. 70. № 5*, ссылается между прочимъ на то, что Симплицій въ словахъ, предшествующихъ выпискѣ изъ Теофраста, говоритъ (конечно, по Теофрасту же), что Анаксагоръ первый высказалъ тотъ взглядъ, который долженъ быть отнесенъ къ Анаксимандру, если отождествлять послѣдняго съ *ἐχεινφ*. Но Симплицій ясно опредѣляетъ, чѣмъ Анаксагоръ отличался отъ предшественниковъ; *Synpl. in Phys. 27. 2—5*: 'Αναξαγόρας... πρῶτος μετέστηρε τὰς περὶ τῶν ἀρχῶν δόξας καὶ τὴν ἑλλείπουσαν αἰτίαν ἀνεπλήρωσε (то-есть, τὸν νοῦν), τὰς μὲν σωματικὰς ἀπειροὺς ποίησε, ἢ ἐχεινφ не приписывается ни ученія о ноῦς, ни ученія о безчисленности вещественныхъ началъ. Лютце *ibid.*, и Нейгәузеръ, *An. M. 48—49*, вообще указываютъ на слишкомъ полное совпаденіе взгляда разъясненнаго въ первой части отрывка съ тѣмъ, что извѣстно объ ученіи Анаксагора; но въ то же время они вынуждены особо объяснить возможность отнести къ веществу Анаксагора употребленный тамъ терминъ τὸ ἀπειρον, а не τὰς ἀπειροὺς ἀρχάς, сознавая, что первое названіе точнѣе подходило бы къ безконечному Анаксимандра; сходство между обоими взглядами, конечно, было, объ этомъ можно заключать не изъ Теофраста только, но и изъ Аристотеля, и если оно простиралось и на нѣкоторыя частности, то это совершенно естественно, такъ какъ взгляды позднѣйшихъ еглогосовъ всегда развивались на почвѣ, подготовленной ихъ предшественниками. Целлеръ, *Phil. d. Gr. 1. 197. № 3*, находитъ отрывокъ безсвязнымъ, если подъ *ἐχεινφ* понимать Анаксимандра, но это лишь потому, что онъ на предложеніе καὶ οὕτω μὲν κατὰ. смотритъ не какъ на ограниченіе предшествующаго, а какъ на выводъ изъ него.

взгляду, содержать въ себѣ много разнороднаго, слитаго въ нихъ къ единству, подобно тому какъ они сами сливались въ единствѣ природы безконечнаго. Отсюда указанное различіе въ извѣстіяхъ Аристотеля и Теофраста теряетъ значеніе, и разумѣть подъ ἐχεινός Анаксагора не оказывается никакого повода. На оборотъ, относить ἐχεινός къ Анаксагору, помимо грамматической несообразности, запрещаютъ и другія соображенія. Относя ἐχεινός къ Анаксагору, мы должны на фразу καὶ οὕτω μὲν... μίαν τὸν νοῦν, въ которой устанавливается возраженіе противъ отождествленія началъ Анаксагора и Анаксимандра, смотрѣть какъ на выводъ изъ первой половины отрывка, а слѣдовательно, должны думать, что эта половина имѣетъ своею цѣлью разъяснить или мотивировать это возраженіе, какъ это и дѣлается авторами, относящими ἐχεινός къ Анаксагору. Но это мотивированіе представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ непосредственно передъ тѣмъ Симплицій и, какъ обыкновенно полагаютъ по Теофрасту же, дѣлалъ изложеніе Анаксагорова ученія, которое разъясняетъ эти затрудненія гораздо яснѣе и точнѣе, чѣмъ разъясняетъ ихъ то, что приписано ἐχεινός; тамъ не только опредѣленіе и рѣшительнѣе говорилось о нерожденности и неразрушимости составныхъ элементовъ всякаго бытія по ученію Анаксагора и о призрочности рожденія и гибели, но прямо приписывалось ему ученіе о τὰς σωματικὰς ἀρχὰς ἀπειρούς¹⁾ (какъ это дѣлается въ извѣстіяхъ объ Анаксагорѣ у всѣхъ доксографовъ), тогда какъ ἐχεινός приписывается лишь ученіе о τὸ ἄπειρον — терминъ очень неточный для обозначенія Анаксагорова вещества. Последнее обстоятельство имѣетъ особое самостоятельное значеніе. Выше мы видѣли, что есть случаи (при критикѣ теоріи безконечнаго), гдѣ Аристотель считаетъ возможнымъ въ извѣстномъ относителномъ смыслѣ назвать вещество Анаксагора ἄπειρον, и нѣтъ ничего невозможнаго, что подобнымъ же терминомъ въ томъ же, конечно, смыслѣ могъ бы въ какомъ-либо исключительномъ случаѣ воспользоваться и Теофрастъ. Но предположить, что Теофрастъ употребилъ этотъ терминъ въ этомъ именно мѣстѣ, всего неудобнѣе. Удобно ли предположить, чтобы, мотивируя, то-есть, имѣя цѣлью особенно поставить на видъ различіе ученія Анаксагорова о веществѣ отъ Анаксимандрова, онъ назвалъ первое τὸ ἄπειρον, то-есть, терминомъ,

¹⁾ 27. 4—7: τὰς μὲν σωματικὰς (ἀρχὰς) ἀπειρούς ποιήσας· πάντα γὰρ τὰ ὁμοιομερῆ... ἀγένετα μὲν εἶναι καὶ ἄφθαρτα, φαίνεσθαι δὲ γινόμενα καὶ ἀπολλύμενα συγκρίσει καὶ διακρίσει μόνον.

который прямо скрадываетъ это различіе? Вѣдь это различіе въ томъ и состоитъ, что одинъ признаетъ τὸ ἄπειρον, а другой τὰς ἀπείρους ἀρχάς, и такъ именно его формулируетъ Теофрастъ: δόξειεν αὖ ποιεῖν τὰς μὲν ὀλίκας ἀρχὰς ἀπείρους. Разъясняя тотчасъ затѣмъ, что при пониманіи смѣшенія у Анаксагора, какъ μίαν φύσιν, этого различія не оказывается, Теофрастъ эту мысль формулируетъ такъ: Анаксагоръ принималъ два начала, природу безконечнаго и умъ, и отсюда именно онъ выводилъ сходство вещества Анаксимандрова и Анаксагорова. Но еслибы возраженіемъ уже предполагалось, что Анаксагоръ училъ о τὸ ἄπειρον, то, конечно, рѣшеніе его нельзя было бы сводить къ тому, что онъ училъ о τὴν φύσιν ἀπείρου. Если, сведи Анаксагорово смѣшеніе къ одной природѣ, Теофрастъ не выводилъ отсюда, что Анаксагоръ признавалъ единую природу въ безконечномъ, а довольствуется выводомъ, что онъ признавалъ природу безконечнаго, то значить, природа безконечнаго или безконечное обозначаетъ для него строго единый предметъ, и, слѣдовательно, желая поставить на видъ безчисленность началъ у Анаксагора, онъ не могъ назвать ихъ τὸ ἄπειρον.

Болѣе, по видимому, можно найти среди данныхъ, относящихся къ Теофрастовой серіи, такихъ, которыя можно было бы противопоставить разъясненному выше точнѣйшему опредѣленію природы Анаксимандрова безконечнаго какъ начала средняго по плотности между опредѣленными стихіями. Въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, когда въ интересахъ сближенія Анаксагора съ Анаксимандромъ, Анаксагорово мнѣніе сводится къ понятію одной природы, эта природа называется неопредѣленною по виду и величинѣ. Съ понятіемъ „неопредѣленнаго“ мы также встрѣчаемся, по видимому, и въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ объ Анаксимандровомъ безконечномъ ¹⁾, въ основаніи которыхъ, конечно, лежитъ высказанное Теофрастомъ же сужденіе о немъ, до насъ не дошедшее. Эти именно данныя со времени сочиненія Шлейермахера и играли не маловажную роль при обоснованіи болѣе распространеннаго взгляда на безконечное Анаксимандра какъ на совершенно неопредѣленную природу; у писателей послѣ Шлейермахера они получили даже болѣе значенія, чѣмъ у самого Шлейермахера ²⁾. Представите-

¹⁾ Цитаты будутъ приведены далѣе.

²⁾ *Schleierm. Ueb. Anax.* 175. 190—191. *Brand. Handb. d. Gesch. d. gr.-röm. Phil.* 126—127. 128. с. *Zell. Phil. d. Griech.* 1. 201—102. *Notorp. Ueb. d. Princ. und d. Kosm. Anax.* 373—374.

лами этого взгляда эта неопредѣленность толкуется въ такомъ безусловномъ смыслѣ, что ею вполне исключается всякое чувственно постигаемое свойство, такъ что безконечное Анаксимандра является чѣмъ-то вполне сходнымъ съ $\bar{\omega}\lambda\eta$ Аристотеля, лишь съ тѣмъ неизбежнымъ отличіемъ отъ послѣдней, что ему приписывалась способность къ обособленному существованію. Такой взглядъ искалъ себѣ основаній даже не въ извѣстіяхъ только Теофрастовой серіи, но и у Аристотеля. Однако мы уже видѣли, что Аристотель исключительно Анаксагору приписываетъ приближеніе къ позднѣйшему понятію о безусловно неопредѣленномъ веществѣ и у самого Анаксагора видитъ лишь стремленіе къ этому понятію. Притомъ же, когда онъ въ своемъ возраженіи противъ того доказательства безконечнаго начала, которое принадлежитъ Анаксимандру, называетъ принимаемое на основаніи этого доказательства безконечное начало тѣломъ, постигаемымъ чувствами ($\sigma\acute{\omega}\mu\alpha \alpha\iota\sigma\theta\eta\tau\acute{o}\nu$) (Phys. III. 8. 208. a. 9), то этимъ онъ достаточно ясно показываетъ, что онъ никакъ не предполагаетъ въ этомъ безконечномъ тѣлѣ совершеннаго отсутствія чувственно воспринимаемыхъ свойствъ. Наконецъ и все, что выше сказано было въ доказательство той мысли, что по взгляду Аристотеля это безконечное есть вещество среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, ведетъ, конечно, къ тому же заключенію. Ясно, такимъ образомъ, что мнѣніе о безусловной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго у Аристотеля найдти себѣ опоры не можетъ. Но если это такъ, то это во всякомъ случаѣ обязываетъ насъ самымъ внимательнымъ образомъ рассмотреть и идущія отъ Теофраста извѣстія прежде чѣмъ рѣшиться утверждать, что Теофрастъ дѣйствительно говорилъ о такой безусловной неопредѣленности. Эту же осторожность несомнѣнно внушаютъ и соображенія болѣе общаго характера. Анаксимандръ не разрываетъ связи между физикой и метафизикой, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Парменидъ; его безконечное не стоитъ внѣ всякаго отношенія къ конечному какъ $\tau\acute{o} \nu\omicron\tau\tau\acute{o}\nu$ Парменида съ $\tau\acute{o} \alpha\iota\sigma\theta\eta\tau\acute{o}\nu$; для него его безконечное даже не истинная только природа вещей, какъ для Пифагорейцевъ ихъ число; оно для него начало въ самомъ физическомъ смыслѣ этого слова, то-есть, тѣло, изъ котораго все выдѣляется и въ которое все разрушается. Какимъ образомъ можно было бы мыслить себѣ тѣло, связанное такими тѣсными физическими связями съ остальными тѣлами, безусловно чуждымъ всякой физической опредѣленности,—это во всякомъ случаѣ представляется неяснымъ. Чтобы представить себѣ это затрудненіе яснѣе, обратимъ къ

свойству тѣла, которое Аристотель предполагаетъ въ среднихъ между стихіями началахъ, жъ плотности. Съ представленіемъ плотности тѣла соединена всякая наша мысль о способности тѣла при соприкосновеніи испытывать и оказывать противодѣйствіе, слѣдовательно, всякая мысль о непосредственномъ физическомъ взаимодействіи между тѣлами. Какъ же могъ бы представить себѣ Анаксимандръ безъ этого свойства свое безконечное, которое, облекая со всѣхъ сторонъ міръ, стоитъ въ непосредственномъ физическомъ взаимодействіи съ нимъ уже потому, что направляетъ его движенія, и еще болѣе потому, что все изъ него возникаетъ и въ него возвращается? Съ представленіемъ плотности тѣла неразрывно соединена мысль о наполненіи его реальностью, о фактически данномъ въ немъ содержаніи. Какъ же можно было представить безъ плотности тѣло, изъ котораго извлекаются, по выраженію Аристотеля, остальные тѣла, въ которомъ, слѣдовательно, мыслится реальное содержаніе, расходующееся на мировую жизнь? Несомнѣнно, что Анаксимандрово безконечное должно было содержать въ себѣ разнообразныя качественности. Представляя себѣ слитыми въ одну природу теплое и холодное, влажное и сухое, стремящееся вверхъ (то-есть, легкое, какъ понимаютъ его Аристотель и большинство древнихъ) и стремящееся внизъ (тяжелое), мы, конечно, можемъ легко вообразить, что нейтрализація этихъ качественностей дастъ не относительное тепло или холодъ и пр. под., какъ думалъ Аристотель, но ихъ *στέρησις*, чистое ихъ лишеніе. Но если мы мысленно соединимъ въ одну природу тонкое и плотное, то доставеть ли у насъ воображенія представить себѣ нейтрализацію этихъ свойствъ какъ чистый нуль опредѣленности тѣла съ той стороны, какой касаются эти свойства, и не явится ли у насъ неизбѣжно положительное представленіе о средней плотности? Какую же опору въ опытѣ, да и какой поводъ могъ бы найти мыслитель, говорившій о выдѣленіи всего изъ начала, представлять себѣ это начало лишеннымъ всякой плотности? Еще менѣе, конечно, удобно отрицать въ немъ всѣ сполна качественности: иллюзія существованія разнообразнаго содержанія въ первоначальномъ бытіи едва ли можетъ возникнуть и держаться при представленіи этого бытія лишеннымъ всякой качественности. Если само безконечное признается лишеннымъ всякаго содержанія, въ которомъ мысль смутно могла бы полагать какимъ-то образомъ даннымъ другое содержаніе, то идея предсуществованія въ такомъ случаѣ должна или ясно перейти въ понятіе бытія только потенциальнаго, чистой возмож-

ности, или вовсе исчезнуть ¹⁾). Но обратимся къ самымъ извѣстіямъ о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, которыя, какъ нужно полагать, стоятъ въ зависимости отъ Теофрастова сочиненія о мѣнѣніяхъ физиковъ.

Порфирій, Диогенъ, Plut. Plac. съ Стобѣемъ почти тѣми же словами выражаютъ одну и ту же мысль, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался относительно природы безконечнаго, что онъ опредѣленно не говорилъ, есть ли оно вода, воздухъ, огонь или что-нибудь другое ²⁾). Въ этихъ свидѣтельствахъ искали подтвержденія мысли о совершенной неопредѣленности въ смыслѣ совершенной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго. Но Нейгәузеръ ³⁾ совершенно справедливо поставилъ на видъ, что опредѣленно не высказаться о природѣ безконечнаго еще никакъ не значитъ отрицать въ немъ всякую качественность. По существу ту же самую мысль нужно предполагать у тѣхъ свидѣтелей, которые ограничиваются названіемъ безконечнаго Анаксимандра τὸ ἄπειρον ⁴⁾). Такъ какъ при наименованіи началъ другихъ философовъ-монистовъ, они называютъ эти начала воздухомъ, водою и т. д., то самое естественное объяс-

¹⁾ Безусловно неопредѣленное безконечное дѣйствительно слилось бы до неразличности съ безконечнымъ бытіемъ Мелисса, какъ думаетъ Михаелисъ, De Anax. Inip. Ind. lect. Brunsberg. 1874, p. 11. Но затрудненіе, не разъясненное Михаелисомъ и потому не затронутое Целлеромъ въ его отвѣтъ, Phil. d. Gr. 1, 196, № 1, состоитъ здѣсь не въ томъ, что вообще мыслители разныхъ школъ пришли къ одному и тому же понятію, а въ томъ, что іоніецъ, ставившій все бытіе въ генетическую зависимость и въ физическую связь съ безконечнымъ, пришелъ ко взгляду на него, который могъ бы принадлежать только элементу, порвавшему всякую связь между истинно сущимъ и явленіемъ.

²⁾ Simplic. in Phys. 149; 13—17: ὁ μὲντοι Πορφύριος... σώμα μὲν τὸ ὑποκείμενον ἀδιορίστως Ἀναξίμανδρον λέγειν φησὶν ἄπειρον οὐ διορίσαντα τὸ εἶδος εἴτε πῦρ εἴτε ὕδωρ, εἴτε ἀήρ. Diog. L. 33. 2—4: Ἀναξίμανδρος... ἔφασκεν ἀρχὴν καὶ στοιχεῖον τὸ ἄπειρον, οὐ διορίζων ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ ἄλλο τι. Diels. Dox. 277. 7—278, 2. (Plut. Plac. и Stob.). Ἀναξίμανδρος... φησὶ τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἄπειρον... ἀμαρτάνει δὲ οὗτος μὴ λέγων τι εἶναι τὸ ἄπειρον (только Plut. Plac.) πότερον ἀήρ ἐστὶν ἢ ὕδωρ ἢ γῆ ἢ ἄλλα τινὰ σώματα.

³⁾ An. M. 232—234. Ноторпъ, Ueb. d. Princ. etc. 384—385, призналъ справедливость этой мысли Нейгәузера; Целлеръ въ своей рецензіи на сочиненіе послѣдняго о ней совсѣмъ не высказывается.

⁴⁾ Такія свидѣтельства часто встрѣчаются у отцевъ церкви и у другихъ писателей. Важнейшее изъ нихъ по близости къ общему ихъ первоисточнику есть свидѣтельство Plut. Strom. Diels. Dox. 579. 7—9: Ἀναξίμανδρον... τὸ ἄπειρον φάναι τὴν πᾶσαν αἰτίαν εἶναι τοῦ παντός γενέσεως καὶ φθοράς.

неніе употребленія у нихъ термина, не дающаго понятія о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, будетъ, конечно, состоять въ томъ, что Анаксимандръ ограничивался самъ этимъ терминомъ при упоминаніяхъ о началѣ, и поэтому онъ сдѣлался техническимъ у писателей болѣе древнихъ, говорившихъ о немъ. Симплицій въ томъ мѣстѣ его комментарія на Аристотелеву Физику, гдѣ видны слѣды Теофрастовыхъ данныхъ, утверждаетъ, что Анаксимандръ говорилъ, что начало не есть ни вода, ни какая-нибудь другая изъ такъ-называемыхъ стихій, но нѣкоторая природа безконечная ¹⁾. Нѣкоторою природою безконечнаго называлъ Анаксимандръ начало, и по словамъ Гипполита ²⁾. Совершенной безкачественности этого начала, конечно, нельзя вывести и изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ: нѣкоторая природа безконечнаго или безконечная не одно и то же, что природа совершенно безкачественная; скорѣе это указываетъ на природу, о которой философъ опредѣленно не высказался, опредѣленнаго понятія о которой не дано. Можно подмѣтить нѣкоторое противорѣчіе между свидѣтельствомъ Симплиція и извѣстіями Plut. Plac., Порфирія и Діогена. Послѣдніе говорятъ, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался даже о томъ, есть ли безконечное вода и пр., тогда какъ, по словамъ Симплиція, Анаксимандръ говорилъ, что оно не есть вода и пр. Но если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, что безконечное Анаксимандра на самомъ дѣлѣ внѣ всякаго сомнѣнія не было ни одною изъ опредѣленныхъ стихій, съ другой стороны, что это обыкновенная неточность извѣстій о мнѣніяхъ философовъ передавать мысль философа съ добавленіемъ фразы „говорить“ и под., когда дѣло идетъ не о передачѣ подлинныхъ выраженій, а лишь такого взгляда, который ему несомнѣнно можно приписать ³⁾, то всѣ приведенныя свидѣтельства можно признать согласными между собою ⁴⁾. И еслибы мы сочли возможнымъ на основаніи ихъ составить предположеніе о

¹⁾ Simpl. in Phys. 24, 16—17: λέγει δ' (Ἀναξίμανδρος) αὐτὴν (ἀρχήν) μήτε ὕδωρ μήτε ἄλλο τι τῶν καλούμενων εἶναι στοιχείων, ἀλλ' ἕτερον τινὰ φύσιν ἀπείρων.

²⁾ Doxogr. Diels. 559, 16: οὗτος (Ἀναξ.) ἀρχὴν ἔφη τῶν ὄντων φύσιν τινὰ τοῦ ἀπείρου.

³⁾ Подобнаго рода неточности встрѣчаются не рѣдко уже у Аристотеля.

⁴⁾ Различіе представляютъ, кромѣ вышеупомянутаго свидѣтельства книжки de Mel. Xen. et Gorg., извѣстія Иринея (Dox. Diels. 171), Августина (ibid., 173) и Сидон. Аполл. (Ritter. Gesch. d. Phil. 1, 276. № 3); но особенность свидѣтельства Иринея къ данному вопросу не относится, а извѣстія Августина и Сид. Аполл. имѣютъ вообще мало значенія.

томъ, что говорилось въ первоначальномъ источникѣ (отъ котораго всё они, вѣроятно, зависятъ) о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, когда прямо шла рѣчь о немъ, то мы должны бы придти къ заключенію, что тамъ утверждалось, что Анаксимандръ называлъ начало безконечнымъ, что о природѣ этого начала онъ опредѣленно не высказался, но что тѣмъ не менѣе было совершенно ясно (конечно, изъ описываемаго у него космогоническаго процесса), что его безконечное не есть ни вода, ни огонь и вообще ни одна изъ такъ называемыхъ стихій, а какая-то особая природа. На основаніи этихъ свидѣтельствъ не только нельзя предполагать въ ихъ первоисточникѣ рѣшительнаго сужденія о совершенной неопредѣленности Анаксимандрова безконечнаго, но нельзя утверждать даже, чтобы терминъ ἀόριστος въ какомъ-либо болѣе широкомъ значеніи прилагался къ самой природѣ этого безконечнаго, а не къ характеристикѣ этой природы у Анаксимандра.

Съ этимъ терминомъ мы дѣйствительно встрѣчаемся лишь въ двухъ случаяхъ: въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, гдѣ вещество Анаксагора сводится къ единой неопредѣленной по виду и величинѣ природѣ въ интересахъ сближенія его съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, и въ словахъ самого Симплиція, когда онъ, переходя отъ изложенія ученія о началѣ Анаксимандра къ Анаксимену, говоритъ о послѣднемъ: „подлежащую природу (субстратъ) и онъ признаетъ единою и безконечною подобно Анаксимандру, но не неопредѣленною какъ тотъ, а опредѣленною, такъ какъ говорить, что она есть воздухъ“¹⁾. Оба эти свидѣтельства отличаются тѣмъ, что въ нихъ дано сопоставленіе Анаксимандрова начала съ началомъ другаго философа, въ одномъ случаѣ Анаксагора, въ другомъ—Анаксимена. Этотъ фактъ внушаетъ особую осторожность при ихъ толкованіи. Это очень обыкновенный случай, что, при сопоставленіи мнѣній съ цѣлью поставить на видъ ихъ сходство или различіе, особенно рельефно обрисовываются черты, которыя наиболѣе пригодны для этой цѣли и ступшеваются черты, которыя ей не отвѣчаютъ. Мы видѣли, какъ у Аристотеля одно и то же вещество Анаксагора въ интересахъ разнообразныхъ сближеній называется то смѣшеніемъ въ смыслъ равночастнаго бытія на ряду съ веществомъ Эмпедокла, то единымъ въ различіе отъ того же смѣ-

1) Simpl. in Phys. 24. 26—28: Ἀναξίμενης δὲ... μίαν μὲν καὶ αὐτὸς τὴν ὑποκειμένην φύσιν καὶ ἀπειρόν φησιν, ὡσπερ ἑκαίνοσ (Ἀναξίμανδρος), οὐκ ἀόριστον δὲ ὡσπερ ἑκαίνοσ, ἀλλὰ ὀρισμένην, αἴρα λήσων αὐτῆν.

шенія, приписываемаго Эмпедоклу и Анаксимандру, то многимъ безконечнымъ по числу на ряду съ атомами Демокрита. Напрасно было бы думать, что такая особенность сопоставленій встрѣчается лишь у Аристотеля и ея не было у Теофраста. Несомнѣнно, что и Теофрастъ не избѣгалъ такого рода условныхъ характеристикъ: единственный очень значительный по объему отрывокъ, какой мы имѣемъ изъ его сочиненія, *Fragmentum de sensibus*, представляетъ примѣры такого рода, не обращающіе на себя вниманія лишь потому, что, къ счастью, онъ сохранился въ цѣломъ видѣ и поэтому вмѣстѣ съ сопоставленіями мнѣній мы имѣемъ тотчасъ слѣдующія за ними подробныя разъясненія каждаго изъ нихъ порознь. Въ самомъ началѣ отрывка Теофрастъ различаетъ два взгляда на воспріятіе, и одинъ изъ нихъ, по которому сходное воспринимается сходнымъ, приписываетъ Пармениду, Эмпедоклу и Платону; тотчасъ за этимъ онъ приписываетъ всѣмъ имъ въ совокупности такія основанія убѣжденія въ этомъ взглядѣ ¹⁾, которыя ни въ какомъ случаѣ Парменидомъ, по крайней мѣрѣ всѣ, быть высказаны не могли, и слѣдующее за тѣмъ изложеніе у самого Теофраста Парменидова ученія достаточно показываетъ, что взглядъ Парменида на чувственное воспріятіе не былъ ни подробно развитъ, ни даже точно формулированъ. Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ мѣстъ того же отрывка Теофрастъ дѣлаетъ противоположеніе взглядовъ Платона и Демокрита на чувственное воспріятіе и по этому поводу говоритъ о Демокритѣ, что онъ все (чувственно воспринимаемое) дѣлаетъ состояніями воспріятія ²⁾; но изъ его же подробнаго изложенія Демокритова ученія и изъ его критики этого ученія оказывается, что, по его собственному мнѣнію, не все чувственно воспринимаемое имѣетъ у Демокрита значеніе простыхъ состояній воспріятія ³⁾.

Въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ, въ которомъ встрѣчается терминъ *ἀόριστος*, въ Симплиціевой выпискѣ изъ Теофраста, говорится о природѣ неопредѣленной какъ по виду, такъ и по величинѣ. Сущность дѣла здѣсь, конечно, не въ неопредѣленности по величинѣ, — неопредѣленнымъ по величинѣ могло быть названо безконечное вслѣдствіе самой безпредѣльности своей по протяженію, — а въ неопредѣленности по виду, которая, нужно полагать, разумѣется и во второмъ

¹⁾ *Dox. Diels.* 499. 2—7.

²⁾ *Ibid.* 516. 15.

³⁾ *Ibid.* 517. 7—10; 519. 8—11.

менѣе важноѣ свидѣтельствѣ самого Симплиція. Что же должна означать эта неопредѣленность по виду? Плотность, которая несомнѣнно должна была принадлежать среднему между стихіями веществу, о которомъ говоритъ Аристотель, столь же несомнѣнно, конечно, должна была, по мнѣнію принимавшихъ такое вещество, быть свойствомъ и всѣхъ остальныхъ тѣлъ; различіе по плотности, которое должно было существовать между нимъ и этими тѣлами, хотя бы оно разсматривалось какъ чисто качественное различіе, а не какъ различіе распредѣленія одного и того же вещества въ пространствѣ, не представлялось все же переходомъ изъ одной качественности въ иную, совершенно новую; въ постепенности различій по плотности, если брать плотность безъ отношенія къ другимъ свойствамъ, которыя могли быть поставлены въ связь съ нею, нельзя указать такого пункта, отъ котораго въ двѣ противоположныя стороны начинали бы возвышаться такъ рѣзко отличныя другъ отъ друга для нашего ощущенія качественности, какъ теплое и холодное, сухое и влажное; поэтому не различія по плотности выдвигала перипатетическая школа какъ существенныя видоразличія тѣлъ. Для перипатетика характерными свойствами стихій, опредѣляющими ихъ виды, были у каждой стихіи два свойства, во первыхъ, теплота или холодъ, во вторыхъ, сухость или влажность, и притомъ эти четыре свойства распредѣлялись по стихіямъ такъ, что каждая стихія въ сличеніи съ каждою другою имѣла непремѣнно хотя одно свойство, отсутствующее у послѣдней ¹⁾; элементарное тѣло, имѣвшее одни и тѣ же свойства съ другимъ, хотя бы эти свойства даны были и въ другой степени, должно было считаться тѣломъ одного съ нимъ вида. Отсюда тѣло, въ которомъ совсѣмъ не предполагалось бы этихъ противоположныхъ свойствъ, опредѣляющихъ видоразличіе стихій, должно было оказаться въ глазахъ перипатетика неспособнымъ имѣть видовой разности, неопредѣленнымъ по виду: оно должно было казаться ему абстрактномъ, которому недостаетъ не совершенной только конкретности данныхъ въ опытѣ предметовъ, но и видовой опредѣленности, которая съ его точки зрѣнія необходима была для установки самой сущности предмета. Вещество Архелая, то-есть, простое среднее по плотности между двумя стихіями веществомъ, въ которомъ открыто отрицались

¹⁾ Къ этимъ свойствамъ присоединялись еще также абсолютная или относительная легкость или тяжесть въ смыслѣ противоположныхъ стремленій вверхъ и

противоположныя свойства, опредѣляющія сущность стихій, неизбежно было въ указанномъ смыслѣ неопредѣленнымъ по виду веществомъ. Тотчасъ послѣ сопоставленія Анаксимандрова безконечнаго съ веществомъ Анаксагоровымъ, отождествляя съ послѣднимъ вещество Архелая, Теофрастъ не только не становился бы въ противорѣчїе съ Аристотелемъ, но лишь формулировалъ бы въ точныхъ терминахъ то, что въ иныхъ только словахъ высказывалъ о немъ Аристотель. Ученію о простомъ среднемъ Аристотель прямо ставитъ въ упрекъ въ Phys. I. 5, что такого тѣла, стоящаго внѣ противоположностей, не существуетъ, и въ Gen. et corr. II. 1., что не можетъ быть чувственно постигаемаго тѣла, которое не было бы ни теплымъ, ни холоднымъ, ни легкимъ, ни тяжелымъ; все это такъ хорошо подходитъ къ Теофрастову *ἀόριστος κατ' εἶδος*, что даже авторы, отрицающіе безусловно всякую качественность въ Анаксимандровомъ безконечномъ, безъ всякаго колебанія относили къ нему эти критическія замѣчанія Аристотеля, хотя объ отрицаніи плотности въ нихъ не говорится. Иначе, по видимому, ставится этотъ вопросъ въ отношеніи къ составному среднему веществу. Конечно, Анаксимандру, признававшему въ своемъ безконечномъ общія свойства тѣлеснаго бытія, то-есть, плотность вмѣстѣ съ способностью чрезъ соприкосновеніе съ другимъ бытіемъ испытывать и оказывать противодѣйствіе, не было уже никакой необходимости предполагать, что это безконечное, способное разлагаться на теплое и холодное и пр., заключаетъ также и ихъ въ себѣ не въ смыслѣ только равновѣсія этихъ качественностей, предполагающаго отсутствіе ихъ проявленій. Но Аристотель по крайней мѣрѣ прямо и открыто нигдѣ не дѣлаетъ упрека ученію о среднемъ составномъ веществѣ подобнаго тому, какой онъ дѣлаетъ ученію о простомъ; очевидно, онъ не знаетъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи въ его безконечномъ свойствъ, соотвѣтствующихъ свойствамъ, опредѣляющимъ видовыя разности стихій. Однако отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что Аристотель былъ убѣжденъ въ существованіи въ немъ этихъ свойствъ. Возражая противъ отождествленія субстрата древними физиками съ однимъ изъ тѣлъ, онъ не считаетъ, очевидно, возможнымъ, когда говоритъ о среднемъ между огнемъ и воздухомъ веществѣ, то-есть, о веществѣ среднемъ составномъ, сослаться на его качественную опредѣленность, на видовое отличіе его отъ другаго бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ стихіямъ; возраженіе противъ средняго составнаго вещества онъ соединяетъ не съ возраженіями противъ стихій, прямо указывающими на ихъ

опредѣленность, а съ возраженіями противъ вещества средняго простаго, разъясняющими (безъ всякихъ ссылокъ на свойства этихъ среднихъ началъ), что при отождествленіи съ субстратомъ они явно должны быть признаны за чистое *στέργσις*, неспособное къ обособленному существованію ¹⁾. Когда въ *Phys. I. 6. 189. b. нач.*, при разъясненіи своего собственнаго ученія о субстратѣ, Аристотель ссылается на физиковъ-монистовъ, онъ указываетъ на оба среднія вещества какъ на не влетенныя въ противоположности (съ другимъ бытіемъ) и въ этомъ видитъ преимущество ихъ передъ стихіями, сравнительно большее право на названіе субстрата. Съ другой стороны, нигдѣ ни однимъ словомъ не намекаетъ онъ на то, чтобы признающіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало дѣйствительно приписывали ему въ положительномъ смыслѣ среднія качества между тѣми противоположностями, которыя, по его собственному мнѣнію, опредѣляютъ видоразличія стихій; когда онъ характеризуетъ среднія начала указаніемъ на ихъ свойство, всегда безъ исключенія указывается на сравнительную ихъ плотность, все равно идетъ ли дѣло о среднемъ простомъ или составномъ, хотя иная характеристика, напримѣръ, какъ вещества промежуточнаго между извѣстными стихіями по теплотѣ или холоду, по сухости или влажности, по стремленію вверхъ или внизъ, — характеристика, предполагающая извѣстную опредѣленность ихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, какихъ касаются эти противоположныя качества, указывала бы точнѣе съ его точки зрѣнія на ихъ сущность. Все это очень ясно доказываетъ, что, хотя Аристотель не находитъ у Анаксимандра ученія объ отсутствіи подобныхъ свойствъ въ его безконечномъ и въ виду своего собственнаго ученія о среднемъ составномъ бытіи не рѣшается приписать ему такой взглядъ, не имѣя твердыхъ и рѣшительныхъ данныхъ, однако онъ предполагаетъ или подозрѣваетъ у него этотъ именно взглядъ. Отсюда ясно, что Теофрастъ, въ интересахъ сближенія Анаксагорова веще-

¹⁾ Возраженія противъ отождествленія субстрата съ какою-либо изъ стихій развиваются въ *Gen. et corr. 11. 5. 332. a. 9—12* въ мысли: *οὐδ' οὕτω δοκεῖ, ὡς τε ὕδωρ εἶναι ἄρα καὶ ἀέρα ἢ ἄλλο τι ὅτιον. ἔσται δὴ τις ἐναντίωσις καὶ διαφορά ἥς ἔξε τι θάτερον μόνον τὸ πῦρ, οἷον θερμότης κτλ.* Сказавъ въ заключеніе, что это возраженіе приложимо ко всемъ стихіямъ (τούτων, то-есть, къ выше перечисленнымъ ἀέρα ἢ ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ γῆν), Аристотель продолжаетъ, *ibid. 20—24: οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τι παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός . . . ἔσται, γάρ ἄηρ καὶ πῦρ ἐκεῖνο μετ' ἐναντιότητος, ἀλλὰ στέργσις τὸ ἕτερον τῶν ἐναντίων, ὡς τ' οὐκ ἐνδέχεται μονοῦσθαι ἐκεῖνο οὐδέποτε.*

ства съ Анаксимандровымъ безконечнымъ, характеризуя первое не какъ единую только, но и какъ неопредѣленную по виду природу и такимъ образомъ, правда, косвенно, но достаточно ясно относя эту характеристику и къ послѣднему, не становится при этомъ ни въ какое противорѣчiе съ Аристотелемъ. Плотность при его характеристикѣ также подразумѣвается какъ и при Аристотелевыхъ упрекахъ учению о простомъ среднемъ веществѣ. Что же касается видовыхъ особенностей стихій, то Теофрастъ только прямо и рѣшительно усваиваетъ Анаксимандрову безконечному то, что, очевидно, подозрѣваетъ въ немъ, но не считаетъ себя въ правѣ утверждать о немъ Аристотель. Такаго рода различiе въ сужденiи, конечно, не представляло бы ничего удивительнаго. Но въ виду того, что во всѣхъ извѣстiяхъ до-сографовъ, которыя ведутъ свою генеалогiю изъ Теофраста же, нѣтъ никакого упоминанiя объ этой неопредѣленности по виду, мнѣ кажется, мы не имѣемъ права по крайней мѣрѣ съ полною увѣренностию утверждать даже и это различiе. Въ интересахъ сопоставленiя трехъ философовъ, которыхъ взгляды на вещество, очевидно, развивались одинъ изъ другаго и фактически завершились въ до-сократовскiй перiодъ учениемъ Архелая о веществѣ, которое вполне можно было назвать относительно неопредѣленнымъ или неопредѣленнымъ по виду, Теофрастъ, конечно, могъ при сжатомъ указанiи на эту связь допустить неточность въ сужденiи объ Анаксимандрѣ, и эту неточность едва ли можно назвать болѣе значительною чѣмъ тѣ неточности, примѣры которыхъ представляетъ, какъ мы видѣли, единственный большой отрывокъ изъ его сочиненiя. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ ясно, что ни о какой совершенной неопредѣленности въ смыслѣ полной безсмысленности Анаксимандрова безконечнаго нѣтъ никакого права говорить на основанiи Симплициевой выдержки изъ Теофраста. И совершенно понятно, что ни Симплицiй, ни Порфириій, который едва ли менѣе точно зналъ взглядъ Теофраста на это безконечное, чѣмъ Симплицiй, не видѣли въ терминѣ ἀόριστον никакой помѣхи къ отождествленiю Анаксимандрова начала съ τὸ μέταβ. Оспаривая это тожество, Порфириій ссылаясь не на неопредѣленность по виду этого начала, а лишь на то, что Анаксимандръ опредѣленно не высказался объ его природѣ. И Симплицiй, отстаивающiй это тожество противъ Порфирия, не затрудняется безъ всякаго дальнѣйшаго объясненiя приводить цитованную выписку изъ Теофраста, не затрудняется и отъ своего собственнаго лица, хотя, вѣроятно,

вслѣдъ за болѣе древнимъ авторомъ, Анаксимандрово начало отличать отъ Анаксименова какъ ἀρίστον отъ ὀριζμένον¹⁾).

1) Не одинъ разъ защитники мнѣнія о совершенной безкачественности Анаксимандрова безконечнаго особенно ставили на видъ, что сведеніе въ Теофрастовомъ отрывкѣ Анаксагорова смѣшенія къ единой неопредѣленной природѣ напоминаетъ Аристотелево сведеніе этого же смѣшенія къ своему понятію ὄλη въ Metaph. I. 8. Порядокъ и связь мыслей отрывка, какъ мы видѣли, соответствуютъ Phys. I. 4. Въ той же книгѣ и главѣ Физики Аристотель, рассуждая объ Анаксагоровомъ веществѣ, между прочимъ, говоритъ, 187. b. 8—13: εἰ δὲ τὸ μὲν ἄπειρον ἢ ἄπειρον ἄγνωστον, τὸ μὲν κατὰ πλῆθος ἢ κατὰ μέγεθος ἄπειρον ἄγνωστον πόσον τι, τὸ δὲ κατ' εἶδος ἄπειρον ἄγνωστον ποῖόν τι. Τῶν δ' ἀρχῶν ἀπειρῶν οὐσῶν καὶ κατὰ πλῆθος καὶ κατ' εἶδος, ἀδύνατον εἰδέναι τὰ ἐκ τούτων. οὕτω γὰρ εἰδέναι τὸ σύνθετον ὑπολαμβάνομεν, ὅταν εἰδῶμεν ἐκ τίνων καὶ πόσων ἐστίν. Отсюда слѣдовала непознаваемость, слѣдовательно, недоступность научному опредѣленію Анаксагорова смѣшенія, которое возводилось къ Анаксимандрову единому и которое дало μίαν φύσιν Теофраста. Metaph. I. 8 могло облегчить, конечно, для Теофраста переходъ отъ понятія ἄγνωστον къ понятію ἀρίστον, которое, однако, въ той или другой формѣ было давно уже у Архелая; изъ Metaph. I. 8 также могло быть взято ὅπερ ἂν δόξειε (Анаксагоръ) βούλεσθαι λέγειν—слова, встречающіяся во второй редакціи Теофрастова отрывка, хотя опять никакъ не невозможно, что прототипомъ для Аристотеля и Теофраста могло послужить подобное выраженіе Архелая, когда онъ сводилъ смѣшеніе Анаксагора къ чуждому противоположностей бытію и разъяснялъ иллюзію смѣшенія. Но отъ этихъ возможныхъ заимствованій изъ Metaph. I. 8 до тождества характеристики Анаксагорова смѣшенія у Теофраста и въ Metaph. очень далеко. То, что въ Metaph. названо ἀρίστον πρὶν ὀριζῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός, у Теофраста является какъ ἀρίστον καὶ κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέγεθος. Выраженіе κατὰ μέγεθος, котораго совсѣмъ нѣтъ въ разсужденіяхъ Metaph. по этому предмету (тамъ встречается лишь болѣе общее πόσον и съ прямымъ отрицаніемъ οὐτε πόσον οὐτε τι), рельефно выступаетъ въ цитованномъ мѣстѣ Phys. въ прямомъ соотношеніи съ κατὰ εἶδος; и это отступленіе отъ Metaph., и сближеніе съ Phys. не лишено значенія: ἀρίστον κατὰ μέγεθος можетъ указывать на безпредѣльность по протяженію, тогда какъ Metaph., слишкомъ сближая Анаксагорово вещество съ Аристотелевой ὄλη, едва ли оставляетъ мѣсто для представленія его безпредѣльно протяженнымъ. Тѣмъ болѣе нѣтъ значенія замѣна слишкомъ рѣшительнаго выраженія Metaph. ἀρίστον πρὶν ὀριζῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός болѣе сглаженнымъ ἀρίστον κατὰ εἶδος; послѣднее выраженіе, какъ показано, весьма удобно можетъ быть толкуемо въ смыслѣ неопредѣленности по виду въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ первое исключаетъ всякую въ тому возможность, предполагая безусловную неприложимость какого бы то ни было понятія, отсутствіе всякой формы. Поэтому, если мы и предположимъ, что Теофрастъ имѣлъ въ виду въ данномъ мѣстѣ Metaph. I. 8 (что очень вѣроятно), то заключеніе отсюда выйдетъ все же прямо обратное тому, какое обыкновенно дѣлаютъ. Если, имѣя въ виду Metaph. I. 8, Теофрастъ тѣмъ же менѣе не пользуется данною тамъ точною характеристикой совершенно неопредѣленной природы, а пользуется терминами, подъ которыми безъ всякаго

Въ извѣстіяхъ Теофрастовой серіи есть одна особенность, указывающая на фактъ, имѣющій существенное значеніе въ нашемъ вопросѣ, такъ какъ безъ него едва ли возможны были бы всѣ споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, точно также какъ и разногласіе извѣстій о веществѣ у Архелая. Во всей совокупности извѣстій, которыя, какъ нужно предполагать, не стоятъ въ непосредственной зависимости отъ Аристотелевыхъ сочиненій, а чрезъ разнообразныя посредства ведутъ свою генеалогію отъ свѣдѣній, сообщавшихся въ Теофрастовомъ сочиненіи, нигдѣ не встрѣчаемъ мы отнесенія то *μεταξὺ* ни къ Анаксимандру, ни къ Архелая. Эта особенность извѣстій Теофрастовой серіи завѣряетъ насъ въ томъ фактѣ, что Теофрастъ не называлъ ни безконечное Анаксимандра, ни вещество Архелая этимъ терминомъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ такое сподручное названіе едва ли не перешло бы къ кому-нибудь изъ древнѣйшихъ доксграфовъ и біографовъ, и слѣдъ его едва ли исчезъ бы въ этого рода литературѣ, еслибы этотъ терминъ былъ употребленъ Теофрастомъ для обозначенія природы начала у обоихъ этихъ философовъ. Не разъясненнымъ въ такомъ случаѣ долженъ бы остаться и тотъ фактъ, что Симплицій, который прямо ссылается на Теофраста при опроверженіи мнѣнія Николая Дамаскена, приписывавшаго Діогену Аполлонійскому ученіе о среднемъ веществѣ между огнемъ и воздухомъ ²⁾, молчитъ о Теофрастѣ при опроверженіи другой стороны того же мнѣнія, защищаемой Порфиріемъ, отрицавшимъ принадлежность ученія о томъ же среднемъ веществѣ Анаксимандру, и находитъ возможнымъ сослаться только на Александра: Симплицію, очевидно, ни откуда не

затрудненія можно понимать и такую природу, которая могла бы назваться неопредѣленною въ указанномъ выше относительномъ смыслѣ, то это едва ли можно объяснить иначе какъ тѣмъ, что на это вызываетъ его сближеніе съ Анаксимандромъ, которое онъ здѣсь дѣлаетъ и котораго Аристотель не дѣлаетъ въ *Metaph.* Если о снѣженіи Анаксагора, при сведеніи его къ *μία φύσις*, можно сказать, что оно не только *ἀρίστον κατ' εἶδος*, но и вообще *ἀρίστον πρὶν ἐρισθῆναι καὶ μεταξὺν εἶδος τινός* (къ чему могъ свести его уже никакъ не Архелай, а дальнѣйшій анализъ вещества, прошедшій чрезъ Платона), то Теофрастъ, конечно, хорошо знаетъ это и здѣсь же ясно даетъ понять, что дѣло идетъ о сближеніи, допускающемъ различіе между сближаемыми предметами: и въ началѣ; и въ концѣ своей рѣчи онъ ясно говоритъ, что устанавливается (лишь) сходство (*παράλληλιος*) обоихъ взглядовъ (а не тожество ихъ).

¹⁾ Нейгъзеръ, *Ap. M.* 144—151, старается доказать, что Теофрастъ приписывалъ Анаксимандру то *μεταξὺ*, разборъ его доказательствъ см. *Notorp. Ueb.* d. Pr. etc., 385—386.

²⁾ *Simpl. in Phys.* 25, 6—7.

было извѣстно, чтобы Теофрастъ относилъ ученіе о τὸ μεταξὺ къ Анаксимандру. Самые споры о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, начавшіеся уже въ первые періоды комментаторской литературы, когда еще имѣли или Теофрастово сочиненіе, или древнихъ авторовъ, изъ него черпавшихъ и на него ссылавшихся, едва ли были бы возможны, еслибы въ сочиненіи Теофраста было высказано ясное и рѣшительное сужденіе объ этомъ; точно также была бы не возможна и очевидная растерянность компиляторовъ при указаніи на принципъ Архелая, еслибы ясно было отнесено къ нему τὸ μεταξὺ у Теофраста. Однако какъ важно ни было для исторіи самаго вопроса о началахъ Анаксимандра и Архелая отсутствіе у Теофраста примѣненія къ нимъ термина τὸ μεταξὺ, оно, если всмотрѣться въ этотъ фактъ внимательно, не только не заключаетъ въ себѣ чего-нибудь удивительнаго, но, на оборотъ, должно быть признано дѣломъ самымъ естественнымъ и понятнымъ. Не отнесенія только термина τὸ μεταξὺ къ началамъ Анаксимандра и Архелая, но и вообще этого термина какъ названія для начала какого бы то ни было философа, очевидно, не встрѣчалось у Теофраста: его нѣтъ вообще въ извѣстіяхъ Теофрастовой серіи, хотя въ ней встрѣчаются извѣстія о самыхъ ничтожныхъ мыслителяхъ древности; и, еслибы оно было приурочено Теофрастомъ къ веществу какого-либо мыслителя древности, Николаю Дамаскѣну и Порфирію не было бы нужды въ прямое противорѣчіе извѣстіямъ не Теофраста только, но и Аристотеля¹⁾ о Діогенѣ Аполлонійскомъ приурочивать этотъ терминъ къ веществу послѣдняго; не оказалось бы нужды и другимъ комментаторамъ оба τὸ μεταξὺ страннымъ образомъ соединять съ безконечнымъ Анаксимандра; а между тѣмъ Аристотелевы упоминанія о принимавшихъ τὸ μεταξὺ такъ обычны и такъ ясно показываютъ, что философы, принимавшіе среднія начала, имѣли въ его глазахъ свое значеніе, что было бы совсѣмъ невѣроятно предположеніе, что Теофрастъ въ специальномъ историко-критическомъ изслѣдованіи мнѣній физиковъ совсѣмъ не упоминалъ о нихъ. Это уже показываетъ, что самое предположеніе, будто бы у Теофраста безконечное Анаксимандра и вещество Архелая должны были быть названы τὸ μεταξὺ, если этимъ терминомъ названы они у Аристотеля, заключаетъ въ себѣ какое-то недоумѣніе. Здѣсь и въ самомъ дѣлѣ есть недоумѣніе. Начнемъ съ Анаксимандра. Мы видѣли, что по яснымъ извѣстіямъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ писателей, которымъ

¹⁾ Metaph. I. 3. 984. a. 5—6.

никакъ не противорѣчатъ извѣстія и другихъ писателей о безконечномъ Анаксимандра, самъ Анаксимандръ называлъ свое начало τὸ ἀπείρον, не высказываясь далѣе и болѣе опредѣленно объ его природѣ. Отсюда слѣдуетъ, что названіе τὸ μέταξὺ ему не принадлежитъ, а образовано Аристотелемъ, конечно, въ видахъ того удобства, которое представлялъ этотъ терминъ при нерѣдкихъ у него краткихъ перечняхъ началъ древнихъ философовъ безъ обозначенія именъ ихъ и вообще при краткихъ указаніяхъ на него. Теофрастъ, при случайныхъ упоминаніяхъ о началѣ Анаксимандра называвшій, конечно, всегда имя философа, въ искусственномъ терминѣ не нуждался. Особо заявлять, что это начало, то-есть, тѣлесная масса, изъ которой возникаютъ всѣ вещи и въ которую онѣ разрѣшаются, имѣеть плотность, ему не могло придти даже на мысль; ему должно было казаться это столь же очевиднымъ, какъ существованіе плотности у воды, воздуха или какого бы то ни было другаго тѣла, изъ котораго тѣмъ или другимъ путемъ объясняютъ происхожденіе другихъ тѣлъ; онъ могъ констатировать особенности, которыя находилъ въ представленіи о такого рода началахъ, а не свойства, которыя сами собою подразумеваются въ понятіи о какомъ угодно изъ нихъ. Конечно, то или другое отношеніе Анаксимандрова безконечнаго со стороны его плотности къ другимъ стихіямъ уже не было очевидно само по себѣ. Но оно, какъ мы видѣли, не должно было давать ему въ глазахъ Теофраста видовой опредѣленности, не ставило его въ рядъ съ другими тѣлами, имѣющими эту опредѣленность, и, слѣдовательно, не вносило ничего существеннаго въ самое понятіе о немъ; какъ мало важности представляла сравнительная степень плотности для философскаго ученія о началѣ, будетъ ли то вообще или съ точки зрѣнія перипатетиковъ, ясно изъ того, что Аристотелю, съ различныхъ сторонъ обсуждавшему принципы древнихъ философовъ, ни одного разу не приходится отдѣлять въ своихъ сужденіяхъ одно среднее начало отъ другаго единственно вслѣдствіе того, что они представляютъ промежуточные по плотности вещества не между одними и тѣми же стихіями. Отношеніе начала по плотности къ стихіямъ должно было выражаться лишь въ разнообразныхъ особенностяхъ космогоническаго процесса, но при описаніяхъ этого процесса, которыя дѣлалъ Теофрастъ, это, конечно, и было вполне очевидно. Названіе Анаксимандрова начала веществомъ среднимъ по плотности между опредѣленными стихіями могло быть очень удобнымъ, даже единственно возможнымъ описательнымъ терминомъ для этого безконечнаго, но оно теряло всякое значеніе для того, кто не чув-

ствовавль нужды въ такомъ терминѣ. Тѣмъ не менѣе совершенно понятно, что отсутствіе этого термина у Теофраста оказалось фактомъ капитальной важности для возникшей послѣ Андроникова изданія сочиненій Аристотеля комментаторской литературы. Такъ какъ у Теофраста не оказалось именъ, которыя можно было бы безъ дальнѣйшаго разсужденія подставить ко взглядамъ на вещество какъ на то *μετάξυ*, то приходилось самостоятельно опредѣлять представителей этого ученія. Между тѣмъ космогоническія представленія древнихъ, которыя могли бы содѣйствовать разрѣшенію темнаго вопроса, разсматривались какъ простая прибавка къ философскимъ взглядамъ, не стоившая съ ними ни въ какой существенной связи; никому не приходило на мысль для опредѣленія начала подробнѣе изслѣдовать по даннымъ, которыя тогда, можетъ быть, еще и можно было найдти, въ какомъ порядкѣ послѣдовательности развивалось изъ него остальное бытіе, чему изъ этого остального бытія приписывались большая легкость, стремленіе къ периферіи цѣлаго и пр. Естественно возникли недоумѣвія и споры. Большинство, опираясь, конечно, на то значеніе, которое придается въ сочиненіяхъ Аристотеля представителямъ ученія о то *μετάξυ*, съ одной стороны, и не находя объясненія слишкомъ рѣдкому упоминанію у него объ Анаксимандрѣ съ обозначеніемъ его имени, съ другой, пришло къ вѣрному заключенію о тождествѣ начала Анаксимандра съ то *μετάξυ*, но въ то же время не сумѣло различить два существенно неодинаковые взгляда на самое то *μετάξυ* и пришло къ странному убѣжденію, что одно и то же начало разумѣется и подъ веществомъ среднимъ по плотности между огнемъ и воздухомъ, и подъ веществомъ среднимъ между воздухомъ и водою. Другіе, раздѣляя, по видимому, послѣднее убѣжденіе первыхъ, ухватились за тотъ фактъ, что по Теофрастову извѣстію Анаксимандръ оставилъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія свое безконечное и, не могши примирить его съ Аристотелевымъ названіемъ этого же безконечнаго то *μετάξυ*, искали иного представителя для ученія о послѣднемъ. Чтò сказано объ Анаксимандрѣ, почти то же приложимо и къ Архелаю. Онъ, правда, говорилъ о началѣ много опредѣленнѣе Анаксимандра; онъ ясно говорилъ, что безконечное, изъ котораго все происходитъ и въ которое все возвращается, не можетъ быть ни одною изъ стихій, данныхъ въ нашемъ мірѣ, что оно не можетъ имѣть тѣхъ противоположныхъ свойствъ, тепла и холода, легкости и тяжести и пр., которыми онъ отличается другъ отъ друга, что эти свойства составляютъ простой результатъ процессовъ уплотненія и разрѣженія; онъ

ясно давалъ то, что Теофрастъ назвалъ *ἀόριστον κατ' εἶδος*, обобщая въ этомъ понятіи вмѣстѣ съ веществомъ Архелая и вещество Анаксимандра и Анаксагора. Но говоря о безконечномъ, различномъ отъ стихій, порождающемъ все чрезъ процессы уплотненія и разрѣженія, описывая самый процессъ возникновенія изъ него стихій, Архелай, конечно, не чувствовалъ никакой потребности разъяснять, что оно имѣетъ плотность и что оно по плотности занимаетъ среднее мѣсто между тою стихіей, происхожденіе которой онъ прямо описывалъ какъ его уплотненіе, и тою, которая, по его космогоніи, стремилась вверхъ вслѣдствіе своей разрѣженности и легкости. Чтò могло бы прибавить такое опредѣленіе для разъясненія начала, сущность котораго полагалась въ возвышенности надъ ограничительными опредѣленіями возниковавшаго изъ него конечнаго бытія? Или чтò могло бы дать это опредѣленіе такого, чтò не было бы ясно изъ самаго космогоническаго процесса? Теофрастъ точно также не нуждался въ искусственномъ терминѣ для обозначенія Архелая безконечнаго, какъ не нуждался въ немъ для обозначенія безконечнаго Анаксимандра. Все это совершенно понятно и естественно. Но результатъ оказался неожиданный: достаточно было незначительной неисправности въ текстѣ древняго извѣстія объ Архелай и отсутствія острой сообразительности у древнихъ компиляторовъ, чтобы его безконечное превратилось и въ воздухъ, и во вторичныя начала, огонь и воду, и даже въ то Анаксагорово смѣшеніе, которое онъ нѣкогда превратилъ въ свое единое, чуждое противоположностей начало. И если эта путаница древнихъ извѣстій не вызвала такихъ же упорныхъ споровъ въ новой историко-философской литературѣ, то это случилось исключительно благодаря скромному мѣсту и значенію, какое Архелай усвоилось въ ней, можетъ быть, впрочемъ, болѣе скромному, чѣмъ какое принадлежало ему на дѣлѣ.

М. Карпинскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРОФЕССОРА В. И. ЛАПШИНА.

Окончавшійся въ концѣ сентября 1888 года въ Одессѣ, на восьмидесятомъ году жизни, профессоръ Василій Ивановичъ Лапшинъ, извѣстный по своимъ ученымъ трудамъ, по преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ, а впослѣдствіи въ Новороссійскомъ университетѣ, и наконецъ по живому участию въ дѣлахъ общественныхъ, оставилъ записки о своей жизни и дѣятельности, какъ въ продолженіе тридцатипятилѣтней ученой службы, такъ и въ отставку¹⁾. Мы имѣли случай познакомиться съ этими любопытными воспоминаніями и въ виду ихъ интереса рѣшились сообщить въ печати извлеченіе изъ этой автобіографіи.

Сынъ бѣднаго, многосемейнаго обывателя Петербурга, бронзоваго мастера (старообрядца), Василій Ивановичъ родился въ 1809 году. Онъ весьма рано почувствовалъ охоту къ грамотѣ и началъ ей учиться на дому чуть ли не по пятому году. Ученье его велось по старинному, по Псалтырю и Часослову. Грамота скоро далась ребенку, и усердіе его простиралось до того, что даже въ зимнюю пору онъ вставалъ очень рано и съ заготовленною сальной свѣчей спѣшилъ явиться къ своему наставнику. Девяти лѣтъ Лапшинъ поступилъ во Владимірское уѣздное училище и былъ порученъ особенному наблюденію строгаго учителя М. А. М. И здѣсь его ученье шло успѣшно, особенно въ ариметикѣ. „Помню“, разказываетъ В. И. Лапшинъ,— „слѣдующій случай: учитель начиналъ повѣрку письменныхъ задачъ

¹⁾ Ученая дѣятельность В. И. Лапшина продолжалась болѣе пятидесяти лѣтъ; первый трудъ его появился въ печати еще въ 1832 году; но ни самъ онъ, среди ученыхъ своихъ занятій, ни другіе не вспомнили объ этомъ юбилеѣ въ 1882 г., и онъ прошелъ совершенно безслѣдно.

всегда съ меня. Разъ оказалась ошибка, которую я тотчасъ и объяснилъ. Просматривая рѣшеніе прочихъ учениковъ, М. увидѣлъ, что у большей части одна и та же ошибка. Значить, задачи списаны съ моихъ. Сурово отнесся М. къ ученикамъ, а меня, раба Божія, тутъ же въ классѣ, для примѣра и внушенія имъ, высѣкъ. Между тѣмъ долженъ сказать, что г. М. толково и усердно училъ, что оказалось на экзаменѣ, произведенномъ неожиданно извѣстнымъ педагогомъ Ѳ. И. Миддендорфомъ, на котораго возложено было порученіе набирать изъ уѣздныхъ училищъ Петербурга лучшихъ учениковъ для педагогическаго института 2-го разряда. Намъ трое удостоены были принятія безъ дальнѣйшаго экзамена“.

Педагогическій институтъ втораго разряда, предназначенный для приготовленія приходскихъ учителей, былъ открытъ въ 1820 году. Ученіе въ немъ было основано на началахъ Песталоцци, и для ознакомленія съ ними посланы за границу были четыре студента Главнаго педагогическаго института, сдѣлавшіеся потомъ извѣстными преподавателями. На институтъ обращалъ особенное вниманіе бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уваровъ; онъ часто пріѣзжалъ, собиралъ кружокъ воспитанниковъ и ласково бесѣдовалъ, объясняя предстоящія имъ обязанности и обѣщая покровительство. „Объ этихъ пріѣздахъ“, замѣчаетъ В. И. Лапшинъ,—„вспоминалось съ признательностью, да и теперь вспоминается съ удовольствіемъ. Въ концѣ третьяго года существованія института нашла на него гроза въ лицѣ извѣстнаго Магницкаго, награнувшаго съ предвзятимъ нечестивымъ намѣреніемъ уничтожить заведеніе. Введено обвиненіе въ свободомысліи и чуть ли не безбожіи. Институтъ закрытъ. Начальнику его Ѳ. И. Миддендорфу и учителямъ пришлось отписываться отъ нареканій. Но какъ надъ ними, такъ и надъ воспитанниками, почилъ заступничество незабвеннаго Сергія Семеновича. Оказалась справедливою поговорка: нѣтъ худа безъ добра. Открылось поприще болѣе обширнаго образованія и назначенія въ будущемъ. Сказать про себя, напримѣръ: какой бы я былъ учитель приходскаго училища, еслибы и пришлось кончить четырехлѣтній курсъ въ институтѣ? Мнѣ не было бы и пятнадцати лѣтъ. Изъ института образовалась первая тогда гимназія, существующая нынѣ подъ названіемъ третьей“.

Въ этой гимназіи В. И. Лапшинъ пробылъ четыре года, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими воспитанниками института, успѣшно кон-

чившими гимназическій курсъ, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ.

Въ автобіографіи В. И. Лапшина сообщаются слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ казеннокоштныхъ студентовъ: „Большая зала, предназначенная для жительства, раздѣлялась перегородкою на двѣ половины. Одна изъ нихъ служила общею спальнею, на день закиралась, другая—для мѣстопробыванія и занятій не въ лекціонное время для тридцати человекъ. Въ этой половинѣ стояли по обѣимъ сторонамъ высокіе, топорной работы, комоды съ ящиками для двухъ студентовъ. Въ нихъ хранилась одежда, книги, бумага, чай, сахаръ, хлѣбъ. Между комодами помѣщались одинъ или два стола рыночныя, предъ каждымъ простая табуретка. Вечеромъ выдавалась сальная свѣча. Уткнувшись въ такой промежутокъ, и приходилось заниматься. Студенты сами продовольствовались чаемъ. Служители приносили горячую воду въ большихъ мѣдныхъ чайникахъ. Утромъ студенты распивали свой чай на-скоро, дорожа временемъ до начала лекцій. За то вечернее чаепитіе было раздольное, сопровождавшееся шумнымъ весельемъ на разные лады: кто распѣвалъ, кто плясалъ, кто принимался играть на скрипичѣ и на флейтѣ. Не скоро унималась отдыхающая отъ трудовъ компанія. Вотъ и извольте тутъ заниматься, приготовляться къ лекціямъ. Нечего дѣлать! Занимались и среди оглушающаго гама. Потеря времени вознаграждалась контрабандною урывкою часа или двухъ послѣ десяти часовъ, когда предписывалось отходить ко сну въ другую половину залы. Изрѣдка, и то урядкою, удавалось охотникамъ и болѣе меня смѣлымъ пробраться въ театръ, куда влекли, во что бы ни стало, Каратыгинъ и Мочаловъ¹⁾. Уходили пораньше, чтобы занять удобныя мѣста въ райкѣ. Добродушный субинспекторъ Врутъ какъ будто и не замѣчалъ недозволительныхъ за полночь отлучекъ. Студентамъ выдавались на руки по пятидесяти копѣекъ ассигнаціями въ мѣсяцъ на разныя нужды. Среди такой обстановки пришлось провести полтора года въ университетѣ, когда для нѣкоторыхъ изъ насъ открылась привлекательная перспектива поступить въ профессорскій Дерптскій институтъ.

Мысль объ этомъ учрежденіи и проектъ его принадлежали академику Парроту-отцу. „Въ то блаженное время“, говоритъ В. И. Лап-

¹⁾ Здѣсь, кажется, память измѣнила В. И. Лапшину: Мочаловъ былъ московскій актеръ, а не петербургскій.

шинъ, — „университеты наши наполнены были иностранцами. Какъ на каедрѣ, такъ и въ совѣтахъ и училищныхъ комитетахъ, слышалось разноязычіе. Устранить это неудобство Парротъ находилъ возможнымъ образованіемъ достойныхъ русскихъ профессоровъ, которые, преподавая на русскомъ языкѣ многоразличные предметы, обрабатывали бы и самый языкъ научнымъ образомъ. Считаю излишнимъ распространяться о томъ, какія мѣры приняты, чтобы привести предположеніе въ исполненіе. Невольно поражаешься контрастомъ благонамѣреннаго отношенія къ ученому образованію молодыхъ еще людей достойнаго стараго академика и эгоистическаго невниманія теперешнихъ господъ Академіи къ русскимъ уже профессорамъ, пользующимся ученымъ почетомъ и за границею. А съ тѣхъ поръ прошло вѣдь слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ! Въ числѣ шести студентовъ Петербургскаго университета и я былъ удостоенъ поступленія въ профессорскій институтъ. Въ 1828 г. отправился въ Дерптъ къ началу академическаго года, гдѣ и пробылъ до весны 1833 года, окончивъ курсъ со степенью магистра философіи по физико-математическому отдѣленію. Пребываніе профессорскаго института въ Дерптѣ замѣчательно въ слѣдующемъ отношеніи. Кромѣ профессоръ-студентовъ, какъ называли насъ нѣмцы, русское общество посѣщающихъ лекціи составляли два сына Н. М. Карамзина, два сына графа Виттгенштейна—Алексій и Николай Петровичи, графъ Владиміръ Ал. Соллогубъ, Владиміръ Ивановичъ Даль, Ив. Ѡ. Золотаревъ, Соболицы-Ковъ, нѣсколько офицеровъ и моряковъ (Зеленый, Кемецкій), которые специально занимались на обсерваторіи астрономическими наблюденіями. Въ то же время проживали въ Дерптѣ извѣстный нашъ поэтъ Языковъ и астрономъ Ѡедоровъ. П. И. Прейсъ, бывшій старшимъ учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи, а потомъ отправленный за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, былъ дорогимъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Въ составившихся по временамъ литературныхъ собраній В. И. Даль читалъ свои знаменитыя послѣдствіи сказки, слагаемыя изъ поговорокъ и пословицъ, чѣмъ приводилъ слушателей въ восторгъ. Многіе изъ членовъ профессорскаго института пользовались благосклоннымъ пріемомъ и вниманіемъ въ домѣ Е. А. Карамзиной, Березиной и Протасовой. Дерптскіе студенты тогдашняго времени, у которыхъ въ большомъ еще ходу были нѣмецкія дуэли, постановили въ своихъ корпораціяхъ или ландеманшафтахъ не вызывать на дуэль профессоръ-студентовъ. Да и повода къ этому ни разу не оказалось. Помню поѣздку всего русскаго на-

шего общества въ Верро ради прогулки на нѣсколько дней. Извѣстный всѣмъ дерптскимъ студентамъ и городу фурманъ Фохтъ доставилъ нѣсколько штутьвагеновъ, запряженныхъ борзыми тройками. Компанія шумно отправилась и весело провела три дня. Графъ Сологубъ описалъ эту прогулку въ стихахъ. На долю каждаго изъ участвовавшихъ досталось юмористическое словцо. Не знаю, сохранилось ли у кого-нибудь это стихотвореніе. Про себя помню, что на меня возложена была экономическая часть поѣздки*.

Затѣмъ Василій Ивановичъ получилъ командировку за границу. Главнымъ мѣстопребываніемъ за границею назначенъ былъ Берлинъ. „Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ“, говоритъ онъ, — „слушали лекціи математическаго анализа у профессора Lejeune-Ditichlet, физику—у профессора Ермана-отца, практическіе приемы опредѣленія долготы и широты мѣстъ—у Ермана-сына, извѣстнаго возвращеніемъ изъ кругосвѣтнаго путешествія чрезъ Сибирь, изучившаго русскій языкъ, оптику и метеорологію—у профессора Дове, физическую географію—у профессора Гофмана. На нѣкоторыхъ изъ его лекцій пришлось видѣть Гумбольдта. Выслушалъ курсъ логики, читанный профессоромъ Неппінгъ, ревностнымъ послѣдователемъ философіи Гегеля. Въ осеннее время совершены были два путешествія по нѣмецкимъ землямъ. Перебраться за Рейнъ во Францію не дозволялось. По Гарцу пробродилъ десять дней въ сообществѣ съ любезнымъ и дорогимъ Д. Л. Крюковымъ. Изъ Франкфурта-на-Майнѣ до Лейпцига шелъ большею частью пѣшкомъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присаживаясь въ попутный дилижансъ*.

По возвращеніи В. И. Лапшина въ 1835 году изъ-за границы, состоялось назначеніе его адъюнктъ-профессоромъ въ Харьковъ. Въ 1838 году онъ получилъ степень доктора математическихъ наукъ, а въ 1839 былъ избранъ совѣтомъ университета въ ординарные профессора, но министерствомъ утвержденъ только экстраординарнымъ по кафедрѣ физики и физической географіи. „Въ тѣ времена“, прибавляетъ авторъ, — „не допускалось быстро шагать“. Черезъ годъ совѣтъ, не подвергая новой баллотировкѣ, представилъ Лапшина въ ординарные, и тогда уже состоялось его утвержденіе въ этомъ званіи. Черезъ годъ или два послѣ того онъ былъ избранъ деканомъ факультета, но „отказался отъ этого почета, считая себя еще слишкомъ молодымъ“. По истеченіи обычнаго двадцатипятилѣтнаго срока, онъ былъ избранъ весьма значительнымъ большинствомъ шаровъ (19 изъ 23) на слѣдующее пятилѣтіе.

Дѣятельность В. И. Лапшина въ Харьковскомъ университетѣ съ 1835 по 1865 годъ проявилась не только въ преподаваніи, но и въ рядѣ ученыхъ сочиненій, сдѣлавшихъ извѣстнымъ его имя. О своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ и начальству В. И. Лапшинъ выражается слѣдующимъ образомъ: „При самостоятельности мнѣній и добросовѣстности дѣйствій, какъ въ факультетахъ, такъ и совѣтѣ, соединенныхъ съ уваженіемъ къ другимъ членамъ, сохранилъ и независимость своихъ взглядовъ въ отношеніяхъ съ начальствомъ. Памятна бесѣда съ княземъ Долгорукимъ, соединявшимъ съ званіемъ генералъ-губернатора и званіе попечителя университета. Князь не терпѣлъ противорѣчій. Меня предупреждали имѣть это въ виду и придерживать языкъ, когда нужно было обратиться къ нему съ просьбою объ отпускѣ въ Москву не въ обычное время. Представленіе его сіятельству совпадало съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Князь потребовалъ отъ членовъ объясненій, почему г. Н не избранъ въ профессора. Князь получилъ отъ cadaго члена въ запечатанномъ пакетѣ отвѣтъ, что руководствовался въ семъ случаѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ долга. Князь отнесся сначала ко мнѣ съ упрекомъ, что я присоединился къ старикамъ; но потомъ благосклонно выслушалъ мои возраженія и въ концѣ концовъ объявилъ, что онъ пришлетъ мнѣ рекомендательное письмо къ губернатору Москвы по моему дѣлу. Надо отдать справедливость князю въ его желаніи знакомиться съ потребностями университета и содѣйствовать его преуспѣванію. Одинъ ректоръ при докладахъ своихъ нерѣдко выражался: „какъ угодно вашему сіятельству“. „Что вы говорите: какъ мнѣ угодно; я желаю рѣшить такъ, какъ слѣдуетъ, и спрашиваю васъ, а вы твердите: какъ мнѣ угодно“.

Объ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ Василій Ивановичъ сообщаетъ слѣдующее: „Заботливость къ студентамъ выражалась доставленіемъ имъ изъ библіотеки собственной и университетской книгъ для письменныхъ задачъ по разнымъ предметамъ физики. Казенно-коштные студенты занимались метеорологическими наблюденіями. Назначено дежурство. Отбывшій свой день, представлялъ записку, что всѣ инструменты въ исправности. Что студенты сохранили добрую память, то, помимо заявленій о томъ при разныхъ случаяхъ, свидѣтельствуется фотографія, представляющая студентовъ, окончившихъ курсъ, окружающихъ своего профессора.

„До устава 1863 года студенты находились подъ надзоромъ особаго инспектора съ его помощниками. На нихъ лежала обязанность

ставить оти́тки въ поведеніи и списки представлять въ совѣтъ. Факультету не разъ приходилось просить инспекцію о перемѣнѣ. Но были случаи, когда инспекція отказывала и давать отчетъ. Подобныя притязанія заставляли входить съ особымъ мнѣніемъ. Инспекторы изъ военныхъ лицъ стремились поставить себя въ независимое положеніе отъ совѣта.

„Оти́тка меньше 4 на экзаменѣ окончательномъ по закону Божию препятствовала удостоенію степени кандидата. Студенты не охотно посѣщали лекціи закона Божія, являлись на экзаменъ, не готовясь надлежащимъ образомъ, а припоминая, что вынесли когда-то изъ гимназіи. Экзамены по закону Божию въ математическомъ факультетѣ принимали иногда курьезное направленіе. Профессора-ассистенты обращались съ разными вопросами къ профессору богословія, а студентъ, едва услѣвшій кое-что сказать, оставался слушателемъ. Въ концѣ концовъ профессоръ богословія ставилъ желательныя оти́тки. Подобныя исторіи заставили меня при обсужденіи въ совѣтѣ записки министра народнаго просвѣщенія по поводу новаго устава 1863 года высказать мнѣніе, со внесеніемъ его въ журналъ: „или совсѣмъ исключить изъ предметовъ университетскаго курса законъ Божій въ томъ видѣ, какъ велось и слушалось преподаваніе его, или учредить богословскій факультетъ“.

„Студенческая касса — учрежденіе полезное, каковымъ считалъ оное и бывший попечитель Харьковскаго университета Д. С. Левшинъ, которому надобно отдать справедливость за тотъ здравый и практическій тактъ, съ которымъ онъ вообще относился къ университетскому быту. Принявъ прошеніе отъ студентовъ объ устройствѣ кассы и составленный ими проектъ, онъ разрѣшилъ подъ условіемъ, чтобы избрали изъ профессоровъ руководителя и, такъ сказать, отвѣтственное лицо предъ начальствомъ. Выборъ палъ на меня, и касса утверждена. Отъ каждаго факультета былъ одинъ депутатъ. Они производили выдачу и вели счета. Дѣло шло хорошо, ссуды возвращались. Случалось, что окончившіе курсъ студенты просили объ отсрочкѣ долга до поступленія на службу. Не было, сколько помнится, примѣра, чтобы обязательство не было выполнено....

„Охотниковъ заниматься во второй воскресной школѣ съ желающими учиться нашлось много студентовъ и стороннихъ лицъ. Помѣщалась въ одной изъ аудиторій университета. Студенты-преподаватели избрали меня руководителемъ, согласясь съ мнѣніемъ, что выпреннія увлеченія и фантазіи не подходятъ къ потребностямъ гра-

мощности и довѣрчивому желанію слушателей пріобрѣсти полезныя знанія. Принято, послѣ непродолжительныхъ разговоровъ, условіе не курить во время занятій. Средства школы, благодаря пожертвованіямъ, были достаточныя. На нихъ пріобрѣтались книги для чтенія и учебныя пособія. Поступавшія и расходующія суммы ежемѣсячно свидѣтельствовались по книгѣ, которая велась аккуратно. Въ кассѣ школы, въ продолженіе двухъ лѣтъ, имѣлось денегъ 463 руб. 33 к. Прощальное привѣтствіе студентовъ, за подписью ихъ, передъ отъѣздомъ моимъ за границу въ 1861 г. свидѣтельствуетъ о взаимномъ между нами согласіи и добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ обязанностей“.

Въ 1861 году В. И. Лапшинъ совершилъ вторую поѣздку за границу, а въ 1862 отправился туда въ третій разъ, именно на Лондонскую всемірную выставку. Объ этой поѣздкѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Имѣлось, между прочимъ, въ виду представить свой самопишущій вѣтровой сварядъ. Предварительно составлено на англійскомъ языкѣ и отпечатано краткое описаніе его съ приложеніемъ подробнаго чертежа: The anemograph of M-r Lapsshine, pr. of the university of Kharkof (Russia). Пришлось прибыть на выставку поздно. Приборъ не могъ быть внесенъ въ каталогъ. Уѣзжая изъ Лондона, я оставилъ сварядъ у извѣстнаго механика Казеллы, прося его передать Кенсингтонскому музею въ даръ отъ моего имени. По испытаніи устройства и дѣйствія его, совѣтъ Кенсингтонскаго музея увѣдомилъ меня въ 1864 году, что мой даръ принять съ признательностью“.

Кромѣ путешествій за границу, въ теченіе своей профессуры въ Харьковѣ, В. И. Лапшинъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи. Такъ, раннею весной 1847 года онъ плавалъ по Москвѣ-рѣкѣ, а въ 1855 году командированъ былъ въ Москву, вмѣстѣ съ профессоромъ А. О. Валицкимъ, въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго университета по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета. „Совѣтъ Харьковскаго университета“, говоритъ В. И. Лапшинъ по этому случаю, — „не позаботился приготовить привѣтствія въ приличной, соотвѣтствующей торжеству формѣ, какъ это водится. Намъ вручили пакетъ обыкновенныхъ исходящихъ бумагъ на канунѣ выѣзда. Некогда было напоминать, что такъ не годится. По пріѣздѣ въ Москву, положили исправить невниманіе нашего университета произнесеніемъ особой привѣтственной рѣчи на латинскомъ языкѣ. Неожиданность подобнаго привѣтствія, соотвѣтствовавшаго достоинству торжества и произнесен-

наго профессоромъ Валицкимъ звучнымъ голосомъ во услышаніе всего многочисленнаго собранія, произвела сильное, а для насъ успокоительное впечатлѣніе. Говоръ въ послѣдовавшихъ собраніяхъ и по всей Москвѣ лестнымъ отзывомъ награждалъ оратора“.

Кромѣ университета, В. И. Лапшинъ преподавалъ физику въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ.

Въ 1865 году В. И. Лапшинимъ были произведены научныя изслѣдованія въ виду предстоящаго устройства водопровода въ Харьковѣ. Вотъ какъ разказываетъ о томъ самъ автобіографъ: „Предварительно обращено было вниманіе на источники воды въ окрестностяхъ Харькова, какъ по качеству, такъ и по количеству, могущему быть доставленнымъ въ сутки. Карповская вода ¹⁾ оказалась самою чистою. Открытъ былъ въ саду источникъ воды, которую пила императрица Екатерина II во время пребыванія своего въ Харьковѣ. Старожилы и звали его Екатерининскимъ. Въ теченіе времени онъ засорился. Какое количество воды можетъ дать Карповскій садъ, производились мною зимою въ 1864—1865 годахъ изслѣдованія съ инженеромъ Каторскимъ. Отъ имени комиссіи, назначенной городомъ и состоявшей подъ моимъ предсѣдательствомъ, представленъ въ думу подробный печатный отчетъ и проектъ устройства водопровода и фонтановъ, въ количествѣ 200,000 ведръ въ сутки, по расчету тогдашняго народонаселенія въ 50,000 жителей. Указанъ запасъ источниковъ, могущихъ продовольствовать увеличившееся со временемъ число жителей. Смѣта вышла въ 260,000 р. Въ настоящее время проведеніе воды въ Харьковѣ изъ того же сада обошлось вчетверо дороже на число жителей вдвое большее. Благодаря содѣйствію владѣльца сада г. Карпова, изслѣдовано до пятидесяти образцовъ воды изъ разныхъ источниковъ, колодцевъ, рѣкъ Лопани и Харькова, гигрометрически указано процентное содержаніе неорганическихъ веществъ. Результаты проверены въ химической лабораторіи профессоромъ Н. Н. Бекетовымъ“.

Въ 1865 году В. И. Лапшинъ оставилъ Харьковскій университетъ, при чемъ былъ избранъ его почетнымъ членомъ. Скромный ученый не предполагалъ было продолжать ученую службу, но обстоятельства сложились иначе. Происходившее въ 1865 году преобразование Одес-

¹⁾ То-есть, вода источниковъ такъ-называемаго Карповскаго сада близъ Харькова.

скаго Ришельевского лица въ Новороссійскій университетъ побудило тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина предложить В. И. Лапшину занять въ немъ кафедру физики. Василій Ивановичъ согласился и прослужилъ въ Одессѣ пять лѣтъ, съ 1865 по 1870 годъ. Объ этой своей службѣ и связанныхъ съ нею занятіяхъ онъ разказываетъ слѣдующее:

„На первыхъ порахъ пришлось обратить особенное вниманіе на устройство физическаго кабинета, который найденъ былъ мною крайне бѣднымъ. Значительная сумма денегъ употреблена была на приобрѣтеніе капитальныхъ инструментовъ изъ-за границы отъ первостатейныхъ механиковъ, какъ по письменнымъ, такъ и по личнымъ сношеніямъ, завязаннымъ еще со времени путешествій въ 1861 и 1862 гг. Пришлось отвоевывать настоящее помѣщеніе въ бывшихъ совѣщательныхъ комиссіяхъ.

„Въ 1866 году я совершилъ путешествіе на островъ Санторинъ, въ сосѣдствѣ котораго, на одномъ изъ мелкихъ острововъ, происходили вулканическія изверженія и образовался новый вулканъ Георгъ I. Кабинетъ физической географіи снабженъ большимъ собраніемъ вулканическихъ продуктовъ въ разныхъ степеняхъ дѣйствовавшаго на нихъ огня. Имѣется письмо графа Кайзерлинга, въ которомъ лестно отзывается о моемъ описаніи, а также письмо академика Гельмерсена.

„Въ 1868 году, по распоряженію русскаго правительства, снаряжался въ городъ Николаевъ военный корветъ „Львица“ для произведенія промѣровъ глубины въ Черномъ морѣ. Ходатайствовала объ этомъ англійская компанія индѣйской телеграфной линіи, имѣвшая въ виду найти удобное мѣсто для проложенія электрическаго каната съ береговъ Крыма на восточный берегъ кавказскій Чернаго моря. Испросивъ разрѣшеніе главнаго начальника морскаго вѣдомства въ Николаевѣ, генерала-адъютанта Глазенапа, принять участіе въ этой экспедиціи, въ продолженіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ я имѣлъ случай познакомиться съ приемами промѣровъ, опредѣленіемъ температуры морской воды на разныхъ глубинахъ, съ теченіями морскими. Результаты плаванія изложены въ статьѣ: „Плотность воды Чернаго моря и замѣтки объ устройствѣ батометра“.

„Начались при мнѣ метеорологическія наблюденія въ университетѣ по общепринятой у насъ программѣ Главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ; ежедневно передаются телеграммы въ Петербургъ и Парижъ, каждый мѣсяць отправляется сводъ наблюденій. Эту обязанность принялъ на себя безвозмездно кандидатъ

Харьковскаго университета В. О. Сталевичъ, считающійся приспѣшникомъ физическаго кабинета. Для каедръ физической географіи и метеорологіи не полагается даже по уставу необходимаго лица для производства наблюденій. Надобно сказать, что немного найдется охотниковъ аккуратно заниматься этимъ дѣломъ изо дня въ день. Гдѣ бы ни случилось быть вечеромъ, бѣги къ девяти часамъ на обсерваторію, не смотря на непогоду; вѣтъ ни праздниковъ, ни каникулъ. Въ 1866 году пріѣзжалъ въ Одессу сирь Гартлей, предсѣдатель международной комиссіи по устройству Сулинскаго устья Дуная, вошелъ къ генераль-губернатору Коцебу съ предложениемъ учредить метеорологическія станціи по берегамъ Чернаго моря и связать ихъ съ Суливою. По этому поводу мнѣ пришлось войти въ близкія сношенія съ сиромъ Гартлеемъ и въ представленной генераль-губернатору запискѣ изъявить готовность содѣйствовать предположенію, на сколько это окажется возможнымъ. Но только-что открытому университету предстояли заботы собственнаго устройства. Затѣвать хотя полезное, но считавшееся излишнимъ и не по средствамъ, было не возможно. Обстоятельства не были къ тому благоприятны и своевременны. Случившійся въ это время въ г. Одессѣ г. Морицъ, директоръ Тифлисской метеорологической обсерваторіи и завѣдывавшій метеорологическими станціями Кавказа, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и съ своей стороны изъявлялъ готовность содѣйствовать предпріятію. Въ настоящее время, то-есть, съ 1881 года, каедръ физической географіи и метеорологіи занята въ Новороссійскомъ университетѣ достойнымъ преподавателемъ. Въ недавнее только время изученіе атмосферическихъ перемѣнъ въ изслѣдованіяхъ такъ-называемыхъ циклоновъ и антициклоновъ получило такое развитіе, что оказывается уже возможнымъ съ большою достовѣрностью предсказывать значительныя возмущенія въ атмосферѣ и сообщать предостереженія, кому о томъ знать и вѣдать интересно и нужно. Г. Клоссовскій издалъ въ 1882 году и сочиненіе по этому предмету. Онъ же въ 1883 году, въ заключеніе статьи своей „Климатическія особенности Одессы“, на основаніи шестнадцатилѣтнихъ уже наблюденій г. Сталевича, высказалъ мысль, что учрежденіе въ Одессѣ центральной метеорологической обсерваторіи юга имѣетъ тройное значеніе: 1) чисто теоретическое—для изученія физической стороны отдѣльныхъ явленій, какъ метеорологическихъ, такъ и магнито-электрическихъ; 2) обсерваторія послужила бы ядромъ цѣлой сѣти наблюденій, разработка которыхъ могла бы дать полезныя указанія

для земледѣльца; 3) обсерваторія посылала бы предостереженія о приближающихся буряхъ въ порты Чернаго моря. Три учрежденія, слѣдовательно, являются одинаково заинтересованными — университетъ, общество сельскихъ хозяевъ и общество пароходства и торговли. Совокупными усиліями возможно было бы осуществленіе этого неотложнаго дѣла. Обстоятельства слагаются, по видимому, благоприятно. Докладная записка г. Клоссовскаго выслушана со вниманіемъ и участіемъ въ статистическомъ комитетѣ Одесскаго земства; предполагено напечатать ее въ числѣ пятисотъ экземпляровъ и разослать чрезъ посредство земства. Не могу не порадоваться и не пожелать успѣха въ такомъ важномъ ученomъ и практическомъ предпріятіи.

„Городскому управленію г. Одессы не разъ приходилось заявлять о томъ, что газовая коммиссія не исполняетъ контракта, заключеннаго съ думою относительно надлежащаго освѣщенія города. Признано нужнымъ отнестись въ университетъ и просить произвести повѣрку изъ трехъ профессоровъ и лицъ городского управленія. На меня, какъ предсѣдателя коммиссіи, выпала необходимая доля занятій. Результаты изложены въ докладѣ довольно обширномъ и представлены думѣ. Какъ отнеслась дума къ докладу, осталось неизвѣстнымъ. А что дума не могла справиться съ обществомъ газовымъ и послѣ того и заставить быть добросовѣстнѣе, не разъ подтверждалъ профессоръ Вериго, печатая химическія изслѣдованія о недостаткѣ чистаго газа“.

Оставивъ Новороссійскій университетъ, В. И. Лапшинъ поселился въ Феодосіи „съ тѣмъ“, какъ онъ говоритъ, — „чтобы жить спокойно, отдыхать послѣ тридцатипятилѣтнихъ трудовъ“. Онъ купилъ себѣ небольшую дачу подлѣ городомъ, близъ моря, съ садомъ и виноградникомъ, и основался здѣсь. Однако дѣятельная натура Василія Ивановича не могла ограничиться тѣсною сферою домашней жизни. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ городской общественной дѣятельности — сталъ предсѣдателемъ церковнаго попечительства, гласнымъ Феодосійской думы и членомъ управы (безъ жалованья). Но на этомъ поприщѣ энергія В. И. Лапшина и его добросовѣстное отношеніе въ дѣлу встрѣтили противодѣйствіе со стороны своекорыстныхъ интересовъ другихъ лицъ, и въ концѣ концовъ ему пришлось отказаться отъ участія въ городскихъ дѣлахъ; кромѣ того, непріятности разстроили его здоровье, а впоследствии даже вынудили покинуть Феодосію; купленная дача была продана.

Однимъ изъ эпизодовъ общественной дѣятельности В. И. Лапшина

въ Θεодосіи было исполненіе обязанностей почетнаго попечителя мѣстной прогимназіи, по выбору думы. Этому дѣлу В. И. Лапшинъ отдался всею душою: „По избраніи думою почетнымъ попечителемъ прогимназіи, принесъ на первое ея обузавденіе въ даръ значительное количество книгъ изъ своей библіотеки по предметамъ физики, математики и исторіи. Кромѣ того, пожертвовалъ два физическихъ прибора. Принималъ участіе въ педагогическомъ совѣтѣ, посѣщалъ уроки. Желая войти въ ближайшія отношенія съ преподавателями, приглашалъ къ себѣ. Задумалъ устроить педагогическія бесѣды съ учебнымъ персоналомъ прогимназіи. Однимъ словомъ, я смотрѣлъ на обязанности почетнаго попечителя иначе, нежели какъ это обыкновенно ведется. Почетный попечитель, по моему мнѣнію, есть посредникъ между обществомъ и учебнымъ заведеніемъ. Общество, конечно, не мѣшается ни въ учебное дѣло, ни въ другіе заведенные порядки, но бывають случаи, когда подымается говоръ неудовольствія, рождающагося изъ разказовъ учениковъ. Попечитель обязанъ узнавать правду и устранять недоразумѣнія и поводы къ нимъ. Дошелъ до меня однажды слухъ, что преподаватель закона Божія грубо и бранчиво обращается съ воспитанниками. Я попросилъ къ себѣ на келейную бесѣду инспектора и отца А. Смутился онъ, неожиданно захваченный, и не могъ отвергнуть высказаннаго мною. Посовѣтовалъ воздерживаться отъ неприличныхъ выходокъ, оберегать заведеніе и себя“. Задуманныя В. И. Лапшинымъ педагогическія бесѣды просуществовали недолго: „Составлена программа. Предложеніе принято, по видимому, охотно, назначено собираться хотя разъ въ мѣсяцъ. Два засѣданія было;—тѣмъ и кончилась попытка. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ ожиданій — вотъ пожалуйтъ господа педагоги, пришлось сказать инспектору: „честь предложена, отъ убытка Богъ избавилъ“. Къ какому же заключенію можно прійти по этому поводу? Просто сказать, что бесѣды показались не по-нутру, выходящими изъ рутиннаго отношенія къ преподаванію по программамъ, даннымъ министерствомъ,—не по-нутру, потому что поднятые въ засѣданіи вопросы потребовали бы особенныхъ занятій и самостоятельныхъ взглядовъ на предметъ. Но самостоятельность намъ не подѣ статья, да и не требуется“...

В. И. Лапшинъ однако не унывалъ, даже встрѣчая равнодушіе со стороны мѣстнаго общества. Онъ рѣшился послужить дѣлу народнаго образованія не только совѣтами, но и прямымъ трудомъ: въ 1871 году онъ основалъ въ Θεодосіи народную школу и самъ сталъ

въ ней главнымъ преподавателемъ. Разказъ объ этомъ предпріятіи въ высшей степени любопытенъ:

„Предстоявшее въ юности назначеніе учительствовать въ народной школѣ отозвалось чрезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ открытіемъ школы въ Θεодосіи, въ которой самъ былъ учителемъ. Въ педагогикѣ не мыслимы подобныя курьезныя скачки; педагогія требуетъ постоянныхъ занятій, практическихъ упражненій въ примѣненіи вырабатываемыхъ ею началъ. Профессорство—еще не достаточное ручательство умѣнья вести дѣло школьнаго обученія, начальнаго образованія и воспитанія. Не всякій профессоръ къ тому годенъ. Педагогія занимала меня въ продолженіе всей жизни. Прочная закладка положена въ институтѣ и потомъ въ гимназій. Въ Дерптѣ часто приходилось бесѣдовать съ П. И. Прейсомъ о разныхъ педагогическихъ вопросахъ, на которые онъ обращалъ особенное вниманіе, какъ учитель русскаго языка въ гимназій. Ему я обязанъ знакомствомъ въ то еще время (въ 1829 г.) съ звуковымъ способомъ обученія чтенію, который онъ съ успѣхомъ прилагалъ при преподаваніи грамоты нѣмецкимъ ученикамъ... Въ 40-хъ годахъ я употреблялъ разръзную азбуку для своихъ дѣтей. Въ бытность за границею въ 1833—1835 гг. я читалъ отчеты директоровъ гимназій, пріобрѣталъ извѣстныя въ то время педагогическія сочиненія. Во время путешествія по Саксоніи, по выѣздѣ изъ Дрездена, я остановился въ Пирнѣ, зашелъ въ школу, бесѣдовалъ съ учителемъ и получилъ отъ него печатный отчетъ о занятіяхъ окончившагося года. Подобная самостоятельность тогда еще поражала меня. Въ Харьковѣ самъ училъ своихъ дѣтей. Два брата были на моихъ рукахъ. Преподаваніе физики въ институтѣ дѣвицъ (въ Харьковѣ) шло успѣшно именно потому, что соблюдалъ неизмѣнное правило удостовѣриться послѣ каждаго урока посредствомъ вопросовъ въ пониманіи сообщеннаго, при чемъ преимущественно имѣлись въ виду слабѣйшія. Воспитанницы безъ труда приготавливали уроки, и даже слабыя по другимъ предметамъ отвѣчали сознательно и толково. Замѣчу мимоходомъ: учитель есть и преподаватель, въ то же время и наблюдатель за вниманіемъ учениковъ или ученицъ. Его дѣло и умѣнье застигнуть врасплохъ разсѣяннаго мальчика или дѣвочку вопросомъ: о чемъ я говорилъ сейчасъ?... Итакъ, годами слагалась педагогическая опытность, закончившаяся пятилѣтними трудами въ Θεодосійской школѣ. Нѣсколько тетрадей наполнено замѣтками по разнымъ педагогическимъ вопросамъ.

„Открытие школы вызвано было ошутительною потребностью ученья, котораго лишено было множество дѣтей по тѣснотѣ помѣщенія въ одномъ домѣ приходскаго и уѣзднаго училища ¹⁾. Дѣвочкамъ же все негдѣ было учиться; по неволѣ обращались къ плохимъ учительницамъ, платя рубль и болѣе въ мѣсяць. Такая скудость образованія дѣтей и не совсѣмъ недостаточныхъ родителей вызвала въ совѣтѣ приходскаго попечительства мысль объ устройствѣ народной школы. Къ обязанностямъ попечительства, по инструкціи святѣйшаго синода, принадлежитъ учрежденіе благотворительныхъ заведеній и школъ. При скудости средствъ, составлявшихся изъ взноса небольшого числа членовъ, нельзя было и думать о школѣ. Но дѣло устроилось инымъ образомъ. Я заявилъ о своей готовности принять на себя обученіе дѣтей, а бывший староста церковный Н. Н. Тр. (раненый герой севастопольскій) и настоятель собора І. Пкс. нашли возможнымъ предложить на первое обзаведеніе 200 рублей и помѣщеніе для небольшого числа учащихся (10—15 человекъ). Съ надеждою на постороннюю помощь и сочувствіе ревнителей народнаго образованія, попечительство вошло съ представленіемъ къ епархіальному начальству объ устройствѣ при Александровскомъ соборѣ школы грамотности, на что и послѣдовало разрѣшеніе въ 1871 г. Что потребность учиться была велика, явствуетъ изъ весьма значительнаго заявленія, какъ безграмотныхъ, такъ и учившихся болѣе или менѣе, достигшаго до 120 мальчиковъ и дѣвочекъ. Это обстоятельство измѣнило взгляды и расчеты. Отказываться было неудобно. Большинство родителей изъявили согласіе платить по 50 коп. въ мѣсяць, говоря, что больше тратили, а пользы мало видѣли. Многія лица выразили готовность принять участіе въ преподаваніи. Комитетъ грамотности, состоящій при Императорскомъ Вольно-экономическомъ обществѣ, выслалъ уже весьма значительное количество книгъ. Стали стекаться пожертвованія и деньгами. Такимъ образомъ, приходилось вести дѣло народной школы въ размѣрахъ, превосходящихъ начальное предположеніе. Съ Божіею помощію школа открыта въ 1871 году.

„Тѣсно было въ квартирѣ, первоначально нанятой. Послѣ новаго года заняты были школою отдѣльный домъ за 330 рублей въ годъ. Ученики и ученицы раздѣлены были на группы по мѣрѣ познаній. Каждая группа находилась въ вѣдѣніи особаго преподавателя или

¹⁾ Впослѣдствіи мнѣ же пришлось содѣйствовать отдѣльному существованію ихъ при увеличенномъ содержаніи. (Примѣчаніе В. И. Лапшина).

особой преподавательницы. Черезъ два года школа превратилась въ трехклассное училище; послѣдній классъ двухгодичный. Предметы преподаванія были: законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, географія, русская исторія, чистописаніе, черченіе, начала геометріи, шитье, пѣніе. Въ этомъ составѣ школа существовала до 1875—76 года уже въ моемъ домѣ.

„Въ настоящихъ воспоминаніяхъ считаю излишнимъ распространяться обо всемъ школьномъ обиходѣ... Ограничусь нѣкоторыми свѣдѣніями, могущими дать понятіе, что эта за школа была, и достигла ли она какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ въ періодъ эфемернаго своего существованія.

„Расширившійся кругъ преподаванія предметовъ въ школѣ требовалъ удовлетворенія соответствующими руководствами, книгами для чтенія и наглядными пособиями... О наглядныхъ пособияхъ прилагалъ особенную заботливость. Приходилось не разъ слышать, что наши учебныя пособия — излишняя роскошь для народной школы. Я другаго мнѣнія относительно этого предмета. Неразвитость дѣтей бѣднаго класса зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что они лишены возможности видѣть и слышать то, въ средѣ чего вращаются дѣти достаточныхъ семействъ. А Богъ и бѣдныхъ надѣлилъ способностями. Кто принялъ на себя обязанность ихъ развитія и образованія въ извѣстныхъ, доступныхъ предѣлахъ, тотъ и долженъ позаботиться о такихъ пособияхъ, которыя облегчили бы болѣе трудное для нихъ обученіе. И учащимъ, имѣющимъ подъ рукою все необходимое, легко вести дѣло надлежащимъ образомъ и дѣтямъ вразумительно. Впослѣдствіи времени нѣкіе думскіе господа заявляли, что такая школа и вовсе не нужна.

„Средства для существованія школы сложились изъ пожертвованій частными лицами, назначенія временныхъ пособій общественными учрежденіями и взноса за ученіе. Учебныя книги, аспидныя доски и письменныя принадлежности приобрѣтались въ значительномъ количествѣ и выдавались дѣтямъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ покупались. И тѣ, и другія пособия бѣдные получали бесплатно, независимо отъ освобожденія отъ взноса за ученіе. Таковыхъ среднимъ числомъ приходилось болѣе 40%. При этомъ помнилось о томъ вниманіи и усердіи къ народной школѣ, которыя, въ первый же годъ ея существованія, выказали нижніе чины 13-го стрѣлковаго батальона, собравшіе, по добровольной подпискѣ, истинно евангельскими лептами, 11 руб. 33¹/₂ коп. Они же устроили въ казармахъ спектакли и препроводили еще 130 руб. 15¹/₂ коп. О такомъ сочувствіи къ

школъ въ свое время заявлено съ глубочайшею признательностію въ одной изъ одесскихъ газетъ.

„По случаю открытія занятій съ неграмотными чинами 52-го Виленскаго полка, заступившаго въ Θεодосіи мѣсто 13-го стрѣлковаго батальона, школа, памятуя великую жертву его, препроводила нѣсколько столовъ, азбукъ, книгъ для чтенія, евангелій, молитвенниковъ, аспидныхъ и гуттаперчевыхъ досокъ.

„Достигла ли школа какихъ осязательныхъ результатовъ въ кратковременное свое существованіе? Нѣсколько данныхъ укажутъ, что кое-что сдѣлано. Одна изъ ученицъ А. (16 лѣтъ) подавала большія надежды къ дальнѣйшему преуспѣванію въ ученіи по всѣмъ предметамъ. Пробудь она въ школѣ еще подолье, могла бы заняться педагогіей практическія и по извѣстнымъ руководствамъ. Я имѣлъ въ виду приготовить эту дѣвицу къ званію учительницы и предоставить ей возможность выдержать экзамень. И по характеру, и по нравственнымъ качествамъ она оправдала бы высокое и трудное званіе народной учительницы, еслибы пришлось. Но, по бѣдности, мать вздумала выдать дочь замужъ и сгубила несчастную: участь горькая вышла. Другая ученица, армянка Ер. (17 лѣтъ), тоже хорошо училась, заявляла желаніе еще хотя годъ посѣщать уроки старшаго класса. Но оказалось, что, по армянскому взгляду, семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ учиться не подобаетъ. Какъ дошелъ до меня впоследствии слухъ, дѣвица Ер., при содѣйствіи знакомыхъ, открыла въ Тифлисѣ швейное заведеніе и магазинъ женскаго платья. Въ школѣ она оказала отличные успѣхи въ шитьѣ, выучилась кроить. И вотъ это руководѣлье пригодилось. А такъ какъ она хорошо говорила по русски, считала въ умѣ быстро и рѣшала различныя задачи, то и эти знанія оказались не безполезными. Съ глубокою признательностію вспоминаю о г-жѣ А. А. А., которая два года усердно обучала шитью въ школѣ, многихъ дѣвицъ довела до умѣнья скроить и шить разную одежду.

„Мнѣ пришлось самому заниматься преподаваніемъ закона Божія въ 1872 — 1873 г. въ старшемъ тогда классѣ, а въ 1873 — 1874 и 1874 — 1875 гг. во второмъ и третьемъ классѣ, указывать г-жѣ П., какъ вести дѣло въ 1-мъ классѣ по картинамъ профессора Шэра. Въ 1874 г. я счелъ долгомъ обратиться къ бывшему настоятелю стараго собора, жившему уже на покоѣ, достопочтенному отцу Θεодоту Пенчулу съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ произвести экзамень изъ закона Божія въ школѣ. Мнѣ нужно было огрადить себя на всякій случай свидѣтельствомъ всѣми уважаемаго отца

Федота. Онъ остался доволенъ, годовыя отмѣтки возвысилъ, а одной особенно даровитой дѣвочкѣ, А. З., поставилъ отмѣтку съ крестомъ. Она съ толкомъ и чувствомъ произнесла стихи, въ которыхъ изложено молитвословіе ектеній. Отецъ Федотъ одобрилъ, что у всѣхъ дѣтей была книжка: „Краткое изложеніе литургіи св. Іоанна Златоустаго для мірянъ“ (последовательный ходъ всей службы; книжку эту берутъ съ собою въ церковь, когда идутъ къ обѣднѣ). Я благодарилъ отца Федота, говоря, что я считаю произведенный имъ экзаменъ экзаменомъ самому себѣ и теперь могу безбоязненно передъ совѣстію продолжать подобныя занятія, руководить и другихъ.

„На чтеніе обращалось особенное вниманіе во всѣхъ классахъ, чтобы было правильно по произношенію, сознательно по смыслу, съ соблюденіемъ знаковъ препинанія, въ старшемъ классѣ передавалось бы съ толкомъ, разстановкою. Отчетливое, хорошее чтеніе есть лучшая рекомендація не только въ школѣ учащимся, но и въ среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. Въ старшемъ классѣ употреблялась для чтенія книга „Дѣтскій міръ“ Ушинскаго и отрывки изъ русскихъ авторовъ, во второмъ—„Даръ слова“ Семенова и Водовозова.

„Экзамены почтили своимъ присутствіемъ епископъ, Айвазовскій, начальница женской гимназіи М. Ѳ. Котляревская. Явились было одинъ разъ два гласныхъ, но, соскучившись, скоро и ушли. А 31-го мая 1875 г. посѣтилъ школу и самъ попечитель Одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцевъ. Последний, уходя, преклонился до полу рукою въ знакъ благодарности за заботы о народномъ образованіи. Можетъ быть, и искренняя была признательность его въ настоящую минуту. Я понадѣялся, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь болѣе существенное, употребить свое вліяніе на городскихъ заправителей оказать пособіе хоть на будущій годъ, но ошибся.

„Естествовѣдѣніе не было предметомъ опредѣленныхъ классныхъ уроковъ, но временами и при случаѣ сообщались и опыты посредствомъ волшебнаго фонаря и стробоскопа. Что значить свѣжій и душный воздухъ? Чтобы дать понятіе о кислородѣ, какъ существенной части воздуха для дыханія и горѣнія, приготовлено было по двѣ стѣлянки съ кислородомъ и водородомъ и показано различіе этихъ газовъ. Горѣніе фосфора. Что поглощаемъ изъ воздуха и что выдыхаемъ? Отъ чего бываетъ угарь? Разказъ о водѣ. Прѣсная вода рѣчная, колодезная, морская. Употребляемая лѣтомъ прохладительныя, шипучія воды и такъ-называемыя кислыя щи. Минеральныя воды. Старшихъ учениковъ и ученицъ водилъ въ типографію, гдѣ они знакомились со всѣми пріемами печатанія книгъ. На заводѣ гидравли-

ческой извести объяснено добываніе ея. Въ музеѣ разсматривали съ любопытствомъ остатки древностей, что послужило для нѣкоторыхъ предметовъ письменнаго изложенія. Разрушенныя башни еоодосійскія потребовали объясненія, что здѣшними мѣстами и многими въ Крыму владѣли генуэзцы, а въ древнія времена по берегамъ были греческія колоніи.

„На дачѣ у меня въ саду сложенъ столбъ, на верхней площадкѣ котораго проведена полуденная линія. Дѣти, занимавшіяся уже черченіемъ, присутствовали при производствѣ операціи, наблюдали передвиженіе тѣни прутика (гномона), отмѣчали соприкосновеніе съ концентрическими кругами и дождалась обозначенія полуденной линіи. Сказали, что можно и часы повѣрять. Этотъ опытъ оказался полезнымъ и для уроковъ географіи. Въ праздничные дни, гдѣтожь, предпринимались прогулки за городъ. Несли мѣшокъ съ арбузами, корзину съ булками. Набѣгавшись, мальчики рѣзали то и другое, складывали на поднось и угощали ученицъ, усѣвшихся подъ деревьями. Передъ возвращеніемъ въ городъ пѣли извѣстныя пѣсенки. Кстати замѣчу, что совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ школѣ благотворно дѣйствовало на первыхъ въ нравственномъ отношеніи. Сочтено необходимымъ устраивать домашніе праздники по случаю воспоминанія замѣчательныхъ историческихъ русскихъ событій. За нѣсколько дней объяснялось значеніе предполагаемаго праздника. Такъ, 30-го мая 1872 г. (двухсотлѣтній день рожденія Петра Великаго) вся школа сопровождала церковное шествіе къ берегу моря. Учащіеся участвовали въ пѣніи молебствія. По возвращеніи въ школу, завѣдывающій оною произнесъ, въ присутствіи гостей, краткую рѣчь о Петрѣ Великомъ, какъ онъ безпрестанно учился многому, и какія принималъ заботы объ образованіи народа, ввелъ гражданскую азбуку. За сямъ послѣдовало угощеніе дѣтей. И мы, то-есть, весь составъ школы, собрались въ 1875 г. почтить, какъ умѣемъ, день 19-го февраля, соединяющій два торжества, знаменательныя для всѣхъ русскихъ подданныхъ—день восшествія на престолъ государя императора Александра Николаевича и освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости. Сами учащіеся были дѣйствующими лицами. Въ послѣдовательномъ порядкѣ изложены главнѣйшія обстоятельства закрѣпощенія, крѣпостнаго состоянія и освобожденія: кто прочиталъ свое незамысловатое сочиненіе, кто произнесъ стихи, прибранныя къ случаю. Дѣти охотно вызывались одинъ передъ другимъ. Мы не убоились и того, какимъ окажется исполненіе въ присутствіи стороннихъ

лицъ, полагая, что посѣтителѣ отнесутся къ нашему празднеству столь же благосклонно, какъ это бываетъ въ семейныхъ кружкахъ.

„Школа оказала не малую услугу и самому ея учителю: 1) Я на практикѣ извѣдалъ, какія мѣры нужно было принимать къ тому, чтобы пріучить дѣтей къ порядку, внушить благоправіе, отучить мальчиковъ отъ сквернословія и озорничества. По окончаніи уроковъ я слѣдилъ за ними и заставлялъ врасплохъ. Въ базарные дни являлся на рынокъ и наблюдалъ, зачѣмъ толкаются многіе изъ мальчиковъ между торгующимъ людомъ и возами. Совмѣстное пребываніе съ дѣвочками въ школѣ много содѣйствовало приличному обхожденію и между собою. 2) Когда приходилось одному мнѣ давать уроки въ двухъ классахъ, прибавляя и третій низшій, надобно было составить такое распisanіе, чтобы всѣ были заняты. Это не то, что учитель, толкуя съ однимъ отдѣленіемъ, обращается чрезъ четверть часа къ другому, пожалуй— и третьему, а потомъ возвращается къ первому. Шля цѣльные часовые и болѣе уроки. 3) Практиковался преимущественно разговорный способъ ученія. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія онъ признается труднымъ и потому не допускается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я думаю, что и тамъ до VI класса собесѣдованіе съ учениками и ученицами въ женскихъ гимназіяхъ приносило бы больше пользы, нежели обычный способъ преподаванія. 4) Школа навела меня на изобрѣтеніе прибора, наглядно объясняющаго суточные перемѣны надъ горизонтомъ какого-либо мѣста и служащаго доказательствомъ вращенія земли къ оси“.

Этимъ повѣствованіемъ о школѣ оканчиваются воспоминанія В. И. Лапшина. Онъ прекратилъ въ ней свою дѣятельность въ 1876 г., когда оставилъ Θεодосію. Послѣдніе годы своей жизни онъ прожилъ въ Одессѣ, гдѣ и скончался, оставивъ по себѣ самую свѣтлую память.

Представляя извлеченіе изъ собственныхъ воспоминаній В. И. Лапшина, мы всего менѣе касались его учено-литературной дѣятельности. При рукописи его воспоминаній приложенъ списокъ его ученыхъ сочиненій, въ количествѣ 43 номеровъ. Научное значеніе этихъ трудовъ оценено было въ надгробномъ словѣ преемника его, профессора Шведова, и въ рѣчи профессора Клоссовскаго, сказанной по кончинѣ В. И. Лапшина въ Одесскомъ обществѣ испытателей природы. Въ области физико-географическихъ изслѣдованій нашего отечества В. И. Лапшину принадлежитъ видное и почетное мѣсто. Не забудется его память и какъ отличнаго преподавателя и полезнаго общественнаго дѣятеля.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина.
С.-Пб. 1889.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Минист. Народн. Провѣщ. за текущій годъ о трудѣ г. Чечулина уже былъ данъ отчетъ П. Ф. Симсономъ. Г. Симсонъ съ большою обстоятельностью остановился на многихъ частностяхъ книги г. Чечулина, отмѣтилъ нѣкоторыя методологическія несовершенства изслѣдованія и указалъ на то, что авторъ не всегда былъ внимателенъ къ литературѣ изучаемаго имъ вопроса. За всѣмъ тѣмъ остается возможность, не повторяя сказаннаго г. Симсономъ, дать общую характеристику любопытной книги г. Чечулина и на основаніи этой характеристики указать на происхожденіе и достоинствъ, и недостатковъ его труда.

Первое же знакомство съ книгою г. Чечулина обнаруживаетъ тотъ путь, какимъ шло въ данномъ случаѣ ученое изслѣдованіе. Авторъ, желая изучить положеніе городовъ Московскаго государства „главнымъ образомъ, какъ крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ“ (стр. 9),—убѣдился, что въ основу такого изученія слѣдуетъ положить такъ-называемыя „писцовыя книги“ въ широкомъ смыслѣ этого термина. Писцовыхъ книгъ о городахъ XVI вѣка почти не сохранилось и, на оборотъ, писцовыхъ книгъ о городахъ XVI—XVII вѣковъ дошло до насъ такъ много, что обработка ихъ силами одного человѣка требовала бы десятка, если не десятковъ лѣтъ. Съ полнымъ основаніемъ соображал, что смута на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ многое измѣнила въ экономической жизни всего государства и городовъ въ частности, г. Чечулинъ счелъ возможнымъ ограничить

взяты для изученія матеріалъ однимъ XVI вѣкомъ. Онъ собралъ дошедшія до насъ описанія сорока приблизительно городовъ XVI в. и извлекъ изъ этихъ описаній все то, что могло служить матеріаломъ для восстановленія культурно-хозяйственнаго быта великорусскаго города въ XVI в. Въ дополненіе къ богатымъ свѣдѣніямъ основнаго источника г. Чечулинъ выбралъ всѣ необходимыя для него данныя изъ печатныхъ матеріаловъ иного рода, изъ актовъ и грамотъ XVI в. Въ рукахъ у автора оказался такимъ образомъ большою запасъ свѣдѣній о тѣхъ населенныхъ пунктахъ, которые назывались „городами“ въ XVI вѣкѣ, и авторъ полагалъ, что „возможно изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя тогда носили названіе городовъ, и только ихъ“ (стр. 9). Иная постановка изученія, какая была принята покойнымъ Ильинскимъ¹⁾, казалась г. Чечулину не совсѣмъ правильною. Ильинскій вводилъ въ кругъ своего изслѣдованія не только то, что носило имя „города“, но и всѣ поселки „съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности“, какъ бы они ни назывались. Г. Чечулинъ увѣренъ, будто пріемъ Ильинскаго „предрѣшаетъ“ то положеніе, что „по своимъ занятіямъ жители городовъ и тогда отличались отъ жителей селъ и деревень“. Самъ же г. Чечулинъ думаетъ, что это положеніе слѣдуетъ еще доказать: „Мы (говоритъ онъ) еще будемъ изучать во всей подробности, пожалуй, во всѣхъ мелочахъ составъ, занятія, повинности и другія экономическія отношенія городскихъ жителей, чтобы уже послѣ этого сказать, какое же было преобладающее занятіе жителей города и различались или нѣтъ между собой городъ и деревня, и если различались, то какія особенности города и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія присущи были городамъ особыя черты“ (стр. 9). Сообразно съ такимъ пониманіемъ задачи авторъ и расположилъ матеріалъ въ своей книгѣ. Посвящая вступительную главу книги общей характеристикѣ своего матеріала и своихъ пріемовъ изслѣдованія, г. Чечулинъ прямо заявляетъ читателю: „Наше изслѣдованіе есть, главнымъ образомъ, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами: въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы... будутъ нами разобраны весьма подробно, другіе... менѣе подробно“ (стр. 12). Историческимъ матеріаломъ иного рода г. Чечулину „приходилось вообще пользоваться гораздо менѣе“. И исторію

¹⁾ „Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ“ — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 г., июнь, стр. 210—214.

изучаемыхъ городовъ въ XVI в. г. Чечулинъ считалъ лишнимъ излагать въ своей книгѣ, потому, что какъ онъ выражается, „не возможно представить очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснялъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались“ (стр. 12). Но и изслѣдованіе „вопросовъ и отношеній“ XVI вѣка авторъ намѣренъ былъ вести не всегда полно. На стр. 11 онъ указываетъ рядъ темъ, которыхъ онъ касался лишь постольку, по скольку онѣ имѣли отношеніе къ исторіи собственно города: такъ, на примѣръ, положеніе въ городѣ нетяглыхъ общественныхъ классовъ авторомъ оставлено безъ полного освѣщенія; въ сторонѣ оставленъ и вовсе не разъясненъ вопросъ о внѣгородскомъ землевладѣніи тяглыхъ горожанъ,— все это, конечно, потому, что основной матеріалъ автора не давалъ возможности освѣтить эти темы. Такимъ образомъ знакомство со введеніемъ къ книгѣ показываетъ читателю, что онъ можетъ ожидать отъ изслѣдованія г. Чечулина только систематизаціи данныхъ писцовыхъ книгъ о городахъ, иначе говоря, работы въ кругѣ только одного сорта матеріала. Такая работа и производится авторомъ по городамъ. Въ I-й главѣ онъ даетъ очеркъ Новгородскихъ пригородовъ; во II-й описываетъ города Торопецъ и Устюжну; въ III-й— Псковскіе пригороды; въ IV-й онъ собираетъ данныя о торгѣ во Псковѣ (другихъ данныхъ объ этомъ городѣ у автора нѣтъ). Въ V-й главѣ авторъ ведетъ читателя въ центральныя области Московскаго государства и знакомитъ его съ положеніемъ городовъ Коломны, Можайска, Серпухова и Мурома; въ VI-й главѣ, наконецъ, авторомъ описаны города восточной и южной окраины: Казань, Свияжскъ, Лаишевъ, затѣмъ Тула и еще семь городовъ по южной границѣ. Книга заключается главою общаго характера: авторъ предлагаетъ въ ней „общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в.“ и сводитъ въ одно цѣлое всѣ свои выводы, разбросанныя въ предшествовавшихъ главахъ. Здѣсь же онъ пытается отвѣтить и на тотъ вопросъ о различіи города и деревни въ XVI в., который онъ, вопреки мнѣнію Ильинскаго, считалъ недоступнымъ для разрѣшенія а priori (стр. 309—312). Между городомъ и селомъ онъ проводитъ различіе и „соціально-экономическое“, и „юридическое“. По его мнѣнію, это различіе на столько замѣтно и рѣзко, что „даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень“.

Итакъ, авторъ желалъ изучить бытъ тѣхъ населенныхъ пунктовъ

Московского государства, которые назывались въ XVI в. „городами“. Изученіе свое г. Чечулинъ основалъ почти исключительно на такомъ матеріалѣ, который давалъ свѣдѣнія преимущественно о культурно-хозяйственной жизни городского населенія. Не имѣя, кромѣ показаній писцовыхъ книгъ, никакихъ иныхъ систематическихъ данныхъ по своему предмету, нашъ изслѣдователь подчинился, такъ-сказать, своему матеріалу и изображалъ городскую жизнь лишь въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя были освѣщены писцовыми книгами, и лишь съ такою полнотой, какую допускалъ этотъ основной источникъ. Писцовыя книги давали рядъ извѣстій для исторіи хозяйства и податной организаціи городскихъ общинъ,—авторъ именно объ этихъ сторонахъ городского быта говорилъ болѣе всего. Въ показаніяхъ писцовыхъ книгъ попадались фактическіе пробѣлы,—и г. Чечулинъ допускалъ соотвѣтственные пробѣлы въ своемъ изслѣдованіи. Словомъ, частныя задачи изслѣдованія опредѣлялись сообразно съ основнымъ матеріаломъ и объемъ изслѣдованія ставился въ зависимость отъ полноты того или другого документа. Такая зависимость работы отъ матеріала даетъ намъ право сказать, что книга г. Чечулина представляетъ собою не столько изслѣдованіе о городахъ XVI в. вообще, сколько предварительную разработку данныхъ писцовыхъ книгъ XVI в. о городахъ Московскаго государства.

Если опредѣлять трудъ г. Чечулина такимъ образомъ, то ясны станутъ его положительныя стороны. Авторъ впервые ввелъ въ оборотъ науки богатый фактическій матеріалъ, выработалъ самостоятельно приемы ученой эксплуатаціи этого матеріала, собралъ и систематизировалъ рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ и частью разрѣшилъ, частью поставилъ въ новой обстановкѣ нѣкоторые вопросы изъ исторіи городского хозяйства и права. Такъ, онъ удовлетворительно объяснилъ различіе тягла и оброка (стр. 120—122 и др.); привелъ цѣнныя соображенія о томъ, что податное различіе дворовъ „лучшихъ“ и „младшихъ“ основано было не на хозяйственномъ достаткѣ посадскихъ семей, а на числѣ рабочихъ рукъ въ той или другой семьѣ (стр. 46, 242—243, 283—284, 319). Далѣе, авторъ собралъ любопытныя свѣдѣнія по вопросу о запустѣніи Московскихъ городовъ во второй половинѣ XVI вѣка (стр. 166, 175, 345) и по вопросу объ общественномъ положеніи „дворниковъ на осадныхъ дворахъ“ (стр. 162, 270 и слѣд., 333, 349). Наконецъ, авторъ вновь возбудилъ и даже попытался рѣшить вопросъ, давно уже спорный, о передѣлахъ земельныхъ участковъ въ древнерусскихъ

податныхъ общинахъ, сидѣвшихъ на черной землѣ (стр. 74, 116, 221—222, 322). Всѣ эти частности изслѣдованія г. Чечулина даютъ ему значеніе самостоятельнаго ученаго труда, произведеннаго далеко не безъ пользы для русской исторіографіи. Трудомъ этимъ, можно сказать, начата у насъ систематическая разработка той категоріи источниковъ, которая давно должна была бы лежать въ основаніи трудовъ по исторіи нашего общественнаго быта вообще и по исторіи русскаго города въ частности.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Чечулина мы могли бы на этомъ и закончить, еслибы самъ авторъ понималъ свою задачу такъ, какъ она у него въ сущности исполнена. Еслибы самъ г. Чечулинъ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на опытъ систематической разработки источника, то возражать ему можно было бы лишь по частностямъ изложенія, что уже обстоятельно и выполнилъ г. Симсонъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чечулинъ желалъ, какъ уже показано выше, обследовать не историческій источникъ, а историческій фактъ, изучить не писцовыя книги, а русскій городъ XVI вѣка (говоря его словами, „разъяснить положеніе городовъ“, „изобразить состояніе въ XVI вѣкѣ городовъ“). Тема, такъ поставленная самимъ авторомъ, налагаетъ на него нѣкоторыя обязательства; исполненія ихъ читатель въ правѣ ожидать и требовать. Прежде всего вполнѣ необходимо было бы выяснитъ въ изслѣдованіи о городахъ вопросъ: что же такое былъ древнерусскій городъ? Безъ яснаго представленія объ этомъ нельзя было и избирать городскую жизнь XVI вѣка предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Первые страницы книги г. Чечулина свидѣтельствуютъ, что онъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, но отнесся къ его разрѣшенію не вполнѣ правильно. Рядъ исторіографическихъ справокъ показалъ г. Чечулину, что понятіе города равно строилось разными учеными. Приводя по крайней мѣрѣ десятокъ отзывать, существующихъ въ исторической литературѣ о характерѣ древнихъ городскихъ поселеній, нашъ авторъ находитъ въ нихъ „множество противорѣчій“ и говоритъ, что „ни одного изъ вышеприведенныхъ мнѣній нельзя признать вполнѣ соответствующимъ истинѣ“ (стр. 5). По мнѣнію г. Чечулина, неудовлетворительное состояніе вопроса о городахъ „совершенно объясняется тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ“. Рѣшаясь искать этихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ, г. Чечулинъ до конца изслѣдованія отложилъ свое собственное рѣшеніе вопроса о томъ, что такое былъ русскій городъ, а

исходную точку изслѣдованія опредѣлили внѣшнимъ образомъ: сталъ изучать все то, что въ XVI вѣкѣ называлось официально „городомъ“. При всей своей логичности этотъ приемъ однако неправиленъ; въ сущности, онъ повелъ къ тому, что въ трудѣ г. Чечулина не оказалось ясно поставленной темы. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлью историографическихъ справокъ г. Чечулина было указать, что въ литературѣ нашей о древнерусскихъ городахъ не выработалось однообразнаго представленія, а накопилось „множество противорѣчій“. Но вѣдь противорѣчія существуютъ въ литературѣ о чемъ угодно, и не они должны заботить изслѣдователя. Г. Чечулину надлежало, изучая свой вопросъ историографически, показать, съ какихъ точекъ зрѣнія смотрѣла историографія на древніе города и какихъ положительныхъ результатовъ достигла она въ изученіи городовъ. Самъ онъ мимоходомъ указываетъ, что уже изучены „съ достаточной полнотою права и обязанности городского населенія въ разныя эпохи“, изучено и „отношеніе къ городамъ законодательства“. Стало быть, съ юридической точки зрѣнія изучаемый авторомъ вопросъ уже разработанъ такъ или иначе. И та точка зрѣнія, на какой стоитъ нашъ авторъ, привела уже къ нѣкоторымъ цѣннымъ результатамъ, которые автору слѣдовало бы принять во вниманіе: вопросъ о культурно-экономическомъ значеніи древнерусскихъ городскихъ поселеній былъ уже прежде г. Чечулина намѣченъ и разрабатывался въ связи съ вопросомъ о происхожденіи городовъ. Напримѣръ, еще дѣтъ пятнадцать тому назадъ появилась о древнерусскихъ городахъ замѣчательная статья Ф. И. Леонтовича ¹⁾, которую г. Чечулинъ оставилъ безъ вниманія; въ ней съ очевидностью было показано, что названіемъ „городъ“ въ древней Руси обозначались совершенно разнаго типа поселенія: и простыя укрѣпленія, не всегда даже жилия, и бойкіе центры народнаго труда, при которыхъ возникали для обороны ихъ крѣпости. Крѣпость, съ помѣщенными въ ней гарнизономъ и администраціей, собственно и носила имя города; торгово-промышленный поселокъ, расположенный около „города“, назывался „посадомъ“. Много мѣткихъ замѣчаній и соображеній высказано проф. Леонтовичемъ по вопросу о происхожденіи и значеніи въ народной жизни какъ „городовъ-осадъ“, то-есть, простыхъ укрѣпленій, такъ и „городовъ-общинъ“, то-есть, укрѣпленныхъ торгово-промышленныхъ поселковъ. Всѣ эти

¹⁾ Рецензія на книгу г. *Самоквасова* „Древніе города Россіи“ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, т. II, С.-Пб. 1875.

замѣчанія и соображенія г. Чечулинъ долженъ былъ бы принять въ расчетъ при постановкѣ своей темы: они для него были важнѣе, чѣмъ питированныя имъ отдѣльныя замѣчанія о городахъ въ трудахъ, наиримѣръ, Костомарова и Хлѣбникова. Если статья г. Леонтовича могла дать г. Чечулину надлежащее представленіе о томъ, съ какими вопросами слѣдовало обращаться къ изученію того, что называлось „городомъ“, то статья А. К. Ильинскаго, названная нами выше, должна была убѣдить его, что не одни города были представителями той формы народно-хозяйственнаго труда, которую мы теперь зовемъ городской. „Рядки“, „волочки“, „слободы“ жили одною жизнью съ городскими „посадами“, иногда даже посадами и назывались; различіе между ними и посадами заключалось только въ томъ, что одни находились при городахъ, совмѣщали торгово-промышленное значеніе съ административно-военнымъ, другіе же были пунктами исключительно экономическаго значенія. Труды гг. Леонтовича и Ильинскаго совершенно твердо установили, во первыхъ, что городами въ древней Руси назывались поселенія разнаго типа, а во вторыхъ, что не одни города въ Московскую эпоху были крупными бытовыми единицами, культурно-экономическими центрами. Съ этими положеніями г. Чечулину слѣдовало бы считаться прежде всего; онъ же обошелъ молчаніемъ статьи названныхъ изслѣдователей въ своемъ историографическомъ обзорѣ (стр. 2—6) и отмѣтилъ въ немъ только рядъ случайныхъ противорѣчій въ литературѣ „въ доказательство полной неустановленности тутъ какихъ бы то ни было положеній“. Нѣтъ нужды доказывать, что тутъ допущенъ нашимъ авторомъ существенный недосмотръ, дурно отразившійся на постановкѣ его основной задачи.

Еслибы авторъ въ постановкѣ темы вышелъ изъ положеній, раньше добытыхъ спеціальною литературой предмета, то онъ устранилъ бы существующее въ его трудѣ несоотвѣтствіе между задачей труда и тѣмъ матеріаломъ, которымъ эта задача рѣшается. Авторъ думалъ изслѣдовать города, какъ „культурно-экономическіе центры“; но въздъ въ приложеніи къ быту древней Руси понятія „городъ“ и „культурно-экономическій центръ“ не совпадаютъ. Если изучать всѣ „города“ XVI вѣка, то нужно быть готовымъ къ тому, что въ число „культурно-экономическихъ центровъ“ попадутъ поселки, не имѣющіе такого значенія (таковъ Веневъ у нашего автора, таковы часто Псковскіе пригороды). Выводы изъ такого изученія должны, само собою разумѣется, касаться не только народно-хозяйственнаго, но и военно-административнаго быта города. Если же изучать городскую

жизнь XVI вѣка въ нашемъ смыслѣ слова, то нельзя было ограничиваться только находившимися при укрѣпленныхъ городахъ „посадами“, а слѣдовало ввести въ кругъ изслѣдованія и всѣ тѣ торгово-промышленныя поселенія, которыя были въ однихъ культурно-хозяйственныхъ условіяхъ съ „посадами“ (такъ поступилъ Ильинскій). Въ томъ же видѣ, какъ формулировалъ г. Чечулинъ свою задачу, она не можетъ считаться правильно-поставленною темой. Въ сущности эту тему можно безъ натяжекъ передать словами: изученіе съ культурно-экономической точки зрѣнія военно-административныхъ пунктовъ. Понятно, что при этой постановкѣ темы не возможно дать ни полнаго опредѣленія города (ибо не изслѣдуется его военное и административное значеніе), ни полнаго очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ (ибо изслѣдуются только тѣ изъ всѣхъ такихъ общинъ, которыя находились при крѣпостяхъ и жили подъ вліяніемъ служилаго люда: гарнизона и администраціи).

Вотъ въ чемъ, на нашъ взглядъ, заключается коренной методологической недостатокъ книги г. Чечулина. Благодаря этому недостатку, авторъ не успѣлъ дать въ концѣ своего труда точное общее опредѣленіе города въ XVI вѣкѣ, которое онъ обѣщалъ читателю, какъ свой конечный выводъ. Между городомъ, съ одной стороны, и селомъ и деревней, съ другой, онъ находитъ только „разницу не качественную, а количественную“, различіе не по роду правъ и обязанностей и не по роду хозяйственной дѣятельности населенія, а по величинѣ общины и ея хозяйственныхъ оборотовъ (стр. 309—312). Въ сущности авторъ и не могъ придти къ иному болѣе опредѣленному выводу, разъ онъ соединялъ въ своемъ изученіи торгово-промышленные города (Псковъ, напримѣръ) и города безъ торга и промысловъ, а съ пашней (какъ Веневъ). Опредѣленному и дѣльному въ хозяйственномъ отношеніи типу поселеній, то-есть, селу и деревнѣ, авторъ противопоставлялъ типъ, смѣшанный въ хозяйственномъ отношеніи и объединенный лишь въ отношеніи военно-административномъ, то-есть, города. Разница должна была получиться лишь количественная, ибо въ городахъ—смотря по городу—и торговали, и ремеслами занимались, а въ то же время и пахали, совсѣмъ такъ же, какъ пахали, а могли и иными ремеслами заниматься въ селѣ и въ деревнѣ. Понятно также, почему, противопоставляя городъ деревнѣ, авторъ умалчалъ о торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, не носившихъ имени города: въ отношеніи „количественной разницы“ рядки и слободы совершенно уничтожаютъ рѣзкое различіе между „городомъ“ и деревней

въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Чечулинъ. Городъ, какъ количественно крупный центръ, могъ быть окруженъ въ уѣздѣ поселеніями самой разнообразной величины, при существованіи которыхъ „количественное“ значеніе города могло терять всякое значеніе. Но какъ бы то ни было, именно изъ „количественнаго“ развитія города г. Чечулинъ объясняетъ и особенности городскихъ „соціально-экономическихъ условій“ жизни, и особенности культурнаго быта городовъ, и наконецъ, „отличіе города отъ деревни и села даже и въ юридическомъ отношеніи“. По мнѣнію г. Чечулина, юридическая особенность города выразалась въ томъ, что городъ всегда оставался государственною собственностью, тогда какъ иные поселки могли быть въ обладаніи частныхъ лицъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ послѣдствіями методологической погрѣшности автора. Государственный характеръ городскихъ поселеній обусловливался ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ и административнымъ значеніемъ города. Количественно крупный центръ, лишенный этого значенія и не носившій названія города, могъ быть свободно объектомъ частной собственности, хотя бы и жилъ городскою жизнью. Доказательство тому—слободы бѣломѣстцевъ, иногда очень крупныя, существовавшія около городовъ, даже на городской землѣ, и жившія въ одинаковыхъ культурно-экономическихъ условіяхъ съ самимъ городомъ.

Мы слишкомъ долго остановились на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя, по нашему мнѣнію, сообщили труду г. Чечулина характеръ изслѣдованія не фактовъ, а источниковъ. Эти причины заключаются въ недостаточно ясной постановкѣ темы и въ недостаточно полномъ ея развитіи. Отъ тѣхъ же причинъ зависятъ нерѣдко и частныя недостатки труда. Для примѣра укажемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ, не задаваясь цѣлью исчерпать всѣ тѣ возраженія, какія можно было бы предъявить автору. Довольно часто, при разсмотрѣніи какого-нибудь отдѣльнаго входящаго въ тему вопроса, г. Чечулинъ какъ бы колебался, чѣмъ руководиться въ изслѣдованіи: идти ли за отвлеченными требованіями, вытекающими изъ темы, или оставаться строго въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія заключалъ въ себѣ основной источникъ автора, писцовыя книги. Къ сожалѣнію, авторъ по большей части рѣшался на послѣднее и, поступая такъ, жертвовалъ цѣлностью темы и полнотою вывода. Такимъ образомъ, напримѣръ, поступилъ онъ въ вопросѣ о положеніи „земцевъ“ въ Новгородской и Псковской областяхъ (стр. 42—44, 125—126). О земцахъ въ городахъ писцовыя книги давали автору небогатыя указанія, но на ихъ

основаніи можно было до нѣкоторой степени опредѣлить положеніе этого уже исчезающаго въ XVI в. класса. Г. Чечулинъ, замѣчая, что „мы имѣемъ относительно этихъ земцевъ вообще очень мало свѣдѣній“, характеризуетъ ихъ состояніе крайне неудовлетворительно: „Земцы (говорить онъ) были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тотъ же фактъ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тѣмъ, что, поселившись почему-либо въ городѣ, на общинной городской землѣ, они принимали участіе и во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ“ (стр. 43). Нужно признать, что это — не опредѣленіе общественнаго класса, а скорѣе сознаніе автора въ томъ, что онъ затрудняется дать необходимое опредѣленіе. Мы не можемъ, конечно, требовать отъ г. Чечулина, чтобы онъ занялся изслѣдованіемъ положенія земцевъ въ эпоху самостоятельности Новгорода. Онъ могъ здѣсь опереться на литературу предмета, которая установила, какъ безспорное положеніе, что земцы были мелкими землевладѣльцами (на какомъ правѣ — для даннаго случая довольно безразлично). Но для характеристики земцевъ въ XVI в. г. Чечулинъ долженъ былъ сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ: тема этого требовала, а матеріалы позволяли. Дѣло автора было разрѣшить тѣ вопросы, о которыхъ онъ только замѣчаетъ: „не указаны ихъ (земцевъ) юридическія отличія отъ прочихъ дѣтей боярскихъ, . . . равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія исчезновеніе этого класса или превращеніе его въ другой“ (стр. 44, примѣч.). Писцовыя книги и другіе документы XVI вѣка даютъ полное основаніе отрицать какое бы то ни было „юридическое“ различіе между земцами и дѣтьми боярскими, и именно писцовыя книги скорѣе всего могутъ возстановить намъ процессъ превращенія земцевъ въ московскіе чины. Обстоятельства, повлиявшія на перемѣну въ положеніи земцевъ, заключались въ установленіи московскихъ порядковъ въ Новгородской области. Въ присоединенный Новгородъ Москва выслала свою военную силу: г. Чечулинъ нашелъ, между прочимъ, въ Корелѣ этихъ московскихъ эмиссаровъ, „дѣтей боярскихъ, служилыхъ людей москвичъ“ (стр. 35). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Москва и на мѣстное общество возлагала военную повинность и въ этомъ дѣлѣ слѣдовала своему правилу связывать право личнаго землевладѣнія съ обязанностью служить государству. Земцы пользовались въ Новгородѣ правомъ личнаго землевладѣнія и поэтому въ московское время подпали служебной повинности

и стали именоваться дѣтьми боярскими по московской служебной терминологіи. Такъ именно появились рядомъ съ „дѣтьми боярскими москвичами“ „дѣти боярскіе земцы“, нетяглые дворы которыхъ г. Чечулинъ нашель въ той же Корелѣ (сравн. у г. Чечулина стр. 35, 42, 44). Нивакихъ различій въ правахъ и службѣ между дѣтьми боярскими пришлыми и туземными предполагать нельзя: различіе было лишь въ происхожденіи лицъ и ихъ правъ на землю. Что же касается земцевъ-тяглыхъ людей, то ихъ существованіе не должно было смущать автора. Нѣтъ необходимости и даже возможности думать, что московское правительство всѣхъ земцевъ поверстало въ службу; а разъ земець оставался внѣ служилого класса, онъ ео ipso становился тяглымъ человѣкомъ и долженъ былъ превратиться или въ посадскаго человѣка, или въ крестьянина. Итакъ, въ тотъ историческій моментъ, который изучалъ г. Чечулинъ, земцы перестали уже существовать, какъ особый классъ: подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ они расходились по разнымъ сословнымъ группамъ. Г. Чечулинъ располагалъ совершенно достаточными данными для того, чтобы обстоятельно изучить и объяснить это явленіе; но онъ ограничился тѣмъ, что перечислилъ свои фактическія данныя и привелъ литературныя мнѣнія о земцахъ. Причину этой неполноты изслѣдованія мы видимъ именно въ неясности теоретической конструкціи труда: авторъ считалъ для себя необязательнымъ идти далѣе того, что прямо давалъ ему источникъ по исторіи города, а рѣшеніе вопроса о земцахъ XVI вѣка требовало соображеній, касающихся не только исторіи городовъ. Совершенно такую же неполноту изслѣдованія можно отмѣтить и въ вопросѣ о сябрахъ (стр. 65, 324), и въ вопросѣ о сельскихъ владѣніяхъ городского класса (стр. 44—45), и въ разсужденіи о причинахъ заустѣвнія, городовъ къ концу XVI в. (стр. 166, 175, 345), и наконецъ, въ вопросѣ о дворникахъ на осадныхъ дворахъ.

По этому послѣднему вопросу въ книгѣ г. Чечулина собранъ богатый и любопытный матеріалъ, на основаніи котораго авторъ нѣсколько разъ пытается выяснить общественное состояніе дворниковъ. Изъ многихъ данныхъ имъ опредѣленій одно точнѣе всѣхъ прочихъ передаетъ мысль автора: „дворниками (говорить онъ) назывались тѣ зависимые отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди, которыхъ должны были содержать на своихъ дворахъ отсутствующіе служилые люди для содѣйствія охранѣ города“ (стр. 275). Авторъ думаетъ, что еще можно подвергать сомнѣнію „вторую часть“ его опредѣленія, то-есть,

объясненіе цѣли, съ какою являлись дворники на осадныхъ дворахъ, но что первая часть его опредѣленія „совершенно несомнѣнна“. Однако какъ ни увѣренъ былъ авторъ въ томъ, что дворники находились въ зависимыхъ отношеніяхъ къ дворохозяевамъ, онъ не рѣшился точно опредѣлить юридическую сущность этой зависимости. На стр. 59 онъ высказался такъ: „считаемъ дворниковъ стоявшими въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ или даже, пожалуй, холоповъ, то-есть вообще зависимыми отъ владѣльца дворовъ людьми“. И на стр. 271 — 272 встрѣчается та же мысль, что положеніе дворниковъ „является весьма близкимъ къ положенію крестьянъ“; за этимъ однако, на стр. 274, авторъ помѣщаетъ существенную оговорку, что совсѣмъ отождествлять крестьянъ и дворниковъ нельзя: „дворники, очевидно, не могутъ быть считаемы за крестьянъ и во всякомъ случаѣ это если и крестьяне, то непашенные, а приближающіеся уже отчасти къ холопамъ“. Наконецъ, на стр. 349, находимъ замѣчаніе, что черные люди „выходили изъ числа посадскихъ и закладывались за служилаго человѣка, дѣлясь у него дворникомъ“. Не ловимъ автора на противорѣчіяхъ самому себѣ, но думаемъ, что существо дворнической зависимости осталось у него совершенно не выясненнымъ. Эту зависимость онъ сближаетъ то съ крестьянскою, то съ холопскою, то съ зависимостью закладчика. Всѣ эти виды зависимаго состоянія настолько различались между собою, что сближеніе дворничества со всѣми съ ними разомъ ничего не объясняетъ въ дворничествѣ. Читатель поэтому не можетъ удовлетвориться тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, какое предложено ему г. Чечулинымъ, и долженъ самъ разбираться въ матеріалѣ, собранномъ у нашего автора.

Писцовыя книги не даютъ прямыхъ свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ дворохозяевъ и дворниковъ: за то онѣ объясняютъ намъ, кто шелъ въ дворники въ XVI вѣкѣ. Въ Торопцѣ, напримѣръ, во дворѣ служилаго человѣка былъ „дворникъ человѣкъ его“, то-есть холопъ дворохозяина (стр. 59). Въ Коломнѣ „въ числѣ дворниковъ мы видимъ 5 разсылщиковъ, 4 воротниковъ, 4 пушкарей и 1 тюремнаго сторожа“, при чемъ одинъ пушкарь, будучи дворникомъ, въ то же время, внѣ всякаго сомнѣнія, оставался служилымъ человѣкомъ (стр. 162). Въ Тулѣ 21% въ числѣ дворниковъ составляли приходцы изъ другихъ городовъ; кромѣ нихъ въ числѣ дворниковъ были дьячки (земскіе, площадные, губные), бобыли, люди „торговые“ и „ратные“, „человѣкъ“ дворохозяина, то-есть, холопъ, и наконецъ, люди „черные“ (стр. 276—277). Объ этихъ послѣднихъ писцовыя книги даютъ

иногда такія, напримѣръ, указанія: „дворъ И. М. Брѣкова (служилаго человѣка), бывалъ дворъ черной, а въ немъ дворникъ Мокейко Серпуховитинъ, а купилъ у него, чернаго человѣка“ (стр. 278); въ данномъ случаѣ прежній черный человѣкъ Мокейко, продавъ свой дворъ бѣломѣстцу и выйдя изъ тягла, самъ сталъ въ этомъ же дворѣ дворникомъ. Въ Каширѣ, далѣе, въ дворникахъ видимъ рыболововъ изъ государевой слободы (стр. 279). Въ Тулѣ „боярскимъ дворникомъ“ былъ владѣльческій крестьянинъ (стр. 281); наконецъ, въ Тулѣ же, въ самомъ городѣ, имѣлъ осадный дворъ соборный протопопъ, а во дворѣ этомъ дворникомъ жилъ монахъ „черной старецъ Митрофанъ, иконникъ“ (стр. 300). Всѣ эти данныя, вѣдныя исключительно изъ книги г. Чечулина (по документамъ ихъ можно было бы пополнить), показываютъ, на сколько разнообразенъ былъ социальный составъ той среды, которая исполняла обязанности дворниковъ. Среди дворниковъ были люди съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ (гарнизонные люди, дьячки, монахи, слобожане, крестьяне, холопы) и люди безъ опредѣленнаго общественнаго положенія (приходцы, бывшіе черные люди, вышедшіе изъ своей тяглою общины). И нужно замѣтить, что дворники первой категоріи черезъ вступленіе въ дворничество далеко не всегда выходили изъ прежняго своего состоянія: пушкарь, будучи дворникомъ, оставался пушкаремъ, монахъ, будучи дворникомъ, оставался церковнымъ человѣкомъ и т. д. Стало быть, дворничество само по себѣ въ XVI вѣкѣ могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ. Это—первое и, кажется, безспорное замѣчаніе, какое позволяетъ сдѣлать матеріалъ г. Чечулина; оно подтверждается и иными соображеніями. Продолжая наши наблюденія надъ этимъ матеріаломъ, замѣчаемъ, что уже въ XVI вѣкѣ правительство принялось за регламентацію дворничества. Оно, очевидно, находило, что дворничество не могло, не нарушая интересовъ государя и государства, совмѣщаться съ податнымъ состояніемъ. Поэтому въ 1578 году, напримѣръ, оно приказало вернуть съ дворничества рыболововъ въ ту государеву слободу, откуда они вышли (стр. 279); поэтому оно, не запрещая прямо монастырямъ принимать въ дворничество на городскіе дворы тяглыхъ людей, въ то же время приказывало: „учнуть въ томъ ихъ монастырскомъ дворѣ жити торговые люди, и съ тѣхъ людей, съ ихъ промысловъ, во всякіе наши подати имати съ посадскими людьми върядъ (А. А. Э. I, № 323, стр. 384; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). А въ некоторые удѣльные князья уже въ XV вѣкѣ прямо не

дозволяли монастырямъ принимать на ихъ городской дворъ „тяглыхъ людей“ (Д. къ А. И. I, № 200; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). При такихъ условіяхъ въ дворники могли идти вполнѣ законно и свободно только люди, или вовсе не несшіе на себѣ государственныхъ повинностей и службъ, или отъ нихъ избавившіеся, или же, наконецъ, умѣвшіе совмѣщать частное услуженіе съ тяглою. Ограничивая вступленіе въ дворничество, правительство однако не смотрѣло еще въ XVI вѣкѣ на дворничество, какъ на опредѣленное состояніе частной зависимости. Писцы, писавшіе Зарайскъ въ концѣ XVI вѣка, нашли тамъ около двухсотъ дворниковъ и не знали, какъ съ ними поступить; они писали: „и всего дворниковъ торговыхъ и нашенныхъ (и мастеровыхъ) людей и которые живутъ на дворничествѣ, а кормятся по міру, дѣлаютъ наймующися, 198 человекъ; а впередъ тѣмъ людямъ какъ государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи укажетъ“ („Зарайскъ“. М. 1883, стр. 1; у г. Чечулина стр. 279). Очевидно, здѣсь администрація не знала: писать ли дворниковъ въ тягло по торгамъ, мастерству и пашнѣ, или же считать людьми нетяглыми, какъ лицъ, состоящихъ на частной службѣ. Такъ рядомъ съ пестротою соціального состава можно замѣтить юридическую неопредѣленность класса. Думаемъ, что при этихъ условіяхъ говорить о юридической зависимости дворниковъ отъ дворохозяевъ надо очень осторожно. Зависимость эта могла существовать, если дворникомъ былъ холопъ или крестьянинъ дворовладѣльца, но ея могло и не быть, если дворникъ несъ на себѣ государственное тягло или службу, а къ дворохозяину состоялъ въ отношеніяхъ найма. Правда, личный наемъ въ древней Руси самъ по себѣ былъ источникомъ гражданской зависимости, велъ къ кабальному холопству; но законъ признавалъ этотъ порядокъ установленія холопства только въ 1597 году, и поэтому трудно говорить о зависимости дворниковъ по закону въ XVI вѣкѣ. Зависимость здѣсь могла быть только фактическая, или же она вытекала изъ условій, постороннихъ дворничеству: изъ холопшей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки.

Быть можетъ, мы ошибаемся въ данномъ случаѣ, утверждая, что въ XVI вѣкѣ дворничество не опредѣлилось въ особую форму гражданской зависимости; но мы не ошибемся, если скажемъ, что и въ вопросѣ о дворникахъ г. Чечулинъ не дошелъ до надлежащей полноты изслѣдованія, до опредѣленнаго убѣдительнаго вывода. Это нежеланіе автора исчерпывать вопросъ иногда ведетъ его даже къ

прямымъ промахамъ. Указаніемъ на одинъ изъ такихъ промаховъ мы и закончимъ нашу рецензію. Не одинъ разъ г. Чечулинъ обращается къ существенному для него вопросу о томъ, кому принадлежала земля, занятая тяглами общинами: государю или общинѣ (стр. 148, 196, 322—323). Самъ онъ склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что „землю, на которой стояли города, нужно считать государевою“. Выводъ этотъ онъ ставитъ однако не вполне рѣшительно и оговаривается, что „ислѣдователи по исторіи русскаго права не разсмотрѣли спеціально“ трактуемаго имъ вопроса. Ссылки на литературу, сдѣланныя г. Чечулинымъ, въ данномъ случаѣ и неполны, и неточны: г. Чечулинъ не указалъ на тѣ, напримѣръ, труды гг. Чичерина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго, въ которыхъ можно найти наиболѣе цѣнныя указанія о предметѣ, его занимающемъ ¹⁾. А вслѣдствіе этого и самая постановка вопроса въ книгѣ г. Чечулина оказалась—выразимся прямо—отсталою, и выводъ его оказался лишеннымъ научнаго значенія.

Весь отчетъ нашъ о трудѣ г. Чечулина былъ направленъ къ тому, чтобы выяснитъ истинный характеръ труда и указать на недостатки его конструкціи. Съ особеннымъ вниманіемъ остановясь на методологической сторонѣ книги, мы не думали указаніями на ея несовершенства умалять достоинства книги, отмѣченныя нами прежде всего. Если же разборъ нашъ переходилъ иногда въ осужденіе, то мы въ этихъ случаяхъ исходили изъ мысли, давно выраженной словами: „малый достоинъ есть милости; сильніи же сильнѣ истязани будутъ“ (Прем., VI, 6).

С. Платоновъ.

Федерациі этолянъ и ахейнъ.

LES LIGUES ETOLIENNE ET ACHÉENNE, LEUR HISTOIRE ET LEURS INSTITUTIONS, NATURE ET DURÉE DE LEUR ANTAGONISME, par M. Dubois. Paris. 1885.

Историческій періодъ, которому посвященъ трудъ Дюбуа, заключаетъ собою древнюю исторію независимой Эллады. Онъ ознаменовался соединеніемъ множества отдѣльныхъ греческихъ политій и на-

¹⁾ Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права (первыя двѣ статьи); Владимірскаго-Буданова, Обзоръ исторіи русскаго права, II; Ключевскій, „Чья земля полъ городскими рядами на Красной площади?“ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1887 г., № 125.

родностей въ обширные союзы на началахъ равномернаго участія всѣхъ членовъ въ союзномъ управленіи и съ сохраненіемъ политической автономіи въ отдѣльныхъ общинахъ, по стольку, разумѣется, по сколько самостоятельность этихъ послѣднихъ была совмѣстна съ единствомъ союзной организаціи. Въ исторической послѣдовательности явленій позднѣйшіе греческіе союзы, III—II вв. до Р. Х., примыкаютъ не къ тѣмъ опытамъ союзныхъ организацій, которые въ V и IV столѣтіяхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ сдѣланы были Спартою, Аеинами, Фивами. Основу этихъ союзовъ составляла гегемонія сильнѣйшаго города и зависимое положеніе союзниковъ. Гегемонія мало-по-малу переходила въ господство, и союзники пользовались первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы свергнуть съ себя иго спартанцевъ, аеинянъ или фивянъ. Въ подобныхъ союзахъ на одной сторонѣ стояли граждане первенствующаго города, на другой союзные общины, что и выражалось въ официальныхъ обозначеніяхъ этихъ союзовъ: „лакедемоняне и союзники“, „аеиняне и союзники“ и т. п. Позднѣйшія федераціи возникали на началахъ исконныхъ племенныхъ союзовъ, обнимавшихъ собою первоначально поселенія племени на опредѣленной небольшой территоріи. Эти начала племенныхъ организацій долѣе и полнѣе сохранились въ тѣхъ частяхъ древней Эллады, которыя остались позади историческаго движенія и не создали у себя сильныхъ, богатыхъ, блестящихъ городовъ, какими были Спарта, Аеины, Коринѣ, Сикіонъ, Фивы и др. Доряне метрополи, маліане, этоляне, ахеяне, аркадяне, фокидяне и другія подобныя племена хранили во внутреннихъ отношеніяхъ начала равноправнаго союза отдѣльныхъ поселеній племени. Въ позднѣйшей эллинской исторіи племенные организаціи этолянъ и ахеянъ распространились за предѣлы территоріи этихъ племенъ; по принужденію или по доброй волѣ къ нимъ примкнули другія племена и народы, или города; вступленіе въ союзную организацію сопровождалось усвоеніемъ имени того народа, отъ коего исходило федеративное движеніе. Въ новыхъ организаціяхъ не было раздѣленія на этолянъ или ахеянъ съ одной стороны и союзниковъ—съ другой, какъ было раньше въ симмахіяхъ аеинской или лакедемонской; напротивъ, всѣ члены этолійскаго или ахейскаго союза какъ первоначальные, такъ и новые, назывались общимъ именемъ „этолянъ“ или „ахеянъ“.

Прежніе союзы на началахъ гегемоніи развивались и крѣпли въ борьбѣ съ мидянами, а равно въ столкновеніяхъ съ притязаніями на господство какого-либо эллинскаго государства. Подобно этому феде-

раціи этолійская и ахейская возникли, расширились и оплотнились въ борьбѣ съ македонскими владыками и съ римскимъ сенатомъ. Но за прежними союзами слѣдовали еще времена свободной политической жизни еллиновъ, тогда какъ позднѣйшій федеративный періодъ совпалъ съ образованіемъ сильныхъ монархій на развалинахъ завоеваний Александра Македонскаго и съ расширеніемъ владѣній Римской республики на Балканскій полуостровъ и закончился для Македоніи и Эллады подчиненіемъ римскому сенату. Поэтому исторія еллинскихъ федерацій излагается обыкновенно какъ составная часть исторіи македонянъ и римлянъ; неудача эллиновъ объясняется неспособностью ихъ къ образованію единого могущественнаго государства, и самыя федераціи ихъ получаютъ въ изложеніи историковъ такой видъ, какъ будто римское завоеваніе было благомъ какъ для самихъ эллиновъ, такъ и для остального человѣчества.

Такое пониманіе заключительнаго періода свободной Эллады ведетъ свое начало отъ главнаго свидѣтеля его Полибія, и отъ его переводчика и подражателя Ливія. Союзъ этолянъ, часто и съ ожесточеніемъ враждовавшій съ ахейскимъ союзомъ и потомъ съ римлянами, не имѣлъ своихъ историковъ, а историки ахейскій и римскій, настроенные патріотически, являются по отношенію къ этолянамъ не безпристрастными свидѣтелями. Соціально-экономическое движеніе въ ахейскомъ союзѣ со всѣми ужасами междоусобныхъ браней, съ притязаніями народныхъ массъ на рѣшающую роль въ политикѣ наводило ужасъ на Полибія, и онъ замѣчаетъ, что Эллада погибла бы окончательно, не будь быстрого завоеванія ея римлянами.

Сочиненіе Дюбуа представляетъ собою послѣдній опытъ историческаго обзорѣнія важнѣйшихъ федеративныхъ организацій эллиновъ и выясненія политическаго устройства ихъ, опытъ, особенно цѣнный потому, что авторъ не довольствуется литературными свидѣтельствами, но и вводитъ въ свое изложеніе эпиграфическій матеріалъ. Благодаря этому послѣднему, исторія этолянъ предстаетъ далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ она разказана Полибіемъ и Ливіемъ; во многихъ отношеніяхъ этолійская федерація оказывается сходною съ ахейскою, и то, что отличаетъ ее, свидѣтельствуетъ о здоровомъ политическомъ смыслѣ этолянъ.

Односторонность показаній Полибія какъ объ этолянахъ, такъ и объ ахеянахъ, признается въ наукѣ довольно единодушно. Еще въ двадцатыхъ годахъ рѣшительнымъ защитникомъ этолянъ выступилъ Лукасъ (Ueber Polybius' Darstellung der Aetolischen Bundes. Кб-

nigsb. 1827); за нимъ слѣдоваль Брандштетеръ съ обширною монографіей объ этолянaxъ (Die Geschichte des Aetolischen Landes, Völker und Bunder. Berl. 1844). Но до открытія и объясненія лапидарныхъ памятниковъ критика Полибія состояла въ субъективной оцѣнкѣ его собственныхъ показаній путемъ сличенія этихъ послѣднихъ между собою, указанія противорѣчій въ нихъ и т. п. Только документальныя, эпиграфическія свидѣтельства, съ половины пятидесятихъ годовъ изданныя и объясненныя французскими, еллинскими и нѣмецкими учеными, дали возможность значительно пополнить и исправить картину политической жизни Эллады, оставленную намъ древними историками. Относящіяся къ этому періоду надписи появлялись въ разное время въ специальныхъ періодическихъ изданіяхъ или раньше въ сборникахъ надписей Бёка и Рангави, потомъ Кауэра и Диттенбергера. Заслуга Дюбуа состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ попытался представить въ цѣльныхъ историческихъ очеркахъ судьбу весьма поучительныхъ политическихъ образованій еллиновъ съ привлеченіемъ къ дѣлу по возможности всѣхъ эпиграфическихъ документовъ. Въ краткомъ введеніи авторъ обозрѣваетъ и предшествующую литературу, хотя этому обозрѣнію недостаетъ подобающей полноты и послѣдовательности; добавленія къ нему содержатся впрочемъ въ дальнѣйшемъ текстѣ и въ подстрочныхъ къ нему примѣчаніяхъ. Во всякомъ случаѣ только относительною слабостью интереса къ послѣднимъ временамъ древне-еллинской исторіи можно объяснить себѣ равнодушіе, съ какимъ въ ученой литературѣ принято сочиненіе Дюбуа. Намъ не извѣстно ни одной сколько-нибудь обстоятельной критики этого труда, составляющаго необходимое пособие для каждаго интересующагося исторіей еллинскихъ федерацій. Въ концѣ книги приложены и важнѣйшіе эпиграфическіе документы, заимствованные авторомъ большею частью изъ специальныхъ поврежденныхъ изданій; въ разныхъ мѣстахъ сочиненія авторъ ссылается на эти документы, иллюстрирующіе защищаемыя въ книгѣ положенія.

Другимъ немаловажнымъ достоинствомъ настоящаго труда должно считать воздержаніе автора отъ поспѣшныхъ, обыкновенно поверхностныхъ сближеній событій, учреждений и лицъ давняго прошлаго съ явленіями позднѣйшей или современной намъ исторіи, недостатокъ, въ большой мѣрѣ присущій извѣстному, во многихъ отношеніяхъ капитальному сочиненію Фримена „History of federal government from the foundation of the Achaian league to the disruption of the United States“. Vol. I. 1863. Нѣтъ здѣсь и упо-

минаній о соціалъ-демократахъ, соціалистахъ, коммунистахъ и т. п., отъ коихъ не свободенъ даже Герцбергъ въ обширномъ введеніи къ Исторіи Греціи подъ римскимъ владычествомъ (I. 1866). „Поновля“ древнюю исторію, подобныя понятія и термины, принадлежащіе иному политическому и общественному строю, иному умственному движенію, нисколько не помогаютъ уразумѣнію давно прошедшихъ событій и оказываются въ результатъ весьма ненадежнымъ средствомъ пополненія недостающихъ положительныхъ свѣдѣній.

Къ числу достоинствъ Дюбуа слѣдуетъ отнести и отсутствіе въ его сочиненіи обобщеній, для которыхъ не имѣется достаточно основаній въ показаніяхъ историковъ и въ документальныхъ памятникахъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ авторъ строго придерживается текстовъ, довольствуясь скромными, но въ значительной мѣрѣ точными выводами. Ко всему этому слѣдуетъ добавить ясность изложенія и сжатость, придающія сочиненію характеръ конспекта и руководства для дальнѣйшихъ изысканій.

Но таково общее впечатлѣніе, производимое сочиненіемъ французскаго ученаго, бывшаго члена французской школы въ Аѳинахъ. Достаточно сравнить „Союзы этолійскій и ахейскій“ съ соответствующими частями 2-го тома „Греческихъ государственныхъ древностей“ Гильберта, вышедшаго въ томъ же (1885) году, чтобы сразу замѣтить, что и въ то время сочиненіе Дюбуа не находилось на уровнѣ добытыхъ наукою результатовъ въ изслѣдуемой области. Это не значитъ конечно, что Древности Гильберта дѣлають излишнимъ сочиненіе французскаго ученаго: тогда какъ этотъ послѣдній имѣеть въ виду изложить предметъ во всемъ его объемѣ, нѣмецкій ученый желаетъ дать читателю лишь общія, краткія указанія на положеніе того или другаго вопроса въ современной ученой литературѣ; онъ больше заинтересованъ полнотою и точностью библиографическихъ указаній, нежели возможнымъ въ настоящее время возстановленіемъ занимающаго его историческаго періода. Но изъ сопоставленія этихъ двухъ трудовъ читатель легко отерывааетъ пробѣлы въ той литературѣ, какою пользовался Дюбуа. Ему остались неизвѣстными цѣнныя изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, каковы, напримѣръ, для этолійской федераціи „Ueber die Entstehung der Städte der Alten“ Е. Куна (Leipzig. 1878, стр. 87—140), „Die Pylaisch-Delphische Amphiktyonie“ Г. Бюргеля (Munich. 1877), увѣчанное преміей Мюнхенскаго университета, для

исторія и учрежденій ахейскаго союза „Forschungen zur Geschichte des Achäischen Bundes“ М. Клатта (Berl. 1877. 1881) и небольшая по объему программа Вейнерта „Die achäische Bundesverfassung“ (Demmin. 1881). Знакомство съ этими трудами помогло бы автору разобратъся въ отрывочныхъ извѣстiяхъ объ устройствѣ этолийскаго союза и избавило бы отъ необходимости полемизировать съ устарѣвшими сочиненiями Мерлекера (Achaearum libri tres. Darmst. 1837) и Ванера (De Achaearum foederis origine atque institutis. Berl. 1854). Въ полемикѣ съ этими послѣдними Дюбуа усваиваетъ и нѣкоторыя явно ошибочныя сужденiя ихъ объ устройствѣ ахейскаго союза. При объясненiи надписей авторъ далеко не всегда пользуется относящеюся къ предмету литературой, ограничиваясь комментарiями памятниковъ, появившимися при первомъ изданiи ихъ. Такъ, ему не извѣстны дополненiя и поправки Диттенбергера (Hermes XVI 13. 176 сл.) къ прекрасному, правда, комментарий Фукара, разъясняющему важнѣйшую для ахейскаго союза надпись орхоменскую (Revue Archéologique. XXXII. 1876, p. 96 сл.). Очевидно, авторъ не имѣлъ передъ собою сборника надписей Диттенбергера „Sylloge inscriptions graecarum“ (Leipz. 1883), въ которой онъ нашелъ бы и обильныя указанiя предшествующей литературы надписей. Цитаты не вездѣ отличаются необходимою точностью, напримѣръ, примѣчанiя къ стр. 115, 122, 130, 132, 147 текста не вездѣ вѣрно поняты.

Главная задача Дюбуа—выяснить союзное устройство федерацій этолийской и ахейской; рѣшенiю ея посвящена вторая, значительно большая часть труда (стр. 91—216); первая часть содержитъ въ себѣ слишкомъ краткіе историческіе очерки обоихъ союзовъ отъ возникновенiя ихъ до покоренiя римлянами. 17 послѣднихъ страницъ даютъ важнѣйшіе эпиграфическіе тексты съ указанiемъ мѣста первой публикаціи ихъ безъ всякихъ комментарiевъ, даже безъ ссылокъ на относящiяся къ нимъ страницы текста. Въ историческихъ очеркахъ недостаетъ выясненiя связи обозрѣваемыхъ политическихъ федерацій съ тѣми племенными союзами, которые искони существовали на территорiи еллиновъ и, уцѣлѣвши въ однѣхъ частяхъ Эллады, въ другихъ уступили мѣсто сильнымъ городскимъ республикамъ, складывавшимся обыкновенно путемъ синойкизма. Вслѣдствіе этого образованіе позднѣйшихъ федерацій является въ изложенiи Дюбуа результатомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чуть не политическихъ расчетовъ владыкъ Македонiи (стр. 37). Авторомъ не обращено вниманіе на единовременное существованіе подобныхъ федеративныхъ организацій на

территоріяхъ племенъ, прилегавшихъ къ этолянамъ и ахеянамъ; между тѣмъ наличность племенныхъ учреждений въ средѣ фокидянъ, мидянъ, эніановъ, аркадянъ и др. много содѣйствовала росту организацій, въ основу коихъ легли такія же отношенія у этолянъ и ахеянъ. Въ этой же исторической части авторъ не различаетъ расширенія этолійской организаціи отъ союзныхъ отношеній, въ какія вступали этоляне подобно другимъ государствамъ. Союзниками этолянъ, хотя не членами федераціи ихъ, были мессеняне, фігалияне, а также Теосъ, Кессъ, Лисимахія, Кій, Калхедонъ. Въ этомъ отношеніи Дюбуа повторяетъ ошибку предшественниковъ, особенно рельефно выступающую въ сочиненіи Дройзена. Далѣе, на стр. 67 сл., авторъ дѣлаетъ напрасныя усилія доказать, что не вражда къ македонянамъ и не желаніе избавиться отъ поддерживаемыхъ македонянами тирановъ были сильнѣйшимъ факторомъ въ образованіи ахейскаго союза. Сообщаемые Полибіемъ факты и ясно обозначаемыя имъ цѣли Арата и ахеянъ противорѣчатъ увѣреніямъ автора, заходящаго слишкомъ далеко въ полемику своей съ Фрименомъ (Полиб., II, 43. 46. 54. 57. IV, 6). Но Дюбуа нужно оправдать послѣдовавшее въ двадцатыхъ годахъ III столѣтія обращеніе Арата къ Антигону Досону въ войнѣ съ Клеоменомъ, доказать, что этотъ поворотъ въ политикѣ Арата не былъ измѣною его же собственнымъ традиціямъ, и потому онъ старается увѣрить читателя, что даже ко времени возрожденія ахейской федераціи (250 г. до Р. Хр.) не существовало ни національной, ни политической розни между пелопонезцами и македонянами. Вопреки свидѣтельствамъ Полибія (II, 47 сл.) и Плутарха (Arat., 41. Сleit., 19), Дюбуа замѣчаетъ, что Аратъ „безъ колебаній“, „съ спокойною совѣстью“ (sans scrupule) искалъ опоры въ Антигонѣ противъ Спарты.

Другимъ примѣромъ недостаточнаго вниманія автора къ текстамъ можетъ служить увѣреніе, будто постановленія общенародныхъ союзныхъ собраній у ахеянъ нуждались въ формальномъ утвержденіи на собраніяхъ отдѣльныхъ общинъ, дабы получить силу закона (стр. 132). Еслибы дѣйствительно было такъ, ахейскій союзъ представлялъ бы единственную въ своемъ родѣ политическую организацію. Располагая верховными полномочіями во всѣхъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго союза, собраніе союзниковъ являлось бы въ своихъ рѣшеніяхъ подчиненнымъ отдѣльнымъ собраніямъ союзныхъ общинъ. Авторъ ссылается при этомъ на одно извѣстное мѣсто Полибія (IV, 26) и даже текстуально приводитъ нѣкоторыя выраженія свидѣтельства. Но дѣло

въ томъ, что Полибій говоритъ о собраніи не ахеянъ, очередномъ или чрезвычайномъ, но союзниковъ Филиппа, къ числу коихъ принадлежали тогда (219 г. до Р. Хр.) и ахеяне. Постановленіе этого-то собранія нуждалось въ утвержденіи народами, представители коихъ, не исключая и ахеянъ, присутствовали въ собраніи союзниковъ (σύνταχοι). Историкъ въ той же главѣ (IV, 24, 7—8) добавляетъ, что вслѣдъ за симъ ахеяне въ общенародномъ собраніи,—а не по городамъ,—дали свое согласіе на принятое союзниками собранія рѣшеніе начать войну противъ этолянъ. Въ текстѣ нѣтъ ничего похожаго на заключеніе Дюбуа.

Не разъ и съ полною опредѣленностью Плутархъ напоминаетъ о существованіи въ ахейскомъ союзѣ закона, воспрещавшаго избраніе одного и того же лица на должность стратега два года къ ряду: не ежегодно (κατ' ἐνιαυτόν), но черезъ годъ (παρ' ἐνιαυτόν) могло быть выбираемо данное лицо въ стратеги (Arat., 24. 30. 38. Cleom., 15). По Плутарху, Аратъ не представлялъ исключенія изъ общаго правила. Только относительно Филопемена сохранилось свидѣтельство Ливія, что стратегія его была продолжена и по истеченіи срока: Philoemeni continuatur magistratus (XXXVIII, 33). Лишь въ зависимости отъ посредственной компиляціи Мерлекера Дюбуа могъ сказать: „il paraît bien démontré que les achéens firent exception à cette règle en faveur d'Aratus et de Philoemen“ (стр. 152). Впрочемъ это же мнѣніе нашло себѣ защитника въ Рейссѣ (E. Reuss въ N. Jahrbuch. 1876. В. 113, стр. 605 сл.), но несостоятельность его изболчена Клаттомъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи. Ни Рейсса, ни Клатта Дюбуа не знаетъ.

Вся глава, посвященная вопросу объ очередныхъ и чрезвычайныхъ собраніяхъ ахеянъ, а равно о составѣ этихъ собраній (стр. 113—140), представляетъ сплошное недоразумѣніе. Подъ вліяніемъ Мерлекера-Ванера авторъ старается опредѣлить со всею точностью роль федеральной думы или сената въ ахейскомъ союзѣ, совершенно неожиданно открываетъ въ древнихъ текстахъ не существующія указанія на руководящее положеніе федеральнаго совѣта въ союзѣ, на представительный характеръ его, на ограниченность полномочій народной массы и т. п. Самые неясные и отрывочные намеки у древнихъ авторовъ оказываются для автора достаточными, чтобы на основаніи ихъ построить палату депутатовъ, пополнявшуюся будто бы делегатами отъ отдѣльныхъ общинъ, хотя система представительства

въ томъ видѣ, какъ это желательно автору, была совершенно не извѣстна не только ахеянамъ, но и древнимъ еллинамъ вообще.

Терминъ Ливія *concilium* общенародное собраніе (XXXII, 19. 22) авторъ безъ всякаго основанія толкуетъ въ смыслѣ думы, совѣта выборныхъ представителей (стр. 124, 135, 136). Очевидно, авторъ увлеченъ нѣсколько болѣе точными извѣстіями, почерпнутыми изъ надписи Уссинга (*Rangabé, Antiquités hellén. II, 692*) объ этолійской думѣ и примѣромъ предшественниковъ, въ своихъ построеніяхъ далеко выходившихъ за предѣлы древнихъ текстовъ.

Съ гораздо болѣею осторожностью и основательностью трактуетъ авторъ о союзныхъ учрежденіяхъ этолянъ, именно о народномъ собраніи и думѣ (стр. 183 сл.), хотя и здѣсь высказываются подъ-часъ мнѣнія, ни на чемъ не основанныя.

Такъ *Pylaicum concilium*, упоминаемое не разъ Ливіемъ въ разказахъ объ этолянахъ и, по всей вѣроятности, означающее не что другое, какъ собраніе амфиціоновъ, на которомъ долгое время рѣшающій голосъ принадлежалъ этолянамъ, представляется автору союзнымъ собраніемъ этолянъ, только созваннымъ въ какомъ-нибудь городѣ близкомъ къ Термопиламъ и пользовавшимся нѣкоторыми преимуществами. Ссылка на Ливія (XXXI, 32) рѣшительно ничего не прибавляетъ. Точно также не вѣрно мнѣніе Дюбуа, будто право объявить войну или заключить миръ принадлежало у этолянъ только осеннему собранію въ Фермѣ (стр. 186). Тотъ самый матеріалъ, которымъ пользуется авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, убѣждаетъ читателя въ томъ, что вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались окончательно и на чрезвычайныхъ народныхъ собраніяхъ, разъ они были созваны съ соблюденіемъ установленныхъ обычаевъ, а быть можетъ, и положительнымъ закономъ—формальностей; близость мѣста собранія къ Термопиламъ здѣсь не при чемъ.

Въ федераціи этолянъ, кромѣ общенародныхъ собраній, которымъ принадлежала верховная власть союза, были собранія думы, или сената старѣйшинъ, именуемыхъ у Полибія и черезъ него у Ливія апоклетами. Судя по всему, особенно по упомянутой выше надписи Уссинга, собранія старѣйшинъ союзныхъ были довольно многолюдны. Иногда для рѣшенія союзныхъ дѣлъ составлялась коммиссія изъ нѣсколькихъ апоклетовъ, дѣйствовавшая во имя союзнаго государства. Въ надписяхъ она носитъ названіе синедріона (*συνεδριον*); во главѣ ея упоминаются однажды два предсѣдателя (*προστάται*). Дюбуа представляетъ себѣ отношенія между синедрами и апоклетами въ ка-

комъ-то непонятномъ видѣ: первый изъ этихъ терминовъ прилагается имъ ко всѣмъ членамъ многолюднаго совѣта старѣйшинъ, а болѣе ограниченная коммиссія съ именемъ апокетовъ возводится въ председатели совѣта; въ число председателей (προστάται) заносится гиппархъ, то-есть, начальникъ союзной конницы, и секретарь союза (стр. 189 сл.). Основаній для такого заключенія авторъ не приводитъ, да ихъ и нѣтъ ни въ показаніяхъ историковъ, ни въ свидѣтельствахъ надписей. Что касается надписи, на которую ссылается авторъ и которая помѣщена въ приложеніи, то гиппархъ и секретарь (γραμματεὺς) названы въ ней не председателями, коихъ всего два, но только свидѣтелями (μάρτορες).

Не одинъ начальникъ конницы упоминается у Ливія, какъ утверждаетъ авторъ на стр. 202, а два: Динархъ и Діоклъ (Liv. XXXV, 34. XLIII, 22).

На стр. 87 Антигонъ Гоната названъ вмѣсто Антигона Досона.

Авторъ слишкомъ недостаточно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что думою, совѣтомъ (βουλή), называется у Полибія и общенародное собраніе ахеянъ (ἐκκλησία, σύνodus). Терминъ этотъ перешелъ отъ Полибія и къ Плутарху; поэтому подъ словомъ (βουλή) въ біографіи Клеомена (гл. 25) скорѣе нужно разумѣть народное ахейское собраніе, а не совѣтъ представителей отъ союзныхъ общинъ, какъ то кажется Дюбуа (стр. 117): тутъ же вмѣсто βουλή называется у Плутарха σύνodus τῶν Ἀχαιῶν.

Полибій, II, 46, разсказываетъ о рѣшеніи ахеянъ начать войну; собираютъ народъ Аратъ и должностныя лица (οἱ προεστῶτες). Безъ малѣйшаго основанія Дюбуа разумѣетъ подъ словомъ οἱ προεστῶτες ахейскую думу (стр. 119, прим.).

На стр. 155 терминъ οἱ ἐπίλεκτοι толкуется авторомъ въ смыслѣ постоянного отборнаго отряда ахеянъ (corps d'élite). На самомъ дѣлѣ ἐπιλέγειν, ἐπίλεκτοι означаютъ у Полибія, „набирать войско“, „наборъ“, и только XVI, 372 терминъ этотъ имѣетъ другое значеніе. Соотвѣтственно тому должно быть исправлено и заключеніе автора о составѣ союзныхъ войскъ ахеянъ.

Въ главѣ, посвященной взаимнымъ отношеніямъ между центральною, союзною властью и отдѣльными общинами федераціи, преувеличена свобода общинъ въ дѣлѣ сношеній съ иноземными государствами и выхода изъ союза (стр. 173 сл.).

Помимо частныхъ промаховъ, происшедшихъ отъ недостаточнаго вниманія къ древнимъ текстамъ и не оправдываемыхъ текстами вы-

водовъ, обличающихъ наклонность автора восполнять субъективными построениями недостающія свидѣтельства, книга Дюбуа остается полезнымъ пособіемъ при изученіи федеративнаго періода Эллады, благодаря прежде всего привлеченію епиграфическаго матеріала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи „Союзы этолянъ и ахеянъ“ представляютъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ „Исторією федеративнаго управленія“ Фримена (1863). То обстоятельство, что нѣкоторыя части труда Дюбуа не отвѣчаютъ современному положенію вопроса, должно побудить изслѣдователей этого періода къ большей осторожности въ обращеніи съ древними текстами и къ болѣе внимательному изученію новой литературы, не французской только, но и нѣмецкой.

Ф. Мищенко.

Любовичъ, Н. Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшѣ. По не изданнымъ источникамъ. Варшава. 1890.

Въ русской литературѣ особенно посчастливилось переходнымъ эпохамъ польской исторіи. Конецъ XVIII столѣтія, съ его реформами и вопросомъ о паденіи Польши, и XVI столѣтіе, съ реформацией и возрожденіемъ католичества, изслѣдованы въ русской литературѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ въ польской ¹⁾. Проф. Любовичъ посвящаетъ уже второй трудъ той переходной эпохѣ, которая называется въ исторіи временемъ церковной реформации. Первая его книга, изданная въ 1883 г., посвящена раздвѣту протестантизма въ Польшѣ. Этотъ періодъ онъ охватываетъ 25-ю годами: въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія устанавливаетъ его начало, а съ 1564 г. начинаетъ подмѣчать признаки упадка. Только сороковые годы, по мнѣнію г. Любовича, могутъ быть названы временемъ возникновенія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. До того времени проявленія симпатій къ протестантизму были единичны и не имѣли серьезнаго значенія. Съ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія доступъ извѣстій о проповѣди Лютера былъ вполне свободенъ. Польская молодежь получала высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, недостатокъ въ сочиненіяхъ Лютера и другихъ протестантовъ не было. Эти сочиненія привозили съ собою изъ-за границы и купцы, и шлях-

¹⁾ Обзоръ литературы реформации въ Польшѣ составленъ проф. Карлеманъ: *Вопросъ о религіозной реформации*. С.-Пб. 1885.

тичи, учившіся въ германскихъ университетахъ; присылали ихъ также и германскіе ученые; наконецъ, распространялись они и продажей. Такимъ образомъ постепенно подготавливалась въ Польшѣ почва для протестантизма, и только къ 1543 г. относится первое появленіе открытой протестантской проповѣди въ Краковѣ. Но и теперь о распространеніи въ Польшѣ ученія одной какой-либо протестантской вѣтви не могло быть и рѣчи. Польша была далека отъ установленія одного какого-либо опредѣленнаго религіознаго ученія. Ни одному протестантскому ученію не удается подчинить Польшу своему влиянію, хотя и казалось въ началѣ, что наибольшій доступъ открывался лютеранизму, вслѣдствіе близкаго сосѣдства Польши съ государствами, принявшими это ученіе. Сильнѣе, однако, стало распространяться ученіе Кальвина. Но и кальвинскихъ церквей не было такъ много, чтобы можно было сказать, что кальвинизмъ занялъ Польшу. Въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія проф. Любовичъ во всей Малой Польшѣ не насчиталъ и ста кальвинскихъ пасторовъ. Притомъ главную опору протестантизма составляла исключительно шляхта, въ большихъ городахъ кальвинизмъ нигдѣ не находилъ многочисленныхъ приверженцевъ, а о крестьянскомъ населеніи и говорить нечего: оно было по прежнему предано католицизму, и протестантское движеніе нисколько не затронуло его. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ кальвинской церкви появляются секты: отъ нихъ отдѣляются антитринитаріи. Съ этого момента, по мнѣнію проф. Любовича, реформаціонное движеніе не дѣлаетъ уже болѣе успѣха, и отсюда онъ начинаетъ слѣдить за упадкомъ реформаціи и возрожденіемъ католицизма.

Началу упадка реформаціи проф. Любовичъ посвящаетъ свой новый трудъ. Въ немъ профессоръ разсматриваетъ причины появленія католической реакціи въ Польшѣ и старается выяснитъ, благодаря чему въ нѣсколько десятилѣтій католическая церковь не только оживила, откинула напоръ протестантизма и почти его истребила, но еще получила такое громадное значеніе въ Польшѣ и даже руководство общественною и политическою жизнью. Переворотъ этотъ, по замѣчанію автора, тѣмъ болѣе поразителенъ, что онъ совершился вполне мирнымъ путемъ, почти безъ всякихъ слѣдовъ тѣхъ ужасныхъ насилій, которыя мы встрѣчаемъ въ эту эпоху повсюду въ западной Европѣ. Въ „Исторіи реформаціи“ авторъ выяснилъ, что реформаціонное движеніе было весьма поверхностно, не имѣло корней и не произвело никакого серьезнаго переворота ни въ обще-

ственной, ни въ умственной, ни въ политической жизни польскаго народа. Внутренняя слабость этого движенія была такова, что оно не успѣло даже обезпечить своимъ adeptамъ свободу совѣсти. Поэтому неудачи протестантизма при давленіи со стороны Рима способствовали быстрому возрожденію католицизма. Разсмотрѣніемъ этихъ неудачъ реформаціоннаго движенія и ролью Рима занимается авторъ въ новой своей книгѣ.

Исслѣдованіе проф. Любовича основано на новыхъ матеріалахъ, отчасти впервые имъ же открытыхъ. Для своего труда авторъ извлекъ матеріалы изъ различныхъ европейскихъ архивовъ и библиотекъ. Въ этомъ отношеніи трудъ его является весьма цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу.

Первая глава, озаглавленная „Состояніе католической церкви въ Польшѣ въ моментъ разгара реформаціоннаго движенія“, не даетъ намъ того, что обѣщано въ заглавіи. Впервыхъ, авторъ говоритъ только объ одиннадцати деканатахъ Краковской епархіи (изъ сорока двухъ) и по нимъ дѣлаетъ заключеніе о всей Польшѣ, а вовторыхъ, касается только жизни духовенства и судьбы отдѣльныхъ церквей и ничего не говоритъ о судьбѣ католицизма какъ церкви. По мнѣнію автора, въ моментъ наивысшаго напряженія силъ протестантизма католическая церковь представляла жалкую картину, и вина въ томъ падала въ значительной степени на само духовенство. Но авторъ упускаетъ изъ виду, что въ Польшѣ право представленія священника въ приходъ принадлежало владѣльцу имѣнія, и епископъ не имѣлъ права поставить своего кандидата даже въ томъ случаѣ, если помѣщикъ совсѣмъ не представлялъ такового. Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія многіе помѣщики стали на сторону реформаціи, а потому или обращали католическія церкви въ протестантскія, или замѣщали недостойными, или же совсѣмъ не замѣщали. Г. Любовичъ говоритъ, что прежде всего бросается въ глаза немѣнне многими церквами собственныя священниковъ или замѣщеніе ихъ викаріями, не всегда способными выполнять свои обязанности. Авторъ напрасно не привелъ болѣе точныхъ данныхъ изъ того матеріала, которымъ онъ располагалъ. Въ ревизіи Краковской епархіи Падневскаго (1565—1570 гг.), на которую авторъ постоянно ссылается, для этого достаточно матеріала. Такъ, въ 11 деканатахъ (изъ 42-хъ) обревизовано 392 церкви, изъ которыхъ въ 73, то-есть, около 18%, мѣсто настоятеля было замѣщено лицами, не имѣющими духовнаго сана, совсѣмъ не замѣщено въ 24 церквахъ, то-есть, около

6%, 62 (16%) католическія церкви обращены въ протестантскія, а 233, то-есть, почти 60%, имѣли настоятелями лицъ духовнаго званія. Это было въ разгаръ реформаціоннаго движенія и, конечно, для католической церкви представляло большую потерю. Къ концу XVI столѣтія процентъ церквей, обращенныхъ въ протестантскія, увеличился и составлялъ почти 19%. Такимъ образомъ выводы, основанные на единичныхъ случаяхъ, не даютъ точнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи вещей; надо непремѣнно имѣть въ виду общую сумму фактовъ для надлежащей оцѣнки.

Далѣе авторъ указываетъ на то, что среди духовенства господствовала крайняя распущенность и безнравственность, и въ доказательство приводитъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ ревизіи Падневскаго. Эти два, три примѣра на 400 случаевъ такъ ничтожны, что не могутъ дать точнаго представленія о дѣйствительности. Къ сожалѣнію, для этого вопроса я не располагаю точными данными и не могу подвести итоговъ и процентовъ. Несомнѣнно одно, что случаи распущенности главнымъ образомъ падаютъ на приходы, въ которыхъ настоятелей не было, и они замѣщались викаріями. Для надлежащей оцѣнки состоянія блага духовенства въ Краковской епархіи авторъ располагалъ прекраснымъ матеріаломъ, но не воспользовался имъ надлежащимъ образомъ. О положеніи чернаго духовенства говорить трудно, потому что оно не подлежало вѣдѣнію епископовъ, и въ ревизіяхъ епархіальныхъ о немъ не говорится. Поэтому часть эта вышла, у г. Любовича еще менѣе полною. Онъ привелъ два случая изъ жизни двухъ монастырей и на основаніи ихъ заключилъ, что дисциплина во многихъ изъ нихъ упала, и что протестантскія идеи проникали въ нѣкоторые женскіе и мужскіе монастыри.

Не сдѣлавъ точныхъ статистическихъ вычисленій, авторъ приписалъ слишкомъ большое значеніе тогдашнему состоянію низшаго духовенства въ Польшѣ, чего, конечно, въ то время не было. Въ общемъ глава эта не даетъ точнаго понятія о разсматриваемомъ вопросѣ.

Во второй главѣ г. Любовичъ обзрѣваетъ дѣятельность папскаго нунція Коммендоне во время его двухлѣтнаго пребыванія въ Польшѣ (съ конца ноября 1563 года по декабрь 1565 года). Дѣятельность нунція поставлена въ связь съ общими событіями въ Польшѣ, и потому рядомъ съ личностью нунція характеризуются и тогдашнія событія, по скольку они соприкасались съ вопросами религіозными.

Въ главной своей части, эта глава была напечатана въ 1887 году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ ней сообщается авторомъ много мелкихъ фактовъ и подробностей на основаніи не изданныхъ документовъ; въ общемъ, однако, дѣятельность нунція не получаетъ новаго освѣщенія, и она съ достаточною вѣрностью была раньше очерчена проф. Закржевскимъ.

Во времени пребыванія Коммендоне въ Польшѣ относится развитіе вражды между разными протестантскими сектами. По этому вопросу г. Любовичъ собралъ новые матеріалы и рассмотрѣлъ его въ третьей главѣ. Въ Малой Польшѣ рядомъ съ кальвинизмомъ распространялись антитринитарскія секты разныхъ оттѣнковъ, при чемъ кальвинская церковь приходила въ печальное положеніе. Въ Великой Польшѣ сильно развивался лютеранизмъ, но онъ находился въ постоянной борьбѣ съ чешскими братьями. Такъ какъ и проповѣдь чешскихъ братьевъ имѣла успѣхъ, то столкновеніе этихъ двухъ ученій стало неизбежнымъ. Вслѣдствіе фанатизма лютеранъ, нѣкоторые лютеранскіе проповѣдники начали разжигать вражду въ обществѣ противъ братьевъ чешскихъ. Началась ожесточенная борьба между обѣими сторонами. Такимъ образомъ разладъ въ протестантскомъ лагерѣ къ концу 1565 года дошелъ до значительныхъ размѣровъ. Попытка прийти къ соглашенію не привела ни къ какимъ результатамъ. На съѣздѣ лютеранъ съ братьями чешскими въ Гостинѣ владѣлецъ этого мѣстечка, сбитый съ толку разногласіемъ сектъ, прогналъ изъ Гостына своего протестантскаго проповѣдника, и возстановилъ католическое богослуженіе. Вражда эта способствовала возрожденію католицизма.

Въ то время, какъ силы протестантовъ отвлекались отъ борьбы съ католицизмомъ, благодаря внутреннимъ раздорамъ сектъ и неурядицамъ въ церкви, католическая церковь проявляла все болѣе и болѣе жизни и энергіи. Она пользуется наступившимъ теперь нѣкоторымъ отдыхомъ отъ прежнихъ усиленныхъ на нее нападений со стороны протестантовъ, чтобъ организовать свои силы. Когда реформаціонное движеніе утрачиваетъ способныхъ руководителей, католики выставляютъ энергичныхъ и всею душою преданныхъ католицизму дѣятелей. Во главѣ этихъ дѣятелей стали такія личности, какъ папскій нунцій Юлій Руджіери и кардиналъ Гозій. Для исторіи начала возрожденія католицизма до сихъ поръ мало было издано источниковъ, и г. Любовичъ воспользовался для этого многими имъ впервые открытыми документами. До сихъ поръ не изданъ дневникъ сейма 1566 года, на которомъ проявилась борьба кальвинистовъ съ антитринитаріями, кончившаяся тѣмъ, что составленъ былъ даже эдиктъ противъ анти-

тринитаріевъ и анабаптистовъ. Вопросъ объ изданіи этого эдикта и послѣ розысканій г. Любовича остается не выясненнымъ. Мною приготовленъ къ печати дневникъ этого сейма. Но онъ сохранился лишь въ черновой рукописи, притомъ въ весьма неполномъ видѣ. Нѣтъ въ немъ ни начала, ни конца. Отрывокъ начинается 19-мъ іюня (сеймъ былъ открытъ въ началѣ мая). Съ этого дня по 8-е августа въ немъ нѣтъ ни слова о борьбѣ съ иновѣрцами. Только въ послѣднихъ засѣданіяхъ указывается на необходимость издать эдиктъ. Къ дневнику приложенъ черновикъ эдикта съ исправленіями. Г. Любовичъ нашелъ копію въ архивѣ Краковскаго капитула съ помятомъ: *sed in breui posthac R. D. Archidiaconus grae. haec in nihilum fusa esse neque aliquam haberi vim retulit*. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій одинъ посолъ настаивалъ на томъ, чтобъ эдиктъ, который уже обсуждали, былъ обнародованъ. Весьма вѣроятно, что этотъ эдиктъ былъ составленъ, но не изданъ къ исполненію. Въ этой главѣ (IV) г. Любовичъ подробно излагаетъ всѣ моменты начала возрожденія католицизма. При этомъ онъ отмѣчаетъ, что внутренняя работа надъ обновленіемъ силъ католической церкви быстро подвигалась впередъ. Успѣхи въ этомъ отношеніи стали уже совершенно явственно замѣтны. Среди духовенства начало просыпаться сознаніе своихъ обязанностей. Между тѣмъ многіе изъ предводителей протестантизма стали возвращаться въ католичество. Особенно сильнымъ ударомъ для протестантизма было отреченіе отъ этого ученія въ половинѣ 1569 года сѣрадскаго воеводы Альбрехта Ласкаго, котораго родной дядя насаждалъ протестантизмъ въ Польшѣ. Успѣхи католицизма вызвали основательныя тревоги среди протестантовъ. Они поняли, что безъ единодушія въ борьбѣ съ католичествомъ имъ не удастся приобрести для себя свободы. Поэтому представители враждовавшихъ сектъ стали снова подумывать объ уніи и 9-го апрѣля 1570 года съѣхались на генеральный синодъ въ Сандомірѣ. Результатомъ этого съѣзда было сандомірское соглашеніе, которое обрадовало всѣхъ приступившихъ къ нему. Но г. Любовичъ замѣчаетъ, что радость эта не имѣла никакого основанія. Для всѣхъ было ясно, что какъ прежде не существовало почти никакого единенія между отдѣльными церквами, такъ и теперь было мало надежды на его установленіе. Протестанты пробовали на слѣдующемъ сеймѣ хлопотать сообща о вольностяхъ для себя, но имъ только удалось достигъ разрѣшенія краковскимъ кальвинистамъ на свободное отправленіе богослуженія въ приобрѣтенномъ для этой цѣли домѣ. Судьба протестантизма за время съ

конца 1565 по 1572 годъ изложена у г. Любовича впервые съ такою полнотою. Г. Закржевскій (Powstanie i wzrost reformacyi) прямо отказался отъ этой задачи, заявивъ, что съ отъѣздомъ изъ Польши Коммендоне прекращаются важнѣйшіе памятники. Г. Карѣвъ, имѣя до 1564 года руководителемъ г. Любовича, подробно останавливался на этомъ періодѣ (153 стр.), о событіяхъ 1565—1572 годовъ почти ничего не говорить, о времени съ 1572 по 1726 г., для котораго не было такихъ пособій, какъ труды Закржевскаго и Любовича, отводитъ 36 страницъ. Такимъ образомъ для эпохи возрожденія католицизма новый трудъ г. Любовича является единственнымъ пособіемъ.

Съ главы шестой, собственно говоря, начинается у г. Любовича изложеніе внутренней борьбы партій въ Польшѣ, вызванной первымъ междуцарствіемъ. Событія этого времени уже хорошо изслѣдованы въ трудахъ Закржевскаго и Вержбовскаго. Нового трудъ г. Любовича даетъ въ строгомъ смыслѣ немного; здѣсь мы находимъ только новое освѣщеніе фактовъ изъ жизни протестантизма въ связи съ общимъ ходомъ событій.

Въ главѣ седьмой, носящей названіе „Возни Рима“, разказана главнымъ образомъ дѣятельность папскаго нунція Лаурео въ дѣлѣ избранія Генриха Валуа на польскій престолъ. Въ этой главѣ авторъ впервые воспользовался изданными г. Вержбовскимъ донесеніями Лаурео. Обѣ эти главы, интересныя для общей исторіи Польши и написанныя чрезвычайно увлекательно, даютъ слишкомъ мало для спеціального вопроса, разсматриваемаго авторомъ. Исторія католическаго возрожденія значительно выиграла бы, еслибъ авторъ выдвинулъ на первый планъ именно дѣятельность представителей католической идеи, не останавливаясь такъ подробно на фактахъ общезвѣстныхъ.

На утвержденіи постановленій Петрововскаго синода 1577 г. папою проф. Любовичъ заканчиваетъ свою книгу. Съ этого синода, по заключенію автора, начинается новый періодъ въ жизни католической церкви Польши. Правда, католической церкви предстояло еще не мало поработать надъ обновленіемъ своихъ силъ, надъ искорененіемъ различныхъ злоупотребленій; но теперь уже было все сдѣлано для того, чтобъ эти труды не пропали даромъ.

Книга проф. Любовича и въ общемъ, и въ частностяхъ представляетъ весьма много новаго и интереснаго. Изъ болѣе извѣстныхъ фактовъ у г. Любовича получили новое освѣщеніе дѣятельность іезуитовъ въ моментъ развитія католическаго возрожденія и дѣятельность примаса Уханскаго. Еще не такъ давно проф. Карѣвъ (Очеркъ

исторіи реформаціоннаго движенія. 1886, стр. 153 и слѣд.) назвалъ католическое возрожденіе іезуитскою реакціей. Г. Любовичъ видитъ начало католической реакціи еще въ 1564 году въ дѣятельности Коммендоне. Іезуиты дѣйствительно въ этомъ году прибываютъ въ Варшавскую епархію и въ 1565 г. открываютъ коллегію въ Браунсбергѣ. Г. Любовичъ доказываетъ, что въ эту эпоху (до 1578 года) іезуиты не могли еще играть главной роли въ борьбѣ съ протестантизмомъ, и что имъ не могло еще принадлежать выдающееся мѣсто въ реакціонномъ движеніи. Это, впрочемъ, станетъ совершенно повѣстнымъ, если вспомнить, что въ цѣломъ Польскомъ королевствѣ, включая Литву, Русскія земли и Пруссію, находилось всего лишь пять коллегій. Число іезуитовъ въ Польшѣ было еще слишкомъ недостаточно въ данное время для цѣлей утвержденія католицизма. Польша даже составляла только часть австрійской провинціи іезуитскаго ордена, и изъ нея была образована самостоятельная провинція лишь въ 1576 году. Такимъ образомъ іезуиты еще не упрочились въ Польшѣ, когда постановленіями Петроковскаго синода было упрочено полное торжество католицизма.

Личность примаса Уханскаго до сихъ поръ еще не охарактеризована надлежащимъ образомъ. Въ эпоху, описываемую г. Любовичемъ, онъ достигъ высшаго духовнаго сана въ Польшѣ: съ 1562 г. назначенъ былъ архіепископомъ Гнѣзненскимъ и примасомъ королевства. Въ первое междупарствіе (1572 г.) на его долю выпала первенствующая роль. Уханскій у современниковъ и у новѣйшихъ писателей считался ревностнымъ сторонникомъ протестантской партіи. Другъ всѣхъ польскихъ свободномыслящихъ дѣятелей, участникъ всѣхъ вольнодумныхъ сходокъ, епископъ, входящій на епископскую кафедру не только безъ согласія Рима, но даже вопреки его запрету, ярый поборникъ національной церкви, въ самый разгаръ реформаціоннаго движенія становится во главѣ католической церкви въ Польшѣ, хлопочетъ почти всю жизнь о созывѣ духовнаго синода, но самъ, вопреки желаніямъ друзей-протестантовъ, не рѣшается отложиться отъ Рима и стать во главѣ національно-церковнаго движенія. Въ освѣщеніи г. Любовича Уханскій съ 1564 г. является горячимъ защитникомъ постановленій Тридентскаго собора. Онъ убѣждалъ нунція въ необходимости полного возстановленія прежняго положенія католической церкви, на сеймѣ онъ настаивалъ на необходимости примиренія въ дѣлахъ вѣры и доказывалъ, что путь къ этому намѣченъ Тридентскимъ соборомъ. Когда же со смертію Сигизмунда-Августа настало

междупарствіе, то за примасомъ осталось право созывать сенать и сеймы, и такимъ образомъ Уханскій сталъ во главѣ политической власти. Въ это время Уханскій не оправдалъ ожиданій протестантовъ и явился ярмъ защитникомъ католической церкви. На конвокаціонномъ сеймѣ примасъ, признанный *interrex*'омъ, при обсужденіи условій, которыя должны быть предложены кандидату на польскій престоль, и которыми обезпечивалась свобода протестантамъ, разразился передъ изумленнымъ сенатомъ такою рѣчью, какой никто отъ него не ожидалъ. Уханскій заявилъ, что онъ скорѣе дастъ отсѣчь себѣ руку, чѣмъ подпишется подъ этими условіями, и говорилъ о готовности положить свою голову за католическую вѣру. Когда же актъ этой конфедераціи внесенъ былъ въ судебныя книги, тогда Уханскій составилъ на него протестъ. Таковъ онъ былъ въ роли *interrex*'а. Въ царствованіе Баторія много дѣйствовалъ на Петроковскомъ духовномъ синодѣ 1577 г., а въ февралѣ 1578 г. не замедлилъ опубликовать бреве папы, одобряющее конституціи этого синода. Такимъ образомъ, онъ содѣйствовалъ тому, что декреты Тридентскаго собора вошли въ силу и въ Польшѣ. Относительно Уханскаго г. Любовичъ установилъ окончательно главнѣйшіе моменты въ его дѣятельности, какъ примаса; остается теперь прослѣдить въ цѣломъ всю его жизнь и объяснить тотъ переворотъ, какой въ немъ произошелъ.

Вся книга г. Любовича, какъ основанная на изученіи источниковъ первой важности, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу польской исторіи. Въ ней окончательно установленъ весь ходъ развитія протестантизма въ Польшѣ и вѣрно намѣчены начало его упадка, причины, вызвавшія быстрое ослабленіе реформаціоннаго движенія и скорое возрожденіе католицизма. При этомъ г. Любовичу первому удалось указать на то слабое значеніе, какое имѣло протестантское движеніе въ Польшѣ даже въ эпоху своего разцвѣта.

С. Шташницкій.

Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружины Руси. Изслѣдованіе *Е. В. Барсова*. Томъ III. Лексикологія Слова. А—М. Москва. 1890.

Первые два тома изслѣдованія *Е. В. Барсова* о Словѣ о полку Игоревѣ вышли въ 1887 году и по достоинству оцѣнены отечественною критикой. Покойный *О. Э. Миллеръ* назвалъ этотъ трудъ по

истивѣ богатырскимъ. Выдающіяся достоинства его и монументальное значеніе въ разработкѣ Слова признаны и наиболѣе строгими пѣнителями. Это освобождаетъ насъ отъ обязанности распространяться и съ своей стороны о важности этого изданія въ цѣломъ, такъ что мы можемъ ограничиться ближайшимъ обзоромъ нововышедшаго третьяго тома, посвященнаго монографическому разсмотрѣнію 430 словъ (отъ А до М), встрѣчающихся въ Словѣ о полку Игоревѣ. Методъ и задача этого разсмотрѣнія очень обстоятельно разъяснены авторомъ во вступленіи къ этому тому, въ нижеслѣдующихъ строкахъ: „Задача нашей Лексикологіи состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить каждое изъ 905 отдѣльныхъ словъ памятника въ слѣдующихъ явленіяхъ: I. Встрѣчаются ли эти слова въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ, и если встрѣчаются, то какими греческими выраженіями они соотвѣтствуютъ? II. Какія изъ нихъ вслѣдствіе своей устарѣлости и когда именно стали замѣняться иными выраженіями въ позднѣйшихъ спискахъ переводныхъ памятниковъ? III. Встрѣчаются ли такія слова и выраженія въ самостоятельныхъ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной кievской дружинной школы? IV. Являются ли они въ твореніяхъ народнаго пѣснотворчества—въ богатырскихъ словахъ, народныхъ плачахъ и пѣсняхъ? V. Сказываются ли они въ исторической географіи, и въ какихъ именно образованіяхъ? VI. Бытуютъ ли они въ современномъ живомъ языкѣ, и въ какомъ именно значеніи? VII. Какъ было понимаемо то или другое изъ нихъ въ литературѣ Слова, и какъ было переводимо на языкъ современный?“

Начертанная въ этихъ строкахъ задача автора представляла значительныя трудности при выполненіи. Главная заключалась въ томъ, что мы все еще не имѣемъ ни историческаго словаря русскаго языка, ни полнаго лексикона живыхъ русскихъ говоровъ, хотя бы въ родѣ тѣхъ, какіе имѣются для языка сербскаго въ трудахъ Даничича и Вука Караджича.

Словарь покойнаго академика Срезневскаго обнимаетъ лишь древній періодъ русскаго языка, да и не изданъ еще въ свѣтъ. Толковый же словарь Даля вовсе не касается бѣлорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, которые вообще изучены весьма недостаточно. Нѣкоторымъ подспорьемъ могли, конечно, служить автору церковно-славянскіе словари Востокова и Миклошича, для новѣйшаго же періода—Областной Академической Словарь, бѣлорусскій Носовича и нѣк. др. но въ большинствѣ случаевъ приходилось обращаться непосред-

ственно къ источникамъ и дѣлать кропотливыя справки и разысканія, результаты которыхъ не всегда вознаграждали потраченный трудъ. Какъ обширны были эти разысканія, видимъ изъ цитруемыхъ авторомъ церковно-славянскихъ, древне-русскихъ, средне-русскихъ и ново-русскихъ письменныхъ памятниковъ, въ числѣ коихъ встрѣчаемъ: всѣ почти русскіе списки библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, особенно XI—XIII вв., а равно русскія копии и оригиналы сочиненій патристическихъ, сборниковъ, патериковъ, четъ-миней, хронографовъ, лѣтописей, хожденій, повѣстей, законниковъ, много актовъ древняго и стараго времени, а затѣмъ всѣ почти важнѣйшія изданія нашихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, и т. п. Между этими источниками не мало было рукописныхъ, а въ томъ числѣ дюжины полторы памятниковъ, особенно сборниковъ средне-русскаго періода, принадлежащихъ лично автору и мало извѣстныхъ еще въ литературѣ. И въ ряду матеріаловъ этнографическаго характера находимъ не мало отрывковъ, записанныхъ лично авторомъ и предназначенныхъ отчасти для дальнѣйшихъ томовъ „Причитаній сѣвернаго края“ (ср. стр. 161).

Въ еще болѣе внушительномъ видѣ представится намъ этотъ трудъ автора, если мы примемъ въ соображеніе, что церковно-славянскіе и вообще переводные тексты были имъ изучаемы сравнительно съ греческими, отчасти латинскими и иными оригинальными, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя изъ нихъ выписки на всѣхъ почти страницахъ III-го тома. Положимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти разысканія были облегчены автору предшественниками, особенно Востоковымъ, Горскимъ-Невоструевымъ, Миклошичемъ, преосв. Амфилохіемъ и другими издателями и описателями нашихъ древнихъ рукописей; но нерѣдко ему приходилось дѣлать самостоятельныя сравненія, чтобы прослѣдить развитіе значеній того или другаго древняго слова или оборота. Къ новымъ въ наукѣ матеріаламъ и толкованіямъ должны быть отнесены и тѣ, которые подчерпнуты авторомъ изъ устъ нашихъ сѣверныхъ раисодовъ: Касьянова (33, 425), Щеголенкова (384, 495) и н. др.

Нечего и говорить, что систематическій и критическій сводъ столь обширныхъ и разнообразныхъ матеріаловъ по лексикологіи Слова проливаетъ много свѣта не только на спорныя его мѣста, но и вообще на историческую обстановку того времени и той мѣстности, когда и гдѣ возникъ разбираемый памятникъ. Объясненіе многихъ словъ представляетъ цѣлыя монографіи, которыя могли бы

найти себѣ мѣсто не только въ словарѣ древнерусскаго языка, но и въ лѣтописи древнерусскаго быта, понятій, учреждений. Таковы, напримѣръ, статьи, посвященныя разбору словъ: а (1 сл.), буѣ (52), буснѣ (58), великаго (77), дорога (204), Дунай (224), лѣпо (448), мысль (490) и мн. др.

Конечно, не всѣ термины Слова рассмотрѣны съ такой полнотой и разносторонностью, какъ означенныя. Такъ, напримѣръ, слова: батаре (42), богъ (31), лацкѣй (458) и мн. др. разобраны гораздо законичѣе, а слово Гориславичъ вовсе пропущено на соотвѣтственномъ мѣстѣ; но это зависѣло отчасти отъ матеріаловъ автора, отчасти отъ его взгляда на относительную ясность или неясность разбираемыхъ терминовъ, отчасти наконецъ отъ способа чтенія имъ текста Слова. Гориславичъ, напримѣръ, разлагается имъ на: горк славдчись“ (II, 199), слѣдовательно, рассмотрѣно въ двухъ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. И этого дѣйствительно требовала послѣдовательность, хотя мы съ своей стороны думаемъ, что это толкованіе вовсе не столь наглядно и убѣдительно, чтобы можно было считать Гориславича исчезнувшимъ навсегда изъ древнерусскаго языка. Самъ авторъ это чувствовалъ при составленіи II-го тома, гдѣ (стр. 199) и обѣщалъ рассмотреть слово „Гориславичъ“ въ Лексикологіи. Обѣщаніе это не выполнено въ первой ея части. Слѣдуетъ надѣяться, что оно будетъ исполнено во второй. Но это единственный пропускъ, который я могъ отмѣтить при чтеніи Лексикологіи. Вообще же авторъ съ величайшею точностью и педантизмомъ держится разбираемаго текста и страдаетъ скорѣе повтореніями, чѣмъ недомолвками. Такъ, напримѣръ, слова: бити-бишаса (18—19), братъ-братіе (45 сл.), вѣши—вѣеть (128, 139) и мн. др. рассмотрѣны каждое по два раза, но конечно, не тавтологически, а съ привнесеніемъ каждый разъ новаго матеріала, за что читатель не можетъ не поблагодарить автора. Быть можетъ, покажутся лишними отступленіями отъ прямыхъ цѣлей автора и тѣ его страницы, гдѣ разсматриваются не встрѣчающіяся въ „Словѣ“ значенія терминовъ, что иной разъ прямо констатировано авторомъ (напримѣръ, 92); но если имѣть въ виду сверхъ прямыхъ задачъ сочиненія по отношенію къ изучаемому памятнику еще болѣе широкія его примѣненія, при составленіи, напримѣръ, историческаго словаря древне-русскаго языка, то придется поблагодарить автора и за кажущіяся уклоненія его съ прямого пути.

Что касается характера толкованій изучаемаго текста въ Лексикологіи, то само собою поватно, что оно не можетъ быть весьма

отлично отъ известнаго уже намъ изъ первыхъ двухъ томовъ сочиненія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ¹⁾ авторъ предлагаетъ новыя чтенія. Но даже при сохраненіи прежнихъ толкованій новою въ наукѣ является болѣе обстоятельная мотивировка ихъ, на основаніи обширнаго историческаго и этнографическаго матеріала, впервые собраннаго съ такою полнотою и разносторонностію авторомъ Лексикологіи. Представленный имъ здѣсь сводъ всего сдѣланнаго по объясненію трудныхъ словъ и выраженій Слова можетъ и долженъ послужить надежною точкою отправленія для дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя донинѣ нерѣдко вращались въ заколдованномъ кругѣ все тѣхъ же догадокъ, безъ замѣтнаго движенія впередъ. Значеніе Лексикологіи г. Барсова для изученія Слова еще болѣе опредѣлится по выходѣ второй ея части. Лишь тогда можно будетъ попытаться окончательно опредѣлить удѣльный, такъ-сказать, вѣсъ предложенныхъ имъ толкованій по сравненію съ предшествовавшими, такъ какъ въ настоящее время мы нерѣдко имѣемъ передъ собою одно звено логической цѣли такихъ толкованій, но не видимъ звеньевъ смежныхъ, благодаря необходимой разрозненности комментаріевъ любого выраженія, при алфавитномъ распредѣленіи толкуемыхъ словъ. При такомъ не законченномъ еще характерѣ труда, и замѣчанія на оный не могутъ имѣть рѣшительной постановки, а скорѣе должны представляться обращенными къ автору вопросами, отвѣта на которые слѣдуетъ ожидать въ дальнѣйшихъ томахъ сочиненія. Въ ряду этихъ вопросовъ я съ своей стороны желалъ бы обратить его вниманіе, во первыхъ, на нѣкоторыя предложенныя имъ толкованія словъ и выраженій памятника, во вторыхъ же, на способъ пользования при этомъ языковѣдными данными и матеріалами.

Особенность метода нашего автора, при сравненіи съ большинствомъ предшествовавшихъ комментаторовъ Слова, заключается въ томъ, что исходною точкою своихъ толкованій онъ избралъ палеографическое, такъ-сказать, изученіе этого памятника, на сколько можно судить о немъ по сохранившимся копіямъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Вторымъ его рычагомъ служитъ провѣрка восстанавлиаемаго по палеографическимъ соображеніямъ текста сравненіемъ съ другими однородными памятниками древне-русскаго языка,

¹⁾ Напримѣръ (стр. 202), см. Стugna. . . уному князю Ростиславу затвори *Днѣпръ*. *Темнѣ* березѣ плачется мати Ростиславова, авторъ читаетъ теперь: . . . *Днѣпръ*. *При темнѣ* и т. д.

особенно лѣтописями, отчасти и съ языкомъ былинъ. Высшимъ же критеріемъ при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ принято понятіе художественной цѣльности и выдержанности произведенія.

Трудно сказать что-нибудь вѣское противъ цѣлесообразности подобнаго комбинированнаго метода. Но спрашивается: всегда ли вѣрнѣе ему авторъ? Окончательный отвѣтъ на это можно будетъ дать лишь по выходѣ двухъ остающихся томовъ, изъ коихъ IV-й посвящается второй половинѣ Лексикологіи, V-й же, по словамъ автора (160, 306), будетъ заключать въ себѣ грамматику Слова и разсмотрѣніе его стиля. Я не сомнѣваюсь, что изданіе ихъ разсѣтетъ многія сомнѣнія, которыя все еще остаются въ читателѣ и по выходѣ III-го тома. Въ интересахъ дѣла я позволю себѣ обратить вниманіе автора на два, три такихъ сомнительныхъ случая.

Возьмемъ одно изъ начальныхъ мѣстъ Слова: „Воянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шивымъ орломъ подъ облакъ“. Уже во II т. 128 сл. авторъ, замѣчая „нѣкоторую неясность и неестественность“ этого мѣста, выразилъ догадку, что вмѣсто мыслию здѣсь слѣдуетъ читать „мысль мысію“, разумѣя подъ первымъ словомъ фантазію, а подъ вторымъ бѣлку. Легко видѣть, что авторъ дозволилъ себѣ здѣсь палеографическую вставку или „глоссу“, то-есть, приемъ, котораго онъ вовсе не одобряетъ въ другихъ, напримѣръ, въ проф. Потебнѣ (I, 154; ср. III, 454). Если авторъ отрицаетъ возможность глоссъ въ старое время, то почему же пользуется самъ этимъ правомъ еще теперь, послѣ утраты даже дополняемой имъ рукописи? И добро бы еще вставленное слово было должнымъ образомъ документировано историческими памятниками XII и XIII вв. и новѣйшею діалектологіей. Но и этого не оказывается: въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ видимъ изъ Лексикологіи Слова, не встрѣчается слово „мысль“ въ значеніи: бѣлка, векша. Да и въ нашемъ Словѣ этотъ звѣрекъ называется бѣлою или бѣлюю (ср. III, 71). Вдобавокъ оказывается, что и въ народныхъ говорахъ слово это если и бытуетъ (Даль ставитъ его подъ вопросомъ), то вовсе не на югѣ, а на сѣверѣ, въ Псковской и Новгородской губерніяхъ (III, 494).

Если принять во вниманіе, что въ псковскомъ говорѣ издревле замѣчается стремленіе смѣшивать *ш* и *с*, какъ это видимъ, напримѣръ, изъ приводимыхъ г. Соболевскимъ формъ XIV вѣка: поносенык, горсее, выснимъ, скрусилъ, рексъ, часю, сшешю, васими, брасна, писеть, лисилъ

часть ослѣх, отд. 2.

и т. п. (Очерки изъ исторіи русскаго языка, стр. 120—139), то не представится невѣроятнымъ предположеніе, что и нынѣшнее псковское мышъ образовалось изъ мышъ, какъ въ древнемъ псковскомъ мышца изъ мншца (ib. 120, 121, 123, 125, 131, 134), или какъ въ смежномъ мѣстѣ Слова шизымъ вмѣсто сизымъ, — другими словами, что псковское мышъ есть своеобразный областной выговоръ общерусскаго мышъ. Конечно, для полной убѣдительности этого сопоставленія слѣдовало бы подробнѣе знать особенности выговора шипящихъ и свистящихъ согласныхъ въ тѣхъ псковскихъ (и новгородскихъ?) говорахъ, гдѣ бытуетъ слово „мышъ“, а равно отѣнки и развѣтвленія значеній послѣдняго. Въ настоящее время я не рѣшился бы настаивать на предположеніи объ этимологическомъ тождествѣ словъ мышъ=мышъ въ упомянутыхъ говорахъ. Но если они и различны по происхожденію, и если слово мышъ въ нѣкоторыхъ псковскихъ и новгородскихъ говорахъ издревле отличалось по звукамъ и значенію отъ мысль, то и въ такомъ случаѣ отъ этого сѣвернаго областного термина весьма далеко еще до древняго говора сѣверянъ, поданъ или иного южно-русскаго, на которомъ предположительно составлено слово. Указываемая авторомъ связь новгородскаго нарѣчія съ древнимъ южно-русскимъ сама по себѣ еще не служитъ порукою, что бытующее теперь въ одномъ или нѣсколькихъ сѣверныхъ говорахъ слово „мышъ“ было не только извѣстно составителю Слова, но и на столько обычно въ окружавшей его рѣчи, что онъ могъ предпочесть его терминамъ: бѣлка, векша. Не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ этомъ вопросѣ и то соображеніе, что векша и бѣлка имѣли въ XII вѣкѣ по преимуществу юридическое значеніе (III, 494), ибо многіе термины имѣютъ въ языкѣ по два и болѣе значеній, которыя точнѣе опредѣляются оборотомъ или общимъ контекстомъ рѣчи. Такимъ образомъ, ни палеографическія, ни языковѣдныя соображенія не только не требовали, но и не допускали этой смѣлой конъектуры. Остается логика и эстетика. Авторъ считаетъ „неяснымъ и неестественнымъ“ выраженіе, что „Боянь... растѣкается мышлю по древу,... волкомъ по земляи,... орломъ надъ облакъ“ (II, 128). Неясности собственно тутъ нѣтъ, особенно при сопоставленіи съ параллельными оборотами: „взлетати мышлю“ изъ Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго (III, 492), „Игорь мышлю полта мѣрять“ въ Словѣ (ib.) и т. п. Что же касается „неестественности“, то это понятіе весьма относительное, и примѣняя нашъ современный взглядъ на естественность, пришлось бы измѣнить тысячи мѣстъ не только въ Словѣ, но и въ лю-

бомъ другомъ художественномъ произведении, не исключая Гомера, какъ это и дѣлается смѣлыми конъектуристами, особенно изъ нѣмецевъ. Въ данномъ случаѣ конъектура „мысль—мысль“ тѣмъ менѣе можетъ претендовать на естественность, что при ней получается совершенно неправильный періодъ, а именно подлежащее главнаго предложена „Баянъ“ остается безъ сказуемаго, ибо „растякашется“ при этой конъектурѣ служить предиватомъ для глоссы „мысль“. Положимъ, такіе періоды встрѣчаются и у хорошихъ поэтовъ, но они нигдѣ не считаются „естественными“, а скорѣе принимаются за эллиптическіе обороты, поэтическія вольности и т. п.

И другая конъектура автора при томъ-же словѣ „мысль“: „Валикни княже Всеволоде! Не мыслю ти прелетѣти издалеча“ и т. д., по которой не мыслю образовалась изъ: не мыслю ли ксть ти прелетѣти и т. д. (II, 237; III, 493), не представляется ни безусловно необходимою, ни особенно удачною; но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть названа противорѣчающею основнымъ требованіямъ признаннаго авторомъ метода, какъ это положительно слѣдуетъ сказать о томъ „мысль—мысль“.

Къ числу не вызываемыхъ требованіями избраннаго авторомъ метода, а слѣдовательно, излишнихъ конъектуръ принадлежитъ, кажется, и упомянуте уже выше чтеніе вмѣсто традиціоннаго: „Тогда при Олѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами“, въ видѣ: „... при Олѣ Горѣ славлячись“... (II, 199, ср. III, 161). Чтеніе это на нашъ взглядъ не имѣетъ никакого преимущества передъ общепринятымъ ни въ валеографическомъ, ни въ историческомъ, ни въ эстетическомъ отношеніяхъ. Уже одна необходимость іотовать слогъ *re* въ горк, при отсутствіи въ этомъ памятникѣ іотованнаго *e* не только послѣ *r*, *l*, *m*, но даже послѣ гласныхъ и въ предзвучьяхъ, напримѣръ: море (479), замышленію (391), дремлетъ (214), Дунаеви (224), еси (245) и т. п. наводитъ на насъ сомнѣніе въ умѣстности буквы *к* въ словѣ горк. Эта же форма необходима автору для объясненія возможности чтенія „горк славлячись“ какъ Гориславличи. Онъ даже ссылается на южно-русскій выговоръ „горк“, какъ „гори“, который предпологалъ документировать въ Лексикологіи (II, 199), чего на дѣлѣ не оказывается, вѣроятно, по трудности подыскать надежныя аналогіи для столь сомнительнаго звукоизмѣненія. И превращеніе „славлячись“ чрезъ славлячись въ славлячии не такъ ужъ очевидно, чтобы можно было считать его окончателно доказаннымъ. Трудно было бы обставить это превращеніе *л* или *т* въ *ъ*, а *ъ*

въ *и* въ причастномъ суффиксѣ этого типа убѣдительными аналогіями. Даже появленіе *а* въ причастіи древне-русскаго славя (церковно-славянскаго славя) не оправдывается нормами спряженій этого типа: славя *а* вмѣсто слава предполагаетъ и любя *а* вмѣсто люба, сажда *а* вмѣсто сада, проша *а* вмѣсто проса, крѣшта *а* вмѣсто крѣста, то-есть, цѣлый рядъ совершенно необычныхъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ древне-русскомъ формъ. И что же выигрывается цѣною всѣхъ этихъ и палеографическихъ, и грамматическихъ натяжекъ? Совершенно неясное и непоэтическое выраженіе: „горе славлячись“ или похваляясь, вмѣсто полного мысли и силы названія Гориславичемъ Олега Свято-славича Черниговскаго, — названія, положимъ, не историческаго, но поэтическаго, въ родѣ лѣтописнаго наименованія Святополка Окаянныиъ, или болгарскаго епископа Богомила „по истинѣ Богунемиломъ“ въ известномъ поученіи Космы Пресвитера. Въ какомъ смыслѣ понимать терминъ „Гориславичъ“ въ Словѣ: въ смыслѣ активномъ или пассивномъ, какъ производителя горя или пострадавшаго отъ него, — это уже частность, которая, быть можетъ, и нарочно не разрѣшена пѣвцомъ Слова, чтобы предоставить слушателю нѣкоторую свободу умозаключеній. Но считать ли эту двусмысленность невольною или намѣренною, ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть въ ней доказательство искаженности этого мѣста и исправлять его блѣдною конъектурой автора.

Не вполне убѣдительными показались намъ по прочтеніи III-го тома и доводы въ пользу предложеннаго авторомъ толкованія труднаго мѣста: „Кликну Карна и Жля поскочи, смагу мычючи въ пламенѣ розѣ“ (II, 206 слѣд.; III, 270, 348). Слово *жля* въ значеніи *luctus* дѣйствительно встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, но не съ глухимъ гласнымъ, а съ чистымъ (III, 270 сл.), изъ котораго трудно вывести стяженную форму *Жля*, встрѣчаемую въ Словѣ. Еще скудиѣ оказались лексикологическія параллели для предлагаемаго авторомъ толкованія слова Карна какъ карина, въ значеніи вопленицы. Автору удалось отыскать глаголь карить въ значеніи оплакивать покойника, но производной отсюда формы карина не оказалось ни въ древнихъ, ни въ новыхъ памятникахъ, ибо нельзя же производить карина отъ карить чрезъ посредство греческаго *καρίνῃ*. Лишь слабымъ подспорьемъ являются при этомъ мѣстныя названія той же формы: Карина (III, 351), ибо происхожденіе этихъ названій вовсе не известно и можетъ не имѣть никакого отношенія ни къ греческому *καρίνῃ*, ни къ Каринѣ Слова, ни къ глаголу карить. Въ виду такой

скудости разъясняющихъ эти темныя слова параллелей автору слѣдовало выставить свою догадку въ видѣ вопроса, требующаго дальнѣйшихъ разысканій, а не въ видѣ уже научно доказаннаго тезиса.

Можно было бы указать и еще два-три толкованія, требовавшія меньшаго догматизма и большаго оговорокъ при той наличности данныхъ, какія удалось собрать автору въ Лексикологіи. Но я не стану о томъ болѣе распространяться, въ виду того, что вторая часть Лексикологіи можетъ и оправдать взглядъ автора на предложенныя имъ конъектуры. Сомнѣваюсь только, удастся ли ему когда-нибудь доказать, что упоминаемая въ Словѣ Моравы относится къ Моравѣ южной, сербо-болгарской или, какъ выражается авторъ, къ „сѣверной части Македоніи (?), древней Мизіи“ (III, 479). Намъ кажется, что здѣсь можно понимать лишь Мораву сѣверную, ту самую, на которой лежалъ Велеградъ, столичный городъ Ростислава и Святотопла, временная резиденція Солунскихъ братьевъ и центръ Великоморавскаго государства. Это явствуетъ и изъ приводимыхъ авторомъ цитатъ изъ Лаврентьевской лѣтописи: всѣ онѣ относятся къ Моравѣ сѣверной, смежной съ Чехіей, Польшей и Угріей, а не къ Моравѣ южной, не игравшей къ тому же въ тѣ вѣка никакой политической роли, а потому врядъ ли и извѣстной автору Слова и его русскимъ современникамъ.

Затѣмъ, относительно словъ: дружина, вѣлкъ, Игорь, Глѣбъ и нѣкоторыхъ другихъ, по поводу которыхъ авторъ касается вопроса о происхожденіи Руси, позволяю себѣ замѣтить, что вопросъ этотъ легко могъ быть обойденъ авторомъ, такъ какъ непосредственнаго отношенія къ Слову онъ не имѣетъ. А между тѣмъ при сложности и трудности этого вопроса мало представляется вѣроятности подвинуть его разрѣшеніе подобнаго рода случайными и бѣглыми замѣтками. Авторъ обѣщаетъ впрочемъ разобрать его подробнѣе при объясненіи выраженія: Русская земля. При обширной начитанности автора и несомнѣнной проницательности его можно многого ожидать отъ этого разбора, но подѣ условіемъ болѣея детальности и полноты аргументаціи.

Историческій и художественный комментарий составляетъ главное достоинство III-го, какъ и двухъ первыхъ томовъ сочиненія г. Барсова. Болѣе возраженій вызываетъ формально-языковѣдная его сторона. Правда, въ планѣ сочиненія ей отведено собственно второе, а не первое мѣсто, какъ это видно уже изъ самаго заглавія: „Слово о П. И. какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“.

Но все же это „художество“ словесное, слѣдовательно, должно быть изучаемо не только со стороны идей или идеаловъ, но и со стороны формы, языка. И чѣмъ точнѣе будетъ изучена эта форма, тѣмъ полнѣе и рельефнѣе выступитъ воплощенная въ ней идея. Этими, безъ сомнѣнія, и руководился нашъ авторъ, посвящая третій и два послѣдующіе тома сочиненія разсмотрѣнію лексикальнаго состава и грамматическаго строя языка Слова, хотя съ точекъ зрѣнія не исключительно языковѣдныхъ, но и историко-литературныхъ. Да позволено будетъ и намъ отиѣтитъ здѣсь вкратцѣ языковѣдныя приемы автора, на сколько они выяснились въ первой части его Лексикологіи.

Такъ какъ термины Слова интересуютъ нашего автора не сами по себѣ, а какъ матеріалъ для выраженія творческихъ идей пѣвца, то главный вопросъ Лексикологіи заключался въ томъ, что означало то или другое слово въ устахъ пѣвца и, слѣдовательно, въ сознаніи слушателей? Какія понятія, желанія, чувства оно выражало? Слѣдовательно, исходною точкою, а вмѣстѣ и ближайшею цѣлью автора Лексикологіи, было опредѣлить развѣтвленіе значеній даннаго термина въ древнерусскомъ языкѣ, въ зависимости отъ употребленія его въ той или другой фразеологической и синтаксической обстановкѣ. Для этой цѣли онъ беретъ обыкновенно древнѣйшіе переводные наши тексты, сравниваетъ ихъ съ греческими, кое-гдѣ съ иными оригиналами, и такимъ образомъ подбираетъ греческіе прототипы для древне-русскихъ терминовъ, привлекая для большей ясности и латинскія ихъ параллели. Ничего нельзя возразить противъ цѣлесообразности такого приема; нужно только знать, не подвергаемся ли мы здѣсь риску перепутать греческіе и славянскіе термины такимъ образомъ, что между ними будетъ лишь мнимое, а не дѣйствительное историческое соотвѣтствіе? Кажется, подобная случайность не исключается методомъ нашего автора, и возможныя отсюда погрѣшности не предупреждаются даже самымъ строгимъ его примѣненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ вѣка, предшествовавшіе появленію книгопечатанія, тексты, какъ извѣстно, не имѣли той устойчивости и однообразія, какія они получили впоследствии и представляютъ въ наше время. Въ греческомъ, напримѣръ, текстѣ одного Новаго Завѣта палеографы насчитываютъ, помнится, до 30,000 вариантовъ, обусловленныхъ то временемъ, то мѣстомъ, то иными условіями возникновенія уцѣлѣвшихъ списковъ этого текста. Вотъ почему, когда Востокъ задумалъ напечатать при Остромировомъ Евангеліи соотвѣтствующій ему греческій текстъ, то ему пришлось составлять послѣдній эклектическимъ

подборомъ подходящихъ къ славянскому переводу греческихъ вариантовъ. Еслибы кто взялся за разрѣшеніе той же задачи для Зографскаго Евангелія или Саввиной книги, то нѣтъ сомнѣнія, пришлось бы и ему значительно видоизмѣнить греческій прототипъ Остромирова Евангелія, примѣнительно къ особенностямъ названныхъ славянскихъ кодексовъ. То же слѣдуетъ думать о греческихъ прототипахъ славянскаго Апостола, различныхъ богослужебныхъ и патристическихъ книгъ, сочиненій историческихъ, юридическихъ и т. д. Имѣлъ ли это въ виду нашъ авторъ, составляя свою Лексикологию? Едва ли; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось напасть на слѣды его вниманія къ греческимъ вариантамъ, въ ихъ соотношеніи съ разночтеніями славянскими. Если же это такъ (безъ обстоятельныхъ сравненій рѣшать это не берусь), то при пользованіи собраннымъ въ Лексикологіи матеріаломъ постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду возможность несоотвѣтствія греческаго термина со славянскимъ, а слѣдовательно, шаткость выводовъ, которые будутъ отсюда сдѣланы безъ проверки матеріала въ указанномъ направленіи.

Второй изъ относящихся сюда вопросовъ заключается въ томъ, принадлежатъ ли къ древне-русскому языку тѣ слова и значенія, которыя отысканы авторомъ въ переводныхъ съ греческаго языка памятникахъ и положены въ основу при изученіи словъ и выраженій пѣсни о походѣ Игоря? Авторъ, очевидно, отвѣчаетъ себѣ на этотъ вопросъ утвердительно, называя такіе памятники, какъ Остромирово Евангеліе, Сборники 1073 и 1076 гг. и т. п. „славянорусскими переводными памятниками“ XI—XIII вв. (ср. III, 88, 243 и мн. др.). По видимому, онъ не придаетъ большой важности тому общезвѣстному обстоятельству, что если не всѣ, то $\frac{9}{10}$ подобныхъ памятниковъ переведены не на Русь, а въ Цареградъ, Болгарію, Моравію, Паннонію, Албанію, Далматію и другихъ не русскихъ странахъ, и переведены главнымъ образомъ въ IX—X, а не въ XI—XIII вв., слѣдовательно, характеризуютъ рѣчь не русскихъ славянъ XI—XII в., а болгаръ, сербовъ, хорватовъ, мораванъ, чеховъ и др. нашихъ соплеменниковъ въ болѣе раннюю историческую эпоху. Положимъ, при изготавленіи въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Суздальѣ, Галичѣ и др. древнерусскихъ городахъ списковъ съ болгарскихъ, сербскихъ, чешскихъ и т. п. кодексовъ проникали въ текстъ ихъ болѣе или менѣе обильные руссизмы: но они выражались главнымъ образомъ въ звуковыхъ особенностяхъ списковъ, а до нѣкоторой степени и въ области формъ, но весьма слабо въ фразеологіи, синтаксисѣ,

лексиконѣ. Слѣдовательно, для Лексикологіи Слова они могли служить лишь второстепеннымъ, но не главнымъ матеріаломъ. Конечно, авторъ нашъ можетъ возразить, что и Слово о Полеу Игоревѣ писано не на чисто русскомъ языкѣ, а на языкѣ смѣшанномъ, славянорусскомъ, близкомъ къ языку Остромирова Евангелія и Сборниковъ Святослава. Но съ этого рода возраженіемъ можно согласиться лишь на половину и съ разными оговорками. Въ Словѣ дѣйствительно много церковно-славянизмовъ, но они составляютъ не фонъ языка этой пѣсни, а лишь густые узоры на немъ, при чемъ основой служить рѣчь древнерусская, даже областная южнорусская, хотя и далеко возвышающаяся надъ непосредственностью говоровъ, какъ рѣчь высшая, образованная, да вдобавокъ еще переработанная гениемъ художника. Если необходимо прискаты для этого языка параллели въ древнерусской письменности, то таковыми представляются намъ лѣтописи, хожденія, сказанія, но никакъ не библейско-богослужебныя или церковно-патристическія сочиненія.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что церковно-славянскіе памятники русской редакціи не представляютъ никакихъ аналогій для разъясненія терминовъ Слова, а указываемъ лишь на то, что соотношеніе между первыми и послѣднимъ не столь ужъ близко, чтобы устанавливать между ихъ словоупотребленіемъ тѣсную генетическую связь. Аналогіи для Слова могутъ быть наблюдаемы и въ памятникахъ, писанныхъ на любомъ славянскомъ нарѣчій, но это будутъ аналогіи совершенно другой категоріи, чѣмъ заимствованныя изъ оригинальныхъ произведеній древней Руси, напримѣръ, изъ лѣтописей, особенно южно-русскихъ. Заключенные въ послѣднихъ элементы древнерусскаго языка, быта, возрѣній не отличаются существенно отъ языка и возрѣній Слова, почему оно болѣе всего и разъясняется этими лѣтописными параллелями, въ обиліи собранными и нашимъ авторомъ.

Что касается дѣлаемыхъ имъ сближеній Слова съ ново-русскимъ пѣснотворчествомъ, то, на нашъ взглядъ, результаты этихъ сближеній были бы еще значительнѣе, еслибъ онъ на первомъ планѣ поставилъ при этомъ пѣсни и думы южно-русскія (какъ это дѣлалъ Максимовичъ, Буслаевъ, Потѣбня), а не сѣвернорусскія былины, причтанія, пѣсни.

Нѣкоторая неясность языковѣдныхъ основъ автора при изслѣдованіи Слова отражается и въ томъ, что онъ не сдѣлалъ даже по-

пытки привести къ нѣкоторому единству правописаніе этого памятника. Формы съ ринезмомъ и безъ онаго, съ глухими и безъ нихъ, полногласныя и сокращенныя, церковнославянскія съ жд, шт и русскія съ ж, ч и т. п.—стоятъ въ Лексикологіи рядомъ не только въ выпискахъ изъ Слова (гдѣ предполагается палеографическая точность), но и при установленіи самимъ авторомъ формъ основныхъ, гдѣ мы ожидали бы уже нѣкоторой системы и послѣдовательности. Такъ, напримѣръ, онъ производитъ бдитъ отъ бдѣти (12, вм. бѣдѣти), безводнѣ отъ безводенъ (15, вм. безводьнѣ), березѣ отъ берегъ, бѣрегъ (17), взмути отъ взмутити (87, вм. възмутити для древнерусскаго), но въздиша отъ възыти (87), дни отъ день (192, вм. днь), Донца отъ Донецъ (208, вм. Доньць) и т. п. Называя формы типовъ „торот“, „трат“ полногласными и краткими, авторъ какъ будто и знать не хочетъ о діалектическомъ ихъ различіи между собою, а всякій разъ задается вопросомъ: чтò значитъ слово въ первой формѣ и чтò во второй (напримѣръ, 17, 473 и индѣ)? Вопросъ же этотъ имѣеть вообще такое же значеніе, какъ, напримѣръ, вопросъ о различіи значеній между формами: рака — рука или ношть и ночь. Тотъ же діалектологическій моментъ слѣдовало автору имѣть въ виду и отмѣтить при сопоставленіи словъ съ префиксами: вы, из (стр. 124, 126 и индѣ), изъ коихъ первый характеризуетъ нарѣчія сѣверозападныя и русскія, а второй югозападныя (съ церковно-славянскимъ) и опять-таки русскія.

Съ другой стороны, замѣчается у автора изрѣдка какъ будто смѣшеніе историческихъ эпохъ жизни русскаго языка, въ толкованіи, напримѣръ, формъ: вѣвѣ (1 л. отъ вѣдѣти дв. ч.) какъ слитное вѣ вѣ (стр. 127: или это опечатка вм. вѣ вѣвѣ?), аориста бы въ видѣ союза (стр. 4, 61), или положимъ въ установленіи слѣдующаго скло ненія мѣстоименія котората: род. ед. которыи, дат. ед. кото рѣѣ (и т. п. (стр. 397).

Всѣ эти колебанія между формами, различными въ хронологическомъ или діалектическомъ отношеніяхъ, мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что авторъ не установилъ твердо понятія о томъ, чтò слѣдуетъ разумѣть подъ языкомъ Слова, и чтò собственно можетъ считаться искомымъ несомъ составленныхъ имъ языковѣдныхъ уравненій? Считать ли этотъ языкъ однимъ изъ историческихъ видовзмѣненій церковно-славянскаго или, на оборотъ, русскаго, и притомъ — общерусскаго или областнаго, положимъ южнорусскаго? Съ другой стороны,

слѣдуетъ ли при этомъ стремиться главнымъ образомъ къ восстановленію позднѣйшаго списка XVI вѣка, сгорѣвшаго въ 1812 году въ Москвѣ, или — первосписка, вышедшаго изъ-подъ пера анонимнаго автора конца XII вѣка? Еслибъ оба эти вопроса были опредѣлительнѣе рѣшены авторомъ въ томъ единственно-вѣрномъ, по нашему мнѣнію, смыслѣ, что, во первыхъ, Слово было памятникомъ древнерусскаго образованнаго языка и притомъ въ южнорусской его разновидности, и что, во вторыхъ, восстановление списка XVI вѣка должно считаться лишь средствомъ къ постепенной реставраціи оригинала этого произведенія, — то это рѣшеніе поневолѣ обусловило бы и болѣе строгій выборъ лексикальныхъ параллелей для терминовъ Слова, и болѣе однородное правописаніе, болѣе опредѣленную систему звуковъ и формъ, оборотовъ и конструкцій восстанавливаемаго памятника. Тогда онъ не колебался бы, на примѣръ, между формами: день и днь, Донецъ и Донць, аки и акы, которыи и котороѣ и т. п., — по крайней мѣрѣ на столько, насколько авторъ допускаетъ существованіе въ кievскій періодъ болѣе или менѣе установленнаго образованнаго или — какъ авторъ любитъ выражаться — дружиннаго языка. А что авторъ допускаетъ такой языкъ, даже въ сомнительной для насъ общерусской бездіалектной формѣ, это онъ заявилъ еще въ I-мъ томѣ, въ возраженіяхъ противъ украинствующихъ теорій Калайдовича, Максимовича, Житецкаго (I, 106, 119, 211, ср. I, 121).

Перенеся центръ тяжести при объясненіи Слова на историческія параллели для встрѣчающихся въ немъ терминовъ, нашъ авторъ вообще скептически отнесся къ господствовавшей ранѣе страсти объяснять все корнесловіемъ. И мы признаемъ путь новый гораздо болѣе надежнымъ и безопаснымъ, чѣмъ прежній, особенно для историковъ, не искушенныхъ во всѣхъ тонкостяхъ строгаго этимологическаго метода. Но при этомъ не можемъ не выразить сожалѣнія, что самъ авторъ все-таки не уберется отъ соблазновъ корнесловія и кое-гдѣ поддался его мнимымъ очевидностямъ. Такъ, на примѣръ, онъ предлагаетъ читателю производить: Волга отъ лгъ (стр. 92); вѣщій отъ вѣ (стр. 155); лелѣяти отъ ли (стр. 433); иноходць отъ единоходць (стр. 339); кнѣсь отъ князь (но это выражено неясно стр. 371); тьну отъ тняти (вм. тати стр. 210) и т. п. Едва ли однако много найдется читателей, которые послѣдовали бы за авторомъ въ этомъ направленіи. Врядъ ли утмечетъ онъ ихъ за собою и сближеніями: Деремела съ Дяволтва (стр. 192); въсрозить съ роць

вм. срогъ, строгъ (стр. 116, 119); поленица съ исполница (стр. 340, не вѣрнѣ ли отъ поле, какъ испанск. сапреадог?). И смѣшеніе союза ли съ аор. ли отъ лити (стр. 437) въ выраженіи: „Не тако ми, рече, рѣка Стугна“ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что самъ авторъ, считающій этотъ аористъ еще менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предлагаемая имъ же конъектура: „не тако мѣ^{ла}. рѣка, Стугна“ (III, 437).

Замѣчу здѣсь кстати, что церковно-славянское выраженіе: азъ кленоуѣтиса чадо тако ми стѣна софита, въ значеніи: εὐφ. ὀνομ. σοφ. τέκνον, οὐτός: καὶ τὴν ἁγίαν Σοφίαν должно быть разлагаемо не на „такое ми“, какъ предлагаетъ авторъ (III, 469), а „такое ми“, для чего имѣются, напримѣръ, параллели въ Супрасл. Р. (стр. 24, 119); тако ми боги: (дисти? іѣта deos colam), тако мѣ великиѣ богына Артема (ср. Миедошдчъ, Vergl. Gramm. IV, 392).

Слѣдовало бы желать, чтобы въ дальнѣйшихъ разскаваніяхъ авторъ оставилъ вовсе въ сторонѣ чешскія параллели для Слова изъ Суда Либуши и Краледворской рукописи, такъ какъ памятники эти могутъ не то, что разъяснить Слово, а скорѣе набросить и на него подозрѣніе въ фальсификаціи. И цитуемая авторомъ (III, 194) бѣлорусская пѣсня о Чернобогѣ въ сборникѣ г. Безсонова должна быть причислена жъ подделкамъ, какъ это, помнится, уже и доказано было въ свое время критикой.

Въ интересѣ будущихъ изданій разбираемой книги замѣчу еще, что въ ней пропущены кое-гдѣ цитаты, напримѣръ, на стр. 2, 5, 9, 48, 55, 63, 91, 93, 466, 477. На нижеслѣдующихъ же страницахъ авторъ найдетъ болѣе или менѣе крупныя оечатки: 10, 15, 16, 18, 21, 33, 39, 53, 55, 62, 88, 99, 109, 110, 115, 120, 122, 123, 125, 129, 135, 137, 138, 217, 225, 249, 279, 295, 304, 314, 323, 331, 363, 394, 395, 403, 412, 414, 439, 500.

Въ заключеніе пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ двухъ оставшихъ томовъ этого монументальнаго сочиненія, призваннаго достойнымъ образомъ заключить первое столѣтіе изученія знаменитаго памятника и послужить основой для еще болѣе успѣшной его разработки въ будущемъ.

А. Будиловичъ.

Болгарская этнографія.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщеніе. Книга I. София. 1889.

Настоящій сборникъ, изданный болгарскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, представляетъ весьма отрадное явленіе: онъ свидѣтельствуетъ прежде всего о пробужденіи научныхъ интересовъ въ странѣ, столь недавно освобожденной изъ-подъ гнета турецкаго владычества, и въ этомъ отношеніи нельзя не одѣннить великихъ послѣдствій русско-турецкой войны. Послѣ нея стало возможнымъ болѣе систематичное, правильное изученіе болгарскаго народа, которое раньше встрѣчало постоянныя преграды ¹⁾; а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ средѣ самихъ болгаръ возникаютъ попытки внести свою лепту въ сокровищницу чловѣческаго знанія. За послѣднее время у нихъ уже появилось нѣсколько интересныхъ изданій по этнографіи, преимущественно — сборники произведеній народнаго творчества. Я отмѣчу здѣсь наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: Шалкарева ²⁾, Бончева — Сборникъ отъ болгарски народни пѣсни (Варна. 1884); Илиева — Сборникъ отъ народни умотворенія, обичаи и др., събрани изъ разни болгарски покрайнини (Кн. I. София. 1889); П. Р. Славейкова — Болгарски притчи или пословици и характерни думи (ч. I. А—Н. Пловдивъ. 1890). Напомнимъ и о капитальномъ трудѣ К. Иречка — *Cesty po Bulharsku (v Praze. 1888)*, который могъ появиться въ свѣтъ только послѣ освобожденія Болгаріи. Цѣлый рядъ сообщеній и статей по болгарской этнографіи появился въ равныхъ повременныхъ и единовременныхъ изданіяхъ, но я не имѣю возможности здѣсь перечислить ихъ, хотя и было бы весьма желательно восполнить пробѣлы въ нашей современной научной періодической печати указаніемъ на то, что сдѣлали болгары за послѣднее время по изученію своей страны. „Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина“ является выраженіемъ заботливости болгарскаго правительства или, вѣрнѣе, министерства народнаго просвѣщенія, о всестороннемъ изученіи родной страны и можетъ смѣло быть поставленъ на ряду съ боснійскимъ *Glasnik*’омъ *zemaljskog muzeja* и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

¹⁾ См. любопытный случай, разказанный на стр. 132, прим. 1-е, *Сборника*, о которомъ мы даемъ здѣсь отчетъ.

²⁾ Отчетъ о сборникѣ *Шалкарева* см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1885 г., сентябрь, стр. 9—14.

представляет еще больше интереса. Редакция сборника, по видимому, желала дать болгарской публикѣ въ одномъ изданіи, болѣе или менѣе научномъ, возможно больше разнообразнаго матеріала для чтенія и поученія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для ознакомленія съ своимъ отечествомъ. На эту цѣль Сборника указывается въ предисловіи къ нему, гдѣ между прочимъ мы читаемъ: „Министерство народнаго просвѣщенія, убѣдившись въ потребности всесторонняго изслѣдованія и изученія нашей страны и народа, выработало и издало въ прошломъ году „Временныя правила о научныхъ и литературныхъ предпріятіяхъ“, которыя замѣтно способствовали возбужденію интереса въ самыхъ просвѣщенныхъ кругахъ населенія ко всякаго рода матеріаламъ въ области отечественной этнографіи, исторіи, географіи и археологіи“. Далѣе говорится, что вскорѣ послѣ изданія этихъ правилъ накопилось „такъ много матеріала и большая часть его такой неоспоримо важной научной цѣнности, что министерство сочло нужнымъ приступить немедленно къ выполненію взятой на себя обязанности, согласно ст. 28-й „Временныхъ правилъ“, которая гласитъ: „Министерство просвѣщенія періодически издаетъ (или уступаетъ другимъ это изданіе) собранный словесный матеріалъ, его описаніе и оцѣнку, а также и описанія и снимки съ разныхъ старинныхъ предметовъ“. Эта же самая статья опредѣляетъ и программу изданія, которая собственно и лежитъ въ основѣ сборника. Такимъ образомъ онъ долженъ состоять изъ трехъ отдѣловъ, отмѣченныхъ въ самомъ заглавіи сборника: а) народни умотворенія, б) наука и в) книжнина.

Въ первомъ, самомъ главномъ и самомъ существенномъ отдѣлѣ, будетъ помѣщаться только сырой этнографическій матеріалъ. Во второмъ будутъ печататься по преимуществу изслѣдованія, о самыхъ матеріалахъ, которые будутъ столько же разнообразны, сколько различны предметы, которымъ они будутъ посвящаться. Третій, литературный отдѣлъ будетъ, главнымъ образомъ, критическимъ. „Но министерство сочло излишнимъ ограничить программу этого отдѣла одною критикою. Будучи убѣждено, что изученіе страны не должно ограничиваться однимъ лишь документальнымъ воспроизведеніемъ ея прошлаго и настоящаго, но выражаться и въ художественномъ, а съ другой стороны, будучи воодушевлено желаніемъ способствовать возрожденію болгарской литературы на основаніи всесторонняго изученія народнаго духа, народной жизни и прошлаго народа и родной земли, министерство рѣшилось внести въ программу третьяго отдѣла и беллетристическія произведенія, предметомъ которыхъ будетъ какая-нибудь сторона на-

Гюго, и д-ра Ив. Георгова на „Третья читанка“ (Третья книга для чтенія) Ив. Зринова.

Изъ этого перечня видно, что нѣкоторыя статьи сборника имѣютъ довольно далекое отношеніе къ его задачѣ. Остановлюсь на разсмотрѣніи лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ изъ перечисленныхъ статей.

Статья г. Шишманова есть собственно вводная и, по своему характеру, могла бы стоять внѣ какого-либо изъ трехъ отдѣловъ сборника; всего болѣе она подходит къ отдѣлу народной словесности, которому она можетъ служить введеніемъ, на что, между прочимъ, указывается и въ предисловіи (стр. VIII). Главное ея назначеніе — объяснить направленіе сборника, какъ этнографическаго журнала въ самомъ широкомъ значеніи слова (тамъ же). Но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ цѣлью дать болгарской публикѣ понятіе о значеніи и важности этнографіи, вѣрнѣе, — фолклора, понимаемаго авторомъ статьи, правда, нѣсколько своеобразно. Въ то же время статья г. Шишманова имѣетъ и общій интересъ; изъ нея можно видѣть, въ какомъ состояніи у болгаръ изученіе ихъ этнографіи, и что сдѣлано какъ ими, такъ и иностранцами, въ этой области, хотя въ ней есть и недочеты. Такъ, напримѣръ, я не встрѣчалъ тамъ указанія на интересныя книги Георга Розена *Die Balkan Haiduken* (Leipzig. 1878) и книгу Ивацевича¹⁾, программу собиранія народныхъ обычаевъ и проч. въ болгарской газетѣ *Марица* 1879 года, июль, и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, можно вообще замѣтить, что весьма многое изъ того, что сдѣлано и писано въ Россіи за послѣднее время, осталось неизвѣстнымъ г. Шишманову. Мѣстами въ обзорѣ литературы можно замѣтить противорѣчія, какъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что статья Доры д'Истрія: *La nationalité bulgare d'après les chants populaires* (*Revue des deux mondes*, 1868, 15 Juillet) написана „въ популярнѣйшій фэйтлетонскій стиль“ и не претендуетъ ни на что-либо иное, какъ только занять читателя „по приятнѣйшему начинію“ особенностями народа, который въ то время началъ-было возбуждать любопытство цивилизованнаго міра“ (стр. 33, пр. 4); между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что княгиня Елена Гика (псевдонимъ Дора д'Истрія) „мѣжду другиями цѣнни студии е напечатала и една интересна статія върху българ-

¹⁾ О ней см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1883, февраль, стр. 448—459, гдѣ приведены нѣкоторыя указанія, которыхъ нѣтъ у г. Шишманова.

ската народна поезія“ съ приведеніемъ сейчасъ отмѣченнаго заглавія статьи и ссылкой на тотъ же французскій журналъ (стр. 55, прим. 4). Вообще можно замѣтить, что статья г. Шишманова написана неровно: объ однихъ вещахъ въ ней говорится больше, о другихъ меньше, и притомъ языкъ ея ужасенъ по множеству неологизмовъ и иностранныхъ словъ, а также по тяжелымъ оборотамъ. Вслѣдствіе того статья г. Шишманова много проигрываетъ со стороны ясности, особенно если имѣть въ виду народныхъ учителей, на которыхъ авторъ всего болѣе и разчитываетъ въ дѣлѣ изученія болгарскаго фольклора.

Статья г. Шишманова раздѣлена на двѣ части: на общую и специальную; въ первой онъ говоритъ главнымъ образомъ о теоріяхъ происхожденія народной словесности Бенфея, Гримма и Ланга. Авторъ смотритъ на эти теоріи съ точки зрѣнія эклектика, говоря, что „ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ сама по себѣ претендовать на безусловную истину. По нашему мнѣнію, объясняетъ онъ,—всѣ три гипотезы стоятъ на твердыхъ основахъ; но ни одна изъ нихъ не въ состояніи сама выяснитъ вопроса о происхожденіи произведеній народнаго творчества“ (стр. 8). За симъ авторъ указываетъ и на тѣ тенденции, которыми было обусловлено изученіе и собраніе произведеній народнаго творчества въ Болгаріи, обозначая по этимъ тенденціямъ различные періоды народовѣдѣнія; авторъ насчитываетъ три такіе періода: патристическій (Раковскій), эстетическій и филологическій; при этомъ онъ замѣчаетъ: „Для насъ произведенія народнаго творчества имѣютъ значеніе также и литературныхъ памятниковъ, кромѣ матеріаловъ для языка“ (стр. 16). Этими словами онъ объясняетъ недостатки сборниковъ болгарской народной поэзіи. Впрочемъ авторъ надѣется, что эти недостатки можно устранить тѣмъ, что редакція сборника вызоветъ объясненія собирателей или спроситъ мнѣнія лицъ компетентныхъ по тому или другому говору. Она вѣритъ, что „путемъ печатныхъ программъ можно будетъ приготовить новыхъ собирателей и ознакомить ихъ съ методомъ“ (то-есть, приемами собранія), „указать имъ — что и какъ нужно записывать“, и тогда критика „будетъ въ правѣ быть болѣе строгою“; между тѣмъ, „при слабой подготовкѣ большей части болгарскихъ собирателей, нельзя было ожидать отъ нихъ большой аккуратности и точности... Если нашъ фольклоръ, говоритъ далѣе авторъ,—доселѣ не былъ изслѣдованъ съ надлежащею точностью, то главная причина этому именно та, что у собирателей не было въ

рукахъ болѣе пространныхъ и болѣе ясныхъ программъ“. Необходимость поспѣшить собираніемъ произведеній народнаго творчества онъ мотивируетъ такъ: „Стоимъ мы на порогѣ (вѣрнѣе: на рубежѣ) двухъ культуръ, которыя борются за первенство. Безсмысленно вѣрить, что наша старая культура, которая прежде всего сохранилась въ нашихъ народныхъ обычаяхъ и произведеніяхъ народнаго творчества, можетъ вѣчно противостоять новой, проникающей чрезъ всѣ щели и бреши той подгнившей китайской стѣны, которая до самаго послѣдняго времени отдѣляла насъ отъ вѣшняго міра. Съ освобожденіемъ, съ новымъ государственнымъ строемъ, съ новыми желѣзными линіями вводится и новый, чуждый духъ въ народную жизнь. Наши города и мѣстечки наперерывъ стараются проглатывать новую, дешевую манну, которая къ нимъ летитъ со всѣхъ сторонъ подъ этикетками современной культуры. Пройдетъ немного времени, и даже горные поселки откроютъ двери этому новому элементу, который какъ терка уничтожаетъ всякую типичность, всякую оригинальную черту въ бытѣ народа“. Такимъ образомъ „старые обычай и нравы начинаютъ расшатываться. Въ этомъ отношеніи, какъ разрушительный элементъ, особенно дѣйствуетъ солдатчина. Народная муза въ болѣе населенныхъ мѣстахъ едва дышетъ, если она не затоптана совершенно хромыми пегасами разныхъ пѣснопѣвцевъ. Но во многихъ мѣстахъ и мелодіи сельской музыки начинаютъ хрипѣть. Нѣкоторые новѣйшіе наши сборники произведеній народнаго творчества поражаютъ насъ своимъ содержаніемъ. На ряду съ настоящими жемчужинами въ нихъ мѣстами встрѣчаются такія безобразныя и неприличныя пѣсни, какія должны были имѣть мѣсто только въ солдатскихъ пѣсенникахъ“ (стр. 2—3). Авторъ возлагаетъ большую надежду на этнографическія общества (народоучни дружества), которыя должны появляться въ большомъ количествѣ въ Болгаріи. Серьезное изученіе народной жизни дастъ возможность уничтожить заблужденія Раковского и Верковича (ср. стр. 12).

Въ специальной части г. Шишмановъ прежде всего желаетъ высказать „нѣсколько словъ о задачѣ и важности болгарскаго фольклора вообще“. Фольклоръ онъ понимаетъ въ букввальномъ значеніи—отъ folk—народъ, и lore—знаніе, но толькотакое, которое народъ „знаетъ или вѣритъ относительно самого себя, своихъ ближнихъ или природы, которая его окружаетъ“. Тѣмъ не менѣе авторъ думаетъ, что нѣтъ надобности признавать фольклоръ особою наукой; а предметы, входящіе въ его содержаніе, составляютъ часть, съ одной стороны,

исторіи словесности (литературы), а съ другой — этнологіи и психологіи народовъ, то-есть, естественной и культурной исторіи народа, и затѣмъ онъ классифицируетъ предметы, относящіеся къ той и другой наукѣ. Далѣе слѣдуютъ: рѣчь объ особенной важности болгарскаго фольклора для науки вообще, два-три слова о пользѣ отъ изученія болгарскаго народа съ точки зрѣнія языка; при этомъ авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ оцѣнкѣ словаря болгарскаго языка покойнаго проф. Дювернуа, находя, что этотъ словарь не оправдалъ ожиданій болгаръ. „Его словарь“, говоритъ онъ, — „переполненъ ошибками, и для насъ болгаръ онъ едва ли можетъ имѣть какое-либо значеніе. Вѣроятно, почтенный филологъ раздѣлялъ мнѣнія Безсонова, который еще въ 1855 г. думалъ, что при помощи маленькаго словаря, приложеннаго къ его сборнику, а также при помощи словарчика въ грамматикѣ Цанковыхъ и „Карманной книжки для русскихъ воиновъ“ С. В. Филаретова, можно будетъ составить словарь болгарскаго языка“ (стр. 26). Послѣ того авторъ разсуждаетъ о политическомъ значеніи изслѣдованій по болгарскому фольклору, благодаря которымъ можно будетъ опредѣлить этнографическія границы болгарскаго народа. Говоря затѣмъ о народныхъ пѣсняхъ, онъ останавливается главнымъ образомъ на юнацкихъ, историческихъ, легендарныхъ, обрядовыхъ, печальныхъ и духовныхъ стихахъ, приводитъ нѣкоторыя свидѣтельства среднихъ и болѣе позднихъ вѣковъ о болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ, пользуясь трудами Ягича, Иречка, Матковича, Ристича и Міятовича и останавливается на бугарцицѣ и бугарити, относительно коихъ онъ полагаетъ, что они проникли къ хорватамъ и сербамъ вмѣстѣ съ пѣснями, которыя эти слова означали (стр. 37). При этомъ авторъ выражаетъ свои *ria desideria* относительно болгарскихъ историческихъ пѣсенъ — представить по нимъ исторію болгарскаго народа такъ, какъ народъ самъ ее понималъ. Но для достиженія этого нужно собрать болгарскія лѣтописи, литературу которыхъ авторъ считаетъ „не особенно богатою“. Говоря, что болгарскія лѣтописи никогда не отличались богатствомъ и что болгарскія „Несторы были простые переписчики и строго придерживались своихъ образцовъ, — Маламы, Амартола, Манаси, Зонары или Симеона Метафраста“, онъ высказываетъ довольно оригинальную мысль, заслуживающую во всякомъ случаѣ вниманія, — собрать во едино „отрывки и случайныя замѣтки“, помѣщенные на „переплетахъ Евангелій, Апостоловъ и Требниковъ“. Не слѣдовало бы впрочемъ автору забывать, что болгарскихъ лѣтописей доселѣ не найдено никакихъ. Слѣдовало бы также

ему отмѣтить и то, что сдѣлано у насъ за послѣднее время по народной медицинѣ, такъ какъ русскія книги болгарамъ гораздо болѣе доступны, чѣмъ иностранныя. Въ этомъ отношеніи интересны работы г. Горницкаго „Замѣтки объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дикорастущихъ растеній украинской флоры“ (Харьковъ. 1887) и г. Алексѣева „О лѣченіи бѣшенства нѣкоторыми народными средствами украинской флоры“ (Харьковъ. 1889) и нѣсколько другихъ.

Относительно народнаго искусства слѣдовало бы, по моему, обратить вниманіе на предметы искусства у сосѣднихъ съ болгарами народовъ—грековъ, албанцевъ, румынъ и даже турокъ. При указаніи литературы, изъ русскихъ изданій авторъ знаетъ только труды Косачевой и Лисенка. Можно было бы отмѣтить нѣкоторыя изданія, касающіяся румынскаго искусства, какъ напримѣръ, Хыждеу (*Dictionarul limbii istorice si poporane române, I*) и затѣмъ Вонера (*Вонер, Transilvania. London*), который сдѣлалъ нѣсколько весьма интересныхъ и мѣстныхъ замѣтокъ по этому предмету. Говоря о народной музыкѣ, ему слѣдовало бы указать на сборники Пальчикова (Крестьянскія пѣсни, запис. въ с. Николаевкѣ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ. С.-Пб. 1888), Лопатина и Прокунина (Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. М. 1889), а также и на румынскій сборникъ Вульпіана (*Vulpian. 1) Balade, Colinde, Doine, Idyle; 2) Salba Româna и 3) Jocuri de brâu*). Приятно видѣть, что авторъ обращаетъ вниманіе болгарскаго этнографа на дѣтскій фольклоръ, не отмѣтивъ при этомъ, между другими, книжки Питрэ по этому предмету.

Однако, слишкомъ увлекшись фольклоромъ, г. Шишмановъ не обратилъ вниманія на то, что прямо относится къ этнографіи, — на болгарскій домъ со всѣми его принадлежностями внутренними и вѣшными, а между тѣмъ эта часть этнографическаго матеріала представляетъ у болгаръ очень много интереснаго со стороны бытовой и со стороны чисто лингвистической, въ особенности если имѣть въ виду жителей различныхъ мѣстностей—равнинъ и горныхъ, то-есть, колибарей.

Статья г. Драгоманова производитъ довольно непріятное впечатлѣніе по разработкѣ матеріала, представляемаго въ ней, и по сопоставленію его элементовъ, а также и со стороны языка. Она раздѣлена на три неравныя главы, изъ которыхъ первая, вводная, написана, по видимому, только для болгарской публики, чтобы дать ей понятіе, правда, довольно краткое, о значеніи народ-

ной словесности и о международномъ элементѣ въ ней. Вторая глава составляетъ собственно разсужденіе на избранную авторомъ тему; въ ней онъ разбираетъ группу тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, проявляется „народная душа“, а именно „сказаніе о милосердіи, которое доходитъ до принесенія въ жертву собственнаго (sic) дитяти, матерью или отцомъ, или обоими вмѣстѣ“ (стр. 67). Г. Драгомановъ желалъ доказать, что болгарскія сказанія и пѣсни на эту тему нисколько не говорятъ въ пользу болгарскихъ обычаевъ и нравовъ, потому что мотивъ этихъ сказаній не чисто болгарскій, а привносный. Чтобы доказать это, онъ долженъ былъ сравнить эти сказанія съ другими подобными сказаніями у другихъ народовъ, различая три группы сказаній о принесеніи въ жертву собственнаго дитяти, а именно: 1) слободско-украинская легенда о царѣ Папаримѣ; велико-русскій стихъ о милосердой женѣ и его сектантскія разновидности; 2) украинская легенда о разбогатѣвшихъ братьяхъ и о Богѣ-странникѣ, и затѣмъ приводятся сходныя болгарскія легенды; по всей вѣроятности, г. Драгомановъ относитъ сюда и указанные имъ въ концѣ статьи два болгарскіе разказа, изъ которыхъ одинъ напечатанъ въ отдѣлѣ произведеній народнаго творчества (стр. 116); далѣе слѣдуютъ сербская пѣсня о милосердомъ діаконѣ и женѣ его, бретонскія легенды о св. Туинѣ и о разбогатѣвшемъ пастухѣ; и 3) церковно-славянское слово о христіилюбивомъ купцѣ; грузинскій разказъ о милостивомъ купцѣ, и наконецъ, эпизодъ старо-французской поэмы: *Amis et Amyles*. Нельзя, однако, сказать, чтобы сопоставленія г. Драгоманова были вполне удачны, особенно едва ли можно приводить сюда безъ нѣкоторой натяжки разказъ о св. Туинѣ. Наконецъ, въ 3-й главѣ г. Драгомановъ хочетъ указать источникъ разбираемыхъ имъ легендъ, который онъ видитъ въ восточныхъ сказаніяхъ; припоминая сказаніе о мальчикѣ Калюфѣ въ арабскомъ Евангеліи (*Evangelium de Infantia arabicum*), онъ силится указать элементы болгарскихъ легендъ въ апокрифическихъ евангеліяхъ и ихъ отзвуки въ народной словесности украинцевъ и западныхъ славянъ. Г. Драгомановъ идетъ еще далѣе: онъ предполагаетъ буддійское вліяніе на окончательное сложеніе легенды о пожертвованіи дитяти для избавленія жизни гостя или пріятеля, а слѣдовательно, и буддійскій характеръ легенды о Богѣ-странникѣ, при чемъ образъ Будды и его воплощеніе оказываются „перенесенными на Моисея или Христа“ (стр. 91). Далѣе онъ видитъ связь между формою морали разбираемыхъ имъ славян-

скихъ народныхъ легендъ и разказовъ и буддѣйскою формою морали о самоотверженіи (sic). Приводя одинъ изъ „Двадцати пяти разказовъ Вапиря“, онъ останавливается на индѣйской повѣсти о вѣрномъ Вариварѣ, какъ зародышѣ европейскихъ сказаній о пожертвованіи дитяти по милосердію. „Во всякомъ случаѣ“, говоритъ авторъ, — „мы находимъ во всей, можно сказать, Европѣ разказъ, первоначальная основа котораго есть повѣствовательное видоизмѣненіе дидактической повѣсти о вѣрномъ Вариварѣ“ (стр. 95). Въ заключеніе, посвящая нѣсколько словъ о вѣрномъ слугѣ-пріятелѣ у европейскихъ и азіатскихъ народовъ, авторъ говоритъ между прочимъ, что эти разказы или простонародныя сказки принесли одинъ изъ вариантовъ буддѣйскаго сказанія о пожертвованіи дитяти для спасенія жизни пріятеля изъ Индіи до самаго Атлантическаго океана (стр. 95).

Статья г. Драгоманова является первымъ и пока единственнымъ ученымъ опытомъ по фольклору въ молодой болгарской литературѣ, если не считать одной или двухъ неудачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ раньше въ этой области, напримѣръ, въ едва успѣвшемъ взглянуть на свѣтъ Божій филиппопольскомъ журнальчикѣ Зоря о женитьбѣ солнца на Грозданкѣ; но въ такомъ видѣ, въ какомъ она является въ сборникѣ, она останется непонятною для болгарской публики, а ученыхъ, конечно, не удовлетворитъ. Единственное, что въ ней имѣетъ еще значеніе, — это матеріалъ, который, однако, при разработкѣ темы долженъ значительно сократиться.

Статья г. Илиева по болгарской нумизматикѣ представляетъ весьма пріятное явленіе. Какъ видно, авторъ не имѣетъ большихъ претензій; онъ желаетъ представить по возможности обстоятельный очеркъ всего того, что сдѣлано и найдено до настоящаго времени по болгарской нумизматикѣ; статья не представляетъ ничего новаго, кромѣ нѣсколькихъ указаній о монетахъ коллекціи автора и другихъ и присоединенія къ болгарскимъ владѣтелямъ сербскаго деспота краля Марка или королевича Марка сербской народной поэзіи. Впрочемъ, послѣднее авторъ, можетъ быть, дѣлаетъ въ отместку сербскимъ патриотамъ, у которыхъ могутъ явиться столько же правъ на Македонію, сколько у него — на краля Марка. Въ остальномъ онъ повторяетъ то, что сдѣлано Любичемъ (въ *Opisi jugoslavenskih novaca. Zagreb. 1875, стр. 126 — 20*) даже со всѣми ошибками послѣдняго. За то авторъ обратилъ вниманіе на многіе стороны предмета, главнымъ образомъ въ отношеніи матеріальномъ (къ сожалѣнію, онъ вовсе не

упоминаетъ о томъ, что содержитъ по болгарской нумизматикѣ нумизматическій кабинетъ при Императорскомъ эрмитажѣ) и указалъ на значеніе нумизматики для исторіи и т. п.; все это онъ изложилъ простымъ, гладкимъ и, можно сказать, чистымъ болгарскимъ языкомъ, не свободнымъ, впрочемъ, отъ нѣкоторыхъ неровностей.

Сообщеніе г. Константинова полно самаго высокаго интереса, и потому его статью можно считать самою содержательною въ сборникѣ. Нужно замѣтить, что г. Константиновъ самъ родоплянинъ и первый потрудился для изученія нарѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ прошлаго и настоящаго своей родины. На этотъ разъ г. Константиновъ представляетъ прекрасный матеріалъ по одному говору этого нарѣчія — ахыр-челебійскаго; но предварительно онъ излагаетъ литературу предмета, хотя съ нѣкоторыми опущеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ нѣсколько словъ о трудности не только для иностранца, но даже и для болгарина другой мѣстности изучить это нарѣчіе. Слависты-лингвисты скажутъ г. Константинову большое спасибо за сообщеніе многихъ свѣдѣній по столь интересному говору. Нужно замѣтить, что родское нарѣчіе является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ между всѣми другими болгарскими нарѣчіями: оно представляетъ нѣсколько сходныхъ чертъ съ румынскимъ языкомъ и отчасти съ албанскимъ, а именно въ переходѣ ударяемаго *o* въ *oa* и въ троякомъ членѣ, свойственномъ и албанскому языку. Правда и *o=oa* въ румынскомъ языкѣ является при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ ахыр-челебійскомъ говорѣ, какъ и троякій членъ въ албанскомъ языкѣ, но при всемъ этомъ общія условія одни и тѣ же ²⁾. Слѣдовательно, эти сходныя черты могутъ служить данными въ изслѣдованіи вопроса о взаимодѣйствіи балканскихъ языковъ.

Г. Константиновъ возымѣлъ прекрасную мысль издать въ свѣтъ переводъ съ греческаго на ахыр-челебійскій говоръ сборника поученій, житій и повѣстей о чудесахъ святыхъ, принадлежащаго отцу его, священнику, вмѣстѣ съ переложеніемъ на тотъ же говоръ Кириакодроміона епископа Софронія Врачанскаго. Обѣ эти книги хранятся въ рукописяхъ, въ которыхъ болгарскій текстъ переданъ греческими буквами. Списокъ сборника, называемаго обыкновенно *Дамаскинѣ*, относится ко времени до 1860 г. Переводили

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у *Syrkou*, De la phonologie bulgare. Dialecte macédonien въ Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par *Ofescoff*. Philippopoli. 1888, стр. 282—304, 254—255.

сборникъ два ахиръ-челебійскихъ священника Григорій (Лигорчо) и Кириакъ. Къ сожалѣнію, г. Константиновъ не приводитъ подробно содержанія сборника; но изъ названія тѣхъ статей, которыя онъ приводитъ, ясно, что мы имѣемъ дѣло съ сборникомъ Дамаскина, иподіакона и студита Солунской церкви (XVI вѣка) ¹⁾. На славянскій языкъ въ XVI или, вѣрнѣе XVII в., переведенъ его „Θιασавροσ“ (сокровище). Между греками проповѣди Дамаскина пользовались большою извѣстностію. Не меньшею извѣстностію пользовались онѣ и у болгаръ, которые считали его ученикомъ св. Кирилла, учителя славянскаго. Вотъ что говоритъ о Дамаскинѣ позднѣйшій болгарскій хронографъ: „И тако Кириллъ святыи ятѣя пути (въ Болгарію да изведеть по болгарскому языку писаніе), вода съ собою двоухъ монаховъ отъ Студійскаго монастыря, Меоодія іеромонаха, Дамаскина иподіакона, богодухновенныхъ мужей и искусныхъ въ святое писаніе, умѣюще и болгарскаго языка, ибо Дамаскина иподіакона ученика святаго Θεодора нравоучительныхъ книгъ на простаго болгарскаго языка и донывѣ обрѣтаются въ Болгаріи; ибо болгары отъ простоты книги тіа не знавши силу словесъ, Дамаскина иподіакона Студита называютъ: мѣсто бо имъ такое имя. И таковое богодухновенное сочиненіе, аще и на простомъ языкѣ, аще и желѣзно сердце будетъ имѣти человекъ, то умячить его; и нетолико мужей, но и жены и дѣтей видѣхъ плачуща, когда читають ихъ въ церквахъ, а найпаче той, иже читаетъ, отнюдь безъ слезъ читать не можетъ“ ²⁾. И дѣйствительно, проповѣди эти у болгаръ сдѣлались, можно сказать, народною книгой. Списки проповѣдей и поученій Дамаскина на югѣ славянскомъ довольно распространены; ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи или редакціи: на ранніе или славянскіе, по преимуществу славяноболгарскіе ³⁾, и поздніе, изложенные на живомъ болгарскомъ языкѣ. Послѣдніе нѣсколько отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что въ нихъ, обыкновенно, помѣщаются поученія на общія темы по нравствен-

¹⁾ О Дамаскинѣ указанія см. въ моихъ „Славянскихъ отрывкахъ“ въ *Русск. филологическ. Вѣстникѣ* 1887, № 1, стр. 90, о греческихъ изданіяхъ см. у *Панадопуло-Керамеаса*: Μαυρογορδαντος βιβλιοθηκη. Т. 1, въ „Ο ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Παράρτημα τοῦ 16 τόμου, стр. 14.

²⁾ *Сыржу*, Славянскіе отрывки въ *Русск. Филолог. Вѣстн.* 1887, № 1, стр. 88—89; *Голосъ* 1869, № 69, стр. 4.

³⁾ Это главнымъ образомъ Θιασавроσ; о славянскомъ переводѣ его см. *Попова* Описание рукописей и каталогъ книгъ библиот. А. И. Хлудова. М. 1872, стр. 141—147, *Льваницкаго* Рукописн. сборникъ проповѣдей иподіакона Дамаскина Студита въ *Трудахъ Киевск. Дух. Ак.* 1873, т. IV, стр. 1—14.

ности, и эти поученія не приурочены ни къ какому дню или празднику. Несомнѣнно, вторая редакція не такъ близка къ греческому подлиннику, какъ первая; въ ней переводчики допускаютъ не мало вольностей, прибавляя постороннія поученія къ произведеніямъ Дамаскина; кромѣ того, она заключаетъ въ себѣ иногда весьма интересныя бытовыя и этнографическія замѣтки ¹⁾. Къ этой послѣдней категоріи относится и списокъ Константинова. Г. Константиновъ сопровождаетъ текстъ поученій въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ довольно подробными и весьма интересными объясненіями по фонетикѣ, морфологіи и отчасти лексическимъ особенностямъ говора; такимъ образомъ онъ открываетъ почти совершенно невѣдомый языкъ. Изложить эти особенности, хотя бы вкратцѣ,—значитъ привести всѣ замѣчанія г. Константинова. Изъ чисто діалектическихъ особенностей въ лексическомъ отношеніи я замѣчу: стракиненн соадуже (=сждъ или съждъ), прилагательное отъ стракина, встрѣчаемое вообще довольно рѣдко; оно извѣстно въ памятникахъ церковно-богослужебной литературы XIV—XVI вѣковъ ²⁾. Изданный г. Константиновымъ текстъ снабженъ удареніями и знаками для означенія двугласныхъ. Весьма желательно, чтобы г. Константиновъ представилъ побольше отрывковъ изъ своей рукописи и со временемъ издалъ цѣликомъ этотъ важный памятникъ новѣйшей, чисто народной литературы прошлыхъ вѣковъ, который служитъ и до настоящаго времени духовною пищею болгаръ.

Г. Карановъ оказалъ большую услугу занимающимся народной словесностью своимъ указателемъ къ пѣснямъ Миладиновыхъ, съ означеніемъ къ нимъ вариантовъ въ другихъ сборникахъ: въ сборникѣ Миладиновыхъ нѣтъ даже простаго оглавленія, и потому пользование имъ затруднительно. Кстати сказать, болгарамъ давно бы пора сдѣлать второе изданіе этого цѣннаго сборника.

Напечатанныя въ этомъ выпускѣ сборника два письма Ю. И. Венелина представляютъ большой интересъ для исторіи болгарскаго просвѣщенія и болгарской исторіографіи. Интересно было бы прослѣдить, откуда Венелинъ взялъ характеристику Шипмана (стр. 184), а также и то, дѣйствительно ли существуютъ пѣсни о царѣ Іоаннѣ-

¹⁾ См. *Срезневскаго* Сказанія объ Антихристѣ. С.-Пб. *Ламаискаго* Не порващенный вопросъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1869, июль, стр. 84 — 114; *Сырку*. Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ Торновскаго патріарха Евемія въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію. С.-Пб. 1883, стр. 387—393.

²⁾ *Сырку*. Въ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи. Т. I, вып. II. С.-Пб. 1890, стр. LIII, пр. 2 и стр. 134.

Александрѣ. При этомъ не могу не замѣтить, что болгарамъ слѣдовало бы собрать письма Венелина, относящіяся къ Болгаріи, и издать ихъ въ одномъ сборникѣ вмѣстѣ съ дневникомъ его путешествія по Болгаріи. О интересѣ и важности этихъ писемъ нечего и говорить.

Изъ остальныхъ статей этого отдѣла можно отмѣтить статьи о флорѣ Болгаріи, отличающіяся богатствомъ матеріала, который необходимъ не только естествоиспытателю, но нерѣдко и филологу.

Самую богатую частію сборника можно считать отдѣлъ произведеній народнаго творчества. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь пѣсни обрядовыя. Нужно замѣтить, что вообще обрядовая поэзія у болгаръ до послѣдняго времени была представлена весьма слабо; только очень недавно сборникъ г. Илева до нѣкоторой степени восполнилъ этотъ пробѣлъ. Въ настоящемъ выпускѣ сборника на первомъ мѣстѣ стоитъ описаніе обычая колядованія на святкахъ, въ с. Горня-Баня, недалеко отъ Софіи, сдѣланное довольно обстоятельно г. Хр. Константиновымъ, при чемъ приводится нѣсколько колядныхъ эпизодовъ и изъ Македоніи. Это описаніе имѣетъ еще болшую цѣнность въ виду того, что болгарскія колядки еще мало извѣстны. Кромѣ краткихъ описаній нѣкоторыхъ колядныхъ эпизодовъ въ календаряхъ г. И. Блъскова и затѣмъ его же книжки „Стананикъ. Стари народни обичаи и пѣсни по коляда“, въ болгарской литературѣ существуютъ только кое-какія краткія замѣтки и нѣсколько колядныхъ пѣсень, разсѣянныхъ большею частію по мало доступнымъ періодическимъ изданіямъ. Заслуживаютъ упоминанія еще пѣсни о королѣ Маркѣ, записанныя въ разныхъ мѣстахъ Болгарской земли. Полва интереса пѣсня „Гъркѣния кралица“ (стр. 51—52), изображающая послѣдніе дни Болгарскаго царства; сообщаемыя въ ней данныя весьма близки къ разказу объ этомъ же событіи Михаила Моксы ¹⁾. Упоминаемый здѣсь Михалъ Василичъ — который фигурируетъ еще и въ другомъ преданіи о взятіи Плевны ²⁾ — несомнѣнно сынъ Іоанна-Александра; а Шишманинъ Яне—Іоаннъ Срацимиръ Видинскій. Во второй части этого отдѣла заслуживаютъ вниманія народный глѣбеникъ и заговоры и затѣмъ духовныя сказанія, изъ которыхъ нѣкоторыя сложились несомнѣнно на апокрифическо-богомильской основѣ. Интересенъ также и дѣтскій фольклоръ въ концѣ отдѣла. Вообще, нужно замѣтить, этотъ отдѣлъ даетъ очень много новаго и интереснаго.

¹⁾ *Häsedei. Kvänter den sätterni*. I. Visegr. 1878, стр. 401—402; *Григорьевичъ, О Сербіи*. Казань. 1859, стр. 15—16, 18 приложений.

²⁾ *Нсвоо Время* 1885, № 3505 (перв. изд.), 29-го ноября.

Что касается литературнаго отдѣла, то въ немъ особенно интересна критика какъ рисующая литературныя и отчасти политическія вкусы и нравы у современныхъ болгаръ. Если сравнить критическія статьи сборника съ подобными же статьями „Периодическаго списанія“, въ первый годъ его изданія, то можно замѣтить нѣкоторый прогрессъ въ духовномъ ростѣ болгаръ; но литературныя интересы остались, можно сказать, одни и тѣ же. Значительная часть этого отдѣла занята не оконченнымъ романомъ лучшаго современнаго болгарскаго поэта И. Вазова: „Подъ игомъ“, въ которомъ изображается болгарское общество въ послѣдніе годы турецкаго ига; это первое крупное и несомнѣнно капитальное произведеніе поэта.

Въ заключеніе пожелаемъ сборнику успѣха; онъ является весьма полезнымъ изданіемъ, а пока и единственнымъ, но желательно, чтобы было выброшено изъ него лишнее.

И. Сырку.

Отвѣтъ рецензенту „Русской Мысли“.

Отвѣтъ мой строгому моему критику является уже нѣсколько запоздалымъ. Но я не торопился съ нимъ умышленно. Не то, чтобы мнѣ пришлось вновь поработать для защиты своей книги и опроверженія нападокъ моего рецензента,—рецензія сама по себѣ давала совершенно достаточно матеріала для отвѣта на нее,—но въ рецензій этой сказано столько непріятнаго лично для меня, что мнѣ хотѣлось подождать и написать отвѣтъ только тогда, когда я буду въ состояніи спокойно относиться личности моего рецензента и говорить лишь то, что я могъ бы сказать прямо ему въ глаза. Мнѣ кажется, такого правила вообще необходимо придерживаться во всякомъ спорѣ, если онъ—споръ серьезный, ученый, и что правило это даетъ полную возможность говорить все, что нужно. Только недобросовѣтность, очевидная и завѣдомая подтасовка и перекраска фактовъ могутъ и должны вызывать раздраженіе и желаніе разоблачить приемы такого человѣка предъ читающею публикой и защитить русскую науку отъ принадлежности къ ней такихъ трудовъ. Но пока ничего подобнаго нѣтъ, споръ можетъ идти безъ малѣйшей непріятности для обоихъ участниковъ. Ни ошибки, ни указанія ихъ не могутъ возмущать или сердить, и никакая ошибка не заслуживаетъ того, чтобы на нее призывать кару общественнаго презрѣнія; по истинѣ ужасно

было бы положеніе изслѣдователя, еслибъ онъ долженъ былъ опасаться, что всякая ошибка его вызоветъ грозный гнѣвъ ученыхъ яко бы критиковъ и будетъ клеймиться, какъ что-то „достыдное“. Опасеніе такого отношенія къ труду можетъ, положительно, устрашить человѣка менѣе смѣлаго и опасющагося пререкается съ критиками, которые выступаютъ прямо съ такими приемами; человѣкъ, не считающій желательнымъ водвореніе въ ученой литературѣ приемовъ газетныхъ, невольно чувствуетъ, что подвергается нападенію противника съ такимъ оружіемъ, которымъ самъ не владѣетъ, да часто и не считаетъ пристойнымъ владѣть. Такое отношеніе къ не-симпатичнымъ трудамъ въ наукѣ совершенно неумѣстно, ибо не только не содѣйствуетъ, а прямо противодѣйствуетъ правильному и свободному изслѣдованію. Къ тому же, въ большинствѣ случаевъ оказывается, что основательность рецензій стоитъ какъ разъ въ обратномъ отношеніи къ увѣренности и рѣзкости ея тона, такъ что иногда само собою является предположеніе, что рецензентъ, не чувствуя себя въ силахъ уничтожить или разрушить непріятные ему результаты извѣстнаго труда, просто отрицаетъ ихъ какъ можно болѣе рѣшительнымъ тономъ, разчитывая, что болшею или меньшею степенью смѣлости можно у многихъ отбить охоту печатно спорить, а читателей убѣдить видимою увѣренностью и рѣшительностью приговора. Противъ такого отношенія, противъ критическихъ статей съ такимъ характеромъ, къ сожалѣнію, все чаще и чаще встрѣчающихся у насъ, я и считаю долгомъ возражать: мнѣ кажется, что только увѣренность въ невозможности не встрѣтить отвѣта можетъ удерживать подобныхъ критиковъ, а другихъ, еще не подписывавшихъ свои столь легкомысленныя произведенія, пожалуй, даже и совершенно образумитъ на будущее время.

Всѣ эти соображенія вызвала во мнѣ критическая замѣтка о моей книгѣ „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка“, помѣщенная въ IX книгѣ Русской Мысли за 1889 годъ ¹⁾. Такъ какъ я, очевидно, хорошо знаю свою книгу, о которой тамъ трактуется, то мнѣ особенно ясно, что на внимательномъ и спокойномъ разсмотрѣніи этой рецензій можно доказать всю печальную справедливость сдѣланныхъ выше замѣчаній, какъ вообще, такъ и въ приложеніи къ ней въ частности. Въ рецензій этой книга моя при-

¹⁾ Книга моя составляетъ оттиски статей, помѣщенныхъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1886 г.

знана школьнымъ схоластичнымъ упражненіемъ, не заслуживающимъ почти никакого вниманія; я самъ, въ своемъ стремленіи разобрать неправильность методовъ, примѣняемыхъ у насъ къ исторіи русскаго общества XVIII вѣка, уподобленъ ребенку, величающемуся въ отцовскомъ костюмѣ, признанъ способнымъ не краснѣя говорить необыкновенно позорныя вещи, и наконецъ, объявлено, что я живу „въ сознаніи современности“ и не вѣдаю, что творю. Позволительно, если только не обязательно, считается съ такимъ обвиненіемъ. Къ сожалѣнію, это всегда требуетъ сравнительно много времени и мѣста, ибо рѣшительное и грозное обвиненіе, брошенное въ одной строкѣ, можетъ быть опровергнуто только пространнымъ объясненіемъ.

Сначала я приведу нѣсколько фактовъ, которые раскроютъ съ полною ясностью, до какой степени невнимательно прочиталъ мою книгу мой критикъ, до какой степени неосмотрительно относится онъ къ чужому труду; тогда, я думаю, всякому станетъ ясно, сколько значенія можно придавать окончательному выводу этой рецензій относительно моей книги. Я вполнѣ сознаю, что моя книга не избавлена отъ многихъ недостатковъ,—она вѣдь и есть только историческій очеркъ,—но надѣюсь доказать, что рецензія, помѣщенная въ Русской Мысли, написана до того поспѣшно, необдуманно, несерьезно, что не отмѣчаетъ у меня дѣйствительныхъ промаховъ и невѣрностей и потому, къ сожалѣнію, не содѣйствуетъ лучшему выясненію поставленнаго мною вопроса.

Вотъ доказательства, что рецензентъ по меньшей мѣрѣ невнимательно прочелъ мою книгу. Онъ спрашиваетъ: „Кто же и гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ обмолвокъ у г. Дубровина, пользовался литературными произведеніями, какъ совершенно равноцѣнными съ остальными источниками быта?“ Но вѣдь на тѣхъ же 23 и 24 страницахъ моей книги, гдѣ я указываю и разбираю неправильное отношеніе къ даннымъ литературы у г. Дубровина, каковое признаетъ и мой критикъ, на тѣхъ же страницахъ указанъ мною тотъ же недостатокъ у г. Незеленова и въ выноску отмѣчены три страницы его книги, которыя почти сплошь заключаютъ въ себѣ именно такую ошибку! Утверждаю прямо, что ошибки у г. Незеленова совершенно таковы же, какъ у г. Дубровина, и спрашиваю моего критика: на какомъ основаніи онъ игнорируетъ это мое указаніе и обращаетъ ко мнѣ свой неосновательный вопросъ? Точно также, только крайне невнимательнымъ чтеніемъ могу я объяснять то мѣсто рецензій, гдѣ авторъ ея приводитъ обращеніе моего неосновательнаго ком-

ментарія: „Другой примѣръ: воспитаніе было несомнѣнно дурно, но при всемъ томъ, встрѣчалось не мало домовъ, etc.“, и затѣмъ примѣръ Новикова, хотя бы единственный (!), который... съ теплымъ чувствомъ говоритъ о родителяхъ“. Это мѣсто выхвачено у меня со стр. 48, гдѣ сейчасъ же, безъ точки, идетъ: „многіе и другіе, несомнѣнно хорошіе и развитые люди, хотя и не столь замѣчательные, какъ Новиковъ, съ благодарностью вспоминаютъ дѣтскія впечатлѣнія и родительскія наставленія“—и въ выноскѣ приведены указанія на Лопухина, В. Хвостова, Фонъ-Визина, Болотова; притомъ, всякому, знакомому съ мемуарами XVIII вѣка, извѣстно, что число такихъ ссылокъ очень легко увеличить. Кто же изъ насъ долженъ ставить восклицательный знакъ?

Затѣмъ г. рецензентъ восклицаетъ: „Итакъ, прогрессъ русскаго общества сталъ понятнѣе, потому что приуроченъ, вмѣсто цѣлаго столѣтія, къ одному десятилѣтію? Интересный выводъ, хотя врядъ ли предусмотрѣнный авторомъ“. Я понимаю вполне, почему критикъ мой не указалъ тутъ прямо на какое десятилѣтіе онъ намекаетъ; и едва ли онъ не постыдится своей фразы, если я напомню—чего, впрочемъ, и онъ не могъ не видѣть,—что всѣ важнѣйшія улучшенія, наибольшую часть этого прогресса въ дворянскомъ обществѣ я отношу къ тому десятилѣтію, когда совершились внутреннія реформы чрезвычайной важности, когда провинціальному обществу дано было значительное самоуправленіе, и когда вмѣстѣ съ правами на дворянство возложены были довольно важныя обязанности. Все это просмотрѣно авторомъ. Я долженъ еще прибавить, что рецензентъ по этому же пункту очень сильно погрѣшаетъ противъ истины: онъ все разбираетъ мое мнѣніе объ огромномъ шагѣ общества въ теченіе 60-хъ годовъ (два раза на стр. 386). Но въ моей книгѣ наиболѣе замѣтное движеніе общества впередъ отнесено къ 70-мъ годамъ (стр. 58, 67, 74, 75); я даже прямо говорю: „между 80-ми и 90-ми годами далеко нѣтъ такой разницы, какъ между 60-ми и 70-ми“ (стр. 89). Далѣе всякому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей Россіи XVIII вѣка извѣстно, что именно семидесятые годы и первыя восьмидесятые, время введенія областныхъ учрежденій, конечно, несравненно болѣе важный періодъ въ исторіи русскаго общества, чѣмъ 60-тые. И я рѣшительно не понимаю, какъ это мой рецензентъ, находя, что я переношу громадный шагъ общества на 60-тые годы (если ужъ онъ такъ странно понялъ или прочелъ), не обличилъ меня въ такой грубой исторической ошибкѣ. Своею рецензіей авторъ только вводитъ

своих читателей въ заблужденіе и относительно моей книги, и относительно историческихъ фактовъ. Не могу не отмѣтить еще слѣдующей фразы въ разбираемой рецензіи: „авторъ (то-есть, я) отводитъ себѣ маленькій оазисъ „между 60-ми и 70-ми годами“ и туда водворяетъ свой призракъ золотого вѣка въ провинціи“. Середина этой фразы стоитъ въ ковычкахъ, и потому всякій долженъ думать, что это слова изъ разбираемой книги; но я долженъ заявить, что такого бессмысленнаго опредѣленія періода времени („между 60-ми и 70-ми годами“) у меня нѣтъ, а что слова „между 60-ми и 70-ми годами“ находятся въ мѣстѣ, цитованномъ выше, гдѣ они имѣютъ полный смыслъ, да еще какъ разъ говорятъ противъ утвержденія рецензента, что я огромный шагъ провинціального общества отношу къ 60-мъ годамъ. Подобнымъ же образомъ мой рецензентъ превращаетъ въ бессмыслицу и слѣдующую мою фразу: „итакъ, до смѣшнаго и вреднаго доведено было почти все хорошее, проявившееся въ началѣ“, передавая ее вотъ какъ: „Въ чемъ же преимущественное значеніе этого десятилѣтія? (кажется, 60-хъ годовъ, сколько могу я понять слова рецензента). По мысли автора—въ томъ, что „все хорошее проявилось въ началѣ“, а потомъ испортилось въ значительной степени“. Да, могу я сказать, видоизмѣняя нѣсколько одну фразу моего критика: употребляя такіе методы, можно доказывать все, что угодно. Чрезвычайно изумляетъ меня, какъ это мой рецензентъ не подумалъ что, кромѣ неприличія подобнымъ образомъ исказить чужія слова, такіе промахи внушаютъ еще мысль, что критикъ или не прочиталъ, а лишь пробѣжалъ книгу и спуталъ все въ своихъ воспоминаніяхъ о ней, или же — что ничего серьезнаго, существеннаго онъ не могъ возразить на нее, если прибѣгаетъ къ такимъ приемамъ! А вѣдь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ выводъ, конечно, прямо противоположенъ тому, какого хотѣлъ бы рецензентъ.

Собственно говоря, пожалуй, достаточно было бы вышесказаннаго; но я позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о болѣе тонкихъ, такъ-сказать, ошибкахъ, въ которыя впадаетъ мой критикъ, говоря вообще объ изученіи исторіи общества и критикуя чужой трудъ, и для избѣжанія которыхъ моему критику, дѣйствительно, нужно было бы и болѣе вниманія, и болѣе спокойное отношеніе къ дѣлу.

Критикъ мой не даетъ никакого, даже самаго краткаго пересказа содержанія моей книги, что не трудно было бы сдѣлать на тѣхъ почти шести страницахъ мелкаго шрифта, которыя занимаетъ его рецензія. А это представляетъ большія неудобства, чѣмъ можетъ ка-

заться на первый взглядъ. Впервыхъ, вслѣдствіе отсутствія такого пересказа и извлеченія только отдѣльныхъ фразъ, набранныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ изъ разныхъ мѣстъ моей книги, у читателя рецензіи почти навѣрно возникнетъ представленіе о крайней безсистемности, разбросанности моего изложенія, объ отсутствіи въ немъ всякаго плана, въ чемъ, по крайней мѣрѣ прямо, рецензентъ меня не упрекаетъ. Кромѣ того, еслибы рецензентъ представилъ обзоръ содержанія моей книги, онъ не имѣлъ бы возможности умолчать, что въ ней, кромѣ характеристики тогдашняго общества, правда, не удовлетворяющей его, есть еще описаніе быта тогдашняго дворянства и указаніе на постепенныя измѣненія въ образѣ его жизни параллельно и въ связи съ нѣкоторыми крупными фактами нашей внутренней исторіи.

Но гораздо болѣе странно другое умолчаніе моего критика. Онъ говоритъ, что я полемизирую съ гг. Незеленовымъ, В. Семевакимъ, Гольцевымъ и Дубровиннымъ, отвергаетъ мои замѣчанія противъ нихъ, но ни словомъ не упоминаетъ, что я указалъ на нѣсколько изслѣдователей, съ взглядами которыхъ на общество XVIII вѣка я въ очень многомъ, во всемъ существенномъ соглашаюсь. Я не знаю, конечно, какъ относится мой критикъ къ словамъ кн. Вяземскаго, Лонгинова, гр. Льва Толстаго, къ изслѣдованіямъ гг. Булича и Страхова, — но я долженъ заявить: въ книгѣ моей не скрыто, что не мнѣ первому принадлежитъ честь высказать и даже обосновать взгляды, неугодные моему критику; считаю себя въ правѣ защитить себя отъ подозрѣнія въ легонькомъ плагиатѣ, каковое можетъ явиться у прочитавшихъ не мою книгу, а лишь рецензію на нее. Совершенно также умалчиваетъ мой критикъ о моихъ ссылкахъ на предшествующіе труды по поводу сдѣланной мною характеристики русской литературы XVIII вѣка; вообще, встрѣчая какой-нибудь негодный ему выводъ, онъ никогда даже бѣгло не опровергаетъ доказательствъ, приведенныхъ мною въ пользу этого вывода, а вовсе умалчиваетъ о нихъ и прямо говоритъ, напримѣръ, такъ: „можно усомниться въ томъ, что въ сатирической литературѣ, которая первая осмѣяла ложно-классицизмъ, господствовало ложно-классическое направленіе“. Но, напримѣръ, что же неестественнаго въ этомъ положеніи? Что же удивительнаго, что извѣстная отрасль литературы еще остается подъ тѣмъ или другимъ влияніемъ, хотя уже и начинаетъ бороться съ нимъ? Да къ тому же повторяю, это не замѣчаніе, мимоходомъ брошенное мною, а выводъ, совершенно естественно возникшій изъ чтенія этихъ литературныхъ

памятниковъ и уже установленный въ русской литературѣ. Еще примѣръ. Возражая противъ моего положенія, что для характеристики эпохи нужно брать не исключительныя явленія, а наиболѣе обычныя, критикъ говоритъ слѣдующее: „Много можно было бы сказать по поводу этого требованія, которое г. Чечулинъ сяится возвести въ теорію, но здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что всего страннѣе встрѣтить такую постановку вопроса у поклонника научной объективности; съ точки зрѣнія научнаго объективизма, всякое явленіе, яркое и блѣдное, уголовная хроника и будничная жизнь характеризуетъ эпоху и носить ея отпечатокъ; пусть Салтычиха — психопатка, какъ старается доказать авторъ; но отчего же психопатія въ тѣ времена принимала такія формы, а въ наше время — другія, вотъ что долженъ объяснить историкъ“. Признаюсь, я нисколько не переубѣжденъ этими словами; мнѣ кажется, что на тѣхъ шести страницахъ, которыя посвящены у меня разъясненію этого метода, онъ установленъ мною болѣе сознательно, чѣмъ поколебленъ этими словами моего рецензента. А по поводу ихъ замѣчу еще, что, вопервыхъ, мы, по видимому, понимаемъ совершенно различныя вещи подъ именемъ научнаго объективизма: я разумѣю подъ этими словами спокойное изученіе прошлаго, стремленіе понять жизнь прежнихъ людей такъ, какъ они ее понимали и прожили, а не такъ, какъ слѣдовало бы имъ понимать ихъ время и чувствовать себя въ ихъ обстоятельствахъ сообразно нашимъ теперешнимъ взглядамъ; критикъ же мой хочетъ навязать мнѣ пониманіе научнаго объективизма, какъ бессмысленныхъ и безцѣльныхъ стараній воспроизвести всѣ факты, всѣ мелочи прежней жизни лишь для полноты нашихъ свѣдѣній о ней. Прибавлю еще, что, по моему глубокому убѣжденію, исторія должна оставлять на второмъ планѣ и геніевъ, и психопатовъ и углубляться въ изученіе жизни народа, а не геніевъ, и тѣмъ болѣе — не негодеевъ.

Подобный приѣмъ, такъ-сказать, „необходимаго умолчанія“ практикуется авторомъ не разъ. Мой критикъ утверждаетъ въ самомъ началѣ рецензіи, что я выдумалъ точку зрѣнія, которой никто никогда не держался въ дѣйствительности. Но онъ сильно ошибается, и его краткія доказательства этой мысли доказываютъ только ошибочность его замѣчанія. Указывая прежнюю точку зрѣнія, я говорилъ лишь словами того или другаго автора; поэтому критику, чтобы подтвердить свое положеніе, слѣдовало бы или доказать, что я прямо извращаю чужія слова (ему извѣстно, что такіе приѣмы иногда практикуются), или по крайней мѣрѣ доказать, что я избралъ мѣста не-

часть сслхх. отд. 2.

характерныя, словамъ, сказаннымъ по какому-нибудь частному случаю, придавъ болѣе общее значеніе; тогда возможенъ былъ бы споръ, какъ правильно понять то или другое выраженіе. Но мой рецензентъ не дѣлаетъ и этого. Онъ даже рѣшительно ничего не приводитъ въ защиту книгъ гг. Незеленова и Дубровина отъ моихъ несправедливыхъ будто бы характеристикъ, говоря лишь слѣдующее: „а priori ясно, что врядъ ли кто-нибудь могъ придти къ теоріи абсолютнаго отрицанія, изображаемой авторомъ“. Да, а priori ясно, что подобное воззрѣніе слишкомъ неосновательно; но а posteriori несомнѣнно, что оно было высказано съ полною рѣшительностью. И я утверждаю съ неменьшею рѣшительностью, что мой рецензентъ не приводитъ никакихъ доказательствъ относительно несправедливости моей характеристики взглядовъ гг. Незеленова и Дубровина потому именно, что доказать это не возможно. Его защиту трудовъ гг. В. Семевскаго и Гольцева отъ моихъ замѣчаній не могу я также не признать совершенно недоказательною, хотя мой критикъ и приводитъ въ свою пользу изъ ихъ книгъ вѣчто такое, что яко бы говорить противъ меня. Но это лишь по видимому. Изъ книги г. Гольцева онъ приводитъ слѣдующее мѣсто: „Было бы, разумѣется, грубою ошибкою утверждать, что повсюду на Руси господствовали въ теченіе XVIII вѣка жестокость, лихоимство и развратъ, что добрые и честные люди были исключеніями. Въ глубинѣ народныхъ массъ крѣпки были здоровые инстинкты, а въ рядахъ образованнаго меньшинства находилось не мало неподкупныхъ характеровъ и честныхъ дѣятелей“. Мой рецензентъ и тутъ допускаетъ снова нѣкоторое необходимое ему умолчаніе: дѣло въ томъ, что непосредственно далѣе приведены у г. Гольцева три симпатичныя ему прижѣра—но изъ жизни и нравовъ крестьянъ и низшаго купечества! Что должно значить, или, по крайней мѣрѣ, какъ долженъ былъ я понять это—послѣ указанія столькихъ дурныхъ фактовъ изъ жизни дворянства? Но вѣдь не могъ же критикъ мой не видѣть этого продолженія фразы? Или онъ хотѣлъ не выяснитъ истинное положеніе вопроса, а только переспорить меня? Относительно книги г. В. Семевскаго рецензентъ, игнорируя приводимыя мною слова автора: „мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ—несколько не выше ихъ“,—самъ приводитъ лишь слѣдующія его же слова: „конечно, личности, подобныя Садтычихѣ, Козловской, Карташеву и т. п., составляли меньшинство (только „меньшинство“, а не „исключеніе“)?

спрошу а), но точно также не много было владѣльцевъ, проникнутыхъ гуманнѣйшими воззрѣніями и примѣнявшихъ ихъ въ жизни. Большинство помѣщиковъ составляло середину между тѣми и другими*. Тутъ дѣйствительно еще возможенъ споръ, какимъ словамъ г. Семевскаго слѣдуетъ придавать болѣе общее значеніе. Но я и теперь остаюсь при убѣжденіи, что г. Семевскій, по крайней мѣрѣ, вводитъ въ заблужденіе относительно своего общаго взгляда, и что въ заблужденіе, въ каное впалъ я, особенно легко впасть, зная, что г. Семевскій характеризуетъ нравы дворянъ лишь по уголовнымъ дѣламъ; я и отмѣчалъ эту странную неправильность его метода, и моему критику, защищая книгу г. Семевскаго отъ моихъ несправедливыхъ упрековъ и нападокъ, непременно слѣдовало бы разсмотрѣть этотъ мой упрекъ.

Еще два-три замѣчанія, и мы кончимъ, наконецъ, свой разборъ этой интересной рецензіи.

Мой критикъ говоритъ, что у меня яко бы три разные взгляда на значеніе сатирическихъ журналовъ для исторіи общества. Приводимыя авторомъ слова мои о томъ изъ разныхъ мѣстъ моей книги вовсе не доказываютъ, по моему мнѣнію, его обвиненія, и мнѣ совершенно не ясно даже, что ввело его въ такое заблужденіе. Я думалъ, и до сихъ поръ думаю, что если мы отбросимъ изъ журналовъ прямая восклицанія, преувеличенія какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону, то получимъ картину жизни и представленіе объ умственномъ развитіи такое же, какое получается изъ мемуаровъ при правильномъ пользованіи ими послѣдними. Мнѣ кажется, что иное заключеніе явилось у моего критика лишь благодаря нѣскольکو поспѣшному и недостаточно внимательному чтенію моей книги; но кажется, въ ней сказано по этому вопросу достаточно, и притомъ ясно.

Я увѣренъ, что мой рецензентъ правъ въ своемъ указаніи, что мнѣ иногда и обычное кажется черезъ чуръ рѣзкимъ, а равно и въ томъ, что я иногда впадаю въ ошибки при пользованіи литературнымъ матеріаломъ. Еслибы даже раньше спросили меня самого по этому поводу, я отвѣтилъ бы, что, безъ сомнѣнія, у меня тутъ есть промахи, и прибавилъ бы, что былъ бы чрезвычайно благодаренъ за всякое прямое указаніе на ошибку; всякій согласится, конечно, что установить сразу же совершенно правильно методъ подобнаго пользованія вовсе не легко, если не невозможно. Точно также, конечно, правъ г. рецензентъ, въ указаніи на нѣскольکو тяжелый языкъ моей книги.

Въ концѣ рецензіи критикъ говоритъ, что совершенно не понимаетъ, какъ, по моему мнѣнію, совершался прогрессъ провинціального общества. Въ свою очередь, я совершенно искренно сознаю, что не постигаю, что тутъ непонятно моему критику. Мнѣ кажется, его смущаетъ и сердить, что я признаю и указываю не только хорошее, но и много дурнаго, а тѣмъ не менѣе говорю о прогрессѣ. Но чѣмъ же это мѣшаетъ установить и прослѣдить извѣстный прогрессъ? Я признавалъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка много дурнаго рядомъ со многими хорошимъ и слѣдилъ, какъ умѣлъ, спокойно и безпристрастно, за постепенными видоизмѣненіями того и другаго: къ концу вѣка признавалъ я большой шагъ въ умственномъ развитіи и нѣкоторую порчу въ отношеніи нравственности, и старался отмѣтить при этомъ именно постепенность такихъ измѣненій; совершенно естественно, что мнѣ приходилось рядомъ говорить и о хорошемъ, и о дурномъ. Моего критика сердить это, по видимому, потому, что нѣсколько мѣшаетъ его утверженію, будто я занимаюсь „всѣми правдами и неправдами“ оправданіемъ и даже восхваленіемъ предковъ. Онъ, впрочемъ, слегка дѣлаетъ это утверженіе и затѣмъ слѣшать, наконецъ, кончить. Разумѣется, этою поспѣшностью я долженъ былъ бы объяснять одно чрезвычайное странное мѣсто въ его рецензіи, мѣсто, которое оставляетъ далеко за собою все, что мы видѣли до сихъ поръ, еслибы такой же приемъ не былъ уже не однажды употребленъ моимъ строгимъ судьей. Онъ относитъ меня къ какой-то „той партіи, которая можетъ, не краснѣя, повторить слова автора, сказанныя имъ въ оправданіе равнодушія людей XVIII вѣка къ крестьянскому вопросу: „мы уживаемся не только довольно спокойно, но и просто совершенно спокойно съ рѣзкимъ неравенствомъ въ распредѣленіи экономическаго благосостоянія“, какъ предки, не всѣ, разумѣется, спокойно уживались съ крѣпостнымъ правомъ“. Я утверждаю положительно, что г. критикъ до неузнаваемости искажилъ общій смыслъ того мѣста, откуда выдернута эта фраза, и совершенно не краснѣя прошу прочесть тѣ стр. 96—101, къ которымъ относятся эти слова. Я вполне допускаю, что не всякій согласится съ моими разсужденіями; мой же критикъ замалчиваетъ ихъ и подноситъ лишь одну фразу, выдернутую изъ необходимаго контекста съ такимъ искаженіемъ общаго духа и характера моихъ разсужденій, что еслибы критикъ рѣшился идти далѣе въ своемъ искаженіи чужихъ словъ, то ему ничего не оставалось бы болѣе, какъ вставить или выпустить гдѣ-нибудь въ

моихъ словахъ „не“ и затѣмъ дѣлать меня отвѣтственнымъ за то, что получилось бы при такомъ измѣненіи. Меня уже не удивляютъ теперь слова моего критика: „мы скорѣе готовы допустить, что онъ (то-есть, я), какъ тѣ предки, которыхъ онъ беретъ подъ свою защиту, живетъ, такъ сказать, внѣ сознанія“ (курсивъ подлинника) современности и не вѣдаетъ, что творить“—хотя всякій, конечно, согласится, что „курсивъ подлинника“, употребленный по одному поводу, совершенно уже перестаетъ быть таковымъ, когда онъ примѣняется къ чему-нибудь совершенно иному.

Вотъ все, что нужно было сказать по поводу этой грозной, уничтожающей мою книгу, рецензіи! Мой критикъ мѣстами не разбиралъ, тѣмъ болѣе не разбивалъ, а вышучивалъ мою книгу. Имѣю поэтому поводъ думать, что также станеть онъ относиться и къ моему отвѣту. Но я, конечно, уже не стану болѣе бесѣдовать съ г. рецензентомъ, пока онъ не опровергнетъ совершенно обстоятельно этотъ мой отвѣтъ.

Еслибы подобный разборъ моей книги появился въ какомъ-нибудь газетномъ фельетонѣ, я лишь отъ души посмѣялся бы вмѣстѣ съ другими читателями. Но совершенно другимъ требованіямъ должна удовлетворять рецензія, когда она помѣщается въ серьезномъ журналѣ, среди другихъ рецензій и критическихъ статей, не представляющихъ изъ себя шутокъ. Тогда она уже не имѣетъ права быть волюнѣ несостоятельною научно, а иначе могутъ явиться заключенія и о рецензіи, и о книгѣ, какъ разъ противоположныя тѣмъ, какія, конечно, желательны рецензенту. Чтобы выяснитъ то и другое, мнѣ и пришлось сдѣлать свой отвѣтъ обстоятельнѣе, чѣмъ заслуживала сама по себѣ эта рецензія. Закончу его почти тѣми же словами, какими окончилъ свою статью г. рецензентъ.

Н. Чечулинъ.

Книжныя новости.

Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ II, подъ редакціей графини *Уваровой*. Москва. 1889.— Читатели Журнала своевременно были уже ознакомлены съ общимъ характеромъ изданія Московскаго Археологическаго Общества и съ содержаніемъ перваго выпуска „Матеріаловъ“. Нынѣ вышедшій второй достойнымъ образомъ примыкаетъ къ первому и не уступаетъ ему нисколько въ интересѣ содержанія и въ изящной

вѣдѣности. Въ немъ содержится отчетъ г. В. Сизова объ его археологическихъ экскурсіяхъ по восточному побережью Чернаго моря, отъ Новороссійска до Сухума. Отчетъ этотъ содержитъ въ себѣ весьма много интересныхъ археологическихъ матеріаловъ, важныхъ не только для лицъ, интересующихся преимущественно такъ-называемыми курганными древностями, но и для занимающихся классической эпохой и этнографіей вообще. Труды г. Сизова состояли частью изъ раскопокъ кургановъ, частью изъ археологическихъ развѣдокъ, которыя были необходимы въ краю, гдѣ систематическаго изслѣдованія произведено не было. Что касается раскопокъ, то онѣ были произведены въ довольно значительномъ количествѣ, и хотя не дали предметовъ которые могли бы имѣть выдающееся значеніе, тѣмъ не менѣе не могутъ быть названы скучными по своимъ результатамъ: сверхъ множества вещей, общихъ цѣлой массѣ кургановъ, онѣ обнаружили нѣкоторые болѣе рѣдкіе предметы, какъ напримѣръ, блюда съ орнаментацией, вазы, статуетки и т. д. Описаніе этихъ раскопокъ весьма обстоятельно и интересно и показываетъ, что онѣ велись съ полнымъ знаніемъ дѣла и надлежащею опытностью. Въ заключеніе своего отчета г. Сизовъ даетъ обзоръ археологическаго матеріала изъ курганныхъ раскопокъ и сообщаетъ общія черты погребенія въ курганахъ и характеръ устройства гробницъ. Въ этихъ заключительныхъ главахъ содержится много интересныхъ наблюденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ выводовъ, которые могутъ быть оспариваемы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Текстъ сопровождается многочисленными рисунками, исполненными весьма удовлетворительно.

Изм. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Съ приложеніемъ 18 таблицъ рисунковъ. Томскъ. 1889.—Вещественныя древности, находимыя въ Сибири, начинаютъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе останавливать на себѣ вниманіе археологовъ: образованіе и описаніе мѣстныхъ музеевъ (въ Томскѣ и Минусинскѣ), сводъ сибирскихъ древностей, предпринятый Археологическою комиссіей, служатъ этому свидѣтельствомъ; это же подтверждается и трудомъ г. Кузнецова. Въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губерніи находятся множество разнообразныхъ древнихъ могилъ, а также есть не мало городищъ, старинныхъ укрѣпленій, каменныхъ бѣль и камней съ рунами и разными рисунками. Все это свидѣствуетъ о томъ, что южныя части Енисейской губерніи были въ древности заселены довольно густо, при чемъ разнѣрныя площади, занимаемой древними могилами, простирается на три, четыре градуса ширины и градуса на три длины. Изъ неоднократныхъ поѣздокъ по этой мѣстности авторъ вынесъ рядъ наблюденій надъ различными типами этихъ насыпей, которыя располагаетъ и описываетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: курганы или могилы съ насыпью, вышиною до 2 сажень и болѣе; могилы, обставленныя плитами, врытыя въ землю вертикально и горизонтально; курганы безъ плитъ или камней; круглыя могилы; могилы киргизскія, могилы въ видѣ небольшой насыпи, выкопанной концентрическими кругами изъ булыжника; сооруженія, имѣющія неопредѣленное назначеніе; каменные кучи на перевалахъ изъ одной рѣчки въ другую; отдѣльно стоящіе камни или плиты; могилы инородческія; могилы въ угасахъ; старинныя укрѣпленія; рисунки на камняхъ. Всѣ эти памятники описываются авторомъ очень обстоятельно, при чемъ описаніе сопровождается рисунками. Въ заключеніе онъ ставитъ вопросъ о времени, къ которому можно

отнести эти курганы и могилы, и полагаетъ его задолго до начала христіанской эры.

Полибій. Всющая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго *Θ. Γ. Мищенко*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ I. Москва.—Г. Мищенко давно приобрѣлъ себя извѣстность переводами Страбона, Геродота, Фукидида. Уже одно это обстоятельство даетъ ему полное право на уваженіе и признательность со стороны всякаго образованнаго читателя, интересующагося знакомствомъ съ великими литературными произведеніями греческаго гениа. Нынѣ неутомимый ученый подарилъ намъ переводомъ Полибія, одного изъ величайшихъ историковъ древности, и этимъ приобрѣлъ себѣ право на еще большее уваженіе. Исторія Полибія представляется въ высшей степени важною не для одного только специалиста, изучающаго судьбы грековъ и римлянъ, но принадлежить къ небольшому числу литературныхъ произведеній, которыя имѣютъ высоко образовательное и воспитательное значеніе для всякаго образованнаго человѣка. Полибій не только историкъ, но и государственный умъ, чрезвычайно вѣрно понимавшій свою современность и относившійся къ ней съ полною объективностью, основанною на ясномъ сознаніи ея сильныхъ и слабыхъ сторонъ. Величаво спокойной, безпристрастной и безстрастной, онъ въ исторіи видитъ послѣдовательное развитіе извѣстныхъ законовъ, которые зоветъ судьбою, и этимъ приближается къ возрѣнію на исторію, господствующему въ настоящее время. Развитіе этихъ законовъ онъ слѣдитъ, опираясь на большую эрудицію, широко обнимаемая предметъ, освѣщая свой взглядъ глубокимъ государственнымъ смысломъ. Чтеніе его произведенія доставитъ наслажденіе всякому, интересующемуся развитіемъ политическаго строя, и заслуга переводчика Полибія есть по истинѣ заслуга культурная. Само собою разумѣется, что въ деталяхъ переводъ г. Мищенко можетъ вызвать нѣкоторыя замѣчанія, но они нисколько не умаляютъ его общіихъ достоинствъ—вѣрности и легкости. Переводу г. Мищенко предпослалъ обширное предисловіе, въ которомъ излагаетъ судьбы федеративной Еллады, вводяще читателя въ ту эпоху, въ которую жилъ и дѣйствовалъ и о которой повѣствовалъ Полибій. Для усиленія частности въ переводу приложены объяснительныя примѣчанія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ окончанія перевода, который не замедлитъ себѣ найдти широкое распространеніе среди образованной публики.

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ рускомъ переводѣ. IX. Антонинъ Liberalis. Превращенія. Съ греческаго перевелъ *В. Алексѣевъ*. С.-Пб.—Начатое г. Алексѣевымъ предпріятіе—ознакомить русскую публику съ избранными твореніями древнихъ авторовъ двигается впередъ довольно быстро: уже вышло 8 выпусковъ, которые, за исключеніемъ перваго, всѣ небольшого объема и содержатъ въ себѣ или небольшіе по объему тексты (Феофрастъ, Епиктетъ, Кебетъ), или первыя книги болѣе значительныхъ авторовъ (Цицеронъ, Фукидидъ, Лукіанъ). Изъ приложеннаго къ книжкѣ объявленія видно, что переводчикъ имѣетъ въ виду подарить намъ передачу на русскій языкъ Партенія, Сенеки, Флора, Антонина, Юліана, Діогена Лаертскаго, Флавія, Боэтія (котораго онъ неправильно зоветъ Боэціемъ). Какъ ни разнохарактеренъ такой выборъ, однако онъ объединяется, по видимому, мыслью ознакомить русскихъ читателей съ такими авторами, которые до сихъ поръ переведены еще не были, и за это нельзя не быть признательнымъ г. Алексѣеву, рѣшившемуся на такой малоблагодарный подвигъ. Дѣйствительно,

большинство изъ намѣченныхъ имъ писателей не отличается художественными достоинствами, а нѣкоторые не представляютъ особаго интереса и по своему содержанию. Тѣмъ не менѣе, имѣть ихъ въ русской передачѣ, съ необходимыми поясненіями, далеко не лишне. Въ такомъ авторамъ принадлежитъ и вошедшій IX-мъ выпускомъ въ „Библіотеку“ риторъ Антоній Либералисъ: по времени жизни онъ относится къ I или II вѣку по Р. Хр. и, судя по изложенію, былъ риторомъ, можетъ быть, даже преподавателемъ риторики. Дошедшее до насъ сочиненіе его, подъ заглавіемъ „Метаморфоза“, не представляетъ ни изящества формы, ни глубины содержания и имѣетъ лишь чисто спеціальный интересъ: въ 41 разказѣ авторъ передаетъ легенды о превращеніяхъ, которыми была такъ богата литература александрійская, легенды, изложенныя сухо, нерѣдко безсвязно и важныя лишь тѣмъ, что отчасти стоятъ одиноко, отчасти сообщаютъ важные варианты къ извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Авторъ съ особеннымъ усердіемъ пользовался произведеніями александрійцевъ Никандра и Бая. Переводъ вообще правиленъ, хотя не всегда точенъ: въ немъ безъ нужды измѣняются конструкція фразъ, опускаются слова, иногда сообщается тексту колоритъ, не соответствующій подлиннику.

Аврелій Пруденцій Клементъ. Исслѣдованіе *Петра Цвѣткова*. М. — Читатели, слѣдившіе за постепеннымъ появленіемъ почтеннаго труда проф. Цвѣткова въ Твореніяхъ святыхъ отцовъ, будутъ искренно признательны автору за то, что онъ соединилъ свои статьи въ одинъ томъ и этимъ далъ возможность имѣть полную и обстоятельную монографію объ одномъ изъ лучшихъ христіанскихъ поэтовъ, котораго не даромъ называютъ христіанскимъ Гораціемъ. Дѣйствительно, въ ряду своихъ современниковъ Пруденцій отличается рѣдкимъ изяществомъ формы и прелестью изложенія; на ряду съ этимъ стоитъ и содержаніе его произведеній, важное для богослова, историка, археолога и интересное для всякаго образованнаго человѣка. Ко всему этому присоединяется необычайно симпатичная личность поэта, проявляющаяся тѣмъ болѣе отчетливо, что большинство его произведеній имѣетъ характеръ лирической. Познакомить читателя съ такимъ выдающимся авторомъ и составляетъ задачу труда проф. Цвѣткова. Въ частности, онъ поставилъ себѣ цѣлю: а) начертать, на сколько позволяютъ существующія данныя, жизнь Пруденція и обозрѣть его произведенія, особенно съ точки зрѣнія ихъ источниковъ; б) представить богословскія воззрѣнія Пруденція и выяснитъ тѣ вліянія, подъ которыми они сложились; в) показать отношеніе Пруденція къ античной или, собственно, классической римской литературѣ; д) дать оцѣнку Пруденція, какъ писателя и показать историческое значеніе его произведеній. Ставя свою задачу такъ широко, авторъ тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ придать своему труду и спеціальнѣйшій характеръ, а именно онъ обратилъ особое вниманіе на изложеніе богословскихъ мыслей въ произведеніяхъ Пруденція и на указаніе ихъ источниковъ въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей, ему предшествовавшихъ: изъ его произвеній мы можемъ получить весьма живое представленіе о христіанской теологіи IV вѣка, въ особенности о томъ, какія богословскія идеи циркулировали въ обществѣ, и какъ онѣ разумѣлись людьми образованными, не принадлежавшими къ церковному клиру. Произведенія Пруденція изучены авторомъ съ надлежащимъ вниманіемъ, и изъ нихъ извлечено все наиболѣе важное для его характеристики; съ новымъ

литературой авторъ знакомъ весьма близко, и если иногда не цитуетъ какихъ-либо статей или специальныхъ монографій, то отъ этого трудъ его мало проигрываетъ, потому что онѣ не особенно важны. Само собою разумѣется, что не всѣ отдѣлы книги имѣютъ одинаковое достоинство, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, изслѣдованіе о вліяніи языческой поэзіи древняго Рима на образъ выраженія въ произведеніяхъ Пруденція, могли бы быть изложены съ большею обстоятельностью. Но тѣмъ не менѣе за всѣмъ трудомъ слѣдуетъ признать солидность, соединенную съ общедоступностью изложенія. Въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, авторъ присоединилъ прозаическій переводъ повседневныхъ и мученическихъ гимновъ Пруденція, съ обстоятельными комментаріемъ. Переводъ исполненъ весьма отчетливо и читается легко.

Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XII ст. *П. В. Владимірова*. Кіевъ.—Въ своей брошюрѣ авторъ задался цѣлю собрать свѣдѣнія о южно-русскихъ и западно-русскихъ памятникахъ письменности, разбланныхъ въ различныхъ трудахъ по исторіи русскаго языка, въ описаніяхъ рукописныхъ собраній, въ изданіяхъ памятниковъ древне-русской письменности. Нѣкоторые рукописи онъ внесъ въ обзоръ на основаніи собственныхъ замѣтокъ. Послѣ небольшого введенія, въ которомъ указывается на значеніе этихъ памятниковъ не только для исторіи русскаго языка, но и для исторіи русской литературы, слѣдуетъ весьма обстоятельное ихъ перечисленіе, начинающееся Изборникомъ 1073 г. и оканчивающееся твореніемъ Дамаскина въ переводѣ Курбскаго. При каждой рукописи отмѣчена ея литература и приложена краткая оцѣнка для исторіи языка. Въ приложеніи приведено поученіе зарубскаго черноризца Георгія. Брошюра г. Владимірова представляетъ очень полезное пособіе для справокъ, пользоваться которымъ было бы несравненно легче и удобнѣе, еслибы въ ней былъ присоединенъ подробный алфавитный указатель.

Слово о нѣкомъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ русской палестинской литературы. Сообщение *Хрисанва Лопарева*. С.-Пб.—Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVII в. г. Лопареву удалось найти весьма любопытный памятникъ, озаглавленный довольно неопредѣленно: „Слово о нѣкомъ старцѣ“. Оно начинается разказомъ о томъ, что инокъ Елецкаго Черниговскаго монастыря Сергій, сынъ червашенина Михайла, былъ взятъ въ плѣнъ въ Крымъ, и къ этому разказу присоединяется фантастическое сказаніе о пути изъ Крыма въ Константинополь, Аравію, Іерусалимъ и Египетъ. Сказаніе это извѣстно пока только по одному списку и представляется оригинальнымъ произведеніемъ народнаго творчества. Издатель склоненъ предполагать, что инокъ Сергій былъ сынъ извѣстнаго украинскаго героя XVI в. Михаила Червашенина, что онъ дѣйствительно былъ на востокѣ, могъ разказывать о своемъ путешествіи, но только не тѣ небылицы и легенды, которыми наполнено „Слово“. Содержаніе послѣдняго слѣдуетъ приписать перу посторонняго человѣка, никогда не бывшаго ни въ Палестинѣ, ни въ Египтѣ. По предположенію издателя, оно возникло въ одной изъ южныхъ областей Московскаго государства, о чемъ свидѣтельствуетъ и языкъ памятника. Разказъ этотъ, какъ онъ сохранился въ „Словѣ“, представляется скорее произведеніемъ народнаго творчества, что доказывается связью этого памятника съ народными пѣснями, духовными стихами и Іерусалимскою бесѣдою. Нѣкоторые,

занесенныя въ „Слово“ преданія очень древнія и могутъ быть возведены къ XII вѣку. Текстъ издатель сопроводилъ подробнымъ и обстоятельнымъ комментариемъ, въ которомъ слѣдуетъ за развитіемъ той или другой легенды. Вообще, трудъ г. Лопарева прочтется съ пользою всякимъ, кто интересуется ходомъ развитія нашей апокрифической литературы.

Prochaska, A. Матеріялы архивальне, вилъете обловніе з Метвѣки Литевскіе од 1348 до 1607 року. Lwów.—Д-ръ Прохаска, извѣстный своими изданиями и изслѣдованіями по исторіи Литвы и Руси, въ настоящее время напечаталъ около трехсотъ документовъ, относящихся главнымъ образомъ къ исторіи Западной Россіи. Издатель разыскалъ эти документы по большей части въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ, куда поступило большинство польскихъ грамотъ и привилегій. 21-го ноября 1794 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, данный гр. А. В. Суворову, коимъ повелѣвалось, чтобы всѣ гражданскіе и политическіе архивы, какъ-то: коронный и литовскій, именуемые метрики, были отправлены изъ Варшавы въ С.-Петербургъ. 14-го декабря 1794 года кн. Н. В. Реншигъ, донося императрицѣ Екаторинѣ о сдѣланномъ имъ по этому дѣлу распоряженіи, пояснилъ, что изъ Вильны будетъ отправленъ метрикантъ Кочановскій, подъ наблюденіемъ одного штабъ-офицера, со всѣмъ архивомъ черезъ Ригу въ С.-Петербургъ, для сдачи архива въ то мѣсто, куда будетъ повелѣно. Въ этихъ архивахъ хранились и всѣ грамоты Польскихъ королей и подлинныя записи частныхъ лицъ. Всѣмъ этимъ документамъ была составлена въ 1730 году опись, и по ней были они сданы въ Петербургъ съ выдачею на сей предметъ росписки лицами, получившими таковыя. Въ 1798 г. вѣншія дѣла по сношенію Польши съ иностранными дворами переданы въ иностранную коллегію и хранятся нынѣ въ Москвѣ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1809 г., подъ росписку Дубровскаго, часть документовъ передана была въ депо манускриптовъ при Императорской Публичной Библіотекѣ. Затѣмъ акты, нужные для справокъ по производящимся въ сенатѣ дѣламъ, оставлены въ Литовской метрицѣ. Наконецъ, въ 1879 г. всѣ оставшіеся въ метрицѣ акты раздѣлены между московскими архивами министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Г. Прохаска выбралъ грамоты изъ Императорской Публичной Библіотеки, метрики Литовской, Румяновскаго музея и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Акты эти главнымъ образомъ разъясняютъ внутреннія отношенія Западной Россіи и колонизацію края, даютъ точныя свѣдѣнія объ основаніи городовъ и деревень. Есть рядъ документовъ юридическаго характера, относящихся къ древнѣйшему судоустройству и къ магдебургскому праву на Руси. Нѣкоторые документы относятся къ торговымъ дѣламъ городовъ. Большая часть документовъ важна въ томъ отношеніи, что даютъ впервые точное понятіе о колонизаціи русскихъ земель и указываютъ на общую дѣль, съ какою преслѣдовалась эта задача: *continua mansio in Podolia circa defensionem huius terrae*, главнымъ образомъ вслѣдствіе постоянныхъ татарскихъ нападений. Новый сборникъ г. Прохаски будетъ несомнѣнно принятъ русскими историками съ такою же признательностью, какъ и его извѣстное изданіе документовъ, относящихся къ Витовту.

Клетна (кон. XVII в.—1889). Историческій очеркъ, составленный по монастырскимъ документамъ и мѣстнымъ преданіямъ. Бранскъ (С.-Пб.)—Въ этомъ живо и тепло написанномъ очеркѣ анонимный авторъ знакомитъ читателя съ

Клетневскимъ архіерейскимъ подворьемъ, отстоящимъ на 70 верстъ отъ города Брянска Орловской губерніи. Начало ему было положено въ 1851 г., но извѣстность приобрѣло себѣ это мѣсто еще при Петрѣ Великомъ вслѣдствіе чудеснаго появленія иконы св. Николая, которая и нынѣ привлекаетъ многочисленныхъ поклонниковъ. Авторъ съ большою тщательностью описываетъ храмъ и находящіяся въ немъ святыни, монастырскіе есаюдия и записи на церковныхъ книгахъ. Изданіе брошюры очень полезно.

Д. П. Струковъ. Архивъ русской артиллеріи. Т. I (1700—1718). По съ редакціей Н. Е. Бранденбурга. С.-Пб. 1889.—Объемистый кварталъ, изданный въ память пятисотлѣтней годовщины русской артиллеріи, представляетъ описаніе серіи старыхъ дѣлъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ и переданныхъ туда въ 1873 г. изъ общаго архива главнаго артиллерійскаго управленія. Серія эта обнимаетъ XVIII и начало XIX в. (1707—1807 гг. включительно). Главное значеніе этого архива, естественно, специальное, такъ какъ онъ представляетъ непосредственный источникъ для исторіи русской артиллеріи отъ Петра Великаго, но среди чисто специальныхъ матеріаловъ въ немъ разсѣяно не мало извѣстій, часто весьма важныхъ и въ интересѣ общенсторическомъ. Не говоря уже о множествахъ разнородныхъ, за все прошедшее столѣтіе, свѣдѣній относительно разныхъ вѣтвей русской промышленности, какъ о результатѣ широкаго сопріисношенія съ нею тогдашняго артиллерійскаго искусства и весьма сложныхъ функцій послѣдняго (напримѣръ, въ немъ вѣданы колокольное дѣло, оружейное дѣло, гражданская типографія, все инженерное дѣло и т. д.), въ документахъ артиллерійскаго архива разсѣяно множество не рѣдко очень важныхъ подробностей изъ современныхъ военныхъ событій, разсѣяны интересныя біографическія указанія, встрѣчаются факты, могущіе бросить новый свѣтъ на тогдашнія политическія событія, и т. д. Отсюда явствуетъ, что содержаніе архива богато самыми разнообразными свѣдѣніями и не по одной артиллерійской специальности. Подобными указаніями, за время Петра Великаго, особенно богата переписка генераль-фельдцейхмейстера Брюса, иногда официально дѣловая, иногда же характера совершенно частнаго, веденная имъ въ бытность при арміи. Въ виду такой важности артиллерійскаго архива, нельзя не привѣтствовать мысли, побудившей Артиллерійскій музей ознакомить публику съ хранящимися въ немъ драгоценными матеріалами. Пока оказалась возможность издать лишь опись документовъ и дѣлъ за царствованіе Петра Великаго, составленную весьма тщательно и сгруппированную по извѣстнымъ рубрикамъ. Въ описаніи этомъ читатель найдетъ подробное обозначеніе содержанія той или другой бумаги и отиѣтку ея мѣстонахожденія въ архивѣ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго продолженія этого весьма полезнаго изданія.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Кн. II и III. 1889.—Не можемъ не порадоваться, что кружокъ московскихъ этнографовъ съ энергіей продолжаетъ начатое имъ въ прошломъ году изданіе журнала. 2-й и 3-й выпуски Этнографическаго Обозрѣнія заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей по народовѣдѣнію. Съ особеннымъ интересомъ читаются статьи: П. И.—„О сляхъ родительскаго проклятія“, г. Козмина—„О частныхъ и общественныхъ гульбищахъ на Дону“, г. Абашидзе—„О семейной общинѣ у грузинъ“

и г. Ивановскаго— „О киргизскомъ поэтѣ-пѣвцѣ Нагойбаѣ“, выбравшемъ темою своихъ пѣсенъ страданія своего народа. „Опытъ бѣлорускаго народнаго словоупотребителя“ г. Е. Романова, заключающій въ себѣ около 540 толкованій словъ, записанныхъ собирателемъ непосредственно изъ устъ народа въ Могилевской и Витебской губерніяхъ, представляетъ весьма удачную попытку систематизаціи этого, совершенно не тронутаго еще у насъ, но весьма важнаго этнографическаго матеріала. Будемъ надѣяться, что г. Романовъ не остановится на этомъ опытѣ, и что его примѣръ вызоветъ подражаніе со стороны другихъ изслѣдователей. Въ статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ В. Ф. Миллеръ прослѣдилъ распространеніе иранскаго эпоса въ Закавказьѣ. Г. Каллашъ сообщаетъ четыре новыя легенды о Шаліи и Мазепѣ и даетъ продолженіе статей о положеніи неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. Редакторъ *Обзрѣвія* г. Янчукъ своимъ небольшимъ біографическимъ очеркомъ Оскара Кольберга исправляетъ оплошность нашихъ ученыхъ обществъ, пропустившихъ происходившій прошлою весной пятидесятилѣтній юбилей этого неумнимаго польскаго этнографа. Какъ и въ первомъ выпускѣ, во 2-мъ и 3-мъ находимъ и обстоятельный отдѣлъ бібліографіи и извѣстій и о дѣятельности ученыхъ обществъ. Ко 2-й книгѣ приложено портретъ Кольберга. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы редакція побольше обращала вниманія на этнографію великорускаго населенія, представленную во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ очень слабо, всего одною статьёю.

— Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Протестантство и протестанты въ Россіи эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе *Дм. Цытасва*. М.

Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки *И. П. Филевича*. С.-Пб.

Интересъ изученія древней русскои литературы. Лекція преподавателя *Е. А. Буясовскаго*. Екатеринодаръ. 1889.

Библіографическіе матеріалы, собранныя *А. Н. Поповымъ*, бывшимъ секретаремъ Императорскаго Общества исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ. XX. Издаѣ по порученію Общества *Вячеславъ Щенкинъ*. М.

Славяно-русскій прологъ въ церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи 19-го февраля 1890 г. экстраорд. проф. *А. И. Пономаревымъ*. С.-Пб.

Очерки изъ исторіи русскои поземельной политикѣ въ XVIII и XIX в. Сочиненіе *В. Якушкина*. Выпускъ 1-й. XVIII вѣкъ. М.

Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Кн. 2-я. Изданіе 2-е. С.-Пб.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе 10-е. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Николаемъ Тихомировымъ*. Т. II. М.

Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ. (Этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи). *И. Созиновича*. Варшава.

БИБЛИОТЕКА ГРАФА С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА. Т. I. Собрание Волочановское и Б. С. Шереметева въ с. Михайловскомъ, Подольскаго уѣзда, Московской губ. С.-Пб.

О происхожденіи именъ: чехъ, лехъ, русь и славяне. *И. Дунька.* Казань. ✓

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Вып. X. Тифлисъ.

ЗАКАСПІЙСКАЯ ВЪЗМѢННОСТЬ. Геологическій и орографическій очеркъ по даннымъ, собраннымъ во время экскурсій въ 1886—1887—1888 гг. Горнаго инженера *В. А. Обручева.* С.-Пб. (Записки Имп. Р. Геогр. Общества по общей географіи, т. XX, № 3).

ТРЕТЬЯ УЧЕБНАЯ ЭКСКУРСІЯ СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ. Симферополь. Отчетъ, составленный по порученію педагогическаго совѣта *Θ. Лашковымъ.* Приложенія рисовалъ *А. Архиповъ.* Симферополь.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСМОТРА ГИМНАЗИЧЕСКИХЪ ПРОГРАММЪ. Разсужденіе *Д. И. Илюскаго.* М.

О ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНАХЪ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ. Чтеніе *В. В. Воиновича.* Петроградъ.

ЗАДАЧИ ХИМИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Чтеніе на первомъ общемъ собраніи 62-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Гейдельбергѣ профессора Гейдельбергскаго университета *Виктора Мейера.* Переводъ съ нѣмецкаго *Н. С. Дренстелена.* С.-Пб.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ. Сочиненіе *Рудольфа Вагнера,* обработанное *Ферд. Фишеромъ.* Съ 13-го изданія перевелъ *В. Тизенюльтъ.* Вып. I. С.-Пб.

ЧАХОТКА. Какъ заразиться ею и какъ отъ нея уберечься. Составилъ д-ръ *В. М. Бродовскій.* Минскъ.

ПОЛОЖЕНІЕ И ПРОГРАММЫ КАЗАНСКОЙ НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ 1890 ГОДА, СОСТОЯЩЕЙ ПОДЪ ПОВЕРИТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА. Казань.

ОТЧЕТЪ О ДѢЙСТВІЯХЪ ГЛАВНАГО ГИДРОГРАФИЧЕСКАГО УПРАВЛЕНІЯ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА ЗА 1887 ГОДЪ. С.-Пб.

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ЗА 1889 Г. С.-Пб.

— Новые изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. министромъ народнаго протѣженія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней издательскаго Общества (1889 и 1890 гг.), въ С.-Петербургѣ:

Милость Божія надъ царемъ, явленная земля Русской 17-го октября.

Московскій Кремль. Сост. *А. М. Пачко.*

Объ углятахъ въ Западной Руси. Сост. *М. Д. Адамовъ.*

Ладожское озеро. Сост. *А. Н. Осляниковъ.*

Волга. Сост. *Ю. Колодировъ.*

Русскіе вогомольцы на Синаѣ. Сост. *Екатериной Бертенсонъ.*

На Смоленской дорогѣ. Разказъ изъ войны 1812 года. *А. П. Стыковой (Катемкампъ).*

Святый Василій Великій. Состав. *Θ. Четверкинъ.*

СВЯТЫЙ ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ. Сост. *Θ. Четыркинъ.*

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ. Сост. *В. Сахаровъ.*

СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ ПЕРМСКІЙ. Сост. *Т. Толмачева.*

СВЯТЫЙ ДМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ.

СВЯТЫЙ МИТРОФАНЪ ВОРОНЕЖСКІЙ. Сост. *Θ. Четыркинъ.*

ПОПРАВКИ. Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ статьѣ о биографіи А. И. Кошелева, оказалось нѣсколько опечатокъ, которыя необходимо исправить:

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
171	1-я снизу	покойнаго	пансіона.
172	15-я сверху	К-а Б—а	Б-а П—а.
„	10-я снизу	журнальничъ	Жун.
173	7-я сверху	Альфереть	Альфереть.
174	9-я снизу	Русно	Русло.

БЕЗКОНЕЧНОЕ АНАКСИМАНДРА ¹⁾.

Вѣчное движеніе въ безконечномъ.

Другую сторону во взглядѣ Анаксимандра на безконечное составляютъ ученіе о вѣчномъ движеніи въ немъ и представленіе о самой его безконечности.

Извѣстія позднѣйшихъ писателей усвояютъ Анаксимандру ученіе о вѣчномъ движеніи, съ которымъ ставятся въ связь мірообразовательные процессы. На это вѣчное движеніе существуетъ два взгляда. Одни отождествляютъ его съ самымъ процессомъ выдѣленія, другіе съ круговращательнымъ движеніемъ неба, которое, по ихъ мнѣнію, должно служить условіемъ самаго процесса выдѣленія.

Нейгаузеръ ²⁾, который защищаетъ первый изъ этихъ взглядовъ, ссылается въ подтвержденіе его даже на два мѣста Аристотеля *Metaph. I. 5. 986. b. 14—17* и *Phys. I. 4*. Въ первомъ Аристотель противопоставляетъ элеатовъ, признающихъ единое и неподвижное бытіе, физикамъ, также признававшимъ единое бытіе, но подвижное, такъ какъ они изъ него порождаютъ вселенную ³⁾. Изъ этого мѣста Нейгаузеръ заключаетъ, что Аристотель приписывалъ физикамъ-монистамъ ученіе о подвижности начала только потому, что они говорили о порожденіи изъ него разнообразнаго бытія, а слѣдовательно подъ подвижностью начала онъ разумѣлъ самый способъ этого порожденія, который по Анаксимандру есть выдѣленіе. Но Аристотель хочетъ связать только, что съ признаніемъ космогоническаго процесса,

¹⁾ *Окончаніе*. См. майскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Neul. An. M.* 305—306 сл. 282.

³⁾ οὐ γὰρ ὡσπερ ἔνιοι τῶν φυσιολόγων ἐν ὑποθέσει τοῦ ὄν ὁμοῦ γεννῶσιν ὡς ἐξ ὕλης τοῦ ἐνός, ἀλλ' ἕτερον τρόπον οὗτοί λέγουσιν (то-есть, элеаты) ἕκαστοι μὲν γὰρ προστιθέασιν κίνησιν, γεννῶντες γὰρ τὸ πᾶν, οὗτοι δὲ ἀκίνητον εἶναι φασιν.

которое отличало іонійскихъ физиковъ отъ элеатовъ, неизбежно соединяется признаніе движенія ¹⁾, и изъ его словъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ физики - монисты или нѣкоторые изъ нихъ сами не говорили о движеніи въ принимаемомъ ими началѣ, и чтобы нельзя было приписать кому-нибудь изъ нихъ ученіе о движеніи иначе какъ путемъ вывода изъ ученія ихъ о способѣ возникновенія многаго изъ единого; никакъ не слѣдуетъ изъ словъ Аристотеля и того, чтобы кто-нибудь изъ самыхъ физиковъ-монистовъ не признавалъ особаго, напимѣръ, вращательнаго движенія условіемъ самыхъ процессовъ выдѣленія. Также мало можно вывести что нибудь въ пользу взгляда, защищаемаго Нейгәузеромъ, изъ Phys. I. 4. Нейгәузеръ указываетъ на то, что ранѣе въ Phys. I. 2 нач. Аристотель дѣлилъ признающихъ единое на элеатовъ, которые считаютъ его неподвижнымъ, и физиковъ, которые признаютъ его подвижнымъ; такъ какъ затѣмъ послѣ опроверженія первыхъ онъ дѣлитъ въ I. 4 послѣднихъ на порождающихъ остальное бытіе чрезъ уплотненіе и разрѣженіе и на порождающихъ его чрезъ выдѣленіе, то, по мнѣнію Нейгәузера, отсюда должно слѣдовать, что эти процессы выдѣленія и уплотненія и разрѣженія суть виды того самаго движенія, которымъ подвижное бытіе физиковъ отличается отъ неподвижнаго бытія элеатовъ. Однако, еслибы всѣ или нѣкоторые физики-монисты признавали условіемъ возникновенія многаго изъ единого какое-либо особое движеніе и послѣднее считали и называли вѣчнымъ движеніемъ, это нисколько не препятствовало бы имъ отличать другъ отъ друга своимъ ученіемъ о самомъ способѣ происхожденія многаго изъ единого, и это различіе и само по себѣ не перестало бы быть очень важнымъ различіемъ и не потеряло бы своего значенія для той цѣли, съ которой Аристотель въ этомъ мѣстѣ на него указываетъ, то-есть, для разъясненія отношенія между единымъ и многимъ у двухъ группъ физиковъ; а потому, какова бы была взгляда на вѣчное движеніе Анаксимандръ ни держался, Аристотель могъ бы сказать то же самое. Кромѣ этихъ двухъ ссылокъ на Аристотеля, Нейгәузеръ въ подтвержденіе своей мысли ссылается также на сличеніе позднѣйшихъ извѣстій о порожденіи многаго у Анаксимандра. Изъ этого сличенія оказывается,

¹⁾ Это еще яснѣе изъ параллельнаго мѣста Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντες φαίνεσι οἱ περὶ φύσεως τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς, ἣν ἀδύνατον ὑπάρχειν μὴ κινήσεως οὐσης.

что въ двухъ свидѣтельствахъ, именно у Филопона ¹⁾ и Симплиція ²⁾, рожденіе остальнаго бытія соединяется съ выдѣленіемъ противоположностей, въ другихъ же свидѣтельствахъ, Гипполита ³⁾, Гермія ⁴⁾ и также Симплиція ⁵⁾, оно соединяется съ вѣчнымъ движеніемъ; это соединеніе продуктивнаго процесса то съ понятіемъ вѣчнаго движенія то съ понятіемъ выдѣленія, должно, по мнѣнію Нейггаузера, доказывать тождество обонхъ послѣднихъ понятій. Однако и съ этимъ выводомъ согласиться нельзя. Тѣ, которые отождествляютъ вѣчное движеніе у Анаксимандра съ вращательнымъ движеніемъ неба, никакъ не отрицаютъ, что рожденіе совершается по Анаксимандру чрезъ процессъ выдѣленія; они думаютъ только, что выдѣленіе не есть актъ первоначальный, а обусловлено особымъ вращательнымъ движеніемъ неба. А поэтому и съ ихъ точки зрѣнія нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что рожденіе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей соединяется то съ понятіемъ выдѣленія, то съ понятіемъ вѣчнаго движенія: въ первомъ случаѣ извѣстія могли бы имѣть въ виду разъясненіе самаго акта рожденія, описаніе способа, какимъ оно совершается, во второмъ—разъясненіе условія его или производящей его причины; и текстъ самыхъ свидѣтельствъ не противорѣчитъ такому предположенію; по крайней мѣрѣ одно изъ свидѣтельствъ, говорящихъ о вѣчномъ движеніи, ясно называетъ его причиной рожденія (Simpl.), тогда какъ свидѣтели, говорящіе о выдѣленіи, прямо называютъ его или способомъ рожденія (тотъ же Simpl.) или даже просто

¹⁾ In Phys. 87. 1—10: 'Αναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξύ... λέγων στοιχείον τὰ ἄλλα ἐκ τούτου ἐκκρίνεσθαι ἔλεγεν· ἐνοπάρχειν γὰρ ἐν τούτῳ ἀπείρῳ ὄντι τὰς ἐναντιότητας, εἶτα ἐκκρινόμενας ἐξ αὐτοῦ ποιεῖν τὰ λοιπά... 'Αναξίμανδρος δὲ οὐκ ἀλλοιώσει τοῦ μεταξύ γεννῆ τὰ ἄλλα, ἀλλ' ἐκκρίσει ἐνοπαρχόντων ἐν αὐτῷ. 88. 24—29: ὃν τρόπον οὖν, φησὶν (Aristoteles), οἱ περὶ 'Αναξαγόραν καὶ Ἐμπεδοκλέα ἐκκρίσει τὴν γένεσιν γίνεσθαι λεγούσιν, οὕτω καὶ ὁ 'Αναξίμανδρος ἐκ τοῦ κατ' αὐτὸν στοιχείου... τὰ ἄλλα γίνεσθαι, μᾶλλον δὲ ἐκκρίνεσθαι. τὴν γὰρ γένεσιν οὐδὲν εἶναι ἄλλο ἢ ἐκκρίσιν καὶ ἔκφανσιν.

²⁾ In Phys. 150. 20—23: ἕτερος δὲ τρόπος (γένεσεως) καθ' ὃν οὐκ ἐτί τὴν μεταβολὴν τῆς ὕλης αἰτιῶνται οὐδὲ κατὰ ἀλλοίωσιν τοῦ ὑποκειμένου τὰς γενέσεις ἀποδιδοῦσιν, ἀλλὰ κατὰ ἐκκρίσιν· ἐνοῦσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ ἀπείρῳ ὄντι σώματι, ἐκκρίνεσθαι φησὶν 'Αναξίμανδρος.

³⁾ Dox. Diels. 559. 20—22 (Hippol.): οὗτος (Αναξίμανδρῆς) μὲν οὖν ἀρχὴν καὶ στοιχείον εἶρηκε τῶν ὄντων τὸ ἀπείρον... πρὸς δὲ τούτῳ κίνησιν αἰδιον εἶναι, ἐν ἧ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς.

⁴⁾ Ibid. 653. 23—25 (Herm.): 'Αναξίμανδρος τοῦ ὕγραυ προεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν αἰδιον κίνησιν καὶ ταύτῃ τὰ μὲν γενᾶσθαι, τὰ δὲ φθεῖρεσθαι.

⁵⁾ In Phys. 41. 17—19: 'Αναξίμανδρος... ἀπείρον τινα φύσιν, ἧς τὴν αἰδιον κίνησιν εἶναι αἰτίαν τῆς τῶν οὐρανῶν γένεσεως.

отожествляютъ его съ рожденіемъ (Philor.). Въ комментарий Симплиція, сверхъ того, встрѣчается такое мѣсто, гдѣ въ одномъ предложениі соединяются оба понятія и выдѣленія, и вѣчнаго движенія и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое заставляетъ предполагать, что они отличаются другъ отъ друга; по Анаксимандру, говорится въ этомъ мѣстѣ, рожденіе происходитъ не чрезъ качественное измѣненіе стихіи, а черезъ выдѣленіе противоположностей посредствомъ вѣчнаго движенія ¹⁾. Это мѣсто, по видимому, довольно рѣшительно говоритъ противъ взгляда Нейгѣузера.

Мысль о тождествѣ вѣчнаго движенія у Анаксимандра съ вращательнымъ движеніемъ неба высказалъ и развилъ Тейхмюллеръ. Мнѣ кажется не заслуженнымъ то неблагоприятное отношеніе, съ какимъ встрѣчена она была въ нѣмецкой литературѣ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть стороны, которыя имѣютъ вѣроятность. Сюда прежде всего относится общее представленіе о вѣчномъ движеніи какъ о движеніи пространственномъ, то-есть, какъ о перемѣнѣ мѣста. Если мы сейчасъ видѣли, что вѣчное движеніе въ извѣстіяхъ позднѣйшихъ писателей играетъ, по видимому, роль особаго отъ процесса выдѣленія условія его, если съ другой стороны несомнѣнно, что лишь съ процессомъ выдѣленія можетъ начаться качественная смѣна въ безконечномъ, то движенію, которое предшествуетъ выдѣленію, не остается, казалось бы, быть ничѣмъ инымъ кромѣ чисто пространственнаго движенія. Самъ Тейхмюллеръ ²⁾ искалъ доказательства этой общей мысли въ томъ, что извѣстія, говоряща о вѣчномъ движеніи, употребляютъ терминъ *κίνησις*, который въ собственномъ смыслѣ означаетъ пространственное движеніе и лишь въ смыслѣ метафорическомъ могъ бы быть употребленъ о процессѣ качественной смѣны. Конечно, при этомъ доказательствѣ подразумевалось, что позднѣйшія извѣстія передаютъ мысль Анаксимандра въ его собственныхъ терминахъ, а не въ терминахъ дальнѣйшаго періода греческой философіи, когда термину *κίνησις* усвоилось не частное только, но часто и общее значеніе ³⁾. Тейхмюллеръ предполагалъ это, но не доказывалъ,

¹⁾ Simpl. in Phys. 24. 23—25: οὗτος δὲ (Анаксимандръ) οὐκ ἀλλοιοῦμένου τοῦ στοιχείου τὴν γένεσιν ποιεῖ, ἀλλ' ἀποκρινόμενον τῶν ἐναντίων διὰ τῆς αἰδίου κινήσεως. Нейгѣузеръ хочетъ, правда, толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что здѣсь подъ вѣчнымъ движеніемъ разумется движеніе самаго выдѣленія; но онъ самъ уже замѣчаетъ недостаточную убѣдительность своей аргументаціи 307. № 7.

²⁾ *Teichm. Stud. Z. Gesch. d. Begr.* 23.

³⁾ Однако Аристотель, который часто усволяетъ ему общее значеніе процесса

и на это обстоятельство указывали какъ на слабый пунктъ въ его аргументаціи ¹⁾). Однако она съ этой стороны можетъ быть дополнена. Гипполитъ и Симплицій, извѣщающіе о вѣчномъ движеніи у Анаксимандра, извѣщаютъ также и о вѣчномъ движеніи у Анаксимена; въ послѣднемъ случаѣ они ставятъ это движеніе причиной или условіемъ качественного измѣненія первичнаго вещества ²⁾, слѣдовательно, отличаютъ его отъ самаго этого измѣненія и понимаютъ подъ нимъ перемену мѣста. Но несомнѣнно, что извѣстія каждаго изъ этихъ писателей объ Анаксимандрѣ идутъ изъ того же самаго источника, изъ котораго идутъ извѣстія ихъ и объ Анаксименѣ, а сходство свидѣтельствъ обоихъ этихъ писателей относительно этого пункта ученія обоимъ философамъ даетъ право Дильсу указать на сочиненіе Теофраста какъ на первоисточникъ, изъ котораго вытекли эти извѣстія. Отсюда слѣдуетъ, что въ этомъ первоисточникѣ, когда говорилось о вѣчномъ движеніи у Анаксимена, терминъ *κίνησις* употребленъ былъ въ собственномъ значеніи пространственнаго движенія. Но въ такомъ случаѣ не вѣроятно, чтобы тотъ же терминъ при разъясненіи ученія Анаксимандра былъ употребленъ тѣмъ же первоисточникомъ въ иномъ значеніи, въ смыслѣ обозначенія для процесса качественного измѣненія; такая неустойчивость терминологіи была бы тѣмъ менѣе понятна, что самъ Анаксимандръ не могъ дать въ тому повода, такъ какъ онъ не могъ обозначить терминомъ *κίνησις* процессъ качественной смѣны. Есть и еще обстоятельство, которое указываетъ по крайней мѣрѣ на то, что Анаксимандрово вѣчное движеніе должно было обнимать въ себѣ процессы движенія пространственнаго. Оно, по извѣстіямъ, есть движеніе, порождающее міры. Но Strom. Plut. извѣщаетъ насъ о такомъ движеніи въ безконечномъ при порожденіи нашего міра, которое имѣетъ всѣ признаки перваго мірозидательнаго акта, но которое мы можемъ растолковать только въ смыслѣ пространственнаго движенія. Разказъ о мірообразовательномъ процессѣ здѣсь начинается извѣстіемъ объ отдѣленіи (конечно,

вообще, все же замѣчаетъ въ Phys. VIII. 9. 266. a, нач.: *καὶ χωρῶν δὲ κινεῖσθαι φαμεν μόνον τὸ κινούμενον τὴν κατὰ τόπον κίνησιν.*

¹⁾ *Neuh. An. M.* 286.

²⁾ *Dox. Diels.* 560. 18—19 (Hippol. о воздухѣ Анаксимена): *κινεῖσθαι δὲ αἰεὶ οὐ γὰρ μεταβάλλειν, ὅσα μεταβάλλει, εἰ μὴ κινεῖτο. πυκνούμενον γὰρ καὶ ἀραιούμενον διαφορὰν φαίνεσθαι. Simpl. in Phys.* 24. 31—25. 1 (объ Анаксименѣ): *κίνησιν δὲ καὶ οὗτος αἰεὶ οὖν ποιεῖ, δι' ἣν καὶ τὴν μεταβολὴν γίνεσθαι.* Рядомъ съ этими извѣстіями у Гипполита и Симплиція дается тождественный перечень метаморфозъ воздуха.

отъ цѣлости безконечнаго) того первоначала міра, которое здѣсь называется τὸ ἐκ τοῦ ἀδίδου γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν. Такъ какъ основная качественная противоположность теплаго и холоднаго въ этомъ τὸ γόνιμον мыслится, очевидно, еще связанною, то-есть, самия противоположныя качества еще не обособившимися, то о какомъ-либо качественномъ видоразличіи, возникающемъ чрезъ отдѣленіе τοῦ γόνιμου, слѣдовательно, и о пониманіи самаго отдѣленія въ смыслѣ качественной смѣны едва ли можно говорить; поэтому этотъ процессъ отдѣленія, очевидно, долженъ пониматься какъ какой-то видъ пространственнаго обособленія ¹⁾).

Что касается вращательнаго движенія неба, то, еслибѣ Тейхмюллеръ вмѣсто прямого отождествленія движенія одного нашего неба съ вѣчнымъ движеніемъ, утверждалъ лишь, что первое относится къ послѣднему, входитъ въ составъ его, то его взглядъ также имѣлъ бы большую вѣроятность. Тейхмюллеръ совершенно справедливо ставилъ на видъ, что ни одно изъ непосредственно наблюдаемыхъ нами въ мірѣ движеній не имѣетъ такого универсальнаго характера какъ вращательное движеніе неба ²⁾, что оно одно можетъ быть представлено независимымъ и отъ другихъ движеній въ мірѣ, и отъ природы частныхъ элементовъ ³⁾, что древнія философскія космогоніи всегда придавали огромное значеніе этому движенію въ мірообразовательномъ процессѣ ⁴⁾, и что по Аристотелю (De coel. II. 13) всѣ, признававшіе космогоническій процессъ, смотрѣли на вихрь какъ на причину положенія земли къ срединѣ міра по аналогіи съ вихрями въ водѣ и воздухѣ, при которыхъ болѣе тяжелыя части всегда собираются въ средину вихря ⁵⁾; онъ наконецъ старался показать, что при признаніи вращательнаго движенія неба за актъ первоначальный хорошо объясняется многое въ космогоническомъ процессѣ у Анаксимандра:

¹⁾ Въ Arist. Phys. VIII. 9. 265. b. 17—19 говорится: ὅτι δ' ἡ κατὰ τόπων φορά πρῶτη τῶν κινήσεων, μαρτυροῦσαι πάντες ὅσοι περὶ κινήσεως πεποιήται μείναν· τὰς γὰρ ἀρχὰς αὐτῆς ἀποδιδοῦσι τοῖς κινουμένοι τοιαύτην κίνησιν. Однако при точнѣмъ слѣдуемъ за тѣмъ разъясненіи этой мысли на древнихъ философскихъ системахъ объ Анаксимандрѣ не упоминается, и, слѣдовательно, не исключена возможность предположенія, что обобщеніе сдѣлано лишь приблизительно.

²⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 9—10.

³⁾ Ibid. 25—26.

⁴⁾ Ibid. 29—30. Эту мысль усвоетъ и развиваетъ и Нейггаузеръ, An. M. 412—415.

⁵⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 83—84. Это признаетъ и Нейггаузеръ, An. M. 409—412.

распределение элементов во вселенной, воздушные вихри, разрывающие огненную оболочку мира, и закругленная форма земли ¹⁾). Для разрешения вопроса о томъ, относится ли вращательное движение неба къ актамъ, которые подразумываются подъ вѣчнымъ движениемъ, созидающимъ и разрушающимъ міры, нужно собственно определить отношение его къ выдѣлительному процессу, то-есть, разъяснить, есть ли оно то условіе процесса выдѣленія (а слѣдовательно и обратнаго процесса погруженія въ безконечное), которое, какъ мы видѣли, подразумывается при процессѣ выдѣленія позднѣйшими извѣстіями, или, на оборотъ, оно само условливается какимъ-либо изъ актовъ выдѣленія: въ первомъ случаѣ, оно, очевидно, будетъ порождающимъ міръ актомъ, въ послѣднемъ за нимъ нельзя будетъ признать общаго космогоническаго характера. Но извѣстій, которыя давали бы прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, нѣтъ. И если Целлеръ ²⁾ въ Arist. Meteor. II. 1. думаетъ найти подтвержденіе мысли, что вращеніе неба выводилъ Анаксимандръ уже изъ движений воздуха, то позднѣйшими изслѣдованіями достаточно было разъяснено, что тамъ идетъ рѣчь исключительно о τὰς τροπὰς солнца и луны, о такъ-называемыхъ поворотахъ, то-есть, о тѣхъ движеніяхъ, которыми обуславливается различіе мѣстъ восхода и заката этихъ свѣтилъ въ различныя времена года ³⁾). Такимъ образомъ дилемма между предположеніемъ о происхожденіи вращательнаго движенія неба, какъ обыкновенно думаютъ, отъ вѣтровъ, то-есть, уже послѣ цѣлаго ряда процессовъ выдѣленія, и предположеніемъ о первоначальности этого движенія сравнительно съ процессами выдѣленія и о зависимости отъ него послѣднихъ можетъ быть рѣшена лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Но первое предположеніе могло возникнуть лишь подъ вліяніемъ предвзятаго убѣжденія, что выдѣлительный процессъ у Анаксимандра безусловенъ, само же оно никакъ не изъ такихъ, которое можно было бы приписать философу на основаніи внутренняго его правдоподобія. Что же касается послѣдняго предположенія, то здѣсь-то именно и получаетъ свое значеніе все то, что высказано Тейхмюллеромъ о значеніи вращательнаго движенія неба. Чѣмъ болѣе это движеніе должно было представляться древнему мыслителю всеобъемлющимъ, устой-

¹⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 26—27. Частию подобное же значеніе усволяетъ и Нейгзюверъ вращенію неба, производимому, по его мнѣнію, вихремъ отъ испареній воды, An. M. 421.

²⁾ Phil. d. Griech. 1. 206.

³⁾ Neuß. An. M. 402—405.

чивымъ и закономѣрнымъ, чѣмъ легче было ему представить его независимымъ отъ разнообразія свойствъ частныхъ предметовъ, тѣмъ естественнѣе было ему смотрѣть на него какъ на основной актъ мірообразовательнаго процесса. Чѣмъ яснѣе опытъ говорилъ, по видимому, что вращательное движеніе раздѣляетъ другъ отъ друга неодинаковые по плотности элементы и распредѣляетъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ, тѣмъ легче было прійти къ мысли, что вращательное движеніе опредѣленной части безконечнаго производитъ въ ней раздѣленіе на противоположныя по качественности элементы и распредѣляетъ послѣдніе по различнымъ мѣстамъ вращающейся сферы. Какъ естественна была подобная мысль для древнаго міра, это доказывается не только вообще значеніемъ, которое имѣло вращательное движеніе неба въ космогоніяхъ философовъ, но и тѣмъ фактомъ, что другіе философы, признававшіе также процессъ выдѣленія, именно Анаксагоръ и атомисты, прямо связывали этотъ процессъ съ круговоротнымъ движеніемъ ¹⁾. И если дѣйствительно Аристотель относитъ Анаксимандра къ философамъ, которые объясняли появленіе земли въ срединѣ цѣлаго вращеніемъ этого цѣлаго ²⁾, то въ этомъ свидѣтельствѣ почти уже прямо дана зависимость выдѣлительнаго процесса отъ процесса вращательнаго, потому что процессъ выдѣленія разнороднаго и стремленіе выдѣляющихся элементовъ соединиться въ отличныя одна отъ другой массы суть въ существѣ дѣла только два момента одного и того же процесса: выдѣленіе разнороднаго изъ первоначальнаго единства есть, очевидно,

¹⁾ Simpl. in Phys. 156. 21—29 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περὶ χωρῆσις τῆς συμπάσης τοῦς ἐκράτῃσεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχήν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ μικροῦ ἤρξαστο περιχωρεῖν, ἐπεὶ δὲ πλείον περιχωρεῖ, καὶ περιχωρῆσαι ἐπὶ πλείον... ἢ δὲ περιχωρῆσις αὐτῆ ἐποίησεν ἀποκρίνεσθαι. καὶ ἀποκρίνεται ἀπὸ τε τοῦ ἀραιοῦ τὸ πυκνὸν κτλ. Аристотель Phys. II. 4. 196. а. 24—27, по толкованію Симплиція въ этомъ мѣсту, объ атомистахъ: εἰσὶ δὲ τινες οἱ καὶ τοῦραυτοῦ τοῦδε καὶ τῶν κοσμικῶν πάντων αἰτιῶνται τὸ αὐτόματον ἀπὸ ταυτομάτου γὰρ γίνεσθαι τὴν δίνην καὶ τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν καὶ καταστῆσαν εἰς ταύτην τὴν τάξιν τὸ πᾶν.

²⁾ Целлеръ, Phil. d. Griech. 225. № 3, указываетъ на то, что общее названіе Аристотеля De coel. II. 18 о томъ, что всѣ, допускающіе космогоническій процессъ, объясняли положеніе земли въ срединѣ вращательнымъ движеніемъ цѣлаго, есть только приблизительное обобщеніе и допускаетъ исключенія. Однако Нейгәузеръ, An. M. 410—411, справедливо ставитъ на видъ, что Анаксимандръ здѣсь же Аристотелемъ прямо отнесенъ къ тѣмъ, которые ищутъ особаго объясненія пребыванія земли въ срединѣ міра, а ищущіе такого объясненія представляютъ у Аристотеля тѣми же самыми философами, которые учили, что земля собралась въ центрѣ міра вслѣдствіе вихря или круговоротнаго движенія.

движеніе слитыхъ во-едино разнородныхъ элементовъ къ разъединенію, къ разобщенію другъ съ другомъ, а это разобщеніе, конечно, всего полнѣе достигается, когда они собираются въ большія отличныя одна отъ другой массы; при раздѣленіи безконечнаго, говорилось въ отрывкѣ Теофраста, однородное стремится другъ къ другу: въ этихъ словахъ выдѣленіе и образованіе однородныхъ массъ прямо ставятся какъ двѣ стороны одного и того же акта. Въ формѣ круговращательнаго движенія всего удобнѣе, по видимому, мы можемъ представить себѣ первый актъ мірообразовательной дѣятельности, то-есть, отдѣленіе отъ безконечнаго основы будущаго міра, которую Strom. Plut. называетъ τὸ ἐκ ἀίδίου γόνιμον κτλ.; такъ какъ никакое отдѣленіе отъ безконечнаго въ смыслѣ удаленія отъ него, конечно, не мыслимо, то только вращательное движеніе этой части безконечнаго, мнѣ кажется, можетъ дать ясный образъ обособленія ея отъ ничѣмъ невозмутимаго покоя безконечнаго бытія, охватывающаго ее со всѣхъ сторонъ; постоянно и видимо для насъ продолжаясь во время міроваго процесса, это вращательное движеніе за все это время очень рельефно выдѣляетъ ее изъ неподвижнаго цѣлаго. На то же, по видимому, указываетъ и изумительное молчаніе всѣхъ извѣстій о возникновеніи движенія неба у древнѣйшихъ физиковъ, крупнѣйшаго факта въ генесисѣ вселенной, хотя эти извѣстія говорятъ о сравнительно менѣе значительныхъ подробностяхъ ученія о тѣлахъ небесныхъ. Это молчаніе всего естественнѣе объясняется тѣмъ, что возникновеніе небснаго движенія подразумѣвается уже въ другомъ извѣстии, въ извѣстии о вѣчномъ движеніи, то-есть, что оно есть актъ самаго этого движенія. Если мы примемъ, что Анаксимандръ, а за нимъ и Анаксименъ, считали вращательное движеніе первичнымъ міровизидательнымъ актомъ, то философы - физики V вѣка окажутся тѣсно примыкающими къ этимъ древнимъ своимъ предшественникамъ: ихъ задача относительно возникновенія мірообразовательнаго процесса сводится въ такомъ случаѣ къ тому, чтобы найти естественное объясненіе этому круговоротному движенію, которое и у нихъ остается въ собственномъ смыслѣ первымъ міровизидательнымъ актомъ, но актомъ, не возникающимъ у нихъ безусловно, не остающимся безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, но вызывающимъ съ ихъ стороны попытку сдѣлать понятнымъ для мысли его возникновеніе. Анаксагоръ даетъ это объясненіе, говоря, что круговоротное движеніе въ веществѣ производитъ умъ; и если Теофрастъ сводитъ различіе между нимъ и Анаксимандромъ къ тому, что онъ присоеди-

ниль умъ къ безконечному Анаксимандра; если, съ другой стороны, мы знаемъ, что этотъ умъ, давъ круговращательное движеніе веществу, остается затѣмъ у Анаксагора празднымъ зрителемъ мірообразовательнаго процесса, то не возникаетъ ли само собою предположеніе, что ближайшая нужда, вызвавшая ученіе о немъ, состояла въ потребности объяснить остававшійся безъ объясненія у древнихъ первый міроизводительный актъ? ¹⁾ Атомисты вводятъ первичное движеніе всѣхъ атомовъ внизъ, и это движеніе также предназначается для той же цѣли—изъ неизбежнаго столкновенія атомовъ другъ съ другомъ вслѣдствіе различія въ скорости ихъ паденія разъяснить тотъ круговоротъ, съ котораго и у нихъ начинается созиданіе міра ²⁾. И Эмпедокль знаетъ вращательное движеніе, которое и у него, какъ кажется, составляетъ первый актъ по крайней мѣрѣ объединяющей дѣятельности, которымъ объясняется у него не только соединеніе частицъ земли въ центрѣ цѣлаго, но и дальнѣйшее пребываніе ея тамъ ³⁾; новая мысль и у него состоитъ во введеніи особыхъ объясняющихъ первичные акты факторовъ, которыми у него являются силы. Если всѣ эти философы первой половины V вѣка, какъ ни отличны другъ отъ друга ихъ космогоническія системы, одинаково признаютъ первичность вращательнаго движенія какъ мірообразовательнаго акта, то это указываетъ на традиціонный характеръ такого ученія о немъ; и если они расходятся тотчасъ затѣмъ въ объясненіи его, то это свидѣтельствуетъ, что это объясненіе—новая проблема, сосредоточившая на себѣ научное сознаніе ихъ времени.

¹⁾ Этими, конечно, никакъ не отрицается, что отождествить начало, дающее вращательное движеніе веществу, именно съ умомъ побуждало Анаксагора стремленіе объяснить всеміренную съ эстетической точки зрѣнія и указать источникъ для поэтическихъ явленій.

²⁾ Diog. L. IX. 6. 235. 4—13 (о Левкиппѣ): γίνεσθαι δὲ τοὺς κόσμους οὕτω φέρεσθαι κατ' ἀποτομήν ἐκ τῆς ἀείρου πολλά σώματα παντοῖα τοῖς σχήμασιν εἰς μέγα κενόν, ἀπερ ἀθροισθέντα δίνην ἀπεργάζεσθαι μίαν, καθ' ἣν προσκρούοντα καὶ παντοδαπῶς κυκλούμενα διακρίνεσθαι χωρὶς τὰ ὅμοια πρὸς τὰ ὅμοια. ἰσορροπῶν δὲ διὰ τὸ πλῆθος μηκέτι δυναμένων περιφέρεισθαι, τὰ μὲν λεπτά χωρεῖν εἰς τὸ ἔξω κενόν, ὥσπερ διαττόμενα· τὰ δὲ λοιπὰ συμμένειν καὶ περιπλεκόμενα συγκατατρέχειν ἀλλήλοις καὶ ποιεῖν πρῶτόν τι σύστημα σφαιροειδές.

³⁾ Arist. De coel. II. 13. 295. a. 14—19. Сказавъ, что всѣ, принимавшіе космогоническій процессъ, объясняютъ собраніе земли въ центрѣ вращательнымъ движеніемъ, Аристотель здѣсь продолжаетъ такъ: ὅτι δὲ μένει (то-есть, земля), ζητοῦσι τὴν αἰτίαν, καὶ λέγουσιν οἱ μὲν... οἱ δ' ὥσπερ Ἐμπεδοκλῆς, τὴν τοῦ οὐρανοῦ φορὰν κύκλῳ περιθέουσαν καὶ θάπτον φερομένην τὴν τῆς γῆς φορὰν κωλύειν καθ' ἅπερ τὸ ἐν τοῖς κυάθοις ὕδωρ.

Самъ Тейхмюллеръ, однако, имѣлъ въ виду доказать не то только, что къ актамъ вѣчнаго движенія должны относиться у Анаксимандра акты вращательнаго движенія, порождающіе и разрушающіе міры, онъ хотѣлъ доказать, что его безконечное во всей своей цѣлости обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ. Само собою понятно, что все, что говорилъ онъ и что можетъ быть сказано о значеніи вращательнаго движенія какъ первичнаго акта, нисколько не доказываетъ этой мысли о погруженіи въ процессъ всего безконечнаго, а поэтому Тейхмюллеръ ¹⁾ искалъ особыхъ прямыхъ ея доказательствъ и искалъ тщетно. Онъ ссылаясь на *Agist. De coel. III. 5*, гдѣ Аристотель, критически обсуждая взгляды философовъ, признававшихъ одну стихію, говоритъ между прочимъ и объ единствѣ и тождествѣ движенія, которое должно предполагаться этимъ ученіемъ ²⁾. Но мы уже видѣли, что къ признающимъ одну стихію Аристотель Анаксимандра не причисляетъ, а потому все, сказанное здѣсь Аристотелемъ, къ нему относиться не можетъ. Кромѣ того, уже самъ Тейхмюллеръ замѣчалъ, что нѣтъ необходимости приводимое имъ мѣсто толковать въ томъ смыслѣ, какъ будто бы въ немъ приписывалось признаніе единства движенія самимъ философамъ, учившимъ объ одной стихіи; оно можетъ указывать только на то слѣдствіе, которое должно бы, по мнѣнію Аристотеля, соединяться съ этимъ ученіемъ ³⁾; но въ такомъ случаѣ, конечно, изъ него нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ относительно ученія о движеніи у какого бы то ни было философа. Наконецъ, для доказательства мысли Тейхмюллера слишкомъ мало было бы убѣдиться даже въ томъ, что Анаксимандръ признавалъ возможность возникать въ безконечномъ въ качествѣ акта первоначальнаго и соответствующаго природѣ только одному извѣстному движенію, напримѣръ, вращательному; даже и признавая это, Анаксимандръ могъ въ то же время быть убѣжденъ, что безконечное во всей безпредѣльности своей никогда не можетъ быть обнято однимъ вращательнымъ движеніемъ; Аристотель и въ этомъ случаѣ могъ бы говорить о признаніи имъ одинаго соответствующаго природѣ движенія,

¹⁾ Stud. Z. Gesch. de Begr., 575.

²⁾ De coel. III. 5. 304. b. 11 — 13: κοινόν δὲ πᾶσιν ἀμάρτημα τοῖς ἐν τῷ στοιχείῳ ὑποτιθεμένοις τὸ μίαν μόνην κίνησιν ποιεῖν φυσικὴν, καὶ πάντων τὴν αὐτήν.

³⁾ По контексту ясна необходимость этого послѣдняго толкованія; въ объясненіе высказанной мысли Аристотель прибавляетъ: ὁρῶμεν γὰρ πᾶν τὸ φυσικὸν σῶμα κινήσεως ἔχον ἀρχήν. εἰ οὖν ἅπαντα τὰ σῶματα ἐν τῷ ἐστὶ, πάντων ἂν εἴη μία κίνησις.

одного и того же для всѣхъ вещей, возникающихъ изъ безконечнаго. Еще менѣе могла доказывать взглядъ Тейхмюллера ссылка его на De coel. II. 1, хотя самъ онъ смотрѣлъ на нее какъ на самое твердое доказательство своей мысли ¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ Аристотель, установивъ свой взглядъ на вѣчность міра, вспоминаетъ тотчасъ затѣмъ о τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν λόγους, по которымъ есть нѣчто безсмертное и божественное изъ того, что имѣетъ, правда, движеніе, но движеніе такого рода, что ему нѣтъ никакой границы, а скорѣе оно служитъ границею для остальнаго ²⁾. Подъ этими ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους λόγους Тейхмюллеръ хотѣлъ разумѣть ученіе Анаксимандра какъ происходившаго изъ Милета, родственнаго аоніянамъ по племени. Противники Тейхмюллера совершенно вѣрно возражали, что терминомъ πατρίους λόγοι могилъ обозначаться лишь сказанія, перешедшія отъ предковъ, и поэтому къ ученію Анаксимандра этотъ терминъ не подходитъ; онъ обозначаетъ здѣсь, конечно, религиозныя сказанія подобно какъ ἡ πατριος δοξα въ Metaph. IV. 8. 1014. b. 13. Относя это мѣсто къ Анаксимандру, Тейхмюллеръ имѣетъ въ виду слѣдующія за нимъ слова Аристотеля, въ которыхъ говорится о круговращеніи, не имѣющемъ ни начала, ни окончанія, продолжающемся безконечное время ³⁾; для доказательства его взгляда на вѣчное движеніе у Анаксимандра ему нужна именно эта послѣдняя мысль. Но эта мысль въ словахъ Аристотеля не отнесена прямо къ древнимъ сказаніямъ; она высказана только въ качествѣ объясненія того, почему Аристотель признаетъ истиннымъ ученіе о бессмертіи и божественности движущейся границы міра, заключающееся въ этихъ сказаніяхъ, и ничто не препятствуетъ думать, что это объясненіе дѣлается Аристотелемъ съ своей собственной точки зрѣнія на движеніе мировой границы. Считалось ли самими древними это движеніе вѣчнымъ или оно ими считалось, напримѣръ, только безко-

¹⁾ Stud. z. Gesch. d. Begr. 575—581.

²⁾ De coel. II. 1. 284. a. 2—6: διόπερ καλῶς ἔχει συμπαθεῖν ἑαυτὸν τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν ἀληθεῖς εἶναι λόγους, ὡς ἐστὶν ἀθάνατόν τι καὶ θεῖον τῶν ἐχόντων μὲν κίνησιν, ἐχόντων δὲ τοιαύτην ὥστε μὴδὲν εἶναι πέρας αὐτῆς, ἀλλὰ μᾶλλον ταύτην τῶν ἄλλων πέρας.

³⁾ Вслѣдъ за цитованными словами Аристотель говоритъ: τό τε γὰρ πέρας τῶν περιεχόντων ἐστί, καὶ αὕτη ἡ κοκλοφορία τέλειος οὐσα περιέχει τὰς ἀτελεῖς καὶ τὰς ἐχούσας πέρας καὶ παῦλαν, αὕτη μὲν οὐδεμίαν οὐτ' ἀρχὴν ἐχούσα οὔτε τελευτήν, ἀλλ' ἀπαυστος οὐσα τὸν ἱπείρον χρόνον, τῶν δ' ἄλλων τῶν μὲν αἰτία τῆς ἀρχῆς, τῶν δὲ δεχομένη τὴν παῦλαν.

нечнымъ, а не вмѣстѣ и безначальнымъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ одобрительно отнестись къ религіозному ученію о безсмертіи и божественности движущейся границы міра и всегда могъ въ объясненіе своего одобренія сослаться на несомнѣнную съ его точки зрѣнія научную истину, что граница принадлежитъ бытію, обнимающему все остальное бытіе, и что круговое движеніе, которое принадлежитъ ей, есть движеніе вѣчное, условливающее собою все, а само не условливаемое ничѣмъ другимъ. И въ общей связи этого мѣста есть черты, несомнѣнно доказывающія, что такова именно и есть мысль Аристотеля, въ τὸς ἀρχαίους πατρίους λόγος подвижное бытіе названо ἀθάνατον, но безъ прибавки ἀγένητον или αἰδίον, хотя передъ самыми этими словами Аристотель говорилъ о τῆς ἀθανασίας καὶ τῆς αἰδιότητος неба; и послѣ того какъ онъ разъяснилъ, почему перешедшее отъ предковъ мнѣніе онъ считаетъ истиннымъ, онъ тотчасъ же опять ясно указываетъ границы, въ которыхъ можно сближать мнѣніе древнихъ съ его собственнымъ мнѣніемъ: говоря о взглядѣ древнихъ на небо, онъ опять ограничивается для неба эпитетомъ ἀθάνατον, и при этомъ прибавляетъ, что представляемое имъ самимъ доказательство свидѣтельствуетъ, что оно ἀφθαρτος καὶ ἀγένητος ¹⁾. Изъ всего этого ясно, что здѣсь дѣло идетъ о такомъ древнемъ ученіи, по которому божественное подвижное бытіе считалось, правда, безсмертнымъ, но не считалось не происшедшимъ, какъ это и должно было быть по миеологическому взгляду на небо. Но подобное ученіе, очевидно, даже совсѣмъ не подходило бы въ тому воззрѣнію, которое Тейхмюллеръ хочетъ приписать Анаксимандру.

Есть положительное препятствіе приписывать Анаксимандру ученіе о вращеніи безконечнаго во всей его дѣлности. Противники взгляда Тейхмюллера совершенно справедливо говорили, что въ понятіи вращающагося безконечнаго заключается слишкомъ явное противорѣчіе, чтобы мы сочли себя въ правѣ приписать его философу, не имѣя ясныхъ и рѣшительныхъ свидѣтельствъ, усвоющихъ ему подобное вопіющее противорѣчіе. Правда, Тейхмюллеръ ²⁾ и Таннери ³⁾, позднеѣ отстаивавшій мысль Тейхмюллера, старались сгладить это противорѣчіе, толкуя понятіе τὸ ἀπειρον не въ смыслѣ пространственной

¹⁾ Тотчасъ за предш. дат.: τὸν δ' οὐρανὸν καὶ τὸν ἄνω τόπον οἱ μὲν ἀρχαῖοι τοῖς θεοῖς ἀπέπεισαν ὡς ὄντα μόνον ἀθάνατον. ὁ δὲ νῦν μαρτυρεῖ λόγος ὡς ἀφθαρτος καὶ ἀγένητος.

²⁾ Stud. z. Gesch. de Begr. 5. 56.

³⁾ Tannery. Pour hist. de la scien. hellen. 1887. 94—95. 97—98.

безпредѣльности, а въ смыслѣ (не безусловной, а относительной) неопредѣленности или неразграниченности его содержанія; не рѣшалась утверждать, чтобы Анаксимандръ ясно принималъ протяженіе за границами своего безконечнаго, то-есть, прямо утверждалъ его пространственную ограниченность (противорѣчіе такого представленія съ терминомъ *ἄπειρον* было бы слишкомъ очевидно), они говорили о неразвитости въ то время представленія о пространственной безпредѣльности или объ отсутствіи у Анаксимандра какой-либо мысли, которая переходила бы предѣлы огненной коры міра. Таннери ищетъ даже прямого доказательства невозможности приписать Анаксимандру представленіе о пространственной безпредѣльности и ссылается на его объясненіе неподвижности земли въ центрѣ цѣлаго изъ равенства повсюду разстояній ея отъ его границъ: если преемники Анаксимандра отказываются отъ этого объясненія, то это, по его мнѣнію, признакъ прогресса въ развитіи представленій о безконечномъ протязаніи, не имѣющемъ ни центра, ни границъ. Однако, когда Аристотель ¹⁾ говоритъ объ Анаксимандровомъ объясненіи неподвижности земли, онъ ни однимъ словомъ не даетъ понять, что дѣло идетъ о границахъ безконечнаго, а не образовавшагося въ немъ міра, въ которомъ только (а не въ одновидномъ безконечномъ) и можетъ различаться земля отъ другихъ предметовъ. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, о какихъ краяхъ или границахъ могла въ этомъ случаѣ идти рѣчь у Анаксимандра: какъ бы мало развитымъ мы ни предположили у Анаксимандра представленіе о неизмѣримомъ протязаніи, все же говорить о границахъ неограниченнаго едва ли ему могло бы придти на мысль; и Аристотель, который очень обстоятельно опровергаетъ его объясненіе неподвижности земли, не преминулъ бы, конечно, указать на такое явное противорѣчіе, еслибы оно дѣйствительно было. Что же касается причинъ, заставившихъ преемниковъ Анаксимандра отказаться отъ его объясненія неподвижности земли, то онѣ слишкомъ ясны: каждый брошенный вверхъ, слѣдовательно удаленный отъ центра камень, возвращаясь на землю, служилъ опроверженіемъ Анаксимандровой мысли; сказать, что земля не двигается ни въ какую сторону вслѣдствіе равенства разстоянія своего отъ предѣловъ міра,

¹⁾ Arist. De coel. II. 13. 295. b. 10—296. a. 23. Встрѣчающееся у Гипполита, Dox. Diels 559. 23, подобное же извѣстіе отличается совершенною неопредѣленностью и большою неточностью (διὰ τὴν ἀμοίραν πάντων ἀποστάσεων, говорить Гипполитъ).

это значило перенести понятие о низѣ, то-есть, объ естественномъ направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на сферическую поверхность вселенной, а такое представленіе, какъ оно ни было смѣло и какъ ни казалось съ перваго взгляда остроумнымъ, слишкомъ противорѣчило всему человѣческому опыту, чтобы была нужда отыскивать какія-нибудь чрезвычайныя причины, по которымъ отъ него отказались непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы. Эти непосредственно слѣдовавшіе за Анаксимандромъ философы всё безъ исключенія понимаютъ подъ *ἄπειρον* пространственно безпредѣльное бытіе; если Пиеагорейцы приносятъ въ это понятие признакъ качественной неопредѣленности, то ихъ безконечное все же не перестаетъ быть отъ того и пространственно безпредѣльнымъ; Анаксимандръ съ его понятіемъ о τὸ ἄπειρον какъ о бытіи только качественно неопредѣленномъ былъ бы исключеніемъ. Но такого исключенія на дѣлѣ не было. Когда онъ мотивировалъ признаніе безконечности начала неизсякаемостью рожденія, то, конечно, разумѣлъ подъ нею не качественную неопредѣленность, которая обезпечить неоскудѣваемости рожденія не могла. Когда извѣстія о немъ говорятъ, что его безконечное обнимаетъ все или обнимаетъ міры ¹⁾, то они, конечно, расширяютъ его во всѣ стороны далѣе предѣловъ бытія, находящагося въ космогоническомъ процессѣ; и Аристотель, упрекая признающихъ субстратъ помимо стихій въ томъ, что ихъ τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον не можетъ существовать обособленно отъ другихъ предметовъ, предполагаетъ, конечно, что въ качествѣ τὸ ἄπειρον καὶ τὸ περιέχον этотъ субстратъ признается способнымъ къ такому существованію, то-есть, простирающимся за границы міра ²⁾. Говорить о неспособности Анаксимандра ставить протяженіе за границами вращающейся мировой сферы неудобно уже потому, что жившій за цѣлыя столѣтія до него поэтъ-мифологъ Гезіодъ оказывается уже очевидно способнымъ ставить особыя подземныя протяженія, которыя лежатъ уже за предѣлами того протяженія, которое подъ землею соотвѣтствуетъ разстоянію земли до небснаго свода; тѣмъ менѣе удобно приписать такую неспособность философу, который ясно сознавалъ ограниченность міра, такъ какъ при объясненіи неподвижности земли прямо говорилъ о краяхъ вселенной и опредѣлялъ по-

¹⁾ Док. *Diels*. 559. 18 (Гипполитъ о безконечномъ Анаксимандра): πάντα περιέχειν τοὺς κόσμους, см. *Arist. Phys.* III. 4. 11—15.

²⁾ *Gen. et. corr.* II. 5. 332. а. 20—25.

рядомъ небесныхъ тѣлъ до самыхъ высшихъ небесныхъ пространствъ ¹⁾).

Болѣе ясное представленіе о вѣчномъ движеніи по взгляду Анаксимандра, мнѣ кажется, можно составить себѣ лишь уяснивъ связь между этимъ движеніемъ и самою безпредѣльностью начала.

Безпредѣльность Анаксимандрова начала по протяженію какъ постулатъ вѣчнаго движенія.

Вѣчное движеніе есть причина рожденія и разрушенія; съ вѣчностью движенія, слѣдовательно, ставится и вѣчность процессовъ рожденія и разрушенія. Несомнѣнно, по ученію Анаксимандра, нашъ міръ нѣкогда возникъ: онъ описывалъ его происхожденіе. Если движеніе существовало вѣчно, то до возникновенія нашего міра долженъ былъ существовать другой міръ или другіе міры. Одно извѣстіе говоритъ, что онъ, по его мнѣнію, и разрушимъ ²⁾; мы не имѣемъ основанія не довѣрять этому извѣстію; сама прошедшая исторія міра указываетъ на его будущую судьбу: въ началѣ вода облегла вокругъ всей земли, огненная сфера облегла его снаружи какъ кора дерево, то-есть, однородныя массы земли, воды, потомъ, вѣроятно, воздуха и поверхъ всего огненной стихіи концентрическими сферами обнимали одна другую; теперь вода осталась не смѣшанною только въ земныхъ углубленіяхъ, остальная испарилась и въ качествѣ тончайшихъ паровъ перемѣшалась съ воздухомъ; массы воздуха разорвали огненную сферу, охватили разорванныя части, такъ что пламя можетъ прорываться только изъ отверстій, которыя и составляютъ то, что называемъ мы солнцемъ, луною и звѣздами; и здѣсь, такимъ образомъ, произошло перемѣшеніе огненной стихіи съ воздухомъ подобно тому, какъ съ нимъ перемѣшалась вода; впереди, слѣдовательно, нужно ожидать продолженія этого процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно болѣе и болѣе полного и внутренняго объединенія стихій, которое дастъ опять ту одновидную природу, изъ раздѣленія которой возникъ этотъ міръ. Если движеніе вѣчно, долженъ существовать міръ или міры по разрушеніи міра нашего. Чтò приложимо къ нашему міру, то уже по аналогіи можно приложить къ каждому другому. Не рожден-

¹⁾ Dox. *Diels*. 845. 9—10 (Plat. Plac. и Стобей): 'Αναξίμανδρος . . . ἀνωτάτω μὲν πάντων τὸν ἥλιον τετάχθαι, μετ' αὐτὸν δὲ τὴν αἰθήρη κατὰ. Ibid. 560. 5—7 (Hippol. объ Анаксимандрѣ): ἀνωτάτω μὲν εἶναι τὸν ἥλιον, κατωτάτω δὲ τοὺς τῶν ἀπλανῶν ἀστέρων κύκλους.

²⁾ Ibid. 331. 12—15 (Stob.): 'Αναξίμανδρος... φθαρτὸν τὸν κόσμον.

ных мировъ Анаксимандръ не зналъ: это слѣдуетъ уже изъ того, что Аристотель о всѣхъ своихъ предшественникахъ говорить, что они всѣ небо признаютъ происшедшимъ, всѣ занимаются космогоническимъ процессомъ, и вся теорія ихъ говорить о рожденіи и гибели ¹⁾; и всѣ извѣстія объ Анаксимандрѣ говорятъ о рожденіи небесъ и мировъ и прямо указываютъ на вѣчное движеніе какъ на причину ихъ рожденія ²⁾. Но вѣчное движеніе есть процессъ, не рождающій только, но и разрушающій ³⁾; изъ единственнаго отрыва, который мы имѣемъ изъ сочиненія Анаксимандра, мы видимъ, что, по его мнѣнію, изъ чего существующее рождается, въ то оно должно и разрушиться, и это Симплицій передаетъ въ прямой связи съ упоминаніемъ объ ученіи его о рожденіи мировъ изъ безконечнаго ⁴⁾; ясно, такимъ образомъ, что и мировъ неразрушимыхъ Анаксимандръ не зналъ. Если же это такъ, то ученіе о вѣчномъ движеніи само собою превращается въ ученіе о безчисленныхъ мирахъ, смѣнная жизнь которыхъ должна наполнить вѣчность. И извѣстія дѣйствительно говорятъ намъ, что Анаксимандръ принималъ безчисленные миры, то возникающіе, то разрушающіеся ⁵⁾. И

¹⁾ De coelo I. 10. 279. b. 12—13: γινόμενον μὲν οὖν ἅπαντες εἶναι φασιν (τὸν οὐρανόν). Phys. VIII. 1. 250. b. 15—18: εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντας φασιν οἱ περὶ φύσεως τι λέγοντες διὰ τὸ κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς. Спорный вопросъ о томъ, не описывалъ ли кто-нибудь изъ предшественниковъ Аристотеля происхожденія міра лишь для разъясненія элементовъ, изъ которыхъ состоитъ онъ, не предполагая рожденія міра въ собственномъ смыслѣ, Анаксимандра, конечно, касаться не можетъ.

²⁾ Simpl. in Phys. 41. 18—19 (объ Анаксимандрѣ): ἥς (ἀρχῆς) τὴν αἰδίον κίνησιν αἰτίαν εἶναι τῆς τῶν οὐρανῶν γενέσεως ἔλεγεν. Dox. Diels. 559. 21—22 (Гипполитъ объ Анаксимандрѣ): κίνησιν αἰδίον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνειν γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς. Другія свидѣтельства см. ниже.

³⁾ Ibid. 653. 24—25 (Гермійъ объ Анаксимандрѣ): ταύτη (то-есть, вѣчнымъ движеніемъ) τὰ μὲν γενῆσθαι τὰ δὲ φθεῖρεσθαι.

⁴⁾ Simpl. in Phys. 24. 17—19: ἐξ ἧς (φύσεως ἀπείρου) ἅπαντας γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κόσμους· ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστι τοῖς οὐαῖ, καὶ τὴν φθορὰν εἰς τὰ γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεῶν.

⁵⁾ Dox. Diels. 579. 8—11 (Plut. Strom. объ Анаксимандрѣ): ἐξ οὗ (τοῦ ἀπείρου) δὴ φησι τοὺς τε οὐρανοὺς ἀποκεχρίσθαι καὶ καθόλου τοὺς ἅπαντας ἀπείρους ὄντας κόσμους. ἀποφῆναι δὲ τὴν φθορὰν γίνεσθαι καὶ πολὺ πρότερον τὴν γένεσιν ἐξ ἀπείρου αἰῶνος ἀνακυκλομένων πάντων αὐτῶν. Ibid. 531. 10—14 (Cicero de natur. Deor. 1—10): Anaximandri autem opinio est nativos esse deos longis intervallis orientis occidentisque, eosque innumerabilis esse mundos. Ibid. 173. August. de civit. Dei. VIII. 2: Anaximander... ex suis propriis principiis quasque res nasci putavit. quae rerum principia singularum esse credidit infinita et innumerabiles

Аристотель, не упоминая, правда, имени Анаксимандра, ставитъ въ связь у своихъ предшественниковъ вообще ученіе о вѣчномъ движеніи съ ученіемъ о безчисленныхъ мірахъ ¹⁾.

Съ ученіемъ о вѣчномъ движеніи, такимъ образомъ, неразрывно соединено ученіе о послѣдовательномъ возникновеніи другъ за другомъ безчисленныхъ міровъ. Но съ нимъ же соединено было у Анаксимандра и ученіе о пространственной безпредѣльности безконечнаго. Мы уже имѣли случай упоминать, что безконечное постулировалось Анаксимандромъ ради неизсякаемости рожденія; но рожденіе есть результатъ вѣчнаго движенія; слѣдовательно, по мнѣнію Анаксимандра, продуктивность вѣчнаго движенія считалась обусловленною пространственною безпредѣльностью начала. Какимъ же это образомъ? И если вѣчность движенія въ одно и то же время предполагаетъ и череду безчисленныхъ міровъ, и пространственную безпредѣльность начала, то не должны ли оба послѣднія понятія стоять во внутренней связи одно съ другимъ? Что такая связь предполагалась, на это, по видимому, указываетъ извѣстіе Plut. Plac. и Стобѣя, гдѣ ученіе о безчисленныхъ мірахъ и именно мірахъ рождающихся и разрушающихся, связанное съ ученіемъ о безконечности начала, ставилось вмѣстѣ въ какую-то связь съ доказательствомъ безконечности ²⁾. Въ новой ученой литературѣ, однако, этому, очевидно, очень важному вопросу о связи пространственной безпредѣльности съ вѣчнымъ рожденіемъ по ученію Анаксимандра не посчастливилось ³⁾. Целлеръ, упоминая объ Анаксимандровомъ доказательствѣ

mundos gignere et quaecumque in eis oriuntur; eosque mundos modo dissolvi modo iterum gigni existimavit quanta quisque aetate sua manere poterit.

¹⁾ Phys. VIII. 1. 250. b. 18—21: ὅσοι μὲν ἀπείρους τε κόσμους εἶναι φασί, καὶ τοὺς μὲν γίνεσθαι τοὺς δὲ φθεῖρεσθαι τῶν κόσμων, ἀεὶ φασὶν εἶναι κίνησιν (ἀναγκαῖον γὰρ τὰς γενέσεις καὶ τὰς φθοράς εἶναι μετὰ κινήσεως αὐτῶν).

²⁾ Dox. Diels. 277. 7—14: Ἀναξίμανδρος... φησὶ τῶν ὄντων τὴν ἀρχὴν εἶναι τὸ ἀπειρον... διὸ καὶ γενᾶσθαι ἀπείρους κόσμους καὶ πάλιν φθεῖρεσθαι εἰς τὸ ἐξ οὗ γίνεται. λέγει γοῦν (по некоторымъ кодексамъ οὖν) διότι ἀπέραντόν ἐστιν, ἵνα κτλ.

³⁾ Въ одномъ изъ историко-философскихъ произведеній самаго послѣдняго времени (*Basinkker*, D. Probl. d. Mater. in d. Griech. Phil. 1890. 13—14) даже заподозривается достоверность извѣстій объ Анаксимандровомъ доказательствѣ безконечности начала на томъ основаніи, что оно слишкомъ совпадаетъ съ однимъ изъ доказательствъ безконечности, которыя, по Аристотелю, приводились древними, и этимъ будто бы возбуждаетъ подозрѣніе, что оно на основаніи простой догадки позднѣйшими писателями отнесено къ Анаксимандру. Такимъ образомъ фактъ совпаденія позднѣйшихъ извѣстій объ Анаксимандрѣ съ неопредѣленнымъ указаніемъ Аристотеля на мнѣнія древнихъ,—фактъ, который, каза-

безконечности начала, ограничивается заявленіемъ лишь о его несостоятельности, ссылаясь на критическое замѣчаніе о немъ Аристотеля, и совсѣмъ не пытается разъяснить ту связь понятій и тотъ взглядъ на мировую жизнь, которые имъ должны предполагаться ¹⁾. Само собою понятно, что всего менѣе могли благоприятствовать правильному разъясненію связи между безконечностью и вѣчнымъ продуктивнымъ процессомъ у Анаксимандра взгляды тѣхъ ученыхъ, которые погружали это безконечное во всей его цѣлости въ одинъ круговращательный процессъ, такъ какъ по этимъ взглядамъ безконечность начала прямо оказывалась рѣшительно противорѣчащею тому продуктивному движенію, во имя котораго она постулировалась Анаксимандромъ. Съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается на разъясненіи Анаксимандрова доказательства безконечности Нейгәузеръ. Но онъ разъясняетъ его такъ, что вывести изъ него безконечность начала на самомъ дѣлѣ оказывается невозможнымъ. Онъ думаетъ, что въ этомъ доказательствѣ рѣчь идетъ исключительно о восполненіи разрушающихся частей въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ, то-есть, что вещество каждаго изъ частныхъ предметовъ, подвергающихся разрушенію въ томъ или другомъ частномъ мірѣ, никогда

лось бы, долженъ давать болѣе вѣры этимъ извѣстіямъ, превращается въ доказательство ихъ ненадежности. Однако извѣстіе о мотивѣ, на который ссылался Анаксимандръ, доказывая безконечность начала, встрѣчается не у писателей одной только группы: упоминаемое въ Plac. Plut., у Stob. и у Eusebii оно встрѣчается у комментаторовъ Филопона и Симплиція Philop. in Phys. 432 15—16: ὁ Ἀναξίμανδρος θεῖν μὲν οἰόμενος ἄπειρον εἶναι τὴν ἀρχὴν διὰ τὴν ἀετιγένειαν, ἵνα μὴ ἐκλείπῃ. Simpl. in Arist. Cael. 273. b. 38. ed. Carst. (Newh. An. M. 328. 2): Ἀναξίμανδρος... ἄπειρον πρῶτος ὑπέθετο, ἵνα ἔχῃ χρῆσθαι πρὸς τὰς γενέσεις ἀφθόνως. Притомъ Аристотель приводит нѣсколько доказательствъ безконечности начала у древнихъ и между ними одно такое, о которомъ даже онъ самъ говорить (Phys. III. 4. 203. b. 22—23): μάλιστα δὲ καὶ χοριώτατον, ὃ τὴν κοινὴν κοινῇ ἀπορίαν πᾶσιν, а между тѣмъ извѣстія относить къ Анаксимандру только одно изъ этихъ доказательствъ и не это послѣднее. Наконецъ, изъ древнѣйшихъ энкиковъ не одинъ только Анаксимандръ училъ безконечности начала, о ней же говорили и нѣкоторые изъ его преемниковъ, между тѣмъ извѣстія мотивируютъ безконечность начала неоскудываемостію рожденія только въ отношеніи къ его ученію. Все это доказываетъ, что въ основаніи ихъ лежитъ преданіе независимое отъ не пріуроченнаго къ опредѣленнымъ именамъ перечня доказательствъ безконечности у Аристотеля.

¹⁾ Zell, Phil. d. Griech. 1. 217. Поэтому Целлеръ не хочетъ даже придавать Анаксимандру понятію о безконечномъ особаго значенія въ развитіи эмпирической мысли.

не принимаетъ, по мнѣнію Анаксимандра, въ дальнѣйшее время прежнихъ формъ, а возвращается въ первичное состояніе или тотчасъ же при разрушеніи этого предмета, или черезъ посредство другихъ формъ, такъ что погибшіе предметы должны замѣняться постоянно новыми и новыми выдѣленіями изъ безконечнаго ¹⁾). Последняя мысль, хотя и нѣтъ извѣстій, которыя прямо ее бы подтверждали ²⁾, сама по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Если

¹⁾ *Newl. An. M.* 315—319. Основаніе толковать ἡ γένεσις, на неоскудѣваемость котораго ссылался Анаксимандръ, въ смыслѣ замѣны только погибшихъ вещей въ томъ или другомъ опредѣленномъ мѣрѣ совсѣмъ новыми Нейгүзеръ видитъ въ словѣ ἡ ὑφισταμένη, которое въ извѣстіяхъ *Plut. Plac.*, *Столбъ* и *Евсевія* прибавляется къ ἡ γένεσις (соотвѣтствующаго этому слову выраженія нѣтъ ни у *Аристотеля*, ни у комментаторовъ) и которое даетъ ему право утверждать *de ortu et interitu rerum, quae in mundo nunc consistenti cernantur* (*Ibid.* 317). Но если ἡ ὑφισταμένη должно показывать, что дѣло идетъ въ строгомъ смыслѣ *de ortu et interitu rerum, quae in mundo nunc consistenti cernantur*, то какое же основаніе будетъ имѣть самъ Нейгүзеръ говорить, что *ipsius cuiusque mundi partes... constanter novis secretionibus suppleri* (*ibid.* 316—317)? Если же мысль Анаксимандра не ограничивается *mundo nunc consistenti* (въ подлинныхъ словахъ извѣстій ни о какомъ мѣрѣ не упоминается), то необходимо будетъ признать, что при словѣ ἡ ὑφισταμένη та черта существующаго рожденія, по которой оно относится къ опредѣленному, именно данному теперь физическому мѣру, не берется во вниманіе, а существующее рожденіе разсматривается просто въ качествѣ существующаго, такъ что продолженіемъ его должно считаться не рожденіе только въ предѣлахъ одного опредѣленнаго міра, а вообще дальнѣйшій процессъ рожденія, все равно относится ли онъ къ тому же мѣру или къ цѣлому ряду міровъ, смѣняющихся другъ друга.

²⁾ Нейгүзеръ въ доказательство ея ссылается на *Аристотелево* опроверженіе въ *Meteor. II. 2.* изложеннаго тамъ взгляда на космогоническій процессъ. Но этотъ взглядъ, какъ выше было показано, къ Анаксимандру не относится. Притомъ же *Аристотелево* опроверженіе лишь въ томъ случаѣ могло бы служить подтвержденіемъ мнѣнія Нейгүзера, еслибы *Аристотелемъ* предполагалось, что философы, учившіе возникновенію воздуха изъ испареній воды, рѣшительно отрицали возвращеніе какой-либо части испареній обратно въ воду; но этого изъ словъ *Аристотеля* не видно; напротивъ того, онъ ясно допускаетъ возможность для держащихся этого мнѣнія предполагать, что часть превратившейся въ воздухъ воды вновь переходитъ въ воду; опровергая ихъ онъ настаиваетъ на томъ, что на самомъ дѣлѣ не часть испарившейся воды, а вся она вновь дѣлается водою (*Meteor. II. 2. 355. a. 25—32: φανερώς γὰρ αἰ τὸ ἀναχθέν ὄρωμα καταβιβνόν πάλιν ὕδωρ... ἐν γέ τισι τεταγμένοι χρόνοι ἀποδίδωσι πᾶν τὸ ληφθέν, ὡς οὔτε τρεφόμενων τῶν ἄνωθεν, οὔτε τοῦ μὲν μένοντος ἀέρος ἤδη μετὰ τὴν γένεσιν, τοῦ δὲ γιγνομένου καὶ φθειρομένου πάλιν εἰς ὕδωρ, ἀλλ' ὁμοίως ἅπαντος διαλυομένου καὶ συνισταμένου πάλιν εἰς ὕδωρ*). Если понимать космогоническій процессъ у Анаксимандра такъ, какъ понимаетъ его Нейгүзеръ, то

Анаксимандръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ его доказательства безконечности начала, былъ убѣжденъ, что процессъ рожденія долженъ исчерпывать содержаніе начала, то, конечно, это убѣжденіе должно было такъ или иначе (хотя, вѣроятно, и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ это Нейгѣузеръ) отразиться и на ученіи его о замѣнѣ однихъ вещей другими въ каждомъ частномъ мірѣ. Но жизнь каждаго міра, по Анаксимандру, ограничена по времени, слѣдовательно, безконечной продуктивности начала изъ нея выводить нельзя, и нельзя ссылаться на неоскудѣваемость рожденія, когда рѣчь идетъ о жизни опредѣленнаго міра, въ которомъ продукція должна вѣкогда изсякнуть. Жизнь каждаго міра ограничена по протяженію, тѣмъ менѣе изъ нея можно было выводить пространственную безпредѣльность начала, которая прежде всего должна была подразумеваться Анаксимандромъ въ его безконечномъ.

Въ Аристотелевомъ изложеніи и критикѣ ¹⁾ того доказательства безконечности, которое позднѣйшими писателями относится къ Анаксимандру, слишкомъ ясно подъ безконечностію разумѣется не потенциальная, а актуальная (именно по протяженію) безконечность и также ясно постулируется она въ интересахъ обезпеченія рожденія отъ перерыва. Такъ какъ каждый міровой процессъ, по Анаксимандру, долженъ окончиться, слѣдовательно прерваться, то о гарантіяхъ его непрерывности Анаксимандръ, конечно, говорить не могъ. Вѣчно, по его ученію, лишь вообще продуктивное движеніе, порождающее безконечный рядъ міровъ; слѣдовательно, подъ непрерывностію рожденія, которую должна была гарантировать безконечность начала, можетъ разумѣться только это продуктивное движеніе, обнимающее собою не частную только продукцію въ опредѣленныхъ мірахъ, но вмѣстѣ и рядъ послѣдовательныхъ продукцій самыхъ міровъ. Чтобы отъ непрерывности этого продуктивнаго движенія заключать къ пространственной безпредѣльности начала, философъ долженъ былъ предполагать, что

самое предположеніе, будто бы, по его ученію, часть міра, перешедшая изъ одной формы въ другую, не могла возвратиться въ прежнее состояніе, будетъ противорѣчать прямымъ извѣстіямъ объ его ученіи. По извѣстію Гипполита, *Dox. Diels.* 560. 9—10, Анаксимандръ принималъ, что *ὅστων δὲ ἐκ τῆς ἀτμίδος τῆς ἐκ τῶν ὕφ' ἡλίον ἀναδιδόμενης*; и еслибы справедливо было, что по его ученію, какъ думаетъ Нейгѣузеръ, все, кромѣ огня, происходило изъ воды, то происхожденіе дожда изъ *ἀτμίδος*, очевидно, было бы возвращеніемъ въ воду части воды, перешедшей уже въ другое состояніе.

¹⁾ *Arist. Phys.* III. 4. 203. b. 15—20. *Ibid.* 8. 208. a. 8—11. Самый текстъ приведенъ былъ выше.

эта непрерывная продукція не можетъ совершаться на ограниченномъ протяженіи. Но такъ какъ каждый отдѣльный міровой процессъ несомнѣнно совершается на одномъ ограниченномъ протяженіи, то признать, что непрерывная продукція не можетъ совершаться на ограниченномъ протяженіи, очевидно, нельзя было, не предполагая, что замѣна одного процесса другимъ всегда требуетъ новаго протяженія. При этомъ же послѣднемъ предположеніи постулатъ пространственной безпредѣльности начала ради неизсякаемости рожденія дѣлается совершенно понятнымъ; если каждый новый міровой процессъ требуетъ новой части начала для своей реализаціи, то совершенно понятно, что вѣчность продуктивнаго процесса, который можетъ осуществляться лишь въ мірахъ, подлежащихъ разрушенію, слѣдовательно лишь въ безчисленныхъ смѣняющихся другъ друга мірахъ, непремѣнно должна предполагать начало, имѣющее безчисленныя части, способныя начать міровой процессъ, то-есть, должна предполагать пространственно безпредѣльное начало. Только при такомъ пониманіи смѣны міровъ заключеніе отъ непрерывности рожденія къ пространственной безпредѣльности начала не есть пустой софизмъ, который могъ бы быть понятенъ или въ устахъ діалектика, или въ разгаръ борьбы философскихъ направленій, но рѣшительно не понятенъ въ устахъ мыслителя, начинавшаго собою философское развитіе и стоявшаго на почвѣ возможныхъ для его времени физическихъ и астрономическихъ наблюденій и математическихъ знаній. Если Аристотель противъ Анаксимандра доказательства безконечности возражаетъ, что новое рожденіе можетъ происходить на счетъ происшедшаго разрушенія, то этимъ предполагается, что Анаксимандръ не принималъ этого круговорота въ бытіи, и разрушившееся (то-есть, возвратившееся въ начало) оставалось у него на вѣки безъ возврата къ жизни; и если къ разрушаемому (то-есть, къ возвращавшемуся въ начало) относились у него не частныя только предметы, но и міры, то отсюда слѣдуетъ заключать, что и закончившая міровой процессъ часть безконечнаго должна была, по его ученію, быть уже лишена производительности, оставаться на вѣки въ покоѣ ¹⁾). Нѣкоторое косвенное, но не лишенное значенія под-

¹⁾ Очень темный слѣдъ пониманія связи между безконечностію и неизсякаемостію быванія можно находить въ различеніи у комментаторовъ двоякаго способа рожденія $\epsilon\pi' \alpha\delta\eta\alpha\iota\varsigma$ и $\chi\acute{o}\lambda\eta\phi$ и отвесанія перваго къ признающимъ безвѣчное по величинѣ начало, послѣдняго къ признающимъ начало ограниченное; Симплицій, in Phys. 42. 3—6, указавъ на отсутствіе въ Arist. Phys. I. 2. 184 b.

твержденіе сдѣланнаго вывода мы можемъ, какъ мнѣ кажется, найти и въ другомъ мѣстѣ Аристотеля. Сказавъ, что всѣ его предшественники признавали небо (τὸν οὐρανόν) происшедшимъ, Аристотель ¹⁾ дѣлитъ ихъ затѣмъ на три группы: одни признавали его послѣ происхожденія продолжающимъ существовать вѣчно, другіе разрушимымъ, третьи существующимъ посмѣнно то такъ, то иначе, на сколько онъ переживаетъ періодически состоянія разрушенія. Различіе между двумя послѣдними группами, очевидно, полагается имъ въ томъ, что одна изъ нихъ принимала разрушеніе неба безъ возврата его къ новой жизни ²⁾, другая же принимала образованіе вновь того же неба изъ состоянія разрушенія. Понятно само собою, что изъ этихъ трехъ группъ Анаксимандръ не можетъ относиться къ первой, такъ какъ онъ признавалъ разрушеніе міра. Но мнѣ кажется также несомнѣннымъ, что онъ долженъ быть отнесенъ во второй, а не къ третьей группѣ, и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) при третьей группѣ Аристотель самъ указываетъ на философовъ, которыхъ имѣетъ въ виду, прямо называя Эмпедокла и Гераклита и только ихъ однахъ ³⁾; 2) при критикѣ этого воззрѣнія онъ говоритъ о погруженіи въ міровую процессъ τοῦ ὅλου σώματος ⁴⁾, что, какъ мы видѣли, не приложимо къ Анаксимандрову безконечному; 3) лишь при критикѣ втораго воззрѣнія Аристотель упоминаетъ о безчисленныхъ мірахъ, считая принятіе ихъ необходимымъ для послѣдовательнаго развитія этого ученія ⁵⁾. Если же признать это, то едва ли можно сомнѣ-

16—18 упоминанія о безконечности началъ Анаксимандра и Анаксимена, въ виду толкованія этого факта Александромъ замѣчаетъ: ἀπειροῦ μὲν γὰρ οὐσῆς τῆς ἀρχῆς κατὰ μέγεθος ἢ οὐ γίνεται ἢ δυνατόν ἐπ' ἀπειρον ἐπ' εὐθείας ἅπ' αὐτῆς γίνεσθαι τὰ γινόμενα, πεπερασμένης δὲ ἀνασχελεῖσθαι τὴν γένεσιν ἀνάγκη ἢ ἐκλείπειν ποτέ. Другое же подобное мѣсто изъ *Simpl. Coel.* 91. b. 41 приводитъ *Neuh. An. M.* 319. № 1.

¹⁾ *Arist. De coel.* I. 10. 279. b. 13—15: ἀλλὰ γινόμενον οἱ μὲν αἰθιον, οἱ δὲ φθαρτόν . . . οἱ δ' ἐναλλάξ ὅτε μὲν οὕτως ὅτε δὲ ἄλλως εἶχειν φθειρόμενον, καὶ τοῦτο αἰεὶ διατελεῖν οὕτως.

²⁾ *Ibid.* 280. a. 23—24: τὸ δ' ὅλος γινόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν, ταῦτ' ἀνακατασκευάζειν, ταῦτ' ἀνακατασκευάζειν, ταῦτ' ἀνακατασκευάζειν, таковыя характеристики Аристотель это воззрѣніе при его критикѣ.

³⁾ *Ibid.* 279. b. 15—16.

⁴⁾ *Ibid.* 280. a. 19—21: εἰ τὸ ὅλον σῶμα συνεχὲς ὄν ὅτε μὲν οὕτως ὅτε δ' ἐκείνως διατίθεται καὶ διακεκόσμηται κτλ.

⁵⁾ *Ibid.* 23—27: τὸ ὅλος γινόμενον φθαρῆναι καὶ μὴ ἀνακάμπτειν ὄντος μὲν ἐνός ἀδύνατόν ἐστιν πρὶν γὰρ γενέσθαι αἰεὶ ὑπῆρχεν ἢ πρὸ αὐτοῦ οὐσασίς, ἢ μὴ γενομένην οὐχ οἶόν τ' εἶναι φαιεν μεταβάλλειν ἀπειρῶν δ' ὄντων ἐνδέχεται μᾶλλον. Слѣдуетъ замѣтить, что Стобей, *Dox. Diels.* 331. 12—15, называетъ міръ у Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора (?), Архелая и Диогена φθαρτόν, то-есть, употребляетъ о

ваться, что Аристотель смотрѣлъ на смѣняющіе другъ друга міры у Анаксимандра какъ на развивающіеся изъ различныхъ частей безконечнаго. Эмпедоклъ и, нужно думать, Гераклитъ признавали полное разрушеніе смѣняющихся другъ друга міровъ въ первичную стихію (Гераклитъ) или стихіи (Эмпедоклъ), такъ что тождественнымъ въ послѣдовательно созидаемыхъ мірахъ оставалось у нихъ лишь вещество; однако Аристотель, ссылаясь на тождество мірообразовательнаго порядка и состава этихъ міровъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что разрушающимся по ихъ взгляду слѣдуетъ считать не міръ, а лишь состоянія имъ переживаемыя; а міръ у нихъ въ дѣйствительности вѣченъ ¹⁾; поэтому, если онъ у философовъ второй группы никакъ не отрицаетъ полного разрушенія міра безъ возврата, и если, съ другой стороны, единство и тождество природы Анаксимандрова безконечнаго несомнѣнно обезпечивало у него единство мірообразовательнаго порядка при послѣдовательныхъ космогоніяхъ, то отнесеніе его ко второй группѣ въ отличіе отъ Эмпедокла и Гераклита было бы совершенно не понятно, еслибы не предполагалось у него различія въ самомъ веществѣ смѣняющихся другъ друга міровъ; а это различіе міровъ по веществу у философа, говорившаго объ единомъ началѣ, конечно, могло состоять только въ томъ, что различные міры созидались у него не изъ однихъ и тѣхъ же частей безконечнаго. Не случаетъ, конечно, уже и тотъ фактъ, что въ группѣ философовъ, признающихъ міръ посмѣнно существующимъ то такъ, то иначе, оказались поименованными исключительно такіе мыслители древности (Гераклитъ и Эмпедоклъ), которые призна-

неть тотъ самый терминъ, которымъ у Аристотеля характеризуется міръ у философовъ второй группы, а объ Эмпедокловомъ мірѣ говоритъ *ibid.* 19 — 20, φθειροσθαι κατὰ τὴν ἀντεπικράτειαν τοῦ νεῖκουσ καὶ τῆς φιλίας, что опять составляетъ, очевидно, только приращеніе къ особенностямъ Эмпедокловой системы общаго выраженія Аристотеля, употребленнаго имъ совокупно объ Эмпедоклѣ и Гераклитѣ (см. выше); только о способѣ примѣненія понятія разрушенія къ міру Гераклита у Стобея нѣтъ упоминанія и вѣсто того стоитъ очевидно перепутанное извѣстіе, *ibid.* 5 — 7: Ἡράκλειτος οὐ κατὰ χρόνον εἶναι γενητὸν τὸν κόσμον, ἀλλὰ κατ' ἐπίνοιαν.

¹⁾ De coel. I. 10. 280. a. 11 — 23. τὸ δ' ἐναλλάξ συνιστάναι καὶ διαλύειν οὐθὲν ἀλλοιότερον ποιεῖν ἐστὶν ἢ τὸ κατασκευάζειν αὐτὸν αἰδίον μὲν ἀλλὰ μεταβάλλοντα τὴν μορφήν. . . δῆλον γὰρ ὅτι καὶ εἰς ἀλλήλα τῶν στοιχείων συνιόντων οὐχ ἡ τυχοῦσα τάξις γίγνεται καὶ σύστασις, ἀλλ' ἡ αὐτή. . . ὥστ' . . . οὐκ ἂν ὁ κόσμος γίγνοιτο καὶ φθειροίτο, ἀλλ' αἱ διαθέσεις αὐτοῦ.

вали вещество ограниченнымъ, а для группы философовъ, учившихъ о безвозвратной гибели міра, остается во всякомъ случаѣ выборъ только между такими мыслителями, которые принимали или одно безконечное начало, или безчисленное множество началъ (атомисты): одинъ этотъ фактъ уже доказываетъ, что убѣжденіе въ полной разрушимости міра стояло въ неразрывной связи съ убѣжденіемъ въ безпредѣльности вещества, которая давала возможность созидать новыя міры или изъ совсѣмъ новаго вещества (при единомъ безконечномъ), или по крайней мѣрѣ изъ различныхъ комбинацій новаго съ прежнимъ (при безчисленности атомовъ, несущихся въ единомъ пространствѣ). Всматриваясь ближе въ систему Анаксимандра, мы найдемъ, что мысль производить новыя міры изъ все новаго и новаго вещества такъ естественна для нея, что было бы даже удивительно, еслибъ Анаксимандръ не пришелъ къ этой мысли. Въ виду того, что субстратъ міра опредѣляется какъ τὸ ἐκ τοῦ αἰδίου γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν, то-есть, какъ такая часть въ вѣчномъ, которая отличается въ немъ отъ остальныхъ его частей признакомъ γόνιμον, едва ли можно понимать τὸ γόνιμον въ смыслѣ плодovитaго, плодovосящaго или сѣмени; это значило бы признать, что вѣчное не однородно въ частяхъ своихъ: одно въ немъ плодovито или сѣмя, другое же не имѣетъ такого свойства; но этимъ нарушилась бы та однородность безконечнаго, которая одинаково предполагается въ немъ какъ Аристотелемъ, такъ и Теофрастомъ. Мнѣ кажется, τὸ γόνιμον означаетъ здѣсь готовность къ рожденію, зрѣлость для него. Если извѣстная часть безконечнаго въ опредѣленный моментъ времени погружается въ мировой процессъ; если самая сущность времени полагается въ томъ, что опредѣлены границы рожденія и гибели ¹⁾, то, конечно, готовность этой части къ видѣтельному процессу, къ мировой продукціи должна опредѣляться временемъ, и міръ долженъ былъ возникать изъ того, въ чемъ въ опредѣленный моментъ (κατὰ τὰς τιν χρόνον) возникаетъ эта готовность. Если, затѣмъ, Анаксимандръ очерчивалъ самый космогоническій процессъ такъ, что за періодомъ полнаго мирового развитія должно было въ естественномъ порядкѣ слѣдовать постепенное погруженіе развившагося разнороднаго бытія въ однородное начало, то все это въ совокупности, очевидно, даетъ представленіе цикла

¹⁾ Dox. Diels. 559. 18 — 19 (Hippol. объ Анаксимандрѣ): λέγει δὲ χρόνον ὡς ἀρισμῆνης τῆς γενέσεως καὶ τῆς οὐσίας καὶ τῆς φθορᾶς.

органическаго развитія жизни порождающей, разцвѣтающей и затѣмъ дряхлѣющей и разлагающей. Подобно созрѣвшему для развитія въ организмъ зачатку, часть безконечнаго, вступающая въ міровую процессъ, должна была, конечно, быть исполнена жизненной энергіи, быть готова къ выдѣленію разнообразныхъ частей и органовъ цѣлаго; но точно также подобно одряхлѣвшему организму, она должна была возвращаться въ свое первооснованіе, истощивши свою энергію. Какъ же было предполагать въ той же части, въ томъ же субстратѣ силу для новаго цикла развитія? Не старѣющимся, вѣчно юнымъ (ἀγήρω) Анаксимандръ называлъ самое безконечное и называлъ его такъ именно въ противоположность времени, ограничивающему все рождающееся и погибающее ¹⁾; ясно поэтому, что лишь этому безконечному, которое въ силу самой своей безконечности обеспечивало неизсякаемость продуктивнаго процесса, а не той или другой его части, вступающей въ процессъ рожденія, должна была принадлежать вмѣстѣ съ этою вѣчною юностью и вѣчная продуктивность. Для тѣхъ философскихъ системъ древности, которыя знали не начало только, но и конецъ міра и за нимъ новыя мірообразовательныя процессы, представленіе космогоническаго процесса какъ законченнаго въ себѣ цикла развитія, какъ процесса развитія, истощанія и смерти должно было съ такою роковою необходимостью вызывать мысль о все новомъ и новомъ субстратѣ для новыхъ міровъ, что тѣ философы, которые признаютъ ограниченное начало и въ то же время не хотятъ отказаться отъ идеи цѣлага ряда послѣдовательныхъ космогоній (Гераклитъ и Эмпедоклъ), достигаютъ этого лишь тѣмъ, что отказываются смотрѣть на рожденіе и разрушеніе міра какъ на естественное проявленіе соответствующаго состоянія его жизненной энергіи. Для талантливаго Гераклита смѣна міровыхъ состояній превращается въ простую игру съ самимъ собою міроваго принципа, въ простую забаву Божественнаго Дитяти, входящаго усладу въ этою вѣчномъ движеніи смѣны ²⁾; а играющій въ глубокомысліе Эмпедоклъ не можетъ объяснить этихъ состояній иначе,

¹⁾ Dox. Diels. 559. 17—19 (Hippol. обь Анаксимандра): ταύτην δ' (φύσιν τιὰ τοῦ ἀπείρου) αἰδίων εἶναι καὶ ἀγήρω... λέγει δὲ χρόνον κτλ., см. выше.

²⁾ Mullach. Fragm. philos. graec. I. Heracl. fragm. 44: αἰὼν παῖς ἐστὶ παιζῶν, πεττωῶν παιδὸς ἢ βασιλείῃ. И это относится именно къ космогонической дѣятельности; Procl. Comment. in Tim. p. 101 (см. тамъ же) говорится: ἄλλοι δὲ καὶ τὸν δημιουργὸν ἐν τῷ κοσμοῦργεῖν παιζειν εἰρήχασι, καθάπερ Ἡράκλειτος, впрочемъ тоже ясно уже изъ того, что съ παῖς отождествляется αἰὼν.

какъ ссылкой на вѣчную клятву ¹⁾, значеніе которой остается у него безъ всякаго объясненія; сказать проще, онъ не умѣетъ объяснить череды мірообразованій и міроразрушеній на основаніи физическихъ аналогій подобно Анаксимандру и не умѣетъ оправдать ее съ эстетической точки зрѣнія подобно Гераклиту, и поэтому ищетъ убѣжища въ терминѣ, правда почтенномъ, такъ какъ онъ взятъ изъ религіозныхъ представленій, но для котораго онъ не можетъ указать никакого смысла въ примѣненіи къ тому случаю, на который онъ его переноситъ. Но какъ бы Гераклитъ и Эмпедоклъ ни объясняли возможность міросозидательныхъ процессовъ послѣ міроразрушеній, во всякомъ случаѣ характернымъ представляется уже тотъ фактъ, что именно эти оба философа, къ которымъ Аристотель относитъ ученіе о мірѣ, переживающемъ состояніе разрушенія и вновь возникающемъ, и которыхъ отличаетъ отъ признававшихъ безвозвратную гибель міра, — именно эти два философа ясно и рѣшительно учатъ круговороту бытія, возвращенію прежняго состоянія на мѣсто смѣнившаго его. Хорошо извѣстно, что Эмпедоклъ не только признаетъ, но и особенно рельефно ставитъ на видъ ученіе о періодической смѣнѣ многого единымъ и единого многимъ. Не менѣе рельефно и въ отрывкахъ Гераклита выступаетъ ученіе объ относительности жизни и смерти ²⁾, о тождествѣ пути вверхъ и внизъ ³⁾; и если ближайшій смыслъ этихъ положеній Гераклита касается смѣны жизни въ опредѣленномъ наличномъ мірѣ, то не слѣдуетъ забывать, что и ученіе о безвозвратной гибели міра, конечно, опиралось, все равно сознательно или безсознательно, на циклъ органической жизни, то-есть, на факты разрушенія частныхъ предметовъ; съ другой стороны, энергическія заявленія объ относительности рожденія и смерти, объ измѣненіяхъ вещества въ обѣ противоположныя стороны во всякомъ случаѣ служатъ свидѣтельствомъ яснаго и рѣшительнаго признанія вообще возможности круговоротнаго движенія въ бытіи; и когда Гераклитъ, признававшій смѣну мірообразовательныхъ и міроразрушительныхъ процессовъ, тѣмъ не менѣе въ извѣстномъ, подвергав-

¹⁾ *Mull. I. Fr. Emp. v. 177—180:*

Αὐτὰρ ἰπὲρ μέγα νεῖκος ἐνὶ μελέεσσιν ἐδρέφθη
 εἰς τιμὰς τ' ἀνόρουσε, τελειομένοιο χρόνοιο,
 ὅς σφιν ἀμοιβαῖος πλατέος παραλήλαται ὄρκου,
 πάντα κτλ.

²⁾ *Ibid. Heracl. Fragm. 46. 59, 60, 62, 67.*

³⁾ *Ibid. 32, 91, смлч. Zell. I. 614—615.*

шемся разнообразнымъ толкованіямъ, отрывкѣ (Fragm. 27) восклицаетъ: „міръ одинъ и тотъ же для всѣхъ сполна вещей не сдѣлалъ кто-либо ни изъ боговъ ни изъ людей, но онъ всегда былъ, есть и будетъ вѣчно-живой огонь въ соответствующей мѣрѣ воспламеняющійся и потухающій“, то развѣ эти слова не представляютъ самаго энергическаго выраженія для мысли о совершенномъ единствѣ, полнѣйшемъ тождествѣ сущности, переживающей процессы мірообразования в міроразрушенія? И чѣмъ рельефнѣе выступаютъ такого рода мысли у Эмпедокла и Гераклита, тѣмъ болѣе права видѣть въ нихъ особенность ихъ системъ или по крайней мѣрѣ взглядъ, ясно не выраженный въ системахъ болѣе древнихъ. Но еслибы уже у Анаксимандра и Анаксимена міры ясно слѣдовали другъ за другомъ, развиваясь изъ одного и того же субстрата, то мысль о круговоротѣ бытія выражалась бы въ самомъ этомъ ученіи такъ рѣшительно и опредѣленно, какъ можно только того желать, и къ энергическому заявленію ея позднѣйшими мыслителями едвали бы существовалъ достаточный поводъ.

Такимъ образомъ и та связь, въ которую самъ Анаксимандръ ставитъ понятіе о не изсякающемъ продуктивномъ процессѣ съ безпредѣлностью начала и его взглядъ на самый міровой процессъ и позднѣйшія ученія объ одномъ субстратѣ, посмѣнно переживающемъ многочисленные процессы, — все это заставляетъ насъ думать, что вѣчное движеніе, представляемое во всей его цѣлости, было въ глазахъ Анаксимандра послѣдовательнымъ движеніемъ мірообразовательныхъ процессовъ все далѣе и далѣе въ глубь его безконечнаго. Съ этой стороны опять выступаетъ аналогія между его системой и системой Анаксагора, который также училъ непрерывному расширенію міроваго процесса въ глубину безпредѣльнаго, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ отъ Анаксимандра, что тогда какъ для Анаксимандра это движеніе въ глубь безконечнаго было порожденіемъ все новыхъ и новыхъ міровъ, для Анаксагора оно представляетъ все большее и большее расширеніе единого міра, захватъ все большихъ и большихъ частей безпредѣльнаго тѣмъ единымъ вращательнымъ движеніемъ, которое нѣкогда дано было веществу умомъ ¹⁾.

¹⁾ Simpl. in Phys. 156, 21—24 (слова Анаксагора): καὶ τῆς περιχωρήσιος τῆς σὺλκασῆς τοῦς ἐκράτῃσεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχὴν. καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ μικροῦ ἤρξατο περιχωρεῖν, ἐπει δὲ πλείον περιχωρεῖ, καὶ περιχωρῆσαι ἐπὶ πλείον. Мы не касаемся вопроса о томъ, принималъ ли Анаксимандръ, вромъ ряда міровъ, по-

Значеніе Анаксимандрова ученія о безконечномъ.

Греческая философія съ самаго начала выступила съ тою же вѣрой въ возникновеніе нѣкогда и постепенное образованіе вселенной, которая жила въ преданіяхъ мифологіи, и ея вниманіе, подобно какъ и Гезіодовой теогоніи сосредоточено было на мірообразовательномъ процесѣ; лишь на разъясненіи его постепенно уяснялись для философскаго сознанія другія проблемы философскаго знанія и въ связи съ его разъясненіемъ получали онѣ свое разрѣшеніе, такъ что Аристотель считалъ себя въ правѣ сказать о своихъ древнихъ предшественникахъ физикахъ, что они κοσμοποιεῖν καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς, Phys. VIII, 1. 250, b. 15 — 18. Но самая постановка въ философіи ученія о космогоническомъ процесѣ, равно какъ и постепенное усложненіе этого ученія возникшавшими новыми проблемами такъ существенно отличали философскія ученія отъ мифологическихъ взглядовъ, что, не смотря на сходство ихъ по предмету, мы, переходя отъ космогоній поэтовъ къ космогоніямъ философовъ, живо чувствуемъ, что вступаемъ въ совершенно новую умственную атмосферу. Новое направленіе умозрѣнія довольно опредѣленно обозначается уже у Фалеса; но его черты во всей своей полнотѣ и рельефности выступаютъ лишь въ системѣ Анаксимандра, назвавшаго безконечное началомъ вселенной.

Философское космогоническое ученіе отличалось отъ древней Гезіодовой космогоніи уже тѣмъ, что въ немъ отчетливо поставлены были тѣ вопросы, которые для сознательнаго и послѣдовательнаго мышленія неминуемо должны были возникать изъ самаго предположенія о происхожденіи вселенной. Убѣжденіе въ томъ, что міръ не вѣченъ, что онъ нѣкогда произошелъ, естественно вело прежде всего къ вопросу о его будущей судьбѣ. Извѣстія усвояютъ Фалесу ученіе не только о томъ, что все возникло изъ воды, но и о томъ, что все разрѣшается въ воду. На выраженія, въ которыхъ передается это ученіе, конечно, едва ли можно смотрѣть какъ на совершенно точную формулу Фалесова взгляда: не изъ сочиненій Фалеса, а изъ истори-

слѣдовательно существующихъ другъ за другомъ, безчисленные міры, одновременно существующіе, такъ какъ при разъясненномъ выше взглядѣ на смѣну міровъ, рѣшеніе этого вопроса ничего не можетъ прибавить къ ученію о безконечномъ.

ческаго преданія почерпались свѣдѣнія о немъ, по видимому, уже самимъ Аристотелемъ. Но такъ какъ нельзя сомнѣваться, что Фалесъ вмѣстѣ со всею древностію былъ убѣжденъ въ происхожденіи вселенной, то намъ достаточно принять, что имъ устанавливалась связь, въ какой бы то ни было формѣ, между происхожденіемъ вещей изъ воды и разрѣшеніемъ ихъ въ воду, чтобы придти къ убѣжденію, что въ его сознаниіи не могъ не быть ясно поставленъ вопросъ о судьбѣ не частныхъ только вещей, относящихся ко вселенной, но и самой вселенной. Другое дѣло дальнѣйшая проблемма, которая возникала изъ того же предположенія объ ограниченности нашей вселенной по времени ея существованія. Начались ли только съ возникновеніемъ нашего міра всѣ космическіе процессы и кончатся ли они съ нимъ? Должны ли мы предположить ничѣмъ невозмутимый покой первичнаго вещества до возникновенія нашего міра и послѣ его разрушенія? Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эти вопросы возбуждались уже въ мысли Фалеса. Во всякомъ случаѣ первымъ мыслителемъ, ясно поставившимъ ихъ въ своемъ сознаниіи, былъ Анаксимандръ. Ему первому усвоается извѣстіями ученіе о вѣчномъ движеніи, то-есть, отрицаніе покоя первоначальнаго вещества за предѣлами періода жизни нашего міра; ему первому усвоается ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣняющихъ другъ друга, то-есть, ясное и отчетливое представленіе о судьбѣ бытія до возникновенія и послѣ разрушенія нашей вселенной. Какое огромное значеніе имѣли эти вопросы для его мышленія, объ этомъ достаточно свидѣтельствуеетъ тотъ фактъ, что самое крупное понятіе въ его системѣ, его понятіе о безконечности начала, мотивировалось неизсякаемостью рожденія, то-есть, убѣженіемъ въ вѣчности мірозиждительной дѣятельности начала. И разъ ясно поставленная Анаксимандромъ проблемма уже не исчезаетъ изъ философскаго сознаниія, хотя рѣшеніе ея получаетъ различныя формы: то является оно въ формѣ Анаксимандрова же ученія о безчисленныхъ мірахъ, то принимаетъ форму ученія объ единомъ мірѣ періодически возникающемъ и разрушающемся, то наконецъ, прошедши подготовительныя ступени, развивается въ ученіе объ единомъ вѣчномъ мірѣ, то-есть, беретъ назадъ самое то предположеніе о происхожденіи міра, изъ котораго оно впервые возникло.

Ученіе о вѣчномъ движеніи и о смѣнѣ міровъ въ системѣ Анаксимандра, какъ мы видѣли, даетъ логическое оправданіе для признанія безконечности начала въ смыслѣ его пространственной без-

предѣльности. Такъ получаетъ ясную и отчетливую постановку другая проблема—о конечности или безконечности бытія. Противорѣчивыя извѣстія о водѣ Фалеса, называющія ее то конечною, то безконечною (Simpl. in Phys. 23. 22 сл. 458. 24 — 25), тѣмъ самымъ показываютъ, что они въ системѣ Фалеса ищутъ отвѣта на вопросъ, который въ опредѣленной формѣ имъ еще и не ставился; и сомнительно, чтобъ Анаксимандръ могъ называть начало однимъ терминомъ τὸ ἀκρον, еслибы уже до него этотъ терминъ примѣнялся къ другому веществу, отличному отъ его вещества и также принимаемому за начало. Этотъ новый вопросъ о конечности или безконечности бытія вызвалъ въ вѣка классической философіи едва ли не болѣе споровъ, чѣмъ какой-либо другой философскій вопросъ. Правда, не самое Анаксимандрово доказательство безконечности бытія наиболѣе сосредоточивало на себѣ философское вниманіе (хотя, конечно, и съ этимъ доказательствомъ приходилось имѣть дѣло); приковывали вниманіе къ вопросу о конечности или безконечности бытія тѣ трудности, которыя находилъ анализъ въ понятіи безконечнаго, все равно ставилось ли оно въ мысли какъ вещественное бытіе или какъ пустота, окружающая міръ. Но этотъ анализъ, это сознаніе трудностей впервые сдѣлались возможными, лишь когда ясно былъ поставленъ вопросъ о безконечномъ продолжающемся за предѣлами міра бытіи, а это именно и сдѣлано было системой Анаксимандра ¹⁾.

¹⁾ Помытно, что это не значить, чтобы идея безконечнаго по протяженію бытія не имѣла своего историческаго генезиса въ смыслѣ постепеннаго проясненія ея въ сознаніи. Важнѣйшимъ переходнымъ моментомъ въ этой исторіи, мнѣ кажется, было представленіе о трансцендентномъ въ отношеніи къ міру протяженномъ бытіи, простирающемся въ неопредѣленную даль. Едва ли можно отрицать даже у древнѣйшихъ поэтовъ способность хотя смутно представлять протяженіе за границама вселенной: оно предполагается извѣстными Гесиодовыми описаніемъ границы вселенной, куда свержены были Титаны. Сомнительно, чтобъ и Фалесъ протяженіе подземной воды представлялъ себѣ такимъ незначительнымъ, чтобы вращающіяся свѣтила не встрѣчали его на своемъ подземномъ пути: такое представленіе едва ли не равнялось бы признанію, что вода вмѣстѣ съ плавающей на ней землею есть метеоръ, а между тѣмъ о Фалесѣ ничего подобнаго извѣстія не говорятъ, и выпуклая постановка подобнаго извѣстія о положеніи земли по ученію Анаксимандра (у Гипполита), по видимому, доказываетъ, что Анаксимандръ первый открывалъ подъ землею свободное мѣсто круговращенію неба; вѣрнѣе предположить, что вода Фалеса простиралась внизъ (и, конечно, въ боковыя стороны, но едвали вверхъ) въ неопредѣленную даль и что въ ней онъ искалъ такой опоры для земли, которая не представляла бы со стороны

Философія не только расширяла представленіе о космическомъ процессѣ за тѣ предѣлы времени, дагѣ которыхъ оказывалось без-

своей плотности такихъ же препятствій для круговращенія неба, которыя должна была бы представлять земля; въ такомъ случаѣ дѣлается болѣе понятнымъ приписываемое ему Гипполитомъ (Dox. Diels. 555. 4—5) ученіе, что водою ἄστρων κινήσεις γίνονται; и если въ своей водѣ онъ искалъ болѣе удобопроеходимой среды для вращающагося неба, то его взглядъ окажется естественною переходною ступенью къ гениальной мысли Анаксимандра, что земля есть метеоръ. Но если принять это предположеніе, то въ массѣ воды, лежащей глубже того разстоянія, на которомъ вращается небо, мы будемъ, очевидно, имѣть бытіе трансцендентное въ отношеніи къ нашей вселенной, и въ такомъ случаѣ и другое ученіе Анаксимандра о томъ, что начало обнимаетъ вселенную или небеса, сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ; дѣло въ томъ, что какъ Гезіодъ, такъ и древнѣйшіе философы іонійской школы ищутъ опоры для вселенной и естественно ставятъ первымъ реальнымъ звеномъ бытія то, чтѣ можетъ служить такой опорой: у Гезіода происхожденіе земли, которую онъ называетъ γούρτερρος πάντων ἕδος ἀσφαλές αἰεὶ ἀβάτων и къ которой прикрѣплено все бытіе, предшествуетъ происхожденію другихъ частей универсума, у Фалеса начало отождествляется съ водою, которая служитъ опорой самой землѣ, у Анаксимена оно отождествляется съ воздухомъ, которымъ, по его ученію, поддерживается земля и даже важнѣйшія свѣтила (Arist. De coel. II. 13. 394. b. 13—16. Hippol. Dox. Diels. 561. 2—4, сл. *Teichm.* Stud. z. Gesch. d. Begr. 84—91); естественно, что и Анаксимандръ смотрѣлъ на начало какъ на опору вселенной; и какъ скоро онъ перенесъ понятіе о низѣ, то-есть, о направленіи паденія тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, на всю небесную периферію (какъ это видно изъ его доказательства неподвижности земли), неизбежно, начало и опора вселенной должна была у него не продолжаться только неопредѣленно внизъ, а охватить (περίχεῖν) вселенную со всѣхъ сторонъ. Если тотъ же терминъ περίχεῖν употребляетъ и Анаксименъ (Plut. Plac. и Stob. Dox. Diels. 278. 12—15), воротившійся, очевидно, къ Фалесову понятію о низѣ, то это, конечно, уже результатъ установившагося понятія о безконечности начала, слѣдовательно, о безпредѣльномъ распространеніи его во всѣ стороны; но при этомъ все же заслуживаетъ вниманія, что Анаксименъ сравниваетъ значеніе охватывающаго міръ воздуха съ значеніемъ души, которая, будучи воздухомъ, συγκρατεῖ ἥμᾱς; ясно, что съ представленіемъ охвата міра началомъ продолжаетъ соединяться представленіе о началѣ какъ не допускающемъ распадѣнія частей міра, условливающимъ соединенія ихъ въ одно цѣлое, — мысль, которая всего удобнѣе могла явиться при Анаксимандровомъ представленіи объ одинаковой возможности для всѣхъ центральныхъ частей вселенной разлетѣться во всѣ стороны. Когда Анаксимандръ вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что земля метеоръ, пришелъ къ своему особому представленію о низѣ и поэтому призналъ начало облегающимъ міръ со всѣхъ сторонъ, то оставался одинъ шагъ для того, чтобы отъ этого представленія неопредѣленнаго продолженія бытія во всѣ стороны съ границами міра перейти къ ясной концепціи бытія безпредѣльнаго. Мысль о вѣчномъ движеніи и смѣнѣ міровъ въ выше разясненномъ смыслѣ побудила сдѣлать этотъ шагъ, а вѣдѣть дала логическое оправдан-

сильно заглянуть воображеніе древнѣйшихъ поэтовъ, она не только требовала сознательной постановки конечности или безконечности бытія, она существенно измѣняла самое представленіе о космогоническомъ процессѣ. Характерную черту философскихъ космогоній даетъ намъ ясно видѣть Аристотель, когда онъ не одинъ разъ и очень определенно говоритъ объ общемъ убѣжденіи физиковъ, что ничто не возникаетъ вновь и не превращается въ ничто ¹⁾. Открытаго ученія о возникновеніи изъ ничего старается по возможности избѣгать уже древняя космогоническая поэзія. По установленіи первыхъ звеньевъ бытія, Гезіодъ говорилъ о рожденіи одного бытія изъ другаго, рисуя, очевидно, процессъ постепеннаго усложненія бытія аналогично съ процессомъ размноженія индивидуумовъ въ мірѣ человѣческомъ. Потребность въ такого рода образахъ, конечно, возникала изъ того же инстинкта мысли, который вызвалъ позднѣе сознательную вѣру въ невозможность чистаго возникновенія изъ ничего; но эти образы давали только мнимое удовлетвореніе вызвавшему ихъ инстинкту: въ космогонической поэзіи порождающее не убывало вслѣдствіе выдѣленія изъ него порождаемаго, а сохранялось во всей своей цѣлости, и такъ какъ эта поэзія не имѣла никакого представленія объ актѣ творческой воли, то порожденія на дѣлѣ были по своей субстанціи непонятною прибавкою къ существующему, то-есть, возникали изъ чистаго ничто. Убѣжденіе въ невозможности возникновенія изъ ничего и полнаго исчезновенія, съ которымъ выступила философія, въ существѣ дѣла равнялось убѣжденію, что кажущееся возникновеніе и исчезновеніе суть лишь замѣна одного бытія другимъ, что, напримѣръ (если взять эту мысль въ примѣненіи къ предметамъ, о которыхъ нерѣдко упоминается въ извѣстіяхъ о космогоническихъ взглядахъ философвъ) пары суть только испарившіяся или утончившіяся части воды, дождь—осѣдающіе или уплотнившіеся пары и пр. п. Это проясненіе инстинкта мысли, совершившееся, конечно, частію подъ вліяніемъ на-

віе представленію о безконечномъ бытіи. Совершенно понятно, что представленіе о *περίεχειν*, на которомъ уяснялось понятіе τὸ ἀπειρον, тотчасъ же (вѣроятно, уже у Анаксимандра) само искало себѣ логическаго оправданія въ последнемъ понятіи, которое такъ счастливо, какъ казалось, нашло для себя твердую опору въ ученіи о вѣчномъ движеніи.

¹⁾ Phys. I. 4. 187. a. 27—29: διὰ τὸ ὑπολαμβάνειν τὴν κοινὴν δόξαν τῶν φυσικῶν εἶναι ἀληθῆ, ὡς οὐ γινόμενον οὐδενὸς ἐκ τοῦ μὴ ὄντος. Gen. et corr. I. 3. 317. b. 28—31: ὁ μάλιστα φοβούμενοι διατέλεσαν οἱ πρῶτοι φιλοσοφῆσαντες, τὸ ἐκ μηδενὸς γίνεσθαι προῦπαρχοντος. То же Metaph. I. 3. 984. a. кон. и др.

копленія фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о такой замѣнѣ одного бытія другимъ, частію вслѣдствіе болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія къ фактамъ извѣстнымъ издавна, должно было произвести настоящій переворотъ въ космогоническихъ взглядахъ. Живая фантазія народа и его древнихъ поэтовъ не только олицетворяла разнообразныя части вселенной, небо, землю, море, рѣки и пр., она рисовала общія представленія, отвлеченныя отъ частныхъ сходныхъ другъ съ другомъ явленій (дня, ночи, зари, молніи, грома и пр. п.), въ качествѣ особыхъ конкретныхъ предметовъ и смотрѣла на послѣдніе какъ на непосредственную причину частныхъ явленій, которыхъ они дѣлались олицетворенными представителями; вслѣдствіе этого какъ наблюдаемая послѣдовательность частныхъ явленій одного за другимъ, такъ и разнообразныя другія случайно образовавшіяся ассоціаціи между ними вели къ установленію въ космогоническомъ процессѣ генетической связи не между самими этими явленіями, а между олицетворенными ихъ отвлеченіями, тогда какъ самыя явленія уже непосредственно сводились къ этимъ отвлеченіямъ какъ своимъ причинамъ. Теперь идея замѣны одного бытія другимъ при возникновеніи и исчезновеніи бытія неволью заставляла генетически связывать другъ съ другомъ самыя явленія и реальныя предметы; такимъ образомъ олицетворенныя отвлеченія оказывались излишними для ихъ объясненія и должны были скромно и безъ шума сойти со сцены. Та же идея должна была при самомъ установленіи генетической связи между предметами и явленіями ограничивать значеніе случайныхъ ассоціацій, такъ какъ неволью заставляла обращаться къ такого рода фактамъ послѣдовательности, гдѣ можно было или прямо подмѣнить замѣну одного реальнаго бытія другимъ, или косвенно убѣдиться въ подобной замѣнѣ. Съ другой стороны, та же идея замѣны одного бытія другимъ при кажущемся возникновеніи и исчезновеніи должна была повести къ постановкѣ въ философскомъ сознаніи новаго философскаго вопроса. Вѣра въ невозможность безусловнаго возникновенія и безусловнаго уничтоженія есть вѣра въ непрерывное продолженіе реальности и должна вызывать стремленіе точнѣе опредѣлить то, что именно продолжаетъ существовать въ процессѣ смѣны, не смотря на пестроту смѣннаго разнообразія. Первые философскія системы, выходящія изъ предположенія о состоявшемся нѣкогда возникновеніи міра и, слѣдовательно, предполагавшія начало, первичное вещество, части котораго въ мірообразовательномъ процессѣ переходятъ въ свое состояніе, не могли не

слить представленіе объ этой продолжающейся реальности (какъ скоро явилась опредѣленная идея о ней) съ представленіемъ о своемъ первичномъ веществѣ, или лучше сказать, фактически идея непрерывно продолжающагося среди смѣны бытія изъ неопредѣленного смутнаго представленія впервые сама превращается въ опредѣленное представленіе, какъ скоро начало (*ἀρχή*) сознательно ставится не какъ только простой первый членъ цѣпи развитія, но и какъ реальность, продолжающая существовать въ другихъ предметахъ, которые изъ нея возникаютъ и которые разсматриваются какъ различные только способы ея существованія. Аристотель видитъ въ *Θαλέσῃ* родоначальника философіи; преданіе не приписываетъ *Θαλέсу* ни одного мнѣнія, которое напоминало бы особенности мнѣологическихъ представленій, поэтому, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о подробностяхъ космогоническаго процесса по его взгляду, однако мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что при его космогоническихъ объясненіяхъ вообще предполагалась замѣна одного бытія другимъ во всѣхъ процессахъ кажущагося возникновенія и уничтоженія. Но мы едва ли имѣемъ право думать, что уже у него неопредѣленная идея о непрерывномъ существованіи реальности при смѣнѣ перешла въ отождествленіе этой реальности съ началомъ, то-есть, что онъ уже утверждалъ не только, что изъ воды все возникаетъ и въ воду все возвращается, но что изъ воды все и состоитъ. Правда, Аристотель въ *Metaph. I. 3* подобнымъ образомъ характеризуетъ начало древнѣйшихъ философовъ вообще и тотчасъ за этимъ начинаетъ перечень ихъ съ *Θαλέса*, слѣдовательно, и его причисляетъ къ отождествлявшимъ начало съ субстратомъ. Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что въ этихъ словахъ Аристотеля всему историческому ряду мыслителей приписанъ взглядъ, который не былъ высказанъ и твердо установленъ первымъ изъ нихъ, а существовалъ у него лишь въ зачаткѣ, но который развился тотчасъ же послѣ него и долженъ былъ развиться въ силу общаго убѣжденія этихъ мыслителей въ невозможности безусловнаго возникновенія и совершеннаго уничтоженія. Если справедливо, что теорія сжатія и расширенія формулирована была лишь Анаксименомъ, то этотъ фактъ долженъ подтверждать высказанное предположеніе, такъ какъ для мыслителей, признававшихъ за начало стихію, то-есть, вещество простое, лишь въ этой теоріи нашло для себя отчетливое выраженіе убѣжденіе въ непрерывномъ продолженіи существованія начала при самой смѣнѣ состояній. Заслуживаетъ, при разрѣшеніи этого вопроса, вниманія и показаніе позднѣй-

шихъ извѣстій, стоящихъ ближе къ первоисточнику, изъ котораго они черпали. Въ *Plut. Strom.*, когда говорится о Thalēsē, упоминается лишь объ ἀρχήν τῶν ὄλων; но объ τὸ ἀπείρον Анаксимандра говорится здѣсь, что оно τὴν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τοῦ παντός γενέσεώς τε καὶ φθορᾶς ¹⁾, то-есть, здѣсь, очевидно, предполагается, что безконечное Анаксимандра было уже не только началомъ какъ вода Thalēsa, но представляло собою и другія формы αἰτίας. Подъ этими другими причинами, вѣроятно, нужно разумѣть между прочимъ и то, что въ послѣдствіи называлось ὀκοκείμενον или также στοιχεῖον (конечно, въ такомъ менѣе точномъ употребленіи этого слова, при которомъ не считали необходимымъ дѣлать исключеніе изъ него для Анаксимандрова безконечнаго, единственнаго во всемъ древнемъ мірѣ начала, къ которому понятіе стихій могло прилагаться лишь въ смыслѣ не совсѣмъ точномъ). Гипполитъ въ своемъ извѣстіи объ Анаксимандрѣ, по видимому, прямо даетъ разъясненіе этой πᾶσα αἰτία *Strom. Plut.* Онъ сначала называетъ безконечное ἀρχήν τῶν ὄντων; затѣмъ назвавъ его αἰδίον (καὶ ἀγήρω въ противоположность понятію о времени), то-есть, приписывая ему то свойство, съ которымъ соединено непрерывное продолженіе существованія, сводитъ результатъ въ положеніе: οὗτος μὲν οὖν ἀρχήν καὶ στοιχεῖον εἶρηκε τῶν ὄντων τὸ ἀπείρον; послѣ этого онъ заключаетъ извѣстіе о безконечномъ Анаксимандра прибавкой: πρὸς δὲ τούτῳ κίνησιν αἰδίον εἶναι, ἐν ᾗ συμβαίνει γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς ²⁾. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ три черты безконечнаго: оно, во-первыхъ, есть начало; во-вторыхъ, вѣчно, что, нужно думать, древнему извѣстію давало поводъ называть его στοιχεῖον или, какъ у Симплиція, ὀκοκείμενον ³⁾; и в-третьихъ, ему присуще вѣчное движеніе. Очень вѣроятнымъ представляется, что эти черты безконечнаго сократились въ *Plut. Strom.* въ πᾶσαν αἰτίαν въ очевидное отличие отъ воды Thalēsa, названной только ἀρχήν ⁴⁾. Но какъ бы Thalēsē ни

¹⁾ *Dox. Diels.* 579. 5—8.

²⁾ *Ibid.* 559, 15—22.

³⁾ *Simpl. in Phys.* 150. 12—13; однако въ другомъ мѣстѣ 24. 13—15 στοιχεῖον, какъ и у Гипполита.

⁴⁾ Видѣть въ фразѣ Гипполита объ Анаксимандрѣ πρῶτος τοῦ νόμου καλίσας τῆς ἀρχῆς (*Dox. Diels.* 559. 20—21) и въ подобныхъ фразахъ Симплиція (см. цитату предшествующую) прямое свидѣтельство о томъ, что Анаксимандръ первый назвалъ начало стихіей или субстратомъ, какъ хотѣтъ Тейхмюллеръ и Нейгверъ, мнѣ кажется, нельзя: ни самъ текстъ извѣстій, ни общія историческія соображенія не оправдываютъ этого взгляда.

учить, нельзя сомнѣваться по крайней мѣрѣ въ томъ, что у Анаксимандра уже совершилось отождествленіе начала съ продолжающею непрерывно существовать при смѣнѣ реальностью: на это указываютъ не только приведенныя извѣстія, но уже и тотъ фактъ, что онъ хотѣлъ получить однородное чрезъ выдѣленіе изъ безконечнаго, оберегая такимъ образомъ содержаніе безконечнаго отъ прямаго перехода въ иное бытіе и какъ бы увѣковѣчивая въ немъ самомъ это иное содержаніе, которое должно вступить его мѣсто. И та неисчерпаемая сила рожденія, которая приписывалась теперь началу и которая рельефно выражалась въ его пространственной безпредѣльности, сама собою способна была вызывать убѣжденіе, что его природа сохраняется, а не разрушается, переходитъ лишь въ иное состояніе, а не замѣняется совсѣмъ иною природою при своихъ мірообразовательныхъ процессахъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя мысль, проходящая различныя стадіи своего развитія въ исторіи системъ древнихъ физиковъ, но всегда въ той или другой формѣ имѣя присущая, должна была явиться уже у Анаксимандра, и можетъ быть, у него первого.

Сочиненіе Анаксимандра не давало не только точнаго описанія природы безконечнаго, но и достаточныхъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести его взглядъ на эту природу. Самъ Аристотель необыкновенно искусный въ толкованіи мнѣній своихъ предшественниковъ, очевидно, не рѣшается высказать опредѣленнаго сужденія о видовыхъ свойствахъ этой природы. И неопредѣленность въ этомъ пунктѣ Анаксимандровой системы не представляетъ ничего удивительнаго. Выраженія извѣстій: „природа безконечнаго“, „безконечное“, — выраженія, которыми ограничивался, конечно, и самъ Анаксимандръ, достаточно ясно говорятъ намъ, что мы присутствуемъ на торжествѣ открытія безконечности бытія и что свѣтъ великаго открытія въ архѣ этого свойства безконечности, неожиданное расширеніе доселѣ неопредѣленно очерчивавшагося передъ сознаніемъ кругозора такъ овладѣваетъ сознаніемъ, даетъ ему такое полное удовлетвореніе, что указаніе на эту безконечность кажется ему достаточнымъ разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ относительно его природы. Однако эта неопредѣленность, въ какой по необходимости является передъ нами понятіе Анаксимандра о природѣ его безконечнаго, никакъ не безусловная. Разнообразныя отношенія, въ которыя ставились другъ къ другу безконечное и конечное бытіе при мірообразовательномъ процессѣ, все же давали возможность Аристотелю установить выше разъясненныя черты первого, и онъ во всякомъ случаѣ достаточны для

насъ, чтобы понять по крайней мѣрѣ тѣ общія задачи космогоніи, которыя вызывали представленіе природы безконечнаго съ этими именно чертами. Признавая единство природы безконечнаго, Анаксимандръ, конечно, хотѣлъ придать ей свойства исходнаго пункта космогоническаго движенія, то-есть, возможную простоту, нерасчлененность содержанія для того, чтобы имѣть возможность уже космогоническому процессу предоставить постепенное усложненіе и расчлененіе бытія, которыя характеризуют вселенную. Это стремленіе обще всѣмъ взглядамъ, признающимъ происхожденіе вселенной: оно вызываетъ мысль о первоначальности хаоса у Гезіода, воды у Фалеса, воздуха у Анаксимена, смѣшенія, въ которомъ ничто не выдѣлялось, у Анаксагора и пр. Но ставя въ безконечномъ на ряду съ единствомъ и все содержаніе остальнаго бытія какъ бы въ зачаточномъ состояніи, онъ хотѣлъ, очевидно, имѣть въ немъ такое свойство, которое объясняло бы, дѣлало бы понятнымъ для мысли происхожденіе изъ него будущаго разнообразія. Если въ хаосѣ Гезіода видѣть прежде всего зіяющую бездну съ самымъ неопредѣленнымъ представленіемъ о какомъ-либо содержаніи, ее наполняющимъ; если принять во вниманіе, что это содержаніе, какъ бы оно ни представлялось, очевидно, не играетъ никакой роли въ происхожденіи разнообразія, далѣе постепенно развивающагося, то послѣдняя черта Анаксимандрова начала окажется новою въ философіи сравнительно съ древнею поэзіей. Поэзія Гезіода, правда, тотчасъ же за хаосомъ вводитъ Эрота; но Эроть имѣетъ цѣлю объяснять только вводимые далѣе акты рожденія, но не свойства рождаемаго, онъ не разъясняетъ, почему рождаемое имѣетъ такую, а не иную природу, почему вообще представляетъ оно бытіе разнообразное. Потребность, которая вызываетъ у Гезіода представленіе Эрота, скорѣе тождественна съ тою, которая заставляла философовъ прилагать началу вообще движеніе. Лишь теорія сжатія и расширенія представляла другую попытку объяснить изъ начала разнообразіе дальнѣйшаго бытія. вмѣсто того, чтобы предполагать это разнообразіе какъ-то предсуществующимъ въ первоначальномъ бытіи и потому изъ него выдѣляющимся, она нагряджала начало способностью сжиматься и расширяться, то-есть, уплотняться и разрѣжаться и тѣмъ старалась сдѣлать прозрачнымъ для мысли появленіе новыхъ формъ. Если эта теорія Фалесу не принадлежала, то все, что могъ дать Фалесъ для объясненія изъ своего простаго начала будущей расчлененности и разнообразія вселенной, — все это только ограничивалось приписываемою ему Аристотелемъ ссылкой на факты опыта, доказывающіе значеніе жидкости при процессѣ рожденія. Но Аристо-

тель ясно даетъ понять, что руководится въ этомъ извѣстїи не какимъ-либо преданїемъ объ ученїи Фалеса, а простою догадкою; да и эти факты могли только свидѣтельствовать о томъ, что изъ единства жидкаго фактически возникаетъ разнообразное бытіе, но не разъясняли, какимъ образомъ это могло происходить, не дѣлали это происхожденїе понятнымъ для мысли; ссылка на факты опыта неоспоримо ставила космогонїю на болѣе реальную почву, но она не давала какого-либо опредѣленнаго отвѣта на запросъ мысли, требовавшей объясненїя этихъ фактовъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношенїи взглядъ Фалеса оказывается, по видимому, лишь переходною ступенью къ установкѣ проблемы и къ попыткамъ ея рѣшенїя, первый примѣръ котораго даетъ лишь система Анаксимандра. Мы уже знаемъ, какія противорѣчїя должны были обнаружиться въ Анаксимандровомъ рѣшенїи этой проблемы, въ постановкѣ природы единой и въ то же время какимъ-то образомъ содержащей въ себѣ многое. Нисколько не удивительно поэтому, что тотчасъ же у его преемника Анаксимена является совершенно иное направленїе въ разрѣшенїи проблемы. Вмѣсто того, чтобы въ началѣ видѣть заключеннымъ уже все будущее разнообразїе, онъ награждаетъ его лишь такими способами движенїя, которые сами собою должны давать это разнообразїе. Однако и направленїе, въ которомъ искалъ разрѣшенїя проблемы Анаксимандръ, вслѣдствїе возникновенїя новаго направленїя въ ея рѣшенїи, никакъ не сходитъ съ исторической сцены. Въ то время какъ къ Анаксимену примыкаетъ Дїогенъ Аполлонїйскїй, мысль Анаксимандра оказывается имѣющею въ себѣ столько привлекательнаго, что въ преобразованномъ, правда, видѣ вновь она является у Анаксагора. Вслѣдствїе открытыхъ у Анаксагора противорѣчїй Архелай опять принужденъ въ этомъ пунктѣ сблизиться съ Анаксименомъ; съ нимъ замираетъ школа древнихъ физиковъ. Наклонъ къ отрицанїю происхожденїя міра, продолженїе анализа понятїя о бытїи неизмѣнномъ среди измѣненїя, закончившееся ученїемъ о совершенно безкачественномъ субстратѣ, по видимому, совсѣмъ снимаютъ со сцены двѣ враждовавшїя одна съ другою теорїи древняго міра; но на самомъ дѣлѣ ихъ отлїчіе другъ отъ друга, утонченное до чрезвычайности, еще продолжаетъ чувствоваться въ различїи Аристотелева понятїя объ $\delta\lambda\eta$ какъ $\delta\upsilon\alpha\mu\iota\varsigma$, какъ потенціи всякой дѣйствительности, отъ Платонова понятїя о матерїи какъ $\mu\eta\ \delta\upsilon$, какъ простой воспрїемницѣ отражающагося на ней блеска міра идеальнаго.

У древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ—мїеологовъ, Гомера и Ге-

зюда не было,—нужно сказать это прямо,—глубины религиознаго созерцанія. Ихъ дѣйствительные боги, награжденные высшимъ разумомъ и вѣдѣніемъ, могущественные хозяева вселенной, высшій предметъ почтенія, поклоненія и страха, лишены истинно божественнаго свойства—вѣчности, независимости по своему бытію отъ какого бы то ни было другаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они лишены истинно божественной дѣятельности—міроизводительной; отсюда самая глубина бытія, его первичныя творческія силы не озарены у нихъ свѣтомъ истинно божественнаго разумія и мудрости. Переворотъ въ этомъ отношеніи ясно обозначается космогоніей Ферекида и философскимъ міровоззрѣніемъ Ксенофана. Ферекидъ относилъ Зевса къ первой триадѣ, яено признавая его вѣчность и приписывая ему мірообразовательную дѣятельность. Вѣчность Ксенофанова Бога, полнота зависимости отъ него міра не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾. Что же подготовляло возможность этой перемены во взглядахъ? Рѣстъ нравственной жизни постепенно очищаль понятіе о богахъ, которымъ древняя мѣология не затруднилась приписывать много недостойнаго. Но для того, чтобы живо почувствовать противорѣчіе, которое заключалось въ мѣологическихъ представленіяхъ объ отношеніи боговъ къ космосу, мнѣ важется, было недостаточно одного развитія нравственныхъ представленій. Какъ извѣстно, преданіе, идущее отъ Теофраста, ставить Ксенофана въ историческую связь съ Анаксимандромъ. Историческія работы послѣдняго времени указываютъ на зависимость Ферекида отъ взглядовъ того же Анаксимандра ²⁾. Поэтому, едва ли можетъ показаться слишкомъ смѣлою мысль, что ученіе Анаксимандра о безконечномъ подготовляло къ этому перовороту въ религиозныхъ представленіяхъ. Извѣстія, которыя говорятъ, что Thalès называлъ воду Богомъ, справедливо считаются недостовѣрными. Нѣтъ никакого со-

¹⁾ Разрѣшеніе въ ту или другую сторону поднятаго въ позднѣйшее время Фрейденталемъ (Ueb. d. Theolog. d. Xenoph. 1886) вопроса о правѣ приписывать монотеизмъ Ксенофану, для взгляда, нами развиваемаго, существеннаго значенія не имѣетъ.

²⁾ См: Diels. Zu Pherekydes von Syros. *Archiv f. Gesch. d. Phil.* I. 1. Если справедливо, какъ доказываетъ O. Kern. (De Orph. Epim. Pherec. theog. 1888, p. 97—98), что по Ферекиду Хроносъ ἐκ τοῦ γένους Ζεῦσα сдѣлалъ огонь, воду и воздухъ, то это образованіе Хроносомъ (временемъ) изъ γένους Ζεῦσα—этра (ibid., p. 94) огня, воздуха и воды хорошо сліають со взглядомъ Анаксимандра, котораго безконечное, среднее по плотности между огнемъ и воздухомъ, вещество выдѣляетъ τὸ γένισμον, причемъ также γένος становится въ неразрывную связь съ рожденіемъ и гибелью.

мнѣнія, что и Анаксимандръ не давалъ такого имени своему безконечному: названіе боговъ онъ предоставлялъ высшему изъ производнаго бытія, самимъ мірамъ, возникающимъ въ безконечномъ ¹⁾. Но вѣчность и пространственная безпредѣльность начала (хотя послѣдняя скоро же подвергнута была критическому анализу), а особенно полнота, всеобъемлемость его содержанія, обнимающаго въ себѣ все содержаніе міра въ объединенной формѣ, а не въ той односторонности, съ которою является оно въ частныхъ предметахъ; наконецъ, взглядъ на него не только какъ на опору міра, но и какъ на бытіе, дающее направленіе мировому движенію, все это возвышало его надъ богами мнѣологіи, дѣлало его богѣ божественнѣе, чѣмъ были эти боги, которые могли сохранять свое божественное величіе лишь до тѣхъ поръ, пока философскій взглядъ, явля въ предъидущемъ основанія для разъясненія послѣдующаго, не озарилъ свѣтомъ величія самый исходный пунктъ бытія. Аристотель по существу совершенно справедливо говоритъ, что для учившихъ безконечному оно было *δαίον*, и на этомъ *δαίον* религіозное сознаніе должно было, всего скорѣе почувствовать недостатокъ истинной божественности въ своихъ собственныхъ богахъ.

М. Карпичевскій.

¹⁾ См. вышеприведенную цит. Цицерона. *Plut. Plac. et Stob. (Dox. Diels. 302. 2—3)*: 'Αναξίμανδρος τὸς ἀπείρους οὐρανούς θεούς. Подобныя же извѣстія повторяются и въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей.

ГЕОРГІЙ ПИСИДІЙСКІЙ И ЕГО ПОЭМА О МИРОТВОРЕНІИ ВЪ СЛАВЯНО-РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ 1385 ГОДА.

Въ ряду византійскихъ сочиненій, въ которыхъ излагались свѣдѣнія о природѣ, одно изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ поэма писателя VII вѣка Георгія Писидійскаго „Шестодневъ“, переведенная въ 1385 году на „русскій“ языкъ. Георгій ¹⁾ былъ уроженецъ Писидіи, одной изъ провинцій Малой Азій. Не извѣстно, когда онъ переселился въ Константинополь, но вѣроятно, въ молодости онъ посѣщаль столичный гипподромъ, такъ какъ послѣ изъ его игръ бралъ многія поэтическія сравненія для своихъ произведеній. Затѣмъ, около 630 года онъ былъ діакономъ церкви св. Софіи (τῆς μεγάλης ἐκκλησίας). Кромѣ того, ему приписываются должности то хартофилакса (библіотекаря), то скевофилакса (ризничаго), то референдарія: свидѣтельства о немъ различныхъ авторовъ не согласны между собою. По рукописи его произведеній въ Ватиканской библіотекѣ, № 1126, онъ былъ скевофилаксъ и діакономъ ²⁾. Никифоръ Каллистъ называетъ его референдаріемъ ³⁾, Свидя — діакономъ и хартофилаксомъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Каве (Cave) почему-то называетъ его митрополитомъ Никомидійскимъ ⁴⁾; Аллацій въ своей *Diatribes de Georgiis* строго держится словъ Свиды, откинувъ всѣ прочія свидѣтельства. Слѣ-

¹⁾ Георгій Писидійскій сравнительно рано причисленъ къ лику святыхъ; когда именно, не знаемъ; см. прологъ 19-го апрѣля (по Минологію Василія Македонянина 18-го апрѣля).

²⁾ *Migne, Patrologiae cursus completus, series graeca*, XCII, pag. 1183—1184.

³⁾ *Historiae ecclesiasticae* lib. XVIII, стр. 48.

⁴⁾ Эта ошибка повторяется и русскими учеными. *Строева Библиологическій словарь*. С.-Пб. 1882, стр. 85.

ченіе и оцѣнка мѣстной Аллаціи, Каве, Удина, Фабриціи и другихъ сдѣланы въ обширномъ предисловіи къ сочиненіямъ Георгія, написанномъ Кверчи (*Querici*) ¹⁾. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно—Георгій Писидійскій былъ священнослужитель и лицо весьма близкое къ императору Ираклію и патриарху Сѣргію. У Георгія Амартола мы находимъ слѣдующее свидѣтельство о пророчествѣ Георгія Писидійскаго императору Гераклію, отправлявшемуся на персовъ, которые, между прочимъ, страшно разорили родину поэта Антиохію Писидійскую ¹⁾. Императоръ пришелъ къ св. Софіи въ черной обуви. Георгій, увидя его, сказалъ: „Ты обулъ ноги въ черныя сандалии, но окрасишь ихъ въ красный цвѣтъ персидскою кровью“ ²⁾. О близкихъ отношеніяхъ поэта къ императору свидѣлствуютъ и нѣкоторыя мѣста его поэмъ; напримѣръ: „Благосклонно прими мои рѣчи; онѣ свободны отъ ласкательствъ, такъ какъ я отъ тебя научился избѣгать лицемѣрія“ ³⁾; и въ другомъ мѣстѣ: „Ты (императоръ) часто намъ высказывалъ свои воззрѣнія на различные періоды твоей жизни“ ⁴⁾. Оттуда же видно, что Георгій былъ очевидцемъ подвиговъ Гераклія и сопровождалъ послѣдняго въ персидскихъ походахъ: „И мною овладѣло стремленіе увидѣть веселое преддверіе войны“ ⁵⁾; и далѣе: „И я, о августѣйшій, былъ межъ ними (то есть, солдатами), раздѣлялъ съ нами радость, когда они были въ добромъ настроеніи, и еще болѣе сострадалъ имъ, когда приходилось вмѣ-

¹⁾ Opera Georgii Pisidae etc. Ed. Fogginius. Romae. 1772. Recensuit M. L.

¹⁾ Себеосъ, Исторія императора Иракла. С.-Пб. 1862, стр. 29 и 90.

Querici.

²⁾ Μελαμβραφές πέδιλον εἰλιξας πόδας
Βάψεις ἐρυθρὸν Περσικῶν ἐξ' αἱμάτων

Chronicon Georgii Amartoli, ed. *Murali*, p. 567. То же приводится и у Кедрина, I, 719, ed. Bon. IV.

³⁾ Μετ' εὐμανείας τοὺς ἐμοὺς δέχου λόγους
'Ἐλεύθεροι γάρ εἰσιν ἐκ θωπευμάτων
'Ἐκ σοῦ μαθόντες μὴ λαλεῖν ὑποκρίσει
(De exp. Pers. I, 37—39).

⁴⁾ Αὐτὸς γὰρ ἡμῖν ἐξαριθμῶν πολλάκις
Τοῦ σοῦ βίου τὸ μέτρον...
(Ib. III, 343—344).

⁵⁾ Πόθος δέ μοι τις ἐνθάδε προσήρχετο
Ἴδεῖν τὰ τερπνά τῆς μάχης προαύλια
(Ib. II, 122—123).

стѣ съ ними проливать потоки слезъ" ¹⁾. Сравнивая персовъ со змѣемъ, онъ говоритъ: „Главу змѣи нынѣ вида, мы удивляемся...“ ²⁾. О патриархѣ Сергіѣ Георгій также нерѣдко упоминаетъ въ своихъ трудахъ. Патриарху посвященъ Шестодневъ, какъ видно изъ его начала: „Я приношу тебѣ плоды невоздѣланнаго сердца, плоды, возросшіе твоею росой“ и пр. ³⁾. Въ концѣ поэмы поэтъ, говоря о томъ, какъ онъ видѣлъ молящагося Сергія, замѣчаетъ: „Узвали мы его, хотя онъ и думалъ скрыться“ ⁴⁾. Таковы скудныя данныя о жизни Георгія Писидійскаго. Ни года рожденія, ни смерти его мы не знаемъ. Сочиненія его, дошедшія до насъ суть слѣдующія: 1) *Εἰς τὴν κατὰ Περσῶν ἐκστράτειαν Ἰρακλίου τοῦ βασιλέως ἀχρόασις ἢ* (О походѣ царя Гераклія на персовъ); здѣсь въ 1098 ямбахъ воспѣвается доблесть и благочестіе Ираклія, объявившаго войну Хозрою. 2) *Ἐκθεσις τοῦ πολέμου γενομένου εἰς τὸ πλῆθος τῆς Κωνσταντινουπόλεως μεταξὺ τῶν Ἀβάρων καὶ τῶν πολιτῶν* (Описание войны у стѣнъ Константинополя между аvaraми и гражданами города); въ 541 сонарѣ разказывается о томъ, какъ Пресвятая Богородица, по молитвамъ патриарха Сергія, спасла Царьградъ отъ аварскаго нагана. 3) *Ἐυχώμιον εἰς τὸν μάρτυρα Ἀναστάσιον* (Похвала мученику Анастасію), похвальное слово въ прозѣ, составленное въ 628 году. 4) *Εἰς τὴν ἀγίαν τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν ἀνάστασιν* (Нѣсь святому Христову Воскресенію въ 125 ямбахъ)... 5) *Ἦμνος ἀκαθίστος* (Адаонистъ Богородицѣ); принадлежность его нашему поэту оспаривается (см. арх. Амфилохія Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вѣка. Москва. 1879, стр. 15, и Порфирія Успенскаго Первое путешествіе въ Аѳ. мон. II, Кіевъ. 1877, стр. 384).

1) Τούτοις χάριστε καὶ συνήσθη εἰκότως
Καλῶς φρονοῦσι καὶ συνήλγησα πλέον
Τῇ ταυτότητι συγχυθεὶς τῶν θαυρῶων

(Ib. II, 181—138).

2) Ὅν νῦν βλέποντες εἰσάγαν θαυμάζομεν

(Ib. III, 353).

Вообще нѣтъ ничего необычнаго въ томъ, что клирики сопровождали Ираклія въ походахъ, особенно, если припомнить, что войны съ персами имѣли религіозный характеръ. Chronicon Paschale (*Migne*, XCII, 999) свидѣтельствуетъ, что Ираклія сопровождали клирики.

3) Ἦκω ψέρων σοι τῆς ἐρήμου καρδίας
Καρπούς γεωργηθέντας ἐκ τῆς σῆς δρόσου

(Hexamet. 32—33).

4) Ἐγνώφην αὐτὸν χᾶν δοκεῖ λεληθεῖναι

(Hexamet. 1878).

6) Ἡρακλῆος ἦτοι εἰς τὴν τελείαν πῶσιν Χοσροῦ βασιλέως Περσῶν (Гераклиада или о совершенномъ поражении Хозроя царя Персидскаго); въ 471 ямбѣ описываются подвиги Геракліа на войнѣ и въ мирѣ. 7) Ἰαμβεῖα εἰς τὸν μέτατον βίον (О суетѣ жизни, 262 ямба). 8) Κατὰ δυσσεβῆος Σαυήρου (На нечестивца Севера); произведение въ стихахъ (731 сенаръ) очень темное, написано противъ монофизитовъ; подъ именемъ Севера, основателя секты азефалитовъ, по мнѣнію издателя Кверчи, скрывается какой-либо епископъ, покровительствовавшій монофизитамъ. 9) Ἐξαήμερον ἦτοι κοσμοουργία (Шестодневъ или миротвореніе); поэма космографическаго содержанія въ 1910 ямбахъ; время написанія ея видно изъ стиховъ 1845—1849: „И дай ему, получившему отъ Тебя власть, ему, освободителю міра и смирителю Персіи, или лучше спасителю самихъ персовъ, управлять всѣми землями подъ солнцемъ!“¹⁾ Это могло быть написано послѣ персидской экспедиціи, а слѣдовательно, и поэма написана тогда же, то-есть, послѣ 630 года.

Прочіе многочисленныя фрагменты сочиненій Георгія собраны въ изданіи Кверчи и перепечатаны Миннемъ²⁾. О приписываемыхъ (спригіа) Георгію сочиненіяхъ можно прочесть въ томъ же изданіи.

1) Καὶ δὸς τὸν ἐκ σοῦ προλαβόντα τὸ κράτος
Τὸν κοσμορῦστην τὸν διωκτὴν Περσίδος
Μᾶλλον δὲ τὸν σωσαντα καὶ τὴν Περσίαια
Ὅλον κρατῆσαι τὸν ὑφ' ἡλίον τόπον.

2) Вотъ доселѣ вышедшія изданія нашего автора:

1) Ἐξαήμερον ἦτοι κοσμοουργία ΓΕОРΓΓΙΟΥ ΤΟΥ ΠΙΣΙΔΟΥ διακόνου καὶ χαρτοφύλακος τῆς μεγάλης τοῦ Θεοῦ Ἐκκλησίας τοῦ αὐτοῦ ἱαμβεῖα εἰς τὸν μέτατον βίον. Opus sex dierum seu mundi officium Georgii Pisidae diaconi et referendarii Constantinopolitanae ecclesiae poema ejusdem senarii de vanitate vitae. Omnia nunc primum graece in lucem edita et latinis versibus ejusdem generis expressa per Fed. Morellum Federici f. cum fragmentis ex Suida et aliis. Lutetiae apud Fed. Morellum tyrographum regium MDLXXXIV, pt in 4° (XVI+176), „сз многочисленными эпиграммами (въ старомъ значеніи слова) Гулоніа, Аурата, Гроте, Рудларда и пр. Изданіе очень рѣдкое, по каталогу Brunet; находится въ С.-Пб., сколько знаю, только въ библиотекѣ Академіи Наукъ. Это изданіе, по словамъ Кверчи, было повторено въ 1586 г. безъ всякой перемѣны.

2) Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κορίλλου πατριάρχου Ἀλεξανδρείας περὶ ζωῶν ἰδιότητος καὶ φουτῶν. Romae apud Franciscum Zametum. 1590, f. in 8°, ed. Hieronimus Brunellius S. J. Здѣсь помѣщены поды именемъ Кирилла Александрійскаго — Шестодневъ Георгія Писидійскаго, стихи Григорія Назіанзена и гимны Сивезія. Впрочемъ, самъ Brunellus сомнѣвался въ этомъ и, по видимому, не зналъ парижскаго изданія.

3) Ἐξαήμερον etc., ed. F. Morelli. Heidelbergae typis Commelini anno 1596, f. in 8°.

Сочиненія Георгія были извѣстны издревле. Теофанъ Исповѣдникъ заимствовалъ изъ него историческія свѣдѣнія. Онъ былъ любимымъ авторомъ Свиды. Писатели среднихъ вѣковъ, напримѣръ, Григорій Коринѣскій, авторъ сочиненія „О построеніи рѣчи“, Никифоръ Каллистъ, Михаилъ Пселлъ приходили отъ него въ восторгъ и ставили его стиль наравнѣ со стилемъ Эврипида и Софокла. Вратель Андроника Дуки спрашивалъ Михаила Пселла: кто лучше умѣетъ складывать стихи—Эврипидъ или Писидъ (τίς στυχίζει κραιττον, ὁ Εὐριπίδης ἢ ὁ Πισίδης)? Новѣйшіе критики находятъ Георгія надутымъ и расплывающимся, а рѣчь его—жесткою и наполненною гиперболами и словами собственнаго изобрѣтенія; пониманіе и критика его текста считаются дѣломъ весьма труднымъ, хотя его стихи (ямбическій пентаметръ) признаются замѣчательнымъ по чистотѣ ⁴⁾.

Переходя къ обзору Шестоднева, прежде всего замѣтимъ, что поэма распадается на двѣ части: со стиха 1 до 906 и съ 906 почти до конца. Источниками для первой части (преимущественно — богословскаго содержанія) служили: Священное Писаніе (Бытіе, Исходъ, Псалмы, Іезекииль и пр. и Новый Завѣтъ) и творенія отцовъ церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита и др.; для второй части, содержащей въ себѣ свѣдѣнія о природѣ,—сочиненія Аристотеля, Эліана, Плутарха, можетъ быть, Плинія и пр., хотя нельзя сказать положительно, пользовался ли нашъ поэтъ ими непосредственно, или въ не дошедшихъ до насъ выборкахъ

4) Bibliotheca patrum. Parisiis. 1689, tom. VIII, p. 318 (latine).

5) Corpus poetarum Graecorum tragicorum et comicorum. Geneva. 1614. tom. II, p. 24.

6) Bibliotheca patrum. Appendix Bigneana. Parisiis. 1624, p. 387.

7) Bibliotheca patrum Morelliana. Paris. 1644—1654, tom. XIV.

8) Bibliotheca patrum. Lugduni, tom. XII, p. 323 (latine)—перепечатка перваго Морелліева изданія безъ названій.

9) Opera G. Pisdiae, Theodosii diaconi, Corippi Africani, rec. Jos. Maria Querci, ed. Fogginus. Romae. 1777, folio. Лучшее изданіе, какъ по обработкѣ текста и полнотѣ сочиненій, такъ и по обширному введенію. Помѣщены все сочиненія Георгія.

10) Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Lipsiae. 1836. ed. Bekkerus, rec. M. Pinderus (только историческія сочиненія).

11) Patrologiae cursus completus aec., I. P. Migne (series graeca, t. XCII). Parisiis. 1860, in 8°. Георгій помѣщенъ весь (стр. 1161). Присоединены введенія Кверчи, Морелли, Бенкера, съ ихъ примѣчаніями.

12) Claudii Aeliani opera etc., rec. Rud. Hercher. Lipsiae. 1866. Во 2-мъ томѣ помѣщенъ Шестодневъ нашего автора.

⁴⁾ Nicolai. Griechische Literaturgeschichte. Magdeburg. 1878. III, p. 344 и 341.

и передѣлкахъ изъ этихъ авторовъ. Быть можетъ, онъ занесъ въ поэму и свои личныя наблюденія надъ природой, и легендарныя свѣдѣнія, почерпнутыя во время путешествія на востокъ ¹⁾. Оставивъ въ сторовѣ вопросъ о взаимномъ отношеніи Шестодневоу вообще, и въ частности Шестоднева Георгія Писидійскаго, къ Физиологамъ, ограничусь словами одного нѣмецкаго ученаго, специально занимавшагося этимъ вопросомъ. „Мы думаемъ“, говоритъ онъ,—„что Шестодневы и Физиологи (Thierbücher) развились рядомъ, но вполне самостоятельно, а не то, чтобъ одинъ по образу другаго. Точнѣе опредѣляя ихъ различіе, можно сказать, что Шестодневы суть перенесеніе (Uebersetzung) классическаго знанія на христіанскую почву, а Физиологи (Thierbücher)—примѣненіе (Anwendung) христіанскаго ученія къ античной основѣ (Wesen)“ ²⁾. Общій характеръ поэмы Георгія довольно темный, мистическій, напоминающій по тону то Псалтырь (особенно псаломъ 103-й), то книгу Іова. Но среди сухаго риторизма и надутаго лиризма видны проблески истинно высокаго религіознаго чувства и нерѣдко поэтическіе образы. Чтобы познакомить читателя съ

¹⁾ Болѣе подробныя указанія сдѣланы мною при изданіи славянорусскаго перевода Шестоднева Георгія Писидійскаго въ Памятникахъ древней письменности. (С.-Пб. 1882). По возможности всѣ подходящія мѣста древнихъ авторовъ собраны здѣсь частью при помощи изданія Милля, частью личнымъ трудомъ. Текстъ свѣренъ съ подлинникомъ, раздѣленъ на стихи, приложены варианты. Въ основаніе изданія положенъ текстъ XV вѣка рукописи Толстаго № 144. Къ сожалѣнію, въ изданіе вкрались многочисленныя опечатки. Здѣсь же замѣчу, что прямой зависимости нашего Шестоднева отъ Шестодневоу Василия Великаго и Северіана Гавальскаго и отъ греческаго Физиолога я не нашелъ.

²⁾ *Kressner*. Ueber die Thierbücher des Mittelalters въ *Herrigs Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen*. LV Band, 3—4 Heft. Braunschweig. 1876; см. также *Gidel*, *Nouvelles études sur la littérature grecque moderne*. Paris, 1878, p. 418. Въ послѣднее время Физиологамъ вообще посчастливилось. О нихъ писалъ г. Мочульскій въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1889, III, стр. 50—111, и докладывали на VIII археологическомъ съѣздѣ А. Д. Карповъ и А. В. Михайловъ. Славянскій переводъ, напечатанный въ *Starine*, т. XI (сербскій) и приготовляемый къ печати профессоромъ Дриновымъ (болгарскій), вѣроятно, относится къ XIV столѣтію (мнѣніе профессора А. И. Соболевскаго). *T. Lauchert*, авторъ новѣйшаго капитальнаго изслѣдованія о Физиологахъ (*Geschichte des Physiologus*. Strassburg. 1889, стр. 73), указываетъ на то, что авторы Шестодневоу вообще мало пользовались Физиологомъ, да и то, что указано Лаухертомъ, можетъ быть объяснено единствомъ основнаго источника—Аристотеля и Эліана.

поэмой, передаемъ содержаніе того, что вошло въ ея славянорусскій переводъ 1385 года ¹⁾).

Въ началѣ поэтъ обращается къ покровителю своему, патриарху Сергію (славянскій переводчикъ 1385 года отвесъ это обращеніе къ Богу), и проситъ его помощи. Патриархъ прогоняетъ иракъ унціи свѣтовидною свѣжею своихъ вроткихъ и тихихъ словесъ; къ нему часто приходитъ поэтъ со своею окаменѣвшею тернистою душою; патриархъ сѣветъ въ нее сѣмена божественнаго разума, и отъ нихъ вырастаетъ словесный плодъ (1—50). Да будетъ такъ и теперь. Вдохновеніе свое поэтъ почерпнетъ изъ твореній Давида, гласящихъ: „возвеличился еси Господи, вся премудростію сотворилъ еси“ (51—59). Затѣмъ говорится о неизслѣдимости Божественнаго Существа, которое отражаетъ Себя въ Своихъ созданіяхъ. Неизвѣримая небесная сфера, распростертая какъ кожа, украшенная свѣтилами, двигается чуднымъ образомъ медленно, всегда сохраняя одни и тѣ же раз-

¹⁾ Списковъ этого перевода хранилось множество. *Рукописей XIV столѣтія*, то-есть, современныхъ переводу, до сихъ поръ не извѣстно.

Рукописи XV столѣтія: Имп. Публ. Библиотеки (*Толстаго*) № 144; Троицко-Сергіевской лавры № 176 л. 188; вѣроятно, этого же времени важная для нашихъ предположеній рукопись, не дошедшая до насъ, но значащаяся въ описи князя Филарета Никитича, подъ № 64 (*Вѣстникъ Общ. Древнерусск. Искусства* 1875 г., № 6—10, стр. 26): книга письменная, въ поддесть, ветха, въ доскахъ, въ кожь, въ ней писано, какъ ходилъ Папенъ митрополитъ ко Царюграду, да въ ней же премудраго Георгія Пшемда беседа и похвала къ Богу о сотвореніи дѣлъ его и пр.

Рукописи XVI вѣка: Имп. Публ. Библиотеки (*Поюдина*) № 1067 л. 84 (*его же*) № 1032 л. 1; Новгор. Соевійск. (С.-Пб. духовн. акад.) № 1322 л. 330; Московско-Синодальной № 951 и № 558; Макарьевск. Миней, июнь (Патр. библ.); Виленской Публичной библ. № 53 (220) [по описанію Добрянскаго]; Любецко-Волоколамскаго (Моск. дух. академіи) № 153 л. 335; М. Публ. музей: *Удольскаго* № 583 и № 691.

Рукописи XVII вѣка: Академіи Наукъ № 16 (по кат. Соколова); М. публ. музей: *Пискарева* № 183 л. 235, *Удольскаго* № 692 и № 626; Соловецкой (Казанской) библиотеки № 290 (90) и № 123 (321); *Царскаго* (вышъ гр. А. С. Уварова) № 390 л. 348, № 404 л. 273, № 407 л. 98, № 419 л. 50, № 435 л. 45, № 719 л. 200; Имп. Публ. Библ. (*Толстаго*) II № 290 л. 94 и № 403 л. 549, III № 62, IV № 69 и 1, Прибавл. I № 415 л. 341; Новгородско-Соевійской (С.-Пб. духовн. академіи) № 1447 л. 210; Синодальной Московской № 253, № 377, № 921; Воскресенской Новоіерусалимской № 98; Общества Исторіи и Древностей № 194 л. 106, № 281 л. 57, № 297 л. 5; рукопись *Θ. И. Буслаева* алевтины; Кіевск. дух. акад. № 528; Выголексинской № 23 и пр.

Рукописи XVIII вѣка: М. Публ. музей: *Удольскаго* № 1029, *Пискарева* № 86 л. 222; Имп. П. Б-ви: *Толстаго*, I № 188 и IV № 69, Прибавл. III № 101, и мн. др. (Здѣсь мы указывали впрочемъ не только цѣлыя тексты, но и отрывки).

стоявіа, ни на чемъ не утверждаясь. Небо остается неизмѣннымъ, старѣясь, пока его не сокрушить словомъ Создавшій его. Увѣчанное звѣздами, въ чудныхъ ризахъ, небо носитъ одинъ свѣтлый камень—солнце на своей груди, а другой у ногъ — луну; бездну повиваетъ небо, какъ целена и землю держитъ по срединѣ. И вся эта неизмѣримая безконечность противъ Творца „яко едина бываетъ капля“ (81—158). Ремесловдѣтелю этого многовертимаго небснаго покрова, Единому въ Троицѣ, воспѣвають пѣснь, какъ побѣдителя, ангельскіе чины (160—185). Невыразимая красота дня и ночи, разсвѣтъ и сумерки, грозы, все составляетъ общее достояніе живущихъ. И воздухъ, которымъ мы говоримъ и дышемъ, не можетъ быть восхищенъ ни богатымъ, ни сильнымъ. Солнце, это око міра, всепитательный огонь, даетъ свой свѣтъ и нашему зрѣнію, и малой лунной свѣщѣ, а само двигается добродично, по разъ утвержденному направленію. Четверица стихій, по видимому, столь между собою враждебныхъ, гармонично исполняетъ свое назначеніе (198—280). Времена года, „яко дѣвы, ликующе вкупѣ, соплетаютъ своя персты, да ликъ составятъ добродичнаго житія“. Постепенность ихъ смѣны поддерживаетъ растительный міръ: Медленно двигается время — семью днями, и также вертится медленно, но неуклонно колесо человеческой жизни (281—357). Эта смѣна за тѣмъ и существуетъ, чтобы мы не вздумали считать Божествомъ какую-либо тварь: солнце, луна, денница—проповѣдникъ ночи и пророкъ дня, небо, воздухъ, вся приснодвижимая тварь — раба Непреложнаго Существа. Вотъ клокочетъ градъ, разливается мракъ, спадаетъ огонь, дождитъ пепель; вотъ море, какъ неистовствующая вакханка, прибивается къ землѣ, реветъ, точитъ пѣну и снова тихо возвращается, какъ бѣжавшая „рабыня, за власы держимая“. Научимся, видя это, и устранимся гнѣва Божія: какъ крикъ битыхъ щенятъ устрашаетъ львовъ, такъ и мы устранимся, видя наказаніе твари (358—405). Господь долго предупреждаетъ человѣка различными знаменіями и символами. Онъ до того долготерпѣливъ и милосердъ, что кажется лицепріятнымъ: считаетъ до единой цаты всю милостыню и не забываетъ чаши воды, поданной во имя Его. Онъ грозитъ человѣку: какъ стрѣлецъ, наводитъ лукъ и снова его опускаетъ, ожидая покаянія. Господь создалъ землю на водахъ и ни на чемъ другомъ не утвердилъ ея; надъ нею носятся вѣтры, гремятъ громы, облака наполяютъ жаждущую землю, градъ образуется, несмотря на жары, и сыплется со свѣгомъ, который не каменѣетъ отъ холоду. Вездѣ отразилась непостижимость Творца: какъ въ зеркалѣ, Онъ явилъ Себя въ созданной части ссѣхѣх, отд. 2.

твари. Какъ ученикъ сначала изучаетъ буквы, потомъ склады и затѣмъ уже переходитъ къ словамъ и рѣчи, такъ и мы сначала изучаемъ природу, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, и, идя далѣе въ глубину ученія, приступаемъ къ ученію о Богѣ и видимъ, что мы ничего не изучили, какъ только „стѣнь сокровенну“ (506 — 631). Рожденіе и устройство человѣка не менѣе удивительно. Какъ изъ стѣмени происходитъ и кровь, и жилы, и ребра, коими охраняется сердце? Откуда берется различіе половъ, ростъ тѣла и его старость, когда, какъ хлѣбный колосъ, блѣднѣетъ старикъ и, „какъ колосъ, смотритъ на землю и видитъ вѣчный домъ?“ Части тѣла нашего устроены, какъ рабы, которые дѣлаютъ каждый свое дѣло, подъ смотрѣніемъ господи-души. Поэтъ удивляется устройству органовъ чувствъ: уши устроены съ извилинами, чтобы звуки доходили по порядку, ноздри; затыкающіяся отъ прилива страстей, замѣняются дыханіемъ черезъ ротъ; глаза на подобіе солнца и луны пускаютъ струю свѣта черезъ зрачекъ, какъ стрѣльцы пускаютъ стрѣлы (632—738). Удивительно связаны между собою душа и тѣло: тѣло привязано къ землѣ, но это не мѣшаетъ душѣ носиться по землѣ и по небу и стараться узнать причину и цѣль всего существующаго. Образующеяся при этомъ мыслью пользуется великій змій—дѣволъ. Онъ дѣлаетъ людей блудными какъ свинья, хищными какъ волкъ, запальчивыми какъ оса, гнѣвливыми какъ рысь, льстивыми какъ песь, который притворяется играющимъ, а готовится укусить. Этотъ древній змій, раздувая помыслы, одинаково завладѣваетъ душою и тѣломъ. Онъ мѣшаетъ сладость съ горечью, онъ совѣтникъ-врагъ и хульникъ-другъ, кроткій убійца и смиренный разбойникъ. Онъ соблазняетъ насъ, когда мы стараемся бѣжать отъ грѣха, и вцѣпляется сзади, какъ ракъ клещами (прекылай, хархѣвос) (739 — 826). Но человѣкъ побѣждаетъ этого неизреченнаго змія: Ілія взомель на небо, Даніилъ затворилъ уста львовъ, три отрока невредимо претерпѣли огонь, Моисей превратилъ Нилъ въ кровь, раздѣлил морскую бездну и даже удостоился лицезрѣнія Божества. Но онъ не видѣлъ всего Божества: никакой высокій умъ не можетъ лицезрѣть Создателя солнца. Только отчасти мы можемъ видѣть Его творческую руку въ ангелахъ, въ воздухѣ, въ садахъ, во всякомъ плывущемъ и пресмыкающемся родѣ (827 — 906). Поэтъ переходитъ къ болѣе подробному, хотя отрывочному, обзорѣнію мірозданія, что и составляетъ вторую часть поэмы. Она состоитъ изъ риторическихъ вопросовъ. Все одинаково достойно восхищенія, все указываетъ на всемогущество и мудрость

Творца: красота розана, яблока, запах бальзама и нарда, крѣпость дуба. Финикъ растетъ въ сухихъ мѣстахъ, а приноситъ сладкіе плоды. Померанцы защищаются шипами. Удивительно устройство плодовъ: у однихъ „костяная твердь“ внутри, у другихъ—снаружи. Левъ страшенъ, а боязливая серна отличается быстротой бѣга; „велемочный“ быкъ созданъ пахать землю. Птицы какъ будто ведутъ между собою разумную бесѣду. Птица ногъ такъ сильна, что уноситъ вола: она и летаетъ на крыльяхъ, и ходитъ четвероногою. Гнѣвливые верблюды не соединяются съ матерями и обличаютъ тѣмъ персовъ, у коихъ подобныя браки были доволнены (907—940). Раненый козелъ, не изучая Гиппократата, ѣстъ траву диктамонъ и избавляется отъ „яда стрѣльнаго“. Ястребъ, безъ указаній Галена, очищаетъ свое зрѣніе сокомъ „горьколистнаго фридака“. Всѣ звѣри умѣютъ лѣчиться: рысь—кровью дикаго козла, верблюдъ—дубовыми листьями, собака—зеленымъ троскотомъ (*χλωρὰν ἄγροστον*), волкъ—землей, заяцъ—жуками, левъ—мясомъ обезьяны, козлы—„нетлѣнною аскомоніей“. Аистъ („стеркъ“) безвредно ѣстъ змѣй. Звѣрь, долѣ зря (*κατῶβλεψ*), отравляющій дыханіемъ все живое, старается дышать внизъ. Большія животныя часто терпятъ досаду отъ малыхъ: насъ кусаетъ комаръ и часто будитъ своимъ пѣніемъ, слонъ боится крика поросатъ. Игъ, залѣзши въ ротъ крокодила, прорѣзаетъ внутренности звѣря, тогда какъ трохилъ чиститъ зубы крокодила и крикомъ предупреждаетъ его объ опасности. Киты—„морскія горы“—носятся по морямъ, а маленькая эхина удерживаетъ однимъ перомъ быстроплывущіе корабли. Ея кожа, высушенная въ соли, помогаетъ при беременности. Порфиріонъ ¹⁾ самовольно умираетъ съ голоду, увидѣвъ нарушеніе цѣломудрія. Угри рождаютъ дѣтей изъ боковъ, подтверждая тѣмъ слова Моисея о созданіи нашей праматери изъ ребра (941—1043). Кто облачилъ черепаху въ броню, кто зажегъ огонь въ свѣтящемся червѣ? Саламандра угашаетъ огонь, которымъ живутъ и питаются „огнеродныя“. Жуки причутъ дѣтей въ особые заготавливаемые ими катышки, движенія коихъ Порфирій смѣлъ сравнить съ движеніемъ неба (1046—1088). Гипы рождаются мертвыми и оживляются кровью изъ матернаго чрева, и поэтъ думаетъ, что это болѣе похвально, чѣмъ „великій въ скверности Дій (Зевсъ), разрѣзающій стегно на рожденіе пагубы“ (*γούνη ὀλεθρία* Паллады или Бахуса?). Пеликаны глотаютъ цѣлкомъ закрытыхъ устриць, и когда тѣ раскроются отъ жары, они быстро извергаютъ

¹⁾ Какая-то порода птицы; ἑρπίδιος—цапля или куропатка.

раковину и съѣдаютъ одно мисо. Велегласный куръ безъ солнца знаетъ время. Фениксъ, символъ воскресенія, возстаетъ изъ собственнаго пепла; ворона предсказываетъ погоду; ибисъ самъ себя лѣчитъ. Крошь затыкаетъ отверстія въ норѣ, предчувствуя приближеніе непогоды, ехина прячется отъ бури въ глубину, пчела лучше Эвклида строитъ шестигранный домикъ, пауки выдѣлываютъ чудныя ткани, сухощавые комары громко трубятъ, трудолюбивые муравьи собираютъ запасы (1089—1232). Птичье яйцо—своего рода микрокосмъ: тонкая оболочка—воздухъ, желтокъ—огонь, бѣлокъ—вода, скорлупа—земля. Кто создалъ павлина, блестящаго золотомъ съ сапфирами и смарагдами, воинственную саранчу (пруговъ), шелковичнаго червя? Этотъ червь такой же символъ воскресенія, какъ и ласточка, умирающая зимой, воскресающая весной, лѣтающая свои глаза травой ласточникомъ (1233—1336). Пшеница не вырастаетъ, если не сгнѣтъ ея сѣмя,—такъ не родится и младенецъ, если не сгнѣтъ сѣмя мужа. Это образъ будущаго воскресенія. Мысль эту поэтъ развиваетъ очень подробно (1337—1487). Затѣмъ, упомянувъ о виноградѣ, красотѣ изумрудовъ, жемчуга, сапфировъ и рубиновъ, поэтъ снова говоритъ о неспостижимости Божества и заключаетъ поэму словами: „Яко же возвеличися Божіямъ созданіямъ содѣтельное и премудрое Вседѣйство, Ему же слава въ безконечныя вѣки. Аминь“ (1625—1750 и 1910—1911).

Изъ подробной оцѣнки греческаго текста, бывшаго подъ руками у славянскаго переводчика, сдѣланной проф. П. В. Никитинымъ ¹⁾, оказывается, что на основаніи славянскаго перевода возстановляются лучшія чтенія въ самомъ оригиналѣ. Таковы стихи 35, 120, 152, 154, 167, 168, 175, 288, 289, 305, 458, 1030, 1736 (соответствуютъ по изданію Герхера стихамъ 36, 121, 152, 154, 166, 167, 174, 288, 289, 302, 455, 1018, 1019). Наибольшее сходство съ славянскимъ переводомъ представляетъ мюнхенская рукопись, обнаруженная Герхеромъ, въ которой повторяются и нѣкоторые пропуски (стихи 61—80, 319—322, 400, 561—564, 853, 960, 1076, 1124—1139), и перестановки славянскаго текста, хотя извращенія, находящіяся въ греческой мюнхенской рукописи въ видахъ болѣе правильной метрики, въ переводѣ отсутствуютъ.

Что касается до общаго характера пропусковъ перевода ²⁾, то они

¹⁾ Замѣчанія къ тексту „Шестоднева“ Георгія Писидійскаго. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888 г., январь.

²⁾ Пропущены стихи: 60—80, 91—97, 100, 116, 137—138, 147—148, 159, 186—197, 214—216, 225—226, 228, 230—231, 233—237, 250—258, 270, 322—

сводятся къ слѣдующему: пропущены обращенія къ еретикамъ, напримѣръ, Проклу (стр. 60—80), мѣста, имѣвшія интересъ современности для Георгія Писидійскаго (стр. 250—258 о огнепоклонникахъ персахъ), упоминанія и опроверженія греческой мѣологии и болѣе трудныя мѣста, особенно въ концѣ очень темное изложеніе мистическаго богословія. Переводчикъ переводилъ почти буквально, жертвуя точности ясностью выраженія. Отъ этого многія мѣста крайне темны и становятся понятными только при помощи греческаго текста; особенно любопытны нѣкоторые неологизмы. Читатель найдетъ ихъ въ приложеніи къ нашей статьѣ; въ этомъ приложеніи мы отмѣтили также всѣ выраженія, пополняющія словарь XIV столѣтія, и разночтенія съ извѣстными греческими оригиналами.

Шестодневъ былъ переведенъ на „русскій“ языкъ въ 1385 году и получилъ заглавіе: „Похвала Богу о сотвореніи всея твари“¹⁾. Фактъ этотъ, о коемъ гласить постоянно встрѣчающаяся при самомъ памятникѣ запись, занесенъ и въ лѣтопись. Н. С. Тихонравовъ придаетъ этому факту особенную важность²⁾. М. И. Сухоминовъ, отмѣчая это обстоятельство, приводитъ подобный же примѣръ изъ западной литературы³⁾. Но дѣло въ томъ, что замѣтка объ этомъ переводѣ помѣщена не въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, а въ Никоновской лѣтописи и затѣмъ у Татищева⁴⁾. Никоновская лѣтопись, лѣтописный сводъ

325, 346, 356, 403, 482—488, 494—495, 506—507, 513, 570—573, 591—597, 709—710, 830, 849, 863, 877—880, 901, 923, 972, 1014, 1028, 1044—1045, 1063, 1136—1153, 1160, 1198—1203, 1238—1240, 1249, 1252, 1258, 1263—1292, 1307—1308, 1339—1346, 1358—1359, 1381—1382, 1436—1438, 1459, 1467—1468, 1478, 1488—1624, 1630—1643, 1658—1686, 1689, 1691, 1693, 1695—1720 и 1751—1908. Пропуски эти указаны въ изданномъ мною по тремъ спискамъ текстѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ въ то время приложить варианты изъ многихъ другихъ рукописей, кои, можетъ быть, и замѣтили бы нѣкоторые изъ этихъ пропусковъ.

¹⁾ Митрополитъ Евгений въ своемъ Словарѣ духовныхъ писателей, т. I, стр. 113, говоритъ еще о переводѣ 1402 года, но ни въ спискахъ, ни въ лѣтописныхъ указаніяхъ и не встрѣтилъ этого года. У автора сочиненія „Оглавленіе книгъ, въ ихъ сложилъ“ показанъ только 6893 (1385) годъ.

²⁾ XIX отчетъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ (рецензія Исторіи литературы Галахова). С.-Пб. 1876, стр. 58.

³⁾ О языковнани въ древней Россіи (Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ, книга I, стр. 227—228).

⁴⁾ Никои. Лѣтопись IV. С.-Пб. 1786, стр. 146. Татищевъ, въ Россійской Исторіи, IV, 313, говоритъ о переводѣ подъ 1384 г. А. Н. Пыпинъ говоритъ, что „въ Софійскомъ времени“ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писиды (Очеркъ истор. стар. повѣстей и сказокъ русскихъ. С.-Пб. 1857, стр. 25), но это

XVII вѣка, брала свой матеріалъ отовсюду: въ нее вошли и лѣтописи, и отдѣльныя историческія сказанія, и хронологическія указанія синодиковъ. Я думаю, что и выраженіе Никоновской лѣтописи: „Того же лѣта (1385) переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писиды похвала къ Богу о сотворѣнннхъ всемъ твари, яко возвеличшася дѣла твоя, Господи вся премудростію сотворилъ еси, емужъ начало: отъ всякаго дѣла и богоглаголиваго словесе и языка, и умъ, и смыслъ, и сердце“ взято редакторами Никоновской лѣтописи прямо съ заглавія перевода. Запись при немъ неизмѣнно гласитъ: „В лѣтъ 5178 переведено бысть сіе слово святаго и премѣдраго георгія писиды ꙗко греческихъ книгъ на русскимъ языкъ димитріемъ зографомъ“¹⁾.

Кто же такой переводчикъ Дмитрій Зографъ? Има его въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ XIV вѣка, на сколько намъ извѣстно, не упоминается. Н. С. Тихонравовъ, переводя его прозвище зографъ—иконописецъ, говоритъ, что иконописецъ Дмитрій именно потому и взялся за переводъ поэмы, что вмѣстѣ съ нею получался богатый матеріалъ для христіанской символики. Но мнѣ не совсѣмъ ясно, почему именно Шестодневъ Георгія Писиды можетъ дать такой матеріалъ. Вѣдь не извѣстны же намъ лицевыя Шестодневы другихъ авторовъ. Другое дѣло—Физиологъ; но греческіе и западные Физиологи, по коимъ намъ приходится дѣлать заключеніе, имѣютъ отдѣльное отъ Шестодневоу происхождение и форму. Символическое толкованіе животныхъ, находимое въ Физиологахъ, почти никогда не встрѣчается въ Шестодневахъ. Общность же свѣдѣній о тѣхъ и другихъ животныхъ объясняется общностью первоначальныхъ классическихъ источниковъ. Затѣмъ любопытно было бы указаніе на дѣйствительное проявленіе „этого комментарія къ иконописному искусству“ въ русской иконописи послѣ XIV вѣка или въ русскихъ иконописныхъ подлинникахъ. Но ничего подобнаго покажеть не найдено. Не извѣстно пока и ни одной греческой рукописи поэмы съ изображеніями, кои могли бы служить для русскихъ иконописныхъ подлинниковъ, какъ это было съ лицевыми Псалтырями и Апокалипсисами. Далѣе, врядъ ли хватило бы у любого русскаго иконописца XIV вѣка и времени, и знанія для перевода довольно большой поэмы,

ошибка: въ Софійскомъ временникѣ ничего подобнаго нѣтъ. Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., V, прим. 137 изд. Эймерлима, стр. 60), не упоминая источника, говоритъ подъ 1385 годомъ: „переведено слово св. Георгія Писиды: хвала Богу, Творцу міра“.

¹⁾ Толстаго № 144, Чт. Общ. Ист. и Др. № 194. Виленскій № 53 (122) и прочіе. Впрочемъ въ древнемъ спискѣ Троицкомъ нѣтъ записи.

темной и трудной даже для нашего времени. Да и откуда было достать ему греческій оригиналъ поэмы? Наконецъ, самое слово „зографъ“ въ смыслѣ иконописца является у насъ распространеннымъ только въ XVII столѣтіи (Словарь Памвы Беринды, Посланіе изографа Іосифа), а раньше обыкновенно читаемъ слова: писци, иконники (Патерикъ Печерскій, изд. Яковлева, стр. 173; Стоглавъ. Казань, стр. 124; Ровскъ Висковатова). Ни у Востокова, ни у Миклошича этого слова нѣтъ. На основаніи всего этого трудно довѣриться гипотезѣ Н. С. Тихонравова, а слѣдуетъ обратиться къ изученію общаго характера нашей литературы конца XIV вѣка.

Литература этого времени была преимущественно переводная, съ несомнѣннымъ сербо-болгарскимъ вліяніемъ. Престолъ митрополіи „всѣя Русіи“ долженъ былъ по смерти св. митрополита Алексія въ 1378 г. перейти къ Кипріану, митрополиту Кіевскому, занимавшему свой столъ съ 1376 г. рукоположеніемъ патріарха Филоея. Но соперникомъ Кипріана явился Митай. Кипріанъ не былъ принятъ въ Москвѣ и въ 1379 г. отправился въ Константинополь. Митай вскорѣ умеръ, проски новаго Кипріанова соперника Пимена не удались, и 23-го мая 1381 года Кипріанъ былъ честно встрѣченъ за городомъ при вѣздѣ въ Москву ¹⁾. Митрополитъ Кипріанъ, „возстановитель просвѣщенія въ Россіи“ ²⁾, самъ составлялъ, переводилъ и переписывалъ книги, какъ свидѣлствуютъ собственноручно имъ переписанныя: Лѣствица св. Іоанна (Моск. дух. академіи № 152), Творенія св. Діонисія Ареопажита (Моск. дух. академіи № 144), Служебникъ (Синод. Библ. № 610), Псалтырь (Моск. дух. академіи) ³⁾. Ему принадлежатъ переводы: 1) вышеупомянутаго Служебника съ подписью на 72 листѣ: „сии служебникъ переписалъ отъ грецкихъ книгъ на русскіи языкъ рукою своею кипріанъ смиренный митрополитъ кыевскіи и всѣя руси“; 2) канона преподобнаго патріарха Филоея на случай междоусобной брани (Моск. дух. акад. № 77, л. 281; Троице-

¹⁾ Митрополитъ *Макарій*, Исторія Русск. церкви, т. IV, стр. 59.

²⁾ Митрополитъ *Евгеній*, Словарь дух. писателей, ч. II, стр. 48. Ср. *Лит. Русск. Лит. и Древности*, статью *Θ. И. Буслаева*.

³⁾ *Горскаю*, Св. митр. Кипріанъ (*Прибавл. къ Теор. Свв. Отцовъ* 1848, VI). *Филарета* Обзоръ духовн. литер. I, № 74, стр. 77. *Арх. Леонидъ*, Кипріанъ до востшествія на Московск. митрополію (*Чтенія Общ. Ист. и Др. Р.* 1867, 2, стр. 11). *Архим. Амфилодій*, Что внесъ св. Кипріанъ митрополитъ Кіевскій ... изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги (*Труды III Археологическаго съѣзда*, II, стр. 231—251). *Мансвентовъ*, Митрополитъ Кипріанъ и его литургическая дѣятельность. М. 1882.

Сергіевой лавры № 313)¹⁾; 3) канона Григорія Синаита св. отцамъ въ вышеупомянутой Псалтыри; 4) чина еже омыти мощи святыхъ или врестъ молити—списася отъ греческихъ книгъ смиреннымъ митрополитомъ Кипріаномъ (Волокол. Требникъ № 98)²⁾; 5) Кормчей въ библиотекѣ Московскаго Успенскаго собора; 6) Толкованій на Евангеліе Луки и Іоанна, извѣстныхъ по списку 1434 г. (Толстаго) и нѣсколькихъ 7) мелкихъ статей (перечислены у Мансветова, стр. 111—112) и пр. О переводѣ Кормчей мы читаемъ въ преніи Лаврентія Зизанія: „Кипріяи митрополит киевскій и всея русїи егда прїиде ис константина града на русскую митрополию и тогда с собою привез правилныя книги христіанскаго закона греческаго языка правила и перевел на словенскій языкъ“³⁾. Эти переводы давно уже были извѣстны. Въ Константинополѣ, въ своемъ селѣ Голенищевѣ онъ „многія святыя книги съ греческаго языка на русскій переложил и довольно писанія къ пользѣ намъ оставил“⁴⁾. Общій характеръ переводовъ Кипріана вполне выясняется словами Нила Курлятева, ученика Максима Грека въ предисловіи къ Псалтыри: „Митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще съ ними единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодежаво и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся), и онъ мнился, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и словехъ все по сербски написалъ“⁵⁾. Самому Кипріану пришлось жить на Аѳонѣ во время полного развитія тамъ сербо-болгарской переводной письменности въ частности и духовнаго просвѣщенія вообще (1350—1370 гг.). На Аѳонѣ въ то время жили Григорій Синаитъ, еочиненія коего вліяли на Нила Сорскаго⁶⁾, будущіе патріархи Аѳанасій и Каллисты I и II, Козьма Болгаринъ и Григорій Палама, знаменитый противникъ Варлаама и Акиндина по вопросу о Ѡavor-

¹⁾ Опис. рук. библ. Троице-Сергіевск. лавры. М. 1878, II, стр. 87.

²⁾ Обзоръ *Филарета*, стр. 88. Вѣроятно, номеръ Требника невѣрно отмеченъ въ Описаніи рукоп. Волокол. о. *Іосифа* (*Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1882, 3, стр. 25) № 78. Переводъ толкованій приписывается пр. Филаретомъ митрополиту Кипріану гадательно.

³⁾ *Лѣтописи русск. литер. и древности*, т. II, 2, стр. 99. Засѣданіе въ книжной палатѣ 1627 г. по поводу катихизиса Лавр. Зизанія. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. № XVII, стр. 44.

⁴⁾ Степенная книга I, 558.

⁵⁾ Рукописи Царскаго. Описаль *Строевъ*. М. 1848. № 327.

⁶⁾ *Архангельскій, Нилъ Сорскій*. С.-Пб. 1882, стр. 174 и сл.

скомъ свѣтъ ¹⁾. И греки, и болгары обоихъ царствъ, и сербы уже стягивались грознымъ турецкимъ кольцомъ: лучшіе люди бросали міръ и шли на Святую гору. Большая часть славянскихъ переводовъ свято-отеческихъ сочиненій духовно-правственнаго содержанія сдѣлана на Аѳонѣ въ періодъ 1350—1450 гг. Изъ надписей на нихъ видно, что языки древне-славянскій, сербскій, болгарскій и русскій считались тогда за одно и то же, что между прочимъ свидѣлствуется записями и нижеприведенныхъ рукописей ²⁾. Перечислимъ переводы съ годами, сдѣланные на Аѳонѣ...

Переводъ твореній Діонисія Ареопагита сдѣланъ на Аѳонѣ сербскимъ инокомъ Исаіей по просьбѣ Θεодосія, митрополита Серрскаго, въ 1371 году. Исаія въ предисловіи къ своему труду говоритъ: „нашъ словенскій языкъ отъ Бога добрѣ сотворенъ есть.... случися и мнѣ навикнути мало греческаго языка... и ина прежде сего преложихъ“, но что именно—не знаемъ ³⁾. Въ Оптиной пустыни хранятся постническія слова Исаака Сирина болгарскаго письма съ слѣдующею записью: „сія книга медоточнаа иже во святыхъ отца нашего Исаака написана въ святѣй горѣ Аѳонстѣй въ святѣй и величѣй лаврѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аѳанасія желаніемъ и трудомъ и ексодемъ грѣшнаго Гавріила въ лѣто 6897“ (1389) ⁴⁾. Подобнаго же содержанія сербская рукопись XIV вѣка находится въ Московской духовной академіи. ⁵⁾ Переводчикомъ этого сочиненія былъ нѣкто старецъ Іоаннъ Болгаринъ (около 1355 г.), про коего мы читаемъ въ Октоихѣ, пожертвованномъ Георгомъ Логоветомъ Синай-

¹⁾ *Порфирій Успенскій*, Первое путешествіе въ Аѳ. монастыр. Кіевъ. 1877, I, стр. 241 и сл.

²⁾ См. также *Шевыревъ*, Исторія русск. словесности, IV, стр. 44. И. И. Срезневскій (*Москвитинъ* 1846 г., № 8), говоря о кирилловской части Реймсаго Евангелія, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ XIV—XV вѣкѣ православіе славянское и азбука кирилловская были извѣстны на западъ подъ именемъ русскихъ; но такой эпитетъ вовсе не даетъ повода заключать, что рукопись и по происхожденію была изъ Руси“. Въ болгарскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ выраженіе „словенски языкъ“ вмѣсто болгарскаго и сербскаго (*Starina*, I, 23 и слѣд.; V, 23, статья *Яича*).

³⁾ *Востоковъ*, Описаніе Рум. муз., стр. 161—162. *Горскаго* и *Невоструса*, Опис. синод. рук. II, 2, стр. 1 и 6. *Яичъ*, Исторія сербско-хорватской литературы. Казань. 1871, стр. 233. *Голубинскій*, Очеркъ исторіи прав. церкви Болгарск., Сербской и Румынской. М. 1871, стр. 507. *Строевъ*, Библиог. словарь, 119.

⁴⁾ *Чтен. въ Общ. Ист. и Др.* 1865, IV, смѣсь, стр. 67. Сравни. Описаніе рукоп. Хлудова *Попова*, стр. 91.

⁵⁾ Опис. синодальн. рукописей, II, 2, стр. 156.

скому монастырю: „труды (то-есть, Октоихъ) же изложены преподобнаго отца нашего старца Іоанна, преложившаго наъ греческихъ въ болгарскій нашъ языкъ въ святой горѣ Аѳонскѣй и лаврѣ богоноснаго отца нашего Аванасія... прѣложи и исписа книги, ихъ же имена зде: тетраеѵль, пракси, апостоль, литургія, типикъ псалтырь, оеотокаръ, минаеа, агіристъ, богослова, лѣствица Исаака, Варлаама Дорофеа, патерикъ, Антиохъ и ина многа съчинъ и пр. ¹⁾).

Въ 1412 году хиландарскій инокъ Гавріилъ перевелъ толкованія діакона Олимпіодора на книгу Іова. Рукопись Московской синодальной бібліотеки № 63 (202)—едва ли не подлинникъ, по словамъ Строева,—имѣетъ на себѣ слѣдующую запись: „написасе и прѣложи сію (са) книга праведнаго и многострадальнаго іова при величїи лаврѣ хиландарскѣй ѿ извода грѣчьскаго обитѣли есфугмена въ лѣтѣ ѿзѣк... помїнай же смрєна гаурїила нєкли инока трѣдившагосє“. Въ предисловіи Гавріилъ упоминаетъ и о другомъ немного болѣе равнємъ переводѣ: „ннѣ же въ послѣднїихъ врѣмена и къ кѡнчинѣ на словєнское издаѣ нѣкыи приснопамєннѣ не вѣдѣ, зѣло оумалєннѣ и тѣспоразѣмнѣ да падає оужорїзна и снмъ желѡ стрѣчюще лѣвность нашу подвигохумсє снцє прѣнєсти сїю акоже здѣ ннѣ лежить“ ²⁾. Приписка, бывшая при книгѣ Премудрости Соломона, между прочимъ гласитъ: „сн изводѣ книгу прѣмоудраго солѡмонна ѡбрѣтохѡ въскрай лєжимо и снє, како се прєложи въ стѣи горѣ Аѳѡнскѣи въ величїи лаврѣ Хиландари нѣкымъ чѣстнымъ иншкѡ гавріилѡ въ лѣтѣ ѿзѣк (1412) ѿ грѣчьскыи въ нашъ словєнскыи языкъ“... ³⁾ Вѣроятно, этому же Гавріилу принадлежитъ отрывокъ въ рукописи XVI вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (С.-Петербургской духовной академіи) № 9 (132): „указъ отъ святыхъ горъ Аѳѡна иже прєписасъ отъ грєчєскаго языка на словєнскїи языкъ о погребєнїи на свѣтлой недѣли братьи... Богъ да проститъ Гавріила проста, ако прєписа сїє отъ грєчєскаго на словєнскїи языкъ“ ⁴⁾.

Постническое слово святаго Максима „преведено отъ греческаго языка на русскїи во святѣй горѣ Аѳонскѣй въ лѣта 6933 (1425) киръ Іаковомъ доброписцемъ убогому Евсевию, непотребному Ефрему

¹⁾ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1865, IV, связь, стр. 68.

²⁾ Горскїи и Невоструевъ, Опис. рукоп. синодальн. библ., II, 1, стр. 54—55. Строевъ, Библиологическїи словарь, стр. 45.

³⁾ Викторевъ, Рукописи Григоровича, стр. 45.

⁴⁾ Строевъ, Библ. сл., 46. Филаретъ, Обзоръ, № 79, стр. 82.

русину“ ¹⁾. Этотъ Іаковъ извѣстенъ еще по переводу (совмѣстно съ попомъ Венедиктомъ), сохранившемся въ рукописи М. Синодальной библиотеки № 61 (36) и 62 (37). Въ первой рукописи читаемъ: „сія книга шестодневникъ златоустовъ преписасе въ стѣи горѣ аона ѿ ѣзыка елладскаго на языкъ нашъ словѣнскыи чьстнѣйшомѹ въ спѣноинонокѣ поноу кѹ венедиктоу мною грѣшнымъ іаковомъ таха инокомъ в ѿ зѣлд“ (1426). Во второй рукописи, составляющей продолженіе первой, читаемъ: „въ ѿ зѣлд (1426). . сіе стѣе и бѣтвнык книги шестоднѣвникъ стѣго іѡана злѣуста прѣписа попъ венедиктъ въ стѣи горѣ ѡдъ грѣчьскаго кѣзыка на сръбскы“ ²⁾. Къ 1432 году относится переводъ житія Георгія Омиритакаго, сдѣланный на Аеоноѣ, въ монастырѣ св. Аеоанасія, монахомъ Андроникомъ ³⁾.

Вообще, переводная и переписочная дѣятельность XIV вѣка сосредоточивалась въ двухъ мѣстахъ—на югѣ славянскомъ и въ Константинополѣ. Никодимъ, архіепископъ Сербскій (1316—1323 гг.), въ предисловіи къ Типику 1319 года пишетъ: „послахъ въ Царскіи градъ въ монастырѣ святаго Предтечи и Крестителя Іоанна и принесены ми бысть си типикъ іерусалимскіи и преложихъ и въ нашъ языкъ отъ письмень греческаго языка“ ⁴⁾.

„Поученія, избранная различными премудрыми мужьями отъ святаго евангелія и отъ многихъ божественныхъ писаніи преложена съ гречскаго языка на рускїа книги въ лѣто 6861 (1343) индикта II-го“, находятся въ рукописи Толстаго № 101 и носятъ на себѣ слѣды (впрочемъ весьма малые) югославянскаго происхожденія. Къ нимъ, надо полагать, относится замѣтка въ одномъ изъ алфавитовъ Румянцовскаго музея: „Евѣлие толковое воскрѣсное преложилъ константинъ философъ въ лѣто ршѡиѡ“ (1343) ⁵⁾. Любопытно было бы сравнить ихъ съ пергаменной рукописью словъ Іоанна Златоустаго 1344 года монастыря Хиландарскаго ⁶⁾. Вѣроятно, этого же содержанія карло-

¹⁾ *Строевъ*, Библ. словарь, стр. 121. *Шевыревъ*, Повѣднѣ въ Кирилловѣ Бѣлозерскій монастырѣ, II, стр. 16. *Іосифъ*, Опис. рукописей I. Волок. монастыря. М. 1882. (*Чт. Общ. Ист. и Др.* 1882, III), стр. 150.

²⁾ *Горскій* и *Невострүүлъ*, Опис. Снн. библ. II, 1, стр. 45 и 48. *Голубинскій*, 508, съ ссылкою на *Safarik*, *Geschichte der südslaw. Literatur*, III, 219.

³⁾ *Строевъ*, Библиологическїи словарь, стр. 27.

⁴⁾ *Гласник* XI, 191. *Голубинскій*. Исторія церкви. слав., стр. 505.

⁵⁾ Востоковъ колебался, не ошибка ли это. Опис. рукоп. Рум. муз., стр. 3.

⁶⁾ *Яничъ*, Исторія сербо-хорв. литературы, стр. 238, вѣроятно, изъ *Григорича*: Путешествіе по Евр. Турци. М. 1877, стр. 30.

вацкая рукопись 1451 года, списанная на Аѳонѣ для вышепоману- таго Никодима ¹⁾).

Къ 1370 году относятъ исправленіе древняго перевода Лѣствицы Іоанна Синайскаго иноками Хиландарскаго монастыря, дошедшаго до насъ какъ въ спискѣ митрополита Кипріана, такъ и въ Круше- дольскомъ спискѣ 1434 года ²⁾).

Въ 1399 году инокъ Іоаннъ списалъ плѣны Іерусалима и исторію Маккавеевъ въ Константинополѣ ³⁾).

Добровскій предполагалъ, что книги Премудрость, Экклезіастъ, Пророки и Іовъ переведены въ Сербіи въ XIII—XIV вѣкахъ ⁴⁾).

Въ житіи Θεодосія Терновскаго, жившаго въ половинѣ XIV вѣка, упоминается его ученикъ іеромонахъ Діонисій, который „многи книги преложи съ греческаго на словенскій“ ⁵⁾. Деспоть Стефанъ (1389—1427 гг.), сынъ Сербскаго краля Лазаря, убитаго на Косовѣ, покровитель „ресавскихъ переводчиковъ“, „многа писанія преведѣ отъ Грѣч- скихъ писаніи паче инѣхъ прѣжде бывшихъ того“ ⁶⁾. Въ сборникѣ Владислава Грамматика 1469 года на лл. 237—389 находится „книга глаголемая Марьгарите“, и въ концѣ ея слѣдующая записъ: „конць zde симъ богодѣхновеннымъ слѣвомъ ихъже шть еллинскаго писанія на блъгарьскіи езъкъ прѣтвори чествіи и изреднѣи по истинѣ въ штьдехъ дивныи кирь Діѡнусте шть кнѣгы иже въ светыхъ штьца нашего Іѡанна златоустаго и езъкъшъ, и оусты“ ⁷⁾.

Ученикъ Θεодосія, знаменатый Евфимій Терновскій, оставилъ намъ переводъ литургіи апостола Іакова съ греческаго на славянскій (Ру- копись Московской духовной академіи № 168) ⁸⁾.

¹⁾ *Jireček-Safarik's Geschichte der sudsl. Literatur*. Prag. 1865, III, стр. 212.

²⁾ *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, стр. 216, съ ссылкою на *Jahrbücher der Literatur* 1831, № 53. Ср. *Петрова* Описание рукоп. Киевск. музея. К. 1875, I, стр. 67. *Jireček-Safarik's Geschichte*, III, 1, стр. 209.

³⁾ *Строевъ*, Библ. словарь, стр. 399—401. Въ *Православномъ Собесѣдникѣ* 1859, III, стр. 382, безъ упоминавія источника указано, что переводъ сдѣланъ этимъ Іоанномъ на Аѳонѣ въ 1397 году.

⁴⁾ *Добровскій*, Грамматика языка Славянскаго. Переводъ *Поюдина*. М. 1833, стр. LVII.

⁵⁾ *Чт. въ Общ. Ист. и Др.* 1860, кн. I л. S. *Голубинскій*. Исторія церквей слав., стр. 172.

⁶⁾ *Леонидъ*. Ист. опис. сербской лавры Хиландаря. М. 1868 (*Чтенія* 1867 г., V), стр. 122.

⁷⁾ *Starine*, I, стр. 52.

⁸⁾ *Голубинскій*, *ibid.*, стр. 175. Ср. статью *П. А. Сырку* въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію учен. В. И. Ламанскаго. С.-Иб. 1883, стр. 350, и въ *Журн.*

И. В. Ягичъ относитъ сербскій переводъ хроники Георгія Амартола къ XIV вѣку. Списковъ сербскаго извода XIV вѣка довольно много: Синодальный 1386 г. (изданъ Общ. Др. Писъм.), Аѳонскій 1387 г., Шафарика (Пражскій) 1389 г., Аѳонскій 1376 — 1389 гг., Вѣнскій к. XIV вѣка, Хлудовскій № 183 XIV—XV вѣка ¹⁾). Болгарскій изводъ находится въ древлекранилищѣ Цогодина.

• Востоковъ колебательно относилъ переводъ хроники Манассіи къ XIV вѣку. Списки ея относятся: Синодальный къ 1346 г., Ватиканскій къ 1350 г. Съ Востоковымъ согласенъ и Билярскій, относившій время ея перевода къ XIV столѣтію ²⁾).

Къ тому же времени акад. Ягичъ относилъ и переводъ лѣтописи Зонары (дошедшей въ Карловацкомъ списокѣ XV вѣка), часть коей издана О. М. Бодянскимъ по рукописи Волоколамской XV же вѣка. Догадка эта подтверждена г. Качановскимъ, нашедшимъ рукопись Зонары 1344 г. въ собраніи Ундольскаго ³⁾). Несомнѣнно, къ XIV же вѣку относится переводъ „Правильника“ (Σβνταγμα) византіица того же вѣка Матѳея Властаря, дошедшій до насъ въ рукописи конца XIV вѣка ⁴⁾).

Къ тому же вѣку (1397 году?) относится и переводъ Тактикона Никона Черногорца ⁵⁾).

Къ XIV же вѣку относятся многіе списки апокрифовъ (болгарскихъ басенъ) югославяневаго письма, а можетъ быть, и переводъ нѣкоторыхъ сдѣланъ былъ тогда же. Укажемъ для примѣра Меводія Патарскаго, рукопись болгарской рецензій XIV вѣка (М. синод. библи. № 38), дѣяніе Θомы, сербской рецензій XIV вѣка, и др. ⁶⁾. Замѣтимъ

Мин. Нар. Просв. 1887 г., и *Glasnik*, XXV, стр. 289—304. Списокъ есть въ Академіи Наукъ и въ моей библиотекѣ. Новыя данныя о переводной дѣятельности Евѳимія Терновскаго собраны П. А. Сырку въ сочиненіи: Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Т. II, вып. I. С.-Пб. 1890.

¹⁾ *Ягичъ*, Исторія сербскохорватской литературы. Казань, стр. 227—228.

²⁾ *Билярскій*, О средне-болгарскомъ вокализмѣ. *Чертковъ*, О переводѣ Манассіиной лѣтописи. М. 1842.

³⁾ *Starine*, XIV, стр. 125. Переписалъ волоколамскій списокъ хиландарскій монахъ Григорій.

⁴⁾ *Ягичъ*, стр. 239. Отмѣтимъ еще списокъ Кормчей 1305 г., писанный въ Хиландарѣ (*Starine*, III, 201).

⁵⁾ *Jireček-Safarik's Geschichte der südslawischen Literatur*, III, 208.

⁶⁾ *Викторовъ*, Рукописи Григоровича, № 22 ср. *Starine* V, 95—108 и VIII, 36—92. Въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1865, IV, стр. 29, указанъ втораго апокрифа списокъ XVII вѣка, оставшійся неизвѣстнымъ его издагателямъ.

также, что и древнѣйшій списокъ „Стефанита и Ихнилата“ дошелъ до насъ въ сербской редакціи XIV вѣка ¹⁾. О Физиологѣ мы уже упоминали выше. Всѣ эти произведенія быстро переходили и къ намъ на Русь. А какимъ образомъ это дѣлалось, видно изъ нижеслѣдующихъ записей на рукописяхъ.

Въ сборникѣ Троицкой лавры № 746 (1900) читаемъ на концѣ запись: „Въ 6939 (1431) списася книга сія въ святой горѣ Аѳонскѣ въ обители царствѣ въ лаврѣ великаго Аѳанасія подъкрыліемъ св. Григорія Паламы и преподобнаго отца нашего Петра Аѳонскаго, въ кущи св. и славнаго пророка Иліи. Преписася (рукою) многогрѣшнаго и смиреннаго инока Аѳанасія русина... Послѣдизже повелѣніемъ господина Зиновія игумена Сергеева монастыря съписася грѣшнымъ Іоною игуменомъ Угрѣшскимъ“. Затѣмъ описыватели рукописей указываютъ, что, по видимому, для Зиновія (1436 — 1445 гг.) не только списывали, но, кажется, и переводили книги на востокѣ (то-есть, Аѳонѣ), при чемъ указана Діонтра Филиппа 1418 года (№ 190) и Минейя четъ въ спискѣ XV вѣка, съ записью писца Евсевія (№ 669) ²⁾.

О константинопольской дѣятельности, по крайней мѣрѣ переписочной, свидѣтельствуетъ нашъ русскій путешественникъ XIV вѣка Стефанъ Новгородецъ: „Близъ златыхъ вратъ лежитъ Феодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставъ, тріюди и инья книги“, и далѣе: „обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, ижъ нѣколи бѣ мочно было свидѣтися, зане бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живутъ туто списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ святаго писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію“ ³⁾.

Въ 1355 году св. Алексій митрополитъ въ Константинополѣ перевелъ и списалъ Новый Завѣтъ ⁴⁾.

Въ Константинополѣ, въ Студійскомъ монастырѣ, въ 1387 году митрополитъ Кипріанъ переписалъ Лѣствицу Іоанна.

Въ 1392 году, по желанію Аѳанасія, игумена Высоцкаго, въ Константинополѣ же, въ монастырѣ св. Предтечи, написанъ сборникъ

¹⁾ Стефанитъ и Ихнилатъ, изд. *Викторова* въ Общ. Люб. Др. Писъм. 1882.

²⁾ Описаніе рук. Троицкой лавры, III, 15.

³⁾ *Сахаровъ*, Сказанія Русск. Нар., II, 8 стр. 53 и 54. Я думаю, что „списаючи“ и „книжное списаніе“ надо понимать буквально—списываніе.

⁴⁾ *Калайдовичъ*. Іоаннъ, епск. Болгарскій. М. 1824, стр. 59.

отрывковъ изъ сочиненій Максима Исповѣдника, Симеона Новаго, Исаака Сирина съ замѣтками физиологическаго характера въ концѣ о четырехъ морехъ, о теплыхъ водѣхъ, о двѣнадцати вѣтрахъ и пр.)¹⁾.

Въ 1401 году... грѣшныи Аванаси (вѣроятно игумень Высоцкій) ... коснуся трудолюбивѣ.... и не художнѣ сниска... книгу правилъ церковныхъ 'иже ѣ око церковное въ царствующемъ градѣ въ пречестнѣй обители царьской всестыа бѣа иперивлето²⁾.

Извѣстенъ еще списокъ Лѣствицы 1421 года (?) съ слѣдующею записью: „Въ лѣто 6929 Божіею помощію съвршися божественаа сіа книга въ Константиѣградѣ въ царстѣй обители пресвятыя владычица наша Богородица Иперивлепто ея же молитвами да помиуетъ насъ Христосъ истинный Богъ нашъ ему же слава съ безначальнымъ его Отцомъ и всесвятымъ Духомъ въ безконечныя вѣка. аминь. О убогий Евсевіе“³⁾.

Другой списокъ того же сочиненія (Лѣствицы) имѣеть такую же запись: „Божіею помощію совершися сіа книга въ Константиѣ градѣ въ црстѣи обители пречистыа влдчца нашѣ бцѣ иперивлето ея же молитвами да помиуетъ насъ хс истинныи бгъ нашъ ему же слава съ безначальнымъ оцмъ и всесвятымъ дхомъ въ безконечныя вѣки аминь Ѡ оубогы еусевіе в лѣто ꙗциѣ марта ѿ ++ + +: непотребныи ефремъ: +“⁴⁾.

Точно такое же послѣсловіе читается въ спискѣ Лѣствицы, хранящемся въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ⁵⁾.

Таковы документальныя свидѣтельства о переходѣ югославянскихъ переводовъ и рукописей на Русь.

При нашихъ изысканіяхъ мы не имѣли въ виду перечислять всѣ югославянскіе переводы XIV вѣка, описанные или издаванныя А. Θ. Гильфердингомъ, В. И. Григоровичемъ, Ю. Даничинымъ, Д. Дмитриевымъ-Петковичемъ, В. И. Ламанскимъ, С. Новаковичемъ, А. Н. Поповымъ, пресв. Порфиріемъ (Успенскимъ), И. И. Срезневскимъ, И. В. Ягичемъ и другими извѣстными славистами. Но уже на основаніи вышечисленныхъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, переводовъ и рукописей мы можемъ

¹⁾ Описаніе рук. Рум. музея, *Востокова*, стр. 516.

²⁾ *Ів.*, стр. 711.

³⁾ *Иосифъ*, Опис. рук. Іос. Волоколамск. монастыря. М. 1871, стр. 79.

⁴⁾ *Амфилохий*, Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки. М. 1875, стр. 131. Объ этомъ Евсевіи см. Опис. рук. Троицкой лавры, III, стр. 14.

⁵⁾ *Строевъ*, Библ. словарь, стр. 413.

сдѣлать слѣдующіе выводы. Южнославянская литература XIV вѣка была направлена преимущественно переводнаго. Переводы всевозможныхъ византійскихъ сочиненій дѣлались большею частью аеонскими монахами изъ сербовъ и болгаръ. Переводы эти не только распространялись на славянскомъ югѣ ¹⁾, но переходили и къ намъ въ Россію. Мало того, самое правописаніе русскихъ рукописей въ XV столѣтіи было подражательнымъ юго-славянскому: ставили юсы, гдѣ пошло, вмѣсто *у* и *я*, вмѣсто *о* писали *э*, вмѣсто сочетаній *ор*, *ол*, *ер*, *ел* ставили, безъ разбору, *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* и т. п. ²⁾. Тутъ, конечно, много значили близость сербской и болгарской рѣчи къ русской, сношенія наши съ Аеономъ и Константинополемъ и русскіе иноки-путешественники и переписчики. Юго-славянскія рукописи или прямо переходили на Русь, или переписывались русскими писцами. Переводы такимъ образомъ обогащались руссизмами, считались за русскіе, попадали въ русскіе сборники и часто, особенно впоследствии, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вполне теряли признаки своего первоначальнаго происхожденія. Было и обратное явленіе: съ русскаго переводили на сербскій, но, по видимому, это было уже впоследствии: объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ русскихъ житій Феодосія Печерскаго и князя Мстислава въ юго-славянскихъ рукописяхъ, еще рукописи Хлудова № 154 и № 160 (Минея служебная), сочиненія Кирилла Туровскаго въ сербскихъ спискахъ ³⁾, переводъ Іосифа Флавія 1585 года и др. ⁴⁾. Сюда же можно отнести и сербскій (XIV вѣка) списокъ поученія русскаго митрополита Иларіона ⁵⁾. Появленіе южнославянской письменности въ Россіи обуславливается, кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, опасностью разроставагося турецкаго могущества, литературною дѣятельностью Кипріана и пришедшихъ съ нимъ монаховъ и отчасти особыми упованіями на русскій народъ или по

¹⁾ Какъ близки были между собою болгары и сербы, свидѣлствуютъ между прочимъ Синаксарь 1330 года на половину сербской, на половину болгарской рецензій, и Оливеровская минея (сербская) 1392 года, писанныя однимъ и тѣмъ же лицомъ Станиславомъ. *Ламанскій*, О слав. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. С.-Пб. 1874, стр. 19 и 164.

²⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, известная работа проф. Яича: *Kniga Konstantina filosofa o pravopisu* (*Starine* 1869, 1, стр. 1).

³⁾ *М. И. Соколовъ*, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. М. 1888, стр. 14.

⁴⁾ *Порфирій Успенскій*, Первое путешествіе въ Аеонскіе монастыри, II, стр. 131.

⁵⁾ *Ученыя Записки Казанск. университета* 1865, 1.

крайней мѣрѣ на русскую рѣчь. Переводы съ греческаго на славянскій и должны были совершаться по преимуществу на Аеоиѣ и въ Константинополѣ: тамъ можно было найти греческія рукописи, конхъ въ XIV вѣкѣ ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи, ни въ Россіи быть не могло много.

На основаніи этого, по аналогіи, и родину нашего переводчика Дмитрія Зографа надо отыскивать на томъ же славянскомъ югѣ.

Противъ этого предположенія, по видимому, говоритъ запись о переводѣ поэмы на „русскій“ языкъ, но мы уже знаемъ, что русскій равнялся словенскому, словенскій — сербскому и т. д. Кромѣ вышеприведенныхъ замѣчаній акад. Ягича и Срезневскаго, замѣтимъ, что выраженіе: „на русскій языкъ“ могло быть внесено русскимъ переписчикомъ вмѣсто „словенскій“. Такъ, въ спискѣ, упомянутомъ въ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“, значилось: „Георгій Писидъ о твари главъ 94 преведены въ Словенскій діалектъ“. Наль Курлятевъ говоритъ въ предисловіи къ Псалтыри, переведенной Максимомъ Грекомъ (1552 года), про сербовъ и болгаръ, различіе языка конхъ для него представлялось довольно смутно: „аще и съ нами единъ нашъ языкъ сирѣ^н славенскі“¹⁾. Не забудемъ и словъ Константина Философа, свидѣтельствующихъ о смутномъ пониманіи различія между языками сербскимъ, болгарскимъ и русскимъ: Кириллъ и Меодій избрали для своего перевода „тънчайшій и краснѣйшій роушьскій языкъ, къ немуже помощьъ въдасть се блъгарскыи и сръбскыи“²⁾. Можетъ быть, и нашъ переводчикъ, стави слово русскій, понималъ подъ нимъ именно чисто славянскій языкъ. Значить, выраженіе „преведеса на русскій языкъ“ ничуть не мѣшаетъ искать родину переводчика на славянскомъ югѣ.

Поэма Георгія Писидійскаго, тамъ переведенная, не будетъ исключительнымъ явленіемъ переводнаго сочиненія мистико-физиологическаго характера. Ей, какъ мистическому сочиненію, соотвѣтствуютъ тамъ же, въ то же время переведенныя сочиненія Діонисія Ареопагита, Исаака Сирина, Олимпіодора и проч. Съ другой стороны, со стороны космографическихъ и физиологическихъ данныхъ ей соотвѣтствуютъ статьи Кирилло-Бѣлозерскаго сборника XV вѣка (1424 года) о зачатіи чело-вѣческомъ, о широтѣ и долготѣ земли, о стадіяхъ и поприщахъ, о

¹⁾ Ср. *Сухомлинова* О языкованіи въ древней Россіи, стр. 248—249 (*Ученія записки втораго отдѣленія Имп. Акад. Наукъ*, кн. 1).

²⁾ *Starine*, I, 14.

земномъ устроеніи, о разстояніи между небомъ и землей, о землетрясеніи, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ, объ океанѣ, облакахъ, громѣ и молніи и о денницахъ. Онѣ приписываются какому-то Алексинду и тоже носятъ признаки югославянскаго происхожденія ¹⁾). Подобныя же статьи находятся въ Румянцовскомъ сборникѣ № 358 (Востокъ, стр. 510) и въ хронографахъ. А. Н. Поповъ приписываетъ ихъ составленіе Константину Философу, сербскому писателю первой половины XV вѣка ²⁾). Любопытно, что въ одномъ сборникѣ 1503 года (Погодина № 1032) есть списокъ поэмы Георгія Писидійскаго, при чемъ начало дѣйствительно взято изъ поэмы, а далѣе идутъ статьи съ подобными же заглавіями. Сюда же надо отнести дошедшіе до насъ въ спискахъ XV вѣка лѣчебники, переведенные на славянскомъ югѣ въ XIV вѣкѣ съ греческихъ подлинниковъ ³⁾). Далѣе тайнопись одного мѣста поэмы по списку Новгородской Софійской бібліотеки № 1447—210 также говоритъ о югославянской родинѣ перевода ⁴⁾). Но наиболѣе вѣрнымъ суждею въ этомъ дѣлѣ можетъ быть чисто филологическая критика. Разсмотримъ переводъ съ этой стороны.

Толстовскій списокъ поэмы, XV вѣка, напечатанный мною въ „Памятникахъ древней письменности“ за 1882 годъ, несомнѣнно писанъ русскимъ писцомъ; но и въ этомъ спискѣ можно подмѣтить кое-гдѣ совсѣмъ не свойственное русскому языку правописаніе ⁵⁾). Таковы: 1) смѣшеніе юсовъ: мглоа (а = ж = ж) (82), нбжа (85), въспата Асс. sing. 98), оутврѣденыжа (104), кжа ивжа (511), двовнжа (796), огнынжа (1059), тлѣвннжа (1217) и т. д.; 2) употребленіе сочетаній ръ, лъ: оутврѣжденно (88), ѡтврѣженіе (103), зръцало (223), полпъзнешь (317), тръпаци (376), подръжаа (454), млѣнія (516),

¹⁾ Архим. *Варлаамъ*, Обзоръ рукописей преп. Кирилла Бѣлозерскаго, стр. 30 *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1861, 2). Тѣ же, кажется, статьи въ сербскомъ сборникѣ Богшича, XV вѣка: началъ съ богомъ о земли списаніи о клѣбномъ видѣніи и проч. (*Starine*, XVI; 1884, стр. 41—56).

²⁾ Обзоръ хронографовъ, I, 101, и II, 47.

³⁾ *Jagić. Opisi i izvodi IV, 1* (*Starine*, X, 1878).

⁴⁾ О криптограммѣ см. изслѣдованіе проф. *Некрасова*: Пахомій Сербъ. Одесса. 1871, стр. 25. Любопытно, что вышеуказанная графическая тайнопись соответствуетъ по рисунку значковъ обнаруженной Рачкичъ тайнописи Ватиканскаго списка Псалтири сербско-хорватскаго письма (*Rad Jugosl. Akad.* II, 36).

⁵⁾ Замѣтимъ кстати, что и другая статья этого сборника, Толкованіе словъ Григорія Богослова, съ введеніемъ Никиты Ираклійскаго, находится и въ сербской рукописи XIV вѣка, писанной въ Хиландарѣ и упомянутой въ *Jireček-Sa-farik's Geschichte der sudslaw. Literatur.* 1863, III, стр. 214.

плъзж 353, неплъдѣж 1483, оутръпленіе 564, гръбатыи 537, смърчь 1135, начрътавь 618 и гръздие 1625, 1727, прънатжа 1328, гръдымъ 784, сѣръбит 825 (ср. оскръбленъ 1027), сѣврѣстѣникъ 840, прѣсъны (Περσικός; 940), гръколистнаго (945), крѣмилицж 1059.

Ѣ — га: аглѣ (Gen. 745), шгромнаго пжтѣ (Voc. 526), корабля 997, всѣ (Ass. plur. neut.) 904; горнѣго 527, вѣсѣкын (постоянно), срамлѣжсж 987, обличѣеть 940, обонѣль 911, обонѣніе 703, 911, павлѣти 529, 776, 1030, 1047, сѣтва рѣти 705, 779, 1065 стрѣлѣаще 725 измѣнѣет 118 отѣгчѣти (отагчати) 967, костѣное 1348, прѣмыж 1168, (вѣроятнo, не древняя форма), обличѣеть 940.

Ѣ = а: палѣ 531, хотѣ 1729, отѣгчѣти 967.

ь = ѣ: стѣнь 264, грѣховъ 413, круговъ 562, мльнѣж 526, джхъ 733, цвѣтъ 1648, левъ 954, неджгъ 944, немирень 814 и др.

и = ѣ: посилаа, отригаешъ 555, нинѣ 756, сиржа 321.

к почти не употребляется, равно какъ и ж и ѣ.

Что касается употребленія ж съ значкомъ надстрочнымъ, то хотя оно и встрѣчается, но рѣдко: знакъ былъ непонятенъ для русскаго переписчика.

Этихъ признаковъ совершенно достаточно, чтобы считать оригиналъ перевода средне-болгарскимъ, а переводчика — болгаринoмъ ¹⁾.

Итакъ, переводчикъ поэмы былъ не сѣверный, а южный славянинъ — болгаринъ. Поискавъ попристальнѣе, мы во второй половинѣ XIV вѣка, во время жизни нашего переводчика, найдемъ на окраинахъ Сербіи и фамилію Зографовъ. Именно, въ одномъ монастырѣ близъ Прилѣпа, гдѣ жили преимущественно болгаре, уцѣлѣла надпись времени 1371 — 1395 годовъ. Она говоритъ, что митрополитъ Іоаннъ Зографъ и его братъ іеромонахъ Макарій Зографъ дали запустѣвшій монастырь своему змету Константину и его тремъ сыновьямъ въ баштину ²⁾. Позднѣе, въ началѣ XVI вѣка, встрѣчаемъ ту же фамилію въ Сербіи: венеціанскую Минею 1538 года

¹⁾ Ср. *Биларскаю* О среднеболгарскомъ вокализмѣ. С.-Пб. 1858, стр. 130 и разсѣм; *В. И. Ламанскаю* Не порѣшенный вопросъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869, VI, VII и IX), а также статью *Leskien'a* въ *Archiv für slavische Philologie*, II, 269 и IV, 565 и пр.

²⁾ *Monumenta Serbica*, ed. *Miklosich*. Viennae. 1858, стр. 182, CLXXII.

„приложи ієрѣмонахъ Митрофанъ Зоуграфъ и снѣ ему Георгіе Зоуграфъ храму Рождства Прѣчтне Бѣе Кемима Кожина“ и пр. ¹⁾. Къ этой юго-славянской фамиліи Зографовъ, по нашему мнѣнію, принадлежалъ и нашъ Дмитрій. Вѣроятно, онъ былъ „монахъ аеоногорскій“, такъ какъ на Аеоноѣ сосредоточивалась тогдашняя переводная дѣятельность ²⁾. Былъ ли переводъ сдѣланъ самостоятельно, или по порученію митрополита Кипріяна, который и могъ привезти его на Русь? При отсутствіи юго-славянскихъ списковъ это послѣднее вѣроятнѣе, тѣмъ болѣе, что самъ Кипріянъ въ отвѣтномъ посланіи игумену Аванасію рекомендовалъ читать на трапезѣ „Шестодневникъ святого Василія и святого отца Ивана Златаустаго“ ³⁾. Замѣтимъ кстати, что и въ числѣ посланцевъ Кипріяна въ Царьградъ упоминается какой-то духовный Дмитрій Аонійскій ⁴⁾. Не былъ ли то нашъ переводчикъ? Переводъ поэмы въ спискахъ средне-болгарской рецензіи не могъ пользоваться большимъ распространеніемъ на Руси въ XIV вѣкѣ, да и отъ XV вѣка дошли до насъ только два списка. Не попадаетъ онъ и въ современныхъ indexesъ дозволенныхъ книгъ. Въ XVI вѣкѣ онъ расходится уже въ большемъ количествѣ, правописаніе его теряетъ черты средне-болгарскаго письма, и переводъ попадаетъ въ Макарѣвскія Четьи-Миней. Въ XVII вѣкѣ мы находимъ наибольшее число списковъ. Тогда же Шестодневъ заносится въ indexesъ дозволенныхъ книгъ и начинаетъ оказывать литературное вліяніе. Отрывки изъ него попадаютъ въ алфавиты (азбуковники) ⁵⁾ или дѣлаются частью особенныхъ филологическихъ сборниковъ ⁶⁾. Можно было бы указать еще сходство сказаній о животныхъ (напримѣръ, о фениксѣ, гриффѣ, ехиніи, верблюдѣ и пр.) въ поэмѣ и въ сборникахъ проповѣдей Галатовскаго и Радивиловскаго; сказанія эти встрѣчаются и въ Толковой Палетѣ; но здѣсь близость разказа объясняется тождествомъ первоначальныхъ

¹⁾ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1875 годъ. С.-Пб. 1877, стр. 47.

²⁾ Такъ думалъ и П. М. Строевъ (Библиологическій Словарь, стр. 85), хотя и не привелъ доказательствъ.

³⁾ Акты Историческіе, т. I, стр. 478, № 253.

⁴⁾ Acta patriarchatus Constantinop. II, 177, 188, 193. Вспомнимъ и списокъ, принадлежавшій патриарху Филарету, гдѣ рядомъ съ поэмой помѣщенъ разказъ о Пименѣ, соперникѣ Кипріяна, и т. д.

⁵⁾ См. Карпова Азбуковники. К. 1878.

⁶⁾ Сборникъ акад. Буслаева, сборники Ундольскаго №№ 728 и 729.

источниковъ — Аристотеля и Эліана ¹⁾. Повторяю, XVII вѣкъ былъ временемъ наибольшаго распространенія нашей поэмы. Въ XIV и XV вѣкахъ, при заботахъ о сверженіи татарскаго ига, при вторженіи ересей, при борьбѣ за монастырскія имѣнія, при мысли о близкой кончинѣ міра, немногихъ могла заинтересовать темная, непонятно написанная поэма, воспѣвавшая премудрость устройства и красоту сего міра. Въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ обстоятельства перемѣнились: Русь укрѣпилась, вынесла эпоху междуцарствія, и повѣяло въ ней новымъ духомъ. Появились слабыя, но все же научныя стремленія; усилилась переводная дѣятельность съ польскаго, латинскаго, нѣмецкаго; переводились и передѣлывались сочиненія и чисто повѣствовательныя, и драматическія, и лексическія, и космографическія, и медицинскія, даже философскія. И старыя вещи не забылись: число списковъ увеличивается, тексты ихъ подновляются, является потребность чтенія, появляется даже библиографическій ихъ перечень — „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“. Проводится новый взглядъ на міръ не какъ на зло, а какъ на нѣчто очень хорошее и достойное изученія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и переводы космографій, и раскольничьи стихи (о красотѣ пустынной природы), и автобіографія Аввакума, и отчеты о поѣздкахъ Арсенія Суханова, и уменьшеніе числа затворниковъ. Тогда распространяется и наша поэма. Своею картинностью, своимъ свѣтлымъ взглядомъ на природу она привлекла къ себѣ вниманіе русскихъ людей, а своими сказочными свѣдѣніями заманивала ихъ воображеніе. Конечно, въ ней нечего искать научныхъ свѣдѣній: она, какъ и вся европейская средневѣковая литература Физиологовъ, обращала вниманіе только на исключенія изъ общаго хода природы, на „раритеты“, но въ основѣ этого стремленія ко всему рѣдкостному, курьезному кроются уже задатки болѣе серьезныхъ требованій. Простое любопытство переходило въ любознательность, а любознательность хоть и медленно, но неотступно вела къ серьезному знакомству съ природой. Съ этой точки зрѣнія и наша поэма, даръ славянскаго юга, заслуживаетъ вниманія всякаго изучающаго исторію русской литературы и образованности.

И. ИИЛЛАНОВИЧЪ.

¹⁾ См., напримѣръ, „Огородокъ“ Радивиловскаго, л. 1097 (лѣченіе собаки) и пр. Эти разказы встрѣчаются еще въ Палей Толковой; см. *Успенскаго*, Толковая Палей. К. 1876, стр. 33 (разказъ объ о ехніи, еевекъ и т. д.).

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Словарь наиболѣе любопытныхъ выраженій, неологизмовъ и различеній съ греческими известными оригиналами (кромѣ указанныхъ проф. Никитинымъ) въ славяно-русскомъ переводѣ Шестоднева Георгія Писидійскаго 1386 года по Троицкой рукописи, съ указаніемъ номеровъ стиховъ по изда- нію перевода поэмы И. Шляпкинымъ, 1882 года.

А.

ἀγρωστίν (951) тросквт
 ἀγώγους (667) лотоки
 ἄηχος (683) алогласныи
 ἀξιολύτους (425) достодлжныи
 ἀκόμψως (οὐκ 1321) по сличію
 ἀκοντίοις (50) повелѣніа
 ἀμοιβαίου (289) прѣмывеннаго
 ἀντιβάλλον (851) разивннть
 ἀντιλόξους (1158) прекыа
 ἀντωθουμένη (114) съпротивь спнхаемъ
 ἀπεπτον (955) нетлѣнную
 ἀποκρίνουσαν (θύραν 699) выпѣшалнѣю
 (дверь)
 ἀπωστράχωσαν (480) оглстнша
 ἀστήρικτον (104) неутврждєннѣа
 ἀφεισίμοις (438) отдателнымъ
 ἀυτοδεσπότους (799) самовладѣющаго
 αὐτοχάλευτα (320) самокованна

В.

βρέφη (309) младенца (= ростокъ)
 βυθοδρόμος (1019) норель

Г.

γνωστικῆς (1089) тайнаго, ср. μυστικοῖς
 (50)
 γρούψ (933) ногъ

Δ.

δηλητηρίφ (811) окомомъ
 δρόσφ (1370) прохладженіемъ

Е.

εἶργει (τὸ ρεῦμα 376) упражняють (не-
 дуга)
 εἶχεν (241) восхотѣ

ἐχθέσεις (617) складеніа, ср. συνδέσεις
 (641) склады
 ἐκτάσει (ἐν 418) въ ѣзасѣ
 ἐκτυποῦντες (131) мнѣхѣ
 ἐνεργίαις (1486) слѣжбаи
 ἐντέρων συνδέσεις (641) колбасныа склады
 ἐπαλεῖν πηθητικὴν 1256 скокливы
 ννακωδ
 ἐπάλλεις (637) голстоты
 εὐδοκεῖ (79) добрѣ мнѣ
 εὐσυνόπτους (1356) доброясныи

Ζ.

ζυγοστατεῖ (705) развѣспнса
 ζυγοστάτην (208) мѣрнтеля
 ζυγοῦ (1484) мѣрнлѣ

Κ.

καρκίνος (825) прекылаза (Part. pгаes
 κάρφη (τὰ λεπτά 569) дробнаа гвоздіа
 κατῶβλεψ (965) долѣзла
 κέντριον (159) тычку, ср. στίγμην (149
 κόγχας (1102) скалки
 κόπρον (1064) мотыла
 κοσμάτωγον (151) мироводнмуу
 κυλίνδρων (562) круговъ
 κυρτουμένην (99) горбатѣ кругло

Λ.

λαμπρόκλωστα (1294) честнопрадєнаа
 λείμμα (1484) недовѣскы
 λειμώνα (199) рая
 λεπτόνα (1448) стончнты
 λευκάπυρσον (143) бѣлосвѣтлаго
 λογισμῶ (20) попеченіа
 λοξοειδῶς (802) прековобразно, ср. ἀντ-
 λόξους (1158)
 λόφος (537) горбатыа
 λόραν (681) гоусла

М.

μαινάς (371) бладница
μακρογῆρου (1125) долгоглаголивва
μεσάζων (τὴν μάχην 536) ходатайствѣдши
брань
μεταγυμίου (467) прегражденіа
μυρίοσταχον (1338) многокласно

N.

νάρκωσιν (564) оутерпленіе
νύγμα (πρὸς τὸ 868) къ сѣлннѣ
νύτται (504) ѡбадаецъ

Ξ.

ξενουρῶις (532) странна твориши

O.

ὄγκον (786) одыманіа
ὀδοστατῶν (401) подсѣды творя (у Miklo-
sich подсѣдѣши Vox obscura)
ὀξοκίνητον (583) остродвижимую
ὄρεξιν στήσαι, (761) ѡхотѣ въстагнати
ὄρου; μαντικούς (1123) влѣхвованна
устави

Π.

παρακμῆς (674) презрѣлое
παροίκους (163) воелники
πενταχάρδους (1463) пачочисленна
περιστάσεις (481) прелогы
πλευρομήτρα (1035) ребрамати
πλήκτρον (651) брацаало
πόρων (1090) слоемъ
πυρίστομον (168) огнеобразны

P.

ρεῦμα (1016) быстръ ср. ρεῦμα (376)
педагъ
ρόθμον (248) чинъ

Σ.

σειραῖς (514) пленицами
στιγμὴν (149) тычбу, ср. κέντριον
στροφος (1069) гроуд
συγκεφεμένα (εἶχε 965) слоужовать имѣль
συνεκτικὰς (θύρας 343) дръжателна
двери
συνεκτικωτάτους (371) нарочитыа
σύριγγας εὐπόρους (717) сопли дѡплинна
σφοδρότης (120) арость
σχέσει (420) извѣтомъ

Τ.

ταπεινόςωμον (1047) смѣренотѣлнуу

Υ.

ὕφελκxεται (431) кротетъ жемс

Φ.

φλέβες (52) слон ср. πόρων (1090)
φωτοκόσμφ (18) свѣтовидноу

Χ.

χαράτται (470) зачрътаецъ
χειρόνως (1387) валущее
χοχλοειδεῖς (707) вертлигообразна
χρωμάτων (1248) ванна
χρωσθέντα (1295) поваплена
χυλίστραι (578) валаніа
χῶναι (578) горника

Ψ.

ψυχαγωγεῖς (23) посѣдвещи
ψυχοκόμπφ (φαρμάκφ 784) гордымъ бы-
лиемъ

Ω.

ὠθήσει (699) отпехнать
ὠμόσαρχον (1454) сыроплотное

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. П. О. Бобров-
скаго. С.-Пб. 1890 ¹⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія, весьма нужно изучать наши архивныя сокровища и весьма полезно поскорѣе оповѣщать въ печати добытыя изъ нихъ данныя; но изслѣдователь этого рода памятниковъ долженъ твердо помнить, что на немъ лежитъ особенно строгая и отвѣтственная обязанность извлекать архивныя данныя точно и весьма осторожно дѣлать выводы. Причина такой требовательности ясна. Ошибки въ этого рода трудахъ крайне упорны и крайне вредны. Онѣ легко могутъ оставаться долго безъ провѣрки и исправленія и повториться въ многочисленныхъ книгахъ послѣдующаго времени, особенно если дѣло касается такого громаднаго и не всѣмъ доступнаго архива, какъ архивъ св. синода.

Посмотримъ, какъ нашъ авторъ исполняетъ эту обязанность.

На XIII страницѣ предисловія авторъ, перечисляя свои источники, на первомъ мѣстѣ ставитъ „дѣла архива святѣйшаго синода по 2-му департаменту (греко-униатскому) римско-католической духовной коллегіи съ 1803 по 1828 годъ“. Это дѣйствительно главный и даже главнѣйшій отдѣлъ его источниковъ, на которомъ, судя по цитатамъ, основано его изслѣдованіе, и самъ авторъ такъ увѣренъ въ богатствѣ

¹⁾ Сочиненіе П. О. Бобровскаго, разбираемое М. О. Кояловичемъ, было напечатано въ 1889 г. на страницахъ *Журн. Мин. Нар. Пр.* Г. Кояловичъ высказываетъ на исторію униатскаго вопроса воззрѣніе, не согласное съ сужденіемъ г. Бобровскаго. Именно въ виду такого различія взглядовъ, которое должно повести къ болѣе полному разъясненію столь важнаго предмета, редакция и признала полезнымъ дать мѣсто статьѣ проф. Кояловича.

Ред.

этого отдѣла его источниковъ, что тутъ же заявляетъ: „Мы изучили болѣе 200 дѣлъ (этого архива) и исчерпали по возможности все для полноты нашего изслѣдованія“. Затѣмъ, на XVI страницѣ предисловія авторъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: „Мы не видѣли необходимости обращаться еще къ архивамъ оберъ-прокурора св. синода и греко-уніатскихъ митрополитовъ потому, во первыхъ, что графъ Д. А. Толстой, М. О. Кояловичъ, И. А. Чистовичъ и другіе авторы, которыми мы пользовались, въ своихъ трудахъ достаточно исчерпали эти матеріалы, вовторыхъ, въ архивѣ 2-го департамента римско-католической коллегіи имѣются тѣ же матеріалы, хотя и менѣе обработанные, но за то съ болѣе детальнымъ развитіемъ частныхъ вопросовъ и мотивовъ“.

Оба эти заявленія автора—и касательно полноты данныхъ архива уніатской коллегіи и касательно того, что архивы уніатскихъ митрополитовъ и оберъ-прокурора св. синода достаточно исчерпаны—мы встрѣтили съ величайшимъ изумленіемъ и не можемъ понять, какимъ образомъ они могли быть сдѣланы. Ни одинъ изъ указанныхъ авторомъ и извѣстныхъ ему писателей не говоритъ и не могъ сказать, что имъ исчерпаны, хотя бы только достаточно, архивы уніатскихъ митрополитовъ и оберъ-прокурора св. синода. За себя мы ручаемся, что этого никогда не говорили, хотя занимаемся этимъ дѣломъ съ 1862 года, и не могли бы этого сказать, еслибы могли на это употребить еще десять лѣтъ усидчиваго труда. Знаемъ достоверно, что этого не говорилъ и не могъ сказать И. А. Чистовичъ. Знаемъ, что не говорилъ этого и не могъ сказать графъ Д. А. Толстой, весьма немного занимавшійся уніатскимъ отдѣломъ архива оберъ-прокурора св. синода и вовсе не занимавшійся архивомъ уніатскихъ митрополитовъ. Не могъ этого сказать даже главнѣйшій изъ тѣхъ писателей, которыхъ авторъ обозначаетъ словомъ—„другіе“, то-есть, М. Я. Морошенинъ, особенно много работавшій въ архивѣ оберъ-прокурора св. синода, потому что онъ не разъ обращался къ намъ съ просьбой указать, гдѣ памятники по тому или другому вопросу, и также не разъ заявлялъ, что конецъ его изысканій еще далекъ.

Но еслибы даже всѣ писатели, и названные авторомъ по именамъ, и подразумеваемые подъ словомъ „другіе“, заявляли, что они достаточно исчерпали архивы уніатскихъ митрополитовъ и оберъ-прокурора св. синода, то авторъ имѣлъ передъ глазами несомнѣнное показаніе, что имъ не слѣдуетъ вѣрить, а нужно самому изучать эти архивы. Въ томъ самомъ каталогѣ уніатской коллегіи, по которому авторъ бралъ и изучалъ дѣла этого архива, вложена особая тетрадь

съ многочисленными номерами дѣлъ по годамъ, записанныхъ въ этомъ каталогѣ и противъ этихъ номеровъ то и дѣло написано: „иѣтъ“ или „изъято“. Ему слѣдовало поискать этихъ дѣлъ ¹⁾, и онъ имѣлъ передъ собою ясныя указанія того пути, который привелъ бы его къ открытію и этихъ отсутствующихъ, изъятыхъ дѣлъ, и другихъ, столь же важныхъ и столь же ему нужныхъ.

Автору извѣстно, что въ 1810 году учреждено было главное управленіе иностранными исповѣданіями ²⁾, въ которомъ сосредоточены были дѣла уніатскія, и куда требовались, а слѣдовательно, и находились разныя бумаги ³⁾. Ему извѣстно, что послѣ князя Голицына дѣлами этими управлялъ адмиралъ Шишковъ, а послѣ него Д. Н. Блудовъ, отъ котораго въ 1837 году уніатскія дѣла перешли къ оберъ-прокурору св. синода Протасову; естественно было предположить, что при этомъ переданы были ему отъ Д. Н. Блудова и бумаги по уніатскому вопросу, находившіяся въ главномъ управленіи иностранными исповѣданіями, и составили часть архива оберъ-прокурора св. синода. Предположеніе это сейчасъ же превратилось бы для автора въ несомнѣнную истину, еслибъ онъ только взглянулъ на первый томъ каталога этого (уніатскаго) архива, обыкновенно стоящій рядомъ съ каталогомъ уніатской коллегіи, который много разъ бралъ и изучалъ нашъ авторъ. Этотъ первый томъ каталога уніатскаго архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, архива, находящагося теперь въ общемъ архивѣ св. синода, какъ и

¹⁾ Въ своей брошюрѣ (оттискъ статей, напечатанныхъ въ *Л. Ев. Вѣд.* 1888 г.) подъ заглавіемъ: „Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію блага духовенства къ реформѣ русской греко-уніатской церкви“, стр. 76, прим. 84, авторъ обратилъ вниманіе на одно изъ такихъ дѣлъ — о смерти Красовскаго и говоритъ, что оно изъято. Оно находится въ уніатскомъ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, правительств. часть, № 175, и притомъ не одно оно, а съ цѣлымъ рядомъ дѣлъ (съ 169 по 189 № и еще 208 и 209 №) о судѣ надъ Красовскимъ и, между прочимъ, съ драгоцѣнною автобіографіей Красовскаго (№ 189). Слѣдственное дѣло о Красовскомъ 1820 г. и протоколы суда надъ Красовскимъ въ 1822 г. въ черновыхъ тетрадахъ находятся въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ. У автора въ книгѣ, стр. 357, примѣч., ошибочно указанъ номеръ дѣла о смерти Красовскаго. вмѣсто № 59 нужно: № 79—1827 г. Кроме того, автору слѣдовало указать еще дѣло 1829 г. № 47.

²⁾ Стр. 50. Съ 1817 г. это управленіе составило департаментъ духовныхъ дѣлъ.

³⁾ На стр. 49 авторъ даже говоритъ: „въ немъ (главн. управленіи) разсматривались важнѣйшія дѣла“.

другіе уніатскіе архивы (уніатской коллегіи и уніатскихъ митрополитовъ), носятъ такое заглавіе: „Хронологическій реестръ уніатскихъ дѣлъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода съ 1802 по 1836 г. переданныхъ изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“. Въ этомъ-то реестрѣ и находятся многія изъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ тетради, вложенной въ каталогъ архива уніатской коллегіи, изученнаго авторомъ, сказано: „нѣтъ“ или „изъято“¹⁾; но, кромѣ того, тутъ есть множество дѣлъ, не показанныхъ въ каталогѣ уніатской коллегіи, дѣлъ самого главнаго управленія или департамента иностранныхъ исповѣданій. Всѣхъ дѣлъ этого архива съ 1802 г. (есть нѣсколько дѣлъ и съ конца XVIII вѣка) по 1836 г. около тысячи, и если даже точно взять время, въ предѣлахъ котораго авторъ предположилъ изложить исторію греко-уніатской церкви, то-есть, ограничиться временемъ съ 1802 по 1828 г., то и на этомъ пространствѣ уніатскихъ дѣлъ архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода окажется слишкомъ пятьсотъ. Въ числѣ ихъ есть, конечно, и весьма маловажныя и малыя, но есть и весьма важныя, очень большія, въ 250, 300 и даже 600 слишкомъ листовъ. Въ числѣ большихъ дѣлъ есть тутъ и такъ-называемыя визиты, о которыхъ нашъ авторъ не мало говоритъ, и о которыхъ мы должны замѣтить, что они размѣщены по всѣмъ тремъ отдѣламъ уніатскаго архива,—находятся и въ старомъ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, и въ архивѣ уніатской коллегіи, и въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Въ концѣ каталога уніатской коллегіи есть прибавочные отдѣлы, въ заголовкѣ которыхъ прямо сказано, что дѣла такого-то рода, какъ напримѣръ, кромѣ визитъ, разныя книги и рукописныя сочиненія, сланы въ архивъ св. синода,

¹⁾ Кромѣ цѣлой группы дѣлъ о Красовскомъ, изъ которыхъ дѣло № 189 на 466 листахъ, есть, между прочимъ, еще слѣдующія дѣла за время до 1820 г.:

1808 г., № 23. Объ уніатахъ Булгостокской области—въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора, правит. часть № 16.

1814 г., № 22. О пожалованіи во епископы Мартусевича—въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора, правит. ч. № 70.

1817 г., № 9. О пожал. въ митроп. Булгака и общій вопросъ о необходимости для уніатовъ митрополита—въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора подъ № 94, на 54 листахъ.

1817 г., № 32. О суммахъ Браславскаго монастыря, отданныхъ Адрианомъ Головной графу Мануцци (донесеніе Красовскаго)—въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода подъ № 107.

1820 г., № 44. Объ удаленіи Красовскаго отъ управленія Полоцкою епархіей—находятся въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода подъ № 208.

то-есть, тутъ уже прямо указывался автору путь въ архивъ св. синода и по отдѣлу канцеляріи оберъ-прокурора, и по отдѣлу архива униатскихъ митрополитовъ.

Такимъ образомъ, П. О. Бобровскій совершенно напрасно призналъ архивъ униатскихъ митрополитовъ и униатскій архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода достаточно исчерпанными и также напрасно понадѣялся на полноту архива униатской коллегіи. Неосновательно также его мнѣніе, что „въ архивѣ 2-го департамента римско-католической коллегіи имѣются тѣ же матеріалы, хотя и менѣе обработанные, но за то съ болѣе детальнымъ развитіемъ частныхъ вопросовъ и мотивовъ“. Этого, само собою разумѣется, нельзя сказать о тѣхъ дѣлахъ униатской коллегіи, которыя взяты были въ управленіе иностранными исповѣданіями и находятся теперь въ униатскомъ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Но нельзя этого сказать и о многихъ дѣлахъ, производившихся въ самомъ управленіи иностранными исповѣданіями. Въ числѣ ихъ есть дѣла по важнѣйшимъ вопросамъ, сосредоточеннымъ, какъ увидимъ, исключительно въ управленіи иностранными исповѣданіями ¹⁾, дѣла со всѣми подробностями, совершенно отсутствующими въ архивѣ униатской коллегіи. Вообще, еслибы нашъ авторъ хотя слегка ознакомился съ униатскими дѣлами архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, то онъ непремѣнно отказался бы издавать свое изслѣдованіе въ настоящемъ его видѣ, потому что сразу увидѣлъ бы, что ему необходимо передѣлать его отъ начала до конца и измѣнить свои выводы по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ. Мы и укажемъ это въ настоящей нашей критикѣ; но прежде мы должны посмотрѣть, что авторъ дѣлаетъ въ кругѣ изученныхъ имъ дѣлъ, какіе научные приемы прилагаетъ онъ къ этому изученію.

На стр. 9-й своего изслѣдованія авторъ заявляетъ, что изъ многихъ дѣлъ униатской коллегіи онъ избираетъ дѣло, начатое въ 1822 году и конченное въ 1828 году: „Объ упраздненіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей и учрежденіи духовныхъ училищъ по епархіямъ“. Съ этого дѣла авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе и около него группируетъ данныя изъ другихъ дѣлъ этого архива и

¹⁾ Мы увидимъ, сколько неправильныхъ выводовъ авторъ сдѣлалъ изъ-за того, что не обратилъ надлежащаго вниманія на 6-й пунктъ указа объ учрежденіи главнаго управленія иностранными исповѣданіями, пунктъ, приведенный на оборотѣ перваго же листа дѣла № 61, которымъ онъ прежде всего занимался, какъ самъ заявляетъ.

архива министерства народнаго просвѣщенія, и изъ печатныхъ сочиненій. Мы полагаемъ, что многихъ удивить такой оригинальный научный приемъ изложенія исторіи униатской церкви за первую четверть настоящаго столѣтія, приемъ полагать въ основу этой исторіи архивное дѣло, упирающееся въ самый конецъ избраннаго авторомъ періода и захватывающее на столько же (то-есть, также на три года) новый періодъ. Авторъ объясняетъ причины, почему онъ обратился къ такому необычному въ наукѣ приему. Онъ прежде всего указываетъ, что это „самое обширное дѣло“, на 677 листахъ. Дѣло это дѣйствительно большое, но не слѣдуетъ преувеличивать его величины. Половина его писана разгонистою, писарскою рукою, и одинъ протоколъ униатской коллегіи 1827—1828 года занимаетъ 126 листовъ (съ 547 по 673). Затѣмъ съ 292-го листа начинаются уже дѣла 1826 года и далѣе, то-есть, дѣла новаго періода, и хотя тутъ есть не мало дѣлъ, тѣсно связанныхъ съ прежними и даже начатыхъ раньше, но есть и такія, въ которыя вошли уже новые элементы, внесенные не изъ бумагъ этого дѣла до 1826 г., а изъ новыхъ начинаній Іосифа Сѣмашки—какъ напримѣръ, тѣ части протокола 1827—1828 г., въ которыхъ говорится объ учебномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ¹⁾. Далѣе, авторъ говоритъ, что это дѣло—„самое важное, по качеству матеріала“, что въ немъ „какъ въ зеркалѣ, отражается печальное состояніе греко-униатской церкви и содержатся матеріалы для объясненія хода борьбы бѣлаго духовенства съ представителями базилианскаго ордена“, что тутъ „окончаніе драмы, начавшейся преобразованиями Лисовскаго“. Мы увидимъ, что въ этой характеристикѣ все не вѣрно,—что по качеству матеріала это самое ненадежное дѣло, что зеркало это затемняетъ и искажаетъ дѣйствительное состояніе униатской церкви, что тутъ жестокое извращеніе всей драмы, начавшейся преобразованиями Лисовскаго, и такой печальный конецъ, что Іосифу Сѣмашкѣ пришлось съ неимовѣрными усиліями поворачивать униатскіе умы и дѣла къ дѣйствительному смыслу преобразованій Лисовскаго, Красовскаго и совершенно вновь двигать ихъ дальше, къ воссоединенію. Съ этой отрицательной точки зрѣнія дѣло № 61 дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе, а съ точки зрѣнія автора ему слѣдовало къ сдѣланной имъ характеристикѣ прибавить еще одну особенность этого дѣла, заставившую автора такъ высоко поставить его. Въ этомъ дѣлѣ со всею ясностью и, такъ сказать, въ полномъ сборѣ

¹⁾ Лл. 667—668.

выступаютъ тѣ лица, которыхъ авторъ признаетъ главными и лучшими двигателями униатскихъ преобразованій до Іосифа Сѣмашки—Тупальскій, Сосновскій и другіе, съ которыми стоялъ за одно, какъ много разъ показываетъ самъ авторъ, и профессоръ М. К. Бобровскій.

Обратимся къ подробностямъ и начнемъ съ вещей чисто объективнаго, строго научнаго характера.

Въ первой главѣ своего изслѣдованія, на стр. 12—18, авторъ напечаталъ старый русскій переводъ весьма важнаго документа, такъ-называемаго протеста Щигельскаго или протеста бѣлаго духовенства 1776 г. противъ непомярнаго господства и злоупотребленій базилианскаго ордена. Тутъ же на стр. 12 авторъ упоминаетъ и о латинской копіи того же протеста 1776 г. и указываетъ въ примѣчаніи на приложение В въ дѣлѣ № 61, гдѣ эта латинская копія находится. Слѣдовало при этомъ сказать, что въ томъ же дѣлѣ № 61 есть еще другая латинская копія этого протеста (л. 34—37); слѣдовало также сказать, что есть еще третья латинская копія того же протеста въ дѣлѣ униатской коллегіи, извѣстномъ автору (1818 г. № 39, л. 65—69). Латинскія копіи протеста Щигельскаго, по всей вѣроятности, копіи латинскаго подлинника ¹⁾. Въ нихъ есть варианты, впрочемъ, не важныя. Гораздо важнѣе особенности напечатаннаго авторомъ стараго русскаго перевода, и автору слѣдовало сличить его хотя съ одною копіей латинскаго подлинника, потому что это весьма вольный переводъ и въ немъ есть важныя различія противъ латинскаго текста. Представимъ нѣсколько примѣровъ:

Латинскій текстъ:

.... ab hoc tamen vocationis suae
scopo manifestati, regulam S. Basilii
M. profitentes, deviando.
oppressionem, damna et praejudicia
inferre praesumpserunt.
adscriptoque suis religiosis personis
absoluto et despotico supra memoratum
clerum Rutheno-unitum dominio.

Русскій переводъ:

но напротивъ того обвиняемые монахи
ордена святаго Василія Великаго,
отступивъ той цѣли.
притѣсненіи, ущербы, насиліи и са-
мовольствіи нанести осмѣлились.
присвоивъ себѣ право самовольна-
го владѣнія бѣлымъ униатскимъ
духовенствомъ.

Въ выраженіи „Rutheno-unitus clerus“ и здѣсь, и еще разъ, немного выше слово „Rutheno“ выпущено, а ниже есть еще болѣе важное измѣненіе въ томъ же направленіи.

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что протестъ 1776 г. посланъ былъ въ Римъ, конечно, на латинскомъ языкѣ, такъ что латинскій текстъ его имѣлъ особенно важно^e оофициальное значеніе.

Vilnensem autem (ecclesiam) florente olim ritu rutheno in Lithuania et structura externa et interno apparatu ditissimam extremae ruinae et desolationi cum summo opprobrio ritus et admiratione in hac urbe principali ducatus Lithuaniae residentium exprosuerunt.

А Виленскую церковь имѣя въ своемъ управленіи во время двѣтущаго тогда въ Литвѣ уніатскаго исповѣданія, снаружи и внутри достаточно украшенную съ пренебреженіемъ вѣроисповѣданія и удаленіемъ ¹⁾ даже жительствующихъ въ томъ столичномъ княжествѣ ²⁾ Литовскаго городѣ разнаго званія жителей разорили.

Три послѣдніе варианты или, лучше сказать, искаженія латинскаго текста имѣютъ не маловажное значеніе. Слово „русскій“, которое въ переводѣ или опускается, или замѣняется словомъ—„уніатскій“, находится во всѣхъ трехъ латинскихъ копіяхъ, и очевидно, измѣненіе это сдѣлано переводчикомъ и, какъ видимъ, онъ это дѣлалъ систематически, а это очень важно въ виду слѣдующаго обстоятельства. Вышеуказанные двигатели уніатскихъ преобразованій, особенно члены Виленской консисторіи съ Сосновскимъ во главѣ, избѣгали словъ указывающихъ на сближеніе съ православною русскою церковью, съ такою же заботливостью, какъ избѣгали сближенія съ Россіей вообще Чарторыйскій и его послѣдователи, которые, проводя чисто польскія начала жизни въ западную Россію, прикрывались космополитическими терминами и говорили о цивилизаціи, просвѣщеніи страны, народа, благахъ государства. Члены Виленской консисторіи передѣляли даже давнее, обычное названіе уніатской церкви и уніатовъ—„греко-уніатская церковь, греко-уніаты“ въ названіе: „римско-католическая церковь, римско-униты или римо-униты“ (дѣло № 61, лл. 16, 28, 325, 326, 328), а въ 1826 году послѣдовала еще болѣе оригинальная перемѣна, — бумаги надписывались: „греко-католической консисторіи (тамъ же, лл. 391, 392, 407). Брестская консисторія поступала осторожнѣе. Она исключала оба слова: и греко, и римско, а надписывала свои бумаги просто: „Бжеской унитской консисторіи“. Только изъ Полоцка бумаги неизмѣнно надписывались: „греко-унитской консисторіи“, а обо всей церкви говорилось: „греко-унитская церковь“ ³⁾.

¹⁾ Опечатка у П. О. Бобровскаго. Въ русскомъ переводѣ въ рукописи № 61 сказано, какъ и слѣдовало: удивленіемъ.

²⁾ Опечатка у П. О. Бобровскаго. Въ рукописи сказано, какъ и слѣдовало: княжества.

³⁾ Лудская консисторія въ этомъ дѣлѣ тоже называла себя римско-унитскою (л. 23 и 138); но управлявшіе Лудскою епархіей—временный администраторъ

Строгая научность требовала провѣрить этотъ русскій переводъ, если не по всѣмъ латинскимъ копіямъ, то, по крайней мѣрѣ, по одной изъ нихъ, приложенной къ этому переводу, и показать всѣ его отступленія отъ подлинника, какъ видимъ, не всегда случайныя.

Впрочемъ, мы обязаны заявить, что предъявляемъ автору требованіе, для него очень трудное. Памятники эти — на латинскомъ языкѣ, а въ разсматриваемой книгѣ есть несомнѣнные доказательства, что автору ея трудно разбираться въ латинскихъ памятникахъ. На стр. 25 изслѣдованія авторъ говоритъ, что булла Венедикта XIV 1753 г. извѣстна подъ названіемъ: „*Bulla et Brevia summ. pontificum*“, то-есть, вмѣсто первыхъ словъ этой буллы взято названіе сборника этого рода памятниковъ (*Bullarium*), но и тутъ сдѣлана ошибка вмѣсто *Bullae* сказано *Bulla*. Авторъ теперь исправляетъ эту двойную ошибку, но онъ не исправляетъ другой, столь же безнадежной. На стр. 149 у него случилась бѣда съ другою папскою буллою—папы Пія VI отъ 1798 г.—объ учрежденіи Супрасльской епископіи и капитула при ней. Авторъ говоритъ, что эта булла начиналась словами: *Cunebis aliqne sit*. Тутъ, впервыхъ, опечатка, — должно быть: *Cunctis ubiqne sit (notum)*; вовторыхъ, тутъ, кромѣ опечатки, и ошибка. Это не начало буллы, а начало окружнаго посланія, въ коемъ оповѣщается объ изданіи этой буллы, которая въ дѣйствительности начинается: *Susceptum a nobis Divina... clementia... pastorale officium* ¹⁾...

Посмотримъ, какъ авторъ пользуется документами на польскомъ языкѣ. Кромѣ протеста Щигельскаго, авторъ нашелъ въ томъ же главнѣйшемъ, по его мнѣнію, дѣлѣ № 61 еще протестъ прокуратора Мокрицкаго 1779 года, на польскомъ языкѣ. Объ этомъ протестѣ и объ отношеніи его къ протесту Щигельскаго авторъ говоритъ слѣдующее. Сказавъ (стр. 18), что „протестъ Щигельскаго оставленъ польскимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія“, и что только въ началѣ настоящаго столѣтія онъ послужилъ для Брестскаго капитула и затѣмъ (Брестской) консисторіи мате-

Свѣроцинскій (л. 132 и 135) и епископъ Мартусевичъ (л. 151) писали, какъ и Брестская консисторія: унитской церкви, унитскихъ церквей.

¹⁾ Дѣло уп. колл. 1818 г. № 39, л. 70. Булла эта напечатана въ XVI т. *Актовъ Вил. Арх. Комм.*, стр. 195, изъ нѣмецкаго изданія—*Die neuesten Zustände... Documenten*—282—286. Въ уп. дѣлѣ № 39 списокъ гораздо исправнѣе нѣмецкаго изданія. Въ извненіи автора мы обязаны сказать, что ту же ошибку сдѣлалъ цѣлый Брестскій капитулъ въ своемъ донесеніи Брестской консисторіи (дѣло № 39, л. 12 на оборотѣ).

ріаломъ для раскрытія расхищенія базилианнамъ церковныхъ фондушей, авторъ продолжаетъ: „Дополненіемъ къ означенному протесту бѣлаго духовенства можетъ служить протестація прокуратора священника Іоанна Мокрицкаго отъ 24-го января 1779 года, вслѣдствіе недозволенія митрополита Леона (то-есть, Льва) Шептицкаго получить изъ митрополичьяго архива документы, принадлежащіе церквамъ и бѣлому духовенству. Изъ протестаціи Мокрицкаго, подкрѣпленной документами, видно, что монастыри бывшей Виленской митрополичьей епархіи Суцковскій, Коссутскій, Раковскій (нужно Раковскій) и Свѣртанскій (нужно Свѣржанскій) образованы изъ приходскихъ церквей; имѣлось основаніе считать бывшими приходскими церквами“ такіе-то монастыри... (тамъ же).

Изъ всего того, что мы здѣсь выписали, вѣрно только то, что протестація Мокрицкаго 1779 г. написана вслѣдствіе недозволенія митрополита Льва Шептицкаго получить изъ митрополичьяго архива нужные Мокрицкому документы, все же остальное совершенно не вѣрно, и какимъ образомъ могло быть сказано П. О. Бобровскимъ — это составляетъ любопытнѣйшую загадку, которую однако мы обязаны разгадать, потому что тутъ совершенно закрыто весьма важное дѣло; въ вѣрности нашей разгадки всякій можетъ убѣдиться,

Къ протестаціи Мокрицкаго не были приложены и, какъ сейчасъ увидимъ, не могли быть приложены документы. Затѣмъ, ни о какихъ монастыряхъ въ ней не говорится. О монастыряхъ, бывшихъ приходскими церквами, говорится въ протестѣ Щигельскаго; но авторъ взялъ это не изъ этого протеста, а изъ предшествующаго ему въ дѣлѣ № 61 рапорта Виленской униатской консисторіи въ римско-католическую коллегію 2-го департамента отъ 18-го февраля 1823 г., въ которомъ, на л. 31, говорится сначала о протестѣ Щигельскаго съ перечисленіемъ приходскихъ церквей, насильственно занятыхъ на монастыри, именно: Рогачевской, Рожанской, Лысковской, Черлонской, Жировицкой, Голдовской, Глушческой, Суцковской, Коссутской, Раковской, Свѣржанской, Мирской и прочихъ, а затѣмъ говорится о протестаціи Мокрицкаго слѣдующее: „Да и такую жъ (представляемъ протестацію) епархіальнаго прокуратора священника Іоана Мокрицкаго 24-го января 1779 года, о недозволеніи его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Леономъ Шептыцкимъ выдачи изъ архива документовъ (,) принадлежащихъ церквамъ бѣлаго духовенства, въ тѣхъ же актахъ учиненную (то-

есть, внесенную въ протоколы Виленской консисторіи), кои (то-есть, внесенныя протестаціи) въ точныхъ копіяхъ при семь (то-есть, при бумагахъ консисторіи) прилагаются, изъ означенной же протестаціи (какой Щигельскаго или Мокрицкаго, не сказано) то токмо открывается, что въ сей епархіи монастыри Суцковскій, Косутскій, Раковскій и Свѣржанскій съ приходскихъ церквей принадлежащихъ бѣлому духовенству переисточены (пересозданы) и несомнительно предполагать можно, что и монастыри Казимировскій, Илукштанскій^а и проч.

Всякому, надѣмся, ясно, что авторъ писалъ свой текстъ по рапорту Виленской консисторіи, не разобравъ, что относится къ протесту Щигельскаго (тамъ перечислены эти монастыри), что—къ предположеніямъ самой консисторіи, а съ протестаціей Мокрицкаго не справлялся,—иначе онъ изложилъ бы не эти вещи, совсѣмъ къ ней не относящіяся, а разказалъ бы другія, гораздо важнѣе, дѣйствительно въ ней находящіяся. Въ протестаціи Мокрицкаго разказывается, что протестъ Щигельскаго былъ представленъ въ 1777 году въ конгрегацію распространенія вѣры, изъ которой черезъ папскаго нунція въ Польшѣ потребовано было у бѣлаго духовенства представить документальныя доказательства въ подтвержденіе этого протеста. Поэтому въ 1778 г. духовенство просило митрополита Льва Шептицкаго дать приказъ митрополитальному архивариусу выдать нужные докѹменты. Архивариусъ сначала отнѣкивался, а потомъ прямо заявилъ, что митрополитъ запретилъ ему выдавать духовенству докѹменты. Вотъ противъ этого-то и протестовалъ Мокрицкій, какъ повѣренный духовенства, но замѣчательно, что онъ при этомъ заявлялъ, что духовенство не рѣшается идти противъ воли митрополита, а пишетъ эту протестацію только для того, чтобы заявить, что оно не отказывается отъ своего иска къ базилианамъ. Вотъ дѣйствительное содержаніе протестаціи Мокрицкаго, помѣщенной въ дѣлѣ № 61, но не на страницѣ 28, какъ ошибочно указываетъ авторъ (примѣч. его на стр. 19), а на 38. Всякому теперь очевидно, что въ дѣлѣ Щигельскаго не при чемъ польское правительство, которое авторъ обвиняетъ въ невниманіи къ нему, а что тутъ обнаруживается иная и гораздо болѣе важная вина, противодѣйствіе уніатскаго митрополита даже нунцію и пропагандѣ. Польское правительство замѣшано было въ другое дѣло, тѣсно связанное съ протестами и Щигельскаго, и Мокрицкаго, и очень жаль, что авторъ не поискалъ этого другаго дѣла.

Научность требовала, чтобъ онъ поискалъ еще одного протеста, имѣющаго тѣсную связь съ этими протестами. Автору извѣстно дѣло уніатской коллегіи за 1809 г. № 4, а тамъ въ прошеніи на высочайшее имя, поданномъ Тупальскимъ и помѣщенномъ въ этомъ дѣлѣ на лл. 68—71, въ пунктѣ 5-мъ перечисляются и разсмотрѣнные нами, и еще другіе протесты. Автору естественно было поискать этихъ новыхъ протестовъ, и еслибъ онъ знакомъ былъ съ архивомъ уніатскихъ митрополитовъ, то, можетъ быть, нашелъ бы въ рукописной книгѣ В. III документъ подъ № 97, который, безъ сомнѣнія, и есть одна изъ тѣхъ другихъ жалобъ, какія перечисляетъ Тупальскій въ своемъ прошеніи ¹⁾. Протестъ этотъ долженъ бы обратить на себя особенное вниманіе автора, во первыхъ, потому что это актъ происходившей въ Вильнѣ генеральной конгрегаціи духовенства Кіевской (уніатской) митрополи, слѣдовательно, еще болѣе авторитетное заявленіе мѣстныхъ представителей вообще бѣлаго уніатскаго духовенства; во вторыхъ, потому, что здѣсь раздавались тѣ же вопли противъ базилианъ, что и въ протестѣ Щигельскаго и Мокрицкаго (хотя эти протесты по причинѣ, указанной въ протестѣ Мокрицкаго, не упоминаются), и, кромѣ того, тутъ есть вопль и противъ совращеній уніатовъ въ латинство; въ третьихъ, потому что здѣсь предлагается весьма скромная, но весьма практическая мѣра противъ посягательствъ базилианъ. Члены конгрегаціи не требуютъ закрытія не только давнихъ, большихъ монастырей, но даже и такихъ, которые несомнѣнно и недавно созданы изъ приходскихъ церквей. Они требуютъ лишь, чтобы власть членовъ епархіальнаго управленія — официаловъ и благочинныхъ — простиралась и на тѣ приходы, которые забрали себѣ базилианскіе монастыри; а такъ какъ на этой конгрегаціи шла рѣчь о денежныхъ сборахъ съ приход-

¹⁾ Тупальскій не совсемъ точно обозначаетъ года перечисляемыхъ имъ протестовъ. Вотъ его текстъ: „...kler (,) wuzuty z funduszów (,) nie był w stanie dochodzenia swej krzywdy, samemi tylko žalobami w r. 1776-m, 1790-m, 1783. 1790 żalił się. Жалоба 1776 г., очевидно, протестъ Щигельскаго, жалоба 1790 г., поставленная передъ жалобой 1783 г., должно быть протестація 1779 г., ошибочно обозначенная 1790 годомъ; жалоба 1783 г.—это, безъ сомнѣнія, сейчасъ указанный нами документъ 1784 года, которому, вѣроятно, предшествовало приглашеніе 1783 г. духовенству прибыть на конгрегацію въ лѣтнее время 1784 г. Жалобы 1790 г. мы не знаемъ. Не разумѣть ли здѣсь Тупальскій жалобъ изъ бѣдственное положеніе уніатскаго духовенства, заявленныхъ на сеймѣ 1790 г. См. XVI т. Арт. Вил. Арх. Комиссіи, предисловіе, стр. LXV — LXVI и документъ подъ № 228.

скаго духовенства въ пользу государства, то вышесказанное предложение могло имѣть большую силу. Вчетвертыхъ, въ этомъ же протестѣ, какъ бы въ подкрѣпленіе протеста Мокрицкаго, говорится о необходимости перенести и благоустроить безопасно митрополитальный архивъ. Впятыхъ, говорится, наконецъ, здѣсь и о необходимости устроить семинарію для дѣтей бѣлаго духовенства. Мы, конечно, не думаемъ настаивать на томъ, что авторъ непременно долженъ былъ отыскать этотъ протестъ, потому что хорошо знаемъ, какъ трудны подобнаго рода поиски, и выше заявили, что сами до сихъ поръ не можемъ отыскать протеста 1790 г.; мы настаиваемъ лишь на томъ, что авторъ, самъ заявившій, что хорошо знаетъ дѣло 1809 г. № 4 ¹⁾, обязанъ былъ указать, что въ немъ перечисляются еще другіе протесты.

Посмотримъ наконецъ, какъ авторъ обращается съ документами на русскомъ языкѣ. Избираемъ для этого изъ того же, по автору, самаго важнаго, отражающаго, какъ въ зеркалѣ, состояніе униатской церкви, дѣла № 61 документъ, который, по всей справедливости можно назвать центральнымъ, какъ выраженіе главнѣйшихъ мыслей болѣе видныхъ униатскихъ дѣятелей того времени, которые притомъ здѣсь выступаютъ въ полномъ сборѣ. Это большой рапортъ Брестской консисторіи во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи отъ 12-го марта 1823 года, съ которымъ нужно разсматривать вмѣстѣ однородный, хотя по достоинству весьма ему уступающій рапортъ въ ту же коллегію Виленской консисторіи отъ 18-го февраля 1823 г. ²⁾. Тогда былъ счастливѣйшій моментъ въ общественной дѣятельности авторовъ этого рапорта. Послѣ многолѣтней и, казалось, безнадежной борьбы представителей бѣлаго духовенства съ базилианами, вдругъ само правительство стало разсѣкать этотъ запутанный узелъ въ пользу бѣлаго духовенства, объявило рѣшительное запрещеніе базилианамъ принимать въ свою среду латинянь-поляковъ, рѣшило закрыть излишніе монастыри, приказало на средства закрываемыхъ монастырей завести учебныя заведенія для бѣлаго духовенства и вообще благоустроить его бытъ и призвало само это духовенство въ лицѣ членовъ его консисторій высказать свои мнѣнія и соображенія ³⁾.

¹⁾ Полемич. статья автора противъ насъ, напечатанная въ *Христ. Читеніи* за 1889 г., май и июнь, и изданная отдѣльно, стр. брошюры 26—27.

²⁾ Рапортъ Брестской консисторіи на 50—66 лл., д. № 61; Виленской на 28—32 лл. того же дѣла.

³⁾ Авторъ связываетъ происхожденіе этого правительственнаго предложенія, кромѣ общегосударственныхъ соображеній, съ предшествовавшими дѣлами Брест-

Сердца членовъ Брестской консисторіи исполнились глубокимъ чувствомъ благодарности, которыя они и высказали въ концѣ своего рапорта, призывая Божіе благословеніе на благія начинанія государя Александра I ¹⁾. Передъ ними засіяли самыя богатая и радужныя надежды касательно будущаго, и такъ какъ они не могли предвидѣть, что настоящій строй дѣлъ не долговѣченъ, что вскорѣ все измѣнится въ центральномъ русскомъ правительствѣ и могутъ встать и заявиться совсѣмъ иныя русскія задачи и требованія, то авторы этого рапорта высказывали свои планы съ большою искренностью и самоувѣренностью, тѣмъ болѣе, что за ними, въ Вильнѣ, сіяло ихъ ученое свѣтило, недавно выступившее, но съ новымъ блескомъ, недавно передъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы профессоръ М. К. Бобровскій, несомнѣнно вліявшій на нихъ и проводившій черезъ нихъ свои завѣтныя мысли ²⁾. Составители рапорта ощущали въ себѣ такую полноту мыслей и надеждъ, что нашли нужнымъ разработать свои планы на просторѣ научнаго изслѣдованія и вскорѣ составили большой трактатъ, которому постарались дать весьма широкое распространеніе, и который имѣетъ тѣсную связь съ рапортомъ, ссылается на него, объясняетъ его и существенно дополняетъ ³⁾.

скаго капитула, который будто бы „подвигалъ этотъ вопросъ“ (стр. книги 239 и 409 стр. 1 столб. его статья „Антоній Юрьевичъ Сосновскій“, въ *Лит. Епарх. Вид.* 1889 г., № 47). Мы увидимъ, что въ тѣхъ дѣлахъ архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, которыхъ авторъ не счелъ нужнымъ изучать, и въ которыхъ раскрыта шагъ за шагомъ исторія этого предложенія, нѣтъ помину о Брестскомъ капитулѣ, что оно вытекло изъ дѣлъ Полоцкой епархіи временъ Лисовскаго, Красовскаго, а ближайшимъ и болѣе прямымъ образомъ изъ той самой Лудной епископіи временъ Кожановича и Мартусевича, которую нашъ авторъ считаетъ самою безмизненною; если справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ вопросѣ Брестскій капитулъ изображалъ собою больше того, что изображала Крыловская муха, то та же справедливость вынуждаетъ признать, что начали пахаты не эти уніаты, а когда стали пахаты, то пахали дурно.

¹⁾ Дѣло № 61, л. 66, и у автора стр. 245 книги и 426—427 стр. *Лит. Епарх. Вид.* 1889 г., № 49.

²⁾ Самъ авторъ признаетъ это. См. его статью о Сосновскомъ, — *Лит. Епарх. Вид.* за 1889 г., № 47, стр. 409 и 410, а также въ книгѣ своей, стр. 156.

³⁾ Трактатъ этотъ изданъ въ 1874 г. въ *Литовскихъ Епархіальныхъ Видомостяхъ*, а въ прошедшемъ году переизданъ въ XVI т. Акт. Виѣ. Археогр. комиссіи, № 233. Онъ подписанъ, какъ авторомъ его, Антоніемъ Сосновскимъ, но въ дѣйствительности по немъ прошлись многія руки. По немъ, передъ его изданіемъ въ 1874 г., прошлась стилистическая рука нашего времени, и трактатъ оказался изложеннымъ на современномъ русскомъ языкѣ. Но и въ перво-

Нашъ авторъ справедливо придаетъ большое значеніе разсматриваемому рапорту, конечно, съ обычной своей точки зрѣнія ¹⁾. На стр. 249 онъ говоритъ: „Предложенія министерства бѣлое духовенство приняло съ живѣйшею благодарностью (рапортъ Брестской консисторіи 12-го марта 1823 г., то-есть, разсматриваемый нами), и, не смотря на затрудненія, дѣлаемые базилианскими провинціалами, капитулъ (то-есть, Брестская и Виленская консисторіи, члены которыхъ называли себя разными чинами Брестскаго капитула) съ большимъ тактомъ, знаніемъ и достоинствомъ направлялъ (?) дѣло объ упраздненіи базилианскихъ монастырей“. На той же страницѣ и на слѣдующей 250 авторъ дополняетъ свой отзывъ и говоритъ: „Первыя соображенія объ устройствѣ епархіальныхъ семинарій на счетъ фундушей упраздняемыхъ базилианскихъ монастырей и указанія, какіе именно монастыри подлежатъ закрытію, съ передачей церквей бѣлому духовенству, и какіе изъ нихъ должны быть обращены на семинаріи и кафедры, получены въ Петербургѣ отъ Виленской митрополитчѣй и Брестской консисторій, имѣвшихъ предсѣдателями членовъ Брест-

начальномъ видѣ по немъ, несомнѣнно, прошлись двѣ руки: рука большого знатока униатской практики не только церковной, но и административной, безъ сомнѣнія, рука А. Сосновскаго, а затѣмъ еще рука такого замѣчательнаго ученаго, какимъ, при всѣхъ его богатыхъ знаніяхъ, не былъ А. Сосновскій. Это, по всей вѣроятности, была рука профессора М. Е. Бобровскаго. Изъ показаній нашего автора, *Лит. Епарх. Вид.* 1890 г., № 10, стр. 76, видно, что Сосновскій пользовался еще связями варшавскаго профессора Шиманскаго. Трактатъ имѣетъ еще несомнѣнную связь съ отзывами Брестскаго капитула 1819 г., слѣдовательно, съ работою Тупальскаго и съ учеными работами сына А. Сосновскаго, П. Сосновскаго. Автору нашему слѣдовало произвести все это сличеніе. Объ этомъ трактатѣ мы должны сдѣлать еще одну оговорку, которую просимъ читателей имѣть въ виду во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы будемъ ставить его въ связь съ разсматриваемыми рапортами. Трактатъ этотъ конченъ въ началѣ сентября 1824 г., когда былъ министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ иностранными исповѣданіями Шишковъ и началось и ощутилось вездѣ совсѣмъ иное вѣяніе, заставившее и Брестскій капитулъ не только сильнѣе заговорить о славянской церковности, но и вновь заговорить о русскомъ языкѣ.

¹⁾ Мы не рѣшаемся передавать сужденій автора объ этихъ трудахъ брестскихъ канониковъ нашими словами, а вынуждены сдѣлать нѣсколько выписокъ его подлинныхъ словъ, въ томъ числѣ одну, довольно значительную, потому что, когда мы покажемъ, что дѣйствительно заключаютъ въ себѣ документы, вызвавшіе такіе отзывы автора, то безъ этихъ выписокъ многіе читатели, не видящіе подъ руками самаго сочиненія г. Бобровскаго, съ трудомъ могли бы повѣрить намъ, что П. О. Бобровскій въ самомъ дѣлѣ такъ отзывался о людяхъ, написавшихъ разсматриваемыя бумаги.

скаго капитула каноника прелата кантора Илью Мокрицкаго и прелата-схоласта Антонія Тупальскаго. И тотъ, и другой управляли епархіями многіе годы; они понимали всю важность министерскаго предложенія и старались устранить орденъ отъ вліянія его на духовное образованіе священниковъ¹. Наконецъ, на стр. 259—260 авторъ даетъ самое яркое освѣщеніе необычайной дѣятельности членовъ Брестскаго капитула, то-есть, обѣихъ консисторій Брестской и Виленской въ этотъ важный моментъ ихъ жизни: „Надежда всего клира опиралась на Брестскую епархію, гдѣ дѣлами управлялъ на правахъ намѣстника officialъ Тупальскій, имѣя помощникомъ Антонія Соосновскаго, энергическаго и на все (!) готоваго члена Брестскаго капитула. Вліяніе брестскихъ прелатовъ и канониковъ простиралось и на духовенство Виленской епархіи, которымъ управлялъ суффраганъ епископъ Головна, всецѣло преданный базилианамъ. Здѣсь, въ г. Вильнѣ, базилиане склонили на свою сторону не только попечителя князя А. Чарторыйскаго, на содѣйствіе котораго имѣлъ нѣкоторое основаніе разчитывать Брестскій капитулъ, но и нѣкоторыхъ профессоровъ Виленскаго университета. И въ то время, когда Булгакъ (митрополитъ), Мартусевичъ (Луцкій епископъ, назначенный администраторомъ Полоцкой архіепископіи), Сѣроцинскій (Луцкій викарный) и Головна, вмѣстѣ съ базилианами, старались обратить въ ничто правительственныя распоряженія относительно устройства блага духовенства въ епархіяхъ, когда архіепископъ (Полоцкій) Красовскій, тѣснимый врагами, ждалъ въ столицѣ своей участи, когда силы старшаго духовенства въ Полоцкой и Луцкой епархіяхъ были разсѣдены и парализованы, когда 2-й департаментъ коллегіи писалъ безплодные повторительные указы провинціаламъ, а сторону послѣднихъ готовъ былъ принять попечитель, князь Чарторыйскій, въ это трудное время, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, интересы церкви отстаивалъ одинъ только Брестскій капитулъ: онъ не переставалъ возбуждать тревогу во всей русской униі и наносилъ сильные удары базилианамъ всякій разъ, когда замѣчалъ со стороны орденскаго начальства намѣреніе противодѣйствовать благимъ, по его убѣжденіямъ, намѣреніямъ правительства. Тогда-то капитулъ выставилъ талантливыхъ дѣятелей, которыми украшается (!) исторія греко-униатской церкви XIX столѣтія“¹).

Къ сожалѣнію, П. О. Бобровскій не излагаетъ разсматриваемыхъ

¹) Разрядка принадлежитъ намъ.

документовъ съ такою обстоятельностью, какой они заслуживаютъ, и въ его изложеніи дѣйствительное содержаніе ихъ остается такимъ же закрытымъ, какъ закрыто содержаніе протеста Мокрицкаго. Онъ излагаетъ собственно экономическую сторону дѣла, показываетъ, что Виленская консисторія желала устроить семинарію и епархіальную каедрю въ Виленскомъ базилианскомъ монастырѣ, а Брестская — въ Жировицахъ, но не въ Супраслѣ, какъ это прежде предполагалось, далѣе — какъ объ консисторіи доказывали эти свои предположенія; затѣмъ, авторъ показываетъ, какъ онѣ думали обезпечить то и другое учрежденіе, а Брестская консисторія еще и призрѣніе вдовъ и дочерей священническихъ, и наконецъ, какіе монастыри слѣдуетъ закрыть и обратить въ приходскія церкви. Между тѣмъ, кромѣ всего этого, въ разсматриваемыхъ документахъ есть еще другіе предметы, и притомъ гораздо важнѣе: есть планъ всей системы образованія, и какъ въ этомъ планѣ, такъ даже въ самыхъ экономическихъ предположеніяхъ, цѣльное воззрѣніе, обнимающее и матеріальную, и просвѣтительную, и религіозную, и даже народную сторону униатской западно-русской церкви, воззрѣніе, ниспровергающее все то величіе, которое авторъ создаетъ для авторовъ этихъ бумагъ.

Передъ членами Брестской капитулы или Брестскаго капитула стоялъ во всей заманчивости примѣръ того, что сдѣлало съ Супрасльскимъ монастыремъ прусское правительство, заставившее папу Пія VI передать этотъ монастырь бѣлому духовенству и устроить въ Супраслѣ епископскую каедрю съ капитуломъ, послѣ чего сейчасъ же пошли заботы объ устройствѣ здѣсь духовной семинаріи ¹⁾. Члены Брестскаго капитула, несомнѣнно, желали приложить этотъ примѣръ къ Виленскому Троицкому монастырю и къ Жировицкому, къ которому Брестская консисторія прибавляла и Тороканскій монастырь, и тѣмъ крѣпче держалась этой мысли, что въ правительственномъ предложеніи указывалось на важнѣйшіе монастыри, какъ болѣе удобныя для учрежденія семинарій и новиціатовъ, — поэтому объ консисторіи и выдвинули историческую аргументацію, что оба монастыря, и Виленскій (это не вѣрно), и Жировицкій, были сначала приходскими церквами.

Но эти рѣшительные реформаторы прусской школы встрѣтили препятствіе въ томъ параграфѣ того же правительственнаго предложе-

¹⁾ Мы указывали выше буллу объ этомъ 1798 г. Авторъ говоритъ объ этомъ во второй главѣ, стр. 50—51.

нія, который запрещалъ закрывать монастыри, имѣющіе училища. Виленская консисторія и помиралась съ этимъ запрещеніемъ, не настаивала на передачу ей совсѣмъ Виленскаго Троицкаго монастыря и, вѣроятно, думала устроить семинарію не полную, а только богословское ея отдѣленіе ¹⁾, и потому находила возможнымъ помѣстить въ Троицкомъ монастырѣ и семинарію, и епархіальное управление, такъ какъ для этого въ немъ достаточно помѣщенія; она даже предполагала помѣстить семинаристовъ вмѣстѣ съ учениками-монахами ²⁾. Брестская консисторія на подобныя соглашенія не думала идти, а порѣшила совсѣмъ выжить монаховъ изъ Жировицкаго монастыря, завладѣть и его средствами, и его дѣлами и развернуть свою дѣятельность даже гораздо шире, чѣмъ когда-либо развертывали базилиане.

Такъ какъ въ 4-мъ пунктѣ правительственнаго предложенія не совсѣмъ точно говорилось о свѣтскихъ училищахъ при монастыряхъ ³⁾, то Брестская консисторія поняла его такъ, что правительство приглашаетъ ее взять на себя не только устройство семинаріи въ Жировицахъ, но и принять отъ монаховъ свѣтское училище, находившееся тамъ ⁴⁾. Устроить это училище члены Брестской консисторіи

¹⁾ Мнѣніе Виленской консисторіи по этому вопросу весьма не ясно: „Поселику въ городѣ Вильнѣ“, говоритъ она, — „существуютъ гимназія и университетъ, гдѣ юношество можетъ обучаться въ высшихъ наукахъ, то сія консисторія и по сему поводу мнѣніемъ своимъ полагаетъ Виленскій базилианскій монастырь гораздо противу прочихъ удобнѣйшимъ на помѣщеніе епархіальной семинаріи“. Дѣло № 61, л. 29 на оборотѣ.

²⁾ „Сія консисторія полагаетъ, что за открытіемъ (назначеніемъ) отъ Базилианскаго ордена особенно (особаго) на сей предметъ (содержаніе семинаріи) оуидуша, нѣсколько базилианскихъ клериковъ купно съ семинаристами въ томъ же Виленскомъ монастырѣ помѣщены быть могутъ“, говорится въ рапортѣ Виленской консисторіи. Дѣло № 61, л. 31. Во 2-мъ пунктѣ правительственнаго предложенія указывалось какъ на болѣе удобное, чтобы семинарія и новиціатъ были въ одномъ монастырѣ.

³⁾ Вотъ текстъ этого пункта: „Для свѣтскихъ училищъ, при базилианскихъ монастыряхъ положенныхъ, опредѣлить извѣстную сумму по примѣру штатовъ тѣхъ заведеній, кои въ нынѣшнемъ году учреждены на мѣсто іезуитскихъ коллегій. Изъ остальныхъ доходовъ оныхъ монастырей, если таковыя за снѣмъ отдѣленіемъ окажутся, опредѣлить складку на главную и епархіальныя семинаріи и въ составъ вспомогательнаго капитала“.

⁴⁾ Во многихъ мѣстахъ своего рапорта Брестская консисторія заявляетъ такое пониманіе этого пункта. Л. 51 на оборотѣ: ... „Когда верховное правительство, заботясь о благосостояніи и просвѣщеніи духовенства, указало надобность учредить вмѣстѣ съ семинаріями и классическое училище, гдѣ могли бы

предположили просто по плану эдукационной комиссіи, то-есть, по плану учебныхъ заведеній Чарторыйскаго и Чацкаго ¹⁾, и брать учителей изъ числа униатовъ, обучавшихся въ Виленскомъ университетѣ ²⁾. Въ ученomъ трактатѣ, о которомъ мы упоминали выше, тѣсно связанномъ съ рапортомъ Брестской консисторіи, есть одно драгоцѣнное мѣсто, которое проливаетъ новый и очень яркій свѣтъ на просвѣтительные планы Брестской консисторіи. На стр. 532 и 533 XVI т. Акт. Вил. Арх. Комиссіи, гдѣ этотъ трактатъ вновь изданъ, между прочимъ говорится: „Брестская консисторія въ мѣ-

получать воспитаніе и просвѣщеніе дѣти бѣдныхъ униатскихъ священниковъ и церковно-служителей, безъ призрѣнія находящихоя и немѣющихя родителей“, „то для помѣщенія всего этого Супрасльскій монастырь недостаточенъ“. Л. 52—53: „юношество, находящееся въ семинаріи, пріуготовляется къ почтенному званию наставниковъ, потому, чтобы въ богословскихъ наукахъ упражнялись единственно пріобрѣвшіе достаточную способность и совершенно кончившіе классическое ученіе, надобно учредить шестиклассное училище“, и ниже: „надобно учредить семинарію, которая была бы публичнымъ училищемъ, гдѣ не только сироты, безъ родителей оставшіеся, не только дѣти священно-и церковно-служителей, но и дѣти помѣщичьи получали бы наставленіе“. Л. 55 на оборотъ: „въ семинаріи сколько (какъ) публичномъ училище наставляемы будутъ дѣти не только духовнаго, но и свѣтскаго состоянія“. Нашъ авторъ объясняетъ (стр. 244—245) стараніе Брестской консисторіи ввать въ свои руки и свѣтскія базилианскія училища опасеніемъ, вызваннымъ 4-мъ пунктомъ правительственнаго предложенія, какъ бы базилиане не передали этихъ училищъ, піарамъ или Виленскому университету вмѣстѣ съ базилианскими фундами на содержаніе ихъ. Опасеніе такое было (дѣло № 61, л. 58). Но иначе судилъ бы авторъ, еслибы зналъ, какъ тогда же твердо настаивала Луцкая епископія, чтобы съ ея монастырей сняли взысканія на Кременецкій лицей, какъ сильно тогда поддавалось на это требованіе правительство, вскорѣ, при кн. Голицынѣ же и порѣшившее этотъ вопросъ въ пользу униатскаго требованія. Это мы увидимъ послѣ, а теперь скажемъ еще, что и въ дѣлѣ № 61, въ указанныхъ уже мѣстахъ протокола униатской коллегіи 1827—1828 г. авторъ могъ найти надежный критерій, какъ судить объ этомъ вопросѣ. Тамъ прямо сказано, что униатскому духовенству не зачѣмъ заниматься чужимъ дѣломъ, и потому слѣдуетъ вывести изъ базилианскихъ монастырей свѣтскія училища и передать ихъ учебному округу.

¹⁾ Л. 53 на оборотъ: „Но все то (учрежденіе такой семинаріи съ училищемъ, которая бы образовывала и духовныхъ и свѣтскихъ людей) требуетъ учрежденія училища по плану, какой предначертанъ эдукационною комиссіею для публичныхъ училищъ“.

²⁾ Л. 53: „Въ приглашеніи свѣтскихъ учителей ни малѣйшее не встрѣтится затрудненіе; множество происходящихъ изъ духовнаго званія кончить въ Виленскомъ университетѣ ученіе, посвящать оныя себя должности, лишь бы только за свои труды прилично были вознаграждаемы“.

ни своемъ, данномъ въ 1823 году марта 12-го дня (это разсматриваемый нами рапортъ), по указу коллегіи, подробно все пояснила и доказала, что всего удобнѣе, приличнѣе и справедливѣе... устроить семинарію въ Жировицахъ... Вслѣдствіе такого устройства Жировицкая церковь будетъ каедрою Брестской епархіи; мало того, что (она) ничего не потеряетъ отъ (изъ) своего великолѣпія, она приобрѣтетъ новое украшеніе, будучи резиденціею капитула; содержаніемъ училища при семинаріи она привлечетъ юношей изъ мірянъ, желающихъ просвѣтиться науками... Нѣтъ надобности здѣсь излагать новый планъ преподаванія наукъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, когда во всемъ они должны быть согласны съ планомъ главной семинаріи, а какое отношеніе ихъ въ главной семинаріи, какая должна быть постепенность въ преподаваемыхъ наукахъ и какой долженъ соблюдаться надзоръ за епархіальными семинаріями, о семъ предметѣ составилъ особый проектъ одинъ мужъ, извѣстный своимъ вкусомъ просвѣщеніемъ¹⁾.

Такимъ образомъ, по плану Брестской консисторіи, бѣлое униатское духовенство должно было замѣнить собою базилианъ въ дѣлѣ просвѣщенія, совмѣщать при епархіальныхъ каедрахъ духовное и свѣтское образованіе, устроивъ первое по учебному плану Виленской главной семинаріи или академіи, а свѣтское—по плану эдукационной комиссіи Виленскаго учебнаго округа, то-есть, вообще по плану Чарторыйскаго, и согласно съ этимъ планомъ сосредоточить надзоръ за епархіальными учебными заведеніями въ Виленской главной семинаріи, то-есть, опять неизбѣжно въ рукахъ Чарторыйскаго. Вопросъ объ устраненіи базилианъ отъ публичнаго образованія рѣшается ясно и твердо въ разсматриваемомъ рапортѣ. Брестская консисторія полагаетъ, что базилианамъ нѣтъ нужды имѣть даже монашескихъ училищ²⁾, а слѣдуетъ имъ ограничиваться веденіемъ новиціата, который базилиане должны вывести изъ Жировицъ въ Бытевь³⁾. Впрочемъ, имъ дѣлается уступка. Они могутъ получать учителей изъ семинаристовъ, поступающихъ въ монахи⁴⁾, и могутъ себѣ устра-

1) Редакція *Л. Ен. Вѣд.*, издавшая въ первый разъ этотъ трактатъ, сдѣлала къ этому мѣсту примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что это былъ М. К. Поброевскій.

2) Л. 56 на обор.: „Нѣтъ прямой надобности удерживать при монастыряхъ монашескіе училища“.

3) Л. 54 на обор., 55 § 5.

4) Л. 56: „Извѣстенъ орденъ и о томъ, что для дѣтей званія духовнаго учредится семинарія съ публичнымъ училищемъ, затѣмъ случиться можетъ, что не-

ивать, очевидно, для своего ордена богословскіе институты, для чего имъ указываются неважные монастыри ¹⁾). Дѣлается имъ еще уступка, даже заманчивая: если у нихъ будетъ недостатокъ въ учителяхъ изъ уніатовъ, то они могутъ просить разрѣшенія принимать въ свой орденъ латинянъ ²⁾).

Возстановляя такое общеніе уніатовъ съ латинянами у базилианъ, Брестская консисторія задумала освѣжить общеніе уніи и латинства и у себя, должно быть, для болѣе полнаго единенія имѣющихъ воспитываться вмѣстѣ дѣтей уніатскихъ священниковъ и польскихъ помѣщиковъ. Она обратила вниманіе, что въ Жировицкой церкви была прежде инструментальная музыка. Консисторія предположила возстановить столь полезное, по ея мнѣнію, учрежденіе и соединить его съ развитіемъ вокальной музыки, то-есть, устроить то самое, что было и бываетъ въ латинскихъ каѳедральныхъ костелахъ, но что до того не соотвѣтствуетъ богослуженію восточной церкви, что не удержалось и пало даже въ Жировицкомъ базилианскомъ монастырѣ ³⁾). Въ ра-

только кончившіе классическія науки, но и нѣкоторые обучающіеся богословскимъ наукамъ въ семинаріи возжелаютъ облечься въ монашество, и ордену остается только отправлять оныхъ въ Виленскій университетъ ради выцщаго усовершенія“ (слово это, очевидно, составлено по образцу польскаго слова—*doskonaleniecie*).

¹⁾ Л. 56 на обор. послѣ текста, приведеннаго въ примѣч. 1-мъ: „Нужно только ордену учредить у себя богословскіе институты, хотя—если некоторые монастыри (.) первоначально принадлежавшіе бѣлому духовенству, упразднятся, а нѣкоторые обратятся на семинарію—уменьшится и число монаховъ. Въ то время Березвечій монастырь, гдѣ новиціаты, и Лавришевскій, гдѣ нынѣ семинарія, могутъ употребиться на богословскій и другіе учебные институты“.

²⁾ Л. 56 на обор. послѣ текста, приведеннаго въ примѣч. 2-мъ: „Этми-же откроется недостатокъ въ наставникахъ, то базилиане по исходатайствованіи дозволенія *могутъ принимать и римско-католиковъ съ своею сословіе*, да и бѣлое духовенство по мѣре возможности доставлять будетъ ордену кончившихъ курсъ ученія“ (то-есть, въ учителя, такъ какъ ниже слѣдуетъ выше выписанное мѣсто, что базилианамъ нѣтъ надобности содержать при монастыряхъ монашескія училища).

³⁾ Вотъ это замѣчательное мѣсто, л. 60 на обор. того же дѣла № 61, § 8-й: „Фундушъ (.) учиненный для Жировицкаго монастыря требуетъ, чтобы при церкви инструментальная была музыка, которая нынѣ не существуетъ, а надлежало бы *содѣйствовать возобновленію* толь хорошаго заведенія—за учрежденіемъ же въ Жировицахъ семинаріи, ученики оной отличавшіеся голосами, могли бы составить вокальную музыку“. Г. П. О. Вобровскій такъ передаетъ содержаніе этого мѣста и ближайшаго къ нему: „Изъ документовъ видно, что при Жировицкомъ монастырѣ должно содержать 12 бесплатныхъ воспитанниковъ

портѣ Жировицкой консисторіи есть еще нѣсколько мѣстъ, доказывающихъ большую широту ея плановъ. Такъ, заявивъ, что нужно устроить семинарію и при ней классическое училище не только для дѣтей бѣлаго духовенства, но и для дѣтей помѣщиковъ, и что для этого нужно набрать надлежащій комплектъ учителей не только изъ членовъ мѣстнаго капитула, но и изъ кончившихъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ, Брестская консисторія заключаетъ эти предположенія такими словами: „Симъ образомъ некоторые изъ юношества (,) содержащагося въ семинаріи (,) приобрѣвъ достаточное знаніе въ наукахъ, безпрепятственно, буде пожелаютъ, вступать и совершать монашескіе обѣты, будутъ профессорами въ публичныхъ училищахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ—словомъ во всякомъ состояніи, гражданскомъ, воинскомъ или духовномъ онѣ съ пользою могли бы быть употребленными“¹⁾.

Въ этой картинѣ широкихъ просвѣтительныхъ задачъ, какія ставить Брестская консисторія, интересы духовнаго сословія или состоянія, какъ выражается эта консисторія, поставлены на послѣднемъ мѣстѣ, а между тѣмъ правительственное предложеніе прежде всего и больше всего требовало дать мнѣніе о томъ, какъ лучше устроить это самое духовное сословіе. Брестской консисторіи необходимо было дать прямыя отвѣты на этотъ существенный запросъ. Въ рапортѣ Виленской и особенно въ рапортѣ Брестской консисторіи есть и по этой части любопытнѣйшіе планы, которые заслуживаютъ тоже обстоятельнаго изложенія и сопоставленія.

Прежде всего выступаетъ въ рапортѣ Брестской консисторіи достойный большаго вниманія и уваженія проектъ человеколюбиваго обезпеченія самыхъ несчастныхъ лицъ въ униатскомъ духовенствѣ, вдовъ и сиротъ-дѣвочекъ. Это такой важный и любопытный, даже въ стилистическомъ отношеніи, пунктъ²⁾, что мы считаемъ нужнымъ

(это 7-й пунктъ рапорта) и при церкви имѣть инструментальную музыку. Теперь уже музыки не имѣется“. Въ примѣчаніи къ этой передачѣ текста рапорта Брестской консисторіи авторъ говоритъ: „Консисторія желаетъ дать замѣтить, что по уставамъ греческой церкви полагается хоръ пѣвчихъ, а не инструментальная музыка“. Возможно ли такъ объяснять приведенный нами текстъ, представляемъ рѣшить читателямъ.

¹⁾ Дл. 52 на обор. и 53—первая и вторая строки.

²⁾ Мы вездѣ стараемся отмѣтить стилистическія особенности бумагъ Виленской и Брестской консисторій. Если сравнивать русскія бумаги этихъ консисторій съ бумагами Полоцкой и Луцкой, то окажется, что въ знаніи русскаго

привести его въ цѣломъ и подлинномъ видѣ (листы 63-й на оборотѣ и 64-й): „Можетъ спросить орденъ, на что именно зданія Тороканскаго монастыря по отнятіи фундуша обратятся. Но рѣшеніе о томъ не зависитъ отъ консисторіи. Сіе самое правительство, которое обращаетъ вниманіе о призрѣніи мужеска пола, можетъ взять подъ свой покровъ вдовы и сиротъ женска пола. Кто жъ не убѣжденъ, что благонравныя и примѣрнаго поведенія женщины, имѣютъ великое вліяніе и способствуютъ заселенію добрыхъ нравовъ въ семействахъ? Онѣ будучи супругами священниковъ, а матерями дѣтей, назначенныхъ къ важному духовному званію, почтутъ первую обязанностію вперячь имъ основательныя правила религіи и добродѣтели. Кромѣ церковныхъ узаконеній, и высочайшимъ указомъ отъ 7-го мая 1808 года представлено уже женщинамъ пользоваться въ нѣкоторомъ отношеніи покровительствомъ престола—то бѣлое духовенство ободрается надеждою, что благотворительное правительство обратитъ еще вниманіе на поль женскій и признаетъ за благо учредить на общую пользу институтъ для воспитанія дочерей и женъ по священникахъ оставшихся. На сей то конецъ дерзаетъ консисторія указать зданія Тороканскаго монастыря; а такъ какъ женщины собственными своими трудами пріобрѣтатъ будутъ содержаніе, то и малый для нихъ удѣлъ довлѣетъ“¹⁾.

Что касается мѣръ къ улучшенію положенія приходскихъ священниковъ, на что правительственное предложеніе вызывало 2-мъ своимъ пунктомъ, требовавшимъ указанія, какіе монастыри образованы изъ приходскихъ церквей и подлежатъ преобразованію въ приходы, при чемъ естественно могли бы оказаться земли и капиталы и могъ возникнуть вопросъ, какъ ихъ обратить на общую пользу духовенства, то въ рапортѣ и Виленской и даже Брестской конси-

языка почтенныя члены Брестскаго капитула далеко уступали членамъ не только Полоцкой консисторіи, но даже Луцкой. Впрочемъ, людямъ ихъ среды удавалось иногда удачно изобрѣтать новыя слова. Такъ, въ одной бумагѣ епископа Годовни (д. ун. кол. 1818 г., № 39, л. 92) вмѣсто словъ апостольскій престолъ или апостольское сѣдалище употреблено—*апостольская стѣжа*.

¹⁾ Въ концѣ этого проекта члены Брестской консисторіи обнаружили очевидное жестокосердіе, не выжущееся съ духомъ и развитіемъ этого проекта. Они въ этой же бумагѣ назначали еундушъ Тороканскаго монастыря на Жьровицкую семинарію. Справедливость требовала оставить предполагаемому женскому Тороканскому приюту, кромѣ зданія, хоть что-нибудь изъ еундуша этого монастыря.

сторіи—отвѣты самыя неудовлетворительныя; въ нихъ лишь перечисляются монастыри, образовавшіеся изъ приходовъ, и прилагаются протесты противъ этого прежнихъ временъ. Только уже въ изданномъ послѣ этихъ рапортовъ, въ дополненіе къ нимъ, ученомъ трактатѣ этотъ вопросъ разрабатывается, по всей вѣроятности, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія приходскаго духовенства, не могшаго не узнать, что правительственное предложеніе обнимаетъ не одни интересы воспитанія его дѣтей и благосостоянія членовъ капитула, консисторій. Въ этомъ трактатѣ именно говорится о распредѣленіи имущественныхъ излишковъ закрываемыхъ монастырей по бѣднѣйшимъ церквамъ, даже о назначеніи уравнительнаго жалованья всѣмъ вообще духовнымъ изъ общихъ ихъ доходовъ и, что особенно важно, затрогиваются интересы латинскаго духовенства (вопросъ о десятинахъ) и польскихъ пановъ (слабыя попытки ограниченія патронатства) ¹⁾. Но, какъ увидимъ, члены Брестской и Виленской консисторій не очень поддавались такому ученому идилизму и всѣ главнѣйшія свои силы направляли на возвышеніе и благоустройство верхняго слоя бѣлаго униатскаго духовенства, членовъ такъ-называемыхъ капитуловъ.

Далѣе, члены Брестскаго капитула, при всемъ своемъ полонизмѣ, не могли не высказать того неодолимаго томленія, какое испытываютъ униаты всѣхъ странъ славянскаго міра, отъ искаженія въ униі греко-восточнаго церковнаго чина, отъ разрушенія богослужбнаго великолѣпія и униженія епископскаго сана и служенія. Обѣ консисторіи, Виленская и Брестская, и авторы ученаго трактата совершенно согласно заявили это томленіе и показываютъ, какое улучшеніе должно быть сдѣлано. „Помѣщенная епархіальная семинарія въ Виленскомъ базилянскомъ монастырѣ“, говорится въ 2-мъ пунктѣ рапорта Виленской консисторіи (л. 29),—„будетъ завсегда подъ присмотромъ его преосвященства г. епископа и консисторіи. За самъ несомнительно, что воспитываемое юношество въ Епархіальной семинаріи, рачительнѣе обучаться, прилежнѣе наблюдать нравовъ и большую имѣть способность къ познанію церковныхъ обрядовъ и порядку можетъ; да и учителя акуратнѣе будутъ соблюдать свою должность и имѣть бдительное смотреніе за учениками; при семъ же его преосвященство во всякомъ времени, изъ приготавлиющихся въ санъ духовный, при служеніяхъ будетъ имѣть нужную услугу, и тѣмъ же семинаристы, обя-

¹⁾ XVI т. Акт. Вилен. Арх. Ком., стр. 533—534, семь пунктовъ и немного выше ихъ, въ 1 столб. 533 стр.

заны и должны будутъ удерживать порядокъ въ церквѣ и на кри-
досѣ. Какъ равно Митрополитча Литовско-Виленская Епархія будетъ
имѣть собственную Кафедру, какой доселѣ не имѣла*. Брестская кон-
систорія говоритъ объ этомъ не такъ скромно, а гораздо смѣлѣе,
подробнѣе и съ особеннымъ оттѣнкомъ, съ сильнымъ удареніемъ на
значеніе капитула: „Семинарія подѣ непосредственнымъ вѣденіемъ
мѣстнаго пастыря управляема будетъ“, говоритъ она (л. 59),— „двумя
каедральными канониками согласно съ церковными правилами и на
основаніи высочайшаго указа отъ 18-го іюля 1803 года. Мѣстный
архіерей для благолепія церковнаго служенія могъ бы употреблять
прелатовъ, канониковъ и клириковъ. Сочлены каедральные отпра-
влять будутъ въ каедрѣ соборомъ своимъ службу божью, а въ слу-
чаѣ малаго числа членовъ каедральныхъ, которые непрерывно при
каедрѣ обитать должны, пригласятся священники женъ немѣющіе“.

Естественно было ожидать, что при такихъ планахъ благоустроить
церковность въ рапортахъ что-нибудь будетъ сказано и о теорети-
ческомъ изученіи этого дѣла въ семинаріяхъ, что будетъ рѣчь объ
учителяхъ церковно-славянскаго языка и литургики; но объ этомъ,
при всяческихъ перечисленіяхъ тамъ учителей, нѣтъ ничего, хотя
этого можно было ожидать, такъ какъ тамъ въ пунктѣ (л. 59 на обо-
ротѣ), слѣдующемъ непосредственно послѣ приведенныхъ пунктовъ
о церковномъ богослужебномъ великолѣпіи, говорится о духовникахъ,
проповѣдникахъ. Рѣчь объ этомъ хотя краткая, но весьма ясная,
есть только въ ученомъ трактатѣ, оконченномъ уже при Шишковѣ.
Тамъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 533, 1 стлб.) говорится, что изъ пяти учи-
телей для богословскаго отдѣленія одному нужно „препоручить въ
особенности науку славянскаго языка, пѣнія и церковныхъ церемо-
ній (то-есть, обрядовъ—литургику)¹⁾, ибо таковыя весьма пренебре-
жены какъ въ бѣломъ духовенствѣ, такъ и еще больше въ мона-
шескомъ“.

Всѣ эти предположенія объ обеспеченіи сиротъ, о благосостояніи
приходскихъ священниковъ, о благоустройствѣ церковности и изуче-
ніи ея вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ,—безъ сомнѣнія, хо-
рошія предположенія, но въ дѣйствительности они оказались мертво-
рожденными проектами. Въ нихъ не было духа жизни, не доставало
тѣхъ немногихъ жизненныхъ словъ, которыя говорились открыто и

¹⁾ Это вставочное объясненіе принадлежитъ, вѣроятно, не автору, а редак-
тору или надателю этого памятника.

чество Лисовскимъ, Красовскимъ, Кохановичемъ. Эти слова—сближеніе уніатской церкви съ русскою православною церковью, русское образованіе, за которымъ естественно, раньше или позже должна была возникнуть самая живительная сила, стремленіе къ воссоединенію. У членовъ Брестской консисторіи и Виленской не было не только этой послѣдней мысли, но не было у нихъ ни смѣлости, ни желанія говорить прямо, открыто то, что говорили Лисовскій, Красовскій, Кохановичъ. Они желали возсоздать на западно-русской землѣ вновь колоссъ уніи, вершину котораго, разумѣется, должно было составлять церковно-славянское богослуженіе, не извѣстно, по какому образцу, середину — возвеличенные и прочно созданные епархіальные капитулы, способные придавить не только базилианъ, но и бѣдныхъ приходскихъ священниковъ, а затѣмъ колоссъ долженъ былъ держаться на глиняныхъ ногахъ, на либеральной, но неизмѣнной связи съ Римомъ и на либеральномъ полонизмѣ, на просвѣтительной системѣ Чарторыйскаго съ польскимъ языкомъ въ наукѣ и общественности. Вершина оставлялась въ пренебреженіи, ноги казались твердыми и надежно прикрытыми такими уважаемыми одеждами, какъ классицизмъ и признанное существованіе уніи, и до 1824 г., до времени Шишкова, тоже не возбуждали тревогъ; но середина колосса величїе капитуловъ на развалинахъ базилианскаго ордена — это былъ предметъ и страшно заманчивый, и страшно тревожный. На немъ и сосредоточивались главнѣйшее вниманіе и силы Виленской и Брестской консисторій.

Не довольствуясь вызовомъ правительства благоустроить бѣлое духовенство на счетъ излишнихъ базилианскихъ монастырей, не довольствуясь и тѣмъ, что забирали себѣ у базилианъ два важные монастыря, Жировицкій и Торованскій, отнимали публичные училища и обрывали даже средства къ собственному ихъ монашескому образованію,—члены Брестской консисторіи сочли еще нужнымъ вразумить и свое общество и, главное, русскихъ государственныхъ людей, что базилианъ слѣдуетъ совсѣмъ доконать и возвратить ихъ къ тому древнему состоянію, въ какомъ они знали только свои монастыри, пустыни, и не имѣли никакой власти въ церкви. Съ этою цѣлью они въ извѣстномъ намъ трактатѣ, которому предшествовали столь же шумные трактаты и рукописные (1819 г. отвѣты Брестской капитулы), и печатные (въ виленскихъ изданіяхъ), написали цѣлое ученое изслѣдованіе на эту тему. Изслѣдованіе дѣйствительно замѣчательное и можетъ вызывать къ себѣ, особенно своими источниками, вниманіе

даже теперь; но съ практической точки зрѣнія члены Брестской консисторіи сильно вредили себѣ тѣмъ, что навязывали высказанныя въ немъ воззрѣнія правительственнымъ лицамъ и потому всюду распространяли этотъ трактатъ ¹⁾. Въ правительственномъ предложеніи явно указывалось на примиреніе съ монахами и на совмѣщеніе въ одномъ монастырѣ семинаріи и новиціата. Члены Брестской консисторіи въ упомянутомъ изслѣдованіи и даже въ рапортѣ шли противъ этого предложенія. Ничего, кромѣ вреда для дѣла, отъ этого не могло быть, тѣмъ болѣе, что въ правительственномъ предложеніи явно имѣется въ виду примѣръ тѣхъ отношеній между монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ, какой установился въ русской православной церкви ²⁾.

Точно также непрактически и, кромѣ того, весьма ненаучно члены Брестскаго капитула созидали на проектированныхъ ими развалинахъ базилианскаго ордена собственную власть и благоденствіе. Они доказывали, что такъ-называемые капитулы, которые въ томъ видѣ, какъ эти члены устанавливали, были чисто латинскимъ учрежденіемъ и вошли въ униатскую церковь не раньше XVIII вѣка, есть древнее учрежденіе, существовало будто бы не только въ первыя времена уніи, но и до уніи, и никакъ не хотѣли понять, что протопопъ съ священниками при каедрѣ епископа или такъ-называемый въ западно-русской церкви крылось совсѣмъ не то, что латинскій капитулъ съ его латинскими чинами и генеральными собраніями ³⁾. Даже Красовскій, этотъ неодолимый борецъ за права бѣлаго духовенства, отказался идти за брестскими канониками по этому пути въ Римъ, а повернулся къ востоку, указавъ на восточную церковь, но заявилъ, что у него въ Полоцкой епархіи не было и нѣтъ капитула, а только онъ самъ на-

¹⁾ Свѣдѣнія о распространеніи его въ статьѣ автора о Сосновскомъ, *Д. Ев. Вѣд.* 1890 г., № 10, стр. 75, и въ кн. стр. 313.

²⁾ П. О. Бобровскій ничего этого не усматриваетъ, а объясняетъ этотъ пунктъ правительственнаго предложенія податливостью кн. Голицына въ сторону базилианъ (стр. 245). Но есть болѣе близкое по времени и, безъ сомнѣнія, болѣе авторитетное объясненіе этого дѣла, протоколъ униатской коллегіи 1827—1828 г., въ которомъ дѣлается ссылка и на это предложеніе и ясно, твердо заявляется, что духовно-учебныя заведенія въ униатской церкви должны быть устроены по образцу существующихъ въ имперіи (указанные листы дѣла № 61, то-есть, 667—668).

³⁾ Исторія этого вопроса изложена въ бумагахъ другаго дѣла, которое авторъ тоже высоко цѣнитъ, именно, въ бумагахъ дѣла униатской коллегіи 1818 г. № 39.

значаетъ въ тѣ или другія должности членовъ консисторій, при чемъ употребляетъ названія почти все греческія ¹⁾. За то Виленскій викарный Головня, выведенный изъ терпѣнія притязаніями защитниковъ капитульныхъ порядковъ, разгромилъ ихъ большимъ трактатомъ, въ которомъ обстоятельно доказалъ, что капитулъ — учрежденіе латинское, а въ русской церкви не существовалъ ни на востокѣ Россіи, ни на западѣ ея ²⁾.

Нашъ авторъ неизмѣнно даетъ свое сочувствіе членамъ Брестской и Виленской консисторій какъ по вопросу о базилианскомъ ордентѣ, такъ и по вопросу о капитулахъ, и осуждаетъ всѣхъ, кто шелъ противъ этихъ дѣятелей ³⁾.

Никто, конечно, не можетъ покушаться на свободу мнѣній автора. Онъ можетъ думать, что и воспитательная система брестскихъ канониковъ хороша, что базилианскій орденъ и самое монашество слѣдовало совсѣмъ загубить и поставить капитулы такъ крѣпко, какъ этого желали члены Виленской и особенно Брестской консисторій. Это его добрая воля. Но никто не пойметъ, почему онъ не относится съ одинаковою критикою къ дѣламъ базилианскаго ордена и Брестскаго капитула и беретъ подъ свою защиту явно несостоятельныя вещи, какъ воспитательная система, занятая у Чарторыйскаго, и смѣшеніе крылоса съ капитуломъ, а еще труднѣе понять, почему членовъ Брестскаго капитула авторъ называетъ „украшеніемъ XIX вѣка“ и даже славить ихъ будто бы русское направленіе и какое-то стремленіе къ востоку, чего у нихъ вовсе не было.

¹⁾ Тамъ же, лл. 6—7: „Въ моей епархіи или при моей Архи-каедрѣ“, говоритъ Красовскій, — „не было и не находится канониковъ по *правиламъ римскимъ*, кромѣ тѣхъ которіи митрополитскою властію удостоены отличными (какъ отличіемъ) крестами зовомыми *Distinctoria* по силѣ буллы блаженной памяти Пія VI папы римскаго изданной 1784 года іюня 13 дня... по старательству покойнаго греко-уніатскаго митрополита Ясона Смогоржевскаго... (прилагаетъ копию буллы). На которыхъ сверхъ сего иногда возлагаются *кафедральныя чины по правиламъ греческой церкви*, какъ то: *Magnus oeconomus, Sacellarius, vasorum custos, Chartophilax, Referendarius, Memorialium scriba, Archipresbyter etc.*“. Послеъ всего этого понятно и то, почему Красовскій, давно знавшій преобразовательные замыслы брестскихъ канониковъ, не пошелъ за ними и въ признаніи благъ Виленской главной семинаріи, а напротивъ возставалъ противъ нея, за что нашъ авторъ сильно осуждаетъ его (стр. 367—368). Несимпатія его къ этому ученому средоточію происходила не отъ непониманія его, а напротивъ отъ яснаго сознанія, что это — рассадникъ колонизаціи уніи.

²⁾ То же дѣло № 39, лл. 24—27 и 83—99.

³⁾ Стр. 279—283.

Это пристрастіе лишило автора возможности справедливо оцѣнить и дальнѣйшую борьбу членовъ Брестскаго капитула съ базилианскимъ орденомъ. Базилиане хорошо разглядѣли, какой новый колоссъ уни строятъ члены Брестскаго капитула и пустили въ ходъ всю силу своихъ интригъ. Сталъ приглядываться къ этому строенію Чарторыйскій и порѣшилъ, что лучше, надежнѣе имѣть по прежнему базилианъ правою своею рукой, а бѣлое униатское духовенство лѣвою, а не на оборотъ, какъ желали устроить члены Брестскаго капитула. Даже профессоръ М. К. Бобровскій смутился, сталъ сдерживать друзей и защищать базилианъ ¹⁾. Но, что всего важнѣе, во всему этому приглядывалось русское правительство и видѣло ясно, что члены Брестскаго капитула далеко не то, что Лисовскій, Красовскій, Кохановичъ, что они не говорятъ и не желаютъ говорить тѣхъ важныхъ словъ, какія говорили и проводили въ дѣло знаменитые тѣ униаты, на счетъ которыхъ не существовало и не могло существовать никакихъ сомнѣній, ведутъ ли они дѣйствительно униатовъ къ сближенію съ русскою церковью и съ Россіей вообще, и не скрытые ли они друзья польскихъ патріотовъ? На счетъ брестскихъ канониковъ такое сомнѣніе постоянно возникало и вызывало недоумѣніе, стоитъ ли ломать все старое изъ-за такихъ преобразователей, а это колебаніе и давало силу всѣмъ интригамъ противъ брестскихъ канониковъ и со стороны базилианской, и со стороны польской.

Но дѣйствительно ли такой судъ совершался надъ этими дѣятелями? Дѣйствительно ли существовали другія, болѣе русскія стремленія униатовъ, и дѣйствительно знало ихъ тогда русское правительство и могли знать эти самые дѣятели? Дѣйствительно, такія стремленія были, ихъ знало русское правительство, могли знать и брестскіе каноники; но нашъ авторъ ихъ не знаетъ, потому что не изучалъ тѣхъ архивныхъ дѣлъ, въ какихъ они раскрываются.

Мы показали, что авторъ дѣлаетъ съ главнѣйшими бумагами тѣхъ архивныхъ дѣлъ, которыя онъ самъ признаетъ самыми важными, и на которыхъ, слѣдовательно, сосредоточено самое большое его вниманіе и самая большая сила его научныхъ пріемовъ. Теперь посмотримъ, чего онъ не дѣлаетъ существенно ему необходимаго, устранившись отъ изученія такихъ архивныхъ дѣлъ, которыя измѣняютъ его рѣшенія по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ его изслѣдованія ²⁾.

¹⁾ У автора стр. 4—5; появиве въ „Біографическомъ очеркѣ“ М. К. Бобровскаго, стр. 75—76.

²⁾ Мы вынуждены здѣсь излагать сущность главнѣйшихъ униатскихъ вопро-

Всякій образованный читатель книги П. О. Бобровскаго можетъ замѣтить, что въ ней весьма неравномѣрна полнота и обстоятельность изложенія событій; что около 1820 г., а особенно 1821—1822 гг., его свѣдѣнія о событіяхъ униатской церкви время Александръ I подробнѣе, а до этого времени не полны, отрывочны, и авторъ самъ иногда сознается, что не знаетъ того или другого ¹⁾. Читателю, знающему дѣла, будетъ совершенно ясна и понятна главная причина такой неравномѣрности. Около 1820 г., а особенно съ 1822 г., и официальные дѣла, находящіеся въ архивѣ униатской коллегіи, становятся обстоятельнѣе, и нашъ авторъ съ 1821 по 1826 г. располагалъ значительною перепиской ²⁾, а до этихъ временъ у автора отсутствовала частная переписка ³⁾, и дѣла униатской коллегіи до 1822 г., а особенно до 1818 года, не имѣютъ надлежащей полноты, кромѣ справочной части, и по главнѣйшимъ вопросамъ или ничего не даютъ, или даютъ весьма мало, такъ что авторъ вынужденъ часто обращаться къ писателямъ, пользовавшимся неизвѣстными ему источниками, къ графу Д. А. Толстому, М. Я. Морошкину и другимъ.

Мы уже разъясняли, отъ чего произошла эта неполнота памятниковъ въ архивѣ униатской коллегіи, именно,—отъ того, что съ учрежденіемъ въ 1810 году главнаго управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, туда перешли и тамъ сосредоточивались дѣла по важнѣйшимъ вопросамъ униатской церкви. Шестой пунктъ указа объ учрежденіи этого управленія прямо переносилъ въ него вопросъ о сокращеніи базилианскихъ монастырей ⁴⁾, а извѣстно, какъ тѣсно съ этимъ были связаны вопросы объ униатскихъ семинаріяхъ, о капи-

совь, какъ они раскрываются въ неизвѣстныхъ П. О. Бобровскому архивныхъ дѣлахъ, и приводимъ изъ нихъ многія подлинныя мѣста, по той же причинѣ, какую указывали въ первой половинѣ нашей статьи, то-есть, потому, что иначе читатели съ трудомъ могли бы повѣрять, что г. Бобровскій устранился отъ изученія такихъ важныхъ и существенно ему необходимыхъ вещей.

¹⁾ Такъ онъ заявляетъ, что не знаетъ дѣйствій комитета, учрежденнаго въ 1807 г., что ему не извѣстно, о чемъ Чарторыйскій переговаривался съ кн. Голицынымъ въ 1821 г.

²⁾ О ней авторъ говоритъ на стр. 333, 342 и 343 (прим.).

³⁾ Онъ не воспользовался даже записками Сулживскаго, напечатанными въ 1868 г. въ *Трудахъ Кіевской Академіи*, гдѣ много любопытнѣйшихъ ясемъ по весьма важнымъ дѣламъ, особенно по дѣламъ о возстановленіи Лисовскимъ чистоты униатскаго обряда и о преобразованіи базилианъ изъ аскетическаго въ воспитательный орденъ.

⁴⁾ Пунктъ этотъ гласитъ: Упраздненіе униатскихъ монастырей, гдѣ найдется то нужнымъ, предоставить по принадлежности главному управленію духовнымъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

тулахъ и вообще объ улучшеніи быта бѣлаго духовенства ¹⁾. Вотъ по этимъ-то всѣмъ вопросамъ мы и покажемъ документально, какъ авторъ устранился отъ важнѣйшихъ памятниковъ, необходимыхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, и сколько у него изъ-за этого произошло неправильныхъ выводовъ.

Мы не можемъ здѣсь дѣлать хотя бы и краткаго обзора всѣхъ дѣлъ архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, упущенныхъ авторомъ изъ виду. Мы возьмемъ лишь нѣсколько важнѣйшихъ дѣлъ, но возьмемъ ихъ не по какой-либо прихотливой системѣ, а по хронологическому порядку важнѣйшихъ вопросовъ въ униатской церкви отъ начала настоящаго столѣтія и до 1822 г., до изданія разсмотрѣннаго нами правительственнаго предложенія униатской коллегіи.

Въ высшей степени замѣчательно, что та система преобразованій униатской церкви, которую выдвинулъ Полоцкій архіепископъ Ираклій Лисовскій и которая сразу вызвала русское правительство дать преимущественное покровительство этой церкви передъ всѣми иностранными исповѣданіями и повела къ учрежденію въ римско-католической коллегіи особаго униатскаго департамента и къ другимъ преобразованіямъ, болѣе и болѣе возвышавшимъ эту церковь, вышла вовсе не изъ борьбы бѣлаго униатскаго духовенства съ базилианами, которую нашъ авторъ ставитъ на первомъ планѣ и съ нея начинается свое изслѣдованіе, а изъ борьбы греко-униатовъ съ латинянами-поляками. Лисовскій съ самаго начала (1803 г.) ясно и прямо поставилъ дѣль и объявилъ правительству, что онъ стремится къ охраненію униатовъ отъ совращенія ихъ въ латинство и къ сближенію ихъ съ православною церковью. Это рѣшительно подтверждаютъ, во первыхъ, дѣлая группа дѣлъ архива униатской коллегіи о совращеніи униатовъ въ латинство въ 1802—1803 г., которую авторъ могъ изучать, но почему-то оставилъ въ сторонѣ ²⁾; во вторыхъ, тоже дѣлая группа незнако-

¹⁾ Въ главномъ управленіи, какъ увидимъ, сосредоточивались униатскія дѣла не изъ одной униатской коллегіи, а также изъ сената, вѣдавшаго многія изъ нихъ, и изъ святѣйшаго синода, имѣвшаго связь съ униатскими дѣлами. Въ нѣкоторыхъ архивныхъ дѣлахъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода прямо говорится, откуда та или другая группа бумагъ передана сюда, наприкладъ, въ дѣль № 3 (судной части) и № 53 (правит. части).

²⁾ У автора мы не находимъ указанія на эти дѣла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него рѣчь объ этихъ событіяхъ, см. стр. 30—37. Онъ пользуется этими свѣдѣніями изъ сочиненія Морощкина. Дѣла эти указаны въ концѣ каталога униатской коллегіи. Авторъ не доглядѣлъ ихъ. №№ болѣе важныхъ изъ нихъ: 5, 6, 9, 11, 12, 16 и 17 (нумерація особам).

мыхъ автору драгоцѣннѣйшихъ дѣлъ архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода съ 1804 по 1809 г., помѣщенныхъ въ началѣ судной и правительственной части каталога за 1802 — 1836 гг., въ которыхъ разъясняется поѣздка въ Петербургъ повѣреннаго Лисовскаго Красовскаго въ 1803 г., и результаты ея, то-есть, коренная, перемѣна взгляда правительства на униатовъ и связанныя съ этимъ преобразования ¹⁾.

Съ этими дѣлами имѣютъ связь многія мѣста записокъ Суджинскаго (приложенія), а также сохранившаяся въ бывшемъ униатскомъ Холмскомъ управленіи переписка Лисовскаго съ Римомъ объ очищеніи униатскаго обряда ²⁾. Лисовскій, какъ сейчасъ увидимъ, даже защищалъ базилианъ, какъ только обнаруживалось, что на нихъ посягаютъ латиняне-поляки. Замѣчательно, что Іосифъ Сѣмашко точно также съ самаго начала своей дѣятельности выходилъ изъ тѣхъ же пунктовъ, защиты униатовъ отъ совращеній въ латинство и сближенія ихъ съ православною церковью ³⁾. Смыслъ такой постановки преобразованій униатской церкви ясенъ. Епископъ — равно пастырь какъ для монаховъ, такъ и для блага духовенства и, гдѣ нужно, равно защитникъ или каратель какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, а въ униатской западно-русской церкви эта защита и эта кара главнѣйшимъ образомъ вызывались посягательствомъ латинянь-поляковъ на унию.

Нашъ авторъ, которому совсѣмъ не извѣстна такая постановка дѣла въ указанныхъ нами памятникахъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на вопросѣ, конечно, важномъ, но частномъ, — на борьбѣ блага униатскаго духовенства съ базилианами, отсюда выводитъ всѣ важнѣйшія преобразования униатской церкви и потому выдвигаетъ на первый планъ дѣла и заслуги блага духовенства. На бѣду па-

¹⁾ Авторъ знаетъ только дѣло № 5, изданное гр. Толстымъ въ 24-мъ приложеніи 2-го т. Исторіи католицизма въ Россіи.

²⁾ Дѣла эти находятся теперь, кажется, въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій. Мы списали эту переписку еще до воссоединенія холмскихъ униатовъ, когда существовало особое управленіе этими дѣлами сперва въ Варшавѣ, а потомъ въ Петербургѣ при оберъ-прокурорѣ св. синода. Переписка эта — конца прошедшаго вѣка и, слѣдовательно, доказываетъ, что Лисовскій давно усвоилъ себѣ тѣ воззрѣнія, которыя высказалъ русскому правительству, въ 1803 г.

³⁾ За первое дѣло, защиту униатовъ отъ совращенія въ латинство, брался и болѣе видный членъ Брестскаго капитула, Антоній Сосновскій; но какъ онъ шелъ дальше этого — ко второй основной задачѣ униатовъ, сближенію униі съ православіемъ, мы уже видали.

мятники, существенно важные, но ему неизвестные, ставят совсем иначе и общие униатские вопросы, и самый вопрос о преобразовании базилианского ордена. Въ этомъ отношеніи имѣеть громадную важность неизвестное автору дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 3 (судной части), на 637 листахъ, начатое въ 1804 году, върише сказать, въ 1802 и конченное въ 1812 году ¹⁾). Оно имѣеть такое заглавіе: „По двумъ именнымъ высочайшимъ указамъ объ уничтоженіи излишнихъ униатскихъ монастырей, начавшееся въ сенатѣ производствомъ по рапорту каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Розенберга“. Изъ этого дѣла со всею ясностью и убѣдительною видно, что вопросъ о преобразованіи базилианскихъ монастырей поднять въ Россіи совершенно независимо отъ жалобъ бѣлаго униатскаго духовенства, разрѣшался также независимо отъ подобныхъ жалобъ до 1809 года и, что особенно важно для оцѣнки возрѣвнй автора, лучше всего разрѣшался главнымъ образомъ въ той самой области, которую авторъ считаетъ самою недѣятельною по разработкѣ вопроса о базилианскихъ монастыряхъ и семинаріяхъ, въ области Луцкой епархіи ²⁾). Оттуда напротивъ и прежде всего, хотя и не прямо отъ униатскихъ властей, стали доставляться свѣдѣнія, и самыя обстоятельныя ³⁾). Здѣсь, далѣе, предположено самое рѣ-

¹⁾ Новый № его—22,176.

²⁾ У автора стр. 45—46, текстъ и особенно примѣчанія; стр. 173, текстъ и примѣчанія; стр. 255, текстъ и примѣчаніе.

³⁾ Вотъ рубрики, по какимъ описывались монастыри: Почаевскій монастырь (подъ № 6 въ оглавленіи): имянной списокъ о монашествующихъ. Списокъ о фундушѣ монастыря. Реестръ о строеніи Почаевской церкви. Опись училищу униатской Почаевской церкви. Имянной списокъ ученикамъ при монастырѣ обучающимся. Реестръ книгамъ имѣющимся въ училищѣ (въ числѣ книгъ: № 5—Эвклидеса початки геометріи; № 8—Альваръ древній, то-есть, грамматика латинская; № 10—россійская грамматика Ломоносова сочиненія; № 11—росейская грамматика позвѣйшихъ разныхъ авторовъ сочиненна; № 15—атласъ дѣтской съ маппами). Вѣдомость о больницѣ. Реестръ находящихся въ больницахъ и требующимъ призрѣнія. Планъ монастырю. При нѣкоторыхъ планахъ рисунки церквей. Въ Тригурскомъ монастырѣ, кромѣ латинскаго училища, было русское, которое такъ описывается, л. 216: Въ Россійскомъ училищѣ (изучаютъ): 1) Букваръ церковный, 2) Часословъ, 3) Псалтырь, 4) Осмогласникъ, 5) Гермонок, 6) Уставъ церковный. Такъ описано 22 монастыря по числу нумеровъ, но въ дѣйствительности 26, потому что подъ № 14 описано 5 монастырей. Описи малороссійскихъ монастырей признаны были образцовыми и рекомендовались правителямъ другихъ областей (л. 537 на обор.); но этимъ образцамъ слѣдовали, и то невполнѣ, только въ Минской губерніи, которая тогда подчинена была Кіевскому

шительное сокращеніе монастырей и въ интересахъ чисто русскихъ, именно, для того, чтобы не было этихъ злыхъ острововъ часто среди сплошнаго православнаго населенія ¹⁾). Наконецъ, отсюда-то вопросъ о закрытіи униатскихъ монастырей распространенъ былъ на другія области съ униатскимъ населеніемъ—Минскую, Полоцкую и Литовско-Виленскую, Литовско-Гродненскую, но принялъ совсѣмъ иное разрѣшеніе, сперва оспаривался въ принципѣ, а затѣмъ сталъ обнаруживать поражающее разложеніе старыхъ русскихъ воззрѣній на базилианъ и бывшее униатское духовенство. Такъ, Минскій губернаторъ Каряевъ доносилъ, что всѣ монастыри Минской губерніи (12 мужскихъ и 2 женскихъ), „какъ не безполезныя на будущее время для общества и занимающіяся просвѣщеніемъ юношества и содержаніемъ богадѣленъ, нужно оставить впредь при отправленіи ихъ обязанностей свободно“. Мало того. Онъ еще объяснялъ при этомъ, что всѣ эти „монастыри имѣютъ обязанности, приличныя ихъ званію“, и удостоверялъ, „что бывшія покушенія къ совращенію принявшихъ благочестіе (то-есть, православіе) происходятъ наиболѣе отъ латинскихъ священниковъ и частію униатскихъ, а не отъ монастырей базилианскихъ, кои въ обрядахъ весьма мало разнятся отъ православныхъ“. Каряевъ показалъ и главный источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ такое мнѣніе о базилианахъ: онъ ссылается на отзывъ къ нему Брестскаго епископа Булгака. Такое мнѣніе принялъ и одобрилъ и тогдашній начальникъ Минскаго губернатора Кіевскій генераль-губернаторъ Тормасовъ ²⁾). Даже Витебскій и Могилевскій

генераль-губернатору. Плановъ тутъ не дѣлали, кромѣ одного,—плана Минскаго монастыря съ рисункомъ колокольни. Отъ малороссійскихъ образцовъ отступали еще больше въ Бѣлоруссіи, а больше всего въ Литовско-Виленскомъ генераль-губернаторствѣ, откуда получались самыя краткія описи. Сенатъ желалъ имѣть описи и отъ духовныхъ властей, то-есть, имѣть двойныя описи, и требовалъ ихъ; но духовныя униатскія власти, очевидно, боялись давать разнорѣчивыя показанія, и или давали краткія свѣдѣнія, какъ Луцкій епископъ, или помогали гражданскимъ своимъ властямъ, какъ это сдѣлали Лисовскій и Булгакъ, такъ что выходили однѣ и тѣ же описи, хотя какъ будто изъ двухъ источниковъ. Но у римско-католической коллегіи, какъ видно изъ ея опредѣленія, указываемаго ниже, были свои и самыя подробныя свѣдѣнія, очевидно, извлеченныя изъ богатѣйшаго собранія — визитъ. Отечественная война 1812 года, разумѣется, сдѣлала собранныя теперь свѣдѣнія неудовлетворительными и потребовались новыя описи, и дѣло страшно затянулось.

¹⁾ Многіе изъ этихъ монастырей были безъ храмовъ, такъ какъ храмы ихъ были обращены въ православныя.

²⁾ Дѣло № 3, лл. 432—504 (оба донесенія 1805 года).

генералъ-губернаторъ Михельсонъ, бывший великою грозою для латинскихъ фанатиковъ, ваялъ подъ свою защиту базилианскіе монастыри и представлялъ на благоусмотрѣніе сената такое соображеніе, что „хотя въѣкторые изъ униатскихъ монастырей кажутся излишними по малости въ нихъ монашествующихъ и по немѣнью въ нихъ ни училищъ, ни богоугодныхъ заведеній, но при тѣхъ монастыряхъ находятся приходы, коимъ они преподають духовныя требы“. Михельсонъ тоже обнаружилъ источникъ своихъ свѣдѣній, показаніе архіепископа Лисовскаго, который дѣйствительно не только мирился съ тѣмъ, что монастыри владѣють приходами, но еще доказывалъ, что въ Полоцкой епархіи не такъ много монастырей, чтобъ ихъ уничтожать, что они вносятъ платежи на содержаніе мужскихъ и женскихъ училищъ, а также на главную семинарію, да еще и сами по мѣстамъ имѣють „частныя для пользы общества благотворительныя заведенія“; но, что еще важнѣе, Лисовскій устранялъ самый вопросъ о сокращеніи монастырей въ Полоцкой епархіи, потому что—доносилъ онъ—поставлено къ нему же направлять монаховъ изъ малыхъ монастырей, закрываемыхъ въ Волынской и Подольской областяхъ, и потому, наконецъ, что самый указъ 1795 года о закрытіи монастырей не относится къ Полоцкой епархіи, въ которой и не былъ обнародованъ ¹⁾. Къ удивленію, въ этомъ пунктѣ Лисовскій говоритъ то же, что говорилъ Булгакъ ²⁾.

Но удивленіе это должно сейчасъ исчезнуть, и Лисовскій, казущійся союзникъ Булгака, долженъ быть сейчасъ же отдѣленъ отъ него и поставленъ особо, какъ только мы станемъ изучать дальше это неощѣненное дѣло № 3, упущенное изъ виду авторомъ. Въ этомъ дѣлѣ передъ нами развертывается поразительная драма, изъ которой у нашего автора встрѣчаемъ лишь слабыя обрывки, найденныя имъ у графа Толстого и у Морошкина ³⁾.

Сенатъ, такъ тщательно собиравшій въ 1804—1806 годахъ отъ гражданскихъ властей свѣдѣнія о монастыряхъ, подлежавшихъ закрытію, что получилъ не только описи ихъ, но даже и планы, потребовалъ и отъ римско-католической коллегіи, чтобъ и она собрала свѣдѣнія о монастыряхъ и указала тѣ изъ нихъ, которые подлежатъ закрытію, и назначилъ для этого шестимѣсячный срокъ ⁴⁾.

¹⁾ Лл. 274 и 524.

²⁾ Л. 378.

³⁾ См. у автора стр. 36—39.

⁴⁾ Лл. 245—246 и 253—254.

Коллегія поторопилась и въ своемъ усердіи превзошла всѣ ожиданія. Латинская часть членовъ ея съ поразительною щедростію присудила уніатскіе монастыри къ закрытію и даже благодѣтельствовала при этомъ бѣлому уніатскому духовенству. Изъ 84 уніатскихъ монастырей она рѣшила оставить только 23 мужскихъ и 6 женскихъ; изъ закрываемыхъ монастырей рѣшила образовать приходы и опредѣлить къ нимъ причты изъ бѣлаго духовенства съ назначеніемъ имъ содержанія изъ фундушей закрываемыхъ монастырей¹⁾. Опредѣленіе это изложено на 84 листахъ (лл. 366—370) довольно убористаго письма, поражаетъ богатствомъ свѣдѣній, тщательною ихъ разработкой, и еслибъ оно было свободно отъ латино-польской политики, то его нужно бы считать прекраснымъ, благодѣтельнымъ дѣломъ. Правительству оставалось бы только немного исправить этотъ проектъ²⁾ и, главное, взять въ свое вѣдѣніе имущества и капиталы закрываемыхъ монастырей, такъ какъ этотъ вопросъ тутъ не рѣшался³⁾.

Опредѣленіе это (отъ 23-го января 1805 года) привело въ разбродъ и въ какое-то отупѣніе засѣдавшихъ въ коллегіи уніатовъ и даже прокурора Овцына, хотя, по видимости, они дѣйствовали согласно; всѣ возстали противъ этого опредѣленія и даже увлекли на свою сторону члена Луцкой латинской епископіи. Члены отъ бѣлаго духовенства ратовали за монаховъ противъ интересовъ бѣлаго духовенства⁴⁾; за ними пошелъ и прокуроръ Овцынъ и, забывъ существенные государственные интересы, чуть не сильнѣйшимъ возраженіемъ считалъ недоумѣніе: что будетъ съ зданіями закрываемыхъ монастырей⁵⁾? Но, что еще важнѣе, онъ сталъ защищать уніатовъ и находилъ постановленіе коллегіи оскорбительнымъ для уніи и ея епископовъ, за что получилъ отъ коллегіи вразумленіе, что „нѣтъ ни уніи, ни ея пастырямъ никакого оскорбленія тамъ, гдѣ исполняется воля и повелѣніе верховной власти“⁶⁾.

Попалъ въ трудное положеніе даже епископъ Булгакъ. Этотъ полякъ въ уніатскомъ званіи и другъ латинянь вынужденъ былъ стать противъ поляковъ-латинянь и присоединился къ членамъ изъ бѣлаго

¹⁾ Л. 355, на оборотѣ, пунктъ 4-й.

²⁾ Къ уничтоженію слишкомъ усердно присуждались архимандріи епархіи Лисовскаго.

³⁾ Л. 356 на оборотѣ.

⁴⁾ Лл. 378—385.

⁵⁾ Лл. 366—370.

⁶⁾ Дѣло № 3, л. 374 на обор.

униатскаго духовенства и въ прокурору Овцину ¹⁾). Не шли въ разбродъ и не знали никакого отупѣнія лишь тѣ, кому нуженъ былъ по политическимъ цѣлямъ планъ такого щедрого закрытія униатскихъ монастырей, то-есть, латино-польская партія съ Чарторыйскимъ во главѣ, да Лисовскій и Красовскій, все это ясно разглядывавшіе изъ своего отдаленнаго Полоцка, куда Лисовскій въ это время уѣхалъ ²⁾).

Такъ какъ при закрытіи униатскихъ монастырей затрогивался вопросъ о существовавшихъ при нихъ учебныхъ заведеніяхъ, то сенатъ, одновременно съ запросомъ, направленнымъ въ коллегію, запросилъ мнѣнія и у министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго, какъ быть съ училищами ³⁾. Вслѣдствіе запроса этого Завадовскій предложилъ Чарторыйскому образовать комиссію, которая и составила изъ епископа коадьютора, бывшаго ректора Виленскаго университета Стройновскаго, визитатора школъ Чацкаго и бывшаго базилианскаго провинціала Пасказія Лещинскаго ⁴⁾. Комиссія выработала въ 1806 году совсѣмъ новый и грандіозный проектъ, который рассмотрѣли и одобрили Завадовскій и митрополитъ Сестреничъ. Проектъ требовалъ преобразованія базилианскаго ордена изъ аскетическаго въ воспитательный съ обращеніемъ монаховъ на службу Виленскому учебному округу, съ предоставленіемъ права для заслуженныхъ изъ нихъ возведенія въ высшіе іерархическіе саны, наконецъ, съ обращеніемъ

¹⁾ Онъ подалъ мнѣніе вмѣстѣ съ униатскими канониками.

²⁾ Автобіографія Красовскаго, дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода № 189, л. 42 и въ дѣлѣ № 3, л. 526, довѣренность Лисовскаго Красовскому отъ 13-го февраля 1805 года, подписанная въ Онуфріевскомъ монастырѣ Полоцкой епархіи.

³⁾ Опредѣленіе сената объ этомъ гласитъ такъ: „А какъ съ этихъ (закрытіемъ монастырей) сопряжено вмѣстѣ распоряженіе и о состоящихъ при оныхъ монастыряхъ училищахъ, состоящихъ нынѣ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, то и ему дать знать о семъ, съ тѣмъ, чтобы онъ о училищахъ, при униатскихъ монастыряхъ состоящихъ, по случаю упраздненія излишнихъ монастырей, учинилъ союкоупно съ оною коллегією (римско-католическою) свое распоряженіе“. Дѣло № 3, лл. 245—246. Опредѣленіе это отъ 26-го января 1804 г.

⁴⁾ Авторъ знаетъ часть этихъ дѣлъ изъ одного лишь малаго и совсѣмъ недостаточнаго архивнаго дѣла коллегіи униатской 1807 г. № 29, которое только и цитируетъ (стр. 49); но не цитируетъ ни записокъ Чарторыйскаго, о которыхъ упоминаетъ въ текстѣ (стр. 47), ни сочиненія графа Толстаго, которымъ тутъ пользовался, ни, главное, записокъ Сулжинскаго, съ которыми, очевидно, не справлялся,—вначе имѣлъ бы болѣе полныя свѣдѣнія и о комиссіи Завадовскаго, и объ ея дѣлахъ; а еслибъ авторъ зналъ разбираемое нами дѣло, то зналъ бы, почему составила эта комиссія.

всѣхъ имуществъ монастырей и закрываемыхъ, и оставляемыхъ, въ общее достояніе ордена для тѣхъ же цѣлей эдукаціонной комиссіи Виленскаго учебнаго округа ¹⁾. Завадовскій поторопился представить это дѣло на утвержденіе государя, который, по свидѣтельству Сулжинскаго, зналъ уже о немъ отъ Чацкаго и такъ былъ расположенъ въ пользу его, что выразилъ желаніе, чтобъ и другіе монашескіе ордена такъ же преобразовались ²⁾. Поэтому представленіе Завадовскаго безъ затрудненія было утверждено, пошло въ сенатъ и оттуда уже направлялось въ римско-католическую коллегію. Дѣло шло быстро. 27-го іюля 1807 года послѣдовало высочайшее утвержденіе доклада Завадовскаго, 30-го іюля Завадовскій донесъ объ этомъ сенату, а 8-го августа сенатъ опредѣлилъ: „предписать къ исполненію указами римско-католической коллегіи и начальникамъ губерній, гдѣ есть униатскіе монастыри, дать знать для распоряженія съ ихъ стороны въ потребныхъ случаяхъ“ ³⁾. Но на слѣдующій день, 9-го августа, совершилось необычайное дѣло: докладъ, высочайше утвержденный, прошедшій черезъ сенатъ и сданный уже въ его канцелярію для исполненія, былъ остановленъ. Оберъ-прокуроръ графъ Орловъ, „по приказанію министра юстиціи князя Лопухина, предписалъ оберъ-секретарю Левенгагену по рапорту министра народнаго просвѣщенія исполненіемъ впредь до повелѣнія министра юстиціи остановиться“ ⁴⁾. Затѣмъ министр юстиціи объявилъ сенату высочайшее повелѣніе остановить впредь до новаго повелѣнія и самое разсмотрѣніе вопроса объ излишнихъ базилианскихъ монастыряхъ. Сенатъ 27-го сентября 1807 года постановилъ: „отмѣнивъ резолюцію 8-го августа (объ исполненіи доклада Завадовскаго), предложенное дѣло о закрытіи монастырей оставить въ не рѣшеніи“ ⁵⁾.

¹⁾ Проектъ этотъ помѣщенъ въ этомъ дѣлѣ на лл. 544—549 (копія, засвидѣтельствованная титулярнымъ совѣтникомъ Солодовниковымъ). Авторъ могъ знать этотъ проектъ. Онъ изданъ при запискахъ Сулжинскаго, въ *Трудахъ Киевской академіи* 1868 г., ч. 4, стр. 265—267. Въ письмѣ Кохановича къ кн. Голицыну (1813 г.) говорится, что Виленскій учебный округъ, по совѣту Чацкаго, задумалъ было взять прямо въ свое вѣдѣніе два богатѣйшія архимандріи—Онуцрейскую (Полоцкой епископіи) и Овручскую (Луцкой епископіи). Дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, № 53 (правит. ч.) л. 2 на оборотѣ. Это вѣрно. Объ этомъ говорится въ § 19 проекта.

²⁾ Записки Сулжинскаго, стр. 265.

³⁾ Дѣло № 3, лл. 544 (помѣта, когда утвержденъ докладъ), 543 (донесеніе Завадовскаго сенату), 551 (опредѣленіе сената).

⁴⁾ Л. 552.

⁵⁾ Л. 632. Нашъ авторъ совсѣмъ не знаетъ этого хода дѣлъ.

Дѣло, оставленное сенатомъ въ нерѣшеніи, передано было въ особый комитетъ, въ которомъ отъ уніатовъ былъ Красовскій, устроившій всю эту перемѣну по довѣренности Лисовскаго ¹⁾. Нашъ авторъ говоритъ, что о дѣятельности этого комитета, существовавшего нѣсколько лѣтъ, онъ имѣетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія ²⁾. Свѣдѣнія его не только отрывочны, но и не вѣрны ³⁾, хотя онъ могъ имѣть и вѣрныя, и болѣе полныя свѣдѣнія. Въ запискахъ Сулжинскаго приводится возраженіе Лисовскаго на проектъ Чарторнйскаго о преобразованіи базилианскаго ордена ⁴⁾. Это и есть главное дѣло вышеуказаннаго комитета. Но это—матеріалъ, представленный въ комитетъ, а не рѣшеніе его. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ комитетѣ находятся въ дѣлахъ архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, отъ изученія которыхъ устранился авторъ. Объ этомъ комитетѣ сообщаетъ свѣдѣнія Красовскій въ своей автобіографіи, а въ другомъ памятникѣ, столь же важномъ и тоже неизвѣстномъ автору, въ запискѣ Тургенева и Карташевскаго отъ 1822 г., о которой будемъ еще говорить ниже, излагается самый докладъ этого комитета. Такъ какъ этотъ докладъ чрезвычайно важенъ и притомъ не великъ, то приводимъ его:

„Вскорѣ послѣ утвержденія доклада (Завадовскаго) о семъ (преобразованіи базилианскаго ордена), остановлено это дѣло“, говорится въ докладной запискѣ Тургенева и Карташевскаго,— „вслѣдствіе представленія главнаго уніатскаго духовенства, безъ вѣдома коего все сіе сдѣлано было, и составленъ комитетъ для ближайшаго разсмотрѣнія оныхъ распоряженій. Комитетъ нашелъ, во первыхъ, что начальство по учебной части коснулось предметовъ, вѣдѣнію его не подлежащихъ, какъ-то: производства въ духовныя должности и учрежденія власти генерала ордена, которая нашими узаконеніями уничтожена; во первыхъ, что весь орденъ не можетъ быть признанъ воспитательнымъ обществомъ, ибо не всѣ

¹⁾ Лл. 524—526.

²⁾ Стр. 49.

³⁾ Онъ на той же страницѣ такъ налагаетъ дѣло, будто бы этотъ комитетъ не сдѣлалъ ничего полезнаго и будто бы въ немъ „Завадовскій и князь Голицынъ, заодно съ врагами русской народности разрушали все, что Лисовскимъ признавалось необходимымъ сдѣлать для улучшенія греко-уніатовъ въ видахъ государственной пользы“. Все это не вѣрно, какъ сейчасъ покажемъ.

⁴⁾ Записки Сулжинскаго 270, примѣч., а также стр. 268—269, гдѣ говорится о попыткахъ Чацкого расположить Лисовскаго въ пользу своего проекта.

члены его занимаются воспитаніемъ и не всѣ способны къ тому, да и лежатъ на нихъ разныя обязанности по духовному ихъ сану; втретьихъ, что зависимость ордена отъ университета (Виленскаго), въ коемъ, равно какъ и во всемъ его учебномъ округѣ, состоятъ почти одни католики, представляла опасенія, что фондуши базилианскіе обратились бы больше въ пользу католиковъ, нежели униатовъ ¹⁾. За сими комитетъ положилъ: Первое. Надзоръ за училищами, базилианскимъ обществомъ содержимыми въ пользу свѣтскаго юношества, вмѣсто общаго провинціала, предоставить, на основаніи постановленій по министерству просвѣщенія существующихъ, директорамъ училищъ тѣхъ губерній, гдѣ таковыя базилианскія училища находятся.

„Второе. Надзоръ за базилианскими духовными училищами предоставить главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

„Третье. Оставить училища какъ имѣющія достаточныя фондуши на содержаніе свое и довольное число учениковъ при 15-ти базилианскихъ монастыряхъ ²⁾.

„Четвертое. Упраздненіе униатскихъ монастырей, гдѣ найдется то нужнымъ, предоставить по принадлежности главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

„Мнѣніе комитета“, говорится затѣмъ въ докладной запискѣ Тургенева и Карташевскаго, — „конфирмовано по докладу его 30-го сентября 1810 г., а о приведеніи оныхъ распоряженій въ дѣйствіе данъ правительствующему сенату особый указъ 2-го октября того же (1810) ода“ ³⁾. Въ ук „зѣ“, на который здѣсь ссылается Тургеневъ, есть частность величайшей важности. Въ ней говорится, что докладъ Завадовскаго о преобразованіи базилианскаго ордена, то-есть, проектъ Чарторыйскаго, „навсегда долженъ оставаться въ бездѣйствіи“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, широкій и совсѣмъ не русскій планъ Чарторыйскаго былъ разрушенъ, дѣло оставлено въ прежнемъ положеніи, отъ него устранена вся римско-католическая коллегія, и оно сосредото-

¹⁾ Мы увидимъ, что та же мысль, хотя и не такъ ясно, высказана была потомъ и Луцкою консисторіей, но этой мысли, какъ мы знаемъ, не хотѣли знать члены Брестскаго капитула.

²⁾ Перечисляются.

³⁾ Дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 55, лл. 180 и 181

⁴⁾ Дѣло того же архива № 3, лл. 636—637.

чено въ особомъ центральномъ русскомъ учрежденіи. Последнее, то есть, созданіе этого новаго учрежденія, было весьма естественно, такъ какъ все, что касалось базилианскаго ордена, вызывало участіе многихъ учреждений—сената, синода, разныхъ министерствъ, особенно министерства народнаго просвѣщенія и наконецъ римско-католической коллегіи. Главное управленіе легче всего могло соглашать разные интересы и двигать дѣло стройно.

Но легко было предвидѣть, что этотъ идеаль будетъ постоянно разрушаться случайными вліяніями, особенно при такомъ главноуправляющемъ, какъ князь А. Н. Голицынъ. Совершенно ясно было, что и при самыхъ лучшихъ условіяхъ для правильнаго веденія дѣлъ въ новомъ главномъ управленіи иностранными исповѣданіями, сразу уже получился тотъ прискорбный результатъ, что базилианскій орденъ остается и въ большой силѣ, и въ большой независимости отъ уніатскихъ епархіальныхъ властей и даже отъ уніатскаго департамента римско-католической коллегіи ¹⁾). Такой знатокъ уніатскихъ дѣлъ и сильный характеромъ человекъ, какъ новый Полоцкій архіепископъ Красовскій, не могъ этого не видѣть и не могъ съ этимъ помириться, и вотъ этотъ по истинѣ великанъ уніатскій, притомъ русскій до рѣжущей глаза прямолинейности, въ то самое время, когда покончилъ свое участіе въ комитетѣ, сдалъ главнѣйшія уніатскія дѣла въ новое учрежденіе и долженъ былъ удалиться въ Полоцкъ, не вида кругомъ себя никого изъ уніатовъ, кто въ Петербургѣ такъ смѣло и твердо охранялъ бы ихъ, какъ онъ, сдѣлавъ, по видимому, самое простое и малое дѣло, но оно вдругъ выросло въ громадное дѣло, заволновало не только уніатскій міръ, но и польскій, и навсегда подрѣзало главнѣйшіе злые корни базилианскаго ордена. Нашъ авторъ совсѣмъ не знаетъ этого дѣла, хотя могъ его знать, такъ какъ оно находится, какъ прибавка или поясненіе къ распоряженію римско-католической коллегіи (1810 г.), бывшему передъ его глазами ²⁾). Онъ, очевидно, пропустилъ эту прибавку мимо глазъ, какъ неважную; но этого онъ никакъ не сдѣлалъ бы, еслибы зналъ хотя бы только одно небольшое по числу листовъ, но тяжеловѣсное по

¹⁾ Въ этомъ отношеніи побѣда Лисовскаго и Красовскаго надъ Чарторыйскими и латинскимъ департаментомъ коллегіи представляла больше блеску, чѣмъ пользы. Своею сильною защитой базилианъ они сохранили силу зла на много лѣтъ.

²⁾ Она находится въ дѣлѣ архива уніатской коллегіи № 26 за 1810 г., которое авторъ могъ знать.

силѣ помѣщенныхъ въ немъ бумагъ, дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 21 ¹⁾, начатое 6-го октября 1810 г. и возобновленное 6-го октября 1818 г., носящее заглавіе, очень способное ввести въ заблужденіе неопытнаго обозрѣвателя архивныхъ каталоговъ. Заглавіе это такое: „По письму архимандрита Шашкевича о дозволеніи по прежнимъ обыкновеніямъ, всѣмъ желающимъ изъ латинскаго обряда вступать въ орденъ базилиановъ“, на 54 листахъ

Сущность дѣла въ томъ, что какъ разъ къ тому времени, когда комитетъ по униатскимъ дѣламъ сдавалъ свои работы въ новое учрежденіе—главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, въ сенатѣ рѣшенъ былъ старый, давній и, казалось, безконечный вопросъ о совращеніи униатовъ въ латинство. Сенатъ сталъ на ту, совершенно вѣрную точку зрѣнія, что въ Россіи только православная церковь имѣетъ право принимать въ свою среду изъ другихъ вѣроисповѣданій, а въ этихъ послѣднихъ (то-есть, христіанскихъ) переходъ изъ одного въ другое непозволителенъ,—поэтому ни униаты въ латинство, ни латиняне въ унию не должны переходить. Рѣшеніе это направлено въ римско-католическую коллегію съ приказаніемъ объявить его ²⁾. Красовскій, предсѣдательствовавшій въ униатскомъ департаментѣ коллегіи, составилъ такое опредѣленіе объ исполненіи униатами этого указа: „Съ прописаніемъ онаго правительствующаго сената указа, для самоточнѣйшаго исполненія по оному, послать таковыя жѣ ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, а равно и базилианскаго ордена провинціаламъ; а какъ указомъ правительствующаго сената повелѣно коллегіи наблюдать за подчиненнымъ ей духовенствомъ, въ непривлеканіи изъ одного исповѣданія въ другое, то предписать строжайше провинціаламъ, чтобы изъ какого бы то ни было исповѣданія никого отнюдь, кромѣ лицъ униатскаго обряда, не смѣли принимать въ свой ординъ“ ³⁾. Опредѣленіе это какъ будто не вносило ничего новаго и казалось совершенно согласнымъ съ опредѣленіемъ перваго латинскаго департамента коллегіи, сдѣланнымъ въ одинъ и тотъ же день 25-го іюня 1810 года ⁴⁾, что придавало ему

¹⁾ Новый № 22, 319.

²⁾ Указъ сената отъ 21-го іюля 1810 г. Полн. Собр. Зак. № 24, 305.

³⁾ Дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 21, л. 13; дѣло ун. колл. за 1810 г. № 29.

⁴⁾ Вотъ опредѣленіе перваго (латинскаго) департамента: „Какъ оной (Могилевской) конвенторіи, такъ и всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ предписать указамъ, чтобы о вышнѣописанной указъ правительствующаго сената о непри-

еще большую естественность и силу; но въ дѣйствительности оно было совершенно новымъ, необычайнымъ и переворачивало весь двухвѣковой строй базилианскаго ордена. Оно запрещало поступленіе латинянъ въ базилианскій орденъ и присуждало его довольствоваться уніатами, то-есть, осуждало на разрывъ съ латинянами-поляками, на пересозданіе въ чисто-уніатскій, на объединеніе съ бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ и уніатскимъ народомъ, словомъ, поворачивало его въ ту же русскую и православную сторону, въ какую прямо, открыто шли Лисовскій и самъ Красовскій, на котораго нужно смотрѣть даже какъ на руководителя Лисовскаго во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его жизни ¹⁾).

Опредѣленіе это заволновало базилианъ, выразителемъ которыхъ и выступилъ прежде всѣхъ пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ князя Голицына и вообще русскихъ властей архимандритъ Шашкевичъ и въ письмѣ къ князю Голицыну съ первыхъ словъ выдалъ себя вполнѣ. Онъ такъ начинаетъ свое письмо: „Уніаты отъ католиковъ ничѣмъ болѣе не различаются какъ только однимъ богослуженіемъ(;) у нихъ какъ привилегіи, такъ и всѣ (!) церковныя постановленія суть общія, равно и обязываются (?) съ исповѣдующими римскій обрядъ“ ²⁾. За Шашкевичемъ естественно бы видѣть базилианскихъ начальниковъ—провинціаловъ; но они благоразумно и смиренно стали за другими, обратились къ своимъ епископамъ, и тѣ выступили впереди ихъ. Сначала выступилъ Булгакъ и, какъ истый, просвѣщенно-польскій дворянинъ, выдвинулъ теорію, что въ базилианскій орденъ могутъ вступать только дворяне, каковыми въ западной Россіи были только латиняне ³⁾. За Булгакомъ показался викарный Ви-

влеканіи изъ одного исповѣданія въ другое и о прочемъ, въ епархіяхъ всему бѣлому и монашескому духовенству распубликовали и сами наикрѣпчайшее имѣли бы наблюденіе, дабы со стороны онаго духовенства повсюду поступаемо и исполняемо было по точной силѣ и предписанію помянутаго указа“, л. 8, дѣло № 21.

¹⁾ Это и видно ясно, какъ изъ церковнаго завѣщанія Лисовскаго (дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 17), такъ и изъ автобіографіи Красовскаго (тамъ же, № 189, съ 41 по 44 л.).

²⁾ Л. 1, письмо къ кн. Голицыну отъ 27-го августа 1810 г., подлинникъ. О томъ, что въ Россіи уніаты—русскіе, а латиняне—поляки, у почтеннаго Шашкевича не возникало мысли.

³⁾ „Ордынъ (то-есть, орденъ) Базыльянскіи въ Краяхъ бывшей Польскіи (то-есть, Польши) отъ своего начала, или отъ древныхъ временъ, занимается просвѣщеніемъ въ Учлиацяхъ Публичныхъ тѣмъ самымъ имѣть право просить

ленской митрополіи Головня; но онъ выступилъ не съ силою латинопольской теоріи, а съ силою чувства и изобразилъ свой и базилианскій ужасъ отъ неминуемой гибели этого единственнаго въ униі монашескаго ордена ¹⁾. Даже митрополитъ Кохановичъ подался въ сторону базилианъ и, хотя весьма осторожно, но все же просилъ уважить ихъ просьбу ²⁾.

высочайшаго соизволенія, дабы му (по польски: ти—ему) не запрещено было къ своему ордыну, отнаго (д. б. одного) исповѣданія религиознаго — а не отнаго обряда принимать — Поелику въ тѣхъ Краяхъ гдѣ тотъ ордынъ существуетъ, силою высочайшихъ указовъ всемилостивѣйшихъ Монарховъ всея Россіи одни только Дворянъ могутъ принять Санъ Ордынскій, а тѣ во обще въ обрядѣ римскимъ имѣютъ свое исповѣданіе — въ обрядѣ же Греко-униатскимъ сами только крестьянѣ—и тѣ подъ владѣніемъ своихъ помѣщиковъ находятся—въ городахъ же жительствующія суть занята окладомъ подушнымъ—а такъ одна и друга класса людей не можетъ предпринять ни Сану Орденскаго—ни Духовенства Бѣлаго—наконецъ класса священническихъ сыновъ съ которыхъ во обще составляется униатское Бѣлое Духовенство, съ того рода людей избираетъ Архіерей способнѣйшихъ на услуги Епархіальные Церковныя, и усопособенныхъ въ Семинаріи къ Сану Бѣлаго духовенства производить, остальные Священническія Сыны просвѣщаются въ Училищахъ Публичныхъ — занимаютъ Штатскою Службою по Канцеляріяхъ, и воинскою — а мало находится такихъ — и то мнѣе способныхъ къ просвѣщенію Народному — котормя желаютъ въ ступить къ Ордыну Базыльянскому“..., лл. 16—18, письмо къ кн. Голицыну отъ 8-го октября 1810 г., подлинникъ.

¹⁾ „Сословіе Униатское Ордена Базыльянскаго“, такъ начинается свое письмо Головня,—„предвидѣвъ оближенную свою пагубу, еслибы Римско-Католической Коллегіи 2-го Департамента Указа предписаніе, касательно запрещенія, кромѣ лицъ Униатскаго обряда не принимало во свой орденъ лица даже изъ латинскаго обряда, восприняло дѣйствіе, подало мнѣ прошеніе... но я... обязанностию представляю, при помянутомъ прошеніи присовокупить и мое всепокорнѣйшее представительство... въкратцѣ мнѣю честь по совѣсти моея изъяснить; что какъ мы Епископы во управленія врученныхъ намъ Епархіи необходимо имѣемъ надобность въ помощи и лицахъ Базыльянскаго ордена, кой самъ единъ находится въ нашемъ обрядѣ; такъ наполняемъ страхомъ изъ всего того, что только можетъ поколебать или погублять онаго бытіе, пребывать же долго Орденъ не можетъ, коль скоро оному запрещенъ будетъ приемъ до своего сословія лицъ изъ латинскаго обряда;,) каковъ приемъ до сихъ временъ бывалъ непрерывно и непрестанно отъ самаго начала (?) униі“..., л. 20, письмо къ кн. Голицыну отъ 18-го октября 1810 г.

²⁾ Разказавъ, что къ нему поступили прошенія базилианскихъ провинціаловъ,—Русской провинціи Льва Демковича и Литовской—Фортунаѣ Гянтовта, и наложивъ содержаніе этихъ прошеній (ссылка на просвѣтительную миссію базилианъ и на папское и польское разрѣшенія поступать въ ихъ среду латинянамъ), Кохановичъ заканчиваетъ свое письмо такъ: „Я предаю сіе на прозорливое ва-

За этими воплями изъ среды униатской послѣдовало бурное волненіе въ латино-польской дворянской средѣ, и понятно почему. Тутъ затрогивались не только старыя традиціи полячить западную Россію черезъ самихъ же униатовъ, но и чисто экономическіе интересы ополчившагося дворянства западной Россіи. Ему было весьма выгодно выдвигать своихъ членовъ на высшія монашескія должности и черезъ нихъ брать въ аренду базилианскія имѣнія и на проценты базилианскіе капиталы, а указъ 2-го департамента все это обрѣзывалъ и могъ еще угрожать, что стануть раскрываться и старыя польскіе грѣхи по имущественнымъ и денежнымъ дѣламъ базилианскаго ордена. Болѣе чуткіе и смѣлые слои этого дворянства и выступили съ своими протестами и, замѣчательно, выступили въ февралѣ и мартѣ 1812 года, когда болѣе и болѣе выяснялось нашествіе Наполеона на Россію. Такъ важенъ и жгучъ былъ для нихъ вопросъ базилианскій! Дворянства Гродненской и Минской губерній сдѣлали постановленія просить правительство объ отмѣнѣ указа 2-го департамента коллегіи и уполномочили своихъ предводителей, гродненскаго—князя Любецкаго и минскаго—графа Рокицкаго, представить эти постановленія. На помощь имъ пришелъ пребывавшій въ Петербургѣ графъ Михаилъ Огинскій, представившій кн. Голицыну постановленіе гродненскаго дворянства ¹⁾. Дворянство той и другой губерній согласно указывало на два пункта, именно на то, что отъ постановленія 2-го департамента коллегіи падеть просвѣщеніе и получать иное назначеніе базилианскіе фондуши, пожертвованные будто бы имъ—дворянствомъ и будто бы для этой именно цѣли.

шого сѣятельства разсмотреніе смѣю увѣрить о истинѣ всего вышепрописаннаго, и затѣмъ о необходимой надобности дозволенія принимать римскаго обряда юношей въ орденъ базилианскій; а потому всепокорнѣйше прошу, чтобы благоволили милостиво снабдить меня благосклонною о семъ резолюціею, или за усмотреніемъ въ томъ надобности, поднести о семъ же докладъ его императорскому величеству“, лл. 24—25, письмо къ кн. Голицыну, отъ 18-го октября 1811 г., подлинникъ.

¹⁾ Постановленіе гродненскаго дворянства представлено кн. Голицыну Огинскимъ 19-го февраля 1812 г., какъ видно изъ письма его къ кн. Голицыну (подлинникъ, л. 29). Самаго постановленія нѣтъ, но приложена анонимная записка на французскомъ языкѣ, какъ и письмо Огинскаго, которая писана какимъ-то дворяниномъ Гродненской губерніи (два экземпляра, лл. 30—31 и 36—37), вѣроятно, самимъ Любецкимъ, который приложилъ ее, какъ видно изъ его письма, тутъ же помѣщеннаго (л. 29, тоже на французскомъ языкѣ). Постановленіе минскаго дворянства препровождено Рокицкимъ при официальномъ донесеніи отъ 18-го марта 1812 г. (лл. 28—29). Донесеніе (подлинникъ) и постановленіе (копія)—на русскомъ языкѣ.

Среди этихъ воплей и этой бури оставались, по видимому, спокойными и, кажется, дѣйствительно молчали только два главнѣйшіе дѣятеля по базилианскому вопросу. Молчалъ Чарторыйскій, вѣроятно, отвлеченный политическими дѣлами, а вѣрнѣе, кусавшій ногти въ безсильной злобѣ; затѣмъ молчалъ и несомнѣнно былъ спокоенъ главный виновникъ всей этой смуты архіепископъ Красовскій, который не могъ не видѣть ясно, что завязаннаго имъ узла нельзя развязать, а разсѣчь никто не позволитъ себѣ.

Такъ и оказалось на дѣлѣ. Въ главномъ управленіи иностранными исповѣданіями потребовали постановленій обоихъ департаментовъ коллегій ¹⁾, собрали существовавшіе законы по этому вопросу ²⁾ и на этомъ пока покончили. Причина этого, безъ всякаго сомнѣнія, была та, что и постановленія обоихъ департаментовъ коллегій оказались согласными съ увазомъ сената и между собою, и что русскіе законы не дозволяютъ измѣнять принятаго рѣшенія ³⁾:

Но это было такое важное и чувствительное для двигателей ополченія западной Россіи дѣло, что только война 1812 года могла на время остановить его; а какъ только настало мирное время, такъ опять всплыло базилианское дѣло и было представлено въ такой новой окраскѣ, что, казалось, должны были отодвинуться передъ нимъ всѣ старыя русскіе законы. Его поднялъ въ 1818 году новый, недавній униатскій митрополитъ Булгакъ и представилъ тоже новому, недавнему и никогда въ Россіи небывалому министру — духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицыну записку о томъ же базилианскомъ вопросѣ, то-есть, о допущеніи въ этотъ орденъ латинянъ, — записку, въ которой истый полякъ-католикъ Булгакъ призывалъ рус-

¹⁾ Л. 34.

²⁾ Л. 32.

³⁾ Нашъ авторъ совсѣмъ не знаетъ этихъ бурныхъ дѣлъ, и отъ этого незнанія у него вышли крупныя ошибки. Ихъ мы уже указали выше. Здѣсь обратимъ вниманіе на новую крупнѣйшую его ошибку. На стр. 64 онъ говоритъ, что и Красовскій дѣйствовалъ теперь (1810—11 гг.) уклончиво, и немного выше (стр. 63—64) осуждаетъ его, зачѣмъ онъ подписалъ опредѣленіе коллегій, отклонившее жалобы Брестской и Виленской консисторій на базилианъ за расхищеніе имуществъ униатской церкви. Тутъ, такъ сказать, двойная ошибка автора. Во-первыхъ, ни коллегія, ни Красовскій не имѣли права разбирать дѣла о базилианскихъ имуществѣхъ; во-вторыхъ, Красовскій, загородившій латинянамъ входъ въ базилианскій орденъ и заключившій этотъ орденъ въ чисто униатскіе предѣлы, находилъ безтактнымъ поддерживать теперь же борьбу между базилианскимъ орденомъ и близкимъ духовенствомъ.

скаго космополита, потерявшаго способность разглядывать не только народныя, но и религиозныя различія, возвратить базилианъ въ прежнее положеніе во имя интересовъ русскаго народа и даже какъ будто православія ¹⁾. Вотъ что говорится, между прочимъ, въ этой запискѣ: „Особы латинскаго обряда при вступленіи въ Базилианскій ординъ принимая унитской обрядъ тѣмъ самымъ приближались къ русскому народу: они, въ теченіи вѣковъ, удерживали въ себѣ исповѣданіи словянской языкъ, и ревностное соблюденіе правилъ просвѣщенія и религіи; (,) кои и понинѣ существуютъ въ своемъ блескѣ. Но когда къ удержанію всего того, впредь, сами униты не суть въ состояніи, то необходимо нужно дабы латинскаго обряда лица, по прежнему вступали въ Базилианскій Орденъ. Явственна отъ того польза, и выгоды извѣстны вашему сіятельству (Голицыну)! какъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: а потому, не благоводите ли ваше сіятельство! силою своего начальства оказать защиту для Базилианскаго Ордина въ томъ; чтобы, вышеозначенное положеніе коллегіи 2-го Департамента не дѣлало препятствія, къ истинной и необходимой отъ онаго общества прористекающей для блага публики, и религіи, пользѣ“ ²⁾.

Свидѣтели воссоединенія западно-русскихъ униатовъ 1839 г., къ которому все было приготовлено при томъ же Булгакѣ, могли бы подумать, читая вышеприведенныя слова, что онъ сказалъ ихъ по той же причинѣ, по какой сказалъ о Спасителѣ „уне есть единому умерти за люди“ Каиафа, то-есть, потому что былъ „архіерей лѣту тому“, а историкъ долженъ при этомъ предположить, что тутъ или не сознаваемый Булгакомъ отблескъ лучшихъ завѣтовъ Лисовскаго и Красовскаго, или, вѣрнѣе, лукавое воспроизведеніе этихъ завѣтовъ, разчитанное на обманъ русскаго космополита.

Есть основаніе думать, что расчетъ былъ вѣренъ, что кн. Голицынъ дался въ обманъ и поручилъ мотивировать разрѣшеніе базилианамъ принимать по прежнему латинянъ. Но тогда въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ сидѣлъ директоромъ А. И. Тургеневъ, котораго не легко было обмануть. Вотъ, какое разъясненіе этого дѣла находится въ подлин-

¹⁾ Записка помѣщена на лл. 43—44 того же дѣла № 21.

²⁾ Л. 44. Записка написана слогомъ Булгака, поэтому мы удержали особенности ея правописанія; впрочемъ, видно, что произошло улучшеніе, но не извѣстно въ комъ, въ русскомъ ли стилѣ самого Булгака, или оно внесено рукою переписчика.

номъ, подписанномъ Тургеневымъ докладъ кн. Голицыну отъ 15-го октября 1818 г. ¹⁾: „Греко-униты, происходя отъ греко-россіянь и будучи обязаны соблюдать тотъ самый обрядъ, который установленъ въ греко-россійскомъ исповѣданіи, сохранили и тѣ самыя книги, кои употребляются при церковно-служеніяхъ въ греко-россійскомъ исповѣданіи; по симъ причинамъ департаментъ духовныхъ дѣлъ признаеть уважительнымъ обстоятельство, митрополитомъ Булгагомъ представляемое, а именно, что принятіе римлянами греко-унитскаго исповѣданія сблизило бы ихъ, хотя не въ догматахъ вѣры, по крайней мѣрѣ, въ церковныхъ обрядахъ, съ греко-россіянами... Но при семъ нужно постановить непремѣннымъ правиломъ“, подставилъ Тургеневъ нѣсколько ниже, —, чтобы изученіе языка славянскаго, яко богослужебнаго и слѣдственно необходимаго для познанія обрядовъ Греко-Россійской церкви, было въ базилианскомъ орденѣ и въ греко-унитскихъ семинаріяхъ усилено и доведено до возможнаго совершенства, дабы исправить неприличныя измѣненія, которыя во многихъ мѣстахъ введены въ церковное греко-унитское исповѣданіе, и впредь ихъ не допускать... Въ противномъ же случаѣ“, даеть Тургеневъ въ заключеніи доклада грозное предостереженіе, — „есть ли на сей предметъ будетъ обращено слабое вниманіе, то, наипаче перешедшіе изъ римско-католическаго въ греко-унитское исповѣданіе, зная, кромѣ иностранныхъ языковъ, по большей части одинъ только польской языкъ, есть ли не будутъ усовершенаться въ славянскомъ и въ обрядахъ Греко-Россійской церкви, будутъ болѣе и болѣе вводить въ церковное служеніе такія перемѣны, которыя не свойственны обрядамъ ни римско-католической, ни Греко-Россійской церкви“ ²⁾.

Въ подерѣвленіе своего доклада Тургеневъ приложилъ копію окружнаго посланія Лисовскаго отъ 1806 г., чтобы въ уніатскихъ церквахъ царское имя поминалось прежде папскаго, и требованіе это мотивировалось главнымъ образомъ тѣмъ, что „обрядъ нашъ“, говорилъ Лисовскій, — „съ коимъ мы пришли въ соединеніе съ Римскою церковію, всякъ можетъ видѣть, что есть тотъ же самый, который содержитъ господствующая Греко-Россійская церковь, ибо мы (то-есть, уніаты), одного будучи народа и одного языка (съ православными русскими), принесли съ собою въ соединеніе (унію) даже тѣ же са-

¹⁾ Пропускаемъ историческія справки.

²⁾ Дѣло № 21, лл. 47—48.

мья книги, кои употребляются въ церковнослуженіяхъ и въ Греко-Россійской церкви“¹⁾).

Такимъ образомъ, дѣло еще болѣе усложнялось. вмѣсто незамѣтнаго, постепеннаго обрусѣнія базилианскаго ордена чрезъ допущеніе въ него однихъ только униатовъ, предполагалось, ослабивъ эту замкнутость, произвести въ этомъ орденѣ сознательное и систематическое обрусѣніе, и только при этомъ условіи дозволить захватывать, то-есть, въ это обрусѣніе, и латинянь-поляковъ.

Мы не знаемъ, какъ выслушалъ этотъ докладъ кн. Голицынъ, и что онъ сказалъ Тургеневу объ этой новой постановкѣ базилианскаго вопроса. Въ архивномъ дѣлѣ сохранились лишь слѣды его формальнаго отношенія къ этой новой постановкѣ. Въ началѣ доклада сбоку рукою Тургенева написано: „Министръ полагаетъ, что такъ какъ сей предметъ относится вмѣстѣ до католиковъ и греко-униатовъ, то и нужно заготовить предложеніе коллегіи, чтобы она въ общемъ присутствіи обоихъ департаментовъ разсмотрѣла оный и потомъ сдѣлала представленіе“²⁾).

Сущность предложенія, направляемаго въ коллегію, должна бы состоять въ томъ: хотятъ ли униаты и латиняне, одни—принять, а другіе—пустить въ базилианскій орденъ латинянь на условіи систематическаго и возможно большаго обрусѣнія тѣхъ и другихъ. Но въ предложеніи, посланномъ въ коллегію, эта сущность дѣла выпущена, а указано лишь то, что митрополитъ Булгакъ просить допустить латинянь, такъ какъ со времени предписанія 2-го департамента 1810 г. стали ощущаться недостатокъ лицъ въ этомъ орденѣ³⁾).

Почему въ этомъ предложеніи выпущена сущность дѣла,—потому ли, что исключенія ея потребовалъ кн. Голицынъ, или потому что Тургеневъ устраивалъ тутъ западню для римско-католической коллегіи, не извѣстно; но несомнѣнно, что это была западня, и что въ нее попала вся римско-католическая коллегія, хотя Булгакъ могъ видѣть эту западню и предостеречь другихъ членовъ коллегіи. Въ самомъ концѣ архивнаго дѣла № 21 помѣщено подлинное, драгоцѣнное постановленіе римско-католической коллегіи отъ 16-го іюля 1819 г. съ собственноручными подписями всѣхъ ея членовъ обоихъ

¹⁾ Л. 50—51.

²⁾ Л. 46.

³⁾ Л. 52.

департаментовъ ¹⁾, въ которомъ излагается такое необычайное опредѣленіе: „Поелику по обыкновенію изъ древле введенному, и по единству догматовъ католическаго и греко-унитскаго исповѣданій, разнствующихъ между собою только наружными обрядами, всегда дозволялось лицамъ католическаго исповѣданія вступать въ базилианскій орденъ, а равноѣрно и уніатамъ въ ордены и семинаріи римско-католическіе, какъ сіе доказывается тѣмъ, что почти всѣ, съ исключеніемъ весьма малаго числа, митрополиты, архіепископы и епископы уніатскіе, поставляемые изъ монаховъ базилианскаго ордена, вступали въ оный орденъ изъ католическаго исповѣданія.. ²⁾ а равно, что орденъ базилианскій служитъ на пользу общую, что онъ содержитъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ четырнадцать уѣздныхъ, а двѣнадцать приходскихъ училищъ и что сверхъ того нѣкоторые изъ базилианскаго ордена іеромонахи занимали предъ симъ ученныя каведры въ Виленскомъ университетѣ... ³⁾, а также, что и при женскихъ того ордена монастыряхъ имѣется четыре для воспитанія дѣвицъ пансіона, коллегія полагаетъ: что не только съ законами духовными сходно, но сверхъ того и для пользы общей въ предметѣ распространенія духовныхъ и гражданскихъ наукъ, весьма полезно не запрещать и впредь вступать въ ордены, какъ римско-католическимъ исповѣдникамъ въ греко-унитскій базилианскій, такъ равно и уніатскимъ въ римско-католи-

¹⁾ Собственноручно подписали:

М. С. Сестренцевичъ.

Митрополитъ уніатскихъ церквей Г. Булгакъ.

Ассесоръ наимян (наименованный, нареченный) еписк. полоц. Суе. и преп. М. Липскій.

Ассесоръ каноникъ Казиміръ Дмоховскій.

Ассесоръ самогитскій прелатъ Онуерій Гоувальтъ.

Ассесоръ лудкій каноникъ Мамертъ Гербургтъ.

Ассесоръ каменецкій каноникъ Іоаннъ Остаповичъ.

Ассесоръ каноникъ Павелъ Рава.

Ассесоръ прелатъ Симеонъ Савиничъ.

Ассесоръ лудкій прелатъ Петръ Ярмолинскій.

Ассесоръ прелатъ Стефанъ Допушинскій.

Последніе трое — уніатскіе члены коллегіи. Д. 54.

²⁾ Перечислены современные архіереи: митрополитъ Булгакъ, суеераганы — Виленскій Головна, Брестскій Яворовскій.

³⁾ Перечислены адъюнкты: Томашевскій — догматическаго богословія, Корва — каноническаго права и тогдашній провинціалъ Каминскій — астрономіи.

ческіе ордены, изъ коихъ такъ же многіе какъ то: езуиты, доминикане, піары, бернардины, миссіонеры, кармелиты, каноники регулярные и францискане содержать училища и въ коихъ такъ же оказывается недостатковъ въ монашествующихъ⁴.

Такимъ образомъ, русское государственное учрежденіе, римско-католическая коллегія, поставленное не только согласовать латино-польскіе интересы съ православно-русскими, но даже спеціально противодѣйствовать незаконнымъ латинопольскимъ притязаніямъ, противорѣчащимъ началамъ и задачамъ православной Россіи, совершило въ полномъ своемъ составѣ предательство и собственноручно подписало возстановленіе Польши въ самыхъ важныхъ сторонахъ западно-русской жизни, религіозной и учебной.

Не извѣстно, какъ на это посмотрѣлъ кн. Голицынъ; но несомнѣнно, что дѣло базилианское опять стало. Постановленіемъ коллегіи, какъ мы уже замѣтили, и заканчивалось архивное дѣло, безъ малѣйшаго слѣда, какъ оно принято и что по нему рѣшено. Но скоро мы его опять увидимъ въ новой сложности латино-польскихъ интригъ, при чемъ выступить другой изъ главнѣйшихъ униатскихъ вопросовъ, вопросъ о бѣломъ духовенствѣ,—но не изъ той стороны, откуда выводитъ его П. О. Бобровскій, и опять тотъ же Тургеневъ, подрѣзанный новымъ талантливымъ и чисто русскимъ дѣятелемъ Карташевскимъ, разорветъ и разбросаетъ латино-польскую сѣть и выведетъ оба вопроса, базилианскій и бѣлае духовенства, на прямой путь къ разрѣшенію, все при томъ же кн. Голицынѣ и согласно основнымъ воззрѣніямъ старой знаменитой униатской плеяды—Лисовскаго, Красовскаго, Кохановича, а вовсе не по указаніямъ Врестскаго капитула, какъ утверждаетъ нашъ авторъ ¹⁾. При этомъ обнаружится

¹⁾ Изъ всей этой исторіи, надѣмся, всякій читатель убѣдится, какъ сильно ошибается П. О. Бобровскій, когда, напримѣръ, говоритъ на стр. 78, что Красовскій, будучи старшимъ членомъ униатскаго департамента коллегіи, обращалъ исключительное вниманіе на свою Полоцкую епархію, что нерѣдко онъ подписываетъ съ другими членами коллегіи опредѣленія, противныя интересамъ блага духовенства и благоприятныя базилианамъ, что онъ уклонялся отъ возбужденія общихъ вопросовъ и т. д.; или на стр. 56, что Лисовскій оставилъ своимъ преемникамъ множество не рѣшенныхъ вопросовъ, что изъ выдвинутыхъ имъ его сотрудниковъ, Мартусевичъ измѣнилъ, Кохановичъ оказался совершенно бессиленнымъ въ борьбѣ съ латино-польскою партіей, а Красовскій не могъ возвыситься до занятого имъ положенія; или на слѣд. 57 стр., что дальнѣйшее выполненіе плана Лисовскаго было приостановлено, что правительство продолжало смотрѣть на унию глазами латинизаторовъ и не имѣло средствъ

любопытное и знаменательное явленіе: какъ болѣе сильная и раньше слившаяся съ Россіей часть западной Россіи, сѣверо-восточная Бѣлоруссія выдвинула лучшихъ уніатскихъ дѣятелей, сейчасъ нами упомянутыхъ, Лисовскаго, Красовскаго и Кохановича, такъ на помощь ей выступила затѣмъ другая, болѣе здоровая въ народномъ смыслѣ, область, Волынская, и разрабатывала уніатскій вопросъ, хотя слабѣе и съ другой стороны, но въ томъ же духѣ—освобожденія уніатовъ отъ польскаго ига. Волыни принадлежитъ честь разъясненія вопроса о такъ-называемыхъ архимандріяхъ, объ освобожденіи ихъ отъ поборовъ на образованіе поляковъ и о необходимости средствъ на образованіе прямыхъ учителей народа, священниковъ, съ чѣмъ сейчасъ связалось старое дѣло о базилианскихъ монастыряхъ вообще и о правильной постановкѣ всего уніатскаго дѣла.

Нашъ авторъ могъ извлечь объ этомъ и извлекаетъ кое-какія, неполныя, отрывочныя свѣдѣнія изъ сочиненій графа Д. А. Толстаго и М. Я. Морошкина; но еслибъ онъ зналъ архивныя дѣла объ этихъ вопросахъ, въ особенности дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 53 (правит. ч.), новый № 22, 352, на которое не разъ ссылается Морошкинъ, и на которое мы ему указывали годъ тому назадъ, то онъ увидѣлъ бы, что передъ нами развертывается новая картина, не уступающая по своей важности и интересу той, которую мы выше намѣтили, и призналъ бы необходимымъ отодвинуть на задній планъ и поставить въ сильной тѣни всѣхъ канониковъ Брестскаго капитула, которыхъ онъ вездѣ выдвигаетъ на первый планъ.

Тотъ самый указъ Екатерины II, 1795 г., который вызывалъ столько усилій закрыть излишніе уніатскіе монастыри, далъ уніатскимъ монастырямъ такую жизненность въ латино-польскомъ смыслѣ, какой они не имѣли и при польскомъ правительствѣ. Указъ этотъ требовалъ закрытія тѣхъ уніатскихъ монастырей, которые не занимаются ни просвѣщеніемъ, ни благотвореніемъ ¹⁾. Отсюда выходило не

противодѣйствовать польской партіи; или на стр. 116, что ни 2-й департаментъ коллегіи, ни департаментъ духовныхъ дѣлъ не сдѣлали ни одного шага, чтобы вникнуть въ причины, вызывавшія неоднократныя жалобы и заявленія представителей Брестской епархіи, и множество подобныхъ сужденій, которыя часто высказываются въ книгѣ П. О. Бобровскаго, и съ которыми еще будемъ встрѣчаться.

¹⁾ Такой взглядъ на задачи монастырей есть западноевропейскій взглядъ, выработанный латинствомъ и перешедшій въ протестанство. Къ греко-восточному монашеству онъ не приложимъ. Изъ православныхъ монастырей могутъ выходить, какъ и выходили, ученѣйшіе люди, изъ этихъ монастырей могутъ

только то, что самый злой разсадник униі могъ закрѣпить свое существованіе, устроивъ у себя ничтожную богадѣльню или больницу, но, что гораздо важнѣе, монастыри униатскіе усерднѣе прежняго стали развивать и вновь заводять у себя училища, то-есть, усиливать у себя средства колонизаціи, ибо училища у нихъ, подъ видомъ латинскихъ, были польскія ¹⁾. Но еще болѣе разрушительное вліаніе въ русскомъ смыслѣ указъ этотъ производилъ на ту группу униатскихъ монастырей, которые стояли внѣ базилианскаго ордена и, слѣдовательно, болѣе сохраняли старый русскій строй. Это такъ-называемыя архимандріи, бывшія въ болѣе или менѣе прямой зависимости отъ митрополита и епископовъ. Вслѣдствіе указа Екатерины II 1795 г. и эти монастыри стали заводять у себя училища, то-есть, все тѣ же польскія. Латиняне-поляки постарались втянуть архимандріи въ это дѣло побольше и стали совершать одно за другимъ вопіющія беззаконія. Когда въ 1799 г. въ Россію эмигрировали французскіе монахи и монахини ордена de la Trappe, занимавшіеся образованіемъ юношества, и римско-католической коллегіи приказано было назначить трапистамъ монастыри и средства для устройства мужскихъ и женскихъ училищъ, то коллегія большую часть этой чисто латинской тягости свалила на униатскія архимандріи, а когда въ слѣдующемъ 1800 г. Павелъ I выгналъ изъ Россіи трапистовъ, то униатскія архимандріи обязаны были продолжать платить деньги или сами вести заведенныя трапистами училища; вышла даже такая странность, что при иныхъ униатскихъ архимандріяхъ, мужскихъ монастыряхъ, были женскія училища, заведенныя трапистками ¹⁾. Разумѣется, униатскія архимандріи тяготились свалившимися на нихъ чужими училищами и рады были отъ нихъ освободиться. Но къ нимъ лукаво подошелъ знаменитый руководитель Чарторыйскаго, русскій тайный совѣтникъ Чацкій, и, заманивъ надеждою освободиться отъ этого чужаго ига, ловко нало-

изливаться, какъ и изливались, обильнѣйшія струи благотвореній; но ни ученость, ни ученіе, ни благотвореніе не могутъ быть поставлены задачами монастырей и не вытекаютъ изъ обѣтовъ монашества. Тутъ подвиги отреченія отъ міра выше всего и отъ нихъ не устраняются ни малограмотные, ни даже безграмотные, притомъ для всѣхъ монаховъ обязательна нищета, у которой можетъ не быть, чѣмъ благотворить. Замѣчательно, что сознание неприложимости этого западноевропейскаго взгляда къ греко-восточнымъ монастырямъ пробивается въ возраженіяхъ (на проектъ Чарторыйскаго) и Лисовскаго въ 1807 г., и Тургенева въ докладѣ 1822 г., о которомъ рѣчь будетъ ниже.

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ самъ Чарторыйскій, дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода № 53, л. 171.

жилъ новое, столь же чужое, но еще болѣе тяжелое иго. Воспользовавшись извѣстнымъ благодушнымъ призывомъ императора Александра I къ гражданамъ Россійской имперіи содѣйствовать просвѣщенію и дѣлать пожертвованія на это дѣло, Чацкій обратился къ волынскимъ архимандритамъ съ предложеніемъ жертвовать на устраиваемую имъ Волынскую гимназію, вскорѣ превращенную въ лицей (Кременецкій), тѣ деньги, какія они тратятъ на училища, и освободиться отъ училищной обузы. Одни изъ архимандритовъ пошли въ эту ловушку охотно, другіе осторожно, третьи чувствовали бѣду и упирались, но имъ Чацкій предъявлялъ такой ультиматумъ: „Ежели васъ не истребило православіе, то моя философія васъ искоренитъ“¹⁾. Замѣтимъ, что эта угроза высказывалась въ 1803—1804 гг., когда сильно двигался на Волыни же вопросъ о сокращеніи униатскихъ монастырей, и что ее высказывалъ сильный человекъ, о которомъ Кохановичъ писалъ потомъ со словъ попавшихъ въ ловушку Чацкаго архимандритовъ, что для нихъ „было довольнымъ убѣжденіемъ и принужденіемъ согласиться на это предложеніе вельможество по роду, достоинство по чину тайнаго совѣтника и визитатора школъ, софистическое велегрѣчіе г. Чацкаго“²⁾. Чацкій, впрочемъ, вскорѣ (1804 г.) обрадовалъ жертвователей. Онъ представилъ ихъ пожертвованіе милостивому вниманію государя, и они получили высочайшую благодарность³⁾. Но эта радость вскорѣ превратилась въ великую скорбь. Оказалось, что ихъ пожертвованія, даже временныя и условныя, превращены въ вѣчныя и подлежатъ притомъ взысканію по всей строгости русскихъ законовъ. Обнаружилось при этомъ и государственное при-
 скорбное явленіе, тяжелое служебное преступленіе высокаго русскаго чиновника Чацкаго, еще болѣе высокаго сановника Чарторыйскаго, даже русскаго министра Завадовскаго, чрезъ котораго Чацкій и Чарторыйскій⁴⁾ обманно представляли на высочайшее воззрѣніе не только временныя и условныя пожертвованія, какъ вѣчныя, но и пожертвованія такого монастыря, который незадолго передъ тѣмъ, по

¹⁾ Исторія эта разказывается въ донесеніяхъ Кохановича, Мартусевича и во многихъ докладахъ Тургенева, помѣщенныхъ въ томъ же дѣлѣ № 65. Женская школа была въ Держанскомъ монастырѣ и нѣкоторое время въ Оршанскомъ; тамъ же л. 1 на обор. и 5.

²⁾ Л. 2.

³⁾ На лл. 16—24.

⁴⁾ Чарторыйскій самъ говоритъ въ ооціальномъ отвѣтѣ кн. Голицыну, что доклады эти Чацкаго онъ, Чарторыйскій, представлялъ Завадовскому. Л. 163.

высочайшему же повелѣнію, былъ назначенъ на содержаніе Луцкаго уніатскаго викарнаго ¹⁾).

Объ этихъ вопіющихъ беззаконіяхъ пострадавшіе молчали, пока жилъ могущественный Чацкій; но какъ только онъ умеръ (20-го февраля 1813 г.), такъ сейчасъ раздались вопли вынужденныхъ уніатскихъ жертвователей въ пользу польскаго просвѣщенія, и какъ недавно передъ этимъ, на защиту колонизаціи базилианскаго ордена выступили впередъ уніатскіе архіереи, даже Кохановичъ, такъ и теперь на защиту уніатскихъ архимандрій, но уже противъ поляковъ, выступили тоже уніатскіе архіереи, съ тою еще однако разницею, что послѣдній и самый слабый въ той защитѣ, Кохановичъ, теперь выступилъ первымъ ²⁾, и за нимъ усердно шли не только архимандриты пострадавшихъ монастырей, но даже преданный іезуитамъ и латинскому складу уніи его викарный, а потомъ самостоятельный Луцкій епископъ Мартусевичъ ³⁾, его полонофильствующая консисто-

¹⁾ Это былъ Жидичинскій монастырь, назначенный Луцкому викарному по указу отъ 27-го сентября 1804 г., а докладъ Чацкаго и Чарторыйскаго о пожертвованіи денегъ съ этого монастыря на Кременецкую гимназію утвержденъ 25-го февраля 1805 года. Дл. 1 на об. и 17.

²⁾ Дѣло № 53 и начинается письмомъ его къ кн. Голицыну отъ 27-го марта 1813 г. (дл. 1—4). Кроме этого письма, въ дѣлѣ есть еще два письма Кохановича къ тому же кн. Голицыну, отъ 3-го мая 1813 г. (дл. 11) и отъ 4-го сент. 1813 г. (дл. 29—30). Все подлинники. Кохановичъ, по свидѣтельству Чарторыйскаго, л. 167 на обор., и какъ подтверждаютъ это его письма, первый поднялъ дѣло о вопіющихъ беззаконіяхъ Чацкаго. П. О. Бобровскій объ этомъ же Кохановичѣ говоритъ на стр. 64: „Митрополитъ Григорій Кохановичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Лисовскому и самъ происходя изъ среды блага духовенства, оставался въ Жидичинѣ спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ происходившаго и почти не руководилъ дѣлами своей церкви“

³⁾ Мартусевичъ, о которомъ самъ Чарторыйскій свидѣтельствовалъ кн. Голицыну въ то время ему 1821 г., что онъ, руководствуется тѣми же самыми правилами, какъ и его предѣстникъ (л. 168), былъ самымъ дѣятельнымъ и упорнымъ противникомъ взносов на Кременецкую гимназію. Онъ написалъ много писемъ и донесеній, въ которыхъ иногда употреблялъ очень рѣзкія выраженія (называлъ наглými требованія Кременецкой гимназіи) и, какъ увидимъ, высказалъ совсѣмъ новые взгляды на нужды Луцкой епархіи. Объ этомъ самомъ Мартусевичѣ П. О. Бобровскій говоритъ, что онъ измѣнилъ Лисовскому (стр. 56), что онъ, какъ и Вулгазь и Головня, относился „равнодушно, безучастно къ самымъ вопіющимъ нуждамъ своей церкви“ (стр. 78 и 79, а также стр. 121), что кажется, говоритъ авторъ, единственною заслугою Мартусевича было то, что онъ быстро возвышалъ въ службѣ родственника своего, столь же вреднаго ошціала Свродницкаго, Юсифа Свямашку (стр. 121—122, прим.).

рія или, какъ ее называли поляки, капитула ¹⁾, и даже особенно нелюбимый нашимъ авторомъ дядя Сѣмашки офиціаль Сѣроцинскій ²⁾. Не одна обида, но и крайняя нужда заставляла всѣхъ этихъ униатовъ вопіять и искать защиты. Послѣ непріятельскаго нашествія и внесеннаго имъ разоренія, всякіе взносы, платежи, даже государственные, были крайне тяжелы ³⁾. Но двигатели польскаго дѣла этимъ не смягчились. Чарторыйскій ревностно вступился за дѣло Чацкаго и двинулъ противъ неповорныхъ волынскихъ архимандрій русскую государственную силу. Пошли начеты за недоимки, судебные приговоры, экзекуции и даже секвестры монастырскихъ имуществъ ⁴⁾. Мало того. Наложено было запрещеніе на доходы Коха-

¹⁾ Л. 33. Въ польскомъ подлинникѣ она названа—*przewietna* (пресвѣтлая) *Kapitula*. Въ приложенномъ (л. 34) русскомъ переводѣ слово—пресвѣтлая выпущено.

²⁾ Въ отношеніи къ управляющему министерствомъ полиціи отъ 25-го сент. 1814 г. Мартусевичъ, передавая угрозы мѣстныхъ властей приступить немедленно къ продажѣ съ аукціона всего монастырскаго имущества (Жидичинскаго монастыря), говоритъ затѣмъ: „О такихъ наглыхъ притѣсненіяхъ донося мнѣ, онаго монастыря администраторъ прелатъ кафедральный Кирилъ Сѣроцинскій, проситъ подать защиту противъ претензіи на упомянутое духовное имѣніе волынскимъ лицемъ вовсе несправедливо простираемой“. Л. 92 на обор. П. О. Бобровскій на стр. 122, въ примѣч., говоритъ о Сѣроцинскомъ, что Іосифъ Сѣмашко (давшій благопріятный отзывъ о Сѣроцинскомъ) „не рѣшился писать откровенно о своемъ дядѣ“, что „официальные источники представляютъ Сѣроцинскаго человекомъ вреднымъ для русской народности въ униѣ“.

³⁾ „Крайняя необходимость принуждаетъ меня“, писалъ кн. Голицыну Кохановичъ, — „утрудять высокую вашего сіятельства особу пространнымъ описаніемъ дѣла, которое Жидичинскій и другіе Луцкой епархіи архимандричьи монастыри навлеченными покойнымъ господиномъ Чацкимъ на оныя отягощеніями приводятъ въ разореніе“... Изложивъ затѣмъ исторію этихъ отягощеній и бѣдственное состояніе этихъ монастырей послѣ войны 1812 г., Кохановичъ такъ заключаетъ свое письмо: „Описавъ первоначальное происшествіе возложеннаго на униатскія монастыри отягощенія, отъ коего произошелъ послѣ на гимназію платежъ и вынужденныя отъ прочихъ монастырей противозаконныя записи, описавъ и нынѣшнее состояніе тѣхъ монастырей, предоставляю на прозорливое вашего сіятельства всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ благоразсмотрѣніе, въ полной вѣрѣ и упованіи будучи, что ваше сіятельство по врожденной вамъ справедливости и начальническому долгу, благоволите высокимъ своимъ поврительствомъ защититъ униатскіе монастыри, освободитъ оныя отъ *порабощенія и платежей вовсе несправедливо* на Кременецкую Гимназію“. Первое письмо, лл. 1—4.

⁴⁾ 3-го мая 1813 г. Кохановичъ извѣщалъ кн. Голицына, въ первыхъ, о томъ, что „безъ всякаго сношенія съ духовнымъ начальствомъ, а вольными паче съ главнымъ духовнымъ дѣлъ правленіемъ, отбираются на гимназію монастырскія имѣ-

повича съ Жидичинской архимандріи, а когда онъ умеръ въ 1814 г., фундушевая кременецкая комиссія наложила запрещеніе на оставшееся послѣ него имущество и, по донесеніямъ униатовъ, продала¹⁾.

Сейчасъ увидимъ, какъ эта смѣта разширилась, усложнилась и захватила всѣ существенные вопросы униатской церкви; но въ своихъ первоначальныхъ размѣрахъ она прекращена была и просто, и неожиданно. Ее прекратилъ или, по крайней мѣрѣ, направилъ къ естественному, справедливому исходу св. синодъ. Одна изъ провинившихся перель Чарторыйскимъ архимандрій, Дерманская, обращена была въ православный монастырь, и когда св. синодъ узналъ, что съ этого, теперь православнаго, монастыря слѣдуетъ платить и въ пользу главной униатской семинаріи и даже въ пользу Кременецкаго лиція, то возсталъ противъ такихъ небывалыхъ взносовъ на чужое дѣло²⁾, и

вѣдѣнъ, и, восторжъ, что „не требуя со стороны духовной смотрителя и инвентарей, оказывающихъ доходы, отдается имѣніе свѣтскому владѣльцу за третью часть цѣны“, втретыхъ, что „Овручскій монастырь содержать публичныя повѣстовыя школы, а по давнему заведенію, конвенторовъ бѣдныхъ дворянъ и монашествующихъ приходять въ невозможность“, л. 11. Въ приложенномъ при этомъ донесеніи администратора Овручскаго монастыря говорится, что насчитаны были двойные проценты и штрафы за недомку во взносахъ, перечисляются монастырскія деревни, взятая въ *секестръ*, и что все это дѣлали овручскій *исправникъ* Мевель и предводитель дворянства Головинскій. Дл. 12 и 13.

¹⁾ 15-го апрѣля 1814 г. Мартусевичъ писалъ кн. Голицыну: „По случаю смерти высокопреосвященнаго митрополита Кохановича, Волынская гимназія требуетъ отъ здѣшней униатской капитулы, дабы она нѣ оставшагося по ономъ г-ну митрополиту имѣнія, выручивъ насчитанную въ монастыри Жидичинскій и Мѣлецкій, состоявшіе въ администраціи его г-на митрополита, недоимочную сумму 4570 руб. 11 коп. серебромъ, яко самый первѣйшій долгъ уплатила въ гимназію“, л. 31; приложено требованіе гимназіи, дл. 33 и 34. Въ отношеніи къ министру полиціи отъ 25-го сентября 1819 г. Мартусевичъ писалъ: „... въ 1814 году марта 25-го дня... митрополитъ Кохановичъ скончался... по кончинѣ его опять возобновились претензіи со стороны гимназіи; а гражданское правительство наложило арестъ на все движимое имущество по немъ“, л. 94 на обор. Въ докладѣ Тургенева отъ 24-го августа 1822 г. говорится: „за недоимки по Жидичинскому и Мѣлецкому монастырямъ продано по смерти митрополита Кохановича собственное его имущество; но ни сія мѣра, ни содержаніе *экекуцій* въ имѣніи Жидичинскаго монастыря не могли принудить и нынѣшняго Луцкаго епископа Мартусевича платить кременецкому училищу“, л. 193 и на обор. Чарторыйскій въ своемъ донесеніи Голицыну утверждаетъ, что продажи не было, но и онъ не отвергаетъ наложенія запрещенія (дл. 167—168), притомъ несомнѣнно, что на доходы Жидичинской архимандріи наложено было въ 1814 г. запрещеніе, л. 217.

²⁾ Д. 156, приписка къ докладу Тургенева отъ 31-го января 1822 г., гдѣ говорится о передачѣ Дерманскаго монастыря въ православное вѣдомство и обѣ

результатомъ этого было не только прекращеніе этихъ взносовъ православнаго Дерманскаго монастыря, но и освобожденіе отъ польскаго ига всѣхъ униатскихъ архимандрій ¹⁾.

Вся эта невѣроятная драма развертывалась, можно сказать, передъ всѣми государственными людьми Петербурга съ 1813 по 1821 г. Цѣлыя министерства, — духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, министерство полиціи и замѣнившее его министерство внутреннихъ дѣлъ, не говоря уже о многочисленныхъ мѣстныхъ властяхъ, усердно переписывались и невольно противорѣчили одно другому. Особенно поразительно было разнорѣчіе между главнымъ управленіемъ духовными дѣлами и министерствомъ народнаго просвѣщенія, разнорѣчіе перешедшее съ 1817 г., когда образовалось изъ этихъ учреждений одно министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, можно сказать, въ борьбу двухъ департаментовъ этого необычнаго министерства, департамента народнаго просвѣщенія и департамента духовныхъ дѣлъ. Директоръ перваго Поповъ писалъ рядъ бумагъ, даже повторительныхъ, требуя возвратить такіа-то бумаги или дать знать, что сдѣлано по такимъ-то запросамъ. Директоръ духовныхъ дѣлъ Тургеневъ мало обращалъ вниманія на эти бумаги, а все представлялъ доклады кн. Голицыну и уже послѣ нихъ иногда слалъ бумаги въ департаментъ народнаго просвѣщенія ²⁾.

Эти недоразумѣнія двухъ департаментовъ вѣрно отражали недоразумѣнія и разъединеніе во всей тогдашней правительственной средѣ; но нужно сказать къ чести и того времени, что въ русской правительственной средѣ, хотя и медленно, но сильнѣе и яснѣе вы-

обращеніи доходовъ его въ пользу духовныхъ училищъ Волынской греко-россійской епархіи. Въ докладѣ Тургенева отъ 4-го февраля того же года говорится: „Св. синодъ требовалъ отъ вашего сіятельства испросить высочайшее повелѣніе объ освобожденіи греко-россійской обители отъ платежа на постороннія учебнаго заведенія“, л. 225. Та же мысль въ нѣсколько иномъ видѣ высказана въ запискѣ, представленной въ комитетъ министровъ: „Св. синодъ“, докладывавшій кн. Голицыну, 29-го января 1824 г., — „требуется отъ меня, дабы я испросилъ высочайшее повелѣніе освободить греко-россійскую обитель отъ такового платежа въ пользу римско-католиковъ“; л. 234.

¹⁾ Указъ, освобождающій отъ этихъ незаконныхъ платежей и Дерманскую обращенную въ православный монастырь, и всѣ волынскія униатскія архимандріи съ обращеніемъ доходовъ сихъ послѣднихъ на нужды духовенства униатской Луцкой епархіи, подписанъ 16-го іюня 1824 г.; л. 241.

²⁾ Запросы Попова, лл. 87, 90 (продолженіе), 101, 134; отвѣты Тургенева, лл. 152, 156.

ступала правда, которой даже слѣдовъ не видно въ средѣ людей партіи Чарторыйскаго. Правительство постепенно признавало правду униатовъ ¹⁾. Но, кромѣ этого, передъ глазами русскихъ государственныхъ людей выяснялись еще болѣе широкія требованія правды, имѣвшія не одно нравственное, но и государственное значеніе. Передъ глазами русскихъ государственныхъ людей, близко наблюдавшихъ эти дѣла и способныхъ уразумѣвать ихъ, разстилалось въ одну сторону громадное поле предпріятій Чарторыйскаго ополчить всю западную Малороссію не только черезъ высшее и среднее образованіе, но и черезъ приходскихъ учителей, домашнихъ учительницъ и даже повивальныхъ бабокъ ²⁾; въ другую же сторону выступали изъ Луцкой епископіи не смѣло, неясно униатскія предпріятія и попытки возродить старое, но въ эти несмѣлыя и неясныя очертанія русскіе глаза должны были впиваться, какъ во вновь открывающіяся жемчужины русской жизни, сохранившіяся даже въ волынскомъ униатствѣ, казалось, совсѣмъ разбитомъ и отъ русскихъ православныхъ, и отъ латинопольскихъ ударовъ.

Чацкій навѣрное зналъ, что въ Малороссіи даже подъ униатскою монашескою оболочкой могутъ скрываться преданія Хмельницкаго, Гонты и другихъ борцовъ противъ Польши; поэтому онъ налегъ на малороссійскія архимандріи такъ круто и даже, какъ однажды повторилъ Мартусевичъ слова Сѣроцинскаго, нагло. Но онъ понималъ, что этого мало, что эти монахи все-таки будутъ считать чужимъ для себя дѣломъ тѣ услуги польской шляхтѣ, которыхъ онъ отъ нихъ требовалъ, что нужно дѣйствовать сильнѣе и на убѣжденія малороссійскихъ монаховъ и не однимъ велерѣчіемъ или схоластическою философій. Какъ опытный и даже ученый юристъ, онъ обратился къ праву и откопалъ польскій законъ XVI вѣка, по которому выходило, что униатскіе монастыри, въ которыхъ мало монаховъ, обязаны

¹⁾ Это признаніе выступаетъ ясне и ясне во всѣхъ почти докладахъ Тургенева, лл. 127, 150—151, 197—198.

²⁾ Предпріятія эти уже довольно ясно очерчиваются въ запискахъ архимандритовъ, изъяснявшихъ готовность жертвовать въ пользу Волынской гимназіи, — запискахъ, которыя и Кохановичъ, и Мартусевичъ не безъ основанія называли вынужденными Чацкимъ, слѣдовательно, выражавшими его же взгляды. Даже въ запискѣ осторожнаго Жидичинскаго архимандрита Корсака есть высокопарныя выраженія о томъ, что Чацкій ревностнѣйшій и усерднѣйшій почитатель наукъ, кои суть существеннымъ всякаго края ошастливленіемъ и благомъ; л. 10. Во всей широтѣ идеализацію Чацкаго и Чарторыйскаго увидимъ ниже.

завести училища для шляхты, слѣдовательно, нечего объ этомъ и разсуждать. Но и это вразумленіе оказалось безсильнымъ. Кохановичъ безъ труда разбилъ эту юридическую софистику ¹⁾ и высказалъ такую мысль: „Если уже нельзя освободить монастыри отъ платежа, то пусть будутъ таковыя пожертвованія обращены на фундушъ семинаріи Луцкой епархіи, котораго она не имѣетъ; того самая справедливость требуетъ, дабы часть доходовъ отъ духовныхъ имѣній употреблялась на усовершенствованіе въ наукахъ готовящихся къ духовному званію“ ²⁾. А преемникъ Кохановича, Мартусевичъ, отъ котораго, по видимому, никакъ нельзя было ожидать ни выхода противъ польской шляхты ни народнаго разумія нуждъ хлота, выступилъ съ такою теоріей, которая составляла неслыханную новость, и за которую сейчасъ же ухватился 2-й департаментъ римско-католической коллегіи почти въ томъ же составѣ (но безъ Булгака), каковой подписалъ было вышеуказанное возстановленіе Польши; въ эту теорію, несомнѣнно, какъ увидимъ, впились глазами, какъ въ жемчужину, Тургеневъ и Карташевскій.

Въ опредѣленіи 2-го департамента римско-католической коллегіи отъ 31-го мая 1815 года приводится донесеніе Кохановичу нареченнаго епископа Луцкаго Мартусевича отъ 23-го февраля 1814 года, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „взимаемая съ базилианскихъ монастырей на свѣтскія училища, а именно, на Кременецкую гимназію, подать ни мало не относится къ пользѣ духовенства“ (уніатскаго), что, по мнѣнію его, епископа Мартусевича, „просвѣщеніе простолюдиновъ зависитъ непосредственно отъ ихъ духовныхъ учителей, а сихъ званіе должно быть совершеннымъ и непредсудительнымъ, что затѣмъ усмотрѣніе средствъ къ усовершенствованію оныхъ самая необходимость и польза требуютъ и мѣстныя обстоятельства способствуютъ“ ³⁾. Затѣмъ, перечисливъ разныя суммы, пожертвованныя на Луцкую семинарію, обеспеченныя на разныхъ имѣніяхъ, съ которыхъ проценты постепенно прекращались ⁴⁾, Мар-

¹⁾ Первое письмо Кохановича къ кн. Голицыну, л. 2.

²⁾ Письмо отъ 4-го сентября 1813 г., л. 30.

³⁾ Лл. 42—43.

⁴⁾ Мартусевичъ подробно перечисляетъ эти суммы и ихъ исторію, именно: 1) складку духовенства Луцкой епархіи 4,000 золотыхъ, проценты съ которой шли до 1811 года, и на нихъ обучались клирики, поступающіе въ священники, каковыхъ клириковъ теперь, 1814 года, обучается 8 на своемъ содержаніи; 2) сумму въ 10,000 золотыхъ, записанную самимъ Мартусевичемъ въ 1805 году

тусевичъ просить учинить, куда слѣдуетъ, представленіе объ утвержденіи этихъ суммъ на Луцкую семинарію, „равно какъ и о томъ, чтобы производящійся съ базилианскихъ монастырей платежъ на Кременецкую гимназію, въ которой духовные ученики не содержатся, могъ быть обращенъ на просвѣщеніе духовнаго юношества“¹⁾. 2-й департаментъ римско-католическій нашелъ совершенно справедливымъ представленіе Мартусевича и постановилъ просить начальство о защитѣ и возвращеніи на Луцкую семинарію всѣхъ завѣщанныхъ капиталовъ и платежей, наложенныхъ на архимандріи въ пользу Кременецкой гимназіи, которую тоже призналъ бесполезною для униатскаго духовенства, а въ 5-мъ параграфѣ этого постановленія прямо говорится: „Благоволено бы было дозволить завести, или паче возобновить Луцкую епархіальную семинарію и содержать въ оной соотвѣтственное фондусу количество учениковъ, желающихъ воспріять священническую санъ, съ нужнымъ числомъ учителей и всѣми соотвѣтственными тому заведенію снарядами“, учебными предметами²⁾. То-есть, въ Луцкой епархіи еще въ 1813 году обнаружилась та же борьба съ поляками для защиты отъ нихъ униатовъ, съ какою началъ свою дѣятельность Лисовскій, та же забота о насущной потребности униатовъ, духовной семинаріи, и то же отсутствіе принципиальной борьбы съ монашествомъ³⁾. Завѣты Лисовскаго, Красов-

въ пользу епархіи въ распоряженіе епископа Левинскаго, который назначилъ ее на семинарію; 3) сумму въ 252,459 золотыхъ оеціала Примовича; 4) сумму въ 66,500 золотыхъ, записанную митрополитомъ Кишкою подъ специальнымъ названіемъ—семинарійской; лл. 43—44.

¹⁾ То же дѣло № 53, лл. 44—45.

²⁾ Л. 52. Опрежденіе коллегіи отъ 31-го мая 1815 года.

³⁾ Въ дѣлѣ № 53, на лл. 108 и 109 помѣщено довольно длинное письмо Мартусевича къ кн. Голицыну, въ которомъ излагается исторія Луцкой епископіи, богатой въ старыя времена и страшно бѣдной съ возобновленія ея въ 1798 году. Епископъ кое-какъ жилъ съ своею консисторіей сначала въ Почаевскомъ монастырѣ, потомъ въ Жвдичинскомъ, котораго архимандритъ Корсакъ потому и возведенъ былъ въ оеціала, а потомъ въ викарию, чтобы не выживалъ изъ своего монастыря епархіальнаго управленія, о чемъ онъ однако напоминаетъ епископамъ. Отсюда, конечно, и вышли дружескія отношенія Луцкихъ епископовъ съ базилианами, а бѣдствія архимандрій отъ Чацкого естественно еще больше скрѣпляли эти дружескія отношенія. Мѣсто, гдѣ были показаны годъ и число этого письма, оторвано (форматъ листа шире другихъ листовъ дѣла и край его пострадал), но оно писано не позже 1820 года. Подлинникъ. Нужно еще замѣтить, что въ такъ-называемой русской базилианской провинціи (то-есть, малороссійской) меньше было монаховъ изъ латинянъ, чѣмъ въ др чѣ

скаго ожили въ Лудкой епархіи не только при Кохановичѣ, но даже при Мартусевичѣ.

Читатели книги П. О. Бобровскаго могутъ теперь, судить, какъ все это далеко отъ того, что онъ говоритъ о брестскихъ каноникахъ, какъ главныхъ двигателей реформъ униатской церкви въ XIX вѣкѣ, котораго они будто бы составляютъ украшеніе. Всякому, надѣмся, теперь очевидно, что объ этомъ украшеніи до 1821 года не можетъ быть рѣчи. Мы уже видѣли и сейчасъ еще увидимъ изъ документовъ того же, незнакомаго автору, дѣла № 53, что о немъ еще меньше можетъ быть рѣчи и послѣ 1821 года.

Въ то же самое время, когда передъ глазами русскихъ государственныхъ людей были такъ ясны противоположныя стремленія латинско-польскія и грекоуниатскія, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясна была правда и русская польза на сторонѣ послѣднихъ, когда даже кн. Голицынъ еще въ 1821 году, подготовленный Тургеньевымъ¹⁾, „изволилъ (слова другаго доклада Тургеньева) уважить разныя нужды блага унитскаго духовенства, особенно же крайній недостатокъ фундушей для содержанія унитскихъ епархіальныхъ семинарій“²⁾, вдругъ дѣло опять усложнилось по винѣ ли самого же кн. Голицына, или это была опять западня Тургеньева для Чарторыйскаго, не извѣстно. Самъ ли кн. Голицынъ надумалъ или Тургеньевъ навелъ его отложить рѣшеніе дѣла волынскихъ архимандрій до „общаго разсмотрѣнія о фундушакъ базилианскихъ монастырей“³⁾, и для этого собрать новыя свѣдѣнія⁴⁾, за которыми 10-го декабря 1821 года кн. Голицынъ и обратился къ Чарторыйскому⁵⁾, при чемъ давалъ ему деликатно возможность благополучно выйти изъ затрудненія и спрашивалъ: не можетъ ли Кременецкій лицей обойтись безъ взносовъ униатскихъ архимандрій. Тургеньевъ предлагалъ при этомъ попросить у Чарторыйскаго „свѣдѣній о штатѣ сего училища и его доходахъ, а также какимъ образомъ оно могло столь долгое время обойтись безъ пособія отъ бази-

базилианскихъ провинціяхъ. См. дѣло архива канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, № 342 (прав. части).

¹⁾ Д. 127, въ докладѣ Тургеньева отъ 13-го января 1821 года.

²⁾ Д. 151; въ докладѣ Тургеньева отъ 3-го ноября 1821 года.

³⁾ Въ докладѣ, сейчасъ указанномъ, сначала говорится, что кн. Голицынъ высказалъ эту мысль, а нѣсколько ниже самъ Тургеньевъ находитъ, что это „всего удобнѣе“, д. 150 на оборотѣ.

⁴⁾ Объ этомъ говорится въ самомъ началѣ отвѣта Чарторыйскаго на этотъ вызовъ, д. 159.

ліанскихъ монастырей¹, но кн. Голицынъ не согласился на это прибавочное требованіе, очевидно, не деликатное съ его точки зрѣнія¹).

Чарторыйскій воспрынулъ духомъ и съ юношескою энергіей и быстротой взялся за дѣло. Онъ поднялъ на работу Кременецкій лицей, Виленскій университетъ и весьма скоро²) составилъ и отправилъ кн. Голицыну отвѣтъ, очень объемистый (копія его почти на 19 листахъ) и весьма разработанный по богатству фактовъ и обдуманнхъ соображеній³).

На вопросъ: не можетъ ли Кременецкій лицей обойдтись безъ униатскихъ пожертвованій, Чарторыйскій отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ, доказываетъ крайнюю, неотложную нужду въ нихъ лицей, требуетъ даже заставить дѣлать общанные взносы съ имуществъ и тѣхъ униатскихъ монастырей, которые уже обращены въ православіе. Тутъ же налагается исторія этихъ взносовъ, опровергаются возраженія лудцкихъ униатскихъ властей, доказывается, что послабленіе имъ было бы дурнымъ примѣромъ для другихъ жертвователей и пагубнымъ для лицей, при чемъ живописуются благодѣтельные учрежденія его⁴), и Чарторыйскій выражаетъ надежду, что кн. Голицынъ „для наведенія духовенства (униатскаго Лудцкой епархіи) на путь, съ котораго совращаться бы не надлежало, и для сохраненія въ немъ истинно хри-

¹) Дл. 150—151. Объ этомъ замѣчено на докладѣ рукою Тургенева.

²) Вспомнимъ, что запросъ подписанъ 10-го декабря 1821 года. Отвѣтъ помѣченъ 24-мъ апрѣля 1822 года. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ № 53 не подлинникъ, а копія отвѣта Чарторыйскаго, не знаемъ и бумагъ его въ Кременецъ, такъ что не можемъ сказать, когда запросъ и отвѣтъ получены (помѣты нѣтъ), когда начались и кончились сношенія съ Кременцомъ, и не можемъ высчитать точно времени, въ которое составленъ отвѣтъ.

³) Отвѣтъ Чарторыйскаго помѣщенъ на дл. дѣла № 53, 159—178.

⁴) „Въ означенной суммѣ (15,420 р. с.) заключаются“, писалъ Чарторыйскій, — приношенія базилианскими архимандритами назначенныя, а соразмѣрно симиъ доходамъ, число учителей и другіе институты отчасти уже заведены, и къ обузавденію прочихъ сдѣланы нужныя приготовленія: и хотя Волынская гимназія существовала безъ полученія полныхъ взносовъ отъ архимандритовъ, но по приостановленіи сего и другихъ платежей, лишилась она всякой возможности полнаго заведенія тѣхъ институтовъ, какіе уставомъ назначены, каковыя суть: 1-е конвиктъ для кандидатовъ образуемыхъ въ приходскіе учителя; 2-е школа для дѣвѣцъ приготовляемыхъ къ должностямъ наставницъ и учительницъ по обывательскимъ домамъ; 3-е школа земледѣлія; 4-е хирургіи; 5-е повивальнаго искусства и 6-е скотодѣлія... Польза съ тѣхъ заведеній, для *всего государства* проистекать имѣющая, не можетъ яридти въ сравненіе съ личными нѣсколькихъ лицъ выгодами“. Л. 169.

стіанскаго стремленія къ просвѣщенію народа, къ коему оно руководствовать его должно“, благовоить преклониться къ его, Чарторыйскаго, мнѣнію ¹⁾).

За этими смѣлыми шагами къ защитѣ вопіющаго дѣла слѣдуетъ еще болѣе смѣлый отвѣтъ на другой вопросъ касательно „общаго соображенія о базилианскихъ монастыряхъ и ихъ фундушяхъ“. Здѣсь необычайная идеализація благодѣтельности базилианскаго ордена совершенно въ духѣ Булгака и базилианскихъ провинціаловъ, какъ они это высказали по поводу указа коллегіи 1810 г.; но кромѣ того, еще—государственныя соображенія о широкой сѣти учебныхъ заведеній до самыхъ низшихъ, народныхъ училищъ включительно, поддерживаемыхъ базилианами, о вредѣ колебать такія благія для государства дѣла, при чемъ очень осуждаются покушенія блага духовенства на монастырскія имущества и высказывается даже опасеніе, что потомки жертвователей на базилианскіе монастыри, видя измѣненіе назначенія пожертвованныхъ имуществъ, могутъ требовать возвращенія ихъ себѣ. Затѣмъ вдругъ всплываетъ неожиданно старое дѣло, оставленный, по высочайшему повелѣнію, навсегда въ бездѣйствіи ²⁾ проектъ Чарторыйскаго 1806 г. о преобразованіи базилианскаго ордена изъ аскетическаго въ воспитательный, объ утвержденіи его въ такомъ видѣ навсегда и о признаніи всѣхъ его имуществъ нераздѣльнымъ достоинствомъ этого ордена ³⁾).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ позволилъ себѣ теперь такіе смѣлые шаги Чарторыйскій, которому могло быть извѣстно, какъ въ русскомъ правительствѣ сказывается разумѣніе униатскихъ дѣлъ и къ чему оно направляется. Но на чемъ-нибудь онъ основывалъ надежду, что эта смѣлость возьметъ свое. Можетъ быть, изгнаніе іезуитовъ, съ которымъ соединялась передача ихъ училищъ Чарторыйскому и его любимымъ базилианамъ, да политическая расшатанность тогдашняго русскаго общества давали Чарторыйскому надежду, что его будто бы консервативная учебная система будетъ принята благосклонно. Но надежды его, на чемъ бы онѣ ни опирались, оказались тщетными. Коса наскочила на камень, даже на два камня сразу.

¹⁾ Д. 170 на обор.

²⁾ Чарторыйскій, слѣдовательно, опять совершилъ служебное преступленіе: не спросивъ напередъ разрѣшенія, представилъ дѣло навсегда запрещенное.

³⁾ Отвѣтъ на вопросъ о базилианскихъ монастыряхъ вообще начинается на оборотѣ л. 170; пункты проекта 1806 г. на лл. 175—177.

Тургеневъ и Карташевскій дали надлежащее вниманіе этому отвѣту Чарторыйскаго, приложили къ нему много труда, сдѣлали нужныя справки и составили докладъ, по истинѣ достославный, который давно слѣдовало бы напечатать съ надлежащими указаніями тѣхъ источниковъ, которыми они пользовались, и на которые иногда ссылаются, а это было бы важно потому особенно, что тогда было бы для всякаго очевидно, какимъ глубокимъ знаніемъ униатскихъ дѣлъ они обладали. Они разбили и разбросали по сторонамъ весь отвѣтъ и особенно возобновленный въ немъ проектъ Чарторыйскаго о преобразованіи базилианскаго ордена. Они установили твердо правильный взглядъ на базилианскій орденъ, какъ на униатское учрежденіе, нужное для униатской церкви, а не для другихъ задачъ и цѣлей ¹⁾. Отсюда выходило, что вступленіе въ униатское монашество латинянъ нужно запретить ²⁾, свѣтское обученіе въ немъ признать не существеннымъ, подлежащимъ изъятію ³⁾, направить силы и средства ордена на воспитаніе униатовъ, почему монастыри излишніе, особенно созданные изъ приходоу, закрыть и учредить при главнѣйшихъ изъ оставляемыхъ монастырей униатскія семинаріи и монашескіе новиціаты, чтобы семинаріи давали образованныхъ священниковъ, а желающихъ принять монашество передавали бы въ новиціаты ⁴⁾.

Убѣдительность этого доклада была такъ велика, что его утвердилъ кн. Голицынъ, кромѣ одного пункта о допущеніи въ будущемъ преобразованномъ базилианскомъ орденѣ общаго для всѣхъ базилианскихъ монастырей провинціала, пунктъ, потому ли не поставленнаго, чтобы доставить кн. Голицыну удовольствіе на что-либо не согласиться, что-либо исключить, или потому, что Тургеневъ желалъ держать базилианъ въ своихъ рукахъ ⁵⁾. Результатомъ этого доклада и было

¹⁾ „Нѣкоторые другія дѣла по части униатскаго исповѣданія, представленныя къ разрѣшенію, имѣютъ связь съ этимъ предметомъ (проектъ Чарторыйскаго) и предполагаютъ надобность *поставить твердое основаніе*, въ какихъ отношеніяхъ слѣдуетъ споспѣшествовать блѣму духовенству и въ какихъ монашествующему“, говорится въ докладѣ; л. 183 на обор. На л. 189 говорится: „итакъ, нужно обратить базилианскій орденъ къ сей первой и существенной его обязанности—воспитывать духовное униатское юношество, отъ чего монахи вовсе уклонили себя“.

²⁾ Л. 189 на оборотѣ.

³⁾ Л. 188 на оборотѣ.

⁴⁾ Л. 189.

⁵⁾ Нашъ авторъ нашелъ у графа Толстаго просто лишь слабый намекъ на эти дѣла (т. 2-й, стр. 372) и повторилъ за нимъ двѣ ошибки: будто запрещеніе

новое запрещеніе 1822 г. принимать въ базилианскій орденъ латинявъ и извѣстное намъ правительственное постановленіе того же года преобразовать базилианскій орденъ и на его средства устроить духовныя семинаріи и вообще улучшить положеніе бѣлаго униатскаго духовенства.

Вотъ какъ создавалась и укрѣплялась постановка всѣхъ главныхъ вопросовъ униатской церкви къ тому времени, когда члены Брестскаго капитула стали выступать съ теоріей принципиальной борьбы съ базилианскимъ орденомъ, и когда они, по вызову правительства, создали въ 1823 г. систему образованія по началамъ системы Чарторыйскаго и въ единеніи съ его главнымъ средоточіемъ, Виленскимъ университетомъ, не зная, что Чарторыйскій въ это время уже вѣроломно измѣнялъ имъ ¹⁾. Понятно, что въ Петербургѣ особенно такія лица, какъ Тургеневъ и Карташевскій, должны были весьма неблагоклонно смотрѣть на этихъ дѣятелей, забывшихъ заветы Лисовскаго и Красовскаго и сотрудничавшихъ жалкимъ образомъ съ вѣроломнымъ даже къ нимъ Чарторыйскимъ. Съ первыхъ дней министерства Шишкова эта неблагоклонность могла усилиться ²⁾, а съ началомъ новаго царствованія, брестскихъ реформаторовъ униіи легко могла постигнуть даже бѣда, и могло случиться, что Іосифу Сьмашицѣ не пришлось бы потомъ низводить ихъ съ первыхъ мѣстъ. Дѣло было бы сдѣлано до него. Историкъ, конечно, остановился бы съ изумленіемъ и сожалѣніемъ передъ такимъ стремительнымъ паденіемъ съ высоты идеализаціи въ суровую дѣйствительность. Онъ, конечно, нашелъ бы и смягчающія ихъ вину обстоятельства. Онъ указалъ бы, что въ этой западной части униатской церкви униатамъ труднѣе было, чѣмъ гдѣ-либо, бороться съ поляками-латинянами. Здѣсь они совсѣмъ были въ польскихъ рукахъ, и Чарторыйскій такъ сумѣлъ ихъ поставить, что казался имъ надежнѣйшимъ благодѣте-

принимать латинявъ въ базилианскій орденъ сдѣлано въ 1812 г. и будто бы кн. Голицынъ не утвердилъ предположеній Тургенева о немедленномъ закрытіи многихъ базилианскихъ монастырей и объ образованіи изъ оставляемыхъ одной провинціи вмѣсто трехъ; у автора, стр. 132.

¹⁾ П. О. Бобровскій въ статьѣ своей „Антоній Сосновскій“ разказываетъ, что Чарторыйскій около этого времени любезно свосился съ брестскими канониками и знакомился съ ихъ реформаторскими проектами. *Лит. Епарх. Вид.* 1890 г., № 10.

²⁾ Тургенева при Шишковѣ уже не было, но былъ и занималъ его мѣсто Карташевскій.

лемъ. Далѣе. Базилианскій вопросъ здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ западной Россіи, былъ для блага униатскаго духовенства вопросомъ о хлѣбѣ и униатскомъ существованіи, потому что нигдѣ въ другихъ областяхъ базилиане не превратили въ свои монастыри столько приходскихъ переквей, какъ здѣсь, и нигдѣ среди базилианъ не было столько латинянь-поляковъ (въ Литовской базилианской провинціи латиняне составляли больше половины здѣшнихъ базилианъ; дѣло № 342). Наконецъ, для этой борьбы у самихъ здѣшнихъ униатовъ было меньше хорошей, русской униатской силы, потому что среди нихъ было слишкомъ много людей, вытѣсненныхъ изъ другихъ областей громаднымъ православнымъ напоромъ съ юго-запада и сѣверо-запада при Екатерининскихъ воссоединеніяхъ, и они, эти болѣе другихъ фанатическіе униаты, сильно боялись за существованіе униі и въ этой западной униатской полосѣ. Но, обозрѣвая всю совокупность наличныхъ историческихъ показаній, историкъ долженъ былъ бы признать, что въ этомъ паденіи виноваты и сами брестскіе каноники. Они могли знать, что происходило въ Петербургѣ. Ихъ члены засѣдали въ униатскомъ департаментѣ коллегіи, они съ ними сносились; они даже посылали въ Петербургъ депутаціи ¹⁾. Есть извѣстіе, что главнѣйшій изъ нихъ, Сосновскій, сносился и съ Луцкимъ епископомъ Мартусевичемъ ²⁾. Они могли во время одуматься и возвратиться къ завѣтамъ Лисовскаго и Красовскаго. Есть извѣстіе, что нѣкоторые изъ нихъ предчувствовали перемену и свою бѣду ³⁾. Этимъ, конечно и нужно объяснить поправки къ проекту 1823 г., сдѣланныя въ трактатѣ Сосновскаго въ 1824 г., но не это ихъ спасло. Ихъ спасъ и доставилъ имъ возможность еще нѣсколько лѣтъ быть на видной сценѣ профессоръ Бобровскій, хотя и подвергшійся опалѣ по стараніямъ своихъ виленскихъ враговъ и по собственной неосторожности. Видный славистъ, знакомый русскимъ ученымъ и покровителямъ русской науки, Румянцову, Востокову, Келлену, самому Шишкову, онъ не могъ не вызывать благосклоннаго вниманія и довѣрія у министра, такого ревностнаго любителя славянской и русской старины и ратоборца за русскія начала, какимъ былъ Шишковъ. Бобровскій, безъ сомнѣнія, и ослабилъ впечатлѣніе отъ реформаторскихъ грѣховъ брестскихъ канониковъ, и достоверно извѣстно, что онъ вліялъ

¹⁾ Самъ авторъ не разъ указывалъ на это.

²⁾ Самъ авторъ передаетъ его. *Лит. Эн. Вид.* 1889 г., № 45, стр. 390.

³⁾ Наша статья прошедш. года. *Церк. Вѣстн.* № 12.

на измѣненіе болѣе рѣзкихъ ихъ принциповъ. Такъ, онъ ослаблялъ ихъ принципиальную борьбу съ базилианами ¹⁾, возвышалъ значеніе церковно-славянскихъ обрядовъ и необходимость ихъ научнаго изученія ²⁾. Въ этомъ отношеніи, то-есть, въ уваженіи къ церковно-славянскимъ обрядамъ онъ несомнѣнно приближался къ Лисовскому и Красовскому, но не могъ приблизиться къ нимъ по другому пункту. Онъ и самъ не стремился, и другихъ не призывалъ быть русскими ³⁾. Онъ мирилъ съ церковно-славянскою уніатскою обрядностью польскую цивилизацію съ ея языкомъ включительно и дѣлалъ въ этомъ отношеніи одну лишь уступку—народнымъ нарѣчіямъ западной Россіи ⁴⁾, но эту уступку дѣлали и дѣлаютъ всѣ болѣе умные поляки. Поэтому защита народа западной Россіи отъ полонизма была для профессора Бобровскаго не возможна. Онъ самъ былъ на дѣлѣ полякъ и держался поляковъ, какъ и всѣ главнѣйшіе члены Брестскаго капитула, особенно Сосновскій, Янковскій. На этомъ пути профессоръ Бобровскій стоялъ страшно далеко не только отъ Лисовскаго, Красовскаго и Кохановича, но даже позади Мартусевича, все-таки боровшагося съ поляками. Наконецъ, извѣстно, что мысли о воссоединеніи онъ не желалъ допускать, какъ главнѣйшій, современный ему дѣятель и другъ его Сосновскій. Во всемъ этомъ и разгадка, почему даже такой авторитетный ученый, какъ профессоръ Бобровскій, не могъ ни исправить своихъ союзниковъ, ни самъ занять мѣсто виднаго дѣятеля въ послѣдніе годы уніи, и долженъ былъ сразу и вмѣстѣ съ ними уступить, когда выступилъ Іосифъ Сѣмашко, который наслѣ-

¹⁾ П. О. Бобровскій приводитъ объ этомъ письмо профессора М. К. Бобровскаго, къ сожалѣнію, не полное. Историко-біографич. очеркъ М. К. Бобровскаго, стр. 75—76.

²⁾ У автора въ разсматриваемой книгѣ не разъ объ этомъ говорится (см. въ его указателѣ подъ словомъ — Бобровскій, М. К.), а также въ его статьѣ „Антоній Сосновскій“, и можно сказать, во всѣхъ его статьяхъ, написанныхъ въ прошедшемъ 1889 г.

³⁾ Это со всею ясностью, даже поразительною ясностью сказалось, когда профессоръ Бобровскій возсталъ, зачѣмъ въ новоустроенной Іосифомъ Сѣмашкой Жировницкой семинаріи ввели преподаваніе на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ. Мы недавно разъясняли это въ нашемъ разборѣ вышеназваннаго сочиненія нашего автора: Историко-біографич. очеркъ М. К. Бобровскаго. *Церк. Вѣсти* №№ 11 и 12.

⁴⁾ Нашъ авторъ въ томъ же „очеркѣ“ разгазываетъ, какъ М. К. Бобровскій говорилъ въ своей приходской церкви, въ Шерешевѣ поученія народу на малороссійскомъ нарѣчіи.

довалъ не плоды трудовъ брестскихъ канониковъ, какъ утверждаетъ авторъ, а завѣты Лисовскаго, Красовскаго, и отъ себя присоединилъ къ нимъ новое начало, завѣтъ всей исторіи западной Россіи, возсоединеніе съ русскою православною церковью.

Хотя П. О. Бобровскій не изучалъ тѣхъ архивныхъ дѣлъ, изъ которыхъ мы извлекли факты, заставляющіе дать совсѣмъ иную постановку, чѣмъ даетъ онъ, всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ униатской церкви въ настоящемъ столѣтіи, но въ дѣлахъ архива униатской коллегіи и въ указываемыхъ имъ сочиненіяхъ онъ находилъ хотя и неполные, отрывочные, но такіе факты, которые могли его побудить, по крайней мѣрѣ, задуматься и осторожно выдвигать на первое мѣсто членовъ Брестскаго капитула. Неизбѣжно возникаетъ вопросъ: почему вышло иначе?

Всякій внимательный читатель книги г. Бобровскаго можетъ замѣтить, что хотя авторъ указываетъ много архивныхъ дѣлъ и извлекаетъ изъ нихъ разныя свѣдѣнія, по преимуществу справочныя, но что исторію униатской церкви онъ пишетъ главнымъ образомъ на основаніи писемъ тѣхъ униатскихъ дѣятелей, которыхъ считаетъ главными двигателями униатскихъ реформъ. На основаніи этихъ писемъ онъ составилъ себѣ понятіе объ униатскихъ вопросахъ двадцатыхъ годовъ, нашелъ имъ какъ бы подтвержденіе въ официальныхъ бумагахъ тѣхъ же дѣятелей и сталъ бросать ретроспективно выработанныя здѣсь возрѣнія на прежнихъ униатскихъ дѣятелей и ихъ дѣла. Письма униатовъ двадцатыхъ годовъ, собранныя авторомъ, конечно, любопытный матеріалъ, и изъ него можно извлечь любопытныя подробности; но они требуютъ строгой критики и тщательнаго сличенія съ другими источниками, болѣе надежными, — иначе пришлось бы писать исторію дѣятелей по ихъ собственнымъ показаніямъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и скрывается разгадка тѣхъ возрѣній, какія авторъ высказываетъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ униатской церкви, и тѣхъ щедрыхъ похвалъ, какія авторъ не по заслугамъ раздаетъ членамъ Брестскаго капитула.

М. Колловичъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IX. Тифлисъ. 1890.

Въ 1-мъ отдѣлѣ новаго выпуска этого высокополезнаго изданія Кавказскаго учебнаго округа мы находимъ продолженіе труда пре-

подавателя Тифлисской 1-й гимназіи К. Гана „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, труда, начатаго въ IV-мъ выпускѣ „Сборника“. Напомнимъ, что 1-я часть труда г. Гана обнимала въ хронологическомъ порядкѣ приблизительно пятнадцать столѣтій, начиная со свѣдѣній о Кавказѣ, находящихся у Гомера, и кончая писателями V столѣтія по Р. Х. Въ настоящемъ выпускѣ находимъ переводъ нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія объ Иберіи и Лазикѣ. Русскій переводъ сдѣланъ съ латинскихъ переводовъ извѣстнаго ученаго прошлаго вѣка Ф. Штриттера, составителя многотомнаго и нынѣ рѣдкаго сборника свѣдѣній о народахъ, нѣкогда жившихъ по Дунаю и около Чернаго моря, Азовскаго, на Кавказѣ, у Каспійскаго моря и далѣе къ сѣверу, свѣдѣній, заимствованныхъ изъ писателей о византійской исторіи ¹⁾. Но переводъ Штриттера провѣренъ и исправленъ по греческимъ источникамъ г. А. Приселковымъ, и дѣйствительно, при чтеніи труда г. Гана читатель нерѣдко находитъ въ сноскахъ слѣды такой провѣрки.

Мы не беремъ на себя оцѣнку точности переводовъ г. Гана, но можемъ заявить, что сдѣланы они хорошимъ литературнымъ языкомъ. Къ сожалѣнію, г. Ганъ отступилъ отъ Штриттера въ томъ, что не указываетъ при каждомъ параграфѣ, на которые разбиты отрывки изъ византійцевъ, изъ какого именно писателя онъ заимствованъ. Такимъ образомъ пользование старымъ сборникомъ Штриттера, нынѣ уже трудно доступнымъ, продолжаетъ оставаться необходимымъ для каждого, кто изучаетъ основательно извѣстія византійскихъ писателей о Кавказѣ. Другой упрекъ, который можно сдѣлать переводчику, — тотъ, что имена нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, а также лицъ, народовъ или городовъ, ими упоминаемыхъ, онъ передаетъ по русски въ ихъ латинской, а не греческой звуковой формѣ. Отсюда является та непослѣдовательность и странность, что рядомъ съ Теофаномъ и Теофилактомъ (а не Теофаномъ и Теофилактомъ) мы находимъ имена: Цедренъ, Синцеллъ, Цекхи (вмѣсто Зихи), Редиангъ (Ῥεδιανγος), Цетпеумъ (Κεττῆου) и т. под.

Извѣстія объ иберахъ, сопоставленныя Штриттеромъ, обнимаютъ періодъ времени въ двѣнадцать столѣтій, впрочемъ, съ пропускомъ нѣ-

¹⁾ Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium et inde magis ad septentrionem incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a F. G. Strittero. Petropoli. MDCCCLXXIX.

скольких вѣковъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній у византійскихъ писателей. Первое извѣстіе относится къ 65 году до Р. Х., ко времени похода Помпея на Арменію и Иберію, а послѣднее—къ 1222 году, ко времени вторженія татаръ въ области Кавказа. Помимо свѣдѣній политическаго характера, освѣщающихъ отношенія иберовъ къ Византіи и Персіи, всякій, интересующійся древнею культурой Кавказа, встрѣтитъ въ извѣстіяхъ византійцевъ объ Иберіи не мало любопытныхъ данныхъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, извѣстіе, помѣщенное подъ 452 годомъ по Р. Х., о происхожденіи иберскихъ куропалатовъ. Здѣсь сообщается преданіе, существовавшее у нихъ, о ихъ происхожденіи отъ жены Уриі, которую обезчестилъ царь и пророкъ Давидъ: „Такимъ образомъ, они называютъ себя родственниками царя и пророка Давида... Поэтому иберскіе вельможи безпрепятственно женятся на близкихъ родственникахъ, полагая, что этимъ они исполняютъ старыи законъ“ (стр. 13). Если, дѣйствительно, у иберскихъ вельможъ въ V вѣкѣ существовалъ этотъ обычай (а въ этомъ нѣтъ основанія сомнѣваться), то намъ представляется возможнымъ предположеніе, что онъ находился въ связи съ сильнымъ вліяніемъ иранской религіи (Зороастра), которое, какъ извѣстно, оставило значительныя слѣды въ народныхъ вѣрованіяхъ въ Закавказьѣ. Извѣстно, что бракъ на близкихъ родственникахъ, называемый *hwaetrodadō*, особенно рекомендуется Зендавестой на томъ основаніи, что сохраняетъ чистоту извѣстнаго рода, и многочисленныя примѣры персидскихъ браковъ на дочеряхъ, сестрахъ и матеряхъ не ускользнули отъ вниманія греческихъ писателей ¹⁾).

Гораздо обильнѣе свѣдѣнія византійскихъ писателей о лазахъ, такъ какъ Лазія въ теченіе долгаго времени входила въ составъ византійскихъ владѣній на Кавказѣ, и изъ-за нея велось не мало войнъ съ Сассанидскими царями. Особенно полны, обстоятельны и интересны извѣстія отъ конца V и всего VI столѣтія. Находясь между двумя враждующими государствами, лазы, которыхъ византійцы считаютъ потомками древнихъ колховъ, подчиняются то Византіи, то Персіи и эксплуатируются равно обоими народами. Къ Византіи ихъ влечетъ общность религіи, но ужасныя вымогательства византійскихъ чиновниковъ и солдатъ иногда вынуждаютъ ихъ искать защиты у персидскаго правительства. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуютъ византійскую опеку послы лавовъ, явившіеся къ Персидскому царю Хосрою

¹⁾ Диогена Лаертійскаго, Страбона.

съ просьбой о союзѣ: „Слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ поступковъ, которые ненавистные римляне позволили себѣ противъ насъ. Оставивъ нашему царю тѣнь верховной власти, они отняли у него всякую свободу дѣйствій, такъ что онъ теперь не что иное, какъ слуга, боящійся полководца, приказывающаго ему. А въ странѣ нашей они поставили массу войска, не для того, чтобъ охранять ее отъ неприятельскаго насилія (потому что насъ никто изъ сосѣдей, за исключеніемъ римлянъ, не обижаетъ), а на самомъ дѣлѣ, это сдѣлано только для того, чтобы, заперевъ насъ какъ въ тюрьмѣ, овладѣть нашимъ имуществомъ. Посмотри, что они придумали сдѣлать съ жизненными припасами, чтобъ ограбить насъ кратчайшимъ путемъ. То, что у нихъ въ излишкѣ, они навязываютъ лазамъ и заставляютъ ихъ противъ воли покупать; а что наша страна производитъ полезнаго для нихъ, они требуютъ, чтобъ имъ продавалось только для виду, такъ какъ цѣны на всѣ товары назначены произвольно властвующими надъ нами. И такъ они отбираютъ, вмѣстѣ съ нашими запасами, и наше золото, подъ приличнымъ названіемъ торговли, на самомъ же дѣлѣ съ величайшимъ насиліемъ; нашъ начальствующій полководецъ самъ все перекупаетъ и пользуется своею властью только для того, чтобъ изъ нашей нищеты извлечь себѣ выгоду“ (стр. 77). Но не менѣе тягостно было положеніе лазовъ и подъ властью персовъ, когда Хосро-Аноширванъ, овладѣвъ византійскимъ городомъ Петрою, вытѣснилъ временно византійцевъ изъ Лазики и прекратилъ подвозъ византійскихъ продуктовъ въ эту страну. Въ извѣстіяхъ отъ этого времени (545—549 гг.) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи лазовъ: „Лазы съ неудовольствіемъ сносили персидское владычество. Персы живутъ проще и бѣднѣе всякаго другаго народа; нравы у нихъ такіе, что никто не можетъ ихъ переносить. Лазовъ больше всего поражало различіе въ религи и общественной жизни. Лазы болѣе другихъ христіане, у персовъ же всѣ черты религи совершенно другія. Кромѣ того, во всей Лазикѣ нѣтъ соли, тамъ также не произрастаетъ ни пшеницы, ни винограда, ни фруктовъ, а все это привозится къ лазамъ на судахъ прибрежными римлянами; вмѣсто денегъ, лазы платили имъ шкурами, невольниками и всѣмъ, что у нихъ имѣлось въ изобиліи. Понятно, что, будучи лишены этой торговли, они были очень недовольны“ (стр. 83).

Въ Лазикѣ, какъ въ странѣ, подверженной вліянію двухъ враждующихъ народовъ, были сторонники и Византіи, и Персіи. Въ горячихъ рѣчахъ, которыя произносились въ ихъ народныхъ собраніяхъ послѣ

коварнаго убійства лазскаго цари Губаза римскими чиновниками, раздавались сильныя голоса въ пользу союза съ персами и съ византийцами. Такъ, одинъ лазскій вельможа всячески громилъ римлянъ, рисуя въ самыхъ черныхъ крабкахъ ихъ коварную политику и восхвалялъ чело-вѣколюбіе и великодушіе персовъ (стр. 145). Другой ораторъ, напротивъ, указывалъ на гибельныя послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ союза съ персами: „Самымъ большимъ грѣхомъ“, говорилъ онъ,— „будетъ для насъ—отказаться отъ истинной вѣры, отъ Святыхъ Тайнъ и христіанскаго ученія! Какой же иной видъ будетъ имѣть переходъ нашъ къ самымъ сильнымъ врагамъ Всемогущаго? Если они будутъ намъ мѣшать при отправленіи нашихъ религіозныхъ обрядовъ и обратятъ насъ въ свою вѣру, что можетъ случиться ужаснѣе этого для живыхъ и мертвыхъ?“ (стр. 149).

Не входя въ подробности по недостатку мѣста, мы должны замѣтить, что византийскія извѣстія о Лазикахъ, особенно отъ VI вѣка, содержатъ не мало цѣннаго и любопытнаго для закавказской археологій, исторіи культуры и этнографіи. Такъ, по этимъ извѣстіямъ видно, что лазы были народъ сравнительно культурный. Византийцы утверждаютъ, что „они вовсе не варвары и не ведутъ такого образа жизни, какъ послѣдніе. Вслѣдствіе сношеній съ римлянами, они пришли къ государственному строю и основанному на законахъ обряду жизни.“ (стр. 136). Вѣтъ можетъ, это извѣстіе имѣетъ значеніе для изслѣдователей кавказскаго обычнаго права, которые, кажется, въ настоящее время открываютъ въ немъ слѣды вліянія римскихъ юридическихъ понятій. Любопытно далѣе указаніе на то, что у лазовъ были письменныя документы отъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Лазскіе послы въ сороковыхъ годахъ VI вѣка говорили Персидскому царю: „Въ прежніе вѣка, когда колхи были союзниками персовъ, они оказывали персамъ много добра и отъ нихъ получали то же; мы сами имѣемъ много письменныхъ доказательствъ этому, и въ твоёмъ дворцѣ хранятся таковыя же“ (стр. 76). Археологъ съ интересомъ отмѣчаетъ свидѣтельство о томъ, что персы проложили дорогу въ нѣкоторыхъ частяхъ Закавказья: „Справедливо можно удивляться старанію и энергіи персовъ, которые изъ Иберіи въ Колхиду чрезъ высокія горы, обросшія кустами, ущелья и густыя лѣса, гдѣ прежде едва могъ пройти челоувѣкъ безъ ноши, построили такую хорошую дорогу, что по ней не только съ легкостью двигалась ихъ конница, но вели, въ случаѣ надобности, на войну также и слоновъ“ (стр. 112). Не менѣе интересно для археолога извѣстіе о развитіи гончарнаго про-
часть сслхх, отд. 2.

изводства въ Закавказьѣ въ VI вѣкѣ. Такъ, не далеко отъ г. Телефиса, былъ извѣстный базарь, гдѣ продавалась глиняная посуда, откуда эта мѣстность и получила названіе Олларіи (Ollaria) или, по гречески, Хитрополи (Χιτροπόλια) (стр. 127). Для антропологическихъ соображеній, быть можетъ, пригодится извѣстіе о значительной разнородности византійскихъ наемныхъ войскъ, занимавшихъ Лазикъ. Здѣсь мы находимъ тцановъ, исаврійскихъ пращниковъ, отряды лонгобардовъ, геруловъ, мавровъ, а среди начальниковъ упоминается гуннь Ельмнигиръ и славяннъ (Антъ) Дабрагевъ (Доброгость?) (стр. 159).

Въ заключеніе замѣтимъ, что ко второй части „Извѣстій древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ приложенъ указатель именъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, далеко не столь обстоятельный и полный, какъ приложенный къ 1-й части.

Второй отдѣлъ рассматриваемаго выпуска, содержащій въ себѣ—пятнадцать статей, открывается полезнымъ предисловіемъ, написаннымъ г. А. Словинскимъ. Авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу каждой статьи, указывая на однородные матеріалы, помѣщенные въ другихъ выпускахъ сборника, отмѣчая параллели въ сказочныхъ сюжетахъ и т. п. Замѣчанія г. Словинскаго помогаютъ читателю до нѣкоторой степени разобраться въ богатомъ этнографическомъ матеріалѣ, доселѣ изданномъ на Кавказѣ. Первые двѣ статьи (Везирова — О татарскихъ школахъ и Захарова — Народное обученіе у закавказскихъ татаръ) въ связи съ раньше напечатанною статьей Амирова — „Среди горцевъ сѣвернаго Дагестана“ (см. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VII, отд. III) даютъ намъ возможность составить себѣ очень полное понятіе о мусульманскихъ школахъ на Кавказѣ, о ихъ устройствѣ, методѣ преподаванія, обращеніи муллы-педагога съ учениками, объ уровнѣ образованія учителя, о школьныхъ нравахъ и т. п. Оба автора, сами учившіеся въ низшихъ школахъ, рисуютъ намъ грустную и подчасъ омерзительную картину мусульманской системы обученія, которая въ состояніи притупить самыя блестящія способности учениковъ. Отношенія учителя къ ученику напоминаютъ давно прошедшія времена Домостроя: „татаринъ, опредѣляя своего сына въ мектебъ, обыкновенно, даетъ муллѣ полное право бить его сына, такимъ выраженіемъ: „возьми себѣ, ахундъ, его мясо, а мнѣ возврати кожу да кости“ (стр. 8 и 11). О развитіи нравственныхъ понятій у учениковъ нечего и думать; муллы, кромѣ преподаванія, занимаются нерѣдко ворожбой, гаданьемъ, гѣ-

ченьемъ и всячески морочать простодушныхъ согражданъ, особенно женщинъ. Иногда ученики, по приказанію муллы, ходятъ „на добычу“, то-есть, добываютъ всякими путями для него куръ, яйца и т. п. Одинъ мулла заставлялъ учениковъ воровать для него дрова и самъ помогалъ имъ въ этомъ. „Иногда ученики у кочевниковъ уводили для муллы овецъ, барановъ, даже коровъ. Помню“, говоритъ г. Захаровъ, — „разъ одинъ ученикъ привелъ къ муллѣ украденнаго барана; вслѣдъ за нимъ явился и хозяинъ за бараномъ, но ученики ловко скрыли барана въ классѣ, и хозяинъ не могъ найти его“ (стр. 48). Словомъ, если школа должна давать подготовку для жизни, то мусульманская школа достигла этого вполнѣ и выпускаетъ своихъ питомцевъ во всеоружіи для „борьбы за существованіе“.

Авторъ послѣдней статьи—А. Захаровъ—помѣстилъ въ томъ же выпускѣ 64 анекдота о пресловутомъ муллѣ Насръ-Эддинѣ изъ своего собранія, содержащаго болѣе 200 номеровъ. На имя Насръ-Эддина, равно популярное среди татаръ, персовъ, турокъ, армянъ и вообще среди населенія передней Азіи, наслоилась масса анекдотовъ, въ которыхъ онъ является то шуткомъ, то дуракомъ, то остроумнымъ философомъ и весьма часто отъявленнымъ циникомъ. Не мало уже издано о немъ анекдотовъ, записанныхъ на Кавказѣ, но запасъ ихъ далеко не исчерпанъ. Вѣроятно, всякому, кто записывалъ народныя сказки среди туземцевъ Кавказа, случалось слышать о какой-нибудь продѣлкѣ этого восточнаго Eulenspiegel'a, но преимущественно о такой, которая, по европейскимъ понятіямъ о пристойности, не можетъ быть напечатана. По такимъ же соображеніямъ и г. Захаровъ могъ обнародовать только часть своего сборника.

Изъ пяти татарскихъ сказокъ, записанныхъ въ Геокчайскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи и сообщенныхъ г. Н. Казбекомъ, наибольшій интересъ представляетъ 5-я „Джейрана“. Это—весьма распространенный сюжетъ о женѣ, оклеветанной предъ мужемъ, изгнанной, страдающей и въ концѣ концовъ, послѣ цѣлаго ряда походовъ, собираемой въ пари у другаго народа. Г. Словинскій указалъ подобную сказку, напечатанную въ VII выпускѣ „Сборника матеріаловъ“ и т. д. („Сакха-Юсуфъ“); но можно указать рядъ относящихся къ этому циклу разказовъ, какъ, напримѣръ: былинѣ о Дворянинѣ Безчастномъ (Рыбниковъ, II, № 51), сказку Аванасьева № 179 о царевичѣ Василии, самарскую сказку (Садовниковъ, № 18), тюркскую сказку „Женщина-князь“ въ сборникѣ Радлова (Proben

der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, t. IV, pp. 141—145), сказку въ Тутти-Намэ и друг. ¹⁾).

Въ слѣдующую сказку „Гюль и Сенейвизъ“, относящуюся къ тому же широко распространенному сюжету, какъ наша „Царевна-лягушка“, вставлена другая (стр. 101) о коварной женѣ, обращающей мужа въ животное (осла), напоминающая по сюжету другія кавказскія сказки, напримѣръ, ингушскую о султанѣ (см. Сборн. свид. о кавказскихъ горахъ, IV, отд. II, стр. 21—26) и осетинскую (одно изъ приключеній Урызмага—Осет. этюды, I, 57 — 59). Къ тому же сюжету относится обращеніе Добрыни чародѣйкой Мариной въ тура-золотые рога и множество другихъ европейскихъ сказокъ.

Статья г. Калашева „Бабушкины разказы“ прекрасно характеризуетъ положеніе населенія Закавказья во времена владчества Персидскихъ хановъ. Бабушка разказываетъ внукамъ нѣкоторые типическіе случаи произвола хановъ — похищеніе дѣвушекъ, издѣвательство надъ христіанскими святынями и т. п. Характеренъ фактъ, что въ священники армянскаго села былъ назначенъ ханомъ Ширванскимъ одинъ отъявленный воръ за услугу, оказанную хану, именно за то, что выкралъ для хана понравившуюся ему лошадь (стр. 117). Можно согласиться съ авторомъ, что записываніе подобныхъ разказовъ отъ стариковъ, кромѣ историческаго интереса, можетъ имѣть и нравственное значеніе для образованныхъ туземцевъ.

Въ статьѣ „Изъ народной словесности шапсуговъ“ г. Кайтмазовъ сообщаетъ записанное имъ сказаніе объ Адемирканѣ, представляющее нѣкоторыя новыя черты, наслонившіяся въ черкесскомъ эпосѣ на это, по видимому, историческое лицо. Въ доселѣ напечатанныхъ (въ V и VI выпускахъ „Сборника“) кабардинскихъ преданіяхъ объ Адемирканѣ встрѣчаются нѣкоторые историческіе отголоски, восходящіе ко временамъ, когда черкесы много терпѣли отъ крымскихъ хановъ. Такъ, въ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. Лопатинскому кабардинцемъ Кашежевнымъ, является дѣйствующимъ лицомъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, при которомъ бештаускіе (пятигорскіе) черкесы искали покровительства у царя Ивана IV (въ 1556 г.). Изданное въ настоящемъ выпускѣ шапсугское сказаніе содержитъ въ себѣ превосходный разказъ о смерти національнаго черкесскаго героя, представляющій варіантъ кабардинскому разказу о томъ же трагическомъ

¹⁾ См. А. Н. Веселовскаго, Южно-русскія былины, XI. *Ramnaud, La Russie érique*, p. 125.

событiи (вып. VI, отд. II, стр. 45). Какъ здѣсь, такъ и тамъ, Адемирканъ падаетъ жертвой мести за оскорбленiе, нанесенное имъ кабардинскому князю изъ рода Беслановыхъ. Кабардинскiй разказъ не упоминаетъ имени князя; шапсугскiй — называетъ его Пцапдой. Этотъ тучный князь, вѣдвiвший на охоту не верхомъ, а въ колесницѣ, обидѣлъ Адемиркана, сказавъ, что его лукъ слабъ. За это герой зло подшутилъ надъ княземъ. Когда охотники выгнали на Пцапду громаднаго кабана, Адемирканъ пустилъ въ него стрѣлу съ такою силой, что, прошивъ кабана, она пробила ободъ колеса экипажа Пцапды и ушла въ землю по самую перья. Эту обиду Адемирканъ довершаетъ еще тѣмъ, что называетъ князя бабой (въ кабардинскомъ разказѣ — толстякомъ). Князь рѣшился употребить всѣ средства, чтобы за это погубить Адемиркана. Онъ беретъ съ своего зятя, лучшаго друга Адемирканова, клятву, что онъ исполнитъ его просьбу и, получивъ обещанiе, велитъ убить его друга ¹⁾. Камболеть горюетъ, но долженъ исполнить данную клятву. Онъ приглашаетъ Адемиркана на охоту и договариваетъ его замѣнить своего дивнаго коня Жеманшарыкъ другимъ. Въ лѣсу же сидѣли въ засадѣ люди, которые должны были убить Адемиркана. „Когда охотники приблизились къ тому мѣсту“, — разказываютъ шапсуги, — „то Камболеть не выдержалъ, и у него изъ глазъ показались слезы; онъ отеръ глаза рукавомъ. „Что съ тобой?“ спросилъ его Адемирканъ. „Ничего, глаза болятъ отъ вѣтра“. Когда Камболеть вторично сталъ утирать слезы, Адемирканъ недвѣрчиво спросилъ его: „Ты говоришь: отъ вѣтра болятъ у тебя глаза, а вѣтра почти нѣтъ! Ты, кажется, плачешь?.. Отчего?“ ... Камболеть ничего не отвѣчалъ, но у него еще сильнѣе покатились слезы, и онъ отвернулся въ другую сторону, чтобы скрыть это. „Не плачь, Камболеть!“ Такъ заговорилъ Адемирканъ, пенявъ его невѣсту. — „Отъ этого все равно пользы больше не будетъ: ты сдѣлалъ, что сдѣлалъ, и лучше отъѣзжай дальше, чтобы глаза мои не видѣли тебя“. Тутъ онъ повернулъ лошадь въ другую сторону; но въ это время на него бросились спрятавшiеся въ лѣсу люди. Адемирканъ сталъ обороняться. Убийцы его сломали ему идали стрѣлами бедра, и онъ упалъ, но все-таки никого близко къ себѣ не допускалъ. Между тѣмъ Жеманшарыкъ почувала бѣду своего господина и, проломавъ стѣну конюшни, прискакала къ нему, стала около него и начала рыдать. Но Адемирканъ встать уже не могъ. Тогда она упала передъ нимъ на колѣна. Адемирканъ все-таки не

¹⁾ Въ кабардинскомъ разказѣ убийцей является молочный братъ Адемиркана.

въ состояніи былъ съѣсть на нее; тутъ онъ обнялъ ее за шею, поцѣловалъ въ лобъ, погладилъ и сказалъ: „Отъ меня не жди ужъ ничего, я—не твой, ты—не моя, попадись другому, достойному тебя сѣдоку“. Жеманшарыкъ вскочила, заржала и скрылась изъ виду. Адемирканъ умеръ“... (стр. 154).

Едва ли въ черкесскихъ сказаніяхъ найдется разказъ болѣе трогательный, чѣмъ разказъ о смерти Адемиркана, и лучше характеризующій понятія черкеса о вѣрности данному слову и его страстную привязанность къ коню. Но эти разказы, характеризующіе „кавказскихъ рыцарей“, скоро окончательно умолкнутъ на Кавказѣ и: оттуда съ рыцарями, не уживающимися среди новыхъ условій культурной жизни, перейдутъ въ Турцію. Особенно слѣдуетъ спѣшить записывать сказанія у закубарскихъ черкесовъ (къ которымъ принадлежатъ шапсуги), представляющихъ въ настоящее время лишь скудные обломки дѣлаго ряда нѣкогда многочисленныхъ черкесскихъ племенъ. Но и эти обломки неудержимо стремятся въ Турцію, и скоро отъ шапсуговъ, которыхъ теперь считается уже только нѣсколько сотъ душъ, не останется и слѣда на Кавказѣ.

Въ статьѣ г. Ломинадзе — „Изъ народной словесности имеретинъ“ — наибольшій интересъ представляетъ новый вариантъ широко распространеннаго на Кавказѣ иранскаго сюжета о бѣѣ Ростомъ съ сномъ. Въ моей статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ (Этнограф. Обзорѣніе 1889 г., кн. II), я рассмотрѣлъ нѣсколько вариантовъ этого мотива — сванетскій, шпавскій, два осетинскихъ. Имеретинскій разказъ оказывается въ ближайшемъ родствѣ съ шпавскимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и здѣсь, Ростомела случайно видитъ ручей крови. Пойдя по направленію, откуда течетъ кровь, Ростомела увидѣлъ девятиголоватаго дэви, опирающаго подбородкомъ на остріе пики и постоянно смотрящаго по одному направленію. Когда же его одолѣваетъ дремота, онъ наткнется на остріе, сейчасъ же просыпается, а изъ подбородка ручьемъ течетъ кровь. (Въ шпавскомъ разказѣ вмѣсто дэви является гигантскій черный арабъ, натыкающійся на кинжалъ, когда начинаетъ дремать). На вопросъ Ростомелы, кого караулитъ дэви, послѣдній разказываетъ, что у него отнялъ жену 12-головый дэви, который долженъ пройти мимо его и съ которымъ онъ хочетъ биться на смерть. (Въ шпавскомъ разказѣ черный арабъ поджидаетъ краснаго, чтобъ отбить у него красавицу). Ростомела обѣщаетъ помочь первому дэви, и когда показался второй, онъ поборолъ его, отрѣзалъ ему головы

и возвратилъ сопровождавшую его красавицу ея мужу. (Въ пшавскомъ разказѣ Ростомъ помогаетъ черному арабу только крикомъ, отнявшимъ бодрость у краснаго). Затѣмъ Ростомела, самъ плѣннившись красавицей, убиваетъ ея мужа и вступаетъ съ нею въ связь. (Въ пшавскомъ разказѣ Ростомъ совершаетъ это убійство изподтишка, такъ какъ не можетъ справиться съ великаномъ въ открытомъ бою, не можетъ даже поднять его кинжала). Проведя одну ночь съ женою дэви, Ростомела на другое утро уходитъ, велитъ ей назвать будущаго сына Абрамомъ и, когда онъ вырастетъ, нашить ему на плечи двѣ красныя ленточки, по которымъ Ростомела могъ бы узнать сына, если съ нимъ впоследствии встрѣтятся. Итакъ, въ имеретинской передачѣ иранское имя сына—Зорабъ—замѣнено именемъ Абрамъ, въ которомъ скрывается имя Амирамъ, появившее и въ другихъ кавказскихъ вариантахъ въ сказанія о Ростомѣ чрезъ контаминацію со сказаніями изъ цикла Амирама Дареджаніани ¹⁾. Сынъ Ростомелы Абрамела (—ела—суффиксъ, придающій имени уменьшительное значеніе) еще трехлѣтнимъ мальчикомъ отличается непомерною силой и вырываетъ съ корнемъ цѣлыя деревья. Діаволь, въ видѣ женщины, побуждаетъ его сбросить примѣту (ленточки). Незнанный отцомъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ бой, при чемъ борцы всаживаютъ другъ друга въ землю. Отецъ, всадивъ сына въ землю по самую шею, отрубаетъ ему голову и затѣмъ замѣчаетъ на его плечѣ остатки ленточекъ. Въ отчаяніи онъ посылаетъ за „живою водою“, но діаволь, въ видѣ женщины, отвлекаетъ его отъ намѣренія оживить сына. Женщина начинаетъ прядь Ростомелой мить черную шерсть и на его вопросъ, неужели она думаетъ, что шерсть побѣлѣетъ, говоритъ: „Она такъ же не побѣлѣетъ, какъ не оживетъ и твой сынъ“. (Въ пшавскомъ разказѣ сходный мотивъ приуроченъ къ тому моменту, когда Ростомъ по убіеніи сына бросился въ море и не хотѣлъ оттуда выйти на землю). Наконецъ, Ростомела, бросивъ мысль воскресить сына, сломалъ себѣ самъ руку, которою отрѣзалъ ему голову и выразилъ свое горе въ слѣдующихъ стихахъ: „Ростомъ герой, Ростомъ дэви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ я. за то руку себѣ изуродовалъ“ (стр. 170).

Имеретинскій вариантъ обдѣнъ деталями, чѣмъ пшавскій, съ которымъ онъ представляетъ наибольшее сходство, но все же не лишень интереса для вопроса о переработкѣ иранскаго сюжета о боѣ

¹⁾ См. Осетинскіе вѣтды, ч. I, стр. 145—147, сказаніе о Дарезановыхъ.

Ростома съ сыномъ на кавказской почвѣ. Имеретинскій своимъ началомъ (борьба двухъ великановъ изъ-за женщины) подтверждаетъ, что этотъ эпизодъ, неизвѣстный изъ персидской версии Фердуси, былъ прикрѣпленъ къ похождениямъ Ростомъ, по видимому, на Кавказѣ, но, вѣроятно, еще очень давно. Намъ кажется, что мотивъ овладѣнія Ростомомъ женою какого-то великана (дэви или чернаго араба) находится въ какомъ-то отношеніи къ мотиву о связи Ильи Муромца съ женою великана Святогора. Но разъяснить себѣ это отношеніе мы пока не въ состояніи. Въ виду того, что этотъ мотивъ кавказской „Ростоміады“ принадлежитъ, по видимому, къ циклу сказаній о Дареджанахъ¹⁾, есть надежда, что онъ можетъ быть уясненъ, когда эти сказанія будутъ намъ подробнѣе извѣстны. Немалую услугу оказали бы грузинологи изслѣдователямъ народныхъ сказаній, еслибы поторопились перевести на русскій языкъ извѣстные на Кавказѣ списки поэмы о походахъ Дареджановъ и объ Амيرانѣ, не дожидаясь критическаго изданія самаго текста, которое можетъ замедлиться²⁾.

Въ преданіи о Рокапи, сообщаемомъ далѣе г. Ломинадзе (стр. 179) любопытно смѣшеніе этой женской личности съ Амيرانомъ: „Изображаютъ Рокапи имеретини въ видѣ безобразнѣйшей старухи, съ четырьмя длинными клыками, выдвинутыми вперѣдъ, съ длиннымъ волосатымъ хвостомъ, со впалыми щеками, горящими глазами, костлявыми руками и ногами... Существо это—страшное, злое, и потому оно привязано самимъ Богомъ, посредствомъ толстой желѣзной цѣпи, къ длинному желѣзному шесту, воткнутому въ землю:

¹⁾ См. нашу статью — Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ — *Этнограф. Обзор.*, 1889, II, стр. 15.

²⁾ Кавказскій грузинологъ А. Н. Гренъ придаетъ большое значеніе упомянутымъ грузинскимъ народно-книжнымъ сказаніямъ. Позволю себѣ привести слѣдующія его слова изъ частнаго письма ко мнѣ: „Еслибы вы могли прочесть этотъ удивительный романъ! Къ сожалѣнію, все имѣющееся списки его крайне плохи и даже небрежно написаны. Какая великолѣпная картина востока отъ Балха до сердца Йемена (Бадри Яманисдае значитъ Бадри, сынъ Йеменца) раскрывается тамъ и въ какомъ удивительномъ конгломератѣ проходить предъ читающимъ татары, турки, хазары и др. племена! Въ четвертой главѣ его есть эпизодъ о приключеніи героя Амيرانа съ циклопами, запирающими его въ глубокую пещеру. Я положительно думаю, что, подобно эпозамъ Нибелунговъ въ Германіи, въ Грузіи есть эпопея Дареджановъ, и что только отрывками изъ нея являются повѣсть объ Амيرانѣ и разказъ о плачевной судьбѣ Пестинъ-Дареджани“.....

этого шесть одним концом доходит до самого центра земли. Рокани старается вырвать из земли желѣзный шестъ и уйти; съ этою цѣлью она постоянно колеблетъ его въ землѣ; но, какъ только она доходитъ до цѣли, вдругъ появляется „трясохвостка“ (пташка), садится на шестъ и начинаетъ вертѣть хвостомъ; а Рокани беретъ промадныхъ размѣровъ мелотокъ и всю всѣхъ силъ замахивается на пташку, но послѣдняя улетаетъ, и ударъ всю свою тяжесть по-падаетъ на шестъ, который снова уходитъ въ землю до самого центра ея. Такъ Рокани мучится изъ года въ годъ, и спасенія ей нѣтъ....

Въ моей статьѣ „Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ“¹⁾, я разсмотрѣлъ всѣ известныя кавказскіе разказы этого типа, и въ томъ числѣ имеретинское преданіе о Рокани, сообщенное мнѣ княземъ В. С. Микеладзе. Но, въ этомъ преданіи, совпадающемъ почти во всѣхъ деталяхъ съ вышеприведеннымъ, Рокани представляется такимъ же великаномъ-мужиной, какъ Амиракъ, Артаваздъ и другіе кавказскіе прометей. Такъ какъ нѣтъ основанія не довѣрять свидѣніямъ, собраннымъ г. Доминадзе, слѣдуетъ думать, что имеретинцы все-гдѣ смѣшиваютъ Рокани-Амирака съ какою-то женскою личностію, напомнимающею нашу бабу-ягу.

Грузинская сказка о змѣѣ-царѣ, сообщаемая г. Санакоевымъ, относится къ весьма распространенному въ народныхъ сказкахъ сюжету: змѣѣ, за оказанную ему человѣкомъ услугу, даетъ ему способность понимать языкъ всѣхъ животныхъ. Эта способность доставляетъ ему богатство, которое, какъ и жизнь, онъ рискуетъ потерять, если сообщитъ кому-нибудь свою тайну. Жена надѣдаетъ мужу до такой степени разспросами о томъ, какъ онъ приобрѣлъ богатство, что онъ рѣшаетъ разказать ей все и умереть. Сдѣлавъ приготовленія къ смерти, онъ подслушиваетъ разговоръ домашнихъ животныхъ, осуждающихъ его за поблажку женѣ, передумываетъ и, вмѣсто того, чтобъ сообщить ей тайну, наказываетъ ее. Съ имеретинскою сказкой можно сопоставить русскую „Охотникъ и его жена“ (Афанасьевъ, VI, № 47), сербскую „Нѣмушти језик“ (Српске нар. приповијетке, № 3); нѣмецкую „Die weiße Schlange“ (Grimm, Kinder- und Hausmärchen, t. I, № 17), недавно изданную бурятскую „Охотникъ“ (Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя Н. М. Хангаловымъ, О. Н. Зацепляевымъ и другими. Иркутскъ. 1889) и мног. друг.

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв., часть ССХХV, отд. II, стр. 100—116.

Оставляя, по недостатку мѣста, безъ замѣчанія другія народныя сказки, напечатанныя въ разсматриваемомъ выпускѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя указанія на сходные сказочные мотивы уже сдѣланы г. Словинскимъ, отмѣтимъ въ заключеніе, что въ концѣ выпуска помѣщенъ весьма нелишній для читателя алфавитный указатель нѣкоторыхъ словъ (арабскихъ, татарскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и др.), встрѣчающихся въ этнографическомъ и историческомъ матеріалѣ II-го отдѣла.

Всес. Миллеръ.

Новые матеріалы для изученія литовскаго именослова.

И. Я. Спрописъ. Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россійскаго земскаго суда. Вильна. 1888.

Инвентари иманій XVI столѣтія (Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею, томъ XIV). Вильна. 1888.

Приведеніе въ извѣстность и объясненіе наименованій мѣстъ чрезвычайно важно для изслѣдованія языка вообще; поэтому новые сборники литовскихъ именъ представляютъ весьма существенное пособіе для изученія литовскаго языка, который, какъ извѣстно, изъ всѣхъ живыхъ индо-европейскихъ языковъ считается въ настоящее время старѣйшимъ и наиболѣе близкимъ къ общему ихъ праотцу, языку арійскому. Оба вышеназванные сборника касаются Литвы, при чемъ первый изъ нихъ сообщаетъ названія литовскихъ мѣстностей, а второй открываетъ намъ богатый источникъ для изученія частнаго быта литовцевъ въ XVI вѣкѣ и даетъ цѣнный матеріалъ для изученія именъ лицъ. Въ виду этого представляется болѣе удобнымъ совмѣстное разсмотрѣніе обоихъ сборниковъ съ филологической точки зрѣнія.

Въ изданіяхъ Виленской археографической коммиссіи уже раньше обнародовались драгоценныя матеріалы по исторіи литовскаго языка, въ указателяхъ именъ и фамилій, мѣстъ и предметовъ слѣдующихъ изданій: 1) Алфавитный указатель къ II, III, IV и V томамъ Актовъ, изданныхъ Виленскою археографическою коммиссіею. Вильна. 1872; 2) Алфавитный указатель къ актовой книгѣ, изданной Виленскою археографическою коммиссіею въ 1869 году „Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ Григорія Богдановича Воловича etc.“ Вильна. 1873; 3) Алфавитный указатель къ изданію Ординаціи королевскихъ пущъ 1641 года. Вильна.

1871. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ встрѣчаются этимологическія объясненія литовскихъ именъ лицъ и мѣстъ, основанныя на знаніи г. Спрогисомъ латышскаго нарѣчія. Однако, при объясненіи темныхъ словъ, въ упомянутыхъ изданіяхъ не обращается достаточнаго вниманія на литературу предмета и особенно на попытки объясненія древнепрусскихъ именъ; этотъ же недосмотръ усматривается и въ любопытной статьѣ одесскаго профессора Юргевича: Опытъ объясненія именъ князей Литовскихъ. Москва. 1884 ¹⁾). Объясненію старопрусскихъ именъ мѣстъ и лицъ посвящены нижеслѣдующія изслѣдованія: 1) Опытъ кенигсбергскаго профессора А. Беценбергера: *Die Bildung der altpreussischen Personennamen*. 1876. 51 стр.; 2) Ф. Нессельмана „Über Altpreussische Ortsnamen“; 3) Ф. Гоппе *Erklärung von Ortsnamen in Preussen*. 1877; 3) R. J. *Preussische Ortsnamen*. 1881, и другія статьи Беценбергера по исторической географіи и по вопросу о разграниченіи прусовъ отъ литвы: *Die litauisch-preussische Grenze* (1882) и *Die Verbreitung einiger Ortsnamen in Preussen* (1883) ²⁾). Наличный матеріалъ, въ актахъ сохранившихся названій мѣстъ и лицъ прусскихъ, собранъ В. Пирсономъ въ его *Altpreussischen Namenscodex* 1873 и 1876 гг. (см. I. с. стр. XLIX).

Труды И. Я. Спрогиса, въ изданіяхъ Виленской археографической комиссіи, могутъ служить пособіемъ для изученія литовскаго языка только съ нѣкоторыми ограниченіями: прежде всего необходимо принять во вниманіе множество полонизмовъ и руссизмовъ въ транскрипціи литовскихъ именъ мѣстъ и лицъ. Дѣло въ томъ, что виленскіе акты написаны частью польско-латинскими буквами, частью русскими, при чемъ встрѣчаются—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ неточности передачи литовскихъ звуковъ, такъ какъ писцы бывшаго великаго княжества Литовскаго подчинялись вліянію того славянскаго нарѣчія, на которомъ данные акты велись. Необходимо помнить, что въ русскомъ алфавитѣ вообще не примѣняется буквально-звуковой принципъ, что въ немъ проведенъ также принципъ поскладной; въ латинно-польскомъ же алфавитѣ зачастую недостаточно точно изображаются шипящіе звуки: *ш, ж, ч*. Вслѣдствіе того при передачѣ въ русскую транскрипціи, литовскихъ словъ, написанныхъ въ польскихъ документахъ латинскими буквами, часто вмѣсто *ж* (*ż*) пи-

¹⁾ Срв. *Archiv f. slav. Philologie*, томъ VIII, стр. 532.

²⁾ Статьи эти помѣщены въ кенигсбергскомъ ежемѣсячникѣ *Altpreussische Monatsschrift*. Подробности см. въ моей прусской библиографіи Катихазисъ Н. Даушви. С.-Пб. 1886, стр. XLIV—L.

шется з (z): отсюда получается латышская форма вмѣсто литовской ¹⁾. Г. Спрогисъ не далъ себѣ отчета въ этомъ явленіи и, къ сожалѣнію, самъ нерѣдко впадалъ въ эту ошибку. Въ его Словарѣ Жомойтской земли, составленномъ на основаніи архивнаго описанія сорока актовыхъ книгъ, изъ которыхъ собрано всего 9.792 названія, встрѣчаются формы совершенно немислимыя въ литовскомъ языкѣ. Таковы, во первыхъ, слова подъ литерою з, какъ *Забите* вм. *Жабите*; *зардинъ вѣтисъ* вм. *жардинъ вѣтисъ*; *Зверона* вм. *Жверона*; *Звирблишки* вм. *Жвирблишки*; *Звирзда* вм. *Жвир(г)жда* и т. д.; въ Ординаціи королевскихъ путей (I. с. стр. 243—325): *гравзупа* вм. *Граужупа*; *гразы* вм. *гражы*; *Звиргдины* вм. *Жвиргдины*. Въ алфавитномъ указателѣ вышеприведенныхъ инвентарей мы встрѣчаемъ также формы *Звѣрбле* вм. *Жвѣрбле*; *Зарстайце* вм. *Жарстайце*; *Зиздра* вм. *Жиздра* и даже *Зулунъ* (ручей) вм. *Жалуне*. Последнее слово особенно ясно показывается, на сколько при чтеніи литовскихъ документовъ необходимо знать литовскій языкъ. Въ оригиналѣ, написанномъ въ 1580 году, слово это встрѣчается три раза, и въ томъ числѣ два раза пишется *Zuluru*, разъ *Zol-uru* (*rucszay u bloto*). Литовской звуковой формѣ болѣе вѣрнѣе соответствуетъ начертаніе *Zolure*, то-есть, *Жолупе* вм. *Жалупе*, виленскіе же издатели въ алфавитный указатель внесли почему-то безсмыслицу „*Zul-uru*“. Въ инвентарѣ имѣнія Титовянъ (I. с. стр. 11) встрѣчаются параллельно формы *Шалышники* и *Солешники*, изъ которыхъ единственно первая соответствуетъ литовскому произношенію *šalėšnikai, šalėšnikė*, то-есть, въ ополченной номенклатурѣ *Малые* и *Большие Солечники* (Виленскаго уѣзда) ²⁾. Въ вторыхъ, г. Спрогисъ говоритъ на страницѣ XII своего словаря: „послѣ шипящихъ буквъ (?=звукѣ) *ж, ч, ш, ѣ*, а также послѣ *р*, часто употребляемое, въ древнемъ западно-русскомъ языкѣ, твердое *и* (*ш*), мною передано вездѣ чрезъ обыкновенное *и*, употребляемое вмѣсто этихъ буквъ въ современномъ намъ русскомъ языкѣ“. Это исправленіе въ угоду русскаго современнаго языка совсѣмъ не соответствуетъ литовскому произношенію. Напримеръ, *Шидлово* не *Šidłowo*, а *šidłovo*, *Ширма* читай *širma*, не *Širma* и т. д. Что касается не смягченнаго *р*, то о немъ нужно сказать, что, напримеръ, *Ринга* въ литовскомъ языкѣ произносится *Ringa*, а не *Ringa*, то-есть, *і* не смягчаетъ предыдущаго согласнаго.

¹⁾ Известно, что славянскому и латышскому *z*, *s* въ литовскомъ соответствуетъ *ж, ш*. Напримеръ, *земе, земля* по литовски — *žeme* (ср. *Bielenstein, Lettische Sprache. Berlin. 1863, I, стр. 6*).

²⁾ Ср. у *Спрогиса, Слов.*, апр. 329 *Шальчене, село* въ землѣ Жомойтской.

Русско-польское вліаніе въ изображеніи литовскихъ звуковъ обнаруживается, кромѣ того, въ слѣдующихъ пунктахъ:

3) Буква *z* въ атакахъ XVI вѣка ставится въ концѣ словъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ этимологическаго основанія для его существованія въ произношеніи. Литовское окончаніе *as*, *us* первичное, изъ котораго *z*, какъ наиболѣе вторичное, произошло, напри- мѣръ, Шилась читай Шилас, то-есть, боръ.

4) Русскій писецъ превращаетъ *a* всегда въ *o* и пишетъ, по своему произношенію, ой вм. ай, напримѣръ, Опуле вм. Апуле, Апи- демойти вм. Апидемайти; Броста вм. Брастз, то-есть, бродъ, назва- ніе болота въ Вилькійской волости и т. п.

5) Литовское *o* (= *ō*) превращается въ *a*, напримѣръ, въ словѣ Братели, село въ Вешвянской волости (Словарь, стр. 29), то-есть, Братушки.

6) Русскій писецъ буквою *e* изображаетъ весьма различные звуки: а) *e* произносится какъ *э*, напримѣръ, въ эглю калнасъ вм. эглю калнас; б) *e* равняется произношенію *je* въ Евюца, то-есть, Јэўј-упя или Јаўј-упя; с) *e* равняется звукамъ *jo* въ Еди, село въ Вешвян- скомъ тивунствѣ; д) *e* равняется двугласному *i°* (по Шлейхеру *ě*) ветисъ вм. вѣтис. На стр. XII Словаря Жом. Земли г. Спрогисъ говоритъ слѣдующее: „Въ русскихъ атакахъ XVI вѣка изъ трехъ по- добозвучныхъ буквъ (!) русскаго алфавита *e*, *ъ*, *э* вездѣ преобладаетъ первая; вторая встрѣчается довольно рѣдко; послѣдняя же только въ исключительныхъ случаяхъ“.

7) Русская буква „и“ изображаетъ у г. Спрогиса три звука: а) *ji*; б) *i*, изображаемое иногда начертаніемъ *и*, напримѣръ, Ишим- тиви читай: Išjimtīni отъ išimtīnis выдѣленное, выговоренное; γ) и равняется долготу *i*, напримѣръ, въ названіи пива (= пива) výroba въ имѣніи Романовичахъ вм. Пі'ва, то-есть, сѣнокоеъ, слово, произно- шеніемъ ясно отличающееся отъ русскаго „пива“ (род. пад. отъ пиво).

8) Въ русской азбукѣ нѣтъ начертанія для дифтонговъ *aū*, *эў* (*au*, *eu*), и вслѣдствіе того буква *e* употребляется въ двойномъ значеніи: 1) какъ буква согласная *e*, и 2) какъ вторая часть двугласнаго *aū*, *эў*. Напримѣръ, лавкасъ вм. лаўкас, павнисъ вм. піаўнис, равдисъ вм. раўдис, кевнупъ вм. кіаўн-упэ и т. под.

9) Бѣлорусскіе и польскіе писцы не умѣли произнести Варѣнај, Валкенікај и писали по произношенію вмѣсто Ворены, Волькеники, Ораны, Оленики (см. Ординацію пушъ, I. с., стр. 310).

10) Встрѣчаются неточности и при передачѣ согласныхъ. Такъ,

литовцы различаютъ три звука *ł* (л, ль, франц.-нѣм. *l*); бѣлорусскіе же писцы писали *ль* вм. *л* или *l* даже и тамъ, гдѣ въ коренныхъ словахъ, общихъ славянолитовскимъ языкамъ, *ль* не имѣетъ мѣста; напримѣръ, *вилкайте* вм. *вилкайте* или *vilkaite*, *вилка* кальнасть вм. *вилка* калнас, какъ будто бы русское *волкъ* — литовское *vilkas* писать можно *волькъ*. Отличіе въ смягченіи литовскаго *ł* отъ польскаго и отъ западно-русскаго ясно сказывается, напримѣръ, въ словѣ Тельши: начертаніе здѣсь неточное, ибо литовцы говорятъ именно: *Telši*, а не *Tełši* и не Тельши. Вслѣдствіе того способъ транскрипціи, употребляемый г. Спрогисомъ при раскрытіи тѣла, оказывается невѣрнымъ; напримѣръ, въ словахъ *алька* вм. *алка*, *алькакальнас* вм. *alkakalnas*. Въ литовскомъ языкѣ напротивъ того, *ł* въ этомъ словѣ переходитъ иногда даже и въ *у* (изъ *л* (*l*), что было бы немислимо, если произношеніе *ль* было бы вѣрное (срв. Словарь, стр. XII).

11) Напрасно г. Спрогисъ ступевывалъ различіе начертаній *ж* и *з*, и соотвѣтственное произношеніе *з* и *л*: „Такъ какъ“, говоритъ онъ, I. с., стр. XII,—„въ современномъ намъ русскомъ языкѣ буквою *з* выражается и мягкій, и твердый звукъ, слѣдовательно, и древній звукъ, *ж*, то, имѣя въ виду удобство употребленія своего словаря, я всѣ подобныя названія, которыя въ русскомъ актовомъ языкѣ начертаны чрезъ двухсоставную букву *ж*, вездѣ написалъ съ одною буквою *г*“. Такое упрощеніе написанія вызываетъ порою недоумѣнія при филологическомъ изученіи словаря. Напримѣръ, относительно слова Гейраголишки (стр. 69) можетъ возникнуть, есть ли это „*Eitragoliški*“ или *Getragoliški* и т. под.

12) Носовое произношеніе гласныхъ *а*, *о*, *е*, *і* изображается иногда, по русскимъ звуковымъ законамъ, неточно, напримѣръ, въ словѣ Швета вм. Швѣнта, г. Швѣнта, то есть, *Šveta*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что литовская фонологія подверглась со стороны западнорусскихъ писцовъ измѣненію, подъ вліяніемъ звукового строя славянскихъ нарѣчій, въ весьма существенныхъ чертахъ. Я не касался другаго вопроса о томъ, вѣрно ли, съ точки зрѣнія литовской грамматики раздѣляются слова и слоги въ приведенныхъ г. Спрогисомъ названіяхъ литовскихъ мѣстностей. Оставляя въ сторонѣ и то обстоятельство, на сколько буква *з* на концѣ составныхъ словъ, какъ, напримѣръ, *Алькаупъ*, вѣрно изображаетъ окончаніе *э*, *е*, замѣчу только, что издатель Словаря непослѣдовательно писалъ то „*алькагирисъ алькаупе*“, то „*алька кальна*“, „*алька павнис*“, не смотря на то, что всѣ приведенныя слова произносятся

какъ одно составное слово, а не какъ два слова. Встрѣчаются и довольно длинныя слова, какъ напримѣръ, анталекуева—читай: ант (на) алку (капище) пѣва (сѣножать); антземестильта алидеме, то-есть, выгонъ на (ант) земляномъ мосту (жѣмес тилта). Напрасно раздѣляются слова составныя, какъ напримѣръ, Вилькакальнасъ, Вилькакланасъ.

Что касается попытокъ г. Спрогиса объяснять литовскія наименованія мѣстъ и лицъ изъ латышскаго языка, то онѣ, какъ явствуетъ изъ алфавитныхъ указателей, изданныхъ имъ съ 1871 года, вышли не совсѣмъ удачными, такъ какъ латышскія и литовскія названія, при ихъ кажущемся сродствѣ, этимологически не тождественны и представляютъ, по значенію, немаловажное различіе. Въ указатель къ Сборнику палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ 1432 — 1548 гг. мы находимъ, на стр. 42, объясненіе слова Троки—мѣсто веселія, отъ латышскаго слова traks веселій, сумасшедшій, а не отъ литовскаго trakas, тракаі чишоба, не смотря на то, что Новіе Троки получили свое названіе отъ совсѣмъ не живописнаго, старо-трокскаго города. Въ алфавитномъ указатель въ Ревизіи пуць, стр. 79, встрѣчается названіе озера Пятижерисъ, которое объясняется, какъ происшедшее отъ латышскаго реесі пять, и жерис озеро, то-есть, пятиозерье. Но такъ какъ по литовски слово пять—penki, то мы склонны признать скорѣе соотвѣтствіе „пяти“ литовскому слову pietas=югъ. Такимъ образомъ Пятижерисъ означало бы—„южное озеро“. Въ Мерецкой пуць, I. с. стр. 38, есть озеро, прозванное бонда, чтѣ объясняется слѣдующими словами: „многоостровье“, или „озеро, состоящее изъ множества островковъ, на подобіе пасущаго стада“, или „озеро, надъ которымъ обыкновенно паслись стада“. Это аллегорическое объясненіе основано на жмудскомъ словѣ banda, скоть; но у виленскихъ и восточныхъ литовцевъ banda имѣеть весьма обыденное значеніе: собина, выдѣлъ, выговоренный въ пользу работника служащаго у хозяина, сына служащаго у отца ¹⁾ и т. д.

Не разрѣшенный вопросъ объ этимологіи старинныхъ названій мѣстъ можетъ быть удовлетворительно разъясненъ только тогда, когда будетъ подобранъ подходящий и не менѣе богатый матеріалъ для изученія именъ лицъ.

Въ этомъ отношеніи не мало интересныхъ древнихъ прозвищъ,

¹⁾ Срв. *Слав. Известія* 1888, № 1, стр. 13.

названій древнихъ литовскихъ князей и дворянъ находится: 1) въ указателѣ къ первымъ восьми томамъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей (буква А—І); 2) въ „Codex Lystów Witoldi edidit. E. Prohaska. Krakow. 1886. Но весь прежній матеріалъ получаетъ новое освѣщеніе послѣ выпуска XIV тома Виленской археографической комиссіи. Оказывается, что имена крестьянъ, въ различныхъ жмудскихъ и литовскихъ имѣніяхъ, вполнѣ сходны съ историческими именами древней Литвы и Пруссіи. Весьма интересно встрѣтить, на примѣръ, въ инвентарѣ имѣнія Титовянъ, слѣдующія названія, употребленныя въ значеніи крестныхъ именъ: Нармунтъ, Евуль, Нарушь, Юндуті, Паць, Ясвилъ, Кведминъ, Монтовилъ, Кгинвилъ, и т. д. Въ вышеуказанной моей статьѣ, о литовскихъ княжескихъ именахъ, приведены были корни словъ, входящихъ въ составъ этихъ древнихъ фамильныхъ прозвищъ. Виленскіе инвентари представляютъ намъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный матеріалъ по этому вопросу: крестьяне, на примѣръ, Куршанъ, Овновянъ, Плотели и Кретинги называются по отчеству слѣдующимъ образомъ: Твирбут-ойтисъ, Римкантисъ Каунайтисъ (отъ Ковно, Каунас—сравни названіе города Ковно), Нарвилотисъ, Кведговдойтисъ, Жадминайтисъ, Вайшкерайтисъ, Судмонтайтисъ и т. д. Кромѣ того, встрѣчаются въ областяхъ восточной Литвы тѣ же отчества, образованныя съ другими суффиксами ачис, онис, ячис, вѣчис. Изъ ономастическаго матеріала, обнаруженнаго нынѣ археографическою комиссіею, ясно, что въ старину литовскіе князья и бояре носили прозвища одинаковыя съ крестьянскими. Поражаетъ только въ этихъ инвентарныхъ спискахъ отсутствіе жейскихъ именъ лицъ нехристіанскаго происхожденія. Иногда литовцы XVI вѣка, кромѣ отчества, записаны съ прозвищемъ, какъ бы съ двойною фамиліею, на примѣръ, Jurian Kaugys Preukugys, то-есть, Юрій Львина Прейкуръ (стр. 117); Petrutys Jurgaitys Melagis, то-есть, Петруха Юрьевичъ, прозванный Врунь. Въ спискахъ крестьянъ волостей Кретинской и Плотельской крестное имя иногда ставится послѣ фамилій, какъ у латышей и эстовъ, на примѣръ, Sirgaitis Morkus (стр. 162), Skilvaitis Katkus, Kompanautis Valentynos, Lyberaitis Jonas (стр. 164), Tomaszaitis Lukasz (стр. 165), Mizaitis Baltuze (читай Мижайтис Балтуже) (ibid.), Szymanaitis Andrejus (стр. 166), Егурклайтисъ Валентій (стр. 299) ¹⁾. Довольно часто встрѣчаются перестановки частей составныхъ именъ въ этихъ инвентаряхъ, на примѣръ, Римкантъ—

¹⁾ Сравни относительно эстонскаго: *F. Wiedemann, Grammatik der Estn. Sprache. St. Pétersbourg. 1885, § 192, стр. 614—616.*

Контримъ, Монтвилъ—Вилмонтъ, Товтивиль—Видитовтъ, Товтминъ—Минтовтъ (сравн. стр. 266 село Товтминайте) и т. д. ¹⁾.

Разсмотрѣніе виленскихъ инвентарей въ отношеніи къ исторіи общественнаго строя и домашняго быта Литвы не входитъ въ задачу филологической критики. Во всякомъ случаѣ, въ обоихъ изданіяхъ заключается для исторіи литовскаго языка и въ особенности древняго именованія матеріалъ, который до сихъ поръ весьма мало былъ доступенъ изслѣдователямъ языка и исторической этнографіи литовцевъ. Лексическія данныя, обрѣтающіяся въ обѣихъ книгахъ, освѣщаютъ также и древнее мировоззрѣніе литовцевъ, и особенно ихъ мало разработанную миеологию. Нужно только желать, чтобы въ будущемъ матеріалы такого рода издавались подъ наблюдениемъ не только историковъ, но также и филолога, знающаго нынѣшніе говоры литовскаго языка сѣверо-западнаго края. Вышеприведенный примѣръ разночтеній Зулупе вмѣсто Жолупе, то-есть, Жалупе, ставитъ вѣрность чтенія въ зависимость отъ знанія литовскаго языка. Наконецъ, въ словарѣ И. Я. Спрогиса каждый историкъ и археологъ, интересующійся литовскою стариною, найдетъ много данныхъ для разрѣшенія вопроса о расселеніи литовскаго племени въ XVI вѣкѣ и указанія на древнія урочища, капища, могильники, кладбища, жеглища, городища и другія нѣкогда заселенныя мѣстности, которыя имѣли не маловажное историческое значеніе.

И. Я. Спрогисъ принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ труженниковъ, которые, какъ и покойный В. Шоловичъ, всю свою жизнь посвятили столь почтенной службѣ на русско-литовской окраинѣ и всегда беззаветно исполняли свой долгъ. Безъ сомнѣнія, такіа справочныя книги, какъ Словарь древне-жмойтской земли, полезны для всякаго, кто хочетъ пользоваться драгоценностями Виленскаго центральнаго архива, его богатыми историческими матеріалами, довольно мало еще обработанными учеными историками, для выясненія культурной исторіи Литвы и ея отношеній къ русскому народу.

Э. Вольтеръ.

¹⁾ См. *B. Bezzenberger*, Die Bildung der altpr. Personennamen, стр. 14; сравн. славянское, напримѣръ, чешское Бориславъ—польское Славоборъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ. Византійскій альбомъ графа А. С. Уварова. Т. I, вып. I. М. 1890, съ атласомъ.—Подъ выписаннымъ заглавіемъ гр. П. С. Уварова открыла изданіе обширнаго ученаго наслѣдія, оставленнаго покойнымъ основателемъ Московскаго Археологическаго Общества. Какъ ни велика была энергія покойнаго гр. А. С. Уварова, однако ея не достало на одновременное занятіе разработкою многихъ ученыхъ задачъ, намѣченныхъ имъ еще въ молодости, и дѣятельностью организаторскою, къ которой относятся труды графа по устройству археологическихъ съѣздовъ и по выработкѣ устава и положенія Историческаго музея. Естественно, что, въ виду неотложности послѣднихъ задачъ, пришлось на время остановить первыя, въ надеждѣ вернуться къ нимъ впоследствии, при большемъ досугѣ. Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться: смерть прервала кипучую дѣятельность графа, и въ его портфеляхъ осталась масса частію не оконченныхъ, частію не додѣланныхъ трудовъ, изъ которыхъ особенно интересными и важными представляются два—Исторія византійскаго искусства и Русская Символика. Нѣкоторыя отдѣльныя главы этого послѣдняго труда были отпечатаны при жизни автора и возбуждали большія ожиданія отъ появленія его въ цѣлости. Нынѣ графиня Уварова пришла къ счастливой мысли ознакомить интересующихся археологіей съ литературнымъ наслѣдіемъ покойнаго и издать въ свѣтъ то изъ него, что представляется болѣе или менѣе законченнымъ. Начало этому предпріятію положено „Византійскимъ альбомомъ“. Названіе это дано издательницею въ виду отрывочности и неразработанности труда, которому, въ его отдѣланномъ видѣ, приличествовало бы названіе „Исторія византійскаго искусства“. Альбомомъ можно назвать издаваемое и въ виду того, что въ основу его легла большая и богатая коллекція снимковъ, главнѣйше съ миниатюръ, собранная графомъ во время его путешествія по Европѣ. Издательница намѣрена публиковать всѣ эти снимки (числомъ свыше 300) и этимъ безспорно окажетъ огромную услугу археологіи. Уже и то, что вошло въ первый выпускъ и что составляетъ содержаніе приложеннаго къ нему атласа, имѣетъ высокій интересъ: особенно важны превосходно исполненныя фототипы съ знаменитой Парижской рукописи, содержащей въ себѣ творенія св. Григорія Назіанзина. Что касается текста, то онъ не поддается краткому отчету; о немъ можно сказать лишь то, что при всей необъятности и отрывочности онъ содержитъ въ себѣ много важныхъ указаній и соображеній, которыя окажутся не бесполезными для археологовъ. Отъ души желаемъ скорѣйшаго появленія въ свѣтъ продолженія столь интереснаго изданія.

Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887—1888 году, съ приложеніями, доцента Кіевской духовной академіи А. Дмитріевскаго. Кіевъ.—Нельзя не быть признательнымъ проф. Дмитріевскому за то, что онъ рѣшился подѣлиться съ ученымъ міромъ результатами своей годичной командировки на востокъ, предпринятой съ цѣлью изучить рукописныя сокровища наиболѣе извѣстныхъ библіотекъ и, въ частности, рукописи характера литургическаго. Прежде всего, нельзя не изумляться той энергіи, съ которою почтенный профессоръ исполнилъ свою задачу: въ теченіе тринадцати

мѣсяцевъ онъ успѣлъ обозрѣть 114 греческихъ Евхологіевъ (77 сличитъ и самымъ тщательнымъ образомъ описать, нередко съ обширными изъ нихъ извлеченіями), 17 славянскихъ, 72 Типикона, 15 Орологіевъ, 20 Тріодей, 19 Евангелій съ синаксаріями, 8 Апостоловъ, 3 экземпляра Пандектъ, 6 Стихирарей, 3 Октоиха, 9 экземпляровъ Минеи, 11 экземпляровъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ и 4 экземпляра отдѣльныхъ службъ. Сверхъ того, проф. Дмитріевскій имѣлъ возможность описать 9 рукописей каноническаго характера, 51 сборникъ святоотеческихъ писаній, патериковъ и хронографовъ и 13 рукописей содержанія историческаго. Прямымъ результатомъ этихъ работъ явилась масса извлеченнаго изъ рукописей матеріала, который проф. Дмитріевскій намѣренъ издать въ свѣтъ въ трехъ объемистыхъ томахъ: а) Евхологіи греческой, б) Евхологіи южно-славянскій и в) Типиконъ. Заранѣе можно сказать, что изданіе это будетъ имѣть выдающееся значеніе для всякаго литургиста. Но занятіями въ бібліотекахъ не ограничивались работы г. Дмитріевскаго: онъ нашелъ еще время и возможность лично обозрѣть памятники христіанской древности на мѣстѣ ихъ нахожденія и провѣрить выводы, существующіе относительно ихъ въ ученой литературѣ. Такъ, онъ обозрѣлъ древнѣйшіе константинопольскіе храмы, коптскія церкви стараго Каира, базилики Вилеємскую и Синайскую, Свято-гробскій Іерусалимскій храмъ, подвергъ болѣе или менѣе специально изслѣдованію многіе вопросы изъ топографіи Іерусалима, обозрѣлъ старинныя христіанскія церкви Аѳинъ, монументальныя классическіе остатки, хранящіеся на почвѣ этого города, ознакомился съ богатствами восточныхъ музеевъ древностей — Императорскаго оттоманскаго въ Константинополѣ, Булакскаго въ Каирѣ, патриаршаго тамъ же, центрального, политехническаго и акропольскаго въ Аѳинахъ и т. д. Въ Константинополѣ, на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ востока проф. Дмитріевскій обратилъ особенное вниманіе на современную архитектуру храмовъ, на стиль иконописи, на особенности въ богослужебныхъ принадлежностяхъ и на многочисленныя отличія въ современномъ богослуженіи отъ нашего. Съ подробностью останавливается онъ на иконахъ, украшающихъ главный храмъ Синайскаго монастыря, и посвящаетъ особую главу критско-синайской школѣ иконописи и характеристическимъ особенностямъ пошиба ея письма. Въ видѣ приложений присоединены двѣ статьи: а) бібліотеки рукописей на Синаѣ и Аѳонѣ подъ перомъ профессоровъ-палеографовъ Гардтгаузена и Ламброна и б) иконопальныя правила преп. Саввы Освященнаго, врученныя имъ предъ кончиною преемнику своему игумену Мелиту. Остается выразить горячее пожеланіе, чтобы почтенный профессоръ получилъ въ скорѣйшемъ времени возможность подѣлиться съ ученымъ міромъ тѣми сокровищами, которыя онъ собралъ во время своего путешествія.

Библиотека графа С. Д. Шереметева. Томъ первый. Собранія Волочановское и В. С. Шереметева въ с. Михайловскомъ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. С.-Пб.—Мысль, которую возымѣлъ гр. С. Д. Шереметевъ, ознакомить небольшой кругъ интересующихся читателей (книга издана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала) съ сокровищами своей громадной бібліотеки, заслуживаетъ полнаго признанія, а ея прекрасное исполненіе вызываетъ желаніе, чтобъ и прочіе владѣльцы болѣе или менѣе значительныхъ книжныхъ собраній послѣдовали этому доброму примѣру и дали бы наконецъ возможность нашей бібліографіи стать на твердую почву. Дѣйствительно, не смогла н. у.ж.

ленные занятія этимъ предметомъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, нельзя утверждать, чтобы наша библиографія была во всѣхъ ея отдѣлахъ разработана систематически. Это возможно будетъ только тогда, когда появятся обстоятельные каталоги отдѣльныхъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ библиотекъ. Въ изданномъ первомъ томѣ библиотеки гр. С. Д. Шереметева мы имѣемъ описаніе двухъ собраній, вошедшихъ въ нее—Волочановскаго (отъ села Волочанова, гдѣ она находилась ранѣе) и В. С. Шереметева. Первое составлялось послѣдовательно тремя поколѣніями и представляетъ значительный интересъ для библиографовъ и библиофиловъ, заключаая въ себѣ не мало рѣдкихъ и трудно находимыхъ изданій. Описаніе ихъ составлено Хр. М. Лопаревымъ и отличается тщательностью: заглавіе книги выписывается полностью, приводятся эпитафы, и что весьма важно и интересно, обращается вниманіе на записи въ книгахъ: нѣкоторыя изъ нихъ довольно характерны. Формата и числа страницъ не упоминается, о чемъ нельзя не пожалѣть даже и послѣ того, что высказано въ предисловіи по поводу ненеобходимости обозначенія пераго. Издана книга весьма изящно и сопровождается подробнымъ алфавитнымъ указателемъ, существенно облегчающимъ справку.

— Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Акты Московскаго Государства, изданные Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею *Н. А. Попова*. Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. С.-Пб.

Новыя изслѣдованія по исторіи Смутаго времени Московскаго государства. *В. С. Иконникова*. Кіевъ. 1889.

Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III. Эпизодъ изъ исторіи Смутаго времени Московскаго государства. *В. С. Иконникова*. Кіевъ.

Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ съ 14 рисунками въ текстѣ и картою. М.

Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ Смута до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе *А. Лаппо-Данилевскаго*. С.-Пб.

Е. Щепкиной. Старинныя помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). С.-Пб.

Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808), Малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. *В. С. Иконникова*. Кіевъ.

А. А. Титовъ. Тверскіе епископы. Матеріалы для исторіи Русской церкви. М.

А. А. Титовъ. Городъ Любимъ и упраздненные обители въ Любимѣ и его уездѣ. (Матеріалы для исторіи россійской іерархіи). Изданіе *И. А. Вахрамьева*. М.

Новыя матеріалы для исторіи старообрядства XVII—XVIII вѣковъ, собранныя *Е. В. Барсовымъ*, съ предисловіемъ. М.

Антоній Юрьевичъ Сосновскій, старшій соборный протоіерей, настоятель св. Николаевской церкви въ Клецеляхъ (одинъ изъ триумвировъ Брестскаго кантула). Историко-біографическій очеркъ. *П. I. Боброевскаго*. Вильна.

Краткий хронологический обзор действий департаментов внешней торговли и таможенных сборов по части торговли России с иностранными государствами. Составил *Н. Кайдановъ*. С.-Пб.

Памятная книжка Московскаго архива министерства юстиции. (Въ особомъ приложеніи 6 чертежей, изображающихъ здание Архива, съ объясненіями къ нимъ). М.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора летописца. Книга 4-я. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ.

Труды седьмаго археологическаго съезда въ Ярославль 1887. Подъ редакціей графини *Уваровой*. Т. I. М.

Сборникъ русской старины. Составилъ и издалъ *И. Голышевъ*. Голышевка близъ слободы Мстеры.

Д. Н. Анучинъ. Сани, лады и кони какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 44 рисунками въ текстѣ. М.

Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ, съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. *А. С. Фажинкина*. С.-Пб.

П. Н. Милоковъ. VIII археологическій съездъ въ Москвѣ. М.

Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ существованія. М.

Вл. Ламанскій. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1812—1880). М. (Отдѣльный оттискъ изъ предшествующаго изданія).

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. IV, вып. 3-й и 4-й. С.-Пб.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, издаваемые подъ редакціей барона *В. Р. Розена*. Т. IV, вып. 3-й и 4-й.

В. Александренко. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I, ч. 2. 1547—1649). Варшава.

Юліанъ Кулаковскій. Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія. Кіевъ.

Дневникъ Антропологическаго отдѣла. Подъ редакціей *А. Н. Харузина*. Вып. 1 — 4. М. (Извѣстія Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ).

Объ изученіи церковной исторіи. Изъ академическихъ чтеній архимандрита *Бориса*. Кіевъ.

Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенноти. *Вл. Вл. Плотникова*. Воронежъ. 1889.

Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Составилъ архимандритъ *Борисъ*. Періодъ 2-й. Отъ торжества христіанства при Константинѣ Великомъ до окончательнаго паденія греко-римскаго язычества при Юстиніанѣ (313—529). Казань.

Основные принципы научной теоріи литературы. Методологическій этюдъ *Вл. Плотникова*. Воронежъ. 1888.

Къ изученію древне-русской литературы. Очерки и изслѣдованія А. С. Архангельскаго. Четыре выпуска. С.-Пб.—Казань. 1888—1890.

М. А. Веневитиновъ. Замѣтки въ исторіи хожденія игумена Данила. VII. Передѣлка Хожденія въ сборникѣ св. Димитрія Ростовскаго. М.

Библиографическія матеріалы, собранныя А. Н. Поповичемъ, бывшимъ секретаремъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, изданныя подъ редакціей *Михаила Сперанскаго* (XV—XIX). М.

Новыя коллекціи рукописей въ Россіи. Библиографическія замѣтки В. С. Иконникова. Кіевъ.

Пѣсни о князѣ Романѣ. *И. Н. Жданова*. С.-Пб.

Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности и до нашихъ дней). С. А. Венерова. Вып. 24-й. С.-Пб.

Исторія русской этнографіи. Т. I. Общій обзоръ изученія народности и этнографіи великорусская. *А. Н. Пыпина*. С.-Пб.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранныя и приведенныя въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. Т. I. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь Бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. С.-Пб.

Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя *Н. М. Хаматовымъ*, *Н. Затоллаевымъ* и другими. Издано на средства д. чл. *А. Д. Старцева*. Иркутскъ. 1889 (Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т. 1, в. 1).

Этнографическое Овозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла Имп. Общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи при Московскомъ университетѣ. 1890, № 4. Подъ редакціей *Н. А. Янчука*. М.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Книга II. Софія. (Изданіе болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія).

Грамматика старо-славянскаго языка. *А. Лескина*. Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіемъ по языку Остромирова Евангелія (*В. Н. Щеккина* и *А. А. Шахматова*). М.

Объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря. *П. М. Филиппова*. С.-Пб. (Записки Имп. Р. Геогр. Общества по общей географіи, т. XXII, № 2).

Наблюденія надъ снѣжнымъ покровомъ въ Россіи въ 1888—1889 гг. *А. И. Вовйкова*. С.-Пб. (то же № 3).

Меторологическое овозрѣніе. (Труды метеорологической сѣти юго-западъ Россіи въ 1889 году). *А. Кюссовскаго*. Одесса.

Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще. Сочиненіе *Гемриха Струве*. Варшава.

Вопросы философіи и психологій. Подъ редакціей проф. *Н. Грота*. Кн. 3. М.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. Пятое пятилѣтіе. Ч. I. 1887—1889. Тифльсъ.

Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе). Новая система

для практическаго изученія русскаго правописанія. Знаки препинанія. Ч. II. Составилъ *В. Зелинскій*, М.

Сборникъ стихотвореній и басенъ для заучиванія наизусть и списокъ книгъ для чтенія учениковъ Нижегородскаго института императора Александра II. Съ присоединеніемъ статьи: „О воспитательно-образовательномъ значеніи чтенія книгъ и заучиванія наизусть избранныхъ поэтическихъ образцовъ“, составленной *А. Никольскимъ*, М.

Общество вспомоцествованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Отчетъ за 1889. С.-Пб.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1888—1889 г. С.-Пб.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ НОВѢЙШИХЪ ЯЗЫКОВЪ, ФРАНЦУЗСКАГО И НѢМЕЦКАГО, ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Что въ нашихъ гимназіяхъ рѣдко кто выучивается французскому и нѣмецкому языкамъ, это фактъ, котораго, къ сожалѣнію, отрицать нельзя. Если кто изъ окончившихъ курсъ гимназіи знаетъ до нѣкоторой степени новѣйшіе языки, то этимъ знаніемъ онъ обязанъ не гимназіи, а домашнему ученію. Громадное же большинство учащихся, не пользующееся этимъ благопріятнымъ условіемъ, по окончаніи курса, обыкновенно оказывается слабымъ въ новѣйшихъ языкахъ. Гдѣ же причина такой малоуспѣшности? Казалось бы, и времени употребляется не мало для прохожденія новѣйшихъ языковъ (цѣлыхъ семь лѣтъ!), и облегченія громадныя. Впервыхъ, обязательны не оба языка, а одинъ только, по выбору учащихся; во вторыхъ, и по одному языку требуется знаніе только въ той мѣрѣ, чтобъ учащійся, по окончаніи курса, могъ понимать книги на этомъ языкѣ, разумѣется, доступныя по содержанию. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, въ теченіе семи лѣтъ, можно было бы достигнуть требуемой мѣры знаній. И однако она большею частью не достигается.

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть причину малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій въ новѣйшихъ языкахъ, мы не можемъ не замѣтить, что вообще предоставлять усмотрѣнію учениковъ выборъ того или другаго языка кажется намъ не особенно практичнымъ. Не только дѣти, но и сами родители, которые обыкновенно въ этомъ случаѣ рѣшаютъ вопросъ, не могутъ знать, какой языкъ окажется впоследствии нужнѣе. Въ практической жизни оба они нужны; точно также оба нужны и для тѣхъ, которые, по окончаніи гимназій, посвящаютъ часть сслых, отд. 3.

себя высшему образованію, и если уже выбирать, то, напимѣръ, для поступающихъ въ университетъ, особенно по историко-филологическому факультету, полезнѣе изучить нѣмецкій языкъ, такъ какъ на этомъ языкѣ скорѣе можно найти необходимыя пособія по каждой специальности, не потому конечно, чтобы нѣмцы превосходили французовъ по всѣмъ наукамъ, а просто потому, что они больше, чѣмъ французы, имѣютъ привычку все выдающееся въ ученой и изящной литературѣ другихъ народовъ переводить на свой языкъ. Затѣмъ и мѣра знаній по новѣйшимъ языкамъ, которую беретъ гимназія доставить учащимся, намъ представляется неудовлетворительною. Эта мѣра знаній развѣ пригодна только для тѣхъ, которые, по окончаніи курса въ гимназіи, посвящаютъ себя высшему образованію. Для нихъ, конечно, достаточно (хотя и не всегда) владѣть новѣйшимъ языкомъ въ той мѣрѣ, чтобы читать на этомъ языкѣ книги по своей специальности. Но спрашивается: что же могутъ сдѣлать съ такою мѣрой знаній тѣ, которые не поступаютъ въ высшія учебныя заведенія? А такихъ вѣдь большинство.

Но положимъ, что въ виду своей главной задачи, гимназія совершенно правильно поступаетъ, сдѣлавъ одинъ только изъ новѣйшихъ языковъ обязательнымъ и ограничивъ для него мѣру знаній. Спрашивается: отчего же и эта ограниченная мѣра по одному только новѣйшему языку все-таки не достигается?

Положимъ, причина неуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій по новѣйшимъ языкамъ во многихъ случаяхъ заключается въ недостаткѣ хорошо подготовленныхъ учителей, но не только въ этомъ одномъ. Причина эта кроется также въ постановкѣ этихъ предметовъ въ нашихъ гимназіяхъ или, яснѣе сказать, въ способѣ преподаванія, какой установленъ программами и пояснительными къ нимъ записками.

Читая программы по нѣмецкому и французскому языкамъ, можно подумать, что все преподаваніе по этимъ языкамъ заключается въ прохожденіи грамматики и въ упражненіяхъ на грамматику. Во второмъ классѣ—этимологія и отчасти синтаксисъ, въ третьемъ—этимологія и тоже отчасти синтаксисъ, въ четвертомъ—этимологія и тоже синтаксисъ; въ пятомъ классѣ—преимущественно синтаксисъ, этимологія заканчивается; въ шестомъ—синтаксисъ; въ седьмомъ и восьмомъ—систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса, Правда предписывается дѣлать переводы съ новѣйшихъ языковъ на русскій и обратно, первые большею частью по хрестоматіи, притомъ опять съ непрерывными и постоянными соотвѣтствующими объясне-

ніями грамматическими, съ присовокупленіемъ къ нимъ еще историко-литературныхъ замѣтокъ. Такимъ образомъ этимологія проходитъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, синтаксисъ въ теченіе пяти лѣтъ, затѣмъ въ два послѣдніе года все это еще разъ повторяется въ системѣ. Если весь этотъ грамматическій матеріалъ проходитъ въ установленномъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, съ постоянными упражненіями ad hoc, то спрашивается: когда же ученики будутъ имѣть время начитаться въ авторахъ, да и вообще много ли прочтутъ изъ хрестоматій, и какимъ это образомъ они вынесутъ „отчетливое пониманіе довольно трудныхъ писателей, въ родѣ Лессинга, Гете и Шиллера или Монтескьё, Корнеля и т. п.“, — особенно если въ послѣднихъ двухъ классахъ по новѣйшимъ языкамъ назначено всего по два урока въ недѣлю, изъ которыхъ одинъ уйдетъ на систематическое повтореніе грамматики, такъ что на чтеніе авторовъ останется всего одинъ урокъ? При такомъ преобладающемъ изученіи грамматики, можно ли дойти до пониманія не только Гете, Шиллера, Монтескьё и т. п., но даже и болѣе легкихъ авторовъ?

Въ замѣткѣ своей о преподаваніи древнихъ языковъ мы указали на то, что преподаваніе грамматики слишкомъ растягивается, больше чѣмъ слѣдуетъ, въ ущербъ болѣе образовательнымъ и плодотворнымъ занятіямъ по чтенію авторовъ. То же самое мы должны сказать и по отношенію къ новѣйшимъ языкамъ. И этимологія, и синтаксисъ, какъ нѣмецкаго, такъ и французскаго языка, могутъ быть пройдены въ существенныхъ своихъ частяхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, такъ что уже съ шестаго класса можно было бы все время употребить на чтеніе авторовъ или отрывковъ изъ нихъ, на переводы съ русскаго на нѣмецкій или французскій языкъ и на другія упражненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Конечно, безъ грамматики нельзя обойтись и въ высшихъ классахъ вплоть до окончанія курса, но она не должна составлять предметъ особаго преподаванія, а должна сопутствовать чтенію авторовъ и другимъ упражненіямъ и дополняться, смотря по надобности. Особое же повтореніе всего грамматическаго курса въ системѣ ни къ чему не ведетъ. Въ смыслѣ средства или формальнаго развитія такое систематическое повтореніе грамматики не имѣетъ никакого значенія. Къстати замѣтимъ, что грамматика сама по себѣ, въ дѣлѣ формальнаго развитія, занимаетъ первую ступень только въ порядкѣ времени, а не по качеству своему. Имѣя дѣло только съ элементами рѣчи, начиная отъ звуковъ и формъ и оканчивая предложеніемъ простымъ и сложнымъ, она развиваетъ по

стольку, по сколько можно развить на элементахъ рѣчи, на самыхъ дробныхъ и простыхъ частяхъ ея. Самый крайній предѣлъ грамматики, это—періодъ, слѣдовательно, опять-таки отрывокъ рѣчи. Грамматика не учитъ и не можетъ научить связной рѣчи или связному способу изложенія. Этому научаемся мы чрезъ чтеніе образцовыхъ произведеній по разнымъ видамъ литературы, чрезъ подражаніе имъ, чрезъ упражненіе въ устномъ и письменномъ изложеніи и т. п. Поэтому грамматику въ системѣ вполне достаточно пройти разъ, на одномъ языкѣ, а именно отечественномъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ учащійся, вполне владѣя матеріаломъ, можетъ всего скорѣе понять обобщенія и даже самъ, при хорошемъ руководствѣ учителя, участвовать въ отвлеченіи общихъ положеній изъ явленій частныхъ. Подспорьемъ къ этого рода изученію могъ бы служить латинскій языкъ, какъ наиболѣе опредѣленный въ своемъ грамматическомъ строѣ. Проходить же систематически грамматику всѣхъ въ гимназіи изучаемыхъ языковъ, съ цѣлью формальнаго развитія, значитъ повторять все одно и то же, потому что въ сущности формальное развитіе, получаемое чрезъ систематическое преподаваніе грамматики нѣмецкаго, французскаго и другихъ языковъ, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ формальнаго развитія, получаемого чрезъ систематическое преподаваніе грамматики отечественнаго языка. Сколько бы разныхъ грамматикъ мы ни проходили, въ концѣ концовъ мы получимъ только одинъ и тотъ же видъ формальнаго развитія. Поэтому слишкомъ долго задерживать ученика на этого рода практикѣ формальнаго развитія не только не полезно для развитія, но даже вредно. Особенно въ высшихъ классахъ слѣдуетъ перейти въ большей мѣрѣ, чѣмъ это теперь дѣлается, къ развитію учащихъ посредствомъ чтенія и разбора связной рѣчи, во всѣхъ видахъ литературныхъ произведеній, и посредствомъ упражненія въ этой связной рѣчи. Въ связи съ теоріей словесности и логикой подобныя занятія несомнѣнно дадутъ учащемуся высшую степень формальнаго развитія, гораздо выше той, которая приобрѣтается систематическимъ повтореніемъ грамматикъ. Древніе, къ слову сказать, какъ-то рациональнѣе и практичнѣе достигали формальнаго развитія, проводя его черезъ три ступени: грамматику, риторику и философію.

Но, можетъ быть, скажутъ, что систематическое повтореніе этимологии и синтаксиса по новѣйшимъ языкамъ, въ высшихъ двухъ классахъ, вовсе не имѣетъ цѣлью усиленіе формальнаго развитія, а только укрѣпленіе учащихъ въ знаніи этихъ языковъ. Еслибы зна-

ніе языка состояло хат' εφοχύν въ знаніи грамматикеи (или, проще выражаясь, въ знаніи склоненій и спряженій и правилъ синтаксиса), тогда мы вполне согласились бы съ цѣлесообразностью подобныхъ повтореній въ системѣ. Но, вѣдь, языкъ состоитъ не изъ одной грамматики. Грамматика составляетъ сравнительно небольшую долю его, притомъ наиболѣе легкую для усвоенія. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что, напримѣръ, возможно изучить грамматику хотя бы 10 и 12 языковъ и затѣмъ даже съ успѣхомъ сравнивать ихъ и выводить общія положенія, не владѣя въ сущности ни однимъ языкомъ, кромѣ отечественнаго, или же владѣя, много-много, двумя или тремя языками. Грамматика даетъ только форму языка, но не содержаніе его. Кто не знаетъ этого содержанія, этого матеріала языка (словъ и выраженій), или же знаетъ ихъ въ малой мѣрѣ, тотъ, сколько бы ни изучалъ и ни повторялъ этимологию и синтаксисъ, все-таки не будетъ знать языка, даже въ той мѣрѣ, чтобы понимать книги на этомъ языкѣ. Настоящее знаніе языка пріобрѣтается не кое-какимъ упражненіемъ въ приложеніи къ грамматикѣ, а усиленнымъ, частымъ, непрерывнымъ чтеніемъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ, если мы хотимъ достигнуть пониманія только книжнаго языка; если же, кромѣ того, мы хотимъ еще практически выучиться языку, то сверхъ того и упражненіями, тоже усиленными и постоянными въ разговорной рѣчи и въ переводахъ съ отечественнаго языка на изучаемый. Если гимназія, въ виду своей главной задачи, совершенно отказывается научить учениковъ говорить и писать по французски или по нѣмецки и берется только довести ихъ до того, чтобы они могли читать произведенія французской или нѣмецкой литературы, то и слѣдуетъ упражнять ихъ, какъ можно болѣе, въ чтеніи этихъ произведеній (разумеется, въ порядкѣ постепеннаго перехода отъ легчайшихъ къ труднѣйшимъ), употребивъ на грамматику столько времени, сколько необходимо для введенія въ это чтеніе, и затѣмъ дополняя ее, при самомъ уже чтеніи. Собственно говоря, если считать совершенно вѣрною ту мѣру знаній по новѣйшимъ языкамъ, которая назначается для гимназическаго ученія, то и упражненія въ переводахъ съ русскаго на французскій или нѣмецкій языкъ должны были бы имѣть мѣсто только въ предварительномъ курсѣ грамматическомъ (отъ 2-го до 5-го класса включительно), а затѣмъ въ высшихъ классахъ они могли бы быть или совершенно оставлены, или же практикуемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда при дополненіи грамматическихъ свѣдѣній оказалась бы въ томъ надобность. Такая однако мѣра зна-

ній по новѣйшимъ языкамъ, какъ уже выше было замѣчено, представляется недостаточною.

Въ системѣ гимназическаго ученія новѣйшіе языки играютъ со-всѣмъ иную роль, чѣмъ языки древніе. Древніе языки изучаются исключительно съ цѣлью общеобразовательною. Выучиваются ли учащіеся или не выучиваются при этомъ говорить и писать по латыни и по гречески, это все равно; не въ этомъ цѣль изученія древнихъ языковъ. Еслибы кто, прошедши классическую школу, впоследствии даже и совершенно позабылъ древніе языки, то это не могло бы еще служить доказательствомъ бесполезности ихъ изученія. Вѣдь позабываютъ же алгебру, геометрію и даже ариметику, кромѣ развѣ четырехъ дѣйствій, почти всѣ, которые потомъ по роду своей дѣятельности мало соприкасаются съ математикой. И однако никто, конечно, на этомъ основаніи не сочтетъ прохожденіе математики для себя совершенно бесполезнымъ. Предметы эти просто важны сами по себѣ, какъ средства образовательныя, каждый въ своемъ родѣ, хотя бы они потомъ для учащихся и не имѣли прямого приложенія къ жизни. Иначе дѣло обстоитъ съ новѣйшими языками. Мы упражняемся въ нихъ не для того, чтобы только поразвить себя на нихъ, а для того, чтобы выучиться владѣть ими и приобрѣсти въ нихъ орудіе весьма полезное и даже необходимое для будущей дѣятельности, теоретической и практической. Поэтому, если мы по древнимъ языкамъ считаемъ совершенно излишними практическія упражненія въ высшихъ классахъ (съ цѣлью выучить писать по латыни и по гречески), то по новѣйшимъ языкамъ, на оборотъ, мы придаемъ этого рода упражненіямъ особенное значеніе, такъ какъ по новѣйшимъ языкамъ та мѣра знаній будетъ лучше, которая пригоднѣе будетъ для жизни, для будущей дѣятельности. Поэтому мы не только не желали бы ограничить практическихъ упражненій по новѣйшимъ языкамъ, но считали бы нужнымъ расширить ихъ, какъ можно болѣе. Мы полагаемъ, что, кромѣ переводовъ съ русскаго языка на новѣйшіе, необходимо было бы упражнять учениковъ въ пересказѣ на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ статей, прочитанныхъ въ небольшихъ сочиненіяхъ на легкія темы, въ бесѣдахъ о прочитанномъ и т. п. Кромѣ того, въ высшихъ классахъ слѣдовало бы и преподаваніе новѣйшихъ языковъ вести на этихъ же языкахъ, то-есть, преподаваніе французскаго языка на французскомъ, нѣмецкаго—на нѣмецкомъ. Всѣ эти способы практическихъ упражненій легко примѣнны, такъ какъ они могутъ быть тѣсно связаны съ чтеніемъ авторовъ

или отрывковъ изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы преподаваніе новѢйшихъ языковъ сдѣлать какъ можно практичнѣе.

Въ заключеніе, въ виду предполагаемыхъ мѣръ для образованія у насъ учителей по новѢйшимъ языкамъ, мы не можемъ не выразить желанія, чтобы наши будущіе нѢмецкіе и французскіе учителя, гдѣ бы они ни приготовлялись, — въ историко-филологическомъ институтѣ или при какомъ-нибудь университетѣ, не заваливались лишними факультетскими занятіями въ ущербъ своей собственной специальности. Иначе можно рисковать приготовить такихъ учителей по новѢйшимъ языкамъ, которые прослушаютъ и проучатъ всевозможные курсы, но не будутъ знать своего собственнаго дѣла.

А. Вейсманъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Курсъ русской грамматики (для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для уѣздныхъ и городскихъ училищъ). Составилъ *М. В. Кузнецъ*, штатный смотритель Харьковскаго уѣзднаго училища. Изданіе второе (исправленное). Часть I. Этимологія. Стр. 80. Цѣна 50 к. Часть II. Синтаксисъ. Харьковъ. 1889. Стр. 37. Цѣна 25 к.

Не смотря на установившееся мнѣніе о необходимости освободить школьное преподаваніе грамматики отъ непонятныхъ дѣтямъ и совершенно ненужныхъ разсужденій о свойствахъ словъ, отъ выводовъ, часто невѣрныхъ и всегда мудреныхъ о томъ, что просто и очевидно,—составители новыхъ учебниковъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ никакъ не хотятъ отстать отъ привычки вносить въ руководства неясные, да къ тому же еще и личные свои взгляды. Они должны были бы знать, что опредѣленія частей рѣчи, частей предложенія и свойствъ звуковъ языка должны быть изложены конкретно, догматически и на столько, на сколько это усвоится дѣтьми на практикѣ. Они должны были бы помнить, что учебникъ есть сводъ, итогъ того, что дѣти усваиваютъ въ классѣ, что на страницахъ его не должно быть ничего лишняго, ничего такого, что ученикъ пересказать отъ себя не въ силахъ.

Составитель вышеозначенной краткой, первоначальной грамматики, довольно хорошо выработанной, какъ видно, живымъ и толковымъ преподаваніемъ, тоже счелъ долгомъ возвысить тонъ на лишніа ноты и внесъ въ учебникъ свой нѣсколько умозрительныхъ, съ виду глубокихъ положеній изъ теоріи языка. Отмѣтимъ эти мѣста (ихъ немного) какъ диссонансъ, чтобы затѣмъ потомъ перейти къ отзыву о другихъ сторонахъ книги.

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Первыя слова учебника доказываютъ, что хорошій преподаватель склоненій и спряженій не долженъ касаться философской грамматики: „Два высочайшихъ дара человѣка: 1) способность мыслить и 2) способность говорить (даръ слова) принадлежать исключительно ему, въ чемъ и заключается главнѣйшее превосходство человѣка надъ всѣми прочими тварями“. Вся эта фраза по неполнотѣ, по неточности выраженій неудачна. Зачѣмъ (§ 3) говорить дѣтамъ, откуда явилась необходимость различать предметы по ихъ дѣйствию? Слѣдующая фраза тоже очень неудачна: „Дѣятельность каждаго предмета тоже различна; столъ стоитъ, бумага лежитъ, человѣкъ ходитъ и пр. Отсюда явилась необходимость различать предметы по ихъ дѣйствию“.

На страницѣ 4, вмѣсто простаго изложенія дѣла, опять выводъ философскаго свойства: „Но такъ какъ извѣстный предметъ можетъ дѣйствовать въ разное время въ разномъ мѣстѣ и проч. (это „и проч.“ непростительно), то въ свою очередь, самое дѣйствіе предмета различается по особымъ признакамъ, кои суть: 1) время... 2) мѣсто... 3) качество“. „Не смотря на громадное количество словъ въ русскомъ языкѣ, всѣ они составлены изъ сравнительно небольшого числа звуковъ“. О небольшомъ количествѣ звуковъ можно было сказать безъ понятія о „громадности“ количества словъ и безъ идеи о сравнительно маломъ числѣ звуковъ (ср. хотя бы языкъ французскій).

На стр. 8 автору слѣдовало бы вычеркнуть замѣчаніе о подраздѣленіи частей рѣчи на знаменательныя и служебныя. Это преждевременно для учениковъ, которымъ еще предстоитъ освоиться съ навыкомъ отличать одну часть рѣчи отъ другой. На той же страницѣ § 15 слѣдовало бы изложить проще и договорить до конца. Вотъ какъ онъ изложенъ: „Такъ какъ не всякое слово, входя въ составъ предложенія способно (?) измѣнять свои окончанія, то на этомъ основаніи всѣ части дѣлятся на два разряда: *измѣняемыя* и *не измѣняемыя*“. Не договорено, какія части *измѣняемыя* и какія *не измѣняемыя*. Къ тому же неумѣстно выраженіе: слово способно. На стр. 11 крайне неудачна по складу и неясности такая фраза: „Членомъ же предложенія можетъ быть только слово, выдѣленное изъ извѣстной группы словъ, выражающихъ какую-либо мысль“. Да при этомъ еще ссылка: см. § 12. Предварительнымъ понятіямъ о грамматикѣ посвящено въ учебникѣ 11 страницъ.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, все остальное изложено ясно и съ подобающею краткостью. За „предварительными понятіями“ слѣдуетъ самое дѣло—этимологія. Грамматическій составъ словъ, законы измѣненія гласныхъ и согласныхъ, подраздѣленія звуковъ, все это изложено

просто, ясно, безъ всякихъ суемудрыхъ разсужденій. Все сильное дѣтскому возрасту и существенно важное для грамотности здѣсь на первомъ планѣ. Однако же и тутъ встрѣтились двѣ погрѣшности. Первая—въ неправильномъ даже по языку изложеніи 2-го правила объ опредѣленіи сомнительныхъ звуковъ (стр. 15): „Чтобы опредѣлить сомнительный согласный звукъ, должно измѣнять слово до тѣхъ поръ, пока въ немъ послѣ сомнительнаго согласнаго (не?) будетъ стоять гласный звукъ“. Вторая погрѣшность состоитъ въ томъ, что слова, въ корняхъ которыхъ пишется буква ъ, распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ, не такъ, какъ въ грамматикахъ Востокова и Буслаева, а какъ у нѣкоторыхъ изъ неудачныхъ новаторовъ: бесѣда и блѣдный вошли въ категорію Б, а не С и Л. Нѣтъ надобности говорить, какъ такое исчисленіе корней съ буквою ѣ неправильно и сбивчиво.

На стр. 17 находимъ и третью погрѣшность и даже лишнее измышленіе о томъ, какъ узнавать въ сомнительныхъ случаяхъ произношенія, гдѣ быть буквѣ З, гдѣ буквѣ С: „... если сомнительный звукъ входитъ въ составъ корня даннаго слова, то это послѣднее пишется черезъ з, если же этотъ звукъ имѣетъ значеніе приставки, то слово пишется черезъ с. Напримѣръ, с-дѣлать, с-жать...“ Здѣсь (?), здоровье приведены какъ примѣры корня. Послѣ этого ученикъ, сбитый съ толку, можетъ спросить: а какъ писать бездѣлье, издѣліе? По только-что приведенному правилу слѣдуетъ писать бесдѣлье и исдѣліе.

Навыкъ къ дѣлу преподаванія и живое знаніе языка сказались въ провѣрочной диктовкѣ, приложенной къ каждому изъ отдѣловъ грамматики. За отдѣломъ первымъ слѣдуетъ второй—„части рѣчи“. Этотъ существенный отдѣлъ изложенъ просто, и въ немъ не замѣтно никакихъ опущеній. Этотъ курсъ частей рѣчи есть дѣйствительно полезное руководство для ученика младшихъ классовъ и справочная для него книга.

Синтаксисъ изложенъ хорошо, на ераеугольномъ камнѣ установленныхся синтаксическихъ опредѣленій. Краткость, конкретность учебника (36 страницей) составляетъ немалое его достоинство. Намъ казался бы излишнимъ только § 30 — сложное предложеініе по способу сочиненія. Его съ успѣхомъ можно перенести въ курсъ IV класса. Дѣти младшихъ классовъ могутъ легко обойтись безъ сочетаній противительныхъ, винословныхъ, и другихъ. Примѣры, какъ стихотворные, такъ и прозаическіе, подобраны съ тактомъ и педагогическою сноровкою.

Учебникъ русскаго языка. Часть I. Этимологія. Для I и II кл. духовныхъ училищъ, а также для низшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ В. Костецкій. Киевъ. 1889. Въ 8-ку стр. 126. Цѣна 40 коп.

Учебникъ г. Костецкаго имѣеть цѣлью „удовлетворить требованіямъ новой программы русскаго языка для духовныхъ училищъ“, такъ какъ, по увѣренію автора, требованіямъ этимъ до сихъ поръ удовлетворять было очень трудно: для изученія этимологіи согласно съ означенною программой приходилось „обращаться ко многимъ учебникамъ, отыскивая нужное“.

Не смотря на такое заявленіе, можемъ смѣло утверждать, что Этимологія г. Костецкаго ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ большинства элементарныхъ этимологій: она не полнѣе, не короче ихъ, не выше самыхъ посредственныхъ изъ нихъ. Прямыхъ ошибокъ въ изложеніи предмета она, конечно, не представляетъ, но недомолвокъ, редакціонныхъ недосмотровъ въ ней много. Странно, напримѣръ, читать на стр. 3 слѣдующее: „Гласные (звуки) произносятся съ помощью открытаго рта, согласные—черезъ сближеніе частей рта.“ и далѣе: „двѣ рядомъ стоящія гласные“ (ср. также стр. 8). Врядъ ли можно за различными звуками въ составѣ слова признать различную степень важности (стр. 4). Долготу гласныхъ съ удареніемъ на нихъ смѣшивать не приходится (стр. 4). Врядъ ли въ приготовительномъ и I классахъ гимназіи (для которыхъ собственно предназначается учебникъ г. Костецкаго) умѣстны какія-либо ссылки на языкъ славянскій (стр. 4; ср. также стр. 5, 74, 112). Не думаемъ, чтобы какіе-либо звуки человѣческой рѣчи могли быть произносимы „безъ всякаго участія голоса“ (стр. 6). На стр. 15—16 ученику предлагается не только заучить названіе частей рѣчи безъ поясненія ихъ значенія, но еще отличать слова знаменательныя отъ служебныхъ по происхожденію ихъ отъ корней знаменательныхъ и служебныхъ, хотя о корняхъ этихъ ученикъ еще ничего не знаетъ. На стр. 21 безъ всякаго поясненія говорится о падежахъ, о которыхъ ученикъ, дошедшій до этой страницы учебника, вправѣ не имѣть никакого понятія. Точно также на стр. 69 о залогахъ, видахъ, наклоненіяхъ говорится какъ о понятіяхъ, ясныхъ ученику, между тѣмъ какъ на предыдущихъ страницахъ понятіи эти не были выяснены. На стр. 72 въ § 43 упоминается о вставкѣ, усиленіи гласныхъ; между тѣмъ правила фонетики едва излагаются въ § 69. На стр. 21 предметомъ называется „все, что познается внѣш-

ними чувствами и о чемъ можно думать“. На стр. 24 предлагается узнавать родъ по значенію тамъ, гдѣ его нельзя опредѣлить по окончанію. Нарощенія *es, er* врядъ ли правильно называть суффиксами (стр. 37—38). На стр. 72 ученіе о видахъ изложено крайне неудовлетворительно: нельзя подраздѣлять виды на совершенный, несовершенный и многократный, какъ нельзя подраздѣлять дома на каменные, деревянные и одноэтажные; отличіе видовъ отъ временъ выступаетъ изъ разъясненій г. Костецкаго крайне неотчетливо. Отчего пропущенъ видъ однократный? Отчего виды несовершенный и совершенный признаются главными, а видъ многократный—второстепеннымъ?.. На стр. 73 читаемъ: „Наклоненія суть формы глагола, обозначающія отношенія между дѣйствителемъ и дѣйствіемъ или состояніемъ предмета“ и т. д.

Подобныхъ примѣровъ небрежнаго изложенія можно извлечь изъ грамматики г. Костецкаго не мало. Не особенно тщательно подобраны и „примѣры“, сгруппированные авторомъ въ концѣ каждого отдѣла этимологіи. Въ числѣ ихъ находимъ, напримѣръ, слѣдующіе: „Христіане исповѣдуютъ православную вѣру“ (стр. 29); „Стоитъ бычище, проклеваны боцища“ (стр. 29); „десятокъ лимонъ“ (стр. 62); „Потерянный и возвращенный рай“ написанъ Мальтономъ (стр. 92); „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“ (стр. 91); „Кружась въ присядкѣ, танцуютъ казаки“ (стр. 92); „Плохая ѣда едва поддерживаетъ существованіе бѣднаго крестьянина“ (стр. 53); „Помѣщики сорятся изъ-за череполосныхъ владѣній“ (стр. 103) и т. п.

Практическій учебникъ русской грамматики. Курсъ 1 и 2 класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. И. Орловъ*, преподаватель Тульской мужской и женской гимназій. Москва. 1889. Стр. 183. Ц. 85 к.

Книга г. Орлова содержитъ въ себѣ курсъ первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній: синтаксисъ простаго предложенія и этимологію для перваго класса, синтаксисъ сложнаго предложенія и фонетику съ морфологіей—для втораго. Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ рядъ примѣровъ, изъ которыхъ учителю предлагается вывести правила, изложенныя вслѣдъ за этими примѣрами. Далѣе слѣдуютъ задачи на выведенныя правила и вопросы для повторенія пройденнаго отдѣла. Такимъ образомъ, планъ книги г. Орлова ничѣмъ существеннымъ отъ прочихъ „практическихъ“ учебниковъ грамматики не отличается, онъ строекъ и пригоденъ. Къ сожалѣнію, выполненіе этого плана нельзя назвать удачнымъ.

Примѣры подобраны не съ достаточною обдуманностью: иные по

содержанію непригодны для учениковъ первыхъ двухъ классовъ нашихъ гимназій (ср., напримѣръ, стр. 3, 13, 14, 23, 91 и т. д.); дѣтямъ говорится, напримѣръ, о могилѣ, въ которой замерла

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая.....;

о томленіи душевною пустотою; о „запропавшей долѣ“; о „тяжелыхъ думахъ“; о домашнихъ сценахъ пьяницы-мужа съ женою; о томъ, что сытому голоднаго не понять, и т. п.; другіе примѣры знакомятъ съ формами неупотребительными или устарѣвшими, которымъ едва ли мѣсто въ числѣ примѣровъ, назначенныхъ для вывода изъ нихъ правилъ литературнаго языка: какъ угліе глаза (стр. 4) день

Подобрать туманъ
Выше темя горь..... (стр. 20);

или:

Въ странствахъ не помѣха (стр. 20), и т. п.

Еще страннѣе, особенно прочитавъ заявленіе г. Орлова, что примѣры для вывода правилъ онъ заимствуетъ у „лучшихъ писателей“, дабы ученики „знакомились съ образцовой русскою рѣчью“,—встрѣтить подъ примѣрами подписи: „Мольеръ“, „Гриммъ“, „Андерсенъ“, „Гете“ (стр. 18, 31, 43). При чемъ тутъ эти имена? А признать авторитетъ переводчиковъ и переводчицъ ихъ произведеній трудно, да и авторитеты ли въ дѣлѣ языка не только эти перелазгатели, но даже хотя бы Некрасовъ, котораго г. Орловъ цитируетъ довольно часто.

Не сдержалъ г. Орловъ и обѣщанія, напечатаннаго въ предисловіи, дать въ „большинствѣ примѣровъ стихотворенія, которыя ученики съ пользою для знакомства съ образцовой рѣчью могутъ заучивать на память“. Такихъ стихотвореній во всей книжкѣ три-четыре. Да врядъ ли данное обѣщаніе и выполнимо для составителя практической грамматики, на которомъ лежитъ забота подыскать примѣры, хорошо выясняющіе правила; заботу о подысканіи стихотвореній, удобныхъ для заучиванья, надо предоставить составителямъ хрестоматій и „книжекъ для чтенія“. Г. Орловъ не только не далъ сколько-нибудь достаточнаго количества стихотвореній, пригодныхъ для заучиванья, но еще заслуживаетъ упрека за допущеніе примѣровъ слишкомъ обрывочныхъ, а потому бессмысленныхъ, за искаженіе стиховъ, за обращеніе прозы въ стихи (вѣроятно, вслѣдствіе опечатокъ) и т. п.

Такъ, на стр. 6:

Утратить жизнь и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья...

Въ этомъ видѣ прекрасныя строки Пушкина лишены всякаго смысла.

На стр. 18:

Ваську-де пускать не надо и на дворъ....

На стр. 11:

Непоколебимо какъ Россія!

На стр. 18 въ видѣ стиховъ напечатаны строки:

Напротивъ, мнѣ доставитъ удовольствіе

Узнать, что говорятъ про меня....

На стр. 43:

Авось буранъ утихнетъ,

Да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Въ послѣднемъ „образцѣ“ интересна и разстановка знаковъ препинанія.

Чтобы покончить отчетъ о „примѣрахъ“, нельзя не замѣтить, что они и не совсѣмъ удачно приспособлены къ искомымъ выводамъ. Такъ, на первыхъ же двухъ страницахъ для выясненія простаго не распространеннаго предложенія приведено 25 примѣровъ; но изъ нихъ только два—для выясненія зачѣмъ-то вводимаго новаторами въ школу и, прибавимъ, совсѣмъ лишеннаго научнаго основанія— термина „сказуемое второстепенное“: „мужикъ сталъ примѣривать“ (?), „Казнь должна свершиться“. На этихъ двухъ примѣрахъ преподаватель долженъ выяснитъ, что, „кромѣ главнаго сказуемаго, въ предложеніи можетъ быть еще сказуемое второстепенное, отвѣчающее на вопросъ: что дѣлать?“ Далѣе, въ числѣ тѣхъ же 25 примѣровъ находимъ сложныя предложенія: „Полюбить забота—не чесеть и гребень“; „Онъ прекрасенъ, онъ весь, какъ Божія гроза“... Зачѣмъ они здѣсь? Разстановку знаковъ препинанія опять заимствуемъ у г. Орлова.

Изложеніе правилъ также не вполне удовлетворительно. Нельзя одобрить упорнаго стремленія къ введенію въ школу безъ надобности и безъ достаточныхъ основаній новыхъ терминовъ. Кромѣ „второстепеннаго сказуемаго“, встрѣчаемъ еще „составныя дополненія“ (стр. 71), подраздѣленіе „чувствъ, выражаемыхъ междометіями“, на „внутреннія или душевныя и внѣшнія или тѣлесныя“ (стр. 17), и т. п. Неудовлетворительна и редакція правилъ, напримѣръ:

Стр. 1. „Предложенія, различныя по смыслу, отдѣляются другъ отъ друга точками“.

Стр. 4. „Пояснительныя слова, посредствомъ которыхъ распространяется подлежащее, называются опредѣленіями“....

Тамъ же: „Опредѣленія относятся прежде всего къ подлежащему, а затѣмъ вообще къ имени“.

Стр. 5. „Опредѣленіе, выраженное именемъ существительнымъ, если стоитъ послѣ опредѣляемаго слова, соединяется съ нимъ посредствомъ тире“.

Стр. 23. „Предложеніе, въ которомъ сказуемое не приписывается къ своему подлежащему, называется отрицательнымъ“ и проч. и проч.

Къ числу недосмотровъ слѣдуетъ отнести и отсутствіе образца спряженія глаголовъ страдательныхъ.

Къ спряженію глаголовъ. *С. Кратча*. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 32.

Въ брошюрѣ своей г. Кратчъ занимается вопросомъ, который уже не разъ останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей русскаго языка и составителей нашихъ грамматикъ, именно—вопросомъ о болѣе точныхъ правилахъ распредѣленія русскихъ глаголовъ по спряженіямъ. Слуховое начало, на которое опирается большинство учебниковъ, какъ извѣстно, неудовлетворительно. Дѣйствительно, врядъ ли оно выведетъ изъ затрудненія при сомнѣніи, слѣдуетъ ли писать „дышатъ“ или „дышутъ“, „значать“ или „значуть“, „стбятъ“ или „стбють“, „строятъ“ или „строятъ“, „колышатъ“ или „колышуть“, „безпокоють“ или „безпокоять“ и т. п.

Еще Павскимъ, Гротомъ и другими не разъ предлагалось при отношеніи глаголовъ къ 1-му или ко 2-му спряженію принимать въ соображеніе, кромѣ неопредѣленной формы, еще и 1-е лицо настоящаго времени или будущаго совершеннаго. Предлагаемыя г. Кратчемъ наблюденія по этому вопросу при всей своей кажущейся простотѣ и краткости составляютъ, видимо, плодъ внимательнаго отношенія къ дѣлу и хорошаго знакомства съ литературой предмета. Сгруппированныя въ заключеніе на стр. 30—31 въ таблицу правила распредѣленія глаголовъ по спряженіямъ не только не затрудняютъ даже ученика 4-го класса гимназій, но и не разъ выведутъ его изъ затрудненія въ сомнительныхъ случаяхъ. Ознакомленіе преподавателей съ трудомъ г. Кратча весьма желательно.

В. Сорокинъ. Нашъ языкъ, учебно-педагогическіе этюды. I. Нашъ языкъ. II. Жизнь словъ. III. О развитіи дара слова у дѣтей. С.-Пб. 1889. Стр. 90 въ 8-ку. Цѣна 50 коп.

Всѣ три статьи не лишены интереса, но всѣ ихъ одобрить для чтенія ученикамъ гимназій было бы странно, такъ какъ ученики гимназій не занимаются воспитаніемъ малолѣтнихъ дѣтей (статья

III-я). Первая же двѣ статьи могутъ развить любовь къ изслѣдованію языка, какъ организма и, пожалуй, заинтересуютъ того, кто знаетъ и французскій языкъ, потому что, пересказывая изслѣдованія французскихъ ученыхъ, авторъ обильно черпаетъ примѣры изъ исторіи французскаго языка. Отечественный языкъ въ его развитіи затрогивается, такъ сказать, мимоходомъ.

Главная, основная и самая обширная статья III-я: „Жизнь словъ“, по всей вѣроятности, была помѣщена въ какомъ-либо периодическомъ изданіи. Въ ней главнымъ образомъ передается трудъ Дармстедера: „Vie des mots étudiée dans leurs significations“. Трудъ, составленный изъ лекцій, читанныхъ студентамъ. „Небольшая книжка“, говоритъ г. Сорокинъ, — „съ которою мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, состоитъ, кромѣ краткаго введенія, изъ трехъ отдѣловъ, изъ которыхъ въ первомъ говорится о томъ, какъ слова зарождаются, во второмъ объясняется ихъ существованіе и взаимное отношеніе между собою, и, наконецъ, въ третьемъ — какимъ образомъ они умираютъ“ (то-есть, выходятъ изъ живаго употребленія). По мнѣнію г. Сорокина, Дармстедеръ пролагаетъ новые пути къ изученію языка. По нашему мнѣнію, это ново только во французскомъ школьномъ мирѣ, а въ Германіи еще со временъ В. Гумбольдта составляетъ особую науку, которой отчасти приобщились и мы. Незнакомство г. Сорокина съ германскою наукой повліяло и на интересъ статьи. Статья обѣщала быть болѣе интересною и болѣе широкою; теперь же она не вышла изъ предѣловъ комбинацій Дармстедера, выводы котораго г. Сорокинъ стремится обобщить, сдѣлать полнымъ ученіемъ и примѣнить къ русскому языку. Что касается до русскаго языка, то примѣры анонимовъ и перехода словъ отъ одного значенія къ другому довольно скудны и не всегда удачны. Еслибъ авторъ имѣлъ подъ рукою „Опытъ словаря синонимовъ“ Ивана Калайдовича, то могъ бы легко оживить свою статью и областною рѣчью, дающею особый живой колоритъ переходенію словъ отъ одного значенія къ другому. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, забываемъ то, что сдѣлано у насъ раньше насъ. Но, положимъ, Калайдовичъ далекъ отъ насъ по времени. За то словарь Даля, живой источникъ устной былевой поэзіи въ сборникахъ Рыбникова и другихъ и, наконецъ, Историческая Грамматика Буслаева могли бы повліять на автора статьи, который работалъ только одною своею головою, подтверждая одного Дармстедера. Въ примѣрѣ того, что авторъ нашъ недостаточно знаетъ свое, русское, приведемъ его примѣрѣ о погостѣ на стр. 28 и 39. По мнѣнію

его, первоначально погостъ означалъ кладбище. Неужели ему не извѣстно значеніе погоста въ древней русской жизни и въ нынѣшнихъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ сохранился и старый бытъ, и языкъ былого времени? На оборотъ, значеніе погоста, какъ кладбища, есть значеніе филиальное, а не примитивное.

Теперь о первой статьѣ. Она элементарна по отношенію къ лингвистикѣ и къ теоріи происхожденія языка и можетъ быть прочитана съ пользою ученикомъ одного изъ двухъ послѣднихъ классовъ гимназій. Третья статья: „О развитіи дара слова у дѣтей“ прочтется съ пользою молодою матерью и наведетъ на добрыя мысли и отца, никогда не думавшаго о томъ, какъ надо слѣдить за дѣтскою рѣчью. Въ статьѣ много здраваго и полезнаго.

Нѣмецкій самоучитель русскаго языка, *Месковскаго*. *MIESKOWSKI'S LEHRBUCH ZUR PRAKTISCH-THHEORETISCHEN ERLERNUNG DER RUSSISCHEN SPRACHE. Zweite unveränderte Auflage. St.-Petersburg. 1888. Erster Theil. Стр. VI+342 въ 8-ку.* Цѣна не обозначена.

Хотя учебникъ г. Месковскаго и названъ „самоучителемъ“, тѣмъ не менѣе авторъ въ предисловіи (стр. VI) высказываетъ мнѣніе, что изучить незнакомый языкъ безъ помощи учителя „почти не возможно“. Онъ сдѣлалъ, что сумѣлъ, чтобы облегчить трудъ самообученія, но совѣтуетъ каждому, желающему научиться русскому языку, не приступать къ дѣлу безъ помощи преподавателя, такъ какъ при самообученіи усвоятся дурныя навыки, отдѣляться отъ которыхъ не легко.

Имѣя въ виду опредѣлить пригодность книги г. Месковскаго для русскихъ школъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, мы могли бы не говорить о ней, какъ о самоучителѣ, еслибы русское заглавіе не наводило на мысль, что авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ именно цѣли самообученія, а не классное преподаваніе. Въ самоучителяхъ неизбѣжно встрѣчаются стороны, не желательныя въ классныхъ руководствахъ. Такихъ сторонъ въ книгѣ г. Месковскаго однако немного, вѣроятно, въ силу вышеприведеннаго мнѣнія автора; можно развѣ указать на излишнюю подробность, мелочность разъясненій, способныхъ запутать начинающаго; нѣкоторыя изъ нихъ могли бы съ удобствомъ быть предоставлены преподавателю (см., напримѣръ, статью о произношеніи звуковъ русскаго языка; стр. 1—16). Недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что разъясненія автора не сопровождаются достаточнымъ количествомъ пояснительныхъ примѣровъ; преподавателю придется пополнять этотъ пробѣлъ, хотя бы

изъ матеріала, приложеннаго къ каждой главѣ для упражненій въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и съ русскаго на нѣмецкій.

Самый курсъ расположенъ очень своеобразно. Г. Месковскій находитъ, что нѣмца, начинающаго обучаться русскому языку, многочисленныя таблицы нашихъ склоненій запугиваютъ съ перваго же шага, требуя отъ него чрезвычайнаго напряженія памяти и необычайной энергіи; что особенности нашего глагола, неистощимаго въ средствахъ означенія видовъ и бѣднаго средствами къ означенію времени, также слишкомъ трудны, чтобы требовать отъ учащагося ихъ изученія сразу, въ одной общей картинѣ. Поэтому г. Месковскій не даетъ ни таблицъ склоненій, ни таблицъ спряженій, а посвящаетъ учащагося въ трудности языка мало по малу. Общія грамматическія понятія онъ полагаетъ извѣстными учащемуся изъ грамматики нѣмецкаго языка. Ознакомивъ его въ введеніи съ звуками русской рѣчи и съ русскою азбукою, авторъ въ 1-й главѣ говоритъ о формахъ именительнаго единственнаго числа существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ и даетъ основныя правила русскаго глагола и рядъ упражненій въ переводѣ, требующихъ употребленія склоняемыхъ частей рѣчи исключительно въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а глаголовъ въ формахъ, указанныхъ въ главѣ первой. 2-я глава знакомитъ учащихся съ именительнымъ множественнаго тѣмъ же порядкомъ, какъ первая ознакомляла ихъ съ именительнымъ единственнаго, а также съ нѣсколькими новыми формами глагола и правилами его употребленія. 3-я глава посвящена родительному единственнаго, 4-я—родительному множественнаго числа. Тутъ же учащійся знакомится съ не склоняемыми частями рѣчи, требующими родительнаго падежа, и т. д. Въ упражненіяхъ, приспособленныхъ для примѣненія изученнаго въ каждой главѣ, учащемуся приходится примѣнять также и все, пройденное въ предшествовавшихъ главахъ. Кромѣ того, для обогащенія учащихся большимъ запасомъ словъ, въ началѣ каждой главы авторъ помѣстилъ повѣствовательный отрывокъ на русскомъ языкѣ съ дословнымъ переводомъ. Слова, встрѣчающіяся въ немъ, и нѣкоторыя другія, которыя учащимся предлагается запомнить дополнительно, когда они приступаютъ къ практическимъ упражненіямъ, входятъ затѣмъ въ текстъ, назначенный для перевода. „Такимъ образомъ“, замѣчаетъ авторъ, — „каждая глава представляетъ собою цѣлое, усвоивъ которое, учащійся можетъ быть увѣренъ, что сдѣлалъ значительный шагъ впередъ“...

Еслибы кто пожелалъ удостовѣриться, пройденъ ли имъ такимъ путемъ курсъ русской грамматики безъ крупныхъ пробѣловъ,

или пожелалъ повторить этотъ курсъ уже въ порядкѣ, общепринятомъ для курсовъ систематическихъ, то-есть, по частямъ рѣчи, то обзоръ и повтореніе пройденнаго облегчаются систематическимъ указателемъ, приложеннымъ въ началѣ книги. При повѣркѣ оказывается, что, дѣйствительно, теоретическая часть книги г. Месковскаго даетъ довольно цѣльный и законченный курсъ грамматики извѣстнаго размѣра, вполне достаточнаго для начинающихъ.

Разбираемая книга г. Месковскаго составляетъ однако только первую часть его труда, посвященную преимущественно теоріи, хотя въ ней и встрѣчаются практическія упражненія на данныя правила. Опъ, какъ видно изъ предисловія и объявленія на оберткѣ, готовится къ изданію вторую часть, долженствующую главнымъ образомъ руководить учащагося въ дальнѣйшей практикѣ путемъ переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на русскій, хотя въ ней будутъ и теоретическія указанія по вопросамъ болѣе детальнымъ, а также повторительныя, систематическія таблицы склоненій и спряженій. Къ этой второй части предполагается присовокупить словари русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій, приуроченные къ потребностямъ руководства.

Необходимость такой второй части живо чувствуется при прохожденіи первой, гдѣ и упражненій немного, и ученику не дано достаточной возможности осмотрѣться въ пройденномъ сведеніемъ всѣхъ разсѣянныхъ въ немъ данныхъ въ одну синтетическую картину. Тѣмъ не менѣе и отдѣльно первая часть курса г. Месковскаго представляетъ собою трудъ вполне законченный, который, особенно въ виду недостатка въ подобныхъ руководствахъ, можетъ быть очень пригоденъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, гдѣ русскій языкъ изучается не какъ природный языкъ учащихся.

Какъ всякій курсъ теоретически-практической, курсъ г. Месковскаго требуетъ однако для своего прохожденія довольно много времени, и во всякомъ, случаѣ большаго числа часовъ, чѣмъ то, которое отведено русскому языку въ гимназіяхъ чисто русскихъ.

На случай новаго, третьяго, изданія книги г. Месковскаго, нельзя однако не замѣтить, что въ ней есть недосмотры, требующіе исправленія. Нельзя, напримѣръ, вообще назвать выборъ статей для дословныхъ переводовъ вполне удачнымъ („Метель“ Пушкина и „Дуэль Печорина съ Грушицкимъ“); заимствованный же Пушкинымъ у Жуковскаго эпиграфъ (стр. 17) по языку совершенно не возможенъ для начинающихъ обучаться русской рѣчи:

Черный вранъ, свистя криломъ,
 Вьется надъ саями;
 Вѣщій стонъ гласить печаль!
 Коня торошлвы
 Чутко смотря въ темну даль,
 Воздымая гривы....

На стр. 30 — 31 „Именительнымъ множественнаго отъ „баринъ“ признается „господа“, отъ „докторъ“ — „дѣкторы“ (ср. стр. 57), отъ „мячъ“ — „мѣчи“ (ср. стр. 57), форма „офицерá“ признается употребительною въ обыденной рѣчи, форма же „офицѣры“ — только въ рѣчи официальной. На стр. 34 именит. множ. отъ „полотенце“, „солнце“ — „полотенцы“, „солнцы“ (ср. стр. 63). На стр. 51. „Знаешь ли ты, давно ли онъ говоритъ по русски?“ Оборотъ рѣчи не русскій. На стр. 58. Форма „учители“ не употребляется, во всякомъ случаѣ форма „учителѣ“ болѣе употребительна, и т. д.

Впрочемъ такихъ погрѣшностей не много. На недостаточную точность нѣкоторыхъ правилъ не указываемъ въ виду того, что одни изъ нихъ не разработаны съ достаточною опредѣленностью въ самой русской грамматикѣ, другія же опредѣляются путями, недоступными для инородцевъ, особенно младшаго возраста (напримѣръ, путемъ расчлененія словъ на корни, суффиксы и т. д., путемъ сравненія съ формами старославянскими и т. д.).

Болѣе или менѣе плодотворное примѣненіе первой части труда г. Месковскаго въ школѣ впрочемъ много будетъ зависѣть отъ того, на сколько авторъ удачно выполнитъ свою программу при составленіи второй части.

Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго*, директора Московскаго учительскаго института. 1. Описание земнаго шара. Съ 53-ми рисунками и таблицею полушарій. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1889. Стр. 66 въ 8-му. Цѣна 50 коп. 2. Западная Европа. 3-е изданіе. Съ 9 раскрашенными картами и 9 чертежами. С.-Пб. 1889 г. Стр. 79 въ 8-ку. Ц. 60 к.

Третье изданіе поименованныхъ книжекъ съ внѣшней стороны значительно усовершенствовано сравнительно съ предшествующимъ изданіемъ: географическія названія напечатаны крупнымъ, чернымъ шрифтомъ; бумага плотная и прочная. Къ первой книжкѣ приложено нѣсколько новыхъ чертежей для уясненія понятій изъ математической и физической географіи, таковы чертежи: сравнительная величина планеты, дельты Дуная, Нила и Миссиссипи и маленькая карта морскихъ теченій. Во второй книжкѣ измѣнены и отчасти улучшены чертежи, представляющіе контуры странъ и предназначенные для черченія.

Въ первой книжкѣ число рисунковъ, противъ 1-го изданія, увеличено съ 27 до 53-хъ, и большая часть изъ нихъ удовлетворительны. Но главную особенность 3-го изданія составляютъ расширенныя карты; таковы въ первой книжкѣ карта полушарій, а во второй—карта Европы и 8 картъ, представляющихъ отдѣльныя государства Европы. Эти послѣднія карты содержатъ въ себѣ, за незначительнымъ исключеніемъ, тѣ данныя, которыя находятся въ учебникѣ; на картѣ же полушарій нанесены только горы, озера и рѣки, государствъ же и городовъ нѣтъ; вслѣдствіе такого ограниченія матеріала карты свободны отъ пестроты; тоновъ раскраски немного, но все-таки карты, за исключеніемъ Европы на полушаріи, представляются ясными и наглядными. Словомъ, съ внѣшней стороны въ отношеніи картъ сдѣлано все, что было бы желательно видѣть въ учебникахъ географіи, болѣе распространенныхъ.

Что касается внутреннихъ достоинствъ картъ, то-есть, сходства съ дѣйствительностью контуровъ и другихъ изображеній географическихъ знаковъ, то въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе грѣшатъ всѣ небольшія карты; несвободны отъ недостатковъ и карты г. Раевского. Отмѣтимъ нѣкоторыя, бросающіяся въ глаза, погрѣшности картъ. На общей картѣ Европы горы Кантабрійскія изображены такъ, какъ будто онѣ составляютъ непрерывное продолженіе Пиренеевъ. На картѣ Пиренейскаго полуострова горы Сьерра-Моррены укорочены и изображены поднимающимися къ сѣверо-западу, тогда какъ онѣ спускаются и къ юго-западу. На картѣ Италіи направленіе Апеннинскаго хребта представлено не вездѣ правильно и прерывается тамъ, гдѣ въ дѣйствительности такихъ перерывовъ нѣтъ; а гдѣ есть таковыя, тамъ они не показаны. На картѣ Франціи южная граница Бельгіи проведена по 50° с. ш., тогда какъ въ дѣйствительности она идетъ южнѣе, а не параллельно этому градусу. На картѣ Германіи нѣтъ острова Рюгена; границы мелкихъ владѣній представлены не вполне точно, такъ, напримѣръ, юго-западная граница Мекленбурга на картѣ идетъ по рѣкѣ Эльбѣ, на самомъ же дѣлѣ она, мѣстами, отодвигается отъ рѣки Эльбы; контуръ Брауншвейга походитъ на материкъ Австраліи, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

На нѣкоторыхъ картахъ названія пишутся иначе, чѣмъ въ текстѣ: Генуя, на картѣ—Генуа; въ текстѣ—Мареммы, на картѣ Маремы; на общей картѣ Европы—Аппенины, а въ текстѣ Апенины и Апеннины. Въ первомъ курсѣ на картѣ полушарій: Евфратъ, а въ текстѣ—Евфратъ; Гоанъ, а въ текстѣ—Гоаню; Абессинія, а въ текстѣ—Абиссинія и т. д.

Впрочемъ, встрѣчаются невѣрные названія, какъ на картѣ, такъ

и въ текстѣ, напримѣръ: островъ св. Елены всюду называется островомъ Елены.

Въ текстѣ второй книжки, нѣсколько дополненной, удержались еще недосмотры. Такъ, на стр. 7 греки отнесены къ романскому племени; тамъ же: баски—къ племени кавказскому; на стр. 39: „Глазго—при устьѣ рѣки Клейдъ“; но въ дѣйствительности при устьѣ Клейда находится только гавань Глазго, а самый городъ—на значительномъ разстояніи отъ устья. На стр. 44 читаемъ: „Въ Швейцаріи $\frac{2}{3}$, населенія говоритъ нѣмецкимъ языкомъ, $\frac{1}{4}$ французскимъ, остальные—италианскимъ и романскимъ (въ верховьяхъ рѣки Инна)“. О романскомъ языкѣ или вовсе не слѣдуетъ упоминать, или же назвать этотъ языкъ настоящимъ именемъ, иначе въ головахъ учениковъ произойдетъ путаница, такъ какъ италианскій и французскій языки также романскіе; къ тому же швейцарцы, говорящіе на предполагаемомъ романскомъ языкѣ, то-есть, рето-ладины, живутъ не на Иннѣ только, какъ сказано въ учебникѣ, но и по Рейнской долинѣ. Съ этимъ мѣстомъ находятся въ противорѣчіи и строки на стр. 45, гдѣ перечисляются кантоны по языкамъ, при чемъ Граубюнденскій названъ „нѣмецкимъ“, тогда какъ тамъ живутъ нѣмцы и рето-ладины. На стр. 52: „Майнцъ — при устьѣ Майна“, тогда какъ онъ находится противъ устья Майна. На стр. 55, по поводу Прирейнской Пруссіи говорится: „по рѣкѣ Руръ, Сааръ и на Бельгійской границѣ обиліе каменнаго угля, давшее возможность развиться обрабатывающей промышленности“. Но въ этой мѣстности существовала промышленность ранѣе, чѣмъ стали добывать каменный уголь. На стр. 73, рѣка Молдава названа Витавою вмѣсто — Велтава. На стр. 75, городъ Лембергъ, какъ и на картѣ, не названъ по славянски.

Встрѣчаются неудачныя выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: Стр. 56. „Гамбургъ на рѣкѣ Эльбѣ удаленъ отъ моря на 12 миль“. Стр. 68. По бульварамъ Парижа „рядами тянутся театры“. Стр. 72. „Нигдѣ въ Западной Европѣ, развѣ только за исключеніемъ Балканскаго полуострова“.....

Встрѣчаются также опечатки какъ-то: Фиравальдштетское озеро; пространство въ Голландіи показано въ 6400 кв. м. вм. 640 и т. п.

Повторительный курсъ русской исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV).

Составили В. Поплавскій и А. Лященко. Житомиръ. 1888. Цѣна 25 коп.

Подъ такимъ заглавіемъ издана брошюра, содержащая въ себѣ двѣ таблицы. Первая изъ нихъ представляетъ генеалогію Русскихъ князей приблизительно до половины XIII вѣка, и кромѣ

того, на ней помѣщены „хронологическая таблица“ и нѣсколько отдѣльныхъ табличекъ: 1) „Славянскія имена и божества славянъ“, 2) „Первые Русскіе князья“ и „Удѣльныя княжества“, 3) „Святители русскіе“, 4) „Замѣчательныя литературныя памятники“ и 5) „Главнѣйшія войны и битвы“. На второй таблицѣ мы находимъ продолженіе генеалогіи Русскихъ князей до Іоанна IV, также генеалогію князей Литовскихъ („домъ Гедимина“) и хановъ Татарскихъ („домъ Чингисхана“) и отдѣльныя таблички: 1) „Литва“ (бытовныя свѣдѣнія и первые князья), 2) „Сосѣди восточныхъ славянъ“, и 3) „Татарскіе ханы“.

При такомъ составѣ брошюры называть ее „повторительнымъ курсомъ“ русской исторіи странно, такъ какъ для этого она не обладаетъ достаточною полнотою относительно тѣхъ свѣдѣній, какія требуются при прохожденіи въ гимназіяхъ систематическаго курса русской исторіи. Правда, подъ именами князей, помѣщенныхъ въ родословныхъ таблицѣхъ, приводятся вкратцѣ факты изъ ихъ дѣятельности; но эти отрывочныя фразы могутъ быть полезны при повтореніи только въ томъ случаѣ, если онѣ являются, такъ сказать, дѣйствительнымъ отголоскомъ того, что было сообщено ученикамъ на классныхъ урокахъ; если же такого соответствія нѣтъ или оно неполное, то такой сухой перечень фактовъ, какой мы находимъ на таблицѣхъ, мало имѣетъ цѣны для ученика при повтореніи, такъ какъ не можетъ служить ему для напоминанія о томъ, что говорилось на урокахъ.

Обращаясь къ нашей брошюрѣ и вникая въ содержаніе сообщаемыхъ въ ней фактическихъ данныхъ, мы находимъ, что составители ея, отдавая очевидное преимущество учебнику Рождественскаго, старались составить свой „курсъ“ примѣнительно къ этому учебнику, но и то не вполне; отсутствіе въ немъ такихъ фактовъ, которые встрѣчаются въ этомъ учебникѣ, и на оборотъ—помѣщеніе фактовъ, въ учебникѣ не встрѣчающихся, заставляетъ предполагать, что составители „Повторительнаго курса“, придерживаясь учебника Рождественскаго, главнымъ образомъ имѣли въ виду какой-то особый курсъ русской исторіи (быть можетъ, тотъ, который вели они сами въ качествѣ преподавателей).

Помимо этого, составители „Повторительнаго курса“ ставятъ себѣ въ заслугу еще то, что они сдѣлали „первую попытку“ дать такое пособіе, которое облегчило бы ученику изученіе родословныхъ таблицъ безъ учебника: „Желая изучить родословную безъ учебника“—сказано въ приложенной къ брошюрѣ объяснительной запискѣ,—„онъ (ученикъ)

будеть имѣть ясное и полное представленіе о всякомъ князѣ, такъ какъ подъ каждымъ именемъ перечислены всѣ свѣдѣнія о немъ, требуемыя отъ ученика". Родословныя таблицы, какъ извѣстно, имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а какъ одинъ изъ способовъ для нагляднаго изображенія родственныхъ отношеній лицъ того или другаго владѣтельнаго дома, и потому онѣ необходимо сопровождаютъ изученіе исторіи, когда приходится разяснять ученикамъ династическія отношенія; предположеніе составителей „Повторительнаго курса“, что у учениковъ можетъ явиться желаніе „изучить родословную безъ учебника“, то-есть, внѣ курса, ради ея самой, представляется намъ весьма страннымъ и едва ли соответствующимъ практикѣ. Это—вопервыхъ; а вовторыхъ, составители брошюры ошибаются, полагая, что они сообщаютъ подъ именами князей „всѣ свѣдѣнія о нихъ, требуемыя отъ ученика“. Напримѣръ, при имени Олега мы не находимъ указанія на сдѣланныя имъ завоеванія (упомянуты только кривичи, сѣверяне и поляне); при имени Игоря не показаны его походы на Византію; при имени Ольги—ея административная дѣятельность послѣ отщепенія древлянамъ; при именахъ Полоцкихъ князей Брячислава и Всеслава не показано никакихъ фактовъ (а послѣдній вѣдь былъ одно время на кievскомъ столѣ!); точно также ничего не сказано о Ростиславѣ, сынѣ Владиміра Ярославича (а вѣдь этотъ князь былъ первымъ зачинщикомъ смуты на Руси послѣ смерти Ярослава Мудраго), о Ярополкѣ II, сынѣ Владиміра Мономаха (а вѣдь при немъ началась распря въ семьѣ Мономаховичей изъ-за старшинства), при имени Іоанна III (на 2-ой таблицѣ) не показаны ни изданіе Судебника, ни присоединеніе Вятской общины, ни присоединеніе (отъ Литвы) Сѣверской области! Втретьихъ, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что перечисленные подъ именами князей факты даютъ „ясное и полное представленіе о всякомъ князѣ“, тѣмъ болѣе, что факты эти зачастую представлены неточно и въ искаженномъ видѣ. Приведемъ примѣры: 1) походъ Олега на грековъ отнесенъ къ 911 г. (та же ошибка повторена и въ табличкѣ „Главнѣйшія войны и битвы“, а въ „Хронологической таблицѣ“ подъ этимъ годомъ правильно помѣщенъ „договоръ Олега съ греками“); 2) Святославу (Игоревичу) приписанъ какой-то походъ на „ятваговъ“; 3) о Ярополкѣ, сынѣ Святослава, сказано, что онъ „умертвилъ брата Олега Древянскаго“; 4) о Глѣбѣ, кн. Муромскомъ, сказано, что онъ былъ „убитъ Святосполкомъ вмѣстѣ съ Борисомъ Ростовскимъ и Святославомъ Древянскимъ“; 5) Владиміръ, старшій сынъ Ярослава Мудраго, названъ „изгоемъ“, хотя, какъ извѣстно, онъ

умеръ еще при жизни отца, а самое понятіе объ „изгояхъ“ установилось только въ позднѣйшую эпоху; 6) объ Олегѣ Святославичѣ сказано, что онъ „велъ борьбу съ Изяславомъ I и Всеволодомъ за кievскій столъ“, и что онъ „за свои неудачи прозванъ Гориславичемъ“; 7) о Владимірѣ Мономахѣ сказано, что онъ совершилъ „83 похода на половцевъ“; ему же приписано „объединеніе Руси“, хотя ни Полоцкъ, ни Черниговъ съ Муромомъ и Рязанью, ни Червоная Русь не входили въ составъ владѣній его дома; 8) изъ сыновей Ростислава одинъ (Володаръ) названъ „княземъ Галицкимъ“, а другой (Василько) почему-то „княземъ Волынскимъ“; 9) о Мстиславѣ I, сынѣ Владиміра Мономаха, сказано, что онъ „характеромъ своимъ походилъ на отца и держался его политики по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ“, но при имени Владиміра Мономаха никакихъ указаній ни на то, ни на другое не сдѣлано; 10) Юрію Долгорукому приписано основаніе „Переяслава“ (то-есть, Переяславля) Залѣскаго, а основаніе Москвы отмѣчено 1147 г., хотя извѣстно, что подъ этимъ годомъ встрѣчается первое упоминаніе о Москвѣ, какъ о городѣ, уже существующемъ, въ лѣтописи, а годъ основанія Москвы врядъ ли можно опредѣлить съ точностью; 11) о дѣятельности Всеволода III сказано и слишкомъ мало, и не совсѣмъ вѣрно: „Строго обращался съ удѣльными князьями (Рязанскимъ и Смоленскимъ), но самъ потерпѣлъ неудачу въ спорѣ съ новгородцами“; изъ этихъ словъ нельзя и подумать, что было такое время, когда Всеволодъ III распоряжался въ Новгородѣ на полной своей волѣ; 12) о Романѣ, сынѣ Мстислава II, читаемъ слѣдующее сообщеніе „кн. Галицкій; княжилъ послѣ Ярослава Осм. (Осмомысла). Присоединилъ Волынь“. Но извѣстно, что именно Волынская земля была его наследственнымъ достояніемъ, а Галиція была имъ добыта, и слѣдовательно, она присоединена къ Волыни, а не на оборотъ, и то не „послѣ Ярослава Осмомысла“, а послѣ смерти его сына Владиміра (около 1200 года).

На 2-й таблицѣ встрѣчаемъ также не мало ошибокъ. Такъ 1) линію князей Суздальскихъ составители брошюры ведутъ отъ Андрея Ярославича (брата Александра Невского); эта родословная составлена по Карамзину; но составителямъ „Повторительнаго курса“ обязательно знать, какъ разъясняется этотъ вопросъ въ трудахъ С. М. Соловьева (Ист. Росс., т. III, 271—272) и К. Н. Бестужева-Рюмина (Русск. Ист., т. I, 424) и дать болѣе правильную генеалогію Суздальскихъ князей, считая ихъ предкомъ Андрея Александровича Городецкаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михайлъ—Василій—Кон-

стантинъ—Дмитрій; 2) точно также не выдерживаетъ критики родословная князей Тверскихъ: послѣдній изъ помѣщенныхъ въ таблицѣ князь Михаилъ, сынъ Бориса, очевидно, тотъ современный Московскому Іоанну III князь, при которомъ Тверь лишилась самостоятельности и вошла въ составъ Московскаго государства; но отецъ этого князя, Борисъ приходился князю Михаилу Александровичу не сыномъ, какъ показано на таблицѣ, а правнукомъ (Михаилъ—Іоаннъ—Александръ—Борисъ); 3) невѣрно составлена и родословная „дома Чингисхана“: Менгутемиръ, который былъ ханомъ съ 1266 г. (а не „съ 1226 г.“), былъ внукъ Батия, а не двоюродный его братъ, какъ показано на таблицѣ; а Ногай не былъ сыномъ „Чагатая“; 4) начало великаго княженія Тверскаго князя Александра Михайловича отмѣчено 1327 г., а Дмитрія Донскаго—1362 г., хотя, какъ извѣстно, только въ слѣдующемъ году окончилась его борьба съ Суздальскимъ княземъ, 5) Тохтамышъ взялъ и сжегъ Москву не „въ слѣдующемъ году“ послѣ Куликовской битвы, а въ 1382 г.; 6) въ таблицѣ „Сосѣди восточныхъ славянъ“ сказано о болгарахъ, жившихъ на Волгѣ что они „составляли смѣсь славянскаго племени съ финскимъ“; 7) въ таблицѣ „Татарскіе ханы“ при имени Эдигея сообщается слѣдующее странное извѣстіе: „нанесъ страшное пораженіе Витовту, который хотѣлъ помочь бѣжавшему къ нему Тамерлану (!) вторично сѣсть на ордынскій престолъ“. Тимуръ Кутлуй не есть Тамерланъ.

Не мало и пропущено въ родословныхъ именъ князей, необходимыхъ даже въ гимназическомъ курсѣ русской исторіи (Мстиславъ, сынъ Владиміра Святаго, князь Тмутороканскій; Вячеславъ, сынъ Ярослава Мудраго, получившій отъ отца въ удѣлъ Смоленскъ; Вячеславъ, сынъ Владиміра Мономаха, князь Туровскій; Іоаннъ, сынъ Дмитрія Александровича, Переяславскій князь; Владиміръ Андреевичъ Храбрый, двоюродный братъ Дмитрія Донскаго; братья и сыновья Іоанна III и т. д.).

Помимо всего сказаннаго считаемъ необходимымъ указать еще на одну, чисто внѣшнюю неисправность въ таблицахъ: имена князей, находящихся въ одинаковыхъ степеняхъ родства, помѣщены не во всѣхъ случаяхъ на одной линіи, а какъ придется, смотря по тому, какъ позволяло мѣсто на таблицѣ; это важное неудобство въ родословныхъ таблицахъ, которыя для того и предназначаются, чтобы по нимъ можно было опредѣлить степени родства тѣхъ или другихъ, поименованныхъ въ таблицахъ, князей.

Руководство по физическому образованию дѣтей школьнаго возраста. П. Лес-афта. Часть I. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 356 стр. Цѣна 1 р. 75 коп.

Въ предисловіи къ этой книгѣ читаемъ: „Настоящее руководство по физическому образованію составляетъ первый опытъ постановки этого отдѣла педагогики на почву антропологии. Необходимо первоначально установить научныя основы для физическаго развитія, ибо тогда только можно будетъ, выяснивъ отношеніе физическихъ отклоненій къ умственнымъ, дать, помощью прямыхъ изслѣдованій и обобщеній, научныя обоснованія умственнаго и нравственнаго развитія ребенка. Если все изложенное здѣсь ученіе поможетъ развить въ ребенкѣ любовь къ труду, если оно дѣйствительно укажетъ способъ подготовки молодаго человѣка къ производству всякой элементарной физической работы по слову (?) и хотя нѣсколько уничтожить тотъ произволъ, который теперь допускается въ этомъ отдѣлѣ педагогики — то цѣль этого сочиненія будетъ вполне достигнута“. Далѣе въ предисловіи говорится, что въ этой первой части руководства изложенъ историческій очеркъ и элементарный отдѣлъ физическаго образованія. Въ этомъ отдѣлѣ недостаетъ соответственныхъ игръ—онѣ будутъ разобраны во второй части. Въ послѣдней части будутъ разобраны средній и старшій отдѣлы—упражнения, требующія большей стойкости и настойчивости, а также знакомства съ пространственными отношеніями и распредѣленіемъ работы по времени. Наконецъ, будутъ изложены игры и элементарные отдѣлы нѣкоторыхъ ремеслъ. Школа мяча въ этой части составлена, какъ говоритъ авторъ,—женщиною-врачемъ А. А. Красуской, одною изъ первыхъ преподавательницъ, которыя примѣняли описанное здѣсь ученіе въ школѣ, провѣривъ такимъ образомъ все здѣсь сказанное на опытѣ.

Книга эта, на которую потрачено не мало труда и времени, состоитъ изъ трехъ главъ, первая изъ которыхъ занимаетъ болѣе двухъ третей всего сочиненія (255 стр.) и содержитъ въ себѣ историческій очеркъ физическаго образованія дѣтей съ самыхъ древнихъ временъ до современнаго періода и въ разныхъ государствахъ. Онъ раздѣленъ на три періода: эмпирической (54 стр.), мистической (40 стр.) и научный (162 стр.). Первый періодъ трактуетъ о воспитаніи въ Китаѣ, Индіи, Персіи и Греціи, подробно описываются и изображаются также на рисункахъ гимназіи физическія упражненія грековъ и римлянъ, ихъ публичныя зрѣлища, бой, цирки, фехтовальни и состязанія дикихъ звѣрей и т. п. Во второмъ періодѣ описываются первыя школы христіан-

скаго населенія Европы, воспитаніе рыцарскаго сословія, турниры, карусели, народныя школы реформаторовъ, католическія школы и упоминается о дѣятельности Данте, Петрарки, Боккачіо, Франсуа Рабле и Мишеля Монтень. Въ научномъ періодѣ реформаторами являются: Беконъ, Локкъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Фитъ, Гутсъ-Мутсъ, Францъ Аморокъ, Кліасъ, Фёгели, ф. Нактигаль, Іоаннъ Песталлоцци, Фридрихъ Янъ, Фребель съ его дѣтскими садами, Шписсъ, основатель шведской гимнастики Лингъ и др.

Вторая глава посвящена изложенію задачъ физическаго развитія въ школахъ, а въ третьей описываются простыя упражненія, различныя тѣлодвиженія, ходьба, бѣгъ, метаніе и т. п. Авторъ высоко ставитъ физическое образованіе у грековъ и сильно нападаетъ на современную педагогику, лишенную всякаго физическаго образованія въ нашихъ школахъ, что обуславливаетъ, по его мнѣнію, то угнетеніе умственнаго и нравственнаго развитія, которое является вслѣдствіе безпощаднаго односторонняго развитія почти только одной памяти у молодого поколѣнія, на счетъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ проявленій (стр. 33).

На стр. 38 встрѣчаемъ строгое осужденіе самаго моднаго въ настоящее время, чуть не возведеннаго въ терапевтической культъ, способа лѣченія, считаемаго многими за панацею и создавашаго въ послѣдніе годы цѣлую литературу и многочисленный классъ специалистовъ-практиковъ обоюга пола. Всякій догадается, что рѣчь идетъ о массажѣ. Взглядъ г. Лесгафта въ этомъ отношеніи отличается оригинальностью, а такъ какъ онъ касается современной злобы дня, то не лишнимъ считаемъ привести слова автора (стр. 38): „Римляне были также знакомы съ развращающимъ искусствомъ, распространеннымъ по всему востоку—въ Турціи, Персіи, восточной Индіи, Китаѣ и на прилежащихъ островахъ. Искусство это состояло въ разминаніи и сжатіи всего тѣла, въ потягиваніи конечностей въ суставахъ и возбужденіи кожной чувствительности. На востокѣ былъ обычай, очень распространенный и любимый, подвергать тѣло, послѣ теплаго купанья, разминанію и растиранію. На сколько эти приемы были знакомы римлянамъ, видно изъ Марціала, который говоритъ:

*Pereurrit agili corpus arte tactatrix
Manusque doctam spargit omnibus membris.*

Такия искусственныя раздраженія всегда возбуждаютъ чувственныя проявленія и понижаютъ впечатлительность, ибо какъ при всякомъ сильномъ и рѣзко увеличивающемся возбужденіи, раздраженіе должно увеличиваться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ ощу-

щеніе будетъ расти только въ ариѳметической. Это развращающее искусство очень распространяется, какъ мы это увидимъ послѣ, и въ настоящее время врачами въ видѣ массажа, что во-очію доказываетъ отсутствіе психологическаго анализа у современныхъ „врачей“.

На стр. 74 — 94 сообщаются мельчайшія подробности о Франсуа Рабле, которыя легко можно было бы пропустить безъ ущерба для достоинствъ книги. Стр. 104 — 126 поражаютъ насъ еще большими подробностями и обширными французскими выдержками, изъ книги Руссо „Эмиль“, напечатанными мелкимъ шрифтомъ, которыя составляютъ только излишнее уснащеніе. Такія же ненужныя детали встрѣчаемъ на стр. 131 — 135. На стр. 131, въ описаніи одной школы, мы, напримѣръ, читаемъ: „Преподаватель спрашивалъ дѣтей, знаютъ ли они откуда появляются дѣти? На это ученики, улыбаясь, отвѣчали: родители объ этомъ разноразказываютъ; благоразумные говорятъ, что мать рождаетъ ребенка, а неблагоразумные, что ихъ приноситъ журавль. Если, спрашиваетъ педагогъ дальше, тебя родила твоя мать, то кому ты обязанъ, что существуешь на свѣтѣ? Отвѣтъ: матери. Если же тебя принесъ журавль? Отвѣтъ: журавлю. Все это происходило при испытаніи дѣтей, для выясненія достигнутаго въ школѣ успѣха“.

Если вышеуказанныя подробности составляютъ излишній балластъ для главнаго содержанія книги, то изложеніе правилъ и описаніе различныхъ упражненій въ верховой ѣздѣ, танцахъ, фехтованіи и вольтижерствѣ, тоже мелкимъ шрифтомъ напечатанныхъ, на стр. 138 — 149, едва ли могутъ найти оправданіе въ руководствѣ, претендующемъ ввести коренныя реформы въ дѣлѣ физическаго образованія дѣтей, не готовящихся въ спеціальныя акробаты или гимнасты. Далѣе до стр. 160 идетъ самое подробное описаніе системы Гутсъ-Мутса, Песталоцци (стр. 165) и Яна (стр. 171—180) и упоминается о мнѣніи Лангенбека, возстававшаго противъ примѣненія нѣмецкой національной гимнастики въ школахъ по системѣ Яна, на томъ основаніи, что не смотря на сильное развитіе ручныхъ мышцъ у дѣтей, занимающихся гимнастикой, рѣдко однако замѣчается у юношества. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ авторъ (стр. 186).

Отъ себя можемъ прибавить, что у большинства гимнастовъ, акробатовъ, вольтижеровъ, наѣздниковъ, танцоровъ и т. п., по оставленіи ими своего ремесла, замѣчается сильная склонность къ изнурительнымъ болѣзнямъ: туберкулозу, раку, диабету и т. п. Это объясняется тѣмъ, что, по прекращеніи привычныхъ раздраженій, во

всѣхъ тканяхъ тѣла быстро наступаетъ реакція, влекущая за собою атрофію, особенно въ мышечной системѣ. Оттого гимнастику, какъ обоюдоострое оружіе, слѣдуетъ примѣнять съ крайнею осторожностью, руководствуясь индивидуальными особенностями людей.

На стр. 187—211 помѣщено описаніе и критика системы Фребеля; на стр. 219—235—описаніе и критика системы Лингъ, признаваемой авторомъ нераціональною, какъ не основанною на анатомо-фізіологическихъ данныхъ; на стр. 239—241—критика книги о дѣтской гимнастикѣ доктора К. Шильдбаха, въ переводѣ А. Шабановой, подъ редакціею доктора А. Руссова. Книгу эту авторъ находитъ положительно вредною и совѣтуетъ сжечь ее, чтобъ она не попадалась въ руки легковѣрнымъ родителямъ и воспитателямъ. Рѣзкость сужденій, самомнѣніе, нѣкоторая нетерпимость составляютъ вообще характерные признаки ученаго составителя книги.

На стр. 256—257 излагаются „Динамическіе законы, лежащіе въ основаніи движеній этой вѣшной силою, будетъ сопротивленіе почвы“ и т. д. Все это совершенно непонятно. На стр. 261 читаемъ нападки на наши школы, въ которыхъ занимаются исключительно умственнымъ развитіемъ ребенка и не обращаютъ никакого вниманія на его физическое развитіе. Такъ ли это? На стр. 323: говорится, что въ нашихъ школахъ совсѣмъ не примѣняютъ прогулокъ. Это не вѣрно. Начиная съ стр. 280 до конца книги излагаются специально различныя упражненія, движенія головы, туловища, верхнихъ конечностей, нижнихъ конечностей, ходьба, бѣгъ и метаніе.

Изъ всего вышезложеннаго явствуетъ, что книга проф. Лесгафта, который приобрѣлъ почетное имя въ наукѣ какъ анатомъ, преслѣдуетъ строго спеціальную цѣль и можетъ принести несомнѣнную пользу только желающимъ посвятить себя спеціальному изученію физическихъ упражненій дѣтей школьнаго возраста на основаніи современныхъ анатомо-фізіологическихъ данныхъ. Способъ изложенія и типографскія качества вполне удовлетворительны. Цѣна 1 рубль 75 копѣекъ—сравнительно невысокая.

Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію. (Въ пополненіе школьнаго образованія). *А. Годнева*. Казань. 1889. Въ 8-ку стр. 124. Цѣна 75 к.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ: „Современному школьному образованію недостаетъ многихъ полезнѣйшихъ свѣдѣній по вопросамъ сохраненія здоровья и воспитанія. Ограничиваясь въ вопросахъ послѣдьяго по преимуществу лишь свѣдѣніями, необходимыми для религіозно-нравственной жизни, школа не даетъ совсѣмъ

свѣдѣній, необходимыхъ для успѣшной борьбы со спиртными напитками и табакомъ, не смотря на преслѣдованіе ихъ, не учить въ достаточной степени, какъ уберегать себя отъ заболѣваній, называемыхъ простудными, какъ сохранить хорошее зрѣніе, какъ сохранить здоровье нервной системы, пищеварительныхъ и другихъ органовъ; не знакомить съ опасностью наиболѣе распространенныхъ заразныхъ болѣзней; вообще не разъясняетъ своимъ питомцамъ вопросовъ здоровья на столько, чтобы они сами сознательно и успѣшно стали на его стражъ, предупреждая появленіе и развитіе заболѣваній“. Далѣе авторъ обвиняетъ школу въ томъ, что она не разъясняетъ ученикамъ въ достаточной степени правильной постановки труда, сна и отдыха, развлеченій и удовольствій,—не разъясняетъ, почему такъ важно въ нашей жизни равновѣсіе всѣхъ силъ души и тѣла, и какія его важнѣйшія нарушенія, мало приучаетъ къ правильному и сдержанному разговору, а равно и къ осторожности въ сужденіяхъ и т. д. Настоящимъ трудомъ авторъ имѣетъ цѣлью, хотя отчасти, пополнить эти школьные пробѣлы, сознавая, что различные отдѣлы книги носятъ характеръ значительной отрывочности.

Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Изъ нихъ первый трактуетъ о душѣ и главныхъ ея способностяхъ: Тѣло и главныя его части. Основные законы вещественной (физической) природы: законъ сохраненія вещества и законъ сохраненія энергій. Обмѣнъ веществъ (въ широкомъ смыслѣ слова), какъ главнѣйшій источникъ энергій для различной дѣятельности тѣла и его теплоты. Пищевареніе, кровообращеніе, дыханіе, дѣятельность кожи. Изложеніе всѣхъ этихъ капитальныхъ вопросовъ помѣщено на 22 страницахъ (пищеваренію удѣлено 2 стр., кровообращенію—2, дыханію— $\frac{3}{4}$ стр., дѣятельности кожи $\frac{1}{2}$ стр.). Въ такой же сжатой формѣ изложены во второмъ отдѣлѣ: Нормальное питаніе тѣла, значеніе предохранительныхъ мѣръ по отношенію къ здоровью. Важность цѣлесообразнаго питанія. Воздухъ и примѣси къ нему, вода, пищевыя вещества, разстройства пищеваренія. Тепловыя условія здоровой жизни тѣла. Предохраненіе отъ простуды. Уходъ за кожей. Чистоплотность. Купанье и бани. Одежда. Механическія стѣсненія обмѣна веществъ. Значеніе свѣта для здоровья и душевной жизни. Нормальное зрѣніе, близорукость. Средства къ сохраненію нормальнаго зрѣнія. Важнѣйшія заразные болѣзни. Спиртные напитки, табакъ, другіе яды нервно-мозговой системы. Въ составъ 3-го отдѣла входятъ: Продолжительная бездѣятельность влѣткокъ и тваней организма и ихъ атрофія. Дѣятельность ихъ чрезмѣрная и переутомленіе. Равновѣсіе силъ души и важнѣйшія его

нарушенія. Взаимное вліяніе души и тѣла въ ихъ совмѣстной жизни. Ближайшій посредникъ ихъ взаимодействія—нервно-мозговая система. Нарушенія взаимнаго равновѣсія души и тѣла со стороны душевной дѣятельности и тѣлесной жизни. Нѣсколько замѣчаній объ общихъ условіяхъ нормальнаго труда. Сонъ; значеніе его для организма. Отдыхъ. Развлеченія и удовольствія. Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ: Замѣчанія по вопросамъ дисциплины. Наиболѣе частые недостатки школьной дисциплины. Замѣчанія о дисциплинѣ самолюбія. Приученіе къ осторожности въ сужденіяхъ. Дисциплина разговора. Нѣсколько словъ о дисциплинѣ труда и, въ частности, классной.

Изъ вышесказаннаго видно, что авторъ поставилъ себѣ задачу слишкомъ широкую, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ рамокъ, какія имъ предназначены были для всего сочиненія (124 стр.), отчего все содержаніе книги очутилось, такъ-сказать, на прокрустовомъ ложѣ, и ни одинъ отдѣлъ не могъ быть не только обстоятельно обработанъ, но оказался крайне урѣзаннымъ, такъ что на каждомъ шагѣ встрѣчаемся лишь съ общими мѣстами и общеизвѣстными положеніями этики. Такимъ образомъ предположенная авторомъ цѣль—выполненіе вышеупомянутаго пробѣла въ школьномъ воспитаніи—едва ли достигнута.

Книга написана языкомъ плавнымъ, вполне научнымъ, хотя встрѣчаются изрѣдка нѣкоторыя неясности и неточности. Такъ, на примѣръ, на стр. 66 сказано: „Несомнѣнно также, что ослабленные пьянствомъ алгоголики опьянѣваютъ обыкновенно скоро и отъ малыхъ сравнительно, приемовъ спирта“. Совершенно на оборотъ. Стр. 92, начиная отъ словъ: „кромѣ умственныхъ занятій“ и т. д., неясна. Тамъ же: „слишкомъ большой сумми требуемыхъ свѣдѣній“ — выраженіе, кажется, неудобное. То же слѣдуетъ сказать о стр. 103, гдѣ упоминается о половыхъ силахъ. На стр. 104: „Болѣе простиа эстетическія удовольствія зрѣнія и слуха и т. д.“; тоже неясно, какъ и на той же страницѣ: „Краски и освѣщеніе даютъ достаточное и болѣе или менѣе ясно различаемое раздраженіе разныхъ нервныхъ волоконъ и центровъ и т. д. Затѣмъ на стр. 105: „установившагося нервнаго движенія“ и т. д. На стр. 106 излишнія разглагольствованія объ азартной игрѣ.

Типографскія качества книги вполне удовлетворительны, но цѣна нѣсколько высока сравнительно съ ея объемомъ, при отсутствіи рисунковъ.

ОТВѢТЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ГИМНАЗІЯ».

Въ январской книжкѣ Гимназіи, „журнала филологіи и педагогіи“, издаваемаго г. Янчевецкимъ въ Ревелѣ, помѣщена статья самаго редактора подъ заглавіемъ: „Noctes scholasticae“. Въ статьѣ этой, написанной въ беллетристическомъ тонѣ, въ формѣ бесѣды между учителями и отцемъ Михаиломъ, высказано замѣчаніе о нецѣлесообразной подготовкѣ будущихъ учителей гимназіи въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и для ващаго подтвержденія такого обвиненія указывается на какого-то институтскаго профессора, который яко бы засвидѣтельствовалъ объ этой нецѣлесообразной подготовкѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Выписываемъ слова самой статьи (стр. 7): „Во многихъ гимназіяхъ древніе языки до сихъ поръ въ рукахъ преподавателей, плохо владѣющихъ русскимъ языкомъ,—отчего цѣль преподаванія не только не достигается, а скорѣе извращается; присоедините къ этому нецѣлесообразную подготовку учителей филологическаго института, засвидѣтельствованную самимъ институтскимъ профессоромъ, который теперь только спохватился, что училъ будущихъ учителей не такъ, какъ слѣдуетъ, и напечаталъ объ этомъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и пр.

Заинтересованный этимъ заявленіемъ, которое сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ слушателей, я обратился къ г. Янчевецкому за разъясненіемъ и узналъ, что онъ имѣлъ въ виду статью мою „Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ“, напечатанную въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ч. ССLXII, отд. 3). Опровергать подобное заявленіе г. Янчевецкаго не приходится. Статья моя на лицо, и всякій можетъ прочесть и убѣдиться, что никакихъ такихъ заявленій въ ней нѣтъ. Она касается исключительно ССLXIX, отд. 3.

чительно преподаванія греческаго языка въ гимназіи, какъ оно обусловлено учебными планами. Единственное засвидѣтельствованіе, какое мною сдѣлано въ этой статьѣ, касается опять только гимназіи, и специально письменныхъ работъ гимназистовъ по греческому языку, притомъ гимназистовъ, окончившихъ курсъ съ хорошимъ аттестатомъ по древнимъ языкамъ, такъ какъ со времени преобразованія гимназій только таковыя принимались и принимаются въ институтъ, прежде—съ повѣрочнымъ испытаніемъ по древнимъ языкамъ и по русскому, а нынѣ—безъ повѣрочнаго испытанія. „Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ“, сказано въ моей статьѣ,—„какъ мнѣ приходится испытывать учениковъ, окончившихъ курсъ гимназіи, или при поступленіи ихъ въ историко-филологическій институтъ, или тотчасъ же послѣ поступленія, въ переводѣ съ русскаго языка на греческій, и я могу сказать только одно, что тѣ переводы, какіе мнѣ приходилось видѣть, за рѣдкими исключеніями, были крайне посредственны“ (стр. 38). Слова, кажется, ясны и не дающія повода къ превратному истолкованію. Поэтому г. Янчевецкому приходится только посовѣтывать не читать и не писать ничего ночью; иначе ему можетъ пригрезиться нѣчто фантастическое, въ родѣ того, что пригрезилось ему въ его *Noctes scholasticae*.

На голословныя заявленія мы вообще не считаемъ нужнымъ обращать вниманіе, и если на этотъ разъ мы отступимъ отъ своего правила, то единственно потому, что подобное заявленіе красуется на страницахъ педагогическаго журнала, рекомендуемаго для распространенія между преподавателями. Для подобнаго сѣрьзнаго журнала мы считаемъ совершенно неприличнымъ какія бы то ни было легкомысленныя выходки и извращенія фактовъ. Дѣло, которому посвящаетъ себя журналъ Гимназія, есть дѣло весьма важное, особенно въ данную минуту, когда вопросъ о классическомъ образованіи, и специально о гимназіи, стоитъ на очереди, не только у насъ, но и на западѣ Европы. Но для того, чтобы съ пользою принимать участіе въ разъясненіи и рѣшеніи этого вопроса, необходимо глубже и шире взглянуть на свою задачу, основательнѣе и многостороннѣе изучить дѣло, волнующее умы не только у насъ, но и на западѣ. Въ матеріалахъ для этого изученія нѣтъ недостатка, лишь бы была охота да умѣнье. Г. Янчевецкій, кажется, ужъ слишкомъ просто и легко относится къ своей задачѣ. Такъ, въ той же статьѣ *Noctes scholasticae*, въ которой обвиняются въ несостоятельности то тѣ, то другія лица и учрежденія, г. Янчевецкій, чтобы помочь горю и поднять дѣло гимназическое на должную вы-

соту, предлагаетъ въ концѣ совершенно серьезно мѣры въ родѣ слѣдующихъ: 1) необходимо облегчить директора отъ заботъ по канцеляріи и по хозяйству; 2) слѣдуетъ назначить къ нему письмоводителемъ одного изъ учителей гимназіи, челоѵка университетскаго; 3) жалованье учителямъ слѣдуетъ назначать по предметамъ, а не по числу уроковъ; 4) слѣдуетъ уничтожить должности классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ, а на эти деньги учредить должности двухъ молодыхъ практикантовъ, которые могутъ и по коридорамъ ходить и т. п. Такъ вотъ тѣ мѣры, съ помощью которыхъ г. Яичевецкій думаетъ дать надлежащій ходъ классической машинѣ, которая, по его выраженію, тянется теперь не паровомъ, а веревками! Не будутъ ли мѣры, предлагаемыя г. Яичевецкимъ, тоже веревками, да притомъ не особенно крѣпкими?

А. Вейсманъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

C. JULII CAESARIS COMMENTARII DE BELLO GALLICO, съ объясненіями для перевода на русскій языкъ, составленными *Андреємъ Адольфомъ*, учителемъ Московской 3-й гимназій. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1889. Въ I-й части стр. XII+168; во II-й стр. XXVIII+198. Цѣна 1 р. 60 коп. за обѣ части.

Разбираемая книжка отличается изящною внѣшностью, отпечатаны чернымъ шрифтомъ и, вообще говоря, исправны въ типографскомъ отношеніи. Въ нихъ тексту предпослано довольно обстоятельное введеніе, въ которомъ, послѣ біографическаго очерка Цезаря, сообщаются необходимыя свѣдѣнія о римскомъ военномъ дѣлѣ; текстъ автора, помимо общеустановленнаго дѣленія на книги и главы, разбитъ на отдѣльные эпизоды, съ краткимъ, суммарнымъ обозначеніемъ содержанія, въ родѣ: *bellum Helvetiorum* (I, 2, 29), *bellum Ariovisti* (I, 38—54), *quomodo Caesar Treveros et Dumnorigem tractaverit* (V, 2 — 7), и т. д. Цѣль, которую поставилъ себѣ составитель при обработкѣ комментарія, состоитъ въ томъ, чтобы помочь учащимся выработать литературный русскій переводъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы характеру подлинника. Въ виду того г. Адольфъ въ своихъ объясненіяхъ не касается ни вопросовъ грамматическихъ, ни реалій и ставитъ себѣ задачей сообщить ученикамъ лишь то, что до извѣстной степени поможетъ имъ понять конструкцію словъ и предложеній, а также и смыслъ читаемаго, и выработать при этихъ указаніяхъ русскій переводъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы духу Цезаревыхъ Записокъ. Вслѣдствіе такой задачи большая часть примѣчаній имѣетъ характеръ фразеологическій и состоитъ изъ указанія русскихъ оборотовъ и фразъ, которыми можно воспользоваться при передачѣ того или другаго мѣста въ латинскомъ

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензія имѣлась въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

текстѣ. Вотъ что говорить по поводу этихъ указаній авторъ: „Выраженія, которые я предлагаю, я даю, гдѣ только возможно, въ общей формѣ, какъ принято въ фразеологіяхъ, чтобы не лишать ученика возможности самостоятельно примѣнить русское выраженіе къ данному мѣсту Цезаря и въ то же время дать нѣкоторый запасъ фразеологическихъ оборотовъ, которые могутъ быть потомъ повторены независимо отъ текста. Я нигдѣ не привожу буквальнаго перевода.... Между первымъ значеніемъ слова или выраженія и приведеннымъ въ моихъ объясненіяхъ лежитъ иногда цѣлый рядъ не указанныхъ у меня промежуточныхъ значеній. Чтобы уяснить себѣ эту логическую цѣпь, ученику придется обратиться и къ словарю, и къ грамматикѣ, то-есть, исполнить ту самостоятельную работу, которую только и можно требовать отъ ученика четвертаго класса“. Пользы подобнаго рода комментаріевъ отвергать нельзя, и они съ успѣхомъ практикуются въ западной учебной литературѣ: такъ, къ Цезарю мы имѣемъ образчики подобнаго комментаріевъ въ изданіяхъ Доберенца и Менге, достоинства которыхъ общепризнаны, и которыми воспользовался и русскій комментаторъ. Но, съ другой стороны, нельзя умолчать и о томъ, что составленіе подобнаго объясненія чрезвычайно трудно: при нихъ сочинитель постоянно находится между двумя опасностями: дать ученику черезъ-чуръ много и этимъ ослабить плодотворность его подготовительной работы, и оставить его безпомощнымъ тамъ, гдѣ онъ нуждается въ руководственномъ указаніи или даже простомъ намекѣ. Какъ кажется, не вездѣ избѣгъ этой опасности и г. Адольфъ. Раскрываемъ на удачу 6-ю главу V-й книги: въ ней мы находимъ слѣдующія указанія, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы и отсутствовать безъ вреда для дѣла: *Cupidus regum povagum* — „жаждущій политическихъ переворотовъ“, „человѣкъ безпокойнаго характера“. Если учащемуся еще не извѣстно значеніе выраженія *res povae*, что врядъ ли вѣроятно, то онъ безъ труда найдетъ его въ лексиконѣ; кромѣ того, второй предлагаемый г. Адольфомъ способъ перевода и не вполне умѣстенъ въ данномъ случаѣ; *accedebat huc quod=praeterea*: указаніе то же излишнее. *Sevocage* отзывать въ сторону“. Въ данномъ мѣстѣ пониманіе и передача гл. *sevocage* не представляетъ затрудненій, и потому указаніе также излишне. Между тѣмъ, намъ кажется, не излишне было бы дать указанія на то, какъ слѣдуетъ перевести по русски выраженія: *in concilio Aeduorum, principes Galliae, communi consilio administrarent*. Другой, почти также неизбѣжный недостатокъ комментарія подобнаго рода состоитъ въ томъ, что, находя опредѣ-

ленное указание для передачи известнаго выраженія, ученикъ успокоивается на этомъ, и хотя бы у него и явилось предположеніе о возможности другой, болѣе близкой передачи онъ опасается примѣнить ее. Такъ, напримѣръ, на стр. 14: „*equo admisso... assurgit*“ под-скакалъ во весь опоръ“. Можно это передать по русски буквально: „припустивъ коня“. Стр. 17 „*fines Germanorum*“ „Германская граница“; лучше и ближе: „предѣлы германцевъ“. Стр. 18, „*nominatim*“ „здѣсь: точно“. Ближе и, кажется вѣрнѣе, было бы сказать: „по-именно“.

Текстъ Цезаря взятъ изъ изданія Динтера и можетъ быть признанъ довольно исправнымъ. Ему предпослано довольно подробное изложеніе содержанія Записокъ по отрывкамъ и главамъ, на латинскомъ языкѣ. Въ концѣ второй части приложены географическій указатель и отчетливо исполненная, но напечатанная черезъ-чуръ блѣдными красками, карта Галліи времянъ Цезаря.

Избранныя оды Горация, объясненныя преимущественно для гимназій проф. В. И. Модестовымъ. Латинскій текстъ съ подробными русскими примѣчаніями, съ приложеніемъ стихотворныхъ-схемъ и съ предварительными замѣчаніями объ одахъ Горация. С.-Пб.: 1889. Стр. VII + 111. Цѣна 80 коп.

Изданіе одъ Горация съ объяснительными примѣчаніями не новость въ нашей литературѣ: уже ранѣе мы имѣли изданія Погодина, Булгарина, Л. Миллера. Последнее, сдѣланное рукою знатока римской поэзіи, обладаетъ большими достоинствами. Но и рядомъ съ нимъ разсматриваемая книжка не представляется излишнею, потому что даетъ комментарий обширный, приспособленный къ потребностямъ гимназистовъ старшихъ классовъ и студентовъ-филологовъ. Въ общемъ, изданіе г. Модестова можетъ быть признано удовлетворяющимъ своей цѣли, хотя нельзя скрыть и того, что оно вызываетъ не мало замѣчаній и возраженій.

Прежде всего слѣдуетъ сказать о выборѣ одъ, сдѣланномъ г. Модестовымъ. Какъ бы ни была широка свобода этого выбора, тѣмъ не менѣе отъ него естественно ожидать, что въ число избранныхъ одъ войдутъ тѣ изъ стихотвореній Горация, которыя отличаются наибольшими поэтическими достоинствами или представляютъ характерныя особенности для уясненія личности поэта. Между тѣмъ, въ изданіи г. Модестова, рядомъ съ дѣйствительно классическими одами, мы встрѣчаемъ и такія, какъ напримѣръ, I, 11 *Tu ne quaesieris*, III, 26 *Vixi puellis*, которыя не отличаются никакими выдающимися достоинствами. Правда, въ предисловіи издатель говоритъ, что при

выборъ онъ руководствовался и стихотворными размѣрами, желая представить по возможности ихъ разнообразныя образчики; но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что многихъ и притомъ весьма интересныхъ въ метрическомъ отношеніи одъ онъ не помѣстилъ (напримѣръ, I, 7; I, 8; I, 18; III, 26; IV, 7 и другія). Случайность выбора сказывается особенно рѣзко на слѣдующемъ фактѣ: извѣстно, что первая шесть одъ III-й книги составляютъ какъ бы одно цѣлое, образуя собою цѣль такъ-называемыхъ „политическихъ“ одъ, и потому не должны быть раздѣляемы; между тѣмъ, издатель съелъ возможнымъ помѣстить лишь первыя три, а остальныя три опустилъ.

Что касается текста одъ, то въ большинствѣ случаевъ издатель придерживается такъ-называемой вульгаты и только изрѣдка допускаетъ исправленія, предложенныя новыми критиками, не всегда оглашая ихъ въ примѣчаніяхъ. Въ этихъ послѣднихъ, какъ и естественно, отведено мѣсто критикѣ, и съ замѣчаниями г. Модестова, относящимися къ этой области, не всегда можно согласиться. Прежде всего, представляется не совсѣмъ правильнымъ его взглядъ на рукописное преданіе Горация: защищая то или другое чтеніе, онъ нерѣдко ссылается на авторитетъ схоластовъ Акрона и Порфиріона, забывая, что невѣрное чтеніе могло существовать уже и въ ихъ время; затѣмъ, онъ опирается на огромное большинство рукописей (напримѣръ, стр. 91), упуская изъ виду то, что при критикѣ Горация, какъ и вообще древнихъ авторовъ, простое количество значенія не имѣетъ; ссылается онъ и на древнѣйшія рукописи, позабывая, что ни одна изъ существующихъ рукописей Горация не восходитъ далѣе IX вѣка. Затѣмъ, въ защитѣ или опроверженіи того или другаго чтенія издатель пользуется не всегда достаточно вѣрными и убѣждающими аргументами; такъ, напримѣръ, на стр. 15, опровергая поправку Бенгли *rectis oculis* *vm. siccis*, г. Модестовъ говоритъ: „Поправка Бенгли остроумна, только она нисколько не поддерживается ни вариантами текста, ни объясненіями схоластовъ“; но изъ сказаннаго выше явствуетъ, что ни тотъ, ни другой аргументъ не можетъ считаться достаточно сильнымъ, и для опроверженія исправленія Бенгли необходимо выставить другіе доводы, хотя бы въ родѣ тѣхъ, которые приводитъ Шютцъ, стр. 50; далѣе, на стр. 28, опровергая чтеніе *сoma*, издатель говоритъ: „но такъ какъ чтеніе *сoma* и въ поэтическомъ отношеніи, и въ грамматической связи представляется болѣе выигрышавшимъ, то мы не имѣемъ причины измѣнять его“; вопросъ о „поэтическомъ отношеніи“ есть вопросъ субъективный и потому спорный; что же касается грамматической связи, то она и при чтеніи

сомнам не проигрываетъ нисколько; на стр. 42, доказывая несостоятельность вопросительнаго *quid* (II, 3, 11), г. Модестовъ прибѣгаетъ даже къ такому аргументу: „что въ вопросахъ въ этомъ мѣстѣ нѣтъ никакой необходимости, это для насъ ясно, какъ день“. При слабости критическихъ доказательствъ, естественно, что не всегда издатель защищаетъ чтеніе наиболѣе вѣроятное; такъ, напримѣръ, II, 20, 13, г. Модестовъ принимаетъ чтеніе: *iam Daedaleo potior Icaeo*, объясняя: „Полетъ его (то-есть, поэта), по принятому нами чтенію, будетъ знаменитѣе Икарова“, и только упоминая объ исправленіи Бенгли—*tutior*, которое представляется наиболѣе вѣрнымъ, если не удержатъ рукописное: *osior*, возбуждающее большія недомѣнкія: дѣло въ томъ, что, принимая чтеніе *potior*, мы влагаемъ въ уста Горация увѣренность въ томъ, что его поэтической полетъ будетъ знаменитъ и притомъ болѣе, чѣмъ полетъ Икара, сына Дедала. Но чѣмъ же окончился полетъ Икара? Тѣмъ, что онъ свалился. Неужели Гораций уподобилъ бы себя этому печальному юношѣ и отождествилъ бы свою знаменитость съ знаменитостью Икара? Кроме того, чтеніе *potior* представляется неудачнымъ въ виду ст. 19, гдѣ стоитъ *poscent*. Въ III, 2, 15 г. Модестовъ читаетъ *timidoque terga*, говоря въ примѣчаніи: „вмѣсто *timidoque* Бенгли, безъ достаточнаго основанія, читаетъ *timidove*“. Заявленіе довольно смѣлое: на оборотъ, Бенгли имѣлъ полное основаніе къ этому измѣненію, ибо въ стихѣ 15 стоитъ *pes parcat*, и ему, по справедливости, слѣдуетъ большинство издателей. Мѣстами г. Модестовъ считаетъ нужнымъ отмѣчать такія разночтенія, которыя въ школьномъ изданіи не заслуживали бы упоминанія (напримѣръ, стр. 3, *dimoveas* и *demoveas*; 104, *dimovet* и *demovet*; тутъ разница обусловливается не смысломъ, а представляетъ собою только орфографическую особенность, какъ напримѣръ, *repna* и *ripna*, *birennis* и *biripnis*) и, съ другой стороны, проходитъ молчаніемъ мѣста, имѣющія неоспоримый интересъ въ критическомъ отношеніи, какъ напримѣръ, 1, 2, 21 *audiet cives acuisse ferrum*, чтеніе, которое уже давно возбуждало сомнѣніе, потому что тутъ недостаетъ существенно важнаго указанія на междоусобія, чего *acuisse ferrum*, обозначающее приготовленія къ войнѣ вообще, не даетъ; заслуживала бы упоминанія конъектура Беренса: *iacuisse ferro*. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что критическая часть комментарія г. Модестова представляетъ наиболѣе мѣсть для возраженій.

Экзегеза представляется, въ общемъ, обстоятельною, обращенною на мѣста, дѣйствительно нуждающіяся въ поясненіи, дающаго указанія точныя и опредѣленныя. Правда, и въ ней можно отмѣтить

фразы неудачныя, объясненія спорныя, но такихъ не много, и свойство ихъ можно видѣть по слѣдующимъ примѣрамъ: Стр. 3: „*Sondere frumentum*—извѣстное латинское выраженіе въ подобныхъ случаяхъ“. Если оно извѣстно, то не зачѣмъ было объ немъ и упоминать. Стр. 20: „Пусть тебя, храбрецъ, воспѣваетъ Варій относительно всѣхъ подвиговъ“ и пр.—фраза неловкая. Стр. 29: въ конструкціи: *Apollinem insignem pharetra fraternaue lyra* опущено слово *humerum*, существенно важное. Стр. 33: *liquidam vocem*.—Впрочемъ, мы говоримъ также и плавный голосъ, что ближе къ этимологическому значенію слова *liquidus*“. На сколько извѣстно, по русски говорится: плавная рѣчь, но не плавный голосъ. Стр. 45: „Объ испанскомъ горномъ народѣ кантабрахъ, прѣлегавшемъ къ Бискайскому заливу, и пр.“—выраженіе неудачное. Стр. 49: „Нѣкоторые, какъ Наукъ, видятъ въ этомъ словѣ (*Quiritem*) противоположеніе *miles*, но такое объясненіе не согласно съ сущностью слова, обозначающаго полноправнаго римскаго гражданина“. Это замѣчаніе врядъ ли вѣрно: слово *quirites* употреблялось и для обозначенія гражданъ въ мирное время, дѣйствительно въ противоположность *militēs*; это ясно видно изъ анекдота, приводимаго Светоніемъ, о томъ, какъ Юлій Цезарь образумилъ своихъ взбунтовавшихся солдатъ, назвавъ ихъ, въ обращенной къ нимъ рѣчи. *Quirites*, вмѣсто обычнаго военнаго термина *commiliones*. Стр. 53: „*premere litus* соотвѣтствуетъ *urgere altum*“. Точнѣе было бы сказать: противопоставляется. Стр. 71: „*biformis*, то есть, поэтъ и лебедь, хотя схолиасты объясняютъ это иначе: *biformem vatem se dicit quod et lyrica scribat et hexametros*. Подобнымъ же образомъ, но также неправильно, объясняетъ это слово Кисслингъ, подразумѣвая подъ нимъ двойкій характеръ поэтической музы Горация: Эолійскую пѣснь и Аркилоховы ямбы“. Мы не задумаемся отдать предпочтеніе пониманію схолиаста и Кисслинга по слѣдующимъ соображеніямъ: говоря: *vates*, Горацийъ уже обозначаетъ себя, какъ поэта, а прибавляя *biformis*, въ смыслѣ толкованія г. Модестова, онъ присоединилъ бы вторичное обозначеніе себя тѣмъ же словомъ; затѣмъ, самая картина, рисуемая въ нашемъ воображеніи получеловѣка, полулебеда, представляется довольно странною; что не ее имѣлъ въ виду Горацийъ, явствуетъ изъ ст. 9 и слѣд., гдѣ онъ рисуется превращеніе себя въ лебедя. Стр. 106: „*Germania horrida*. О Германіи Горацийъ говоритъ съ особеннымъ презрѣніемъ, не только называя ее странною отвратительною, но и выражаясь о ея населеніи словами, чаще всего употребляемыми о животныхъ—*parturit fetus*“. Такое толкованіе врядъ ли справедливо: *horrida* соотвѣтствуетъ ско-

рѣе нашему: *дикая*, а *parturit fetus* заключаетъ въ себѣ то же понятіе, какъ и греческое *γηγενής*.

Книгѣ предпослано небольшое введеніе, въ которомъ г. Модестовъ характеризуетъ Горація, какъ лирика. Взглядъ его на оды Горація не можетъ считаться общераспространеннымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, вызоветъ не мало основательныхъ возраженій. Г. Модестовъ заявляетъ, что сила поэтическаго таланта Горація не въ сатирахъ и эподахъ, а въ одахъ, въ лирическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ Горацій является такимъ же національнымъ римскимъ лирикомъ, какимъ является у насъ Пушкинъ. Что оды Горація представляютъ собою крупное литературное явленіе, спору не подлежать; но не предубѣжденный читатель ясно видитъ, что онѣ не столько плодъ вдохновенія и поэтической фантазіи, сколько плодъ рефлектирующаго ума, собирающаго свой матеріалъ *apud Matinae more modoque*; судить по одамъ Горація о національной римской лирикѣ также не возможно, какъ по комедіямъ Теренція о національной римской драмѣ, и сопоставлять Горація съ Пушкиннымъ значить сразу давать читателямъ невѣрное представленіе о талантѣ того и другаго.

Въ общемъ, книга г. Модестова можетъ сослужить хорошую службу гимназистамъ старшихъ классовъ и начинающимъ студентамъ-филологамъ.

Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными *Андреемъ Адольфомъ*. Москва. 1890. Въ 8-ю д. л. стр. 259.

Книжка г. Адольфа составляетъ начало предпринятаго учебнымъ магазиномъ: „Начальная школа“ изданія классной бібліотеки греческихъ и римскихъ авторовъ. Въ объявленіи объ ея изданіи читаемъ между прочимъ: „Цѣль, положенная въ основаніе бібліотеки, заключается въ томъ, чтобы дать нашей классической школѣ такія изданія древнихъ авторовъ, которыя не только съ внутренней, но и внѣшней стороны соотвѣтствовали бы своему назначенію — служить книгами для класснаго употребленія. Въ виду этой цѣли предполагается: 1) текстъ авторовъ, по возможности полный и совершенно свободный отъ всякихъ обозначеній спорныхъ въ критическомъ отношеніи мѣстъ (скобокъ, курсива и т. под.), разбивать на болѣе или менѣе крупные отрывки по содержанію, придерживаясь, гдѣ можно, традиціоннаго дѣленія на главы; 2) каждому отрывку предпосылать краткое изложеніе содержанія на русскомъ языкѣ; 3) авторовъ, сочиненія которыхъ, вслѣдствіе своей обширности или по другой причинѣ,

цѣликомъ не могутъ служить для употребленія въ классѣ, издавать въ видѣ хрестоматій или избранныхъ отрывковъ; 4) текстъ снабжать введеніемъ о жизни автора и его сочиненіяхъ, а также указателемъ собственныхъ именъ и предметнымъ — послѣднимъ лишь при тѣхъ авторахъ, которые изобилуютъ такъ называемыми реалиями; 5) при выборѣ формата, бумаги, шрифтовъ руководиться требованіями не только практическаго, но и эстетическаго свойства“. Разсматриваемая книжка соотвѣтствуетъ изложеннымъ обѣщаніямъ: съ внѣшней стороны она отпечатана на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и производитъ пріятное впечатлѣніе. Внутренняя ея сторона также можетъ быть одобрена: выборъ изъ произведеній Овидія (Метаморфозъ, *Tristia*, *ex Ponto*, Героиды, Фастъ) сдѣланъ толково, при чемъ, какъ и естественно ожидать, наибольшее число эпизодовъ взято изъ Метаморфозъ; сюда вошли, дѣйствительно, наиболѣе удачныя разказы Овидія (напримѣръ, Фаэтонъ, Пеней и Вакхъ, Пирамъ и Тисба, Ино и Атамантъ, Ніоба и мн. др.); изъ *Tristia* и *ex Ponto* взяты элегіи, представляющія наибольшій интересъ для знакомства съ личностію Овидія и обстоятельствами его жизни. Жаль только, что издатель не привелъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ II-ой книги *Tristia*, наиболѣе важныхъ для характеристики литературной дѣятельности поэта. Каждому отрывку предпослано краткое изложеніе его содержанія. Текстъ взятъ издателемъ изъ рецензіи Меркеля съ немногочисленными отступленіями въ эпизодахъ Метаморфозъ, вызванными желаніемъ устранить объясненія, неумѣстныя при классномъ чтеніи; отступленія эти оговорены въ предисловіи и оправдываются съ педагогической точки зрѣнія. Приложенный къ книгѣ указатель собственныхъ именъ достаточно полонъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Адольфъ не прибавилъ къ тексту хотя бы краткихъ объяснительныхъ примѣчаній, безъ которыхъ во многихъ мѣстахъ учащіеся будутъ затрудняться въ пониманіи Овидія.

Энеида Вергилия. I—VI. С.—Пб. 1890 г. Цѣна 25 коп.

SCRIPTORES LATINI cura *Volodimeri Crausi* in usum Scholarum editi. Publi Vergili Maronis Aeneis in usum Scholarum recognita. Pars prior. Libri I—VI Petropoli. MDCCCXC. Pag. 121. Цѣна 25 коп.

Подъ общимъ заглавіемъ: „Древніе классики. Текстъ для учащихъ, проверенный русскими филологами. Подъ главною редакціей В. М. Краузе“, товарищество Общественной Пользы предприняло рядъ изданій текстовъ всѣхъ древнихъ авторовъ, читаемыхъ въ русскихъ гимназіяхъ. Судя по приложенному въ книгѣ объявленію, отличительными чертами этого предпріятія должны быть: а) стоящій на уровнѣ современнаго филологическаго знанія текстъ автора, тщательно

проверенный русскими филологами, успевшими составить себѣ имя въ области классическаго знанія въ Россіи; b) плотная бѣлая бумага, крупный вязанный шрифтъ, четкая печать съ заново отлитыаго стереотипа и удобный для употребленія учащимися форматъ; с) крайняя дешевизна, позволяющая изданію товарищества конкурировать съ общераспространенными у насъ до нынѣ заграничными.

Обращаясь къ разсматриваемому выпуску, представляющему своего рода образчикъ предпріятія, мы прежде всего неприятно поражаемся отсутствіемъ предисловія и введенія, а также и умолчаніемъ имени лица, его редактировавшаго. Г. Краузе взялъ на себя только главную редакцію. Отсутствие всего этого затрудняетъ оцѣнку достоинствъ и недостатковъ изданія, потому что прежде всего не извѣстно, чѣмъ руководствовался редакторъ при установленіи текста въ томъ или другомъ видѣ, какими источниками и пособиями онъ пользовался, въ какое сталъ къ нимъ отношеніе. Просматривая изданный текстъ, мы видимъ, что это не есть рецензія, въ собственномъ смыслѣ слова, а составленный съ консервативной точки зрѣнія, сводъ изъ изданныхъ уже редакцій текста. Составленъ онъ тщательно, съ обращеніемъ должнаго вниманія на орфографію и интерпункцію, которыя правильны и довольно послѣдовательны (есть, впрочемъ, слѣды нѣкотораго разнообразія: напримѣръ, стр. 19, I, 722 iam pridem, а II. 103 iamdudum; VI, 750 immemores и ibid. 758 illustres и т. д.), такъ что даютъ вѣрное представленіе о такъ называемой вульгатѣ. Но, если по внутреннему своему содержанію первый выпускъ предпріятія товарищества можетъ конкурировать съ заграничными изданіями, въ родѣ, напримѣръ, изданій Тейбнера или Таухница, то по отношенію къ внѣшности, то-есть, въ бумагѣ, шрифтѣ и цѣнѣ онъ долженъ имъ уступить: вмѣсто плотной, бѣлой бумаги, мы имѣемъ жидкую, сѣроватую, вмѣсто жирнаго, чернаго шрифта, отпечатаннаго превосходною черною краской, мы видимъ тонкій бѣловатый шрифтъ, тѣснящій одну строчку къ другой. Цѣна разсматриваемаго выпуска 25 копѣекъ, слѣдовательно, вся Энеида будетъ стоить 50 копѣекъ, между тѣмъ, какъ Энеида у Тейбнера стоить 90 пфенниговъ, а у Таухница—75. Въ этомъ отношеніи предпріятіе не выдерживаетъ конкуренціи.

Братское руководство къ греческому синтаксису. Для русскихъ гимназій составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназій. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 105. Цѣна 65 коп.

Трудъ г. Чернаго, въ первый разъ появившійся въ 1887 году, нынѣ вышелъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, которое сохранило видъ,

планъ и способъ изложенія предшествующаго изданія, но избобилуетъ исправленіями и дополненіями; послѣднія являются особенно въ большемъ количествѣ въ отдѣлахъ о членѣ и о глаголѣ. Эти дополненія состоятъ то въ прибавленныхъ къ прежнему тексту ссылокъ на предшествующіе или послѣдующіе отдѣлы и параграфы, то въ новыхъ примѣрахъ, разъясняющихъ еще болѣе правила перваго изданія, то въ новыхъ правилахъ, вводящихъ въ составъ книги не затронутыя еще явленія языка. Нѣтъ ни одной страницы, на которой не встрѣчалось бы дополненій той или другой категоріи, даже по нѣсколькx и не въ малыхъ размѣрахъ, почему второе изданіе по объему превосходитъ первое 15-ю страницами. Прибавленные къ отдѣлу о членѣ новые примѣры и русское ихъ толкованіе слѣдуетъ признать весьма цѣлесообразными, потому что для русскихъ учениковъ логическіе отгѣнки греческаго члена могутъ быть разъясняемы лишь эмпирическимъ способомъ посредствомъ примѣровъ. См. §§ 1, 2, 3, 4 и т. д. Дополненія же, заключающія въ себѣ новыя правила, преимущественно относятся къ отдѣлу о глаголѣ; они помѣщены по большей части въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній и потому не затрагиваютъ строя прежняго текста, какъ напримѣръ, въ §§ 48, 53, 56, 57, 70, 71, 72, 74, 75, 78, 85, 86, 87, 88 и т. д. Нельзя также обойти молчаніемъ новый способъ сообщать перечень словъ, входящихъ въ составъ трактуемаго правила; эти слова напечатаны не строками, но столбцами, отчего не мало выиграла наглядность подлежащаго изученію матеріала, какъ напримѣръ, въ § 24 в) и т. д.

Достоинства и недостатки краткаго руководства къ греческому синтаксису г. Чернаго уже были изложены въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (іюнь 1887 года, отдѣлъ Наша учебная литература, стр. 85). Тутъ, между прочимъ, указано было и на не соответствующую краткому руководству массу сообщаемаго матеріала; во второмъ изданіи не устраненъ этотъ недостатокъ, такъ какъ опущеніе нѣкоторыхъ неудачныхъ ссылокъ и двухъ мелкихъ примѣчаній не можетъ быть признано за сокращеніе матеріала; а въ замѣнъ этихъ микроскопическихъ выпусковъ новыя дополненія на столько прибавили матеріала, что книга г. Чернаго возросла отъ 85 до 105 страницъ.

Благодаря новымъ примѣрамъ, новому виду группировки словъ и болѣе ясной редакціи нѣкоторыхъ правилъ, второе изданіе несомнѣнно стоитъ выше перваго, но за то приращеніе матеріала еще болѣе его удаляетъ отъ идеала краткаго руководства, сущность котораго состоитъ не въ сжатости изложенія, и не въ мелкости пе-

чати, а опредѣляется ограниченіемъ матеріала и устраненіемъ всего того, что выходитъ изъ предѣловъ крайне необходимаго для первоначальнаго пониманія сообщаемого предмета.

Для моихъ учениковъ. Употребленіе временъ и наклоненій въ греческомъ языкѣ. (Важнѣйшія правила греческаго синтаксиса). Составилъ *Владиміръ Аппелъротъ*, преподаватель 1-й и 3-й Московскихъ гимназій. Москва. 1890. Въ 8-ку стр. 16 (безъ означенія цѣны).

Хотя означенная выше книжечка не снабжена предисловіемъ, изъ котораго можно было бы узнать, какимъ планомъ составитель руководствовался, однакожь изъ самаго заглавія: „Для моихъ учениковъ“ видно, что трудъ г. Аппелърота имѣетъ совершенно специальное назначеніе. Составитель вознамѣрился предложить въ писемъ своимъ ученикамъ правила греческихъ временъ и наклоненій, выдѣленныхъ изъ общаго руководства. Изъ этого обстоятельства однако явствуетъ и то, что ученики г. Аппелърота не пользуются однимъ изъ тѣхъ краткихъ руководствъ греческаго синтаксиса, которыя въ послѣднее время появились въ нашей учебной литературѣ, какъ на примѣръ, Канскаго, Фрейберга, Страхова и другихъ. Въ противномъ случаѣ, составителю для достиженія своей цѣли, не понадобилось бы приступать къ особому изданію, а стоило бы ему въ употребляемомъ краткомъ руководствѣ отмѣтить тѣ правила, изъ которыхъ онъ составилъ свой сборникъ, ни въ какомъ случаѣ не замѣняющій полнаго синтаксиса греческаго языка. При нынѣшнемъ же положеніи дѣла, г. Аппелъротъ поставилъ своихъ учениковъ въ необходимость, кромѣ обязательнаго общаго руководства по греческому синтаксису, приобрести себѣ еще и разсматриваемый сборникъ. По отсутствію предисловія не извѣстно также и то, для какихъ классовъ составленъ учебникъ г. Аппелърота. Что же касается до содержанія книжечки, то оно состоитъ изъ трѣхъ отдѣловъ, разбитыхъ на 14 параграфовъ. Отдѣлъ I (времена): § 1. Несовершенный видъ; § 2. Совершенный видъ. Отдѣлъ II (наклоненія). § 3. Независимыя предложенія. Отдѣлъ III: § 4. Дополнительные предложенія; § 5. Предложенія какъ подлежація; § 6. Предложенія цѣли; § 7. Предложенія слѣдствія; § 8. Вывословныя предложенія; § 9. Условныя предложенія; § 10. Уступительныя предложенія; § 11. Опредѣлительныя предложенія; § 12. Предложенія времени; § 13. Предложенія мѣста; § 14. Причастіе. Къ этимъ параграфамъ прибавлены два приложенія: 1. Отрицаніе. 2. Аттракція.

Способъ изложенія большею частью удовлетворителенъ, а сооб-

ищемый материалъ, за немногими исключеніями, вѣренъ и согласенъ съ общеупотребительными руководствами. Слѣды неосмотрительности составителя встрѣчаются въ слѣдующихъ параграфахъ:

Стр. 3, § 1, прим. „Причастіе, соответствующее также и русскому дѣепричастію“. Не сказано, въ какомъ случаѣ.

Ibid. „въ praesens и imperfectum совпадаютъ“. Не сказано, „по этимологической формѣ“.

Ibid. Приведенные примѣры не соответствуютъ правилу „я виновенъ; я побѣдитель; я живу въ изгнаніи“ представляютъ настоящее время точно такъ, какъ и греческіе: ἀδικῶ, νικῶ, φεύγω.

Стр. 5, § 3. „Поэтому“ совсемъ неумѣстно и невѣрно. Слѣдовало бы сказать: „напротивъ того“, такъ какъ различіе между древними языками и русскими заключается въ томъ, что въ послѣдней категоріи возможности дается тутъ характеръ субъективный.

Стр. 9, § 6. I. Пронуждена частица ὅς въ значеніи „чтобы“.

Ibid. § 6, II. Правило объ изъявительномъ наклоненіи послѣ verba timendi — не ясно.

Стр. 10, § 8. Частицы ἐπειδή, ἐκαί могутъ переводиться и чрезъ „такъ какъ“.

Ibid. Частица γάρ употребляется не въ придаточныхъ, но въ главныхъ предложеніяхъ. Затѣмъ ὁ μὲν γάρ слѣдовало бы пояснить.

Стр. 11, § 9. IV. „Противоположность“ — не ясно; слѣдовало бы сказать: предположеніе факта, противоположнаго дѣйствительности.

Стр. 12, § 9, прим. 1. „Смѣшеніе“ — не ясно.

Стр. 14, § 14. „Предложенія могутъ сокращаться въ причастіе“ вм. „могутъ сокращаться при помощи причастія“, потому что цѣлое предложеніе не обратится въ причастіе. Кроме того, ничего не сказано о различіи причастій атрибутивнаго и предикативнаго.

Стр. 16, прилож. Трактуются лишь объ аттракціи относительнаго мѣстоименія и т. д.

IX пѣснь Одиссея Гомера. Текстъ съ объясненіями, составленными С. Радецкимъ, преподавателемъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ву стр. 91. Цѣна 50 коп.

Трудъ г. Радецаго состоитъ изъ предисловія, краткаго обзора содержанія IX пѣсни, греческаго текста, комментарія и указателя. Греческій текстъ представляетъ редакцію Диндорфа, кое-гдѣ исправленную по изданію акад. Наука. Что касается объяснительныхъ примѣчаній, то составитель, высказывая въ предисловіи свое мнѣніе о необходимыхъ, особенно для русскихъ гимназій, свойствахъ

комментаріевъ въ классическимъ авторамъ, между прочимъ, говоритъ: „Учащіеся должны имѣть у себя пособія, которыя могли бы, съ одной стороны, подготовить ихъ не только въ переводу, но и объясненію того или другаго отрывка на урокъ, съ другой стороны—возстановить въ ихъ памяти тѣ объясненія, которыя они слышали отъ преподавателя“; и далѣе: „Толкованія должны удовлетворять учащійся во всѣхъ отношеніяхъ, то-есть, должны не только представлять болѣе или менѣе подробныя разъясненія въ области языка, но и отвѣчать хоть сколько-нибудь любознательности учащагося на вопросамъ, касающимся и другихъ отраслей классической древности. Комментарій подобнаго характера, помимо вызываемаго ими интереса, представляетъ и то удобство, что учащимся не приходится слишкомъ разбивать свое вниманіе поисками за разъясненіями того или другаго вопроса по различнымъ пособиямъ“.

Руководствуясь столь вѣрнымъ взглядомъ на то, въ чемъ состоитъ истинная задача комментарія, г. Радецкій, при составленіи своихъ толковыхъ примѣчаній, пользовался наиболѣе выдающимися, преимущественно въ нѣмецкой литературѣ изданіями Одиссеи (*Homers Odyssee für den Schulgebrauch erklärt von Dr. V. H. Koch; K. F. Ameis. Leipzig.—Homers Odyssee erklärt von Dr. V. H. Koch. Hannover. и др.*) и словарями Зейлера, Рича, Любкера и др. Такимъ путемъ ему удалось составить весьма дѣльное пособие въ Гомеру, хотя ограничивающееся, въ сожалѣнію, одною лишь нѣснью. Точныя и вѣрныя объясненія его въ полной мѣрѣ облегчаютъ ученикамъ всестороннее пониманіе текста. Впервыхъ, они знакомятъ ихъ съ самымъ языкомъ во всемъ его объемѣ; по этимологіи г. Радецкій не только старался объяснять формы эпическаго діалекта, но и сопоставлялъ ихъ, гдѣ нужно было, съ формами аттическаго нарѣчія, а по синтаксису особенное его вниманіе было обращено на значеніе и употребленіе частицъ, встрѣчающихся въ изобиліи у Гомера и выражающихъ всѣ тонкости логическихъ оттѣнковъ эпической рѣчи; не менѣе тщательно изложенъ и растолкованъ и строй сложнаго предложенія. Вовторыхъ, для пониманія самаго разказа, объясненія по мѣтлологіи, древностямъ и другимъ частямъ предметнаго комментарія, въ предѣлахъ школьнаго пособія, вполне удовлетворяютъ требованіямъ благоразумной дидактики; особенно цѣлесообразно составлены группы эпитетовъ (такъ-называемыхъ *опантіа*), свойственныхъ лицамъ и вещамъ, о коихъ упоминаютъ въ пѣснѣ, наиримѣръ, въ особыхъ примѣчаніяхъ внизу страницъ 1, 30, 31, 33, 35 и т. д. Наконецъ, не упущены изъ виду ни метрива, ни просодія, знакомство съ которыми составитель сара-

ведливо считаетъ необходимымъ для яснаго пониманія формы поэтическаго произведенія. Педагогическій тактъ г. Радецаго выказывается и въ томъ, что объясненія помѣщены не на каждой страницѣ подъ самымъ текстомъ, но въ видѣ приложенія, не дающаго ученику возможности, рассчитывать на помощь комментарія во время устнаго перевода греческаго текста на самомъ урокъ. Но самое главное достоинство книги несомнѣнно состоитъ въ томъ, что объемъ и содержаніе объясненій нисколько не дѣлаютъ излишнимъ употребленіе грамматики и словаря, безъ которыхъ теоретическое изученіе языка не мыслимо.

Не будемъ говорить о мелкихъ и притомъ немногочисленныхъ недосмотрахъ, встрѣчающихся въ книгѣ, какъ напримѣръ: стр. 24, къ стиху 18—, ἔω (ἔσω)=φ^α, или стр. 21, къ ст. 6—, частица εο, образовавшаяся изъ ἐσω^α. Формы ἔσω и εσο, совершенно фантастическія и ничѣмъ не оправдываемыя. Стр. 33 къ ст. 64—, ἀμφιέλιοναι=изогнутые, закругленные^α вм. качающіеся въ ту и другую сторону; стр. 35, прим. 1— διᾶ=прекрасная, блестящая^α вм. Божественная, величественная, и , χρὸκόπεπλος = златоризая^α, χρὸκος значить не золото, а шафранъ. Стр. 73 къ ст. 401—, ἄλλοθεν ἄλλος = undique^α. Хотя на стр. 82, къ ст. 493, къ слову undique прибавленъ и вѣрный переводъ aliunde alius, но лишь въ скобкахъ. Латинское undique по гречески πανταχόθεν.

Не смотря на эти недосмотры, трудъ г. Радецаго, въ цѣломъ, можетъ стать рядомъ съ лучшими пособиями того же рода, употребляемыми нынѣ въ нашихъ гимназіяхъ, но уступаетъ имъ въ количествѣ Гомеровскаго текста, котораго едва ли хватитъ на одинъ годовою курсъ V класса.

Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I. Вооруженіе и составъ греческаго войска. Объяснительный текстъ къ I-ой и II-ой таблицамъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Составилъ *Степанъ Цыбульскій*, преподаватель Варшавской IV мужской гимназіи, съ приложеніемъ литограф. таблицы и рисунка въ текстѣ. С.-Пб. и Москва. 1889. Въ 8-ку. Въ объяснительномъ текстѣ стр. 53. Цѣна 40 коп., а таблицы по 1 р. 50 коп.

Считая иллюстрированное пособие по классическимъ древностямъ, съ одной стороны, необходимымъ для успѣшнаго чтенія греческихъ и римскихъ авторовъ въ нашихъ гимназіяхъ, а съ другой — по дороговизнѣ доступнымъ не для всѣхъ учащихся, г. Цыбульскій задумалъ составленіе стѣнныхъ картъ, которыя, будучи развѣшаны по стѣнамъ класса, благодаря большому своему формату, давали бы ра-

зомъ всѣмъ ученикамъ возможность нагляднымъ образомъ знакомиться съ наружнымъ видомъ описываемаго предмета. Г. Цибульскій предполагаетъ издать всего три серіи такихъ стѣнныхъ картинъ. Первая серія будетъ состоять изъ семнадцати листовъ слѣдующаго содержания: I) Оборонительное и наступательное оружіе у древнихъ грековъ. II) Греческія войны. III) Греческіе и римскіе корабли. IV) Греческіе и римскіе лагеря. V) Оборонительное и наступательное оружіе у римлянъ. VI) и VII) Римскія войны. VIII) Военныя машины у грековъ и римлянъ. IX) Греческія и римскія монеты. X) Греческій домъ. XII и XIII) Греческій театръ. XIV) Планъ древнихъ Афинъ (на двухъ большихъ листахъ) и XV) Планъ древняго Рима (также на двухъ листахъ того же размѣра). Вторая серія будетъ посвящена домашнимъ древностямъ и религіозному быту, а третья — планамъ главнѣйшихъ битвъ въ греческой исторіи и топографіи замѣчательныхъ мѣстностей древности.

Нынѣ вышли въ свѣтъ двѣ первыхъ картины первой серіи и при нихъ книжка подъ заглавіемъ „Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I. Вооруженіе и составъ греческаго войска“.

Первая таблица, озаглавленная ἀμυντήρια ὅπλα καὶ βέλη, заключаетъ въ себѣ изображенія оборонительнаго и наступательнаго оружія, составлявшаго полное вооруженіе греческаго воина разныхъ періодовъ времени, какъ-то: мечей, копій, стрѣлъ, шлемовъ, латъ, колесницъ и т. д., обозначенныхъ какъ въ цѣлости, такъ и въ ихъ частяхъ греческими названіями. Опущено, между прочимъ, упоминаемое у Гомера (II. IV. 187, 216 и др.) ζῶμα и (II. III. 372 и т. д.) τροφάλαια или τριφάλαια. Вторая же таблица представляетъ вполне вооруженнаго греческаго воина въ пяти типахъ (ἀρχαῖος στρατιώτης, ὀπλίτης, γομνήτης, ἀμάζων и τοξότης). Художественная отдѣлка полихроматическихъ изображеній удовлетворительна, а приблизительная вѣрность ихъ обезпечена тѣмъ обстоятельствомъ, что рисунки составлены по сохранившимся до нашихъ временъ памятникамъ скульптуры (статуи, барельефы и т. д.), живописи (вазы и т. д.), по монетамъ древнихъ грековъ и по добытымъ изъ раскопокъ подлиннымъ принадлежностямъ древней арматуры. По этой части археологіи для таблицъ особенно важными оказались раскопки, произведенныя въ новѣйшее время Шлиманомъ на холмѣ Гиссарликъ въ Малой Азій, въ Миѣнахъ и въ Тиринѣ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что, не смотря на всѣ источники, вопросъ о точномъ назначеніи нѣкоторыхъ частей вооруженія (какъ, на примѣръ, φάλος, φάλαγγ и др.) пока еще не доведенъ до окончательнаго рѣшенія. При раскрашиваніи кар-

тинъ г. Цыбульскій руководствовался известнымъ ученымъ трудомъ: *Geschichte der griechischen Farbenlehre. Die Farbenbezeichnungen der griechischen Epiker von Homer bis Quintus Smyrnaeus* von E. Vöckelstädt. Paderborn. 1888. Кроме того, видно, что составитель не только пользовался сочинениями новейшихъ литературъ, относящихся къ военному дѣлу древнихъ грековъ, но и непосредственно черпалъ изъ классическихъ авторовъ необходимыя для предмета свѣдѣнія.

Объяснительный текстъ къ двумъ таблицамъ тщательно разбираетъ изображенные въ таблицахъ предметы въ двухъ главахъ, соотвѣствующихъ двумъ листамъ. Глава I (Вооруженіе) объясняетъ: § 1. Оружіе до-гомеровскаго періода; § 2. Оружіе героическаго періода; и § 3. Оружіе историческаго времени. Глава II (Устройство греческаго войска) трактуетъ: § 1. Героическій періодъ; § 2. Историческій періодъ (Спартанское государство; Аѳинское государство; греческіе наемники. Ифигратъ. Македонскій періодъ). Всѣ положенія составитель старался подтвердить то ссылками на классическихъ писателей, въ особенности, читаемыхъ въ гимназіяхъ, то указаніями на сохранившіеся памятники древняго искусства. Къ книжкѣ приложена особая карта, въ которой представлены предметы не въ реставрированномъ видѣ, какъ въ таблицахъ, во въ томъ видѣ, въ которомъ они были найдены въ самыхъ раскопкахъ.

Удовлетворительность таблицъ и цѣлесообразность текста не только даютъ право г. Цыбульскому рассчитывать на сочувствіе лицъ, интересующихся преподаваніемъ классическихъ языковъ, но и заставляютъ надѣяться, что развѣшанныя въ классахъ гимназій карты г. Цыбульскаго принесутъ учащимся не малую пользу. Въ объяснительный текстъ вкралась опечатка; на стр. 31 въ строкѣ 10 снизу мы читаемъ: „бронза наступательнаго оружія“ вм. „бронза оборонительнаго оружія“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

ВОСЬМОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪЪЗДЪ.

(9-го—24-го января 1890 года).

I.

Общій обзоръ.

Восьмой археологическій съездъ, состоявшійся въ текущемъ году въ Москвѣ въ залахъ Историческаго музея, былъ приуроченъ по времени къ юбилею двадцатипятилѣтняго существованія Московскаго Археологическаго Общества. Нельзя не признать вполне правильнымъ подобное рѣшеніе. Основаніемъ, программю и въ значительной степени своею плодотворностью археологическіе съезды обязаны покойному графу А. С. Уварову, который въ теченіе двадцати лѣтъ стоялъ во главѣ Московскаго Археологическаго Общества, былъ „душою, руководителемъ его трудовъ, инициаторомъ его ученыхъ предпріятій“¹⁾. Можно сказать, что изъ дѣятельности Московскаго Общества выросли и настоящіе съезды. Помимо заботъ по ознакомленію публики съ открытіями и вопросами въ области археологии общей и русской, кромѣ дѣятельности по изученію и описанію древностей, сохраненію памятниковъ, приведенію ихъ въ извѣстность, составленію пособій для ихъ описанія и изученія, помимо заботъ о возстановленіи и охранѣ древнихъ зданій, особенно церквей,—по-

¹⁾ Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ существованія, стр. 3.

мимо всего этого дѣятельность графа Уварова, или—что почти одно и то же—Московского Археологическаго Общества всегда будетъ тѣсно связана съ устройствомъ и археологическихъ съѣздовъ. Вотъ почему вполне естественно было видѣть совпаденіе двухъ праздниковъ этихъ столь однородныхъ по своимъ задачамъ органовъ археологической науки.

Нынѣшній съѣздъ, открытый 9-го и продолжавшійся до 24-го января ¹⁾, былъ особенно многолюденъ и оживленъ. Не одно только гостепрѣимство хлѣбосольной Москвы дѣлало его шумнымъ и привлекательнымъ; но и разнообразіе прочитанныхъ рефератовъ, прекрасная выставка, участіе множества археологовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи, а также и гостей иностранныхъ. Съѣзды, очевидно, укоренились и стали нормальнымъ явленіемъ въ жизни русской науки, и тѣмъ большее спасибо приходится сказать тѣмъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ трудное дѣло первоначальной ихъ организаціи. Цифровыя данныя, полагаемъ, всего убѣдительнѣе покажутъ послѣдовательный и успѣшный ростъ археологическихъ съѣздовъ.

Всѣхъ съѣздовъ до послѣдняго времени было семь: московскій (1869 года), петербургскій (1871), кievскій (1874), казанскій (1877), тифлиссскій (1881), одесскій (1884) и ярославскій (1887). Въ то время какъ на первомъ было всего 130 членовъ, на второмъ—170, на третьемъ—уже 204, а на четвертомъ число ихъ возрастаетъ до 347; на пятомъ, вѣроятно, нѣсколько больше ²⁾, на шестомъ—372, и только на седьмомъ оно упало до 240. Нынѣшній же московскій съѣздъ считалъ въ своей средѣ 380 членовъ, въ томъ числѣ 162 депутата ³⁾ отъ 68 учреждений, именно: отъ Академіи Наукъ, 9 университетовъ, Демидовскаго лицея, Лазаревскаго института, 3 духовныхъ академій, 18 русскихъ и 6 иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, 3

¹⁾ Собственно говоря, открытіе съѣзда первоначально назначено было на 8-е января, но въ этотъ день Московское Археологическое Общество служило (днемъ) панихидою по усопшимъ своимъ членамъ и праздновало (вечеромъ) свой юбилей въ торжественномъ засѣданіи, принимая многочисленныя (до 50) поздравленія отъ депутацій ученыхъ обществъ.

²⁾ „Историческая записка“, на которую мы уже ссылались и откуда извлечены эти цифровыя данныя, хотя и показываетъ число членовъ Тифлисскаго съѣзда „до 400“ (стр. 91), но по основаціямъ, далекимъ отъ безусловной достоверности.

³⁾ Впрочемъ одно и то же лицо иногда совмѣщало въ себѣ представительство двухъ или болѣе учреждений, такъ что дѣйствительная цѣбра представителей должна нѣсколько понизиться.

архивовъ, 3 музеевъ, 1 ризницы, 7 архивныхъ комиссій, 7 статистическихъ комитетовъ и 8 другихъ разнаго рода учреждений. Между тѣмъ на одесскомъ съѣздѣ, едва ли не самомъ многочисленномъ, участвовало всего 32 учрежденія съ 73 депутатами. Число засѣданій распредѣляется въ такомъ порядкѣ: 19, 20, 27, 24, 20, 38, 21 и 34. Такимъ образомъ, только одесскій съѣздъ превысилъ нынѣшній московскій. За то по числу рефератовъ и онъ долженъ уступить первенство съѣзду восьмому. Сообщенія идутъ въ такой послѣдовательности: 57, до 70, до 110, до 112, 86, 117, 69 и 136. Росло также и число отдѣленій: въ 1869 году ихъ было всего шесть: 1) древности первобытныя; 2) древнерусское искусство; 3) памятники языка, письма и быта; 4) древности, юридическія, 5) восточныя и 6) классическія и византійскія; въ 1874 году ихъ уже восемь, а нынѣ сочтено было полезнымъ и возможнымъ разбить дѣятельность ученаго собранія на девять секцій: 1) древности первобытныя (было 5 засѣданій съ 21 рефератомъ; 2) историко-географическія и этнографическія (6 зас. и 25 реф.); 3) памятники искусства и художествъ (2 зас. и 5 реф.); 4) русскій бытъ—домашній, юридическій и общественный (2 зас. и 9 реф.); 5) памятники церковныя (4 зас. и 19 реф.); 6) памятники славянорусскаго языка и письма (5 зас. и 21 реф.), 7) памятники классическія, византійскія и западно-европейскія (2 зас. и 7 реф.); 8) древности восточныя и языческія (3 зас. и 12 реф.) и 9) памятники археологическія (2 зас. и 9 реф.).

Было бы излишне распространяться о томъ сближеніи, какое создаютъ съѣзды, подобные археологическимъ, среди ученаго міра, о томъ научномъ общеніи, какой отсюда происходитъ, о возбужденіи новыхъ вопросовъ, появленіи новыхъ трудовъ и т. п. Сколько, на примѣръ, крупныхъ сочиненій и ученыхъ экспедицій вызвано специально тѣмъ или инымъ съѣздомъ! Вспомнимъ работы С. М. Шпилевскаго о древнебулгарскихъ городахъ, П. Г. Заринскаго—о древней Казани, И. В. Помяловскаго—Сборникъ древнихъ греческихъ кавказскихъ надписей и т. п., или раскопки графа Уварова и профессора Антоновича на Кавказѣ, поѣздку въ Константинополь подъ руководствомъ профессоровъ Кондакова, Васильевскаго и Успенскаго....

Еще съ перваго съѣзда начинается выработка вопросовъ для коллективнаго ихъ обсужденія археологами: къ 1869 году было поставлено 118 вопросовъ; къ 1871 году выработано вновь 43. Кіевскому съѣзду предложено было два вида вопросовъ: для обсужденія (72)

и вопросы, по которымъ съѣздъ желалъ получить свѣдѣнія (45). Въ такомъ же двоякомъ видѣ предлагались вопросы и съѣздамъ четвертому (104 вопроса и 71 запросъ), пятому (74 и 88), шестому (131 и 102) и восьмому (73 и 50). Далекое, разумѣется, не всѣ изъ нихъ получили свое разрѣшеніе, и къ восьмому съѣзду таковыхъ оставалось еще 329.

Нельзя пропустить безъ вниманія сравнительно большого количества археологическихъ картъ, приготовленныхъ и представленныхъ нынѣшнему съѣзду съ подробными записками и нанесеніемъ кургановъ на десятиверстную карту г. Стрѣльбицкаго. Такъ В. Б. Антоновичъ приготовилъ карту Кіевской губерніи, Д. И. Багалъй—Харьковской, И. А. Износковъ—Казанской, И. Ѳ. Миловидовъ—Костромской, Е. Р. Романовъ—Могилевской, г. Савенковъ—Енисейской, П. Я. Словоцовъ—Тобольской, А. А. Спицынъ—Вятской, В. Н. Сторожевъ—Тульской, Тамбовская архивная коммиссія—Тамбовской, гг. Харузинъ и Коврайскій—Московской. Отдѣльные уѣзды обработаны: Н. Г. Первухинимъ—Глазовскій Вятской губерніи, вв. П. А. Путятинимъ—Валдайскій Новгородской губерніи, А. А. Титовымъ—Ростовскій Ярославской губерніи и г. Шмидтомъ—Гдовскій Петербургской губерніи. Кромѣ того, Волинскій статистическій комитетъ прислалъ карту Волинской губерніи, но безъ пояснительной записки, а А. В. Адриановъ—одну только записку о древностяхъ Томской губерніи, но безъ нанесенія ихъ на карту. Карта Пермской губерніи подготавливается Ѳ. А. Теплоуховымъ и О. Е. Клеръ, карта Херсонской—В. Н. Ястребовымъ.

Какъ на предыдущихъ съѣздахъ археологическихъ при настоящемъ устроена была выставка, и притомъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ. По замѣчанію одного изъ знатоковъ дѣла, такой выставки, какъ нынче, не было, да и не будетъ болѣе, въ виду недавняго запрещенія свѣтѣйшаго синода выдавать хотя бы на время церковную утварь изъ ризницъ. Не смотря на то, что на призывъ Московскаго Археологическаго Общества, обращенный къ владѣльцамъ коллекцій, общественныхъ и частныхъ, откликнулись далеко не всѣ ¹⁾, на выставкѣ было что посмотреть и чему поучиться. Къ сожалѣнію, каталогъ не

¹⁾ Губернаторы, статистическіе комитеты и члены-корреспонденты указали Обществу 121 владѣльца частныхъ коллекцій; изъ нихъ только 20 лицъ, если не считать 17-ти постоянныхъ жителей Москвы, согласились прислать свои вещи, да и то изъ нихъ ровно половина состоитъ членами и постоянными сотрудниками Общества.

былъ своевременно готовъ, выходилъ по частямъ, такъ что нѣкоторые отдѣлы не дождались своего описанія даже ко времени закрытія съѣзда.

Освобождая себя собственно отъ описанія выставки и предоставляя это лицамъ болѣе компетентнымъ ¹⁾, мы ограничимся однимъ только бѣглымъ перечнемъ главнѣйшихъ ея отдѣловъ.

Н. Л. Шабельская выставила рѣдкостное собраніе старинныхъ вещей русскаго женскаго убора и домашнихъ принадлежностей вообще. Однихъ какъ, кокошниковъ, повойниковъ, налобниковъ и тому подобныхъ предметовъ дамскаго туалета насчитывалось до 191; изящная работа золотомъ чередовалась съ нязаньемъ жемчуга; различныя губерніи имѣли въ этой коллекціи своихъ представителей. Пожалуй, еще интереснѣе были образцы стариннаго русскаго шва и кружевъ (155 №№) и женской одежды. Всего г-жа Шабельская выставила 676 предметовъ; одна эта цифра краснорѣчиво говоритъ за себя. Тою же экспоненткою были представлены и современные копии нѣкоторыхъ старинныхъ памятниковъ; таково, напримѣръ, родословное дерево нынѣ благополучно царствующаго дома Романовыхъ (со старинной фрески Ильинской церкви города Ярославля), фигура царя Θεодора Алексѣевича (изъ Архангельскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ), Московскій гербъ, портреты Владиміра Святаго, Владиміра Мономаха, царевича Дмитрія (изъ Титулярника 1672 года) и проч.

Ограничиваемся однимъ упоминаніемъ о коллекціяхъ музеевъ Историческаго Московскаго, Рязанскаго, Минскаго, Тверскаго, Кіевскаго церковно-археологическаго, древлехранилища Александроневскаго братства во Владимірѣ на Клязьмѣ, объ интересныхъ майоликахъ, братинахъ, лампадахъ, ящикахъ, складняхъ, стопахъ, крестахъ, стаканахъ и тому подобныхъ вещахъ изъ частныхъ коллекцій. Т. Ѳ. Большаковъ выставилъ рукописи, старопечатныя книги, иконы и разныя древности (170 №№); въ коллекціи В. Г. Са-

¹⁾ См., напримѣръ, прекрасную статью г. Н. П.: „Церковная старина на выставкѣ VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ“ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1890, №№ 6 и 7, включающую въ себя сущность тѣхъ объясненій, которыя ученый авторъ давалъ на самой выставкѣ передъ многочисленными слушателями. Съ тѣмъ же церковно-историческимъ отдѣломъ выставки знакомить отчетъ о съѣздѣ, напечатанный въ *Православн. Обзорникѣ* 1890, № 3, стр. 571—577. Общій а, по видимому, обширный обзоръ всей выставки начатъ Д. В. Айноловымъ во 2-мъ выпускѣ *Вѣстника изящн. искусствъ* за текущій годъ.

познкова можно было найдти нѣсколько очень цѣнныхъ образцовъ древнихъ парчей и матерій; І. А. Хайновскій выставилъ предметы, относящіеся до эпохи скифо-сарматской и древнеславянской, до-монгольской и наконецъ разныя вещи изъ эпохи южной Руси XVI и XVII вв. Церковная старина была представлена на нынѣшней выставкѣ чрезвычайно богато и полно цѣнными вещами, обыкновенно разбѣянными по церковнымъ и монастырскимъ ризницамъ обширной Россіи, а также и по частнымъ рукамъ. Изъ послѣдняго разряда коллекцій необходимо отмѣтить прекрасное собраніе принадлежащее И. Л. Силину (198 №№; сверхъ того, 56 рукописей и 52 старопечатныхъ книги). Однако, ни одну изъ нихъ нельзя поставить на одинъ уровень съ колоссальнымъ собраніемъ Н. М. Постникова (3,223 №№), едва умѣстившимся въ двухъ отведенныхъ для него залахъ и почти исключительно состоявшимъ изъ иконъ различнаго письма, складней, крестовъ, вѣнцовъ, панагій и другихъ предметовъ церковнаго обихода. Небывалая полнота этой коллекціи давала возможность исторически прослѣдить развитіе иконописнаго дѣла на Руси ¹⁾. Большой цѣнности была коллекція финифтяныхъ издѣлій русскихъ и иностранныхъ, Д. А. Постникова, и можетъ быть, еще больше—древности Калужскія Н. И. Булычева; кромѣ того, христіанскія древности А. В. Прахова, собранныя имъ во время поѣздки на Волынь, Пермскія древности А. Е. Теплоухова (71 таблица), Вятскія древности Н. Г. Первухина, находки въ курганахъ Осетіи изъ собранія графа А. С. Уварова (493 №№), раскопки В. И. Сизова на Кавказѣ (201 №№), собраніе курганныхъ древностей П. А. Зарѣцкаго изъ Харьковской губерніи и многія другія. Коллекціи первобытныхъ древностей Д. Я. Самоквасова, Г. Л. Скадовскаго и А. В. Толстаго были пожертвованы ихъ владѣльцами Историческому музею.

Одновременно съ выставкою археологическою на время съѣзда архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ устроилъ другую выставку изъ наиболѣе любопытныхъ предметовъ своего драгоценнаго собранія. На ней преобладали планы и древнія карты, рукописи на восточныхъ языкахъ, оригиналы мирныхъ трактатовъ, буллы, грамоты, письма и другіе дипломатическіе документы. Для удобства обозрѣнія былъ составленъ каталогъ выставки бібліотекаремъ архива И. Ѳ. Токмаковымъ.

¹⁾ Сверхъ того, г. Постниковъ выдалъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ каталогъ своего собранія, образцово составленный и богато украшенный (45-ю) фотогравюрами.

Переходимъ теперь къ непосредственнымъ работамъ съѣзда. Въ виду того, что нельзя ожидать скорого появленія въ свѣтъ полнаго изданія его трудовъ, а то, что успѣло появиться, то-есть, газетные отчеты, большею частью отрывочны и составлены на скорую руку, мы сочли не бесполезнымъ теперь же предложить лицамъ интересующимся обзоръ прочитанныхъ рефератовъ и вызванныхъ ими преній. Являясь такимъ образомъ только скромнымъ лѣтописцемъ московскаго съѣзда, авторъ нижеслѣдующихъ страницъ не можетъ даже обѣщать изложенія всѣхъ 136 рефератовъ, хотя бы по одному недостатку мѣста. Но матеріаломъ для нашей лѣтописи служили непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ засѣданій ¹⁾, а также самыя сообщенія, полностью или *in-extenso* любезно представленныя въ наше распоряженіе нѣкоторыми изъ г.г. референтовъ, которые, кромѣ того, иногда просматривали наши отчеты или вообще давали тѣ или другія указанія ²⁾.

Въ передачѣ рефератовъ мы сочли удобнымъ не держаться дѣленія ихъ по секціямъ, въ которыхъ они были доложены, въ виду нерѣдко случайнаго ихъ распредѣленія, ни тѣмъ болѣе слѣдить за ними въ порядкѣ времени ихъ прочтенія. Весь матеріалъ, о которомъ мы намѣрены вести рѣчь, расположенъ нами въ слѣдующія десять рубрикъ: 1) первобытныя древности; 2) на рубежѣ двухъ эпохъ: доисторической и исторической; 3) русскіе инородцы; 4) общая исторія Россіи; 5) литературная старина; 6) церковная старина; 7) Византія; 8) древній востокъ; 9) сообщенія иностранныхъ делегатовъ, и 10) методологія археологическихъ знаній.

¹⁾ Въ сожалѣнію, по недостатку времени и обилію рефератовъ распорядительный комитетъ съѣзда бывалъ иногда вынужденъ назначать въ одни и тѣ же часы засѣданія двухъ секцій, что, разумеется, лишало возможности прослушать всѣ рефераты.

²⁾ Пользуемся случаемъ принести благодарность въ оказанномъ содѣйствіи Д. Н. Анучину, Н. Н. Ардашеву, Н. И. Веселовскому, А. Г. Говдаво-Голомбевскому, В. Т. Георгіевскому, И. Е. Забланину, В. З. Завитневичу, А. И. Кирпичникову, Ф. Ф. Лапкину, И. А. Линиченку, Х. М. Лопареву, А. И. Марквичу, В. Ф. Миллеру, П. Н. Милюкову, А. Ф. Маржинскому, А. А. Павловскому, Н. В. Покровскому, Алексѣю Вас. Селиганову, В. И. Сизову, И. Н. Смирнову, А. И. Соболевскому, М. И. Соколову, В. Н. Сторожеву, С. П. Тимошееву, Ф. И. Успенскому, графу де-Флери и Ф. Ф. Чекалинну. Считаемъ излишнимъ упоминать, что всякая ошибка или неточность изложенія, если таковая окажется, должна всецѣло падать на насъ однихъ.

II.

Первобытныя древности.

Доисторическая археологія, по скольку она касается вещественныхъ памятниковъ курганной поры, есть наука по истинѣ еще молодая. Это прекрасно подтверждаетъ довольно длинный рядъ рефератовъ, посвященныхъ ей на нынѣшнемъ съѣздѣ. Сообщенія почтенныхъ археологовъ наглядно доказываютъ, что мы еще находимся въ періодъ собиранія матеріала и его раскапыванія. Выводы даются пока весьма условные и частнаго характера. Попытки же къ болѣе широкимъ обобщеніямъ далеки отъ твердой обоснованности и потому встрѣчаютъ нерѣдко дружныя и солидныя возраженія. За то работы на почвѣ строго фактической увеличиваютъ цѣнный матеріалъ, которымъ воспользуются позднѣйшіе дѣатели на этомъ поприщѣ, и нельзя не пожелать, чтобъ именно въ такомъ направленіи пока сохлдились главнымъ образомъ усилія нашихъ ученыхъ. Какихъ прекрасныхъ результатовъ можетъ достигъ подобная работа, продѣланная во всеоружіи знанія, приводя даже къ точнымъ выводамъ, разъ они не претендуютъ на широкое примѣненіе, лучшимъ доказательствомъ служить рефератъ кievскаго профессора В. Б. Антоновича: „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи“. Съ доклада уважаемаго археолога умѣстнѣе всего и начать обзоръ сообщеній, сдѣланныхъ на съѣздѣ, по отдѣлу доисторической археологіи.

Ниже мы сообщимъ содержаніе реферата Д. Я. Самоквасова: „Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи“; здѣсь же только отмѣтимъ, что г. Антоновичу пришлось говорить послѣ варшавскаго профессора, вызвавшаго своею рѣчью большіе споры и несогласія. Быть можетъ, это обстоятельство заставило перваго послѣпить съ предупрежденіемъ, что, идя путемъ отличнымъ отъ пути г. Самоквасова, онъ не беретъ на себя смѣлости рѣшать, какой изъ нихъ лучше, его ли—строго археологической, или г. Самоквасова—чисто исторической, и довольствуется однимъ констатированіемъ того, что путь этотъ—иной. Озабоченный не столько желаніемъ дать широкія обобщающія положенія, сколько въ тѣсно-территоріальныхъ размѣрахъ попытаться уложить наблюденныя явленія, по скольку они поддаются этому укладыванію, почтенный референтъ, разумѣется, именно вслѣдствіе этихъ осторожныхъ размѣровъ

имѣлъ возможность предложить собранной публикѣ результаты въ высшей степени точные, вѣскіе и виѣстѣ съ тѣмъ полные живаго интереса.

Работа кіевскаго профессора состояла главнымъ образомъ въ опредѣленіи устройства гробницъ и способовъ погребенія и затѣмъ въ сличеніи находокъ предметовъ и въ географическомъ распредѣленіи одного и того же предмета по мѣстностямъ. Изъ общаго числа 12,000 кургановъ, извѣстныхъ въ Кіевской губерніи, изслѣдовано (и болшею частію по научнымъ приемамъ) всего 566. Весь этотъ матеріаль референтъ дѣлитъ на три основныхъ отдѣла. Не желая присвоивать имъ какихъ-либо спеціальныхъ названій, онъ обозначаетъ первый отдѣлъ, какъ каменный, потому что онъ заключаетъ въ себѣ предметы каменнаго вѣка. Въ немъ, въ свою очередь, легко различаются три типа. Первый характеризуется курганами небольшого объема, бѣдными содержаніемъ, исключительно изъ кремня; подъ скелетомъ, или по крайней мѣрѣ, подъ головою всегда находится небольшой искусственный слой песка или глины бѣлаго цвѣта; кости обернуты въ бересту. Второй типъ встрѣчается очень рѣдко, но не въ силу малочисленности могильниковъ этого рода, а случайности ихъ нахождения, обусловленной трудностью находить ихъ. Это не курганы, а гробницы (каменные кисты изъ гранитныхъ отколотыхъ плитъ) безъ всякихъ насыпей, лежащія обыкновенно не глубоко, всего на половину или три четверти аршина подъ землею. Въ нихъ отыскиваются маленькіе кремневые топорки, хорошо отполированные. Любопытно, что этотъ типъ, по времени болѣе поздній, отысканъ пока только на сѣверѣ Кіевской губерніи. Третій типъ кургановъ каменнаго періода, ставшій извѣстнымъ не ранѣ семидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія, обыкновенно представляетъ большія насыпи, внутри коихъ на значительной глубинѣ высѣченъ рядъ ямъ, гдѣ лежатъ одинъ, два, рѣдко три скелета въ согнутомъ видѣ, непременно длинноголоваго племени (равно какъ и въ могильникахъ перваго типа). Сосуды — грубой работы; встрѣчаются костяныя вещи съ легкими слѣдами металловъ. Но болѣе характерною примѣтою могильниковъ настоящаго типа, — это, конечно, окраска костей красною желѣзистою краскою. Высказывалось нѣсколько предположеній для объясненія этого страннаго факта; но всѣ они не могутъ быть признаны удовлетворительными. Референтъ, отнюдь не настаивая на убѣдительности своего домысла, выставляетъ такой: окраска происходила уже на самомъ трупѣ погребаемой личности.

при чемъ, съ разложеніемъ его, должна была осаждаться на костяхъ.

Ко второму отдѣлу нужно отнести курганы скиѣскіе. Они, очевидно, принадлежать народу кочевому, степнякамъ; устройство ихъ общеизвѣстно; въ найденномъ оружіи болѣе желѣза и меньше бронзы; за то въ украшеніяхъ, на оборотъ, преобладаетъ бронза. Копья всегда желѣзныя. Много зеркалъ, бусъ, сосудовъ, сѣры, красокъ, раковинъ—изъ нихъ не мало относящихся къ фаунѣ Средиземнаго моря. Любопытны фигуры съ изображеніями звѣрей, чаще всего лошади, оленя, орла, чуждыя классическому искусству. Референтъ не рѣшился классифицировать скиѣскихъ кургановъ, ограничившись однимъ указаніемъ, что находимые въ южныхъ уѣздахъ губерніи сохраняютъ слѣды греческаго вліянія, въ сѣверныхъ же они лишены такового.

Послѣдній отдѣлъ могильниковъ, раскопанныхъ г. Антоновичемъ, уже нѣсколько поддается этнографической терминологіи, — это курганы славянскіе. Общіе признаки ихъ: рѣдкость золота, бронза въ оружіи и никогда въ украшеніяхъ, которыя преимущественно пользуются серебромъ. Кургановъ этой категоріи три типа. 1) Древлянской—на сѣверѣ Кіевской губерніи (часть бывшей территоріи древлянскаго племени). Гробницы 226 разрытыхъ кургановъ всѣ лежатъ не глубоко, никогда не глубже слоя подпочвы и расположены густыми группами, иногда до 900—1200 штукъ въ каждой. Что касается содержанія, то замѣчается почти полное отсутствіе оружія и сосудовъ, за то постоянно: небольшой желѣзный ножъ, огниво, совершенно такого же типа, какъ и нынѣ употребляемыя мѣстными крестьянами; кончикъ женской косы украшался нѣсколькими кольцами. Весьма характернымъ является масса желѣзныхъ гвоздей, окружающихъ скелетъ по контурамъ, опредѣляя такимъ образомъ его размѣры. 2) Полянской—глубоко подъ почвою лежація ямы, громаднаго размѣра; въ нихъ хоронились покойникъ верхомъ на лошади; соотвѣтственно этому главное содержаніе находокъ состоитъ въ вооруженіи: громаднаго копья, кольчуги, меча, стрѣлъ (желѣзныхъ, никогда не бронзовыхъ). Шлемы совершенно схожи съ извѣстнымъ шлемомъ Ярослава Всеволодовича. Двѣ такія гробницы найдены въ самомъ городѣ Кіевѣ; въ одной изъ нихъ отыскана арабская монета 764 года. 3) Третій типъ еще не ясенъ, и референтъ отказался опредѣлить его сколько-нибудь точно.

Подобно докладу В. Б. Антоновича, и рефератъ Д. И. Багалѣя — „Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи“ — охватывалъ предѣлы цѣлой области, пытаясь подвести итоги мѣстной ста-

ринѣ и характеризовать важнѣйшіе виды памятниковъ. Большимъ подспорьемъ докладчику служили раскопки И. А. Зарѣцкаго, но какъ сырой матеріалъ, ибо въ оцѣнѣ послѣдняго г. Багалѣй съ нимъ расходится, такъ какъ, по его мнѣнію, г. Зарѣцкій не отличаетъ предметовъ найденныхъ въ песчаныхъ буграхъ (они древнѣе, бронзовые) отъ найденныхъ въ курганахъ (они позднѣе, желѣзные). У Харьковской губерніи былъ свой каменный періодъ; сохранились слѣды и бронзовой эпохи. Курганныя находки должны быть разбиты на двѣ группы: съ римскими монетами I—III вѣковъ по Р. Хр. и съ византійскими и арабскими VI—IX по Р. Хр. Въ княжескій періодъ нашей исторіи предѣлы нынѣшней Харьковской губерніи составляли Украину Чернигово-Сѣверской земли. Всего далѣе въ степь выдвинулись города Донецъ, упоминаемый въ Словѣ о Полку Игоревѣ, Шарукань (нынѣшній Харьковъ), Чешуевъ (нынѣшній Чугуевъ), Вырь, Выханъ и др. Ошибочно думать, что они основаны половцами: послѣдніе не умѣли строить городовъ. Это русскія поселенія, хотя и съ сильною примѣсью половецкаго элемента. Не даромъ стоило только во время похода 1111 года запѣть священникамъ тропари и кондаки, какъ шаруканцы отворили ворота русскимъ князьямъ (Лѣтопись по Ипатск. списку, 192).

Возникшія пренія выяснили, что референтъ и Д. Я. Самоквасовъ расходятся по вопросу о томъ, къ какому племени можно приурочить курганы Харьковской украины: половцамъ ли (первымъ), или сѣверянамъ (второй); впрочемъ Д. И. Багалѣй только опровергалъ сѣверянское ихъ происхожденіе, указывая на полное отсутствіе вещей (напримѣръ, серебра), которыя характеризовали бы эпоху славяно-русскую, но не рѣшался непременно приписывать ихъ половецкимъ кочевникамъ. Д. Н. Анучинъ и В. И. Сизовъ, особенно первый, находя, что референтъ недостаточно оцѣнилъ заслуги г. Зарѣцкаго, выставили это на видъ, рисуя послѣдняго, какъ чрезвычайно точнаго и неутомимаго работника.

Болѣе частный характеръ носили рефераты г-жи Мельникъ, гг. Скадовскаго, Хайновскаго, Поливанова, Сизова и Передольскаго.

Докладъ Г. Л. Скадовскаго — „Типы погребенія въ курганахъ близъ мѣстечка Бѣлозерки, Херсонской губерніи“ — есть результатъ очень почтенныхъ и трудолюбивыхъ занятій. Вниманію съѣзда референтъ предложилъ дневникъ своихъ раскопокъ, курганную карту пространства между низовьемъ Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана, планы шести городищъ, множество фотографій и рисунковъ

тушью и нѣсколько череповъ. Будучи строго фактическимъ, настоящій докладъ, конечно, не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ рефератомъ профессора Антоновича, но, безъ сомнѣнія, внесетъ не мало цѣннаго матеріала въ общую сумму вещественной „литературы“ курганныхъ раскопокъ. Вынужденный за недостаткомъ времени ограничиться изложеніемъ небольшой только части всѣхъ произведенныхъ работъ и выводовъ, г. Скадовскій остановился на способахъ погребенія въ раскопанныхъ имъ могилахъ и установилъ семь видовъ его: 1) древнѣйшее курганное погребеніе каменнаго періода; 2) позднѣйшее за тотъ же періодъ; 3) погребеніе въ деревянной ладѣ; 4) могилы греческихъ колонистовъ; 5) могилы полуовальной формы осѣдлыхъ скивовъ, быть можетъ, Геродотовыхъ каллипидовъ; 6) могилы кочевыхъ воинственныхъ скивовъ и 7) земляныя могилы съ очертаніемъ ладья.

Г-жѣ Е. Н. Мельникъ удалось сдѣлать очень важныя и вмѣстѣ интересныя открытія, а именно напасть на слѣды работъ каменныхъ орудій. Изъ реферата ея — „Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у Дибровскихъ пороговъ“ — открывалось существованіе въ древности около нынѣшняго села Волоскаго, между Сурскимъ и Лоханскимъ порогами, цѣлой фабрики каменныхъ издѣлій. На мѣстѣ раскопокъ найдены были орудія обработки и самыя издѣлія (испорченныя); по нѣкоторымъ образцамъ можно было даже возстановить и самый процессъ обработки матеріаловъ. Производство было четырехъ родовъ: гончарное, костяныхъ издѣлій, отбиваніе кремневыхъ орудій и полировка каменныхъ орудій. Особенно любопытенъ дѣлной орнаментъ на глиняной посудѣ.

Въ числѣ многихъ другихъ вопросовъ на сѣздѣ былъ затронутъ также вопросъ объ окраскѣ покойниковъ. Дѣло въ томъ, что при раскопкахъ кургановъ иногда встрѣчались скелеты окрашенные красною краскою. По этому поводу въ наукѣ уже высказывалось не мало предположеній. Одни видѣли въ этомъ окраску кожи, другіе — химическое воздѣйствіе пищи, третьи — объясняли обваломъ свода, наконецъ, четвертые видѣли въ такихъ трупахъ слѣды бальзамированія на манеръ того, какъ оно описано у Геродота. Выше было отмѣчено, что профессоръ Антоновичъ склоняется въ пользу окрашиванія собственно трупа, съ котораго, во время его разложенія, краска постепенно переходила на кости. Г. Л. Скадовскій въ известномъ уже намъ рефератѣ настаивалъ на окраскѣ непосредственно скелета, полагая, что родственники покойника дожидались когда трупъ оголится отъ мяса; въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія Д. Н. Анучинъ на-

помнилъ, что Д. Я. Самоквасову удалось натолкнуться на скелетъ, который былъ сплошь весь окрашенъ. Однако І. А. Хайновскій доказывалъ противное. Въ своемъ рефератѣ—„Исслѣдованія кургана Сауръ въ Верхнедѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи“—относя, на основаніи отысканныхъ череповъ, обитателей названнаго кургана къ первобытной капштадтской расѣ длинноголовыхъ и видя въ нихъ древнѣйшихъ поселенцевъ малорусскаго Приднѣпровья, докладчикъ старался доказать, что этотъ первобытный народъ, живя въ дикомъ состояніи, подобно нынѣшнимъ ботокудамъ, и одѣваясь въ звѣриныя шкуры, окрашивалъ бороду, волосы на головѣ, равно какъ и пальцы водою окисью желѣза,—и въ этомъ видѣлъ причину замѣчаемой нынѣ окраски скелетовъ.

В. Н. Поливановъ разказалъ про татарское „Древнее кладбище и городище у села Муранокъ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи“, несомнѣнно существовавшее еще въ 1330 году. Между прочимъ онъ отмѣтилъ оригинальный способъ убора женской косы. Последнюю обматывали вокругъ тальниковаго прута, очищеннаго отъ коры, перевязывали бичевкою, затѣмъ обвивали тонкимъ сырмят-нымъ ремнемъ и въ такомъ видѣ вкладывали въ лубокъ, который въ свою очередь обматывался новымъ ремнемъ, еще болѣе тонкимъ, и сплошь перевитымъ такою же, даже болѣе тонкою, серебряною проволокою. Матеріалъ, собранный референтомъ, конечно, будетъ принятъ во вниманіе; можно только пожалѣть, что сообщеніе носило характеръ чисто внѣшняго описанія и обилвало излишними подробностями, въ родѣ того какъ подѣзжалъ референтъ къ городищу, кого и что встрѣтилъ онъ на пути и т. п. Надо замѣтить, что самъ г. Поливановъ раскопокъ не производилъ; матеріалъ же свой собралъ частью на мѣстѣ, изъ разказовъ мѣстныхъ жителей, частью изъ вещей Муранскаго кладбища, ранѣе прибрѣтенныхъ А. В. Толстымъ. Эти послѣднія находились во время съѣзда на выставкѣ.

Раскопки Дьякова городища ¹⁾ В. И. Сизовымъ, были продолженіемъ работъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ начатыхъ и оставленныхъ Д. Я. Самоквасовымъ. Совмѣстно съ В. Н. Щепкинымъ и Н. Н. Харузинымъ референтъ изслѣдовалъ всѣ слои городища вплоть до самаго грунта. Въ массѣ разнообразныхъ вещей отыскался черепокъ съ славянскимъ орнаментомъ (волнистая линія); вообще же найденные предметы по своему типу болѣе всего подходятъ къ курганнымъ

¹⁾ „Дьяково городище подъ Москвой и его отношеніе къ московскимъ и смоленскимъ курганамъ“.

вещамъ Казанской, Вятской и Пермской губерній и должны быть отнесены къ X—XI вѣку, чѣмъ Дьяково городище рѣзко отличается отъ кургановъ Московской и Смоленской губерній, принадлежащихъ къ болѣе поздней эпохѣ. Вотъ почему референтъ полагаетъ, что жители разслѣдованнаго имъ городища были аборигенами подмосковной мѣстности, скорѣе всего финскаго происхожденія; позднѣйшіе же обитатели этой полосы, оставившіе послѣ себя курганы, должны быть отнесены къ славянамъ. Подтвержденіе себѣ г. Сизовъ находитъ въ извѣстныхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ А. П. Богданова, который пришелъ къ тому выводу, что большая часть курганныхъ череповъ Московской губерніи длинноголоваго типа безъ какихъ-либо признаковъ финскаго племени.

Раскопки В. С. Передольскаго сосредоточивались на берегахъ р. Волхова у мѣстечка Кѳложны. Докладъ, демонстрированный обширною коллекціею, существенно распадается на двѣ половины, изъ которыхъ вторая вызвала не малое удивленіе. Пока рѣчь шла собственно о раскопкахъ, то референтъ, на сколько можемъ судить, стоялъ на почвѣ достовѣрныхъ фактовъ; но онъ перешелъ въ область чистой фантазіи, когда мѣсто своихъ раскопокъ сталъ сопоставлять съ такими поселеніями, какъ Коломля, Колома, Коломна, Коломяги, Колмогоры, даже Кольбергъ и Колонія (Кельвъ на Рейнѣ) и видѣтъ во всѣхъ этихъ названіяхъ родство съ вогульскимъ кола—жилъе, тѣмъ-де болѣе, что и вогулы, и ладожане каменнаго вѣка одинаково длинноголовые. Подобно этому и городъ Ладогу г. Передольскій сближалъ съ алеутскимъ уладо—домъ. Звукъ *у*, по его мнѣнію, выпалъ, точно такъ какъ и въ словахъ Усрѣтенъе, укропникъ и т. п. Такимъ образомъ уладо—ладога легко могло обозначать то, что улажено, устроено. Отсюда выводилось, что вогулы и алеуты нѣкогда жили въ озерной области нынѣшней Россіи. Не довольствуясь этимъ, референтъ готовъ былъ признать древними насельниками нашей родины предковъ нѣкоторыхъ изъ американскихъ племенъ, у которыхъ онъ отыскалъ сходные погребальныя обряды, мѣру счисленія (сороча—наше сорочка) и преданіе о приходѣ ихъ на мѣсто нынѣшнихъ поселеній съ далекаго запада.

Д. Я. Самоквасовъ, прочитавшій на сѣздѣ три реферата ¹⁾,

¹⁾ Содержаніе одного изъ нихъ—„Устройство и содержаніе кургановъ въ селѣ Акситенецъ, Роменскаго уезда, Полтавской губерніи“—было строго фактическое; курганы эти докладчикъ относитъ къ сарматской эпохѣ.

внесъ чрезвычайно много оживленія своими докладами. Правда, его гипотеза относительно римскихъ монетныхъ кладовъ встрѣтила довольно вѣскія возраженія; его дѣленію кургановъ по эпохамъ было противопоставлено другое, принципиально несходное: но все это не ослабило интереса и, полагаемъ, извѣстнаго значенія сдѣланныхъ сообщений. Въ такой молодой наукѣ, какъ доисторическая археологія, чаще чѣмъ гдѣ-либо, поставленный вопросъ можетъ навести на соображенія и дать разъясненія, хотя бы и совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ первоначально предложенное. Въ этомъ отношеніи за варшавскимъ профессоромъ остается несомнѣнная заслуга въ томъ рвеніи, съ какимъ онъ поддерживаетъ въ ученомъ мірѣ интересъ къ излюбленной имъ области знанія.

„Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи“ пыталась создать научную классификацію курганнаго матеріала; г. Самоквасовъ предлагалъ дѣлить его на пять историческихъ эпохъ: 1) Киммерійская — съ глубокой древности до VII вѣка до Р. Хр., когда киммеріане, по свидѣтельству Геродота, были изгнаны скинами, основавшими между рѣками Дономъ и Днѣпромъ могущественное государство. Эпоха эта характеризуется бронзовыми вещами; желѣзо встрѣчается изрѣдка, въ видѣ одного украшенія (Кавказъ, Екатеринославская губернія и др.). 2) Скисская — отъ появленія скиноовъ до образованія Гето-Сарматской державы между рр. Дономъ и Дунаемъ — характеризуется желѣзомъ, греческими деньгами и вообще предметами греческаго искусства (могильники: Кулобскій, Луговой, Чертомлыцкій и др.). 3) Сарматская — съ II вѣка до Р. Хр. вплоть до VI вѣка по Р. Хр. съ преобладаніемъ монетъ и предметовъ римскихъ надъ греческими (кладбище подъ Калишемъ, у села Яблоновки и др.). 4) Анто-славянская — съ VI вѣка по Р. Хр., когда анты и славяне впервые подъ этимъ именемъ встрѣчаются у Прокопія и Юрнанда. Курганы этого типа опредѣляются преобладаніемъ въ нихъ монетъ, ожерелій, тканей и другихъ предметовъ византійскаго стиля. Такъ какъ наши предки въ это же время вступаютъ въ сношенія не только съ греками, но и съ азіатскими народами, съ западною Европою, то въ могильникахъ этой поры надо искать слѣдовъ таковыхъ сношеній. Оканчивается анто-славянская эпоха X вѣкомъ, введеніемъ христіанства, съ появленіемъ котораго исчезаютъ и самыя погребальныя языческіе обряды и обычаи (курганы черниговскіе, стародубскіе и др.). 5) Монголо-татарская — съ татарскими монетами,

для языческихъ и мусульманскихъ народовъ, не раньше XIII—XIV вѣковъ (Кавказъ, Екатеринославская губернія и др.).

Рефератъ г. Самоквасова вызвалъ большія возраженія; оппонентамъ многое казалось въ немъ невѣрнымъ и плохо обоснованнымъ. Профессоръ Д. А. Хвольсонъ полагалъ, что киммерійская эпоха кончается раньше, ибо греческія колоніи возникаютъ на берегу Чернаго моря уже въ VIII вѣкѣ.; впрочемъ, говоря по памяти, онъ не особенно настаивалъ на этомъ. Терминологія втораго и четвертаго періодовъ казалась ему неудачною, такъ какъ этнографическій составъ автовъ, скивовъ и славянъ остается все еще неяснымъ. Это не убѣдило референта: онъ находилъ, что для историческаго дѣленія особенности этнографическія не имѣютъ значенія.—П. Н. Милюковъ существенно разошелся по вопросу о самомъ названіи эпохъ. Для опредѣленія историческихъ періодовъ даются термины этнографическіе, да и тѣ не выдерживаютъ цѣльности; если уже, какъ сейчасъ замѣчено, мы не знаемъ, кто такіе скивы, то тѣмъ менѣе можемъ говорить о киммеріанахъ, какъ о группѣ опредѣленной народности. Первую эпоху правильнѣе назвать бронзовою; четвертую—византійскою, ибо вліяніе средневѣковыхъ грековъ самимъ референтомъ отыскано въ Осетии, гдѣ не можетъ быть и рѣчи ни объ антахъ, ни о славянахъ, Наконецъ, пятая группа должна быть названа тюрко-татарскою.—За бронзовую эпоху и неудобство ссылокъ на Кавказъ стоялъ и Д. Н. Анучинъ. Смѣшеніе предметовъ греческихъ не только съ римскими, но и туземнаго приготовленія, въ свою очередь мѣшаетъ дѣлать курганы на скивскіе и сарматскіе; да и какъ примѣнить ихъ, напримѣръ, къ могильникамъ Средней Россіи, гдѣ предметы классической древности совершенно отсутствуютъ? При дѣленіи, предложенномъ референтомъ, некуда было бы отнести курганы финскіе.—Д. И. Иловайскій, за небольшими исключеніями, отстаивалъ программу доклада; А. С. Будиловичъ не прочь былъ бы соединить терминологию историческую съ этнографическою, но особенно настаивалъ вспомнить хозяйна русской земли и создать эпохи среднерусскую, новорусскую вмѣсто финской, тюркотатарской и другихъ иноземныхъ.—І. А. Хайновскій считалъ классификацію г. Самоквасова не приложимою, по крайней мѣрѣ къ Кіевскому и юго-западному району (Екатеринославская и Херсонская губерніи), такъ какъ зачастую одинъ и тотъ же курганъ содержитъ въ себѣ остатки нѣсколькихъ эпохъ: болѣе древнихъ—въ слояхъ болѣе низкихъ, и болѣе новыхъ—въ верхнихъ сло-

яхъ погребенія ¹⁾.—В. О. Миллеръ напоминалъ объ осторожности, съ какою надо приурочивать находки къ той или другой эпохѣ, и для лучшаго примѣра остановился на Кобанскомъ могильникѣ въ Осетіи. Относитъ его къ киммерійской порѣ, за семь вѣковъ до Р. Хр., только потому что отыскалось бронзовое оружіе, никакъ нельзя. Бронзовое оружіе у жителей Кавказа продолжаетъ быть въ употребленіи даже въ христіанское время: Халкокондилъ, византійскій писатель XVI вѣка, даетъ на это, хотя и косвенныя, но несомнѣнныя свидѣтельства. Вотъ почему необходимо отличать типы вещей отъ самыхъ вещей. Болѣе поздняя эпоха легко могла воспроизводить предметы, попавшіе на Кавказъ въ пору глубокой древности.—Д. Я. Самоквасовъ согласился нѣсколько ослабить свое первое заявленіе, говоря, что онъ ставитъ Кобанскій могильникъ на рубежѣ бронзовой и болѣе поздней эпохи; но въ, остальномъ продолжалъ отстаивать свои положенія.

Отдѣлъ первобытныхъ древностей закончимъ рефератомъ профессора Кіевской духовной академіи В. З. Завитневича—„Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ“. Докладчикъ находилъ, что современная археологія лишена такого критерія и, вѣроятно, долго еще не будетъ имѣть его. Три существующіе способа дѣленія кургановъ: по географическому положенію могильниковъ, по характеру могильныхъ надписей и по лѣтописямъ и вообще указаніямъ исторіи—неудовлетворительны. Непригодно и дѣленіе на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, такъ какъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи смѣнилось много народностей, весьма отличныхъ одна отъ другой. Референтъ выдвинулъ мысль о примѣненіи сравнительнаго метода къ разработкѣ добытаго матеріала, именно въ сопоставленіи и сравненіи найденнаго матеріала съ аналогичными явленіями въ другихъ курганахъ, не упуская изъ виду и самыхъ, по видимому, мелочныхъ особенностей погребальнаго обряда.

Предложеніе г. Завитневича дало профессору Казанскаго университета И. Н. Смирнову случай сдѣлать нѣсколько любопытныхъ сопоставленій, доказывающихъ, по его мнѣнію, необходимость сближать явленія доисторической археологіи съ данными современной жизни. Такъ, напримѣръ, подстилка изъ бѣлой глины или песка, найденная проф. Антоновичемъ, аналогична съ берестой, въ кото-

¹ Положеніе свое г. Хайновскій высказалъ не во время пренія реферата проф. Самоквасова, а нѣсколько дней спустя и по другому поводу.

рую обматываютъ женскую косу (рефератъ г. Поливанова); точно также и у современныхъ вотяковъ, по свидѣтельству Бехтерева, покойниковъ хоронятъ на подстилкѣ изъ глины опредѣленнаго цвѣта, хотя бы ее надо было привозить издалека. Ученый д-ръ Веске находитъ въ финскихъ нарѣчіяхъ волжской группы слова изъ литовскаго и славянскаго языковъ,—другими словами, южная граница финскихъ поселеній нѣкогда была гораздо южнѣе. Къ тому же приводитъ и миеологию волжскихъ инородцевъ, многое позаимствовавшая изъ литовскихъ вѣрованій, хотя бы самое названіе Перкуна, бога-громовника; нѣкоторые предметы костюма, личные имена говорятъ о томъ же сближеніи: ожерелье по мордовски называется сустуги—имемень, и до сихъ поръ сохранившимся у южныхъ славянъ; южно-русскій Кневъ слышится въ финскомъ Кыису—поле, Кыгуртъ—деревня.

Д. Н. Анучинъ предпочиталъ однако этнографическое пользование матеріаломъ, находя методъ сравнительный иногда рискованнымъ: у одного и того же народа въ одно и то же время могутъ быть одинаковые обычаи, и на оборотъ. Подстилка подъ трупомъ встрѣчается у многихъ народовъ, напримѣръ, у сибиряковъ; американскіе индѣйцы познакомились съ лошадыю только со времени Колумба, а между тѣмъ нынѣ она вошла у нихъ въ обрядъ погребенія. Пренія по поводу реферата проф. Завитневича окончились небольшимъ замѣчаніемъ В. И. Сизова, который, въ общемъ принимая предложенную программу, находилъ, что референтъ смѣшивалъ собраніе и обобщеніе фактовъ. Оппонентъ настаивалъ на полнотѣ въ собраніи фактовъ, боясь, чтобы многое не было упущено изъ виду, въ погонѣ за опредѣленіемъ того, что слѣдуетъ считать болѣе, что менѣе важнымъ.

III.

На рубежѣ двухъ эпохъ—донисторической и исторической.

Первыя страницы отечественной исторіи по прежнему остаются спорными и не уясненными, и нельзя сказать, чтобы новѣйшія изслѣдованія пролили особенно яркій свѣтъ въ эту тысячелѣтнюю тьму. Впрочемъ, изъ таковыхъ нельзя не выдѣлить рефератъ В. Ѳ. Миллера — „Новое сарматское божество“ — образцовый по ясности, методу и опредѣленнымъ заключеніямъ. Докладъ почтеннаго ученаго былъ собственно поясненіемъ къ рисунку, помѣщенному въ Рус-

сихъ древностяхъ гг. Толстаго и Кондакова, вып. II, стр. 45, и изображающему золотой амулетъ въ формѣ боченка, найденный на Кубани. Фигуру опоясываетъ греческая надпись, въ увеличенномъ размѣрѣ демонстрированная референтомъ. Она гласитъ: $\theta\epsilon\omega$ $\sigma\alpha\tau\alpha\varphi\alpha\rho\upsilon\omega$. Основываясь на показаніяхъ В. А. Шеффера, специалиста въ греческой эпиграфикѣ, проф. Миллеръ относитъ надпись ко II или I вѣку до Р. Хр. Кубанская же область въ эту пору входила въ составъ такъ-называемой Азіатской Сарматіи; сарматы же—вѣтвь иранская. Вотъ путь, которымъ референтъ дошелъ до мысли объяснить вышеназванную надпись осетинскимъ языкомъ, изъ всѣхъ живыхъ, невымершихъ вѣтвей иранскаго нарѣчія сохранившимъ наиболѣе архаическія формы, тѣмъ болѣе, что поселенія осетинъ охватываютъ бассейнъ рѣки Кубани. $\Phi\alpha\rho\upsilon\omega$ по осетински означаетъ обиліе, счастье; значить, разсматриваемый амулетъ былъ посвященъ богу мира, счастья. $\sigma\alpha\tau\alpha$ —внутренняя часть жилища, именно спальня (болѣе древнее значеніе этого слова—жилище вообще; сравн. санскритское *Vasatha*, жилище, гдѣ звукъ *s* по законамъ иранской фонетики переходитъ въ *h*). Такимъ образомъ надпись имѣетъ въ виду бога мира жилища, домашнего счастья. Вспомнимъ, что и нынѣ у осетинъ называется уатомъ лице, отводящее молодыхъ въ спальню. Общій выводъ предложеннаго реферата былъ таковъ: лишній разъ подтверждается иранское происхожденіе сарматовъ, на которыхъ въ свою очередь мы должны смотрѣть какъ на предковъ нынѣшнихъ осетинъ.

Вопросъ о скинахъ затронуть былъ Н. Е. Бранденбургомъ („Къ вопросу о каменныхъ бабахъ“), который ставилъ въ связь съ этимъ народомъ появленіе нашихъ „каменныхъ бабъ“; ему возражали профф. Антоновичъ и Багалъй, отрицавшіе эту связь, такъ какъ въ курганахъ, въ которыхъ были произведены описанныя въ рефератѣ раскопки, по ихъ мнѣнію, не было ничего скинскаго. Д. И. Багалъй склонялся отнести эти мегалитическіе памятники нашей старины скорѣе къ половцамъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которые найдены въ степной полосѣ южной Россіи. Г. Мельгуновъ высказалъ предположеніе, что каменная баба означаетъ не покойника, а божество.

„Культурнымъ вліяніямъ на доисторической почвѣ Россіи“ вообще посвященъ былъ докладъ Д. Н. Анучина; аналогичный же вопросъ затронуть былъ и Н. М. Ядринцевымъ въ рефератѣ: „О слѣдахъ азіатской культуры въ южной Россіи и скинскихъ древностяхъ“. По его мнѣнію, въ вещахъ, найденныхъ въ скинскихъ курганахъ, надо

признать ясный отпечатокъ урало-алтайскаго или чудскаго типа, на сколько послѣдній можно изучать по предметамъ, собраннымъ въ сибирскихъ музеяхъ. Что принято на Чертомыльцкой вазѣ обозначать ея ручками, есть собственно изображеніе каменнаго барана, существующаго въ культѣ шаманистовъ; бронзовыя зеркала сходны съ ними употребительными при богослуженіи шамановъ и буддистовъ; похороны царскихъ скивовъ поразительно сходны съ жертвоприношеніями алтайскихъ инородцевъ.

В. Б. Антоновичъ, соглашаясь съ основною мыслью докладчика, ограничивалъ, однако, область такъ-называемыхъ скивскихъ кургановъ 50° с. ш.: чѣмъ они южнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ слѣдовъ древне-греческаго искусства.

Рефератъ проф. Самоквасова—„О происхожденіи русскихъ славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ области центральной Европы“—не представлялъ собою чего-либо совершенно новаго. Еще въ первомъ изданіи своей „Исторіи русскаго права“ (вып. 2-й, 1884 г.) референтъ указывалъ несостоятельность теоріи, по которой римскія монеты I и II вѣковъ по Р. Хр., находимыя въ центральныхъ областяхъ Европы, служатъ доказательствомъ якобы существовавшихъ за это время оживленныхъ торговыхъ сношеній Рима съ Балтійскимъ побережьемъ, доставлявшимъ янтарь. Г. же Самоквасовъ, имѣя въ виду находимость монетныхъ кладовъ только въ русскихъ и польскихъ областяхъ, на берегахъ Одера, Вислы, Буга, Нѣмана, Припети, Днѣпра, Десны, Сулы, Сейма, Сожи и Оки, гдѣ янтаря никогда и не бывало, полагалъ, что они занесены сюда гетодакійскими (то-есть, славянскими) племенами, изгнанцами изъ римскихъ предѣловъ въ эпоху отъ Траяна до Септимія Севера. Настоящій докладъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой гипотезы.

Опираясь на свидѣтельства классическихъ писателей, варшавскій профессоръ находилъ, что въ разсматриваемую эпоху страна между Эльбою и Волгою была совершенно неизвѣстна римлянамъ, никогда ее не посѣщавшимъ; непосредственный обмѣнъ товаровъ вели они только съ пограничными племенами, усвоившими значеніе монетъ, какъ денежныхъ знаковъ; народы же, удаленные отъ Рима, понимали одну только мѣновую торговлю. Завоеваніе Дакии императоромъ Траяномъ вынудило туземцевъ выселиться за Карпаты: сѣвшіе по Вислѣ назвались ляхами, двинувшіеся далѣе на востокъ вплоть до бассейна Десны и Оки — русскими. Это именно событіе имѣетъ въ виду нашъ лѣтописецъ Несторъ, говоря о расселеніи славянъ подѣ

напоромъ валаховъ. Близкое сожителство славянъ съ римлянами отразилось и въ обще-славянскихъ сказаніяхъ о Траянѣ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ положенія Д. Я. Самоквасова. Пренія, послѣдовавшія за докладомъ, если не по существу, то по формѣ носили очень страстный характеръ. Весьма сочувственную поддержку оказали референту А. А. Кочубинскій и Д. П. Иловайскій. Первый, согласно съ докладчикомъ, также доказывалъ существованіе славянской стихіи, какъ туземной, на берегахъ Нижняго Дуная въ послѣдніе вѣка существованія Римской имперіи: здѣсь основана была Траяномъ *Colonia Szernensis*, названіе которой впервые звучитъ славянскимъ именемъ на страницахъ исторіи. Въ прошломъ столѣтіи отысканъ былъ въ Венгріи (на берегу р. Мароша, притока Тиссы) богатый кладъ съ 25-ю цѣнными золотыми вещами, и въ числѣ ихъ золотой тазъ пантикапейской работы IV—VI вѣковъ по Р. Хр., съ греческою надписью, въ которой дважды повторено слово жупанъ (*ζωπαν*). Г. Иловайскій, хотя и отрицалъ славянскую кровь въ дакахъ, но считалъ возможнымъ дать объясненіямъ г. Самоквасова болѣе широкую постановку, приводя въ связь Дакійскую войну Траяна съ Маркоманнскою — Марка Аврелія, и признавая въ сарматахъ нижняго Дуная несомнѣнныхъ славянъ.

Проф. Анучинъ еще раньше имѣлъ случай опровергать положенія референта ¹⁾; и на этотъ разъ онъ остался при своемъ мнѣніи: число римскихъ монетныхъ кладовъ одинаково велико, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы, несомнѣнно указывая на значительное развитіе торговыхъ сношеній сѣверныхъ странъ съ областями Римской имперіи во II и III вѣкахъ по Р. Хр., какъ это и принимаютъ всѣ лучшіе новѣйшіе археологи: Вурсо, Гильдебрандъ, Вибергъ, Монтелусъ, Софусъ Мюллеръ, Садовскій, Ингвальдъ Ундсетъ и др. Постоянно увеличивавшаяся низкопробность серебра, какъ это доказалъ Момсенъ, заставила германцевъ и славянъ предпочитать монеты старой чеканки, чѣмъ и объясняется преобладаніе въ кладахъ монетъ именно II и III, но не болѣе позднихъ вѣковъ ²⁾.

Возраженія А. И. Соболевскаго сводились къ слѣдующему:

¹⁾ Въ отчетъ объ Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ въ *Вѣстникъ Европы* 1884, № 12, стр. 825 — 828 и въ отдѣльной брошюрѣ: „Кто вводитъ въ науку большія недоразумѣнія? Вопросъ и отвѣтъ профессору Д. Я. Самоквасову. М. 1888“ (отдѣл. оттискъ изъ *Русскихъ Вѣдомостей* 1888, № 276).

²⁾ Кто вводитъ въ науку и пр., стр. 18—20.

Даки не славяне, ибо языкъ ихъ (сохранившійся въ названіяхъ нѣкоторыхъ растений) ничего общаго не имѣетъ со славянскимъ ни по морфологіи, ни по корнеобразованію. Если римскія монеты „перенесены“ съ Дуная, то возникаетъ вопросъ: откуда славяне могли взять ихъ въ такомъ большомъ количествѣ? Если ихъ тѣснили, то какъ не отняли у нихъ и богатствъ? Траянъ Слова о полку Игоревѣ ничего общаго не имѣетъ съ историческимъ Траяномъ; весьма возможно книжное происхождение сказаній о расселеніи славянъ (что поддержалъ и А. И. Маркевичъ). Слово *szegna* (черна) можно читать и зерна, и черна, а въ такомъ случаѣ оно можетъ быть и не славянскимъ. Если бы сарматы были славянами, жившими на берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ Византією, то въ славянскомъ языкѣ должны были сохраниться греческія слова со старыми особенностями греческой фонетики, — чего, однако же, не замѣчается. Послѣдній доводъ оппонента старался отпарировать Д. И. Иловайскій, ссылаясь на Амміана Марцелина: на одномъ и томъ же мѣстѣ, на берегахъ нижняго Дуная живутъ до VI вѣка сарматы, а съ VI столѣтія—*Slavini*; очевидно, это одинъ и тотъ же народъ.

Наконецъ, И. В. Лучицкій считалъ въ рефератѣ проф. Самовасова не доказаннымъ, чтобы денежное хозяйство славянъ того времени было таково, что всякое торговое занятіе могло вызвать потребность въ мѣновыхъ знакахъ. А такъ какъ обмѣнъ въ ту пору совершался натурою, то весьма сомнительно, чтобы, побѣждавъ къ Дунаю, наши предки обратили все свое имущество въ деньги. Съ своей стороны, возражая референту, В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что если измѣрять интенсивность торговыхъ сношеній клладами, то для Кіевской, на примѣръ, губерніи изъ найденныхъ монетъ до XV вѣка на первомъ планѣ стоятъ восточныя, затѣмъ польскія, и только за ними уже идутъ римскія.

Знаменитому „привзанію варяговъ“ на нынѣшнемъ сѣздѣ удѣлено было сравнительно не много мѣста, всего два реферата—Д. А. Хвольсона и А. С. Будиловича, да и то сообщенія ихъ только косвенно касались самаго вопроса. Докладъ нашего уважаемаго ориенталиста—О руссахъ у арабскаго писателя первой половины IX-го вѣка Ибнъ-Хордадбека—былъ начатъ съ замѣчанія, что наука идетъ впередъ, и новые факты нерѣдко заставляютъ отказываться отъ прежде высказанныхъ соображеній. Такъ, сочиненіе извѣстнаго Ибнъ-Хордадбека, прежде относимое къ концу IX вѣка, теперь оказывается болѣе ранняго происхожденія. Текстъ этого писателя, извѣст-

ный до сихъ поръ по изданію Барбье де Мейнара (Journal Asiatique 1865 г.), оказывается болѣе позднимъ изданіемъ оригинала, именно восьмидесятыхъ годовъ IX вѣка; недавно же арабистомъ Де-Гуе открыта и издана другая редакція, составленная въ 847 г. Названный писатель для насъ есть самый древній источникъ о руссахъ, и тѣмъ важнѣе его показанія. Въ новомъ текстѣ есть указаніе на существованіе въ Багдадѣ славянскихъ плѣнниковъ евнуховъ, служившихъ въ случаѣ нужды переводчиками для руссовъ, пріѣзжавшихъ въ столицу халифовъ со своими товарами съ сѣвера по Дону, Волгѣ и Каспію. Если это свидѣтельство писалось около 850 г. и передавалось не въ видѣ новости, а какъ издавшее явленіе, то очевидно, фактъ, устанавливаемый Хордадбекомъ, необходимо отнести ко времени болѣе раннему. Отсюда прямой выводъ: арабы знали руссовъ ранѣе появленія на Руси тѣхъ норманновъ, которымъ обыкновенно приписывается основаніе Русскаго государства. Ученый референтъ ничего не возражаетъ противъ норманнской теоріи: норманны ходили по всей Европѣ, отчего было имъ не появиться и у насъ? Но по вопросу о томъ, заимствовали ли мы свое имя отъ нихъ или, наоборотъ, слово русскій есть наше исконное, родное, г. Хвольсонъ охотнѣе склоняется на сторону послѣдняго. Иначе, говоритъ онъ, какъ можно допустить, чтобы норманны такъ быстро успѣли передать свое имя племенамъ восточной Европы, что имена: славянинъ и руссъ стали синонимами въ Багдадѣ еще въ IX вѣкѣ? Не даромъ же Ибнъ-Даста въ началѣ X вѣка, то-есть, всего черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ призванія князей, говоритъ о руссахъ, жившихъ по обѣ стороны рѣки Волги, сравнительно такъ далеко отъ великаго греческаго пути ¹⁾.

Докладъ профессора Хвольсона вызвалъ интересныя и чрезвычайно оживленныя пренія, лишній разъ доказавъ, съ одной стороны, насущную необходимость разобраться въ пресловутомъ вопросѣ и, съ другой — тѣ густыя потемки, въ какихъ мы все еще продолжаемъ бродить, лишь только коснемся происхожденія Русскаго государства. Для Д. И. Иловайскаго новыя показанія Хордадбека подтверждали его теорію, что онъ и не замедлилъ признать; но предложеніе профессора Хвольсона: имя одного народа, Аль-Узана, обитавшаго, по

¹⁾ Напоминимъ, что то же самое положеніе—имя „Русь“ заимствовано не отъ норманновъ — г. Хвольсонъ развивалъ въ рефератѣ, читанномъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ.

Масуди, въ восточной Европѣ, обратитъ, съ помощью конъектуры, въ нурманы — даже и уважаемый противникъ норманистовъ не считалъ возможнымъ принять, въ виду того, что „по позднѣйшимъ изысканіямъ это мѣсто оказывается искаженнымъ позднѣйшими писателями и составителями лѣтописнаго свода; что въ первоначальномъ текстѣ Русь и Варяги стояли рядомъ, но какъ два разные народа. Смѣшеніе ихъ въ одинъ народъ произошло въ позднѣйшемъ, испорченномъ текстѣ“¹⁾. Тѣмъ сильнѣе напали на референта Д. Н. Квашнинъ-Самаринъ, Д. Я. Самоквасовъ и П. Н. Милюковъ. Первый изъ нихъ замѣтилъ, что Хордадбежъ уже потому не можетъ быть рѣшающимъ судьей, что еще въ тридцатыхъ годахъ IX вѣка русскимъ были извѣстны торговые пути, и что имена венгровъ и болгаръ очень быстро распространились, по ихъ приходѣ, въ нынѣшней Венгріи и Болгаріи. Второй оппонентъ не считалъ возможнымъ сближать варяговъ съ норманнами (Nordmänner), понятіе этнографическое съ понятіемъ географическимъ. П. Н. Милюковъ вступилъ въ особенно оживленную полемику съ Д. И. Иловайскимъ; онъ заявилъ себя „умѣреннымъ“ норманистомъ, для котораго двоякія названія пороговъ (sklaflvatі и fozvatі Константина Багрянороднаго) доказываютъ, что руссы — не славяне; руссы Ибнъ-Даста приходятъ со своими товарами къ болгарамъ съ верхней Волги, что также противорѣчитъ южной (славянской) Руси. Лѣтопись Нестора слишкомъ испорчена, для того чтобы на нее полагаться, и вопросъ о происхожденіи норманновъ нельзя рѣшать съ помощью этого памятника, да еще путемъ произвольныхъ конъектуръ, въ родѣ „изъ Руси“ вмѣсто „къ Руси“. Лѣтопись несомнѣнно считала призванную Русь норманнами („сиде бо ти звахуса варязи—Русь, яко се друзии зовутся Свие“); но дѣло рѣшается даже не мнѣніемъ лѣтописца, которое противники, хотя и вопреки чтенію лучшихъ текстовъ, всегда будутъ считать позднѣйшей интерполяціей, а свидѣтельствами болѣе современными. Poleмика въ инныя минуты готова была принять самыя широкіе размѣры. Такъ, напримѣръ, первыя слова г. Иловайскаго, съ какими онъ выступилъ на каеэдру, были заявленіемъ, что X вѣкъ вообще мало зналъ Россію, а предшествующій ему ораторъ (г. Квашнинъ-Самаринъ) еще менѣе арабскихъ писателей знакомъ съ современнымъ состояніемъ этого вопроса. Впрочемъ изъ дальнѣйшихъ

¹⁾ Д. Иловайскій, Историко-археологическая поправка. *Московскія Вѣдомости* 1890, № 22.

словъ почтеннаго историка выяснилось, что подъ этимъ выраженіемъ надобно понимать отрицаніе г. Квашининъ-Самарининъ ученой теоріи г. Иловайскаго.

Докладъ А. С. Будиловича— „Къ вопросу о происхожденіи слова Русь“—представляетъ, по заявленію самого автора, не какую либо теорію, а только попытку разсмотрѣть дѣло съ нѣскольکو иной точки зрѣнія. Предоставляя другимъ говорить о Руси, какъ народѣ, онъ подходитъ къ ней, какъ филологъ, и изучаетъ ее, какъ слово. Передача основныхъ положеній реферата облегчена для насъ самимъ докладчикомъ ²⁾, и намъ остается, въ виду большаго интереса, воспроизвести уже напечатанное въ сокращеніи сообщеніе, добавивъ его развѣ нѣкоторыми подробностями, въ печати опущенными авторомъ и которыя мы приводимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Въ своемъ докладѣ „референтъ“ пытается разрѣшить полоторавѣковой споръ объ этомъ словѣ. Какъ извѣстно, одни считаютъ его славянскимъ, другіе же заимствованнымъ у другихъ народовъ. Обращаясь къ этимологіи слова Русь, референтъ разсматриваетъ его какъ въ отношеніи морфологическаго строенія, такъ и со стороны его функциональныхъ особенностей, притомъ въ историческомъ его оборотѣ съ древнѣйшихъ временъ. Касаясь морфологическаго строенія слова, г. Будиловичъ видитъ въ немъ двойственность корневой вокализации: Русь и Россія, Россъ. Эта двойственность корня въ разсматриваемомъ словѣ встрѣчается и въ названіи его въ другихъ языкахъ: въ греческомъ Константинъ Барлаамородный и патріархъ Фотій говорятъ: *ros, rosikos* и *rousikos*; у восточныхъ писателей — арабскихъ и персидскихъ — тоже встрѣчаемъ *рус* и *рос*, по нѣмецки *Russland* и *Reussen*; въ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописяхъ находимъ ту же двойственность. То же замѣчается и въ названіи рѣкъ и городовъ: *Russe* (рукавъ Нѣмана), *Рось*, *Русна*, *Старая Руса*, *Россіены*. Нужно прибавить, что эта двойственность не встрѣчается въ другихъ подобныхъ

²⁾ *Варшавскій Дневникъ*, перепечатывая изъ *Московскихъ Вѣдомостей* ихъ отчеты о съездѣ, оттуда же заимствовалъ (для № 23 за 1890 г.) и содержаніе рѣчи г. Будиловича. Но въ № 29 (отъ 6-го февраля) *Дневникъ* заявляетъ, что „этотъ отчетъ былъ далеко не точенъ“, „ясное же представленіе о содержаніи чтенія прое. Будиловича“ даютъ *Русскія Вѣдомости* (въ № 19), страницы которыхъ по этому случаю и были воспроизведены въ указанномъ № 29 *Варшавскаго Дневника*. Сравнивая эту „перепечатку“ съ текстомъ *Русскихъ Вѣдомостей*, видимъ, что первая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точнѣе и полнѣе. Очевидно, по ней прошла рука самого автора.

славянскихъ именахъ, напримѣръ, въ названіяхъ: чехъ, ляхъ, сербъ, хорватъ и т. д. ¹⁾. Страннымъ кажется также окончаніе настоящаго слова на ь, не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ областныхъ и племенныхъ названіяхъ ²⁾. Все это наводитъ на предположеніе о заимствованномъ характерѣ столь страннаго по морфологическому строенію слова Русь. Разсматривая функціональныя особенности этого слова, референтъ отмѣчаетъ разнообразіе его значеній: то какъ земли, то какъ народа, то какъ государства. Такой особенности не представляютъ другія славянскія аналогичныя названія, напримѣръ: Польша, Познань, Ческо, Словенско, Босна и т. п. Еще шире значеніе слова Русь у Нестора-лѣтописца: въ одномъ мѣстѣ оно означаетъ всю русскую землю, въ другомъ—лишь среднее Приднѣпровье, гдѣ—всѣ сословія, гдѣ—только одно изъ нихъ, то славянь, то какую-то заморскую династію, дружину или народъ. То же замѣчается и въ договорахъ съ греками, въ которыхъ Русь или обнимаетъ всѣ союзныя племена, или выдѣляется отъ славянь, а равно у Константина Багрянороднаго Рос употребляется то въ обозначеніи всего государства Олега, то въ отношеніи лишь приднѣпровскаго политическаго союза, то опять въ противопоставленіи славянамъ, какъ нѣчто инородческое. При такихъ условіяхъ трудно производить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые филологи, разсматриваемое слово отъ славянскаго „роса“ (рось) или отъ „русло“ (русь). такъ какъ и въ строеніи, и въ значеніяхъ слова чувствуется какой-то иноязычный и инородческій элементъ. Обращаясь къ вопросу, средѣ какого народа могло возникнуть слово Русь, референтъ доказываетъ, что оно не могло быть заимствовано ни изъ финскаго, ни изъ литовскаго, ни изъ шведскаго языка, ни отъ одного изъ сѣверныхъ народовъ. Что же касается южныхъ народовъ, то, хотя между ними и было племя роксолане (названіе осетинскаго происхожденія), но оно могло бы еще дать имя Руси азовской, а не днѣпровской, которая одна должна стоять на первомъ планѣ при разясненіи генезиса интересующаго насъ слова. Далѣе вліяніе роксоланъ на наши славяно-русскія племена, если оно и могло быть, то должно относиться ко времени

¹⁾ Этому, по видимому, противорѣчитъ двойная форма: *словене* и *славяне*; но источникъ чередованія въ этихъ словахъ, по мнѣнію референта, иной: форма *слав* приноврвлена къ слову *слава*; точно также и въ *антахъ* и *вендахъ* раздвоеніе могло произойти на почвѣ иностранной.

²⁾ Ибо *Сърбъ* (вм. сербы) — исключеніе; слово же *Чудь* не славянскаго происхожденія (ср. *Thiuda, sudzu*). Сравни финскія: Ямь, Пермь, Самоѣдь и пр.

слишкомъ отдаленному отъ періода образованія Русскаго государства, и наконецъ роксолане не представляются въ исторіи народомъ государственнымъ, а слѣдовательно не могли дать нашей Руси того, чего сами не имѣли—государственного устройства. Не останавливаясь на теоріи происхожденія Руси отъ хозарь, которая мало имѣетъ послѣдователей, по трудности согласить съ нею и лингвистическія и историческія данныя, г. Будиловичъ перешелъ къ „варяжской“ теоріи. Ея слабыя стороны онъ видитъ въ слѣдующемъ: 1) въ періодъ распространенія на востокъ и юго-востокъ шведскихъ варяговъ въ ихъ странѣ не было племени Русь, слѣдовательно оно не могло и выйти оттуда; 2) время скитаній варяговъ по Руси относится не къ VIII или IX вѣку, а къ X, къ періоду гораздо позднѣйшему, чѣмъ появилось въ исторіи слово Русь, извѣстное арабамъ, грекамъ уже въ IX и даже въ половинѣ IX вѣка; такъ, рассказывается о морскомъ походѣ подъ Константинополь, предпринимавшемся Русью въ 865 году на 200 корабляхъ, а при Игорѣ на 1,000 судахъ; говорится о походѣ Руси на Каспійское море и на кавказскія земли (Дербентъ); 3) варяги были дружинники и купцы, а не народъ, который бы могъ оставить на Руси глубокой исторической слѣдъ и увѣковѣчить въ ней свое имя ¹⁾. Наконецъ, Русь распространялась не съ сѣвера на югъ, какъ варяги, а на оборотъ, съ юга на сѣверъ, причемъ Кіевъ является матерью русскихъ городовъ. Такимъ образомъ, теорія происхожденія Руси отъ варяговъ должна быть оставлена; но, съ другой стороны, нужно признать, что защитникамъ варяжской теоріи посчастливилось объяснить изъ германскихъ корней значительное число загадочныхъ древне-русскихъ словъ, встрѣчающихся, напримѣръ, въ договорахъ съ греками, такъ-что трудно оспаривать присутствіе въ древне-русскомъ языкѣ германскаго наслоенія, но болѣе древняго, чѣмъ варяжская эпоха. Къ какому же германскому языку и народу слѣдуетъ отнести это наслоеніе? „Думаю“, — отвѣчаетъ референтъ, — „что къ готамъ, такъ какъ: 1) ни одинъ германскій народъ не обиталъ въ Россіи въ эпоху, болѣе или менѣе близкую къ возникновенію нашего государства; 2) готы жили въ нашей странѣ довольно продолжительное время и не могли не оста-

¹⁾ Еслибы варяги жили на Руси съ издавнихъ поръ, то они оставили бы послѣ себя руническія надписи, подобно тому какъ это мы видимъ въ Исландіи, Англіи, Готландіи, Швеціи, Норвегіи. Между тѣмъ до сихъ поръ ничего подобнаго не найдено въ Россіи.

вить слѣдовъ своего пребыванія въ нашемъ языкѣ, бытѣ и учрежденіяхъ¹⁾. Изложивъ исторію пребыванія готовъ въ Европѣ, начиная съ переселенія ихъ изъ Скандинавіи къ устьямъ Вислы и Нѣмана¹⁾, до разгрома ихъ Атиллой, референтъ указалъ на слѣды готскаго вліянія въ славянскомъ языкѣ; такъ, къ готскимъ словамъ относятся названія: князь, витязь, мзда, шлемъ, броня, мечъ, лихва, мыто, попь, колоколь, лѣварь, мощи и проч.²⁾. Также готскія слова остались въ названіи нашихъ буквъ: азъ, глаголь, иже, ерь³⁾. Но если готы оставили слѣды въ славянскомъ языкѣ, то естественно, что ихъ вліяніе должно было сохраниться и въ названіяхъ географическихъ и этнографическихъ. Готскимъ происхожденіемъ референтъ объясняетъ названія р. Буга, Бескиды—водораздѣльнаго края Карпатскихъ горъ и др.⁴⁾. Также готскимъ считаетъ онъ и слово „Русь“. Послѣднее соотвѣтствуетъ готскому Hrôthis, hrôs⁵⁾, въ которомъ ô произносится какъ русское о и у и въ словѣ слышатся два корня—рус и рос, такъ что изъ него легко могло образоваться какъ Русь, такъ и Рось. Но было ли въ готскомъ мірѣ такое племенное названіе? На этотъ вопросъ референтъ отвѣчаетъ, что оно встрѣчается въ формѣ Hrôdh, hroedh, hreidh, Hraidh въ VIII и IX вѣкахъ въ англо-саксонскихъ источникахъ, а также въ XII и XIII вѣкахъ въ исландскихъ сагахъ, обыкновенно въ сочетаніи съ gotaland, при чемъ слово hrôdh-gotaland иногда принимается въ широкомъ значеніи для отличія готскихъ материковыхъ земель отъ островныхъ. Изъ тѣхъ же источниковъ референтъ доказываетъ, что слово Hrôdh-gotaland имѣло и частное значеніе, обозначая собою готскую область, лежавшую къ востоку за Польшею, между Карпатами и Днѣпромъ⁶⁾. Такое же названіе встрѣчается въ формѣ Grothungi, Greutungi и у греческихъ, и у латинскихъ писателей III и IV вѣковъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ древней Руси была готская область, называемая

¹⁾ У готовъ была руническая письменность,—другими словами, они двигались изъ Скандинавіи. Топографическіе слѣды ихъ движенія: Гомандъ, Готландія Гданскъ, Гудасъ (литовск.), Гуцалы, Крымская Готія.

²⁾ Кромѣ того: скоть, церковь, говѣти, ликъ, рѣка.

³⁾ Соотвѣтствующія готскимъ: аза, гегиль, изъ и цѣлая серія буквъ съ ерм.

⁴⁾ Рѣка Бугъ—Baug, Vjugen, Bogen; Vistula-Westfluss; Бескиды—bescheiden, bescheiden.

⁵⁾ Hrôthis (у Ульены) означаетъ: побѣдоносный, славный; ð въ этомъ словѣ аспрантное.

⁶⁾ Это же названіе, кажется, сохранилось и у византійскихъ писателей; по крайней мѣрѣ Юривандъ приурочиваетъ фамилію Балта къ русскимъ готамъ.

Рось-Готландіей, которая приблизительно совпадала съ землею полянь, гдѣ возникъ Кіевъ и гдѣ образовался центръ Русскаго государства. Область эта была важная, срединная у остъ-готовъ и одно время принадлежала царю Германариху, которому въ сагахъ приписывается даже названіе Рось. Готскій языкъ на ряду съ нордскими принадлежитъ, какъ теперь доказано, къ восточной группѣ германскихъ языковъ. Между прочимъ предполагаютъ, что было время, когда языки готскій и нордскій составляли одинъ языкъ. Производя слово Русь отъ готскаго *Hióthis*, *hióts*, мы получимъ ключъ къ разгадкѣ и объясненію всѣхъ теорій происхожденія этого слова: норманской, литовской, роксоланской, скифской, хозарской, къ объясненію названій „Русь Днѣпровская“, „Азовская“, „Карпатская“ (было время, когда еще за моремъ жила готская русь) и т. п.¹⁾

Мы остановились подробнѣе на рефератѣ А. С. Будиловича не только въ виду общаго его интереса, но и того направленія, къ которому онъ примыкаетъ. „Происхожденіе Русскаго государства“ уже породило школы норманскую и славянскую. Кто знаетъ, можетъ быть, мы присутствуемъ при зарожденіи школы готской? Починъ въ этомъ дѣлѣ уже данъ авторитетнымъ ученымъ въ этой области, В. Г. Васильевскимъ. Любопытно, что на археологическомъ съѣздѣ другой компетентный археологъ, г. Аспелинъ, въ небольшомъ рефератѣ—„Слѣды вліянія готовъ въ сѣверной полосѣ Россіи“—косвенно подтверждаетъ ту же мысль. Онъ доказывалъ, что выводы исторіи и сравнительной филологіи о готскомъ вліяніи на финскія и сѣверо-славянскія племена въ періодъ первыхъ пяти вѣковъ по Р. Хр. не только не опровергаются, но даже находятъ сильную поддержку въ курганныхъ раскопкахъ. Теперь уже не возможно думать, чтобы находки желѣзнаго вѣка на сѣверѣ Россіи относились къ одному времени. Особенно интересны, по мнѣнію ученаго референта, выставленныя на археологической выставкѣ находки г. Булычева съ несомнѣнными готскими слѣдами V вѣка. Г. Аспелинъ указалъ на необходимость издать атласы всѣхъ собранныхъ древностей доисторическаго славянства, на что Д. Н. Анучинъ, соглашаясь по существу, указалъ на трудность подобной задачи: пока еще

¹⁾ Референтъ замѣтилъ, что летописецъ Несторъ смѣшалъ двѣ эмиграціонныхъ эпохи, готскую и варяжскую, отдѣленныхъ одна отъ другой разстояніемъ въ 7—8 вѣковъ; въ его же глазахъ онъ совершенно слился, такъ что получилось извѣсто въ родѣ оптического обмана.

трудно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣлить, съ какимъ элементомъ — славянскимъ, скинскимъ, литовскимъ и т. п. — имѣетъ въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдователь. Тѣ же самыя вещи г. Булычева, найденныя въ Калужской губерніи, могли принадлежать не однимъ славянамъ, но и финнамъ.

Нельзя сказать, чтобы рядъ вышеизложенныхъ рефератовъ, посвященныхъ „рубежу двухъ эпохъ“, оставилъ въ умѣ слушателей опредѣленные впечатлѣнія и увѣренность въ приобрѣтеніи точныхъ выводовъ. Затрогивался ли вопросъ о каменныхъ бабахъ, сейчасъ на готовѣ были доказательства ихъ не скинского происхожденія; вынужденная эмиграція или нормальныя торговыя сношенія обусловили вышшія находки римскихъ монетныхъ кладовъ — и здѣсь одно мнѣніе сталкивалось съ другимъ, стараясь загородить ему дорогу; влияние азиатскихъ народовъ на древности скинского періода, извѣстія арабскихъ писателей, готизмъ слова Русь¹⁾; словомъ, все или почти все рисовалось полутонами или же въ окраскѣ, исключающей одна другую. Чувствовалось полное отсутствіе твердой почвы, безусловно достовѣрныхъ фактовъ и, пожалуй, даже выработанныхъ методовъ. Невольно приходило на мысль, что многолѣтнія усилія такъ и останутся безплодными, что не въ этомъ направленіи надо теперь искать разъясненія запутаннаго вопроса, а съ помощью иныхъ орудій распахивать кремнистую почву. Но пока новыя орудія не отысканы, усилія человѣческаго ума старыми приѣмами уловить ускользающую истину останутся всегда законными и сохранять значеніе благородныхъ движеній.

Смотря съ этой точки зрѣнія на всю совокупность работъ, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей главѣ, несомнѣнно чрезвычайно интереснымъ долженъ представляться рефератъ П. Н. Милюкова: „О времени и мѣстѣ дѣйствія въ Запискѣ греческаго топарха“. Вопросъ уже самъ по себѣ, въ силу характера самаго источника, представляется необычайно сложнымъ; но трудность усугубляется, если принять во вниманіе судьбу его въ русской историографіи и разнорѣчивые отвѣты, данныя авторитетнѣйшими судьями въ этой области. Рѣшиться при такихъ условіяхъ дать новую, свою поста-

¹⁾ Хотя публичныхъ преній по реферату профессора Будимовича и не происходило, но тогда же между членами съезда объявились сторонники и противники его гипотезы; а теперь начали появляться и печатная критика (ср. отчетъ о съездѣ Д. И. Багалъя въ *Кіевск. Старинѣ* 1890, № 3, стр. 476--477).

новку вопроса было и большою смѣлостью, и еще большею заслугою референта.

Припомнимъ предварительно въ самыхъ сжатыхъ чертахъ исторію Записки греческаго топарха въ русской литературѣ.

Въ 1818 г. извѣстный французскій ученый Газе издалъ сочиненія Льва Діакона съ обширными приложениями. Въ ряду послѣднихъ оказался совершенно неизвѣстный доселѣ безымянный документъ, часть, можетъ быть, обширной или только начатой работы, сохранившейся въ трехъ отрывкахъ безъ начала и, повидимому, безъ конца. Это и была такъ-называемая „Записка готскаго (или для другихъ: греческаго) топарха“. Содержаніе ея въ высшей степени не ясно, сбивчиво и неопредѣленно. Первый отрывокъ говоритъ о грекахъ, переправившихся черезъ Днѣпръ по дорогѣ къ городу Маврокастроу, „во свояси“, причемъ сначала приходилось идти черезъ землю дружественнаго народа, потомъ по территоріи непріятельской. Дѣло было зимою, когда Сатурнъ только что успѣлъ войти въ знакъ Водолея. Во второмъ и третьемъ отрывкахъ варвары, свирѣпо раззорили землю своихъ „подданныхъ“ (къ которымъ относились первоначально справедливо и милостиво) и „задумали сдѣлать изъ (нашей) ихъ земли, какъ говорится, добычу Мисанъ“. Послѣ этого разгрома они пришли въ ту область, гдѣ начальствовалъ топархъ (авторъ „Записки“) и которая сосѣдила съ тѣми „подданными“. Топархъ рѣшился около Климатовъ построить крѣпостцу и, отразивъ враговъ, „разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ“ (грековъ), убѣждая ихъ отстаивать интересы византійскаго императора, но тѣ отказались, можетъ быть — догадывается составитель „Записки“ — „потому что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣгучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и потому, наконецъ, что не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ жителей въ собственномъ быту“. Отказавшись, они даже заставили самого топарха отправиться къ этому властителю сѣверодунайскихъ странъ и заключить съ нимъ миръ, при чемъ греческій военачальникъ не только получилъ отъ него обратно власть надъ Климатами, но въ добавокъ и еще пѣлюю са-трапію (впрочемъ послѣдней фразѣ можно, какъ увидимъ ниже, придавать иной смыслъ: поѣздки къ императору греческому) ¹⁾.

¹⁾ Самое содержаніе „Записки“ изложено нами по переводу В. Г. Васильевскаго: Русско-византійскіе отрывки: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876, № 6, стр. 375 — 400.

Понятно, такая неопредѣленность греческаго документа открывала широкое поле догадкамъ. Гдѣ Маврокастроны? Что такое Климаты: городъ или область? Куда именно „во свояси“, то-есть, въ какую часть греческой территоріи? Кто эти варвары? Эти „подданные“? Этотъ „царствующій на сѣверѣ Дуна“? Что это за земля, въ одно и то же время „ихъ“ и „наша“? Въ добавокъ, рукопись, съ которой печаталъ Газе свою „Записку“, потеряна была уже въ 1818 году, и приходилось довѣряться его свидѣтельству, что она писана почеркомъ исхода X вѣка.

За гипотезами дѣло не стало. Самъ Газе, отождествляя Климаты топарха съ крымскими Климатами (областью), видѣлъ въ варварахъ—русскихъ и относилъ описанныя событія къ завоеванію Корсуна Владиміромъ Святымъ. Кѣне, принимая Крымъ и русскихъ, находилъ, что рѣчь идетъ о событіяхъ болѣе раннихъ, можетъ быть, за время Цимисхіа. С. А. Гедеоновъ видѣлъ во властителѣ варваровъ великаго князя Святослава, напавшаго на Крымъ въ промежутокъ между первой и второй болгарскою войною, а въ „подданныхъ“ Русь Черноморскую. Съ первой половиною этого домысла (Святославъ) согласился А. А. Куникъ, но отвергъ вторую (Русь Черноморскую). Послѣ него Н. П. Ламбинъ Русь Черноморскую замѣнилъ крымскими готами, а Святослава — Олегомъ, въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, отказываясь признать свидѣтельство Газе о рукописи, какъ писанной не позже конца X вѣка. Топархъ, по его мнѣнію, — начальникъ Херсонеса Таврическаго. Домыслы русскихъ ученыхъ не остановились на этомъ. Проф. Брунъ склонился вмѣстѣ съ Газе на сторону Владиміра Святаго, хотя и не особенно настаивая на послѣднемъ пунктѣ. А. А. Куникъ, вторично взявшись разсматрѣть спорный вопросъ, посвятилъ ему обширное изслѣдованіе (О запискѣ готскаго топарха. С.-Пб. 1874) и пришелъ къ такимъ выводамъ: область топарха — Готскіе Климаты, то-есть, южный берегъ Крыма; варвары—хазары; „подданные“—Готы; „царствующій на сѣверѣ Дуна“ — русскій князь, всего вѣроятнѣе, Владиміръ Святой. Наконецъ, Д. И. Иловайскій, хотя и видитъ Климаты на югѣ Крымскаго полуострова, но они для него не готскіе; князь же варваровъ—русскій князь, но не Владиміръ, а скорѣе Святославъ и, еще вѣроятнѣе — Игорь ¹⁾).

Ясно, что таинственная „Записка“ оставалась въ сущности не

¹⁾ Ibidem 370—374.

разгаданною; всё усилія открыть непроницаемую завѣсу разбивались о неполютоу и неясность самаго документа; Крымъ, точно заколдованный кругъ, приковывалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ комментаторовъ, въ нерѣшимости не знавшихъ, кому изъ князей отдать предпочтеніе. Рѣшительную попытку прорвать этотъ заколдованный кругъ сдѣлалъ В. Г. Васильевскій. Еще академикъ Куникъ находилъ несообразнымъ, чтобы житель Крыма называлъ своимъ сосѣдомъ государя, царствовавшего на сѣверѣ отъ Дуная. Выходя изъ этого основанія, проф. Васильевскій такъ толкуетъ любопытный памятникъ: событія, описанныя во второмъ и третьемъ отрывкахъ, совершаются на Дунаѣ и всего скорѣе въ Болгаріи; Маврокастронъ — нашъ бессарабскій городъ Аккерманъ; Климаты — не область, а городъ или укрѣпленіе на Дунаѣ, всего вѣроятнѣе Клѣмадез; время Юстиніана въ восточной Болгаріи. Сатурнъ бываетъ видимъ въ знакѣ Водолея черезъ промежутки въ 29 лѣтъ 174 дня, каждый разъ въ теченіи $2\frac{1}{2}$ лѣтъ; во второй половинѣ X вѣка — а переходить эту грань мы не имѣемъ права въ виду палеографическихъ выводовъ Газе — это могло быть только или въ 993—996 или 964 — 967 г.г.; первую дату принять нельзя. Владиміръ Святой не могъ воевать съ греками вскорѣ послѣ принятія крещенія; значитъ, въ „Запискѣ“ рѣчь идетъ о Святославѣ и его дѣйствіяхъ въ Болгаріи на Дунаѣ. Русскій князь первоначально мягко управлялъ Болгарією, своими „подданными“, но потомъ круто перемѣнилъ политику, когда царь Петръ вступилъ въ сношенія съ Византією. Варвары, подступавшіе къ городу Климатамъ, были венгры, союзники Святослава.

Таковы были въ главныхъ чертахъ выводы уважаемаго византиста. Авторитетъ В. Г. Васильевскаго удерживалъ отъ попытокъ дѣлать новыя экскурсіи въ область, о которой, по видимому, сказано было не только вѣское, но и послѣднее слово. И дѣйствительно, съ 1876 года, когда появилось это изслѣдованіе, вопросъ о „Запискѣ греческаго топарха“ исчезъ со страницъ нашей литературы. Но въ прошломъ году ему снова былъ данъ ходъ, и не случайнымъ изслѣдователемъ, но тоже ученымъ знатокомъ русско-византійскихъ отношеній, Ѳ. И. Успенскимъ ¹⁾. Онъ нацѣль возможнымъ дать

¹⁾ Впрочемъ мы не должны забыть изслѣдованія В. З. Завитмевича: Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель. *Труды Киевск. дух. акад.* 1888, №№ 6, 8 и отдѣльно. Авторъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Климаты — часть ССЛХІХ, отд. 4.

совершенно иное освѣщеніе загадочному памятнику, сопоставляя отрывки Газе съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго: De administrando imperio и письмами патріарха Николая Мистика¹⁾. Записка топарха, по изслѣдованію одесскаго профессора, источникъ не столько русской, сколько византійской исторіи. Она констатируетъ стремленіе греческаго правительства расширить изъ Крыма область своего политическаго вліянія на сѣверные берега Чернаго моря. Въ противность установившемуся мнѣнію, будто крѣпость Саркель построена греками въ половинѣ IX вѣка по просьбѣ Хазарскаго кагана, Ѡ. И. Успенскій полагаетъ, что Византійскій императоръ строилъ ее для себя, и не раньше начала X вѣка (доказывая возможность ошибки въ извѣстіи Константина Багрянороднаго). Событія, описанныя въ „Запискѣ топарха“, относятся къ тому же времени, именно къ 903 — 904 гг., когда Сатурнъ тоже вступаетъ въ знакъ Водолея. Палеографическіе выводы Газе не должны смущать насъ: „Газе говоритъ, что рукопись, въ которой имъ прочитанъ былъ отрывокъ, писана въ исходѣ X вѣка, и что отрывки писаны другою рукою, немного младшею, чѣмъ сама рукопись. Вѣдь ужъ если строго держаться означенныхъ наблюденій, то нужно отрывокъ отнести къ XI вѣку, и тогда весь вопросъ объ историческомъ приуроченіи его получаетъ другую форму. Если сама рукопись писана въ исходѣ X вѣка, то „младшая“ рука уже никакъ не можетъ быть относима къ тому же концу X вѣка, иначе бы она не была младшею“. Письма Николая Мистика не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что враги топарха были печенѣги. Къ сѣверу отъ Крыма (гдѣ собственно и надо искать Климаты, то-есть, за-крымскую область съ крѣпостью Саркеломъ) сталкивались политическіе интересы Византіи и Болгаріи, а потому „царствующій на сѣверѣ отъ Дуная“ есть Симеонъ Болгарскій. Въ послѣднихъ строкахъ третьяго отрывка надо понимать поѣздку топарха не къ этому „царствующему“, а къ импе-

второстепенный городъ въ Крыму въ области Готскихъ Климатовъ, Мавроастронъ—Алверманъ, лежавшій на пути посольства, возвращавшагося изъ Кіева въ Тавриду (1-й отрывокъ „Записки“); палеографія Газе — вѣкъ сомнѣнія: варвары—русскіе; ихъ „подданные“—Крымскіе хазары; „царствующій на сѣверѣ отъ Дуная“ — русскій князь; отъ „сосѣдъ“ по владѣніямъ своимъ въ Тмутараканіи; война, о которой идетъ рѣчь въ „Запискѣ“ — нападеніе Владиміра Святаго на Корсунь.

¹⁾ Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Кіевъ. 1889. (Оттискъ изъ *Кіевской Старины* 1889, май и июнь).

ратору Византійскому; отъ него же получена имъ и новая сатрапія. Такимъ образомъ, говоритъ Ѡ. И. Успенскій,—отрывки Газе свидѣтельствуютъ о предпринятой византійскимъ правительствомъ военной экспедиціи въ населенную хазарами область. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы утвердить политическое вліяніе Византіи на сѣверъ отъ Крыма, гдѣ угрожала въ то время завоевательная политика другаго государя, дѣйствовавшаго посредствомъ своихъ эмиссаровъ на печенѣжскія орды и подстрекавшаго печенѣговъ дѣлать вторженія въ Крымъ. Византійскій предводитель почелъ за нужно обезопасить греческую власть постройкой крѣпости, подъ защитой которой должны были найти безопасность сочувствующіе византійской партіи хазары. Онъ дѣятельно и энергично исполнилъ свое дѣло, борясь съ значительными затрудненіями, которыя встрѣчалъ какъ въ набѣгахъ печенѣговъ, такъ и въ малодушіи и недовѣріи мѣстнаго населенія. Когда онъ окончилъ строеніе крѣпости, нашелъ отрѣзаннымъ отступление въ Крымъ и долженъ былъ съ величайшими затрудненіями въ позднюю осень пробираться съ своимъ отрядомъ по южной Россіи къ одному изъ Черноморскихъ пунктовъ“.

Гипотеза Ѡ. И. Успенскаго вызвала полемику между нимъ и В. Г. Васильевскимъ, при чемъ каждый остался при своемъ пониманіи „Записки“¹⁾. Такова была литература даннаго вопроса, когда на Археологическомъ съѣздѣ предложенъ былъ новый комментарий загадочнаго памятника.

П. Н. Милюковъ, разсмотрѣвъ эту литературу, признаетъ, что изслѣдованіе В. Г. Васильевскаго было рѣшительнымъ шагомъ впередъ въ толкованіи отрывковъ; приуроченіе къ Дунаю есть прочное приобрѣтеніе въ дѣлѣ пониманія памятника; но референтъ отказывается признать въ Климатахъ городъ и тѣмъ болѣе отождествить его съ Кλέμαδας; точно также и приурочиваніе событій къ Свято-славу представляется ему несомнѣнно слабою стороною, вызывающею натяжки въ толкованіи отрывковъ. Отсюда уже видно, что новый комментаторъ „Записки“ во многомъ разойдется и съ Ѡ. И. Успенскимъ; но это не мѣшаетъ ему признать, что послѣдній несомнѣнно двинулъ впередъ разборъ документа, во первыхъ, тѣмъ, что освободился окончательно отъ хронологическихъ выводовъ Газе, и, во вторыхъ, тѣмъ, что пересталъ искать объясненій въ сферѣ исключительно русско-византійскихъ отношеній. Итакъ, если у проф. Васильев-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, №№ 10, 12; Киевск. Старина 1889, № 12.

скаго вѣрно намѣчено мѣсто, а у проф. Успенскаго расширена сфера объясненія по отношенію ко времени и къ исторической обстановкѣ, то нельзя ли соединить выгоды обѣихъ точекъ зрѣнія и не наведетъ ли такое соединеніе на еще болѣе близкое разъясненіе?

Г. Милюковъ ставитъ разказъ топарха въ связь съ очень извѣстнымъ событіемъ, происшедшимъ въ теперешней Бессарабіи въ концѣ IX вѣка. Именно, въ 889 году сюда явились венгры и тогда же были втянуты въ только-что начавшуюся борьбу между болгарами и Византіей. Побѣды Симеона Великаго вынудили Льва VI Мудраго обратиться за помощью къ венграмъ, которые, вѣроятно, въ слѣдующемъ же 890 году и напали на Болгарію, разбили Симеона и заставили его просить мира у императора. Но торжество Византіи было непродолжительно; въ 892 году венгры ушли въ походъ противъ моравовъ; Симеонъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, напалъ на ихъ страну, опустошилъ ее и перебилъ оставшееся тамъ населеніе; когда венгры вернулись и увидѣли землю разоренною, то не захотѣли въ ней оставаться и ушли окончательно на средній Дунай. Симеонъ же, разоривъ мѣста ихъ поселенія, повелъ войну съ Византіей, одержалъ побѣду и наложилъ на грековъ дань.

По мнѣнію референта, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что мѣсто короткой остановки венгровъ въ 889—892 гг.—Ателькузу— и есть теперешняя Бессарабія; точно также несомнѣнно, что она не была пуста во время прихода венгровъ, а занята единоплеменнымъ болгарамъ населеніемъ уличей и тиверцевъ. Послѣдніе и были „подданными“ болгаръ, по топарху: „варваровъ“, государь коихъ, Симеонъ, и есть „царствующій на сѣверъ отъ Дуная“; но вынужденные венграмъ, своими временными „властителями“, они вмѣстѣ съ ними напали на болгаръ („жалуясь на своихъ властителей и ясно доказывая, что они ни въ чемъ не повинны“). Однако Симеонъ не принялъ этихъ оправданій и „подъ предлогомъ нарушенной клятвы“ разорилъ ихъ землю. Самый фактъ опустошенія области уличей и тиверцевъ, разрушенія болѣе 10 городовъ и не менѣе 500 селеній, конечно, не могъ остаться незамѣченнымъ; и дѣйствительно, у Константина Багрянороднаго мы находимъ извѣстіе объ опустошеніи, косвенно подтверждаемое и нашею лѣтописью („суть гради ихъ и до сего дне“). Такимъ образомъ восстанавливается исторія этого уголка восточныхъ славянъ: до 889 года они подчинены, хотя далеко не полно, болгарамъ (въ 885 году Олегъ „имяше рать съ ними“); съ 889 по 892 невольны подчиняются новымъ господамъ; въ 892—терпятъ

за это разореніе (въ началѣ X вѣка попадаютъ Руси: являются въ войскахъ Олега и Игоря и платятъ имъ дань). Референтъ полагаетъ, что его толкованіе объясняетъ и другія частности разказа.

Послѣ отплаты венграмъ за союзъ съ Византіей долженъ былъ наступить моментъ, когда начальство Маврокастропа, удаленное отъ центра событій, не знало, находятся ли греки въ войнѣ съ Болгаріей или нѣтъ; вотъ почему топархъ на всякій случай строитъ укрѣпленія и одновременно посылаетъ къ „варварамъ“ для переговоровъ. Такъ какъ противъ него дѣйствовала, конечно, не главная армія Симеона, то ему и удалось отбить приступы болгаръ отъ Маврокастропа. Въ поѣздкѣ на поклонъ къ чужому государю ничего не могло быть страннаго въ тяжелую минуту пораженія Византіи: Симеонъ претендовалъ на верховенство надъ самою имперіей, а нѣсколько позже заявилъ претензіи и на самый престолъ преемниковъ Константина Великаго. „Записка“ между прочимъ говоритъ, что „непріатели сдѣлали изъ нашей (ихъ) земли, какъ говорится, добычу мисянъ“. Конечно, это пословица; но при толкованіи референта она становится реальнымъ намекомъ на національность непріателей, бывшихъ, дѣйствительно, мисянами, то-есть, болгарами; такимъ образомъ пословица употреблена намѣренно и кстаті. Сомнѣваться въ существованіи Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ Ἰστρου ποταμοῦ до венгерскаго завоеванія—нельзя (референтъ опирается на выводы К. Я. Грота: Моравія и Мадьяры, 86—93), обозначить же Симеона въ качествѣ государя лѣваго, сѣвернаго берега Дуная и какъ государя сосѣднихъ мѣстъ—топарху тѣмъ было естественнѣе, что онъ имѣлъ съ нимъ дѣло именно въ этомъ его качествѣ; авторъ осторожно выразился: „царствующій“, то-есть, правящій, ничего не говоря, чтобы онъ жилъ въ этихъ краяхъ. О самой поѣздкѣ къ Симеону упомянуто мимоходомъ, какъ будто бы съѣздить къ нему было легкое дѣло; но отъ Аккермана до Великой Прѣславы, дѣйствительно, было не далеко.

Единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ своему домыслу референтъ признаетъ хронологическое опредѣленіе Газе, но и его онъ считаетъ возможнымъ легко обойти. Греческое письмо IX—XI вѣковъ отличается, по опредѣленію Монфокона, довольно рѣзко и отъ предыдущаго (унціального), и отъ послѣдующаго (съ сокращеніями) письма. Но внутри этого періода провести дальнѣйшее подраздѣленіе совсѣмъ не такъ легко. Это время господства минускулы, которую Гардтгаузенъ, новѣйшій и авторитетнѣйшій изслѣдователь по греческой палеографіи, дѣлитъ на древнюю, среднюю и новую мину-

скулы. Естественно, что въ предѣлахъ средней минускулы, къ которой относится нашъ документъ, дальнѣйшія хронологическія различія производить еще труднѣе, но они возможны, и, руководясь указаніями Гардтгаузена, референту удалось различить начало и конецъ X вѣка въ типичнѣйшихъ изъ датированныхъ рукописей. Но еще вопросъ, имѣлъ ли въ виду эти признаки Газе? Монфокоңъ полагалъ, что съ начала X вѣка унциальныя начертанія исчезаютъ совершенно; этотъ взглядъ господствовалъ до послѣдняго времени; его держался еще Ваттенбахъ. Но Гардтгаузенъ стоитъ, и по видимому справедливо, на сторонѣ противоположнаго мнѣнія: „Между тѣмъ какъ въ латинской минускулѣ пришѣсь унциальныхъ формъ указываетъ на древность, въ греческихъ—изъ этого признака слѣдуетъ выводить какъ разъ противоположное. Можетъ быть, и Газе обиліемъ унциальныхъ формъ объясняетъ большую древность „Записки“? Впрочемъ и самъ онъ, вначалѣ категорически заявивъ, что кодексъ, откуда взятъ его документъ, *saeculi decimi exeuntis*, а отрывки писаны *litteris... non multo quam codex ipse recentioribus*,—далѣе, передъ вторымъ отрывкомъ, характеризуетъ письмо рукописи такъ: *scriptura est ligata, quam vocant, saeculi X aut XI*. Значить, и для него самого опредѣленіе времени не имѣло той точности и рѣшительности, съ какой оно является въ ссылкахъ на него позднѣйшихъ изслѣдователей. „Записка“ писана послѣ совершившихся событій (893 г.), но ранѣе 913 года, когда началась новая война Симеона съ Византією.

Референту возражали профф. Завитцевичъ и Успенскій; каждый соответственно тѣмъ положеніямъ, къ какимъ они ранѣе пришли при изученіи „Записки топарха“. О. И. Успенскій между прочимъ нашелъ, что, отвергнувъ всѣ предыдущія объясненія, г. Милюковъ не избѣгъ ошибокъ, повторивъ домыслы, несостоятельность которыхъ была уже доказана раньше. Сверхъ того, объявляя, что первый отрывокъ не имѣетъ связи съ остальными двумя, такъ какъ трактуеть совсѣмъ о другомъ, докладчикъ, разумѣется, значительно, облегчилъ себѣ рѣшеніе задачи, но ложная посылка должна была и привести въ ложному выводу. За то М. С. Дриновъ нашелъ объясненіе г. Милюкова вполне соответствующимъ исторической обстановкѣ и требовалъ только, чтобъ ему доказали тожество Маврокастропа съ Аккерманомъ; затѣмъ имъ было указано, что Симеонъ еще не носилъ титула „царствующаго“, βασιλεύς, въ годы предполагаемаго референтомъ составленія „Записки“.

IV.

Русскіе инородцы.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣнню рефератовъ, непосредственно относящихся къ исторіи русскаго народа въ эпоху историческую, представимъ обзоръ сообщений, касавшихся инородцевъ, вошедшихъ впоследствии въ составъ Русскаго государства, и странъ, ими населенныхъ. Сюда относятся рефераты гг. Мѣржинскаго, Миллера, Хаханова, Смирнова, Веселовскаго, Ивановскаго, Чекалина, Ядринцева и Анучина. Всѣ они переносятъ насъ на восточныя окраины Россіи, за исключеніемъ одного: „О такъ-называемомъ Sisso“, А. Ѳ. Мѣржинскаго. Съ него мы и начнемъ настоящую главу.

Существуютъ всего только три источника, дающіе возможность опредѣлить, кто такой былъ этотъ Sisso: первые два извѣстны подъ именемъ *Vita St. Adalberti*, X и XI вв.; третій, самый важный, хотя и менѣе всего извѣстный — *Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samlandt* и т. д. — рѣдкое сочиненіе XVI вѣка. Авторъ его, Іеронимъ Малецкій, сынъ Ивана, автора небольшой книжечки подобнаго же содержанія: *De Sacrificiis et idolatria... libellus*. Данными, на коихъ основанъ трудъ Іеронима, пользовались въ свое время Гартенохъ и Мислейта, въ иной только редакціи, что въ свою очередь даетъ ключъ для оцѣнки этихъ позднѣйшихъ писателей и взаимной ихъ зависимости. Обстоятельный анализъ нѣмецкаго сочиненія привелъ референта къ слѣдующимъ заключеніямъ. Въ XVI вѣкѣ среди литовцевъ сохранялись многочисленныя остатки старыхъ религіозныхъ обрядовъ. Между прочимъ закланіе козла совершалъ такъ-называемый *Wurschaitis*. По принесеніи жертвы всѣ лица, принимавшія въ ней участіе, благодарятъ сигнота (*Signot*; у Малецкаго: *Signor*), который также зовется *Wurschkauten*. Въ честь божества, покровителя моряковъ и рыбаковъ, приносятъ жертву жрецъ, тоже сигнотъ (сигноръ) или *Wurschkaut*. Обокраденный, все равно, нѣмецъ или пруссъ, идетъ къ *waidel'u* (колдуну), котораго тоже называютъ сигнотъ (сигноръ). Къ нему питаютъ большой страхъ и уваженіе, вѣря, что онъ одинаково въ силахъ и навредить, и принести пользу. Эти сигноты обыкновенно бѣдные, слѣпые и хромыя старики. Вайдель — ниже чѣмъ *Wurschaitis* или собственно *Wirschaitis*, самое имя которыхъ означаетъ, по мнѣнію г. Мѣржинскаго: верхній, стар-

шій. Но роль вуршайтовъ не болѣе какъ пережитокъ болѣе древней языческой поры. Въ X и XI вв. это былъ Sisso, — жрецъ, на обязанности котораго лежало начинать битву, нанося врагу первый ударъ; вслѣдствіе того они должны были находиться всегда впереди войска, чѣмъ и объясняется эпитетъ *dux*, прилагаемый къ нимъ въ памятникахъ. Подобная аналогія встрѣчается у грековъ и римлянъ. Съ потерю самостоятельности исчезла надобность въ подобномъ обрядѣ для пруссовъ, и осталась только должность жрецовъ въ роли вышеупомянутыхъ сигнотовъ. Филологическій разборъ разсмотрѣнныхъ терминовъ референтъ обѣщаетъ дать въ печатной статьѣ.

Кавказъ — страна архаическихъ остатковъ; консерватизмъ — обычный удѣлъ глухихъ уголковъ — его отличительная черта и наблюдается даже тамъ, гдѣ, по видимому, всего скорѣе слѣдовало бы ожидать противнаго у воинственныхъ жителей горныхъ ущелій, — именно въ оружіи. Во времена Пушкина и Лермонтова на Кавказѣ встрѣчались еще лукъ и стрѣлы. Но и духовная археологія этой страны интересна и консервативна не менѣе вещественной. Выясненію одного изъ мѣстныхъ сказаній, именно о циклопахъ, и былъ посвященъ докладъ В. О. Миллера: „Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ“. Изъ пяти извѣстныхъ вариантовъ формулы Полифема мингрельскій самый близкій къ сказанію греческому. Совпаденіе въ деталяхъ столь замѣчательно, что хочется думать, не перешло ли оно книжнымъ путемъ, что, однако, приходится отвергнуть: при всемъ сходствѣ есть и отличія: чудесная рыба, которая пьетъ медъ и ѣстъ кукурузу; отсутствіе „Никого“, народа циклоповъ и проч. Наконецъ, допуская книжное вліяніе, пришлось бы признать вліяніе гомерическаго цикла болѣе сильное, чѣмъ на всѣ подобныя версіи у европейскихъ народовъ, а на это нѣтъ никакихъ основаній. Будучи прикрѣпленною къ опредѣленной мѣстности, отличаясь живостью впечатлѣній, версія мингрельская отлична отъ дагестанской, которая вмѣсто народнаго преданія съ эпическими чертами даетъ одинъ только экстрактъ сказанія. Осетинскій вариантъ, подобно двумъ предыдущимъ, приурочиваетъ циклопа къ острову, тогда какъ въ остальныхъ великанъ живетъ на материкѣ, въ горахъ, потому и встрѣча съ нимъ совершается при иной обстановкѣ. Такъ, по второй осетинской версіи усталые путники встрѣтили великана у горъ. Здѣсь сказка превратилась въ былинку, ибо все приурочено къ Урызмагу (Одиссею), какъ національному герою. Полифемъ прячетъ путешественниковъ въ сумку (или же въ дупло своего зуба). Значительная переработка слышится

въ томъ, что никто изъ путниковъ не погибъ, а великанъ околѣлъ съ досады, узавъ, какъ невредимо ускользнули его враги. Последній вариантъ, чеченскій, будучи всего ближе къ осетинскому, бѣднѣе всѣхъ содержаніемъ: въ немъ нѣтъ и намека на одноглазаго циклопа и его ослѣпленіе; герой лишентъ героизма: Одиссей запрягался отъ врага въ черепъ, и вся соль сказанія испарилась.

Кромѣ поименованныхъ пяти кавказскихъ, въ литературѣ извѣстны цѣлыхъ 12 другихъ вариантовъ формулы Полифема: арабскій, карельскій, огуцкій, эстонскій, румынскій, два нѣмецкихъ, два русскихъ, французскій, сербскій и латышскій; не смотря на работы В. Гримма (1858 г.) и В. В. Комарова (1886 г.), генезисъ ихъ все еще не уясненъ вполне удовлетворительно. Можно только сказать, что кавказскія сказанія всего ближе къ греческому, и между ними — мингрельское, хотя оно и записано всего три года назадъ. Это объясняется географическою близостью Мингрели и Малой Азіи, родины гомерическаго эпоса (не даромъ осетинскій вариантъ всего ближе къ греческому, латышскій — къ эстонскому).

Сообщеніе проф. Миллера ¹⁾ было добавлено весьма интересными указаніями И. Н. Смирнова на подобные же варианты, сохранившіеся въ вотскомъ эпосѣ: одноглазый и однорогий великанъ, Паласьмуртъ, ращепливаетъ дерево и защемляетъ свою руку, по предложенію „Прошлаго года“. У черемисъ тоже есть сказанія о богатыряхъ, которые прячутъ людей въ карманы.

Впрочемъ, на нынѣшнемъ съѣздѣ вотяки фигурировали и какъ самостоятельный объектъ изученія. Тотъ же проф. Смирновъ приготовилъ и выпустилъ ко времени съѣзда обширную и обстоятельную работу объ этомъ племени ²⁾ и, кромѣ того, еще прочиталъ отдѣльный рефератъ: „Воспоминанія объ эпосѣ каннибализма въ народной поэзіи вотяковъ“. Произведенія вотскаго народнаго творчества составляютъ цѣнный историческій источникъ, заключающій въ себѣ бытовныя

¹⁾ Кавказу же посвященъ былъ и рефератъ А. С. Хазанова: „Грузинскія рукописи Румянцовскаго музея“. Докладчикъ ознакомилъ слушателей съ наиболѣе интересными документами. Все число ихъ доходитъ до 18; пять пергаментныхъ свитковъ XI и XII вв. содержатъ въ себѣ христіанскія молитвы съ значительною примѣсью языческихъ формулъ; кромѣ того, имѣется вариантъ лѣтописи царя Вахтанга, ложно приписываемой последнему.

²⁾ Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. Каз. 1890 (изъ 2-го вып. VIII-го тома *Извѣстій Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанск. университетѣ*).

черты далекаго прошлаго. Человѣческія жертвоприношенія, сохранившіяся до настоящаго времени въ переживаніяхъ, возникли въ ту пору, когда вотяки сами были каннибалами и по себѣ составили понятіе о потребностяхъ боговъ. Что касается до людоедства у усопшихъ, то оно проявляется въ трехъ видахъ: а) въ кровопійствѣ, которому предаются духи умершихъ колдуновъ (убиры); б) въ человѣческихъ жертвахъ для отплаты за клады, вынутые у бывшихъ владѣльцевъ и в) въ таккъ же жертвахъ, приносимыхъ цѣлыми общинами предкамъ. Послѣдними намеками на бывшее нѣкогда людоедство являются разказы о людяхъ, съѣденныхъ съ цѣлю овладѣть принадлежащими имъ свойствами; силою, храбростью, предназначеніемъ къ власти и т. п. Не рѣшаясь опредѣленно датировать эпоху вотскаго каннибализма, проф. Смирновъ только напомнилъ сѣзду, что еще во времена Геродота въ южной Россіи держались толки объ андрофагахъ, жившихъ къ сѣверу отъ скиновъ.

Другой докладъ И. Н. Смирнова былъ посвященъ „Бесермянамъ Вятской губерніи“. Поводъ къ нему далъ поставленный сѣзду вопросъ: „мало опредѣленный до сего времени народъ „Бесермяне“ не есть ли остатки древне-булгарскихъ населеній между вотяками Глазовскаго уѣзда“? Референтъ считаетъ невозможнымъ давать на него отвѣтъ, такъ какъ прежде всего сами болгары для насъ этнографическая загадка: внѣшній бытъ ихъ очень не ясенъ (арабскіе писатели), о языкѣ—имѣются однѣ гипотезы, о языческихъ вѣрованіяхъ—ровно ничего не извѣстно. Но бесермяне стоятъ изученія сами по себѣ. Впрочемъ, и здѣсь необходимо быть осторожнымъ въ своихъ выводахъ. Сравненіе физическаго тѣла, языка, костюма, обычаевъ и религіи приводитъ къ тому заключенію, что бесермяне не вотяки и не татары, а овотячившіеся потомки какого-то тюркскаго племени, жившаго ранѣе татаръ въ бассейнѣ рѣки Чепцы. Но что это за племя—профессоръ Смирновъ не берется рѣшать. Тѣмъ не менѣе положительная сторона доклада заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ указаній. Низкорослый, бѣлокурый и сѣроглазый вотякъ рѣзко отличается отъ черноволосаго и черноглазаго, матовожелтаго бесермянина, обыкновенно средняго роста. Костюмъ бесермянъ (женскіе головные уборы, рубашки и кафтаны) тоже не сходенъ ни съ вотскимъ, ни съ татарскимъ. Хотя по языку бесермяне настоящіе вотяки, но слова общественнаго и семейнаго быта совершенно иныя, именно тюркскаго корня; нѣкоторыя изъ нихъ можно прямо сблизить съ башкирскими. Культъ предковъ имѣетъ точки соприкосновенія съ вѣрованіями

татаръ; татарскій мулла участвуетъ въ религіозной жизни бесермянъ; при деревняхъ послѣднихъ встрѣчаются кладбища, называемыя бичертъ-шан, то-есть, болгарскія или татарскія, — и все же было бы ошибочно считать народность эту овотячившимися татарами: въ селеніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ они продолжаютъ говорить по вотяцки, очевидно, еще съ той поры, когда татары только-что появились среди нихъ. Наконецъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ бесермянъ очень много заимствованнаго у вотяковъ и такого, чего нѣтъ у со-сѣдей — татаръ.

Н. И. Веселовскій затронулъ частный вопросъ: „Въ какой степени подтверждаются археологическими данными лѣтописныя извѣстія о смерти Узбекскаго хана Шейбани?“ Кочевой народъ узбеки двинулись въ концѣ XV вѣка изъ Киргизскихъ степей въ осѣдлыя страны западнаго Туркестана. Съ Аму-Дарьи они вторглись-было и въ Хорасанъ, но неудачно: въ 1510 году подъ Мервомъ персы нанесли имъ полное пораженіе, самъ предводитель узбековъ, ханъ Шейбани, былъ убитъ, и хотя побѣжденнымъ и удалось отбить трупъ, но обезглавленный: голова осталась въ рукахъ побѣдителей. Тѣло Шейбани было похоронено въ Самаркандѣ. Вотъ извѣстіе лѣтописное. Недавнее перенесеніе трупа изъ старой дахмы (мѣсто упокоенія хана) въ новую дало возможность убѣдиться въ справедливости письменнаго свидѣтельства: трупъ Шейбани оказался дѣйствительно безъ головы.

Похоронные обряды торгоутовъ и киргизъ изслѣдованы были А. А. Ивановскимъ въ рефератѣ: „О существованіи совмѣстнаго обряда погребенія и сожженія и о каменныхъ бабахъ и намогильныхъ камняхъ по даннымъ современной этнографіи“. Оказывается, оба эти обряда сохраняются до сей поры. Каменные или глиняныя бабы и теперь ставятся у киргизъ надъ могилою.

Рефератъ о „Мещерѣ и буртасахъ по сохранившимся о нихъ памятникамъ“ доложенъ былъ Э. Э. Чекалинимъ. Сводя вмѣстѣ разнообразныя и весьма неясныя свидѣтельства, предлагаемыя изслѣдователю существующею литературою, референтъ пришелъ къ такимъ выводамъ: древняя Мещерская область охватывала обширное пространство между Рязанскою землею и Дономъ съ одной, и Волгою — съ другой стороны; на сѣверѣ она примыкала къ Лѣсной области мордвы въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской и Пензенской; на югѣ же — къ юго-восточнымъ степямъ Россіи. Неправильно смѣшивать мещеру съ мишарями — татарами: сходство и даже тожество языка и самыхъ названій этихъ этнографи-

ческихъ группъ могутъ быть объяснены только заимствованіемъ и свидѣтельствуютъ—самое большее—лишь о племенномъ родствѣ, но никакъ не о тожествѣ этихъ инородцевъ.

Буртасы уже съ X вѣка рѣзко отличаются отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей осѣдло-земледѣльческимъ бытомъ и вплоть до второй половины XI вѣка занимали нынѣшнюю Саратовскую, Пензенскую и часть Симбирской, Тамбовской, Воронежской губерній и области Войска Донскаго, когда появленіе половцевъ заставило ихъ подвинуться къ сѣверу. Въ какомъ же изъ мѣстныхъ инородческихъ племенъ слѣдуетъ ихъ искать въ настоящее время? Не въ чувашахъ (какъ это дѣлаютъ Сбоевъ, Дорнъ, отчасти Хвольсонъ), не въ мордвѣ-мокшѣ (большинство историковъ и этнографовъ), а въ мещерѣ. Не даромъ Ибнъ-Даста, Эль-Балхи и Массуди знаютъ буртасовъ, но не мещеру; русскимъ же источникамъ, на оборотъ, извѣстны мещеряки, но не буртасы.

П. Н. Милюковъ, возражая референту, очень подробно развилъ основанія, по которымъ онъ прямо отвергаетъ возможность признать единство территоріи для мещеръ и буртасовъ и сильныя сомнѣнія, чтобъ оба эти племена были тюркской вѣтви. Мещерскія поселенія не шли на югъ отъ линіи Шацкъ-Симбирскъ; а центръ Буртасской земли—именно на югѣ ея и лежитъ. Если росписи сторожамъ 1571 и 1586 гг. и говорятъ, что сторожевые разѣзды съ цѣлью „оберегати рязанскихъ и мещерскихъ мѣстъ“ доходили до теперешняго Царицына, то онѣ же и объясняютъ, что разумѣть подъ этими мѣстами: „Шацкія, Темниковскія, Кадомскія, Курмышскія, Алаторскія, Арземаскія“; и, конечно, самыя оберегаемыя мѣста до Волжской переволоки не доходили. Что же касается до тожества буртасовъ съ тюрками, то хотя Массуди и утверждаетъ это, но вѣроятнѣе извѣстіе Эль-Балхи (Истахри), что языкъ буртасовъ не походитъ ни на болгарскій, ни на хазарскій. И Рубруквисъ, и Плано-Карпини находятъ въ землѣ буртасовъ въ XIII вѣкѣ одну только мордву. Поэтому вѣроятнѣе старая гипотеза: буртасы—это нынѣшняя мордва.

Сибяри посвятили свои доклады Н. М. Ядринцевъ и Д. Н. Анучинъ. Рефератъ перваго — „О распространеніи въ Монголіи и Сибири каменныхъ могилъ (керексуръ)“ — явился результатомъ изученія могильниковъ по рр. Селенгѣ и Орхону. Кромѣ ранѣе извѣстныхъ двухъ формъ: а) четырехъугольныхъ, обставленныхъ врытыми плитами и уставленныхъ камнями могилъ и б) круглыхъ каменныхъ невысокихъ насыпей, мѣстами тоже обставленныхъ стоячими ка-

ниями,—г. Ядринцеву удалось опредѣлить еще третій типъ смѣшаннаго характера, представляющій сочетаніе круглаго могильника съ квадратнымъ. Селенгинскіе могильники оказываются вполне тождественными съ орхонскими керексурами; не рѣдко они сопровождаются каменными бабами, подобными тѣмъ, что найдены были въ Минусинскомъ округѣ и Алтай¹⁾.

Очень интересно было сообщеніе Д. Н. Анучина „о древнихъ картахъ Сибири“; иллюстрированное самими картами, оно еще болѣе выиграло въ яркости и наглядности. Первая по времени карта Эратоссеена изображаетъ Сибирь—„азіатскую Скиюю“—въ видѣ узкой полосы земли. Помпоній Мела длиннымъ заливомъ (*quasi fluvius*) соединяетъ Каспійское море съ Океаномъ, вслѣдствіе чего Сибирь рисуется въ нѣсколько большихъ, чѣмъ слѣдовало бы, размѣрахъ; на его картѣ появляются антропофаги, и два мыса, *Scythicum* и *Tabin*. Громадный шагъ впередъ дѣлаетъ Птоломей, хотя бы уже по одному признанію своего незнанія сѣвера и востока; отказавшись отъ попытокъ чертить его, онъ возвращается къ эпохѣ Геродота: Каспій снова является у него замкнутымъ моремъ, но растянутый болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину; впервые указываетъ Птоломей Ра (Волгу), а на югѣ Сибири, кромѣ главнаго хребта съ запада на востокъ, *Трасос*, отмѣчаетъ другой, подобный, подъ угломъ къ первому. На крайнемъ востокѣ—народъ Серы (Китай), южнее — Сины (тотъ же Китай). Средніе вѣка — время географическаго упадка; движеніе начинается съ появленія италіанскихъ торговцевъ и посланниковъ въ Монголію (Рубруквисъ, Пляно-Карпини, Марко-Поло), результатомъ чего является такъ-называемая Каталанская карта (1375 г.), дающая между прочимъ торговый путь отъ Риги на Ростовъ, Тверь (именно въ этомъ порядкѣ), Великіе Болгары и далѣе. На востокѣ Азія появляется и море. Карта Фра-Мауро (1459) рисуетъ землю въ видѣ круга; Азія на сѣверѣ ограничена моремъ, съ двумя полуостровами *Mesnop* и *Mongul*; показаны Рифейскія горы съ Перміей; Волга (въ нижнемъ теченіи Эдиль) соединяется съ сибирскими рѣками; появляется и самое слово Сибирь; впервые изображены Алтайскія горы,

¹⁾ Во время съезда Н. М. Ядринцевъ прочелъ въ засѣданіи Общества любителей естествознанія антропологи и этнографіи, въ присутствіи членовъ археологическаго съезда, „Этнографическія наблюденія, произведенныя имъ во время путешествій по Монголіи“. Мы не даемъ о нихъ отчетъ, такъ какъ непосредственнаго къ программѣ съезда отношенія они не имѣютъ, къ тому же и самое сообщеніе происходило въ другомъ Обществѣ.

но только по меридіану, а не по широтѣ. Шестнадцатое столѣтіе, очевидно, реставрируя забытыя свѣдѣнія Птолемея, узнаеть въ Сибири два большихъ полуострова Ялмалъ и Таймыръ (прежніе Scythicum и Tabin); впрочемъ нанесеніе ихъ на карту не означало еще расширенія свѣдѣній: у географовъ даже XVII вѣка они опять оказываются не существующими. Важный успѣхъ сдѣлавъ былъ путешествіями Герберштейна и Дженкинсона. Первый указываетъ за Ураломъ р. Обь; второй же (1562) удлинняетъ эту послѣднюю и даетъ нѣчто въ родѣ намека на Аральское море; но онъ ошибается, сливая систему Обскую съ Амударьинскою. Особенно интересны у Дженкинсона указанія на страны Молкомзая и Баида. Оба эти названія упоминаются въ одномъ сказаніи о невѣдомыхъ людяхъ сибирскихъ.

Путемъ обстоятельнаго сличенія референтъ доказалъ, что англійскій путешественникъ заимствовалъ упомянутыя названія именно изъ этого сказанія. Молкомзая — это мангазея (не въ смыслѣ города, а страны). Возникло же такое названіе не у зырянъ, а у самоѣдовъ: малъ (mál) на ихъ языкѣ означаетъ конецъ, край; малкана (málkana) — конечный; зей—обычное окончаніе многихъ родовъ. Такимъ образомъ молкомзая означаетъ большой самоѣдскій родъ, жившій на краю этой народности. Что касается до Баиды, то она помѣщается вверху Оби, въ поселеніяхъ тюркскихъ племенъ; бай—встрѣчается не рѣдко въ родовыхъ названіяхъ тюрковъ; баиды — можетъ быть, телеуты.

Хотя и не приуроченное къ Сибири, но съ преобладаніемъ того же географическаго элемента, было другое сообщеніе Д. Н. Анучина—,Сказаніе о дивныхъ людяхъ⁴. Баснословныя разказы о людяхъ безголовыхъ, или съ собачьими мордами и т. п. были общи всѣмъ народамъ; у насъ они распространялись посредствомъ азбуковниковъ, лудидаріевъ и пр. Западъ знаетъ ихъ съ глубокой древности; но еще раньше появились они въ обращеніи на востокъ. Гомеръ упоминаетъ о пигмеяхъ, сражавшихся съ журавлями; хотя древніе философы и причисляли этотъ разказъ къ области сказокъ, но средніе вѣка относились къ подобнымъ вымысламъ съ большею довѣрчивостью: въ различныхъ энциклопедіяхъ того времени, въ Livres de Merveilles, даже у Себастіана Мюнстера можно найти изображенія дивныхъ людей. Съ запада перешли они въ русскую литературу (напримѣръ, Александрія, поэма псевдо-Калистоена). Путешествіе Мандевилля тоже много способствовало распространенію подобныхъ разказовъ. Вниманіе доглядчика было направлено собственно

на антиподовъ, пигмеевъ и безголовыхъ. Еще отцы церкви первыхъ десяти вѣковъ нашей вѣры возставали противъ существованія антиподовъ; но идея эта укоренилась, хотя и въ извращенномъ видѣ: антиподовъ представляли съ ногами, обращенными взадъ, пяткой впередъ, а въ русскомъ Луцидаріи заставляли ихъ стоять ногами на ногахъ другихъ. Пигмеи впервые отмѣчены у Гомера живущими въ Африкѣ; позже находятъ ихъ въ Индіи; въ средніе вѣка (у арабовъ)—въ Каспійскихъ степяхъ; Каталанская карта помѣщаетъ ихъ около предѣловъ Китая, карта 1567 г. къ сѣверу отъ Скандинавіи, а Петрей за Ураломъ. Въ недавнее время путешественникъ Швейнфуртъ нашелъ въ Африкѣ малорослыхъ негровъ, отличныхъ стрѣлковъ изъ лука. Не здѣсь ли искать объясненія всѣмъ этимъ сказаніямъ отдаленнаго прошлаго, тѣмъ болѣе, что такихъ малорослыхъ племенъ въ Африкѣ нѣсколько (Стэнли тоже упоминаетъ о нихъ)? Азіатскія сказанія могутъ быть объяснены остатками малорослаго племени негритосовъ, открытаго Катрфажемъ на Андаманскихъ островахъ. Малорослый монголъ въ глазахъ араба могъ легко показаться пигмеемъ, подобно тому какъ такими же выглядываютъ и самодѣи, эскимсы для европейца. Безголовые впервые являюся въ Африкѣ. О такихъ Лемніяхъ или Лемняхъ упоминаютъ Страбонъ, Плиній, Аммианъ Марцелинъ, Вопискъ. Средніе вѣка знаютъ ихъ въ Индіи. У насъ они являюся самостоятельно: въ сказаніи „о людяхъ незнаемыхъ въ Восточной землѣ“ (о которомъ уже была, какъ мы видѣли, рѣчь въ предыдущемъ докладѣ проф. Анучина) безголовые рисуются въ мѣстной обстановкѣ: они вернутся оленями, стрѣляютъ изъ желѣзныхъ трубокъ. Въ опискѣ одного сибирскаго воеводы найденной референтомъ въ матеріалахъ, напечатанныхъ г. Голомбѣевскимъ въ Читеніяхъ Общ. Истор. и Др. Росс., есть указанія на тунгузовъ объ одной рукѣ и объ одной ногѣ, живущихъ въ ямахъ съ тяжелнымъ смраднымъ духомъ. Въ тунгузовскихъ преданіяхъ тоже можно найти подтвержденіе этому.

Е. Шмурло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887—1888 ГОДАХЪ ¹⁾.

Число реальныхъ училищъ въ округѣ, именно 8, остается безъ измѣненія съ 1881 года, когда было открыто Шупинское училище, а горское отдѣленіе Ставропольской гимназіи преобразовано и переименовано въ реальное; до того, въ 1880 году открыты училища Ейское и Кубанское Александровское и преобразована въ реальное училище Темиръ-Ханъ-Шуринская прогимназія; а остальные три училища—Тифлисское, Бакинское и Владикавказское были прежде реальными гимназіями и переименованы въ реальныя училища въ 1874 году.

Въ 8 реальныхъ училищахъ округа (считая и реальное отдѣленіе Ставропольской гимназіи) во второй половинѣ 1887 года было 70 классовъ, а къ 1-му января 1889 года—72 класса: 48 основныхъ, 9 параллельныхъ, 8 подготовительныхъ и 7 дополнительныхъ. Больше всего нормальныхъ классовъ имѣется при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ училищѣ, именно 9, вслѣдствіе существованія при немъ особаго подготовительнаго отдѣленія для дѣтей, совсѣмъ не знающихъ русскаго языка; въ двухъ училищахъ, Ейскомъ и Ставропольскомъ— по 7 нормальныхъ классовъ, а въ остальныхъ 5 училищахъ— по 8. Параллельныя отдѣленія существуютъ только при училищахъ: Тифлискомъ (3 параллели), Бакинскомъ (4) и Владикавказскомъ (2). Подготовительныя классы, коихъ въ 1887 году было 6 при 5 училищахъ, въ 1888 году, на основаніи закона 9-го іюня того же года,

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* за текущій годъ.

увеличились еще на два—при училищах Тифлисскомъ и Ейскомъ; такимъ образомъ они имѣются во всѣхъ училищахъ, кромѣ Ставропольскаго. Изъ 7 дополнительныхъ классовъ при всѣхъ училищахъ, кромѣ Ейскаго,—6 общихъ и 1 — механико-технической при Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ училищѣ. Въ 1887 году временно закрыто было, за недостаткомъ учащихся, специальное (химическое) отдѣленіе VII дополнительнаго класса въ Пушкинскомъ училищѣ; въ 1888 году по той же причинѣ оно окончательно закрыто и въ замѣнъ его учреждено общее отдѣленіе VII класса; равно закрыто въ 1888 году химико-техническое отдѣленіе дополнительнаго класса при Бакинскомъ училищѣ. Кромѣ того, въ 1887 году открыта паралель при VI классѣ Бакинскаго училища и закрыта и при IV классѣ Тифлискаго училища; во Владикавказскомъ училищѣ паралель въ 1867 г. перенесена отъ V класса ко II, а въ 1888 году отъ IV къ III.

Со времени открытія реальныхъ училищъ округа по 1887 годъ включительно число окончившихъ въ нихъ курсъ было: 798 учениковъ VII дополнительныхъ классовъ и 1104 ученика VI классовъ, итого 1,902, а по 1888 годъ—887 дополнительныхъ и 1,209 учениковъ VI классовъ, всего же получившихъ образованіе было 2.096 чел.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго, которое пользуется бібліотекой гимназіи) состояло:

	къ 1-му января 1888 года:	къ 1-му января 1889 года:
названій	10,098	10,829
томовъ	23,051	24,589
на сумму	44,681 р.	47,902 р.
пополненій сдѣлано на	2,926 „	3,199 „

въ ученическихъ:

названій	4,711	4,781
томовъ	9,274	9,528
на сумму	12,933 р.	13,141 р.
пополненій сдѣлано на	1,063 „	285 „

Средняя стоимость бібліотечнаго имущества каждаго реального училища въ 1887 году не превышала 8,224 р., то-есть, она на 1¹/₂ раза меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ (13,162 р.), а въ 1888 году она составила 8,721 р. на каждое училище (въ гимназіяхъ—13,992 р.). Въ частности богаче всѣхъ фундаментальная бібліотека Темиръ-Ханъ-

Шуринскаго училища (9,381 р.) и Тифлискаго (8,216 р.). Состояніе кабинетовъ и другихъ пособій по училищамъ было слѣдующее:

	къ 1-му января 1888 года:	къ 1-му января 1889 года:
въ физическихкихъ:		
(кромя Ставропольскаго училища)		
приборовъ	3,445	3,471
на сумму	54,398 р.	54,918 р.
пополненій вновь сдѣлано на	828 „	523 „
въ химическихкихъ:		
(по всемъ 8 училищамъ)		
приборовъ	6,778	6,763
на сумму	18,552 р.	18,754 р.
пополненій сдѣлано на	2,532 „	616 „
въ естественно-историческихкихъ:		
(по всемъ 8 училищамъ)		
приборовъ	6,566	6,724
на сумму	9,123 р.	9,257 р.
пополненій сдѣлано на	377 „	134 „
другихъ учебныхъ пособій:		
(по всемъ 8 училищамъ)		
предметовъ	7,077	7,253
на сумму	27,719 р.	28,507 р.
пополненій сдѣлано на	1,691 „	935 „

Общая цѣнность всѣхъ библиотекъ, кабинетовъ и остальныхъ учебныхъ пособій въ 7 реальныхъ училищахъ возросла въ 1887 году на 9,974 р., или на 6,3⁰/₀; а за 1888 годъ увеличилась на 5,123 р., или 3,0⁰/₀.

Изъ физическихкихъ кабинетовъ самый цѣнный имѣется въ Шуринскомъ училищѣ (9,225 р.), затѣмъ въ Кубанскомъ (8,719 р.) и Бакинскомъ (8,060 р.); лучшая лабораторія принадлежитъ Бакинскому училищу (цѣною 6,069 р.), а наименьшая по стоимости—Ставропольская (382 р.); изъ кабинетовъ по естественной исторіи цѣннѣе прочихъ кабинетъ Шуринскаго училища (2,214 р.); прочихъ пособій болѣе всего имѣется въ Ейскомъ училищѣ (на 6,946 руб.), также во Владикавказскомъ (на 5,455 руб.). Въ нѣкоторыхъ училищахъ коллек-

ція пополняются отчасти самими учениками; такъ, въ 1887 году ученики Кубанскаго училища изготовили, подъ руководствомъ преподавателей: коллекцію насекомыхъ съ ихъ гусеницами (18 спиртовыхъ препаратовъ), 10 препаратовъ пресмыкающихся, 13 исполненныхъ въ большомъ видѣ рисунковъ внутренней организаціи безпозвоночныхъ животныхъ, 16 препаратовъ по анатоміи растений и т. п., а въ 1888 году собраны ими же коллекція птичьихъ яицъ и коллекція разнаго типа листьевъ (въ 12 папкахъ); сдѣлано еще по анатоміи безпозвоночныхъ животныхъ 12 рисунковъ въ большомъ видѣ и изготовлено 22 препарата на стеклахъ по анатоміи растений.

На содержаніе реальныхъ училищъ въ 1887 году поступило изъ разныхъ источниковъ 365,120 р., а съ присоединеніемъ сюда остатка отъ прежнихъ лѣтъ въ 60,273 р., такъ, что училища имѣли въ своемъ распоряженіи за этотъ годъ 425,393 р.; въ 1888 году новыхъ поступленій было за годъ 360,187 р., и остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ 62,063 р., всего же 422,250 р., и въ томъ числѣ получено:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
изъ государственнаго казначейства на содержаніе училищъ	229,163 р.	225,171 р.
на прибавочное жалованье служащимъ	27,906 „	23,489 „
отъ Терскаго войска (на содержаніе Владикавказскаго училища)	12,325 „	12,325 „
отъ Кубанскаго войска (на содержаніе Кубанскаго училища)	19,984 „	16,195 „
изъ земскихъ сборовъ Дагестанской области (на содержаніе подготовительнаго отдѣленія Темиръ-Ханъ-Шурицскаго училища)	900 „	900 „
отъ городскихъ обществъ городовъ:		
Ейска	8,000 „	8,304 „
Шуши	7,500 „	7,500 „
Екатеринодара	750 „	1,000 „
сбора за право ученія	34,164 „	36,508 „
за содержаніе частныхъ пансіоновъ	22,511 „	21,214 „
отъ почетныхъ попечителей и другихъ пожертвованій	1,284 „	7,150 „
процентовъ съ капиталовъ	633 „	431 „
Итого	365,120 р.	360,187 р.

4*

Расходъ на содержаніе училищъ за 1887 годъ составлялъ 358,065 р., а средний расходъ на одно училище былъ 51,152 р., безъ пансіоновъ—37,087 р. и на одинъ пансіонтъ—24.614 р.; за 1888 г.—344,303 р., то-есть, по 49,186 р. въ среднемъ на одно училище, въ томъ числѣ по 35,874 р. безъ пансіоновъ и по 23,296 р. на каждый пансіонтъ.

Изъ общей суммы расхода приходится:

	за 1887 годъ:	за 1888 годъ:
на содержаніе личнаго состава и добавочное жалованье	57,3%	58,4%
на содержаніе паралелей	4,7%	4,9%
на наемъ и ремонтъ помѣщеній и другіе хозяйственные расходы	13,2%	12,3%
на учебныя пособія	2,6%	2,0%
содержаніе воспитанниковъ пансіона	17,2%	17,1%
и остальные расходы	5,0%	7,3%

Средняя стоимость обученія одного ученика составляла въ 1887 году 128 р. (отъ 101 р., какъ въ училищахъ Бакинскомъ и Владикавказскомъ, и до 241 руб., какъ въ Ейскомъ), а въ 1888 году—121 руб. (отъ 96 руб. въ Бакинскомъ, до 197 въ Ейскомъ училищѣ); содержаніе одного воспитанника пансіона обошлось въ 1887 году среднимъ числомъ въ 260 р. (дешевле всего во Владикавказскомъ пансіонтъ—209 р. и дороже въ Кубанскомъ—383 р.), а въ 1888 году—въ 250 р.

Плата за ученіе въ реальныхъ училищахъ взимается различная, и съ 1887 года въ двухъ училищахъ, Ставропольскомъ и Тифлискомъ, введена въ размѣрѣ 40 р. въ годъ, по примѣру гимназій; въ томъ же году во Владикавказскомъ училищѣ плата увеличена съ 16 до 24 р. въ приготовительномъ классѣ и съ 24 до 36 р. въ остальныхъ классахъ; въ другихъ училищахъ плата осталась прежняя; одинаковая для всѣхъ классовъ существуетъ въ двухъ училищахъ—въ Кубанскомъ, въ размѣрѣ 10 р., и въ Ейскомъ, въ размѣрѣ 12 р.; въ прочихъ трехъ училищахъ она слѣдующая: въ Шупинскомъ—10 р. въ приготовительномъ классѣ и 20 р. въ остальныхъ классахъ; въ Бакинскомъ—15 р. въ приготовительномъ, 30 р. въ младшихъ и 65 р. въ старшихъ; въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—10 р. въ приготовительномъ, 15 р. въ младшихъ и 20 р. въ старшихъ классахъ, съ учениковъ же подготовительнаго отдѣленія училища

платы вовсе не взимается. Въ 1888 году размѣръ платы не измѣнился; равнымъ образомъ, плата за содержаніе въ пансіонахъ въ обоихъ отчетныхъ годахъ была прежняя: отъ 140 до 200 р. за казеннаго и отъ 200 до 250 р. за своекоштнаго пансіонера.

Разныхъ специальныхъ средствъ реальныя училища имѣли отъ прежнихъ лѣтъ 54.667 р., въ теченіе 1887 года поступило 58.592 р., въ томъ числѣ сбора за ученіе—34.164 р., платы за частныхъ воспитанниковъ—22.511 р., отъ попечителя Тифлискаго училища 800 р. и процентовъ съ капиталовъ—1.117 р.; израсходовано 58.149 р. и оставалось къ 1-му января 1888 года—55.110 р. (то-есть, по 7,873 р., среднимъ числомъ, на одно училище), изъ нихъ наличными 16.481 р. и въ процентныхъ бумагахъ—38.629 руб.; въ 1888 году специальныхъ средствъ въ теченіе года поступило 65.303 р., израсходовано 53.995 р. и оставалось къ 1-му января 1889 года 66.418 р. (то-есть, по 9.488 руб., среднимъ числомъ, на одно училище, не считая Ставропольскаго), изъ нихъ наличными 21.415 р. и въ процентныхъ бумагахъ—45.003 р. Въ числѣ новыхъ поступленій 1888 года, кромѣ платы за ученіе (36.508 р.) и содержанія въ пансіонѣ (21.214 р.), было 431 р. процентовъ съ капиталовъ, 800 р., внесенныхъ почетнымъ попечителемъ Тифлискаго училища, и 6.350 р., пожертвованныхъ на учрежденіе при Бакинскомъ училищѣ стипендій имени Л. Э. Нобеля.

Въ 1887 году изъ 1.737 приходящихъ учениковъ всѣхъ училищъ, не исключая Ставропольскаго, не платили за право ученія 373, или 21,5%, а въ 1888 году изъ 1.776 приходящихъ учениковъ безплатнымъ обученіемъ пользовались 343, или 19,3%, и въ томъ числѣ было

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
дѣтей училищныхъ чиновниковъ	55	47
освобожденныхъ отъ платы	194	195
обучающихся на % съ капиталовъ	5	5
на счетъ благотвори- тельныхъ обществъ	94	74
обучающихся на счетъ случайныхъ поступленій	25	22
	373	343

Изъ пансіонеровъ вовсе не платящихъ изъ собственныхъ средствъ было: въ 1887 году изъ 465—378, или 81,3%, а въ 1888 году изъ 456—383, или 84,0%, и въ томъ числѣ воспитывалось:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
на счетъ казны	235	285
на проценты съ капиталовъ	8	10
на счетъ разныхъ учрежденій	122	75
экономическихъ	13	13
	378	383

Приблизительная стоимость обученія и содержанія всѣхъ не платящихъ составляла въ 1887 году 72.760 р. и въ сравненіи съ 1886 годомъ, въ которомъ стоимость обошлась въ 60.100 р., составляла значительную разницу, вслѣдствіе перенесенія бесплатныхъ воспитанниковъ Ставропольскаго училища изъ списка гимназій въ списокъ реальныхъ училищъ. Стоимость обученія и содержанія всѣхъ не платившихъ въ 1888 году составляетъ болѣе 70 тысячъ рублей.

Существующія при реальныхъ училищахъ, кромѣ Кубанскаго, учрежденія для пособія учащимся имѣли въ приходѣ въ 1887 году 8.282 р. и въ 1888 году—8.784, а именно поступило:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
членскихъ взносов	1.768 р.	1.403 р.
сборовъ съ концертовъ и спектаклей	3.565 „	5.485 „
процентовъ съ капиталовъ	260 „	451 „
другихъ поступленій	2.689 „	1.445 „
Изъ нихъ израсходовано:		
на пособія учащимся	7.013 р.	5.915 р.
на другіе расходы	53 „	373 „
Всего	7.066 р.	6.288 р.

Остатокъ въ 1.216 руб. отъ 1887 года былъ присоединенъ къ сбереженіямъ прежнихъ лѣтъ, и къ 1-му января 1888 года по училищамъ капиталу было 12.181 руб., въ томъ числѣ наличными 4.583 р. и въ процентныхъ бумагахъ — 7.598 р., а остатокъ въ 2.496 р. отъ 1888 года составилъ къ 1-му января 1889 года сумму въ 14.677 р., изъ которыхъ наличными было 5.423 р. и въ процентныхъ бумагахъ 9.254 р. Такихъ богатыхъ учрежденій, какія имѣютъ благотворительныя общества при двухъ Тифлисскихъ гимназіяхъ, нѣтъ ни при одномъ реальномъ училищѣ.

Помѣщенія реальныхъ училищъ отличаются еще большими неудобствами, чѣмъ помѣщенія гимназій: въ казенныхъ домахъ помѣщены только училища—Бакинское и Владикавказское; сверхъ того,

съ 1887 года собственное помѣщеніе имѣеть пансіонъ Кубанскаго училища, приобрета на войсковыя средства тотъ домъ, въ которомъ онъ прежде помѣщался за наемную плату, между тѣмъ какъ самое училище остается по прежнему въ наемномъ домѣ. Помѣщеніе Бакинскаго училища, выстроенное болѣе сорока лѣтъ тому назадъ для бывшаго уѣзднаго училища, на столько ветхо, что, не смотря на затрату въ 1887 году на улучшенія его зданій изъ специальныхъ средствъ 5.000 р., этой суммы оказалось далеко недостаточно, чтобы привести ихъ въ состояніе, сколько-нибудь удовлетворяющее педагогическимъ и гигиеническимъ требованіямъ; по мнѣнію специалистовъ, оно долѣе служить не можетъ и, кромѣ того, оно столь мало помѣстительно, что для пансіона и квартиры директора нанимается отдѣльный домъ; въ зданіи Владикавказскаго училища также нѣтъ квартиры для директора. Ейское училище помѣщено, совмѣстно съ женскою прогимназіей, въ зданіи, принадлежащемъ городу, а для Шуринскаго на средства города нанимается помѣщеніе въ частномъ домѣ. Наконецъ, Тифлисское и Темиръ-Ханъ-Шуринское училища имѣють наемныя помѣщенія, за которыя плата вносится изъ штатныхъ суммъ съ небольшою доплатою изъ специальныхъ средствъ. Приблизительная стоимость трехъ собственныхъ зданій составляетъ 220.000 руб., а за пять наемныхъ помѣщеній внесено въ 1888 году 15.700 руб. На ремонтъ израсходовано въ 1887 году 8.266 руб. (въ томъ числѣ 5.000 р. на Бакинское училище), а въ 1888 году— 5.107 р. Такъ-называемыхъ ученическихъ квартиръ въ 1887 году было 130, и въ нихъ проживало изъ 1.737 приходящихъ учениковъ 240, или 13,8%; мѣсячная плата за содержаніе квартиры составляла отъ 6 р. до 40 р. По 6 р. въ мѣсяцъ платили нѣкоторые ученики Владикавказскаго училища, преимущественно изъ горцевъ; за такую ничтожную плату, конечно, они не могли имѣть никакихъ удобствъ, но и плохая городская обстановка кажется имъ роскошью, сравнительно съ привычнымъ житьемъ въ аулѣ. Въ 1888 году число ученическихъ квартиръ было 136, а учениковъ проживавшихъ въ нихъ 228, или 18% всѣхъ приходящихъ; стоимость содержанія составляла въ этомъ году отъ 6 до 50 р. въ мѣсяцъ. Среднее количество воздуха на одного учащагося было за оба года: въ классахъ— 18,4 и 19,5 куб. арш. и въ спальняхъ пансіонеровъ — 34,7 и 35,2 куб. арш.

Въ 1887 году князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Темиръ-Ханъ-Шуринское училище, а 1888 году

осматривалъ училища Кубанское и Владикавказское. Кромѣ того, въ продолженіе двухъ отчетныхъ годовъ всѣ почти училища, а нѣкоторыя и не однократно, посѣщались гг. начальниками губерній и областей, а также мѣстными преосвященными. Ученическія квартиры навѣщали наставники и другія лица въ 1887 году 738 разъ, а въ 1888 году—872 раза.

Къ числу выдающихся событій училищной жизни слѣдуетъ отнести полученіе въ 1887 году изъ академіи художествъ наградъ за ученическія работы, представленныя на конкурсъ 1885 года. Изъ отчета конкурсной комиссіи видно, что реальныя училища Кавказскаго округа, „благодаря правильной постановкѣ въ нихъ рисованія, сразу заняли на конкурсѣ первенствующее мѣсто“. Изъ учителей особеннаго вниманія академической комиссіи удостоились: преподаватель Кубанскаго училища Курочкинъ, представленный къ почетной наградѣ, и учителя: Тифлисскаго училища—Колчинъ и Темиръ-Ханъ-Шурина—Пламеневскій. Ученикамъ за ихъ работы присуждено четыре медали, по одной на училища Бакинское, Владикавказское, Кубанское и Тифлисское, и 11 похвальныхъ отзывовъ: 5—на Тифлисское училище, 4—на Кубанское и по 1—на Бакинское и Владикавказское. Сверхъ того, объявлена общая похвала учащимся: въ Кубанскомъ училищѣ—за успѣхи въ рисованіи, въ Темиръ-Ханъ-Шуриномъ—за черченіе.

Къ 1-му января 1888 года въ реальныхъ училищахъ округа (кромѣ Ставропольскаго) состояло 176 служащихъ, а къ 1-му января 1889 года личный составъ реальныхъ училищъ (не считая Ставропольскаго) состоялъ изъ 173 служащихъ, а именно:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
Почетныхъ попечителей	3	3
Директоровъ	7	7
Инспекторовъ	6	6
Законоучителей штатныхъ	7	7
Учителей наукъ и языковъ штатныхъ .	57	57
„ „ „ „ не штатн.	19	23
„ рисованія и чистописанія	11	11
Воспитателей пансіона и ихъ помощниковъ	9	9
Помощниковъ классныхъ наставниковъ .	16	16
Письмоводителей и бухгалтеровъ . . .	6	6
Прочихъ должностныхъ лицъ	35	28

Вновь назначено въ 1887 году всего 5 лицъ, въ томъ числѣ 2 учителя математики; вакантныхъ должностей въ концу года было 12. въ числѣ коихъ 4 преподавательскія—3 по новымъ языкамъ и 1 по математикѣ; въ 1888 году вновь назначено на различныя должности 11 лицъ, въ томъ числѣ 5 учителей: 1—по русскому, 1—по новымъ языкамъ, 1—по исторіи и географіи и 2—во вновь открытыя приготовительные классы; вакантныхъ должностей въ концу года было 12, изъ нихъ 4 учительскія—3 по новымъ языкамъ, 1 по математикѣ.

Директора и инспектора реальныхъ училищъ даютъ по различнымъ предметамъ курса уроки: первые среднимъ числомъ имѣли въ 1887 году по 7,4 недѣльныхъ урока, въ 1888 году—по 7,6, вторые— въ 1887 году по 11,4 и въ 1888 году—по 12,6. Большинство изъ нихъ преподаетъ математику и естественныя науки; только два занимаются преподаваніемъ французскаго языка и 3 инспектора—преподаваніемъ русскаго языка, исторіи и географіи. Классныхъ наставниковъ, считая въ томъ числѣ 7 директоровъ и 7 инспекторовъ, въ оба отчетные года было по 61 лицу; ими дано въ 1887 году въ своихъ классахъ 334 урока, то-есть, по 5,5, среднимъ числомъ, на каждого, а въ 1888 году — 322 урока, что приходится на каждого, среднимъ числомъ, по 5,3 урока; въ томъ числѣ ими преподано:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по закону Божію	0,6%	0,6%
„ русскому языку	20,3%	16,5%
„ новымъ языкамъ	6,6%	10,2%
„ математикѣ и физикѣ	27,2%	40,7%
„ естественнымъ наукамъ и химіи	13,8%	11,2%
„ исторіи и географіи	8,4%	7,5%
„ черченію и рисованію	15,6%	12,1%
„ механико-техническому отдѣлу	1,2%	1,2%

Всѣми преподавателями реальныхъ училищъ пропущено было въ 1887 году 2.733 урока изъ числа 64.292 положенныхъ по росписаніямъ, или 4,25%, а въ 1888 году—2.595 уроковъ изъ числа 63.293, или 4,10%. Причины пропусковъ были слѣдующія:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
По болѣзни	2.346	1.981
„ служебнымъ обязанностямъ	46	32
„ домашнимъ обстоятельствамъ	120	217
Вывозъ въ судъ	47	43
Отпускъ	174	234
По не уважительнымъ причинамъ	—	88

Изъ этой таблицы видно, что наибольшее число пропусковъ падало на случаи болѣзней; что же касается послѣдняго пункта, по неважнымъ причинамъ, то въ 1887 году таковыхъ пропусковъ вовсе не было, а въ 1888 году, напротивъ, было довольно много. Время пропущенныхъ уроковъ было занято слѣдующимъ образомъ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
дано уроковъ директорами	203	164
„ „ инспекторами.	348	284
„ „ воспитателями и помощниками классныхъ наставниковъ	248	329
производились письменныя работы подъ руководствомъ	336	386
производились письменныя работы самостоятельно подъ надзоромъ	474	513
производились испытанія	3	59
отпущены на домъ.	1.121	860

Педагогическіе совѣты 7 училищъ (кромя Ставропольскаго) имѣли въ 1887 году 486 засѣданій, то-есть, среднимъ числомъ на одно училище приходится 69 засѣданій, а въ 1888 году — 509 засѣданій, или среднимъ числомъ на одно училище по 73; наибольшее число ихъ было за оба отчетные года въ Тифлисскомъ училищѣ — 122 и 121, наименьшее въ Кубанскомъ — 34 и 33. Изъ засѣданій было:

	въ 1887 году	въ 1888 году
общихъ	158	152
классныхъ	188	216
предметныхъ	23	29
хозяйственныхъ	117	112

Кромѣ текущихъ дѣлъ, въ оба отчетные года на этихъ засѣданіяхъ разсмотрѣны были: въ 1887 году разныя мѣры для улучшенія учебно-воспитательной части въ заведеніяхъ; особенное вниманіе обращено было на образъ жизни приходящихъ учениковъ, помѣщенныхъ на ученическихъ квартирахъ, и на правильное, необременительное для учащихъ, распредѣленіе по днямъ и недѣлямъ задаваемыхъ имъ на домъ устныхъ и письменныхъ работъ; въ 1888 году, во второе полугодіе однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ занятій въ совѣтскихъ засѣданіяхъ было обсужденіе способовъ примѣненія вновь изданныхъ учебныхъ плановъ для низшихъ двухъ классовъ и выборъ соотвѣтственныхъ этимъ планамъ учебныхъ руководствъ и пособій.

Классныхъ испытаній въ реальныхъ училищахъ произведено было въ 1887 году 1.513, или, среднимъ числомъ, по 189 въ каждомъ, въ томъ числѣ 1.008 устныхъ и 510 письменныхъ; въ 1888 году—1.605, или, среднимъ числомъ, по 201 въ каждомъ, въ томъ числѣ 1.081 устныхъ и 424 письменныхъ. Наибольшее число испытаній произведено было въ оба отчетные года по математикѣ—395 и 438, по русскому языку—292 и 299 и по французскому— 217 и 244, притомъ въ среднихъ классахъ III, IV и V (по 32—34 и по 30—40 въ каждомъ отдѣленіи). На одного учащагося пришлось, среднимъ числомъ, въ 1887 году по 3,3 устныхъ и по 6,5 письменныхъ отвѣтовъ, а въ 1888 году—по 3,8 устныхъ и по 6,8 письменныхъ отвѣтовъ. Кроме того, въ педагогическихъ совѣтахъ училищъ подвергнуто было разнаго рода испытаніямъ въ 1887 году 73 и въ 1888 году 91 постороннее лицо, изъ коихъ успѣшно выдержало установленное испытаніе на искомыя права и званія слѣдующее число лицъ:

	въ 1887 году	въ 1888 году
на вольноопредѣляющагося III и IV разрядовъ	5	4
„ право производства въ чинъ	23	14
„ званіе учителя домашняго	16	2
„ „ „ уѣзднаго училища	3	—
„ „ „ городского начальнаго училища	6	2
„ „ „ сельскаго начальнаго училища	8	14

Всего изъ 73—61 (84⁰/₁₀₀) изъ 91—73 (80,2⁰/₁₀₀)

Нѣкоторые изъ преподавателей реальныхъ училищъ въ теченіе двухъ отчетныхъ годовъ заявили себя слѣдующими особыми трудами: Законоучитель Владикавказскаго училища I. Д. Мамацевъ велъ въ теченіе всего 1887 года по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ въѣбогослужебныя религіовныя собесѣдованія съ народомъ въ братскомъ домѣ (оконченномъ вмѣ постройкию на пожертвованныя членами братства Св. Живоначальной Троицы средства); будучи предсѣдателемъ Владикавказскаго Свято-Троицкаго братства съ слѣдующаго года, протоіерей Мамацевъ и въ теченіе 1888 года велъ тѣ же въѣбогослужебныя собесѣдованія и, кроме того, каждый воскресный и праздничный день объяснялъ ученикамъ до начала литургіи очередное церковное евангельское чтеніе. Учитель нѣмецкаго языка Владикавказскаго училища В. И.

Долбѣжевъ по порученію Императорской Археологической комисси производилъ въ 1887 году археологическія раскопки на Сѣверномъ Кавказѣ и напечаталъ статьи „Archaeologische Forschungen im Hochlande der Tschetschna“ и „Объ орнаментахъ и формахъ бровей, найденныхъ въ доисторическомъ кладбищѣ Терской области“; послѣдняя статья помѣщена въ VI выпускѣ „Сборника матеріаловъ для изученія мѣстностей Кавказа“, издаваемого при управленіи Кавказскаго учебнаго округа; въ 1888 году В. И. Долбѣжевъ по порученію Московскаго Археологическаго общества производилъ археологическія раскопки въ Терской области. Законоучитель Ейскаго училища, священникъ Т. Стефановъ напечаталъ въ Ставропольскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1887 годъ рѣчь, произнесенную 4-го февраля того же года въ зданіи Ейской городской думы предъ выборомъ лицъ на должность по городскому управленію: „О важности и святости присяги“; прочиталъ 21-го марта 1887 года лекцію съ туманными картинами: „О жизни и подвигахъ свв. Кирилла и Меодія, первоучителей славянъ“, въ пользу ученическаго фонда; произнесъ рѣчь на годичномъ актѣ училища 26-го сентября 1887 года: „О низкомъ уровнѣ нравственности учащихся, и какъ поднять его“; велъ въ продолженіе всего 1887 года въ праздничные и воскресные дни передъ началомъ литургіи, въ зданіи училища, внѣбогослужебныя собесѣдованія, на которыхъ присутствовали и многіе ученики, о предметахъ вѣры и благочестія христіанскаго съ прихожанами городскихъ церквей, съ раздачею „Троицкихъ листковъ“ до 30.000 экземпляровъ; въ 1888 году напечаталъ въ VI выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа статью: „Обряды и обычаи жителей города Ейска, соблюдаемые при рожденіи челоѣка, бракосочетаніи и погребеніи усопшихъ“ и представилъ „Отчетъ о внѣбогослужебныхъ религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ съ прихожанами домовою училищной церкви въ теченіе 1888 года (отзывъ и выдержки изъ этого отчета напечатаны въ Ставропольскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1888 годъ, № 24); кромѣ того, произнесъ въ теченіе года съ церковной кафедрой нѣсколько поученій. Преподаватель естественной исторіи, физики и химіи Ейскаго училища А. Ѳ. Лащинскій прочелъ лекцію „Химическій составъ воды и свойства водорода и кислорода“, въ зданіи училища, 19-го апрѣля 1887 года, въ пользу ученическаго фонда; провѣрялъ въ оба отчетные года метеорологическія наблюденія, производившіяся учениками старшихъ классовъ; затѣмъ эти наблюденія отсылались въ Главную физическую обсерваторію. Пре-

подаватель исторіи и географіи Ейскаго училища В. Т. Туркевичъ прочелъ публичную лекцію изъ русской исторіи „Восточные славяне“, въ зданіи училища 30-го апрѣля 1887 года въ пользу ученическаго фонда. Учитель механики Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища И. И. Пламеневскій напечаталъ въ 1887 году въ Журналѣ опытной физики и элементарной математики статью: „Устойчивыя группировки шаровъ“ и приготовилъ къ печати изслѣдованіе: „О точкѣ Лемуана“, а въ 1888 году напечаталъ въ Journal de mathématiques élémentaires статьи: „Les équations des points remarquables“; „Une propriété nouvelle de la transversale du triangle“; сверхъ того, онъ помѣщалъ свои задачи въ Журналѣ опытной физики и элементарной математики. Учитель исторіи Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища Е. И. Козубскій произнесъ на годичномъ актѣ училища въ 1887 году рѣчь: „Объ исторіи, какъ наукѣ“. Учитель нѣмецкаго языка Темиръ-Ханъ-Шуринскаго училища Г. О. Киферъ составилъ метеорологическія таблицы за 1887 и 1888 года и за послѣднее восьмилѣтіе; онъ же завѣдывалъ метеорологическою станціей училища и руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюдений въ продолженіе обоихъ отчетныхъ годовъ. Учитель физики Тифлискаго училища В. В. Котоминъ въ 1888 году составилъ и прочелъ на годичномъ актѣ рѣчь: „Объ электрическомъ освѣщеніи“. Учитель математики Ейскаго училища Р. Н. Конокотинъ на годичномъ актѣ, 26-го сентября 1888 года, произнесъ рѣчь о значеніи математики въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Директоръ Шуринскаго училища М. С. Тарасовъ въ 1888 году издалъ результаты своихъ наблюдений надъ грозами въ 1887 году.

Число учащихся въ 8 реальныхъ училищахъ къ началу 1887 года было 2.250, въ томъ числѣ 481 пенсіонеръ, и уменьшилось оно въ теченіе года съ 2.250 до 2.202 (пенсіонеровъ осталось 456), то есть, на 48, или 2,1%. Незначительное увеличеніе въ числѣ учащихся произошло только въ трехъ училищахъ: Вакинскомъ (на 13, или 2,6%), Кубанскомъ (на 9, или 4,6%) и Шуринскомъ (на 9, или 3,4%); значительно уменьшилось учениковъ особенно въ училищахъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ (на 20, или 7,0%, и Ставропольскомъ (на 50, или 23,0%). Въ теченіе 1888 года произошло увеличеніе общаго числа учащихся на 30, или на 1,4%, итого стало 2,232, въ томъ числѣ пенсіонеровъ 456. Больше всего учениковъ прибавилось въ двухъ училищахъ, при которыхъ вновь открыты приготовительные классы, Тифлисскомъ (21) и Ейскомъ (26). Въ Кубанскомъ число учащихся уменьшилось на 16 (7,8%), а въ остальныхъ почти не измѣнилось.

По числу учащихся реальныя училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ 1887 г.	въ томъ числѣ на- ціонеро- въ.	въ 1888 г.	въ томъ числѣ на- ціонеро- въ.
1. Бакниское	504 87	1. Бакниское	506 85
2. Владикавказское	342 154	2. Тифлисское	358 151
3. Тифлисское	337 —	3. Владикавказское	346 —
4. Шуминское	277 —	4. Шуминское	270 —
5. Темиръ-Ханъ-Шуринское	266 88	5. Темиръ-Ханъ-Шуринское	270 90
6. Кубанское	205 50	6. Кубанское	189 46
7. Ставропольское	167 86	7. Ставропольское	163 84
8. Ейское	104 —	8. Ейское	130 —
Итого 2.202 465		Итого 2.232 456	

Распределеіе учащихся въ училищахъ было слѣдующее:

по сословіямъ:	Еъ 1-му января 1888 г.		Еъ 1-му января 1889 г.	
	Изъ нихъ націонеро- въ.		Изъ нихъ націонеро- въ.	
Дворянъ	1.147	338	1.138	338
Духовнаго званія	45	11	48	4
Городскихъ сословіи	685	36	746	38
Сельскихъ	141	62	148	55
Нижнихъ чиновъ	153	17	128	19
Иностранцевъ	31	1	24	2
По исповѣданіямъ:				
Православнаго	1.237	278	1.234	278
Армяно-григоріанскаго	544	28	589	26
Католическаго	46	6	50	4
Лютеранскаго	65	—	56	1
Раскольниковъ	10	3	15	1
Мусульманъ	263	150	249	145
Евреевъ	37	—	39	1
По національностямъ:				
Русскихъ	1.152	252	1.148	242
Грузинъ	58	11	57	13
Армянъ	568	28	610	25
Татаръ	129	27	113	22
Горцевъ	170	142	179	150
Евреевъ	37	—	40	1
Иностранцевъ	88	5	85	3

Если сравнить сословный составъ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, то окажется, что въ послѣднихъ значительно меньше дворянъ (данныя взяты за 1888 годъ: 51,0% и 64,7%) и дѣтей духовнаго званія (2,2% и 5,1%), значительно больше, напротивъ, принадлежащихъ къ сословіямъ городскимъ (33,4% и 23,4%) и сельскимъ (6,6% и 2,4%); по исповѣданіямъ, сравнительно съ гимназіями, въ реальныхъ училищахъ меньше православныхъ (55,3% и 64,9%) и евреевъ (1,7% и 2,8%) и больше армяно-григоріанъ (26,4% и 20,8%) и особенно мусульманъ (11,2% и 3,4%); а по національностямъ, сравнительно съ гимназіями, въ реальныхъ училищахъ больше русскихъ (51,5% и 49,9%) и армянъ (27,3% и 22,1%) и особенно татаръ и горцевъ (13,0% и 4,4%), меньше евреевъ (1,8% и 2,8%) и особенно грузинъ (2,6% и 14,9%). Такая значительная разница въ составѣ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ зависитъ, конечно, не столько отъ стремленій разныхъ національностей преимущественно къ той или иной системѣ образованія, сколько отъ распредѣленія учебныхъ заведеній по губерніямъ и областямъ края, а также отъ распредѣленія по пансіонамъ этихъ заведеній казенныхъ и иныхъ вакансій, предназначенныхъ специально для дѣтей, принадлежащихъ къ определенной національности. Такъ, на восточномъ Кавказѣ существуютъ два реальныхъ училища, Бакинское и Темиръ-Ханъ-Шуринское, и ни одной гимназій и прогимназій, такъ что родителямъ, живущимъ въ Бакинской губерніи и Дагестанской области, волей-неволей приходится отдавать своихъ дѣтей въ реальные училища.

По классамъ учащіеся распредѣлялись:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Въ приготовительныхъ классахъ..	306	376
„ I-хъ	389	350
Во II-хъ	378	400
Въ III-хъ	308	316
„ IV-хъ	279	271
„ V-хъ	249	243
„ VI-хъ	198	184
„ VII-хъ	78	92
„ специальныхъ	17	—

Среднимъ числомъ въ каждомъ отдѣленіи было въ 1887 году по 31,5%, а въ 1888 году — по 31,0%. Сравнительно съ 1887 годомъ въ 1888 году значительно увеличилось число учениковъ въ приготовительныхъ классахъ—на 70 и во II-хъ — на 22 и замѣтно

уменьшилось въ I-хъ — на 39; въ остальныхъ классахъ намѣненія не велики.

Прошеній о приѣмѣ въ реальныя училища въ 1887 году подано было 769, при чемъ больше всего прошеній поступило въ училища Тифлисское (179) и Бакинское (165); всего принято было 506, или 66%, а не принято 263 или 34%; въ 1888 году прошеній о принятіи въ училища поступило 938, и больше всего въ училища Тифлисское (268), Владикавказское (154) и Бакинское (151); изъ желавшихъ поступить принято было 596, или 64%, а отказано въ приѣмѣ 342, или 36%. Изъ вновь поступившихъ принято:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
По свидѣтельствамъ	96	121
Изъ казенныхъ учебныхъ заведеній.	33	37
„ общественныхъ „ „	14	16
„ частныхъ „ „	17	39
По домашней подготовкѣ.	346	383

Вновь принятые были распределены по соответствующимъ классамъ; значительное большинство ихъ поступило въ приготовительныя классы, а именно въ 1887 году 210 и въ 1888 году—255, и въ I-ые—130 и 158. Изъ числа не принятыхъ отказано въ приѣмѣ по слѣдующимъ причинамъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
по недостатку мѣста.	42	34
„ невывдержанію испытанія	193	250
„ другимъ причинамъ.	28	58

По недостатку мѣста, главнымъ образомъ, отказано было въ двухъ училищахъ: въ 1887 году во Владикавказскомъ 22 и въ оба отчетные года въ Бакинскомъ—19 и 25.

Общее число выбывшихъ въ теченіе 1887 года простирается до 554 учениковъ, или 25,1% всего числа учащихся къ концу года; въ теченіе же 1888 года было до 566, или 25,4%; въ числѣ выбывшихъ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
окончившихъ курсъ 6 классовъ, но не поступившихъ въ VII дополнительный	31	29
окончившихъ курсъ въ VII классѣ въ общемъ отдѣленіи	71	72
окончившихъ курсъ въ VII классѣ въ специальномъ	32	17
Итого вышло за окончаніемъ курса	134	118

Остальные 420 (19,1%) 1887 года и 448 (20,1%) 1888 года были до окончанія курса по слѣдующимъ причинамъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
за неуспѣшность	79	51
за поведеніе	16	15
по прошенію	304	359
по болѣзни	13	8
за смертью	8	15

По числу выбывшихъ до окончанія курса училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ 1887 году.		въ 1888 году.	
1. Ставропольское	34,7%	1. Кубанское	33,8%
2. Т.-Х.-Шуриное	25,6%	2. Тифлисское	30,7%
3. Тифлисское	24,0%	3. Т.-Х.-Шуриное	22,6%
4. Кубанское	22,4%	4. Шупинское	19,6%
5. Ейское	21,2%	5. Ейское	19,2%
6. Шупинское	17,7%	6. Ставропольское	19,0%
7. Владикавказское	12,9%	7. Владикавказское	14,0%
8. Бакинское	10,3%	8. Бакинское	10,5%

Изъ 546 выбывшихъ въ 1887 году свѣдѣнія имѣются о 382, а изъ 551 выбывшихъ въ 1888 году—о 313 лицахъ, а именно:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Поступило въ другія реальныя училища	84	73
„ „ „ учебныя заведенія	129	111
„ „ военную службу	62	59
„ „ гражданскую службу	20	5
„ на частную дѣятельность	87	65
Не имѣется свѣдѣній объ остальныхъ	164	и 238

Изъ бывшихъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года во всѣхъ классахъ реальныхъ училищъ 2.135 учениковъ, въ томъ числѣ 440 пансіонеровъ, на основаніи годичныхъ занятій и экзаменовъ, какъ въ теченіе года, такъ и въ концѣ его, педагогическими совѣтами переведено въ слѣдующіе классы и удостоено свидѣтельство 1.159, въ томъ числѣ 330 пансіонеровъ; оставлено въ тѣхъ же классахъ—431 и назначена переэкзаменовка послѣ каникулъ 545 ученикамъ, изъ коихъ 336 (62%) выдержали переэкзаменовку. Такимъ образомъ, успѣшность ученія за этотъ учебный годъ выражается цифрой 1.495 перепрошедшихъ, отд. 4.

веденныхъ и удостоенныхъ аттестатовъ, или 70%. Изъ числа же 2.072 учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1887—1888 учебнаго года, переведены въ слѣдующіе классы и успѣшно окончили курсъ 1.454, изъ коихъ 335 пансіонеровъ, или 70,2%, въ томъ числѣ 374 (изъ 558) по переекзаменовкѣ послѣ каникулъ. По главнымъ предметамъ успѣвающихъ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
по русскому языку	80%	79%
по французскому языку	79%	99%
по математикѣ	76%	74%
по рисованію	89%	90%

По національностямъ успѣвающіе могутъ быть распределѣны въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
горцы 80%	горцы 79%
армяне 73%	иностранцы 76%
евреи 73%	армяне 75%
русскіе 69%	русскіе 68%
грузины 68%	евреи 64%
татары 68%	татары 61%
иностранцы 57%	грузины 56%

Распределеніе успѣвающихъ по сословіямъ не представляетъ интереса, такъ какъ отступленія отъ средней успѣшности для преобладающихъ сословій слишкомъ незначительны.

За неуспѣшность въ ученіи въ теченіе 1887 года уволено изъ училищъ 79 учениковъ, или 3,6% всего числа учащихся; изъ нихъ 68 оставались безуспѣшно по два года въ тѣхъ классахъ, изъ которыхъ они были уволены; остальные же 11 уволены по постановленіямъ совѣтовъ; въ 1888 году уволено—51, или 2,3% всего числа учащихся, и въ томъ числѣ 45 за двухлѣтнее пребываніе въ одномъ и томъ же классѣ и 6 по особымъ постановленіямъ педагогическихъ совѣтовъ. Наибольшее число уволенныхъ по училищамъ было въ 1887 году въ Ставропольскомъ—14, въ Т.-Х.-Шуринскомъ—16, и въ оба года въ Тифлисскомъ—17 и 18; наименѣе всего въ 1887 году уволено изъ училища Бакинскаго—4 и въ 1888 году изъ Ставропольскаго—1; изъ отдѣльныхъ классовъ болѣе другихъ въ 1887 году было уволено изъ II класса—21, потомъ изъ I—16, изъ V—10; въ остальныхъ число уволенныхъ не превышаетъ 3%; въ 1888 году также число увольне-

ній болѣе всего пало на II классъ—15, а затѣмъ на I, III и IV—по 8; въ остальныхъ отъ 2 до 6. Наибольшее число увольняемыхъ не успѣвало въ оба отчетные года по математикѣ 69% и 76%, и по русскому языку—62% и 61%; вообще не успѣвающихъ было:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по одному предмету	14	9
по двумъ предметамъ	29	14
по тремъ предметамъ	12	14
болѣе, чѣмъ по тремъ.	24	14

Результаты выпускныхъ испытаній въ VI и VII классахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ VI-хъ классахъ всѣхъ 8 реальныхъ училищъ было въ концѣ 1887 года 173 ученика, въ томъ числѣ 54 пансіонера, и кромѣ того, подвергались испытанію 22 постороннія лица; въ концѣ же 1888 года въ VI-хъ классахъ 178 учениковъ, и изъ числа ихъ 40 пансіонеровъ, и кромѣ того, 15 постороннихъ лицъ; изъ нихъ

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
допущено къ испытаніямъ	141	144
выдержало испытанія	114 (пансіонер. 37)	105 (пансіонер. 25)
изъ постороннихъ выдано свидѣтельствъ	13	6
Всѣхъ свидѣтельствъ выдано	127	111

Успѣвшіе заявили желаніе поступить въ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Общее отдѣленіе VII класса	81	83
Спеціальное отдѣленіе VII класса.	16	16
Военныя училища	3	—
Другія реальныя училища	5	—
Гражданскую службу	1	1
Военную службу	15	8
На частную дѣятельность.	6	3

Въ VII-хъ дополнительныхъ классахъ 7 реальныхъ училищъ (такъ какъ въ Ейскомъ училищѣ дополнительнаго класса нѣтъ) было въ 1887 году 111 учениковъ, въ томъ числѣ 30 пансіонеровъ; изъ нихъ 78 были въ 5 общихъ и 33 въ 3 специальныхъ отдѣленіяхъ этого класса, и кромѣ того, со стороны подвергалось испытанію 6 лицъ; въ 1888 году въ VII-хъ классахъ было 94 ученика, между коими 82

пансіонеровъ; изъ нихъ 73 были въ общихъ отдѣленіяхъ и 17 въ спеціальныхъ; кромѣ того, желавшихъ подвергнуться испытаніямъ было 8 постороннихъ лицъ. Изъ всего числа этого

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
допущено къ испытаніямъ	108	89
выдержало ис- пытаніе. {изъ общ. отд.	71 (пансіонер. 28)	72 (пансіонер. 25)
{изъ спец. отд.	32	17
изъ постороннихъ выдержало	4	7
всѣхъ свидѣтельствъ выдано	107	96

Изъ окончившихъ VII-й дополнительный классъ реальныхъ училищъ заявили желаніе поступить въ:

	Въ 1887 году	Въ 1888 году
технологическій институтъ.	17	18
техническое училище	17	10
земледѣльческую академію.	27	6
военное училище	7	19
телеграфный институтъ.	1	1
лѣсной институтъ.	3	5
горный институтъ.	6	5
строительное училище	2	5
гражданскую службу.	1	2
военную службу	6	23
на частную дѣятельность	20	2

Въ числѣ необязательныхъ предметовъ, введенныхъ въ реальные училища, въ 1887 году считался нѣмецкій языкъ, которому ученики реальныхъ училищъ могли начать обучаться съ III класса, и таковыхъ въ 7 училищахъ (кромѣ Ставропольскаго) было 406, или 40% учениковъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ нѣмецкій языкъ преподается; но, со введеніемъ въ 1888 г. новаго устава ученики I класса обязательно изучаютъ нѣмецкій языкъ, а II класса—оба новыя языка; въ остальныхъ же классахъ пока обязательнымъ остается, по прежнему, одинъ французскій языкъ, кромѣ Тифлискаго училища, гдѣ нѣмецкій языкъ съ начала 1888 года сдѣланъ обязательнымъ и въ III классѣ; педагогическій совѣтъ этого училища, ходатайствуя о введеніи таковой мѣры, имѣлъ въ виду, что ученики III класса этого учебнаго года, еслибы впослѣдствіи остались на второй годъ въ одномъ изъ классовъ, были бы поставлены безъ знанія нѣмецкаго языка въ очень затруднительное положеніе; та же мѣра примѣнена и въ Шушанскомъ

училищъ; всего изучавшихъ нѣмецкій языкъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ онъ еще не обязателенъ, было 474, или 48%. Изъ туземныхъ языковъ преподаются: въ Тифлисскомъ училищѣ — грузинскій и армянскій, въ Бакинскомъ и Шушинскомъ — армянскій и татарскій; языкамъ этимъ обучаются въ низшихъ классахъ ученики соответствующихъ національностей и нѣсколько русскихъ мальчиковъ, казеннокоштныхъ пансіонеровъ Бакинскаго училища. Всего учащихся въ оба отчетные года было: грузинскому—29 и 25, армянскому—275 и 314 и татарскому — 70 и 61. Гимнастикой, въ связи съ маршировкой и другими военными упражненіями, по всѣмъ 8 училищамъ занимались въ 1887 году — 1888, или 86%, а въ 1888 году — 1923 ученика, или 86%. Пѣнію обучалось также во всѣхъ 8 училищахъ въ 1887 году—1022 (46%), а въ 1888 году—1554 (70%); почти во всѣхъ училищахъ классное пѣніе ведется въ приготовительномъ, I и II классахъ, а изъ учениковъ остальныхъ классовъ по выбору регентовъ составляются церковные и свѣтскіе хоры. На инструментальную музыку также обращено должное вниманіе не только въ тѣхъ училищахъ, при которыхъ есть пансіоны, но и въ тѣхъ, при которыхъ таковыхъ не имѣется, какъ, напримѣръ, въ Ейскомъ и Шушинскомъ; въ этихъ училищахъ организованы небольшіе ученическіе оркестры; всѣхъ занимавшихся музыкой было въ 1887 г. — 188 и въ 1888 г. — 168. Кромѣ того, въ училищахъ Бакинскомъ, Владикавказскомъ, Ейскомъ и съ 1888 года въ Кубанскомъ существуютъ столярно-токарянныя, а въ Ейскомъ и Кубанскомъ—переплетныя мастерскія, гдѣ работаютъ не только пансіонеры, но и желающіе изъ приходящихъ; особенно успѣшно эти занятія идутъ въ Ейскомъ училищѣ, ученики котораго въ 1887 году сдѣлали 3 большихъ липовыхъ шкафа для рисовальнаго класса, оцѣниваемыхъ въ 360 руб., и переплели болѣе 1000 книгъ для двухъ отдѣловъ своей библіотеки; въ 1888 году ученики того же училища, кромѣ починки классной мебели, переплетанія учебниковъ и училищной библіотеки, успѣвали исполнять даже небольшіе посторонніе заказы; такъ, столярная мастерская заработала 130 р., а переплетная — около 60 руб., и эти деньги употреблены на покупку новыхъ матеріаловъ для работъ; всѣхъ занимавшихся столярнымъ и токарнымъ ремеслами было въ 1887 году—98, въ 1888 году—121; занимавшихся переплетнымъ—59 и 39.

Поведеніе учащихся за оба отчетные года было слѣдующее: въ 1887 году изъ 2.202 учениковъ подверглись взыскапію 197; въ

томъ числѣ изъ 440 пансіонеро́въ—26, а въ 1888 году, изъ 2.232—271, въ томъ числѣ изъ 446 пансіонеро́въ—43, а именно:

	въ 1887 г.	пансіоне- ро́въ	въ 1888 г.	пансіоне- ро́въ
аресту свыше 2 часовъ.	165	22	214	36
выговору совѣта	16	1	42	2
исключенію съ правомъ посту- пленія въ другія заведенія.	16	1	14	3
исключенію безъ этого права.	—	—	1	—
увольненію изъ пансіона	—	2	—	2

Изъ этого видно, что наказанные ученики составляютъ въ 1887 году 9,0% всѣхъ учащихся, въ низшихъ классахъ отдѣльно—8,3%, въ высшихъ—11,1%, а въ 1888 году—12,1% всего числа учащихся, и отдѣльно въ младшихъ классахъ—9,5% и въ старшихъ—21,0%. Въ концѣ года ученики имѣли за свое поведеніе:

	въ 1887 г.	пансіонеры	въ 1888 г.	пансіонеры
отмѣтку 5	1.680	401	1.743	387
„ 4	433	54	408	55
„ 3	87	9	75	14
„ 2	2	1	6	—

Уроковъ, пропущенныхъ учениками реальныхъ училищъ, было въ 1887 году 80.127, или среднимъ числомъ 36,4 на одного ученика, въ томъ числѣ у пансіонеро́въ—12.118 уроковъ или 26 на 1 воспитанника; въ 1888 году пропущенныхъ уроковъ было 84.437, или 37,8 на ученика, въ томъ числѣ у пансіонеро́въ—13.343, или 29 на 1 воспитанника. Главную причину пропусковъ въ оба года составляла болѣзнь. Отдѣльных случаевъ заболѣванія въ 1887 году было 2.786, или по 127 на каждые 100 учениковъ, а въ 1888 году—2.808, или по 126 на каждые 100 учениковъ; у пансіонеро́въ въ первый отчетный годъ было 541 случаевъ, или 117 на 100, и во второй — 555, или 122 на каждые 100 человекъ; болѣе трети всѣхъ заболѣваній—35,4% и 39,0% относится къ лихорадкѣ; изъ эпидемическихъ болѣзней проявлялись въ оба года: скарлатина, оспа, тифъ, корь и дифтеритъ. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 году 8, а въ 1888 году—15. Врачемъ Ейскаго реального училища въ 1888 году въ первый разъ было сдѣлано точное опредѣленіе роста, окружности грудной кѣтки и емкости легкихъ всѣхъ учениковъ старшихъ четырехъ классовъ; измѣренія эти будутъ повторяться дважды въ годъ для выясненія разности въ физическомъ развитіи учащейся молодежи за учебную и каникулярную часть года.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Апрѣль 1890 года.

I.

Почти въ каждомъ письмѣ приходится мнѣ сообщать вамъ объ успѣшномъ развитіи нашей высшей школы. И теперь опять я долженъ упомянуть о только что напечатанномъ министромъ статистическомъ отчетѣ по высшему образованію съ 1878 по 1888 годъ. Въ 1868 году Дюрюи впервые напечаталъ такой отчетъ; выводы, сдѣланные имъ тогда, были довольно плачевные: малочисленность кафедръ, небольшое число студентовъ, если не считать юридическаго и медицинскаго факультетовъ, дурное состояніе зданій, отсутствіе библіотекъ. Въ 1878 году положеніе высшаго преподаванія уже значительно улучшилось: возросло число кафедръ и студентовъ и воздвигнуты были новыя зданія. Въ 1888 году все преобразилось: *plus regum jam nascitur ordo*. Лѣтъ сорокъ тому назадъ факультеты приносили правительству болѣе, чѣмъ стоили ему; теперь (въ 1887 году), напротивъ, на факультеты истрчено 11.500.000 франковъ. Подпискою на право держанія экзаменовъ и поступления въ число студентовъ собрано 4.700.000 франковъ, слѣдовательно, излишекъ расходовъ простирается почти до 7 милліоновъ франковъ. Въ эту сумму входятъ 3.300.000 франковъ, расходуемые на нѣкоторыя высшія учебныя учрежденія, независимыя отъ факультетовъ, а именно: на Французскую коллегію — 500.000 франковъ, на Парижскую нормальную школу — 500.000 фр., на естественно-историческій музей — 1.000.000 фр., на обсерваторію — 700.000 фр., на школу высшихъ знаній — 315.000 фр., на школу восточныхъ языковъ — 150.000 фр.,

на école des Chartes—70.000 фр., на Римскую школу—72.000 фр., на Афинскую школу—77.000 фр. Въ общемъ на высшее преподаваніе расходовалось въ 1888 году всего 14 съ половиною милліоновъ франковъ, тогда какъ на начальное образованіе—90 милліоновъ, а на среднее—17.

Содержаніе французскихъ профессоровъ все еще уступаетъ содержанію профессоровъ многихъ нѣмецкихъ и англійскихъ университетовъ. Въ провинціальныхъ факультетахъ профессорское жалованье простирается отъ 6 до 11.000, въ парижскихъ факультетахъ—отъ 12 до 15.000 франковъ. Правда, законъ дозволяетъ профессорамъ занимать двѣ должности, но и въ такомъ случаѣ вознагражденіе ихъ не должно превышать 20.000 франковъ.

Съ 1876 года основаны, какъ при прежде существовавшихъ, такъ и при вновь открытыхъ медицинскихъ и юридическихъ факультетахъ, 201 кафедръ и 339 курсовъ дополнительныхъ. Въ провинціальныхъ городахъ учреждены частные курсы для преподаванія мѣстной исторіи.

Точное число записавшихся студентовъ въ 1875 году было 9.963, а въ 1888—17.630; слѣдовательно, оно почти удвоилось. Парижъ, насчитывая 9.000 студентовъ (10.000 въ 1890 году) стоитъ во главѣ (по таблицѣ 1888 года). Затѣмъ идетъ Тулуза, насчитывающая 1.200 студентовъ, Бордо—1.000; Клермонъ, одинъ изъ глухихъ городовъ, имѣетъ 3 факультета, съ 96 студентами. Число студентовъ къ постоянному числу жителей то же, что въ Германіи, то-есть, 1 на 2.000 человекъ. Въ Германіи насчитываютъ болѣе 5.000 студентовъ-богослововъ; во Франціи они сосредоточены въ католическихъ семинаріяхъ.

Любопытно число женщинъ, получившихъ университетскій дипломъ; изъ нихъ 87 имѣютъ званіе бакалавра словесности и 2—магистра словесности; 113—бакалавра физико-математическихъ наукъ, 16—магистра и одна—доктора физико-математическихъ наукъ; одна имѣетъ званіе магистра права; 35 имѣютъ званіе доктора медицины, 4—фельдшера; изъ 35 женщинъ-докторовъ 8 французенокъ и 12 русскихъ, болшею частью еврейскаго происхожденія. Въ теченіе учебнаго 1887 года при факультетахъ сдано было 18.310 экзаменовъ, и 645 лицамъ дана докторская степень.

Въ прежнее время факультеты имѣли жалкія помѣщенія; съ 1872 года принялись за улучшеніе ихъ, расходуя значительныя денежныя средства; все устройство новыхъ университетскихъ зданій обойдется въ 115 милліоновъ франковъ, изъ нихъ 50 милліоновъ пожертвовано

городами. Въ одномъ Парижѣ переустройство разныхъ факультетовъ потребуетъ не менѣе 44 милліоновъ франковъ.

До 1873 года только Сорбонна въ Парижѣ и медицинскій факультетъ въ Монпелье имѣли значительныя университетскія библіотеки. Другіе факультеты были бѣдны книгами; правда, факультеты эти находились въ городахъ, имѣвшихъ большею частію довольно богатыя общественныя библіотеки, но въ нихъ преобладали старинныя изданія, а не новыя научныя сочиненія. Теперь библіотекамъ факультетовъ назначена сумма въ 550.000 франковъ. Парижская университетская библіотека имѣетъ 300.000 томовъ, библіотека въ Монпелье—82.000, въ Бордо—61.000, въ Ліонѣ—57.000. Къ сожалѣнію, правительство не въ состояніи сдѣлать всего; остается пожелать, чтобы пожертвованія частныхъ лицъ увеличивали бюджетъ факультетовъ. Декретъ 1885 года призналъ за факультетами права юридическихъ лицъ, право наслѣдства и владѣнія; но пока эти права не обогатили еще факультетовъ, и общій итогъ всѣхъ вкладовъ, сдѣланныхъ въ ихъ пользу, весьма не великъ, не превышаетъ 109.000 франковъ.

Въ ожиданіи полной организаціи университетовъ собираютъ документы, относящіеся къ прежде существовавшимъ. Подъ покровительствомъ общаго совѣта парижскихъ факультетовъ вышла въ свѣтъ книга: „*Cartularium Universitatis Parisiensis*“, изданная Денифлемъ, служащимъ въ Ватиканской библіотекѣ, и Шателеномъ, состоящимъ при библіотекѣ Сорбонны. Отецъ Денифль — ученій доминиканецъ, посвятившій себя преимущественно изученію исторіи университетовъ среднихъ вѣковъ; Шателенъ — одинъ изъ выдающихся латинистовъ. У насъ уже имѣлись важныя сочиненія по исторіи Парижскаго университета; еще въ XVII вѣкѣ издавъ былъ большой трудъ де-Буле (*Buloeus. Historia Universitatis Parisiensis*, 6 томовъ въ листъ). Въ 1862—1864 гг. Шарль Журденъ издалъ свою „Исторію Парижскаго университета въ XVII и XVIII вѣкахъ“. Еще въ 1850 г. Шарль Тиро напечаталъ книгу объ организаціи преподаванія въ Парижскомъ университетѣ въ средніе вѣка, а недавно Денифль издалъ первый томъ своего большаго сочиненія: „Средневѣковые университеты до 1400 года“. Отецъ Денифль въ первомъ томѣ „*Картуларія*“ помѣстилъ документы, относящіеся къ 1200—1286 гг. Въ точности не извѣстно время основанія Парижскаго университета; въ концѣ XII вѣка и въ началѣ XIII говорилось о *consortium, societas, communitas, universitas scholarum*. Съ 1221 года общество это имѣло свою

печать; слово *facultas* появилось въ XIII вѣкѣ. Въ факультетовъ существовали такъ-называемыя „націи“, представлявшія собою кружки уроженцевъ извѣстныхъ провинцій. Денифль дѣлаетъ сжатый обзоръ печатаемымъ имъ документамъ въ ученомъ предисловіи, написанномъ безукоризненнымъ латинскимъ языкомъ. Этотъ томъ изданъ книжкою фирмой Делалена; французское правительство предполагаетъ разослать его въ даръ многимъ иностраннымъ университетамъ.

Это превосходное изданіе, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать возрожденію университетскихъ преданій; поможетъ тому же и празднованіе, въ маѣ текущаго года, 600-лѣтней годовщины университета въ Монпелье. Поэтому случаю съѣдутся депутаціи со всѣхъ сторонъ Франціи и другихъ государствъ.

II.

Самое значительное изъ историческихъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время, есть книга Густава Шлumbergera, озаглавленная: „Византійскій императоръ въ X вѣкѣ: Никифоръ Фока“ (*Un empereur Byzantin au X siècle, Nicéphore Phocas. Un vol. in 4. Librairie Firmin Didot*). Исторія Византійскаго государства требуетъ еще изученія; она послужила темою нѣсколькимъ весьма замѣчательнымъ монографіямъ, цѣлаго же сочиненія мы не имѣемъ. Шлumbergerъ посвятилъ ей свои ученые изысканія: стоитъ вспомнить его книгу о Принцевыхъ островахъ (Парижъ. 1884) и его важный трудъ о византійскихъ печатахъ (Парижъ. 1884). Эти прекрасные труды доставили ему кресло въ Академіи надписей и изящной словесности. Въ своемъ трудѣ объ императорѣ Никифорѣ Фокѣ (въ 800 страницъ въ 4-ку) Шлumbergerъ старался дать возможно полную картину византійскаго міра второй половины X вѣка. Онъ начинаетъ съ описанія событій времени кончины Константина VII Порфиророднаго и доводитъ разказъ до смерти Никифора Фоки. Авторъ не только описываетъ главныя событія его царствованія, но вызываетъ къ жизни весь византійскій міръ, изображаетъ пышность большихъ столичныхъ церемоній, останавливается на изученіи устройства флота и арміи, подробно разсматриваетъ сношенія византійцевъ съ сосѣдями ихъ — арабами, русскими и болгарами. Шлumbergerъ не только пользовался сохранившимися памятниками греческой литературы, но въ качествѣ нумизмата почерпнулъ многое изъ собраній монетъ, медалей и миниатюръ рукописей. Къ книгѣ его приложено около 300 рисунковъ,

святыхъ съ древнихъ памятниковъ; нѣкоторые изъ нихъ въ высшей степени любопытны; есть между ними заимствованные изъ славянскихъ рукописей Ватиканской библиотеки: они изображаютъ событія войны болгаръ и русскихъ; другіе взяты изъ арабскихъ рукописей Национальной библиотеки и собранія Шеффера, а нѣкоторые воспроизведены съ художественныхъ предметовъ, хранящихся во Франціи, Германіи и Италіи. Шлумбергеръ пользовался также русскими памятниками, именно житіемъ свв. Бориса и Глѣба по изданію покойнаго Срезневскаго. Въ весьма полной библиографіи, приложенной къ книгѣ, сдѣланы указанія на сочиненія Бестужева-Рюмина, Дринова, Гильфердинга, Сырку, Черткова, Васильевскаго. Къ книгѣ приложены также три карты—Килкии, сѣверной Сиріи и Византійской имперіи второй половины X вѣка. При той роскоши, съ какою издана эта книга, цѣна ея въ 30 франковъ не кажется высокою. Шлумбергеръ долго жилъ на востокѣ, и текстъ его книги даетъ особенно живописное представленіе о византійскомъ мірѣ. Если это сочиненіе пріобрѣтетъ успѣхъ, котораго заслуживаетъ, то можно пожелать, чтобъ авторъ его написалъ еще нѣсколько подобныхъ монографій.

Профессоръ персидской литературы во Французской коллегіи Джемсъ Дармштеттеръ ѣздилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по возложенному на него научному порученію, въ Индію и въ англійскія владѣнія въ Афганистанѣ. Онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ этихъ странахъ для изученія языка и собралъ памятники народной словесности афганцевъ. Теперь онъ издалъ въ свѣтъ плоды своихъ изысканій въ видѣ великолѣпной книги, напечатанной въ національной типографіи, на счетъ Азіатскаго общества, подъ заглавіемъ: „Народныя пѣсни афганцевъ“ (въ 8-ку, у Леру). Къ книгѣ приложено обширное введеніе о языкѣ афганцевъ, затѣмъ идетъ переводъ и комментарий и наконецъ самый текстъ народныхъ пѣсенъ. Дармштеттеръ относитъ нынѣшнихъ афганцевъ, называемыхъ на ихъ языкѣ Pushtun, къ Πάχτοες Геродота. По народнымъ афганскимъ преданіямъ ихъ долгое время считали за семитовъ. Дармштеттеръ доказываетъ ложность этой гипотезы; языкъ афганцевъ представляетъ смѣшеніе лексическихъ элементовъ индусскихъ и персидскихъ, но основаніе его въ сущности иранское; онъ примыкаетъ къ восточно-иранскому языку и происходитъ изъ зенда; къ языку Зороастра онъ подходитъ ближе, чѣмъ нарѣчіе бомбейскихъ парсовъ. Изученіе этого малоизвѣстнаго языка Дармштеттеромъ составляетъ новый, значительный шагъ въ лингвистикѣ. Дармштеттеръ достигъ результатовъ, по ви-

димому, окончательныхъ. Пѣсни, имѣ издавныя, имѣютъ высокой литературный и этнографическій интересъ.

Не проходитъ недѣли, чтобы не появилось въ печати какого-либо сочиненія о Россіи; но, къ сожалѣнію, книги эти пишутся большею частію поспѣшно и не имѣютъ серьезныхъ литературныхъ достоинствъ. Г. Корвинъ-Круковскій, извѣстный какъ авторъ комедіи „Данишевы“, подъ именемъ Пьерра Невскаго издалъ первый томъ „Исторіи театра въ Россіи“. Между умѣнемъ сочинить хорошую комедію и умѣнемъ написать ученое историческое сочиненіе о театрѣ большая разница, и достоинства таковыхъ произведеній могутъ быть совершенно различны. Книга г. Корвина-Круковскаго познакомитъ, разумѣется, французскихъ читателей съ тѣмъ, чего они не знали, но познакомитъ глгоко не вполне. Авторъ не представляетъ даже разбора комедій Фонъ-Вивина, и три или четыре страницы, посвященныя ему, не даютъ должнаго понятія о его произведеніяхъ. Начиная съ XVIII вѣка, онъ говоритъ одновременно и объ исторіи французскаго театра въ Россіи, и о народномъ театрѣ русскомъ. Не рѣдко встрѣчаются неточности, и притомъ книга написана слогомъ газетной статьи. Авторъ доводитъ свой очеркъ до временъ императора Николая I и предполагаетъ издать еще томъ—о современномъ русскомъ театрѣ. Книга напечатана въ типографіи Алберта Савина, спеціально занимающагося съ нѣкотораго времени изданіемъ сочиненій о Россіи. Тамъ же напечатана книга Владиміра Соловьева: „La Russie et l' Eglise Universelle“.

Подъ заглавіемъ „Русскіе и Славяне“ (Russes et Slaves, un vol. in 12, Librairie Hachette) профессоръ славянской литературы во Французской коллегіи Луи Лежеръ собралъ нѣсколько своихъ этюдовъ, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ или служившихъ темою для его лекцій. Перечисляю названія главъ этого сборника: Славяне и цивилизація.—Образованіе русской народности.—Происхожденіе русской литературы.—Женщина и русское общество въ XVI вѣкѣ.—Первые русскіе дипломаты за границей.—Неизвѣстная Болгарія.—Современная Сербія.—Иванъ Колларъ, поэтъ панславизма. „Исторія Австро-Венгріи“, написанная тѣмъ же авторомъ, переведена на англійскій языкъ, подъ руководствомъ Фримана. Знаменитый оксфордскій профессоръ написалъ къ ней весьма любопытное вступленіе.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я говорилъ, что число сочиненій, относящихся къ нѣмецкой литературѣ, все увеличивается у насъ, и что въ минувшемъ году три историко-литературныя диссертаци;

представлены въ Парижскій словесный факультетъ, касались произведеній нѣмецкой литературы. Съ тѣхъ поръ представлена туда же еще одна диссертация, подъ названіемъ „Бюргеръ и англійскіе источники литературной баллады въ Германіи“; авторъ ея—Бонне-Мори, профессоръ факультета протестантскаго богословія. Это сочиненіе служитъ доказательствомъ того, что мы интересуемся не только высшею нѣмецкою литературой, но и народною словесностью Германіи и пѣснями ея. Бонне-Мори старается доказать, что источники нѣмецкой баллады слѣдуетъ искать въ Англіи; сперва онъ изучаетъ исторію англійской баллады, а потомъ приступаетъ къ изученію нѣмецкой пѣсни; затѣмъ разсматриваетъ литературную дѣятельность нѣмецкаго поэта Бюргера, извѣстнаго творца баллады о Ленорѣ. Описавъ жизнь поэта, Бонне-Мори разбираетъ послѣдовательно его главныя сочиненія и разсматриваетъ ихъ вліяніе въ Германіи и въ Англіи. Особая глава посвящена лучшимъ балладамъ, которыя разрабатывали въ различныхъ литературахъ ту же тему о Ленорѣ. Это выдающееся сочиненіе доставило автору званіе доктора словесности.

Почти всѣ диссертации, защищаемыя при Парижскомъ словесномъ факультетѣ, составляютъ любопытныя монографіи по исторіи или по литературѣ. Рекомендую любителямъ классической древности, монографію Самуила Рошеблва о графѣ де Келюсѣ, знаменитомъ археологѣ XVIII вѣка (*Le comte de Caylus. Un vol. in 8. Paris. Nacheffe*). Графъ де Келюсъ, членъ Академіи надписей (1692—1795), былъ большимъ любителемъ науки. Въ продолженіе 25 лѣтъ онъ издавалъ огромнѣйшее „Собраніе древностей египетскихъ, этрусскихъ, греческихъ, римскихъ и галльскихъ“ (*Recueil d'Antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines, et gauloises, 1752—1767. 7 vol., in 4°*); имъ самимъ написанъ текстъ и гравированы приложенныя къ этому изданію рисунки. Онъ велъ большую переписку съ современными ему учеными. Сочиненія его удивительно способствовали къ сближенію изученія искусства съ изученіемъ археологій. Его можно назвать предшественникомъ Винкельмана: съ такимъ заключеніемъ согласны даже нѣмецкіе критики. Рошеблавъ одалжалъ большую услугу изученію археологій, выдвинувъ эту замѣчательную личность дворянина-любителя, собирателя и ученаго.

Я уже писалъ вамъ о книгѣ Лансона: „*Les principes de composition et de style*“; теперь онъ издалъ въ свѣтъ: „*Choix de Lettres*“ XVIII вѣка (1 т. въ 12-ю д. л. Парижъ. Гашеттъ). Не смотря на преуспѣваніе школы натуралистовъ и школы декадентовъ, у насъ все

еще много читаютъ произведенія писателей великаго вѣка. Продолжаютъ перечитывать сочиненія г-жи де-Севинье, а рядомъ съ нею существовалъ цѣлый легіонъ писателей, прелатовъ, военныхъ, дипломатовъ, писавшихъ превосходныя и достойныя изученія письма. Хрестоматія Лансона остроумно составлена изъ избранныхъ писемъ Малерба, Винцента де-Поля, Ришелье, Декарта, Пуссена, Вуатюра, Бальзака, Шапелена, Корнеля, кардинала Ретца, Людовика XIV, Лафонтена, Боссюэта, Фенелона и многихъ умныхъ женщинъ XVII вѣка, имена которыхъ теперь почти забыты. Лансонъ написалъ къ этому любопытному сборнику введенеіе о правилахъ эпистолярнаго слога; онъ справедливо возстаетъ противъ искусственнаго подраздѣленія его, придуманнаго риторамъ, отличавшимися до сорока родовъ писемъ. Лансонъ признаетъ и для писемъ правила разговорной рѣчи. Быть естественнымъ—вотъ главное достоинство слога писемъ. Это введенеіе очень подходитъ къ изящнымъ страницамъ, которымъ оно предшествуетъ.

Обращаю ваше вниманіе на четыре книги, появившіяся въ прекрасномъ собраніи, называемомъ „Bibliothèque variée“: „Принцессы и знатныя дамы“—Арведа Барина, „Новыя опыты философской критики“—Адольфа Франка, „Академическія похвальныя рѣчи“—Жозефа Бертрана и „Мистическая Италия“—Гебарта. Арведъ Баринъ—писатель, сдѣлавшійся извѣстнымъ гдѣтъ двадцать тому назадъ своими выдающимися статьями, помѣщенными въ Bibliothèque Universelle, въ Nouvelle Revue, въ Revue des Deux Mondes и въ Journal des Debats. Имя его заинтересовало читающую публику; думала: не псевдонимъ ли это одной изъ тѣхъ знатныхъ русскихъ дамъ, которыя играютъ у насъ теперь большую роль. Оказывается, что особа, извѣстная подъ этимъ псевдонимомъ, есть г-жа Венсенъ. Мужъ ея занимаетъ высокій постъ въ одномъ изъ нашихъ министерствъ. Съ каждымъ годомъ успѣхъ ея произведеній все возросталъ, и недавно она получила премію краснорѣчія, присуждаемую Французскою академіей. Въ книгѣ, озаглавленной „Princesses et Grandes dames“, она соединила этюды о Маріи Манчини, племянницѣ Мазарини, едва не сдѣлавшейся женою Людовика XIV, о Шведской королевѣ Христинѣ, о герцогинѣ дю-Мэнъ, о маркиграфинѣ Байрейтской, сестрѣ Фридриха Великаго, и этюдъ о запискахъ одной арабской принцессы, недавно изданныхъ въ Германіи. Всѣ эти статьи составляютъ рядъ пріятно написанныхъ очерковъ по исторіи и о психологіи женщинъ.

Франкъ, почетный профессоръ нравственныхъ наукъ во Француз-

ской коллегіи, вышелъ въ отставку года два тому назадъ, но не прекратилъ своихъ занятій, наполнявшихъ всю его жизнь, и не смотря на свои 80 лѣтъ, онъ до сихъ поръ удѣляетъ ученымъ трудамъ большую часть своего времени. Подъ заглавіемъ „Nouveaux Essais de critique philosophique“ онъ собралъ нѣсколько этюдовъ, написанныхъ въ защиту спиритуалистической философіи. Въ этихъ этюдахъ онъ изучаетъ творенія французскихъ философовъ—Ж. Симона, Жана, Кузена, Вашро, Гюю, Боссюра, Франциска Булье, Венара, Горео, Людовика Карро, и между прочимъ высказывается ожесточеннымъ противникомъ эволюціонизма. Допустимъ, говоритъ Франкъ,—что эволюціонизмъ занимаетъ извѣстное мѣсто въ естественной исторіи, но въ области нравственности и права эволюціонизмъ не примѣнимъ. Не станетъ болѣе ни зла, ни добра, ни долга, ни обязанности, ни свободы, ни справедливости, если понятія, выражаемыя этими названіями, не имѣютъ ничего постояннаго ни въ разумѣ, ни въ совѣсти человѣческой и должны мѣняться съ каждымъ періодомъ исторіи, чуть не съ каждымъ человѣческимъ поколѣніемъ... Причина спиритуализма, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—та же, что и справедливости, свободы, терпимости, братства, благородства и достоинства человѣческаго, и уничтожить ихъ не возможно.

Жозефъ Бертранъ—профессоръ высшей математики во Французской коллегіи, членъ Французской академіи и непремѣнный секретарь нашей Академіи наукъ; состоя въ этихъ двухъ академическихъ должностяхъ, онъ произнесъ нѣсколько похвальныхъ академическихъ рѣчей. Обычай этотъ всегда поддерживался въ нашей странѣ, и въ XVIII вѣкѣ Фонтенель и Даламберъ особенно отличались своими похвальными рѣчами. Бертранъ стремится идти по ихъ слѣдамъ. Онъ занялъ во Французской академіи кресло знаменитаго химика Дюма, тоже отличнаго писателя; позже, при вступленіи графа д'Оссонвилля, онъ имѣлъ случай произнести похвальную рѣчь философу Каро. Эти двѣ рѣчи помѣщены въ томѣ рядомъ съ похвальными словами, посвященными Франсуа Араго, Эли де-Бомону, Ламэ, Лаверрье, Фуко, Дюпюи-де-Лому и др. Вообще книга эта представляетъ рядъ очерковъ изъ исторіи точныхъ наукъ въ XIX вѣкѣ.

Сочиненіе Гебарта „L'Italie mystique“ составитъ значительный вкладъ въ исторію религіи среднихъ вѣковъ; авторъ его состоитъ профессоромъ исторіи южно-европейскихъ литературъ въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ и занимается преимущественно исторіей XV и XVI вѣковъ. Сочиненіе его о Рабле, объ эпохѣ возрожденія и о

реформаціи увѣнчано было Французской академіей; книга его о начальномъ періодѣ возрожденія въ Италіи удостоилась той же чести. Въ нынѣ вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ своемъ онъ изучаетъ исторію религіи въ средневѣковой Италіи. Подъ прекраснымъ небомъ полуострова религія приняла характеръ мистическій и образный: самое искреннее вѣрованіе примирялось съ рационализмомъ и не мѣшало обличать прегрѣшенія святаго престола. Гебартъ изучаетъ послѣдовательно сочиненія Арнольда Брешианскаго, Іоахима де-Флора, Франциска д'Ассизи, значеніе императора Фридриха, поэтическое творчество, мистицизмъ и нравственную философію Данте. Это любопытное сочиненіе написано съ большими талантомъ.

Рядомъ съ трудомъ Гебарта можно поставить небольшую вкось вышедшую книгу Анри Кошена о Боккачіо. Кошенъ, какъ и Гебартъ, страстно любитъ Италію: онъ моложе и менѣ свѣдущъ, чѣмъ профессоръ Сорбонны; тѣмъ не менѣ, книга его заслуживаетъ вниманія: изучая Боккачіо, онъ старается выдвинуть на видъ серьезную сторону автора Декамерона; его знаютъ преимущественно по его потѣшнымъ повѣстямъ, но, кромѣ Декамерона, Боккачіо написалъ цѣлый рядъ серьезныхъ сочиненій. Въмѣстѣ съ тѣмъ Боккачіо былъ страстнымъ еллинистомъ, поклонникомъ Гомера и Платона; въ своей книгѣ „De genealogia Deorum“ онъ далъ первое руководство древней мифологіи; въ своихъ двухъ трактатахъ: „De casibus virorum et foeminarum illustrium“ и „De claris mulieribus“ онъ высказываетъ большую эрудицію. Эти-то стороны литературной дѣятельности Боккачіо, оставшіяся въ пренебреженіи, Кошенъ и старался выдвинуть и вполне успѣлъ въ томъ. Къ книгѣ его приложенъ атюдъ о „Cortegiano“ Бальтазара Кастильоне (1 т. въ 12-ю д. л. librairie Plon).

Небольшая книга Лависса: „Общій взглядъ на политическую исторію Европы“ (Vue générale de l'histoire politique de l'Europe) обратила на себя большое вниманіе; авторъ излагаетъ въ ней на нѣсколькихъ страницахъ, а иногда и въ нѣсколькихъ строкахъ, свои воззрѣнія на значеніе различныхъ государствъ, игравшихъ въ разное время первостепенную роль въ Европѣ. Въ общихъ заключеніяхъ своихъ авторъ выказываетъ убѣжденіе, что Европа идетъ не къ мирному развитію, а къ новой борьбѣ. Политика расширенія владѣній и завоеваній по прежнему остается причиною войнъ. Передъ вооруженною Европой возстаетъ Америка, вполне миролюбивая; быть можетъ, со временемъ она призвана будетъ управлять міромъ.

Число изданій по исторіи революціи все увеличивается. Неутомимый

труженикъ Эдмондъ Бире задумалъ написать изо дня въ день хронику Парижа въ 1793 году и во время террора. Онъ предполагаетъ, что одинъ буржуа ежедневно заноситъ въ книгу всё совершающіяся у него на глазахъ событія. Такимъ образомъ, форма сочиненія вымышленная, но всё подробности точны и заимствованы изъ достовѣрныхъ источниковъ. Это исторія революціи съ точки зрѣнія состоянія нравовъ. Содержаніе многихъ главъ ново, даже для хорошо знающихъ исторію революціи; таковы: глава о ресторанахъ, глава о раздачѣ наградъ въ университетскихъ коллегіяхъ, глава о картинной выставкѣ, или о послѣднихъ засѣданіяхъ Французской академіи (1 т. въ 12-ю д. л.).

Та же фирма издала недавно въ свѣтъ „Исторію философіи во время революціи“ (1789—1804) Ферраза. Корреспондентъ института и профессоръ философіи въ Лионскомъ словесномъ факультетѣ, Ферразъ написалъ нѣсколько сочиненій, которыя были увѣнчаны Французскою академіей и Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ. Укажу его „Исторію философіи во Франціи въ XIX вѣкѣ“ и „Философію долга“. Предметъ его послѣдняго сочиненія довольно новъ; воспоминанія о революціи вообще не наводятъ мысли на занятія философіей. Между тѣмъ въ это смутное время существовало у насъ нѣсколько философовъ — Гара, Ларомигиеръ, Дестюдъ-де-Траси, Кабанисъ, Де-Жерандо, Мэнъ де-Биранъ, Ривароль, Кондорсе, Вольней, Сень-Мартенъ. Одни изъ нихъ довольствовались развитіемъ доктринъ сенсуализма въ духѣ Кондильяка, другіе изучали общую грамматику и философію языка, третьи занимались философіей исторіи и пробовали угадать будущее человѣчества; нѣкоторые наконецъ погрузились въ мистицизмъ. Надо удивляться, съ какимъ терпѣніемъ Ферразъ перечелъ сочиненія всѣхъ этихъ мыслителей, теперь отчасти забытыхъ, чтобы дать намъ всю суть ихъ содержанія.

Я писалъ вамъ когда-то о появленіи двухъ сочиненій весьма важныхъ для исторіи реставраціи: „Mémoires et Correspondances“ графа Виллеля (Парижъ, Перренъ) и „Mémoires et Souvenirs“ барона Гида-де-Невилля (Парижъ, Плонъ). Четвертый томъ переписки графа Виллеля вышелъ въ свѣтъ. Онъ заключаетъ въ себѣ письма министра къ Мартиньяку и къ герцогу Ангудемскому, который командовалъ французскою арміей въ Испаніи въ 1822 году. Второй томъ „Mémoires et Souvenirs“ барона Гида-де-Невилля заключаетъ въ себѣ періодъ съ 1815 по 1822 годъ, любопытную картину французскаго государства въ моментъ, когда Наполеонъ I высадился въ Каннѣ,

двора Людовика XVIII въ Гентѣ, возвращенія его въ Парижъ. Въ 1816 году Гидъ-де-Невилль былъ назначенъ французскимъ посланникомъ въ Соединенные Штаты: послѣднія главы книги посвящены исторіи сношеній Франціи съ великою республикой съ 1816 по 1820 годъ.

Въ то же время фирма Плома напечатала третій томъ „Исторіи эмигрантовъ“ Форнерона. Я много писалъ вамъ о двухъ первыхъ томахъ этого сочиненія.

Перро и Шипіе окончили V-й томъ своей „Исторіи искусства въ древнемъ мірѣ“. Онъ посвященъ Персіи, Фригійи, Лидіи, Каріи и Лихіи. Благодаря недавнимъ открытіямъ въ Сузѣ и въ Персеполи, этотъ томъ еще любопытнѣе, чѣмъ предыдущіе. Цѣна каждаго тома 25 франковъ. Издатель (у Гашетта) печатаютъ также свой трудъ книжками въ шестнадцать страницъ цѣною въ 50 сантимовъ. При этихъ условіяхъ, это превосходное сочиненіе сдѣлалось доступнымъ значительно большому числу читателей. Эдизе Реклю приступилъ къ XV-му тому своей огромной „Всеобщей географіи“; онъ посвященъ Сѣверной Америкѣ.

„Большая энциклопедія“, печатавшая по два тома ежегодно, теперь будетъ печататься по три тома въ годъ. Съ 1-го мая цѣна этого изданія возрастетъ съ 600 до 750 франковъ. Девятый томъ, только что вышедшій въ свѣтъ, вмѣщаетъ въ себѣ слова отъ Canaries до Cerotosoma. Выдающіяся статьи слѣдующія: Canon, Caoutchouc, Cap (колонія), Carbonates, Carbone, Carbures, Caricature, Carte, Carthage, Cassation, Castille, Caucase, Cellule, Cellulose, Celtes, Censure. Нѣкоторыя изъ этихъ статей составляютъ цѣлыя монографіи; къ нимъ приложенъ весьма подробный библиографическій указатель.

Л. Л—ръ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОСЬМОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ.

(9-го—24-го января 1890 года) ¹⁾.

V.

Общая исторія Россіи.

Общая исторія Россіи, по скольку она нашла свое отраженіе на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ, открывається съ опредѣленій хронологическиѣ. Д. И. Прозоровскій ²⁾ замѣтилъ, что въ до-христіанскій періодъ наши предки дѣлили время по вѣкамъ, годамъ, временамъ года, мѣсяцамъ, недѣлямъ, днямъ и, можетъ быть, часамъ. И по введеніи христіанства народное, русско-славянское времячисленіе не исчезло, развѣ только приноровили его къ новой обстановкѣ; славянскія названія мѣсяцевъ и дней на столько своеобразны, что нѣтъ основанія предполагать заимствованіе. „Кромѣ того отъ языческаго времени дошли до насъ термины противныя христіанству, но сильно укоренившіеся въ бытѣ народномъ; таковы: святки, масляница, радуница, семикъ, купало, бабье лѣто, корочунъ, овсень. Конечно, мы не знаемъ, какъ назывались по язычески святки, масляница и семикъ, приурочиваемые нынѣ къ предѣламъ христіанскаго распредѣленія времени; но тѣмъ не менѣе соблюдаемые народомъ въ эти термины обычаи суть остатки язычества, перемѣнившіе свой древній религіозный характеръ на характеръ увеселительный. Изъ

¹⁾ *Окончаніе.* См. майскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Изъ сообщенія его: „О славянско-русскомъ до-христіанскомъ численіи времени“ прочтано было только введеніе.

русскаго быта исчезли только русалки, существовавшія у насъ еще въ XII вѣкѣ¹⁾“.

Изъ доклада А. А. Дмитриевскаго: „Нѣсколько замѣчаній о чинѣ новолѣтія по византійскимъ источникамъ“ возьмемъ слѣдующія данныя: первоначально въ христіанскомъ мірѣ новый годъ справлялся въ мартѣ; но уже въ VI вѣкѣ онъ перенесенъ былъ на сентябрь. За то въ Египтѣ новолѣтіе праздновалось въ недѣлю отцовъ, передъ Пятидесятницей. Чинъ новолѣтія въ русской церкви почти ни въ чемъ не расходился съ греческими обрядами.

Полонъ научнаго интереса былъ рефератъ А. С. Павлова: „Къ вопросу о подлинности церковнаго устава св. Владиміра“. Почтенный профессоръ далъ энергическую защиту подлинности одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной литературы. Какъ извѣстно, еще Карамзинъ доказывалъ подложность церковнаго устава св. Владиміра; Неволинъ,—если не по силѣ доводовъ, то по времени—первый его защитникъ; онъ опирался на краткую редакцію устава, не извѣстную историографу и чуждую анахронизмовъ подробнаго списка (патріархъ Фотій, крестящій Владиміра), вызвавшихъ сомнѣнія Карамзина. Съ тѣхъ поръ, повидимому, вполне утвердилось мнѣніе Неволіна, но недавно явился новый сторонникъ автора „Исторіи государства Россійскаго“ въ лицѣ Е. Е. Голубинскаго: послѣдній находилъ, что списокъ, бывшій въ рукахъ Карамзина, самый старшій; а потому и лучшій. Къ этому мнѣнію примкнулъ и профессоръ Н. С. Суворовъ. Референтъ находилъ, что сторонники обоихъ воззрѣній впадаютъ въ одинаковую методологическую ошибку. Нельзя утверждать, будто старшій списокъ непремѣнно вѣрнѣе и точнѣе; часто бываетъ наоборотъ (напримѣръ, Академическій списокъ Русской Правды — XV вѣка, а позднѣйшій изводъ ея сохранился въ спискѣ XIII — XIV вѣка); да и краткая редакція не всегда бываетъ ближе къ первоисточнику. Вторая методологическая ошибка въ смѣшеніи матеріальнаго содержанія нашего памятника съ его письменною формою; содержаніе можетъ принадлежать одному, а форма, въ которой оно дошло до насъ (пересказъ, сокращенное изложеніе и т. п.)— другому лицу. Поэтому референтъ считаетъ необходимымъ поставить такой вопросъ: содержатся ли въ уставѣ такія постановленія, кои съ большею или меньшею вѣроятностью могутъ и должны быть приписаны Владиміру; и если да, то возможно ли допустить, что уже самъ Владиміръ облекъ ихъ въ форму законодательнаго акта? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, на второй—отрицательно, что

и доказываетъ подробнымъ анализомъ самаго памятника. Въ постановленіи о десятинахъ уставъ смѣшиваетъ частную княжескую десятину въ пользу Десятинной церкви съ позднѣйшею общецерковною, что ясно указываетъ на процессъ образования памятника: грамота, дарованная Десятинной церкви, явилась единственнымъ официальнымъ источникомъ для постановленій устава о десятинахъ вообще. Несомнѣнные слѣды глубокой древности языка первоначальной записи тѣмъ болѣе заставляютъ отнести ее ко времени Владиміра; таковы выраженія: роспустъ — разводъ; смилное заставанье — брачный сговоръ съ опредѣленіемъ неустойки; пошибаніе — умычка (первоначально: преступное дѣяніе противъ женщины); зубоѣжа — укушеніе, соединенное съ волшебною порчею, предосудительное съ религіозной стороны, какъ дѣйствіе, можетъ быть, свойственное преимущественно колдуньямъ, вѣдьмамъ, вообще женщинамъ. Анализъ памятника привелъ профессора Павлова къ тому заключенію, что уставъ св. Владиміра, подобно Русской Правдѣ, составился не путемъ формальнаго законодательства, а путемъ частной кодификаціи отдѣльных постановленій, которыя всѣ или почти всѣ принадлежать св. Владиміру. Въ законченную формулу отлился этотъ памятникъ не ранѣе конца XVIII столѣтія.

Докладъ нашего ученаго канониста вызвалъ слѣдующія возраженія Д. Я. Самоквасова: Уставъ данъ въ краткой редакціи; краткий же есть соединеніе краткой редакціи съ уставомъ князя Всеволода, даннаго Новгородской церкви; а во Всеволодовомъ, какъ разъ и находятся тѣ вставки, что вызвали извѣстныя сомнѣнія Карамзина, точнѣе — Шлецера, которому русскій историкъ послалъ въ Геттингенъ для цензуры первый томъ своей „Исторіи“. Профессоръ Самоквасовъ догматически изложилъ свое мнѣніе и только по поводу краткой редакціи сослался на исторію Русской церкви, преосвященнаго Макарія. А. С. Павловъ оставилъ безъ возраженія указанія своего оппонента, можетъ быть, именно потому, что они очень ужъ рѣзко расходились съ его собственными выводами.

На сколько профессоръ Павловъ оказался энергическимъ борцомъ за подлинность церковнаго устава св. Владиміра, на столько же безусловно А. И. Соболевскій отвергалъ подлинность другаго памятника — „Грамоты князя Ивана Берладника 1134 года“. Последняя издава румынскимъ ученымъ Хаждеу по списку, который, по его увѣренію, былъ писанъ на пергаментѣ полууставомъ выпѣвѣтскими чернилами, прямо съ оригинала и полученъ его отцомъ въ 1848 году

отъ русскаго офицера Рольскаго. Однако, замѣчаетъ референтъ, не-правильности грамматическія, смѣшеніе языковъ южно-русскаго и болгарскаго, странная и во многихъ мѣстахъ безусловно ошибочная орѳографія, счетъ лѣтъ отъ Р. Хр.,—все это заставляеть видѣть въ грамотѣ несомнѣнный подлогъ румынскаго патриота, съ цѣлью доказа-зать документальную древность и торговое значеніе румынскихъ го-родовъ. Неизвѣстный фальсификаторъ имѣлъ для образца молдавскіе документы XIV—XV вѣковъ, языкъ которыхъ нѣсколько сходенъ съ ошибками грамоты 1134 года.

Возражая референту, И. А. Линниченко замѣтилъ, что одной филологической критики для доказательства подложности грамоты еще недостаточно, такъ какъ мы знаемъ эту грамоту только въ пе-чатномъ текстѣ; издатель могъ плохо прочесть ее, да къ тому же и вліяніе молдавской рѣчи естественно могло проявиться на доку-ментѣ, составленномъ въ городѣ Берладѣ. Содержаніе же ни въ чемъ не противорѣчитъ нашимъ свѣдѣніямъ о Берладскомъ княжествѣ и Иваниѣ Берладникѣ. Наконецъ, трудно представить себѣ причины подлога, если онъ сдѣланъ въ наше время, такъ какъ въ грамотѣ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ для поддержки современныхъ политиче-скихъ тенденцій Румыніи. Грамота, если содержаніе ея не подложно, свидѣтельствуетъ скорѣе о давнишнемъ русскомъ политическомъ и культурномъ вліяніи въ Румыніи. А. И. Соболевскій отказывался, однако, допустить, что языкъ грамоты есть обычный языкъ того вре-мени. Только въ этой грамотѣ упоминается Малый Галичъ, намъ мало извѣстный; наконецъ, Берладникъ не могъ называться „отъ стола Галичскаго“. Не смотря на это, Д. И. Иловайскій готовъ былъ скло-ниться скорѣе на сторону достовѣрности грамоты, хотя и полагалъ, что вопросъ остается пока совершенно открытымъ: судьба грамоты намъ неизвѣстна; мало ли какимъ измѣненіямъ могъ подвергнуться ея языкъ, прежде чѣмъ документъ попалъ въ наши руки?

Референтъ нашелъ себѣ поддержку въ И. И. Богданѣ, который въ отдѣльномъ и самостоятельномъ докладѣ—„Грамота князя Ивана Ростиславича „Берладника“ 1134 года“—подтвердилъ его выводъ, дополнивъ ихъ новыми разъясненіями. Соглашаясь съ Д. И. Ило-вайскимъ, что указанія петербургскаго профессора сами по себѣ еще не свидѣтельствуютъ въ пользу несомнѣнной подложности документа, г. Богданъ указалъ другіе, по его мнѣнію, болѣе убѣдительные при-знаки подложности грамоты, рассмотрѣвъ послѣднюю съ точекъ зрѣ-нія лингвистической, дипломатической и исторической.

Документъ 1134 года могъ быть спискомъ, сдѣланнымъ въ Молдавіи въ XIV—XV столѣтіи съ недошедшей русской грамоты XII вѣка; какъ извѣстно, въ XIV—XVII вѣкахъ въ румѣнскихъ государствахъ въ церковномъ употребленіи былъ старо-славянской языкъ въ средне-болгарской его редакціи. 1) А. И. Соболевскій не объяснилъ въ спорной грамотѣ формы прилагательныхъ: угрьскій, берладьскій, месембрисскій, которыя могли возникнуть только въ головѣ фальсификатора, поддѣлывавшагося подъ древне-русскій языкъ безъ достаточнаго знанія его исторіи: источникомъ ошибки послужила древне-русская форма слова русскій при бодрѣ новыхъ русьскій, рускій, русскій; фальсификаторъ изъ формы русьскій (гдѣ первое *с* принадлежитъ корню) извлекъ небывалый суффиксъ — сьскій и, сочтя его древнѣйшею формою суффикса ьскій, — скій, образовалъ дикія формы берлад-сьскій вмѣсто берладьскій и т. д.

2) Выведа изъ значительнаго количества грамотъ XII вѣка всѣ дипломатическія формулы этого времени, г. Богданъ наглядно показалъ, что грамота Ивана Берладника находится съ ними въ явномъ противорѣчій; за то референтомъ была доказана зависимость разсматриваемой грамоты отъ молдавскихъ и галицкихъ дипломатическихъ формулъ XIV—XV вѣка, что позволило ему предположить въ фальсификаторѣ человека, знакомаго съ этими памятниками.

3) Наконецъ, референтъ показалъ, что содержаніе грамоты не сходится съ довольно многочисленными извѣстіями русской лѣтописи объ Иванѣ Берладникѣ. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ Иванъ Ростиславичъ называется княземъ Берладскимъ отъ стола Галицкаго; это выраженіе неясное само по себѣ и не находящее объясненія въ дипломатическихъ нормахъ, толковалось исследователями въ смыслѣ происхожденія и въ смыслѣ зависимости. Но по происхожденію Иванъ Ростиславичъ не имѣлъ никакихъ правъ на Галичъ, а въ зависимости отъ него не могъ состоять потому что, во-первыхъ, онъ былъ непримиримымъ врагомъ Галицкихъ князей, сначала Володимірка, потомъ Ярослава Осмомысла, и ужь конечно, не могъ получить отъ нихъ удѣла „Берладскаго“; во-вторыхъ, въ 1134 году соединенное Червоно-русское княжество со стольнымъ городомъ Галичемъ еще и не существовало: оно создано только въ 1144 году.

Источникъ поддѣлки, по мнѣнію докладчика, одинъ отрывокъ русской лѣтописи, весьма близкимъ перифразомъ котораго и является текстъ грамоты 1134 года. Грамота Берладника по своему содержа-

нію—торговая грамота; ея важность въ томъ, что она позволяла заключать о государственной связи придунайской страны съ Галичиною и о существованіи княжества Берладскаго уже въ XII вѣкѣ; такимъ образомъ главная цѣль фальсификатора могла быть слѣдующая: указать уже въ XII вѣкѣ зародыши румынскаго государства, хотя бы цѣною зависимости отъ Россіи ¹⁾).

За спорными вопросами не ходитъ статья. Если, подобно церковному уставу Владиміра Святаго и грамотѣ Берладника, странно было бы отвергать подлинность существованія города Москвы, то еще горячо можно спорить объ условіяхъ, создавшихъ нашу первопрестольную столицу. Это и показалъ рефератъ досточимаго русскаго историка, И. Е. Забѣлина: „Древнѣйшее населеніе Москвы“. „Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ“, зоветъ въ 1147 году Суздальскій князь Юрій Долгорукій своего союзника Новгородъ-Сѣверскаго князя Святослава Ольговича,—и слова эти слышатся намъ олицетвореніемъ зова къ тому единству, которое позже создано усиліями именно московскихъ князей. Москва—богатая вотчина уже объ эту пору: въ погребахъ князя хранится 500 берковцевъ меда, на его лугахъ пасется множество коней. Памятники же курганной эпохи, найденные въ самомъ Кремлѣ, между прочимъ, арабская монета 862 года, даютъ право полагать, что Кремлевскій поселокъ уже существовалъ по крайней мѣрѣ въ IX столѣтіи.

Но почему же Москва основалась именно на томъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ и теперь? Почему Кремлевскій зародышъ Москвы не только не исчезъ, какъ многое множество другихъ подобныхъ городковъ, но не смотря на жестокія историческія напасти, раззоренія и опустошенія огнемъ и мечемъ, остался на своемъ корню и развился не только въ большой городъ, но и въ могущественное государство? Главнѣйшимъ образомъ потому, что Москва лежала на перекресткѣ древнихъ торговыхъ путей. Вопервыхъ, съ запада сюда шли отъ Смоленскаго Днѣпра и вообще отъ Балтійскаго моря, направляясь къ Волжской Камѣ, къ болгарамъ, въ рукахъ которыхъ въ IX и X столѣтіяхъ находилась торговля всего низоваго Поволжья. Отъ Смоленска, или точнѣе отъ верховьевъ Днѣпра, дорога шла почти по прямой линіи на востокъ, сначала сухопутьемъ, а затѣмъ по долинѣ Москвы-рѣки и потомъ по Клязьмѣ. Къ этой послѣдней

¹⁾ Рефератъ г. Богдана изложенъ нами почти въ дословной передачѣ по тексту „Занятій восьмага археологическаго съѣзда“, стр. 146—147.

подходил по притоку р. Москвы, — по рѣчкѣ Сходнѣ, по древнему Восходнѣ. Это послѣднее названіе принадлежало впрочемъ мѣстности, по которой „восходили“ къ р. Клязьмѣ. Вотъ эти-то топографическія условія и создали въ названномъ пунктѣ поселеніе—будущую Москву.

Номенклатура древнихъ монастырей (монастырь Спаса Преображенія на Восходнѣ, XVI вѣка, упоминаемый въ XIV вѣкѣ однимъ именемъ „Всходня“; монастырь „Всходня на рѣкѣ Москвѣ“, XVII вѣка), урочищъ (рѣчка Горедва=Горетовка; Горетовъ станъ, какъ указаніе на гористое положеніе мѣстности), пустошь Вышгородъ (по писцовымъ книгамъ), подробно отмѣченная референтомъ, подтверждаетъ сказанное и еще болѣе подкрѣпляется обиліемъ кургановъ (до 40) въ этой мѣстности, доказывая значительное нѣкогда здѣсь поселеніе. Курганы эти по времени X или, самое позднее, XI вѣка; находка въ одномъ изъ нихъ мѣднаго серпа позволяетъ думать, что въ эту пору здѣсь существовали уже земледѣльческія потребности, строго опредѣлившіяся; костяная же ручка на серпѣ — указываетъ на довольно высокую культуру. Существованіе въ XV—XVI вѣкахъ у Спаса на Восходнѣ „мѣста Войницкаго“, принадлежавшаго Волоколамской волости Войничя, говоритъ о связи этого пункта съ новгородскими путями; для рязанцовъ также въ этомъ мѣстѣ былъ путь съ Оки на Владиміръ, только они переваливали на Клязьму не по Сходнѣ, а по болѣе близкой для нихъ дорогѣ, р. Яузѣ, самое названіе которой показываетъ, что она подобно рѣкамъ Вазузѣ, Вязьмѣ, служила связью между двумя рѣчными дорогами.

Рефератъ И. Е. Забѣлина вызвалъ чрезвычайно оживленныя пренія. Первымъ выступилъ Д. И. Иловайскій, еще въ своей Исторіи Россіи высказавшій гипотезу, по которой основаніе Москвы обусловлено существованіемъ порога (у нынѣшняго Каменнаго моста), препятствовавшаго судоходству далѣе вверхъ по рѣкѣ и требовавшаго остановки именно въ этомъ мѣстѣ. То же высказалъ онъ и теперь, добавивъ, что чешская Прага на рѣкѣ Молдавѣ даетъ аналогичное явленіе. И. Е. Забѣлинъ отрицалъ порогъ, такъ какъ нѣтъ необходимаго для этого каменнаго днища; у Каменнаго моста долгіе годы забивались деревянные сваи для предохраненія его отъ ледохода, и громадное количество ихъ (до 5000), пожалуй, могло создать порогъ деревянный, отчего мы и слышимъ шумъ рѣки у моста, но и только. За тысячу лѣтъ рѣки наши были гораздо судоходнѣе, на сажень, если не на двѣ выше нынѣшняго уровня, чтѣ еще болѣе исключаетъ возможность допущенія препятствій для прохода судовъ. Въ XVII

вѣкъ съ Волги проводились нагруженные барки на р. Истру, притокъ Москвы, впадающій въ нее на 30 верстъ выше первопрестольной столицы ¹⁾). Н. И. Веселовскій сближалъ Язуу съ тюрко-татарскимъ язъ, сердитый, бурный, тѣмъ болѣе что раньше XIII столѣтія это названіе не встрѣчается. Референтъ сослался на Тверскую лѣтопись, гдѣ подъ 1156 годомъ стоитъ: „на устни же Неглинны, выше р. Аузы“, и кромѣ того указалъ еще на двѣ рѣчки съ тѣмъ же названіемъ. Количество примѣровъ было увеличено, во время общаго обмѣна мислей, представителемъ Рязанской архивной ученой комиссіи А. В. Селивановымъ, сославшимся на Русскій Историческій Сборникъ, т. VII, стр. 325. П. Н. Милюковъ находилъ неудобнымъ ссылку на Тверскую лѣтопись, дошедшую въ поздней редакціи; слово же Язуа считалъ финскимъ. Р. Ѡ. Брандтъ отрицалъ славянское происхожденіе этого имени, такъ какъ по законамъ русской рѣчи корень уз не могъ допустить приставки а или я. Г. Рутковскій подкрѣпилъ мнѣніе И. Е. Забѣлина тѣмъ соображеніемъ, что порогъ есть явленіе постоянное, а перекать—подвижное; въ примѣненіи къ р. Москвѣ о первомъ не можетъ быть и рѣчи, въ виду отсутствія каменной гряды въ данной мѣстности; о перекатахъ же тѣмъ менѣе возможно говорить въ ту полноводную пору. Ему возражалъ Д. Н. Анучинъ, ссылаясь на Олеарія, который встрѣтилъ перекаты на Волгѣ, и инженера Богуславскаго, полагающаго, что влияніе лѣсовъ преувеличено; поэтому, если въ XII вѣкѣ и не было порога, то могъ быть перекать, дававшій себя чувствовать. Язуа—финскаго корня, ибо всѣ рѣчки московской мѣстности съ финскими названіями. С. Ѡ. Платоновъ полагалъ возможнымъ форму Московъ признать прилагательнымъ при не названномъ словѣ: дворѣ, такъ какъ только въ одномъ Ипатскомъ спискѣ находится форма Москова; что въ 1147 году существовало, какъ это и замѣтилъ референтъ, только вотчина княжеская; основаніе же города надо отнести къ 1156 году.

Пренія по реферату маститаго знатока московской старины выяснили, что обѣ теоріи (гг. Забѣлина и Иловайскаго) могли расходиться только по вопросу о томъ, почему именно на водномъ пути

¹⁾ Въ „Историко-археологической поправкѣ“, помѣщенной въ *Моск. Вѣдомостяхъ* 1890, № 22, Д. И. Иловайскій подчеркнулъ свою мысль, говоря, что онъ не предполагаетъ, а прямо „утверждаетъ несомнѣнное существованіе сего порога, видимаго простыми глазами“.

основался городъ не далеко отъ устьевъ рѣчекъ Сходни, Яузы, а не гдѣ-либо на другомъ пунктѣ р. Москвы; но обѣ были далеки отъ мысли искать объясненій внѣ водяныхъ условій движенія. Последнее, конечно, вполне естественно было признать въ виду несомнѣннаго и издавна признаннаго значенія рѣчныхъ путей сообщенія для древней Руси. Эта мысль нашла новое подтвержденіе въ докладѣ— съ этой стороны весьма интересномъ—В. И. Колосова: „Стерженскій и Лопастичскій крестъ въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ“.

Лѣтопись говорить намъ, что въ 1132 году отношенія между Новгородскою и Суздальскою областями значительно обострились; въ 1134 году новгородская партія войны пыталась начать борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и, потерпѣвъ неудачу, свергнула стараго посадника Петрилу, замѣнивъ его своимъ сторонникомъ, Иванкомъ Павловичемъ, который, однако, въ битвѣ съ суздальцами при Жданой горѣ потерпѣлъ неудачу и былъ убитъ. Враждебныя отношенія отозвались на торговыхъ дѣлахъ Новгорода; чтобы не быть въ зависимости отъ рѣчныхъ путей, шедшихъ по Суздальскому княжеству, новгородцы сдѣлали попытку провести новый. Навели референта на эти соображенія слѣдующіе факты. Въ Тверскомъ музеѣ хранится крестъ—монолитъ вѣсомъ въ 57 пудовъ, высотой въ 2 аршина 5 вершковъ, а шириною въ 1 аршинъ 13 вершковъ, съ такою надписью:

Лѣто 5̄х̄м̄а мсца и | юла д̄і дн̄ь по | ѿм̄х̄з рытирѣк | в
сю м̄зз иванко | павловичь | і крѣтъ съ п | оставх̄з.

Крестъ найденъ на правомъ берегу Волги при впаденіи ея въ озеро Стержь. Референтъ полагаетъ, что каналъ долженъ былъ соединить верховья Волги съ рѣкою Полою, притокомъ р. Ловати, обходя такимъ образомъ р. Тверцу. Рылъ новый путь Иванко Павловичъ; не даромъ же онъ былъ ярнымъ антагонистомъ суздальцевъ.

Однородное значеніе со Стерженскимъ каналомъ имѣетъ и Лопастичскій, шедшій изъ Волги по р. Кули черезъ озера Заболотье, Тальское и р. Синюгу. Это подтверждаетъ другой крестъ, найденный у пролива, соединяющаго озеро Лопастичское съ Видбинимъ (1 аршинъ 14¹/₂ вершковъ вышины, 1¹/₂ аршина длина горизонтальной перекладки, 8—10 вершковъ ширины концовъ креста, 5³/₄—6 вершковъ толщина). Обычный путь съ Волги на р. Полу шель не черезъ сѣверную оконечность озера (какъ это думаютъ Ходаковский и Барсовъ), гдѣ берегъ очень гористъ и неудобенъ для волока, а черезъ запад-

ную вѣтвь озера отъ погоста Березовца, гдѣ въ XV вѣкѣ упоминаются двѣ деревни Переволока и Городище.

Большой и подробный рефератъ профессора Киевской духовной академіи В. З. Завитневича — „О крестѣ которымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи, благословилъ преподобный Сергій великаго князя Дмитрія на борьбу съ Мамаемъ“, — представлялъ интересъ, по самой задачѣ своей, довольно условный. Почтенный профессоръ взялъ на себя не легкій трудъ доказать, что демонстрированный имъ крестъ (съ ноября 1888 года поступившій въ Церковно-археологическій музей Киевской духовной академіи) есть настоящій, не подложный; но нельзя сказать, чтобы онъ вполне успѣлъ убѣдить слушателей въ справедливости своихъ заключеній. Надпись (XVII вѣка!) на серебряномъ вызолоченномъ окладѣ деревяннаго креста гласитъ: „Симъ крѣтмъ благословилъ пред. Сергій игуменъ князя Дмитрія на погана прѣя Мамаю и рекъ: симъ побеждаю врага. В лето аѣи Августа кѣз дня“. Никонская лѣтопись разказываетъ, что святитель дважды „благослови крестомъ“ великаго князя: послѣ трапезы въ монастырѣ и на прощанье; въ первый разъ одного, въ другой — вмѣстѣ со свитою. Глаголь же благословить, по мнѣнію г. Завитневича, въ древне-русскомъ языкѣ означаетъ: освѣтить и передать крестъ въ руки. Безъ труда разбивая возраженіе, будто бы обыкновенно благословляли иконами, а не крестами, указаніемъ, что обычай допускалъ одинаково и ту и другую форму благословенія, референтъ старался устранить и второе возраженіе — что крестъ такого вида, какъ разсматриваемый ¹⁾, обыкновенно воздвигался въ церкви или въ кельи: мѣрять такой крупный фактъ, какъ Куликовская битва, нельзя обычною мѣркою и „нельзя допустить“, чтобы преподобный Сергій могъ отпустить князя безъ креста. Есть свидѣтельство, что во время казанскаго похода на знамени царя Ивана Васильевича — былъ водруженъ крестъ, „иже бѣ у прародителя его государя нашего достохвальнаго великаго князя Дмитрія на Дону“. Косвеннымъ доказательствомъ служить и то, что крестъ нигдѣ не сохранился; вѣроятно, въ смуту 1612 года кто-нибудь изъ казаковъ или поляковъ утащилъ его изъ Москвы; не даромъ онъ найденъ гдѣ-то на юго-западѣ Россіи.

Окладъ креста въ настоящее время хранитъ слѣды послѣдова-

¹⁾ Липоваго дерева, „въ связъ“, сколоченъ желѣзными гвоздями, вышина креста — $7\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина $\frac{3}{4}$ вершка, толщина $\frac{3}{8}$ вершка, длина у центральной перегиадины $1\frac{3}{4}$ вершка, у нижней $1\frac{5}{8}$ вершка

тельныхъ наслоеній: древнѣйшую часть его, сохранившуюся весьма плохо, можно отнести къ XIV вѣку, благодаря поразительному сходству съ хранящимися въ Лаврской ризницѣ Троице-Сергіева монастыря окладами: 1) рукописнаго Евангелія великаго князя Симеона Гордаго (1344) и 2) иконы св. Николая Чудотворца, по преданію, стоявшей въ кельѣ преподобнаго Сергія.

Увѣренность г. Завитневича въ подлинности креста не скрываетъ, однако, передъ нимъ и отрицательныхъ указаній. Такъ, онъ сознаетъ нѣкоторую странность того, что фактъ благословенія произошелъ въ XIV столѣтіи, а надпись объ этомъ благословеніи появилась только въ XVII вѣкѣ. Онъ хотѣлъ бы распутать затрудненіе примѣромъ „аналогичнаго“ явленія: завоеваніе Кіева Олегомъ произошло въ 882 году, а записанъ этотъ фактъ въ первоначальной лѣтописи не раньше какъ черезъ двѣсти лѣтъ; наиболѣе же древній письменный документъ объ этомъ событіи (Лаврентьевскій списокъ) отстоитъ по времени на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Референтъ указалъ, что въ литературѣ уже раздались голоса противъ подлинности настоящаго креста: одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ языковѣдовъ помѣстилъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ замѣтку, доказывая, что или авторъ надписи руководился желаніемъ увеличить цѣнность креста, или же позднѣйшій владѣлецъ былъ введенъ въ заблужденіе семейнымъ преданіемъ ¹⁾.

Съ своей стороны, обратимъ вниманіе на фактъ, оставшійся не отмѣченнымъ на съѣздѣ: надпись на крестѣ говоритъ о 27-мъ (к̄з) августѣ, какъ день благословенія Дмитрія Іоанновича крестомъ; между тѣмъ еще 20-го августа великій князь выступилъ въ походъ изъ Коломны, направляясь прямо на югъ ²⁾, что обыкновенно принимается и нашими историками ³⁾. Д. И. Иловайскій даже прямо указываетъ на 18-е августа, какъ день пріѣзда Дмитрія къ преподобному Сергію ⁴⁾, согласно со свидѣтельствомъ Никоновской лѣтописи ⁵⁾.

Докладъ И. А. Линниченка носилъ названіе: „Черты изъ исторіи землевладѣнія въ юго-западной Руси XIV и XV вѣковъ“. По

¹⁾ Кроме того, сравн. *Православное Обзорніе* 1890, № 3, стр. 562.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт. IV, 77; XVI, 110.

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, (изданіе 4-е), стр. 344. Впрочемъ у *Иловайскаго*, Исторія Россіи, II, 119, Коломна замѣнена Москвою.

⁴⁾ *Иловайскій*, II, 117.

⁵⁾ Никоновск. лѣтопись IV, 99.

мѣнню референта, частная земельная собственность была уже довольно развита въ юго-западной Руси княжескаго періода. Формы пріобрѣтенія ея были разнообразны, а княжеское пожалованіе составляло только одинъ изъ видовъ пріобрѣтенія, безъ преобладающаго значенія уже потому, что сами князья владѣли лишь незначительною земельною собственностью; въ ихъ распоряженіи находились только тѣ земли, которыя имъ уступала община на содержаніе ихъ двора; земли, пріобрѣтенныя на одинаковыхъ со всѣми правахъ (покупка и другіе виды частноправнаго пріобрѣтенія); земли пустошорожня, никому не принадлежавшія и колонизованныя княземъ. Уже въ княжескій періодъ земельная собственность свободно обращается, покупается, продается, отдается въ приданое. Землевладѣльцы только въ отдѣльныхъ случаяхъ (княжеское пожалованіе, письменная сдѣлка) имѣли документальныя доказательства своихъ правъ на владѣніе, въ большинствѣ же случаевъ ихъ права опредѣлялись одною только давностью и показаніями свидѣтелей.

Съ переходомъ Галицкой Руси подъ власть Польши условія землевладѣнія измѣнились существеннымъ образомъ: вся территория стала собственностью короля, и отдѣльныя лица потеряли прежнюю полную нравъ на свое земельное имущество; хотя прежніе землевладѣльцы большею частью и утверждаютъ кородемъ въ своихъ старихъ владѣніяхъ, но уже на иныхъ основаніяхъ: земля жалуется отдѣльнымъ лицамъ и притомъ очень рѣдко въ полную собственность, но чаще на правахъ феодальныхъ. Главное условіе—отбываніе воинской повинности съ владѣмаго участка земли. Только въ половинѣ XV столѣтія эта феодальная система, невыгодная для шляхты, падаетъ, а въ Червонную Русь вводится польское право, отдававшее землю въ полную собственность владѣтелей-шляхтичей.

Начиная съ XVI вѣка Русское государство, окрѣпнувъ отъ внутреннихъ смутъ удѣльновѣчеваго времени, особенно усиленно начинаетъ раздвигать свои предѣлы, преимущественно въ направленіи восточномъ. Завоеваніе края идетъ рука объ руку съ постройкою городовъ. Эпоха, сравнительно, не очень отдаленная, а между тѣмъ многими сторонами она уже успѣла затемниться въ нашемъ представленіи. Между прочимъ вопросъ о времени перваго возникновенія поселеній иногда является довольно спорнымъ. Не такъ еще давно затруднялись опредѣлить годъ основанія Уфы и Воронежа. Теперь наступилъ чередъ за Саратовымъ. О. О. Чекалинь въ своемъ рефератѣ: „Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на

правый ея берегъ“ пытался внести просвѣтъ по этому вопросу, и хотя, повидимому, послѣднее слово еще не произнесено, тѣмъ не мѣнѣе нельзя не быть благодарнымъ докладчику за его любопытныя сближенія и серьезныя старанія разобраться по вопросу, представляющемуся и безъ того запутаннымъ въ нашей исторической литературѣ.

Исслѣдователь прежде всего наталкивается на осложненія топографическія: на правомъ или на лѣвомъ берегу рѣки надо искать первоначальнаго поселенія? Г. Чекалинъ рѣшительно отрицаетъ возможность существованія нынѣшняго Саратова ранѣе 1582 года, въ виду того что Христофоръ Борро, служитель англійской торговой компаніи, плававшій по Волгѣ въ 1579—1581 годахъ, совершенно молчитъ о немъ. Раньше въ этомъ пунктѣ, и то на лѣвомъ берегу рѣки существовалъ только древній татарскій поселокъ, указанный, по мнѣнію докладчика, еще Рубруквисомъ въ 1253 году; онъ же на картѣ венеціанскихъ братьевъ Пицигани (1367 г.) отмѣченъ подъ именемъ уаласкі (тюркское яйлакъ, лѣтнее становище), и у Фра-Мауро (1459): Saray¹⁾. Въ концѣ XVI вѣка лѣтопись Шериф-эдина Булгари говоритъ о Сары-тау (желтая гора), городѣ съ мусульманскимъ населеніемъ, все на той же степной сторонѣ. Тутъ же видѣли Саратовъ Олеарій въ 1636, Витзенъ въ 1664 и Стрюйсъ въ 1669 годахъ, очевидно, уже Русское укрѣпленіе, возникшее здѣсь въ 1571 году въ видѣ станицы изъ 135 служилыхъ людей. Этому, повидимому, противорѣчатъ свидѣтельства русскихъ документовъ о существованіи уже въ 1614 году поселенія на правомъ берегу; но референтъ находитъ, что то былъ только посадъ, поставленный въ виду большей безопасности на нагорной сторонѣ; острогъ же продолжалъ стоять на лѣвомъ, вплоть до 1674 года, когда, по словамъ одного документа, „велѣно Саратовъ городъ дѣлать на горахъ новой“. Настоящее распоряженіе какъ разъ совпадаетъ съ временемъ подданства калмыцкаго хана Аюки (1673), въ виду чего степная полоса Саратовскаго Поволжья не нуждалась болѣе въ передовомъ укрѣпленіи. Благодаря тому, что фарватеръ рѣки въ XVII вѣкѣ шелъ восточнымъ рукавомъ Волги, Олеарій, Витзенъ и Крюйсъ видѣли острогъ Саратовскій, но не его посадъ, что упускаютъ изъ виду гг. Леопольдовъ, Артемьевъ и Перетятковичъ. Вслѣдствіе того же

¹⁾ Замѣтимъ отъ себя, что и на Каталанской картѣ 1375 года обозначенъ „Ciutat de Sarra“, на лѣвомъ берегу Волги.

устраняется и замѣчаніе Костомарова, неправильно отрицавшаго правобережный Саратовъ только потому, что въ 1670 году Стѣпка Разинъ бралъ этотъ городъ на лѣвой степной сторонѣ Волги.

Докладчику возражали гг. Багалѣй и Милюковъ, Первый между прочимъ указалъ, что документъ 1614 года упоминаетъ не о поселенномъ мѣстѣ, а о городищѣ, даже пепелищѣ; второй находилъ невозможнымъ сказать послѣднее слово безъ провѣрки документальными данными; необходима справка въ рукописныхъ разрядныхъ 1587—1590 годовъ. Исчезновеніе Саратова на лѣвомъ берегу послѣ 1670 года вѣроятнѣе ставить въ связь съ бунтомъ Разина, чѣмъ съ договоромъ 1673 года.

Ө. Ө. Лашковъ прочиталъ „Обозрѣніе шертныхъ грамотъ по сношеніямъ Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, хранящихся въ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ“. Упомянувъ о литературѣ своего предмета (Вельяминовъ-Зерновъ, Малиновскій, Мурзакевичъ), референтъ ознакомилъ слушателей съ содержаніемъ шертныхъ грамотъ; этотъ матеріалъ рисуетъ взаимныя отношенія Россіи къ Крымскому ханству, отразивъ на себѣ и нѣкоторыя изъ бытовыхъ чертъ, какъ, напримѣръ, стремленія русскихъ торговыхъ людей къ Черному морю, вѣроломство крымцевъ и существованіе въ ханствѣ могущественнаго аристократическаго класса, не мало стѣснявшаго свободное проявленіе воли Гиреевъ.

Съ тѣмъ же азіатскимъ Востокомъ отчасти знакомить насъ и докладъ профессора Н. И. Веселовскаго: „Иванъ Даниловичъ Хохловъ, русскій посланникъ на Востокѣ“. Хохловъ еще при Василии Шуйскомъ отправленъ былъ на Теркъ; но нѣсколько лѣтъ спустя его захватываетъ Заруцкій, успѣвшій, какъ извѣстно, утвердиться на низовьяхъ Волги и провозгласившій царемъ малолѣтняго сына Марины Мнишекъ. Мятежный атаманъ казаковъ скоро отправилъ Хохлова посломъ къ Персидскому шаху Аббасу, съ просьбой о помощи противъ „литовскихъ“ людей, разорявшихъ „его“ государство. Почетное положеніе, какое удалось Хохлову завоевать себѣ въ Персіи, причинило ему потомъ много непріятностей, когда онъ, уже послѣ гибели Заруцкаго, вернулся на родину; впрочемъ Хохловъ успѣлъ оправдаться передъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и скоро (въ 1621 г.) мы его видимъ въ Бухарѣ, удачно ведущимъ переговоры о выдачѣ русскихъ плѣнниковъ.

Чтобъ остаться въ предѣлахъ русско-восточныхъ отношеній, намъ

слѣдуетъ отмѣтить еще три сообщенія гг. Маркевича, Корша и Витевскаго. Профессоръ А. И. Маркевичъ взялъ темою „Пребываніе въ Крыму московскаго гонца подъячачаго посольскаго приказа Василя Айтемирова въ 1692—1695 гг.“ Айтемировъ (докладчикъ пользовался статейнымъ спискомъ) сообщаетъ много вѣрныхъ свѣдѣній по исторіи внутренняго строя Крымскаго ханства, также о Бѣлогородчинѣ (упоминается Хаджибей, нынѣшняя Одесса) и много данныхъ для исторіи Малороссіи, именно Петрика, Стецька и Палія.

„Воззваніе Петра Великаго къ буджакскимъ татарамъ“ отыскано профессоромъ Ѡ. Е. Коршемъ въ турецкомъ переводѣ въ Синодальной библиотекѣ; оно помѣчено февралемъ 1711 года и, значить, было заготовлено заранее, ибо о разсылкѣ универсала на татарскомъ языкѣ впервые упоминается только 7-го мая 1711 года, въ одномъ изъ перученій Петра, данномъ въ Яворовѣ. Универсалъ этотъ, по содержанию, обычное явленіе военнаго времени; въ немъ мало новаго: царь излагаетъ обиды и несправедливости турецкаго султана, призываетъ буджакскихъ татаръ перейти на русскую сторону, въ случаѣ отказа грозя раззореніемъ и плѣномъ. Переводъ могъ бы быть еще интереснымъ для опредѣленія умѣнья переводчика изложить русскій оригиналъ на чуждомъ ему языкѣ. Въ противоположность нашимъ историкамъ, которые относятъ къ ноябрю 1709 года возобновленіе русско-турецкаго мирнаго трактата 1700 года, въ настоящемъ воззваніи царя, равно какъ и въ манифестѣ его о войнѣ 1711 года, говорится о 1710.

В. Н. Витевскій приготовилъ къ съѣзду докладъ: „О походномъ храмѣ, пожалованномъ Петромъ Великимъ калмыцкому тайшѣ Петру Петровичу, внуку хана Аюки“. Внуку Аюки крестился съ семьею и всею своею ордою; воспріемникомъ его былъ самъ царь, по повелѣнію коего и устроенъ былъ настоящій храмъ. Іеромонахъ Никодимъ Маркевичъ назначенъ былъ состоять при немъ священникомъ. Въ 1764 году храмъ достался Неплюеву, подъ управленіемъ котораго въ то время находились ставропольскіе калмыки. Нынѣ эта святыня хранится въ г. Оренбургѣ, въ тамошнемъ (Неплюевскомъ) кадетскомъ корпусѣ. Референтъ далъ подробное описаніе храмоваго иконостаса.

Ко времени Петра Великаго можно приурочить еще два сообщенія, но уже посвященныя сношеніямъ Россіи съ Востокомъ христіанскимъ, а не мусульманскимъ: X. М. Лопарева: „Іерусалимскій патриархъ Хрусанъ и его отношенія къ Россіи“, и А. А. Дмитріевскаго: „Греческое Нѣжинское братство и его уставъ“.

Будучи еще въ санѣ архимандрита Гроба Господня, Хрусанеъ Нотара, посланецъ патріарха Досиея, въ самомъ концѣ XVII вѣка, былъ въ Москвѣ два или три раза для сбора пожертвованій въ пользу іерусалимской святыни. Въ Россіи онъ познакомился со многими выдающимися лицами того времени: патріархомъ Адріаномъ, Стефаномъ Яворскимъ, Теофаномъ Прокоповичемъ, братьями Лихудами, Киевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, черниговскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ, графомъ Головкинымъ, гетманомъ Мазепой, Николаемъ Головиннымъ и Ѳеодоромъ Поликарповымъ. Въ Москвѣ онъ приобрѣлъ много враговъ, напримѣръ, преподавателей Славяно-греко-латинской академіи, а также греческаго авантюриста Арсенія Булгариса; но имѣлъ также и доброжелателей; наиболѣе вліятельными изъ таковыхъ былъ патріархъ Адрианъ. Недруги Хрусанеа сдѣлали даже доносъ французскому резиденту въ Константинополь, будто бы архимандритъ пріѣзжалъ въ Москву для возбужденія Петра I къ войнѣ съ Турціей. Избѣгая опасностей, раздраженный противъ русской политики, Хрусанеъ уѣхалъ за границу: въ Падуѣ онъ изучалъ каноническое право, а въ Парижскомъ университетѣ—астрономію; здѣсь же онъ познакомился съ Ле-Кеномъ и часто диспутировалъ съ сорбонскими богословами и дофиномъ Ледовикомъ. Въ 1707 году, по смерти Досиея, онъ занялъ іерусалимскій патріаршій престолъ. Въ первую половину своего правленія Хрусанеъ продолжалъ сохранять непріязненные отношенія къ русской политикѣ (еще въ 1696 году онъ, по видимому, завелъ какія-то сношенія съ Мазепой, остерегаясь предать ихъ гласности) и, говорятъ, былъ даже назначенъ казацкимъ патріархомъ. Но со времени мира между Россіей и Турціей Хрусанеъ какъ будто измѣнился: всѣ свѣдѣнія указываютъ на дружелюбное настроеніе Іерусалимскаго патріарха: къ Московскому патріархату онъ питаетъ глубокое уваженіе; съ русскими духовными лицами и государственными дѣятелями поддерживаетъ знакомство, посылая имъ свои произведенія съ просьбою перевести ихъ по русски и напечатать; русскихъ паломниковъ (Нечаева, Барскаго) принималъ самымъ гостепріимнымъ образомъ и помогъ послѣднему даже деньгами. Для утвержденія синода въ Россіи Хрусанеъ однако не прислалъ отъ себя грамоты: говорятъ, онъ лежалъ въ это время больной въ постели.

Содержаніе доклада А. А. Дмитріевскаго сводилось къ слѣдующему: прототипъ нашихъ южно-русскихъ братствъ надо искать въ Венеціи, но самые источники болѣе чѣмъ недоступны. Референтъ

отыскалъ документы о Нѣжинскомъ братствѣ и по нимъ разказалъ его исторію. Универсалъ Богдана Хмельницкаго 1657 года особенно способствовалъ населенію Нѣжина греками. Новая колонія росла быстро, и скоро уже возникаетъ братство. Его фундаторомъ и душою въ первые годы существованія былъ священникъ Христофоръ (Хри-стодуль) Дмитріевъ (умеръ 1696 г.). Дѣятельность послѣдняго рефе-рентъ разобралъ очень подробно; съ такимъ же вниманіемъ остано-вился онъ и на уставѣ, выработанномъ въ 1697 году. Братство про-существовало до 1772 года, когда распоряженіемъ императрицы Ека-терины II превращено въ Нѣжинскій магистратъ, впрочемъ больше по названію, такъ какъ внутренній строй его остался неизмѣненнымъ.

Въ числѣ 329 „Вопросовъ и запросовъ, не получившихъ оконча-тельной разработки на первыхъ семи археологическихъ съѣздахъ“, находятся два такихъ: подъ № 222 — „Въ Тверскомъ музеѣ нахо-дится лѣтописная дубовая доска, показанная по описи подъ № 2018, съ слѣдующею надписью: „Лѣта 7158 (1650) году мѣсяца апрѣля въ 23 день, на память святаго славнаго великомученика и побѣдоносца Георгія. А сію обитель строилъ и о въ селѣ Вячевѣ игумень Тео-досій“. Гдѣ былъ упоминаемый въ этой надписи монастырь—неиз-вѣстно, такъ какъ села Вячева по списку населенныхъ мѣстностей Тверской губерніи не значится. Почему желательно было бы раз-скать мѣстность, гдѣ находился означенный монастырь“; подъ № 306— „Гдѣ находилось село Ячево, близъ Твери, близъ котораго монастырь св. Георгія?“ А. И. Соболевскій ¹⁾ показалъ, что никакого села Вя-чева или Ячева никогда и не существовало. Недоразумѣніе вышло отъ ошибочнаго чтенія надписи. Слова, напечатанныя курсивомъ (приведены выше) надо читать: Иовъ Селевачевъ. Такимъ образомъ названіе села превращается въ наименованіе лица ²⁾.

Внутренній строй Московскаго государства былъ затронутъ въ нѣ-сколькихъ рефератахъ. „Почему назывались выписки изъ писцовыхъ книгъ, даваемыхъ городамъ, по ихъ челобитнымъ сотными грамо-тами?“ Этотъ вопросъ пробовалъ разрѣшить А. С. Гацискій, ставя „сотную грамоту“ въ связь со стариннымъ дѣленіемъ городовъ на сотниковъ, сотскихъ, наконецъ, съ выраженіями: писцовая, старая

¹⁾ „О селѣ Вячевѣ или Ячевѣ“.

²⁾ Позволимъ себѣ поставить одинъ вопросъ: было ли „Иовъ Селевачевъ“ мирское имя игумена Θεοδοσία, или это два разныхъ лица? Поэтому какъ надо читать: *строилъ* или *строили*?

сотня и т. п. Однако, прямого отвѣта на вопросъ референтъ дать не рѣшился.

Н. Н. Ардашевъ въ рефератѣ своемъ— „Къ вопросу о коллегіальности приказовъ“—рѣшительно отказывался признать существованіе коллегіальной системы въ приказахъ Московскаго государства. Въ виду того, что автору настоящихъ строкъ пришлось во время самаго засѣданія выступить съ нѣкоторыми возраженіями противъ референта ¹⁾, то, во избѣжаніе сколько-нибудь ошибочной передачи, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ изложить содержаніе реферата г. Ардашева собственными словами докладчика, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ любезно былъ предоставленъ въ наше распоряженіе.

„Вопросъ о коллегіальности въ устройствѣ и дѣятельности приказовъ“ поднятъ уже давно. Исслѣдователи центрального Московскаго управления по необходимости касались и его, иногда затрогивая вскользь, иногда же останавливаясь на немъ болѣе пристально. По этому предмету было высказано въ литературѣ много не только частныхъ мыслей, но и общихъ положеній, въ которыхъ вопросъ рѣшался то въ пользу коллегіальнаго начала (Лихачевъ), то въ пользу личнаго начала (Кавелинъ), а иногда видно уклоненіе отъ прямой постановки его (Дмитріевъ). Что касается частныхъ мыслей по этому предмету, то здѣсь можно встрѣтить всевозможные оттѣнки и въ разныхъ направленіяхъ. Подходя къ прошлой эпохѣ приказовъ съ современнымъ понятіемъ коллегіальности, считаютъ нужнымъ упростить это понятіе, и тогда имѣютъ въ виду не внѣшнюю обстановку коллегіальности, какъ-то: рѣшеніе большинствомъ голосовъ, баллотировки шарами, протоколы засѣданій съ пришитыми къ нимъ отдѣльными мнѣніями и т. п., а сущность дѣла (Лихачевъ). Понятіе коллегіальности расчленяютъ на двое и, видя въ составѣ присутствія нѣсколькихъ лицъ, признаютъ за приказами внѣшнюю коллегіальность, не допуская ее во внутреннемъ устройствѣ, гдѣ усматриваютъ личное начало (Дмитріевъ). Чтобы выйдти изъ затрудненія, вызываемаго двойственностью данныхъ по этому предмету, придаютъ рѣшающее значеніе моменту возникновенія приказовъ, но и тутъ одни видятъ чисто личное начало (Дмитріевъ), другіе коллегіальное, какъ отлич-

¹⁾ Мы говорили, что рѣшительно склоняться на ту или другую сторону пока еще нельзя, такъ какъ источники, охватывающіе дѣятельность коллегій, еще не вполне изучены; въ учрежденіяхъ же Петра Великаго скорѣе можно видѣть слѣды существованія коллегіальности, какъ формы уже готовой и сложившейся еще ранѣе.

тельную черту (Лихачевъ). Разсматривая предметъ съ юридической точки зрѣнія, признають существованіе такого юридическаго начала, оговариваясь только относительно систематическаго проведенія его (Лихачевъ), или же, не находя юридическихъ постановленій о взаимныхъ отношеніяхъ судей въ приказѣ, какъ равныхъ, не допускають возможности и существованія коллегіальныхъ порядковъ (Кавелинъ). Становясь на точку зрѣнія историческаго развитія формъ, усматривають въ устройствѣ и дѣятельности приказовъ зародыши, зачатки коллегіальности, которые не могли только развиться до Петра Великаго, находясь подъ вліяніемъ прежнихъ началъ управленія. Иногда стараются избѣжать употребленія самаго термина „коллегіальное начало“ и говорятъ о совѣщательномъ началѣ, при чемъ то отрицають его по отношенію къ приказамъ (Тропина), то готовы, повидимому, искать въ этомъ выходъ изъ затрудненія (Кавелинъ); то и другое сливають также въ одно, и на сцену является совѣщательно-коллегіальное начало. Желая быть ближе къ терминологіи изучаемой эпохи, говорятъ о товарищескѣ московскихъ чиновниковъ, о товарищескомъ началѣ въ приказахъ, не безъ колебанія, приравнять ли его къ началу коллегіальному, признавши за нимъ коллегіальный отгѣнокъ, или же признать чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ (Лихачевъ). Наконецъ, есть попытка самую коллегіальность, допускаемую въ приказахъ, сблизить посредствомъ обязательности единогласнаго рѣшенія съ порядкомъ единоличнаго рѣшенія бюрократическаго суда (Есиповичъ). Эти мысли приведены были референтомъ не для того, чтобы подвергнуть ихъ разбору, а чтобы показать, что на почвѣ анализа понятія коллегіальности вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, такъ какъ недостаетъ нѣкоторыхъ данныхъ, напримѣръ, о способѣ рѣшенія дѣлъ судьями, когда ихъ было нѣсколько.

„Главною задачею реферата г. Ардашева и было сообщить нѣкоторыя данныя въ этомъ направленіи по отношенію къ одному изъ приказовъ, именно помѣстному. Данныя эти двоякаго рода: одни идутъ отъ начала XVIII столѣтія и заключаются въ „Проектъ устройства вотчинной коллегіи“, гдѣ новые коллежскіе порядки часто сравнивають съ старыми приказными; другія же современны приказу и заключаются въ „Записныхъ книгахъ приговорамъ“, сохранившихся, начиная съ 1669 года. Свидѣтельство, идущее отъ XVIII столѣтія, прямо утверждаетъ, что въ помѣстномъ приказѣ отправленіе всѣхъ дѣлъ совершалось „въ разныя руки“, „во многія руки“ заразъ и единовре-

менно. Рассмотрѣніе записныхъ приговоровъ книгъ показываетъ, что въ помѣстномъ приказѣ было строгое раздѣленіе дѣлъ прежде всего на „спорныя дѣла“ и „неспорныя дѣла“. Тѣ и другія слушались судьями особо, тѣмъ и другимъ велась особая протокольная записка. Спорныя дѣла слушали и вершили „главные судьи“ приказа (бояринъ, окольничій, думный дьякъ...); неспорныя дѣла слушали и помѣчали, и указы по нимъ посылали дьяки „собою“, „безъ доклада главныхъ судей“. Тѣ и другія записныя книги носятъ разныя заглавія: первыя—„боярскаго слушанья“, „боярскаго вершенья“; вторыя—„дьячья слушанья“. Въ свою очередь неспорныя дѣла распределялись между всѣми дьяками, которыхъ бывало до семи человекъ, и каждый дьякъ слушалъ и помѣчалъ свое дѣло особо. Точно также и главные судьи, если при бояринѣ былъ въ товарищахъ окольничій, рѣшали спорныя дѣла не вмѣстѣ, а врозь, и рѣшеніямъ ихъ велась отдѣльная записка (Троекуровъ и Полибинъ въ 1673 г.). Такой порядокъ не покажется удивительнымъ, если счесть число дѣлъ, рѣшавшихся приказомъ ежегодно. Въ 1680 году, напримѣръ, значится по записнымъ книгамъ спорныхъ дѣлъ 1553, да не спорныхъ 6605, что составитъ 8158 номеровъ.

„Таковъ былъ обычный порядокъ теченія дѣлъ въ Помѣстномъ приказѣ къ концу XVII столѣтія, и тутъ не было мѣста коллегіальности или чему-нибудь подобному. Но можно указать и на отступленія. Такъ, когда въ Помѣстный приказъ долго не былъ назначаемъ главный судья (по смерти Автомона Иванова), тогда дьяки приказа, рѣшавшіе неспорныя дѣла по прежнему единолично, для рѣшенія спорныхъ дѣлъ собирались группами по три, по четыре и по пяти человекъ изъ числа всѣхъ дьяковъ (семь человекъ). Въ этомъ случаѣ очевидна коллективность рѣшенія, но нельзя еще утверждать, что это была коллегіальность, потому что неизвѣстно, было ли тамъ рѣшеніе по большинству голосовъ (критерій коллегіальности) или исключительно единогласное.

„Итакъ, по мнѣнію референта, внутреннее устройство въ Помѣстномъ приказѣ къ концу XVII столѣтія представляетъ довольно сложную, но при этомъ очень правильную схему распредѣленія дѣлъ между судьями, схему, которая была основана на личномъ началѣ, при чемъ только при исключительныхъ условіяхъ выступала коллективность рѣшенія.

„Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ попытку съ точки зрѣнія добытыхъ фактовъ взглянуть на то мѣсто Уложенія, гдѣ говорится о

рѣшеніи дѣлъ судьями „вопче“; а также приведено было современное свидѣтельство Котошихина о рѣшеніи дѣлъ въ приказахъ судьямъ „всѣмъ вмѣстѣ и безъ единого и единому безъ всѣхъ“, какъ совпадающее съ установленной схемой устройства въ Помѣстномъ приказѣ“.

Тѣмъ же приказамъ, или точнѣе одному изъ нихъ, посвященъ былъ и рефератъ А. А. Гоздаво-Голомбѣвскаго— „О столахъ разрядныхъ приказовъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVII вѣка“. Докладчикъ отвергаетъ мнѣніе казанскаго профессора Н. П. Загоскина, будто бы въ Рязрядѣ было девять столовъ, и на основаніи старыхъ описей и „записныхъ книгъ“ уменьшаетъ первоначальное число ихъ до пяти (столы: московскій, новгородскій, хлѣбный, приказный или послужной и денежный).

Рефератъ В. Н. Сторожева касался „Десятень, какъ источника для изученія исторіи русскаго провинціального дворянства въ XVI и XVII вѣкахъ“. Опредѣленіе десяти, какъ документа, сдѣланное Н. В. Калачовымъ и А. А. Востоковымъ, признается не точнымъ. Лучше всего опредѣлять ее путемъ сравненія съ писцовыми книгами, какъ документомъ до извѣстной степени аналогичнымъ. Писцовая книга помимо помѣстной жалованной грамоты служила для дворянина Московскаго государства гарантіею его правъ на извѣстную земельную дачу; десятиа была для него гарантіею правъ на извѣстный окладъ (помѣстный или денежный). Писцовая книга рисуеъ намъ землю служилаго человѣка и ея особенности; десятиа — самого служилаго человѣка и его особенности. Писцовая книга преслѣдуетъ фискальныя цѣли въ правильномъ опредѣленіи количества налоговъ, слѣдуемыхъ съ земель и промысловъ въ казну; десятиа же слѣдитъ за службою служилаго человѣка, а потому и за его правомъ владѣть землею и получать жалованье. И десятиа, и писцовая книга создались изъ потребностей государства, служили прежде всего цѣлямъ государственнымъ, а не сословнымъ. Такимъ образомъ, десятиа суть описанія уѣздныхъ служилыхъ людей (дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ), составлявшіяся, по мѣрѣ надобности, въ финансово-стратегическихъ интересахъ государства и получившія значеніе юридическаго доказательства на право владѣнія населеннымъ помѣстьемъ. Изучая десятиа, постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду, что она лучше и яснѣе говоритъ, когда приводится въ непосредственную связь съ другими документами, напримѣръ, писцовыми книгами, списками служилыхъ людей и другими. Десятиа — документъ статистическій по

преимущество и, какъ таковой, необыкновенно однообразенъ. Мало облегчая изученіе правовыхъ нормъ дворянскаго землевладѣнія въ XVI и XVII вѣкахъ, десятни за то оказываются прекраснымъ источникомъ для знакомства съ военною организаціей помѣстной дворянской конницы. Численный составъ по каждому городу, нормальное распредѣленіе и боевой строй, порядокъ раздачи денежнаго жалованья, дѣленіе провинціального дворянства на разряды и условія отбыванія трехъ службъ (дальней, ближней и осадной) — вотъ главное, о чемъ говорятъ десятни. Выѣстъ съ тѣмъ десятни даютъ возможность прослѣдить степень тщательности, съ какой Разрядъ наблюдалъ за наличнымъ составомъ служилаго дворянства каждого города и, благодаря особеннымъ техническимъ приемамъ составленія, группируютъ массу мелкихъ подробностей относительно отдѣльных лицъ, — подробностей, такъ или иначе соприкасающихся съ военною службою. Кажется, даже, полагаетъ референтъ, что, сгруппировавъ эти подробности въ извѣстномъ порядкѣ и подборѣ, можно нарисовать общую картину внѣшняго положенія провинціального дворянства въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ, десятни — весьма важный источникъ для генеалогіи русскаго государства. Однако, составленіе генеалогическихъ таблицъ по однимъ только десятнямъ невозможно. Для подобной работы безусловно необходима помощь писцовыхъ книгъ. То же обращеніе къ писцовой книгѣ отъ десятни любопытно и при изученіи вообще подробностей о какой-либо отдѣльной фамилии ¹⁾.

Второй докладъ В. Н. Сторожева носитъ названіе: „Засѣчныя книги, какъ историко-географическій источникъ“, при чемъ референтъ демонстрировалъ опытъ восстановленія на современной картѣ засѣчныхъ чертъ въ мѣстностяхъ Калужской, Тульской, Рязанской и отчасти Тамбовской губерній. Изучивъ этотъ родъ источниковъ, докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Дошедшія до насъ засѣчныя книги всѣ суть собственно дозорныя книги засѣкъ. По нимъ безъ всякой помощи мѣстнаго изслѣдованія можно болѣе или менѣе точно восстановить засѣчныя черты XVII вѣка. Можно уловить три главныхъ типа дозорныхъ книгъ засѣкъ, встрѣчающихся отдѣльно

¹⁾ Напомнимъ, что интересующіеся литературою о десятняхъ найдутъ ихъ въ другомъ трудѣ референта: Указная книга Помѣстнаго приказа. М. 1889. (Историко-юридическіе матеріалы, издаваемые Московскимъ архивомъ министерства юстиціи. Вып. I), гдѣ пропущено лишь указаніе на книгу Н. П. Ликачева, „Разрядные дѣянія XVI вѣка“, вскользь упоминающую о десятняхъ (свѣдѣніемъ этимъ мы обязаны самому В. Н. Сторожеву).

или вмѣстѣ. Одинъ занятъ исключительно описаніемъ „засѣчнаго межевого дерева“ („стоитъ дубъ, на немъ насѣчена грань вновь, возлѣ ево яма; а отъ дуба съ гранью и отъ ямы по натесомъ дубъ съ гранью“ и т. д.). Другой типъ, давая такое же межевое описание засѣчной черты, дѣлитъ ее на „звенья“ (то-есть, описываетъ по отдѣльнымъ ея частямъ, порученнымъ въ надзоръ извѣстнымъ ближайшимъ населеннымъ пунктамъ), прибавляетъ нѣкоторыя топографическія подробности и противъ каждаго звена отмѣчаетъ порухи. Наконецъ, третій типъ посвященъ записи укрѣпленій и засѣчныхъ порухъ разнаго рода. Описание укрѣпленій любопытно и для археолога, и для военного историка, изучающаго приемы и способы защиты и нападенія въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Помимо интереса историко-географическаго и, такъ-сказать, стратегическаго (характеръ направленія засѣкъ, ихъ расположеніе, организація засѣчной стражи и надзора, система и средства обороны), засѣчныя книги имѣютъ несомнѣнный археологическій интересъ, какъ любопытное хранилище терминовъ, касающихся укрѣпленій искусственно возводившихся на засѣчныхъ чертахъ.

VI.

Литературная старина.

Если вообще не легко было связать одной общею нитью отдѣльные рефераты предыдущихъ отдѣловъ, то еще труднѣе достигнуть этого въ настоящемъ отдѣлѣ, тѣмъ болѣе, что „литературная старина“ очень близко соприкасается со стариною „церковною“; и мы заранѣе спѣшимъ оговориться, что не стоимъ строго за разграниченіе, принятое для этой и слѣдующей главъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо приходится ограничиться простымъ перечнемъ прочитаннаго.

Сообщеніе А. С. Будиловича — „Къ вопросу о зарожденіи церковно-славянскаго языка“ — старалось доказать малоазійское происхожденіе языка, на который перевели святыя Кириллы и Меѳодій богослужебныя книги. Сколько-нибудь точнымъ руководителемъ въ такомъ загадочномъ вопросѣ, какъ настоящій, можетъ быть лишь Панновское житіе славянскихъ первоучителей. Между тѣмъ изъ него оказывается, что не Солунь, а Царьградъ былъ мѣстомъ пребыванія Константина и въ юношескіе, и въ зрѣлше годы, а среди славянъ

византійской столицы, конечно, преобладали, элементы малоазійскіе; тамъ-то нашель великій апостоль славянъ „споспѣшниковъ“ при составленіи своей азбуки. (Не даромъ и Меѳодій былъ игуменомъ Полихроміевскаго монастыря подъ Олимпомъ, недалеко отъ столицы греческихъ императоровъ). Въ удѣлѣвшихъ редакціяхъ основнаго текста Кирилловыхъ книгъ референтъ не находилъ никакого совпаденія ни съ однимъ изъ удѣлѣвшихъ славянскихъ нарѣчій, если же и допускалъ какое приближеніе, то развѣ къ разнорѣчіямъ болгаро-ѳрако-македонскимъ. Оспаривая паннонизмъ церковно-славянскаго языка, нашедшій защитниковъ въ лицѣ Миклошича и Ягича, профессоръ Будиловичъ косвенную поддержку своему взгляду искалъ между прочимъ въ томъ, что послѣдній изъ названныхъ ученыхъ будто бы призналъ неудовлетворительность своей гипотезы, говоря въ послѣднее время не о паннонскомъ, а паннономоравскомъ происхожденіи. Предвидя, что такая экстерриториальность происхожденія языка покажется странною, докладчикъ спѣшилъ указать на аналогичныя, по его мнѣнію, условія образованія греческаго языка за предѣлами европейской Эллады—въ Іоніи; *dolce stile nuovo*—въ полуарабской Сициліи; на то что Англія была первою школою литературнаго французскаго языка, что языкъ Лютера и Лессинга зародился въ чешской Прагѣ при канцеляріи Карла IV; да что, наконецъ, и наша литературная рѣчь XVIII и XIX вѣковъ большею частью прилежить къ заморскому Петербургу, чѣмъ къ русской Москвѣ ¹⁾).

Профессору Будиловичу возражалъ Ѳ. Е. Коршъ, профессоръ Московскаго университета. Онъ доказывалъ неправильность только что приведенныхъ аналогій и полную натянутость малоазійской теоріи, такъ какъ о нарѣчій малоазійскихъ славянъ намъ ровно ничего неизвѣстно. Церковно-славянскій языкъ всего ближе къ болгарскому и новославянскому. Языкъ Кирилла, очевидно, былъ понятенъ его слушателямъ въ Велико-Морави, и естественнѣе предположить, что оба нарѣчія: проповѣдника и западно-славянскихъ его учениковъ въ главныхъ чертахъ были близки одно къ другому. Вотъ почему правильнѣе гипотеза, по которой церковно-славянскій языкъ зародился не въ Азіи, а въ Европѣ, именно на Балканскомъ полуостровѣ, въ

¹⁾ Сравни между прочимъ замѣчанія, высказанныя г. Будиловичемъ въ его рецензіи на книгу И. И. Малышевскаго: „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887, № 6).

Болгаріи и Панноніи. Можно даже думать, что славяне этихъ двухъ областей нѣкогда составляли одно племя, позже разорванное чужеземнымъ вторженіемъ. А. С. Будиловичъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, въ частности опровергалъ послѣдній домыслъ противника тѣмъ, что если можетъ идти рѣчь о единствѣ племенномъ, то не позже V. VI вѣковъ, то-есть, до вторженія аварь, а между тѣмъ Кириллъ и Меодій проповѣдывали въ IX столѣтіи, когда разрывъ—если только онъ когда-либо имѣлъ мѣсто—долженъ былъ стать уже совершившимся фактомъ.

Къ области народной словесности относился докладъ М. С. Дринова: „Сказаніе о Святогорѣ и тягѣ земной, въ южно-славянской народной поэзіи“. Недавно въ болгарскомъ журналѣ Библіотека Свети Климентъ напечатана македонская народная пѣсня, чрезвычайно близкая къ русскому сказанію о Святогорѣ и земной тягѣ; отличія—въ большей или меньшей подробности, съ какою трактуются нѣкоторые эпизоды. Профессоръ Дриновъ очень подробно изложилъ болгарское произведеніе—въ этомъ собственно и заключался его докладъ—богатое красками и полное самой неподдѣльной поэзіи.

Н. А. Янчукъ въ рефератѣ: „Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи“ — отстаиваетъ новый методъ изученія народной словесности, успѣвшій дать на первыхъ же порахъ цѣнные результаты, а именно — путь частнаго изученія деталей поэтическихъ мотивовъ, вошедшихъ въ составъ того или другаго памятника. Для образца были разобраны двѣ небольшихъ обрядовыхъ пѣсни юго-западной Руси: одна — свадебная, распѣваемая поѣзжаемыми на пути въ церковь, и другая—касающаяся выбора дѣвушки въ невѣсты.

Народныя представленія о природѣ затронулъ А. Д. Карнѣевъ въ рефератѣ: „Отзвуки „Физиолога“ въ живой рѣчи“. Физиологъ — сборникъ статей естественно-историческаго содержанія, приуроченныхъ къ цѣлямъ религиознымъ и нравственнымъ. Матеріаломъ или, точнѣе говоря, первоначальнымъ зерномъ для Физиолога послужили толкованія отцовъ церкви, которые пользовались ходячими преданіями о животныхъ для болѣе конкретнаго разъясненія христіанскихъ истинъ. Физиологъ извѣстенъ одинаково и на востокѣ, и на западѣ. Физиологическими сказаніями пользуются Данте, Шекспиръ, Сервантесъ, Леонардо-да Винчи для своихъ произведеній. Средневѣковая проповѣдь, зодчество и живопись, орнаментъ и заставки на рукописяхъ несутъ слѣды вліянія того же памятника. Наконецъ и въ нѣкоторыхъ поговоркахъ, бранныхъ выраженіяхъ, образныхъ оборотахъ со-

временной рѣчи слышатся пережитки того же Физиолога. Такова, напримеръ, французская поговорка: plus froid que la salamandre; или у насъ: „крокодиловы слезы“ (выраженіе, извѣстное со временъ Дамакина Студита и Василія Великаго), „ехидный“, „аспидъ“, „изверже злый, аки ехидно рожденіе“ (въ примѣненіи къ кознямъ Бориса Годунова) и пр.

О томъ же литературномъ памятникѣ докладывалъ А. В. Михайловъ: „О „Физиологѣ“ въ древне-русской литературѣ“. Референтъ изложилъ сперва его содержаніе, находя, что часть первообразовъ надо искать въ восточной миеологіи, позже переработанныхъ писателями Александрійской школы. Переведенный съ греческаго на русскій въ XI — XII вв. (если не раньше) ¹⁾, Физиологъ оставался почти неизвѣстнымъ нашимъ предкамъ вплоть до XV столѣтія, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется потеря списковъ болѣе ранняго времени ²⁾. До тѣхъ же поръ въ оборотѣ находился переводъ какой-то иной редакціи греческаго оригинала, получившій, путемъ Толковой Пален, большую популярность. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ появляется еще новый переводъ Физиолога. Вѣкомъ позже моральная сторона памятника отходить на задній планъ, будучи отгѣснена стороною практическою: Физиологъ начинаютъ цѣнить болѣе всего за сводъ указаній на лѣчебныя свойства медицинскихъ растеній.

Къ сферѣ тѣхъ же понятій, что и сейчасъ названные доклады, относится рефератъ А. И. Кирпичникова: „О Страхиль-птицѣ“. Сближеніе этого фантастическаго пернатого съ подобными ему птицами: страусомъ, пеликаномъ, аистомъ и орломъ, по скольку они нашли свое отраженіе въ литературахъ римской, нѣмецкой и византійской, позволяетъ говорить о ихъ большомъ сходствѣ, а иногда и о полномъ тождествѣ. Докладчикъ полагаетъ, что Страхиль-птица имѣетъ литературныхъ родичей и на отдаленномъ востокѣ.

Другой рефератъ А. И. Кирпичникова ³⁾ былъ посвященъ „Особому виду творчества въ древне-русской литературѣ“. Докладчикъ открылъ, что въ оригинальномъ греческомъ житіи св. Дмитрія Солунскаго нѣтъ описанія чуда „о двою дѣвицю, еже отъ Срацивъ въ церковь свою принесе“, составляющаго наиболѣе суще-

¹⁾ А. И. Соболевскій отвергалъ это: по его мнѣнію, Физиологъ переведенъ не раньше XIV столѣтія и несомнѣнно юго-славянскою редакцію.

²⁾ Наиболѣе ранніе списки Физиолога не восходятъ далѣе XV вѣка.

³⁾ Онъ уже напечатанъ въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 4.

ственную часть русскаго народнаго стиха объ этомъ святителѣ. Это даетъ возможность референту сдѣлать выводъ объ „особомъ видѣ творчества въ древне-русской литературѣ“: рамки литературной производительности нашихъ предковъ приходится раздвинуть и ввести въ нихъ обработку чудесъ о греческихъ святыхъ.

Докладъ г. Кирпичникова имѣетъ точки соприкосновенія съ третьимъ его сообщеніемъ о „Взаимодѣйствіи иконописи и словесности, народной и книжной“. Въ немъ выставлены слѣдующія пять положеній. 1) Апокрифы и въ частности апокрифическія евангелія оказали сильнѣйшее вліяніе на иконопись, можно сказать, породили богатство ея содержанія и разнообразіе ея формъ. 2) Церковныя пѣснопѣнія и другія популярныя лирическія произведенія христіанскихъ писателей, въ родѣ Симеона Логоета, не только обусловили распространенность иконописныхъ сюжетовъ, но и служили темами для особаго вида оригинальной русской иконописи (въ родѣ иконъ Единороднаго Сына и др.). 3) Миниатюра — есть звено между письменностью и иконописью. 4) Словесность сильно вліяла на измѣненіе старыхъ формъ иконописи и гораздо рѣже сохраняла традицію. 5) Иконопись часто служитъ посредствующимъ звеномъ между словесностью книжной и устной, такимъ образомъ, что извѣстное представленіе, порожденное апокрифомъ или риторическимъ толкованіемъ Св. Писанія, или, наконецъ, поэтической фигурой, въ свою очередь порождаетъ или цѣлое народное сказаніе, или характерную его подробность, которая, при невниманіи къ этому фактору, можетъ завести изслѣдователя въ дебри произвола и натяжекъ.

Развитію пятаго положенія собственно и былъ посвященъ рефератъ г. Кирпичникова. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, имъ приведенныхъ, укажемъ слѣдующіе два. Такъ икона Рождества Христова съ изображеніемъ коня и быка (въ Великороссіи; осла и вола — въ Малороссіи) у яслей Спасителя породила два народныхъ сказанія; изъ коихъ первое повѣствуетъ о томъ, какъ оселъ и волъ укрывали новорожденнаго Христа соломой и согрѣвали его своимъ дыханіемъ; въ другомъ же разказѣ конь отъ жадности вытаскивалъ солому, за что и наказанъ вѣчнонеутолимымъ голодомъ, тогда какъ волъ награжденъ вѣчною сытостью. Другой примѣръ: „Введеніе во храмъ“ изображаетъ Матеръ Божию сидящую на вышкѣ въ Святая Святыхъ и какъ бы ожидающую ангела, который питаетъ ее небесною пищею; это порождаетъ мусульманскую легенду о томъ, какъ Захарія заключилъ Пресвятую Дѣву въ башню.

Докладъ г. Киричаникова встрѣтилъ принципіальнаго антагониста въ лицѣ В. С. Арсеньева, выступившаго даже нѣсколько дней спустя съ контръ-рефератомъ: „Мнѣніе о доисторическомъ и символическомъ элементахъ въ археологическомъ изученіи древней церковной иконописи“¹⁾: въ немъ развивалась та мысль, что догматическая сторона иконы и ея символизмъ всегда оказывали сильное воздѣйствіе на письменное творчество; древняя иконографія традиціонно типична, и изображенія, одобренныя церковью, ничего не имѣли общаго по своему происхожденію съ произведеніями, ею отвергнутыми.

Н. И. Троицкій, не отрицая положеній референта, выставилъ на видъ, какъ сами представители церкви не чужды были заблужденій: Максимъ Грекъ искренно убѣжденъ въ существованіи людей съ пѣсьими головами; на иконостасѣ Благовѣщенскаго собора рядомъ съ христіанскими святыми помѣщены изображенія Гомера, Аристотеля и др. А съ подобными фактами поневолѣ надобно считаться. И. В. Цвѣтаевъ выставилъ на видъ пользу собранія лучшихъ образцовъ иконописи въ одинъ общедоступный сводъ, но непременно только по опредѣленно выработанной общей программѣ.

Очень важный вопросъ затронуть былъ М. Н. Сперанскимъ въ докладѣ: „Славянскія апокрифическія евангелія“. Подобно другимъ отверженнымъ книгамъ, и евангелія явились, одинаково на востокѣ и на западѣ, выраженіемъ потребности получить отвѣтъ и разъясненіе на вопросы или обойденныя, или только слегка затронутыя въ твореніяхъ каноническихъ. Обыкновенно апокрифическія евангелія дѣлятся на три группы, смотря по тому, какіе моменты жизни Спасителя берутъ они темою. Такъ, группа первая рисуеъ рожденіе Иисуса Христа и обстоятельства, предшествовавшія этому событію (Благовѣщеніе, Обрученіе Маріи); группа вторая—младенчество, а третья—страданія и крестную смерть Искупителя міра. Всѣ эти группы имѣются и въ переводахъ славянскихъ. Такъ къ первому типу относится такъ-называемое Протоевангеліе Іакова, весьма распространенное и существовавшее уже во II вѣкѣ; ко второму типу—Евангеліе Θомы, почти столь же древнее, появленіемъ своимъ обязанное, вѣроятно, гностикамъ, и, наконецъ, къ третьему типу —

¹⁾ Напечатанъ въ *Душепол. Читеніи* 1890, № 3, стр. 253 — 266, подъ заглавіемъ: „О церковномъ иконописаніи по поводу послѣдняго археологическаго съѣзда“.

Евангеліе Никодима, болѣе позднее, именно IV-го и, можетъ быть, даже V-го вѣка. Обыкновенно принято считать XVI-й вѣкъ началомъ появленія въ нашей литературѣ западнаго вліянія; между тѣмъ апокрифическія евангелія позволяютъ отодвинуть это начало къ болѣе отдаленной порѣ, такъ какъ евангеліе Никодимово переведено съ латинскаго и конечно для современниковъ Василія III и Ивана Грознаго отнюдь не было новостью. Референтъ между прочимъ затронулъ вопросъ о взаимоотношеніи апокрифическихъ евангелій и иконографіи. Слѣды Протоевангелія слышатся въ духовныхъ стихахъ о Введеніи Богородицы во храмъ, въ сочиненіяхъ Данила Паломника и многихъ другихъ анонимныхъ авторовъ. Болѣе другихъ отступая отъ установившихся традицій и рисуя образъ Христа слишкомъ уже несогласно съ представленіями церкви, евангеліе Омни въ силу этихъ причинъ было менѣе популярнымъ, менѣе распространеннымъ и осталось безъ вліянія на литературу. За то евангелію Никодимову принадлежитъ наибольшая степень воздѣйствія; оно сохранилось въ двухъ переводахъ: съ латинскаго — изложеліе событій крестной смерти Спасителя и сошествія Его въ адъ; и съ греческаго — съ описаніемъ одной только смерти. Кромѣ того была въ ходу компиляція изъ греческой редакціи въ соединеніи со второю половиною латинской, а также чешскій переводъ съ латинскаго. Референтъ полагаетъ, что вліяніе Никодимова евангелія сказалось на произведеніяхъ Кирилла Туровскаго; кромѣ того онъ видѣлъ связь его и съ Толковою Палеею, съ „Бесѣдою трехъ святителей“ и духовнымъ стихомъ о распятіи и воскресеніи Иисуса Христа.

Борьба между живнью и смертью, побѣда смерти здѣсь, на землѣ, и надежда на торжество жизненнаго начала хотя бы въ отдаленномъ будущемъ—тема сама по себѣ слишкомъ величавая и слишкомъ близко затрагивающая интересы человѣчества, чтобъ не послужить матеріаломъ для литературной обработки. И у насъ, и на западѣ извѣстно не мало разнообразныхъ преній живота и смерти. С. О. Долговъ отыскалъ въ бібліотекѣ Московской духовной академіи въ сборникѣ конца XVI вѣка „Сказаніе о смерти нѣкоего мистра сирѣчь философа“; оно и послужило темою для реферата: „Новый видъ „пренія Живота и Смерти“ въ древне-русской письменности“. „Сказаніе“, по опредѣленію докладчика, еще не встрѣчавшаяся форма такого „пренія“. По содержанію, это прикладъ, то есть, душеполезная повѣсть, изложенная виршами, хотя и не безъ

нарушенія виршеваго размѣра. Эпизоды „пренія“, не идущіе къ цѣли, поставленной авторомъ, то-есть, не носящіе характера морали, оказываются выброшенными. „Сказаніе“ болѣе чѣмъ всѣ другіе виды „преній“ сродно столь распространеннымъ изображеніямъ „Пляски Смерти“. Будучи точнымъ переводомъ одного ниже-нѣмецкаго стихотворенія XV-го вѣка, „Сказаніе“, очевидно, должно считать своею первоначальною родиною Германію. Польскія и малорусскія слова и выраженія, встрѣчающіяся въ немъ, указываютъ только на путь, какимъ оно дошло къ намъ, но не болѣе ¹⁾).

С. П. Тимоѣевъ прочиталъ свой докладъ: „Первыя рационалистическія секты на Руси“. Прежде чѣмъ излагать его содержаніе, считаемъ необходимымъ замѣтить, что сообщеніе это вызвало печатную полемику между референтомъ и акад. Н. С. Тихонравовымъ. Въ № 29 Московскихъ Вѣдомостей за текущій годъ появилось письмо г. Тимоѣева, съ заявленіемъ, что отчетъ газеты о его рефератѣ (въ № 21) онъ находитъ неточнымъ, что онъ положилъ въ основу своего сообщенія о ереси жидовствующихъ изслѣдованіе г. Тихонравова, отчетъ о коемъ напечатанъ въ Трудахъ Петербургскаго археологическаго съѣзда, ему же, Тимоѣеву, принадлежатъ только дополненія и соображенія. Въ отвѣтъ на это Н. С. Тихонравовъ заявилъ, что о жидовствующихъ онъ ничего не печаталъ, что въ названныхъ „Трудахъ“ приведенъ только краткій отчетъ о его рефератѣ, который къ тому же имѣлъ темою ересь стригольниковъ, а не жидовствующихъ, и что, „кромѣ девяти начальныхъ строкъ въ изложеніи Московскихъ Вѣдомостей (№ 21), не оказалось ничего такого, чего бы не было въ моихъ (Тихонравова) неизданныхъ лекціяхъ“ ²⁾. С. П. Тимоѣевъ отрицалъ взведенное на него обвиненіе: въ рефератѣ г. Тихонравова онъ видѣлъ изслѣдованіе именно стригольнической ереси, а не жидовствующей, „такъ какъ много въ Трудахъ съѣзда не значитъ“, — „но при всемъ этомъ“ — замѣчаетъ онъ, — „степень пользованія рефератомъ г. Тихонравова должна быть, однако, ограничена: я говорилъ о стригольникахъ весьма сжато, стараясь указать лишь послѣдовательный ходъ антирелигіознаго движенія, такъ какъ центръ тяжести для меня лежалъ въ ереси жи-

¹⁾ Г-ну *Долгову* провадлежитъ еще рефератъ „Объ анонимныхъ описаніяхъ Іерусалима и Палестины въ древне-русской литературѣ“, которыми онъ занимается по порученію Православнаго Палестинскаго Общества.

²⁾ *Московскія Вѣдомости* 1890, № 37.

довствующихъ... Профессоръ Тихонравовъ признавалъ, насколько помнится, въ жидовствующихъ іудейскія вѣрованія, тогда какъ я ихъ не признаю и приближаюсь къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые называютъ еретиковъ мнимо-жидовствующими¹⁾. Въ отвѣтномъ объясненіи Н. С. Тихонравовъ настаивалъ на своемъ заявленіи, замѣчая, что г. Тимоѣевъ въ первомъ своемъ письмѣ (№ 29) ни разу не упомянулъ слова стригольникъ, заявивъ, что въ основу своей работы о жидовствующихъ положилъ изслѣдованіе его, Тихонравова, теперь же, на оборотъ, говорить, что именно изслѣдованіе о стригольникахъ и имѣлъ въ виду²⁾.

Не входя въ оцѣнку настоящей полемики и во избѣжаніе риска невѣрно передать докладъ г. Тимоѣева, изложимъ его содержаніе въ томъ видѣ, какъ оно, по нашей просьбѣ, уже по окончаніи полемики, доставлено намъ самимъ референтомъ.

„С. П. Тимоѣевъ указалъ вначалѣ на положеніе вопроса о первыхъ русскихъ сектантахъ въ литературѣ. Исходнымъ пунктомъ его рѣшенія слѣдуетъ считать 1838 годъ, когда появилась извѣстная книга Руднева, пользовавшаяся въ свое время значительнымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ выставлялись различныя теоріи, но онѣ не были особенно удобны, такъ какъ изслѣдователи не разсматривали преемственной связи стригольниковъ съ жидовствующими. Наконецъ проф. Тихонравовъ на II археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ (1871 г.) доказалъ западное происхожденіе стригольниковъ, а такъ какъ между стригольниками и жидовствующими тѣсная связь, то казалось бы, нѣтъ основаній не признавать послѣднихъ исключительнымъ продуктомъ запада. Но на VII археологическомъ съѣздѣ вновь было выставлено проф. Павловымъ мнѣніе о еврейскомъ ея характерѣ. Слѣдуетъ, очевидно, вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ. Обращаясь къ исторіи западнаго общества XII—XIII вѣковъ, то-есть, наканунѣ появленія стригольниковъ, мы видимъ безотрадную картину религіознаго неурядства. Народныя массы, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, задумались надъ улучшеніемъ своей жизни и дошли до убѣжденія, что при помощи духовенства это спасеніе невозможно. Въ концѣ XII столѣтія между нищенствующими монахами появилось „Вѣчное евангеліе“, которое провозглашало, что римское христіанство идетъ къ неизбѣ-

¹⁾ *Московскія Вѣдомости* 1890, № 47.

²⁾ *Ibidem*.

жному концу. Въ 1297 году въ Сициліи появилось толкованіе на апокалипсисъ Петра Оливье, гдѣ заявлялось, что таинства болѣе не нужны, такъ какъ духовенство не имѣетъ юрисдикціи. Замѣчательно, что первыми жертвами статута „de haeretico comburendo“ были лордъ, священникъ и портной, уличенные въ ереси. Къ этому тревожному состоянію массъ, присоединилось и физическое бѣдствіе, постигшее и Русь, это „черная смерть“. Не удивительно, что въ это время появились сектанты съ строго выработанной доктриной—гейслеры, или хлысты, обрядовую сторону которыхъ описалъ проф. Тихонравовъ, на основаніи Страсбургской хроники. Въ 1371 году въ Ахенъ—разказываетъ Геккеръ—прибыли толпы мужчинъ и женщинъ; не владѣя собой, они по цѣлымъ часамъ плясали въ изступленіи. Черезъ 2 года послѣ появленія чумы, въ Новгородѣ и Псковѣ появились хлысты подъ предводительствомъ стригольника Карпа. Между ними и гейслерами существовало полное сходство, такъ что въ западничествѣ стригольниковъ сомнѣваться нельзя. Съ истребленіемъ коноводовъ ереси, она не исчезла. Нѣкоторые изъ еретиковъ „побѣгали, а которіи остались“. Эти оставшіеся еретики организовали новую секту, которую проф. Иловайскій удачно называетъ „мнимо-жидовствующими“. Они нападали на монашество, на священниковъ, отвергали поклоненіе мощамъ и иконамъ. Это основныя черты лютеранской доктрины. Жидовствующіе отвергали іерархію не въ принципѣ, а потому что „попы на мздѣ ставлены“. Упрекнуть ихъ въ іудейской тенденціи нельзя. Геннадій называетъ ересь „литовскія окаянныя дѣла“ (не жидовскія). Троицкій игумень Артемій, какъ видно изъ его обличенія, хвалилъ нѣмецкую вѣру. Скорѣе всего въ этой ереси на почвѣ, вѣками подготовляемой, слагался чистѣйшій рационализмъ въ духѣ западномъ. Въ пользу Запада говоритъ начитанность еретиковъ. Они располагали книгами гадательными, которыя обличалъ позднѣе Максимъ Грекъ, какъ произведенія западныя. Отрицаніе обрядности еретиками было, очевидно, продуктомъ подобнаго движенія на западѣ. Къ фактамъ, усилившимъ антирелигіозность, слѣдуетъ присоединить и не сбывшуюся въ 1492 году кончину міра, которую на западѣ еще въ 1335 году предсказывалъ Арнольдъ де Вилла Нова. Врядъ ли поэтому основательно приписывать жидовствующимъ „черты іудаизма“. Какъ евреи могли сказать: „пустъ иконѣ Христа слѣдуетъ поклоняться“ и т. д.? Отрицаніе воскресенія мертвыхъ также далеко не признакъ іудейства. Въ V вѣкѣ ученый Маймонидъ установилъ для евреевъ 13 догматовъ, одинъ изъ которыхъ читается такъ: вѣрую, что будетъ воскресеніе мертвыхъ.

Этотъ догматъ признають и караймы. Какъ Геннадій могъ бы отпустить безъ „истязанія“ жидовствующаго, когда наши „Хожденія“ обрекають „жидовъ“ на страшныя муки? Мы очень мало знаемъ о Схаріи, но возможно, что онъ, подобно Ѳеодору, былъ крещенымъ евреемъ, чуждымъ, какъ это всегда бываетъ, и христіанста, и іудейства. Выраженіе обличителей: „у Алексѣя протопопа одна ересь, у Курицына другая“, не говоритъ ли, что оба, будучи рационалистами, стояли на разныхъ ступеняхъ отрицанія и критицизма? Въ Степенной книгѣ сказано, что митрополитъ Филиппъ предостерегалъ новгородцевъ отъ латынской предести жидовствующихъ. Неужели, наконецъ, Зосима, представитель церкви, могъ пристать къ іудейству? А вѣдь онъ былъ еретикомъ и пострадалъ за „нѣкое преткновеніе“. Ясно, что ересь жидовствующихъ, есть логическій выводъ изъ того броженія умовъ, которое въ XIV и XV вѣкахъ, охвативъ западъ, охватило и Русь. Факты кощунства и грубаго невѣрія (о которыхъ я упоминалъ, но они въ печати неудобны), замѣчаемые въ это время, устраняють еврейскую окраску ереси жидовствующихъ и заставляють признать его не самобытнымъ движеніемъ, ибо дѣйствія безъ причины не бываетъ, а западнымъ, и на долю будущихъ изслѣдователей выпадеть прослѣдить географическій путь западныхъ ученій антицерковнаго характера, въ общихъ чертахъ уже намѣченный“.

Предметомъ реферата Д. П. Лебедева былъ „Неизвѣстный русскій проповѣдникъ временъ юности великаго князя Ивана Васильевича“. Докладчику посчастливилось отыскать одну проповѣдь, произнесенную въ одномъ изъ придворныхъ соборовъ по случаю изгнанія Крымскаго хана Саипъ-Гирея изъ-подъ Москвы 31-го іюля 1541 г. Что слово было сказано въ томъ же году, видно изъ упоминанія въ немъ митрополита Іоасафа, который былъ заключенъ въ монастырь уже въ январѣ слѣдующаго года. Содержаніе проповѣди, особенно поучительной его части, ярко опредѣляетъ, на какія именно добрыя дѣла обращаетъ ораторъ особенное вниманіе: на милосердіе къ бѣднымъ „во истинну нужнымъ“, на милостивую и правосудіе. Видно также, что проповѣдникъ человекъ образованный, начитанный не только въ литературѣ духовной, но и въ „книгахъ лѣтописныхъ“.

Слово чрезвычайно сходно по содержанію, по особенностямъ лексикологическимъ и даже палеографическимъ съ нѣкоторыми твореніями знаменитаго Сильвестра, совѣтника Іоанна Грознаго. Два выше отмѣченныхъ главныхъ положенія—милость къ бѣднымъ и нелицепріятный судъ—особенно настоятельно проводятся въ Домостроѣ,

и въ посланіи Сильвестра къ А. Б. Шуйскому-Горбатову. Опираясь на мнѣніе С. М. Соловьева, полагавшаго, что благовѣщенскій священникъ былъ извѣстенъ Іоанну задолго до московскаго пожара и находя въ этомъ мнѣніи опору для своего предположенія, референтъ тѣмъ самымъ отрицалъ соображенія пресвященныхъ Евгенія, Филарета и П. М. Строева, допуская ихъ появленіе Сильвестра въ Москвѣ не ранѣе 1547 года. Д. П. Лебедевъ находитъ даже возможнымъ видѣть въ описываемомъ спискѣ автографъ автора ¹⁾.

Другою новинкою была находка М. И. Соколова, положенная въ основу его реферата: „Новый матеріалъ по вопросу о редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго“. Въ этомъ житіи, какъ извѣстно, разказывается о сокрушеніи Аврааміемъ идола Велеса при введеніи христіанства въ Ростовъ при св. Владимірѣ; Авраамій по житію является также основателемъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря. Въ виду этого житіе Авраамія привлекается какъ источникъ въ исторіи распространенія христіанства и монастырской жизни. Такъ какъ сообщаемыя житіемъ извѣстія объ указанныхъ предметахъ весьма важны, то естественно возбуждается вопросъ о доброкачественности источника, то-есть, о его происхожденіи и литературной исторіи. Указавъ на мнѣнія ученыхъ (пресвященныхъ Макарія и Филарета, профессоровъ В. О. Ключевскаго и Е. Е. Голубинскаго) о редакціяхъ Аврааміева житія, референтъ прочелъ „Слово о явленіи чудотворца Авраамія и о списаніи родословія его“, найденное въ концѣ житія пространной редакціи (доселѣ не изданной) по списку XVIII вѣка изъ собранія наставника Нѣжинской гимназіи И. Н. Михайловскаго. Изъ этого интереснаго слова видно, что пространная редакція житія Аврааміева составлена была въ 1649 году девятистолѣтнимъ инокомъ Ростовскаго Аврааміева монастыря Григоріемъ, сыномъ Никифора, который къ концу жизни былъ инокомъ того же монастыря и умеръ въ 1591 году. Отецъ и сынъ принадлежали къ служилому сословію, владѣли помѣстьями и

¹⁾ Содержаніе доклада Д. П. Лебедева изложено нами на основаніи „Занятій восьмага археологическаго съѣзда“ (М. 1890, стр. 122—124), вышѣ оканчивающагося печатаніемъ и имѣющихъ скоро выйдти въ свѣтъ. Тѣмъ охотиве замѣствуемъ отсюда, что въ примѣчаніи редакторъ „Занятій“ указалъ „совершенно невѣрную“ передачу реферата въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; очевидно, онъ имѣлъ полную возможность восстановить истину. Къ сожалѣнію, текстъ „Занятій“, будучи въ большинствѣ случаевъ простою перепечаткою или—рѣже—передѣлкою изъ тѣхъ же *Московскихъ Вѣдомостей*, только въ рѣдкихъ случаяхъ могъ служить для насъ точкою опоры въ составленіи настоящей статьи.

рабами; Григорій въ 1591 году служилъ въ посольскомъ приказѣ; въ смутное время командовалъ отрядомъ войска въ бѣлоозерскихъ краяхъ противъ литовцевъ и русскихъ воровъ и участвовалъ въ освобожденіи Москвы; въ семьѣ ихъ имѣлись разные документы: царскія грамоты, указы, крѣпости. Въ 1641 году Григорій, уже въ глубокой старости, сталъ проситься въ Аврааміевъ монастырь, гдѣ прежде подвизался его отецъ; оба они дѣлали въ этотъ монастырь вклады, на чемъ Григорій и основывалъ свое право на постриженіе въ этомъ именно монастырѣ. Сдѣлавшись монахомъ, старецъ Григорій пожелалъ пополнить житіе Авраамія; ему было извѣстно одно голько древнее житіе, рукопись котораго онъ получилъ отъ уставщика Космы. Это была несомнѣнно вторая редакція по классификаціи преосв. Макарія и Филарета и В. О. Ключевского, и первая или нормальная, по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго; въ ней уже упоминались Чухлома и Валаамъ—родина и мѣсто постриженія Авраамія; но старецъ Григорій прибавилъ къ этому извѣстіе о языческомъ происхожденіи Авраамія, сообщилъ языческое имя его Иверкъ, разказалъ исторію обращенія его въ христіанство новгородскими выходцами и присоединилъ нѣсколько подробностей о путешествіи Авраамія по новгородскимъ монастырямъ. Старецъ Григорій говоритъ, что эти свѣдѣнія онъ не выдумалъ, а заимствовалъ изъ записей митрополита Іоакима, который производилъ „снисканіе родословія“ Аврааміева около 1553 года по поводу постройки каменной церкви на счетъ царя Ивана Васильевича, лично присутствовавшего при освященіи. Старецъ Григорій разказываетъ чудесную исторію открытія этихъ записей Іоакима изъ земли, куда они закопаны были вмѣстѣ съ другими бумагами и другими вещами въ смутное время. На сколько правды въ этомъ разказѣ, судить трудно, но что у старца Григорія были старыя записи, это видно изъ помѣщенной въ концѣ житія (по списку г. Михайловскаго) передъ „Словомъ“ замѣтки о судьбѣ одной изъ вотчинъ монастырскихъ, сельцѣ Угодномъ. Откровенный старецъ разказываетъ и о томъ, какъ отнеслись къ его литературному произведенію современники (вслѣдъ за „Словомъ“ Григорій разказываетъ „Чудо св. Авраамія чудотворца“). Тогдашній архимандритъ Богоявленскаго монастыря Ермогенъ, прочитавши трудъ Григорія, „глагола, яко не повелѣно сего житія въ церковь примати, и поверже житіе“. Авторъ однако утѣшаетъ себя тѣмъ, что за такое дерзновеніе архимандритъ наказанъ былъ изступленіемъ ума. Ермогенъ утверждалъ, что Авраамій жилъ не при Владимірѣ святомъ, какъ стоитъ въ житіи

Григорія, а при Владимірѣ Мономахѣ. Несомнѣнно, что оба противника были одинаково не правы, но важно то, что уже въ XVII вѣкѣ поднятъ вопросъ въ самомъ Богоявленскомъ монастырѣ о времени жизни св. Авраамія.—„Слово о свисканіи родословія Авраамія“ и слѣдующее за нимъ „Чудо“, открытыя референтомъ въ рукописи г. Михайловскаго имѣють какъ частное значеніе по вопросу о редакціяхъ Аврааміева житія, такъ и болѣе общее—для знакомства съ приемами при передѣлкахъ житій въ нашей старинной письменности; кромѣ того его „Слово“ и „Чудо“ содержатъ не мало интересныхъ историческихъ и бытовыхъ подробностей.

На съѣздѣ археологическомъ естественно было сосредоточить свою дѣятельность на явленіяхъ, отдѣленныхъ отъ насъ болѣе или менѣе длиннымъ промежуткомъ времени. И дѣйствительно, за рубежъ, отдѣляющій вѣкъ XVII отъ XVIII, обыкновенно переходили рѣдко. Къ числу такихъ исключительныхъ экскурсовъ принадлежитъ докладъ А. И. Станкевича: „Азіатская Баниса“. Это романъ, переведенный въ началѣ прошлаго столѣтія съ нѣмецкаго оригинала и распространенный въ нѣсколькихъ, не менѣе чѣмъ въ трехъ, редакціяхъ. Подобныя произведенія литературы особенно цѣнны, какъ источникъ для характеристики современныхъ нравовъ, вкусовъ и мировоззрѣній.

VII.

Церковная старина.

Въ этомъ отдѣлѣ преобладали сообщенія иконографическаго и церковно-строительнаго содержанія. Настоящимъ вступленіемъ ко всѣмъ слѣдующимъ можетъ служить рефератъ Н. В. Покровскаго: „О задачахъ и приемахъ евангельской иконографіи“. Будучи самъ по себѣ только сжатымъ введеніемъ изъ имѣющаго вскорѣ выйдти изслѣдованія: „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи византійской и русской“, настоящій докладъ сводился не къ детальной разработкѣ предмета, а къ общимъ соображеніямъ. Если иконографія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства бѣдна по замыслу и широтѣ размаха, чрезвычайно проста и наивна, довольствуясь однимъ намекомъ, и пытается постоянно образами античнаго міра, то византійское искусство, нанеся ударъ языческой пластикѣ, ищетъ матеріала въ Евангеліи и преданіи и ставитъ художнику задачей въ конкретныхъ формахъ выразить идеалы евангельскаго ученія. Отношеніе рус-

ской иконографіи къ византійской еще не вполне ясно. Въ древнѣйшихъ памятникахъ чувствуется полная зависимость первой отъ второй; но чѣмъ ближе къ XVI вѣку, тѣмъ замѣтнѣе притокъ новыхъ формъ, шедшій частью съ запада, частью же возникшій на родной почвѣ. Во всякомъ случаѣ основа между ними однородна и понять русскую иконографію безъ совмѣстнаго изученія ея съ византійскою невозможно. Не будучи никогда конгломератомъ случайныхъ соображеній, оставаясь всегда искусствомъ преимущественно іератическимъ, та и другая обладаютъ устойчивыми закономѣрными формами (7-й вселенскій соборъ запрещаетъ всякое измѣненіе въ иконографическихъ правилахъ, та же идея высказана и на Стоглавомъ соборѣ), что въ значительной степени облегчаетъ и самую классификацію иконографическихъ сюжетовъ. Указавъ въ новѣйшей русской иконографіи встрѣчающееся подчасъ уклоненіе отъ образцовъ исторически сложившихся и жалкое копированіе образцовъ западныхъ, которые выросли совершенно на иной почвѣ, референтъ далъ, по окончаніи своего доклада, поводъ Н. И. Троицкому замѣтить, что старый типъ вытѣснялся также благодаря типографіямъ и житіямъ святыхъ. Завязавшійся было споръ мало разъяснилъ дѣло; профессоръ Покровский отвѣчалъ, что не оспаривая указаннаго факта, онъ въ настоящемъ случаѣ имѣлъ въ виду только методологическій разборъ вопроса, а не его частности, и въ этомъ отношеніи онъ, конечно, былъ вполне правъ. Но нѣкоторая страстность дебатовъ едвали не помѣшала обѣимъ сторонамъ отчетливѣе вникнуть и понять противоположное мнѣніе ¹⁾.

Болѣе частный вопросъ затронулъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, подробно ознакомившій съ содержаніемъ „Фотографическихъ снимковъ съ древнихъ армянскихъ Евангелій, присланныхъ А. А. Цагарели изъ Галиціи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложившій исторію армянской иконографіи, изъ которой видно, что съ IX по XIV вѣкъ она отражала на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, — даже западно-европейскихъ, вплоть до XVII столѣтія, когда послѣдніе должны были уступить мѣсто вліянію персидскому. Въ немнѣмъ крупный уставъ сохраняется до первой половины XI вѣка; до XII преобладаетъ полууставъ, а этотъ смѣняется круглымъ и крупнымъ, дочеркомъ, постепенно превратившимся въ мелкій.

¹⁾ Ср. возраженіе Н. В. Подровскаго (въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1890, № 13) на отчетъ о его рефератѣ, помѣщенный въ *Православномъ Обзорникѣ* 1890, № 3.

Сообщеніе Н. Г. Добрынкина заключалось въ подробномъ описаніи „Старинныхъ деревянныхъ рѣзныхъ иконъ Николая Чудотворца Можайскаго и другихъ, сохранившихся въ городѣ Муромѣ и уѣздахъ Муромскомъ и Судогодскомъ“; рефератъ демонстрировался фотографическими снимками. Какъ установился типъ этихъ иконъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило сообщеніе А. А. Гатцука: „Къ вопросу о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ“. Святитель рисуется обыкновенно съ мечомъ въ правой и съ храпомъ въ лѣвой рукѣ, совершенно иначе, чѣмъ изображаютъ св. Николая Мирликійскаго на иконахъ, занесенныхъ въ Россію изъ Византіи. Референтъ полагаетъ, что рѣзныя изображенія Николая Можайскаго хранятъ слѣды еще языческихъ воззрѣній, которыя, будучи вытѣсняемы христіанствомъ, мало по малу вынуждены были примѣняться къ новымъ условіямъ.

„Къ вопросу о происхожденіи миниатюрныхъ изображеній Лицевой Псалтири“—такъ назывался докладъ А. Я. Лаврова. Источниками этихъ изображеній референтъ считаетъ самую Псалтирь, Священное Писаніе новаго завѣта, богослужебную литературу, житія святыхъ и толкованія отцовъ церкви, народную духовную литературу съ современными народными толкованіями и, наконецъ, нѣкоторыя данныя предшествующей эпохи византійскаго искусства. Всѣ списки Лицевой Псалтири могутъ быть отнесены къ тремъ редакціямъ; наиболѣе любопытныя изъ нихъ были обозначены референтомъ. Что касается до иконографическаго содержанія миниатюръ, то оно можетъ быть классифицировано въ слѣдующія шесть группъ: 1) миниатюры ветхо-завѣтнаго историческаго содержанія, 2) ново-завѣтнаго (исторія евангельская и апостольская), 3) двенадцатыхъ праздниковъ, 4) святоотеческихъ толкованій, 5) исторіи церковной вообще и 6) миниатюры символическаго характера.

Въ числѣ другихъ докладовъ особенно видѣлись два сообщенія Ѳ. И. Вуслаева. Появленіе маститаго ученаго было встрѣчено публикою единодушными рукоплесканіями, а по окончаніи сообщеній присутствующіе сдѣлали ему настоящую овацию, желая ею отблагодарить уважаемаго знатока нашей старины за то вниманіе, какое онъ проявилъ къ съѣзду, согласившись подѣлиться съ нимъ своими мыслями.

Первое сообщеніе носило названіе „Дополненія къ Лицевому Апокалипсису“, самимъ референтомъ изданному шесть лѣтъ тому назадъ. Почтенный академикъ нынѣ отыскиваетъ въ Пражскомъ Апокалип-

сисѣ вліянія западныхъ идей, сказавшихся во внесеніи интересовъ современной дѣйствительности въ мистическую сферу неземныхъ видѣній. Къ числу ранѣе отмѣченныхъ редакцій и переводовъ русскаго Лицеваго Апокалипсиса нынѣ прибавляются два новыхъ: рукопись Н. С. Тихонравова и самого докладчика; кромѣ того, г. Буслаяу стало извѣстнымъ еще нѣсколько новыхъ рукописныхъ списковъ этого памятника. На ряду съ дополненіями заявлено было и объ ошибкахъ. На стр. 81 въ устахъ Агнца слѣдуетъ видѣть вѣнецъ, а не перстень съ круглою печатью, какъ это полагалъ ранѣе г. Буслаяу; прическа св. Жены, „по древнему обычаю“, опредѣлена точнѣе на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ стѣнной живописи въ каткомбахъ. Говоря вообще о развитіи иконографіи на западѣ и востокѣ, референтъ указалъ, что до XII вѣка и католическіе, и православные художники вдохновляются изъ одного общаго имъ источника: такъ, напримѣръ, Бамбергскій Апокалипсисъ X столѣтія твердо стоитъ на почвѣ византійскихъ преданій. Но позже западъ стремится къ выработкѣ самостоятельныхъ формъ; традиція смѣняется поклоненіемъ передъ живой природою и реальнымъ фактомъ. На Руси формы византійскія сохраняются вплоть до XVIII вѣка; отступленія, если они и были (Апокалипсисы XVI вѣка),—скорѣе случайныя искаженія первоначальной редакціи, чѣмъ что-либо оригинальное.

Второй докладъ **Ө. И. Буслаяу** былъ посвященъ „Стилизаціи ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миниатюрахъ“. Обыкновенными формами такой стилизаціи служила или продольная половина листа растенія, отороченная овальными вырѣзками, или родъ кокошника, по боковымъ склонамъ котораго поднимается по завитку. Листья—для изображенія растеній; кокошникъ—горь и утесовъ. Небо обозначалось полукружіемъ, отороченнымъ сборками (облаками), семь небесныхъ сферъ—семью горизонтальными, разноцвѣтными линіями. Торчащія изъ неба клинья или трубы—должны были изображать трубные звуки; человѣческая голова съ разинутую пастью на горѣ—землю, поглощающую низвергающійся съ неба потокъ. Помѣщая на маломъ клочкѣ стилизованнаго ландшафта землю, окруженную съ четырехъ сторонъ, покрытую лѣсами и горами, и море, заключенное въ четыре корыта, съ плавающими въ нихъ громадными рыбами, художникъ незамѣтно для себя превращается въ орнаментщика, дѣлая изъ миниатюры нѣчто въ родѣ рукописной заставки, составленной изъ фантастическихъ украшеній.

Н. И. Троицкій говорилъ „Объ иконостасѣ и его символикѣ“.

Первоначальный иконостасъ православной церкви, по мнѣнію докладчика, состоялъ изъ ряда столбовъ, капители которыхъ соединялись общимъ для всѣхъ архитравомъ; позднѣйшее его превращеніе въ высокую стѣну, раздѣленную на нѣсколько тяблъ (ярусовъ), произошло подъ вліяніемъ тѣхъ представленій о раѣ, какія господствовали и закрѣплены были въ нашей древней литературѣ. Перенести эти понятія на церковный алтарь было тѣмъ легче, что послѣдній, по ученію церкви, былъ „раемъ“, „небомъ небесъ“. Не даромъ въ иконостасномъ орнаментѣ встрѣчаются изображенія птицъ (на царскихъ вратахъ) и виноградной лозы,—этихъ атрибутовъ райа.

Намъ остается еще отмѣтить нѣсколько сообщеній касательно храмовъ, рассмотрѣнныхъ или каждый въ отдѣльности, или заразъ цѣлыми группами. Во главѣ докладовъ этого рода, конечно, надо поставить блестящій по формѣ, весьма интересный по содержанию и богато обставленный планами и чертежами, художественно выполненными самимъ референтомъ,—сообщеніе Н. В. Султанова: „Церкви большаго кремлевскаго дворца“. Докладчикъ намѣтилъ себѣ слѣдующія задачи, полное разъясненіе которыхъ мы, надо надѣяться, вскорѣ увидимъ въ печати: 1) Подробное описаніе и опредѣленіе первоначальной формы церквей московскаго дворца; 2) какова была форма покрытія древне-русскихъ церквей; 3) опредѣлить архитектурный стиль и эпоху дворцовыхъ церквей и разныхъ предметовъ, въ нихъ находящихся, и 4) выяснить первоначальную форму иконостаса и ея послѣдовательнаго развитія на основаніи образцовъ, имѣющихся въ дворцовыхъ церквахъ. Въ частности же г. Султановъ ознакомилъ съѣздъ съ слѣдующими девятью храмами. Церковь Лазарева Воскресенья самая древняя, конца XIV вѣка, въ нижнемъ этажѣ дворца, такъ что полъ ея на одномъ уровнѣ съ землею; стѣны чрезвычайно толстой кладки, окна узкія, на подобіе бойницъ, щелями, размѣръ ихъ очень небольшой; это все очевидные признаки ея древности. По типу — новгородскаго стиля. Церковь Рождества Богородицы помѣщается надъ первою, строена, вѣроятно, въ концѣ XVII вѣка; бѣлокаменная отдѣлка оконъ и дверей, верхняя глава снаружи — единственное, что уцѣлѣло понинѣ отъ того времени. Слѣдующія пять церквей: св. Екатерины, Спаса за Золотою Рѣшеткою съ придѣломъ Іоанна Предтечи, Распятская и Воскресенья Словущаго—всѣ расположены въ восточной части дворца подъ одною общою четырехскатною крышею, увѣнчанною одинадцатью луковичными куполами; всѣ онѣ XVII вѣка. Церковь Воскресенья Словущаго съ особенно роскошной

отдѣлкою и иконостасомъ, носящими несомнѣнные слѣды вліянія италіанскаго художества. Замѣтимъ, что въ этомъ всякій могъ легко убѣдиться при личномъ осмотрѣ кремлевскихъ храмовъ, предпринятомъ въ тотъ же день подъ руководствомъ референта всѣми присутствовавшими на его докладѣ. Очевидно, вывозъ въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ Полоцка (послѣ завоеванія его) мѣстныхъ архитекторовъ и рѣщниковъ, знакомыхъ съ формами западнаго искусства, не остался безъ вліянія на русское зодчество и живопись. Наружнія кремлевскія церкви—Спаса на Бору, Благовѣщенская и Ризъ Положенія представляютъ образчики самобытныхъ формъ русскаго искусства. Здѣсь можно наблюдать особый видъ сводовъ изъ пересѣкающихся арокъ, — оригинальная особенность нашего зодчества. Въ Ризъ-Положенской церкви сохранилось много древнихъ фресокъ.

„Исслѣдованіе Мстиславова Владиміро-Волынскаго собора XII вѣка“, А. В. Прахова, любопытно по той культурной борьбѣ, невольнымъ свидѣтелемъ и участникомъ которой былъ этотъ храмъ. Русскіе и поляки одинаково приписываютъ себѣ постройку собора. А. В. Праховъ, основываясь на изученіи кіевскихъ храмовъ X, XI и XII вѣковъ, утверждаетъ, что кладка Мстиславова собора въ главномъ кіевская, именно XII столѣтія, и только въ XVIII вѣкѣ была прибавлена паперть въ стилѣ возрожденія. Церковь служила усыпальницею князей, то-есть, Отнимъ храмомъ; нѣкоторыя изъ гробницъ открыты были референтомъ. Внослѣдствіи здѣсь хоронили униатскихъ епископовъ, между прочимъ извѣстнаго Ипатія Поцѣя; еще позже—приближенныхъ княжизхъ людей. Неумѣлыя перестройки, произведенныя въ 1782 году, разрушили храмъ, и до послѣдняго времени онъ лежалъ въ развалинахъ. Нынѣ докладчику поручено приступить къ реставраціи этого любопытнаго памятника нашей старины.

Недавно законченная реставрація другихъ святынь—ростовскихъ—дала матеріалъ для рефератовъ А. А. Титова и И. А. Шлякова. Первый ¹⁾ представилъ очеркъ церкви св. Іоанна Богослова и подробно изложилъ ходъ работъ по ея возобновленію; второй ²⁾ занятъ былъ рѣшеніемъ сомнѣнія: правильно ли перекрыта крыша на упомянутой церкви? Отвѣтъ былъ слѣдующій: прежде она была покрыта шатромъ на четыре ската, а не посводно (не фронтономъ), какъ утверждали было нѣкоторые археологи.

¹⁾ „Церковь св. Іоанна Богослова въ Ростовѣ и реставрація ея въ 1884 году“.

²⁾ „О покрытіи ростовскихъ кремлевскихъ церквей“.

Извѣстный рязанскій архивистъ, А. В. Селивановъ, доложилъ „О вновь открытыхъ памятникахъ въ Рязани“. Въ немъ было раскопано городище въ Старой Рязани, гдѣ между прочимъ найдены остатки древняго храма, въ формѣ четырехъконечнаго креста, въ средину котораго вписанъ четырехугольникъ. По мнѣнію докладчика, это есть соборный храмъ во имя св. Бориса и Глѣба, костросанный во второй половинѣ XII вѣка и сожженный Батыемъ. За то послѣдн., найденныя внутри и вѣѣ церкви, болѣе ранняго времени. Раскопки другаго городища близъ Климентовскаго погоста у впаденія р. Прони въ Оку, обнаружили остатки еще одного стариннаго храма той же формы, что и вышеописанный. А. А. Дмитриевскій, во формѣ кирпичей, демонстрированныхъ г. Селивановымъ, нашелъ, что они одинаковы съ кирпичами кievскихъ Золотыхъ воротъ.

Подобныя же остатки храмовъ составили предметъ доклада Д. М. Струкова: „О древнихъ церквахъ при р. Большой Зеленчукъ, на Кавказѣ“. Въ названной мѣстности недавно опредѣлились слѣды большаго города (Егрисъ?); греческая надпись на каменномъ крестѣ позволяетъ догадываться о національности жителей: сохранившіяся фрески относятся къ грузино-византийскому стилю. Референтъ думаетъ, что городъ погибъ ранѣе половины XII вѣка: въ 1130 году татарскія полчища завладѣли почти всѣмъ сѣвернымъ Кавказомъ. Но среди обломковъ разныхъ построекъ особенно любопытны остатки четырехъ храмовъ небольшого размѣра. Быть можетъ, они входили въ составъ Захиской епархіи, существовавшей до XIV вѣка. Допускается, что хазарскія владѣнія доходили до Кавказа и что, завоевавъ Тмутаракань, русскіе князья не ограничились однимъ только этимъ городомъ, а отняли и всѣ области, принадлежавшія хазарамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстность рѣки Зеленчукъ, г. Струковъ считаетъ возможнымъ объяснить бракъ царицы Тамары съ сыномъ Андрея Боголюбскаго: Грузія не далеко отъ Зеленчука и Егриса, гдѣ могъ жить будущій мужъ грузинской царицы.

Рефератъ М. А. Веневитинова—„Расписныя кирпичныя избы“ только съ нѣкоторою натяжкой можно отнести къ отдѣлу „Церковной старины“. Это впрочемъ отнюдь не мѣшаетъ ему быть весьма любопытнымъ по новизнѣ затронутаго вопроса. Основное содержаніе его сводится къ слѣдующему. За послѣднее время, въ селахъ Воронежской, Орловской, Тульской и Тамбовской губерній начинаютъ строиться каменные (изъ кирпича) избы, при чемъ на красномъ фонѣ наружныхъ стѣнъ, съ помощью разноцвѣтныхъ кирпичей, производится свое-

образная орнаментация; по содержанию своему, очевидно, стремящаяся изобразить разнообразные мотивы народного мифического и поэтического творчества. Такъ, наиримѣръ, сосенки (своеобразная форма треугольниковъ) и глазки (ромбовидные квадраты) — означаютъ пѣсенное солнце, мѣсяцъ; самовары — идею „полной чаши“ въ зажиточномъ домѣ и т. п. Очень важно то, что многіе изъ такихъ узоровъ „можно прослѣдить въ подробностяхъ древней и народной русской орнаментации“. Рисунки, извлеченные референтомъ и приложенные къ печатному докладу, раздававшемуся членамъ съезда въ день сообщенія, и извлеченные референтомъ изъ „Русскаго народного орнамента“, В. В. Стасова, изданій А. Прокорова и Н. В. Султанова служили нагляднымъ показателемъ этого вліянія. Любопытно, что постройку кирпичныхъ избъ ¹⁾ производятъ не мѣстные крестьяне, а каменщики Владимірской и Ярославской губерній, гдѣ архитектурная старина въ указанныхъ типахъ сохранилась всего полнѣе.

Заканчивая главу, не забудемъ отмѣтить весьма цѣнное въ научно-археологическомъ отношеніи изданіе, приготовляемое извѣстнымъ собирателемъ и цѣнителемъ отечественной старины — И. А. Голышевымъ. Это — Рукописный Синодикъ села Климовскаго, Вологодской губерніи, 1746 года. И. Е. Забѣлинъ признаетъ его чрезвычайно важнымъ памятникомъ. Со множествомъ рисунковъ (числомъ 64), заглавныхъ буквъ, виньетокъ, синодикъ обладаетъ не только литературною, но и художественною цѣною. И. А. Голышевъ, начавъ печатаніе въ 1887 году, успѣлъ ко времени съезда приготовить пока одинъ только экземпляръ, который и былъ поднесенъ имъ почетному предсѣдателю съезда, Его Императорскому Высочеству великому князю Сергію Александровичу; но все изданіе не замедлитъ въ скоромъ времени появиться въ свѣтъ. Одновременно тѣмъ же лицомъ изданъ Сборникъ русской старины во Владимірской губерніи.

Нельзя не привѣтствовать этихъ почтенныхъ усилій на пользу русской науки; имя И. А. Голышева давно извѣстно, какъ неутомимаго и безкорыстнаго дѣятеля на поприщѣ отечественнаго знанія и можно только пожелать, чтобы онъ продолжалъ дѣйствовать съ тою же не ослабѣвющею энергіею. Уваженіе И. А. Голышева къ

¹⁾ Снимки съ наиболѣе характерныхъ образцовъ тоже были приложены къ тексту работы г. Велеватина.

сѣдой старинѣ сказалося и въ его предложеніи, съ какимъ онъ обратился къ свѣзду, о возстановленіи стараго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и замѣнѣ имъ нынѣ употребительнаго счета годовъ отъ Рождества Христова.

VIII.

Византія.

Наиболѣе важными сообщеніями по византійскому отдѣлу слѣдуетъ, безспорно, признать два доклада нашего уважаемаго ученаго, О. И. Успенскаго. Результатъ тщательнаго анализа и остроумныхъ соображеній, работы почтеннаго византиниста всегда сохраняютъ свѣжесть первой мысли и живаго изложенія. „Синодикъ въ недѣлю православія“ имѣлъ въ виду ознакомить съ оригинальными греческими редакціями этого памятника. Въ первый годъ установленія чина православія, то-есть, въ 842 году, обрядъ былъ совершенъ въ Константинополѣ безъ особыхъ приготовленій, уже по одному тому, что не было времени его выработать; прочитали соборные акты, отлучавшіе отъ церкви иконоборцевъ, провозгласили вѣчную память ревнителямъ православія — и только. Но съ годами являлись новые еретики, и объемъ Синодика мало по малу расширялся. Въ этомъ нарощеніи — богатый матеріалъ для исторіи культурнаго развитія Византіи: по немъ мы можемъ слѣдить за тѣмъ, какъ на ряду съ отступленіями отъ догматовъ религіозныхъ преслѣдовались уклоненія отъ установившагося канона въ сферѣ философскаго мышленія, общественной этики, идеаловъ политическихъ и т. п. Нерѣдко Синодикъ остается единственною путеводною нитью для изслѣдованія: постановленія соборныя уничтожались, статьи же, вошедшія въ Синодикъ, обыкновенно вырѣзались на камнѣ и сохранялись въ Софійскомъ соборѣ. Длинный промежутокъ времени, который понадобился для того, чтобы Синодикъ получилъ законченную форму, отразился и на его составѣ. Въ немъ легко отличить четыре послѣдовательныхъ слоя, соотвѣтствующихъ четыремъ эпохамъ византійской исторіи. Первый слой отразилъ торжество православія въ 842 году; второй, и самый важный, — результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка; третій — такіе же результаты богословскихъ распрей въ царствованіе императора Мануила; а четвертый слой, XIV столѣтія — изображаетъ борьбу съ ересью Варлаама и Акиндила. Первая половина XIII вѣка ничѣмъ не отразилась на Синодикѣ и прошла

для него безслѣдно. Древнѣйшіе списки Синодика дошли до насъ отъ XII вѣка (Вѣнскій, Эскуріальскій) и XI, но въ копіи XVI столѣтія (Мадритскій). Первое мѣсто среди переводныхъ русскихъ синодиковъ принадлежитъ Синодику Московской Патріаршей бібліотеки, XV вѣка.

Общіе выводы реферата были таковы: 1) борьба за идеи религіозныя и философскія проходитъ чрезъ всю исторію Византіи; 2) отличительныя рѣчи, проповѣди могли бы служить цѣннымъ матеріаломъ для историка; онѣ восполняютъ пробѣлы не только лѣтописей, но иногда даже и системъ философскихъ; 3) вопросы жизни нарождались съ логическою послѣдовательностью, доказывая тѣмъ самымъ, что византійское общество отнюдь не лишено было извѣстнаго поступательнаго движенія и не пребывало въ застоѣ, какъ это вообще принято думать.

Къ „замѣчательнѣйшему“ реферату Ѡ. И. Успенскаго А. С. Павловъ считалъ возможнымъ сдѣлать только нѣсколько „добавленій“. Такъ онъ напомнилъ, что во второмъ томѣ Acta Sanctorum находятся разныя свѣдѣнія о св. патріархѣ Меѳодіи, виновникѣ установленія этого чина и бывшаго, кажется, и первымъ авторомъ самаго чина или пояснительнаго введенія къ нему. Важною стадіей въ развитіи чина православія надо признать грузинскій переводъ его, сдѣланный въ началѣ XI столѣтія царевичемъ св. Евенміемъ, основателемъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (проф. Павлову извѣстенъ по докладу Броссэ): въ немъ сохранилось нѣсколько такихъ указаній, которыхъ лишена первоначальная редакція, изданная Монфокономъ. Для исторіи греческаго синодика есть нѣсколько данныхъ и въ актахъ собора Византійскаго, впервые запретившаго четвертый бракъ; съ амвона Софійской Патріаршей церкви Синодикъ читался всегда въ день его изданія. Періодъ господства латинянъ едвали былъ пробѣломъ въ исторіи Синодика; онъ не прошелъ для него безслѣдно: жизнь прежней Византіи, вѣдь, не прервалась отъ завоеванія крестоносцевъ; столица грековъ была перенесена въ Никею и умственная дѣятельность тамъ не замирала; законы церковно-административныя и церковно-догматическіе появлялись и тамъ, отвѣчая нарождавшимся новымъ потребностямъ. Это чисто-априорное умозаключеніе подтверждается и болѣе осязательнымъ образомъ: неизданныя письма охридскаго архіепископа Димитрія Хоматина свидѣтельствуютъ, что въ Никеѣ въ эту пору возникали явленія въ жизни церковной и социальной, кои никакъ не могли остаться безслѣдно для Синодика.

Впрочемъ А. С. Павловъ успѣваетъ оговориться, что названныя письма извѣстны ему только по каталогу библіотеки, въ которой они хранятся.

Второе сообщеніе Ѳ. И. Успенскаго было „О военномъ устройствѣ Византіи“. Надо замѣтить, что проф. Успенскаго давно уже интересуется вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ Византійской имперіи (см. его изслѣдованія въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Запискахъ Одесскаго Университета); нынѣшняя работа логически связана съ предыдущими. Дѣло въ томъ, что военная служба средневѣковыхъ грековъ частію опредѣлялась имущественно-земельнымъ положеніемъ гражданъ. Односельчане или совладѣльцы, называемые складчиками или сокопейщиками, сообща поставляли коннаго или пѣшаго рекрута, хотя это и не было общимъ правиломъ. Перечислив источники, касающіеся затронутого имъ вопроса, референтъ представилъ анализъ двухъ терминовъ: тагма и тема. Тагма—это столичное войско, гвардія, принимавшая участіе во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ и проникнутая интересами, далекими отъ соображеній о государственной пользѣ. Тагмы участвуютъ въ провозглашеніи новыхъ императоровъ, встрѣчаются въ описаніяхъ парадовъ, военныхъ смотровъ; начальники тагмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вліятельные сановники при дворѣ. Тема—наоборотъ, войско провинціальное, въ исключительныхъ только случаяхъ появлявшееся при дворѣ. Это вполне земское войско, выставлявшееся отдѣльными округами (тоже носившими названіе темъ) и нерѣдко даже въ походѣ сохранявшее свой гражданско-областной характеръ, свое управленіе и свой судъ. Организація темъ—прекрасный матеріалъ для знакомства съ мелкимъ землевладѣніемъ Византіи, а такъ какъ послѣднее сложилось подъ сильнымъ воздѣйствіемъ вторженія на Балканскій полуостровъ и заселенія его въ періодъ VI—VII вѣковъ славянами, то вопросъ о военномъ устройствѣ переходитъ самъ собою въ вопросъ изученія славянства въ Византіи. Необходимо добавить, что темы, возникшія въ ту пору, когда Восточная Имперія превращалась въ Византійскую, составляли главную силу государства. Однѣ тагмы не въ состояніи еще были дать надлежащій отпоръ врагамъ въ случаѣ нападенія послѣднихъ на столицу. Вотъ почему съ другой стороны, если закрадывалось недовѣріе въ лояльности темъ, правительство прибѣгало къ системѣ штрафовъ, конфискаціи имущества или же къ расквартированію земскихъ полковъ по другимъ округамъ.

А. И. Кирпичниковъ предпринялъ съ Ѳ. И. Успенскимъ со-
вмѣстную работу по изученію Анонима Бандурія. До сихъ поръ мало
изслѣдованный, памятникъ этотъ оказывается сборникомъ отдѣль-
ныхъ статей, въ разное время составленныхъ разными лицами, по-
священный преимущественно описанію достопримѣчательностей Кон-
стантинополя, переплетенному съ указаніемъ на обычаи и суевѣрія
того времени. Последняя редакція Бандурія сложилась во времена
Алексѣя Комнена (1081—1118 гг.), и только нѣкоторыя статьи болѣе
древней поры. Проф. Кирпичниковъ остановился пока на монументаль-
ныхъ постройкахъ и между прочимъ на скульптурныхъ произведе-
ніяхъ, что и послужило темою для его доклада „О древностяхъ Кон-
стантинополя по Анониму Бандурія“. Имъ были описаны многіе па-
мятники, разказана исторія ихъ работъ и т. п. Особенно внимательно
онъ остановился на конной статуѣ Юстиніана.

Тѣ времена, когда византійская живопись третировалась, какъ
отрицаніе всякаго искусства, когда ей не находили мѣста въ исто-
ріи художества, времена эти, надо думать, прошли безвозвратно.
Нынѣ и на западѣ готовы отдать должное византійскимъ миниатю-
ристамъ, скульпторамъ и живописцамъ. Тѣмъ естественнѣе видѣть
у насъ въ Россіи работы, направленные на изученіе этого прош-
лаго. Область византійскаго искусства затронута была на съѣздѣ въ
рефератѣ А. А. Павловскаго: „Вліяніе Византіи съ южной Ита-
ліи и Сициліи по церковнымъ памятникамъ“. Онъ старался опро-
вергнуть распространенное мнѣніе, будто бы національное италиан-
ское искусство зародилось въ южной Итали и въ частности въ Си-
циліи, обусловленное тамъ памятниками классической старины, и что
только въ сферѣ религіозной Сицилія несетъ на себѣ — особенно въ
мозаикѣ—слѣды вліянія чисто византійскаго. Между тѣмъ, по мнѣ-
нію референта, вліяніе востока гораздо глубже и разностороннѣе.
Иконоборство вынудило многихъ людей бѣжать на западъ, а съ ними
Италія получила просвѣщеніе, стоявшее гораздо выше того, что
было у нея самой. Бѣжавшіе монахи и священники принесли съ со-
бою искусство и науки. Византійская культура рѣшительно охва-
тываетъ всю Калабрію, а ко времени появленія норманновъ прони-
каетъ даже и въ Апулію. Игуменъ Монтекассинскаго монастыря Де-
видерій, впоследствии (съ 1087 г.) папа Викторъ III, основываетъ въ
своемъ монастырѣ школу художниковъ подъ руководствомъ моза-
истовъ, выписанныхъ изъ Византіи и Александріи. Все это, замѣ-

часть г. Павловскій, заставляетъ насъ признать прежній взглядъ устарѣвшимъ и невѣрнымъ.

Рядомъ съ Византіей можно поставить и балканскихъ славянъ, судьбы которыхъ, политическія и культурныя, такъ тѣсно переплетены съ судьбою наслѣдниковъ античной цивилизаціи Перикла и Платона. Вотъ почему въ этотъ отдѣлъ мы заносимъ докладъ П. А. Лаврова: „Одинъ изъ вариантовъ переработки исторіи славяно-болгарской Паисія“. Болгаринъ Паисій, инокъ Хиландарскаго монастыря, написалъ въ прошломъ столѣтіи патристическую исторію славяно-болгаръ, скоро завоевавшую себѣ популярность и вызывавшую, при обиліи списковъ, нерѣдко новыя вставки и дополненія. Къ числу такихъ передѣлокъ относится и рукопись Григоровича, хранящаяся въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 1731). Она писана народнымъ болгарскимъ явнкомъ съ большою примѣсью словъ турецкихъ; въ этомъ между прочимъ ея отличіе отъ варианта Герова, съ выдержками изъ котораго нѣкогда познакомилъ В. И. Ламанскій въ статьѣ своей „Болгарская словесность XVIII вѣка“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1869, № 9). Будучи нѣсколько подробнѣе списка Герова, рукопись Григоровича въ то же время во многихъ мѣстахъ представляетъ и лучшее чтеніе.

Судьба несторіанъ тоже довольно тѣсно связана съ міромъ греко-византійскимъ. О нихъ шла рѣчь въ докладѣ Д. А. Хвольсона: „Сиро-несторіанскія надгробныя надписи, найденныя въ Семирѣчской области“. Изгнанные изъ Византіи, несторіане нашли пріютъ у царей Сассанидскихъ и ревностно занимались на новой родинѣ комментированіемъ и переводомъ на сирійскій языкъ греческихъ писателей. Позже, благодаря имъ, представители древнегреческой науки стали извѣстны и въ литературѣ арабской, которая въ свою очередь служила мостомъ для средневѣковаго, латинскаго Запада. Выходя изъ этихъ основаній, референтъ считалъ себя въ правѣ обратитъ вниманіе членовъ съѣзда и на несторіанскія надгробныя надписи, внѣшній видъ и краткое содержаніе которыхъ были имъ изложены въ своемъ сообщеніи. Несторіане очень рано стали распространять христіанство на Востока: въ Средней Азій, въ Сѣверномъ Китаѣ и проч. Было время, когда турки цѣлыми племенами принимали ученіе Христа; этимъ объясняется и возможность занесенія надписей такъ далеко на востокъ отъ Средиземнаго моря.

IX.

Древній Востокъ ¹⁾.

Предыдущую главу мы закончили сообщеніемъ Д. А. Хвольсона; настоящую можно начать съ доклада того же почтеннаго ученаго: „О развитіи финикійскаго алфавита между семитами и о палеографическомъ способѣ хронологическаго опредѣленія семитскаго письма“. Проф. Хвольсонъ не думаетъ, чтобы семиты, и въ томъ числѣ финикіяне, заимствовали отъ египтянъ алфавитъ: они воспользовались только ихъ идеей разными начертаніями изображать звуки; въ египетскомъ алфавитѣ меньше буквъ, чѣмъ въ финикійскомъ, при чемъ послѣдній обозначаетъ буквы вполне семитскими наименованіями. Изъ алфавита финикійскаго образовались и другіе семитскіе алфавиты. Постепенное измѣненіе въ начертаніи буквъ подвержено извѣстному закону, что даетъ возможность отличить буквы древнѣйшія отъ болѣе новаго письма, а по датамъ того или другаго памятника узнается характеръ начертанія буквъ данной эпохи, что въ свою очередь ведетъ къ хронологическому опредѣленію памятниковъ недатированныхъ.

М. В. Никольскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на докладъ Д. А. Хвольсона, призналъ возможнымъ замѣнить египетское влияніе на финикіяне въліяніемъ ассиро-вавилонскимъ; другой же оппонентъ, В. А. Грингмутъ, отстаивалъ не только зависимость финикіяне отъ египтянъ въ идеѣ іероглифическаго письма, но и въ самыхъ іероглифическихъ знакахъ.

И. И. Соловейчикъ сообщилъ „Новыя данныя о моавитской надписи Меша“, очень важномъ памятникѣ, хранящемся нынѣ въ Луврскомъ музеѣ. Библия разказываетъ объ экспедиціи трехъ союзныхъ царей Израильскаго, Іудейскаго и Эдоминскаго противъ Моавитскаго царя Меша, между тѣмъ о ней молчитъ настоящая надпись.

¹⁾ Настоящую главу, а отчасти и слѣдующую, десятую, мы вынуждены были составить на основаніи свидѣній, своевременно помѣщавшихся въ газетахъ; поэтому мы сочли болѣе уместнымъ изложить рефератъ этого отдѣла возможно короче, за исключеніемъ перваго доклада М. В. Никольскаго о цилиндрахъ А. В. Прахова; въ виду общаго его интереса, мы почти полностью перепечатаемъ этотъ докладъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Послѣднее обстоятельство заставляло ученыхъ относить надпись ко времени, предшествовавшему упомянутому въ Библии походу. Мнѣніе это господствуетъ въ наукѣ и до сихъ поръ. Задача референта — поколебать справедливость такого взгляда. Еще французскій египтологъ Клермонъ-Ганно замѣтилъ, что стела Мешы, имѣя приблизительно ту же ширину и толщину, какъ и находящаяся въ Луврскомъ музеѣ стела египетскія и ассирійскія, значительно уступаетъ имъ въ вышинѣ и, слѣдовательно, дошла до насъ въ обломанномъ видѣ. Основываясь на этихъ указаніяхъ, г. Соловейчикъ предполагаетъ, что въ утерянной части могло заключаться повѣствованіе о томъ походѣ, разказъ о которомъ намъ переданъ въ Библии.

По поводу этого доклада М. В. Никольскій предложилъ съестись съ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ и обратить его вниманіе на необходимость археологическихъ изслѣдованій мѣстности, гдѣ была найдена надпись Мешы (къ востоку отъ Мертваго озера). Референтъ и А. А. Цагарели поддержали это предложеніе.

„О вавилонскихъ цилиндрахъ, пріобрѣтенныхъ А. В. Праховымъ“ — такъ назывался докладъ М. В. Никольскаго. „Коллекція г. Прахова состоитъ изъ 16 цилиндровъ; она была продана ему въ Сайдѣ (древнемъ Сидонѣ) неизвѣстнымъ лицомъ. Референтъ познакомился съ этою коллекціею только по открытіи съѣзда, увидавъ ее на выставкѣ. Изслѣдовавъ эти цилиндры съ дозволенія профессора Прахова и сдѣлавъ съ нихъ снимки, референтъ пришелъ къ заключенію, что почтенный профессоръ Праховъ сдѣлался жертвою обмана, пріобрѣвъ фальшивые цилиндры за дѣйствительные. Они принадлежать къ категоріи тѣхъ поддѣлокъ подъ ассиро-вавилонскія древности, которыя были выставлены въ 1887 году въ Москвѣ въ музеѣ г. Ронова. Послѣднія состояли изъ алебастровыхъ дощечекъ съ изображеніями и надписями. Референтъ открылъ тогда же обманъ и подробно разоблачилъ его въ только что образовавшейся при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ восточной комиссіи. Впослѣдствіи, въ концѣ 1888 года, французскій ассириологъ г. Менанъ издалъ книгу о фальшивыхъ ассиро-вавилонскихъ древностяхъ, въ которой главнымъ образомъ поставилъ своею задачею описать тѣ самые предметы, которые показывались г. Роновымъ. Оказывается, что такія же поддѣлки одновременно были въ Парижѣ и Америкѣ. Менану удалось узнать при посредствѣ американскаго ассириолога д-ра Уарда и самое мѣсто поддѣлки, именно персидскій городъ Кербела, гдѣ этимъ занимается цѣлое семейство. Референтъ дополнилъ

выводы Менана обсужденіемъ того факта, что оригиналомъ для поддѣлки надписей послужила извѣстная надпись Навуходоносора, находящаяся на всѣхъ кирпичахъ построенныхъ имъ зданій. Переходя затѣмъ къ цилиндрамъ г. Прахова, референтъ указалъ на сравнительную трудность поддѣлки этихъ предметовъ и констатировалъ несомнѣнный прогрессъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Изъ 16 цилиндровъ 12 сдѣланы изъ матеріала, который своимъ видомъ ничѣмъ не отличается отъ гематита, самаго твердаго матеріала употребительнаго для цилиндровъ. Референту нѣсколько дней не приходило даже въ голову усомниться въ матеріалѣ, но когда онъ сталъ испытывать его, то оказалось, что цилиндры сдѣланы изъ алебаstra, искусно окрашеннаго въ цвѣтъ гематита. Этотъ фактъ является самою очевидною уликой въ обманѣ. Но и все остальное не менѣе доказываетъ то же самое. Знаки надписей тѣ же самыя, что и въ алебастровыхъ дощечкахъ г. Ройнова, но они вырѣзаны, какъ и слѣдуетъ, на цилиндрахъ, служившихъ печатями въ обратномъ направленіи, что также доказываетъ успѣхъ со стороны поддѣльвателей. Ошибка съ ихъ стороны, притомъ капитальная, была та, что они вели надпись не сверху внизъ, а снизу вверхъ, что невозможно въ подлинныхъ надписяхъ. Что касается изображеній на цилиндрѣ, то поддѣльватели съ этимъ труднымъ предметомъ справились не менѣе смѣло и оригинально. Они въ большинствѣ случаевъ взяли ихъ изъ подлинныхъ, въ которыхъ эти изображенія крайне разнообразны, но большею частью религіознаго характера, исполнены символизма. Не понимая этихъ сюжетовъ и не имѣя возможности копировать ихъ, поддѣльватели дали имъ своеобразную интерпретацію, приблизивъ ихъ подѣ понятія и вкусы нынѣшняго времени: религіозныя сцены представлены какъ свиданія знакомыхъ, женскія божества какъ танцовщицы изъ балета, непонятныя миеологическія фигуры какъ бѣсы съ рогами и т. д. Референтъ подробно демонстрировалъ при этомъ снимки съ этихъ поддѣланныхъ цилиндровъ, сопоставляя ихъ съ аналогичными сюжетами на снимкахъ съ подлинно-вавилонской коллекціи вавилонскихъ цилиндровъ, также находящейся на выставкѣ и принадлежащей д-ру Блау изъ Месопотаміи“.

Названная коллекція д-ра Блау, вызывавшая такой восторгъ специалистовъ и заключающая въ своемъ составѣ рѣдчайшія вещи научной важности, дала матеріалъ для новаго сообщенія М. В. Никольскаго: „Изображеніе женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуеткахъ“. Давно уже наблюдалась эта таинственная

фигура, обнаженная и неподвижная, всегда en face, а не въ профиль, какъ другія. Менанъ полагалъ, что это богиня Иштара, вавилонская Афродита, въ моментъ нисхожденія своего въ адъ, гдѣ была лишена своихъ одеждъ и украшеній. Въ собраніи Блау нашлось нѣсколько цилиндровъ и статуетокъ съ изображеніемъ этой фигуры и, по счастью, на одномъ такомъ цилиндрѣ, гдѣ богиня изображена рядомъ съ мужскою фигурою, дана надпись, послужившая ключемъ къ разгадкѣ. Оказывается, что это не Иштара, а богиня Шалу, жена бога Раману. Но почему она изображалась обнаженною — референтъ считаетъ себя пока безсильнымъ дать разъясненіе.

✓ Рефератъ Г. А. Халатянца „О новомъ божествѣ у древнихъ армянъ Ангехъ или Ангелъ“ — пытался доказать, что Ангелъ былъ богъ войны, занесенный на армянскій Олимпъ изъ Ассиріи въ періодъ XI — VII вѣковъ до Р. Хр. Вѣроятно тогда же были занесены въ Армению и другія ассиро-вавилонскія божества: Вааль (по армянски: Балн-и-тунъ) и Ану (сравни. названіе крѣпости Ани) — владыка земель.

Х.

Сообщенія иностранныхъ делегатовъ.

На восьмомъ археологическомъ сѣздѣ присутствовало шесть иностранныхъ гостей, представлявшихъ собою Францію, Австрію и Пруссію. Это были: г. Карталякъ (Carthailac), баронъ де-Бае (de Baue) — оба какъ правительственные делегаты отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія, послѣдній, кромѣ того, и отъ общества французскихъ антикваріевъ; графъ де-Флери (de Fleury) — отъ археологическаго и историческаго общества Шаранты; г. Гегеръ (Heger) — консерваторъ одного изъ отдѣленій Вѣнскаго музея и первый секретарь антропологическаго общества въ Вѣнѣ; д-ръ Стржиговскій (Strzygowski) — приватъ-доцентъ Вѣнскаго университета; г. Гремплеръ (Grempler) — депутатъ двухъ обществъ въ Германіи: антропологи, этнографіи и первобытной исторіи — въ Берлинѣ и археологи — въ Бреславлѣ.

Сообщенія названныхъ лицъ мы сводимъ въ одну общую группу, отступая такимъ образомъ отъ принятаго плана. Но, думается намъ, русскаго читателя эти рефераты могутъ заинтересовать не сами по себѣ, а какъ мѣрило того, съ чѣмъ явилась западная Европа на

мирный праздникъ русской науки. Примѣсь же постороннихъ элементовъ только бы затемнила основное содержаніе нашихъ собственныхъ работъ.

Прославленный ученый, г. Э. Картальякъ прочиталъ рефератъ „О значеніи русской доисторической археологіи для западной Европы (Des lumières que l'archéologie préhistorique russe peut projeter sur l'Europe Occidentale“). Появленіе перваго человѣка въ нашей части свѣта относится къ такъ-называемой межледниковой эпохѣ; но еще раньше, въ эпоху доледниковую, уже существовалъ онъ въ Азіи, именно, въ Сибири, этой, по мнѣнію Катрфажа, колыбели человеческого рода. Это была пора древнѣйшаго каменнаго вѣка, слѣды котораго констатированы и въ западной Европѣ, и въ Россіи; но въ послѣдней слѣды эти скудны; за то чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ они вырастаютъ въ количествѣ. Это вызываетъ предположеніе, что человѣкъ того времени заселилъ Европу съ востока, изъ Азіи. Параллельно съ нарастаніемъ количества памятниковъ въ направленіи къ западу, идетъ и совершенствованіе ихъ техническое. Поэтому новыя находки въ Россіи должны значительно помочь въ разясненіи вопроса о древнѣйшихъ стадіяхъ и путяхъ распространения культуры древнѣйшаго каменнаго вѣка. Точно такъ же и эпоха неолитическая, вопросъ о дольменахъ, о культурѣ металлической можетъ значительно подвинуться, благодаря работамъ русской археологіи. Въ виду важныхъ находокъ въ Сибири и на Кавказѣ, нынѣ позволительно уже съ сомнѣніемъ относиться къ давнему взгляду, будто бы Европа впервые ознакомилась съ желѣзомъ черезъ Африку. Г. Картальякъ съ большою похвалою отозвался о богатомъ содержаніи археологической выставки, находя, что оно превысило всякія ожиданія.

По окончаніи доклада А. П. Богдановъ, отъ имени референта, заявилъ о его намѣреніи сдѣлать на французскомъ языкѣ сводъ данныхъ русской археологической литературы по доисторическому періоду, въ виду чего обращается къ русскимъ археологамъ съ просьбою снабдить его своими сочиненіями, оттисками статей и рисунками, относящимися къ этому періоду.

Рефератъ графа де-Флери носилъ названіе: „О нѣкоторыхъ городищахъ въ бассейнѣ рѣки Вислы“ (De quelques horodyscze du bassin de la Vistule) ¹⁾. Существуютъ двѣ археологическія карты для

¹⁾ Графъ де-Флери владѣеть помѣстьемъ въ западномъ краѣ, чѣмъ и объясняется „русскій“ характеръ его резеритовъ—настоящаго и слѣдующаго за этимъ.

лѣваго берега Вислы: Оссовскаго и Лиссауэра; первый видитъ въ городищахъ, нанесенныхъ имъ на свою карту, памятники каменнаго вѣка; другой относитъ ихъ къ эпохѣ, какъ онъ ее называетъ, сѣверно-арабской (VII—XI вѣкахъ). Но Оссовскій не доказалъ своего мнѣнія; съ Лиссауэромъ же можно вполне согласиться, что въ X столѣтїи подобныя сооруженія еще воздвигались въ землѣ славянъ; хотя съ другой стороны еще весьма спорнымъ остается другой его домысль, будто бы ни одного городища нельзя отнести къ болѣе древней порѣ. Референтъ съ своей стороны готовъ допустить не только болѣе древнюю, но даже и весьма отдаленную эпоху. Если Лиссауэръ ссылается на арабскаго путешественника Ибрагимъ-ибнъ-Якуба (973), то онъ правъ, по скольку рѣчь идетъ о X столѣтїи. А между тѣмъ графу Завишъ удалось отыскать два городища около Минска и Кириллова съ предметами несомнѣнно каменнаго вѣка, безъ малѣйшихъ слѣдовъ металла. Способъ постройки городищъ Вислинскаго бассейна графъ де-Флери находитъ общимъ съ устройствомъ греческихъ и римскихъ колоній, служившихъ въ данномъ случаѣ образцомъ. Вторая половина доклада состояла въ весьма обстоятельномъ описанїи городища Вислы на берегу р. Нарева въ Ломжинской губерніи.

Другое сообщеніе графа де-Флери „О стоянкѣ человѣка неолитическаго періода у Кемпы, въ Гродненской губерніи (Station de la pierre polie de Kempa, gouvernement Grodno)* — имѣло въ виду собственно ознакомить слушателей съ назначеніемъ найденныхъ орудій, и по своему содержанію могло бы быть поставлено рядомъ съ извѣстнымъ уже намъ докладомъ г-жи Мельникъ.

Подобно г. Картальяку, баронъ де-Бэ остановился на той же темѣ—„О значенїи русскихъ древностей для археологїи западной Европы“, но подошелъ къ ней съ иной стороны, мастерски нарисовавъ картину культурныхъ сношеній востока и запада Европы въ доисторическія времена. Въ вѣдрахъ Скнеи, говоритъ г. де-Бэ,—скрыта исторія народовъ, населившихъ Европу; Кавказъ вѣроятная колыбель культуры начального желѣзнаго вѣка; въ Уральскихъ горахъ, быть можетъ, полученъ тотъ матеріалъ, изъ котораго приготовлены первыя европейскія бронзовыя и мѣдныя орудія; на сѣверѣ русская старина соприкасается и сливается со скандинавскою; зародышъ, такъ-называемой *orfèvrerie cloisonnée* германскихъ варваровъ приходится отыскивать въ степяхъ южной Россїи, гдѣ сложились произведенія Урала, Передней Азїи и Греціи и гдѣ сложился

своеобразный „скискій“ стиль. Далѣе мы видимъ, въ какой тѣсной зависимости отъ готовъ или гетовъ, обитателей Понтийскихъ равнинъ, находится культура меровингская, слѣды которой разбросаны чуть не по всей Европѣ: въ Испаніи и Сѣверной Франціи, въ Англии и Южной Бельгіи, на островахъ Эландѣ, Борнгольмѣ и Готландѣ; страна янтаря нашла у себя мѣсто для восточныхъ гранатовъ, оправленныхъ въ золото.

Во второмъ сообщеніи — „Восточное вліяніе на звѣринный орнаментъ у германскихъ народовъ (L'influence orientale sur le bestiaire décoratif des peuples germaniques)“ — баронъ де-Бэ остановился главнымъ образомъ на изображеніяхъ дракона, грифона и двуглавой птицы, прослѣдивъ послѣдовательныя измѣненія, какимъ они подвергались, и указавъ гдѣ именно на востокѣ можно отыскивать родоначальниковъ этихъ фантастическихъ животныхъ (Каппадокія, Кавказъ и др.).

Г. Стржиговскій остановился въ своемъ докладѣ на „Энкавстической живописи и ея образцахъ на археологической выставкѣ съѣзда (Die enkaustische Malerei und ihr Vertreter in der archeologischen Ausstellung des Congresses)“, поводомъ къ чему послужила одна икона, присланная на выставку Кіевскимъ церковно-археологическимъ музеемъ. Живопись классической древности обыкновенно различаютъ трехъ родовъ: стѣнную (фрески), на вазахъ и сосудахъ, и энкавстическую, то-есть, на доскахъ при помощи воска и красокъ. Въ послѣднемъ случаѣ воскъ наводился на доску, окрашивался красками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этого требовалъ рисунокъ, послѣ чего навощенную доску подвергали давленію раскаленнаго желѣза, растоплявшаго воскъ и заставлявшаго краски выступать во всей ихъ яркости. Этимъ способомъ приготовлялись портреты въ древнемъ Египтѣ, налагавшіеся на муміи, на мѣсто головы. Икона церковно-археологическаго музея получена изъ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, куда, вѣроятно, попала какъ-нибудь изъ катакомбъ. Профессоръ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ видитъ въ изображенныхъ на ней мужчинѣ и женщинѣ свв. Константина и Елену. Риферентъ старался опровергнуть это мнѣніе, но за то вполне признаетъ, что икона несомнѣнно христіанской эпохи, IV—VII вѣковъ; въ этомъ убѣждаютъ большой крестъ, раздѣляющій обѣ фигуры; два малыхъ — въ рукахъ каждой изъ нихъ, и плащъ со звѣздой на правомъ плечѣ — у мужчины.

Предметомъ сообщенія г. Гегера служили древніе „Кавказскіе

могильники и ихъ отношеніе къ западно-европейской культурѣ (*Die kaukasische Gräberfelder und ihre Beziehungen zum Westen*)⁴. Референтъ пришелъ къ слѣдующимъ тремъ основнымъ выводамъ: 1) оригинальная кавказская культура начального желѣзнаго вѣка, вмѣсто того чтобы развиваться, постепенно вымирала; 2) она не находилась ни въ какой связи съ культурою Западной Европы соотвѣтственнаго времени и развивалась вполне самостоятельно; 3) древность этой кавказской культуры болѣе поздняя, чѣмъ думаютъ Вирховъ и Шантръ, относившіе ее за 1000 лѣтъ до Р. Хр.

Наконецъ, г. Гремплеръ разказалъ „О находкахъ, относящихся къ начальной эпохѣ великаго переселенія народовъ (*Ueber die Funde aus dem Beginne der Vörlkerwanderungszeit*)⁴. Анализъ найденныхъ вещей (близъ мѣстечка Сакрау, около Бреславля), преимущественно римскаго издѣлія III — IV вѣковъ по Р. Хр., далъ референту возможность сдѣлать такую догадку: эти предметы занесены вандалами на свою родину, въ Силезію; готы служили посредниками въ передачѣ издѣлій греческихъ припонтійскихъ колоній; сѣверо-германскія племена издавна находились въ сношеніи съ народами, жившими въ III вѣкѣ нашей эры въ южной полосѣ нынѣшней Россіи.

Иная область была затронута г. Бойе (*Paul Boyer*). Не будучи ни специалистомъ археологомъ, ни даже делегатомъ на съѣздѣ, референтъ, съ осени прошлаго года командированный Парижскимъ университетомъ для изученія русскаго языка и, къ слову говоря, замѣчательно быстро усвоившій разговорную русскую рѣчь, высказалъ нѣсколько соображеній „О способѣ изученія русскаго языка въ его прошломъ (*De la manière d'étudier l'histoire de la langue russe*)⁴. Онъ исходитъ изъ того, какъ онъ замѣчаетъ, общепринятаго взгляда, что русскій языкъ есть языкъ самостоятельный и не происходитъ отъ церковно-славянскаго. Утверждать это было бы одинаково ложно, какъ и современный нѣмецкій языкъ производить отъ готскаго или современный французскій отъ умбрійскаго. Обиліе церковно-славянскихъ словъ въ русскомъ языкѣ не измѣняетъ дѣла; остается же англійскій языкъ языкомъ германскимъ, не смотря на массу французскихъ словъ, вошедшихъ въ него со временъ норманскаго завоеванія. Итакъ, задача сводится къ изученію русскаго языка въ немъ самомъ, а именно: отыскивать письменные памятники, опредѣлять долю вліянія мѣстнаго элемента по списаннымъ въ Россіи славянскимъ рукописямъ, отмѣчать года для опредѣленія роста національной литературы и т. п. Не должны быть забыты и современныя нарѣчія.

XI.

Методологія археологическихъ знаній.

Археологія, подобно любому предпріятію, нуждается въ благопріятныхъ условіяхъ, въ правильной постановкѣ вопроса и въ развитіи вспомогательныхъ средствъ. Лучшая организація архивовъ, опредѣленіе методовъ въ изслѣдованіи археологическихъ памятниковъ, устройство музеевъ и многое тому подобное,—все это вопросы первостепенной важности, и предыдущіе съезды никогда ихъ не игнорировали. Не были забыты они и теперь. Особенное оживленіе внесено было преніями по поводу учрежденія русскаго археологическаго института за границей.

В. И. Модестовъ въ рефератѣ „Одна изъ мѣръ къ поднятію археологическаго образованія въ Россіи“ развивалъ мысль о необходимости открыть археологическій институтъ въ Римѣ и отдѣленіе въ Афинахъ, рисуя живую картину того, какъ крупныя археологическія открытія послѣднихъ лѣтъ проходятъ безслѣдно для русскаго науки за невозможностью непосредственнаго и своевременнаго ознакомленія съ памятниками классической старины. Намъ все достается изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Если вѣрно выраженіе: *roëtae nascuntur*, то еще справедливѣе сказать: *archeologi fiunt*. На 10 — 20 тысячъ рублей въ годъ можно учредить свой институтъ и даже издавать въ Россіи журналъ, который бы знакомилъ русскую публику съ текущими работами соотечественниковъ въ этой области.

Пренія, вызванныя рефератомъ проф. Модестова, съ достаточной ясностью показали, на сколько сочувственно принято было его предложеніе. Разногласіе касалось только частныхъ. И. В. Цвѣтаевъ, не надѣясь на скорое осуществленіе мысли, уже въ силу одного того, что расходы будутъ гораздо обширнѣе, довольствовался на первое время учрежденіемъ постоянныхъ шести-семи стипендій для лицъ, ежегодно отправляемыхъ въ Римъ и Афины подъ руководствомъ опытнаго ученаго. Н. В. Покровскій, оставляя Римъ центральнымъ пунктомъ, предлагалъ помѣстить филиальную школу вмѣсто Афинъ въ Константинополь, гдѣ такъ много цѣнныхъ для православнаго христіанскаго археолога памятниковъ; но А. А. Дмитриевскій и А. С. Будилевичъ, устраняя совершенно турецкую столицу, настаивали на Афинахъ, какъ на центрѣ, и Римѣ, какъ

отдѣленіи. Первый изъ нихъ указалъ при этомъ, что русское происхожденіе нынѣшней греческой королевы существенно облегчаетъ устройство Аѳинскаго института. Изъ оппонентовъ г. Модестова одинъ только Г. Л. Скадовскій (говорившій первымъ), принципиально разошелся съ референтомъ, находя, что полезнѣе обратить русскія силы на охрану и разработку отечественныхъ памятниковъ, изъ года въ годъ гибнущихъ безслѣдно. На это замѣчено было Д. Я. Самоквасовымъ, что для южно-русскихъ кургановъ основательное знакомство съ классическою древностью является болѣе чѣмъ полезнымъ. Совѣтъ сѣзда постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ осуществленіи проекта проф. Модестова, препроводивъ при ходатайствѣ и самый рефератъ.

Аналогиченъ съ докладомъ проф. Модестова былъ рефератъ П. Б. Мансурова—„Византія, Славянство и Россія“. Только Римъ онъ замѣнялъ Константинополемъ; мотивы такого предпочтенія, горячо изложенныя, легко провидѣть въ самомъ заглавіи реферата. Послѣдовавшія пренія отличались замѣчательною пылкостью и увлеченіемъ. Очевидно, это послѣднее обстоятельство породило то нѣсколько комичное явленіе, въ какомъ очутились спорящія стороны. Докладъ собственно былъ мотивировкой уже принятаго правительствомъ рѣшенія избрать Константинополь мѣстомъ для будущаго института, и сѣзду предлагалось обсудить мѣры для осуществленія проекта, а не входить въ обсужденіе его пригодности. Между тѣмъ пренія именно и свелись къ этому послѣдкому. Въ жару спора не замѣтили, что спорили заднимъ числомъ. Ошибка замѣчена была уже слишкомъ поздно. Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Увлеченіе дало случай высказаться, и мы отнюдь не считаемъ бесполезнымъ привести мнѣнія участниковъ этой бесѣды. А. А. Дмитріевскій желалъ бы соединить проектъ гг. Модестова и Мансурова въ одинъ, ибо одно временное существованіе двухъ институтовъ окажется роскошью. Напротивъ проф. Будиловичъ предпочиталъ возникновеніе заразъ всѣхъ трехъ; но уже если два, то въ Аѳинахъ и Римѣ; если одинъ — то лучше въ Аѳинахъ. Ѳ. И. Успенскій считалъ недоразумѣніемъ самый споръ о томъ, въ какомъ мѣстѣ лучше: рефератъ г. Мансурова затрогиваетъ изученіе византійскихъ древностей, то какъ бы образомъ могли бы Аѳины служить для этой цѣли? Классическій филологъ преслѣдуетъ свои задачи, общаго не имѣющія съ византійскими; союзъ будетъ не выгоденъ для послѣднихъ, а потому оба теченія должны оставаться самостоятельными. А. И. Кирпичниковъ

парируя упрекъ, брошенный Константинополю, будто бы тамъ нѣтъ библиотекъ, необходимыхъ музеевъ для занятій, замѣтилъ, что Константинополь самъ по себѣ есть обширѣйшій музей и библиотека. В. К. Трутовскій напомнилъ, что, кромѣ міра классическаго и византійскаго, есть еще два, съ которыми мы близко связаны: міръ славянскій и восточный, на нихъ тоже надо обратить вниманіе; поэтому предпочтеніе должно быть отдано Константинополю, какъ всего болѣе соединяющему эти четыре условія. А. С. Павловъ сдѣлалъ два „чисто практическія замѣчанія“: 1) инициатива въ устройствѣ института принадлежитъ правительству, указавшему на столицу османовъ, и мы должны идти ему на встрѣчу; 2) для Востока наилучшій городъ — Константинополь: районъ его дѣятельности совпадаетъ съ территорією Турецкой имперіи, что имѣетъ большое значеніе въ практическомъ отношеніи; этого преимущества лишены Аѳины.

Рефератъ В. Т. Георгіевскаго—„О преподаваніи археологіи въ духовныхъ семинаріяхъ и объ устройствѣ епархіальныхъ археологическихъ музеевъ“—затронулъ иную сторону археологическихъ интересовъ. Нельзя не признать весьма симпатичнымъ его предложеніе: ввести въ духовную семинарію преподаваніе церковной археологіи. Последняя даетъ хорошее оружіе для борьбы съ расколомъ, ибо споры о четырехконечномъ крестѣ, перстосложеніи, имени Іисуса и т. п. проще всего могутъ быть рѣшаемы при помощи церковно-археологическаго знанія памятниковъ. Сознательное отношеніе къ старинѣ сбережетъ послѣднюю отъ уничтоженія, защититъ древній иконостасъ отъ неумѣлой реставраціи, остановитъ продажу за безцѣнокъ ветхаго церковнаго облаченія, часто очень цѣннаго для историка и археолога и т. п. Но для успѣшности преподаванія необходимо наглядное ознакомленіе съ памятниками старины,—отсюда необходимость епархіальныхъ музеевъ¹⁾. Совѣтъ съѣзда очень сочувственно отнесся къ мысли г. Георгіевскаго, но просилъ его разработать подробнѣе свой проектъ, прежде чѣмъ давать ему дальнѣйшій ходъ.

Въ параллель только что изложенному сообщенію А. Н. Львовъ

¹⁾ Референтъ могъ бы указать на примѣръ Александро-Невскаго братства во Владимірѣ на Клязьмѣ, всего три года тому назадъ основаннаго древлехристианинѣ, образцы котораго были представлены на выставку. Повидному, братство нашло въ г. Георгіевскомъ энергическаго сотрудника въ устройствѣ и дальнѣйшемъ развитіи этого прекраснаго задуманнаго дѣла.

настаивалъ на необходимости озаботиться о памятникахъ письменныхъ („Нужно ли въ настоящее время принимать мѣры къ охраненію письменныхъ памятниковъ?“). Устройство Археологическаго института въ Петербургѣ и архивныхъ провинціальныхъ комиссій еще не вполне для этого достаточно: кромѣ крупныхъ городовъ не мало есть второстепенныхъ съ цѣнными по содержанію архивами. Для примѣра г. Львовъ напомнилъ, что архивъ Московской духовной консисторіи помѣщался два года назадъ въ сыромъ и пропыленномъ зданіи, а изъ другой консисторіи, Саратовской, исчезло болѣе пяти тысячъ дѣлъ, относящихся до раскола. Поэтому желательно ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи общаго законоположенія, объ устройствѣ и управленіи архивовъ всѣхъ вѣдомствъ. Мнѣніе это совѣтъ съѣзда одобрилъ и, выслушавъ заключеніе археографическаго отдѣленія, постановилъ просить Археологическій институтъ дать дальнѣйшій ходъ предложенію г. Лаврова.

Архивныя комиссіи, основанныя по мысли покойнаго Н. В. Калачова, не смотря на недавнее свое возникновеніе, работаютъ — и уже съ пользою для дѣла. Всего по настоящее время, какъ это видно изъ реферата А. Ѳ. Селиванова („Общій обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій“), открыто 11 комиссій: въ Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Перми, Рязани, Саратовѣ, Симферополѣ (Таврическая), Тамбовѣ, Твери и Ярославлѣ. Рязанская, напримѣръ, успѣла въ 1888 году разобрать 26.780 дѣлъ и отобрала изъ этого числа 1.908 для своего музея. Къ сожалѣнію, дѣятельность далеко не всѣхъ комиссій обставлена удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи; такъ, напримѣръ, годовой бюджетъ Костромской равнялся всего 84 рублямъ.

Нельзя однако не признать, что молодость названныхъ учрежденій отчасти причиною того, что самые основные вопросы далеко еще не всѣ разъяснены и установлены. Это можно было видѣть на рефератѣ Ѳ. Ѳ. Лашкова — „Къ вопросу объ устройствѣ губернскихъ историческихъ архивовъ“. Докладчикъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Таврической комиссій, выступилъ съ предложеніями и встрѣтилъ отпоръ отъ своего же собрата по оружію, А. В. Селиванова, представителя Рязанской архивной комиссій. Предложенія Ѳ. Ѳ. Лашкова сводились къ слѣдующему: необходимо приспособить какое либо казенное зданіе въ губернскомъ городѣ подъ историческій архивъ, поставивъ во главѣ послѣдняго — ученаго архивиста; въ такой архивъ доставлять изъ губернскихъ и уѣздныхъ правительствен-

ныхъ учреждений выборку не однихъ только дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, но и дѣлъ, тамъ хранящихся и не нужныхъ для канцелярскаго дѣлопроизводства, а между тѣмъ интересныхъ для науки, при чемъ рѣшеніе о самомъ переводѣ предоставить тѣмъ же комиссіямъ, безъ предварительнаго ходатайства у подлежащаго министерства; въ связи съ этимъ является необходимость предоставить комиссіямъ официальное право безпрепятственныхъ занятій въ правительственныхъ архивахъ губерніи. Сверхъ того, г. Лашковъ предложилъ субсидировать комиссіи для расходовъ по разработкѣ мѣстнаго архивнаго матеріала и признать ихъ отдѣленіями Главной Археологической комиссіи съ правами, установленными въ законодательномъ порядкѣ.

По мнѣнію А. В. Селиванова, не всѣ изъ пожеланій референта осуществимы. Архивныя комиссіи слишкомъ молодыя учреждения, не выработавшія даже и устава своей дѣятельности, чтобы имѣть право ходатайствовать о привилегіяхъ. Пока личный составъ нынѣшнихъ комиссій будетъ носить характеръ случайности, дотолѣ трудно требовать обязательной передачи изъ правительственныхъ мѣстъ ненужныхъ, но хранящихся тамъ дѣлъ. Лучше пока вести свою работу на почвѣ добровольнаго соглашенія и взаимнаго довѣрія. Что касается до археографической комиссіи, то ея задача — изданіе археографическихъ матеріаловъ, и помимо таковой у нея нѣтъ иныхъ точекъ соприкосновенія съ комиссіями архивными.

Что за необъятный рудникъ для историка Россіи представляютъ наши архивы вообще и въ какомъ они находятся состояніи, — объ этомъ отчасти можно было судить изъ докладовъ гг. Птицына, Дмитріевскаго и Гоздаво-Голомбѣвскаго. В. В. Птицынъ имѣлъ тему „Киренскій архивъ“ захолустнаго городка Иркутской губерніи. Въ немъ оказываются такіе любопытные документы, какъ распоряженія объ оказаніи помощи путешественнику доктору Мессершмидту (1728 г.), дѣла о Берингѣ (1740 г.), объ академикахъ Миллерѣ и Фишерѣ, о какой-то ученой экспедиціи въ Камчатку, копіи царскихъ указовъ и пр. Архивъ не описанъ, а восточно-сибирское отдѣленіе Географическаго Общества, по словамъ г. Птицына, охотнѣе разрабатываетъ вопросы статистическіе и геологическіе, чѣмъ литературно-архивные. Референтъ предлагаетъ поручить описаніе, приведеніе въ извѣстность и даже храненіе архива мѣстнымъ административнымъ ссыльнымъ, людямъ большею частью интеллигентнымъ, ссылаясь на подобные примѣры въ Забайкальской и Якутской Обл-

стяхъ, гдѣ имъ поручается завѣдываніе метеорологическими станціями, или въ Селенгинскѣ, гдѣ забайкальскій губернаторъ Барабашъ дозволилъ политическому ссыльному Шамарину разобрать городской архивъ, что тѣмъ и было исполнено съ прекраснымъ успѣхомъ. Другое сообщеніе г. Птицына—„Остатки архивовъ и древностей въ городѣ Илимскѣ, Иркутской губерніи“—имѣло цѣлю сообщить о заброшенномъ состояніи, въ какомъ находятся эти остатки въ настоящее время.

Много общаго съ этимъ докладомъ было въ сообщеніи А. А. Дмитріевскаго—„Архивъ Греческаго Нѣжинскаго братства“. Та же запущенность, и въ то же время цѣнность матеріаловъ (съ 1696 года). Громадныя привилегіи нѣжинскихъ грековъ по отбыванію городскихъ повинностей, энергическое отстаиваніе ихъ съ одной стороны, трудная борьба и хлопоты малороссійскаго населенія уничтожить ихъ—съ другой стороны—все это хорошо рисуется въ этихъ документахъ. Г. Дмитріевскій настаиваетъ на передачѣ бумагъ историческому архиву при Харьковскомъ университетѣ.

Весьма интересными оказались свѣдѣнія г. Гоздаво-Голомбѣевскаго „О дѣлахъ губернскихъ и провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ реформою 1864 года, и дѣлахъ стараго городского управленія Москвы, поступившихъ въ московскій архивъ министерства юстиціи“. Таковыхъ дѣлъ, оказывается, поступило къ началу 1890 года около 800 тысячъ, а сдача далеко еще не закончена. Дѣла получены болѣе чѣмъ изъ 1000 присутственныхъ мѣстъ 59-ти различныхъ названій, находившихся въ 453 населенныхъ пунктахъ. Большая часть дѣлъ поступила изъ уѣздныхъ судовъ (376), городскихъ магистратовъ (176) и ратушь (67). Преобладаютъ дѣла XVIII столѣтія, но Архивъ уже успѣлъ выдѣлать около 6000 документовъ болѣе ранней поры, съ богатымъ матеріаломъ для изученія воеводскаго управленія, таможеннаго и питейнаго дѣла, быта сибирскихъ инородцевъ и пр. Особенно любопытны Верхотурскія книги денежнымъ и хлѣбнымъ доходамъ самыхъ разныхъ видовъ. Дѣла Московскаго городского управленія старыхъ дѣлъ относятся къ исторіи быта и хозяйства Москвы—это дѣла управы благочинія, городской полиціи, думы и пр., всего въ количествѣ 10516 книгъ и 168119 дѣлъ.

Докладъ г. Гоздаво-Голомбѣевскаго въ полномъ видѣ долженъ скоро появиться въ „Памятной книжкѣ“ архива министерства юстиціи; отсылая туда интересующихся подробностями сдѣланнаго сообщенія,

остановимся нѣсколько на тѣхъ общихъ соображеніяхъ, которыми референтъ собственно и началъ свой докладъ и которыя вызвали потомъ среди членовъ съѣзда оживленный обменъ мыслей.

Изъ пяти видовъ описей: алфавитовъ, реестровъ, карточныхъ указателей, ученыхъ описей и обзорной архивъ министерства юстиціи въ виду своего преимущественно практическаго назначенія, нуждается въ первыхъ двухъ; собственно же для пособія и руководства ученымъ архивъ время отъ времени даетъ обзорныя дѣла или какого-нибудь учрежденія или архивнаго отдѣла. Карточная система неудобна по своей обширности, трудности составленія и неизбежности ошибокъ. Наиболѣе желательны со временемъ ученыя описи, то-есть такія, въ которыхъ каждый документъ описанъ, хотя и кратко, но отдѣльно отъ другихъ. Но это мало осуществимый идеаль. Начальникъ Вилѣнскаго архива Д. Я. Головацкій вычислилъ, что ученое описаніе его (изъ 19627 актовыхъ книгъ) потребуеъ 1568 лѣтъ, при двухъ чиновникахъ, списывающихъ каждый ежегодно по 1562 акта. Въ Архивѣ же Министерства Юстиціи хранится до 2½ милліоновъ номеровъ (книгъ, вязокъ, столбцовъ и дѣлъ), часто въ разбитыхъ столбцахъ, такъ что въ послѣднемъ случаѣ описаніе одного № (столбцовъ въ 200—300 склеекъ) займетъ одну, двѣ недѣли времени.

Въ обсужденіи изложеннаго реферата приняло участіе нѣсколько лицъ. Ссылаясь на примѣръ Академіи Наукъ и главнаго штаба, А. Н. Петровъ доказывалъ возможность легкой и быстрой описи документовъ, лишь бы не гоняться за списываніемъ каждой бумаги, а удовольствоваться только краткою ихъ характеристикой и упоминаніемъ главнѣйшаго. Н. Н. Любовичъ, по примѣру западныхъ архивовъ, признавалъ въ составленіи индексовъ именъ, географическихъ терминовъ, извлеченныхъ изъ документовъ, большое подспорье въ составленіи описей; В. И. Холмогоровъ, В. А. Уляницкій и Д. И. Багалъй отстаивали систему, предложенную архивомъ министерства юстиціи. Ихъ поддержалъ своимъ авторитетнымъ словомъ В. Б. Антоновичъ, полагавшій, что научнаго значенія простой каталогъ документовъ не имѣетъ никакого; составленіе же индекса именъ иногда можетъ только усложнить, а не облегчить работу.

Къ тѣмъ 115 рефератамъ, содержанію коихъ были посвящены предыдущія страницы, мы можемъ присоединить перечень еще слѣдующихъ пятнадцати сообщеній, частью прочитанныхъ, частью только

приготовленныѣ къ восьмому археологическому съѣзду. В. Д. Айналовъ представилъ „О нѣкоторыхъ классическихъ и христіанскихъ древностяхъ на Археологической выставкѣ“; г. Бокъ—„О коптскихъ орнаментированныхъ древнихъ тканяхъ“; г. Бѣляевъ—„О каменныхъ орудіяхъ аббата Буржуа, относимыхъ къ третичной эпохѣ“; А. П. Голубцовъ—„Къ вопросу о положеніи искусства въ древне-христіанскомъ обществѣ“; И. И. Дубасовъ—„Объ Онотѣ на Воронежѣ“; В. М. Каллашъ—„О журнлѣ“; Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ—„Крещеніе Руси по памятникамъ письменности“; Н. Ѳ. Красносельцевъ—„Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ дѣйствъ въ XVI—XVII столѣтія“; В. М. Михайловскій—„Первобытное искусство и образное письмо по этнографическимъ даннымъ“; свящ. Д. С. Паевскій—„О церквахъ Брестской капитулы въ началѣ второй половины XVII вѣка“; кн. П. А. Путятинъ—„По вопросу объ остеологическихъ различіяхъ первобытныхъ расъ“; Е. К. Рѣдинъ—„Свѣтская живопись лѣстницъ Кievo-Софійскаго собора“; Н. С. Тихонравовъ—„Новый списокъ Девгеніева дѣянія“; И. В. Цвѣтаевъ—„Судьбы изученія римскихъ катакомбъ и задачи его въ будущемъ“; Н. Е. Чижевъ—„Предложеніе о необходимости изученія символики вообще и русскихъ юридическихъ символовъ въ особенности“.

Задачу свою мы считаемъ законченною. Смѣемъ думать, что изъ предложеннаго очерка достаточно ярко выступаетъ разнообразіе темъ и вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію, разнообразіе научныхъ силъ, представленныхъ на съѣздѣ и то истинно широкое поле, которое отмежевала себѣ археологическая наука. Въ этомъ разнообразіи и широтѣ задачъ, позволяющемъ привлекать къ разъясненію каждаго отдѣльнаго вопроса всевозможные отдѣлы знанія, и заключается, конечно, одно изъ условій дальнѣйшихъ успѣховъ археологін; поэтому можно быть увѣреннымъ, что и новый, девятый, археологическій съѣздъ, назначенный на 1893 годъ въ городѣ Вильнѣ, обогатитъ русскую науку столь же цѣнными и серьезными трудами по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, какъ и нынѣшній московскій.

Е. Шмурло.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1889 ГОДУ:

Къ концу 1889 года въ Московскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 13, на физико-математическомъ 11, на юридическомъ 8, на медицинскомъ 15, итого 47; экстраординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 3, на физико-математическомъ 10, на юридическомъ 5, на медицинскомъ 13, итого 31; прозекторовъ 5, лекторовъ 4, итого 88 преподавателей. Кромѣ того, по приглашенію университета, состояли въ качествѣ преподавателей 4 лица для практическихъ упражненій въ древнихъ языкахъ. Сверхъ того, для желающихъ изъ студентовъ преподавали: экстраординарный профессоръ Анучинъ — антропологию и лекторъ Мальмъ — испанскій языкъ. Къ концу 1889 года при университетѣ состояло приватъ-доцентовъ всего 85, а именно: на историко-филологическомъ факультетѣ для преподаванія философіи 2, классической филологіи 5, курса юго-западной Руси 1, исторіи русской литературы 2, исторіи западно-европейскихъ литературъ 3, географіи и этнографіи 1, исторіи всеобщей 3, исторіи русской 2, славянской филологіи 1, теоріи и исторіи искусствъ 1, итого 19; на физико-математическомъ факультетѣ для преподаванія исторіи математики 1, синтетической теоріи коническихъ сѣченій 1, теоріи эллиптическихъ функций и разностнаго исчисленія 1, теоріи фигуры земли 1, чистой математики 2, физики 3, химіи 2, зоологіи 1, гистологіи животныхъ 1, механики 2, технологіи и технической хи-

часть сслѣдх, отд. 4.

міи 2, ботаники 3, итого 20; на юридическомъ факультетѣ для преподаванія—уголовнаго права и уголовного судопроизводства 3, тюрьмовѣдѣнія 1, исторіи русскаго права 1, международнаго права 1, политической экономіи 1, отдѣла государственнаго права 1, полицейскаго права 1, финансоваго права 2, итого 11; въ медицинскомъ факультетѣ для преподаванія — акушерства и женскихъ болѣзней 8, бальнеологіи 1, частной патологіи и терапіи 1, ученія о нервныхъ и психическихъ болѣзняхъ 6, офталмологіи 2, оперативной гинекологіи 1, ученія о дѣтскихъ болѣзняхъ 4, ученія объ ушныхъ болѣзняхъ 1, ученія о зубныхъ болѣзняхъ 1, гигиены и ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарной полиціи 1, ортопедіи, массажа и врачебной гимнастики 1, оперативной хирургіи 2, бальнетерапіи 1, отдѣла о дѣтоубійствѣ 1, клинической діагностики внутреннихъ болѣзней при посредствѣ микроскопическихъ методовъ изслѣдованій 1, физиологіи животныхъ 1, перкуссіи и аскультаціи 1, общей анатомической патологіи и терапіи 1, итого 35. Общее число преподавателей къ концу 1889 года, считая какъ штатныхъ и сверхштатныхъ профессоровъ и преподавателей, такъ равно стороннихъ преподавателей и привать-доцентовъ было 177.

Изъ опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ 1884 года каедръ въ Московскомъ университетѣ оставались вакантными слѣдующія каедръ: по физико-математическому факультету — технологіи и технической химіи, по юридическому—церковнаго права и по медицинскому—терапевтической факультетской клиники и исторіи и энциклопедіи медицины; предметы второй и третьей каедръ читались профессорами Павловымъ и Захарьинимъ.

Командированы были съ ученою цѣлью: а) во внутреннія губерніи профессоръ Коршъ на лѣтнее вакаціонное время, б) за границу: 17 профессоровъ, привать-доцентъ Лопатинъ, прозекторъ Малаховецъ, помощникъ прозектора Губаревъ, лаборантъ князь Волконскій, хранитель кабинета практической механики Шестаковъ, сверхштатный ассистентъ Войновъ и препараторъ при каедрѣ физики Усагинъ; на лѣтнее вакаціонное время и 10 дней три профессора и два привать-доцента, профессоръ Янжуль съ 1-го іюля по 20-е августа, привать-доцентъ Миноръ съ 1-го іюля по 1-е сентября, профессоръ Цераскій съ 25-го іюля по 20-е августа, лекторъ Мальмъ на лѣтнее вакаціонное время и 28 дней, профессоръ Герье съ 20-го мая по 20-е августа, профессоръ Богословскій съ 1-го сентября на 28 дней, два привать-доцента, прозекторъ и помощникъ прозектора на одинъ

годъ, два приватъ-доцента на два года, одинъ приватъ-доцентъ съ 1-го мая по 1-е сентября и сверхштатный лаборантъ на 8 мѣсяцевъ.

Лицъ, занимавшихъ не преподавательскія должности къ концу 1889 года состояло 140, изъ нихъ занимали штатныя должности 65 и сверхштатныя 75.

Кандидатовъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе года состояло 40, изъ нихъ получали стипендіи: изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 14, изъ штатныхъ суммъ на стипендіи и пособія 6, изъ благотворительныхъ суммъ 4, остальные 16 стипендіями не пользовались. По факультетамъ эти стипендіаты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 20 кандидатовъ, изъ нихъ 9 получали стипендіи, на физико-математическомъ факультетѣ 11, изъ нихъ 8 получали стипендіи, на юридическомъ факультетѣ 9, изъ нихъ 7 получали стипендіи.

Лицъ, командированныхъ министерствомъ за границу, по ходатайству университета, было 3. Такимъ образомъ всѣхъ молодыхъ людей, приготовляющихся къ профессорскому званію, 43. Собственно въ 1889 году для приготовленія къ профессорскому званію: а) были командированы за границу кандидаты Сперанскій и Красноженъ, б) оставлены при университетѣ — кандидаты Будде и Трушъ по кафедрѣ русскаго языка и русской литературы, Кельбереръ по кафедрѣ греческой словесности, Кизеветтеръ по русской исторіи, Алексѣевъ по чистой математикѣ, Казаковъ по прикладной математикѣ (механикѣ), Миклашевскій по политической экономіи — съ содержаніемъ, Гутверъ по русской исторіи, Аппельротъ по прикладной математикѣ (механикѣ), Новгородцевъ по исторіи философіи права, безъ содержанія; в) продолженъ срокъ оставленія при университетѣ еще на одинъ годъ 5 кандидатамъ съ содержаніемъ, а одному—безъ содержанія. Предположено содержаніе на оставленіе при университетѣ: одного кандидата по кафедрѣ русской словесности и окончившихъ испытаніе въ испытательныхъ комиссіяхъ съ дипломами первой степени—одного по кафедрѣ всеобщей исторіи, другаго по кафедрѣ философіи и третьяго по кафедрѣ римскаго права.

Въ Московскомъ университетѣ къ 1-му января 1890 года состояло студентовъ 3.471, стороннихъ слушателей 61, и аптекарскихъ помощниковъ, посѣщающихъ въ качествѣ стороннихъ слушателей лекцій предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена, 275, то-есть, 3.805. Число студентовъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, увели-

чилося на 214. Въ теченіе 1889 года вышло изъ университета до окончанія курса 218 студентовъ и по окончаніи полнаго университетскаго курса и сдачѣ экзамена 637, всего же вышло 855. Въ теченіе года принято въ университетъ въ число студентовъ 1.011 (изъ правительственныхъ гимназій 839, Лицея Цесаревича Николая съ аттестатомъ зрѣлости 9, другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 33, изъ университетовъ 74, изъ высшихъ учебныхъ заведеній 18, бывшихъ студентовъ Московскаго университета 38). По факультетамъ студенты распределены слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 214, на физико-математическомъ 777 (въ отдѣлѣ математическихъ наукъ 458, въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ 319), на юридическомъ 1.215, на медицинскомъ 1.265. Въ 1889 году выдано было стипендій на сумму 120.676 руб.; въ первомъ полугодіи эта сумма была распределена между 399 студентами, во второмъ — между 433; размѣръ стипендій былъ отъ 50 до 600 руб. въ годъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи изъ числа 3.261 студента—620, въ томъ числѣ, на основаніи университетскаго устава 489, и казеннокоштныхъ 131, во второмъ же полугодіи изъ числа 3.504 студентовъ освобождено, на основаніи университетскаго устава 525 и казеннокоштныхъ 120, итого 645. Едино-временныхъ пособій было выдано: въ первомъ полугодіи 351 студенту 3.456 руб. 68 коп. и во второмъ полугодіи 211 студентамъ 7.068 руб. 86 коп.; размѣръ пособій простирался отъ 4 руб. 50 коп. до 150 руб. Независимо отъ сего, а) Московскою управою выдано въ пособіе студентамъ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго почетнымъ гражданиномъ Куманинымъ, всего 22 лицамъ 560 руб., а изъ процентовъ съ капитала имени генерала Митрино внесено за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 7 студентовъ 236 руб. и во второмъ также за 7 лицъ 250 руб., всего 486 руб., б) Общество для пособія недостаточнымъ студентамъ внесло за слушаніе лекцій 293 студентами всего 9.685 руб. (за первую половину 4.102 руб., за вторую 5.583 руб.); изъ числа означенныхъ 293 студентовъ 21 принадлежатъ къ историко-филологическому факультету, 66 къ физико-математическому, 77 къ юридическому и 120 къ медицинскому. На руки выдано было 106 студентамъ 1.193 руб. Многие изъ студентовъ пользовались бесплатными обѣдами отъ комитета. За лѣченіе студентовъ въ городской больницѣ уплачено 349 руб. 80 коп. Ссудъ подъ стипендіи выдано было на сумму 3.860 руб., которыя возвращены въ томъ же году обратно.

Кромѣ того, изъ особаго капитала, пожертвованнаго А. В. Басовой, выдано было студентамъ пособій на сумму 434 руб.

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ производились: на историко-филологическомъ факультетѣ практическія упражненія по древнимъ языкамъ подъ руководствомъ приватъ-доцентовъ и преподавателей; на факультетѣ физико-математическомъ велись семинаріи и практическія занятія со студентами по слѣдующимъ предметамъ: чистой математикѣ, теоретической и практической механикѣ, астрономіи, физикѣ, минералогіи, геологіи и палеонтологіи, ботаникѣ, зоологіи, технической химіи, агрономіи, географіи и антропологіи; на юридическомъ факультетѣ семинаріи были по слѣдующимъ предметамъ: а) по римскому праву—переводъ и объясненіе законовъ XII таблицъ, чтеніе и комментированіе конституцій Гайя, чтеніе и объясненіе институцій Юстиніана; б) по исторіи русскаго права—чтеніе и толкованіе Псковской судной грамоты и Русской правды, в) по политической экономіи — изученіе избранныхъ главъ изъ сочиненій Д. Рикардо и составленіе по нимъ рефератовъ, г) по энциклопедіи права—практическія занятія по важнѣйшимъ вопросамъ общей теоріи права (составленіе и обсужденіе рефератовъ); на медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя для нѣкоторыхъ студентовъ продолжаются отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы, свободные отъ лекцій, показанныхъ въ расписаніи. Учащіеся медицинскаго факультета упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Въ анатомическомъ театрѣ студенты разсѣкали трупы съ цѣлью изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь же упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ и изучали практически общую патологию. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатомо-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміи. Въ гигиенической лабораторіи студенты занимались изученіемъ санитарныхъ способовъ изслѣдованія воздуха, воды и нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ. Въ клиникахъ описывали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ, и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій.

Студенты медицинскаго факультета имѣли въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета слѣдующія занятія: въ лабораторіи фармацевтической и фармакогностической практическими работами по фармакогнозіи, фармаціи и аналитической химіи занимались 90 студентовъ и фармацевтовъ; въ лабораторіи гистологическаго кабинета 46 студентовъ естественнаго отдѣленія и медицинскаго факультета занимались разработываніемъ спеціальныхъ вопросовъ, а также прохожденіемъ курса бактериологическихъ методовъ. Въ теченіе 1889 года начались и продолжаютъ работы по слѣдующимъ спеціальнымъ вопросамъ: 1) объ отношеніи лейкоцитовъ къ микроорганизмамъ; 2) о микроорганизмахъ кумыса, 3) о vaccin'ѣ сибирской язвы, 4) о дѣйствиіи гноеродныхъ микроорганизмовъ въ зависимости отъ путей вхожденія ихъ въ организмъ, 5) объ этиологіи остеомиелита, 6) о дѣйствующемъ началѣ оспенной vaccin'н. Въ факультетской терапевтической клиникѣ учащіеся упражнялись, подъ руководствомъ профессора, въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней и вели подробныя исторіи своихъ больныхъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники учащіеся, подъ руководствомъ профессора, занимались подробнымъ изслѣдованіемъ больныхъ, вели исторіи болѣзней, дѣлали мелкія операціи и накладывали разныя повязки амбулаторнымъ больнымъ, нѣкоторые упражнялись въ массажѣ и электриваціи. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники учащіеся, подъ руководствомъ профессора, у кровати больного занимались распознаваніемъ болѣзней и веденіемъ исторіи ихъ, въ лабораторіи же упражнялись въ химическихъ, микроскопическихъ и бактериологическихъ изслѣдованіяхъ. Спеціальная факультетская клиника болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ посѣщалась студентами 7 и 8 семестровъ. Подъ руководствомъ профессора или его ординатора, они занимались изслѣдованіемъ больныхъ какъ въ палатахъ, такъ и при амбулаторномъ приѣмѣ, слѣдили за теченіемъ, лѣченіемъ и исходомъ болѣзни; составляли исторіи болѣзней и вели дневники, упражнялись въ инструментальномъ изслѣдованіи какъ палатныхъ, такъ и амбулаторныхъ больныхъ; производили подъ руководствомъ операціи; по спеціальному отдѣлу упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Акушерская клиника посѣщалась студентами 7 и 8 семестровъ. Студенты во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ и, кромѣ того, подъ руководствомъ профессора, занимались изслѣдованіемъ беременныхъ женщинъ какъ приходившихъ за совѣтомъ, такъ и поступившихъ въ клинику для

родовъ. Они наблюдали за теченіемъ родовъ и послѣродоваго періода и производили акушерскія операціи на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операцій, дѣлаемыхъ въ клиникѣ профессорами и ординаторами.

На соисканіе медалей факультетами назначены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ— „Представитъ изслѣдованіе языка, метрики и литературныхъ приемовъ позднѣйшихъ греческихъ эпиковъ Калуеа и Трифідора“, „Склоненіе именъ въ латинскомъ языкѣ сравнительно со склоненіемъ ихъ въ родственныхъ языкахъ“ и „Писцовыя книги, ихъ происхожденіе, составъ и значеніе въ ряду источниковъ исторіи Московскаго государства XV, XVI и XVII вѣковъ“; физико-математическимъ факультетомъ— „Минимальныя поверхности“, „Камфены и ихъ родственныя отношенія къ другимъ органическимъ соединеніямъ“ и „Происхожденіе азота растений“; юридическимъ факультетомъ — „О международномъ рѣчномъ судоходствѣ“; медицинскимъ факультетомъ — „Возникновеніе, развитіе и роль гигантскихъ клѣтокъ въ патологическихъ процессахъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены: золотыми медалями—10 кандидатовъ и студентовъ, именно: историко-филологическаго факультета 5, физико-математическаго 2, юридическаго 2, медицинскаго 1; серебряными—4 окончившихъ университетскій курсъ и удостоенныхъ выпускныхъ свидѣтельствъ и одинъ студентъ, изъ нихъ историко-филологическаго факультета 1, физико-математическаго 2, юридическаго 2. Студентъ VIII семестра историко-филологическаго факультета Флеровъ, за представленную имъ работу по классической филологіи, удостоенъ преміи Н. В. Исакова.

Комmissія изъ профессоровъ историко-филологическаго факультета, на соисканіе преміи имени С. М. Соловьева назначила тему: „Государственное хозяйство въ Россіи при Петрѣ Великомъ въ связи съ его преобразовательной дѣятельностью“. Задача, разрѣшеніе которой имѣетъ въ виду комиссія, состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ по изданнымъ и преимущественно по не изданнымъ архивнымъ источникамъ вліяніе государственнаго хозяйства въ Россіи при Петрѣ Великомъ на ходъ, порядокъ и цѣли преобразованій. Физико-математическій факультетъ, для соисканія преміи имени заслуженнаго профессора Н. Д. Братмана объявилъ тему: „О числовыхъ характеристикахъ системъ алгебраическихъ кривыхъ линий въ примѣненіи преимущественно къ кривымъ 3-го порядка. Объявленъ конкурсъ для со-

исканія премій имени Ю. О. Самарина за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи.

Возведены въ степень доктора: теоріи и исторіи искусствъ—заслуженный, бывший ординарный профессоръ Московскаго университета, докторъ русской словесности О. И. Буслаевъ, во вниманіе къ его ученымъ трудамъ въ области древней русской живописи; въ степень доктора географіи—экстраординарный профессоръ Московскаго университета, магистръ зоологій Д. Н. Анучинъ, во вниманіе къ его ученымъ трудамъ въ области зоологій, антропологій, этнографіи и географіи.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій университетскимъ совѣтомъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора, магистры: Семевскій—русской исторіи, Остроумовъ—зоологій, Палладинъ—ботаники, лѣкаря Яковлевъ, Рудневъ, Негель, Васильевъ, Резонъ, Ѳедоровъ, Дементьевъ и Поткинъ—медицины, б) въ степени магистра, кандидаты: Ульяновъ—сравнительнаго языковѣдѣнія, Анисимовъ—чистой математики, Коноваловъ—химіи; в) въ степени кандидата—56 (историко-филологическаго факультета 12, физико-математическаго 19, юридическаго 25), г) званія дѣйствительнаго студента 52 (физико-математическаго факультета 13, юридическаго 39). Изъ окончившихъ курсъ студентовъ Лицея Цесаревича Николая удостоены: степени кандидата 3 (по 1 каждаго факультета, званія дѣйствительнаго студента 10 (3 историко-филологическаго факультета и 7 юридическаго). Изъ окончившихъ курсъ университета удостоены выпускныхъ свидѣтельствъ: историко-филологическаго факультета 72, физико-математическаго 69, юридическаго 164. Свидѣтельства на званіе получили 19. По медицинскому факультету утверждены: въ ученой степени лѣкаря 228, въ званіи акушера какъ члена врачебной управы 1, провизора 127, аптекарскаго помощника 218, въ званіи дантиста 8 и въ званіи повивальной бабки 135.

Денежныя средства Московскаго университета въ 1889 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: по высочайше утвержденной сметѣ и дополнительнымъ кредитамъ было ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 659.093 руб., въ томъ числѣ на содержаніе личнаго состава 282.842 руб., на учебно-вспомогательныя учрежденія и на хозяйственные расходы 306.011 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 48.190 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 4.470 руб., на пособіе обществу естество-

испытателей 2.500 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ кандидатовъ, а также стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго и другихъ округовъ 15.079 р. Благотворительныхъ капиталовъ состояло 1.468.044 руб. Суммы сбора за слушаніе лекцій состояло къ 1-му января 1889 года 98.354 руб., въ теченіе этого года поступило 114.399 руб. Изъ нихъ израсходовано: на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 36.539 руб., на хозяйственныя и другіе непредвидѣнные расходы 15.195 руб., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 14.573 руб., на награды служащимъ 4.595 руб., на командировки внутри Россіи 3.371 руб., на пособія служащимъ и ихъ семьямъ 2.605 руб., на вознагражденіе преподавателямъ и другимъ лицамъ 2.279 руб., 2% въ пользу ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 1.821 руб., отослано въ государственныя банки для обмѣна за истеченіемъ срока купоновъ облигации восточнаго займа 105.800 руб., за симъ къ 1890 году сбора состоитъ 25.042 руб.

Состояніе клиникъ и движеніе въ нихъ больныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Факультетская терапевтическая клиника имѣла 30 кроватей обоюго пола; въ теченіе года больныхъ состояло 132, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 114, умерло 5, осталось къ 1890 году 13; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 1.435; инструментовъ, за исключеніемъ негодныхъ, оставалось 42 номера, приобретено 2. Въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники кроватей 50, по 25 въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ; въ теченіе года больныхъ было 238, изъ нихъ выздоровѣло 167, умерло 14, къ 1890 году осталось 43; приходившихъ за совѣтами больныхъ было 1.204; большихъ операцій было 150, малыхъ 264; въ клиникѣ имѣется разныхъ хирургическихъ инструментовъ 948 номеровъ; библиотека, пожертвованная докторомъ медицины Ил. Ив. Дуброво, включаетъ въ себѣ разныхъ сочиненій 616 названій, диссертаций 225, брошюръ 104, число всѣхъ томовъ 1.432, число всѣхъ книгъ 2.533; при клиникѣ находится вивисекціонный институтъ съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для животныхъ. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники имѣется 16 кроватей для больныхъ обоюго пола; здѣсь въ 1889 году пользовались 63 человекъ, изъ нихъ выздоровѣло 22, получило облегченіе 29, умерло 2 и осталось на излѣченіи 10 человекъ; приходившихъ за совѣтами было 2.250, въ томъ числѣ болѣзнями горловыми, носовыми и ушными 650; въ вѣдѣніи пропедевтическаго отдѣленія находится кабинетъ и хими-

ческая лабораторія, снабженная необходимыми инструментами и пособиями для клиническихъ занятій; число инструментовъ въ кабинетѣ и лабораторіи 274, вновь приобрѣтено 5. Специальная факультетская клиника болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ имѣетъ только мужское отдѣленіе съ 11 кроватями. Отъ 1888 года осталось больныхъ 7, въ теченіе 1889 года поступило 89, изъ нихъ 83 выздоровѣло, 5 умерло, на излѣченіи осталось 8; большихъ операцій произведено 66, малыхъ 2.973, амбулаторно пользовались 1.172 больныхъ; въ клиникѣ мочеполовыхъ органовъ находятся разные хирургическіе инструменты числомъ 149 и бібліотека съ каталогомъ. Въ акушерскую клинику въ теченіе года поступило 582 беременныхъ женщинъ, изъ нихъ 570 разрѣшились, а 12 выписалось, не разрѣшившись; правильныхъ родовъ было 505, а въ 65 случаяхъ роды представляли уклоненіе, по поводу которыхъ произведены разнообразныя операціи. Двойничныхъ родовъ было 21; дѣтей родилось 567: мальчиковъ 298, дѣвочекъ 269; преждевременныхъ родовъ было 17 и 24 выкидышей; больныхъ родильницъ было 67, выздоровѣли 61, умерли 6, въ томъ числѣ, доставленная въ клинику въ безнадежномъ состояніи и 3 отъ неспеціально послѣродовыхъ заболѣваній; приходившихъ за совѣтомъ было 167. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники находилось 11 кроватей для больныхъ дѣтей обоего пола; въ теченіе года больныхъ было 48, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 37, умерло 3, осталось на излѣченіи 8; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 1.208; инструментовъ 83 нумера, вновь приобрѣтено 11. Въ гинекологической клиникѣ, открытой лишь въ концѣ марта 1889 года, на 40 постоянныхъ кроватяхъ ея лежало 44 больныхъ; изъ нихъ къ 1-му декабря выписалось 11, умерла одна больная, доставленная издалека въ безнадежномъ состояніи съ злокачественнымъ пораженіемъ, исключавшимъ всякое медицинское пособіе; амбулаторію посѣтило 315 больныхъ; за короткій сравнительно промежутокъ времени съ 7-го ноября по 14-е декабря въ клиникѣ произведено 20 большихъ и 24 малыхъ операцій и всѣ съ благопріятнымъ исходомъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось 502, изъ нихъ выбыло 399, умерло 34, осталось на излѣченіи 69; приходившихъ было 953, операцій произведено 1.237. Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовались 741, изъ нихъ выбыло 548, умерло 129, изъ нихъ умерло чахоткою 25, умерло въ день поступленія 7, оставалось на излѣченіи 64, операцій произведено 55. Въ нервномъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось

125, изъ нихъ было 89, умерло 9, умеръ въ самый день поступленія 1, осталось на излѣченіи 27; приходящихъ больныхъ было 500, операций произведено 20. Въ сифилитическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось 145, изъ нихъ было 114, умерло 2, оставались на излѣченіи 23; приходящихъ больныхъ было 100, операций произведено 80. Въ приемномъ покоѣ Екатерининской больницы приходящихъ больныхъ было 29.597, изъ нихъ хирургическихкихъ 13.221, терапевтическихкихъ 12.358, нервныхъ 2.296, сифилитическихкихъ 1.542. Въ Московской глазной больницѣ являлись за совѣтомъ (амбулаторныхъ) 9.943 (5.901 мужчинъ, 4.403 женщинъ); Посѣщеній сдѣлано было 20.598. Сравнительно съ 1888 годомъ число амбулаторныхъ больныхъ уменьшилось, вѣроятно, вслѣдствіе введенія платы и устройства земскихъ больницъ; число же стационарныхъ больныхъ нѣсколько увеличилось, и общее число дней, проведенныхъ больными въ больницѣ, достигло 24.769; операций произведено 1.876, или 200 болѣе 1888 года. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники Московскаго воспитательнаго дома, имѣющемъ 8 кроватей, больныхъ пользовалось 1.300, изъ нихъ было 1.221, умерло 9, осталось на излѣченіи 70; приходившихъ за совѣтами было до 6.000; операций произведено: большихъ 180, малыхъ 300. Въ психіатрической клиникѣ больныхъ пользовалось 84, изъ нихъ было 46, умерло 8, осталось на излѣченіи 30, приходящихъ за совѣтомъ было 320.

При Московскомъ университетѣ устроено первое студенческое общежитіе, существующее 9 лѣтъ. Въ 1889 году число студентовъ, желавшихъ воспользоваться поддержкой этого учрежденія, было 93, число, превышавшее имѣвшіяся вакансіи. Но факультетамъ эти желающіе распредѣлялись такъ: медицинскаго факультета 36, юридическаго 29, физико-математическаго 18, историко-филологическаго 10, по сословіямъ — потомственные и личные дворяне 52, мѣщане 29, духовнаго званія 9, крестьянъ 3. Въ число жильцовъ общежитія принято 15 студентовъ на вакансіи, образовавшіяся вслѣдствіе окончанія курса 9-ю бывшими жильцами, полученія 2-мя стипендій, улучшенія матеріальнаго положенія одного и тремя по семейнымъ и личнымъ обстоятельствамъ. Въ настоящее время въ общежитіи находится полный комплектъ жильцовъ, 42 студента. Средства на покрытіе расходовъ по содержанію дома и квартиръ, пополненію библиотеки книгами и періодическими изданіями, производству новыхъ затратъ на недвижимость и движимое имущество были получены частью въ прежнее время, частью отъ члена комитета А. Д. Шлезин-

гера и отъ учредителя общежитія. Стоимость же бесплатнаго стола для студентовъ была покрыта лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, членомъ комитета и товарищемъ учредителя А. И. Шампинымъ и В. С. Перловымъ, который продолжаетъ оказывать сочувственное содѣйствіе цѣли учрежденія, къ составу комитета котораго онъ принадлежалъ. Въ 1889 году общежитіе вновь получило поддержку со стороны нѣсколькихъ лицъ въ формѣ личныхъ и вещественныхъ пожертвованій. Многія періодическія изданія высылались, какъ и прежде, редакціями въ значительномъ большинствѣ бесплатно и съ уступкой въ цѣнѣ. Библиотекой общежитія, кромѣ оплачиваемыхъ изданій, получались такимъ образомъ 64 періодическія изданія. Библиотека общежитія продолжала увеличиваться въ 1889 году и насчитываетъ 8.665 томовъ, болѣе 1888 года на 99 томовъ, не считая полученныхъ за этотъ годъ періодическихъ изданій. Въ истекшемъ году комитетомъ израсходовано по общежитію 11.877 руб. 64 коп., противъ 9.378 руб. 57 коп. предыдущаго года. На покрытие стоимости квартиръ и стола израсходовано 8.475 руб. противъ однородной суммы въ 8.942 руб. по отчетности 1888 года. При распредѣленіи этихъ послѣднихъ двухъ итоговъ по количеству жилыхъ дней въ обществѣ, которыхъ въ 1889 году было 11,145, расходъ на cadaго студента приходится 76,052 коп., въ мѣсяць 22 руб. 81,56 коп., 9 мѣсяцевъ жилого времени 205 руб. 34,04 коп., въ полный годъ (12 мѣсяцевъ) 273 руб. 78,72 коп., противъ расчета на 12 мѣсяцевъ въ 1888 году 285 руб. 98,04 коп., въ 1889 году менѣе на 12 руб. 19,32 коп. Изъ означенной суммы 8.475 руб. на пищевое довольствіе студентовъ 4.085 руб., при чемъ обѣды и ужины обошлись въ 3.130 руб., а продовольствіе чаемъ съ сахаромъ и бѣлымъ хлѣбомъ въ 959 руб. Всего обѣдовъ съ ужинами выдано было 10,125, а чайныхъ порцій 20,250. Для усиленія цифры, въ которой выразилась бы натуральная стипендія студента при учрежденіи общежитій, подобныхъ первому общежитію Московскаго университета, комитетъ, слѣдуя отчетности прежнихъ лѣтъ, приводитъ и теперь исчисленіе стоимости общежитія съ исчисленіемъ интереса на капиталъ, заключающійся въ недвижимости; послѣдній достигаетъ въ настоящее время 100.000 рублей; исчисливъ съ этой суммы 5% годовыхъ, то-есть, 5.000 рублей, слѣдуетъ прибавить эту цифру къ стоимости содержанія учрежденія и полученный итогъ распредѣлится на cadaго жильца слѣдующимъ образомъ: расхода въ 1 мѣсяць 22 руб. 81,56 коп., въ 9 мѣсяцевъ 205 руб. 34,04, въ 12 мѣсяцевъ 273 руб. 78,72 коп.,

интересовъ: въ 1-й мѣсяцъ 14 руб. 81,46 коп., въ 9 мѣсяцевъ 133 руб. 33,14 коп., въ 12 мѣсяцевъ 177 руб. 77,52 коп., итого въ 1-й мѣсяцъ 37 руб. 63,02 коп., въ 9 мѣсяцевъ 338 руб. 67,18 коп., въ 12 мѣсяцевъ 451 руб. 56,24 коп.

II.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887—1888 ГОДАХЪ ¹⁾.

Александровскій учительскій институтъ въ Тифлисѣ, преобразованный въ 1872 году изъ бывшей учительской школы Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, имѣетъ 4 класса, а для практическихъ упражненій воспитанниковъ при немъ состоитъ трехклассное городское училище.

За 16 лѣтъ своего существованія институтъ выпустилъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ съ званіемъ учителя городского училища—194 и съ званіемъ сельскаго учителя 12; собственно въ 1887 г. окончило курсъ 27 городскихъ учителей, а въ 1888—10; сельскихъ учителей—только 3 въ 1888 г. Сверхъ того, за 16 лѣтъ званіе учителя городского училища приобрѣтено въ институтѣ 30 учителями уѣздныхъ и начальныхъ училищъ, которые прикомандировались къ институту на годъ для пополненія своего образованія и ознакомленія съ методомъ преподаванія, и наконецъ, 9 сторонними лицами, подвергавшимися установленному спеціальному испытанію въ педагогическомъ совѣтѣ института, итого 245 лицамъ дано званіе учителя институтомъ; учительская же школа, до преобразованія въ институтъ, приготовила 66 учителей сельскихъ школъ, такъ что общее число учителей выпущенныхъ изъ заведенія равняется 311. Изъ учителей, выпущенныхъ институтомъ, въ настоящее время большинство состоитъ на службѣ въ округѣ, именно 176 лицъ въ городскихъ училищахъ; прочіе 16 служатъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Институтъ имѣетъ библіотеку фундаментальную въ 2.724 сочиненія, стоимостью 5.296 рублей, и ученическую, въ которой 569 сочиненій, стоимостью 453 рубля, физическій кабинетъ съ 142 приборами, стоимостью 2.802 рубля, естественно-историческую коллекцію съ 263 приборами, стоимостью 637 рублей и собраніе учебныхъ по-

¹⁾ *Продолженіе.* См. майскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

собій по разнымъ предметамъ преподаванія, числомъ 427 предметовъ, на 1.711 рублей. Всѣми этими пособиями пользуется и состоящее при институтѣ городское училище. Естественно-историческія коллекціи заведенія пополняются ежегодно самими воспитанниками, которые, подъ руководствомъ преподавателя Вересова, въ 1888 году составили коллекціи насѣкомыхъ и небольшую дендрологическую коллекцію и положили начало гербарію. Для преподаванія рисованія и живописи, въ институтѣ имѣется особый классъ, снабженный въ достаточномъ количествѣ всѣми необходимыми пособиями на сумму до 400 рублей. Общая стоимость библиотекъ и всѣхъ остальныхъ пособій составляла въ 1887 году сумму 10.620 рублей, а въ 1888 году возросла до суммы 10.899 рублей.

На содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища въ 1887 году поступило 34.473 рубля, а въ 1888—35.037 рублей, а именно:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
изъ государственнаго казначейства	29.760	29.760
оттуда же на добавочное жалованье	1.314	650
сбора за право ученія	2.139	2.362
за содержаніе частныхъ воспитанниковъ	1.260	2.265

Въ 1887 году остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ было 656 рублей и въ 1888 году—1.187 рублей наличными деньгами.

Израсходовано изъ этихъ суммъ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
на личный составъ	18.500	18.369
добавочное жалованье	1.314	650
наемъ и ремонтъ помѣщенія	3.911	4.000
содержаніе воспитанниковъ пансіона	5.339	6.381
хозяйственные расходы	3.787	3.600
на прочіе расходы	1.070	2.332
Всего	33.921	35.332

Къ числу экстренныхъ издержекъ за 1888 годъ относится расходъ на устройство въ институтскомъ саду черводни, стоившей 625 рублей. Средняя стоимость обученія одного учащагося составляла въ оба отчетные года 318 рублей, а содержаніе одного пансіонера въ 1887 году 109, а въ 1888—112 рублей.

Спеціальныя средства института составляются изъ сбора за право ученія, какъ въ самомъ институтѣ, такъ и въ городскомъ училищѣ,

и изъ платы за содержаніе воспитанниковъ. Всего въ 1887 году поступило 3.399 рублей и израсходовано 2.848 рублей, такъ что остатокъ специальныхъ средствъ въ 636 рублей увеличился къ 1-му января 1888 года до суммы 1.187 рублей. Въ этомъ же году поступленийъ было 4.627 рублей, расходу сдѣлано на 4.922 рубля, и остатокъ къ 1-му января 1889 года былъ въ 892 рубля.

Плата за право ученія взимается въ институтѣ по 15 рублей въ годъ, въ городскомъ училищѣ — 16 рублей. На содержаніе каждаго изъ 30 казеннокоштныхъ отпускается по 145 рублей въ годъ, а своекоштные вносятъ 150 рублей и одновременно 30 рублей на первоначальное обзаведеніе. Въ значительномъ большинствѣ ученики института лишены всякихъ средствъ, и многіе изъ нихъ не могли бы окончить курса безъ посторонней помощи, а такъ какъ общества для пособія бѣднѣйшимъ изъ учащихся при институтѣ не существуетъ, то вся забота о воспитанникахъ въ этомъ отношеніи лежитъ на самомъ заведеніи. Но педагогическій совѣтъ института не считаетъ удобнымъ обращаться къ общественной благотворительности и старается обойтись собственными средствами заведенія. Такъ, изъ 40 приходящихъ учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1888 года, 27 были освобождены отъ взноса платы за ученіе, а изъ 49 пансіонеровъ 30 воспитывались на счетъ казны, 1 на счетъ армянскаго благотворительнаго общества, и 5 содержались бесплатно, какъ экономическіе воспитанники; въ 1888 году изъ 34 приходящихъ бесплатнымъ обученіемъ пользовались 20, а изъ 57 пансіонеровъ—30 было казеннокоштныхъ, 7 экономическихъ, и 1 содержался на счетъ армянскаго благотворительнаго общества. Кромѣ того, въ 1887 году 2 ученикамъ выдавалось ежемѣсячное пособие по 5 рублей, 4 ученика получали одежду и обувь, 6 имѣли даровой завтракъ и обѣдъ; остальные могли пользоваться дешевою столовою при пансіонѣ, внося за завтракъ и обѣдъ по 5 рублей въ мѣсяцъ; въ 1888 году 2 получали въ теченіе года даровой столъ, и нѣсколькимъ ученикамъ оказана помощь выдачею небольшихъ денежныхъ пособій и платья, всего на сумму 150 рублей.

Институтъ съ городскимъ училищемъ помѣщается въ наемномъ домѣ, за годовую плату въ 3.500 руб.; это помѣщеніе можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ, какъ по простору, такъ и по приспособленности своей къ нуждамъ учебнаго заведенія съ интернатомъ. Единственные недостатки помѣщенія составляютъ тѣснота двора и двухъ классныхъ комнатъ, занимаемыхъ городскимъ учили-

цемъ. При домѣ имѣется довольно большой садъ, въ которомъ въ теплые мѣсяцы пансіонеры проводятъ все свободное время. Среднее количество воздуха на 1 воспитанника составляетъ въ классныхъ комнатахъ института—17,2, въ пансіонскихъ спальняхъ—54,9, а въ классахъ городского училища — только 7,4 куб. арш. Въ 1887 году на 12 частныхъ квартирахъ проживало 18 изъ 40 приходящихъ учениковъ института, уплачивая за свое содержаніе отъ 5 до 15 рублей въ мѣсяць, а въ 1888 году изъ 34 приходящихъ проживало на 14 квартирахъ 14 учениковъ, со взносомъ за содержаніе отъ 3 до 7 рублей въ мѣсяць. Начальство института считаетъ желательнымъ, по возможности, уменьшить число учениковъ, проживающихъ на вольныхъ квартирахъ, для чего вновь поступающимъ, не имѣющимъ въ городѣ близкихъ родныхъ, предлагается поступать преимущественно своекоштными пансіонерами. Эта мѣра вполнѣ целесообразна и удобоисполнима, такъ какъ настоящее помѣщеніе института даетъ полную возможность принять до 70 пансіонеровъ, а установленная за содержаніе въ пансіонѣ плата, во всякомъ случаѣ, не превышаетъ расходовъ приходящаго ученика, проживающаго на частной квартирѣ.

Личный составъ института за оба отчетные года не измѣнялся и состоялъ изъ 10 лицъ: директора, законоучителя, 4 учителей-воспитателей, учителя рисованія и письма, учителя пѣнія, учителя гимнастики и врача.

Педагогическій совѣтъ имѣлъ въ 1887 году 23 общія засѣданія и 172 засѣданія для обсужденія пробныхъ уроковъ, данныхъ воспитанниками IV класса, а въ 1888 году—26 засѣданій, не считая 168 засѣданій для обсужденія пробныхъ уроковъ воспитанниковъ выпускного класса. Въ оба отчетные года, педагогическій совѣтъ старался о поддержаніи и развитіи тѣхъ мѣръ, которыя были приняты совѣтомъ въ предшествующіе года. Въ классахъ въ теченіе 1887 года произведено 35 устныхъ и 21 письменное испытаній, всего 56, а въ 1888 — 39 испытаній устныхъ и 13 письменныхъ, всего 52. Постороннихъ лицъ, искавшихъ званія учителя городского училища, въ оба года являлось по 4, изъ нихъ въ 1887 году выдержало экзамень 1 лицо и въ 1888 году—2. Изъ числа 3.017 уроковъ, которые слѣдовало дать, пропущено учителями въ 1887 году всего 44, въ томъ числѣ 35 по болѣзни и 9 по домашнимъ обстоятельствамъ, а въ 1888 году изъ 2.995 пропущено 56, изъ коихъ 33 по болѣзни, 6 по служебнымъ и 17 по домашнимъ обстоятельствамъ.

Число учащихся въ институтѣ, вслѣдствіе ограниченія приема вновь поступающихъ, уменьшилось за 1887 годъ съ 99 до 89, то-есть, на 10,1%; въ концѣ же 1888 года ихъ было 91. Учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	въ 1887 году		въ 1888 году	
		изъ нихъ пансіо- неровъ.		изъ нихъ пансіо- неровъ.
а) по сословіямъ:				
дворянъ	33	19	29	21
духовнаго званія	10	4	10	7
городскихъ сословій	9	6	12	8
сельскихъ	17	9	18	11
нижнихъ чиновъ	20	11	22	10
б) по исповѣданіямъ:				
православныхъ	72	39	79	50
армяно-григоріанъ	11	6	9	5
католиковъ	1	—	—	—
лютеранъ	1	—	1	—
мусульманъ	4	4	2	2
в) по національностямъ:				
русскихъ	41	25	46	26
грузинъ	30	14	29	21
армянъ	11	6	9	5
татаръ	4	4	1	1
горцевъ	—	—	5	4
европейцевъ	3	—	1	—

Желавшихъ поступить въ институтъ было въ 1887 году 87, и изъ нихъ принято 20 человекъ, всѣ 20 въ I классъ; изъ 67 не попавшихъ отказано 64 за невыдержаніемъ экзамена и 3 по недостатку мѣста; въ 1888 году подавало прошеній о приемѣ 73 лица, поступило 24, и кромѣ одного, принятаго въ III классъ, всѣ остальные приняты въ I классъ; изъ 49 не попавшихъ 45 отказано по невыдержанію испытанія и 4 по разнымъ причинамъ. Принятые получили слѣдующую подготовку:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
гимназій и реальныхъ училищъ	2	2
учительской семинаріи	1	1
духовныхъ семинарій и училищъ	1	2
городскихъ училищъ	16	16
домашнюю	—	3

Выбыло изъ института въ 1887 году 30 учениковъ, и въ 1888 году—22, а именно:

	въ 1887 г.		въ 1888 г.	
		пансіонера		пансіонера
окончило курсъ.	27	12	13	—
поступило на военную службу.	1	—	—	—
уволено по неуспѣшности	—	—	1	—
выбыло по прошенію	1	—	6	—
„ по болѣзни	—	—	1	—
„ за смертью	1	1	1	1

Изъ окончившихъ курсъ въ 1887 году поступило на учительскія должности 12, и въ 1888 году—9 человекъ.

Въ 1887 году успѣхи и поведеніе учениковъ были слѣдующіе: изъ 96 учащихся, бывшихъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года, окончило курсъ и переведено въ слѣдующіе классы 84, то-есть, 87,5%, и выше всѣхъ успѣшность была въ выпускномъ IV классѣ, въ которомъ всѣ ученики (27) получили аттестатъ (100%). Изъ 84 учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1887—1888 учебнаго года, оказали удовлетворительные успѣхи 69, или 82,1%; больше всего успѣвающихъ было въ III классѣ (90%); изъ 13 учениковъ выпускнаго класса только 10 удостоены званія городского учителя, а 3 выпущены въ званія сельскихъ учителей. Случаевъ увольненія за малоуспѣшность въ 1887 году не было, а въ 1888 году за полную неуспѣшность уволенъ 1 только ученикъ изъ III класса, за двухлѣтнее въ немъ пребываніе. По національностямъ успѣвающихъ было за оба года: татаръ—100 и 100%, армянъ—100 и 82%, русскихъ—95 и 82%, грузинъ—71 и 79% и въ 1888 году—европейцевъ 100%; по сословіямъ: сельскихъ сословій—100 и 75%, нижнихъ чиновъ—95 и 85%, духовнаго званія—86 и 67%, дворянъ—83 и 84% и городскихъ сословій—77 и 100%. Поведеніе учениковъ за оба отчетные года было вполнѣ удовлетворительно: въ концѣ 1887 года 68 учениковъ имѣли отмѣтку 5, остальные 21—отмѣтку 4, а въ 1888 году—80 учениковъ имѣли отмѣтку 5, и только 7—отмѣтку 4 и четверо—3. Взысканіямъ въ теченіе 1887 года подверглось 11 учениковъ: аресту—5, выговору совѣта—3 и увольненію—3; въ 1888 году провинившихся было всего 8, изъ нихъ 2 сдѣланъ выговоръ совѣтомъ, и 6 подвергались аресту. Пропущенныхъ уроковъ въ 1887 году было 3.451, то-есть, на cadaго ученика приходилось среднимъ числомъ 3,88, изъ нихъ 1.232 у пансіонеровъ, или 25 на каждыя 100; а въ 1888 году—2.127, или среднимъ чи

словъ на каждаго ученика—23,4, въ томъ числѣ у пансіонеровъ 832, или 18 на 100, и причины пропусковъ болѣе всего происходятъ отъ случаевъ заболѣваній, конхъ и было въ оба года 34,1 и 17,8%, всѣхъ манкировокъ; остальные причины—уважительныя составляютъ 3,4%, за оба года, и неуважительныя,—1,3 и 2,2, и педагогическій совѣтъ института не теряетъ надежды достигнуть еще большаго уменьшенія пропусковъ, особенно со стороны приходящихъ учениковъ.

Всѣхъ случаевъ заболѣванія было въ 1887 году 151, то-есть, по 170 на 100 воспитанниковъ, у пансіонеровъ 187, или 382 на 100, а въ 1888 году—458 случаевъ, то-есть, 503 на каждые 100 воспитанниковъ, у пансіонеровъ—219, или 384 на 100. Преобладающею болѣзною за оба года была лихорадка—47,7 и 29,9, и въ 1888 г. простуда — 31,2; но всѣ эти заболѣванія не имѣли серьезнаго характера, за исключеніемъ одного случая чахотки въ 1887 году и одного случая тифа въ 1888 году.

Учительскихъ семинарій въ округѣ имѣется 4: Кубанская, въ станицѣ Ладовской, открытая въ 1871 году, Закавказская, въ городѣ Горы, открытая въ 1876 году, Кутаисская, въ мѣстечкѣ Хони и Эриванская, въ городѣ Эривани, обѣ открытыя въ 1881 году. При Закавказской семинаріи существуетъ съ 1879 года особое татарское отдѣленіе для приготовленія учителей для мусульманскихъ школъ Закавказскаго края.

Семинаріи состоятъ каждая изъ 3 основныхъ классовъ и 1 приготовительнаго, за исключеніемъ Закавказской, при которой, одновременно съ учрежденіемъ при ней особаго татарскаго отдѣленія (въ 1879 году), открыто младшее отдѣленіе приготовительнаго класса, исключительно для мусульманъ въ виду облегченія татарамъ поступленія въ семинарію; несомнѣнная польза его очевидна, такъ какъ окончившіе въ немъ курсъ мальчики даютъ лучший контингентъ поступающихъ въ младшее отдѣленіе приготовительнаго класса семинаріи. Бывшій при Кубанской семинаріи спеціальнѣйшій IV классъ, для окончившихъ курсъ семинаріи и желающихъ пріобрѣсти званіе учителя уѣзднаго училища, закрытъ въ 1887 году, за неимѣніемъ учащихся. При семинаріяхъ имѣются 7 начальныхъ училищъ для упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи: при Закавказской семинаріи 4: русское, грузинское, армянское и татарское, а при остальныхъ—по одному.

За все время своего существованія семинаріи округа приготовили 580 учителей, изъ которыхъ больше половины приходится на ста-

рѣйшую Кубанскую семинарію, и въ томъ числѣ 14, удостоенныхъ званія учителя уѣзднаго училища, принадлежать этой семинаріи, окончивъ курсъ того спеціальнаго класса, который, за неимѣніемъ желающихъ поступить въ него, закрытъ въ 1887 году; остальные 566 имѣютъ званіе сельскихъ учителей. Въ отчетные года изъ этого числа 580 окончило курсъ: въ 1887 году 47, въ томъ числѣ 2 на городскаго учителя, и въ 1888 году—45. По свѣдѣніямъ, имѣющимся у директоровъ семинарій, изъ бывшихъ ихъ воспитанниковъ состоитъ въ настоящее время въ учительскихъ должностяхъ 395 лицъ, въ томъ числѣ 381 въ сельскихъ училищахъ Кавказскаго округа, и только 14 въ другихъ его заведеніяхъ.

Имущества по бібліотекамъ (считая и татарское отдѣленіе, имѣющее отдѣльную бібліотеку), разнымъ кабинетамъ и другихъ учебныхъ пособій въ 4 семинаріяхъ имѣлось:

къ 1-му января 1888 года. къ 1-му января 1889 года.

въ бібліотекахъ:

фундаментальныхъ: названій книгъ	3.406	3.655
въ томахъ	5.991	6.424
стоимостью	11.967 р.	12.882 р.
ученическихъ: названій книгъ	3.610	3.661
въ томахъ	5.694	5.797
стоимостью	7.820 р.	8.057 р.

въ физическихъ кабинетахъ:

приборовъ	593	823
стоимостью	6.001 р.	6.306 р.

въ трехъ химическихъ кабинетахъ:

приборовъ	456	370
стоимостью	495 р.	455 р.

въ трехъ за 1887 годъ и въ четырехъ за 1888 годъ естественно-историческихъ кабинетахъ:

приборовъ	926	1.185
стоимостью	1.252 р.	1.471 р.

учебныхъ пособій:

предметовъ	6.429	7.394
стоимостью	13.482 р.	14.505 р.

Такимъ образомъ, общая стоимость всѣхъ учебныхъ пособій въ 1887 году составляетъ 41.017 р., а въ 1888 году—43.676. Вновь прибрѣтеній было сдѣлано по всѣмъ отдѣламъ въ 1887 году на 3.158 руб., при чемъ больше всего израсходовано изъ этой суммы Закавказской семинаріей, а именно 1.338 р., изъ коихъ 765 р. на пополненіе библиотеки, затѣмъ Кубанскою—на 832 р., Кутаисскою—на 556 р. и Эриванскою—на 432 р. Въ 1888 году новыхъ книгъ и другихъ пособій прибрѣтено на 3.144 р., въ томъ числѣ Эриванскою семинаріей—на 974 р., Закавказскою—на 886 р., Кубанскою—на 731 руб. и Кутаисскою—на 553 р.

На содержаніе 4 семинарій въ 1887 году всего поступило 147.193 р., въ 1888 году—141.289 р. По источникамъ содержанія эти суммы распредѣляются такъ:

	въ 1887 году	въ 1888 году
изъ государственнаго казначейства	113.260 р.	108.251 р.
оттуда же прибавочное жалованье	3.801 „	4.727 „
отъ войскъ Кубанскаго и Терскаго	27.128 „	26.062 „
изъ земскихъ сборовъ.	1.000 „	600 „
сбора за право ученія	392 „	368 „
за содержаніе частныхъ воспитанниковъ.	679 „	473 „
отъ почетныхъ попечителей и пожертвованій	265 „	50 „
процентовъ съ капиталовъ	668 „	758 „

Израсходовано на содержаніе семинарій, вмѣстѣ съ начальными при нихъ училищами въ 1887 году 144.541 р. и въ 1888 году—140.966 р., а именно:

	въ 1887 году	въ 1888 году.
на содержаніе личнаго состава.	71.925 р.	73.521 р.
„ „ воспитанниковъ	38.264 „	38.643 „
„ наемъ и ремонтъ помѣщеній	19.739 „	12.824 „
„ хозяйственные расходы	7.529 „	9.440 „
„ пособия учебныя.	4.074 „	3.695 „
„ „ учащимся и служащимъ 1.914 „	1.914 „	1.441 „
„ отчисленія и другіе расходы	1.096 „	1.402 „

Больше всего расходъ былъ за оба года на семинарію Закавказскую съ татарскимъ отдѣленіемъ, а именно—53.929 р. и 54.661 р., тогда какъ средній расходъ на каждую семинарію составлялъ 36.135 р. и 35.242 р. Средняя стоимость обученія въ оба года составляла 292 р. и 290 р., а содержаніе воспитанника—204 р. и 215 р.

Платы за право ученія въ семинаріяхъ не полагается; небольшая плата ввимається только съ учениковъ начальныхъ училищъ въ семинаріяхъ Закавказской—по 5 р. и Кубанской—по 10 р., и то только съ дѣтей не казачьяго сословія. На содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ отпускается 130 р., и такая же плата установлена для своекоштныхъ, но число ихъ было всегда незначительно, а къ концу отчетнаго 1888 года даже не было ни одного. Вслѣдствіе того семинаріи очень бѣдны спеціальными средствами. Не считая неприкосновеннаго капитала въ 10.110 р. при Кубанской семинаріи, пожертвованныхъ на учрежденіе въ ней именныхъ стипендій, всѣхъ поступленій было:

	въ 1887 году	въ 1888 году
сбора за право ученія въ началь-		
ныхъ училищахъ	392 р.	368 р.
за содержаніе частныхъ воспитан-		
никовъ	679 „	733 „
процентовъ съ капиталовъ (Кубан-		
ской семинаріи)	668 „	733 „
другихъ поступленій	265 „	75 „
	<hr/>	<hr/>
всего .	2.004 р.	1.909 р.

изъ нихъ израсходовано 1.914 „ 1.001 „

Къ 1-му января 1888 года оставалось спеціальныхъ средствъ 1.337 р., а къ 1-му января 1889 года—908 р.

Учительскія семинаріи, кромѣ Кубанской, заведенія закрытыя. За оба года въ Кубанской семинаріи не было ни одного приходящаго ученика, въ Закавказской только 1 изъ 96, въ Эриванской—32 изъ 81 въ первый отчетный годъ и 34 изъ 83 во второй. Воспитанники же Кубанской семинаріи живутъ на частныхъ квартирахъ; изъ нихъ 60 въ 1887 году и 64 въ 1888 году получали на руки стипендіи въ 130 р. на счетъ разныхъ учрежденій, а 4—на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ; остальные учащіяся живутъ на собственный счетъ. При такомъ незначительномъ числѣ приходящихъ учениковъ нѣтъ надобности въ особыхъ учрежденіяхъ для пособія учащимся, такъ какъ пансіонеры вполне обезпечены всѣмъ для нихъ необходимымъ. Впрочемъ, семинаріи и служащіе въ нихъ оказываютъ, въ случаѣ необходимости, поддержку нуждающимся ученикамъ; такъ, одинъ воспитанникъ Кубанской семинаріи, по примѣру прежнихъ дѣтъ, получалъ стипендію въ 120 р. въ годъ,

на счетъ вычетовъ, производимыхъ изъ содержанія служащихъ, по добровольному ихъ соглашенію; въ семинаріяхъ Эриванской—2 ученика бесплатно получали отъ заведенія пищу, а въ Закавказской 2 ученика содержалось въ пансіонѣ экономическихъ воспитанниковъ.

Помѣщенія семинаріи имѣютъ слѣдующія: Кубанская помѣщается въ войсковыхъ зданіяхъ (упраздненной бригады), на столько старыхъ и ветхихъ, что ежегодно требуется значительный, и притомъ непроезжимыи ремонтъ; въ 1888 году войсковымъ начальствомъ былъ возбужденъ вопросъ о возведеніи новыхъ построекъ, или же о переводѣ семинаріи въ другую станицу, гдѣ могутъ найдтись свободныя и болѣе удобныя зданія тѣмъ болѣе, что пожаръ, бывшій въ концѣ 1888 года и уничтожившій нѣкоторыя семинарскія службы, еще болѣе стѣснилъ семинарію. Собственно классныя помѣщенія семинаріи достаточно просторны (21,8 куб. арш. на 1 ученика) и пользуются хорошимъ освѣщеніемъ. Закавказская семинарія и татарское ея отдѣленіе помѣщаются въ наемныхъ по 5.150 р. въ годъ, зданіяхъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ владѣльцамъ и находящихся въ разныхъ частяхъ города, что и составляетъ главное неудобство. При обоихъ заведеніяхъ имѣются небольшіе садики, отдѣльныя больницы, а при семинаріи — баня. Среднее количество воздуха на 1 воспитанника равно 22,5 куб. арш. въ классахъ и 41,5 куб. арш. — въ спальняхъ. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 19-го ноября отчетнаго 1887 года, Горійской семинаріи отведенъ участокъ казенной земли на берегу рѣки Куры, въ 1 дес. 1.770 кв. саж. „для обращенія его подъ садовыя насажденія, въ видахъ практическаго ознакомленія воспитанниковъ семинаріи съ садоводствомъ и огородничествомъ“. Пожалованный участокъ находится въ чертѣ города и, въ случаѣ надобности, могъ бы пригодиться и для постройки на немъ зданія, вполне отвѣчающаго потребностямъ заведенія; въ 1888 году состоялось принятіе дарованнаго казеннаго участка земли въ вѣдѣніе семинаріи, и особою комиссіей изъ наставниковъ семинаріи уже выработанъ проектъ относительно способовъ пользованія имъ, и размѣровъ единовременныхъ и ежегодныхъ издержекъ, потребныхъ на его эксплуатацію. Кромѣ пожара въ Кубанской семинаріи, въ 1888 году былъ еще пожаръ въ Закавказской семинаріи, въ переплетной мастерской, помѣщающейся въ отдѣльномъ флигелѣ, при чемъ имущество семинаріи не пострадало, а поврежденія въ зданіи исправлены на хозяйскій счетъ. Хонская семинарія помѣщается въ зданіяхъ, за которыя

строителю производится съ 1882 года уплата по 3.000 р. въ годъ впредь до 1902 года, когда вся условленная сумма будетъ выплачена и зданія сдѣлаются собственностью заведенія. Къ сожалѣнію, за послѣднее время пришлось убѣдиться, что зданіе построено неудовлетворительно въ отношеніи качества какъ матеріаловъ, такъ и работы: не смотря на недавнюю его постройку, въ теченіе 4 послѣднихъ лѣтъ израсходовано на ремонтъ 13.489 р., въ томъ числѣ въ отчетные два года—8.416 р. Классы семинаріи весьма просторны, такъ что на одного ученика приходится воздуха 42,7 куб. арш. въ классахъ, а въ спальняхъ—42,2. Эриванская семинарія, страдавшая отъ тѣсноты своего помѣщенія, съ начала 1887—1888 учебнаго года перешла въ новое помѣщеніе, нанимаемое за 3.000 р. въ годъ и на 12 лѣтъ вполнѣ удовлетворительное и приспособленное къ нуждамъ заведенія; среднее количество воздуха въ классахъ здѣсь равняется 21,3 куб. арш., а въ спальняхъ—42,9 куб. арш. на 1 воспитанника. Новое помѣщеніе это настолько просторно, что явилась возможность расширить мастерскія и отвести особую комнату подъ червководню. Ученическихъ квартиръ при семинаріяхъ Кубанской и Эриванской въ 1887 году, было 20, а въ 1888 году 29. При семинаріяхъ существуютъ 4 пансіона: Кубанская пансіона не имѣетъ, за то Закавказская имѣетъ ихъ 2; въ этой семинаріи положено 50 казенныхъ вакансій для христіанъ и 40 въ татарскомъ отдѣленіи, не считая 20 вакансій для малолѣтнихъ учениковъ татарскаго начальнаго училища; въ пансіонахъ Кутаисской и Эриванской семинарій положено по 50 казенныхъ вакансій. Квартиры воспитанниковъ посѣщаются наставниками семинарій, а также директоромъ и законоучителемъ, возможно часто; и такихъ посѣщеній было въ 1887 году 331, въ 1888 году—314.

Въ 1887 году 10-го октября воспитанники Закавказской семинаріи, вмѣстѣ со служебнымъ персоналомъ заведенія, имѣли счастье встрѣтить на Горійской станціи желѣзной дороги Ихъ Императорскія Высочества Государя великаго князя Михаила Николаевича и Государыню великую княгиню Ольгу Феодоровну. Въ томъ же году семинаріи Кубанская, Эриванская и Горійская посѣщены были начальниками областей и губерній, и сверхъ того, Горійская—тифлисскимъ армяно-григоріанскимъ епархіальнымъ начальникомъ. Въ 1888 году Закавказская учительская семинарія удостоилась посѣщенія князя главнокомандующаго, а Кубанская обречивована была командированнымъ для этой дѣли отъ министерства дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кулинымъ.

Личный составъ 4 семинарій за оба отчетные года состоялъ изъ 53 лицъ; въ томъ числѣ было: 4 директора, 1 инспекторъ (татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи), 9 законоучителей, 4 врача, 20 штатныхъ наставниковъ въ 1887 году и 21—въ 1888 году, и 14 лицъ на прочихъ должностяхъ въ 1887 году, и 15 — въ 1888 году. Число вакантныхъ должностей въ 1887 году было 10, и изъ нихъ 6 были замѣщены: въ 1888 году также было 10 вакантныхъ должностей, а къ концу года—11, и изъ нихъ также 6 были замѣщены.

Директора семинарій, согласно уставу, преподають педагогику, кромѣ директора Кутаисской семинаріи, который вмѣсто уроковъ педагогики даетъ 7 уроковъ рисованія, а въ 1888 году, кромѣ этихъ уроковъ, временно, за отсутствіемъ преподавателя, имѣлъ еще 8 уроковъ естественной исторіи; директоръ же Эриванской семинаріи, кромѣ 5 уроковъ педагогики, имѣлъ 6 часовъ практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ съ воспитанниками всѣхъ трехъ классовъ семинаріи; директоръ Кубанской имѣеть 2 урока педагогики, а директоръ Закавказской—5. Инспекторъ татарскаго отдѣленія Закавказской семинаріи въ оба года давалъ по 6 уроковъ чистописанія. Законоучители имѣли, въ оба года, среднимъ числомъ, по 16,1, уроковъ, а учителя-наставники — 17,7 уроковъ въ недѣлю. Служащіе въ учительскихъ семинаріяхъ всегда отличались особенною аккуратностью въ исполненіи своихъ преподавательскихъ обязанностей; такъ, въ 1887 году изъ 18,022 уроковъ, которые слѣдовало дать, пропущено всего 322 урока, или 1,79% и изъ нихъ болѣе $\frac{2}{3}$ (217 разъ, или 67,4) пропущено по болѣзни и около $\frac{1}{3}$ по другимъ уважительнымъ причинамъ; въ 1888 году изъ 17.882 уроковъ не дано всего 341, или 1,91%, въ томъ числѣ по болѣзни 213, или 62, по другимъ уважительнымъ причинамъ—128; меньше всего въ оба года было манкировокъ по Кубанской семинаріи—0,6% и 0,8%. Значительная часть пропущенныхъ уроковъ замѣнена была другими преподавателями, и только 38 разъ (12%) въ 1887 году и 50 разъ (15%) въ 1888 году учащіе оставались безъ опредѣленныхъ обязательныхъ занятій.

Педагогическіе совѣты семинарій имѣли засѣданій:

Въ 1887 г. Въ 1888 г.

общихъ	105	110
хозяйственныхъ	225	175
для обсужденія пробныхъ уроковъ, данныхъ воспит.	309	358

Всего 639 643

Кромѣ разрѣшенія разныхъ текущихъ вопросовъ по учебно-воспитательной и хозяйственной части, совѣтъ Кубанской семинаріи въ 1887 году обратилъ особенное вниманіе на правильную организацію занятій воспитанниковъ ремеслами и выработалъ для этой цѣли особую инструкцію; въ 1888 же году онъ занятъ былъ болѣе всего вопросомъ о наилучшей организаціи домашняго быта воспитанниковъ, проживающихъ на частныхъ квартирахъ, такъ какъ, не смотря на частыя посѣщенія и бдительный надзоръ за ними начальства, все-таки недостаточно этихъ мѣръ для устраненія тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя оказываетъ на учащихся окружающая ихъ среда; по мнѣнію совѣта: ни успѣхи воспитанниковъ въ ученіи и въ нравственности, ни санитарныя условія ихъ жизни, не могутъ быть доведены до вполне удовлетворительнаго состоянія, пока при семинаріи не будетъ учрежденъ интернатъ, или по крайней мѣрѣ вполне благоустроенное общежитіе; кромѣ того, совѣтъ Закавказской семинаріи выработалъ въ 1887 году подробныя правила относительно вечернихъ занятій учащихся и въ оба года занятъ былъ обсужденіемъ разныхъ мѣръ къ улучшенію обученія и воспитанія въ заведеніи, и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ мѣръ, предложенныхъ г. попечителемъ при посѣщеніи этой семинаріи въ концѣ 1887 года. Важнѣйшими занятіями совѣта Кубанской семинаріи въ 1887 году было рассмотрѣніе вопросовъ о степени обремененія воспитанниковъ внѣклассными письменными работами и о значеніи аттестацій за письменныя работы въ оцѣнкѣ познаній учащихся; въ 1888 же году онъ былъ занятъ изысканіемъ мѣръ къ улучшенію устной и письменной рѣчи учениковъ. Въ Эриванской семинаріи директоръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ лучшихъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, въ теченіе каникулъ 1888 года занимался съ молодыми людьми, которые готовились къ поступленію въ семинарію, и съ учениками, которымъ назначены были переэкзаменовки послѣ каникулъ. Пробныхъ уроковъ дано въ семинаріяхъ воспитанниками выпускнаго класса въ теченіе 1887 года 1,910, или по 36,7 каждыиъ, а въ 1888 году—1,869, или 40,6 каждыиъ. Постороннихъ лицъ подвергнуто испытанію для приобрѣтенія званія учителя или учительницы начальнаго училища въ 1887 году—8, и изъ нихъ удостоены искомаго званія 2; въ 1888 году—держали экзаменъ 5, а получили искомае званіе 2. Классныхъ испытаній въ 1886—1887 учебномъ году произведено 814, въ томъ числѣ 591 устное и 223 письменныхъ, а въ 1887—1888 учебномъ году—838, въ томъ числѣ 616 устныхъ и 222 письменныхъ.

Нѣкоторые изъ лицъ служащихъ въ учительскихъ семинаріяхъ заявили себя въ 1887 и 1888 гг. особыми учено-литературными трудами. Такъ, инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской семинаріи А. О. Черняевскій—въ 1887 г. дополнилъ, исправилъ и приготовилъ къ 2-му изданію книгу: „Родная рѣчь. Часть I. Учебникъ татарско-адербейджанскаго нарѣчія“, которую и напечаталъ въ 1888 году; онъ же, совмѣстно съ учителемъ татарскаго начальнаго при семинаріи училища С. А. Велибековымъ, издалъ составленную ими II-ю часть того-же учебника; кромѣ того, А. О. Черняевскій за оба года завѣдывалъ метеорологическою станціей при татарскомъ отдѣленіи семинаріи и руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюдений, результаты коихъ представляются черезъ Тифлисскую въ главную физическую обсерваторію. С. А. Велибековъ представилъ для напечатанія въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ переводъ „Дербентъ-наме“ (исторія Дербента) профессора Каземъ-бека. Законоучитель православнаго исповѣданія Закавказской учительской семинаріи Л. Туріевъ велъ въ продолженіе обоихъ отчетныхъ годовъ въѣбогослужебныя религіозныя собесѣдованія съ народомъ по праздничнымъ и другимъ днямъ въ Горійскомъ соборѣ. Учитель магометанскаго вѣроученія Алиева закона въ татарскомъ отдѣленіи при Закавказской семинаріи Молла-Абдуссаламъ-Ахундъ-заде—составилъ и приготовилъ къ печати грамматику татарскаго языка (для татаръ),—священную исторію мусульманъ-шіитовъ (на татарскомъ языкѣ) и краткое объясненіе молитвъ и вѣроученія для шіитовъ. Учитель магометанскаго вѣроученія Омарова закона въ татарскомъ отдѣленіи при Закавказской семинаріи Абдуль-Кадыръ-эфенди-Махмудъ-эфенди-заде—составилъ и приготовилъ къ печати священную исторію мусульманъ-суннитовъ (на татарскомъ языкѣ). Директоръ Кутаисской семинаріи П. К. Соколовъ приготовилъ къ печати: „Введеніе въ систематическій курсъ ариметики для учительскихъ семинарій“. Наставникъ Кутаисской семинаріи К. Н. Россиковъ—написалъ: „Обзоръ млекопитающихъ животныхъ долины р. Малки“, который читанъ былъ въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Академіи Наукъ и напечаталъ въ „Запискахъ“ Академіи „Результаты наблюдений надъ орнито фауной западной части сѣверо-восточнаго Кавказа“, предварительный отчетъ, читанный въ засѣданіи Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ и напечатанный въ „Трудахъ“ общества; кромѣ того, имъ представлены зоологическому кабинету С.-Петербургскаго

университета коллекціи птицъ и млекопитающихъ животныхъ свыше 300 экземпляровъ, собранныя во время путешествія по центральной части Сѣвернаго Кавказа.

Общее число учащихся въ семинаріяхъ уменьшилось въ 1887 г. съ 333 до 316, то-есть, на 17, или на 5,1%, и больше всего въ Кубанской—на 12; въ 1888 году также послѣдовало уменьшеніе: съ 316 дошло до 305, то-есть, на 11, или 3,5%, и главнымъ образомъ въ Закавказской семинаріи—на 10. Число учащихся по семинаріямъ было въ концѣ отчетныхъ годовъ слѣдующее:

	1887	Изъ нихъ пансіонеровъ.	1888	Изъ нихъ пансіонеровъ.
Въ Кубанской	91	—	88	—
„ Закавказской	96	95	86	85
„ Кутаисской	48	48	48	48
„ Эриванской	81	49	83	49
	316	192	305	182

Учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 году. Пансіонеровъ.		Въ 1888 году. Пансіонеровъ.	
а) по сословіямъ:				
Дворянъ	72	61	74	60
Духовнаго званія	34	29	31	26
Городскихъ сословій	44	28	37	21
Сельскихъ сословій	153	61	86	66
Нижнихъ чиновъ	13	13	77	9
б) по исповѣданіямъ:				
Православнаго	190	98	180	91
Армяно-григоріанскаго	63	36	63	36
Лютеранскаго	1	1	1	1
Раскольниковъ	4	1	4	1
Мусульмамъ	58	56	57	53
в) по національностямъ:				
Русскихъ	116	28	110	25
Грузинъ	55	55	55	54
Армянъ	64	37	65	38
Татаръ	55	53	52	48
Горцевъ	16	12	14	11
Евреевъ	—	—	1	—
Европейцевъ	10	7	8	6

Распределение учащихся по национальностям весьма различно въ отдѣльныхъ семинаріяхъ: въ 1888 году въ Кубанской изъ 88 учащихся, за исключеніемъ 5, все русскіе—83, или 94%; въ Кутаисской большинство составляютъ грузины—изъ 48 учащихся 37, или 77%; въ Эриванской армяне,—изъ 83 учащихся 50, или 60%, въ Закавказской—татары и горцы—изъ 86 учащихся—45, или 52%, затѣмъ грузины—16, или 19%, армяне—15, или 17% и русскіе—10, или 12%. Вообще русскіе въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края составляютъ не болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа воспитанниковъ, а именно 27, или 12,4%. Старанія директора Закавказской семинаріи привлечь возможно больше русскіихъ пока не имѣли никакого успѣха: при всей легкости требованій вступительнаго экзамена, особенно для русскаго мальчика, изъ русскіихъ оказывается весьма мало желающихъ посвятить себя дѣятельности сельскаго учителя. Что же касается того, что въ трехъ Закавказскихъ семинаріяхъ значительное число воспитанниковъ принадлежитъ къ привилегированнымъ сословіямъ, а именно 33% дворянству и 13% учащимся изъ духовнаго званія, то это объясняется, съ одной стороны, трудностью подготовки къ пріемному испытанію для мальчиковъ изъ крестьянъ, съ другой—бѣдностью здѣшняго дворянства, не позволяющею имъ готовить своихъ дѣтей къ поступленію въ среднія заведенія и затѣмъ содержать ихъ въ городахъ въ теченіе многихъ лѣтъ на свой счетъ, а также отсутствіемъ на Кавказѣ той бытовой разницы между низшимъ и громаднымъ большинствомъ высшихъ классовъ, какая существуетъ въ другихъ странахъ:

Учащіеся распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
въ приготовительныхъ	105	86
" I	97	79
во II	67	80
въ III	47	60

Подававшихъ прошенія о принятіи въ семинарію въ 1887 году было 172, изъ нихъ принято 81, или 47%, а не принято: по невыдержанію испытанія—72 и по другимъ причинамъ—19. Изъ принятыхъ значительное большинство 70 (или 86%) поступило въ приготовительный классъ, остальные 11—въ I. Въ 1888 году прошеній о пріемѣ поступило 162; изъ нихъ принято 76, или 47%, и въ томъ числѣ 67 (88%) въ приготовительные классы и 9 (12%)—въ I.

Относительно предварительной своей подготовки, вновь принятые могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
изъ гимназій и реальныхъ училищъ	11	9
„ учительскихъ семинарій	—	3
„ духовныхъ семинарій и училищъ	2	1
„ городскихъ училищъ	16	13
„ уѣздныхъ училищъ	2	1
„ казенныхъ начальныхъ училищъ	33	24
„ общественныхъ училищъ	14	22
по домашней подготовкѣ	3	3

Отсюда видно, что главный контингентъ учащихъ семинарій получаютъ изъ казенныхъ начальныхъ училищъ, а наибольшій процентъ выдерживающихъ вступительный экзаменъ приходится на бывшихъ учениковъ городскихъ училищъ.

Выбывшихъ въ теченіе 1887 года изъ 4 семинарій было 98 воспитанниковъ, или 31,0% всего числа учащихъ, и въ 1888 году— 87 воспитанниковъ, или 28,5%, а именно:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
за окончаніемъ курса	47	45
„ неуспѣшность	20	4
„ поведеніе	3	4
по прошенію	17	24
„ болѣзни	8	8
за смертью	3	2

Изъ общаго числа выбывшихъ поступили:

	Въ 1887 г.	и въ 1888 г.
въ учительскій институтъ	1	—
„ другія учебныя заведенія	3	2
учителями	48	37
въ службу военную	3	3
„ „ гражданскую	4	4
на частную дѣятельность	6	9
не имѣется свѣдѣній о	30	30

Въ начальныхъ училищахъ при учительскихъ семинаріяхъ было къ 1-му января 1888 года 220 учащихся, а къ 1-му января 1889 года— 192 ученика, а именно:

	въ 1888 г.	въ 1889 г.
при Кубанской семинаріи . . .	35	27
„ Закавказской „ . . .	69	57
въ томъ числѣ:		
въ училищахъ: русскомъ . . .	18	12
грузинскомъ . . .	23	18
армянскомъ . . .	7	6
татарскомъ . . .	21	21
при Кутаисской семинаріи . . .	53	42
„ Эриванской „ . . .	63	66

Окончившихъ курсъ въ этихъ семи училищахъ было въ 1887 году 38, и изъ нихъ 31 приобрѣли право на льготу IV разряда по воинской повинности; кромѣ того, вышло еще 36 до окончанія курса, но уже умѣющихъ читать и писать. Въ 1888 году окончили курсъ 42 мальчика, и изъ нихъ 38 приобрѣли право на льготу IV разряда по воинской повинности.

Успѣхи и поведеніе учащихся выразились слѣдующимъ образомъ: въ концѣ 1886—1887 учебнаго года изъ бывшихъ въ четырехъ семинаріяхъ 318 учащихся удостоились аттестата и перевода въ слѣдующій классъ 234, или 73,6%, а въ 1887—1888 учебный годъ изъ 306 учащихся таковыхъ было—257, или 84,2%. Успѣшность въ оба года, за исключеніемъ перевѣса младшаго приготовительнаго надъ старшимъ и I классами въ 1887 году, правильно возростала отъ младшихъ къ старшимъ и успѣвающихъ было:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
въ младшихъ приготовительныхъ . . .	71%	67%
„ старшихъ	68%	76%
„ I-хъ классахъ	69%	84%
„ II-хъ „	77%	90%
„ III-хъ „	87%	98%

Национальности, къ которымъ принадлежать учащіеся въ отношеніи успѣшности распредѣляются такъ:

въ 1887 году.		въ 1888 году.	
армяне	80%	горцы	100%
грузины	77%	русскіе	86%
татары	72%	грузины	82%
русскіе	71%	армяне	81%
горцы	68%	татары	79%

а по сословіямъ:

духовное	84 ^o / _o	городскихъ	87 ^o / _o
городскихъ	83 ^o / _o	нижнихъ чиновъ	86 ^o / _o
сельскихъ	73 ^o / _o	сельскихъ	85 ^o / _o
дворяне	70 ^o / _o	духовнаго	84 ^o / _o
низшіе чины	70 ^o / _o	дворянъ	79 ^o / _o

Окончившихъ курсовъ въ 1887 году было: 2 ученика IV спеціальнаго класса Кубанской семинаріи, выпущенныхъ, на основаніи устава семинаріи, съ званіемъ учителей уѣднаго училища, и 45 учениковъ III класса, приобрѣвшихъ званіе учителей начальныхъ училищъ; въ 1888 г. изъ 46 учениковъ выпускныхъ классовъ только одинъ (въ Кубанской семинаріи) не получилъ учительскаго званія. По числу выпущенныхъ учителей, семинаріи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

въ 1887 г.	въ 1888 г.
Закавказская 19	Кубанская 15
Кубанская 14	Закавказская 13
Кутаисская 8	Эриванская 10
Эриванская 6	Кутаисская 7

Между окончившими курсъ было по національностямъ:

русскихъ	15	19
грузинъ	12	11
армянъ	9	4
татаръ и горцевъ	9	9
прочихъ національностей	2	2

по сословіямъ:

дворянъ	6	7
духовнаго званія	9	6
городскихъ сословій	5	9
сельскихъ сословій и казаковъ	27 (57 ^o / _o)	23 (51 ^o / _o)

За неуспѣшность уволенныхъ было въ 1887 году 20, что составляетъ 6.3^o/_o всего числа учащихся, и въ 1888 году — 4; изъ 24 за оба года 20 уволено за двухлѣтнее пребываніе въ одномъ и томъ же классѣ. Большинство увольняемыхъ до 80°/_o, оказывается не успѣвающимъ по русскому языку и математикѣ, затѣмъ по исторіи и географіи — по 40°/_o.

Кромѣ предметовъ, положенныхъ по уставу учительскихъ семинарій, въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края преподаются еще мѣстныя языки: въ Кутаисской — грузинскій, въ Эриванской — армянскій и та-

тарскій, а въ Закавказской—всѣ три языка; имъ обучаются воспитанники соотвѣтственныхъ національностей, и одному изъ нихъ по выбору—казенные пансіонеры изъ русскихъ. Всего въ оба учебные года обучавшихся было въ отчетные годы: грузинскому языку — 76 и 24 ученика, армянскому—51 и 52 и татарскому — 56 и 58. Изъ другихъ занятій, не для всѣхъ воспитанниковъ обязательныхъ, воспитанники обучались слѣдующимъ: Въ Кубанской семинаріи занимались музыкою 45 и 54 воспитанника, столярнымъ и токарнымъ мастерствомъ—35 и 42, и переплетнымъ — 16 и 24; результатомъ занятій было то, что въ 1888 году изготовлено въ столярной мастерской 38 предметовъ, большею частью классной обстановки, а въ переплетномъ переплетено 524 казенныя и 600 частныхъ книгъ, всего 1.124. Въ Закавказской обучалось музыкѣ 38 и 12, столярному ремеслу 35 и 24 и переплетному 65 и 7; за первый отчетный годъ сдѣлана починка всей классной семинарской мебели и переплетено до 950 книгъ своей бібліотеки; за второй годъ исполнены 44 столярныя работы и переплетено до 600 книгъ. Успѣшности занятій садоводствомъ и огородничествомъ, по замѣчанію директора Закавказской семинаріи, вредить то обстоятельство, что многія садовныя работы могутъ быть производимы лишь лѣтомъ, то-есть, въ такое время, когда всѣ воспитанники разъѣзжаются по домамъ. Въ Эриванской семинаріи занимались музыкою 15 и 16 воспитанниковъ, переплетному мастерству обучаются всѣ ученики обязательно, а съ 1888 года предполагалось ввести занятія столярнымъ и токарнымъ мастерствами, а также шелководствомъ. Въ Кутаисской семинаріи такихъ занятій, которыя не были бы обязательны для всѣхъ учащихся, не существуетъ.

За поведеніе болѣе строгимъ взысканіямъ за разные проступки подвергались въ 1887 году 33 ученика, или 10,4%, всѣхъ учащихся, и въ 1888 году — 53 ученика, или 17,4%, и въ томъ числѣ: аресту—27 и 17 случаевъ, выговору совѣта—22 и 13, исключенію изъ семинаріи съ правомъ поступленія въ другія заведенія—2 и 4, безъ права поступленія—1, въ 1887 году. Отмѣтки поведенія учащіяся имѣли слѣдующія:

	въ 1887 году		въ 1888 году.	
	пансіонеры		пансіонеры	
5	259	156	242	149
4	49	33	40	18
3	8	3	21	14
2	—	—	2	1

Уроковъ, пропущенныхъ воспитанниками семинарій, было въ 1887 году 8.255, что приходится на 1 ученика 26,1 и въ томъ числѣ 7.462, или 23,6, по болѣзни; въ 1888 году пропусковъ было 11.781, или 38,6 на одного ученика, и въ томъ же числѣ по болѣзни—10.647, или 34,9.

Случаевъ заболѣваній приходилось въ 1887 году по 170 на 100 учащихся: въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края—отъ 119 до 134, въ Кубанской—269, то-есть, вдвое больше; въ 1888 году было по 220 случаевъ заболѣванія на каждыя 100 учащихся, въ Кубанской же 390; такая значительная разница зависитъ, очевидно, отъ дурныхъ гигиеническихъ и санитарныхъ условій тѣхъ частныхъ квартиръ, на которыхъ проживаютъ ученики семинаріи. Въ станицѣ Ладовской существуетъ войсковая больница, открытая, главнымъ образомъ, для воспитанниковъ семинаріи, и въ ней могутъ пользоваться бесплатнымъ лѣченіемъ не только служащіе и учащіеся въ семинаріи, но и вообще учителя училищъ области, и, вѣроятно, благодаря этому, въ Ладовской станицѣ рѣже, чѣмъ въ другихъ, появляются эпидемическія болѣзни. Преобладающею болѣзнию за оба отчетные года была лихорадка: въ 1887 г. 206 случаевъ (38,4) и въ 1888 г. 174 случая (25,9). Смертныхъ случаевъ было въ 1887 году — 3 и въ 1888 году—2.

Учительскія семинаріи, какъ заведенія готовящія своихъ воспитанниковъ къ поприщу учительской дѣятельности въ сельской школѣ, болѣе, конечно, чѣмъ всякія другія учебныя заведенія, должны заботиться о развитіи силы характера и твердости убѣжденій въ этихъ будущихъ учителяхъ, объ укрѣпленіи въ нихъ религіознаго и патристическаго чувства; къ этимъ задачамъ, въ силу мѣстныхъ условій, присоединяется забота объ искорененіи проявляющихся еще слѣдовъ традиціонной племенной и религіозной розни, а также объ установленіи дружелюбнаго и справедливаго отношенія къ русской національности и правильныхъ взглядовъ на мѣропріятія правительства. Благодаря дружескимъ усиліямъ директоровъ, законоучителей и прочихъ наставниковъ, достигаются все лучшіе и лучшіе результаты въ этомъ отношеніи. О благотворномъ воспитательномъ вліяніи семинарій на своихъ питомцевъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что главная масса дисциплинарныхъ проступковъ приходится на приготовительный классъ, то-есть, на первый годъ пребыванія воспитанниковъ въ заведеніяхъ.

НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА.

Русская философія понесла значительную утрату въ лицѣ Михайла Ивановича Владиславлева, скончавшагося 24-го апрѣля нынѣшняго года. Внѣшними событіями его жизнь не богата, но она очень важна для судьбы русскаго просвѣщенія, ибо начало его научной дѣятельности совпало съ возстановленіемъ философіи въ нашихъ университетахъ послѣ того, какъ преподаваніе ея, начиная съ 1850 года, ограниченное притомъ всего лишь логикой и психологіей, было сдѣлано принадлежностью не специалиста, а профессора богословія. Извѣстно, къ чему привело это мѣропріятіе, вызванное исключительно внѣшними поводами (отнюдь не преждевременностью для нашихъ университетовъ философской каедры, а политическими смутами въ западной Европѣ и подозрѣніями, будто бы философія создаетъ и поддерживаетъ революціонныя стремленія)—къ упадку русской философской мысли и даже почти къ полному уничтоженію интереса и вниманія къ философіи. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно-то и содѣйствовало (хотя еще трудно опредѣлить, въ какой именно мѣрѣ) необыкновенно сильному распространенію въ шестидесятихъ годахъ матеріалистической метафизики; и не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію, что смѣшивать послѣднюю съ естествознаніемъ, какъ это тогда постоянно дѣлали, могли только по причинѣ отсутствія философскаго развитія. А коль скоро произошло такое смѣшеніе, то русской мысли грозила опасность рабски подчиниться одному лишь этому или подобному же міровоззрѣнію, которое захотѣло бы выступить подъ маской естествознанія, увлекаясь же имъ, игнорировать всѣ остальные направленія и чуждаться чрезъ это всякой философской критики. Это рабство дѣйствительно уже наступало. Вотъ какъ охарактеризовалъ Кавелинъ еще въ 1872 году поло-

женіе у насъ философіи: „Философія въ полномъ упадкѣ. Ея пренебрегаютъ, надъ нею глумятся. Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ не нужная вещь. Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой перемѣны въ направленіи и строѣ мыслей“¹⁾. Теперь же мы видимъ совсѣмъ другую картину, и на ряду съ Страховымъ, Кавелинымъ и другими, однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей по оживленію философіи былъ М. И. Владиславлевъ.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности (начавшейся въ 1866 году, то-есть, во время полного разгара матеріализма) онъ долженъ былъ привлечь вниманіе къ своей наукѣ и создать для нея подобающее ей мѣсто среди другихъ предметовъ историко-филологическаго факультета. И онъ добросовѣстно исполнилъ эту задачу: въ 1874 году на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета возникла офиціально признанная (просуществовавшая до 1885 года) специальность философіи (если не ошибаемся, этого не было въ другихъ университетахъ), на которой всегда было записано отъ 10 до 15 студентовъ. Къ числу прошедшихъ чрезъ нее и уже составившихъ себѣ имя своими философскими работами учениковъ Михаила Ивановича принадлежать Н. Я. Гротъ (нынѣ ординарный профессоръ философіи Московскаго университета, редакторъ Вопросовъ философіи и психологіи), Э. Л. Радловъ (преподаватель философіи въ Александровскомъ лицѣѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія, преподававшій одно время на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ), Н. Н. Ланге (преподаватель философіи въ Новороссійскомъ университетѣ), Л. В. Рутковскій (бывшій преподаватель педагогики на С.-Петербургскихъ педагогическихъ женскихъ курсахъ). Этимъ дѣло не ограничилось, и Михаилу Ивановичу суждено было еще разъ ревностно содѣйствовать возстановленію философіи въ русскихъ университетахъ.

Въ 1885 году были изданы новыя программы историко-филологическаго факультета. Согласно съ ними прежнее подраздѣленіе предметовъ факультета по специальностямъ было упразднено, наибольшая часть времени удѣлялась древнимъ языкамъ, изученіе же философіи ограничивалось Платономъ и Аристотелемъ, при чемъ студенты должны были посвящать ей всего лишь одинъ (и притомъ послѣдній) годъ своего пребыванія въ университетѣ. Практика скоро обнаружила недостатки

¹⁾ Задачи психологіи. С.-Пб. 1872, стр. 3.

такого порядка: онъ привелъ къ быстрому пониженію уровня образованности и знаній студентовъ по всѣмъ предметамъ, не исключая даже и древнихъ языковъ. Необходимо было, какъ можно скорѣе, замѣнить эти программы другими, чтó и совершилось при самомъ дѣятельномъ участіи Михаила Ивановича; съ осени 1889 года преподаваніе историко-филологическихъ наукъ поставлено слѣдующимъ образомъ: первые два года студенты посвящаютъ изученію общихъ предметовъ, а въ послѣдніе два распредѣляются по специальностямъ на четыре группы: 1) классическая филологія, 2) исторія, 3) русско-славянская словесность, 4) германо-романская словесность. Что же касается до философіи, то логика, психологія и исторія древней философіи отнесены къ числу обще-обязательныхъ предметовъ, а исторія новой философіи обязательна для тѣхъ, кто избираетъ своею спеціальностью исторію или словесность. Но этимъ еще не исчерпывается значеніе Михаила Ивановича для русской философіи, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго очерка его жизни и научной дѣятельности.

Однако ни профессорская, ни литературная его дѣятельность не имѣли бы ни малѣйшей цѣны и обращались бы въ ничто, еслибъ онъ дѣйствительно училъ тому, чтó ему ошибочно приписали, еслибы было справедливо обвиненіе, которое распространено относительно него, и надо замѣтить—съ большимъ успѣхомъ ¹⁾, анонимнымъ хроникеромъ Вѣстника Европы; а потому мы прежде всего очистимъ память Михаила Ивановича отъ этого не заслуженнаго имъ обвиненія. Мы вдвойнѣ обязаны сдѣлать это: насъ побуждаетъ и долгъ ученика, и честь университета, въ которомъ Михаилъ Ивановичъ былъ профессоромъ и ректоромъ, и который мы считаемъ близкимъ намъ. Да къ тому же, мы думаемъ, что и для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей небезынтересно и бесполезно будетъ убѣдиться на наглядномъ примѣрѣ, какъ осторожно надо относиться къ отзывамъ и отчетамъ даже такихъ серьезныхъ журналовъ, какъ Вѣстникъ Европы, на сколько легкомысленно и небрежно иногда исполняютъ свое дѣло ихъ сотрудники; а намъ это дастъ поводъ изложить кстати нѣкоторыя изъ воззрѣній Михаила Ивановича.

¹⁾ Это, еще никакъ не опровергнутое, обвиненіе повторяется не только устно, но и печатно: на него указываетъ, напримѣръ, г. Ва. Соловьевъ въ своихъ статьяхъ о русскомъ самосознаніи и намекаетъ г. Мерешковскій въ недавно напечатанной повѣи „Вара“.

Это обвиненіе, которое для своего подтвержденія ссылается на „Психологию“ М. И. Владиславлева, гласить, будто бы онъ въ ней учить уважать людей не за нравственныя достоинства, а всего лишь за ихъ богатство; будто бы эта мысль является тамъ отнюдь не простымъ констатированіемъ нежелательнаго факта часто встрѣчаемой нравственной немощи, „не только выводомъ изъ наблюдений“, какъ говорить обвинитель, — „но и чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго закона“¹⁾; будто бы „онъ видитъ въ уваженіи и удивленіи естественныхъ, нормальныхъ спутниковъ богатства, въ пренебреженіи и презрѣніи — нормальныхъ спутниковъ бѣдности“²⁾. А между тѣмъ въ цитруемой хроникеромъ книгѣ, въ „Психологіи“, подъ рубрикой, озаглавленной „Чувство уваженія“, вотъ что сказано (приводимъ длинную цитату безъ всякихъ пропусковъ): „Чтобъ кого-либо уважать, необходимо предварительно признать за этимъ лицомъ значительную нравственную силу; чтобы уважать учрежденіе, сословіе, также необходимо, чтобы они признавались въ качествѣ общественныхъ и нравственныхъ силъ. Физическая сила можетъ быть громадная у человѣка, у животнаго: ей удивляются, но не уважаютъ ея. Хитрость, ловкость могутъ быть необыкновенны, но уважать за нихъ никого не возможно. Большой умъ, крѣпкій характеръ, обширная общественная дѣятельность, направленные на зло, не выдерживающіе никакой нравственной оцѣнки, могутъ служить предметомъ удивленія, но никакъ не уваженія: мы удивляемся гениальности Алкивиада, но не уважаемъ его; всѣ удивляются Наполеону I, но не всѣ уважаютъ его. Равно и учрежденія, сословія, профессіи, когда они привлекаютъ къ себѣ значительныя умственныя силы и имѣютъ въ обществѣ значеніе нравственныхъ силъ, вызываютъ къ себѣ уваженіе. Безъ нравственной подкладки, какъ бы корпорація ни была богата и сильна, какое бы могущество ни стояло за учрежденіемъ, какъ бы ни давало сословіе чувствовать свою силу, они могутъ быть предметомъ удивленія, страха, но отнюдь не уваженія. Большая же нравственная сила исторгаетъ уваженіе къ себѣ: мы можемъ не любить лица, учрежденія, можемъ ихъ ненавидѣть, но если въ нихъ есть нравственная мощь, мы не можемъ не уважать ихъ“³⁾. Похоже ли это на то, что приписывается Михайлу Ивановичу? Онъ отказываетъ въ уваженіи не только богатству, физическимъ или общественнымъ силамъ, какъ от-

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1887, № 12, стр. 906.

²⁾ *Иб.*, 907.

³⁾ *Психологія*. Т. I. С.-Пб. 1881, стр. 573.

дѣльныхъ лицъ, такъ и учреждений, но даже гениальному уму и крѣпкому характеру, коль скоро они не выдерживаютъ нравственной оцѣнки: уваженіе исторгается одною лишь нравственною силою, и притомъ независимо отъ любви и ненависти. Очевидно, небрежность хроникера Дѣстника Европы доходитъ до того, что, говоря о взглядахъ Михаила Ивановича на чувство уваженія, онъ не счелъ даже нужнымъ прочесть ту рубрику, которая посвящена специально анализу этого чувства.

На этомъ мы и могли бы остановиться. Но обвиненіе этого анонима, какъ мы упомянули, имѣло большой успѣхъ; а извѣстно, что коль скоро широко распространилось какое-нибудь ложное убѣжденіе, то для его окончательнаго устраненія еще недостаточно показать его ошибочность, а надо также объяснить, какъ именно оно возникло и распространилось. Приступая къ этому, мы прежде всего укажемъ на то, что небрежность хроникера породила мнѣніе, будто бы инкриминируемыя имъ мысли Михаила Ивановича напечатаны не въ его многими извѣстной и всѣмъ доступной „Психологіи“ (ея изданіе почти все уже разошлось), а въ какомъ-то рѣдко встрѣчаемомъ специальномъ журналѣ, называемомъ Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Намъ неоднократно доводилось выслушивать подобное мнѣніе, а также и основанное на немъ объясненіе нашего разногласія съ словами хроникера по поводу возрѣній Михаила Ивановича: многіе, пробуя провѣрить обвиненіе хроникера и не находя для нихъ почвы въ „Психологіи“, приходили къ заключенію, что обвиняемый сперва напечаталъ свою работу въ упомянутомъ университетскомъ журналѣ, а потомъ при ея отдѣльномъ, вошедшемъ въ составъ „Психологіи“, изданіи счелъ почему-то нужнымъ переправить въ ней нѣкоторыя мѣста, а кое-что добавить. Въ дѣйствительности же дѣло объясняется гораздо проще: обвинителемъ цитируется книга „Психологія“, но такимъ способомъ, что кажется, будто онъ имѣетъ въ виду журнальныя статьи; цитируемыя же мысли искажены, а тѣ мѣста „Психологіи“, которыя не допускаютъ сдѣланнаго имъ искаженія, не были имъ прочитаны. Что же касается до Записокъ историко-филологическаго факультета, то такого журнала не существуетъ, и то, что читатели встрѣчаютъ въ бібліотекахъ и книжныхъ магазинахъ подъ именемъ „Психологіи“ Владиславлева, оба тома которой, замѣтимъ кстати, печатались одновременно и вышли въ свѣтъ въ одинъ и тотъ же день, есть не что иное какъ одна изъ частей Записокъ. Эти Записки состоятъ изъ изданій, на счетъ факультета,

работъ профессоровъ, магистрантовъ и т. п.; къ нимъ, кромѣ упомянутой „Психологіи“, относятся, напримѣръ, еще „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи“ г. Незеленова, „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“ г. В. Семейскаго, „Secrets d'état de Venise“ г. Ламанскаго, „Буддизмъ“ г. Минаева, „Моравія и мадьяры“ г. Н. Грота, „Исторія нравственныхъ идей“ г. Ланге и т. д. Каждый авторъ, сочиненіе котораго факультетъ считаетъ нужнымъ издать на свой счетъ, получая отъ него сполна или отчасти средства для изданія, обязанъ за это представить въ пользу факультета 200 экземпляровъ своей работы, сброшюрованныхъ въ оберткѣ, указывающей номеръ части Записокъ¹⁾; эти экземпляры идутъ въ обмѣнъ на изданія другихъ университетовъ, ученыхъ обществъ и т. п., а остальные—въ оберткѣ безъ всякаго указанія на Записки—поступаютъ въ собственность автора. Но все это виѣ университета почти никому не извѣстно: а оттого при небрежности хроникера Вѣстника Европы у читателей послѣднаго явилось мнѣніе, будто бы тамъ идетъ рѣчь не о книгѣ „Психологія“, а о какихъ-то журнальныхъ статьяхъ. Дѣйствительно, анонимъ цитируетъ „Психологію“ такъ, какъ будто она помѣщена въ журналѣ: 1) онъ ни однимъ словомъ не обмолвливается о существованіи ея въ отдѣльномомъ изданіи; 2) дѣлая ссылку въ текстѣ, онъ не приводитъ ея заглавія, а говоритъ только о Запискахъ, въ подстрочномъ же примѣчаніи разстаниваетъ слова (заглавія „Психологія“ и Записокъ) и указаніе года изданія такимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ при цитированіи журнальныхъ статей²⁾; 3) онъ называетъ ее „однимъ малоизвѣстнымъ психологическимъ изслѣдованіемъ“, такъ что его читатели, уже мало встрѣчая ее въ продажѣ и находя въ замѣнъ того почти во всѣхъ библіотекахъ, неизбѣжно приходили къ заключенію, что цитируется не она, а что-то другое; 4) онъ высказываетъ увѣренность, что это изслѣдованіе есть воспро-

¹⁾ Каждое изданіе составляетъ новую часть; нинѣ ихъ больше 20.

²⁾ Вотъ его ссылка въ текстѣ: „Напечатано въ *Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета* (томъ седьмой, часть вторая. С.-Пб. 1881)“ (см. *Вѣстникъ Европы*, 1. с., 904). А въ подстрочномъ примѣчаніи ссылка имѣетъ слѣдующій видъ: „Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. М. Владиславлева. Т. II, стр. 39 и слѣд. (*Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Императорскаго университета*, т. VII, ч. II. С.-Пб. 1881)“. Больше нѣтъ никакихъ указаній цитируемаго источника.

изведение университетскаго курса психологіи ¹⁾, а это должно было сбить съ толку всѣхъ, кто видалъ „Психологію“, такъ какъ въ ней до 1,200 страницъ, и физически не возможно прочесть ее при ограниченномъ времени университетскаго курса (при двухъ годовыхъ часахъ) ²⁾. У самихъ же читателей должна была еще возникнуть увѣренность, что ученіе, подобное описанному хроникеромъ, не могло бы въ теченіе семи лѣтъ (со дня выхода „Психологіи“) не обратить на себя вниманія, если только оно не было напечатано въ какомъ-либо малодоступномъ журналѣ.

Такимъ образомъ объяснено теперь, какъ распространилось это ложное мнѣніе о Михаилѣ Ивановичѣ. Остается показать, какимъ путемъ пришелъ къ нему самъ хроникеръ Вѣстника Европы. Отчасти это уже извѣстно: обвинитель не счелъ нужнымъ прочесть всю книгу, а ограничился только нѣкоторыми страницами. Къ этому присоединилась какая-то странная забывчивость и разсѣянность. Забывчивость приводитъ его, между прочимъ (перечислять все, что дѣлаютъ съ нимъ оба эти недостатка, нѣтъ никакой нужды), къ тому, что онъ, прочитавъ, какое значеніе или, какъ выражается самъ обвинитель, „условный, произвольный смыслъ“ ³⁾ обвиняемый условливается

¹⁾ „Мы“, говоритъ онъ, — „не успѣли еще забыть этихъ словъ, когда познакомились случайно (курсивъ нашъ, а не анонима) съ однимъ малознакомымъ психологическимъ изслѣдованіемъ, составляющимъ, по всей вѣроятности, воспроизведеніе университетскаго курса психологіи, такъ какъ оно принадлежитъ извѣстному профессору философіи и напечатано въ *Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета* (томъ седьмой, часть вторая. С.-Пб. 1881)“ (*Вѣстникъ Европы*, I. с., 904). „Нужно надѣяться, что онъ не держится, по крайней мѣрѣ, теперь, своихъ прежнихъ взглядовъ или, во всякомъ случаѣ, не излагаетъ ихъ съ университетскою каедрой“ (I. с., 907).

²⁾ Ксати, обвиненію подверглась попытка измѣренія чувствованій, которую самъ М. Владиславлевъ разсматривалъ лишь какъ *постановку* вопроса, а не рѣшеніе, при чемъ своимъ выводамъ придавалъ только то значеніе, что они доказываютъ одну лишь *разрѣшимость* этого вопроса (*Психологія*, т. II, стр. 2) и считалъ ихъ основанія шаткими (предисловіе ко второму тому); онъ даже не рѣшался думать, чтобъ имъ былъ найденъ *хотя бы только* ключъ къ рѣшенію (стр. 2); поэтому изъ экономіи во времени онъ не могъ вводить этотъ вопросъ въ свои лекціи. Къ тому же мы *напередъ* знаемъ, что до 1881 г. (когда мы кончили курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ) онъ не читалъ ничего подобнаго; въ 1885 же году преподаваніе психологіи было прекращено и возобновлено въ 1889 г., когда оно было факультетомъ поручено намъ, какъ помощнику Михаила Ивановича.

³⁾ *Вѣстникъ Европы*, I. с., 905.

придавать нѣкоторымъ терминамъ, тотчасъ же забываетъ объ этомъ, и, даже упомянувъ объ „условномъ, произвольномъ смыслѣ“ (но не объяснивъ его), понимаетъ ихъ по-своему. А вслѣдствіе разсѣянности онъ не только не понялъ цѣлей одного приводимаго обвиняемымъ соображенія, но даже не выписываетъ его до конца, а оборвавъ его на двоеточіи, подчеркиваетъ послѣднія выписанныя имъ слова и, пропуская то, что слѣдуетъ за этимъ знакомъ и служитъ поясненіемъ для нихъ, перетолковываетъ ихъ по-своему.

Сперва доказательство разсѣянности. Михаилъ Ивановичъ, между прочимъ, пытался подвергнуть изслѣдованію, въ зависимости отъ какихъ именно внѣшнихъ условій (другихъ, какъ онъ замѣчаетъ, нельзя измѣрять) и какъ именно измѣняются наши отношенія къ своему и чужому достатку. Онъ приходитъ къ заключенію, что мы считаемъ свое собственное матеріальное благосостояніе осязательно (а не ариѳметически) улучшившимся только тогда, когда нашъ доходъ увеличится не менѣе какъ на $\frac{1}{5}$ его величины (меньшую же прибавку не считаемъ измѣняющею наше положеніе), а когда мы рассматриваемъ чужое благосостояніе, то выдѣляемъ въ классъ болѣе достаточныхъ, сравнительно съ нами, людей только тѣхъ, чей доходъ превышаетъ нашъ собственный не менѣе какъ на $\frac{1}{2}$ (при меньшей же разницѣ считаемъ ихъ обезпеченными въ той же мѣрѣ, какъ и мы сами). Эти выводы (правильны они или нѣтъ—это для насъ безразлично) получены при помощи небольшого числа данныхъ, а потому требовалось провѣрить ихъ всевозможными косвенными соображеніями. Для провѣрки Михаилъ Ивановичъ беретъ оклады чиновниковъ казенныхъ учрежденій и разсуждаетъ такъ: если справедливо, что мы чувствуемъ осязательное (а не ариѳметическое) улучшение своего благосостоянія только тогда, когда наши доходы увеличатся на $\frac{1}{5}$, то государство, чувствуя инстинктивно этотъ законъ, должно было и въ старшихъ, и въ новыхъ штатахъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чиновникъ, даже и не измѣняя размѣровъ, значенія и сферы своей дѣятельности, переходитъ съ меньшаго оклада на болѣе большой, установить между ними разницу не менѣе какъ на $\frac{1}{5}$ низшаго оклада: въ противномъ случаѣ чиновникъ не почувствуетъ своего благосостоянія осязательно (а не ариѳметически) измѣненнымъ къ лучшему. Удалась ли эта провѣрка, или нѣтъ,—для насъ безразлично, ибо мы и упоминаемъ—то о ней только для разъясненія мыслей М. И. Владиславлева. На ряду съ этимъ надо было провѣрить, при какихъ условіяхъ мы чужое благосостояніе чувствуемъ какъ осязательно (а не ариѳметически) отличающееся отъ нашего.

Обращаясь съ этою цѣлью къ штатамъ высшихъ казенныхъ учреждений, М. И. Владиславлевъ предполагаетъ, что различіе окладовъ въ каждомъ изъ нихъ для разныхъ должностей имѣетъ не одно только экономическое значеніе, „но въ немъ выражается взглядъ государства на цѣнность услугъ чиновника и значеніе, которымъ онъ долженъ пользоваться въ обществѣ“¹⁾. А если это вѣрно, то окладъ всякой должности, высшей по своему значенію и сферѣ власти, долженъ превышать окладъ ближайшей низшей не менѣе какъ на $\frac{1}{2}$, послѣдняго: иначе получающіе ихъ чиновники не будутъ чувствовать различія символовъ своей власти, то-есть, не почувствуютъ своего благосостоянія отнесеннымъ къ разнымъ классамъ зажиточности. Противъ такой проверки легко возникаетъ сомнѣніе, что различіе значенія должностей высказывается также въ требованіи, предъявляемомъ къ занимающимъ ихъ лицамъ, образовательнаго или имущественнаго ценза, даже извѣстнаго происхожденія и т. д., что затрудняетъ проверку. Предусматривая такое возраженіе, Михаилъ Ивановичъ устраняетъ его въ слѣдующихъ строкахъ: „Размѣры природнаго ума, образованія, личнаго имущества, происхожденіе, характеръ и т. п. могутъ улучшать и иногда ухудшать личное положеніе того или другаго лица, восполнять, чего недостаетъ въ положеніи по жалованью, или же вычитать изъ занимаемаго положенія, но это все будутъ исключенія: въ большинствѣ случаевъ чиновники нашихъ департаментовъ болѣе или менѣе равны во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ, и потому можно абстрагировать нѣкоторыя различія ихъ и разсуждать о положеніяхъ вообще“²⁾. Что же дѣлаетъ изъ этихъ словъ обвинитель? Совѣмъ не понявъ, зачѣмъ нужны всѣ подобныя соображенія (и чрезъ это неправильно сообщивъ своимъ читателямъ, будто Михаилъ Ивановичъ свои обобщенія не проверяетъ только, а „изучаетъ съ помощію штата министерства народнаго просвѣщенія“), онъ подъ влияніемъ расцѣпленности не выписываетъ даже послѣдней мысли Михаила Ивановича до конца, а обрываетъ ее на двоеточіи и подчеркиваетъ кур-

¹⁾ Психологія, т. II, стр. 40. „Директору департамента“, говорится въ другомъ мѣстѣ (I. с., 47),—„назначается содержаніе, превосходящее въ 15 разъ жалованье низшаго должностнаго лица въ департаментѣ, не для того, чтобъ онъ вѣкъ и ниваль семью въ 15 разъ болѣе, чѣмъ низшій чиновникъ. Но количествомъ жалованья законодатель косвенно обозначаетъ положеніе, какое человекъ долженъ занимать въ обществѣ, равно разстояніе въ служебномъ рангѣ одного должностнаго лица отъ другаго“.

²⁾ I. с., 40.

сивомъ предшествующія этому знаку слова: „но все это будутъ исключенія“¹⁾. А такъ какъ характеръ вслѣдствіе забывчивости уже предрасположенъ къ искаженному пониманію цитируемыхъ мыслей, то ему (а вслѣдъ за нимъ и его читателю) невольно должно было показаться, что эти подчеркнутыя слова употреблены здѣсь не въ смыслѣ лишенія правъ на такой способъ провѣрки выводовъ, а въ смыслѣ изрѣдка случающагося нарушенія того правила, которое у обвиняемаго „является не только выводомъ изъ наблюденій, но и чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго закона“, что онъ предписываетъ уважать людей за ихъ оклады, а нарушеніе этого правила считаетъ исключеніемъ.

Самое же искаженіе мыслей обусловлено поразительною забывчивостью обвинителя. Предпринявъ попытку болѣе точнаго изслѣдованія измѣненія въ степеняхъ напряженія нѣкоторыхъ чувствованій, именно тѣхъ, которыя возникаютъ по поводу внѣшнихъ и, сверхъ того, поддающихся измѣренію условій, или, какъ онъ самъ отиѣчаетъ (о чемъ умалчиваетъ обвинитель), чувствованій „низшихъ, болѣе грубыхъ по своимъ поводамъ“²⁾, Михаилъ Ивановичъ на ряду со множествомъ другихъ вопросовъ (въ родѣ того—за сколько времени мы начинаемъ ожидать приходъ кого-либо къ намъ, назначенный въ точно, или же приблизительно, опредѣленный срокъ? какая разница между дѣйствительнымъ и ожидаемымъ ростомъ человѣка поражаетъ насъ какъ неожиданность? и т. п.), ставитъ также и такой вопросъ: при какихъ условіяхъ мы начинаемъ обособлять отъ себя другихъ лицъ, какъ принадлежащихъ къ группѣ болѣе богатыхъ, или же осязательно (а не ариѳметически) превосходящихъ насъ своею мускульною силой, при какой величинѣ эта разница порождаетъ въ насъ удивленіе или же чувство грандіозныхъ размѣровъ, и на оборотъ—при какихъ условіяхъ чужой доходъ и чужая мускульная сила (а равно и размѣры новаго города сравнительно съ прежнимъ, привычнымъ для насъ) являются въ нашихъ глазахъ пренебрежительно, презрительно и мизерно малыми сравнительно съ нашими? Разсуждая обо всемъ этомъ, М. И. Владиславлевъ для удобства изложенія нуждается въ сокращенныхъ терминахъ, которые можно было бы употреблять въ замѣнъ длинныхъ описательныхъ фразъ для обозначенія каждаго изъ этихъ душевныхъ актовъ. Всѣ вмѣстѣ или, какъ онъ выражается, всю эту, „гамму чувствованій“—трехъ положительныхъ и трехъ отрица-

¹⁾ *Вестникъ Европы*, I. с., 906.

²⁾ *Психологія*, т. II, стр. 19.

тельныхъ, онъ назвалъ ихъ „чувствами цѣнности“; для обозначенія же каждаго изъ нихъ отдѣльно въ обыденномъ языкѣ онъ могъ найти только такіе, болѣе или менѣе, подходящіе термины: чувство удивленія, грандіозности, презрительной и мизерной малости. Такимъ образомъ ему надо было выдумать еще два термина: одинъ—для обозначенія той оцѣнки, при которой мы чувствуемъ, что какое-нибудь лицо обособляется нами въ группу тѣхъ, кто сравнительно съ нами является намъ осязательно (а не ариметически) болѣе значительнымъ, или же обладающимъ большею мускульною силой; а другой, противоположнаго содержания,—для обозначенія той оцѣнки, при которой мы разсматриваемъ другихъ лицъ, какъ поставленныхъ сравнительно съ нами въ осязательно худшія матеріальныя условія, или же приписываемъ имъ осязательно меньшую мускульную силу. Называя послѣднюю оцѣнку чувствомъ пренебреженія, онъ первую называетъ чувствомъ уваженія (или же чувствомъ внушительности), оговариваясь, что употребляетъ это выраженіе не въ прежнемъ, а въ новомъ значеніи. „Обратимся“, говоритъ онъ,—„къ чувству уваженія. Мы понимаемъ здѣсь не въ смыслѣ дани, воздаваемой сердцемъ нравственной силѣ, но въ болѣе вѣдшемъ значеніи, какъ чувство, возбуждаемое въ насъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ человѣка“¹⁾. И вообще во всемъ трактуемомъ отдѣлѣ слова: уваженіе, внушительность, удивленіе, чувства грандіозности, пренебреженія, презрѣнія мизерности получаютъ на столько удаленное отъ общеупотребительнаго значеніе, что онъ говоритъ о чувствѣ уваженія, удивленія и грандіозности предъ силой крющника, лошади, лѣкомотива и т. д. Напримеръ: „Мы различаемъ“, говоритъ онъ,—„обыкновенныхъ крощниковъ поднимающихъ и переносящихъ кули съ мукою (9 п.), и сильнѣе ихъ считаемъ тѣхъ, которые справляются съ кулами соли (12 п.) Мы чувствуемъ къ нимъ уваженіе, граничащее съ удивленіемъ, и не самое удивленіе“²⁾. Или нѣсколько дальше: „Лошадь, везущая 30 пудовъ, все-таки имѣетъ удивительную силу сравнительно съ человѣческою; другая лошадь, везущая 40 пудовъ, кажется внушительно сильнѣе первой, но равно удивительно сильною. Съ каждою надбавкою $\frac{1}{2}$ чувство уваженія или внушительности будетъ подниматься, хотя степень удивленія остается одною и тою же“³⁾. Или

¹⁾ Томъ II, стр. 21.

²⁾ Л. с., 36.

³⁾ Л. с., 37. Это значитъ: мы будемъ уважать вторую лошадь болѣе первой но удивляться силѣ обѣихъ—одинаково.

такіе примѣры: „Беремъ субъекта изъ нашего круга: онъ поднимаетъ съ большимъ напряженіемъ тяжести въ 150 ф. Въ другому субъекту, поднимающему только 100 ф., онъ по закону $\frac{1}{2}$, долженъ чувствовать пренебреженіе, конечно, въ отношеніи силы“ ¹⁾. „Субъектъ, въ пять разъ менѣе сильный, чѣмъ мы, презирается нами“ ²⁾ и т. д.

Какъ же поступаетъ съ этими терминами анонимный обвинитель? Все это онъ читаетъ, ибо самъ вскользь упоминаетъ, что М. И. Владиславлевъ соединяетъ съ словами уваженіе и удивленіе, пренебреженіе и презрѣніе какой-то „условный, произвольный смыслъ“ ³⁾; но онъ позабылъ сообщить своимъ читателямъ, въ чемъ именно состоитъ этотъ „условный, произвольный смыслъ“, позабылъ также упомянуть и о томъ уваженіи къ крѣпичкамъ и лошадямъ, которое у обвиняемаго „является не только выводомъ изъ наблюдений, но и чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго закона“ (такое упоминаніе послужило бы и хроникеру, и читателямъ намекомъ, какое уваженіе подразумѣвается у М. И. Владиславлева), а ограничился только одними разсужденіями о доходахъ. Не описавъ же этого „условнаго, произвольнаго смысла“ словъ уваженіе, презрѣніе и т. д., обвинитель тотчасъ же и самъ-то забылъ о немъ, и сталъ понимать уваженіе, презрѣніе и т. д. въ ихъ обыкновенномъ, а не въ „условномъ произвольномъ смыслѣ“. Естественно, что при такихъ условіяхъ ему и его читателямъ должно было показаться, будто бы обвиняемый „видитъ въ уваженіи и удивленіи естественныхъ, нормальныхъ спутниковъ богатства, въ пренебреженіи и презрѣніи—нормальныхъ спутниковъ бѣдности“ ⁴⁾.

Анонимный обвинитель бросилъ еще и другой упрекъ Михаилу Ивановичу—въ оппортунизмъ, и умышленно или не умышленно, породилъ среди своихъ читателей подозрѣніе въ неустойчивости убѣжденій обвиняемаго, въ томъ, что будто бы воззрѣнія, которыя Михаилъ Ивановичъ исповѣдывалъ и пытался проводить въ жизнь во время своего ректорства, были обусловлены только должностію ректора: свои, уже опровергнутыя нами, обвиненія анонимъ выставляетъ именно по поводу одного мѣста ректорской рѣчи Михаила Ивановича (въ которомъ послѣдній говорилъ, что въ университетѣ „студентъ долженъ получить, кромѣ научнаго, правильное полити-

¹⁾ Л. с., 32.

²⁾ Л. с., 33.

³⁾ *Вѣстн. Европы*, I. с., 905.

⁴⁾ *Вѣст. Европы*, I. с., 907.

ческое и нравственное образование и воспитаніе*) 1) и заканчиваетъ ихъ довольно прозрачными намеками на неискренность его убѣжденій. „Не думаемъ“, говоритъ обвинитель,— „чтобы такое ученіе было хорошимъ средствомъ для развитія чувствъ „уваженія“ и „удивленія“ 2) въ самихъ юношахъ; не думаемъ, чтобы это способствовало „нравственному воспитанію“ молодыхъ людей, особенно въ нашъ вѣкъ, пораженный и безъ того культомъ „золотаго тельца“, къ поклонникамъ котораго, очевидно, принадлежитъ и авторъ „Психологіи“. Но уваженіе къ богатству, презрѣніе къ бѣдности — не принадлежать, сколько намъ извѣстно, къ „преданіямъ и завѣтамъ русской исторіи“, къ „основамъ нашего политическаго быта“..... Нужно надѣяться, что онъ не держится по крайней мѣрѣ теперь своихъ прежнихъ взглядовъ или, во всякомъ случаѣ, не излагаетъ ихъ съ университетской кафедрой 3). Зная Михаила Ивановича двѣнадцать лѣтъ, мы могли бы свидѣтельствовать, сколь далеко онъ былъ отъ оппортунизма, съ большимъ правомъ, чѣмъ тѣ, кто узналъ его лишь чрезъ анонимнаго хроникера, и наше свидѣтельство было бы подтверждено не только его сослуживцами, но и такими лицами, которыя близко знали его съ семинарской и академической скамьи. Но все это мы считаемъ излишнимъ и въ замѣнъ того обратимся къ даннымъ другаго рода.

Анонимъ въ началѣ своей замѣтки цитуетъ слова Михаила Ивановича, что среди студентовъ должна подняться дисциплина, и что во время ихъ пребыванія въ университетѣ у нихъ должно укрѣпиться уваженіе къ преданіямъ и завѣтамъ русской исторіи и къ основамъ нашего политическаго быта 4), а япотомъ грубо намекаетъ, что Михаилъ Ивановичъ говоритъ лишь подходящую къ случаю фразу, содержаніе которой при его поклоненіи золотому тельцу вполне чуждо его душѣ. Михаилъ Ивановичъ по роду своихъ литературныхъ трудовъ не имѣлъ поводовъ подробно высказать въ

1) *Вѣстникъ Европы*, I. с., 904.

2) Въ коммачки въ этой цитатѣ принадлежать обвинителю.

3) *Вѣстникъ Европы*, I. с., 907. По поводу этой же самой рѣчи раньше обвиненій анонима въ *Нов. Времени* было замѣчено, что Михаилъ Ивановичъ выражаетъ въ ней и вообще въ качествѣ ректора стремится осуществить уже давно сообразившія въ немъ мысли. Поэтому прозрачные намеки на самый низменный оппортунизмъ получали особое значеніе: ими, какъ бы прямо высказывалось, можно ли ожидать чего-либо искренняго отъ поклонника золотаго тельца?

4) *Вѣстникъ Европы*, I. с., 904.

печати свои политическія воззрѣнія; но за то онъ ихъ обнаружилъ еще въ юности выборомъ тѣхъ лицъ, съ которыми сблизался и подѣлялъ вліяніе которыхъ онъ такимъ образомъ добровольно ставилъ себя. По прїѣздѣ въ Петербургъ для поступленія въ духовную академію онъ сблизился (а впоследствии породнился) съ Достоевскими, а не съ какими-либо другими кружками и, еще бывши студентомъ, сотрудничалъ въ издаваемомъ ими журналѣ *Время*, задачей котораго ставилась сліяніе образованности съ народнымъ началомъ и въ программѣ котораго говорилось: „Мы убѣдились, наконецъ, что мы тоже отдѣльная національность, въ высшей степени самобытная, и что наша задача создать себѣ новую форму, нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ“¹⁾. Къ этому добавимъ маленькую цитату изъ „*Психологіи*“ М. И. Владиславлева, гдѣ онъ случайно (въ видѣ психологическаго примѣра) касается отношеній русскихъ людей къ государству. Сообразно съ своимъ основнымъ принципомъ главенства воли въ душевной жизни онъ училъ, что по существу дѣла воля не зависитъ отъ мотивовъ удовольствія и неудовольствія, а на оборотъ—глядя по соответствію или несоответствію съ нашими основными, первичными, хотя и не всегда сознаваемыми, стремленіями (а изъ нихъ уже развивается то, что въ обыденной жизни называется волей), одинъ и тотъ же фактъ можетъ быть переживаемъ нами то какъ удовольствіе, то какъ неудовольствіе. И вотъ, разбирая теорію мотивовъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Возможно ли объяснить мотивами несеніе тяготы государственной жизни каждымъ участникомъ ея? Съ точки зрѣнія удовольствія и неудовольствія русской мужикъ долженъ

¹⁾ См. *Биографія, письма и замѣтки Достоевскаго*. С.-Пб. 1883, стр. 273 и 279. Любопытно, что возникшая въ замѣнѣ *Времени Эпоха* (въ которой тоже, хотя и мало, сотрудничалъ Михаилъ Ивановичъ) подверглась очень сходнымъ и столь же неправильнымъ обвиненіямъ со стороны *Современника* и другихъ. „Въ этой чернильной борьбѣ“, говоритъ Н. Н. Страховъ,—*Эпоха* вела себя почти безукоризненно, оставаясь на чисто литературной почвѣ и имѣя въ виду всегда принципы, и потому, конечно, была слабѣе противниковъ, которымъ не было счета и которые разрѣшали себѣ не только всякое глумленіе и ругательство, напримѣръ, называли своихъ оппонентовъ рваками, бутербродами, стрижами и т. п., но дозволяли себѣ намеки на то, что мы нечестны, угодили правительства, доносчики и т. п. Помню, какъ бѣдный Михаилъ Михайловичъ былъ огорченъ, когда его „разчетъ съ подписчиками“ былъ гдѣ-то продернутъ и доказывалось, что онъ обещалъ своимъ подписчикамъ“ (1. с., стр. 275). Михаилъ Михайловичъ—Достоевскій.

былъ бы бѣжать изъ государства, которое налагаетъ на него тяжелыя подати, беретъ дѣтей на службу себѣ, а удовольствій не даетъ никакихъ. Кто осмѣлится сказать, что только страхъ полиціи удерживаетъ русскихъ мужиковъ въ нѣдрахъ государства? Русскій человѣкъ несть и несетъ тяготу государственной жизни: новгородецъ и архангелогородецъ жертвуютъ на Восточную войну, на болгарь, не изъ страха и не для избѣжанія горшихъ неприятностей, а потому, что иначе не хотятъ поступать, потому что государственный союзъ, обереганіе его и жертвы для него, есть предметъ одного изъ первоначальныхъ хотѣній всякаго здороваго душой русскаго человѣка, хотѣніе глубокое и мало сознаваемое¹⁾. Такимъ образомъ его уваженіе къ (правильно или неправильно усвоеннымъ и понятымъ, это не относится къ дѣлу) завѣтамъ русской исторіи и основамъ нашего политическаго быта и убѣжденіе, что послѣднія составляютъ предметъ первичныхъ стремленій, безъ удовлетворенія которыхъ не возможна жизнь для здороваго душой русскаго человѣка и ради которыхъ онъ готовъ на всякія жертвы, уже давно созрѣли въ душѣ Михаила Ивановича.

Въ „Психологія“ же онъ имѣлъ поводъ ясно и опредѣленно высказать свои воззрѣнія на сущность власти и дисциплины. Эти строки находятся всего лишь чрезъ 50 страницъ послѣ цитуемаго обвинителемъ мѣста, и послѣдній легко могъ бы прочесть ихъ, еслибы зналъ, что, не только вводя столь тяжкія обвиненія, но и вообще, нельзя выхватывать изъ средины книги (въ буквальной смислѣ этого слова) отдѣльныя и притомъ совершенно непонятныя фразы безъ всякой связи съ предшествующими и послѣдующими мыслями и безъ поясненія употребляемыхъ въ нихъ терминовъ,—что чрезъ это все можетъ явиться въ самомъ превратномъ видѣ. Вотъ что сказано тамъ: „Источникъ всякой власти въ концѣ концовъ есть, конечно, сила. Безси́льная власть есть *contradictio in adjecto*, пародія на дѣйствительную власть. Она можетъ исходить изъ права, опираться на свободное послушаніе, быть охотно признаваемою со стороны подчиненныхъ, но все-таки она должна непремѣнно быть представляемою какъ на что-то опирающаяся, имѣющая за собою нравственную силу, по отношенію къ которой подчиняющійся долженъ признавать себя безси́льнымъ. Во многихъ случаяхъ эти отношенія возникаютъ изъ грубаго физическаго перевѣса силы, и со временемъ переходятъ на степень

¹⁾ Психологія, т. II, стр. 417.

нравственно освященныхъ, то-есть, опирающихся на свободное послушаніе. Дѣти приучаются повиноваться болѣе сильнымъ родителямъ, потому что они заставляютъ ихъ быть послушными; выросши, они признаютъ право власти за послѣдними, и слушаются ихъ изъ свободнаго повиновенія. Правительство, опирающееся на матеріальную силу и заставляющее всѣхъ подчиняться себѣ, можетъ внушить своему народу убѣжденіе въ своей пользѣ, благотворности и, кромѣ силы, опираться на свободное подчиненіе себѣ большинства. Но какая бы власть ни была и откуда бы она ни исходила, она должна быть способною во всякій моментъ осуществить свою силу: безсиліе дѣлаетъ власть комическою, смѣшною... Всѣмъ извѣстна строгая военная дисциплина: она требуетъ, чтобы всякій подчиненный безпрекословно и слѣпо подчинялся своему начальнику. Слѣдовательно, ея идеаль, на практикѣ болѣе или менѣе осуществляемый, тотъ, чтобы начальникъ имѣлъ грандіозное чувство силы по отношенію къ подчиненному, а послѣдній въ моментъ слушанія приказанія чувствовалъ себя безсильнымъ, не способнымъ къ противодѣйствію противъ начальника... Собственно говоря, такого же рода отношенія должны существовать между подчиненнымъ и начальникомъ вездѣ, гдѣ только существуетъ власть. И хотя въ нашемъ гражданскомъ обществѣ она на такой высотѣ не удерживается, однако мысль о томъ, что она должна опираться на такихъ отношенійхъ подчиненнаго къ начальнику, какія мы выше изобразили, все-таки сохраняется какъ идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться. Общество управляется тою идеею, что подчиненный долженъ безпрекословно подчиняться начальнику, и она всякій разъ съ ясностію оживаетъ въ умахъ, когда подчиненные начинаютъ противодѣйствовать и не подчиняться своему начальству. Всѣ роды подчиненія должны собственно основываться на грандіозномъ чувствѣ безсилія противъ начальника и всѣ роды власти на грандіозномъ чувствѣ силы относительно подчиненныхъ. Но жизнь сглаживаетъ этотъ контрастъ, по крайней мѣрѣ, въ смежныхъ степеняхъ власти. Дисциплина гражданской іерархіи тѣмъ и отличается отъ военной, что она *de jure* столь же строгая, какъ и военная, *de facto* гораздо слабѣе... Итакъ, всякая власть психологически основывается на чувствѣ силы, будетъ ли она физическая или моральная, все равно: побѣжденный человекъ послѣ физической борьбы бываетъ принужденъ сознать себя безсильнымъ предъ побѣдителемъ; въ такомъ же положеніи и человекъ, который чувствуетъ себя подавленнымъ умомъ и характеромъ

болѣе даровитаго субъекта. Различіе въ этихъ двухъ случаяхъ то, что въ первомъ субъектъ чувствуетъ себя малымъ противъ физической силы, во второмъ онъ чувствуетъ себя малымъ противъ огромной моральной, интеллектуальной силы. Силѣ физической человѣкъ подчиняется принужденно, высшей моральной силѣ добровольно. Такъ какъ человѣкъ не есть только собраніе мускуловъ, а и моральное существо, то, конечно, идеаль устройства всякой іерархіи таковъ, чтобы въ ней реальное могущество совпадало съ интеллектуальнымъ, одно опиралось на другое, чтобы чувство невозможности неповиновенія совпадало съ признаніемъ нравственно высшей руководящей воли. Это одно изъ бѣдствій здѣшной юдоли плача, что іерархія власти нерѣдко не совпадаетъ въ ней съ іерархіей духовъ, въ которой они распредѣляются по удѣльной своей цѣнности, энергій своего ума и характера¹⁾.

Добавимъ сюда, что М. И. Владиславлевъ отдавалъ преимущество военной іерархіи предъ гражданской; напримѣръ, по его мнѣнію (на сколько оно вѣрно, не относится къ дѣлу), положеніе низшихъ членовъ въ первой опредѣленнѣе и лучше, чѣмъ во второй: „Въ гражданской іерархіи, гдѣ смежныя ступени не особенно рѣзко отличаются по власти одна отъ другой, но рѣзко различаются отъ другихъ высшихъ и низшихъ несмежныхъ ступеней, мы замѣчаемъ обыденное явленіе, что смежныя ступени обыкновенно сближаются и обнаруживаютъ наклонность трактовать одна другую, какъ равная равную; это во многихъ случаяхъ облегчаетъ ходъ дѣла, а иногда и затрудняетъ его. При такомъ строѣ гражданской жизни, положеніе низшихъ подчиненныхъ въ гражданской іерархіи, по моему мнѣнію, неопредѣленнѣе и хуже, чѣмъ въ военной. Въ послѣдней всякій начальникъ долженъ требовать безусловнаго повиновенія отъ подчиненнаго, кто бы онъ ни былъ, и подчиненный знаетъ, что ближайшій начальникъ его есть безусловный распорядитель его службы; чувство безсилія по отношенію къ нему достигаетъ maximum'a напряженія, и затѣмъ, сколько бы ни было высшихъ начальниковъ, онъ тяжести и силы ихъ чувствовать не можетъ. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ подчиненный *de facto* находится въ неясныхъ отношеніяхъ къ ближайшему своему начальнику, чувство безсилія его возрастаетъ, когда онъ смотритъ на высшія ступени власти, и послѣднія составляютъ для него тяжесть, тѣмъ болѣе подавляющую, чѣмъ больше такихъ ступеней надъ нимъ. При

¹⁾ Психологія, т. II, стр. 96 и слѣд.

такихъ условіяхъ низменный чиновникъ можетъ болѣе чувствовать себя приниженнымъ здѣсь, чѣмъ какой-нибудь писарь въ военномъ вѣдомствѣ. Стремленіе къ равенству въ смежныхъ ступеняхъ и склонность несмежныхъ чувствовать разстояніе, отдѣляющее ихъ, и объясняютъ смѣсь демократизма съ деспотизмомъ, присутствіе которыхъ чувствуется въ гражданской дисциплинѣ, и которые придаютъ ей какой-то неустроенный видъ¹⁾. Отъ этой неясности границы между смежными ступенями происходитъ и то, что въ гражданской іерархіи разныя личныя преимущества ея членовъ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ военной. „Въ военной іерархіи эти всѣ преимущества признаются лишь теоретически, но сущность отношеній власти отъ этого не измѣняется: мы видимъ, что Великіе Князья заурядъ съ простыми смертными служатъ и безпрекословно повинуются волѣ своихъ ближайшихъ начальниковъ. Въ гражданской іерархіи всѣ упомянутыя преимущества присчитываются къ реальному могуществу подчиненнаго, и, благодаря имъ, послѣдній часто принимаетъ размѣръ, равный начальнику или даже большій: бываетъ же иногда, что не подчиненный повинуетъ начальнику, а на оборотъ, и послѣдній даже указываетъ и угождаетъ первому“²⁾. Таковы были возрѣнія Михайла Ивановича, выработавшіяся еще въ 1880 году: „Психологія“ окончена печатаніемъ въ январѣ 1881 года.

Покончивъ со всѣми этими обвиненіями и показавъ нѣкоторыя возрѣнія М. И. Владиславлева въ ихъ истинномъ видѣ, мы приступимъ теперь къ краткому очерку его жизни и научной дѣятельности. При этомъ оговариваемся, что мы отнюдь не намѣреваемся дать исчерпывающій обзоръ послѣдней съ ея полною оцѣнкой: это завело бы насъ слишкомъ далеко; а потому ограничиваемся только общими чертами.

По своему происхожденію и по пройденной школѣ Михайлъ Ивановичъ принадлежитъ къ духовному званію: его отецъ былъ священникомъ въ одномъ изъ селъ Новгородской губерніи вблизи Старой Руссы. Родился Михайлъ Ивановичъ 9-го ноября 1840 г. и учился сперва въ Старорусскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Новгородской семинаріи, по окончаніи же курса въ ней въ 1859 г. онъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По словамъ его товарищей по семинаріи и академіи, онъ и тогда уже отличался поразительною ихъ и, добавимъ, никогда не покидавшею его настой-

¹⁾ Л. с., 99.

²⁾ Л. с., 110.

чивостью и энергіей своихъ занятій ¹⁾, благодаря чему онъ въ теченіе одного года на столько изучилъ французскій, англійскій и нѣмецкій языки, что вполнѣ свободно пользовался ихъ литературой. Въ этомъ же или на слѣдующій годъ онъ познакомился и сблизился съ М. М. и Θ. М. Достоевскими, которые предложили ему сотрудничать въ устраиваемомъ ими журналѣ *Время*, и съ 1861 г. (когда началось это изданіе) Михаилъ Ивановичъ сталъ поставлять имъ по временамъ статьи критико-библіографическаго и популярно-научнаго характера, преимущественно же (по вопросамъ философіи ²⁾). Въ академіи онъ пробылъ всего лишь два года съ небольшимъ и былъ исключенъ изъ нея вслѣдствіе одной изъ часто повторяющихся въ жизни школъ исторіи недовольства слушателей своимъ преподавателемъ ³⁾. Проживъ послѣ этого три мѣсяца на родинѣ, онъ въ началѣ 1862 г. снова возвратился въ Петербургъ и

¹⁾ На сколько дѣятеленъ онъ былъ, лучше всего судить по тому факту, что за время отъ конца 1864 г. до конца 1868 г. онъ успѣваетъ выдержать кандидатскій и магистерскій экзамены, написать двѣ обширныя диссертаціи — магистерскую и докторскую, перевести Кантову „Критику чистаго разума“, напечатать въ разныхъ журналахъ одиннадцать статей и читать лекціи въ университетѣ и въ историко-филологическомъ институтѣ. Къ тому же періоду относится и его женитьба.

²⁾ Разыскать скоро эти не подписанныя статьи, а равно и тѣ, которыя печатались имъ въ 1862 г. (тоже безъ подписи), не было никакой возможности.

³⁾ Во всѣхъ газетныхъ некрологахъ было упомянуто о томъ, что Михаилъ Ивановичъ былъ исключенъ изъ академіи, но кажется, никому не известно, какъ именно совершился этотъ фактъ, который, не смотря на свой чисто внѣшній характеръ, тѣмъ не менѣе опредѣлялъ весь дальнѣйшій ходъ занятій и жизни Михаила Ивановича. Приводимъ описаніе этого эпизода со словъ друга и товарища по академіи Михаила Ивановича, проэссора историко-филологическаго института, И. Я. Образцова (а подробности о женитьбѣ также и со словъ Н. Н. Страхова). Въ 1861 г. произошла перемена высшихъ властей (митрополита и ректора) академіи; новыя власти, находя, что студенты академіи были распушены, рѣшили строго пресѣдовать какое бы то ни было нарушеніе дисциплины. Въ это время вслѣдствіе смерти проэссора греческой словесности, ея лекціи были поручены преподавателю другаго предмета, спеціально никогда ею не занимавшагося. Студенты, считая его недостаточнымъ знатокомъ взятаго на себя дѣла, не стали посѣщать его. Имъ было объявлено начальствомъ академіи, что не явившіеся безъ уважительной причины на ближайшую лекцію будутъ немедленно исключены. Это заставило извѣстать положеніе дѣла: многіе стали тотчасъ же склоняться къ тому, что поводъ возникшаго недовольства не стоитъ подобной жертвы. Во время совѣщанія Михаилъ Ивановичъ объявилъ, что онъ самъ, желая увѣличить въ случаѣ нужды число виновныхъ и этимъ ослабить строгость вы-

сталъ особенно усердно сотрудничать въ журналѣ *Время*, готовляя для каждаго нумера статьи такого же содержанія, какъ и прежде. Къ этому же времени относится его знакомство съ дочерью М. М. Достоевскаго Марьей Михайловной, на которой онъ женился впоследствии (въ 1866 г.).

Хотя дѣйствовавшій тогда университетскій уставъ еще не былъ замѣненъ новымъ, вступившимъ въ силу въ 1863 г., но различныя предположенія послѣдняго начали осуществляться еще съ 1859 г., и министерство народнаго просвѣщенія принимало разныя мѣры для осуществленія предположенныхъ перемѣвъ въ жизни нашихъ университетовъ. По уставу 1863 г., философія опять должна была получить право на самостоятельную кафедру; но вслѣдствіе предшествовавшаго пренебреженія философскими науками почти со-всѣмъ не было достаточно подготовленныхъ для нея преподавателей. Ихъ надо было еще выработать посылкой молодежи въ заграничныя университеты. За рекомендаціей способныхъ для этой

сканія, обязательно присоединится къ не подчинившимся распоряженію, такъ какъ, имѣя литературный заработокъ, находится въ сравнительно лучшемъ положеніи, но что его совѣтъ всѣмъ исполнить выставленное требованіе. Въ концѣ концовъ около половины курса, въ томъ числѣ и Михайлъ Ивановичъ, не явились на лекцію и были исключены. Узнавъ о послѣднемъ, и остальная часть (кромя четырехъ человекъ) объявила, что присоединяется къ нимъ и тоже подверглась исключенію. Послѣ того было разрѣшено всѣмъ просить о вторичномъ приѣмѣ, но принимали не всѣхъ, а нѣкоторые и не подавали прошенія; руководясь все тѣмъ же соображеніемъ объ увеличеніи числа виновныхъ, не подалъ его и Михайлъ Ивановичъ. Наравнѣ съ другими онъ былъ отправленъ на родину подъ надзоръ полицейскихъ и духовныхъ властей. Но эта мѣра имѣла цѣлью только то, чтобы исключенные не оставались въ стѣнахъ академическаго интерната и были бы доставлены къ роднымъ. Поэтому, когда Михайлъ Ивановичъ, соскучившись, чрезъ три мѣсяца вернулся въ Петербургъ, то на это никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. По приѣздѣ же онъ поступилъ къ Достоевскимъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ ихъ журнала и усиленно работалъ въ немъ до заграничной командировки (въ 1866 г.). Познакомившись въ это время съ Марьею Михайловною Достоевскою, онъ сдѣлалъ ей благосклонно принятое ею предложеніе; но ея родные не допустили немедленнаго брака въ виду того, что матеріальное положеніе Михаила Ивановича было вполнѣ неопредѣленнымъ (неопредѣленность не уничтожилась даже и заграничною командировкой, ибо отправлено сразу было до 60 человекъ молодежи, и многіе изъ нихъ чрезъ это рисковали по возвращеніи долго не найти себѣ дѣла), а денежные дѣла отца невѣсты были плохи. Однако знакомство между влюбленными не прекращалось, и какъ только Михайлъ Ивановичъ достигъ доцентуры, то тотчасъ же испол-
нилъ свое намѣреніе.

цѣли лицъ министерство обратилось къ духовнымъ академіямъ, какъ единственнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ сохранялось преподаваніе философіи. С.-Петербургская духовная академія указала на трехъ лицъ: Автокротова, Шалфѣева и Михаила Ивановича ¹⁾. Послѣдній былъ еще особенно рекомендованъ профессоромъ Кояловичемъ гр. Делянову, бывшему тогда попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. За границей Михаилъ Ивановичъ пробылъ немного больше двухъ лѣтъ (съ іюня 1862 по августъ 1864 г.), проведя ихъ главнымъ образомъ въ германскихъ университетахъ, гдѣ онъ слушалъ столь рѣдко отличающихся другъ отъ друга по своему направленію профессоровъ, каковы, напримѣръ, гегеліанецъ (въ то время) Куно-Фишеръ, съ одной стороны, и матеріалистъ Ноакъ—съ другой.

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія онъ въ теченіе года съ небольшимъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата, потомъ магистра, напечаталъ и защищалъ свою магистерскую диссертацию „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ“ (С.-Петербургъ. 1866), основныя положенія которой одновременно съ тѣмъ онъ популяризировалъ и развивалъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Эпохѣ, Отечественныхъ Запискахъ и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Къ числу этихъ статей относятся „Реформаторскія попытки въ психологіи“ (Эпоха 1864, № 9), „Современный матеріализмъ“ (Эпоха 1865, № 1); эта статья осталась не оконченною вслѣдствіе прекращенія журнала), „Матеріалистическая психологія“ (Отечественн. Записки 1865, т. 163), „Вліяніе естественныхъ наукъ на психологію“ (От. Зап. 1866, № 1), „Психологія Бенне“ (ib., № 2). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ сильнымъ противникомъ господствовавшаго тогда матеріализма. Въ то же время онъ былъ занятъ переводомъ Кантовой „Критики чистаго разума“, изданнымъ Н. А. Неклюдовымъ въ 1867 г.

Обративъ на себя вниманіе своими обширными познаніями (обнаруженными имъ еще въ его заграничныхъ отчетахъ, въ которыхъ онъ подвергалъ анализу слушанныя имъ лекціи), Михаилъ Ивановичъ тотчасъ послѣ защиты магистерской диссертации былъ избранъ (въ 1866 г.) С.-Петербургскимъ университетомъ на должность штат-

¹⁾ Шалфѣевъ скоро умеръ и вмѣсто него былъ посланъ воспитанникъ Киевской духовной академіи, послѣдствіемъ профессора Московскаго университета Троицкій. Автокротовъ былъ предъ командировкой преподавателемъ Новгородской семинаріи; онъ умеръ въ 70-хъ годахъ.

наго доцента философіи, хотя съ іюня 1865 г. этимъ университетомъ уже былъ приглашенъ въ качествѣ ея преподавателя одинъ изъ числа немногихъ въ то время знатоковъ философіи Сидонскій¹⁾. А въ слѣдующемъ 1867 г. Михаилъ Ивановичъ занялъ кафедру философіи и въ историко-филологическомъ институтѣ. И тамъ, и здѣсь онъ пробылъ до самой смерти, а сверхъ того, въ 70-хъ годахъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ и на основанныхъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ высшихъ женскихъ курсахъ. Въ 1868 г. Михаилъ Ивановичъ за свою диссертацию „Философія Плотина, основателя Новоплатоновской школы“ (о которомъ въ „Исторической Запискѣ о С.-Петербургскомъ университетѣ“ В. В. Григорьева сказано, что она составляетъ такой „трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ“) былъ удостоенъ степени доктора философіи и вслѣдъ за тѣмъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Работа надъ магистерскою диссертациею помогла Михаилу Ивановичу выработать свои психологическія воззрѣнія; изученіе же Новоплатоновской философіи оказало впоследствии вліяніе на его метафизику. Послѣ 1881 г., когда вышли два первые тома его „Психологіи“ и онъ былъ занятъ обработкой третьяго, который долженъ былъ содержать въ себѣ философію духа, онъ ради этой задачи вынужденъ былъ углубиться въ болѣе тщательное изученіе метафизики и этики и читалъ (съ 1882 по 1884 г.) спеціальныя курсы той и другой; многія изъ высказываемыхъ въ нихъ воззрѣній близки къ новоплатонизму.

Съ 1873 г. весь трудъ преподаванія философіи въ университетѣ, раздѣляемый дотогѣ съ Сидонскимъ, перешедшимъ въ этомъ году на кафедру богословія и вскорѣ умершимъ, былъ возложенъ на одного Михаила Ивановича. Съ той поры онъ ввелъ то распредѣленіе своихъ курсовъ, котораго держался до сокращенія программы философіи (въ 1885 г.), и которое давало возможность студентамъ выслушивать столько же лекцій, сколько и при двухъ профессорахъ: логику и психологію онъ читалъ двумъ первымъ курсамъ, соединеннымъ вмѣстѣ, чередуя оба предмета черезъ годъ; подобнымъ же образомъ, для двухъ старшихъ курсовъ имъ читалась исторія древней и исторія новой философіи. Сверхъ того, для тѣхъ студентовъ III и IV курса, которые избирали своею спеціальностью философію, у него были еще два рода заня-

¹⁾ Протоіерей Фед. Фед. Сидонскій (р. 1805, ум. 1873), бывшій преподаватель С.-Петербургской духовной академіи, знатокъ богословія и философіи, однимъ изъ первыхъ удостоенный отъ С.-Петербургскаго университета, согласно съ уставомъ 1863 г., почетнаго докторства.

тій—въ университетѣ и на дому. Матеріалы тѣхъ и другихъ тоже чередовались черезъ годъ: въ университетѣ эти занятія состояли изъ комментирования Аристотелевой этики и метафизики (съ 1882 же по 1885 гг. къ нимъ просоединялись его собственные изложенія метафизики, этики и философіи духа)¹⁾, а домашнія посвящались комментаріямъ Кантовой „Критики чистаго разума“ и „Микрокосма“ Лотце. Его лекціи не отличались изяществомъ рѣчи—не отдѣланной и небрежной; но онѣ обладали кидяущеюся въ глаза ясностью изложенія, изъ-за которой слушатели легко примирялись съ ихъ внѣшними недостатками, строгостью аргументаціи и столь замѣтною внутреннею связью излагаемыхъ мыслей, что, уходя съ лекціи, безъ труда можно было воспроизвести ея содержаніе. А главное, онѣ владѣли наиважнѣйшимъ для преподавателя философіи умѣньемъ вызывать въ своихъ слушателяхъ философскій скепсисъ и возбуждать въ нихъ черезъ это работу мысли: большую часть своихъ курсовъ онѣ начиналъ именно съ того, что пробуждалъ сомнѣнія (для начала не слишкомъ глубокія) по поводу разнообразныхъ понятій—атома, пространства, времени, толчка, тяготѣнія, причинности, свободы воли и т. д. Словомъ, внѣшнею стороною его лекціи не могли привлекать къ себѣ, но изъ нихъ не трудно было многому научиться, тѣмъ болѣе, что онѣ избѣгали на нихъ обѣихъ крайностей, часто встрѣчаемыхъ при маломъ количествѣ времени, удѣляемомъ на какой-либо предметъ: онѣ не вдавались ни въ излишне подробное для начинающихъ изложеніе одного лишь вопроса въ теченіе цѣлаго года, ни въ неизбѣжно конспективное выполненіе всей программы, а уворотивъ ее, избиралъ въ ней наиболѣе важные отдѣлы и ставилъ ихъ центральными пунктами своего курса; такъ, напримѣръ, исторію древней философіи онѣ обыкновенно заканчивалъ скептиками, посвящая главное вниманіе Платону и Аристотелю, такъ что получался, собственно, курсъ философіи того и другаго въ связи съ предшествующею и послѣдующею. По нашему крайнему разумѣнію, такой полууниверситетскій, полужелементарный характеръ преподаванія былъ наиболѣе полезнымъ въ виду какъ полнаго незнакомства съ философскими науками со стороны поступающихъ въ университетъ, такъ и сравнительно малаго

¹⁾ У насъ сохранился записанный нами конспектъ его лекцій по этикѣ 1883—1884 г. Съ согласія семейства Михаила Ивановича мы намѣрены при первой возможности возстановить эти лекціи по нашему конспекту и по тѣмъ замѣткамъ, которыя, можетъ быть, найдутся въ его бумагахъ.

времени, которое они могли удѣлять на нихъ въ теченіе всего курса (для неспеціалистовъ восемь годовыхъ лекцій). Сообразно со всѣмъ этимъ, въ его аудиторіи очень рѣдко не хватало скамеекъ для слушателей, но въ общемъ студенты охотно посѣщали ее (хотя это не было обязательнымъ для успѣшнаго экзамена, и въ случаѣ, если онъ приводилъ къ неопредѣленнымъ результатамъ, достаточно было и непремѣнно требовалось засвидѣтельствовать свои занятія конспектомъ, составленнымъ по какой-либо относящейся къ содержанію курса книгѣ и т. п.), и кромѣ филологовъ, въ ней всегда можно было встрѣтить нѣсколькихъ аккуратныхъ слушателей (правда—очень малое число) съ другихъ факультетовъ. Сверхъ общихъ и специальныхъ лекцій въ университетѣ, у него еще была работа, состоявшая въ руководствѣ занятіями тѣхъ студентовъ, которые по окончаніи курса оставались при университетѣ для приготовления къ званію профессора философіи. Для нихъ у него была составлена такая программа: каждый приготовляющійся къ магистерскому экзамену, кромѣ исторіи философіи по Целлеру, Куно-Фишеру, Ибервегу, Штеклю и по нѣкоторымъ монографіямъ, долженъ былъ изучить важнѣйшія сочиненія Платона, Аристотеля, Декарта, Бакона, Спинозы, Лейбница, Локка, Юма, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта, Шопенгауера, Конта, Милля, Спенсера, Бэна, а кромѣ того, еще нѣкоторые, преимущественно новѣйшія, сочиненія по собственному выбору.

За всѣми этими работами не прекращалась и литературная дѣятельность Михаила Ивановича. Получивъ степень доктора, онъ рѣшилъ пополнить важный недостатокъ русской литературы составленіемъ подробнаго курса логики. Съ этою цѣлью онъ продолжалъ еще прежде начатое изученіе логической литературы отъ Аристотеля до нашего времени. Результатомъ этихъ занятій, кромѣ двухъ статей по исторіи логики, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, былъ большой трактатъ, напечатанный въ 1872 году: „Логика. Обзорѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приѣмовъ мышленія. Историческіе очерки логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной“. Заглавіе вполне характеризуетъ содержаніе и значеніе этого сочиненія (которое впоследствии въ 1881 году вышло вторымъ изданіемъ). До той поры выходившіе у насъ курсы логики ограничивались лишь дедуктивными приѣмами, а индукцію излагали въ духѣ формальной логики. Слѣдующимъ примѣру Милля и Бэна, Михайлъ Ивановичъ, впервые у насъ, соединилъ формальную часть логики съ англійскою индуктивною и

систематически разработалъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индукціи и дедукціи. Въ четырехъ приложенияхъ, занимающихъ почти до половины (214 страницъ) всей книги, онъ помѣстилъ историческіе очерки логики. По характеру ихъ изложенія (очень сухаго вслѣдствіе множества отрывочно приводимыхъ подробностей) они не составляютъ ни систематической, ни эпизодической исторіи, а скорѣе матеріалы для исторіи логики, надъ которыми еще долженъ поработать и самъ читатель. Но эти матеріалы, каждая страница которыхъ составлена по первымъ источникамъ, настолько обширны, что русскіе читатели безъ всякой помощи другихъ пособій легко и быстро могутъ составить себѣ точную и наглядную картину главныхъ моментовъ историческихъ судебъ логики; ибо каждый изъ этихъ очерковъ, сверхъ общей характеристики и краткой критической оцѣнки того или другаго направленія, возникавшаго въ этой наукѣ, состоитъ еще изъ подробнаго изложенія относящихся къ нему логическихъ трактатовъ ¹⁾. Эти очерки и до сей поры замѣняютъ недостающую въ русской литературѣ исторію логики.

Послѣ изданія „Логики“ Михаилъ Ивановичъ опять возвратился къ работамъ по психологіи и въ январѣ 1881 года выпустилъ два обширные тома, озаглавленные „Психологія — изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни“. Въ ней, сверхъ описанія (въ введеніи) методовъ психологіи, онъ помѣстилъ также и историческій очеркъ послѣдней (т. I, стр. 55—182), отличающійся совершенно такимъ же характеромъ (матеріаловъ для исторіи) и имѣющій для нашей литературы такое же значеніе, какъ и упомянутые нами историческіе очерки логики (ибо „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“ г. Троицкаго и диссертация самого М. И. Владиславлева „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ“ имѣютъ въ виду лишь нѣкоторые спеціальныя вопросы исторіи психологіи), и подобно имъ, онъ составляетъ тоже

¹⁾ Чтобы судить, какъ много матеріала даютъ эти обзоры, приводимъ списокъ излагаемыхъ въ нихъ авторовъ. Логика Аристотеля: Аристотель и его ближайшіе преемники, стоики, комментаторы-перипатетики.—Схоластическая логика: Марціанъ Капелла, Боэцій, Росцелинъ, Ансельмъ Кентерберійскій, Вильгельмъ изъ Шампо, Бернаръ Шартрскій, Абельяръ, Тома Аквинатъ, Михаилъ Пселлъ, Вильгельмъ Шервудъ, Петръ Испанецъ, Раймундъ Луллій и его послѣдователи (Джіордано Бруно, Альстедъ), Петръ Рамусъ.—Формальная логика: Декартъ, логика Поръ-Ройаля, Вольфъ, Кантъ, Гербартъ, Дробишъ.—Индуктивная логика: Баконъ, Ньютонъ, Джонъ Гершель, Увелль, Дж. Ст. Милль, Бэнъ.

по первымъ источникамъ ¹⁾). Впрочемъ, между историческими очерками логики и психологіи существуетъ то различіе, что первые имѣютъ въ виду указать вкратцѣ вліяніе обще-научнаго уровня той или другой эпохи на развитіе логики, а послѣдній направленъ къ тому, чтобы выяснитъ въ общихъ чертахъ зависимость психологическихъ воззрѣній отъ господствовавшихъ во время ихъ возникновенія, метафизическихъ направленій. Что же касается до общаго характера и значенія всего этого труда для нашей литературы, то, вотъ какъ въ предисловіи къ I тому охарактеризовалъ и то, и другое самъ Михаилъ Ивановичъ: „За введеніемъ“, говоритъ онъ,—, у меня слѣдуетъ краткій обзоръ историческаго развитія нашей науки, сколько я знаю, въ первый разъ являющійся у насъ въ русской литературѣ, — обзоръ, сдѣланный на основаніи первыхъ источниковъ, за двумя исключеніями, о которыхъ я упоминаю въ своемъ мѣстѣ ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ анализъ всихическихъ фактовъ. Предоставляя спеціалистамъ судить о качествахъ моей работы, я считаю однако же нужнымъ обратить вниманіе моихъ читателей на то, что въ этомъ трудѣ совершенно своеобразно—удачно или неудачно, это, конечно, другое дѣло—поставлены и разрѣшены вопросы о памяти, рефлексіи и воображеніи, данъ новый анализъ чувствованій, подняты относительно ихъ новые вопросы, и, какъ кажется мнѣ, изслѣдованіе поведено глубже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Наконецъ, не для похвалы, а просто для правды, замѣчу, что и область воли анализируется самостоятельно, и въ ней мною найдено нѣчто новое, о чемъ до сего времени психологія и не разсуждала. Общая мысль, что воля именно принадлежатъ главен-

¹⁾ Въ этомъ очеркѣ онъ излагаетъ общіе вопросы, поднятые психологіей доплатоновской, Платона, Аристотеля, послѣ-аристотелевскихъ школъ, Плотина, патристической, схоластической, Бакона, Гоббеса, Локка, Декарта, Малебранта, Спинозы, Вольфа, сенсуалистовъ и матеріалистовъ XVIII вѣка, Канта, Фриза, Фихте старшаго, Гегеля, Гербарта, Фихте младшаго, Лотце, Ульрици, Бенке, Рида, Дѣг. Стюарта, Гергли, Т. Броуна, Д. Милля, Бэна, французскою психологіей первой половины этого столѣтія, нѣмецкою старыхъ школъ, современнымъ матеріализмомъ, воззрѣніями позитивизма, Спенсера, Маудсли, Карпентера, Вундта. Въ заключеніе очерка приведенъ обзоръ русской психологической литературы и сдѣланы указанія важнѣйшихъ сочиненій изъ современной литературы спеціальныхъ вопросовъ психологіи (объ ощущеніяхъ и ихъ зависимости отъ раздраженій, чувствованій, психологіи животныхъ и т. п.).

²⁾ Добавимъ отъ себя—эти исключенія обусловлены отсутствіемъ въ петербургскихъ бібліотекахъ нѣкоторыхъ среднерѣчковыхъ психологическихъ трактатовъ.

ство и руководство во всей психической области, проводимая и въ моемъ сочиненіи, конечно, не новая: она выдвинута была, впрочемъ въ качествѣ метафизическаго принципа, за послѣднее время въ трудахъ Гартмана и еще прежде Шопенгауера, или лучше сказать, она явилась въ XIII столѣтіи у Дунса Скота и высказана была въ его положеніи: *voluntas est superior intellectui*. Эта мысль, какъ психологическій принципъ, усвоена и мною, и ею многое освѣтилось въ духовной жизни; но и при этомъ позволяю себѣ думать, что проведеніе ея въ психологическую науку, какъ плодотворнаго для нея предположенія, принадлежитъ мнѣ“.

Для поясненія же прибавимъ, что Михаилъ Ивановичъ разсматривалъ волю (понимая это слово, разумѣется, не въ узкомъ смыслѣ произвола, а подразумѣвая подъ нимъ всю совокупность волевыхъ явленій, начиная простѣйшими и кончая наиболѣе сложными — влеченія, стремленія, наклонности и т. д.) какъ существенную сторону всей душевной жизни и всюду указывалъ присутствіе волевыхъ элементовъ: такъ, анализуя чувствованія, онъ тщательно отмѣчаетъ, что ни одно изъ нихъ не только никогда не существуетъ, но и не возможно безъ волеваго элемента (въ любви стремленіе къ сближенію, въ гнѣвѣ къ вреду и т. д.); даже весь ходъ нашей мысли, по его мнѣнію, существеннымъ образомъ зависитъ отъ вліянія тѣхъ же элементовъ, сказывающагося или грубо—въ видѣ попустительства и задержки, оказываемой тѣмъ или другимъ мыслямъ, или же болѣе тонкимъ образомъ—тѣмъ, что путемъ пробужденія интереса и вниманія или соотвѣтствіемъ и несоотвѣтствіемъ съ нашими полусознательными стремленіями, наклонностями и т. д. однимъ представленіямъ придается больше шансовъ на возникновеніе, чѣмъ другимъ, и т. п. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе и разборъ психологическихъ воззрѣній Михаила Ивановича; я для того, чтобы тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не знакомы съ его собственнымъ трудомъ, дать возможность оцѣнить оригинальность и значеніе проводимаго имъ принципа, попытаемся иллюстрировать то и другое на парѣ примѣровъ. Не трудно замѣтить прежде всего, что этотъ принципъ измѣняетъ всю постановку вопроса о взаимномъ отношеніи чувствованій и воли (а чрезъ это оказываетъ вліяніе и на вопросъ о свободѣ воли): вѣдь если признано, что существенною стороною каждаго чувствованія оказывается волевой элементъ, то уже нельзя успокоиться на томъ, чтобы объяснять то или другое направленіе воли одною лишь ссылкой на чувствованіе,

а надо вести свой анализъ еще дальше и глубже; напримѣръ, уже нельзя будетъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ—любовь служитъ причиной нашего стремленія къ сближенію съ любимымъ существомъ, ибо сама-то любовь состоитъ изъ этого стремленія какъ существеннаго элемента и безъ него не существуетъ. Далѣе Михаилъ Ивановичъ утверждаетъ неизбежное присутствіе волеваго элемента въ каждомъ актѣ душевной жизни; а волевой элементъ физиологически обнаруживается въ движеніяхъ и стремленіяхъ къ движенію; слѣдовательно, если перевести его выводы съ психологическаго языка на физиологическій, то онъ утверждаетъ, что каждый актъ душевной жизни сопровождается мускульною дѣятельностью или же стремленіемъ къ ней. Такимъ образомъ, путемъ чисто-психологическаго анализа (особенность всей его психологіи состоитъ въ томъ, что онъ никогда не вдается въ психо-физиологію, а получаетъ всѣ свои выводы чисто-психологическимъ анализомъ данныхъ субъективнаго и объективнаго наблюденія, преимущественно перваго) онъ приходитъ къ выводамъ современной психо-физиологіи, и, по видимому, онъ даже не замѣчалъ такого сближенія. Не ясно ли, что психологическій принципъ Михаила Ивановича заслуживаетъ серьезнаго вниманія, хотя бы даже только для того, чтобы быть отвергнутымъ не вслѣдствіе одной лишь привычки къ другимъ противоположнымъ, а на основаніи болѣе вѣскихъ доводовъ. Онъ упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ оригинальныхъ чертахъ въ вопросахъ о чувствованіяхъ и воображеніи. Съ его попытками измѣренія чувствованій читатели уже ознакомились. Что же касается до воображенія, то относительно его въ нашей литературѣ (въ заграничной его роль была оцѣнена еще раньше) Михаилъ Ивановичъ первый или же, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ первыхъ, покинувъ старинныя воззрѣнія на эту способность (которыя, кстати замѣтить, еще до сихъ поръ сильно распространены среди нашихъ педагоговъ: многіе изъ нихъ готовы всячески пригнетать воображеніе), оцѣнилъ важную роль воображенія въ научной и вообще въ умственной дѣятельности. Онъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что вся цѣнность и оригинальность ума зависитъ отъ воображенія: умъ самъ по себѣ, еслибъ его можно было взять отдѣльно, составилъ бы лишь логическую машину, которая всегда и у всѣхъ будетъ дѣйствовать строго опредѣленнымъ образомъ, такъ что для новизны и оригинальности его продуктовъ къ его чисто-логической дѣятельности должна примѣшаться творческая дѣятельность воображенія (а направленіе послѣдней зависитъ отъ развитія волевыхъ элементовъ).

Выпустивъ два тома „Психологiи“, Михаилъ Ивановичъ продолжалъ работать надъ третьимъ, который долженъ былъ бы состоять изъ философіи духа и вопросовъ, не вошедшихъ въ первые тома (каковы: о нормальной и ненормальной душевной жизни, о душевномъ развитіи, индивидуальных особенностяхъ и т. п.); но онъ не успѣлъ его окончить. Черезъ годъ же послѣ изданія уже вышедшей части „Психологiи“ онъ напечаталъ предназначенный для гимназій „Элементарный учебникъ логики“, который былъ составленъ не путемъ простаго сокращенія его прежней „Логикѣ“, а вполне самостоятельно. Выгодною особенностью этого руководства служить присоединеніе къ нему, по образцу англійскихъ (Джевонса, Уэтли и др.), задачъ для логическихъ упражненій, чего, кажется, прежде никогда не встрѣчалось въ нашихъ учебникахъ. Это былъ послѣдній печатный трудъ Михаила Ивановича. Имъ мы и заканчиваемъ обзоръ его литературной дѣятельности и въ дополненіе къ этому очерку приводимъ хронологическій списокъ его сочиненій, не ручаясь впрочемъ за его полноту.

1861—1862 г. Журнальныя статьи критическаго, библиографическаго и научнаго содержанія; особенно много ихъ было въ журналѣ *Время* за 1862 годъ.

1864 г. Реформаторскія попытки въ психологiи. *Эпоха*, № 9.

1865 г. Современный матеріализмъ. *Эпоха*, № 1. — Матеріалистическая психологiя. *Отч. Зап.*, декабрь.

1866 г. Вліяніе естественныхъ наукъ на психологiю. *Отч. Зап.*, январь. — Психологiя Бенеке. *Отч. Зап.*, февраль. — Современное положеніе философіи и ея задачи. *Отч. Зап.*, октябрь. — Современныя направленія въ наукѣ о душѣ. С.-Пб. 1866.

1867 г. Критика чистаго разума. Канта. Переводъ. С.-Пб. 1867. — О положеніи философіи въ нашей системѣ образованія. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 2. — О зависимости нѣмецкой философіи отъ англійской. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, №№ 7 и 8.

1868 г. Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. К. Ушинскаго (рецензія). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 5. — Психологiя Плотина. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 7. — Философія Плотина, основателя ново-платоновской школы. С.-Пб. 1868.

1869 г. Философія отцовъ и учителей церкви. Періодъ апологетовъ. Соч. проф. Кіевской духовной академіи. К. Скворцова (рецензія). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 5. — Изученіе философской отеческой литературы. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 10.

1870 г. Англійская индуктивная логика. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 11.

1870—1871 г. Рядъ газетныхъ статей, направленныхъ въ защиту классическаго образованія.

1872 г. Схоластическая логика. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8.—Логика. Обзорѣніе индуктивныхъ и т. д. С.-Пб. 1872.

1873 г. Новое сочиненіе Дарвина (по поводу его „Выраженія чувствованій у человѣка и животныхъ“). Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4.

1874 г. Протоіерей Федоръ Федоровичъ Сидонскій. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 1.—Успѣхи психологій за послѣднее время. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8.—Джонъ Стюартъ Милль. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 10.

1875 г. Кризисъ западной философіи противъ позитивизма. Вл. Соловьева. (рецензія). Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 1.—Отвѣтъ Свѣтлинѣ (на его критич. замѣтку о Логикѣ). Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 2.

1881 г. Логика. Обзор. дед. и инд. пр. и т. д. 2-е изд. С.-Пб. 1881.—Психологія I и II тт. С.-Пб. 1881.

1882. Элементарный учебникъ логики. С.-Пб. 1882.

Въ 1885 г. Михаилъ Ивановичъ былъ назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а въ маѣ 1887 г. ректоромъ университета. Это, конечно, должно было сильно отвлечь его вниманіе отъ научныхъ занятій; потому-то онъ и не успѣлъ вполне обработать третьяго тома „Психологія“, хотя послѣдній въ общихъ чертахъ уже былъ законченъ. Михаилъ Ивановичъ умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни 24-го апрѣля 1890 г. вслѣдствіе раковыхъ образованій, распространившихся въ области живота и въ легкяхъ.

Заканчивая нашъ обзоръ, мы считаемъ нелишнимъ напомнить читателямъ, что правильная оцѣнка научной дѣятельности и заслугъ Михаила Ивановича должна быть производима не съ абсолютной, а съ относительной точки зрѣнія. Надо имѣть въ виду, при какихъ условіяхъ была начата эта дѣятельность и какими требованіямъ должна была удовлетворять. До 60-хъ годовъ у насъ не было никакой правильно организованной философской школы: въ духовныхъ академіяхъ теорія мышленія и исторія научной мысли цѣнились не сами по себѣ, а только ради апологетическаго употребленія, которое можно дѣлать изъ той и другой. Преподаваніе философіи въ духовныхъ академіяхъ могло тогда только дать поводъ нѣкоторымъ слушателямъ обнаружить свой философскій талантъ, но отнюдь не развивать его; въ заграничныхъ же университетахъ все преподаваніе приспособлено къ инымъ историческимъ и національнымъ условіямъ. Такимъ образомъ Михаилъ Ивановичъ долженъ считаться русскимъ филосо-

фомъ-самоучкой. А въ своей литературной и профессорской дѣятельности онъ, если только хотѣлъ принести пользу русской наукѣ, прежде всего долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы будить и поддерживать интересъ къ философіи и насаждать у насъ то, въ чемъ мы отстали сравнительно съ западною Европою: писать монографіи и читать лекціи по отдѣльнымъ мало разработаннымъ вопросамъ философскихъ наукъ значило бы, въ его время, работать лишь для собственнаго удовольствія; намъ необходимѣе всего было общее знакомство съ философіей. И если оцѣнивать труды Михаила Ивановича съ этой—единственно правильной—точки зрѣнія, то несомнѣнно, онъ стоялъ вполне на высотѣ своей задачи и, подготавливая почву для послѣдующихъ поколѣній русскихъ философовъ, облегчилъ имъ работу на столько, на сколько это было возможно.

А. Введенскій.

ГЕННАДІЙ ФЕДОРОВИЧЪ КАРПОВЪ.

(Некрологъ).

24-го апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ членъ археографической комиссіи Геннадій Федоровичъ Карповъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ учениковъ Сергѣя Михайловича Соловьева.

Онъ былъ сынъ смотрителя Угличскаго уѣзднаго училища Федора Васильевича Карпова; родился онъ въ 1839 году, 2-го февраля, воспитывался сначала въ духовномъ Борисоглѣбскомъ училищѣ Ростовскаго уѣзда, затѣмъ въ Ростовскомъ уѣздномъ училищѣ, откуда поступилъ въ Ярославскую гимназію; по окончаніи въ ней курса въ 1855 году, онъ поступилъ въ Демидовскій лицей, который долженъ былъ однако оставить послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ немъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны одного профессора. Пѣшкомъ, съ вотомкой на плечахъ, съ ничтожными средствами или, точнѣе говоря, безо всякихъ средствъ прибылъ въ Москву Г. Ф. Карповъ для поступленія въ Московскій университетъ по юридическому факультету. Началась тяжелая, трудовая жизнь: молодой человекъ исключительно самъ долженъ былъ заботиться о себѣ, добывать средства къ своему существованію. Немного улучшилось положеніе Г. Ф. Карпова по окончаніи имъ курса въ университетѣ въ 1861 году, когда по рекомендаціи С. М. Соловьева, онъ былъ назначенъ репетиторомъ въ Александровское военное училище. Около этого времени началъ онъ заниматься и научными работами по русской исторіи.

Оставленный при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, Г. Ф. Карповъ сдалъ магистерскій экзаменъ и, защитивъ въ 1867 году диссертацию, поступилъ доцентомъ русской

исторіи въ Харьковскій университетъ. Въ 1870 году онъ получилъ степень доктора, но вообще на кафедрѣ пребылъ недолго и, вернувшись въ Москву, всецѣло преданъ ученымъ историческимъ изслѣдованіямъ. За свои капитальныя работы онъ былъ признанъ членомъ археографической комиссіи, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества и дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ, въ коемъ нѣсколько трехлѣтій сряду состоялъ, по выбору, его казначеемъ.

Главнѣйшіе ученые труды Г. О. Карпова, собственно изслѣдованія и критическія статьи (не считая мелкихъ), были слѣдующіе:

1) Очерки изъ исторіи русскіей церковной іерархіи (Чтенія 1864 г., кн. 3 и 4).

2) Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Чтенія 1866 г., кн. 3 и 4).

3) Митрополія Кіевская и московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіей (Правосл. Обзорѣніе 1871 г., №№ 8 и 9).

4) Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго. М. 1873.

5) Разборъ сочиненія М. О. Кояловича: „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“ (Правосл. Обзорѣніе 1873 г., № 9).

6) Діонисій Балабанъ, митрополитъ Кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевской церковной іерархіи къ московскому правительству. 1654—1661 (Правосл. Обзорѣніе 1874 г., № 1).

7) Мессодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій и Оршанскій, блюститель Кіевской митрополіи. 1661—1668 (Правосл. Обзорѣніе 1875 г., №№ 1, 2, 4, 6, 11 и 12).

8) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся за время 8-го января 1651 года—30-го мая 1672 года. М. 1870.

9) Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи. М. 1871.

10) Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россією (1654 г.). С.-Пб. 1872.

11) О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи. М. 1875.

12) Малороссійскіе города въ эпоху соединенія съ Великою Россіей. С.-Пб. 1876.

13) Въ защиту Богдана Хмельницкаго. М. 1889.

Кромѣ того, подъ его редакціей вышли слѣдующія ученые изданія:

1) Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи. Тт. X и XIV (дополненіе къ III тому):

2) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польшою (1482—1560 гг.) (Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 35, 54).

3) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Крымскою и Ногайскою ордю и Турціею (1487 — 1533 гг.) (Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 41).

4) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи (1533—1558 гг.) (Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 53).

5) Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года, фотолитографическій снимокъ.

Какъ ученый, покойный Геннадій Ѳеодоровичъ посвятилъ себя приведенію въ извѣстность и критической разработкѣ источниковъ по русской исторіи XVI и XVII вѣковъ. Съ великою тщательностью и неослабнымъ вниманіемъ относился онъ къ изданію актовъ. Въ критической же разработкѣ источниковъ русской исторіи онъ всецѣло сосредоточился на величайшемъ національномъ событіи — на воссоединеніи юго-западной Руси съ великою. Г. Ѳ. Карповъ относился къ этому вопросу не только какъ ученый, но и какъ русскій человѣкъ, для котораго вопросъ о національномъ государственномъ единствѣ имѣетъ всю силу живаго современнаго интереса. Дѣло воссоединенія юго-западной Руси съ великою было для него не только академическимъ вопросомъ о минувшемъ историческомъ фактѣ, но и вопросомъ живымъ — о настоящемъ и будущемъ Россіи. Душа его на столько была проникнута національнымъ чувствомъ, что всякій противникъ государственнаго единства былъ какъ бы его личный недругъ. Эту коренную идею русской исторіи и столь глубокую вѣру въ нее онъ унаслѣдовалъ и усвоилъ отъ своего знаменитаго учителя Сергѣя Михайловича Соловьева, для котораго главнѣйшимъ историческимъ вопросомъ служилъ процессъ объединенія Россіи и сознаніе идеи государственнаго единства. Ученикъ, какъ и учитель, былъ въ этомъ отношеніи истый москвичъ и коренной великороссъ. Нельзя не замѣтить также, что покойный Геннадій Ѳеодоровичъ вносилъ это національное чувство въ свою работу на переکورъ инымъ воззрѣніямъ, встрѣчавшимъ сочувствіе въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, а это требовало съ его стороны значительной доли гражданскаго мужества.

Какъ личность, покойный Геннадій Ѳедоровичъ былъ человекъ умный, умѣвшій просто и практически смотрѣть на вещи; онъ часто прямо „рѣзалъ правду“ и говорилъ подъ воздѣйствіемъ непосредственныхъ думъ и ощущеній, что заставляло его переживать не мало тяжелыхъ минутъ въ своей жизни. Какъ православный христіанинъ, онъ сознавалъ и чувствовалъ себя въ единствѣ народнаго духа. Для массы прихожанъ, удаленныхъ отъ приходской церкви, на пустомъ мѣстѣ и на свои средства онъ воздвигъ великолѣпный храмъ, близъ села Сущнева, Владимірской губерніи. Это ли не говоритъ о глубочайшемъ и священнѣйшемъ настроеніи его чисто русскаго духа? Безжалостная смерть не позволила ему дожить даже до освященія этого храма.

Е. Барсовъ.

ПИСЬМА ИЗЪ РИМА.

I.

Конецъ апрѣля 1890 года.

Стремленіе къ протекціонизму въ экономической жизни, охватившее въ послѣдніе годы всю Европу, неминуемо должно было оказывать вліяніе и на Италію, переживающую нынѣ весьма важный земледѣльческой, промышленный и торговый кризисъ. Объединеніе Италіи отозвалось самымъ благопріятнымъ образомъ на ея экономическомъ развитіи: вскорѣ послѣ 1859 года ея экономическія условія достигли такого цвѣтущаго состоянія, что девять десятыхъ ея огромнаго государственнаго долга, заключеннаго почти исключительно во Франціи и Англии, были возмѣщены, а притокъ капиталовъ въ сберегательныя кассы превысилъ въ сложности сумму въ 350 милліоновъ франковъ: доказательство несомнѣннаго увеличенія промышленной дѣятельности въ странѣ, гдѣ еще незадолго предъ тѣмъ дурное политическое и экономическое управленіе подавляло всякій нравственный и матеріальный успѣхъ, и гдѣ шесть небольшихъ отдѣльныхъ государствъ, вслѣдствіе существованія таможенныхъ преградъ между ними и по недостатку путей сообщенія, не имѣли возможности правильно обмѣниваться своими произведеніями. Иностранецъ, видѣвшій двѣ національныя выставки во Флоренціи въ 1865 году и въ Миланѣ въ 1882, могъ составить себѣ довольно ясное понятіе объ огромномъ успѣхѣ, сдѣланномъ Италіей въ эготъ короткий періодъ времени. Казалось, для ея процвѣтанія и благосостоянія открылся необозримый горизонтъ, и даже возрастающая тягота налоговъ и податей должна служить только къ поощренію и оживленію ея народной производительности.

Но эти́мъ надеждамъ не суждено было сбыться: послѣ періода, когда господствовали идеи о свободѣ торговли, въ экономической политикѣ главныхъ европейскихъ государствъ обнаружилось стремленіе въ пользу протекціонизма, и Италія первая почувствовала его вліяніе на свою экономическую жизнь. Установленіе нынѣ существующаго торговаго договора между Франціей и Италіей было бѣдствіемъ неисчетнымъ для послѣдней. Тщетно было бы имъ укорять другъ друга; еслибы даже инициатива и не принадлежала италіанскому правительству, то правительство французское было бы вынуждено, въ силу настоятельныхъ требованій экономистовъ своего парламента, стремиться къ заключенію этого трактата, а послѣдствія его не измѣнились бы для Италіи, торговля которой съ Франціей составляетъ прочную основу ея производительности. Въ первое время италіанцы однако не приходили въ смущеніе; они надѣялись найдти въ другомъ государствѣ, именно въ Германіи, сбытъ для произведеній своей страны и тѣмъ вознаградить себя за потерю французскаго рынка. Но такой расчетъ оказался не вѣренъ. Производство италіанское упало, деньги исчезли, и народная нищета приняла угрожающіе размѣры, такъ что въ декабрѣ 1889 года италіанское правительство сочло нужнымъ оти́знить дифференціальныя пошлины по торговлѣ съ Франціей, не надѣясь и не выжидая, чтобы Франція сама приступила къ такой же мѣрѣ. Но послѣдствія этого шага еще не успѣли принести свои плоды.

Манія переустройства большихъ городовъ по примѣру пресловутаго барона Османа породила въ Миланѣ, Туринѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ новый родъ вредной спекуляціи участками земли и постройками. Несомнѣнно, все эти большіе города требовали перестройки своихъ старыхъ кварталовъ съ узкими улицами и переулками безъ воздуха и свѣта, съ развалившимися домами, загрязненными и заразными лачужками; они нуждались въ новыхъ широкихъ улицахъ прямыхъ и удобныхъ, въ легкомъ внутреннемъ и желѣзнодорожномъ сообщеніи; нѣкоторое изящество и роскошь были для нихъ если не необходимы, то по крайней мѣрѣ своевременны. Но самый приступъ къ дѣлу переустройства неизбежно долженъ былъ повести къ финансовымъ катастрофамъ, поразившимъ и городскія управленія, и самихъ спекуляторовъ. Вмѣсто того, чтобы ограничиться лишь необходимымъ и возможнымъ, стали сочинять самыя широкіе и фантастическіе планы, требовавшіе сломки почти четвертой или пятой части городскихъ зданій, и къ дѣлу разрушенія присту-

пали съ такою поспѣшностію, что не успѣвали подумать о вознагражденіи или о новомъ размѣщеніи жителей, населявшихъ уничтоженные дома. Прибавьте къ этому толпы рабочихъ, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ, для заработка при сломѣ старыхъ и сооруженіи новыхъ зданій, и вамъ станетъ понятно, почему квартиры и живые припасы вскорѣ достигли въ Италіи небслыханной и невозможной дороговизны; въ то время, какъ разрушеніе шло съ большою быстротою, постройка новыхъ кварталовъ замедлялась, доставка продовольствія требовала времени, чтобы удовлетворить все возраставшія нужды увеличивавшагося населенія. Задѣльная плата и строительные матеріалы все болѣе и болѣе возрастали въ цѣнѣ; спекуляція земельными участками превосходила всякое беззастѣнливое, а льготы по земельному налогу на двухлѣтній срокъ, въ теченіе котораго новые дома не могли сдѣлаться обитаемыми, подняли цѣнность ихъ сооруженія, такъ что владѣльцы ихъ, справедливо желая найти выгоду отъ затраченнаго капитала, вынуждены были требовать ужасающей платы за наемъ отдаваемыхъ помѣщеній и обирали съемщиковъ.

Большая часть строителей устремилась въ предпріятія, не имѣя достаточныхъ капиталовъ, и возводила постройки на средства, позанимствованныя въ банкахъ за довольно большіе проценты: система достаточно разорительная и при нормальныхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе во время экономическаго кризиса, происшедшаго вслѣдствіе таможенной войны съ Франціей. Банки прекратили выдачу ссудъ строителямъ и продолжили срокъ погашенія долговыхъ векселей. Какъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, такъ и въ Италіи, эта бѣшеная эксплуатація привела къ краху; работы по постройкѣ прекратились, рабочіе были распущены, строители разорены. Со всѣхъ сторонъ стали взывать о помощи къ правительству. Кризисъ поглотилъ сотни милліоновъ, и долго еще ждать его конца.

Римъ, эта величайшая, всемірная гостинница, по отсутствію большой торговли и значительной промышленности всегда существовавшей эксплуатаціей иностранцевъ, пострадалъ отъ этого кризиса сильнѣе всѣхъ другихъ большихъ и болѣе промышленныхъ городовъ Италіи. Такъ или иначе, но правительство будетъ вынуждено оказать помощь; но конечно, оно не обязано да и не имѣетъ необходимыхъ средствъ для залѣчиванія ранъ, нанесенныхъ вредною спекуляціей.

Любопытно, что эта спекуляція находитъ еще защитниковъ, не сомнѣвающихся въ возможности отождествить ея интересы съ

интересами государства и провозгласить разореніе цѣлой націи какъ нѣчто совершенно неизбѣжное. Корреспонденты иностранныхъ газетъ, недостаточно знакомые съ истинными условіями страны, повсюду легко вдаются въ обманъ и нерѣдко дѣлаются эхомъ заинтересованной стороны: вотъ почему г. Криспи, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, подвергъ изгнанію изъ Италіи римскихъ корреспондентовъ агентства Гаваса, парижскаго Фигаро и франкфуртскихъ газетъ за распространеніе ложныхъ свѣдѣній въ ущербъ кредита Италіи. Эта крутая мѣра, никогда прежде не примѣнявшаяся въ Италіи, не могла не произвести большой сенсаціи, тѣмъ болѣе неблагоприятной для министерства, что мѣра эта не достигла цѣли, такъ какъ спекуляція на пониженіе италіанскихъ фондовъ, разумѣется, не прекратится и будетъ продолжаться, даже еслибы, по словамъ Times, изъ Италіи удалили не только всѣхъ корреспондентовъ иностранной печати, но и всѣхъ вообще иностранцевъ. А между тѣмъ разумно составленный финансовый законопроектъ, представленный правительствомъ парламенту, могъ бы уничтожить всѣхъ хулителей и клеветниковъ народнаго кредита Италіи.

Но, по видимому, нелегко составить такой законопроектъ. Героическія времена италіанскаго возрожденія миновали; графъ Кавуръ говорилъ часто: „Платите, не уставайте платить: свобода дорого стоитъ“. Преемники его усвоили себѣ это правило, но, ежеминутно повторяя его, не заботились о перемѣнѣ условій, при которыхъ оно впервые высказано. Графъ Кавуръ былъ государственный человѣкъ, отличившійся большимъ знаніемъ экономическаго и финансоваго состоянія страны, и всѣ усилія его были направлены къ достиженію высшей цѣли — освободить Италію отъ чужеземнаго ига и образовать объединенное государство одной національности. Этой высшей цѣли онъ подчинялъ всѣ остальные интересы и правительственныя распоряженія. Но онъ никогда не сталъ бы истощать всѣхъ доходовъ страны послѣ того, какъ независимость была пріобрѣтена и упрочена, — преемники же его извуряли народъ тягостью неслыханныхъ налоговъ и податей, не заботясь о томъ, долго ли страна можетъ ихъ вынести. По видимому, италіанскіе финансисты, достигнувъ власти, сразу позабыли все, что знали объ экономическихъ силахъ страны, и не сомнѣвались въ томъ, что бюджетъ государства существенно отличается отъ условій народнаго хозяйства. Они довольствовались возможностью уплачивать счета и правильнымъ веденіемъ счетоводства; умѣнье собирать ежегодно два миллиарда франковъ изъ пустыхъ кармановъ тридцати-

милліоннаго населенія можно не истиннѣ считать величайшимъ чудомъ нашего времени. Но только неразумная и вредная политика могла рассчитывать на непрерывное повтореніе этого чуда и на то, чтобъ истощенная непрерывнымъ кровопусканіемъ нація могла продолжать свое существованіе безъ питанія; эта политика должна была разрѣшиться экономическимъ кризисомъ. Итальянскій народъ далъ блестящія доказательства своей неустойчивой и разумной дѣятельности и непоколебимой вѣры въ свое будущее; есть основаніе думать, что онъ отважно пройдетъ и черезъ этотъ кризисъ, какъ уже проходилъ черезъ много другихъ, не менѣ трудныхъ и отчаянныхъ. Несомнѣнно, потребуются отъ него большія жертвы и новое увеличеніе налоговъ и податей; но нельзя и отступать передъ этими жертвами; правительство можетъ увѣрить страну во временномъ ихъ характерѣ и въ скоромъ отиѣненіи по достиженіи цѣли; но подобное завѣреніе, данное на канунѣ общихъ выборовъ, можетъ быть принято съ большимъ недоувѣріемъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней трѣхне рѣчи короля была высказана надежда, что новыя жертвы отъ страны не потребуются. А между тѣмъ, безъ нихъ дѣйствительно не возможно обойтись. Такъ думаетъ и г. Маліани, бывшій министръ финансовъ, котораго г. Никотера старался привлечь къ группѣ депутатовъ, преимущественно неаполитанскихъ, стремящихся къ низверженію г. Криспи или по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы принудить его къ преобразованію нынѣшняго кабинета чрезъ введеніе въ него наиболѣе выдающихся лицъ этой группы. Планъ г. Никотеры, по видимому, не осуществится. Г. Маліани произнесъ въ Неаполѣ большую рѣчь, но не въ духѣ оппозиціи: она доставила ему возможность вступить въ кабинетъ Криспи, оставивъ за дверью г. Никотеру и его друзей. Г. Маліани—отличный администраторъ, но не великій экономистъ; онъ долженъ былъ начать свою дѣятельность общаніемъ проблематической экономіи и въ то же время просить у парламента ненавистнаго увеличенія налоговъ и податей.

Экономическія и финансовыя затрудненія, противъ которыхъ борется Италія, задерживаютъ множество реформъ, считаемыхъ вообще крайне необходимыми. Къ числу ихъ относится и улучшеніе народнаго образованія; законопроектъ о реформѣ начальнаго образованія, представленный министерствомъ въ палату, встрѣченъ неблагопріятно—не столько по причинѣ предлагаемыхъ нововведеній, сколько по причинѣ увеличенія расходовъ, которые правительство должно было бы взять на себя въ случаѣ утвержденія закона. Воплѣтъ справед-

ливо, что Италия со времени своего объединения сдѣлала много для народнаго образованія, находившагося въ прежнее время въ печальномъ положеніи; но не менѣе справедливо и то, что для народнаго образованія остается сдѣлать еще очень многое въ государствѣ, гдѣ, въ среднемъ выводѣ, двѣ трети населенія неграмотны, то-есть, не умѣютъ ни читать, ни писать. Въ Италіи существуетъ слишкомъ много университетовъ, которые оказываются на половину бесполезными и служатъ только къ умноженію и безъ того непоумѣрнаго числа адвокатовъ безъ кліентовъ, а также и для обремененія страны содержаніемъ излишнихъ среднихъ учебныхъ заведеній, ежегодно выпускающихъ множество молодежи, не находящей себѣ ни занятій, ни мѣсть. А въ то же время начальное образованіе, хотя и обязательное, идетъ впередъ медленно, такъ, какъ муниципалитеты, за исключеніемъ большихъ городовъ, не особенно пекутся о немъ, хотя, по закону, оно находится на ихъ попеченіи и иждивеніи, безъ всякаго правительственнаго контроля. Медленное преусиѣніе начальнаго образованія и побудило министерство предложить его реформу, съ цѣлію обязать общины принимать въ немъ большее участіе, а правительству предоставить болѣе сильное вмѣшательство въ дѣло начальнаго образованія; до сихъ поръ это вмѣшательство, въ силу доктринерскаго уваженія къ автономіи общинъ, было ограничено, и мажѣйшія попытки провести иной принципъ вызвали безконечныя столкновенія между городскими общинами и правительственными властями. Условія начальнаго образованія вызвали и въ Италіи споры о томъ: не лучше ли вполне предоставить его вѣдѣнію государства, чѣмъ оставлять въ рукахъ автономныхъ общинъ? Но пререканія эти привели только къ констатированію того, что если правительство возьметъ въ свое вѣдѣніе начальное образованіе, то къ нему должны перейти и тѣ 70 или 75 милліоновъ франковъ, которые расходуютъ теперь общины на содержаніе начальныхъ школъ. Это-то и выставляется главнымъ аргументомъ противъ системы правительственнаго вмѣшательства, какъ будто для плательщиковъ не все равно, куда платить на нужды начальнаго образованія — въ государственную ли кассу, или въ общинную. Поэтому министръ народнаго просвѣщенія не рѣшился высказаться противъ указаннаго возраженія; впрочемъ, законопроектъ о начальномъ образованіи и не пойдетъ на разсмотрѣніе парламента въ нынѣшнюю сессію, по недостатку времени.

Въ недавнее время глава италіанскаго министерства г. Криспи, къ счастью своему или къ несчастію, нашелъ себѣ заживо благо-

склоннаго біографа, да еще среди націи, выказывающей ему наибольшее нерасположеніе: я говорю о книгѣ француза г. Феликса Наржу. По видимому, авторъ намѣревался дать своимъ соотечественникамъ, упорно признающимъ г. Криспи самымъ ожесточеннымъ врагомъ Франціи, болѣе вѣрный портретъ италіанскаго министра, измѣнить ихъ предубѣжденія и тѣмъ сблизить двѣ народности, разьединенныя цѣлымъ рядомъ политическихъ и экономическихъ столкновеній. Цѣль исполнѣ похвальная, но и трудно достижимая, если бы даже книга г. Наржу была образцовымъ литературнымъ произведеніемъ, на что впрочемъ авторъ и не претендуетъ. Не смотря однако на свою апологетическую тенденцію и помимо нѣкотораго совершенно бесполезнаго преувеличенія фактовъ, книга эта довольно любопытна, стоитъ прочтенія и наводитъ на размышленія. Она знакомитъ со складомъ и политическимъ развитіемъ г. Криспи со времени его бурной молодости, когда онъ былъ заговорщикомъ, до достиженія имъ власти и объясняетъ измѣнчивость его взглядовъ и стремленій въ продолженіе сорокалѣтней революціонной и парламентской борьбы, а также складъ его характера. Кто не знаетъ прошлаго г. Криспи, тотъ не можетъ быть къ нему справедливъ. Г. Наржу принадлежитъ неоспоримая заслуга въ томъ, что онъ обрисовываетъ человѣка, какимъ онъ былъ, чтобы затѣмъ сдѣлать этого представителя высшей власти своего отечества болѣе понятнымъ въ его старости.

Происходя изъ одной альбанской семьи, удалившейся въ Сицилію, Франческо Криспи родился 4-го октября 1819 года. Смолоду онъ былъ адвокатомъ. Плачевное состояніе его родины побудило его вступить въ тайное общество *Giovina Italia*, организованное Маццини. Съ той минуты онъ былъ замѣшанъ во всѣхъ заговорахъ противъ управленія Бурбоновъ, а за участіе въ сицилійской революціи 1848—1849 годовъ былъ приговоренъ къ изгнанію. Онъ удалился сначала въ Піемонтъ, откуда былъ изгнанъ въ 1854 году по требованію Австріи, которая, послѣ неудавшейся революціи въ Миланѣ, потребовала отъ піемонтскаго правительства изгнанія всѣхъ укрывавшихся въ Туринѣ, въ томъ числѣ и г. Криспи, извѣстнаго какъ журдалиста и бывшаго на особомъ замѣчаніи у австрійской полиціи. Изъ Турина г. Криспи перебрался на островъ Мальту, поѣхалъ въ Лондонъ, а затѣмъ въ 1856 году въ Парижъ, откуда въ 1858 году былъ удаленъ послѣ покушенія Орсини, хотя и не принималъ въ немъ участія. Ему оставалось только снова уѣхать въ Лондонъ и оттуда

подъ вымышленнымъ именемъ переѣхать въ Сицилію и на островъ Мальту, чтобы приготовить возстаніе своей родины противъ Бурбоновъ; но пылъ его прежнихъ друзей, за исключеніемъ немногихъ, уже остылъ, и они не считали возможнымъ произвести возстаніе. Вскорѣ затѣмъ началась война 1859 года, окончившаяся заключеніемъ мира въ Вилла-Франкѣ. Казалось, этимъ миромъ италіанскіе патріоты были обмануты во всѣхъ своихъ надеждахъ; но г. Криспи не потерялъ мужества. Рискуя жизнью, онъ отправился въ Сицилію и тамъ подготовилъ почву для похода Гарибальди, который, вѣроятно, и не состоялся бы безъ сильной и неутомимой энергіи г. Криспи. Все тотъ же г. Криспи, проповѣдуя свои республиканскія чувства, сумѣлъ подчинить Гарибальди идеѣ національнаго объединенія и заставить его принять лозунгъ „Италія и Викторъ-Эмануилъ“ въ его знаменитой прокламаціи изъ Салерно. Г. Криспи былъ душою безпримѣрнаго предприятия „Тысячи“, создавшаго италіанское объединеніе и давшаго Виктору-Эмануилу двѣ короны. Съ удивительнымъ умѣніемъ г. Криспи немедленно организовалъ правильную администрацію въ Сициліи и въ Неаполѣ, подѣ диктатурой Гарибальди, такъ что новое правительство замѣнило павшее правленіе Бурбоновъ безъ толчковъ и крайностей, сопровождающихъ обыкновенно побѣду революціоннаго возстанія. Пиемонтскіе политики не довѣряли Гарибальди и окружавшей его революціонной и республиканской средѣ и сумѣли внушить Виктору-Эмануилу нерасположеніе къ нимъ. Въ свое первое свиданіе съ королемъ Гарибальди привѣтствовалъ его какъ „перваго короля Италіи“ и отказался отъ всякаго личнаго вознагражденія за свои огромныя услуги, прося лишь о признаніи своей небольшой побѣдоносной арміи частію королевскаго войска: ему было въ томъ отказано, и обиженный, онъ удалился на островъ Капреру.

Г. Криспи вступилъ въ италіанскую палату и вскорѣ сталъ въ ней главою крайней партіи, которая съ презрѣніемъ относилась къ пресловутымъ патріотамъ, никогда не рисковавшимъ ни одною каплей крови, ни одною копѣйкой для освобожденія и объединенія Италіи, но пользовавшимся торжествомъ національной идеи. Пребываніе г. Криспи въ парламентѣ было непрерывною и бесплодною борьбою противъ патріотовъ-барышниковъ. Сознаніе своего достоинства и своего умственнаго превосходства надъ посредственностью и ничтожествомъ людей, стоявшихъ у власти, приводило его въ раздраженіе, а пылкій темпераментъ его все болѣе и болѣе ожесточался.

Баронъ Риказоли первый призналъ политическое дарованіе г. Криспи и предложилъ ему въ 1866 году портфель въ своемъ кабинетѣ, но г. Криспи, зная, что ему будетъ трудно ладить съ другими министрами кабинета Риказоли, отказался отъ предложенія. Онъ провель еще одиннадцать лѣтъ въ парламентской борьбѣ, все еще не вступая въ министерство. Наконецъ, въ 1877 году онъ былъ избранъ президентомъ палаты и вскорѣ затѣмъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Депретиса. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ только 70 дней, но эти 70 дней были въ высшей степени знаменательны по случаю кончины короля Виктора-Эммануила и папы Пія IX и возведенія на папскій престолъ Льва XIII; тутъ г. Криспи имѣлъ случай выказать себя не только превосходнымъ администраторомъ, но и государственнымъ дѣятелемъ, превосходящимъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Одно несчастное домашнее обстоятельство заставило его покинуть службу, и еще десять лѣтъ прошло прежде, чѣмъ г. Криспи вступилъ въ новый кабинетъ Депретиса и занялъ, послѣ его кончины, постъ предсѣдателя совѣта и министра внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Дальнѣйшая его дѣятельность на столько извѣстна, что я не буду о ней распространяться.

Г. Наржу задумалъ не только дать жизнеописаніе г. Криспи, но и объяснить образованіе его характера, развитіе идей и стремленій, руководившихъ имъ какъ администраторомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Авторъ старается оправдать или опровергнуть противоположныя его взгляду мнѣнія французской печати о политическихъ тенденціяхъ г. Криспи, и это ему иногда удается, а иногда онъ и не достигаетъ цѣли. Всѣ знаютъ, что Криспи нѣкогда исповѣдывалъ республиканскія убѣжденія, но знаютъ также и то, что онъ откровенно, публично и торжественно заявилъ, что высшая цѣль Италіи есть независимость и національное единство, что для достиженія этой цѣли нужно жертвовать всѣми теоріями о лучшей формѣ правленія и искренно принять монархію изъ рукъ Савойскаго дома. Бъ великой досадѣ Маццини и республиканскихъ доктринеровъ онъ утверждалъ, что монархія соединяетъ италіанцевъ, тогда какъ республика разъединитъ ихъ; ни одно дѣйствіе въ политической жизни г. Криспи не дозволяетъ сомнѣваться въ совершенной искренности и честности его убѣжденій. Г. Наржу, желая вызвать въ республиканскихъ кружкахъ Франціи большее сочувствіе къ италіанскому премьеру, сочиняетъ или повторяетъ дикую небылицу, будто бы г. Криспи, возмущенный тѣмъ, что главный церемоніймейстеръ королевскаго двора, по забыв-

чивости или невниманію, не пригласилъ однажды г-жу Криспи къ королевскому столу, обѣщалъ, въ случаѣ повторенія такой ошибки, провозгласить въ 24 часа республику въ Италиі. Г. Криспи можетъ быть превосходнымъ мужемъ, ревниво оберегающимъ достоинство своей супруги, но не глупо-смѣшнымъ человѣкомъ, какимъ выставилъ его г. Наржу, самъ того не замѣчая. Не соотечественникъ ли г. Наржу совѣтывалъ дипломатамъ „поменьше усердствовать“? Это правило не лишне и для біографовъ. Г. Наржу долженъ глубоко пожалѣть о томъ, что не зналъ или пренебрегъ имъ; одною смѣшною чертой онъ обезобразилъ портретъ своего героя и сдѣлалъ изъ него карриатуру, очевидно—ненамѣренно.

Е. Т.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

10 12

с. 45, 22: *unam Septimius miscellus Acmen mavult, quam Syrias Brittaniasque* = „чѣмъ всякія Сирія или Бриттаніи“, то-есть, „чѣмъ даже такія заманчивыя вещи, какою считалось между чиновною молодежью (къ которой самъ Катуллъ принадлежалъ одно время) получение какой-либо доходной провинціи, въ родѣ Сиріи или Бриттаніи.

Возвращаясь къ с. 5, 4: *Soles occidere et redire possunt*, мы считаемъ возможнымъ признать въ этомъ совершенно аналогичный случай, такъ какъ слово *sol*, обозначая одинъ только предметъ, ничѣмъ не отличается отъ собственного имени, обозначающаго какое-либо определенное лицо въ каждомъ данномъ мѣстѣ (напримѣръ, определеннаго Фабриція, определеннаго Катона и т. д.). Такимъ образомъ смыслъ Катулловыхъ словъ слѣдующій: „Только такія вещи, какъ солнце, могутъ заходить и снова возвращаться“. При этомъ безразлично, существуютъ ли такія вещи, кромѣ солнца, или нѣтъ; возможная же неясность устранена словомъ *possunt*¹⁾.

IV.

Ad с. 3, 1 [13, 12].

Множ. число въ стихѣ: *Lugete, o Veneres Cupidinesque* объясняется различнымъ образомъ. Въ употребленіи множ. числа при словѣ *Cupidines* усматриваютъ вообще реальное основаніе, подобно греч. Ἐρωτες, въ то время какъ при словѣ *Veneres* одни считаютъ форму множ. числа возникшею вслѣдствіе ассимиляціи съ *Cupidines*, или же основанною просто на изобрѣтательности поэта и обусловленною тѣмъ, что слово *Venus* по своему происхожденію есть собственно имя нарицательное, означающее „прелесть, красота“; въ этомъ значеніи употреблено оно самимъ Катулломъ въ с. 86, 6, и притомъ тоже во множ. числѣ: *omnibus una omnes surripuit*. Другіе видятъ и въ словѣ *Veneres* подражаніе греческому Ἀφροδίται съ такимъ же реаль-

¹⁾ Умѣстно упомянуть вскользь еще объ одномъ мало обелѣдованномъ случаѣ употребленія множ. числа, также установленномъ проф. Потемнею въ вышеупомянутомъ сочиненіи и названномъ у него (стр. 34 сл.) множественнымъ числомъ мѣста („гдѣ во множествѣ находится обозначенное единственнымъ числомъ“). Съ этой точки зрѣнія легко и безъ всякой натяжки объясняется, напримѣръ, греч. ἀνατολαί, какъ мѣсто, гдѣ каждый день происходитъ ἀνατολή солнца и др. Ср. тоже ἀμορες.

нымъ основаніемъ, то-есть, по отношенію къ нѣсколькимъ Венерамъ=Афродитамъ. Такъ, напримѣръ, Платонъ различаетъ двухъ Венеръ (Symr. 180, D): πάντες γὰρ ἴσμεν, ὅτι οὐκ ἔστιν ἄνευ Ἐρωτος Ἀφροδίτη. μίας μὲν οὖν οὐσης, εἰς ἣν ἦν Ἐρως. ἐπεὶ δὲ δὴ δύο ἑστὸν, δύο ἀνάγκη καὶ Ἐρωτες εἶναι. πῶς δ'οὐ δύο τῶ θεά; ἡ μὲν γέ που πρῶβυτέρα καὶ ἀμήτωρ, Οὐρανοῦ θυγάτηρ, ἦν δὴ καὶ οὐρανίαν ἐπονομάζομεν. ἡ δὲ νεωτέρα Διὸς καὶ Διώνης, ἦν δὴ πάνδημον καλοῦμεν. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ у древнихъ писателей (ср. Stallbaum ad l.), различался нѣсколько и культъ обѣихъ Венеръ. Между тѣмъ какъ Платонъ знаетъ еще только двухъ Афродитъ и двухъ Эротовъ, Цицеронъ (de nat. d. 3, 23, 59) насчитываетъ уже четырехъ Венеръ и трехъ Купидоновъ: Venus prima Caelo et Die nata (у Платона она ἀμήτωρ), cuius Elide delabrum vidimus; altera spuma procreata, ex qua et Mercurio Cupidinem secundum natum accepimus; tertia Iove nata et Diona (=πάνδημος), quae nupsit Vulcano, sed ex ea et Marte natus Anteros dicitur; quarta Syria Ciproque concepta, quae Astarte vocatur, quam Adonidi nupsisse proditum est. Немного ниже (§ 60) Цицеронъ перечисляетъ и Купидоновъ: Cupido primus Mercurio et Diana natus dicitur; secundus Mercurio et Venere secunda; tertius, qui idem est Anteros, Marte et Venere tertia. Подобнымъ образомъ также и у александрийскихъ поэтовъ встрѣчается во множ. числѣ не только Ἐρωτες, но даже Ἀφροδίται.

Такимъ образомъ на употребленіе со стороны Катуллы оборота Veneres Cupidinesque могла повліять его александрийскіе образцы, въ особенности Калимакъ, такъ что нашъ поэтъ, вообще говоря, могъ выразиться этимъ способомъ, имѣя въ виду именно эту множественность Венеръ и Купидоновъ. Однако противъ такого толкованія въ данномъ мѣстѣ возстаетъ не безъ основанія Беренсъ (ad. l.), опираясь при этомъ на смыслъ втораго стиха: et quantum est hominum venustiorum. Эти два стиха онъ объясняетъ такъ: omnes, quotquot sunt, qui venustatis sensum habent, concientur, tam di quam homines, вслѣдствіе чего въ частности толкованіе перваго стиха получается слѣдующее: invocat poeta omnes amoris atque venustatis deos deasque, какими, по мнѣнію Беренса, можно считать, напримѣръ, Грацій. Такимъ толкованіемъ достигается полная concinnitas какъ мысли, такъ и выраженія для обоихъ стиховъ, ибо подобнымъ образомъ, какъ во второмъ изъ нихъ поэтъ обращается ко „всѣмъ людямъ, которые хоть сколько-нибудь (=сравн. степень) интересуются тѣмъ, чтѣ обозначаетъ venus въ нарицательномъ смыслѣ“

также и въ первомъ стихѣ получается обращеніе ко „всѣмъ вообще божествамъ, подобнымъ Венерѣ и Купидону“. Итакъ, выраженіе *Veneres Cupidinesque* должно быть причислено скорѣе къ разряду обобщающаго множ. числа.

Что же касается с. 13, 12, то это одна изъ многочисленныхъ реминисценцій, воспроизводящихъ какое-либо пришедшее по вкусу Катуллу выраженіе изъ прежнихъ его произведеній. А такъ какъ здѣсь по крайней мѣрѣ совсѣмъ неумѣстна мысль о множественности Венеры и Купидоновъ (*unguentum, quod meae puellae donarunt Veneres Cupidinesque*—духи, которые могла ей преподнести развѣ только какая-либо Венера или Купидонъ или вообще кто-нибудь, въ родѣ Венеры или Купидона), то отсюда можно сдѣлать обратное заключеніе о правильности принятаго нами толкованія этихъ словъ въ началѣ третьяго стихотворенія.

V.

Ad c. 9, 5.

Форма *puncti* въ восклицаніи: *o mihi puncti beati!* считается со времени Лахманна (*ad Lucr. p. 326*) родительнымъ падежомъ, употребленнымъ въ зависимости отъ междометія *o* въ подражаніе греч. ὦ съ родительнымъ. При этомъ ссылаются, съ одной стороны, на несомнѣнный случай употребленія этой конструкціи у Лукана (2, 45: *o miserae sortis*), а съ другой, на то, что Катуллъ соединяетъ это междометіе въ подобныхъ восклицаніяхъ вообще только съ винительнымъ, но не съ именительнымъ или звательнымъ (с. 3, 16: *o miselle passer* не принимается въ расчетъ, такъ какъ это, во первыхъ, только конъектура вмѣсто рукописнаго: *bonus ille passer*, и, во вторыхъ, для устраненія званія слѣдуетъ, можетъ быть, предпочесть: *io miselle passer*).

Однако толкованіе формы *puncti*, какъ родительнаго падежа, невѣроятно какъ въ морфологическомъ, такъ и синтаксическомъ отношеніяхъ.

Что касается морфологии, то послѣ изслѣдованія И. Холодняка („Очеркъ развитія флексіи *genetivi singularis*“, 1888), собравшаго, кромѣ богатѣйшаго матеріала эпиграфическаго (стр. 71 сл.), также и всѣ сюда относящіяся свидѣтельства древнихъ грамматиковъ (стр. 43 сл.), равно какъ и послѣ дополнительной къ этому сочиненію статьи Л. Мюллера („*De genetivo in —i exeunte*“ въ Журн. Мин. Нар.

Пр. 1889 февраль), заключающей въ себѣ критическій разборъ цитатъ для окончанія—ii изъ поэтической литературы до Проперція, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что род. падежъ существительныхъ на—ius, —ium оканчивался въ живой рѣчи ¹⁾ только на одно—i, хотя вѣроятно еще при жизни Катуллы (врядъ ли раньше) появилось новое теоретическое „правило“, требовавшее писать эту форму черезъ два—ii. Практическое же примѣненіе ²⁾ начало оно приобрѣтаетъ только тогда, когда поколѣніе, вышедшее изъ школы послѣдующаго времени, само стало въ ряды литературныхъ дѣятелей (Проперцій, Овидій, между тѣмъ какъ Вергілій и Гораций выказываютъ еще крайнюю сдержанность по отношенію къ этому школьному новшеству). Самъ же Катуллъ употребляетъ въ существительныхъ только одно—i, напримѣръ, с. 39, 4: ad pii rogum filii; с. 60, 4: ego gymnasi fui flos; с. 64, 49: roseo conchyli purpura fuso; с. 26, 2 и с. 64, 282: Favoni; с. 86, 1: Volusi; с. 44, 19: nefaria scripta Sesti; с. 59, 2: ухог Менепі и др. Такимъ образомъ далеко вѣроятнѣе, что nuntii не род. ед. ч., а им. (или зват.) множ. ч.

Еще меньше права имѣемъ признавать nuntii за родит. падежъ съ точки зрѣнія синтаксиса.оборотъ: o mihi nuntii beatii считаются грецизмомъ, то-есть, конструкціей, заимствованною цѣликомъ изъ греческаго языка. Однако, если даже у поэтовъ Августова вѣка нельзя причислять къ разряду грецизмовъ все то, что случайно совпадаетъ съ греческою конструкціей (ср. диссертацию Шефлера „Die sogenannten syntaktischen Graecismen bei den augusteischen Dichtern“. 1884), такъ какъ большая часть этихъ случаевъ примыкаетъ къ существовавшимъ раньше фактамъ языка, составляя ихъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе ³⁾, то у Катуллы рѣшительно нельзя говорить о

¹⁾ Причина этого, впрочемъ, не можетъ заключаться въ какомъ-то „благозвучіи“, исключавшемъ, какъ думаетъ Л. Мюллеръ, употребленіе двойнаго—ii (вѣдь употребилось оно безпрепятственно въ именительномъ, дательномъ и творительномъ, а при прилагательныхъ даже въ род. ед., каковы, напримѣръ, формы у Катуллы: aerii montis, collis Heliconii, officii, divitiis, piis и мн. др.).

²⁾ Изъ указанныхъ г. Холодникомъ двухъ эпиграммическихъ примѣровъ (стр. 149) одинъ, именно ostiis, не можетъ имѣть доказательной силы, такъ какъ принадлежитъ реставраціи императорскаго періода (ср. надпись на columna rostrata); другой же, collegiis, можетъ имѣть такое же *орфографическое* (и притомъ случайное) основаніе, какъ *односложное* micis на одной изъ Сципионовскихъ надписей (см. meis).

³⁾ Ср. также (въ разныхъ мѣстахъ) наше сочиненіе „О падежахъ латинскаго языка“ (Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса латинскаго языка, т. II, 1885).

какихъ бы то ни было грецизмахъ, по крайней мѣрѣ въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, языкъ которыхъ, по видимому, мало чѣмъ отличался отъ тогдашняго разговорнаго сегмо образованнаго класса. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ случаевъ того, что причисляется къ грецизмамъ, составляетъ употребленіе винит. падежа при страдательномъ причастіи на *sus*. Однако, во первыхъ: примѣры этого рода у Катуллы встрѣчаются только въ его стихотвореніи о свадьбѣ Пелея и Фетиды (с. 64), то-есть, въ эпическомъ произведеніи, и во вторыхъ: обороты эти не представляютъ самостоятельнаго нововведенія Катуллы, а принадлежатъ къ искусственнымъ произведеніямъ римскаго эпического слога, впервые введенными Эниемъ въ подражаніе такимъ же оборотамъ греческаго эпическаго языка, но примѣнительно къ чисто латинскимъ конструкціямъ, въ родѣ: *indutus pallam, interrogatus sententiam* и т. п. (см. „Падежи“ стр. 132). Указываютъ, далѣе, два грецизма, получившіе позднѣе большое развитіе, въ с. 51: *adversus* (ст. 3) и *dulce ridentem* (ст. 5). Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что это стихотвореніе составляетъ буквальный переводъ (первыхъ 3 строфъ) съ греческаго, и что, слѣдовательно, вліяніе греческаго слога здѣсь вполне естественно. Тѣмъ не менѣе выраженіе *dulce* въ смыслѣ нарѣчія при глаголѣ *ridentem* (= *γλαίως ἰμερόεν* или *ἄδο*) имѣетъ въ латинскомъ же языкѣ достаточно образцовъ, которые могли повліять на его употребленіе, какъ, на примѣръ, нарѣчіе *facile* (въ с. 61, 219: *dulce rideat*—реминисценція, ср. выше); что же касается *adversus*, то оно врядъ ли=прилаг. (хотя соотвѣтствуетъ слову *ἐναντίος* въ греческомъ текстѣ), а скорѣе предлогъ въ значеніи нарѣчія. Такого же рода и остальные примѣры „грецизмовъ“, которые къ тому же даже и не составляютъ нововведеній Катуллы, каковы с. 114, 3: *omne genus piscis* (= *pisces*, см. „Падежи“, 125), с. 63, 4: *vagus animi* (см. „Падежи“, 229). Такого же рода с. 4, 1: *phaselus ille ait fuisse navium celerissimus*, такъ какъ та же самая конструкція встрѣчается также и у Плавта (*Asin. 634: quas hodie adulescens ipsi daturus dixit*); скорѣе можно видѣть фразеологическій грецизмъ ниже въ томъ же стихотвореніи (ст. 10): *ibi iste post phaselus antea fuit comata silva*=*ὁ ἔπειτα φάσηλος*. Общій выводъ о синтаксическихъ грецизмахъ Катуллы слѣдующій. Во первыхъ, всѣ примѣры этого рода встрѣчаются только въ такихъ стихотвореніяхъ, стиль которыхъ болѣе или менѣе близокъ къ возвышенному. Во вторыхъ, они встрѣчаются преимущественно въ такихъ произведеніяхъ (какъ с. 51 и 64), при составленіи которыхъ поэтъ имѣлъ пе-

редъ глазами греческіе образцы. Встрѣтыхъ, Катуллъ не выступаетъ нигдѣ инициаторомъ въ дѣлѣ введенія новыхъ греческихъ конструкцій, а употребляетъ только то, что и до него уже встрѣчалось. А такъ какъ стиль стихотворенія с. 9, не смотря на его наивно-восторженный тонъ, далеко не можетъ быть признанъ возвышеннымъ, и такъ какъ исключена всякая мысль о вліяніи какого-либо греческаго образца на составленіе этого въ сущности чисто прозаическаго прилѣтствія, то неумѣстно находить здѣсь такое крупное отступленіе отъ обыкновеннаго синтаксиса латинскаго языка, въ тому же вновь введенное самимъ Катулломъ, когда есть возможность подвести это подъ правило, достаточно распространенное какъ у латинскихъ вообще, такъ въ частности у Катулла.

Въ виду всего этого слѣдуетъ предпочесть толкованіе, по которому *puncti beati* не родит. ед., а имен. или зват. множ. числа съ отгѣнкомъ обобщенія, тѣмъ болѣе что такое же множ. число отъ этого же слова (но въ формѣ *punctium* вмѣсто *punctius*) читается с. 63, 75: *abit geminas deae ad auris nova punctia referens* („необыкновенное извѣстіе“).

VI.

Ad c. 12, 9 (и с. 49, 1).

Не безъ основанія указываютъ на то, что у самого Цицерона слова *disertus* и *eloquens* употребляются, какъ равно значущія, безъ особеннаго отгѣнка различія въ значеніи, не смотря на присутствіе въ его же сочиненіяхъ двухъ свидѣтельствъ противоположнаго характера. Первое читается ог. 5, 18: *M. Antonius in eo libro, quem unum reliquit, disertus ait se vidisse multos, eloquentem omnino neminem*; второе de or. 1, 21, 94: *Itaque ego hac eadem opinione adductus scripsi etiam illud quodam in libello, qui me imprudente et invito excidit et pervenit in manus hominum, „disertos me cognosse nonnullos, eloquentem adhuc neminem“, quod eum statuebam disertum, qui posset satis acute atque dilucide apud mediocres homines ex communi quadam opinione hominum dicere, eloquentem vero, qui mirabilius et magnificentius augere posset atque ornare, quae vellet, omnesque omnium rerum, quae ad dicendum pertinerent, fontes animo ac memoria contineret*. Оба эти свидѣтельства находятся, правда, въ сочиненіяхъ Цицерона; однако въ первомъ мѣстѣ Цицеронъ прямо ссылается на М. Антонія, приписывая ему это различіе между *elo-*

quens и disertus, въ то время какъ во второмъ мѣстѣ этотъ же М. Антоній самъ оказывается говорящимъ лицомъ.

Итакъ, ораторъ М. Антоній, бывшій консуломъ въ 97 г. и умерщвленный въ 85 г., различалъ еще значенія словъ eloquens и disertus, между тѣмъ какъ при Цицеронѣ, сочиненіе котораго de oratore написано въ 55 г., значеніе обонхъ синонимовъ на столько уже сблизилось, что могли употребляться безъ замѣтнаго различія. Но что еще при Цицеронѣ и позже чувствовалось нѣкоторое различіе, видно изъ того, что eloquens употребляется вообще только о лицахъ, disertus же одинаково какъ о лицахъ, такъ и о вещахъ. Последнее обстоятельство вполне соответствуетъ этимологическому производству слова disertus, которое, какъ видно изъ сохранившагося s между двумя гласными (въ сравненіи, напримѣръ, съ diribeo изъ *dis-ibeo = dis+habeo или dirimo изъ *dis-emo), представляетъ собою такой же случай упрощенной орфографіи вмѣсто dis-sertus, какъ сауса вмѣсто саус-sa, divisum вмѣсто divis-sum и пр. Формой своею слово dis-ser-tu-s—причастіе отъ dys-ser-o, при чемъ ser-o здѣсь одного корня съ греческаго εἶρω (ἔ-ερ-μένος, ἄ-ερ-το). Последнее значить въ частности, „низать“, „нанизывать“, между тѣмъ какъ латинское sero имѣетъ еще нѣсколько болѣе общее значеніе „соединять“, „связывать“, „сплестать“, а именно преимущественно такимъ образомъ, чтобы получился какой-либо рядъ (series) или гирлянда (sertum); въ переносномъ смыслѣ произошло отсюда также и sermo, какъ обозначеніе разговора, въ которомъ вопросы и отвѣты соединяются въ одинъ связный рядъ мыслей, какъ бы нанизываемыхъ одна къ другой. Если же serere = „сплестать“, то dis-serere = „расплестать“, „разбирать по частямъ“, такъ что въ переносномъ значеніи, въ примѣненіи къ рѣчи, до нѣкоторой степени оно соответствуетъ русскому выраженію „разбирать по восточкамъ“; отсюда причастіе dis-sertus = „подробно разобранный“, то-есть, разобранный такимъ образомъ, что ясно видна связь между отдѣльными звеньями какого-либо ряда фактовъ или мыслей. Очевидно, что такое опредѣленіе примѣнимо въ собственномъ смыслѣ прежде всего только въ названіямъ вещей. Пока dis-sertus употреблялось только въ этомъ смыслѣ и сочетаніи, связь его съ глаголомъ dis-serere могла быть еще вполне прозрачною. Порвалась она только тогда, когда качество рѣчи, обозначающееся словомъ dissertus, стало переноситься на самого говорящаго, будучи отрицаемо тѣмъ же dissertus, которое послѣ этого приобрѣло смыслъ „умѣющій разбирать или разъяснять какое-либо дѣло понятнымъ для всѣхъ образомъ“, то-есть, „умѣющій говорить ясно и убѣ-

дительно^а. Благодаря такому переходу значенія, *disertus* обособилось на столько, что его орфографія могла устраниваться независимо отъ орфографіи глагола *disserere*. Впрочемъ, писаніе слова *disertus* съ однимъ *s* позднѣйшаго происхожденія и въ спискахъ сочиненій Катутла читается еще двойное *ss*. По Квинтилиану (1, 7, 20) двойное *ss* вмѣсто позднѣйшаго простого употреблялось не только при Цицеронѣ, но даже еще Виргилиемъ: *Ciceronis temporibus paulumque infra, fere quotiens S littera media vocalium longarum vel subiecta longis esset, geminabatur, ut caussae (=causae), cassus (=casus), divissiones. (=divisiones), quomodo et ipsum et Vergilium quoque scripsisse manus eorum docent*. Указываемъ на это общезвѣстное мѣсто Квинтилиана потому, что такое же упрощеніе двойнаго *ss* произошло также и въ словѣ *dīsertus*, не смотря на краткость предшествующаго гласнаго ¹⁾.

Напротивъ *ē-loquens* (отъ *e-loquor*) = „умѣющій высказываться“, „умѣющій говорить легко и свободно“, „обладающій даромъ слова“, „краснорѣчивый“. И какъ человекъ, обладающій качествомъ *disertus*, можетъ быть очень сухимъ ораторомъ, такъ, на оборотъ, *eloquens* можетъ оказаться нерѣдко въ сущности пустымъ болтуномъ. Совершенство же краснорѣчія состоитъ въ соединеніи обонхъ качествъ, изъ которыхъ первое убѣждаетъ, второе увлекаетъ, и ораторъ perfectus долженъ быть не только *eloquens*, но и *disertus*, и на оборотъ. Отсюда ясно, почему оба эти понятія могли сблизиться на столько, что по крайней мѣрѣ по отношенію къ хорошему оратору можно было употреблять ихъ безразлично. Въ этомъ безразличномъ значеніи употреблено, по видимому, слово *disertus* также и у Катутла въ с. 49: *disertissime Romuli nepotum*. Безъ сомнѣнія, *disertissimus* имѣетъ здѣсь тотъ же смыслъ (ироническій или нѣтъ), какъ *optimus* въ послѣднемъ стихѣ: *quanto tu optimus omnium patronus* ²⁾, и напрасно было бы вносить сюда отлѣнокъ значенія, соответствующій основному различію словъ *disertus* и *eloquens*.

¹⁾ Такимъ же образомъ можетъ быть объяснено также и загадочное *z* въ *mīser* изъ *mīsser*, ср. К. Z. XXX, стр. 422.

²⁾ Какъ бы ни толковать стихотвореніе Катутла, обращенное къ Цицерону, во всякомъ случаѣ центръ тяжести заключается не въ словахъ, касающихся знаменитаго оратора, а въ выраженіи: *peissimus poeta*, относящимся къ Катутлу. Относительно смысла этого оборота возможны равныя комбинаціи; но въ с. 36 вся соль заключается, по видимому, въ томъ, что *peissimus poeta* въ первоначальномъ (серіозномъ) смыслѣ означало „злого“ поэта (=Катутла), который при шутивомъ исполненіи объята замѣненъ „плохимъ“ поэтомъ Валузиемъ.

Другое дѣло с. 12, 9, гдѣ идетъ рѣчь не о хорошемъ ораторѣ и даже вообще не объ ораторѣ, а, напротивъ, о юношѣ Азиніѣ Поліонѣ, имѣвшемъ въ то время, къ которому можетъ относиться наше стихотвореніе, не болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду (въ выраженіи *puer* лежитъ здѣсь противительный отгѣнокъ „не смотря на его молодость“). По отношенію къ молоденькому Поліону слово *disertus* (въ предложеніи: *est enim leporum disertus puer ac facetiarum*) употреблено, очевидно, не въ томъ смыслѣ, какъ объ ораторахъ, а ближе къ основному значенію: „умѣющій разбирать что-нибудь“, „понимающій толкъ въ чемъ-нибудь“. И подобнымъ образомъ, какъ по отношенію къ оратору *disertus* сблизилось съ *eloquens*, такъ въ другихъ случаяхъ, согласно указанному значенію, оно могло сблизиться съ болѣе общими понятіями „свѣдущій“, „опытный“, и притомъ въ такой степени, что могло при случаѣ принимать съ ихъ значеніемъ и ихъ конструкцію. Такимъ образомъ объясняются вполнѣ удовлетворительно родительные *leporum* и *facetiarum* въ зависимости отъ прилаг. *disertus*. Аналогическое примѣненіе этой конструкціи при *disertus* въ значеніи „понимающій, гдѣ какіе *leporum* и *facetiae* умѣстны или нѣтъ“ далеко менѣе насильственно, чѣмъ, напримѣръ, у Цицерона при прилаг. *ieiunus* въ *or.* 30, 106: *ieiunas huius orationis aures civitatis asserimus*. Поэтому излишне, съ одной стороны, измѣнять *disertus* (рук. *dissertus*) въ *differtus* или въ *expertus*, а съ другой—нѣтъ нужды считать родительные *leporum* и *facetiarum* зависящими не отъ *disertus*, а отъ *puer*, такъ что *puer leporum ac facetiarum* составляло бы подобную конструкцію, какъ въ с. 21, 1: *pater esuritionum*.

VII.

Ad с. 13, 9.

Въ этомъ стихотвореніи Катуллъ сообщаетъ нѣкому Фабуллу, что онъ обладаетъ какими-то необыкновенно тонкими духами, полученными имъ, какъ видно изъ ст. 11, отъ Лезбіи, и поэтому поводу приглашаетъ въ шутивномъ тонѣ своего друга къ обѣду, за которымъ можно будетъ воспользоваться этими духами для надушенія головы. Но только для этого Катуллъ требуетъ отъ Фабуллы, чтобы, если онъ желаетъ дѣйствительно *bene cenare*, самъ прихватилъ съ собою вина и яствъ побольше и получше, равно какъ и приправы

къ нимъ и все прочее, что необходимо для пріятнаго обѣда, такъ какъ приготовить таковой въ данное время для поэта оказывается невозможнымъ въ виду пустоты кармана ¹⁾). За то духи, которые онъ предложитъ,—это нѣчто такое, для чего онъ даже не въ состояніи подыскать вполне подходящаго названія. Онъ не находитъ лучшаго выраженія, какъ *amores*, которое Ризе печатаетъ съ большою буквою: *Amores* и считаетъ тождественнымъ съ *Cupidines*. Толкованіе это нельзя считать удачнымъ или хотя бы по крайней мѣрѣ правдоподобнымъ. Еще менѣе возможно понимать *amores* въ значеніи дружбы и привязанности Катулла къ своему другу, такъ какъ при этомъ пониманіи разрушается связь съ послѣдующимъ стихомъ, который въ такомъ случаѣ оказывается лишнимъ балластомъ.

Правильнѣе всего будетъ искать и здѣсь прежде всего то значеніе, въ которомъ слово *amores* употребляется у Катулла въ большинствѣ случаевъ (если не вездѣ): „любимый предметъ“. Правда, *amores* въ этомъ смыслѣ встрѣчается какъ у Катулла, такъ и у другихъ писателей только о лицахъ, преимущественно о любимой женщинѣ (ср. Pl. mil. 1377: *ibo hinc intro nunciam ad amores meos*; но также о друзьяхъ, ср. Cic. Att. 2, 19, 2: *Pompeius nostri amores*). Однако, употребленіе этого слова и въ этомъ же значеніи о вещи (такъ сказать: „о чемъ-то такомъ, во что можно влюбиться“) объясняется данною ситуациею, согласно съ которою поэтъ желалъ бы подобрать для упомянутыхъ духовъ самое сладкое названіе, и такимъ кажется ему именно слово *amores*, къ тому же еще усиленное прилагательнымъ *meus* („настоящій“). Слѣдующій затѣмъ стихъ (*sed quid suavius elegantiusve est*) служитъ поясненіемъ и поправкой предшествующаго *amores*. Что же касается множ. числа объ одномъ „предметѣ любви“, то оно до извѣстной степени аналогично вышеупомянутому множ. числу мѣста, такъ какъ обозначаетъ предметъ, на который направлено дѣйствіе, обозначаемое ед. числомъ *amor*, въ его отдѣльныхъ, повторяющихся изъясненіяхъ.

И. Петушиль.

¹⁾ Конечно, все это должно быть понимаемо *sunt grano salis*, такъ какъ поэтъ желаетъ лишь отчеканить разницу между тѣмъ, какую цѣну онъ придаетъ упомянутымъ духамъ, и опасеніемъ на счетъ того, какими окажутся остальные приготовленія къ обѣду, за который онъ заранѣе навѣяется.

DE HORATII EPISTVLARVM

II, 1. 50—62.

Ennius, et sapiens et fortis et alter Homerus,
ut critici dicunt, leviter curare videtur,
quo promissa cadant et somnia Pythagorea.
Naevius in manibus non est et mentibus haeret
paene recens? adeo sanctumst vetus omne poema.
ambigitur quotiens, uter utro sit prior, aufert
Pacuvius docti famam senis, Accius alti,
dicitur Afrani toga convenisse Menandro,
Plautus ad exemplar Siculi properare Epicharmi,
vincere Caecilius gravitate, Terentius arte.
hos ediscit et hos arto stipata theatro
spectat Roma potens, habet hos numeratque poetas
ad nostrum tempus Livi scriptoris ab aevo.

Versus sunt petiti ex Horatii epistula ad Augustum. Qui quamquam multum sunt tractati doctorum curis, nova quaedam de eis promere posse mihi videor. — In persequendis autem singulis Adolphi Kiesslingii potissimum respicietur a me editio, quae superiore anno prodiit. Nam continentur ea multa bona, quamquam vix pauciora sunt, a quibus dissentendum existimem. Ac primum quidem quod Ennii Naeviique fit mentio, ita id explicandum, ut ab Horatio exprobetur Romanis, ne maioris quidem doctrinae homines, lectione eruditos multa diversosque a vulgo, quod imaginem cultus qualemcumque pararet in theatris desidendo, sano uti iudicio, ut qui Ennii annales et Naevii bellum punicum summis Graecorum aequarent monumentis in-

geniorum.—Deinde transitur ad eorum recensum scriptorum, qui maxime florerent scenae usu.

Eis autem, quae de Ennio memorantur, solos respici annales, non, ut Kiesslingio visum, etiam didactica carmina, Euhemerum, Epicharmum, Protrepticum, iam curatius demonstrabitur.

Nam Horatius, ut erat levius imbutus peritia poetarum Sullae tempore priorum, sed magno eorundem fastidio, ita saturarum Ennii, quarum partem effecisse probabile est didactica eiusdem carmina, mediocri admodum fuit usu, quas eum post adolescentiam revolvisse ab omni abhorret probabilitate. Docet id locus notissimus, de quo cum copiose a nobis sit disputatum comment. Lucil. pg. 295, iterum mihi video agendum, quoniam rursus Kiesslingius protulit de eo falsa.

Igitur Sat. I, 10, 64 sqq. leguntur haec:

fuerit Lucilius, inquam,
comis et urbanus, fuerit limatior idem
quam rudis et Graecis intacti carminis auctor
quamque poetarum seniorum turba.

In quibus non posse, ut Meinekio placuit aliisque, auctoris nomine significari Lucilium demonstratum est a nobis l. supra memorato.—Et Kiesslingii quidem explicationem, qui non certum quendam scriptorem, sed cuiuscumque carminis rudis et a Graecorum usu alieni auctorem intellegendum putat, refellere vix est tanti. Nam cum idem existimet Horatii verbis id poni, ut primus litteris latinis saturam addidisse dicatur Lucilius, cumque certissime appareat eis quae sunt „rudis et Graecis intacti carminis auctor“ nullum litterarum genus significari nisi saturam, sequitur auctoris nomine ne ab ipso quidem, licet verbis res veletur, intellegi posse quemquam nisi Lucilium, id quod nullo pacto licet.

Iam quod negarunt plerique posse vocari Ennium auctorem saturae ab Horatio, qui viginti versibus ante (46 sqq.) inventorem eiusdem autumarit Lucilium, fugit eos non cuiuslibet saturae inventorem praedicari Lucilium, sed eius, quae cum imitatione antiquae Atticorum comoediae nova plane esset instituta ad carpenda vitia Romanorum et notandos homines maleficos (nam Naevius, qui in comoediis similia temptaverat publica auctoritate ne perseveraret erat cohibitus), quamque ipse melius i. e. elegantius limatiusque quam Lucilium eiusque sectatores tractare se posse speraret. Nec omnino rudis et Graecis intacti carminis auctorem potuisse poni Lucilium ab Horatio, nisi ratione care-

ret omni, demonstratur exordio saturae l. I quartae, quae causa fuit huius, de qua agitur, conscribendae. Nam ibi testatur (in quo quidem eum fefellit sententia) totum Lucillum pendere ab Eupoli, Cratino, Aristophane aliisque antiquae Atticorum comoediae auctoribus tantum versuum genere mutato.

Igitur auctor ille rudis et Graecis intacti carminis omnino dicitur Ennius, nec tamen ideo, quod primus composuisset saturas, quae multum ante eum sunt frequentatae populari iuventutis romanae usu, sed quod emissis libris princeps litteris addidisset latinis. Nam ante Livium Andronicum saturae, ut cetera carmina exceptis paucis, non propagabantur inter Romanos nisi ore, ut post tempus aliquod oblivione premerentur, id quod scriptis monumentis accidere nequit.

Itaque ut recte intellegatur locus Horatii, de quo agitur, conferenda quae Suetonium secutus de satira profert Diomedes (gramm. lat. I, 485): „satira dicitur carmen apud Romanos nunc quidem maledicum et ad carpenda hominum vitia archaee comoediae caractere compositum, quale scripserunt Lucilius et Horatius et Persius. set (edd. „et“) olim carmen, quod ex variis poematibus constabat, satira vocabatur, quale scripserunt Pacuvius et Ennius“. — In quibus illud parum scite dictum, quod satira perhibetur fuisse carmen ex variis poematis constans, monitum est in vita Ennii. — Immo hoc proprium fuit saturarum antiquissimarum, quod saepe in carmine eodem per inopinatum transitum ab alio argumento ad aliud et quidem diversum vel contrarium pergebatur miscebanturque gravia levia, tristia iocosa, quamquam maiorem partem argumento eas fuisse serio, ut Fescenninos et Atellanas, genera item vetustissima poesis latinae, ridiculo, valde est probabile. — Igitur argumenti potissimum varietatem secutus saturarum libros scripsit Ennius, quibus pariter epica, didactica, convivialia, amatoria, alia tractarentur, et quidem plerumque per dialogum, sicut etiam in antiquissima satira factum.

Iam cum Ennii saturas magna cum arte constet compositas eademque multa varietate ac diversitate argumenti fuerint, quaeritur quo modo ab Horatio comparari potuerint cum Lucilianis, quas potissimum ab antiquae Atticorum comoediae exemplo pependisse magnaque fuisse et sermonis neglegentia et metri testatur ipse. Quod quidem non potest explicari nisi ita, ut dicas eum levi admodum fuisse imbutum lectione saturarum Ennii, quas cum scriberet ultimam libri primi eclogam fortasse multis annis non legerat. — Quid quod eundem satis constat ne Lucilii quidem, quem plurimum imitatur, satis fuisse cu-

riosum? Nam etsi dubitari nequit, quin postremos eius saturarum libros (XXVI — XXX), qui praeter ultimum trochaels constabant vel iambis, habuerit cognitos, ut quos semel bisve respexerit imitando, tamen eorum plane oblitus initio saturae IV l. I hoc solum affirmat differre ab antiqua Atticorum comoedia Lucillum, quod diverso usus sit genere metri, hoc est dactyllico, sicut ipse cum Persio et Iuvenale. non trochaico aut iambico, quae in dialogo certe comici illi adhibent plurimum. — Alterum vix minoris negligentiae exemplum, quod isdem Horatii continetur verbis, notatum est comment. Lucil. pg. 291.

Atque haec mihi fuit causa longissimae digressionis huius, quae nescio an plerisque lectorum a loco ex epistula ad Augustum petito, quem tractandum mihi sumpsi, plane videatur esse aliena, quod statim in principio exemplo erat luculentissimo demonstrandum exiguo plane ac tenui fuisse usu poetarum antiquissimorum Horatium. Cuius iudicia de etsi etsi maiorem partem duco probanda, tamen non potest negari eum non sine ira ac praedudicio versatum in illis taxandis. Nos autem merito a critico id primum exigimus, ut quam plenissima eorum, de quibus sententiam fert, sit peritia.

Nec tamen mira erit res inspectantibus litterarum latinarum, quae fuit Horatio puero, condicionem. Tunc enim nova proveniebat poetarum schola, quae Alexandrinorum potissimum et Pergamenorum auctorum se applicaret praeceptis, scriptores vero antiquissimos Romanorum ut rudes et inkomptos contemneret. Extat notissimum de ea re testimonium Ciceronis (Tuscul. disp. III, 19, 44).

Igitur ab Horatio puero tractata quidem Romae in schola, sicut ipse narrat, Livii Andronici carmina dictante plagoso, quem vocat, Orbilio grammatico, item haud dubie, Enni, Naevii aliorumque auctorum antiquissimorum scripta selecta. Sed quid mirum haec studia ab adolescente iam ante annum aetatis vigesimum, quo ad philosophiae studium factitandum petiit Athenas? Pro his cupidissime lectitata carmina Laevii, Catulli, Calvi, Cinnae, quae tum erant in manibus iuventutis. Quorum rationes etsi aetate adulta eum non omnino potuisse probare docent Sat. I, 10, 17, sqq., tamen haecenus secutus est per totam vitam, pariter ac Vergilius Variusque et ceteri poetae, qui Augusti aetatem illustrarunt, ut accuratius quam ante factum erat sequendos putaret Graecos.

Deinde bellis civilibus immixto et in Bruti castris versanti vix tantum otii suppetebat, ut multum temporis impenderet litteris. Sed reverso in Italiam et mox Maecenatis gratia subnixo cum quasi nova

incoharetur vita et pristina repeterentur studia, vix ut ageretur dies, que non aut legeret aliquid aut scriberet (cf. sat, I, 6, 122 sq.), num multum versatum putas eum in Naevii, Ennii, Plauti, Caecillii, Pacuvii eorumque aequalium scriptis terendis, ac non potius in Graecorum poetarum antiquissimis hoc est Alexandro Magno prioribus libris, quae vel optima esse iam tum constabat, porro in Alexandrinorum vel poetarum vel grammaticorum, quorum inter se conjunctissima fuere studia, ita quidem ut utrorumque doctrina et sollertia via patefieret posteriorum temporum hominibus ad antiquissimos Graecos intellegendos, denique in cognoscendis, diiudicandis, promovendis novae scholae auctorum, quae Augusti aetate passim proveniebant, Varii et Vergilii aliorumque, carminibus?

Igitur quo tempore ad Augustum dedit epistolam ille, h. e. circa annum 14, mediocri plane antiquissimorum poetarum latinorum peritia fuisse eum probabile est, ita quidem ut Ennii Naeviique carminum epicorum, id est ad legendum destinatorum, ex scholastico potissimum puerilis institutionis usu memoriam retinuisse existimem (nam ediscendis versibus auctorum illustrium vel maxime exercebatur a ludimagistris iuventus romana), quamquam tot annorum decursu quin eadem bis terve lectione repetisse videatur non intercedo, contra fabularum ad spectandum factarum notitiam praeter lectionem puerilis aetatis subinde redintegrasse spectando ludos. Nam tragicorum comicorumque antiquissimorum ut Ciceronis temporibus magna fuit in scena celebritas, ita et Augusti aetate haud exiguus fuit usus. Nec enim qui tum proveniebant tragici, nova elegantia florentes Graecorumque ad metricam carmina propria accommodantes, ea fuere fecunditate venae, ut sufficerent theatris; palliatarum autem comoediarum et togatarum cum auctores essent paene nulli, quod mimorum et mox pantomimorum studio potissimum teneretur plebs romana, etiam illas fabulas, quae et ipsae magna hominum gratia erant subnixae (adeoque ipsum Caesarem Augustum earum amantiorem fuisse Suetonii cap. 89 testimonio constat), ab auctoribus antiquissimis repeti oportuit.

Denique ut recte aestimentur Horatii iudicia vetustissimorum poetarum latinorum, hoc tenendum, ad arripiendos eos carpandosque minus ipsorum odio et contemptu inductum quam antiquariorum, qui etiamtum frequentes cum essent Romae, omni id opera agebant, ut averterent populum Romanum a novorum poetarum, qui tum oriebantur, studio cascamque nimio plus laudando vetustatem bonis obstarent praesentibus.—Illud levius, quod morositate ac saevitia Orbili ma-

gistri iam puer videtur contraxisse taedium quoddam poetarum antiquissimorum, qui in scholis romanis legi sunt soliti, donec Vergilii ipsiusque Horatii carmina eorum loco usurpari coepta.

His expositis nihil iam obstat, quin epistolae ad Augustum datae locum supra adscriptum illustremus.

„Ennius et sapiens et fortis et alter Homerus,
ut critici dicunt“.

Spectant haec ad solos Annales Ennii. Nam didactica eiusdem carmina, Epicharmus, quo de natura rerum agebatur, Euhemerus, quo natura deorum pandebatur, Protrepticus, quo morum praecepta trahebantur, sive effecerunt saturarum partem sive minus, neque ab Horatio post pueritiam iam retractata umquam demonstrasse mihi videor et vulgo sorduisse, cum adultis philosophiae studiis apud Romanos iam multa novissimorum auctorum suppeterent scripta, quibus possent edoceri de eis, quae tractabantur carminibus illis, probabile est. Ceterum Euhemeri, quo asserebatur deos nihil esse nisi mortales post mortem propter virtutem deorum numero adscriptos, quae opinio frequens fuit inter Romanos, iam Ciceronis aetate paraphrasin, qua Lactantius usus est, confectam pedestrem est probabile.

Sapientem autem a criticis dictum Ennium apparet propter initium Annalium, quo per Homerum in somniis oblatum Pythagorae doctrinae proponebantur praecepta et natura rerum pandebatur (cf. Lucr. I, 120—126). Etiam in secundo libro, ubi de Numa Pompilio referebatur, quem fama erat vulgatissima inter Romanos eademque falsissima Pythagorae fuisse discipulum, Pythagoreorum de placitis ab Ennio videtur expositum. Atque extat locus, quo ipse Ennius iactat sapientiam suam, Annalium initio declaratam. Cf. Annal. VII, 1.

Fortem non puto ideo praedicatum Ennium, quod heroici carminis gravitatem sustinere videretur. Nam cum prima fortitudo a poeta sit epico exigenda, non sapientia, in principio fuit ponendum epitheton illud. Ac ne ipse quidem Horatius potuit negare vi et vigore praestare Annales Ennii, nisi forte exprobravit ei, quod amore ductus nimium premendi exemplum Homeri vel argutiarum grammaticarum (nam ut multi poetarum antiquissimorum latinorum, secuti Alexandrinos, et grammaticam factitabat ille) nec minus tinnitus verborum ludendique verbis vel adhibitis elocutionibus sordidis ac plebeis aliquando extitisset inferior gravitate carminis epici.

Igitur potuere obversari Horatio, cum perstringeret Ennium ut parum fortem, veluti haec:

divum domus altisonum cael;
 repleat te laetificum gau;
 o Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti;
 ferventia rapa vorare;
 uti iuxta malaque et bona dictu
 evomeret.

Sed magis tamen probabile illum fortem ea significatione posuisse, quam vulgi tum usu floruisse quidam saturarum et epistularum indicant loci. Nimirum plurimum evenit, ut unum alterumve verbum aetatis cuiusdam certae usu adhibeatur aliter atque vel ante vel post factum, et quidem nova plane et inusitata significatione. Veluti Germani, qui nunc sunt, ad taedium usque abutuntur adiectivo, quod est „schneidig“.—Igitur, ut alios locos mittam, Sat. II, 5, 64 sq.; 101 sq. in hisce:

forti nubet procera Corano
 filia Nasicae;
 ergo nunc Dama sodalis
 nusquamst. unde mihi tam fortem tamque fidelem?

apparet fortem dici, non ut fortitudo ac vires praedicentur, sed hominem omnibus paene numeris absolutum et quasi specimen viri sollertis ac strenui, paene eundem, qui vulgari sermone Rossorum „молодецъ“ sive „человѣкъ на всѣ руки“ vocatur. Sic igitur etiam in epistula ad Augustum data illud „fortis“ accipiendum existimo. Denique in eis quae sunt „et alter Homerus“ particula „et“, ut persaepe, posita pro „et adeo“ vel „denique“, ita quidem, ut laudes Ennio superioribus verbis tributae etiam concludantur ultimis. Nam Homerum et sapientem dici merito (cf. Hor. Ep. I, 3 init.) et fortem nemo poterat dubitare.

Ceterum eis quae sunt „alter Homerus“ minime, ut quidam putant, ante Horatium de Ennio usus Lucilius. Cf. comm. Lucil. pg. 288.

„Ut critici dicunt“. Quamquam grammaticos sat multos Ciceronis et Horatii tempore in antiquissimorum poetarum scriptis versatos constat, tamen quorum iudicia ab Horatio respiciantur hic et infra prorsus incertum. Vix enim probabile tangi Varronis de poetis libros

multis annis ante editos. — Ceterum ad illa „ut critici dicunt“ splendendum „et credit populus Romanus“ docent sequentia.

„leviter curare videtur,
quo promissa cadant et somnia Pythagorea“.

In his „leviter curare videtur“ urbane dictum pro „parum curat“, scilicet de ipso initio Annalium, quo notum post invocatas Musas induxisse illum Homerum docentem se in somniis, quod ipsius anima per pavonis corpus transisset in sese, et instigantem ut scriberet res Romanas, quo scilicet spes moveretur lectoribus, haud dissimiles fore Annales Iliadis.

„Naevius in manibus non est et mentibus haeret
paene recens? adeo sanctumst vetus omne poema“.

Haec cum emphasi dicta: quid quod vel Naevii carmen suos habet admiratores, quamquam minus etiam est cultum opere Enniano adeoque saturnio compositum metro? — Solum de bello Punico intellegitur carmen, id quod etiam ultimis declaratur verbis. — Illud cum continuo decurreret ordine, Gracchorum tempore ab Octavio Lampadione in septem est divisum libros, sed ut ne prior quidem editio Horatii tempore esset antiquata. Cf. Santra ap. Non. 170, 17.

Ceterum a Naevio praeter epos ac tragoedias comoediasque etiam saturas conscriptas non caret probabilitate quadam. Res tamen non certa. Nam quae apud Festum pg. 257 s. v. „quianam“ leguntur velut in satyra Naevii posita (sunt autem haec „quianam saturnium populum pepulisti“, quae quo metro sint constituenda non satis constat), ea alii ad Satyrae comoediam referunt. Cf. Lucr. IV, 1169 „simula Silena ac Saturast, labeosa philema“. — Fuit etiam Attae togata, Pomponii Atellana inscripta „Satura“, ubi non magis certum, utrum graecum sit nomen an latinum.

Iam commemoratis celeberrimis vetustissimi temporis carminibus epicis, quae ut Ciceronis tempore, ita Horatii multos invenerunt admiratores inter homines cultos eosdemque antiquitatis amantes (nam Naevii bellum Punicum ipse Cicero, quod mirere, satis magnis laudibus mactat Brut. 19, 75), Horatius ad scenicos transit auctores, qui vulgi tum maxime florebant favore.

„Ambigitur quotiens“, i. e. „quotiens disceptatur a criticis“.

„Vter utro sit prior“. Haec non potuere dici ab Horatio nisi ita, ut significaret in sequentibus binos a criticis inter se comparari po-

etas. — Ac satis apparet bene componi cum Pacuvio Accium, quippe qui excepto Ennio, quem pariter atque Naevium silentio transit Horatius ideo, quod epica modo eorundem erant carmina notata. haud dubie tum principes haberentur tragoediae latinae. Nec minus apte coniunguntur Caecilius Terentiusque, ut qui accuratius quam ante factum erat Atticorum comicorum secuti exemplum rationibus inter se fuerint simillimi (nam et Caecilii imitatore fuisse constat Terentium). At Afranius quod cum Plauto ponitur una, eius rei hanc fuisse existimo causam, quod ut ille togatae, ita palliatae vulgo princeps habitus est hic. De Afranio conf. Vellei. II, 9, 2; Quintil. X, 1, 100. Iam Plauto etsi a Volcatio Sedigito in canone famosissimo, quem servavit Gellius Noct. Attic. XV, 24, secundus tribuitur locus, tamen eundem Aelii Stilonis ac Terentii Varronis ipsiusque Marci Tullii sententia potissimum existimatum comoediae, quae Graecorum exemplarium imitatione constaret, auctorem satis notum.

Sed enim iam singula videamus.

„aufert

Pacuvius docti famam senis“.

Doctrinae laude a criticis Pacuvius non, ut Kiesslingius putat, affectus propter Graecorum artis curam et peritiam eligendae materiae tragicae et orationis adornandae periodis versuumque limandorum, sed longe aliam propter causam. Nam propius secutum Graecorum exemplaria eum quam Accium nullo pacto potest demonstrari. Dictione autem uti contorta ac tumida ne aequales quidem latuit. Adeoque ipse Cicero, cum vehementi teneretur admiratione Pacuvii, tamen male locutum dicit eundem de opt. gen. orat. 1. Neque ulla re probari potest, ab eo versuum arte superatum Accium. Sed doctrina excellere ideo potissimum dictus est, quod elegit plerumque remotiorem et abstrusorem materiam; id quod ipsi tituli tragoediarum eius demonstrant. Conferenda quae superiore anno de carminibus eiusdem in his Actis sunt disputata.—Ceterum illud „senis“ minime, ut nonnullis videtur, ideo dictum, quod et Pacuvius et Accius ad propectam pervenire aetatem, sed quod temporis intervallo longioris seuncti sunt ab Horatio. Cf. Sat. I, 10, 65 illud:

quamque poetarum seniorum turba.

„Accius alti“.

Accium altitudine sensuum verborumque insignem fuisse inter ceteros tragicos nullo praeter hoc constat testimonio. Sed comparari po-

test, quod apud Ovidium Tristium libro II (v. 359 sq.), loco notissimo, ubi dicit ex materia carminum minime poetarum taxandos mores, leguntur haec:

Accius esset atrox, parasita Terentius esset,
essent pugnaces, qui fera bella canunt.

In reliquis autem carminum invenitur ea ubertas sermonis et gravitas, quae, ut propria est tragoediae, ita vel maxime convenit et latinae linguae et indoli romanae. Nec vero mirum, quod, cum ex ingenti numero fabularum Accii palliatarum non plus servatum sit septingentis vel versibus vel particulis versuum, non magis plene de eo licet iudicari quam de Pacuvio vel Ennio.

Notum est a Quintiliano in capite primo libri decimi, ubi scriptorum graecorum et latinorum ad informandum oratorem utilium proponitur descriptio, aliquotiens respicit iudicia Horatiana, veluti in eis, quae de Alcaeo dicit (X, 1, 63).

Igitur Quintilianus de Pacuvio et Accio scribit haec (X, 1, 97): „tragoediae scriptores veterum Accius atque Pacuvius grandissimi gravitate sententiarum, verborum pondere, auctoritate personarum. ceterum nitor et summa in excolendis operibus manus magis videri potest temporibus quam ipsis defuisse. virium tamen Accio plus tribuitur; Pacuvium videri doctiorem, qui esse docti adfectant, volunt“.

In quibus primum hactenus cum Horatio convenit illi, quod et ipse omittit Ennium, non hercule minus praestantem tragicum aut celebrem Pacuvio et Accio. — Neque in ceteris alienus est ab eodem, quamquam eo quod est „alti“ non bene virium solum maiorum Pacuvianis contineri putavit laudem. — Sed quod notare videtur eos, qui adfectione doctrinae doctiorem Accio perhibeant Pacuvium, num certos quosdam et sibi cognitos criticos temporis sive Augustei sive sui designet, discerni nequit. Quamquam magis adducor ut credam haec a Quintiliano posita, quod iudicio tali Accii tragicorum vetustiorum celeberrimi eiusdemque doctrinae studiosissimi nimis viderentur imminui laudes.

Illud tamen tenendum utcumque, Quintilianum ut Pacuvii, ita Accii levi admodum ac tenui fuisse lectione pariter atque ceterorum scriptorum, qui fuerunt ante Ciceronem. De qua re cum aliunde simus edocti, tum vel maxime constat eis, quae de saturae initis eiusque ponit auctore Lucilio (X, 1, 93): „satura quidem tota nostra est. in qua primus insignem laudem adeptus Lucilius quosdam ita deditos

sibi adhuc habet amatores, ut eum non eiusdem modo operis auctoribus, sed omnibus poetis praeferre non dubitent. ego quantum ab illis, tantum ab Horatio dissentio, qui Lucilium fluere lutulentum et esse aliquid, quod tollere possis putat. nam eruditio in eo mira et libertas atque inde acerbitas et abunde salis“.

Atque haec eo magis sunt notanda, quod ex eis orta opinio per-versissima, saturam, qualis Ennii, Horatii, Persii, Iuvenalis constat exemplis, propriam esse Romanorum. Res autem haec. Ante Livii Andronici tempus cum satura esset carmen dramatici generis rude et incomptum et in quo, ut supra dictum. frequentes essent et inopinati transitus ab alio argumento ad aliud adeoque saepe diversum, a Graecorum id elegantia plane fuit alienum, quippe qui in componendo opere id maxime spectarent, ne a primo medium neve a medio discreparet imum. — Sed ubi primum ab Ennio litteris est addita satura lectionique destinata hominum liberaliter eruditorum, non magis imitatione caruit Graecorum quam ulla pars poesis latinae. Nam ab Ennio Alexandrini potissimum poetae in conscribendis saturis observati, qui alloqui raro reddebantur imitando a Romanis antiquissimis, a Lucilio antiquae Atticorum comoediae auctores, ab Horatio et insequentibus novae. Neque argumenta earum fuere talia, quin eadem a Graecis, diversissimis quidem metrorum carminumque generibus, tractata existimes.—Igitur hactenus saturam Ennii Lucilique et ceterorum propriam licet dici Romanorum, quod fuere in ea frequentiores digressiones vel transitus. Quamquam etiam in his potuere uti exemplis Graecorum maximeque Alexandrinorum.

Igitur satura non minus quam reliqua poesis genera propria Romanorum, hoc est Atellana, togata, praetextata, Graecorum ad imitationem est conformata, ex quo primum excoli coepta est ab hominibus litterarum graecarum curiosis.

Porro pridem demonstratum est (cf. comm. Lucil. pg. 292) male intellecta a Quintiliano Horatii verba, quae leguntur Sat. I, 4, 11:

cum flueret lutulentus, erat quod tollere velles.

Vbi illud „erat quod tollere velles“ cum urbane esset dictum pro „erant, quae tollere velles“, Quintilianus sic accepit, quasi totum de medio censeret tollendum Lucilium. In quo quantum eum fefellerit sententia, demonstrant Sat. I, 10, 50 sq.:

at dixi fluere hunc lutulentum, saepe ferentem
plura quidem tollenda relinquendis.

Igitur ut Quintilianus dixit in partibus laudandum Ovidium, ita in partibus damnandum Lucilium existimavit Horatius.

„dicitur Afrani toga convenisse Menandro,
Plautus ad exemplar Siculi properare Epicharmi“.

Hos versus quo recte intellegamus, illud tenendum, quod et praecedentibus declaratur et subsequentibus, non totam poetarum scenico-
rum, de quibus iudicium fit, ab Horatio describi indolem, sed eam partem, quae maxime unius cuiusque propria sit ac peculiaris. — Igitur nec Afranius hic potuit dici omnino aequare Menandrum nec magis Plautus Epicharmum.—Itaque verbis elegantissimis prioris versus non significatur nihil interesse inter Afranii comoedias et Menandri, sed togatas illius certa quadam virtute aequare huius palliatae.—Iam cum ab Afranio togatorum hominum id est civium Romanorum descripti sint mores, urbanitas autem Romanorum perinde sit propria atque Atheniensium ἀστεϊότης, apparet hoc loco urbanitatem maxime in fabulis eius cum ἀστεϊότητι comparari Menandri.

Ac satis constat Afranium celebrem fuisse sermone urbano, hoc est diserto, arguto, dicaci. Veluti Cicero Bruti 45, 167 dicit eum C. Titii poetae imitatore; cuius orationes tantum urbanitatis habere, ut paene Attico stilo scriptae videantur. Ipsum autem Afranium vocat hominem perargutum et in fabulis disertum.—Ita Appuleius Apologiae cap. XII: „etsi pereleganter Afranius hoc scriptum reliquit“.—Quid quod aetate ultima Ausonius epigramm. 71, 2 facundum vocavit eundem?—Cum Menandro autem etiam ideo comparatus est ab antiquariis, quod magna eius admiratione teneretur et multa ab eo traheret per imitationem. — Cui congruum fuit, quod ex latinis poetis primo loco ab eo habitus Terentius, quem potissimum ad Menandri exemplum conformatum adeoque a Caesare dimidiatum Menandrum dictum constat.

Ex eis, quae modo exposita sunt, comparet, verbis quae secuntur „Plautus ad exemplar Siculi properare Epicharmi“ non magis aequari Plautum Epicharmo quam superioribus Afranium Menandro. Nec tamen Kiesslingius dubitavit errorem olim confutatum iterare.

Et satis quidem erat ad eum refellendum, quod a Plauto non magis quam a quoquam palliatae auctore Epicharmi, comici Siculi antiquissimi, poemata imitando expressa. Qui quidem tam studiose sunt versati in Atticorum comoedia nova refingenda, ut ne Tarentinorum quidem aequalium fabulas, quae ab auctore vocantur Rhintonicae, videantur respexisse.

Praeterea, Kiesslingium si sequaris, inepte usurpatum properandi verbum; pro quo „accedere“ vel „contendere“ debuit dici. — Deinde, id quod neminem vidisse miror, ab Horatio properandi verbum, quo saepius utitur, numquam iungitur cum praepositione „ad“, quatenus locum significat. — Ponitur autem ab eo aliquando activum, sed plerumque intransitivum, et quidem vel absolute vel addito infinitivo vel cum adverbio loci, ut Epod. 2, 22, sed non cum „ad“. Qua re etiam magis firmatur corruptum esse, quod legitur Carm. IV, 12, 21:

ad quae si properas gaudia.

In quo illud „properas“, quod ineptum est propter sequentia „cum tua velox merce veni“, bene mutatum a Gregorio Sengero eo quod est „raperis“. — Epist. II, 3, 17 „et properantis aquae per amoenos ambitus agros“ illud „per amoenos agros“ potius referendum ad „ambitus“ quam ad „properantis“. Cf. Carm. II, 3, 11 sq.

Igitur „ad exemplum“ dictum pro „exemplo“ vel „more“; „prope-rare“ absolute positum. Porro Epicharmus et Plautus eadem plane laude affecti, qua II, 3, 148 sqq. Homerus:

semper ad eventum festinat et in medias res
non secus ac notas auditorem rapit et quae
desperat tractata nitescere posse relinquit.

Quo etiam loco demonstratur, properandi sive festinandi verbo quid significetur. Exigebatur nimirum a poeta epico pariter atque dramatico, ut propositum operis quantum posset fieri brevissime persequerentur neque prohoemio praemisso, quo careri posset, neque digressionibus additis, quae non facerent ad rem. seclusisque omnibus, quae nullo possent cultu adornari. Similiter a Graecis ponitur τὰ πρό-
τερον. Cf. quae ad Aristoph. Ecclesiaz. 583 adnotarunt docti.

Sed quam ob causam critici Horatio aequales Epicharmum prope-ratae scriptionis laude affecerint, ut alia pleraque in fabulis eiusdem, propter paucitatem reliquiarum incertum. Neque expedita res a Bern-hardyo, qui in historia poesis graecae accurate, ut solet, et subtiliter de Epicharmo disseruit (pgg. 520 sqq. ed. III). A quo adeo parum recte intellecta verba Horatii, quibus vigorem alacritatemque sermo-nis Epicharmi extolli sibi persuasit. — Et probavit hoc Kiesslingio. — At hoc potius tribuitur Epicharmo, quod cum vitam vulgarem et quo-tidianam Saeclorum ut plurimum illustrasset comoediis suis, ita qui-dem ut plerumque sub deorum et heroum nominibus popularium

aequalium irriderentur vitia, ab inutilibus abstinuit neque in spatium nimium excrescere passus est poemata. Quamquam non caret probabilitate sententias vel adeo disputationes philosophas frequentius iusto ab eo interpositas.

Itaque hoc dicit Horatius, ab antiquariis ut Afranium propter urbanitatem sermonis Menandro, ita Plautum propter artem breviter et concinne disponendi argumenta aequari Epicharmo. — Notum autem illius fabulas plerasque ad motorium genus referendas.

Poterit mirum videri, quod Plautus non notatus, ut Epist. II, 3, 270 sq., propter sales parum urbanos. Quorum ideo hoc loco exclusio mentio, quod iam, ut supra vidimus, Afranius propter urbanitatis laudes nimias antiquariorum ab eo districtus.

Ceterum quod Bergkiius verbis ex primo de poetis libro adlatis a Prisciano pg. 860 ed. Putsch. „deinde ad Siculos se applicavit“ significari statuit Plautum, id quidem acute excogitatum ac probabiliter. Sed quo argumento usus hoc dixerit Varro parum constat. Nullo certe, ut supra memoratum, exemplo res probata. Et quamquam a Plauto, homine musae comicae amantissimo, adeo ut ne in pistrina quidem eam abdicaret, potuit aliquid adscisci ab Epicharmi, quem noverat haud dubie, arte, suspicio tamen oritur Varronem, ut multos, deceptum Menaechmorum prologo, ubi cum antea esset dictum poetas argumenta comoediarum suarum fere Athenis fingere acta, quo magis viderentur graeca, sic pergitur (vv. 11 sq.):

atque adeo hoc argumentum graecissat, tamen
non atticissat, verum sicelicissat.

Vbi veterem commentatorum Plauti errorem arguit Paulus, a quo pg. 28 ed. Muellertanae „atticissat“ explicatur per „attice loquitur“, „sicilicissat“ per „sicule loquitur“, cum significetur in Sicilia agi hanc comoediam, non Athenis, neque Atheniensium Graecorum, sed Siculo- rum describi mores.

Ceterum ne superbius errorem exprobrasse videar Varroni, viro Plauti amantissimo, in taxando Plauto, moneo vix minus graviter lapsum eum, cum elogium Plauti hexametris dactylicis conscriptum huic tribueret auctori.

„vincere Caecilius gravitate, Terentius arte“.

Terentium arte excelluisse et sermonis (qui adeo erat urbanus, ut quidam a Scipione minore vel Laelio aliisve nobilitum aequalium eum

adiutum existimarent in scribendo) et mores adumbrandi et argumenti disponendi constat vulgo. Destituebatur idem venae comicae felicitate et ubertate iocorum, qua multum superatur a Plauto.

At Caecilius quod dictus est gravitate vincere, argumentorum intellegitur pondus (in quibus quidem persequendis Menandri potissimum pressit vestigia) vel, quod idem fere valet, *πάθη* curiose mota spectatorum. Nam utroque excelluisse eum testatur Varro. Non. 374, 5: Varro Parmenone „in quibus partibus?“ — „in argumentis Caecilius poscit palmam, in ethesin Terentius, in sermonibus Plautus“. Charis. pg. 215 „ethe, ut ait Varro de latino sermone libro V, nullis aliis servare convenit quam Titinio, Terentio, Attae; pathe vero Trabea, Atilius, Caecilius facile moverunt“.

Ex eo autem, quod supra est demonstratum non totam indolem poetarum, quos enumerat Horatius, scenicorum, sed eius partem maxime notabilem adumbrari versibus 55—59, sequitur non ideo gravitate Caecilium dici vincere, quod a nonnullis Romanorum habitus sit comoediae palliatae princeps. Igitur illud „gravitate“ minime idem quod „auctoritate“.

„hos ediscit et hos arto stipata theatro
spectat Roma potens, habet hos numeratque poetas
ad nostrum tempus Livii scriptoris ab aevo“.

Verba „hos ediscit“ ad Ennii Annales ac Naevii bellum punicum pertinere apparet; „hos—spectat“ ad ceterorum scripta. „Hos“ et hoc versu et insequente dictum pro „tales“ observat Kiesslingius.—„Ediscit“ vel ideo aptissime positum, quod praeter Livii Odysseam ex Homero conversam (de qua ipse testatur Horatius infra v. 69 sqq.) etiam Ennii Annales et Naevii bellum punicum, quae carmina multo magis pertinebant ad homines Romanos, in scholis lectitata esse constat. Igitur locos ex eis delectos apud magistros ediscebant pueri. Sed etiam provectiore aetate eidem plerique inhaerebant lectioni, quippe qui nollent quae imberbi didicissent senes perdenda fateri. Cf. v. 84 sq.

„Roma potens“, ut recte adnotat Kiesslingius, non sine cavillatione quadam dicta, ut quae bellica potius vi quam ingenti viribus praestaret. Cf. Ep. II, 3, 289 sqq.: „nec virtute foret clarisve potentius armis quam lingua Latium, si non offenderet unum quemque poetarum limae labor et mora“.

„Numeratque“ non videtur, ut Kiesslingio placet, de iudicibus dic-

tum grammaticorum, quibus auctorum solebant perscribere nomina et suo quemque honore impertire (nam de populo Romano agitur, non de criticis). sed positum pro „enumeratque“, scil. quando, ut haud raro fiebat, a Graecis exprobrabatur Romanis poetarum penuria vel mediocritas. Cf. Gell. XIX, 9, 7.

„Poetas“. Hoc inde a Livio Andronico nomine usi sunt auctores versuum latinorum, ut imitationem Graecorum vocabulo peregrino declararent, contempta antiqua „vatis“ appellatione. Quae tamen ambitiose repetita a Vergilio et insequentibus, ut iam sordesceret nomen graecum, nimis quippe vulgatum. Cf. de re metr. 66 sq. — Sed Horatium eo cum consilio usum apparet ut Carm. IV, 6, 29 sq., ita hoc loco.

„ad nostrum tempus Livi scriptoris ab aeo“.

Exprobratur ab Horatio popularibus, quod inde ab anno, qui finem belli punici primi sit secutus, usque ad aetatem Augusti, hoc est duorum spatii saeculorum, non tantum profecerint doctrina et iudicio, ut amorem vetustissimorum poetarum exuerent.— „Livi“. Ab hoc, qui princeps fabulas graecas latine versas dedit in scenam ac iuventutis maxime in usus Odysseam transtulit Homeri, initia poesis latinae recte hic repetita, ubi omnes poetae, ad Accium usque qui fuere, eadem incuriae inelegantiaeque perstricti nota. Sed plerique Romanorum Ennium potius novae viae dixerunt auctorem, quippe qui primum adhibito versu heroico severioribusque metricae ac prosodiae latinae legibus institutis exemplo fuisset insequentibus artis magis magisque curiosae, quae tandem Augusti aetate ad summam est perducta praestantiam.

Denique illud „scriptoris“ ad explendum potissimum metrum ab Horatio additum apparet. Nam poterat eo perinde careri hoc loco ac mox, v. 69. Saepe hoc vocabulo usus Horatius pro poeta; semel etiam (Epist. II, 3, 354) pro scriba, sed ita:

ut scriptor si peccat idem librarius usque.

Ac Livium et ceteros poetas antiquissimos vulgo scribas vocitatos notum, ideo quod primum carmina, quae ante ore potissimum et conversatione hominum essent circumlata, voluminibus perscripta ad legendum cultiorum hominum in usum ederent. Adeoque ideo illud „scribere“ saepe dictum pro „versus facere“ sive „poetari“.

L. Mueller.

О МѢСТОПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНИХЪ АБДЕРЪ.

Положеніе города Абдеръ до настоящаго времени все еще сокрыто въ нѣкоторомъ мракѣ, который не удалось разсвѣять ни изъ довольно скудныхъ извѣстій источниковъ, ни изъ сообщеній путешественниковъ, посѣтившихъ эту мѣстность. Во время предпринятой осенью 1886 года поѣздки по Фракіи, я себѣ конечною цѣлью поставилъ ту мѣстность, гдѣ предполагаются развалины Абдеръ. Полагаю, что краткая передача сдѣланныхъ мною наблюденій не лишена нѣкотораго интереса.

По извѣстіямъ всѣхъ древнихъ писателей, упоминающихъ объ Абдерахъ, это былъ первый, считая съ запада (Θεσσαλονικῆς), портовый городъ Фракіи на Эгейскомъ морѣ ¹⁾. Находился онъ противъ острова Таса, по близости устья Неста, занимая пространство между самымъ устьемъ и озеромъ Вистонидой ²⁾. У Страбона помимо того сообщается, что въ этомъ мѣстѣ Нестъ часто выступалъ изъ береговъ, наводняя прилегающія земли.

¹⁾ Strabo VII fragm. 44, 47, стр. 331, XIV, I, 30, стр. 644. Plinius IV, 11 (18), 42. Scym. v. 666 и слѣд. Ptolem. III, 11, 2. Cl. Liv. XLV, 29. Thueyd. II, 97. Stephan. Byz. Diod. XIII, 72.

²⁾ Herod. VII, 109: Κατὰ δὲ Ἀβδηρα λίμνην μὲν οὐδεμίαν εἶδσαν ὀνομαστὴν παραμείψατο Ξέρξης, ποταμὸν δὲ Νέστον ῥέοντα ἐς θάλασσαν. VII, 126: ὁ τε δι' Ἀβδηρῶν ῥέων ποταμὸς Νέστος.—Strabo VII, fragm. 44, стр. 331. Πρόκεινται δὲ τῆς παραλίας ταύτης δύο νῆσοι, Ἀἴμωνος καὶ Θάσος· μετὰ δὲ τὸν εἰς Θάσον πορθμὸν Ἀβδηρα..... οὐ μένει δ' ὁ Νέστος ἐπὶ ταύτῳ ρεῖθρου διὰ παντός, ἀλλὰ κατακλύζει τὴν χώραν πολλάκις ibid. fragm. 47. Μετὰ τὸν Νέστον παταμὸν πρὸς ἀνατολὰς Ἀβδηρα πόλις.—Liv. XLV, 29. Trans Nessum ad orientem versus..... Abdera.—Scym. 672. Ταύτης δ' ἐπίταδε ποταμὸς ἐστὶ κείμενος Νέστος λεγόμενος.—Pomp. Mela II, 2, 9 (начинаеть съ Гебра) urbs Abdere. ultra Nestos fluit.—Ptolem. III, 11, 2. Νέσσου ποταμοῦ ἐκβολαί. Ἀβδηρα. Μαρώνεια.

О внутреннемъ видѣ города не имѣется никакихъ извѣстій. По Страбону, Парменионъ построилъ тамъ храмъ Ясону ¹⁾. Такъ какъ далѣе изъ найденной въ Теосѣ надписи явствуетъ, что тамъ праздновались праздники Діониса, то можно заключить, что въ городѣ имѣлся и храмъ, воздвигнутый въ честь Діониса ²⁾.

Абдеры, по видимому, рано утратили свое значеніе ³⁾. Плиній еще упоминаетъ о нихъ какъ о независимомъ городѣ, а Аммианъ Марцеллинъ также называетъ этотъ городъ ⁴⁾, но вслѣдъ затѣмъ онъ совершенно исчезаетъ изъ исторіи. Въ средніе вѣка здѣсь находился городокъ Полистилонъ съ епископскою кафедрой, зависѣвшею отъ митрополита въ Филиппахъ. Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ построилъ этотъ городокъ или по меньшей мѣрѣ возстановилъ его ⁵⁾. Въ епископальныхъ спискахъ находящаяся здѣсь кафедра обозначена "Αβδηρα τὸ νῦν Πολύστολον ⁶⁾. И Мелетій говоритъ объ "Αβδηρα, κοινῶς λεγόμενα τανῶν Πολύστολον и опредѣляетъ его разстояніе отъ Буру-Калесси на сѣверной окраинѣ Буру-Гѣль въ 15 миль ⁷⁾.

Перехода къ результатамъ новѣйшихъ разслѣдованій въ этой мѣстности, слѣдуетъ отмѣтить, что на картахъ австрійскаго генеральнаго штаба и англійскаго адмиралтейства на западной части мыса Булустры показаны развалины. Далѣе, Гюставъ Девилль въ отчетѣ о своемъ путешествіи французскому министерству сообщаетъ слѣдующее: Καγα-Αγατch ou Porto-Lagos fut le dernier point que nous pûmes visiter. Car, malgré notre désir d'explorer l'emplacement d'Abdère, les chaleurs commençaient à rendre insalubre et dangereuse toute cette côte de la Thrace ⁸⁾.

¹⁾ XI, 14, 12, стр. 531.

²⁾ Pottier, *Hauvette-Besnault*, Décret des Abdéritains trouvé à Téos, въ *Bull. de Corr. Hell.* 1880, стр. 47 и слѣд.

³⁾ Сл. К. F. Hermann, Versuch einer urkundlichen Geschichte von Abdera, въ *Ges. Abh. und Beiträge*, стр. 90—111.

⁴⁾ XXII, 8, 3.

⁵⁾ Кантакузинъ описываетъ движеніе войска отъ Периеорія (развалины Буру-калесси у озера Буру) къ Хриstopoлю (Кавалла) вдоль морскаго берега. При этомъ войско останавливается въ τὸ νῦν μὲν Πολύστολον, ἐν τοῖς Ἑλληνικοῖς δὲ χρόνοις "Αβδηραὺν ὀνομαζόμενον, πολίχνην παράλιον ὄν, ὑπ' αὐτοῦ τε ὠκοδομημένον πρότερον. *Sant. hist.* III, 37, ed. Bonn. II, p. 226. Ср. III, 64, ed. Bonn. II, p. 394, и III, 70, ed. Bonn. II, p. 428.

⁶⁾ Hieroc. *Synecd. et Not. Graec. episc.*, ed. Parthey, стр. 123, 219, 314. Ср. Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη τῆς εὐαγγελικῆς σχολῆς II, 1, стр. 77.

⁷⁾ Стр. 418 и сл.

⁸⁾ Archives des missions scientifiques et litt. IV (1867), стр. 265.

Наконецъ, С. Ренакъ, позже прочихъ посѣтившій мысъ Булустру, пишетъ: *L'emplacement de l'ancienne Abdère est encore à trouver. Les ruines situées sur une colline qui sert de port à Bouloustra, et qui sont marquées sur les cartes de l'amirauté anglaise, datent du Moyen-Age* ¹⁾).

Задавшись намѣреніемъ опредѣлить мѣстоположеніе города, я исходною точкой взялъ извѣстія древнихъ авторовъ, изъ которыхъ видно, что онъ лежалъ у моря, между устьемъ Неста и озеромъ Вистонидой, нынѣ Буру-Гѣль. Приблизительно въ срединѣ между рѣкой и озеромъ находится мысъ Булустра, образующій крайнюю западную границу Карагачскаго залива. Отъ мыса, по направленію къ сѣверо-западу, до Родопскихъ горъ, тамъ, гдѣ выходитъ Нестъ, тянется цѣль холмовъ. Все пространство, къ западу отъ нея до устья Неста, который изливается въ трехчасовомъ разстояніи отъ мыса, представляетъ болотистую низменность. Въ этой мѣстности Абдеры находились не могли, потому что тутъ не имѣлось необходимаго для заложенія города грунта. Къ тому же словами населенія подтверждается, что рѣка мѣняетъ свое теченіе, какъ о томъ уже Страбонъ сообщаетъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что прежде она протекала къ востоку и впадала въ море лишь на часовомъ разстояніи отъ мыса; слѣды такого направленія и по сей часъ ясно видны. Итакъ, остается предположить, что городъ лежалъ на берегу Карагачскаго залива, на пространствѣ отъ мыса Булустры до городка Порто-Лагось. Но и здѣсь восточная половина совершенно болотиста, такъ что никакъ нельзя допустить, чтобы на этомъ мѣстѣ находился большой городъ. Слѣдовательно, мы должны въ данномъ случаѣ ограничиться береговой полосой, которая тянется отъ мыса Булустры на востокъ на двухчасовомъ разстояніи, такъ какъ только тамъ устройство берега допускаетъ существованія большаго населеннаго мѣста. Если принять наконецъ во вниманіе, что Абдеры были портовой и торговый городъ, то наиболѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ для такового является только самый мысъ, на восточной и западной сторонахъ котораго небольшія бухты образуютъ естественныя гавани. Это и есть мѣсто, всего болѣе отвѣчающее описаніямъ авторовъ, потому что оно лежитъ у древняго устья Неста. Сюда и преданіе относитъ Абдеры, и лежащее на раз-

¹⁾ Antiquités de Maronée et d' Abdère, въ *Bull. de Corr. Hell.* 1881, стр. 87 и слѣд., стр. 94.

стояніи 1 до 1½ часовъ внутрь страны большое греческое селеніе и по сейчасъ по гречески называется, какъ и въ средніе вѣка, Полистиловъ.

Но гдѣ же тогда находятся остатки Абдеръ? Городъ не могъ безслѣдно исчезнуть съ лица земли, между тѣмъ Рейнакъ констатировалъ лишь развалины средневѣковаго укрѣпленія. Точное разслѣдованіе мѣстности дало слѣдующій результатъ.

На всемъ мѣстѣ имѣются несомнѣнные слѣды, что тамъ нѣкогда находился большой городъ. На востокѣ онъ граничилъ съ Карагачскимъ заливомъ, при чемъ послѣдній въ этомъ мѣстѣ образовалъ губу, служившую естественною, вполне защищенною гаванью; самый сѣверный врѣзь греки и нынѣ называютъ моломъ. На югѣ границей было открытое Эгейское море. На западѣ, по направленію къ устью Неста, мѣстѣ въ настоящее время граничитъ лишь въ юго-западной части съ небольшимъ заливомъ и далѣе къ сѣверу съ болотомъ. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что крайне низменное болотистое пространство прежде было также моремъ и что вся западная сторона образовала гавань. Я даже считаю довольно вѣроятнымъ, что рукавъ Неста протекалъ вдоль цѣпи холмовъ и въ этомъ мѣстѣ изливался. Доказательствомъ такого предположенія, какъ мнѣ кажется, долженъ служить самый характеръ почвы, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ глубокій песчаный грунтъ и даже при сухомъ времени года образуетъ небольшіе бугры ¹⁾. Наконецъ на сѣверѣ границей являлась цѣпь холмовъ, вдоль сѣвернаго склона которой тянулася большая стѣна съ широкимъ рвомъ отъ восточнаго порта до западнаго. Стѣна состояла изъ отесанныхъ глыбъ, длиною до 1½ метровъ, разбросанныхъ на всемъ протяженіи линіи стѣны, которую можно ясно прослѣдить. Такимъ образомъ городъ составлялъ замкнутое цѣлое въ видѣ прямоугольника, который съ трехъ сторонъ граничилъ съ моремъ, а съ четвертой, сухопутной, съ цѣпью холмовъ. Окружность его равнялась приблизительно 1½ часамъ ходьбы. Положеніе для торговаго приморскаго города было крайне благопріятное: обѣ гавани служили защитой отъ всякихъ непогодъ, одновременно способствуя сообщенію, между тѣмъ какъ болота на единственной доступной сѣверной сторонѣ отражали непріятельскія нападенія.

Что касается внутренняго расположенія города, то оно въ на-

¹⁾ Не подтверждаетъ ли это и Геродотъ, который называетъ рѣку β τ ε δ ι: Ἀβδῆρων ῥέων ποταμός Νέστος?

стоящее время не представляетъ изъ себя ничего такого, что могло бы привлечь вниманіе. Какъ большинство древнихъ прибрежныхъ городовъ Эракіи, которые мѣ удалось видѣть, мѣсто древнихъ Абдеръ превращено въ пахатную землю, усѣянную грудями камней, кирпичемъ и черепками. На югѣ, вдоль моря, и на сѣверѣ тянутся двѣ параллельныя цѣпи холмовъ, состоящія каждая изъ трехъ холмовъ. Между ними находится продольная долина, простирающаяся отъ восточной до западной гавани. Посреди долины возвышается холмъ, который примыкаетъ къ срединнымъ холмамъ обѣихъ цѣпей и отлого спускается на востокъ и западъ. Онъ дѣлитъ долину и городъ на восточную и западную половины ¹⁾. Планъ города можно приблизительно представить фигурой Γ ; обѣ параллельныя изображаютъ цѣпи холмовъ, граничащія одна съ моремъ, другая же со стѣной; поперечная черта изображаетъ лежащій въ срединѣ холмъ, тогда какъ пустыя пространства съ обѣихъ сторонъ — восточная и западная половины долины, на конечныхъ пунктахъ которыхъ находится восточная и западная гавани.

Западная часть города, ближе къ Несту, была самая населенная; здѣсь сосредоточивалась городская жизнь и во всякомъ случаѣ находилась агора. Ведущая съ сѣвера сюда въ городъ дорога въ томъ мѣстѣ, гдѣ она проходитъ черезъ бывшую скалу, и понынѣ носить названіе Демиръ-капу или сидѣрборта. Восточная половина была менѣе застроена, что доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что только на срединномъ холмѣ и на сѣверѣ цѣпи вплоть до восточнаго порта попадаются слѣды древнихъ жилищъ. Долина тутъ немного болотиста, вслѣдствіе чего, безъ сомнѣнія, обитаема не была и отдѣлена отъ моря высокими песчаными дюнами. На юго-восточномъ холмѣ замѣтны два кургана (tumuli). Этимъ въ очевидности доказано, что древнѣйшій городъ лежалъ на западѣ, и первоначальнымъ акрополемъ мы во всякомъ случаѣ должны считать юго-западный холмъ. Центръ всего города образовалъ срединный холмъ; отсюда до сѣверной стѣны, судя по сохранившимся развалинамъ, тянулись большихъ размѣровъ зданія. Стѣна въ срединѣ, сообразно срединному холму, дѣлала полулунный изгибъ, какъ и виденъ тутъ соответствующій вѣсѣ въ холмъ. По направленію къ сѣверу, внѣ стѣны, многочисленныя груды камней указываютъ на то, что здѣсь находился значительный пригородъ.

¹⁾ И Филагрій Φιλόγεωσ; сообщаетъ о восточной и западной половинахъ Абдеръ. Сличь *Hermann*, стр. 370.

На юго-западномъ холмѣ видѣются развалины средневѣковаго города, укрѣпленія котораго еще довольно хорошо сохранились: это—развалины, которыя видѣлъ Ренакъ и заключающія лишь самую ничтожную часть древняго семихолмнаго города. На югѣ стѣны доходятъ до моря, на западѣ онѣ граничатъ съ малымъ заливомъ, на сѣверѣ же и на востокѣ тянутся вдоль крутого склона холма. На вершинѣ холма, по видимому, находился сильно укрѣпленный акрополь. Стѣны ничего замѣчательнаго не представляютъ; онѣ были возведены большею частью изъ развалинъ древняго города. Большой холмъ на западѣ въ то время видоизмѣнялся, обмелѣвъ почти на всемъ протяженіи отъ наноснаго песка, такъ что оставалась собственно лишь небольшая бухта, въ которой посредствомъ моловъ, развалины конихъ сохранились, была устроена небольшая гавань.

Если обратиться къ дальнѣйшимъ окрестностямъ мѣста и города, то оказывается, что лежащія вокругъ нихъ холмы покрыты многочисленными курганами. Курганы разсыпаны во всей Фракіи; въ большомъ количествѣ мѣстъ ихъ удалось видѣть лишь около древнихъ мѣстностей, какъ, напримѣръ, около Филиппополя и Визы. Въ данномъ случаѣ они, такимъ образомъ, могутъ служить цѣннымъ доказательствомъ древности и значенія города.

Въ лежащемъ на разстояніи 1—1½ часовъ къ сѣверо-западу селеніи Булустрѣ или Полистилонѣ я нашелъ обломки мраморныхъ колоннъ; саркофагъ довольно грубой работы; обломокъ статуи безъ головы и членовъ, хорошей работы. Далѣе, мнѣ тамъ удалось списать шесть надписей, изъ коихъ двѣ архаическія, двѣ изъ временъ македонскаго владычества и наконецъ двѣ временъ императоровъ; одною изъ послѣднихъ подтверждается существованіе въ Абдерахъ культа Діониса. Благодаря любезности тамошняго врача мнѣ наконецъ удалось получить и нѣсколько абдерскихъ монетъ, съ изображеніемъ съ одной стороны Аполлона съ лукомъ, на другой—грифа; какъ слышно, ихъ находятъ довольно часто на мѣстѣ древняго города.

Послѣ вышесказаннаго врядъ ли могутъ быть еще какія-либо сомнѣнія въ томъ, что этотъ городъ на мысѣ Булустрѣ и былъ Абдеры, изъ развалинъ котораго въ средніе вѣка на сѣверо-западномъ холмѣ построенъ городокъ Полистилонъ.

В. Ререль.

РАСКОПКИ ЕПИДАВРІЙСКАГО СВАТИЛИЩА АСКЛЕПІЯ.

Инкубационные оракулы, существовавшие почти у всех народов древности, особое распространение получили в Греции, а самая гадания помощью сновидений стали одною из обыкновенных и любимых форм спрашивания откровений. Этот обычай, восходящий от самых древних времен, может казаться заимствованным со стороны лишь на столько, на сколько заимствованы и сами божества, во имя которых эти гадания производились. Таковы известные в древности прорицалища при святилищах Калханта, Мопса, Гемиеен, Пана, Плутона, Амфиарая и наконец многочисленные, разсыпанные по всему материку Греции, островамъ Архипелага и берегу М. Азии, оракулы бога-цѣлителя Асклепия.

Но изъ этого числа инкубационныхъ оракуловъ нѣкоторые имѣли особый характеръ и, будучи основаны во имя божества, обладающаго цѣлительною силою, служили для цѣлей іатромантики, которая, избравъ себѣ инкубационный способъ гадания, какъ болѣе подходящий по своему существу ¹⁾, занимала видное мѣсто въ исторіи греческой религіи. Іатромантика, основанная сначала во имя хеоническихъ бо-

¹⁾ Земля, по понятію древнихъ заключающая въ своихъ недрахъ жизнь и смерть, начало и конецъ всего, обладала разными талисманами, травами и цѣлительными средствами и тѣмъ давала людямъ жизненную силу. Поэтому все хеоническія божества грековъ обладали цѣлительною силою, таковы Плутоны, Деметра, Діонисъ, Панъ и пр., однимъ словомъ все божества, сошедшія въ недра земли или вышедшія оттуда и такимъ образомъ постигшія ея тайны. Кроме того, земля—мать сновидений (Euripid. Нес. 70—71), которыя живутъ въ преисподней (Hesiod. Th. 756—759), такъ что инкубационный способъ гадания былъ самымъ подходящимъ для спрашивания у божества совета противъ болѣзней.

жествъ, а въ эпоху своего процвѣтанія сосредоточивнаяся при оракулахъ особаго божества Асклепія, сына Аполлона, верховнаго бога-цѣлителя, отца двухъ сестеръ—медицины и мантики ¹⁾, эта іатромантика успѣла такъ вкорениться въ вѣрованіе массы, что въ теченіи восьми вѣковъ питала религиозное чувство язычниковъ ²⁾, и христіанству пришлось бы долго бороться съ этимъ плодомъ суевѣрія язычества, еслибы это послѣднее не должно было пасть предъ чудесною зарей новою религію, взошедшею на дальнемъ востокѣ и обхватившею своими лучами весь древній міръ.

Сущность какъ инкубационныхъ гаданій вообще, такъ и въ частности инкубационныхъ гѣченій, особенно при оракулахъ Асклепія, до сихъ поръ еще не можетъ считаться разъясненною, причина чего заключается, конечно, въ ничтожности дошедшаго до насъ историческаго матеріала. Въ виду этого при такомъ интересѣ этого вопроса древней греческой религіи всякое увеличеніе матеріала должно быть особенно цѣннымъ, и малѣйшая попытка бросить лучъ свѣта въ этотъ темный уголокъ религиозной жизни грековъ, извѣстной намъ гораздо менѣ ихъ жизни государственной, не должна быть оставлена безъ вниманія и поощренія. Въ настоящее время, какъ извѣстно, самымъ могучимъ средствомъ добыть какія-либо новыя свидѣтельства о жизни древнихъ считаются археологическія раскопки, производящіяся подъ наблюденіемъ опытныхъ лицъ. Къ такимъ предпріятіямъ послѣдняго десятилѣтія слѣдуетъ отнести полное открытіе Эпидаврійской святины Асклепія, давшее если не обильный, то весьма интересный и важный матеріалъ. Съ результатами этихъ раскопокъ мы и намѣрены познакомить читателя.

I.

Арголида была извѣстна въ древности своими оракулами: здѣсь поселился мрачный чародѣй Меламподъ, отсюда вышли многочисленныя его потомки, славные прорицатели Полифидъ, Мантий и самый извѣстный изъ Меламподидовъ, пророкъ-цѣлитель Амфіарай, печальная судьба котораго такъ тѣсно связана съ мѣстомъ о походѣ семи противъ Оивъ. Въ этой же области особенно успѣшно прививались

¹⁾ Hippocr. epist. ad Philop. 909.

²⁾ По словамъ св. Іеронима (Comment. in Isaiam III, 432), подобныя гаданія во всей чистотѣ существовали еще въ 420 году по Р. Х.

и культы, зарожденные въ другихъ мѣстахъ: здѣсь близъ города Эпидавра было и извѣстное во всемъ древнемъ мірѣ святилище Асклепія, куда со всѣхъ концовъ приходили слѣпые, хромые, разслабленные; всѣ одержимые неизлѣчными недугами или удрученные тяжкими несчастіями слѣшили сюда, чтобы просить у бога-защитника людей исцѣленія отъ болѣзни или добраго совѣта въ несчастіи.

Это святилище находилось еъ 2¹/₂ часахъ ходьбы къ юго-западу отъ Эпидавра среди живописной долины въ западномъ ея углу, удаленномъ отъ моря приблизительно на 35 стадій и закрытомъ съ сѣвера горою Титоіонъ. Дорога къ святилищу идетъ по узкой лощинѣ, окруженной рядами маслинъ, и расширяется по мѣрѣ приближенія къ той площади, гдѣ было расположено *ἱερόν ἄλσος τοῦ Ἀσκληπιοῦ*. Эта небольшая площадь (120 метровъ длины и 65 ширины), представляя совершенно отдѣльный уголокъ съ прекраснымъ морскимъ климатомъ ¹⁾, защищенный горами отъ рѣзкихъ переиѣнъ погоды, перерѣзывается холмами и постепенно понижается къ краямъ. И теперь еще памятно прежнее величіе этого мѣста: оно и теперь носить названіе τὸ ἱερό; преданіе о рожденіи въ этой мѣстности бога-цѣлителя до сего дня живетъ въ народѣ: одна изъ сосѣднихъ деревень, на-

¹⁾ Страбонъ говоритъ объ этомъ (VIII, 6, 15): *περικλείεται δ' ὄρεισιν ὕψηλοῖς μέγρι πρὸς τὴν θάλατταν, ὡστ' ἐρουμένη κατασκευάσσει φυσικῶς πανταχόθεν*. Асклепій—богъ здоровья, цѣлительской силы, какъ она проявляется въ природѣ среди здоровой, гористой мѣстности, удаленной отъ центровъ населенія. Культъ этого бога является именно въ такихъ здоровыхъ мѣстахъ, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, не было случайнымъ, а было дѣломъ выбора, основаннаго, конечно, не на желаніи древнихъ соединить культъ бога-цѣлителя со здоровою мѣстностью, а на чисто гигиеническихъ условіяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго лѣченія. Для убѣжденія въ этомъ мы не будемъ описывать положеніе святилищъ Асклепія, что и трудно сдѣлать при настоящемъ печальномъ ихъ положеніи, а лучше подтвердимъ это словами древнихъ, которые сами подмѣтили этотъ фактъ. Такъ Плуutarхъ говоритъ (Qu. Rom. 94): *καὶ γὰρ Ἕλληνας ἐν τόποις καθαρῶις καὶ ὕψηλοῖς ἐπιεικῶς ἰδρυμέναι τὰ Ἀσκληπιεία ἔχουσι*. Затѣмъ слова Витрувіа (I, 2): *naturalis autem decor sic erit, si primum omnibus templa saluberrimae regiones aquarumque fontes in his locis idonei eligantur, in quibus fana constituentur; deinde maxime Aesculapio, Saluti et eorum deorum, quorum plurimi medicinis aegri iugari videntur*. Наконецъ Эліій Ариетидъ замѣчаетъ о Пергамскомъ оракулѣ Асклепія (I, 409 Dind.): *ὁ γὰρ ἐξ ἀπάντων χωρίων εἴλετο ὁ θεὸς ὡς ὑγιεινότετον καὶ καθαρώτατον, καὶ ὁ ταῖς εὐεργεσίαις ταῖς παρ' αὐτοῦ πεποιήκεν ἀπάντων ἐκφανέστατον, ἣ που σφόδρα τοῦτο κάλλιστόν ἐστι τῶν ἐν γῆ πάντων*. Такихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы убѣдиться въ значеніи здоровой мѣстности для оракуловъ Асклепія.

зывается Корѳи, очевидно, носить это имя отъ матери Асклепіа Корониды.

Съ весны 1881 года военское археологическое общество приступило къ раскопкамъ этой мѣстности съ полною увѣренностью, что труды не будутъ безуспѣшны. И дѣйствительно, это предпріятіе прибавило не малую заслугу означенному Обществу, уже стажавшему себѣ едва ли не первое мѣсто между подобными учреждениями, и сдѣлало извѣстнымъ имя руководителя раскопокъ генеральнаго ефора П. Каввадіа (Π. Καββαδίας). Хотя раскопки не открыли многого, чего можно было бы ожидать, но за то относительно найденныхъ эпиграфическихъ документовъ, многихъ скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеній и точнаго опредѣленія мѣста и зданій, входившихъ въ предѣлы священнаго округа, раскопки превзошли наши надежды. Найдены дѣйствительно надписи и обломки третьей изъ числа упоминаемыхъ Павсаніемъ шести надписей исцѣленій Асклепіа, найдены и другіе документы подобнаго рода, довольно подробно рисующіе намъ картину инкубаціонныхъ лѣченій; положеніе зданія святилища опредѣлено на столько точно, что топографія священнаго округа является прямо передъ глазами, а найденныя архитектурныя части зданій до подробностей передаютъ ихъ роскошь и изящество ¹⁾.

Мѣсто Эпидаврійскаго священнаго округа было извѣстно уже давно; тамъ побывалъ не одинъ десятокъ путешественниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ дали довольно подробное описаніе, напримѣръ, Курціусъ ²⁾ и Блуэ ³⁾, такъ что произведенныя раскопки только подтвердили какъ описаніе этихъ ученыхъ, такъ и картину Павсанія ⁴⁾. На мѣстѣ святилища открыто всего восемь зданій, изъ коихъ четыре и теперь остались для насъ не извѣстны. Первымъ былъ отрытъ Θόλος τοῦ Πολυκλείτου, остатки котораго, выходящіе изъ откоса насыпи, были видны еще упомянутымъ путешественникамъ; затѣмъ, когда къ востоку отъ него стали все чаще появляться надписи и статуи, то изъ этого легко можно было заклю-

¹⁾ Нижеслѣдующее описаніе раскопокъ составлено по свидѣніямъ, опубликованнымъ Аѳинскимъ археологическимъ обществомъ въ его період. изданіяхъ: *Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας* за 1881 — 85 г.г. и *Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική* за 1883 — 86 г.г.

²⁾ *Curtius*, Pelopon. II, стр. 422 сл.

³⁾ *Blouet*, *Expédition scientifique de la Morée*.

⁴⁾ Павс. II, 27.

чить, что по этому направленію должно находиться еще одно зданіе, и даже болѣе важное, то-есть, самый храмъ Асклепіа. И дѣйствительно, на небольшомъ разстояніи къ сѣверу-востоку (прибл. на 21 метр.) былъ открытъ фундаментъ храма, безъ сомнѣнія, самого Асклепіа, такъ какъ положеніе остальныхъ зданій относительно этого храма вполне соответствуетъ описанію Павсавія. Послѣ обнаруженія храма Асклепіа, раскопки были направлены къ сѣверу отъ него и въ разстояніи 4,30 метр. остановились на длинномъ зданіи, состоящемъ изъ двухъ частей: ближняя къ храму, открытая спереди и обставленная съ этой стороны (южной) колоннадою; другая, отдѣленная отъ первой сплошною стѣною, закрыта со всѣхъ сторонъ; около этого строенія съ праваго его конца найдено нѣсколько небольшихъ пристроекъ, частью сильно разрушенныхъ. Это длинное зданіе представляетъ портикъ, о которомъ Павсавій говоритъ: *τοῦ γὰρ δὲ ἑοτι πέραν, ἔνθα οἱ ἰχέται τοῦ θεοῦ καθεύδουσιν*. Къ юго-востоку отъ храма (прибл. на 29 метр.) открытъ фундаментъ другой храмовой постройки, принадлежащей храму Артемиды, потому что около него найдено нѣсколько votivныхъ посвященій этой богинѣ и небольшая ея статуя. Вотъ всѣ зданія, названія которыхъ намъ извѣстны. Четыре неизвѣстныя постройки расположены такъ: одна находится прямо къ югу отъ храма Асклепіа (на 20 метр.) и представляетъ небольшое четырехугольное зданіе, отъ котораго остались только части стѣнъ ¹⁾; другая, открытая лишь на половину, находится на юго-востокъ отъ храма Асклепіа, немного не доходя до храма Артемиды (на 2,60 метр. къ сѣверу); это большое четырехугольное зданіе, размѣрами больше храма Асклепіа (длин. 25,60, шир. 22,50 мтр.) ²⁾. Остальныя два строенія находятся далеко къ югу отъ храма Асклепіа, наравнѣ со стадіемъ; одно изъ нихъ почти еще не открыто и представляетъ по размѣру самое большое изъ открытыхъ зданій (длин. 34,50, шир. 30 мтр.); отъ него обнаружены только лицевыя стѣны, середина же покрыта землей ³⁾; другое, открытое вполне, напоминаетъ немного храмовую постройку: на сколько можно судить по фундаменту, оно окружено колоннадою, и только странная, какъ бы крестообразная, форма (вмѣстѣ съ боковыми пристройками) удаляетъ его отъ извѣстныхъ намъ типовъ грече-

¹⁾ См. на планѣ Е.

²⁾ См. на планѣ А.

³⁾ См. на планѣ Г.

ских храмов¹⁾. Это зданіе можно считать за храмъ Афродиты или Θεμίδы, намъ кажется, лишь тогда, если Павсаній, помѣщая эти храмы въ предѣлахъ священнаго округа, такъ же ошибается, какъ и относительно извѣстнаго Эпидаврійскаго театра. Дѣйствительно, объ этомъ послѣднемъ Павсаній говоритъ: 'Ἐπιδαυροῖοις δὲ ἴσσι θεάτρον ἐν τῷ ἱερῷ; здѣсь у Павсанія очевидная неточность: онъ слишкомъ увлекся красами и достопримѣчательностями Эпидаврійскаго святилища и вставилъ въ священный округъ огромный театръ. Мы знаемъ теперь съ достовѣрностью, что театръ былъ за оградой святины, такъ какъ периволь вполнѣ обнаруженъ въ этой части²⁾.

Такимъ образомъ главныя зданія святилища вполнѣ опредѣлены; остались не разрытыми лишь восточная часть перивола, двѣ большія неизвѣстныя намъ постройки и небольшой клочекъ земли между стадіемъ и зданіемъ Δ.

Переходимъ теперь къ описанію извѣстныхъ намъ зданій священнаго округа, то-есть, храма Асклепія, Портика, Ротонды Поликлита и храма Артемиды.

Храмъ Асклепія.

Какъ извѣстно, храмъ древнихъ грековъ не есть простой продуктъ фантазіи художника, а представляетъ вполнѣ осмысленное зданіе, въ постройкѣ котораго видна связь идеи съ формою, вслѣдствіе чего въ исторіи древне-греческаго храма и въ теоріи его построенія выработались особыя художественныя типы, допускающіе нѣкоторую фантазію художника только въ детальной отдѣлкѣ зданія, но при этомъ извѣстный стиль всегда остается неприкосновеннымъ. Это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе въ томъ случаѣ, когда приходится возстановлять архитектуру храма по его неполнымъ частямъ.

Г. Каввадій представилъ возможно полное возстановленіе Эпидаврійскаго храма Асклепія въ Πρακτικὰ за 1884 г., но со времени этого описанія наши свѣдѣнія объ этомъ храмѣ обогатились одною надписью, найденною здѣсь и передающею расходы на постройку этого храма³⁾. Этотъ документъ, по содержанію совершенно сход-

¹⁾ См. на планѣ Δ.

²⁾ Πρακτικὰ 1881 г., стр. 12, Каввадій говоритъ: τὸ θεάτρον τῆς Ἐπιδαυροῦ καίται ἔκτος τοῦ περιβόλου.

³⁾ См. Ἐφημ. Ἀρχ. 1886 г., стр. 145, № 103.

ный съ извѣстной надписью о постройкѣ Эрехоэона (С. I. Att. II, № 324), найденъ въ 16-ти кускахъ и состоитъ изъ пяти рядовъ, изъ коихъ два большіе содержатъ расходы на постройку болѣе крупныхъ частей храма и сохранились довольно хорошо, хотя въ первомъ ряду совершенно пропали двѣ начальныя строки, такъ что не извѣстно, составляетъ ли этотъ рядъ продолженіе другаго, или нѣтъ; на нашъ взглядъ, скорѣе можно думать, что этотъ рядъ не есть начало документа, потому что въ дошедшихъ кускахъ перечислены расходы далеко не на всѣ части храма ¹⁾. Другіе ряды, передающіе болѣе мелкіе расходы, сохранились значительно хуже, а возстановленіе по числу недостающихъ буквъ весьма затруднительно. Можетъ еще явиться сомнѣніе, почему мы относимъ эту надпись именно къ храму Асклепія, а не къ храму Артемиды или къ какому-либо другому. Объ этомъ нѣтъ ни слова въ самомъ документѣ, и мы убѣждаемся въ вѣрности нашего предположенія единственно путемъ сравненія примѣтъ храма по этой надписи съ его архитектурой, какъ она обнаружена раскопками.

Весьма важно, хотя приблизительно, опредѣлить время этого документа, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и время постройки храма. Прямыхъ указаній на это въ надписи нѣтъ, поэтому, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на правописаніе документа и на начертаніе буквъ. По этимъ признакамъ мы должны заключить, что надпись о постройкѣ храма относится къ концу V или началу IV вѣка до Р. X., такъ какъ, съ одной стороны, правописаніе род. пад. ед. ч. на *Ο* вмѣсто *ΟΥ* и особенно колебаніе въ этихъ формахъ, а съ другой—начертаніе *Α, Δ, Δ* безъ продолженія вверхъ правой ножки свидѣтельствуютъ о близости этого документа ко времени архонтства Евклида (403—2 до Р. X.).

Достаточно сказать, что храмъ Асклепія былъ периптеръ дорическаго стиля, и образъ его въ главныхъ чертахъ тотчасъ же воскресаетъ предъ нами, потому что этотъ стиль греческой храмовой постройки послѣ окончателныхъ изслѣдованій Bötticher'a извѣстенъ до мельчайшихъ подробностей. Греческіе храмы вообще не отличались своею колоссальностью сравнительно съ храмами востока, и

¹⁾ Хотя г. Каваддій остановился на противоположномъ взглядѣ и основалъ это на томъ, что съ первыхъ же строкъ надписи говорится о расходахъ на фундаментъ, то-есть, начало постройки; но это, намъ кажется, не можетъ служить основаніемъ въ виду того, что перечисленіе расходовъ совсѣмъ не придерживается постепенной постройки зданія.

храмъ Асклепія не былъ изъ числа большихъ: его длина равнялась 24,70 метр., а ширина 13,20 метр. Такая непропорціональность въ размѣрахъ произошла отъ того, что этотъ храмъ не имѣлъ такъ называемаго *επιθόρονος*, отсутствіе котораго отразилось и на числѣ колоннъ, окружавшихъ храмъ: по длинѣ ихъ было 11, а по ширинѣ 6, и такимъ образомъ этотъ храмъ представлялъ нарушеніе общаго закона греческой храмовой постройки, по которому на длинной сторонѣ число колоннъ должно быть всегда одною колонною больше удвоеннаго числа колоннъ на короткой сторонѣ. Весь храмъ вмѣстѣ съ фундаментомъ былъ сложенъ изъ туфа и оштукатуренъ известью (надпись ст. 81) ¹⁾. Лѣстница изъ трехъ ступеней вела въ *πρόαος* (5,1 и 2,2 метр.), съ открытой стороны огороженный рѣшеткою, часть которой между двумя стоящими у входа колоннами была сдѣлана въ видѣ отпирающейся наружу рѣшетчатой двери, названной въ надписи *τὰ διὰ στόλων θύραματα* (ст. 63). Изъ предхрамія вели двери въ самый храмъ; эти большія двери, называемыя въ надписи *θύρα* или въ отличіе отъ первыхъ *μέγα θύρα* ²⁾, были выдѣланы, какъ видно изъ надписи, съ особою тщательностью, какъ двери жилища божества, и матеріаломъ для нихъ служили кипарисовое дерево, слоновая кость, золото и бронза. Отворяясь, какъ и всегда, наружу, онѣ на лицевой сторонѣ имѣли особыя символическія изображенія (*φλαχτήρια*, *ἀποτρόπαια*); объ этомъ можно догадаться изъ 65-го ст. надписи, гдѣ сказано, что для этихъ дверей употреблялась и слоновая кость, а далѣе въ ст. 69 приводятся расходы на прикрѣпленіе этой кости къ дверямъ, именно 2600 дрх. (если не болѣе, потому что на камнѣ не ясно). Если это прикрѣпленіе стоило такой громадной суммы, то мы можемъ сказать, что изъ этой кости были сдѣланы массивныя изображенія, припайка которыхъ стоила большихъ трудовъ. Ниже изъ ст. 279 надписи (*ὀφείον ἐχκαύσιος ἐπὶ τὸ γυργόνιον κτλ.*) можно предположить, что эти изображенія представляли голову Медузы, обвитую змѣями.

Полъ храма былъ выложенъ четырехугольными плитами чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, при чемъ, по предположенію г. Каввадія, черныя приходились, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хризелефантин-

¹⁾ Мы не приводимъ длиннаго текста надписи, а только будемъ указывать на отдѣльные стихи ея.

²⁾ Въ надписи упоминаются не разъ еще просто *θύρα* (ст. 45, 50 и др.); это двери мастерской, построенной на время работъ.

ная статуя бога; это можно предположить изъ подобнаго устройства пода въ храмѣ Зевса въ Олимпіи, открытому въ 1875 г.: по описанію Павсанія, около статуи Зевса полъ былъ вымощенъ черными камнями ¹⁾; Хризелефантинная статуя бога-цѣлителя, главный идолъ святилища, при раскопкахъ не найдена. Но близъ храма открыта другая статуя Асклепія, сидящаго на тронѣ ²⁾; по примѣтамъ эта находка довольно близко подходитъ къ статуѣ, описанной Павсаніемъ, и потому можно думать, что она представляетъ копію этой послѣдней, такъ что по ней мы можемъ судить и о хризелефантинной статуѣ Асклепія, работы Фразимеда ³⁾. Намъ не извѣстно, что еще находилось въ святилѣ, и догадываться объ этомъ мы можемъ только по обстановкѣ святилища Аѳинскаго храма Асклепія, откуда мы имѣемъ нѣсколько документовъ съ указаніями. Здѣсь передъ статуей бога стоялъ столъ (τράπεζα) съ особыми яствами ⁴⁾, тутъ же находилось и ложе (κλίνη), на которомъ носили изображеніе бога во время торжественныхъ процессій ⁵⁾, внутри же святилища находились, вѣроятно, и болѣе цѣнныя приношенія.

Вокругъ храма была колоннада въ одинъ рядъ колоннъ дорическаго стили. Остатки этихъ колоннъ найдены, и мы знаемъ, что онѣ были изъ туфа и имѣли 20 каннелюръ (ραβδόςαις). Хотя назначеніе колоннады при древне-греческихъ храмахъ не вполне выяснено, но отдавая преимущество объясненію, дающему колоннадѣ чисто практическое назначеніе, мы думаемъ, что подъ колоннадою храма Асклепія находились разнообразныя приношенія, не помѣщавшіяся по своей величинѣ внутри храма и могущія испортиться подъ открытымъ небомъ ⁶⁾.

Свидѣтельства надписи о наружной отдѣлкѣ и въ частности окраскѣ храма вполне подтверждаются найденными архитектурными

¹⁾ Paus. V, 11, 10.

²⁾ 'Εφ. ημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 48 сл., табл. II № 6.

³⁾ По словамъ Павсанія (II, 27), Фразимедъ съ остр. Пароса изобразилъ бога сидящимъ на высокомъ тронѣ съ посохомъ въ рукѣ, у ногъ Асклепія вазивалась змѣя, которую богъ держалъ за голову; здѣсь же помѣщалась собака. Тронъ былъ украшенъ изображеніемъ героевъ: Белларофонта, убивающаго чудовищную Химеру, и Персея, держащаго въ рукѣ отрубленную голову Медузы.

⁴⁾ C. I. Att. II, 1 Add. et corr. № 373.

⁵⁾ Ibid. № 453 b. Ср. P. Girard, L'Asclépieion d'Athènes d'après de récentes découvertes (Paris. 1882 г.), стр. 17.

⁶⁾ Ср. по этому поводу замѣчаніе г. Келера объ Аѳинскомъ храмѣ Асклепія въ Mittheil. d. deutsch. Arch. Institut. in Athen. II, стр. 253.

частями и слѣдами красокъ на нихъ. Снаружи храмъ былъ выкрашенъ по способу обжиганія; въ отдѣлкѣ преобладающимъ цвѣтомъ былъ темно-синій, въ который были выкрашены точеные листья на гейсонѣ (надпись, ст. 83, 86 и 92), такъ называемыя *viae* и украшенія въ видѣ листьевъ изящной, продолговатой формы, расположенныя на киматіи. Скульптурныя украшенія, не покрытыя краской, были изъ бѣлаго мрамора и представляли львиныя головы на гейсонѣ между упомянутыми точеными листьями; метопы, отдѣленные закругленными сверху триглифами, не имѣли барельефныхъ изображеній и потому, не нуждаясь въ особой отгѣнкѣ, не были покрыты краской. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ мѣстахъ была позолота, какъ это видно изъ 82—83 ст. надписи ¹⁾). Фронтоны были украшены мраморными барельефными группами: на западномъ—сраженіе съ Амазонками, на восточномъ битва Кентавровъ. О композиціи этихъ группъ трудно сказать что-либо опредѣленное вслѣдствіе ничтожности сохранившихся частей: отъ перваго въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ найдены три женскія фигуры, сидящія на лошадяхъ; двѣ изъ нихъ, какъ видно изъ ихъ положенія, помѣщались въ углахъ фронтона и, по мнѣнію г. Каввадія, представляли конныхъ Нерендъ, вышедшихъ изъ моря смотрѣть на битву, такъ какъ нижняя часть лошадей погружена въ воду. Затѣмъ найдено нѣсколько женскихъ головъ, лошадей и пр. Другой фронтонъ сохранился еще хуже: отъ него найдены торсъ, по видимому, женской фигуры и голова кентавра, которую держитъ за волосы чья-то рука. 'Αχρωτήρια храма представляли четыре фигуры крылатыхъ богинь побѣды (Νίκαί), найденныя въ весьма жалкомъ видѣ ²⁾).

Изъ надписи мы узнаемъ еще, что при храмѣ была построена сокровищница, занимавшая, вѣроятно, особое зданіе, такъ какъ матеріалъ для ея постройки доставлялся отдѣльно (надпись стихи 231, 236, 246 и 300). Эта же надпись даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о самой постройкѣ и о ея продолжительности. Постройка производилась по подряду, при чемъ взявшій подрядъ представлялъ одного или нѣсколькихъ поручителей, смотря по цѣнности подряда, и эти поручители были изъ мѣстныхъ гражданъ, людей болѣе или менѣе извѣстныхъ и потому называемыхъ въ надписи только по имени. Подрядчики

¹⁾ Κλεινίας εἶλετο κομάρτια καὶ ἀστράγαλους καὶ κάλχας καὶ ἀστέρας χρυσοῦσαι.

²⁾ Въ эти находки изданы и описаны г. Каввадіемъ въ 'Εφ' ημ. 'Αρχ. 1884 г., стр. 49 сл., табл. III и IV, и 1885 г., табл. I, №№ 1—4.

были изъ разныхъ мѣстъ и производили работу подъ наблюдениемъ одного архитектора Эеодота, который получалъ въ годъ 353 драхмы, то-есть, приблизительно по одной драхмѣ въ день, какъ это и была въ то время обыкновенная плата потому, что и въ надписи о постройкѣ Ерехеона, сооруженнаго почти одновременно съ этимъ храмомъ Асклепія, архитектору полагается такая же плата (36 дрх. въ одну пританію). Архитекторъ, какъ видно изъ документа, получилъ всего за 3½ года и еще 70 дней (ст. 9, 31, 54, 111, 112), слѣдовательно, столько времени и продолжалась постройка храма ¹⁾.

Намъ кажется, что мы должны допустить, что до этого храма въ святилищѣ былъ другой храмъ, описанный же нами сооруженъ въ то время, когда Эпидаврійскій оракулъ достигъ всеобщей извѣстности и накопилъ уже такія средства, что могъ предпринять столь дорого стоящую постройку. Основаніе Эпидаврійскаго святилища относится, безъ сомнѣнія, къ значительно болѣе древнему времени, чѣмъ постройка этого храма, потому что въ концѣ V-го вѣка извѣстность его была уже на столько велика, что отсюда культъ Асклепія переходитъ въ Аѳины ²⁾; слѣдовательно, до этого времени существовалъ другой храмъ, вѣроятно, меньшихъ размѣровъ и не такой роскошный, и слѣдовъ его не видно, потому что новое зданіе было воздвигнуто на его мѣстѣ.

Портикъ.

Портикъ (стоа) встрѣчается почти во всѣхъ святилищахъ грековъ и, если обыкновенно онъ, можетъ быть, и не имѣлъ необходимаго практическаго значенія, то этого нельзя сказать относительно портиковъ при храмахъ Асклепія; здѣсь они были важны не менѣе самаго храма, потому что въ нихъ засыпали болѣные въ ожиданіи божескаго совѣта противъ болѣзни.

Портикъ Эпидаврійскаго святилища (длина 75 мтр., шир. 9,75), какъ мы уже сказали, дѣлился на двѣ части, отличающіяся по наружному виду. Такъ какъ почва священнаго округа къ сѣверо-западу

¹⁾ Намъ не касаются богатыя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этого документа для исторіи греческой архитектуры, для ознакомленія со стоимостью матеріала и работы, для изученія мѣстнаго нарѣчія и под.

²⁾ Этотъ переходъ, какъ доказалъ г. Зибель (*Mith. d. D. A. I. X*, стр. 97 сл.), совершился въ послѣднее десятилѣтіе V вѣка до Р. X., при участіи трагика Софокла.

отъ храма постепенно понижается, то только ближняя (восточная) къ храму часть портика находится на одномъ уровнѣ съ храмомъ, западная же стоитъ ниже храма, поэтому она, подведенная подъ общую крышу съ восточною частью, была выстроена въ два этажа, и въ верхній вела лѣстница въ 19 ступеней.

Павсаній говоритъ, что больные спали въ зданіи, находящемся за храмомъ Асклепія (τοῦ κατὰ δὲ ἑσπέρων, ἔνθα οἱ ἰμάται τοῦ θεοῦ καθύπευθεν); эти слова Павсанія могутъ относиться только къ портику, такъ какъ другаго зданія за храмомъ не было, и это, какъ увидимъ ниже, подтверждается и документами ¹⁾. Изъ устройства этого портика мы поймемъ, въ которой его части, восточной или западной, спящіе больные ожидали появленія бога.

Одноэтажный портикъ, длиною въ 35 мтр., былъ построенъ въ іоническомъ стилѣ; передняя сторона его была открыта и подпиралась 16-ю колоннами, которыя, кромѣ двухъ среднихъ колоннъ при входѣ, соединялись рѣзною туфвою рѣшеткой; по срединѣ портика шелъ второй рядъ колоннъ, числомъ семь, дѣлящихъ его на двѣ продольныя части. Мы не будемъ останавливаться на описаніи отдѣлки этого зданія, которое, не имѣя никакихъ особыхъ украшеній, представляетъ строгій типъ портика, существовавшаго при греческихъ храмахъ. Для чего же былъ назначенъ одноэтажный портикъ? Очевидно, самое устройство его не допускало, чтобы въ немъ ночевали больные: въ гигиеническомъ отношеніи было бы слишкомъ большимъ упущеніемъ, еслибы жрецы и вообще священныя лица святилища, на которомъ лежала обязанность наблюдать за больными, дозволили имъ спать въ мѣстѣ открытомъ, не защищенномъ во время непогоды. По всему вѣроятію, этотъ портикъ былъ назначенъ для пребыванія больныхъ днемъ, былъ, такъ сказать, ихъ общимъ заломъ; потому-то въ немъ и стояли упоминаемыя Павсаніемъ и дѣйствительно найденныя на своемъ мѣстѣ надписи, передающія исцѣленія, или лучше сказать—чудеса, совершенныя богомъ надъ больными; онѣ стояли на самомъ видномъ мѣстѣ, на особыхъ подставкахъ вдоль восточной стѣны, чтобы всегда находившіеся здѣсь больные, читая ихъ, могли убѣждаться въ цѣлительной силѣ бога и этимъ подготовлять себя къ болѣе или менѣе успѣшной инкубаціи.

Двухъ-этажный портикъ былъ болѣе сложной архитектуры, и въ постройкѣ его мы видимъ смѣшеніе двухъ стилей, дорическаго и

¹⁾ Ср. замѣчаніе Келера—*Mittheil. d. D. Arch. Inst.* II, стр. 253 след.

іоническаго. Нижній этажъ представлялъ глухое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе, имѣющее двери съ южной (передней) стороны и украшенное 15 четырехугольными полуколоннами, упирающимися въ дорическій епистиль. Внутри комнаты шесть дорическихъ восьмиугольных колоннъ поддерживали полъ верхняго этажа и дѣлили помѣщеніе на двѣ равныя продольныя части. Этотъ нижній этажъ нельзя считать какъ бы высокимъ фундаментомъ верхняго портика; это—жилое помѣщеніе, какъ это видно изъ уцѣлѣвшихъ на мѣстѣ каменныхъ скамеекъ между средними колоннами ¹⁾. Верхній этажъ представлялъ іоническій портикъ, совершенно схожіи съ одноэтажнымъ, и также перерѣзывался вдоль шестью колоннами, стоящими какъ разъ надъ дорическими колоннами нижняго этажа. Передняя сторона была открыта и обставлена іоническою колоннадою и между колоннами рѣвною рѣшеткою приблизительно на $\frac{1}{2}$ высоты колонны.

Вспомнивъ упомянутыя выше слова Павсанія, мы опять должны задаться вопросомъ: къ которой части этого двухъ-этажнаго портика они относятся? Если мы имѣли основаніе думать, что Павсаній говорить не объ одноэтажномъ портикѣ, то тѣмъ болѣе Павсаній не могъ здѣсь говорить о верхнемъ этажѣ западнаго портика, такъ какъ это помѣщеніе, будучи открытымъ и находясь значительно выше восточнаго портика, еще скорѣе было подвержено непогодѣ и особенно вѣтру. Итакъ, Павсаній могъ имѣть въ виду только нижній этажъ, который по своему устройству какъ нельзя лучше удовлетворитъ назначенной цѣли.

Рѣшая настоящій вопросъ, г. Каввадіи относятъ слова Павсанія также къ западному портику, но не къ нижнему этажу его, а къ верхнему, хотя при этомъ онъ и удивляется столь не цѣлесообразному устройству этой спальни больныхъ. Такое категорическое утвержденіе, заставившее г. Каввадія не придать должнаго значенія несоотвѣтствію этого зданія назначенной цѣли по его устройству, основано имъ на одномъ эпиводѣ, сохранившемся въ надписи исцѣленій ²⁾. Здѣсь разсказывается, что Асклепій исцѣлилъ одного больного, Эскина, который, желая посмотрѣть въ абать, то-есть, туда, гдѣ спали больные, взлѣвъ для этого на дерево и, спускаясь потомъ, укололъ себѣ глаза и ослѣпъ. Конечно, изъ этого факта легко заключить, что

¹⁾ Цѣлыя скамьи найдены только между 3-й и 4-й колоннами, а отъ остальныхъ сохранились только обломки.

²⁾ Надпись исцѣленій, десятое чудо; см. ниже.

абать былъ на нѣкоторой высотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакой необходимости помѣщать его именно во второмъ этажѣ западнаго портика. Въ этомъ не только нѣтъ необходимости, но, по нашему мнѣнію, это даже и не возможно въ виду свидѣтельства другой, найденной здѣсь, надписи, свидѣтельства, на которое не обратилъ вниманія г. Каввадій: именно, въ документѣ, передающемъ произведенное богомъ излѣченіе Юлія Апелласа, между прочимъ сказано, что Асклепій приказалъ больному „περίπατος χρισθαί ὑπερφ“¹⁾, то-есть, гулять въ верхнемъ этажѣ. Кажется очевиднымъ, что подъ словами „верхній этажъ“ (τὸ ὑπερώιον) можно разумѣть только верхній этажъ западнаго портика, такъ какъ въ святилищѣ не было другаго двухъ-этажнаго зданія²⁾. Если же это такъ, то предположеніе г. Каввадія должно быть оставлено, и то мѣсто, гдѣ больные гуляли днемъ, не могло быть священнымъ, недоступнымъ (ἄβατον = ἄδουτον), мѣстомъ появленія бога среди спящихъ больныхъ.

Такимъ образомъ, утверждая, что больные спали въ нижнемъ этажѣ этого портика, намъ слѣдуетъ еще согласовать съ этимъ эпизодъ надписи изслѣній. Куда могъ смотрѣть, взобравшись на дерево, любопытный посѣтитель святилища? За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній объ устройствѣ этого абата, мы должны допустить, что внутренность его можно было видѣть или черезъ дверь, или черезъ окна, сдѣланныя, вѣроятно, на столько высоко³⁾, что черезъ нихъ нельзя было видѣть внутренности помѣщенія, не ставъ на какое-либо возвышеніе; при такомъ устройствѣ открытыя окна не могли вредить спящимъ больнымъ (во время непогоды они, можетъ быть, закрывались), напротивъ, ими можно было пользоваться, какъ вентиляторами, столь необходимыми для небольшого помѣщенія, гдѣ проводило ночь громадное число посѣщавшихъ святилище больныхъ. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно допустить нѣчто подобное, чѣмъ думать, что пациенты Асклепія спали въ почти открытомъ помѣщеніи.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о времени постройки портика, равно какъ и о томъ, были ли одновременно выстроены обѣ его части. Г. Каввадій предполагаетъ, что одноэтажный портикъ старше

¹⁾ Надпись Юлія Апелласа, ст. 10—11; см. ниже.

²⁾ Περίπατος ὑπερφος — вспомнивъ по этому поводу οἱ περίπατοι, крытыя галлерей или колоннады въ саду Ликей въ Аѳонахъ, мы найдемъ возможнымъ допустить, что и въ нашей надписи подъ словомъ περίπατος подразумѣвается прогулка подъ колоннадою.

³⁾ Нижний этажъ былъ вышиной 4,40 метра отъ земли.

двухэтажнаго, именно потому и выведеннаго въ два этажа, чтобы его можно было подвести подъ общую крышу съ существовавшимъ уже одноэтажнымъ. Мы полагаемъ, что если нужно предположить что-либо по этому вопросу, то во всякомъ случаѣ прямо противоположное мнѣнію г. Каввадіа: двухэтажный портикъ не могъ быть сооруженъ послѣ одноэтажнаго, во первыхъ, потому что онъ былъ самымъ существеннымъ зданіемъ святилища, гораздо болѣе необходимымъ, чѣмъ одноэтажный, воторыхъ, это ясно изъ его постройки: дѣйствительно, у западнаго портика фундаментъ былъ значительно тоньше, чѣмъ у одноэтажнаго, и потому для болѣе прочноти, когда замѣченъ былъ этотъ недостатокъ, подъ стѣны зданія были подведены особыя подпорки, у одноэтажнаго же ихъ не было; ясно, что у этого послѣдняго фундаментъ былъ сдѣланъ толще именно вслѣдствіе того, что непрочность фундамента двухэтажнаго портика была уже замѣчена. Итакъ, мы имѣемъ болѣе основаніе считать старше двухэтажный портикъ.

Въ юго-восточномъ углу одноэтажнаго портика найденъ обложенный туфомъ круглый колодезь, можетъ быть, тотъ самый, вода котораго служила для религіознаго омовенія предъ началомъ испрашиванія у бога совѣта. Подобное омовеніе было первою ¹⁾ и никогда не отмѣняемою обязанностью больного и, какъ необходимое предъ всякимъ религіознымъ актомъ, въ святилищахъ Асклепіа имѣло еще чисто гигиеническое значеніе, потому что множество больныхъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Греціи, представляли мало гарантіи не занести въ святилище какихъ-либо заразныхъ болѣзней; эти ванны служили предохранительнымъ средствомъ, хотя, конечно, и не безусловно достигающимъ своей цѣли. Въ виду этого бассейны съ волей существовали при всѣхъ оракулахъ Асклепіа.

На днѣ описываемаго нами колодезя было найдено много обломковъ небольшихъ сосудовъ, желѣзныхъ ручекъ тоже, вѣроятно, отъ посуды и нѣсколько мѣдныхъ колець въ діам. 0,10—0,15 мтр.

Ротонда Полиелита.

Описывая Епидаврійское святилище, Павсаній говоритъ: οἰκημα δὲ περιφερέα λίθου λευκοῦ, χαλοῦρανον ἑὸλος, φηροῦμαι πλησίον θεᾶς ἄξιον. Это самое великолѣпное зданіе священнаго округа было, дѣй-

¹⁾ Ср. Aristophan. Plutos, 656.

ствительно, θέας ἀξίον и, благодаря тщательнымъ раскопкамъ, извѣстно теперь до мельчайшихъ подробностей, такъ что возстановить его легче, чѣмъ какое-либо другое изъ открытыхъ зданій святилища: при раскопкахъ были найдены не только крупныя архитектурныя части, но и мелкія лѣпныя украшенія.

Какъ мы уже замѣтили, развалины этого зданія были открыты прежде храма Асклепія и портика и даже послужили руководящею нитью къ дальнѣйшимъ раскопкамъ. Положеніе фундамента и стѣнъ было открыто въ такомъ видѣ: фундаментъ состоялъ изъ трехъ концентричныхъ круговъ, уходившихъ въ землю на 1,5 мтр.; изъ нихъ два меньшіе до раскопокъ были совершенно покрыты землей, а видная изъ обсыпавшагося рва часть принадлежала большому (наружному) кругу. Ближе къ центру этихъ круговъ были открыты еще три концентричныя стѣны, а не фундаментъ, потому что на нихъ на мѣстѣ сохранились остатки пола. Такимъ образомъ планъ всего зданія представляетъ шесть круговъ, изъ которыхъ большій имѣетъ въ діаметрѣ 21,76 мтр., а меньшій — 2,40.

Что же было построено на этихъ трехъ фундаментахъ? На это указываютъ, во первыхъ, сохранившаяся часть стѣны на промежуткѣ между большимъ и среднимъ фундаментами, и, во вторыхъ, найденныя на нихъ остатки дорическихъ и коринтскихъ колоннъ. Изъ этого видно, что стѣна ротонды упиралась на два большіе фундамента, а колонны размѣщались на большемъ фундаментѣ, рядомъ со стѣною (онъ былъ шире остальныхъ на $\frac{1}{3}$ и могъ вмѣстить, и стѣну, и колоннаду) и на третьемъ фундаментѣ, то-есть, уже за стѣною, внутри зданія ¹⁾; при этомъ внутренняя колоннада состояла изъ 14-ти коринтскихъ колоннъ, а наружная изъ 26-ти дорическихъ ²⁾. Итакъ, въ прямомъ смыслѣ фундаментами были только два большіе круга, такъ какъ только на нихъ была выстроена стѣна, а меньшій кругъ былъ общимъ базисомъ коринтскихъ колоннъ.

55

На трехъ круглыхъ стѣнахъ уцѣлѣла часть покрывавшаго ихъ пола зданія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что всѣ эти стѣны были наравнѣ съ кругами фундамента и находились подъ поломъ ротонды

¹⁾ Прежде г. Каввадїй предполагалъ, что обѣ колоннады были наружныя, что послѣ измѣренія оказалось невозможнымъ, такъ какъ для коринтской колоннады нѣтъ мѣста на наружныхъ кругахъ.

²⁾ Число колоннъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ опредѣлено архитекторомъ г. Дёрпелъдомъ, тщательно измѣрившимъ окружность фундаментовъ, діаметръ колоннъ въ основаніи и разстоянія между ними.

ближе къ ея центру; служа такимъ образомъ подпорою пола, онѣ образовали небольшой подземный лабиринтъ изъ трехъ круговъ, перерѣзанныхъ при этомъ перпендикулярною стѣною. Въ промежутокъ между двумя большими стѣнами былъ ходъ изъ самой ротонды; чтобы попасть въ слѣдующій промежутокъ, нужно было обойти кругомъ весь первый, такъ какъ входъ въ него былъ за вертикальною стѣною; то же самое нужно было сдѣлать, чтобы пройти въ центръ этихъ круговъ; при этомъ промежутки между стѣнами были такъ узки, что едва можно было пройти человѣку. Безъ сомнѣнія, такое устройство было вызвано какою-либо цѣлью; г. Каввадій предполагалъ, что здѣсь былъ источникъ, но, не говоря уже о томъ, что здѣсь, какъ замѣчаетъ г. Каввадій, не видно слѣдовъ воды, этимъ предположеніемъ не объясняется устройство подземелья: для какой цѣли оно было сдѣлано именно въ видѣ лабиринта?

Въ этомъ подземномъ помѣщеніи было найдено много обломковъ колоннъ, плитъ пола, черепицъ отъ крыши и лѣпныхъ украшеній потолка и карниза, такъ что роскошная отдѣлка ротонды достаточно извѣстна. Павсаній, дѣйствительно, могъ назвать это зданіе „οἰκητιὰ λίθου λευκοῦ“, потому что матеріаломъ для него служили исключительно туфъ и бѣлый мраморъ, при чемъ преобладалъ послѣдній, а изъ туфа были сдѣланы только фундаментъ, стѣна и дорическая колоннада. Полъ зданія состоялъ изъ трехъ частей различнаго матеріала, а именно, изъ туфа между дорическими колоннами, изъ известняка (τίτανος λίθος) между этою колоннадою и стѣною, внутри же ротонды полъ былъ выложенъ ромбональными плитами бѣлыми изъ мрамора и черными изъ чернаго елевсинскаго камня. Дорическія колонны упирались въ легкій архитравъ, надъ этимъ шелъ рядъ метоповъ, украшенныхъ изящными, тонкой работы розетками; все зданіе кругомъ опоясывалось красивымъ мраморнымъ бордюромъ изъ львиныхъ головъ, которыя раздѣлялись одна отъ другой листообразными разводами и внизу были обведены линіей сложнаго меандра; надъ бордюромъ между львиными головами стояли украшенія въ видѣ мраморныхъ листьевъ (κεραμικὸν ἀνθεμάτιον). Замѣчательно нѣжной работы мраморная коринѣская колоннада дѣлила внутренность ротонды на круглый залъ и опоясывавшій его узкій коридоръ между колоннами и стѣною, отдѣланною съ этой стороны также бѣлымъ мраморомъ. Все свое стараніе художникъ употребилъ на внутреннюю отдѣлку ротонды, гдѣ съ особымъ изяществомъ были выдѣланы прелестныя капители коринѣскихъ колоннъ, соединяющій

ихъ круглый эпистиль и потолокъ ротонды. Вообще весь потолокъ, какъ снаружи, такъ и внутри зданія, былъ мраморный; наружный состоялъ изъ двойнаго ряда квадратовъ, обведенныхъ узоромъ изъ кружковъ, а внутренній изъ одного ряда такихъ же квадратовъ, но украшенныхъ бордюромъ болѣе сложнаго рисунка. Кромѣ того, со словъ Павсанія мы знаемъ, что внутри ротонды стѣны были покрыты живописью работы Павсія, напримѣръ, одна картина представляла Ероса, который, оставивъ стрѣлы и лукъ, держалъ въ рукахъ лиру; другая изображала пьющую изъ бокала Мееу. Общее впечатлѣніе этого „блага зданія“ не было нарушено тѣмъ, что нѣкоторыя его наружныя части были покрыты краской, именно тѣ части, которыя требовали особой отѣнки, какъ напримѣръ, метопы, на которыхъ сохранились слѣды темнокрасной краски ¹⁾.

До нашего времени дошло очень немного построекъ подобнаго архитектурнаго типа, а описанная ротонда, напоминая собою извѣстный Φιλίππειον въ святилищѣ Зевса въ Олимпіи, вмѣстѣ съ нимъ представляетъ единственный типъ подобныхъ сооружений чисто греческаго (не римскаго) происхожденія. Строителемъ ротонды былъ Поликлитъ Младшій (въ первой половинѣ IV в. до Р. X.), какъ объ этомъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ догадывается г. Каввадіи на основаніи изученія найденной здѣсь роскошной капители одной изъ коринтскихъ колоннъ ²⁾.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о предположеніяхъ по вопросу о назначеніи этой великолѣпной ротонды. Г. Каввадіи даетъ два предположенія: онъ думаетъ, что это зданіе было назначено, можетъ быть, для музыкальных упражненій и состязаній, но замѣчаетъ при этомъ, что устройство зданія мало соотвѣтствуетъ этой цѣли, такъ что для г. Каввадіи кажется болѣе вѣроятнымъ назначеніе ротонды для какихъ-либо мистерій. Въ этомъ вопросѣ, при отсутствіи какихъ-либо намековъ древнихъ авторовъ и епиграфическихъ документовъ, трудно, конечно, угадать положительно вѣрное, но, по нашему мнѣнію, изъ предположеній г. Каввадіи болѣе вѣроятія имѣетъ все-таки первое: у насъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ Эпидаврійскомъ святилищѣ какихъ-либо мистерій, и потому слишекомъ рискованно предполагать,

¹⁾ Внутри зданія слѣды синей краски видны на квадратахъ потолка, а темнокрасной на бордюрѣ между ними.

²⁾ См. 'Εφημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 231—234.

что для этих мистерій было построено особое зданіе. Первое же предположеніе г. Каввадіа, подтверждаемое частью изображеніемъ Ероса, играющаго на лирѣ, находить особое вѣроятіе, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ святилищѣ были приняты всѣ мѣры, чтобы больные разнообразіемъ проводили день, такъ какъ это извѣстнымъ образомъ вліяло на ихъ душевное состояніе и располагало къ болѣе успѣшному инкубационному испрашиванію у бога совѣта: здѣсь были различныя игры¹⁾, былъ по близости великолѣпный театръ и стадій; происходили, вѣроятно, и различныя состязанія, особенно во время празднествъ 'Ασκληπεία²⁾, въ томъ числѣ и музыкальныя, требовавшія, конечно, особаго зданія, которымъ и была, можетъ быть, ротонда Поликлита. Во всякомъ случаѣ, мы скорѣе опредѣлили бы назначеніе этого зданія, еслибы могли угадать цѣль, съ которою былъ построенъ упомянутый подземный лабиринтъ, но это пока для насъ тайна.

Храмъ Артемиды.

Асклепій былъ главное божество Эпидаврійскаго святилища; но въ священныя округа своихъ боговъ древніе греки обыкновенно воздвигали нѣсколько храмовъ; одинъ, главный былъ посвященъ тому божеству, имя котораго носило святилище, другіе храмы посвящались божествамъ, или имѣющимъ отношеніе къ культу главнаго бога, или вообще пользовавшимся особымъ почетомъ въ данной области. Такъ и въ Эпидаврійскомъ священномъ округѣ, по словамъ Павсанія, почитались и обладали храмами Артемида, Афродита, Фемиды и др.

Открытый раскопками храмъ Артемиды находился въ юго-восточной части святилища и сохранился значительно хуже храма Асклепія: отъ него найденъ только фундаментъ и сохранившійся на мѣстахъ полъ. Храмъ этотъ дѣйствительно принадлежалъ этой богинѣ: это доказываютъ, во первыхъ, найденный около храма большой камень съ древнею надписью: 'Αρτέμιδι, во вторыхъ, части сохранившагося бордюра храма, состоящаго изъ мраморныхъ собачьихъ головъ. Такъ какъ Артемида была второстепеннымъ божествомъ святилища, то и посвященный ей храмъ былъ значительно меньшихъ размѣровъ: его

¹⁾ Напримѣръ, игра въ кости, см. надпись исцѣленій, ст. 25 и 70.

²⁾ Объ этихъ празднествахъ: Plato, Ion. 530 A, документы: C. I. Gr. № 1171, 3208; *Revue Archéol.*, XXIV (1872 г.), стр. 109 (= *Dittenb. Syll.* II, № 398); 'Εφ. μ. 'Αρχ. 1888 г., стр. 80 сл., № 10 и 32.

длина=13,50 мтр., а ширина 9,60 мтр. По своей архитектурѣ онъ представлялъ довольно рѣдкій типъ греческой храмовой постройки, такъ называемый *прѳстолос ѳѳастолос*; онъ не былъ окруженъ колоннадой, его открытый со всѣхъ сторонъ *прѳнаос* вмѣсто стѣнъ имѣлъ дорическія колонны, расположенныя такъ, что на передней, входной сторонѣ ихъ было шесть, а по сторонамъ южной и сѣверной еще по одной колоннѣ, рядомъ съ парастадами стѣны храма. Въ самой святынѣ (*cella*) вдоль трехъ ея стѣнъ (кромѣ передней, имѣвшей двери) были расположены въ одинъ рядъ 10 такихъ же дорическихъ колоннъ, такъ что на каждой сторонѣ было по четыре колонны. Всѣ части храма были построены изъ того же матеріала, какъ у храма Асклепія, но по наружной и внутренней отдѣлкѣ значительно уступали этому послѣднему: здѣсь нѣтъ такихъ разнообразныхъ лѣпныхъ украшеній, какъ у храма Асклепія, не видно и слѣдовъ того, чтобы у него были фронтоныя группы или какія-либо *ἀκρωτήρια*. Статуя богини, стоявшая въ святынѣ, не найдена, но по близости храма открыта небольшая votивная статуя Артемиды, изображающая три фигуры богини около одного круглаго столба; на базисѣ статуи надпись: 'Αρτέμιδι 'Εκάτη 'Εκτρώσι Φάβολλος¹⁾). Эта находка даетъ намъ возможность найти причину существованія въ Эпидаврійскомъ святилищѣ культа Артемиды. Эта богиня почиталась здѣсь подъ именемъ 'Εκάτη²⁾, а это уподобленіе Артемиды Гекатѣ служитъ для насъ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что богиня пользовалась здѣсь почетомъ, какъ помощница Асклепія, обладающая тоже цѣлебною силой, и потому храмъ ея былъ важною святыней Эпидаврійскаго священнаго округа³⁾.

Мы описали всѣ извѣстныя зданія Эпидаврійскаго святилища въ такомъ видѣ, какъ они воскресли передъ нами изъ покрывавшаго ихъ болѣе полутора тысячи лѣтъ толстаго слоя земли. Конечно, сильно измѣнились они за это время, краса ихъ поблекла до неузнаваемости, но этотъ періодъ времени не измѣнилъ все-таки общей топографіи святилища: она открылась, какъ на ладони. Упомянемъ еще, что къ югу отъ восточнаго конца храма Асклепія на 7,75 мтр.

¹⁾ 'Εφ. ημ. 'Αρχ. 1883 г., стр. 152, № 48. Въ другомъ найденномъ здѣсь votивномъ приношеніи Артемида имѣетъ эпитетъ 'Ορθία ('Εφ. ημ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 195, № 98).

²⁾ Ср. 'Αρτεμιν δ' 'Εκάταν у Aesch. Suppl. 696; καὶ Λατοῖς 'Εκάτα у Eurip. Phoen. 110; также С. I. Att. I, № 208, *Bull. de corr. hellén.* VI, стр. 344.

³⁾ Артемида вообще обладала въ этой области многочисленными святилищами и храмами, напримѣръ, см. Raue II, 24,4; 28,2; 29,1; 31,1—4; 35,1 и др.

найдемы развалины большаго жертвенника, о которомъ ничего не говоритъ Павсаній. Этотъ жертвенникъ предназначался, по всему вѣроятію, для благодарственныхъ жертвоприношеній, совершаемыхъ послѣ лѣченія и состоявшихъ въ закланіи особыхъ посвященныхъ богу животныхъ, между тѣмъ какъ для предварительныхъ жертвоприношеній предъ началомъ лѣченія былъ особый жертвенникъ въ *ἱερόμασ'τι*, а самыя жертвоприношенія состояли, по словамъ Аристофана, въ сожиганіи особыхъ медовыхъ лепѣшекъ (*πόλλαρον, μέλιγμα*)¹⁾. Изъ этого видно, что инкубаціонныя гаданія въ святилищахъ Асклепія были обставлены не такъ, какъ при оракулахъ Амфіараа, гдѣ вопрошающій ложился спать на шкурѣ привесеннаго имъ въ жертву животнаго²⁾.

Мы могли бы еще пополнить картину Эпидаврійскаго священнаго округа изъ описанія Павсанія, еслибы это послѣднее отличалось такою точностью и ясностью, чтобы по немъ возможно было положительно знать мѣсто упоминаемыхъ Павсаніемъ и не обнаруженныхъ раскопками зданій. Но, къ сожалѣнію, точность изложенія не вездѣ составляетъ достоинство географическаго труда древняго перигита: описаніе Павсанія не только не ясно, но мѣстами не свободно и отъ очевидныхъ ошибокъ, которыя относительно Эпидаврійскаго святилища произошли главнымъ образомъ отъ того, что писатель, бывавъ въ этомъ святилищѣ, плохо запомнилъ, какія зданія были въ предѣлахъ священнаго округа и какія за периволомъ. Мы видѣли уже выше ошибку Павсанія относительно положенія театра; то же самое слѣдуетъ сказать и о положеніи стадія, который не могъ по своей величинѣ быть *ἐντὸς τοῦ ἁλίου*, какъ это увѣряетъ Павсаній. Затѣмъ мы не имѣемъ возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить положеніе храмовъ боговъ Эпидотовъ, Игіеи, Асклепія и Аполлона, по прозванію Египетскихъ, всѣхъ этихъ зданій, которыми, по словамъ Павсанія, украсилъ святилище благочестивый императоръ Антонинъ Пій еще въ бытность свою сенаторомъ; не знаемъ мы также, гдѣ находился упоминаемый Павсаніемъ источникъ, надъ которымъ былъ построенъ красивый павильонъ (*κρήνη τῆ τα ὀρόφῃ καὶ κόρυθ τῆ κοίτῃ θεῶς ἕξει*); во всякомъ случаѣ за этотъ источникъ

¹⁾ Aristoph. Plut. 678—681. Хотя въ Аенаскомъ святилищѣ Асклепія, по замѣчанію Аристофана, этотъ жертвенникъ стоялъ тамъ, гдѣ спали больные, то-есть, въ абатѣ.

²⁾ Инкубаціонный оракулъ Амфіараа въ Орпѣ, Paus. II, 34, 5.

нельзя принять колодезь въ углу портика, потому что изъ порядка описанія Павсанія мы должны заключить, что этотъ источникъ представлялъ отдѣльное сооруженіе и находился далеко отъ портика, гдѣ-нибудь по близости храма Артемиды.

Историческая судьба Эпидаврійской святины отъ насъ почти сокрыта. Достигнувъ своего высшаго развитія въ IV вѣкѣ до Р. Х., этотъ оракулъ существовалъ по крайней мѣрѣ до конца II-го вѣка по Р. Х. и, конечно, претерпѣлъ за это время много перемѣнъ. Внѣшняя краса и величіе его стали блекнуть со времени владычества римлянъ, этого свободомыслящаго въ вопросахъ религіи народа; съ легкой руки Суллы ¹⁾, римляне не разъ удовлетворяли свое корыстолюбіе богатствами этой святины. Постепенное уменьшеніе славы оракула, какъ главнаго лѣчебнаго пункта, относится тоже къ этому времени и кончается тѣмъ, что Эпидаврійская святиня должна была уступить первенство пергамскому оракулу Асклепія, получавшему все большую славу вслѣдствіе тѣснаго сближенія съ извѣстными мѣстными врачами.

II.

Раскопки въ святилищахъ древне-греческихъ божествъ бывають обыкновенно весьма успѣшны и богаты памятниками древности и, безъ сомнѣнія, потому, что все, находящееся въ предѣлахъ святилища, считалось собственностью божества и не могло быть употребляемо людьми; если же мы иногда при раскопкахъ и не досчитываемся нѣкоторыхъ предметовъ, о существованіи которыхъ мы имѣемъ точныя указанія древнихъ, то это только потому, что то или другое святилище подверглось разграбленію уже въ позднѣйшія времена, и такимъ образомъ всеокрушающее время наложило свою руку и на сокровища древне-греческихъ сватнъ. Такой участи не избѣгло и Эпидаврійское святилище Асклепія.

Археологическія находки, добытыя раскопками Эпидаврійскаго священнаго округа за 1881—1885 гг., какъ мы уже замѣтили, не обильны, и изъ нихъ существенное значеніе для насъ имѣють почти исключительно найденные епиграфическіе документы, какъ значительно пополняющіе скудный запасъ историческаго матеріала о сущности инкубационныхъ лѣченій и тѣмъ открывающіе дорогу въ это

¹⁾ См. Diodor. XXXVIII, 7; Paus. IX, 7, 5; Plut. Sulla, 12.

темное мѣсто не только религиозной жизни грековъ, но и исторіи ихъ медицины отъ самаго начала этой послѣдней при оракулахъ бога-цѣлителя Асклепіа ¹⁾). Раскопки открыли три подобные документа, а именно: двѣ надписи исцѣленій совершенно одинаковаго содержанія и надпись, передающую произведенное Асклепіемъ излѣченіе карійца Юлія Апелласа. Первыя двѣ относятся, по всему вѣроятію, къ III вѣку до Р. Х., а третья—къ II вѣку по Р. Х. ²⁾).

¹⁾ Недавно произведенныя раскопки Аеннскаго оракула Асклепіа въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ раскопкамъ Эпидаврскаго святилища, такъ какъ онѣ не обнаружили ни одного подобнаго документа.

²⁾ Такъ опредѣляетъ время г. Каввадіи. Позволимъ себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно происхожденія надписей исцѣленій. Г. Каввадіи полагаетъ, что эти длинныя записи о произведенныхъ богомъ исцѣленіяхъ были собраны изъ отдѣльныхъ записей, оставленныхъ въ святилищѣ самими исцѣленными, какъ это требовалось обычаемъ (см. 'Εφ'ημ 'Αρχ. 1883 г., стр. 219—220). Этотъ же взглядъ подтверждаетъ и г. С. Ренакъ (см. его *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 80—81). Намъ кажется, что съ подобнымъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться. Чудеса встрѣчаются въ каждой религіи, потому что безъ чудесъ нѣтъ божества, и они суть прямой результатъ его величія, всемогущества и непостижимости. Конечно, на факты, переданные надписями исцѣленій, мы должны смотрѣть не иначе, какъ на чудеса, которыми окружали греки цѣлительную силу своихъ божествъ-цѣлителей Аполлона и Асклепіа, и надпись съ этими чудесами есть, такъ сказать, реклама святилища. При такомъ взглядѣ, допуская существованіе отдѣльныхъ записей, составленныхъ пациентами бога-цѣлителя, мы должны допустить и реальное существованіе самихъ исцѣленій, то-есть, такихъ чудесъ, какъ напримѣръ, что слѣпые прозрѣваютъ, нѣмые начинаютъ сразу говорить, язва, положенная въ сумку разбитою, становится цѣлою и под. Это, конечно, не возможно, какъ основанное только на всемогуществѣ бога и потому имѣющее чисто чудесный характеръ. Затѣмъ самый обычай оставлять въ святилищѣ записи о полученномъ исцѣленіи ничѣмъ точно не засвидѣтельствованъ, тѣмъ болѣе для того времени, къ которому относится нашъ документъ, и можетъ подлежать сомнѣнію въ виду слѣдующаго факта, имѣющаго довольно важное значеніе. Надпись, составленная самимъ больнымъ, именно документъ Ю. Апелласа, относится къ тому времени, когда лѣченія при оракулахъ Асклепіа приняла совершенно иную обстановку, будучи основаны на точныхъ медицинскихъ познаніяхъ, но отъ III вѣка до Р. Х. подобныхъ надписей не найдено, ихъ нѣтъ и отъ слѣдующихъ вѣковъ до Р. Х. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что этотъ обычай, если онъ существовалъ, былъ установленъ далеко въ позднѣйшее время, когда рекламы въ родѣ надписи исцѣленій не были убѣдительно, когда требовалось поддержать вѣру въ цѣлительную силу бога не тѣмъ, что приписывать ему разныя чудеса, а поддержать ее, ссылаясь на дѣйствительно бывшія правильныя лѣченія. Таковы наши соображенія, на основаніи которыхъ мы не соглашаемся со взглядами упомянутыхъ ученыхъ. Между тѣмъ г. Каввадіи находитъ опору для своего мнѣнія главнымъ образомъ въ слѣдую-

Не может подлежать никакому сомнѣнію, что найденныя въ настоящее время двѣ надписи исцѣленій принадлежатъ къ числу тѣхъ шести надписей, о которыхъ говоритъ Павсаній ¹⁾). Древній перингитъ не только видѣлъ ихъ, но и заинтересовался ихъ содержаніемъ и на столько внимательно прочелъ ихъ, что запомнилъ выраженія этихъ надписей. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего описанія Павсаній, говоря о городѣ Галикѣ, замѣчаетъ: ²⁾) καὶ Ἀλικὸς λόγος ἐν στήλας ἐστὶ ταῖς Ἐπιδαυρίων, αὐτῆ τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὰ ἱάματα ἐγγεγραμμένα ἔχουσαν. И дѣйствительно, слово Ἀλικὸς встрѣчается въ 120 ст. первой надписи исцѣленій и въ 19 и 69 ст. второй.

Документы эти найдены слишкомъ въ двадцати кускахъ, изъ коихъ десять образовали почти полный текстъ первой надписи, а остальные принадлежали второй, сохранившейся значительно хуже,

щемъ. Вторая надпись исцѣленій передаетъ одно чудо (см. 3-е исцѣленіе), сохранившееся съ нѣкоторымъ вариантомъ въ отрывкѣ историка Ипписа (см. у Эліана de nat. anim. IX, 33—С. Müller, Fragm. historic. graec. II, стр. 15). Г. Каввадій, доверяясь свидѣтельству Свида, называющаго Ипписа современникомъ Персидскихъ войнъ, видитъ въ этомъ фактѣ неоспоримое доказательство того, что наша надпись представляетъ именно переложеніе отдѣльныхъ записей, которыя и служили источникомъ для Ипписа, такъ какъ нашей надписи во время этого историка (V вѣка до Р. X.) еще не существовало. Это чудесное исцѣленіе, какъ вариантъ разгаза Ипписа, обратило на себя вниманіе ученыхъ, изъ которыхъ У. Ф. Вилламовицъ-Меллендорфъ посвятилъ этому особенно интересную статью (*Hermes*, XIX, стр. 442 сл.), гдѣ онъ окончательно подтвердилъ уже существовавшее ранѣе мнѣніе, что нельзя считать за сочиненія Ипписа все то, что приписываетъ ему Свида; кромѣ того, на основаніи нашей надписи и другихъ свидѣтельствъ, г. Вилламовицъ пришелъ къ тому заключенію, что хронологическая дата Свида о времени жизни Ипписа не вѣрна, и что этотъ историкъ жилъ не ранѣе III вѣка до Р. X. Такимъ образомъ, благодаря этому весьма правдоподобию разъясненію, утвержденіе г. Каввадія терять свое болѣе прочное основаніе: историкъ Ипписъ могъ пользоваться прямо дошедшими до насъ документами.

На нашъ взглядъ, надписи исцѣленій есть всецѣло произведеніе жрецовъ Асклепія, составившихъ ихъ для вѣщаго доказательства всемогущества богацѣлителя, такъ сказать, ad summam gloriam dei.

¹⁾ Paus. II, 27, 3. Найденные документы изданы въ 'Ефѣр. 'Арх. 1883 г. стр. 197, № 59 и 1885 г., стр. 1, № 80; сохранился еще небольшой обломокъ третьей подобной надписи 'Ефѣр. 'Арх. 1885 г., стр. 85, № 87. Кромѣ того, всѣ документы Эпидаврійскаго святилища изданы съ богатыми комментаріями братьями Баунакъ (*Studien auf dem Gebiete der Griechischen und der arischen Sprachen von Ioh. und Th. Baunack*, I Band, 1 Theil. Leipz. 1886 г.).

²⁾ Paus. II, 36, 1.

особенно въ концѣ ¹⁾, такъ что на ней свободно читаются только первыя 12 исцѣленій, а въ остальныхъ не возможно сдѣлать и болѣе или менѣе вѣроятныхъ восстановленій. По русски надписи могутъ быть переданы приблизительно такъ:

I-я надпись.

Богъ. Въ добрый часъ.

Исцѣленія Аполлона и Асклепия.

1) Клео была беременна пять лѣтъ ²⁾. Она, будучи беременною уже пять лѣтъ, пришла къ богу съ просьбою и легла спать въ абатѣ; какъ только она вышла и очутилась внѣ святилища, она родила сына, который тотчасъ послѣ рожденія сталъ мыться въ источникѣ и ходить вмѣстѣ съ матерью. Достигнувъ этого, она написала на посвященномъ камнѣ: „Достойна удивленія не величина камня, а божество, такъ какъ Клео въ продолженіе пяти лѣтъ носила въ утробѣ, пока не заснула, и богъ исцѣлилъ ее“.

2) Трехлѣтняя дѣвочка. Иемоника изъ Пеллены пришла въ святилище ради потомства и заснувъ увидѣла сонъ: ей приснилось, что она проситъ бога, чтобы забеременѣть дѣвочкой, и что Асклепій сказалъ ей, что она забеременѣетъ, и что если она попроситъ еще о чемъ-нибудь, онъ исполнитъ и это; она отвѣчала, что болѣе ни въ чемъ не нуждается. И сдѣлавшись беременною, она носила въ утробѣ три года, пока не обратилась къ богу съ просьбою о разрѣшеніи отъ бремени; заснувъ, она увидѣла сонъ: ей приснилось, будто богъ спрашиваетъ ее, развѣ съ нею не случилось все то, о чемъ она просила, и развѣ она не забеременѣла; вѣдь о разрѣшеніи отъ бремени она ничего не просила, хотя онъ и спрашивалъ ее, не нуждается ли она еще въ чемъ-нибудь, и сказалъ, что сдѣлаетъ и это; но такъ какъ она обратилась теперь съ просьбою относительно родовъ, то онъ сказалъ, что исполнитъ и это. Затѣмъ она поспѣшила выйдти изъ абата и, какъ только очутилась внѣ священнаго округа, родила дѣвочку.

3) Мужчина, не владѣющій пальцами руки, кромѣ одного, при-

¹⁾ Обѣ надписи вырѣзаны красявилъ, прямымъ шрифтомъ на сѣромъ такъ называемомъ литографскомъ камнѣ. Размѣры 1-го камня—выс. 1,75 мтр., шир. 0,75 и толщ. 0,17; 2-го камня—1,71, 0,77; 0,15; строки перваго документа одинаковой длины и содержатъ отъ 48—51 буквы; съ 115—120 ст. буквы вырѣзаны болѣе сжато, а съ 120-го до конца шрифтъ становится мельче. Вторая надпись вырѣзана болѣе мелкимъ шрифтомъ.

²⁾ Почти каждое исцѣленіе имѣетъ подобное заглавіе.

шелъ къ богу съ просьбою. Осматривая находящіяся въ святилищѣ таблички, онъ не вѣрилъ испѣленіямъ и насмѣхался надъ написаннымъ. Заснувъ, онъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто, когда онъ игралъ около храма въ кости, богъ, появившись, вскочилъ ему на руку и вытанулъ пальцы; когда же богъ сошелъ съ руки, ему показалось, что, согнувъ его руку, богъ вытягиваетъ по одиночкѣ пальцы и, расправивъ всѣ, спрашиваетъ его, не повѣритъ ли онъ еще написанному на табличкахъ въ святилищѣ, онъ же отвѣчалъ, что нѣтъ. „Итакъ“, сказалъ богъ, „такъ какъ ты прежде не вѣрилъ самимъ вещамъ, не заключающимъ ничего невѣроятнаго, то пусть впредь будетъ богъ для тебя невѣроятнымъ“¹⁾. И съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ.

4) Амбросія изъ Аѳинъ, слѣпая на одинъ глазъ. Она пришла къ богу за помощью и, проходя по святилищу осмѣивала нѣкоторыя испѣленія, какъ невѣроятныя и невозможныя вещи, чтобы хромые и

¹⁾ Это мѣсто, то-есть, 32 и 33 ст. надписи, не вполне сохранилась на камнѣ и были восстановлены и прочтены г. Каввадіемъ въ слѣдующемъ видѣ:

31. ὅτι τοῖνον ἔμπροσθεν ἀπίστες,
[σ]ὸ τὸ[σ]σο[υ] [δ]έους, ἴνα πιστοῖς τὸ ἔστω τοι, φάμεν, ἃ πιστὸς
[τύχοι].

Но, объясняя это восстановление, г. издатель самъ замѣтилъ неясность такого пониманія. Затѣмъ на эти стихи обратилъ вниманіе г. Виламовицъ-Меллендорфъ (*Hermes*, XIX, стр. 442) и, разсмѣстивъ иначе сохранившіяся буквы, предложилъ такое чтеніе:

ὅτι τοῖνον ἔμπροσθεν ἀπίστες
[τ]ὸ το[ίς] ο[ὐχ] εἰδοῖν ἀπίστοις, τὸ λοιπὸν ἔστω τοι φάμεν, ἀπίστος
[ὁ θεός].

При этомъ г. Виламовицъ замѣчаетъ, что и это восстановление даетъ не вполне удовлетворительный текстъ; самое лучшее, по его мнѣнію, было бы читать ἀπίστως ἰάθην вмѣсто ἀπίστος ὁ θεός, но это немного смѣлое измѣненіе текста.

Итакъ, оба ученые сами не довольны своими восстановлениями, что даетъ намъ тѣмъ большее основаніе подумать надъ этими мѣстами.

На камнѣ первые пять буквъ 33-го ст. пропали совершенно, а отъ конца 42 столбца сохранилось слѣдующее:

. ΥΤΟ.ΣΟ.ΕΟΥΣΙΝΑΠΙΣΤΟΙΣ

Г. Виламовицъ, безъ сомнѣнія, удачливѣе г. Каввадія дополняетъ недостающія буквы и составляетъ слова. Съ его дѣленіемъ отдѣльныхъ словъ и съ дополненіемъ 33-го стиха соглашаемся и мы, но въ началѣ 32 ст. предлагаемъ читать [α]ὐτο[ίς] ο[ὐχ] εἰδοῖν ἀπίστοις и въ переводѣ придерживаемся слѣдующей интерпретации всего этого мѣста: ὅτι τοῖνον ἔμπροσθεν ἀπίστες αὐτοῖς, οὐχ εἰδοῖν ἀπίστοις, τὸ λοιπὸν ἔστω τοι“, φάμεν, „ἀπίστος ὁ θεός“.

слѣпыя испѣлялись, только увидя сонъ. Когда же она заснула, ей приснилось, что богъ, ставъ возлѣ, сказалъ, что сдѣлаетъ ее здоровою, но что она должна пожертвовать, какъ плату, въ святилище серебряную свинью—память о ея невѣжествѣ, и, сказавъ это, богъ разрѣзалъ ей больной глазъ и влилъ въ него какое-то лѣкарство. На утро она вышла здоровою.

5) Нѣмой мальчикъ пришелъ въ святилище съ просьбою о дарѣ слова. Когда онъ совершилъ жертвоприношеніе и исполнилъ все установленное, послѣ этого слуга, приносящій богу огонь для жертвоприношеній, (?) ¹⁾, сказалъ, обратившись къ отцу мальчика: „Общай, достигнувъ желаемого, въ теченіе года совершать благодарственное жертвоприношеніе за исцѣленіе“, тогда мальчикъ внезапно проговорилъ: „общаю“; отецъ, изумленный этимъ, велѣлъ ему еще разъ сказать, и онъ повторилъ и съ той поры сталъ здоровъ.

6) Пандаръ ессалиецъ съ клеймами на лбу. Этотъ, заснувъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто богъ повязалъ его клейма повязкой и велѣлъ ему снять ее при выходѣ изъ абата и посвятить въ храмъ. Съ наступленіемъ дня онъ всталъ и снялъ повязку, и лобъ его очистился отъ клеймъ; и онъ посвятилъ въ храмъ повязку, имѣющую на себѣ позорныя значки.

7) Ехедоръ получилъ къ своимъ клеймамъ еще клейма Пандара. Этотъ взявъ отъ Пандара деньги для того, чтобы пожертвовать ихъ за него богу въ Эпидавръ, не отдалъ ихъ. Заснувъ, онъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ, подойдя къ нему, спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какихъ-либо денегъ отъ Пандара, какъ владѣ ²⁾

¹⁾ Начальныя девять буквъ 44-го стиха пропали на камнѣ Г. Каввадіи двѣ буквы передъ ι читаетъ по (ποι), а на мѣсто послѣднихъ семи буквъ ставитъ καὶ θύωνъ съ сомнѣніемъ, не будучи въ состояніи найти другаго восстановленія; но и кромѣ того, мы не имѣемъ параллельнаго мѣста, показывающаго, что пиреоръ приносилъ жертву. (См. P. Girard, ук. соч. стр. 30). Другіе ученые тоже не могли ничего сдѣлать; намъ кажется, что вѣроятное восстановление возможно лишь въ томъ случаѣ, если измѣнить и [πο]: г. Каввадія. Имѣя девять свободныхъ мѣстъ мы думаемъ читать: [ε]ξαλλθών καὶ τὸν πατέρα τὸν τοῦ παιδὸς ποτιβλέψας...., то-есть, послѣ того какъ больной принесъ жертву (προεβόασατο, ст. 42), пиреоръ, выйдя оттуда, гдѣ совершалось жертвоприношеніе, обратился въ отцу мальчика и сказалъ....

²⁾ Это мѣсто сохранилось въ испорченномъ видѣ. Г. Каввадіи списалъ съ камня: εὶ ἔχοι τινὰ χρήματα παρ Πανδάρου ἐ[πι]θήν' ἀν' ἀνδρα, но объяснить это мѣсто отказался. Г. Видамовицъ тоже не объяснилъ этого и только написалъ εἰ . . . ἔχων ἀνδρα. Мы думаемъ, что слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ У. Баунака (ук. соч. стр. 125, прим. 8), который считаетъ одно αὐ повтореніемъ по ошибкѣ рѣзчика; такимъ образомъ получается ἐπιθήν' ἀν<αυ>θήμα.

въ святилище, онъ же отвѣчалъ, что не получалъ отъ него ничего подобнаго, но что если богъ сдѣлаетъ его здоровымъ, то онъ посвятитъ ему изображеніе съ надписью. Послѣ этого богъ повязалъ на его клейма повязку Пандара и приказалъ ему, выйдя изъ абата, снять еѣ и, умывъ лицо въ источникѣ, посмотрѣть въ воду. Когда наступилъ день, онъ вышелъ изъ абата, снялъ повязку, уже не имѣющую клеймъ, и, посмотрѣвъ въ воду, увидѣлъ, что его лобъ, кромѣ своихъ клеймъ, получилъ и клейма Пандара.

8. Евфанъ, мальчикъ изъ Эпидавра. Этотъ, страдая каменною болѣзнию, заснулъ, и ему приснилось, что богъ, подойдя къ нему, сказалъ: „Что ты дашь мнѣ, если я сдѣлаю тебя здоровымъ?“, и что онъ отвѣтилъ: „Десять игральныхъ костей“; богъ же, раземѣявшись, сказалъ, что излѣчитъ его. И съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ.

9. Мужчина слѣпой на одинъ глазъ, такъ что имѣлъ лишь одни вѣки, въ нихъ же ничего не было, пришелъ къ богу за помощію. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ святилищѣ говорили ¹⁾ о его наивности думать получить зрѣніе, когда у него совершенно не было глазъ, а лишь пустое мѣсто. Во снѣ онъ увидѣлъ, что богъ составилъ какое-то лѣкарство, расширилъ ему вѣки и влилъ его туда. На утро онъ вышелъ, вида на оба глаза.

10. Фляга. Обычный солдатъ направляясь къ святилищу, упалъ, когда былъ отъ святилища приблизительно въ разстояніи 10 стадій; вставъ, онъ открылъ сумку и сталъ смотрѣть разбитую утварь. Увидя разбитую флягу, изъ которой обыкновенно пилъ его господинъ, онъ опечалился и присѣвъ сталъ складывать черепки. Въ это время одинъ путникъ, увидя его, сказалъ: „чужады! что ты напрасно складываешь флягу? еѣ не сумѣетъ сдѣлать цѣлою даже Аскленій Эпидаврійскій“. Услыша это, слуга собралъ черепки въ сумку и направился въ святилище: по приходѣ туда, онъ открылъ сумку и вынулъ флягу, сдѣлавшуюся цѣлою. И онъ передалъ господину все сдѣланное и сказанное, и онъ, услыша это, посвятилъ флягу богу.

11. Эскинъ, когда просители уже заснули, заглядывалъ въ абатъ, взобравшись на дерево; слѣзая же, онъ выкололъ себѣ глаза о ка-

¹⁾ ἔλεγον δὴ τινες τῶν ἐν τῷ ἱερῷ τὰν εὐνήϊαν αὐτοῦ το νομίσειν βλεψείσθαι ὄλως μηδεμίαν ὑπαρχάν ἔχοντος ὀπίλλου, ἀλλ' ἢ χῶραν μόνον. Мы не видимъ необходимости, по предложенію г. Цахера (*Herms*, XXI. стр. 467), читать вѣсто ἔλεγον δὴ—ἐγέλων δέ.

кіе-то сучья и, чувствуя себя нехорошо и ослѣпнувъ, обратился съ мольбою къ богу и, заснувъ, исцѣлился.

12. Евгиппъ въ продолженіе шести лѣтъ носилъ въ щекѣ остріе копья. Когда онъ заснулъ, богъ вынулъ изъ щеки остріе и далъ его ему въ руки. Съ наступленіемъ дня онъ съ остриемъ въ рукахъ вышелъ здоровымъ.

13. Мужчина изъ Тороны, проглотившій пивки. Этотъ, заснувъ, увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто бы богъ разрѣзавъ ему грудь ножомъ, вынулъ пивки, далъ ему ихъ въ руки и зашилъ грудь. Когда наступилъ день, онъ вышелъ, держа животныхъ въ рукѣ, и сдѣлался здоровъ. А выпилъ онъ ихъ, положенныхъ въ напитки, будучи обмазывать мачихой.

14. Мужчина, страдающій каменною болѣзнью. Этотъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто онъ имѣетъ сношеніе съ красивымъ мальчикомъ, и, пробудившись онъ выкинулъ камень и, поднявъ его, вышелъ съ камнемъ въ рукахъ.

15. Гермодику лампсакіецъ разслабленный. Этотъ во время сна былъ исцѣленъ и получилъ повелѣніе, выйдя, привести въ святилище камень, какъ можно большій; и онъ принесъ камень, лежащій предъ абатомъ.

16. Никаноръ хромоу. Какой-то мальчикъ покитилъ у него костыль, когда онъ сидѣлъ въ бодрствующемъ состояніи, и убѣжалъ; но онъ, поднявшись, побѣждалъ за нимъ и съ того времени сталъ здоровъ.

17. Мужчина получилъ отъ змѣи исцѣленіе пальца. Этотъ, терпя сильную боль отъ ужасной раны на пальцѣ ноги, съ наступленіемъ дня вынесенный слугами сѣлъ на скамью. Когда имъ овладѣлъ сонъ, тогда змѣя, вышедшая изъ абата, своимъ язкомъ исцѣлила его палецъ и, сдѣлавъ это, удалилась въ абатъ. Проснувшись исцѣленнымъ, онъ говорилъ, что видѣлъ во снѣ, будто красивый юноша положилъ ему на палецъ лѣварство.

18. Алкетъ изъ Галики. Этотъ, будучи слѣпъ, увидѣлъ во снѣ, будто богъ, подойдя къ нему, проводитъ пальцами по его глазамъ, и что онъ явственно ¹⁾ увидѣлъ растущія въ святилищѣ деревья. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ.

¹⁾ *ἰδεῖν τὰ δένδρα ὀρατὸν τὰ ἐν τῷ ἱερῷ*, читается все на камнѣ совершенно ясно, и этого текста придерживаемся мы, считая поправку г. Вилламовица *πράτον* вм. *ὀρατὸν*, не обязательною, потому что форма *ὀρατὸν*, по объясненію г. Цахера (*ibid.*), вполне понятна и значить „явственно“, „воочию“.

19. Герэевсъ митиленианинъ. У этого не было волосъ на головѣ, на подбородкѣ же на оборотъ ихъ было очень много. Стыдясь этого и подвергаясь отъ другихъ насмѣшкамъ, онъ заснулъ, и богъ, намазавъ ему голову лѣкарствомъ, сдѣлалъ, что у него стали волосы.

20. Фисонъ герміонецъ слѣпой мальчикъ. Этотъ, на яву исцѣленный одною изъ находящихся въ святилищѣ собакъ, вышелъ здоровымъ.

II-я надпись ¹⁾).

1. Арата лакедемонянка, страдающая водянкой. Въ то время, какъ она оставалась въ Лакедемонѣ, вмѣсто нея заснула ея мать и увидѣла во снѣ, будто богъ, отрѣзавъ у ея дочери голову, повѣсилъ тѣло шеей внизъ; когда же вытекло много воды, онъ снялъ тѣло и снова приставилъ голову къ шеѣ. Увидѣвъ этотъ сонъ, она возвратилась въ Лакедемонъ и нашла дочь здоровую; и эта видѣла точно такой же сонъ.

2. Гермонъ өасіецъ. Этого, бывшаго слѣпымъ, богъ исцѣлилъ, но онъ послѣ этого не хотѣлъ уплатить плату за лѣчение, и богъ опять сдѣлалъ его слѣпымъ; когда же онъ приидя заснулъ вторично, богъ исцѣлилъ его.

3. Аристагора изъ Трезена. Эта имѣла въ желудкѣ солитера и, заснувъ въ святилищѣ Асклепія въ Трезенѣ, увидѣла сонъ: ей приснилось, будто служители бога отрѣзали ей голову, такъ какъ самъ богъ не былъ здѣсь, а находился въ Эпидаврѣ; но, не будучи въ состояніи снова приложить ее къ туловищу, они послали къ Асклеію, чтобы онъ пришелъ. Между тѣмъ насталъ день, и жрецъ видитъ, что голова на самомъ дѣлѣ отдѣлена отъ туловища; затѣмъ наступила ночь, и Аристагора увидѣла сонъ: ей приснилось, что богъ приидя изъ Эпидавра, приложилъ голову къ шеѣ, потомъ разрѣзалъ ей животъ, вынулъ оттуда солитера и зашилъ его. И съ этого времени она стала здоровою.

4. Мальчикъ Аристокритъ изъ Галки (найденный) подъ скалою. Этотъ, выплывъ въ море, высадился въ сухое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ скалами, и никакъ не могъ найти выхода. Послѣ этого его отецъ, нигдѣ не находя его, заснулъ у Асклепія въ абатѣ, спрашивая совѣта относительно мальчика, и увидѣлъ сонъ: ему при-

¹⁾ Мы даемъ переводъ лишь первыхъ 12-ти исцѣлений, дошедшихъ въ большемъ или менѣе цѣломъ видѣ, потому что предложенныя восстановленія остальныхъ только гадательны.

снилось, что богъ повелъ его въ какую-то страну и указалъ ему, что его сынъ находится здѣсь. И, выйдя изъ абата и разломавъ скалу, отецъ нашелъ здѣсь мальчика уже на седьмой день.

5. Сострата изъ Феръ была беременною годъ. Эта, будучи въ въ плохомъ состояніи, прибыла въ святилище на носилкахъ и заснула; но такъ какъ она не видѣла никакого яснаго сновидѣнія, то ее понесли обратно домой. Послѣ этого ей и ея спутникамъ показалось, что около Корновъ ¹⁾ съ ними повстрѣчался красивый мужчина, который, узнавъ объ ихъ неудачѣ, велѣлъ поставить носилки, на коихъ несли Сострату, затѣмъ разрѣзалъ у ней животъ и вынулъ оттуда множество глистовъ, двѣ полныя лохани; и, зашивъ животъ, онъ исцѣлилъ ее, открылъ, что онъ Асклепій и приказалъ внести плату за лѣченіе въ Эпидавръ.

6. Собака излѣчила мальчика изъ Эгины. У этого была на шеѣ опухоль, и когда онъ пришелъ къ богу за помощью, то одна изъ священныхъ собакъ на яву излѣчила его своимъ языкомъ, и мальчикъ сталъ здоровъ.

7. Мужчина съ язвою въ желудкѣ. Этотъ заснувъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, будто богъ приказалъ слѣдовавшимъ за нимъ прислужникамъ схватить его и держать, чтобы онъ могъ разрѣзать ему животъ. Тогда онъ побѣжалъ, но слуги схватили его и привязали къ дверному кольцу, а Асклепій разрѣзалъ ему животъ, вырѣзалъ язву и спилъ его; затѣмъ больной былъ освобожденъ отъ веревокъ и съ той поры сталъ здоровъ. И полъ въ абатѣ былъ весь покрытъ кровью.

8. Клейнать евванецъ, имѣющій паразитовъ. Этотъ покрытый по всему тѣлу множествомъ паразитовъ, придя въ святилище, заснулъ и увидѣлъ сонъ, будто богъ, снявъ съ него одежду, и поставивъ его прямо, считилъ паразитовъ щеткой. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ изъ абата здоровымъ.

9. Агестратъ, страдающій головою болью. Этотъ страдалъ бессонницей вслѣдствіе головной боли и, придя въ абатъ, заснулъ и увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ излѣчилъ страданія головы, поставилъ его голаго прямо и выучилъ оборонѣ въ панкратическомъ состязаніи. На утро онъ вышелъ здоровымъ и немного спустя одержалъ побѣду въ панкратіи на Немейскихъ играхъ.

10. Горгій изъ Гераклеи, страдающій мокротою. Этотъ, раненый

¹⁾ Незавѣстный городъ по дорогѣ изъ Эпидавра въ Феры.

въ одной битвѣ стрѣлою въ легкія, годъ и шесть мѣсяцевъ былъ подверженъ такой обильной мокротѣ, что наполнилъ ею 67 лоханей; когда онъ заснулъ, ему приснилось, что богъ вынулъ изъ легкиихъ остріе стрѣлы. Съ наступленіемъ дня онъ вышелъ здоровымъ съ остріемъ стрѣлы въ рукахъ.

11. Андромаха изъ Епира, пришедшая съ просьбой относительно дѣтей. Эта увидѣла сонъ: ей приснилось, будто богъ, поднявъ ея платье (?), дотронулся до ея живота, вслѣдствіе чего у нея родился сынъ отъ Арибба.

12. А. , страдающій глазами. Этотъ во время битвы былъ раненъ дротикомъ въ оба глаза, ослѣпъ и носилъ остріе дротика въ продолженіе года (?). — Заснувъ, онъ увидѣлъ сонъ: ему приснилось, что богъ, вытащивъ остріе въ глаза (черезъ глаза ?) , снова исправилъ. На утро онъ вышелъ здоровымъ.

Таково содержаніе этихъ весьма интересныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ документовъ. Конечно, мы совершенно напрасно стали бы искать здѣсь случаевъ правильныхъ и дѣйствительно бывшихъ лѣченій; важность нашего документа не въ томъ, что онъ передаетъ намъ примѣры исцѣленій при оракулахъ Асклепіа, такъ какъ это не лѣченія, а чудеса; важность его въ самомъ способѣ передачи этихъ примѣровъ, въ томъ, что изъ него совершенно ясны для насъ взгляды древнихъ на лѣченія Асклепіа, затѣмъ отличительный характеръ лѣченій за этотъ періодъ времени и наконецъ степень довѣрія къ нимъ. На эти вопросы можно найти отвѣтъ въ нашей надписи, и по нимъ въ краткихъ чертахъ мы получаемъ слѣдующую картину инкубационныхъ лѣченій при оракулахъ Асклепіа за III вѣка до Р. X. Всѣ исцѣленія приписываются только всемогуществу бога, которому поэтому были доступны вещи, положительно невозможныя, и нашъ документъ, какъ выразитель взгляда большинства, изъясъ изъ цѣлительства бога всѣ тѣ средства, которыми, будучи основаны только на научномъ знаніи, могли бы умалить всемогущество бога; вслѣдствіе этого здѣсь не названо, напримѣръ, ни одного лѣкарства, употребляемаго при лѣченіи; для этой же цѣли исцѣленія отъ болѣзней, доступныхъ правильному лѣченію (см., напримѣръ, надп. I-я, 17-е чудо и II-я 6-ое чудо), умышленно переданы въ чудесномъ видѣ. Но разъ лѣченія основаны на всемогуществѣ, то обстановка ихъ должна быть таинственной, а характеръ чудеснымъ: это есть отличительная черта инкубационныхъ лѣченій за это время, черта, распространившаяся не только на цѣлительство Асклепіа, но и вообще на дѣятельность его,

какъ помощника и защитника людей. Если же сила бога казалась только чудесною, то это прямо доказываетъ, что вѣра въ бога и его могущество была тогда особенно велика, и единичные случаи невѣрія не подрывали ея, иначе она не терпѣла бы вещей, подобныхъ нашимъ документамъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя думать, будто дошедшія до насъ надписи составлены для поддержанія уже падавшей вѣры въ бога — цѣлителя, такъ какъ для поднятія вѣры недостаточно вымышленныхъ чудесъ, а необходимо самое ихъ совершеніе; да и кромѣ того, еслибы появленіе нашихъ надписей было вызвано желаніемъ поддержать уменьшающуюся вѣру, то такіе документы тѣмъ болѣе должны были бы явиться отъ болѣе поздняго времени, когда вѣра дѣйствительно падала, но тутъ-то и нѣтъ подобныхъ памятниковъ. Слѣдовательно, наши надписи своимъ появленіемъ прямо доказываютъ твердую вѣру въ цѣлительную силу Асклепіа за періодъ III вѣка до Р. Х., который потому и былъ временемъ высшаго процвѣтанія оракуловъ этого бога.

Другой документъ Эпидаврійскаго святилища, надпись Ю. Апелласа, какъ имѣющій, сравнительно съ надписями исцѣленій, гораздо большее значеніе, сразу обратилъ на себя вниманіе ученыхъ ¹⁾, изъ которыхъ г. Каввадій первый замѣтилъ поразительное сходство этого документа со священными рѣчами (Ἱεροὶ λόγοι) ритора Эліа Аристиды не только по содержанію, но и въ выраженіяхъ. Такимъ образомъ надпись Ю. Апелласа прекрасно комментируется рѣчами Эліа Аристиды, правда, уже достаточно послужившими цѣли разгадать сущность древнихъ инкубаціонныхъ лѣченій, но съ помощью надписи Апелласа дающими совершенно иной взглядъ на этотъ обычай древности ²⁾.

Настоящій документъ сохранился во всей полнотѣ, но, не смотря на это, нужно удивляться той черовности слога и неправильности выраженій, которыми изобилуетъ этотъ памятникъ. Трудно допустить, чтобы такъ могъ выразиться человѣкъ высшаго класса ³⁾, который

¹⁾ Документъ вырванъ изъ мраморной доски вышиной 1,00 мтр., шириной 0,50 и толщ. 0,09. Издавъ г. Каввадіемъ въ 'Ефѣр. 'Арх. 1883 г., стр. 227, № 60; затѣмъ см. *Виламовицъ-Меллендорфъ* въ его *Philologische Untersuchungen*, IX Heft, стр. 116—124, *Пантасидисъ* въ 'Ефѣр. 'Арх. 1888 г., стр. 141, *Цахеръ* въ *Herbes*, XXI, стр. 472 пр. 3, *Баунакъ*, ун. соч. стр. 110 слѣд.

²⁾ Въ виду этого при нижеслѣдующемъ переводѣ мы будемъ приводить параллельныя мѣста изъ рѣчей Аристиды, собранныя у Баунака.

³⁾ По догадкѣ г. Виламовица, родословную Апелласа можно видѣть въ слѣд.

самъ говоритъ, что онъ любитъ φιλολογεῖν: такъ и думается, что эта надпись, составленная по порученію Апелласа, есть произведеніе какого-либо зауряднаго, полуграмотнаго рѣзчика, который по просьбѣ Апелласа передалъ произведенное богомъ излѣченіе, не обращая вниманія на точность и грамматическую правильность. Иначе трудно объяснить себѣ употребленіе старыхъ и неправильныхъ формъ λούσθαι и νάκωι вмѣсто λούεσθαι и σίνασι, смѣшеніе проλαμβάνειν съ проλαβεῖν и такія ошибки, какъ ἄνηθον χρήσασθαι ¹⁾. Кромѣ того, нѣкоторые мѣста, особенно конецъ документа, почти не поддаются пониманію.

Содержаніе надписи въ близкомъ переводѣ подлинника таково:

При жрецѣ П. Э. Антиохѣ.

Я, М. Юлій Апелласъ, идріецъ изъ Миласъ, былъ призванъ богомъ, такъ какъ я часто впадалъ въ болѣзни и страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Такъ, во время моего плаванья, въ Эгинѣ онъ не велѣлъ мнѣ сердиться; когда же я прибылъ въ святилище, богъ приказалъ мнѣ ходить съ покрытою головой въ продолженіе двухъ дней, въ которые шелъ дождь, повелѣлъ ѣсть сыръ и пшеничный хлѣбъ ²⁾, селлерей съ латукомъ, мыться самому, упражняться въ бѣгѣ ³⁾, принимать лимонный сокъ, смѣшавъ его съ водою, въ ваннѣ тереться объ стѣну πρὸς ταῖς ἀκοαῖς ⁴⁾, совершать прогулки ⁵⁾ въ верхнемъ этажѣ (портика), качаться, натираться грязью ⁶⁾, ходить босымъ ⁷⁾, прежде чѣмъ войдти въ ванну, вливать въ теплую воду вино, мыться одному и давать прислужнику при ваннѣ одну аттическую драхму,

надписи (С. I. A. III, № 731): „Εὐμόλπιδαί τον ἄρχοντα Μάρκον Ἰούλιον Ἀπελλάν Μαραθῶνιον, υἱὸν Μ. Ἰουλίου Δαμῖανου Μυλασ[έ]ως καὶ Φλ[αουίας] Πῶλλης, Φλ[αουίου] Ἀπελλά Ὑπα[τε]ρηνοῦ θυγατρός[ς].“

¹⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ согласиться съ г. Цлхеромъ, видающимъ здѣсь не грамматическую ошибку, а опіску вмѣсто ἄνηθον χρήσασθαι, такъ какъ въ остальныхъ случаяхъ при χρήσασθαι конструкція вѣрна.

²⁾ τῶρον καὶ ἄρθον προλαβεῖν, ср. Arist. I, 455 (Dind.): ὡν μετ' ἄρτου προλαμβάνειν.

³⁾ δρόμῳ γυμνάζεσθαι — Arist. I, 509: δρόμῳ χρῆσθαι.

⁴⁾ Значеніе этого слова, какъ и ниже, совершенно непонятно (Wil. ἀκοαῖς, Bab. ἀκοαῖς).

⁵⁾ περιπάτῳ χρῆσθαι — Arist. I, 446: διήγανον δὲ περιπάτῳ χρώμενος κατ' οἰκίαν καὶ ἅμα παιδιᾷ, ср. I, 461, 466, 509 и 541.

⁶⁾ ἀφῆ πηλώσασθαι — Arist. I, 485: προσέταξε χρήσασθαι τῷ πηλῷ.

⁷⁾ ἀνυπόδητον περιπατεῖν — Arist. I, 466: ἀνυπόδητόν τε γὰρ προσεθεῖν ἐπέταξε, ср. I, 461, Mg. Aurel. de reb. suis V, 9.

приносить общую жертву Асклеію, Епіонѣ и Елевсінскимъ божествамъ ¹⁾, пить молоко съ медомъ. Когда же я въ продолженіи одного дня пилъ одно молоко, то онъ сказалъ мнѣ: „Прибавь въ молоко медъ, чтобы оно могло подѣйствовать“. Когда же я просилъ бога поскорѣе отпустить меня, мнѣ показалось, что я, весь намазанный горчицей и солью, выхожу изъ абата *κατὰ τὰς ἀκόας*, и что предо мной идетъ мальчикъ съ курящеюся камильницею, и что жрецъ говорить: „Ты исцѣлился ²⁾ и долженъ ввести плату за лѣченіе“. Я исполнилъ то, что видѣлъ, и, намазавшись солью и разведенною горчицей, почувствовалъ боль, обмывшись же, не чувствовалъ болѣе. Это произошло въ продолженіе девяти дней со времени моего прибытія. Богъ коснулся также моей правой руки и груди ³⁾. На слѣдующій день; когда я приносилъ жертву, пламя, поднявшись вверхъ, обожгло мнѣ руку, такъ что вздулись пузыри; но скорѣе рука стала здоровою. Я еще оставался въ святилищѣ, и богъ велѣлъ мнѣ употреблять противъ головной боли анисъ съ масломъ: я, положивъ, не страдалъ головною болью, но вслѣдствіе занятій у меня происходили приливы крови къ головѣ; употребивъ же масло, я избавился отъ головной боли. Противъ опухоли языка — вѣдь и относительно этого я просилъ у бога помощи — онъ повелѣлъ мнѣ дѣлать холодное полосканье, то же самое и противъ воспаления гортани. И велѣлъ онъ мнѣ написать это, и я, чувствуя благодарность и излѣчившись, удался изъ святилища ⁴⁾.

¹⁾ Каввадій прочелъ: Ἀσκληπιῶ ἥπιον ἢ Ἐλευσεϊνίαις. Не подлежитъ сомнѣнію поправка Пантасидаса: Ἀσκληπιῶ, Ἡπίονη, Ἐλευσεϊνίαις.

²⁾ Каввадій прочелъ: τε θεραπεύσαι χρῆ... Пантасидасъ совершенно вѣрно исправилъ: τεθεράπευσαι χρῆ...

³⁾ ἤψατο δέ μου καὶ τῆς δεξιᾶς χεῖρός καὶ τοῦ μαστοῦ. Эта фраза стоитъ безъ всякой связи и совершенно непонятна; издатель видитъ подлежащимъ здѣсь ó θεός; Пантасидасъ подразумѣваетъ здѣсь νόσος; подтверждающая Оукиддомъ (II, 48, 2). Намъ кажется, что мнѣніе г. Каввадія все-таки лучше, а подтвержденіе примѣрами въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакой силы. Мы понимаемъ это мѣсто такъ: богъ своимъ лѣченіемъ коснулся также и моей руки и груди, или лѣченіе бога коснулось и проч.

⁴⁾ Все это мѣсто (ст. 24—30) въ контекстѣ почти не поддается пониманію. Издатель даетъ слѣд. интерпункцію: τῇ δὲ ἑξῆς: ἡμέρα ἐπιθύοντός μου φλόξ ἀναδραμοῦσα ἐπέφλευσε τὴν χεῖρα, ὡς καὶ φλυκταῖνας ἐξανθήσαι. μετ' ὀλίγον δὲ ὑγιᾶς ἢ χεῖρ ἐγένετο ἐπιμείναντί μοι ἀνηθον μετ' ἰλαίου χρῆσασθαι. πρὸς τὴν κεφαλαλίαν εἶπεν (οὐ μὴν ἤλθουν τὴν κεφαλὴν. συνέβη οὖν, φιλολογίσαντί μοι συμπληρωθῆναι, χρῆσάμενος τῷ ἐλαίῳ ἀπηλλάγην τῆς κεφαλαλίας) ἀναγαρραρίζεσθαι ψυχρῶ πρὸς τὴν σταφυλὴν (καὶ γὰρ περὶ τούτου παρακάλεσα τὸν θεόν), τὸ αὐτὸ καὶ πρὸς παρίσθμια.

Какъ видно, въ этомъ оригинальномъ документѣ мы какъ бы вновь читаемъ то, что знали прежде изъ запутанныхъ рѣчей Аристида, для которыхъ нашъ документъ можетъ служить краткимъ конспектомъ. Указанныя выше мѣста изъ сочиненій Аристида обнаруживаютъ иногда до того поразительное сходство въ лѣченіи этихъ двухъ пациентовъ Аскленія, что такъ и кажется, будто оба они лѣчились у одного и того же врача, по одной и той же системѣ, уже достаточно выработанной, показывающей въ руководителяхъ этими лѣченіями немалую увѣренность въ своемъ знаніи и опытности ¹⁾. Подмѣченная такимъ образомъ система, можетъ быть и не вполне правильная съ точки зрѣнія современной научной медицины, но совершенно удовлетворительная для того времени, какъ нельзя лучше доказываетъ значение оракуловъ Аскленія, какъ главныхъ медицинскихъ пунктовъ древности, а сами лѣченія, поставленныя систематически, должны предполагать за своими руководителями положительныя медицинскія познанія ²⁾.

Подводя итогъ историческому матеріалу, почерпаемому изъ опи

Неудобство такого пониманія очевидно: по этой интерпункціи выходитъ, что богъ противъ омега руки предписалъ анисъ съ масломъ, между тѣмъ какъ больной пользуется масломъ противъ головной боли, для чего ему вѣдно было дѣлать полосканія. Затѣмъ по этому толкованію мы читаемъ: „πρός τήν κεφαλαλίαν εἶλεν ἀναγαράριζεσθαι ψυχρῆ πρός τήν σταφυλήν“. Въ такомъ случаѣ трудно найти смыслъ слова σταφυλή; вѣдь это отдельная болѣзнь (ср. Gal. VII, 731). Мы держимся болѣе удобнаго чтенія г. Пантанидиса.

¹⁾ Оба больные страдали тою же болѣзью, такъ какъ у Аристида былъ тоже и катарръ желудка (см. Arist. I, 477). Лѣченіе, хотя и въ разныхъ святилищахъ, производилось слѣдующимъ образомъ: въ обоихъ случаяхъ оно начинается съ діеты; Апелласъ долженъ былъ встать сыръ, пшеничный хлѣбъ, сельдерей, латукъ, пить лимонадъ и молоко съ медомъ: Аристидъ тоже питался овощами и пшеничнымъ хлѣбомъ, ѣлъ медъ и пилъ молоко (Arist. I, 455, 463, 468, 468, 476, 497). Затѣмъ Апелласу было предписано натираніе грязью (можетъ быть, особаго цѣлебнаго свойства), солью и горчицей: Аристидъ дѣлаетъ совершенно то же (Arist. I, 462, 485). Теплыя ванны, которыми пользуется Апелласъ, очень часто упоминаются при лѣченіи Аристида (Arist. I, 466, 467, 483 и пр.). Наконецъ, идутъ разныя физическія упражненія; такъ, Апелласу было предписано совершать прогулки, бѣгать, качаться, ходить босымъ: подобное долженъ былъ дѣлать и Аристидъ (Arist. I, 446, 461, 466, 509, 541).

²⁾ Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ надписи Апелласа, могли бы быть прекраснымъ пополненіемъ статьи д-ра Веркутра (Vergoutre) „La médecine sacerdotale dans l'antiquité grecque“ (*Revue Archéol.* 1885 г., стр. 237—292, 1886 г., стр. 22—26 и 106—123). Здѣсь очень остроумно доказываются твердыя медицинскія познанія у жрецовъ Аскленія.

санныхъ документовъ Эпидаврѣйскаго святилища, мы должны сказать, что, если въ III вѣкѣ до Р. Х. обстановка лѣченій при оракулахъ Асклепіа была чудесною и въ массѣ не вызывала протеста, то въ позднѣйшее время, спустя пять вѣковъ, отъ которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, сами лѣченія значительно усовершенствовались вмѣстѣ съ медициной-наукой; чудесная обстановка лѣченій не была убѣдительна, и потому время заставило жрецовъ обратиться къ другому способу возвеличенія божества и поднятія его оракуловъ: тогда жрецы расширили свои медицинскія познанія и достигли того, что при оракулахъ получали исцѣленіе больные послѣ продолжительнаго безуспѣшнаго лѣченія у врачей. Въ такомъ состояніи находится оракулъ Асклепіа во II вѣкѣ по Р. Х., и къ этому привели ихъ неизвѣстныя для насъ пять вѣковъ (отъ III вѣка до Р. Х.—II вѣка по Р. Х.), употребленные жрецами Асклепіа на постепенное усовершенствованіе своихъ оракуловъ.

Остальные документы Эпидаврѣйскаго святилища въ большинствѣ принадлежать къ такъ называемымъ ἀναθήματα (вотивныя посвященія) и представляютъ короткія посвятительныя записи преимущественно на пьедесталахъ отъ не дошедшихъ статуй. Изъ подобныхъ посвященій Аполлону, Асклепію, Игіеѣ, Артеמידѣ, Телесфору и другимъ божествамъ только нѣкоторыя имѣютъ сравнительно большій интересъ, какъ дающія новыя свѣдѣнія къ исторіи культа Асклепіа. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь небольшая мраморная доска со слѣдующею посвятительною надписью дактилическаго гексаметра:

[Z]ηνὶ καὶ Ἥελίῳ [x]αὶ πᾶσιν ἀγαθέεσσιν
 ὁ]λβοδόταις καὶ [ε]λευθερίοις καὶ λυσιπόνοισιν
 ἱεροφάντης εἰς ὅσην θεοπειθεῖ γαίῳν
 Διογένης, Δηοῦς πρόκολος, Παίηονος ἱερεὺς.
 ΡΟΔ εἶσι ἱεροπολήσασκ¹⁾.

Какъ видно, посвященіе это пожертвовано благочестивымъ Діогеномъ²⁾, іерофантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жрецомъ святилища Аскле-

¹⁾ Ἐφῆμ. Ἀρχ. 1883 г., стр. 25, № 1. Въ третьей строикѣ г. Каввадіи читается εἰς ὅσην, но такая транскрипція совершенно непонятна, поэтому мы соглашаемся съ чтеніемъ г. Диттенбергера: εἰς = εἰς (= ἰέρωσας). См. статью его въ Historische und philolog. Aufsätze, E. Curtius zu seinem siebenzigsten Geburtstage gewidmet (1884 г.), стр. 290. ΡΟΔ = 174, т.е. есть, если считать этотъ годъ, по мнѣнію г. Каввадіа, отъ битвы при Анціумѣ, время этой надписи определяется 143 г. по Р. Х.

²⁾ Вероятно, отъ имени этого же Діогена дошли и посвященія Аполлону

пія, конечно, не Епидаврїйскаго, а Аѳинскаго, болѣе близкаго къ Елевсину. Такимъ образомъ, во II вѣкѣ по Р. Х. при Аѳинскомъ оракулѣ Асклепія жрецомъ состоитъ верховный жрецъ Елевсинскихъ божествъ, то-есть, въ то время, когда это святилище Асклепія, какъ оракулъ, утратило свое значеніе, тогда должность жреца исполнялъ при немъ іерофантъ ¹⁾, и Аѳинское святилище бога-цѣлителя какъ бы присоединилось къ святилищю Елевсина. Это важное указаніе еще разъ подтверждаетъ уже достаточно доказанное теперь тѣсное отношеніе культа Асклепія, и въ частности, Аѳинскаго, къ мистическому культу Елевсинскихъ божествъ.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ посвященныхъ надписяхъ, въ которыхъ сохранились до сихъ поръ не встрѣчавшіяся эпитеты Асклепія: Ὀρβίος, Εὐχολός, Διγέωτης, Συγγνώμων ²⁾.

Нѣкоторый интересъ представляютъ еще два посвященія, помѣщенные издателемъ подъ №№ 101 и 102 (Ἐφημ. Ἀρχ. 1885 г., стр. 198). Первое, вырѣзанное на мѣдной доскѣ, читается: „Καλλίστρατος ἀνέθεκε τῷ Ἀσκλη(λ)απ[ιδ]ῷ ΝΟ μάγρος“. Это единственный памятникъ древняго эпидаврїйскаго нарѣчія, по начертанію очень близко подходящій къ древнимъ надписямъ у Böhl'я, Inscr. Gr. Ant., №№ 41 и 42. Другое представляетъ небольшую мраморную доску съ изображеніемъ двухъ ушей и со слѣдующею латинскою стихотворною надписью (буквы выкрашены въ красный цвѣтъ):

„Cuttius has auris Galkus tibi voverat olim,
Phoebigena, et posuit sanus ab auriculis“.

Памятникъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ особому роду votivныхъ приношеній, присущихъ исключительно культу божествъ, обладавшихъ цѣлительною силой. Это по большей части золотыя и серебряныя изображенія частей тѣла, рукъ, ногъ, ушей, глазъ и подобное пожертвованныя исцѣленными больными, названныя въ одной надписи изъ Аѳинскаго святилища Асклепія τόποι, σῶμα ἀνδρείον καὶ γυναικεῖον ³⁾.

(Ἐχατηβελέτη), Семенъ (Πολυωνόμα), Телесору (Σωτήρι), Аполлону (Μαλαῖτα Σωτήρι), Асклепію (Σωτήρι), см. Ἐφημ. Ἀρχ. 1888 г., стр. 147—150, №№ 37—42.

¹⁾ Ср. по этому поводу найденную здѣсь надпись отъ 201 года по Р. Х.: Ἀσκληπιῶς Διγέωτη ὁ ἱεροφάντης καὶ ἱερεὺς τῶν Σωτήρος Μνασίας Ἐρμιονίδος κατ' ἄναρ τὸ ΣΛΒ. (Ἐφημ. Ἀρχ. 1884 г., стр. 21, № 62).

²⁾ Ἐφημ. Ἀρχ. 1883 г., стр. 89, № 28, стр. 150, № 44; 1884 г., стр. 21 № 62, стр. 26, № 67. Эпитетъ Διγέωτης (см. предыдущее примѣчаніе) объясняется г. Каввадіемъ отъ мѣстнаго культа Асклепія въ соседней со святилищемъ деревнѣ, называемой нынѣ Διγούριό.

³⁾ См. интересный инвентарь Аѳинскаго оракула Асклепія, Ἀθήναιον, V, стр. 103 и 189; VI, стр. 489, VII, стр. 87; *Bull. de corr. hellén.* II, стр. 419.

Но, кромѣ этихъ мелкихъ документовъ, раскопки Эпидаврійскаго святилища дали одинъ очень интересный памятникъ, принадлежащій къ роду вотивныхъ гимновъ; мы говоримъ объ извѣстномъ, большомъ пѣанѣ въ честь Аполлона и Асклепія, составленномъ эпидаврійцемъ Исилломъ, сыномъ Сократа. Такіе памятники дошли до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ ¹⁾, и по содержанію всѣ они очень сходны: наполненные высшею хвалою богу-цѣлителю, они передаютъ обыкновенно легендарныя разказы о рожденіи и воспитаніи Асклепія, разказы, осложненные мѣстными вариантами ²⁾. Такъ и гимнъ Исилла ³⁾ передаетъ въ неизвѣстной до сего времени полнотѣ эпидаврійское преданіе о рожденіи Асклепія.

По содержанію пѣанъ распадается на слѣдующія части ⁴⁾: въ первыхъ девяти стихахъ (кромѣ двухъ первыхъ посвячительныхъ) поэтъ, сторонникъ аристократическаго правленія, высказываетъ по этому поводу свои политическія убѣжденія и тутъ же даетъ обѣщаніе посвятить богамъ, покровителямъ города, этотъ пѣанъ, если въ Эпидаврѣ установится желаемое поэтомъ правленіе. Слѣдующіе 17 стиховъ говорятъ, что такое правленіе дѣйствительно настало въ Эпидаврѣ, гдѣ аристократическая партія одержала верхъ, и народъ въ память этого событія постановилъ совершать торжественное

¹⁾ Гимнъ изъ Римскаго оракула Асклепія, посвященный врачомъ Никомахомъ Смирнскимъ, уже давно извѣстенъ (см. С. I. Gr., № 5974). Раскопки Аеннскаго святилища открыли нѣсколько обломанныхъ камней съ гимнами въ честь Асклепія и его семейства, и одинъ изъ нихъ представляетъ начало гимна, сочиненнаго трагикомъ Софокломъ (см. 'Αθήνας, V, стр. 340; VI, стр. 141, 143; С. I. Att. III, 1, № 171b; ср. Philostr. vita Apoll. Туан. III, 17).

²⁾ Прототипомъ подобныхъ памятниковъ можетъ служить гимнъ въ честь Асклепія, приписываемый Гомеру (Hom. hymn. 15).

³⁾ Объ этомъ документѣ, не смотря на то, что онъ былъ опубликованъ ('Εφῆμ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 66, № 84) позже другихъ, существуетъ уже цѣлая литература. На сколько намъ извѣстно, кромѣ издателя, обратившаго на эту надпись особое вниманіе, ея разбору посвятили еще нѣсколько страницъ г. Семителосъ ('Εφῆμ. 'Αρχ. 1885 г., стр. 74 сл.), которому принадлежатъ метрическія объясненія документа, немецкій ученый Влассъ (*Jahrb. für Philolog. und Pädagog. v. Fleckeisen und Masius* 1885 г., стр. 822—826) и прее. Вилламоницъ-Мёллендорфъ, написавшій по поводу этого пѣана цѣлое сочиненіе „Isyllos von Epidaurus“ въ IX томѣ издаваемыхъ имъ вмѣстѣ съ Кисслингомъ „Филологическихъ изысканій“ (Philolog. Untersuchungen). Затѣмъ довольно подробныя объясненія и сводъ мнѣній упомянутыхъ ученыхъ далъ г. Баувакъ въ указанномъ сочиненіи, стр. 147—160.

⁴⁾ Діалектъ почти чисто дорическій; стихотв. размеры: ст. 8—9—трох. тетраμ., 10—26—дакт. гекзам., 27—31—дакт. гекзам., 32—36—прозаич. мѣсто, 37—56—іонич. разμ., 57—79—дакт. гекзам.

шествіе въ святилища покровителей города, Аполлона и Асклепія. Затѣмъ въ пяти стихахъ разказывается о началѣ культа Аполлона Малейата; за этимъ прозаическія строки (33—37) передаютъ мѣстные Дельфійскаго оракула о пѣанѣ Исидла, и наконецъ слѣдующіе стихи заключаютъ самую существенную часть пѣана, восхваление Асклепія, гдѣ сначала подробно изложено эпидаврійское преданіе о рожденіи Асклепія съ полною генеалогіей послѣдняго ¹⁾, затѣмъ приводится чудо Асклепія, спасающаго Лакедемонъ отъ нашествія Македонскаго царя Филиппа.

Упомянутое о нашествіи Филиппа приблизительно опредѣляется время этого пѣана. Въ этомъ историческомъ разказѣ г. Каввадіи видятъ одинъ изъ эпизодовъ похода Филиппа II на Спарту послѣ Херонейской битвы; это же подтверждаетъ Вилламоніцъ-Меллендорфъ. Однако ошибочность этого вывода не подлежитъ сомнѣнію: она указана какъ проф. Θ. Θ. Соколовымъ ²⁾, такъ и г. Блассомъ, которые съ полнымъ основаніемъ утверждаютъ, что Исидла говоритъ о походѣ Филиппа III, происшедшемъ въ 218 г. до Р. X. Это время,

¹⁾ Ζεὺς

Ἐρατώ + Μῆλος

Κλεοφῆμα + Φλεγύας

Αἰγλή (Κορωνίς) + Ἀπόλλων

Ἀσκληπιός.

Эта существенная часть пѣана передана съ надлежащею полнотою и именно такъ, какъ нужно было ее передать: Исидла ведетъ происхождение Асклепія прямо отъ Зевса, но иначе, чѣмъ прежде мы знали это. Происхождение отъ Зевса мы видѣли прежде только чрезъ отца Асклепія, а у Исидлы и мать Асклепія божескаго происхожденія. Утвердивъ этимъ преимущество эпидаврійскаго преданія, поэтъ приводитъ даже особенность его отъ преданія ессадійскаго, именно, онъ говоритъ, что нѣя матери Асклепія было Эгла, а Коронидою она была только прозвана за свою красоту. Конечно, мы должны вѣрить Исидлѣ, вѣдь не могъ же онъ на столько исказить преданіе, но тѣмъ не менѣе мы нѣмѣе основаніе думать, что новое для насъ нѣя матери Асклепія осталось только между такими ревнителями преданія своей родины, какъ Исидла, который даже само нѣя Ἀσκληπιός умудряется производить отъ Αἰγλή; все-таки Коронидою было общепочтеннымъ именемъ матери Асклепія, такъ называютъ ее всѣ авторы, не знающіе совершенно имени Эгла, да и самъ Исидла не могъ выпустить это нѣя и потому прибавилъ, что это было только прованіе. Наконецъ, въ Эпидаврійской области нѣя Корониды было такъ извѣстно, что память о немъ, какъ мы уже замѣтили, живеть еще и теперь.

²⁾ Журн. М. Н. Пр. 1886 г., июль, стр. 1 слѣд.: „Третій вѣкъ до Р. X.“.

какъ извѣстно, ознаменовалось Союзническою войною, которую вела противъ этолийцевъ Македонія и ея симмахія, образовавшаяся при Антигонѣ Досонѣ. Въ Спартѣ въ это время царствовали малолѣтній внукъ убитаго Клеомена, Агесиполитъ, и Ликургъ, не происходившій изъ царскаго рода. Къ такому положенію дѣла, какъ нельзя лучше, подходитъ разказъ нашего документа. Исидлъ говоритъ, что Филиппъ шелъ на Спарту, „ἐθάλων ἀναλεῖν βασιλείδα τμητήν“; онъ дѣйствительно могъ имѣть такое намѣреніе и даже надѣяться на успѣхъ, такъ какъ въ это время царская власть въ Спартѣ была очень не прочна и, за малолѣтствомъ Агесиполита, была въ рукахъ одного лица, незаконно владѣющаго престоломъ. Но Филиппу не удалось его предпріятіе, не смотря на то, что лакедемоняне были невѣроятно поражены неожиданностью и быстротою нашествія; поэтому слова Исидла: „Ἀσκληπιός ἦλθε βοαδός ἐξ Ἐπιδαύρου τμητῶν Ἠρακλῆος γυναικῶν ἃς φείδεται ἄρα Ζεὺς“, ясно говорятъ, что лакедемоняне и не надѣялись на спасеніе и такъ были удивлены благоприятнымъ для нихъ исходомъ нашествия, что дѣйствительно могли видѣть здѣсь только помощь божества. Такимъ образомъ на сколько очевидно сохранный документомъ эпизодъ согласуется съ событіями 218 г. до Р. Х., на столько мало онъ подходитъ къ положенію Спарты въ 338 г. до Р. Х.

Исидлъ былъ современникъ Филиппа III и въ 218 г. былъ еще мальчикомъ (ст. 62 и 64 пзана); къ тому же времени, когда онъ написалъ пзанъ, походъ Филиппа назался совершеннымъ уже „ἐγχαίνοισι χρόνους“ (стр. 58), такъ что нашъ документъ долженъ быть отнесенъ къ концу III или началу II вѣка до Р. Х.

Кромѣ подобныхъ посвятельныхъ надписей, до насъ дошло еще нѣсколько ММ. небольшихъ документовъ въ честь частныхъ лицъ, оказавшихъ городу или святилищу Асклепія какія-либо благодѣянія. Будучи выражены обыкновенною формулировкой подобнаго рода документовъ, они, какъ историческіе памятники, не имѣютъ особаго значенія и, давая лишь одни собственныя имена отличившихся гражданъ, не могутъ быть комментированы другими надписями ¹⁾.

Затѣмъ около храма Асклепія найденъ обломокъ, по видимому, большой и интересной надписи политическаго содержанія, но, къ

¹⁾ Изъ этихъ документовъ можно отмѣтить слѣдующую надпись, дающую намъ имя неизвѣстнаго до сихъ поръ комическаго поэта (Ἐφημ. Ἀρχ. 1883 г., стр. 27, № 4):

„Ἄ πόλις τῶν Ἐπιδαυρίων Διομήδην Ἀθηνοφόρου
Ἀθηναίων ποιητῶν χωμαδιῶν ἀνέθηκ[ε]“.

сожалѣнію, этотъ единственный подобнаго рода документъ пока долженъ быть оставленъ безъ объясненій, такъ какъ, за неизбѣнимъ надписей такой же формулировки, въ немъ нельзя сдѣлать какихъ-либо вѣроятныхъ возстановленій ¹⁾).

Перехода теперь къ описанію найденныхъ памятниковъ искусства, мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые сохранились въ болѣе цѣломъ видѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше частей фронтонныхъ группъ храма Асклепія, раскопки открыли художественныя произведенія только одного рода, именно нѣсколько мраморныхъ статуй. Начнемъ со статуй Асклепія, коихъ найдено шесть экземпляровъ.

I. Статуя Асклепія изъ пентелизійскаго мрамора, найденная за периволомъ при раскопкахъ театра около восточной стороны сцены. Отъ статуи отбиты голова, правое плечо и ноги ниже голени; богъ, изображенный немного болѣе натуральной величины, представленъ въ такой же позѣ, какъ и на извѣстной статуѣ Флорентійскаго музея (см. Denkmäl. d. Kunst. I, 48, 219 *). Судя по отдѣлкѣ отдѣльных частей тѣла и положенію складокъ платья, г. Каввадій считаетъ этотъ памятникъ произведеніемъ римскихъ временъ, выполненнымъ, какъ копія, съ какой-либо статуи цвѣтущаго періода греческой скульптуры, можетъ быть, даже съ упомянутой флорентійской статуи ²⁾).

II. Двѣ мраморныя статуи стоящаго Асклепія, открытыя при раскопкахъ зданія А. Довольно близкое сходство этихъ статуй, какъ въ общей выдѣлкѣ, такъ и въ отдѣльных частяхъ, позволяетъ думать, что обѣ онѣ представляютъ копію какого-либо одного памятника. Однако, не смотря на это сходство, меньшая изъ статуй въ выполненіи короткаго лица бога уступаетъ большей, вслѣдствіе чего эти статуи принадлежатъ, по всему вѣроятію, рѣзцу различныхъ мастеровъ. Сохранились статуи не вполне: меньшая, на которой видны слѣды позолоты и желтой краски, отбита ниже голень, у большей не сохранился базисъ и ноги ³⁾).

III. Четвертая статуя Асклепія найдена въ разстояніи почти 30 мтр. къ востоку отъ храма бога; она сохранилась вполне и по обороту и выраженію лица, постановкѣ корпуса и даже положенію складокъ платья очень напоминаетъ вышеупомянутыя двѣ статуи. Асклепій представленъ стоящимъ около пня, на который онъ упирается

¹⁾ Исаевъ г. Каввадіемъ безъ транскрипціи въ 'Ефѣм. 'Арх. 1883 г., стр. 92, № 36; транскрипцію и нѣк. дополненія см. у Баунака, ук. соч. стр. 92—93.

²⁾ Описана въ *Практика* 1881 г., стр. 38.

³⁾ 'Ефѣм. 'Арх. 1885 г., стр. 50, табл. II, №№ 7 и 8.

правою рукою, держащею яблоко; на пень взползает спутница бога, змѣя. Въ художественномъ отношеніи этотъ памятникъ представляется произведеніемъ далеко несовершеннымъ: только лицо выдѣлано съ надлежащею тщательностью, остальные же части носятъ слѣды не оконченной работы ¹⁾).

IV. Въ 1885 г., при раскопкахъ зданія Г, найдена мраморная статуя Асклепіа, совершенно иного типа, чѣмъ описанные выше памятники.

Асклепій представленъ (выш. 0,80 мтр.) въ легкой и спокойной позѣ: онъ стоитъ, опершись лѣвою (отбитою) рукою на длинный посохъ подъ самыя мышцы; правая рука согнута къ боку. Голова, немного склоненная внизъ, съ длинными волосами и густою бородою украшена легкимъ покровомъ. Эту статую, сохранившуюся, правда, въ плохомъ видѣ, безспорно слѣдуетъ считать лучшею изъ вновь добытыхъ статуй бога-цѣлителя; по удачному выраженію лица, съ кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ, она можетъ уступать только извѣстной бронзовой статуѣ Асклепіа въ Берлинскомъ музеѣ ²⁾. На кругломъ базисѣ легко читается слѣдующая надпись шрифта IV в. по Р. X.:

Σεῖο, μάχαρ, Βουλαῖσιν ὑπ' ἀρρήτοισιν ὀνίροσ
ἀρητῆς γεγαώς ἰκόνα σὴν ἔθετο
Πλούταρχος κλεινῆς Θεοδάγμονος ἀτθίδος αἵης
ἀρχιερεὺς καθνοῦ ἱεροπόλοσ Βρομίου.
ἱεραπολήσασ ἔτουσ ΡΠΕ.

Изъ этой посвятительной надписи видно, что наша статуя принадлежитъ къ votivнымъ приношеніямъ ³⁾.

V. Наконецъ, упомянутая выше статуя сидящаго на тронѣ Асклепіа. Этотъ памятникъ, можетъ быть, представляетъ копию хризелефантинной статуи бога работы Эразимеда и по данной Асклепію позѣ очень напоминаетъ изображенія сидящаго бога преимущественно на эпидаврійскихъ монетахъ ⁴⁾. Статуя сильно пострадала отъ времени.

¹⁾ Ibid., № 9.

²⁾ См. Roscher, Ausführl. Lex. d. Griech. u. Röm. Myth., стр. 636.

³⁾ Издатель этой статуи еоръ г. Стансъ (Ἐφθμ. Ἀρχ. 1886 г., стр. 243 слѣд.) полагаетъ, что РΠΕ = 185 есть годъ отъ „εἰσ τὴν Ἑλλάδα ἐπιδημίας“ τοῦ Ἀδριανοῦ, потому что отъ этого событія, какъ высказалъ Фукаръ (*Le Bas*, II, 146, b), эпидаврійцы вели свое лѣтосчисленіе.

⁴⁾ См., напримѣръ, монеты въ *Berl. Blätt. für Münzk.* III, 30, 3; *Panofka* въ *Abhandl. der Königl. Akad. d. Wiss. Berlin.* 1845 г., стр. 395, табл. I, №№ 7, 8, 10.

Статуи Игіен.

I. Статуя Игіен изъ пентелизійскаго мрамора, отрытая въ 1881 г. при раскопкахъ театра между сценой и оркестрой. Голова богини съ половиною шеи, части рукъ отъ локтей и пальцы лѣвой ноги отбиты и не найдены, вслѣдствіе чего еще можетъ явиться сомнѣніе, дѣйствительно ли эта статуя представляетъ дочь Асклепіа Игіеню. Богиня изображена въ натуральный ростъ (1,54 мтр.); она стоитъ въ спокойной позѣ, опершись всею тяжестью тѣла на лѣвую ногу, правая же нога отдѣлена въ небольшомъ полуоборотѣ. Хитонъ, станный въ талию поясомъ, образуетъ по всему тѣлу ряды прямыхъ складокъ; поверхъ его короткая накидка (δῆλοϊς), которая, покрывая плечи богини, оставляетъ обнаженною часть груди; верхнею одеждою служитъ длинный иматій. Руки согнуты внизъ подъ угломъ, и въ нихъ богиня держала, вѣроятно, змѣю или чашу.

Этотъ памятникъ слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ цѣнныхъ находокъ, достойною подробнаго изученія на равнѣ съ самыми совершенными произведеніями греческаго искусства. Нашу статую почти безошибочно можно отнести къ архаическимъ произведеніямъ, какъ это видно изъ ровныхъ, параллельныхъ складокъ платья и изъ невозмутимаго спокойствія и величія, которыя художникъ вложилъ въ свое произведеніе. Къ такому заключенію приходитъ г. Каввадіи послѣ тщательнаго изученія статуи, и онъ же съ полнымъ вѣроятіемъ утверждаетъ, что этотъ художественный памятникъ, служившій исключительно для украшенія театра, долженъ быть отнесенъ къ эпохѣ полнаго разцвѣта аттической школы и своимъ творцомъ имѣлъ Поликлита въ началѣ его художественной дѣятельности, когда онъ, выйдя изъ школы Агелада, еще не вполне освободился въ своихъ произведеніяхъ отъ вліянія архаическихъ образцовъ греческаго искусства ¹⁾.

II. Двѣ статуи Игіен, отрытыя въ развалинахъ зданія Г. Обѣ онѣ, почти одинаковой высоты (0,57 и 0,52 мтр.), представляютъ вотивныя приношенія, какъ это доказываютъ сохранившіяся на базисахъ надписи. На одной статуѣ читается:

τῆ Ἰγείᾳ
γαῖος
ἱάτρα.

¹⁾ См. описаніе въ *Практика* 1881 г., стр. 29 — 38 (= *Ἀθήναϊον*, X, стр. 59—67).

На другой:

Δουράχος τῆ ἐραυ-
τοῦ Σωτήρη καὶ Τηλεσ-
φόρω.

Статуи принадлежать, вѣроятно, рѣзцу одного художника, такъ какъ при одной и той же идеѣ, вложенной въ оба памятника, видны, судя по общей ихъ композиціи, и одинаковые приемы выполнения. Въ частности статуи имѣютъ значительное различіе. Первая изображаетъ молодую дѣвушку въ длинномъ, доходящемъ до ногъ хитонѣ, съ приподнятыми подъ угломъ руками и наклоненною немного влѣво головой. Кругомъ тѣла въ три кольца обвивается большая змѣя, голова которой доходитъ до правой руки богини; лѣвая рука отбита, и въ ней Игіея, можетъ быть, держала чашу, изъ которой кормила змѣю. На второй статуѣ богиня, почти въ такомъ же одѣяніи, стоитъ съ пониженою головой и на правомъ плечѣ держитъ змѣю, которая вытянулась по правой рукѣ и на лѣвой части груди. Обѣ руки статуи отъ локтей не сохранились. Особое сходство этихъ статуй замѣчается въ одинаковомъ выполненіи головы и лица съ опущенными внизъ и пристально смотрящими глазами ¹⁾.

Статуи Аенны.

Во время раскопокъ святилища найдены три статуи Аенны изъ бѣлаго мрамора: двѣ изображаютъ „воинствующую“ Аенну въ полномъ вооруженіи, на третьей богиня стоитъ въ спокойной позѣ. Обѣ первыя статуи (выс. 0,72 и 0,64 мтр.), принадлежащія, можетъ быть, и разнымъ мастерамъ, выполняютъ одну и ту же идею: богиня какъ бы ведетъ за собою цѣлое войско и своимъ грознымъ, рѣшительнымъ движеніемъ ободряетъ его. На первой Аенна одѣта въ длинный хитонъ, въ лѣвой рукѣ она держитъ щитъ, а въ правой (отбитой) было, вѣроятно, копьё; на плечахъ надѣта эгида съ головою Медузы, а на головѣ высокій шлемъ, украшенный изображеніемъ сфинкса и грифова. Богиня представлена нападающею: она всѣмъ тѣломъ нагнулась на лѣвую ногу, она прикрылась щитомъ и обернула голову въ сторону слѣдующаго за ней войска, какъ бы предводительствуя имъ. На второй статуѣ богиня одѣта почти такъ же, только на головѣ у ней легкій шлемъ безъ украшеній; устремляясь впередъ, она нагнулась направо и вытянутою правою рукою показываетъ на нападающаго врага. Съ художественной точки зрѣнія оба памятника

¹⁾ Изданы въ 'Еφ. μ. 'Αρχ. 1886 г., стр. 248, табл. 11.

не представляют особенно цѣнныхъ экземпляровъ и должны быть отнесены скорѣе къ произведеніямъ какого-нибудь зауряднаго мастера, подражавшаго лучшимъ образцамъ ¹⁾. На базисахъ статуй сохранились посвянительныя надписи; на первой:

'Αθηνᾶ ὑγαία ὁ ἱερεὺς τοῦ Σωτήρος
'Ασκληπιοῦ Μᾶρ(κος) Ἰούν(ιος) Δαδοῦχος τὸ
РПА.

На второй:

. . . θεοῦ π]ροσταγῆ Ἀλέξανδρος τῆν
'Αθηναίαν τῆ Ἀρταμίδι ²⁾.

Кромѣ того, нѣкоторыя мѣста покрыты красною краской, слѣды которой особенно ясны на эгидахъ и на щитахъ богинь.

На третьей статуѣ значительно меньшихъ размѣровъ (0,49 мтр.) Аенна спокойно стоитъ, упираясь болѣе на правую ногу; на богинѣ длинный хитонъ съ подборами и низкій шлемъ, изъ-подъ котораго падаетъ широкая коса. На базисѣ статуи надпись:

Πατροχα[σιγνήτ]ην Ἀσκληπιῶ εἵσατ' Ἀθήνην
'Ασκάλου ἐκ γαίης σῶστρα φέρων γενέθλις
. . . ἐπὶ ἱερέ]ως Δὺρ. Νικέρωτος ³⁾.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся статуй, слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ находкахъ: статуяхъ Афродиты и Ливіи(?). Оба памятника сильно пострадали. Первая найдена въ нѣсколькихъ частяхъ, которыя все-таки не даютъ цѣлой статуи (выс. 1,51 мтр.); богиня одѣта въ длинный хитонъ, спускающійся съ праваго плеча и оставляющій обнаженною всю правую часть корпуса. Черезъ правое плечо надѣтъ ремень, на которомъ висѣлъ, по всему вѣроятію, мечъ ⁴⁾. Статуя Ливіи представляетъ женщину въ римскомъ платьѣ, очень похожую на изображение Ливіи на статуѣ изъ Помпей ⁵⁾. Отъ статуи, открытой при раскопкахъ театра, не найдены голова и правая рука отъ локтя, и потому г. Каввадій считаетъ ее изображеніемъ Ливіи только на основаніи упомянутаго сходства, а

¹⁾ Подобныя изображенія воинствующей Аены уже известны на монетахъ, см. *Beulé, Monnaies d'Athènes*, стр. 390.

²⁾ Надписи приняты съ дополненіями г. Петерсена, который описаннымъ изображеніемъ Аены посвятилъ прекрасную статью въ *Mittheil. d. deutsch. arch. Inst. in Athen* 1886 г., стр. 309—321.

³⁾ Въ три статуи изданы въ 'Εφημ. Ἀρχ. 1886 г., стр. 250 сл., табл. 12.

⁴⁾ Издана въ 'Εφημ. Ἀρχ., *ibid.*, табл. 13.

⁵⁾ *Denkm. d. Kunst*, I, 68, 370.

отъ поднаго утверждѣнія отказывается, хотя въ этомъ же мѣстѣ найденъ пьедесталь отъ другой статуи со слѣд. надписью:

Ἄ Ο δᾶ[μος ὁ Ἐπι]δαυρίων
 Δείβαν Καίσαρος Σεβαστοῦ
 γυναικα ¹⁾.

Таковы результаты археологическихъ раскопокъ Эпидаврійскаго святилища Асклепіа за 1881—1884 гг. Но за это время, не смотря на значительный трудъ, было разрыто далеко не все мѣсто священнаго округа, поэтому весьма желательно, чтобы Аѳинское археологическое общество нашло время и средства окончить и эти раскопки съ такою же тщательностью, какою вообще отличаются подобныя его предпріятія. Слѣдуетъ надѣяться, что оно лишь временно прекратило здѣсь свои труды, такъ какъ 1884 годъ уже и такъ дорого обошелся обществу: оно разрыло въ это время Оропійское святилище Амфіарая, произвело блестящія раскопки въ Елевсінѣ и начало изслѣдованія въ Пирѣѣ и другихъ мѣстахъ. Оно одно, не жалья трудовъ и денегъ, трудится на общую пользу и не имѣетъ со стороны почти никакихъ поддержекъ.

Мы не будемъ оцѣнивать добытый раскопками историческій матеріалъ, благодаря которому въ настоящее время почти спала густая завѣса, закрывавшая для насъ устройство и сущность совершенно особыхъ оракуловъ древности. Матеріалъ этотъ, цѣнный вообще для историка, особое значеніе имѣетъ для исторіи медицины, и мы увѣрены, что добросовѣстному изслѣдователю въ этой области вполне удастся оправдать оракулы бога-цѣлителя отъ тѣхъ осужденій, которыми забросала ихъ исторія въ лицѣ ученыхъ, на столько омраченныхъ сатирою Аристофана и суетвѣріемъ слабоумнаго Элія Аристида, что для нихъ этотъ общій всѣмъ древнимъ народамъ обычай, будучи простымъ шарлатанствомъ со стороны жрецовъ святилищъ, основывался лишь на безотчетной вѣрѣ больныхъ, но болѣе рациональныхъ основаній не имѣлъ.

Подобныя сужденія заранѣе можно назвать поверхностными и предвзятыми. Оракулы Асклепіа жили дольше не только другихъ подобныхъ оракуловъ, но и вообще всѣхъ прорицалищъ древней Греціи. Чѣмъ же слѣдуетъ объяснить этотъ фактъ, уже самъ по себѣ говорящій противъ мнѣній порицателей? Очевидно, въ этомъ случаѣ имѣла значеніе цѣль такихъ оракуловъ, то-есть, если прочіе ора-

¹⁾ См. Πρακτικὰ 1881 г., стр. 39; здѣсь же описана и статуя Ливіи

кулы грековъ, рожденные, дѣйствительно, только вѣрой, служили лишь для удовлетворенія религіознаго чувства, то не таково было назначеніе оракуловъ бога-цѣлителя Асклепіа. Не имѣя полнаго основанія назвать ихъ лѣчебными учрежденіями, подобными современнымъ больницамъ, но лишь на ихъ началахъ, мы не можемъ однако отрицать и того, что они, по крайней мѣрѣ во время еще неполнаго развитія греческой медицины, были главными лѣчебными пунктами, разсыпанными по всей Греціи; это были утилитарные оракулы, прилѣпленные къ требованіямъ жизни, и потому, совершенно естественно, они существовали до тѣхъ поръ, пока съ паденіемъ язычества не измѣнился и строй жизни. Въ противоположность другимъ оракуламъ, оставшимся во все время своего существованія на тѣхъ чисто религіозныхъ началахъ, которыя мѣшали усовершенствованію самой формы прорицанія, инкубационные оракулы Асклепіа подвергались измѣненію и постепенному развитію, что вывело ихъ на другой путь, проложенный по стопамъ научной медицины: для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить приведенныя выше надписи испѣлений съ надписью Ю. Апелласа. Пали всѣ оракулы древности, пали безслѣдно; только оракулы Асклепіа, завершившіе это паденіе, оставили глубокіе слѣды въ древней медицинѣ: они начали ее, давъ ей особое почетное и даже священное значеніе и тѣмъ возвысивъ ея представителей, они не мало послужили и развитію этой науки, воспитавъ ея основателя Иппократа, наконецъ, въ періодъ ея процвѣтанія они шли вмѣстѣ съ нею, пользуясь въ своей дѣятельности ея успѣхами.

Можно ли поэтому смѣяться надъ греками, самымъ просвѣщеннымъ народомъ древнаго міра, и надъ ихъ обычаемъ, создавшимъ науку? Можно ли думать, что этотъ обычай поддерживался только слѣпою вѣрой? Это не былъ варварскій обычай, и христіанство, создавъ лучшее, погубило все-таки не отжившее, худое, да и погубило то особымъ образомъ: оно разбило его по частямъ, и лучшія изъ нихъ все-таки остались, перейдя въ обычай христіанъ. Оракулы Асклепіа пали не такъ, какъ оракулы другихъ божествъ, они постепенно угасали, пошатнулись въ силу удѣла, общаго всему земному, созданному человѣкомъ: еще древній Гераклитъ изрекъ свое *πάντα ῥεῖ*.

И. Александровскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН .

1. (6-го февраля 1890 года). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній для инородцевъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ	3
2. (13-го февраля 1890 года). О правахъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній Сѣвернаго Кавказа по воспитанію дѣтей на казенный счетъ	9
3. (13-го февраля 1890 года). О расходѣ на устройство и содержаніе кабинета по анатоміи и физиологіи растений при Императорской Академіи Наукъ	—
4. (24-го февраля 1890 года). Объ учрежденіи при Тульскомъ реальномъ училищѣ трехъ стипендій	10
5. (8-го апрѣля 1890 года). О причисленіи однокласснаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ фортѣ Александровскомъ, Закаспійской области, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, въ IV-му разряду учебныхъ заведеній	29

Высочайшій приказъ по министерству народнаго просвѣщенія.

(16-го декабря 1889 года)	11
-------------------------------------	----

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

1. (20-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершихъ дерптскаго 2-й гильдіи купца Петра Ивановича Рундальцева и жены его Ольги Михайловны Рундальцевой при Дерптскомъ городскомъ училищѣ	13
2. (22-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени маіора Василя Николаевича Чубровскаго при Александровской Борисоглѣбской прогимназіи	—
3. (8-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени камергера Двора Его Императорскаго Величества Александра Васильевича Шереметева	14
4. (8-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы ротмистра Маріи Петровны Шугуровой при Тверской Маріинской женской гимназіи	15
5. (23-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени супруги шталмейстера двора Его Императорскаго Величества Юліи Михайловны Судяенко при Владимірской женской гимназіи	29
6. (27-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи при Тамбовской гимназіи въ память столѣтія со дня открытія, 22-го сентября 1786 года, Тамбовскаго главнаго народнаго училища	30
7. (27-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи Ковенскаго окружнаго суда въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей Имъ опасности 17-го октября 1888 года	31
8. (28-го апрѣля 1890 года). Положеніе о пожертвованномъ Императорскому Московскому техническому училищу капиталѣ имени умершаго коммерціи совѣтника Василя Александровича Бокорева	33
9. (28-го апрѣля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Федоровича Крамсакова при Новочеркасской гимназіи	34

ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го ноября 1889 года, № 9	16
--------------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Руководство для преподаванія римско-католической литургіи. Изданіе 2-е“	22
О книгахъ <i>А. Н. Острогорскаго</i> , изданныхъ книгопродавцемъ <i>Луковниковымъ</i> : 1) „У рабочихъ людей. Сборникъ разказовъ. Изданіе 2-е“;	

2) „Дѣтскій альманахъ. Сборникъ разказовъ. Изданіе 3-е“; 3) „Листокъ бумаги и старыя книги. Два разказа“; 4) „Безпокойная ночь. Разказъ“;	
5) „Георгъ Краббъ—англійскій поэтъ“	22
О брошюрѣ: „Сборникъ арифметическихъ правилъ, примѣровъ и задачъ. Составилъ <i>М. Г. Кучерскій</i> “	—
О книжкахъ <i>В. П. Юрлова</i> , преподавателя Вятской Маріинской гимназіи: 1) „Состояніе города Вятки въ царствованіе императрицы Екатерины II“; 2) „Вятка въ рукописныхъ памятникахъ старины“; 3) „Исторія герба города Вятки“, 4) „Народное образованіе въ Вятской губерніи въ царствованіе императрицы Екатерины II“; 5) „Вятская гимназія въ первыя свои восемь лѣтъ (1811—1819 г.)“; 6) „Историческое описаніе Благовѣщенской церкви села Ржавополомскаго Вятскаго уѣзда“; 7) „Вятская старина. Выпускъ I“	—
О книгахъ: 1) „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Ф. Брандт</i> . Изданіе 4-е“ и 2) „Deutsche Chrestomatie. 2-te Auflage“	—
О книгѣ: „ <i>П. Смирновскій</i> . Приготовительный курсъ русской грамматики“	24
О книгѣ: „Историческая хрестоматія. Выпускъ V. Составилъ <i>В. Шкросскій</i> “	—
О книжкѣ: „ <i>Бойцель</i> . Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перевелъ со 2-го нѣмецкаго изданія, обработаннаго <i>Эмилиемъ Санто, К. Зембергъ</i> “	—
О книжкѣ: „ <i>А. Воронскій</i> . Учебникъ всеобщей географіи въ трехъ курсахъ. Курсъ третій. Европа“	—
О книгѣ, изданной <i>Н. Ильминскимъ</i> : „Святое Евангеліе Господа нашего Ісуса Христа“	—
О книгѣ: „Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII. Изданіе 4-е. Составилъ <i>А. Бламбергъ</i> “	—
О книгѣ: „О заговорѣ Катилины (De conjuratione Catilinae) Саллюстія. Издалъ <i>Д. Науесскій</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „ <i>Д. Науесскій</i> . Энеида <i>Виргилия</i> (Vergilii Aeneis). Часть II. Книги IV—VI. Изданіе 2-е. Часть III. Книги VII—IX“	25
О книгѣ: „Высокопреосвященный Іосифъ (Съмашко), митрополитъ Литовскій и Виленскій. Сочиненіе священника <i>Николая Изеткова</i> “	35
Объ изданіи <i>В. В. Бобынина</i> : „Русская физико-математическая библиографія. Томъ I. Выпуски I, II и III“	—
О книгѣ: „Нѣмецко-русскій горно-техническій словарь. <i>В. Бена</i> “	—
О книгѣ: „Урокъ по „Пространному христіанскому катихизису православныя славянскія восточныя церкви“. Составилъ протоіерей <i>Григорій Тимошъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Классная бібліотека греческихъ и римскихъ авторовъ: <i>Ксенофонтъ</i> . Отступленіе десяти тысячъ. Изданіе <i>Андрея Адольфа</i> “	36
Объ изданіи: „Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ <i>Н. Д. Малашикинъ</i> “	—
Объ изданіи: „ <i>F. W. Putzger</i> . Historischer Schul-Atlas zur alten, mittleren und neuen Geschichte. 14-te Auflage“	—
О книгѣ: „Au coin du fen (У камина), par <i>Émile Souvestre</i> . Издалъ <i>А. Алексеевъ</i> “	—

Объ альбомъ <i>К. Далматова</i> : „Русскія вышивки“	36
О книгѣ: „Курсъ кройки. Составила <i>Вера Васильевна Шишмарева</i> . Издание 2-е“	—
О книгѣ: „Ревизоръ. Комедія. Сочиненіе <i>Н. В. Голяя</i> . Первоначальный сценический текстъ, извлеченный изъ рукописей <i>Николаемъ Тихомировымъ</i> “	37
О книгѣ: „ <i>Lucianus Samosatensis</i> . Издавъ <i>Ив. Мамаричъ</i> . Изд. 3-е“	—
О книжкѣ: „ <i>Л. Фиманъ</i> . Сборникъ примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ. Издание 2-е“	—
О книжкѣ: „ <i>Richard Kainth</i> . Methodische-geordnete arithmetische Aufgaben. 4-tes Heft“	—
О книгѣ: „Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе <i>П. О. Бобровскаго</i> “	—
О книгѣ: „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе <i>В. Тельнова</i> “	—
О книгѣ: „Проф. <i>Э. К. Брандтъ</i> . Популярная зоологическая энциклопедія. Млекопитающія“	38
О книгѣ: „ <i>Е. Сысоева</i> . Актея. Повѣсть изъ древней греческой жизни. Издание 2-е“	—
О сочиненіяхъ <i>А. Н. Острогорскаго</i> : 1) „Въ своемъ кругу. Издание 2-е“; 2) „Прерванная вечеринка“; 3) „Дробинка“; 4) „Рыбы“; 5) „Рыбаки на Волгѣ“; 6) „Друзья и враги сельскаго хозяина“	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Составилъ <i>К. Ф. Петровъ</i> . Издание 4-е“	25
О книгѣ: „Ариметика на счетахъ. Составилъ <i>М. Н. Кудрявцевъ</i> . Издание 8-е“	—
О книгѣ: „Разныя гадки. О пользѣ и вредѣ ихъ. Составилъ по Бремю и Франкшму <i>Ив. Шрамченко</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>И. И. Неодолѣвымъ</i> : 1) „Кочитать бы!“; 2) „Кичливая и счастливая“; 3) „Безъ елка“; 4) „Отъ Николая“; 5) „Малышъ“, и о брошюрѣ „Мятежь“	—
О книгѣ: „Царь Алексѣй съ оземломъ. Историческій разказъ <i>Г. И. Данилевскаго</i> . Издаше С.-Петербургскаго комитета грамотности“	—
О книгѣ: „Начальная физика для городскихъ училищъ и семинарій. Составилъ <i>С. Ковалевскій</i> “	30
О книгѣ: „Лучъ. Составилъ <i>Г. М. Дельченко</i> . Издание 2-е“	—
О книгѣ: „Гайавата (<i>The song of Hiawatha</i>). Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. <i>Герцъ Лонгелло</i> . Переводъ и предисловіе <i>Д. Л. Михайловскаго</i> “	—
О книгѣ: „За чужимъ горбомъ. Повѣсть“	39
О книгѣ: „Начальная книжка для обученія русскому языку. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> . Издание 3-е“	—

О книгѣ: „Первая помощь до прихода гѣваря. Составилъ Н. Н. Болословскій. Изданіе „Народной библиотеки“	39
О книгѣ: „Два міра. Повѣсть. Передѣлана съ французскаго Бж. Бекетовой“.	—
О книгѣ: „Курсъ практической педагогики. Составилъ С. А. Вобровскій. Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Основы обученія русскому языку въ народной школѣ. Изданіе 2-е. Н. Горбова“	—
О книгѣ: „Учебный курсъ географіи Новгородской губерніи (родиноуѣдвіе). Составилъ Иванъ Можайскій. Изданіе 2-е“	—
О составленныхъ учительницею народнаго училища Е. Г.: 1) „Прописи правописанія. Элементарная практическая грамматика. Тетрадь I“; 2) „Руководство къ „Прописи правописанія“ и диктанты. Тетрадь I“	40
О книгѣ: „Задачникъ и ариметика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е. Составилъ И. С. Виноградовъ“.	—
О книгѣ: „Исторія маленькаго лярда. Повѣсть Франсиса Бернета. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Е. Сысоевой. Изданіе А. Деріена“	—
О книгѣ: „Учебникъ русскаго языка. Часть I. Этимологія. Составилъ Алексій Новопашенный“	40
О еженедѣльномъ литературно-художественномъ журналѣ „Сѣверь“, издаваемомъ Всеволодомъ Соловьевымъ“	—
Открытіе училищъ	26
Тринадцатое присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

И. Н. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ (окончаніе)	1
А. Н. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ (продолженіе).	56
М. И. Каринскій. Безвѣчное Лизксимаидра	74 и 223
Изъ воспоминаній профессора В. И. Лапина	120
И. А. Шляевъ. Георгій Писидійскій и его поэма о миротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года	264

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Ѡ. Платоновъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Н. Д. Чечулина. С.-Пб. 1889	140
Ѡ. Г. Мищенко. Федерация этолянъ и ахейя	154
С. Л. Пташницкій. Любомиръ, Н. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1890	164
А. С. Будиловичъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Е. В. Барсова. Томъ III. М. 1890.	172
П. А. Сырку. Болгарская этнографія	188

Н. Д. Чечулинъ. Отвѣтъ рецензенту „Русской Мысли“	203
М. О. Кояловичъ. Русская греко-униатская церковь въ царство- ваніе императора Александра I. <i>И. О. Боброекаго</i> . С.-Пб. 1890	295
В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племя Кавказа. Вып. IX. Тифлисъ. 1890.	363
Э. А. Вольтеръ. Новые матеріалы для изученія литовскаго име- нослава	376
Книжныя новости	213 и 384

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. Д. Вейсманъ. Къ вопросу о преподаваніи новѣйшихъ язы- ковъ, французскаго и нѣмецкаго, въ гимназіяхъ	1
Наша учебная литература (разборъ 18 книгъ)	8 и 37
А. Д. Вейсманъ. Отвѣтъ редактору журнала „Гимназія“	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Е. Ф. Шмурло. Восьмой археологическій съездъ	1 и 83
Наши учебныя заведенія: I. Московскій университетъ въ 1889 году	147
II. Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ (<i>продолженіе</i>)	48 и 159
А. И. Введенскій. Научная дѣятельность М. И. Владиславлева.	181
Е. В. Барсовъ. Г. Ф. Карповъ (<i>некрологъ</i>).	212
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	71
Э. Т. Письма изъ Рима	216

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

И. В. Нетушилъ. Экзегетическія замѣтки къ Каталлу	49
L. Mueller. De Horatii epistularum II, 1, 50—62	59
В. Э. Регель. О мѣстоположеніи древнихъ Абдеръ	75
Н. А. Александровскій. Раскопки Епидаврійскаго святи- лища Аскленія	81

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ

изданія учрежденной по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней Издательскаго общества.

- 1) Уничженіе на землѣ Господа нашего Ісуса Христа. Изданіе 3-е. Съ изображеніемъ. Цѣна 8 к.
- 2) Церковь Христова со временъ Апостоловъ. Свящ. Оватовича и Кочетова. Изд. 2-е. Съ изображ. Ц. 15 к.
- 3) Жизнь Божіей Матери. Свящ. М. Соколова. Изд. 6-е. Съ изображ. Воеводицы. Ц. 10 к.
- 4) О Богослуженіи Православной Церкви. Свящ. М. Соколова. Изд. 4-е. Ц. 10 к.
- 5) Великій постъ. Чтеніе свящ. М. Соколова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
- 6) Святый Василій Великій. Составилъ Ѳ. Четыркинъ. Съ изображ. Ц. 7 к.
- 7) Святый Григорій Богословъ. Составилъ Ѳ. Четыркинъ. Съ изображ. Ц. 7 к.
- 8) Жизнь Св. Николая Чудотворца. Свящ. М. Соколова. Изд. 4-е. Съ изображ. Святителя. Ц. 8 к.
- 9) Житіе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Маріи и двухъ сыновей его Іоанна и Аркадія. Составила Евгенія Туръ. Съ изображ., рисованнымъ профессоромъ Солдцевымъ. Ц. 10 к.
- 10) Св. Тихонъ, Епископъ Воронежскій и Задонскій. Прот. Михайловскаго. Съ 8-мя изображ. Ц. 15 к.
- 11) Іоаннъ Дамаскинъ. Выдержки изъ поэмы гр. А. Толстаго. Ц. 3 к.
- 12) Отшельникъ. Алексій Человѣкъ Божій. Бориса Алмазова. Ц. 5 к.
- 13) О жизни и подвигахъ Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго, вѣдствіи Митрополита Московскаго. Составлено по книгѣ И. П. Барсукова. Съ портр. преосвящ. Иннокентія. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 14) История Св. Земли въ краткомъ изложеніи. А. Владиміровой. Съ картинкою Ц. 15 к.
- 15) Русскіе богомольцы въ Св. Землѣ. Чтеніе 1-е. Путь въ Святую землю. Съ картою пути. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 16) То же. Чтеніе 2-е. Святый градъ Господень Іерусалимъ. Съ планомъ Іерусалима. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 17) То же. Чтеніе 3-е. Святая Земля—Палестина. Съ картою Палестины. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 18) Русскіе богомольцы на Синаѣ. Чтеніе первое. Путь къ Синаю. Чтеніе второе. Синай и его святыни. Составлено Екатериною Бертенсонъ. Съ картою. Ц. 15 к.

- 19) О древнихъ Египтянахъ и о землѣ Египетской. Съ картою. Ц. 5 к.
- 20) Богомольцы у святынь Нѣва. Лавра. И. и В. Хрущовыхъ. Изд. 4-е. Съ хромолит. картин. Ц. 20 к.
- 21) Богомольцы у святынь Нѣва. Старый Кіевъ. И. П. Хрущова. Съ хромолит. изображеніемъ Нерушимой стѣны на зѣлотомъ фонѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 22) Свято-Троицкая Сергіева Лавра. И. И. Петрова. Изд. 2-е. Съ изображ. Ц. 12 к.
- 23) О славной Бѣлозерской обители и ея основателѣ преподобномъ Кириллѣ. Т. Толычевой. Съ картин. Ц. 10 к.
- 24) Валдайская обитель. Съ картин. Ц. 8 к.
- 25) Новый Іерусалимъ. (Воскресенскій Монастырь). Съ картин. Ц. 8 к.
- 26) Соловецкая обитель. А. Владиміровой. Съ картин. Ц. 12 к.
- 27) Святыни Великаго Новгорода. Ц. 10 к.
- 28) Святая Почаевская Успенская Лавра. Состав. Ѳ. Четыркинъ. Съ картин. Ц. 8 к.
- 29) Московскій Кремль. Два чтенія: I. Святыни Кремля. Ц. Дворцы, палаты и другія достопримѣчательности. А. М. Плечко. Ц. 10 к.
- 30) Крестные ходы въ Москвѣ. Съ рисунк. Ц. 5 к.

Малендарь Православной Церкви. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 70 коп., стр. 200, съ изображеніемъ сонма святыхъ, рис. профессоромъ Солнцевымъ.

Исторія всемірная и русская. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 коп.

Житія святыхъ, выбранныя и сокращенно изложенныя, и праздники православной церкви. Стр. 254. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Назначеніе менщины по ученю слова Божія. Протоіерея Д. П. Соколова. Изданіе 2-е. Ц. 20 к.

Путешествіе Государя Императора Александра III въ первое лѣто его царствованія. Ц. 40 к., и другія изданія историческаго содержанія, по географіи, естествовѣдѣнію, и беллетристическія всего числомъ 59.

Книги эти продаются въ складѣ Комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ—Малая Итальянская, д. № 38, и въ книжныхъ магазинахъ:

Въ С.-Петербургѣ—Н. Фену и К^о, Карбасникова, Луковникова, Стасюлевича, Тузова и Панафидина, въ Москвѣ—Думнова и Тихомировой, въ Варшавѣ—Карбасникова, въ Вильнѣ—Сыркина, въ Воронежѣ—Юркевича, въ Екаторинбургѣ—Блохиной, въ Екаторинславѣ—Шафермана, въ Назани—А. А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ Нѣвѣ—Динтера, въ Курскѣ—Кашкина, въ Новочеркасскѣ—Ананьевова, въ Одессѣ—Распопова, въ Пензѣ—Алексѣева, въ Симферополѣ—Шматько, въ Тамбовѣ—Богородично-Казанскаго миссіонер. Братства, въ Тифлисѣ—Центральной книжной торговли, въ Томскѣ—Макушнина и Михайлова, въ Харьковѣ—Полухтова, въ Черниговѣ—Кранца, въ Ярославлѣ—Фалька.

НОВАЯ КНИГА:
„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Сост. А. РАДОНЕЖСКИЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныя училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныя семинаріи.

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ:

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКИЙ.

ИЗДАНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ высшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтской и женскихъ гимназій.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕЖСКИЙ. Изданіе третье 1898 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

1-го МАЯ вышла и разослана подписчикамъ V-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Воспоминанія академика Николая Ивановича Кошарова, 1818—1859 гг. — II. Дневникъ академика А. В. Никитенко, 1854—1855 гг. — III. Записки сенатора Владимира Ивановича Дена, 1855—1856 гг. — IV. Памятныя замѣтки Е. Н. Моллеръ, рожд. Муравьевой, 1820—1872 гг. — V. Императоръ Николай Павловичъ: 1. Воспоминанія Теобальда. — 2. Разсказы служащихъ. — VI. Владимиръ Федостевичъ Раевскій: его стихотворенія, 1822—1842 гг. — VII. Воспоминаніе О. А. Прицлавскаго: митроп. Головинскій, 1807—1855 гг. — VIII. Петровскій Полтавскій надетскій корпусъ, 1852—1859 гг. — IX. Болгарское ополченіе въ 1876—1878 гг. (Оконч.). — X. Николай Гавриловичъ Чернышевскій, род. 1828 г., † 1889 г. — XI. Императорское минералогическое общество: XXV-ти лѣтній юбилей президентства въ немъ е. и. в. князя Николая Максимиліановича Романовскаго. — XII. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, 1790 (мая 15-го) 1890 гг. — XIII. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: Королевичъ Вольдемаръ въ 1644 г. — Штуденты 1712 г. — Кадетскіе смотры 1734 г. — Арсеній Мадцевичъ. — Пугачевъ. — Курица, исслѣд. проф. Фишера, 1815 г. — Табачникъ и порячитель. — Пушкинъ въ Малоархангельскѣ. — Лугининъ. — О. Ф. Миллеръ. — Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. — Стихотв. К. Р. — Бальмонтъ, стихотв. — XIV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ сенатора генер.-лейт. Владимира Ивановича Дена, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1890 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ у Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Иногородные обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7.

«Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей», третій выпускъ, цѣна ОДИНЪ руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ ЧЕТВЕРТЫЙ. Цѣна ОДИНЪ руб. съ перес. (вмѣсто 3 руб.).

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеvскій.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ЮНЯ вышла и разслана подписчикамъ VI-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Воспоминанія академика Николая Ивановича Кошарова, 1818—1856 гг. (окончаніе)—II. Дневникъ влад. Александра Вас. Минитенко, 1855 г.—III. Записки сенатора Вл. Ив. Дена, 1856—1857 гг.—IV. Николай Васильевичъ Гоголь. Письма къ нему А. О. Смирновой, 1845—1846 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ.—V. Двадцати-пяти-лѣтняя годовщина взятія Ташкента М. Г. Черняевымъ 1865 г.—15-го юнія—1890 г.—VI. Русскіе писатели первой четверти XIX-го вѣка: М. М. и Е. В. Жерасковы.—А. Е. Измайловъ.—И. И. Дмитриевъ.—И. А. Дмитриевскій.—Н. М. Карамзинъ.—М. Т. Каченовскій.—II: М. Строевъ.—VII. Изъ жизни императора Николая I. Рассказъ А. А. Кардиналовскаго.—VIII. Кн. Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Варшавскій: 1. Письмо его, 1854 г.—2. Последніе дни жизни и его кончина, дек. 1855 г. и янв. 1856 г.—IX. Заѣтти изъ воспоминаній кн. Н. С. Голлицы: Н. И. Гречъ.—Н. А. Полевой.—А. П. Башуцкій.—Ф. Н. Глинка.—Русскія одежды въ XVIII и XIX вв.—X. Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій, † 1888 г., очеркъ г. Сидорскаго.—XI. Павелъ Дмитриевъ. Ниселевъ и Петръ Яковлевичъ Корниловъ, очеркъ Ф. П. и И. П. Корниловыхъ.—XII. Материалы, заѣтти и стихотв.: Екатерина II въ 1780 г.—Художн.-акварелистъ П. Ф. Соколовъ, 1788—1848 гг.—Турусы на колесахъ.—И. В. Турчаниновъ, 1848 г.—Камергеръ Яковлевъ.—Полковникъ Сабшинскій, 1854 г.—М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ.—Къ исторіи цензуры 1849 г.—Исправительная мѣра до 19-го февраля 1861 г.—Стихотворенія К. К. Р.—XIII. Библиографическій списокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ перваго по времени и искуству русскаго акварелиста Петра Федоровича Соколова. Фототипическій снимокъ съ портрета, исполненнаго Брюловымъ. Снимокъ исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовл. Госуд. бумагъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1890 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ магазинѣ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ у Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Иногородные обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7.

«Альбомъ портретовъ русскіхъ дѣятелей», третій выпускъ, цѣна ОДИНЪ руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскіхъ дѣятелей, выпускъ ЧЕТВЕРТЫЙ. Цѣна ОДИНЪ руб. съ перес. (вмѣсто 3 руб.).

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеvскій.

НОВАЯ КНИГА: „УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Сост. А. РАДОНЕЖСКИЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКИЙ.

ИЗДАНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класнаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскіяхъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕЖСКИЙ. Изданіе третье 1888 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класнаго и вѣкласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

MAR 2 1980

MAR 23 '95

RECEIVED

MAR 15 1995

CIRCULATION DEPT.

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

YU 22675

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042144074

843068

STORAGE
ANNEX

L451

A4

v 269

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

